

**Динамика социальной
трансформации российского общества:
региональные аспекты**

*Материалы V Тюменского
международного социологического форума*

5 - 6 октября 2017 г.

Тюмень, 2017

Тюменский государственный университет
Тюменская областная Дума
Правительство Тюменской области
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Тюменский индустриальный университет
Сургутский государственный университет
Тюменское областное отделение Академии социальных наук

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

*Материалы V Тюменского
международного социологического Форума*

5 – 6 октября 2017 года

Тюмень, 2017 г.

УДК 316.4
ББК С524.126

Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: *Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 5 – 6 октября 2017 г.* – [электронный ресурс] – Тюмень: Тюменский государственный университет, Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Тюменский индустриальный университет, Сургутский государственный университет, Тюменское областное отделение Академии социальных наук, 2017. – 1 электр. оптич. диск (CD-R).

Редакционная коллегия:

Акулич М.М. (председатель)
Ромашкина Г.Ф.
Давыденко В.А.
Андрианова Е.В.
Чеблаков А.Л.

В сборнике представлены материалы пятого Тюменского международного социологического Форума «Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты». Рассматриваются актуальные теоретические и прикладные проблемы изменений, происходящих в духовной, социальной, экономической, политической сферах. Особое внимание уделено региональным особенностям, изучению практик государственного регулирования трансформационных процессов.

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-906134-13-4

- © Тюменский государственный университет, 2017
- © Тюменская областная Дума, 2017
- © Правительство Тюменской области, 2017
- © Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2017
- © Тюменский индустриальный университет, 2017
- © Сургутский государственный университет, 2017
- © Тюменское областное отделение Академии социальных наук, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для перехода на секцию в оглавлении следует кликнуть на номер секции

Для перехода в начало оглавления следует кликнуть на слово «В ОГЛАВЛЕНИЕ» в правом нижнем углу страницы

[Доклады](#) на пленарном заседании

[Секция № 1](#) Культура, идеология, религия в современном обществе: тенденции, детерминанты, факторы

[Секция № 2](#) Особенности развития института образования в России и за рубежом, трансформации региональных образовательных подсистем

[Секция № 3](#) Политико-управленческий контекст социальных трансформаций в российских регионах

[Секция № 4](#) XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Сравнительный анализ процессов социокультурной и socioэкономической модернизации в регионах России: полипарадигмальный подход»

[Секция № 5](#) Социальные трансформации в экономической сфере жизнедеятельности российских регионов: тенденции, детерминанты, факторы

Для перехода на статью следует кликнуть на фамилию автора

Доклады на пленарном заседании

[Голенкова З.Т.](#) Социальные аспекты трудового поведения населения в современной России

[Латов Ю.В.](#) Межпоселенческая дифференциация распространения модернизационных социокультурных ценностей в современной России

Секция № 1

Культура, идеология, религия в современном обществе: тенденции, детерминанты, факторы

[Акулич М.М., Ильина И.В.](#) Моральная социализация в современном обществе

[Антонова Н.Л., Данилова А.В.](#) Повседневные перемещения в досуговых практиках как условие социального самоопределения молодежи

[Басимов М.М.](#) Близость с товарищами по учёбе как причина нелинейного процесса формирования ощущения близости с различными группами

[Басимов М.М.](#) Близость с соседями как причина нелинейного процесса формирования ощущения близости с различными группами

[Басимов М.М.](#) Взгляды на жизнь как причина нелинейного процесса формирования ощущения близости с различными группами

[Батырева М.В., Голованова Ю.И.](#) Трансформация территориальной мобильности и туризма в современном обществе

[Белоножко Л.Н.](#) Влияние виртуальной среды на трансформацию ценностных ориентаций молодежи

[Болтаевский А.А., Резмерица К.В.](#) Основные тенденции развития безбарьерного туризма в России

[Борзунов В.А., Коновалова Т.С.](#) Стрит-арт глазами российского общества

[Бороноев А.О.](#) Проблемы социокультурного развития сибирского региона: ментальные основания

[Вишневский С.Ю., Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Чевтаева Н.Г.](#) Анализ демографических процессов и научное обоснование региональной молодежной политики

[Гераскин Г.В., Терёхина Ю.И.](#) Личностное здоровье ребенка в социально-духовном контексте

[Гимадеева Д.Р.](#) Трансформация социальной мобильности в современной России под воздействием интернетизации

[Грошева И.А., Грошев И.Л.](#) Армия и общество: компаративный анализ социальных практик гражданского контроля

[Гутова С.Г.](#) Социокультурные процессы в молодежной среде

[Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А.](#) Индекс семейного потенциала России

[Евсеев Е.А., Ковалев И.В., Флягин А.А.](#) Поддержка политической оппозиции в российской глубинке: штрихи к портрету на основе метода нечеткого анализа

[Ефанов А.А.](#) Трансформация моральных паник в условиях модернизации информационного общества

[Ефимов Е.Г.](#) Моральная паника в отношении социальных сетей как фактора суицидальной активности молодежи (сравнительный анализ американской и российской модели)

[Захарова Е.М.](#) Актуальные проблемы трансформирующегося российского общества в представлениях молодежи

[Ивентьев С.И.](#) Четвёртое и пятое поколения прав человека как основа социализации личности

[Кибенко В.А.](#) Социология в Арктике: опыт проведения социологического опроса тундрового населения

[Клинецкая Н.В., Петрушенко Т.К., Федорова Т.Н.](#) Проблемы молодежи в условиях кризиса: гендерный аспект

[Колтунова А.А.](#) Восприятие термина «девиантное поведение» среди молодежи

[Коморникова О.М.](#) Проблема становления социальных практик гражданского общества в современных условиях

[Крючева Я.В., Турбина М.Е.](#) Иерархическая процедура Т.Саати в конфликтологии

[Лукичева Л.Ю.](#) Этнокультурная идентичность современной российской молодежи за рубежом: проблемы воспроизводства и сохранения

[Любимова Е.А.](#) Жизнь соло как элемент социальной идентичности личности

[Максимова О.А.](#) Дискурс индигенизации поколений в контексте анализа полиэтничного общества (на примере Республики Татарстан)

[Мехришвили Л.Л., Ткачева Н.А.](#) Социальная автономность в конструкте «жизненного мира» семьи

[Молоткова А.В.](#) Ресентимент и кризис духовности в современном обществе

[Мурзина Д.Ш.](#) Идеология татарских националистических организаций в Республике Татарстан в контексте социальной трансформации региона

[Никишин Д.А.](#) Молодёжные общественные организации как источник к социальной трансформации российского общества (на примере города Тюмени)

[Окладникова Е.А.](#) Образ «Малой родины» глазами жителей Ленинградской области: случай Лаголово

[Павлов Б.С.](#) Родительская семья и профессиональная социализация детей на Урале

[Павлов Б.С., Пронина Е.И.](#) Родительская семья и подросток: риски социализации в девиантной среде большого города

[Павлова В.И., Павлов Б.С., Бердник Л.П.](#) Семейный образ жизни в обыденном сознании и в жизненных планах студенток уральских вузов

[Панкова С.Н., Старшинова А.В., Чечулин Р.А.](#) Организационная культура медицинского учреждения как фактор доступности и качества услуг: методология исследования

[Парамонова С.П., Ратгер И.М.](#) Мечта – демиург будущего

[Парахонская Г.А.](#) Локальное сообщество в социальной структуре города

[Пермякова Т.В., Щербакова А.А.](#) Поисковая деятельность как фактор патриотического воспитания молодежи

[Сакаев В.Т.](#) Трансформация рождаемости в Татарстане в эпоху хрущевской модернизации

[Салахутдинова Р.Х., Баранец С.Н.](#) Молодежь в воспроизводстве социокультурного потенциала России: региональный аспект

[Самсонова Т.Н.](#) Политическая социализация российской молодежи в условиях трансформации

[Смирнова А.Н.](#) Положение современной российской молодежи: риски социального неблагополучия

[Спичкова Е.А.](#) Религия в современном обществе: новые типы религиозности

[Сысоева А.В.](#) Особенности жизненных целей-ценностей студентов разной этнической принадлежности

[Тесленко А.Н.](#) Социализация молодежи как объект и субъект социокультурных трансформаций

[Трифорова М.А.](#) Изучение отношения молодежи к институту страхования в России

[Фарахутдинов Ш.Ф., Юдашкин В.А., Ухабина Т.Е.](#) Концептуальная модель исследования семейной проблематики в региональном пространстве

[Фатхуллина Л.З.](#) Формы досуга городской молодежи

[Фомичев И.Ю.](#) Социально-нравственная регуляция и институционализация морали

[Чикарова Г.И.](#) Ценностно-смысловые факторы трансформации профессиональной идентичности современных российских врачей

[Широкалова Г.С.](#) Гендер как фактор экологической культуры

[Щербакова М.В.](#) Влияние тенденций изменения современной семьи на формирование идеального образа брачно-семейных отношений в представлениях молодежи

Секция № 2

Особенности развития института образования в России и за рубежом, трансформации региональных образовательных подсистем

[Артем О.Я.](#) Трансформация инженерного образования в России

[Балезина Е.А.](#) Риск в системе высшего образования

[Банникова Л.Н., Сафронова Т.М.](#) Модернизация подготовки специалистов в системе среднего профессионального образования как направление региональной образовательной политики

[Барбаков О.М., Белоножко М.Л.](#) Результативность инновационных технологий на виртуальном пространстве образовательного учреждения

[Батырева М.В., Попова А.И.](#) Изменения читательской культуры школьников в современной России

[Булашева А.А.](#) Роль иноязычных компетенций в деятельности аспирантов

[Володина Ю.А.](#) Практическая реализация образовательной политики в современной России

[Галактионова Н.А., Никулина Н.А.](#) Проблемы адаптации иностранных студентов тюменских вузов: на пути к комфортному пространству жизни

[Гордиевский А.А., Ситёва С.С.](#) Содействие трудоустройству через использование моделей компетенций в обучении

[Григоришин С.В.](#) Роль постдокторантуры в российском гуманитарном образовательном пространстве

[Гуров В.Н., Ишмухаметов Р.Р.](#) Управление созданием эффективных образовательных комплексов на муниципальном уровне

[Данилова Е.Н.](#) Нормативное правовое регулирование независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания как основа социального развития региона

[Ефимова Г.З.](#) Уровень конкурентоспособности и качества конкурентоспособной студенческой и работающей молодежи

[Засыпкин В.П.](#) Социальная справедливость в оценке студентов региональных вузов

[Зборовский Г.Е.](#) Недоверие versus доверие в высшем образовании Уральского макрорегиона

[Иванцова М.В.](#) Социокультурная проблема употребления ненормативной лексики в современной студенческой среде России

[Игнатова Е.В.](#) Трансформация взаимодействия системы высшего образования с рынком труда

[Ищенко Р.В.](#) Развитие научной и образовательной среды инженерных вузов России

[Кичерова М.Н.](#) Переход к цифровой экономике: вызовы для общества и образования

[Клименко Л.В.](#) Прекариатизация труда учителей и врачей в российских мегаполисах (по материалам социологических исследований)

[Куприна Т.В.](#) Трансформация международной академической среды как субъекта модернизации высшего образования

[Лукашкова И.Л.](#) Предупреждение насилия над детьми в киберпространстве как социально-педагогическая проблема

[Мищенко А.С.](#) Профессиональная культура учащихся в контексте социальной трансформации российского общества: её сущность, направления исследования и принципы оценки её развития

[Мосиенко О.С.](#) Профессиональная идентичность и ее роль в профессиональной социализации студенческой молодежи

[Мурашко Е.А.](#) Постинтернатная адаптация лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

[Нор-Аревян О.А.](#) Профессиональная идентичность работников высшей школы: тенденции и особенности исследования

[Петровская Ю.А.](#) Роль и потенциал университета в инновационном пространстве региона (на примере Республики Карелия)

[Семёнов М.Ю.](#) Конкурентоспособность в виртуальном пространстве: в оценках старшеклассников

[Солдатова А.В., Антонова Ю.В.](#) Некоторые проблемы реализации государственной политики по совершенствованию системы среднего профессионального образования (на примере Свердловской области)

[Тараданов А.А., Гизатулина А.А.](#) Факторы физической культуры в эмоциональном благополучии студентов

[Толмачёва К.С.](#) Стратегии трудоустройства «молодых специалистов»

[Фокина А.Б.](#) К вопросу о развитии трансфессионализма молодежи

[Чеканова Е.Н., Васильев Д.Д.](#) Развитие конкурентоспособности первокурсников на начальном этапе обучения в вузе

[Черкашов Е.М.](#) Конкурентные поля, влияющие на формирование конкурентоспособности молодежи

[Шестакова Н.Н.](#) О стратегическом управлении трансформацией образовательного сегмента социального пространства

[Шестернин Е.Е.](#) Социальные проблемы при трудоустройстве выпускников ВУЗов в эпоху информационного общества

[Якупова Г.А.](#) Преподаватели ВУЗа: к вопросу о социальном статусе и престиже

Секция № 3

Политико-управленческий контекст социальных трансформаций в российских регионах

[Андрейкин В.Г., Ревякина О.В.](#) Россия: социальное государство?

[Арбуз А.В.](#) Миграционные процессы в Омской области в контексте занятости

[Архипова Е.Б.](#) Как возродить российскую глубинку или анализ успешной практики социального предприятия

[Батырева М.В., Мальцева А.А.](#) Проблемы регулирования межведомственного взаимодействия органов и учреждений профилактики несовершеннолетних на региональном уровне

[Бедрина Е.Б., Паньшина Д.А.](#) Этнические анклавные на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия

[Блохин В.Н.](#) Проблемы сельских территорий России и Беларуси: роль стратегии устойчивого развития в улучшении ситуации

[Бреусова А.Г., Чернобаева Г.Е.](#) Определение параметров оценки конкуренции на рынке социальных услуг региона

[Василенко И.В.](#) Фриланс как результат социальных трансформаций в сфере занятости современной России

[Воловская Н.М., Плюснина Л.К.](#) Кадровое обеспечение как важная составляющая социального сопровождения реиндустриализации региона

[Галицкая В.А.](#) Особенности реализации госпрограмм «Инновационное развитие и модернизация экономики» и «Новое качество жизни» в Томской области

[Глушков А.В., Мальцева Н.В.](#) Жилищно-коммунальное хозяйство как индикатор состояния общества

[Гюрджинян А.С.](#) К проблеме управления современными социальными процессами в северном регионе

[Дроздова Ю.А.](#) Стратегия управления миграционными рисками в принимающем регионе

[Емельянова Е.Е.](#) Итоги внедрения и реализации стандартов деятельности органов муниципальной власти по улучшению инвестиционного климата в Мурманской области

[Заполева Е.О., Захарченко А.А., Пить В.В.](#) Социологическая экспертиза законодательных актов (на примере Кодекса об административной ответственности Тюменской области)

[Зубанова Л.Б., Синецкий С.Б.](#) Культура как ресурс имиджевой привлекательности региона: стратегические ориентиры культурной политики

[Ильдарханова Ч.И.](#) Ресурсный потенциал модернизации социального пространства села в Республике Татарстан: содержание и индикаторы социологической оценки

[Казитова Э.И.](#) Повышение налоговых доходов как фактор социально-экономического развития регионов России

[Кириллова А.И.](#) Особенности развития Мильковского района Камчатского края в условиях реализации проекта ТОСЭР «Камчатка»

[Ковальжина Л.С.](#) Актуальность региональных профилактических программ в социальном управлении здоровьем населения (на модели профилактики йодного дефицита)

[Коломенская А.С., Новоселов В.В.](#) Типологический анализ муниципальных районов Новосибирской области

[Колтунова Ю.И.](#) Кадровая политика муниципального учреждения

[Костко Н.А.](#) Новые цели развития городов в практике муниципального управления

[Лядова А.В.](#) Трансформация института медицины в России: социологический анализ

[Мазаев Ю.Н.](#) Особенности поддержки населением деятельности полиции в регионах Российской Федерации

[Мартынов С.В., Шаталов М.А.](#) Формирование финансового механизма государственного регулирования экономики региона в условиях ограниченности ресурсов

[Масленцева Н.Ю.](#) Проблемы и тенденции формирования новой системы комплексной реабилитации инвалидов: федеральный и региональный аспект

[Махиянова А.В.](#) Совершенствование методики оценки социально-экономического портрета (на примере бедных слоев населения в Республике Татарстан)

[Мельник В.В.](#) Социальные аспекты региональной конкурентноспособности

[Мельник К.С.](#) Результативность жилищной политики: региональный аспект

[Мычка С.Ю., Шаталов М.А.](#) Разработка эффективной государственной политики в области земельно-имущественных отношений

[Немировский В.Г.](#) Трансформации образа желаемого будущего в жизненном мире населения сибирского региона (2010 – 2016 гг.)

[Орехова И.М.](#) Социально-структурные изменения как следствие кадровой политики на рынке труда региона

[Осипова Л.Б.](#) Проблемы формирования и реализации молодежной политики в Ханты - Мансийском автономном округе

[Петрова Д.А., Петров А.И.](#) Тренды безопасности дорожного движения в г. Тюмени как признак социальной трансформации российского общества

[Попкова А.А.](#) Исследование креативных индустрий и их роли в развитии городского пространства Тюмени

[Прохода В.А.](#) Масштабы дискриминации в европейских странах

[Репина Е.И.](#) Молодежь и рациональность как элемент модернизации общества

[Сбитнева Н.А.](#) Миграционная политика как вектор управления региональным развитием

[Семедова-Полупан Н.Г.](#) Региональные аспекты развития государственной службы как целостного государственно-правового института в условиях модернизации (на материалах Чувашской Республики)

[Соловьев А.К.](#) Актуальные проблемы пенсионеров и государственной пенсионной системы в контексте социально-экономической трансформации России

[Тарбеева И.С., Зерчанинова Т.Е.](#) Социальные практики гражданского участия местного населения в развитии города

[Теребихин В.М.](#) Государственная гуманитарная макрополитика (антрополоитика) региона в системе государственной региональной политики: пролегомены к проектированию концепции

[Трубин Г.А., Юдашкин А.В.](#) Социологическая экспертиза в практике мониторинга правоприменения законов субъекта Российской Федерации

[Тучин В.Г.](#) Матричный анализ организации в период реформ

[Чилимова Т.А., Гордиенко Д.А.](#) Обеспечение экономической безопасности региона как условие роста жизненного уровня населения

[Ягафарова Д.Г.](#) Эффективность региональной молодежной политики как механизма решения социально-экономических и демографических проблем региона

Секция № 4

ХIII Всероссийская научно-практическая конференция «Сравнительный анализ процессов социокультурной и socioэкономической модернизации в регионах России: полипарадигмальный подход»

[Беляева Л.А.](#) Институт собственности в постсоветской России: проблемы экономической и социальной эффективности

[Ромашкина Г.Ф.](#) Социологический анализ институционально-регулятивной компоненты модернизации

[Андрианова Е.В.](#) Социокультурные аспекты проблем, сопутствующих реиндустриализации

[Бойко И.И., Карпова О.В.](#) Студенты технических специальностей вузов Чувашии: проблемы реализации творческого потенциала

[Булатова Т.А., Маклакова Т.Г.](#) Анализ программ стратегического развития в контексте социокультурной и социальноэкономической модернизации регионов (Томская область, СФО)

[Валиахметов Р.М.](#) Развитие человеческого потенциала как критерий социального благополучия и качества жизни населения

[Ганопольский М.Г., Маркова Л.М.](#) Новый маршрут постколониального освоения Сибири

[Давыденко В.А.](#) Динамика социального самочувствия: проблемы и решения

[Диннер И.В.](#) Влияние четвертой промышленной революции на систему профорientации

[Дулина Н.В., Икингрин Е.Н.](#) Отношение студентов России к социальной справедливости: региональные различия

[Исупов А.М.](#) Образовательный потенциал и капитал населения Самарской области

[Кадничанская М.И., Галкина Е.П.](#) К социальному портрету региона: некоторые аспекты государственной политики в области развития трудового потенциала и ресурсов и её основные проблемы (на примере Ульяновской области)

[Калачикова О.Н.](#) Стереотипизация уязвимых групп населения в условиях новой социальной реальности

[Когай Е.А.](#) Детерминанты и факторы модернизации в регионах Центрального Черноземья

[Кох И.А.](#) Вектор социокультурной модернизации профессионального технического образования

[Лавренюк Н.М.](#) Субъектная роль молодой семьи в стратегическом развитии: опыт использования социокультурного портрета в государственном и муниципальном управлении Республики Башкортостан

[Ласточкина М.А.](#) Ценности молодежи в контексте социальных трансформаций

[Моисеева Д.В., Дулина Н.В.](#) Финансовая грамотность населения: региональные различия

[Мосин В.И.](#) Экологическая политика как необходимое условие социокультурного развития региона (Тульская область)

[Мостовая Е.Б., Афанасьева Ю.А., Шумилова С.И.](#) Роль креативного класса в модернизации экономики

[Петросян Д.И.](#) Динамика социального самочувствия жителей Владимирской области

[Печеркина И.Ф.](#) Институциональное доверие – условие вовлеченности населения в социально-политическое пространство региона: на примере Тюменской области

[Плеханов Е.А.](#) Динамика базовых ценностей жителей Владимирской области

[Плотникова Е.Б.](#) Методический потенциал «смешанной» методологии исследовании модернизационных проектов

[Прокопчук Т.Л.](#) Социокультурная рецессия в ценностном измерении

[Прохоров Д.В.](#) Особенности социальной стратификации населения Самарской области в 2000–2015 гг.

[Скворцова О.В.](#) Анализ публикационной активности отечественных исследователей по проблемам местного самоуправления

[Соколова М.В.](#) Социально-трудовая мобильность населения: поселенческий аспект (на основе данных социологического опроса во Владимирской области)

[Тарасов В.Т.](#) Влияние экономического неравенства на модернизацию регионов России

[Тарасова А.Н.](#) Детерминанты инновационной активности населения

[Харитонов В.Г.](#) Демографические процессы и вопросы социальной идентичности сельского населения (на примере Чувашской Республики)

[Хорошилова А.В.](#) Проблемы инновационной деятельности малых предприятий регионов Центрального Черноземья

[Юрина В.С.](#) Актуальные проблемы и перспективы социально-экономического развития и модернизации Приволжского федерального округа

[Юсупов М.М.](#) Труд как ценностная основа социокультурной модернизации региона

[Kaźmierczyk Jerzy.](#) The Washington Consensus and the Beijing Consensus. First remarks

Секция № 5

**Социальные трансформации в экономической сфере жизнедеятельности
российских регионов: тенденции, детерминанты, факторы**

[Баймурзина Г.Р.](#) Качество занятости как индикатор модернизированности региона

[Брындин Е.Г.](#) Креативное управление диверсификацией экономики

[Брындин Е.Г.](#) Развитие цифрового сектора экономики

[Воронов В.В.](#) Экономические основы этнических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в регионах

[Гаврилюк В.В.](#) Новый рабочий класс в России: постановка проблемы

[Гаврилюк Т.В.](#) Реконцептуализация категории «рабочий класс» в зарубежном социологическом дискурсе

[Голиусова Ю.В.](#) Проблемы интеграции прекариев в поле социально-трудовых отношений

[Грошева Л.И.](#) Бизнес-активная среда в условиях интенсификации информационных потоков

[Зерчанинова Т.Е., Зерчанинова В.В.](#) Событийный туризм в Свердловской области

[Игнатьева М.В.](#) Современное состояние малого предпринимательства в России

[Карпов В.П.](#) Стратегия освоения российской Арктики: рецепт советской эпохи

[Колесник Е.А., Павлова Л.Л., Зотова А.Н.](#) Зависимость миграции от экономической ориентированности регионов России

[Костина Н.В., Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г., Розенберг Г.С.](#) Инновационные подходы к оценке «эколого-нравственного потенциала» территории на примере Волжского бассейна

[Кузьменко О.А., Дьячкова-Полити А.М.](#) Социальная инженерия как часть программы внутреннего аудита

[Лимкина Н.А.](#) Индикаторы потребительского спроса населения Республики Мордовия на товары, произведенные в регионе

[Мальцева Н.В., Корнилова И.В.](#) Состояние рынка жилой недвижимости как показатель регионального развития

[Мальцева Н.В., Тимохина М.П.](#) Динамика развития ритейла на региональном рынке (на примере Тюменской области)

[Намруева Л.В.](#) Модернизация сельского образа жизни (на примере Республики Калмыкия)

[Нуриджанов А.Э.](#) О категории «социальные технологии скрытого воздействия» в контексте исследования процессов управления в бизнес-организациях

[Огородникова И.И.](#) Перспективы введения прогрессивной шкалы налогообложения НДФЛ: экономические предпосылки и социальное восприятие

[Олейник Н.И.](#) Краткосрочный прогноз числа занятых по видам экономической деятельности в России

[Полтавская М.Б., Абросимова А.С., Резникова Е.С.](#) Творческие индустрии: участие коммерческих и некоммерческих организаций

[Посухова О.Ю.](#) Горизонты профессиональной карьеры социально-ориентированных групп российских мегаполисов в условиях прекариатизации

[Силин А.Н.](#) Социальная трансформация вахтового труда в арктическом регионе

[Скифская А.Л.](#) Проблемы инвестиционной деятельности и бюджетного финансирования инвестиций на субфедеральном уровне управления

[Скульмовская Л.Г.](#) Туризм как эффективный инструмент социально-экономического развития региона (на примере ХМАО – Югры)

[Соловьев А.К.](#) Бедность пенсионеров как ключевая проблема социальной трансформации российского общества

[Тумакова С.Ю.](#) Идентификация пенсионеров в процессе посттрудоустройственной адаптации: социологический анализ

[Тухтарова Е.Х., Бедрина Е.Б.](#) Инвестиции как фактор трансформации социоэкономических процессов в регионах России

[Чеботарев Н.Ф.](#) Структурная трансформация человеческого потенциала

[Чернышев А.А., Комзолов В.В.](#) Малое инновационное предпринимательство в формате цифровой экономики

[Юдашкин А.В.](#) Этническое малое предпринимательство как фактор адаптации мигрантов

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

**Доклады
на пленарном заседании**

Голенкова Зинаида Тихоновна –
д-р филос. наук, профессор ФНИСЦ РАН,
г. Москва, golenko@isras.ru

Игитханян Елена Давидовна –
к. филос. наук, в.н.с. ФНИСЦ РАН,
г. Москва, golenko@isras.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: рынок труда, регион, занятость населения, адаптация, дополнительная занятость

Изучение основных закономерных тенденций развития социально-структурных отношений современной России выделяет решение целого комплекса социально-экономических, политических и социокультурных проблем. В значительной степени это касается рыночного переустройства общества, всего того, что определяет занятость населения. Реструктуризация государственной собственности, вызвавшая изменения в сфере трудовых отношений, в корне преобразила положение классов, социальных групп и слоев, сформировала эффективные стратегии трудоустройства населения, их адаптационного потенциала и социального самочувствия. Как мы понимаем, это целый социальный пласт, включающий показатели профессионально-квалификационной структуры занятого населения, ее динамики, экономической активности, безработицы и многие другие характеристики.

Именно здесь «сфокусирована» сфера социально-трудовых отношений, включение человека в сложную систему взаимодействия работника и труда в условиях рыночных отношений. Причем эффективность этого взаимодействия непосредственно зависит от того, насколько ситуация соответствует современным социальным реалиям, либо противоречит им, порождая всевозможные трудовые конфликты в обществе. Помимо сказанного, необходимо иметь в виду, что эти процессы и явления происходят на определенной территории, социальном пространстве, в качестве которых выступают (применительно к Российской Федерации) как отдельный населенный пункт – город село и т.д., так и целый регион. Это становится тем более актуальным в сегодняшних условиях, потому что регионализация – существенная ступень в современной жизни социально-экономического развития, которая обусловлена модификацией социальной структуры в различных регионах страны. Необходимым становится изучение на основе эмпирических данных социальных аспектов трудового поведения населения в отдельных региональных пространствах России в условиях рыночных

отношений. Иначе говоря, особенностью предметного поля социологического знания становится выявление самого широкого спектра проблем, связанных с противоречиями формирования характеристик трудовой занятости в регионе.

Российская модель рынка труда, проблемы труда и занятости населения достаточно интенсивно изучаются в настоящее время социологами, экономистами, политологами и статистиками. Оцениваются его основные показатели с точки зрения профессионально–квалификационной структуры населения и ее динамики, экономической занятости и безработицы, образовательного уровня занятых, стоимости рабочей силы, гендерных аспектов и других характеристик [Социальное пространство..., 2017].

Далее конкретно остановимся на особенностях трудового поведения занятых (использованы данные исследования, проведенного в республике Башкортостане в 2015 г.; опрошено 1063 респондентов, руководитель проф. З.Т. Голенкова). Были представлены следующие категории: : рабочие, специалисты, руководители.. Для решения этих целей прежде всего эмпирически фиксировались представления работников о том, какое значение имеет в жизни работа. Выделим основные векторы.

1. Работа как универсальная ценность. «Она важна сама по себе, независимо от оплаты».

2. Альтернативой выступает полное отрицание ее значимости. Работа как антиценность. «Это неприятная обязанность, если бы мог, то вообще бы не работал».

3. Работа как способ адекватной и необходимой материальной компенсации, Источник получения средств существования.

4. Работа как фактор поддержания устойчивых связей с социальной средой Социальная ценность.

5. Работа как ресурсная ценность. Возможность проявить себя, осуществить свои планы фактор поддержания устойчивых связей с социальной средой.

Данные исследования говорят о следующем

Доминирующим признаком, который определяет важность работы у представителей всех социальных групп, является ее материальный ресурс. Это и очевидно, ибо сам труд, как процесс затраты и профессиональных способностей, и физических усилий, и нервно-психологических неизбежно требует различного вида компенсаций, В этом случае работа представляется, как ценность материальная. Среди остальных характеристик важным является универсализм (она занимает второе место в иерархии). Менее всего ценным является амбициозность (ресурсная ценность).

Когда мы анализируем проблемы, связанные с мотивационными характеристиками трудовой занятости и в целом трудового поведения, то должны отметить и появление новых дополнительных видов занятости. Согласно данным исследования, треть всех опрошенных их имеет, а около

трети ищет. Наиболее активны в этом отношении руководители. На наш взгляд, это можно объяснить следующим. Формирование властного ресурса определили тот тип личности, который не на словах, а на деле смог не просто адаптироваться к нынешним трудовым реалиям, но и управлять ими. Эта социальная группа наиболее ориентирована не только на карьерный, но и на экономический рост.

Производственная занятость населения, различные виды поведения в этой сфере находятся в переплетении сложных социальных связей. Как правило, эти взаимоотношения являются планируемыми, вызванными неудовлетворенностью работника своим положением в трудовом пространстве. Следствие этого – стремление искать другое, более подходящее для себя рабочее место. В то же время существует такой вид, который связан с вынужденной трудовой мобильностью. Речь идет о таком сложнейшем и существенном явлении социально-экономической жизни занятого населения, каким является безработица. [ИНАБ №1..., 2009] По данным исследования, почти половина опрошенных побывала в течение своей трудовой жизни безработными. Изменилась ли ситуация за последние годы? Об этом свидетельствует отношение опрошенных к возможной, перспективной безработице. Сразу надо отметить, что почти половина респондентов оценила такую возможность отрицательно.

Это говорит о том, что происходит явная стабилизация рынка труда (речь идет о данном региональном пространстве), формируются рабочие места, которые, с точки зрения занятого населения, достаточно устойчивы. Какую именно работу будут искать респонденты в случае свершившейся безработицы? Сразу надо отметить, что у всех опрошенных доминирует фактор профессиональной ориентации. Будут искать работу по той же профессии, специальности до 40,0%. Это максимальное значение, и характеризует оно специалистов. Несколько меньшая доля – 33,0% среди рабочих, среди руководителей эта доля составляет 24,0%. Существенна и доля тех, кто предполагает искать более квалифицированную работу. Высокий уровень оплаты в данном случае достаточно привлекателен, но не предпочтителен. Еще раз подчеркнем - потенциал социальной мобильности в настоящее время достаточно значителен и не предполагает нисходящих трудовых перемещений. И это – существенный фактор в системе формирования стабильного общества. На социальную сцену вышли и упрочились социальные группы, ориентированные на труд, качество которого гарантирует им реализацию жизненного потенциала [«Транзитивные изменения...», 2004].

Изучая поднятые в исследовании проблемы, мы можем судить также и об уровне социальной адаптированности опрошенных «Уверены ли Вы, что сможете реализовать свои жизненные планы?» На этот вопрос положительно ответили – «да, уверен» - 40, (%; «не совсем уверен» - 28,7%; не уверены лишь 10,3%. Поэтому можно определенно сказать, что фактически на основании

индикаторного опроса опрошенные могут быть оценены, как оптимисты, ибо доля положительно оценивающих решение своих жизненных проблем, значительна, «Буду решать все самостоятельно – 50,4%. Ответы на остальные позиции распределились следующим образом: «обращусь к помощи родных» (41,2%), «государственных органов» (3,0%), «к руководству предприятия» (0,0%), затруднились ответить 3,8%.

В статье рассмотрена лишь определенная часть проблем, связанная с изменением комплекса социально-структурных отношений, происходящих сегодня в российском обществе. Пусть только «часть», но достаточно представительная, ибо по этому направлению совершаются процессы трудового поведения занятого населения. Динамизм этого развития системообразующий и он непосредственно зависит от политического выбора действующей власти. Именно она призвана создавать условия и возможности гражданам зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей, именно от нее зависит обеспечение рациональной занятости населения, всех его слоев, роста их денежных доходов, в целом уровня и качества жизни

Список литературы:

1. Социальное пространство российских регионов ФАНО, Институт социологии РАН. М., 2017 – 238 с.
2. ИНАБ №1 – 2009. Социальные проблемы трудовой занятости в регионах Российской Федерации. М.: Институт социологии РАН, 2009. – 99 с.
3. Транзитивные изменения и проблема эффективности социальной политики в регионе. Институт социологии РАН, Саратовский государственный университет. Изд-во «Саратовский писатель», 2004. С. 116 – 132.

УДК 316.752; ББК 60.54

Латов Юрий Валерьевич –

д-р социологических наук,
ведущий научный сотрудник ИС РАН,
главный научный
сотрудник Академии управления
МВД России, профессор Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва
E-mail: latov@mail.ru

МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: социокультурная модернизация, ментальные установки, межпоселенческая дифференциация, переходное общество.

В современных концепциях модернизации главными детерминантами развития считается рост самостоятельности индивида по отношению к обществу, его эмансипация. Эта главная общая тенденция проявляется во многих более частных сдвигах – в росте способности самостоятельно планировать и обеспечивать свою жизнь, в открытости изменениям (инновациям), в индивидуализации жизненных целей и т.д. В современной России, безусловно, встречаются люди, соответствующие и модели «человека модерна», и модели «человека традиции», и, чаще всего, сочетающие в разных пропорциях элементы обеих этих моделей. Весь вопрос в том, что из этих элементов и насколько преобладает, а также каков вектор изменений в этой сфере.

Для ответа на эти вопросы очень важно обратить внимание на межпоселенческие различия в характеристиках ценностей россиян и их мировоззрения в целом. Это связано с тем, что модернизация в странах догоняющего развития сильнее всего затрагивает те социальные группы, которые по своим занятиям и доходам больше сближаются с населением развитых стран. Речь идет, прежде всего, о жителях крупных городов. Чем крупнее городские поселения, тем сильнее в них обычно представлены группы населения с культурными ценностями модерна, а в авангарде модернизации находятся, как принято считать, жители столиц-мегаполисов.

Рассмотрим, в какой степени реальные различия мировоззренческих ценностей жителей разных типов поселений в России будут соответствовать парадигме модернизирующего урбанизма и существует ли на самом деле

ожидаемый контраст между столичными и провинциальными жителями в данном отношении. Для этого на основе полученных весной 2017 г. результатов последней (6-й) волны общероссийского мониторингового опроса проанализируем в первую очередь распространенность двух императивов личного поведения, формирующих поляризацию общества на представителей модернизированной и традиционной ментальности, – это отношение к индивидуальному активизму (установка на самодостаточность/зависимость) и к инновациям (установка на инициативу/традиционность).

Таблица 1

Распространенность установок на самодостаточность и зависимость в разных типах поселений, 2017 г., %¹

Установки	Степень согласия	Москва	Петербург	Центры субъектов РФ	Райцентры	Сельская местность	Население в целом
<i>По всем жителям поселений</i>							
Установка на самодостаточность: «Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства»	Безусловно согласен	16	15	15	19	17	17
	Скорее согласен	23	38	41	32	29	33
	ВСЕГО (1)	39	53	56	51	46	50
Установка на зависимость: «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить»	Безусловно согласен	16	15	15	16	20	17
	Скорее согласен	45	31	29	33	34	33
	ВСЕГО (2)	61	46	44	49	54	50
СООТНОШЕНИЕ УСТАНОВОК	(1) : (2)	0,6	1,2	1,3	1	0,9	1
<i>По работающим жителям</i>							

¹ В таблицах 1 и 2 темным фоном и белым шрифтом выделены самые высокие показатели, серым фоном – самые низкие.

Установка на самодостаточность: «Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства»	Безусловно согласен	16	18	19	20	19	19
	Скорее согласен	24	42	44	36	34	37
	ВСЕГО (1)	40	60	63	56	53	56
Установка на зависимость: «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить»	Безусловно согласен	9	9	9	12	12	11
	Скорее согласен	51	31	28	32	35	33
	ВСЕГО (2)	60	40	37	44	47	44
СООТНОШЕНИЕ УСТАНОВОК	(1) : (2)	0,7	1,5	1,7	1,3	1,1	1,3

При анализе распространенности представленных в таблице 1 установок видно, что концепция прямой зависимости степени модернизации культурных ценностей от размеров и статуса поселений по критерию установок на самодостаточность/зависимость не совсем соответствует фактической российской ситуации. Зависимость распространенности установок на самодостаточность/зависимость от того, где проживают люди, в современной России оказывается не линейной, а «колоколообразной»: на крайних полюсах в нем оказываются не столицы и сёла, как следовало ожидать, а центры субъектов РФ (пропорция сторонников самодостаточности и зависимости от государства в них по жителям в целом составляет 56:44 = 1,3) и Москва (пропорция 39:61 = 0,6). Таким образом, авангардом модернизации по данному критерию в современной России оказались крупные города (центры субъектов РФ и, в меньшей степени, Санкт-Петербург), в то время как столица с существенным отрывом оказалась в арьергарде. Этот парадокс относительной архаичности Москвы полностью сохраняется и даже усиливается при переходе от населения в целом к работающему населению: если в расчете на всех жителей «архаичная» Москва отстает от «модернизированных» центров субъектов РФ по соотношению установок на самодостаточность/зависимость в 2,2 раза, то в расчете на работающих жителей – в 2,4 раза.

Таблица 2

Установки на инициативу и традиционность
в разных типах поселений, 2017 г., %

Установки	Степень согласия	Москва	Петербург	Центры субъектов РФ	Райцентры	Сельская местность	Население в целом
Установка на инициативу: «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового, даже если оказываешься в меньшинстве»	Безусловно согласен	16	23	21	24	19	21
	Скорее согласен	30	42	39	41	35	38
	ВСЕГО (1)	46	65	60	65	54	59
Установка на традиционность: «Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций»	Безусловно согласен	10	12	8	6	11	9
	Скорее согласен	44	23	32	28	34	32
	ВСЕГО (2)	54	35	40	34	45	41
СООТНОШЕНИЕ УСТАНОВОК	(1) : (2)	0,9	1,9	1,5	1,9	1,2	1,4

По критерию установок на инициативность/традиционность) ментальность современных россиян оказалась как в целом, так и в отдельных типах поселений заметно более модернизированной, чем по критерию установок на самодостаточность/зависимость (табл. 2). Если в предыдущем анализе пропорция носителей черт «человека модерна» и «человека традиции» имела соотношение 50:50 (1:1), то соотношение ориентированных на инициативность и на традиционность выглядит как 59:41 (1,4:1).

Межпоселенческая дифференциация снова демонстрирует нелинейный характер распределения приверженности анализируемой установке (рис. 2). Однако в данном случае распределение оказалось бимодальным: модернизационная установка на инициативу сильнее всего выражена у жителей Санкт-Петербурга и малых/средних городов (по 65%), несколько слабее – в центрах субъектов РФ (60%), еще слабее – в сельских поселениях (54%). Москва снова оказалась наименее модернизированной (или, что в данном

случае то же самое, наиболее архаичной). Только в столице приверженцы установки на новизну (46%) уступают в численности приверженцам установки на традиционность (54%). Контраст между наименее и наиболее инициативно-ориентированными поселенческими группами снова оказался более чем двукратным.

Подведем общие итоги анализа дифференциации россиян с точки зрения степени выраженности в сознании жителей столиц и регионов мировоззренческих ценностей, характеризующих сочетание черт «человека модерна» и «человека традиции» (табл. 3).

Прежде всего, межпоселенческая дифференциация ценностных установок развивается на общем фоне сохранения преобладания у россиян характеристик традиционного типа личности. В то же время по некоторым аспектам они уравновешены характеристиками личности модерна (по установкам на самодостаточность/зависимость), а по другим ментальные характеристики, характерные для модерна, уже преобладают (по установкам на инициативу/традиционность).

Таблица 3

Ценностно-мировоззренческие различия
между жителями Москвы и регионов

Критерии различий	Соотношение модернизированных и традиционных характеристик у населения	Закономерности межпоселенческих различий	
		В статике (по данным 2017 г.)	В динамике (сравнение 2017 г. с 2003 г.)
Отношение к индивидуальному активизму	У населения в целом – уравновешенное соотношение, у работающих – превалирование установки на самодостаточность	Москвичи наименее ориентированы на самодостаточность	Нет данных
Отношение к инновациям	Превалирование установки на инициативу	Москвичи наименее ориентированы на инициативу	Нет данных
Представления о жизненном успехе	Превалирование коллективистских ценностей	Москвичи наиболее привержены индивидуалистическим ценностям	В Москве индивидуалистические ценности распространяются быстрее, чем в регионах

Самоидентификация	Превалирование предписанных статусов	Москвичи более ориентированы на достигаемые статусы в самоидентификации, чем жители регионов	Самоидентификации москвичей стабильны, в то время как в регионах растет роль предписанных статусов
Объекты гордости	Доминирование объектов гордости, связанных с предписанными ролями	Москвичи меньше гордятся тем, что связано с их действиями, внутри регионов различий нет	Москвичи все меньше гордятся результатами своих действий, в то время как жители регионов – всё чаще

Анализ показал, что москвичи – жители самого крупного мегаполиса страны, обычно позиционируемого как «витрина модернизации», – по ряду характеристик (представления о жизненном успехе, самоидентификация) демонстрируют более активное формирование модернизированного типа личности, чем жители всех других типов поселений (кроме «второй столицы»). В то же время по некоторым другим характеристикам их мировоззрения (отношение к индивидуальному активизму, отношение к инновациям, гордость за свои достижения), связанными с условиями их деятельности, москвичи демонстрируют, наоборот, относительно слабое развитие элементов личности модерна – ниже не только чем в других крупных городах, но даже чем у жителей сёл.

Данный парадокс связан с тем, что в Москве объективно сильнее выражены не только многие элементы современного западного образа жизни, но и многие черты патерналистско-ориентированного типа общества (высокая занятость в госсекторе, популистская социальная политика, сильная пропаганда про-правительственных СМИ, частые государственно-общественные мероприятия), к тому же сосуществующие с высочайшей в стране дифференциацией доходов. В результате Москва противостоит регионам не только как своеобразный анклав модерна в традиционалистской стране, но и как своего рода «рудимент СССР» в постсоветском обществе. Это противоречие находит выражение в определенной алогичности ментальных установок самих москвичей, которые, с одной стороны, высоко ценят возможность «быть самому себе хозяином», а с другой стороны, чаще всего убеждены, что без поддержки государства им не выжить.

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

Секция № 1

**Культура, идеология, религия
в современном обществе:
тенденции, детерминанты,
факторы**

УДК 316.66 ББК С524.5

Акулич Мария Михайловна –

доктор социологических наук,
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
университет», г. Тюмень
e-mail: m.m. akuluch@utmn.ru

Ильина Илона Валерьевна –

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
университет», г. Тюмень
e-mail: i.v. ilina@utmn.ru

МОРАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: мораль, социализация.

Становление личности сложный и длительный процесс, на различных этапах жизни человека можно говорить о разной степени сформированности личности, обретения и развития ею личностных качеств.

В процессе социализации формируются ценности и принципы, которыми руководствуется личность в процессе своей жизнедеятельности. Ценности и принципы личности многообразны, они касаются морали и права, а соответственно через призму морали и права многих сторон социальной действительности. Ценности и принципы личности дифференцированы, а наиболее важные из них для личности образуют ее убеждения, становятся ядром его мировоззрения. Убеждения определяют главное в поведении человека, отвечают на вопрос: «Почему человек поступил так, а не иначе?»

Социализации личности является одной из важных, основополагающих проблем социологии. Э. Гидденс определяет социализацию как процесс, в результате которого младенец формируется в сознательную личность, осваивающую культуру, в которой он рожден [5]. Социализация не является процессом пассивного усвоения «культурной программы», а связана с активным, деятельным участием самого человека в этом процессе. Социализация связывает разные поколения, осуществляя передачу социального опыта и культурных ценностей от одного поколения к другому. Я. Щепаньский определял социализацию как влияние среды в целом, приобщающие индивида к участию в общественной жизни, обучающие пониманию культуры, поведению в коллективе, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей.

Социализация предстает в качестве процесса усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для функционирования общества. Социализация включает все процессы приобщения к культуре, коммуникации, а также норм и правил поведения, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в жизни общества.

В различных словарях и справочниках можно встретить определения социализации, как процесса усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит, процесса становления личности, обучения и усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе, процесса усвоения и дальнейшего развития индивидом социально-культурного опыта.

Моральную социализацию необходимо рассматривать как часть общего процесса социализации, в котором активное участие принимает само общество, осуществляющее непосредственную передачу от поколения к поколению социального опыта, обеспечивающее необходимые условия для развития индивида. Моральная социализация - представляет собой процесс нравственного становления личности посредством воспитания и социализации, социальной адаптации.

Воспитание – это процесс целенаправленного, систематического формирования личности под воздействием всех сфер общественной жизни. Особой формой становления и развития человека является воспитание нравственное, под которым понимается сознательное и систематическое культивирование в человеке общественных нравственных качеств, организуемое и направляемое освоение моральных ценностей и этических знаний, формирование способности жить в соответствии с нормами морали в целях воплощения их в практической деятельности. Воспитание является функцией семьи и других социальных институтов, реализация которой позволяет усвоить нравственные приоритеты, необходимые для существования человека .

В процессе моральной социализации субъектом осваиваются нормы и ценностные ориентации таким способом, чтобы они обладали смыслом для него самого и входили в его собственную систему взглядов на окружающий мир. У личности должно сформироваться моральное сознание, устойчивое нравственное поведение и нравственные чувства, привычки руководствоваться в своих действиях и поступках, отношениях с другими людьми нравственными нормами.

Американский психолог Л. Кольберг выделяет несколько этапов нравственного развития личности [7]. Первый, доконвенциональный уровень морального развития демонстрирует человек (ребенок или взрослый), который еще не усвоил и не интериоризировал общепринятые нормы относительно того,

что является правильным или неправильным, вместо этого он фокусируется в основном на внешних последствиях, которые могут принести какие-либо действия (наказание, награда, обмен преимуществ). Поведение основано исключительно на принципе выгоды и оценивается исходя из дальнейших последствий.

Второй, конвенциональный уровень моральных рассуждений является типичным для подростков и взрослых. Индивид на данном уровне судит о нравственности действий, сравнивая их с мнениями и ожиданиями общества (собственной семьи, группы или нации). Человек хочет поступать хорошо, чтобы его принимали и воспринимали как хорошего. Происходит осознание правил поведения в обществе и принятых в нем ценностей. Общественное признание становится важнее личных интересов.

На третьем, постконвенциональном уровне, также известном как уровень автономной морали, отмечается растущее осознание того, что собственная точка зрения индивида может иметь приоритет над точкой зрения общества в целом; т.е. люди могут не подчиняться правилам, несовместимым с их собственными принципами. Люди оценивают события по собственным критериям нравственности и поступают исходя из своих моральных представлений.

Л. Кольберг предположил наличие следующего этапа – Трансцендентальной нравственности или Космически ориентированной морали, – которая связывает моральное суждение с религией. Большинство людей, по мнению Л. Колберга, останавливается на втором уровне морального развития, а в современном потребительском обществе все более формируется тип человека, находящегося на первом уровне морального развития.

Г. Нуннер-Винклер в своей работе «Моральная социализация» [8] предлагает модели социализации в основном идентичные уровням Л. Колберга, но одна из них получившая наименование «сверх-я» отличается некоторой новизной. Эта модель, этот способ мотивации предполагает развитое чувство совести. Страх перед беспокойной совестью и чувство вины становится центральным мотивом следования моральным нормам. Применительно к современному обществу не частый тип морального состояния и моральной мотивации.

Очень важно в моральной социализации опираться на такие механизмы социализации как: рефлексия (осознание того или иного события, ситуации, поведения, взаимодействия с точки зрения моральности); традиционный механизм (усвоение тех моральных ценностей и норм, которые присущи национальной культурной среде); межличностный механизм, предполагающий общение со «значимыми другими», (хорошо бы на первичном этапе социализации семья ориентировала ребенка в выборе этих значимых других); стилизованный механизм (стиль и образ жизни, прежде всего, семьи, соответствующий передаваемым моральным ценностям).

Наиболее важными для моральной социализации выступают такие институты как семья, образование, религия и в современном обществе СМИ. На этапе первичной социализации особое значение имеет институт семьи. Все самое главное, в том числе и области моральных ценностей и отношений закладывается в дошкольном возрасте. Для этого семья, родители должны сами иметь четкую ориентацию в понимании добра и зла, что утрачивается в современном постмодернистном обществе. Институт семьи в настоящее время переживает трудные времена. Урбанизация, интенсивная миграция населения, эмансипация женщин дестабилизируют семейно-брачные отношения. Ушли в прошлое такие стабилизирующие факторы семьи как экономическая зависимость женщин от супруга, религиозный, моральный запрет или осуждение разводов. Внешние факторы по мере развития общества уже невозможно изменить, поэтому определяющее значение приобретают внутренние факторы, присущие семье. Примеры аморальности на глазах ребенка могут обесценить потенциал воспитания в семье. «Двойная мораль», несоответствие слова и дела создают неотразимые в глазах подростка аргументы в пользу циничного отношения к людям, к жизни.

Далее, если родители верующие, включается институт религии, как основной в установлении и понимании смысла моральных ценностей. Институт образования призван закреплять и поддерживать эти переданные семьей и институтом религии моральные ценности. В современном обществе образование начинает утрачивать функции воспитания, а также моральной социализации. Он отражает состояние современного общества, в котором размыты ориентиры на добро и понимание его сути и значения. Все большую власть и влияние по сравнению с вышеперечисленными институтами приобретают СМИ, которые выступают каналом скорее аморальных ценностей. В этом случае может наступать отрицательный эффект в виде не согласованности моральных ценностей института семьи и СМИ, и очень часто «значимый другой», особенно начиная с подросткового возраста оказывается из другого «лагеря», и семейные моральные ценности могут измениться на деформированные средствами массовой информации. Концепция «значимого другого» принадлежит А. Талеру. «Значимый другой» - это та личность, одобрения которой добивается индивид, и чьи указания он по преимуществу принимает.

Поэтому в современном обществе все более можно наблюдать умножающиеся негативные формы отклоняющегося (девиантного) поведения. Размывание традиционной морали, смещение норм увеличивает деструктивность в личностном поведении и самосознании. В современном обществе стигматизации может подвергнуться не человек, преступающий моральные и правовые нормы, а следующий им. Если все-таки говорить о наличии «моральности», то лишь частной, корпоративной и в конечном итоге

удобной для ее носителей. Такая мораль не способствует объединению ни нации, ни граждан государства.

При этом важно не забывать о соответствии моральной социализации и моральных ценностей определенному типу культуры. Об этом писал еще П. Сорокин, выделяя типы личности в соответствии с типами культуры [6]. Наша традиционная культура в основе своей всегда опиралась на высокие идеалы добра, правды, служения и была чужда аморальности, лицемерию, эгоистичности.

Моральная социализация не утрачивает своей значимости до конца жизни человека, переходя на этап продолженной или вторичной социализации. Интериоризация или интернализация основной процесс этой фазы социализации. Г. Зборовский отмечает, что интернализация означает сущностное, глубинное включение индивида в процесс, освоение его таким образом, что происходит органическое превращение норм, стандартов, стереотипов поведения, ценностей, характерных для внешней среды, во внутреннюю «принадлежность» личности. Однако интенсивность моральной социализации, как правило, снижается, так как не многие люди занимаются процессом созидания себя как личности, а значит постоянным осознанием своих моральных ориентиров. В идеале же процесс моральной социализации должен обеспечить неуклонный личностный рост. Нравственным может считаться такой человек, для которого нормы, требования и правила морали предстают как его собственные взгляды и убеждения, в качестве глубоко осмысленных и привычных форм поведения, реализуемых не по принуждению, а по собственной воле.

Список литературы:

1. Американская социология: Тексты. М., 1994.
2. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
3. Мертон Р. Социальная структура и аномия: социология преступности. М., 1966.
4. Merton R. K. The role-set: Problems in Sociological Theory // British journal of Sociology, 1957. № 8
5. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М: Политиздат, 1992.
7. Дилеммы Лоуренса Колберга URL:<http://zhurnal-razvitie.ru/psihologiya-lichnosti/teoriya-moralnogo-i-nravstvennogo-razvitiya-kolberga-stadii-razvitiya-dilemmy.html>. Дата обращения 27.08.2017.
8. Г. Нуннер-Винклер. Моральная социализация URL:<https://uchebniki-besplatno.com/sotsiologiya-zapadnaya/sovremennaya-nemetskaya-sotsiologiya-1990.html> Дата обращения 27.08.2017

9. Трофимова И. Моральные установки в социальных взаимодействиях россиян: территориально-поселенческий фактор // Политика и Общество. – 2017. – № 2. – С.77–88.

10. Петухов В.В., Пахомова Е. Общественная мораль в контексте социальных трансформаций // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство Весь Мир, 2015. С. 346–367.

11. Деметрадзе М. Р. Центральная зона современных социокультурных ценностей. Социализация как способ повышения человеческого фактора в обществах постсоветского пространства. // М.: ООО «НБ-Медиа», 2012.

УДК 316.346.32-053.6 ББК 60.54

Антонова Наталья Леонидовна –
д-р социол. наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: n-tata@mail.ru

Данилова Анна Владимировна –
аспирант,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: anutadaniлова@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ДОСУГОВЫХ ПРАКТИКАХ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: досуговые практики, молодежь, повседневные перемещения, статусно-ролевой набор

Самоопределение как процесс определения личностной позиции, выявления и раскрытия индивидуальности, зачастую, происходит через те досуговые практики, которые индивид реализует в своей повседневной жизни: какую музыку слушает, какие фильмы смотрит, в какие клубы ходит – а не в связи с его основным видом деятельности (местом и направлением обучения, сферой занятости и местом работы). Досуг приближает человека к его сущности, он определяется волей личности, а не «давлением внешней цели, являющейся производственной необходимостью или социальной обязанностью» [3]. Отсюда, соответственно, и повседневные перемещения в сфере досуга также становятся свободными в том смысле, что индивид или группа может осуществить свой выбор, исходя из потребностей и интересов, руководствуясь желаниями и временем, «...которое ... остается свободным для удовольствий, для досуга»[3].

Повседневные перемещения становятся предметом пристального внимания преимущественно западных ученых, представляющих различные сферы социально-гуманитарного знания. Однако в российской практике пока не сложилось самостоятельной традиции в исследовании данного феномена.

Повседневные перемещения в досуговых практиках мы определяем как рутинные, возвратные, регулярные перемещения, которые способствуют становлению/поддержанию статусно-ролевого набора личности. Эти перемещения реализуются во время, свободное от непреложных дел и детерминируются структурой социальных отношений, свойственных

конкретному обществу. Повседневные перемещения в досуговых практиках осуществляются на основе стереотипов, и в связи с этим их действительное значение не осознается социальными субъектами. Не смотря на это, при исполнении социальных ролей в процессе поддержания межличностных социальных отношений и сохранении себя как социального субъекта человек бессознательно участвует в воспроизводстве собственного социально-статусного набора. Повседневные перемещения оказываются значимым социальным феноменом, поскольку являются необходимыми, с одной стороны, для воспроизводства личности самого индивида, с другой стороны, для воспроизводства его социальных отношений и связей с другими.

Основу повседневных перемещений в досуговых практиках составляют перемещения, ориентированные на удовлетворение потребностей в общении и отдыхе, а их траектории определяются целями и ценностными ориентациями. Как отмечает Е. В. Грунт, в выборе мест досуга особенное влияние на молодежь оказывает мода [2]. Модный молодежный досуг включает в себя потребление услуг в сфере досуга, ориентированное «на уровень жизни и стандарты потребления материально обеспеченных групп» [1]. Происходит это вследствие того, что молодые люди уделяют значительное внимание внешним атрибутам социально-статусной принадлежности, в том числе в способах повседневных перемещений (собственный автомобиль, такси) и досуговых практиках.

Согласно данным, полученным в результате нашего исследования¹, досуговые практики и соответствующие им повседневные перемещения отличаются в зависимости от совокупного дохода респондента.

Для молодых людей с относительно высоким уровнем дохода в большей степени характерны занятия хобби (в т. ч. спортом), посещение клубов, кафе, ресторанов, а также процедур, связанных с красотой. Данные досуговые практики являются внедомашними, ресурсоемкими, требуют физических перемещений и определенных возможностей для их реализации. Так среди имеющих личный автомобиль доля молодых людей с доходом превышающим 40 000 рублей (47 %) в четыре раза выше, чем доля респондентов с доходом до 10 000 рублей (9 %); кроме того респонденты с высоким доходом пользуются услугами такси во время досуга значительно чаще, чем остальные.

Молодые люди с низким уровнем доходов не располагают никакими собственными транспортными средствами и добираются до мест проведения досуга на общественном транспорте, что ограничивает маршруты и возможности физических перемещений. В связи с этим действует закономерность: чем ниже уровень дохода респондента, тем больше вероятность, что во время досуга он «сидит дома и ничего не делает», общается в социальных сетях, слушает музыку, т. е. реализует

---

¹ По материалам инициативного комбинированного опроса, который был проведен с ноября 2016 года по январь 2017 года в г. Екатеринбурге. Объем выборочной совокупности – 600 человек, в том числе 300 студентов и 300 работающих молодых людей.

домашние формы досуга и виртуально-коммуникационные перемещения. Виртуально-коммуникационные перемещения оказываются для молодых людей более доступными. Подавляющее большинство респондентов вне зависимости от уровня дохода обладают техническим оснащением необходимым для активных виртуально-коммуникационных перемещений: 89,7 % молодых людей имеют смартфон с беспроводным доступом к сети Интернет, обеспечивающим высокую скорость передачи данных (форматы 3G и 4G), 71,6 % – являются обладателями ноутбуков или планшетов.

Между тем, виртуально-коммуникационные перемещения не способствуют установлению новых социальных отношений, расширению социального капитала и утверждению в новых социальных ролях и статусах. Происходит это потому, что досуговые практики, которые сопровождаются виртуально-коммуникационными перемещениями, такие, например, как проведение времени в социальных сетях, используются для соединения с уже знакомыми людьми: родственниками и друзьями, а не для приобретения новых знакомств. Контакты, сформированные на основе личных связей, являются первичными по отношению к виртуальным. Социальные отношения преимущественно устанавливаются на основе взаимодействий лицом-к-лицу, для которых необходимы физические перемещения. При этом активизация физических (т. е. личные встречи с друзьями и родственниками) и виртуально-коммуникационных перемещений происходит в соответствии с имеющимися у индивидов ресурсами.

Молодые люди еще только находятся в поиске своего места в социальной структуре общества, им оказываются недоступны в полной мере ресурсы и капиталы, которыми обладают «взрослые», занимая определенное положение в обществе. Таким образом, существуют противоречия между жизненными целями и задачами, которые стоят перед молодым человеком и теми ресурсами, которыми он обладает для их выполнения.

Результаты исследования позволили сделать ряд выводов о том, какое влияние на социальное самоопределение молодых людей оказывают повседневные перемещения в досуговых практиках. Во-первых, недостаток экономического ресурса сказывается негативно и ограничивает выбор маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи. Молодые люди, испытывающие его дефицит, реализуют в основном домашние практики досуговой деятельности. Во-вторых, виртуально-коммуникационные перемещения способствуют воспроизводству социального субъекта и социальных отношений только в том случае, когда дополняются физическими перемещениями.

На основе данных выводов можно предложить рекомендации для развития потенциала молодежи посредством повседневных перемещений в досуговых практиках. Во-первых, вследствие недостаточного экономического капитала молодежи, муниципальным и региональным органам власти, в лице

комитетов и комиссий по работе с молодежью необходимо формировать и распространять некоммерческие досуговые практики молодежи¹ (особенно в зимнее время) с целью снижения негативных эффектов коммерциализации сферы досуга (в т. ч. организация соответствующих назначению, безопасных и надежных мест встреч), а также обеспечивать информационную поддержку некоммерческим мероприятиям, событиям и виртуальным площадкам, организуемым в сфере досуга молодежи. Во-вторых, важным видится создание условий для формирования молодежных сообществ, в том числе виртуальных, с целью развития социального капитала молодежи. Реализация данных мероприятий будет способствовать самореализации и самоутверждению личности, а также ее саморазвитию и приращению социального капитала.

Список литературы:

1. Гордеева, С. С., Хачатрян, Л. А. Влияние социальных и внешнесредовых факторов на здоровье городской и сельской молодежи // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 228–234.
2. Грунт, Е. В., Мухутдинова, А. И. Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 1(161). – С. 26–38.
3. Маркс, К. Сочинения. Том 26. Часть 3 [Электронный ресурс]. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1964. – 681 с. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/54945/>.

---

¹ Как, например, развитие городской инфраструктуры, для занятий спортом на улице, создание внутри образовательных организаций, на уровне муниципалитета, региона событий, вовлекающих молодежь в некоммерческие практики досуга, волонтерскую деятельность.

УДК 316.303.7 ББК 88.4

Басимов Михаил Михайлович –
доктор психологических наук,
Российский государственный социальный
университет, г. Москва
e-mail: basimov_@mail.ru

БЛИЗОСТЬ С ТОВАРИЩАМИ ПО УЧЁБЕ КАК ПРИЧИНА НЕЛИНЕЙНОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОЩУЩЕНИЯ БЛИЗОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ

Ключевые слова: нелинейный, синергетический, коэффициент силы связи, ощущение близости, товарищи по учебе.

В настоящее время [4] в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно к общественным наукам (наукам о человеке), а с другой стороны, за исключением отдельных единичных исследований (в основном построение графиков по точкам для отдельных пар параметров), социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей, интерпретации только линейных моделей. Хотя как показывает наш опыт в подавляющем большинстве линейные зависимости составляют малую часть сильных зависимостей, а содержание их достаточно банально и предсказуемо.

Изучение **простейших** нелинейных связей по авторскому методу [2, 3, 18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11, 21], демографические планы населения [12, 20], социология профессий [19, 44], политическая социология [1] и т.д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13, 45] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [5, 6], этнопсихология [7, 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т.д.

Проблему выявляет и следующая статистика. Большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает предпоследний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших [14, 15, 16, 17] материалов, 4 доклада) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «12th Conference of the European Sociological Association 2015

(Pragua)» «non-linear» или «nonlinear» встречается в 11 тезисах (всего более 3000 тезисов).

Еще проблематичней ситуация в психологии, хотя для психологии эта проблема содержательно и методологически еще более значима. В материалах очередного 12 европейского конгресса «The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31], 10 докладов) только в 3 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция также принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43], 12 докладов) только в 4 тезисах (всего около 2500 тезисов).

Значит, социологи (как и психологи) в подавляющем большинстве по-прежнему «живут» в рамках методологии конца XVIII века (линейность, принцип суперпозиции и т.д.).

Рассмотрим как параметр «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» влияет как причина на ощущение близости с другими группами людей: с людьми своей национальности; с людьми своего поколения (возраста); со своей семьёй; с теми, кто уважает традиции своего народа; с теми, кто не утратил веры в лучшее будущее; с теми, кто допускает возможность взаимопонимания и сотрудничества между молодёжью и людьми старшего возраста.

1. Зависимость параметра «Ощущение близости с людьми своей национальности» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+24718
X-3	+771
X-2	-25477
X-1	-407

Коэффициент силы связи: 0.94 (0.40)
Коэффициент корреляции: 0.32

Ощущение близости с товарищами по учёбе как начальный этап складывающегося отношения к окружающему миру влияет на формирование ощущения близости с людьми своей национальности, но это влияние не прямое или обратное в терминах корреляционного анализа (коэффициент корреляции = 0.32), а более сложное, описываемое зависимостью с минимумом на 2 кварте

независимого параметра. Таким образом, первоначальный рост ощущения близости с товарищами по учёбе даёт обратный эффект для ощущения близости с людьми своей национальности, наблюдается глубокий минимум (-25477). Но в дальнейшем кризис формирования отношения молодого человека к окружающему миру стабилизируется и уже со 2 по 4 кварталы наблюдается строго монотонная возрастающая (не обязательно близкая к линейной) зависимость, когда рост ощущения близости с товарищами по учёбе оказывает сильное влияние на формирование складывающегося положительного отношения к окружающему миру, в том числе влияет на формирование ощущения близости с людьми своей национальности.

Обратная зависимость: зависимость ощущения близости с товарищами по учёбе от ощущения близости с людьми своей национальности значительно слабее (коэффициент силы связи 0.40 против 0.94), что позволяет говорить, что именно ощущение близости с товарищами по учёбе является причиной, влияющей на формирование ощущения близости с людьми своей национальности, а не наоборот. Это не противоречит здравому смыслу, но при этом подтверждается и математически, что объективно доказывает направление причинно-следственной связи. График зависимости:

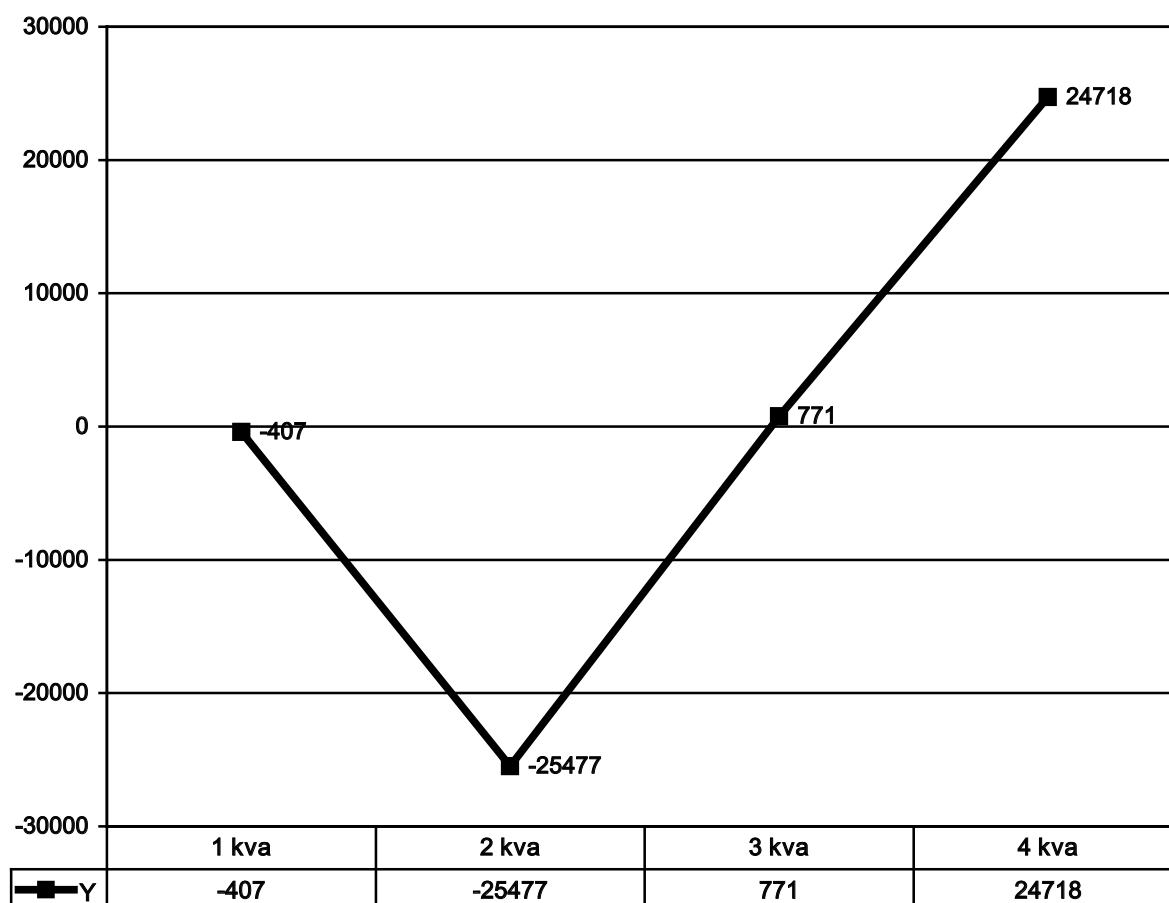

Рис. 1. Зависимость параметра «Ощущение близости с людьми своей национальности» от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)»

К аналогичным по форме и интерпретации зависимостям с рассматриваемым независимым параметром (причиной) можно отнести зависимости от ощущения близости с товарищами по учёбе следующих параметров, характеризующих складывающееся отношение к окружающему миру:

2. Ощущение близости с людьми своего поколения (возраста).
3. Ощущение близости со своей семьёй.
4. Ощущение близости с теми, кто уважает традиции своего народа.
5. Ощущение близости с теми, кто не утратил веры в лучшее будущее.
6. Предположение возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодёжью и людьми старшего возраста.

Рассмотрим кратко модели этих зависимостей.

2. Зависимость параметра «Ощущение близости с людьми своего поколения (возраста)» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	+18802
X-3	+1257
X-2	-25333
X-1	-92
Коэффициент силы связи: 0.87 (0.29)	
Коэффициент корреляции: 0.30	

3. Зависимость параметра «Ощущение близости со своей семьёй» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	+29755
X-3	-247
X-2	-20615
X-1	-6
Коэффициент силы связи: 0.89 (0.30)	
Коэффициент корреляции: 0.29	

4. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто уважает традиции своего народа» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	+16519
X-3	+1134
X-2	-29735
X-1	+220
Коэффициент силы связи: 0.96 (0.33) Коэффициент корреляции: 0.27	

5. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто не утратил веры в лучшее будущее» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	+21279
X-3	+746
X-2	-16981
X-1	-982
Коэффициент силы связи: 0.68 (0.33) Коэффициент корреляции: 0.30	

Последняя зависимость несколько отличается по форме от пяти рассмотренных выше: после минимума на 2 кварте рост зависимого параметра происходит только до 3 кварталы, после чего он практически не меняется.

6. Зависимость параметра «Предположение возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодёжью и людьми старшего возраста» (Y) от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	+5448
X-3	+6071
X-2	-23715
X-1	+42
Коэффициент силы связи: 0.68 (0.35) Коэффициент корреляции: 0.25	

График зависимости:

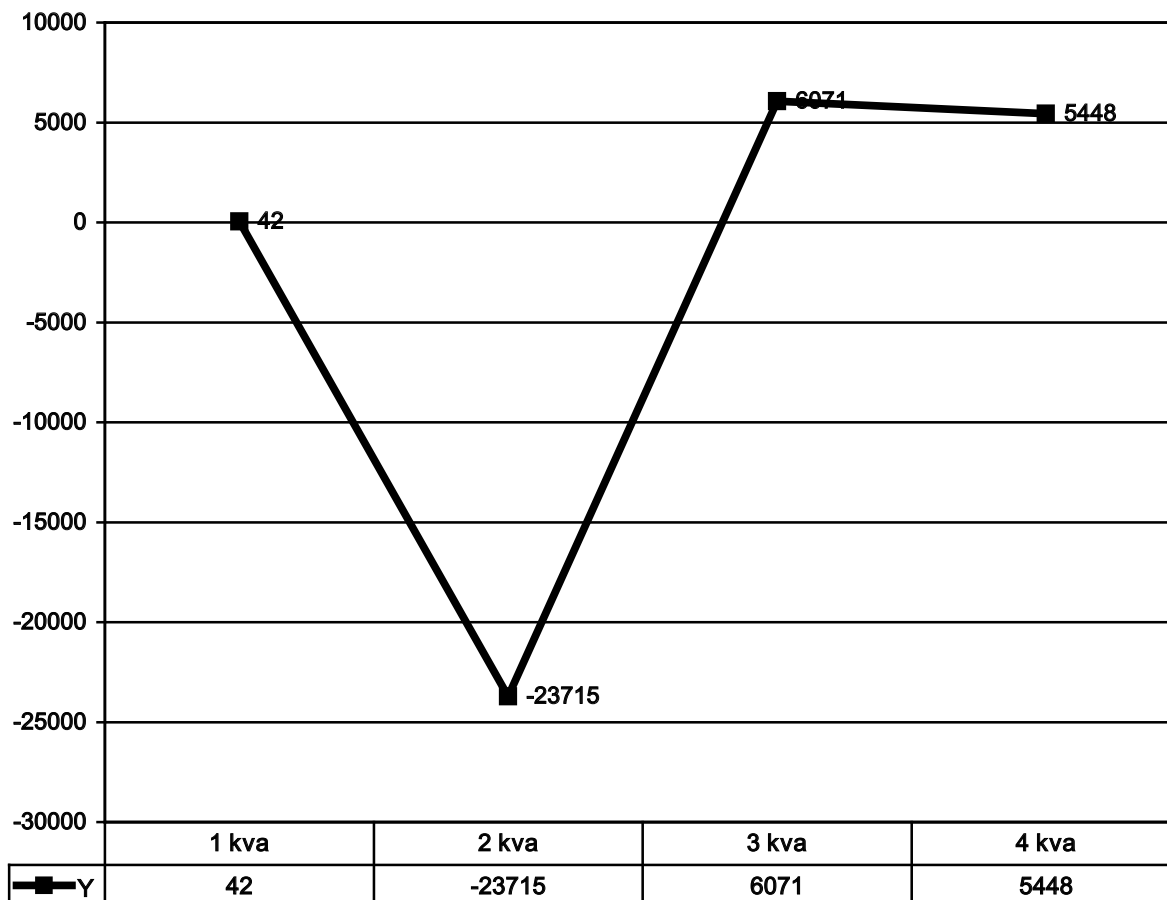

Рис. 2. Зависимость параметра «Отношение к высказыванию, что возможность взаимопонимания и сотрудничества между молодёжью и людьми старшего возраста» от параметра «Ощущение близости с товарищами по учёбе (работе)»

Рассмотренные зависимости (простейшие нелинейные связи) явно не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273a

Список литературы:

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474-491.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М.М. Методологические проблемы и фундаментальные ошибки применения корреляционного анализа в психологических исследованиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 5 (138). С. 6-14.
5. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. № 2. С. 83–93.
6. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. № 4. С. 142–158.
7. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 209–222.
8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 140–155.
9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 54–57.
10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 57-61.
11. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522-528.
12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195–203.
13. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.

14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.

15. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.

16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.

17. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.

18. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.

21. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.

22. Basimov M.M. Methods of psychological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1274.

23. Basimov M.M. The analysis of the data in nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1275.

24. Basimov M.M. Classification of nonlinear dependences // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1276.

25. Basimov M.M. Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 568.

26. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1297.

27. Basimov M.M., Ilinykh Y.V. Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1311.

28. Basimov M.M., Ponomareva S.M. System of requirements to the teacher's profession the as an object of synergetics // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1603.

29. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1438.

30. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1439.

31. Basimov M.M., Bepalov B.I., Leonov S.V. Nonlinearity of psychophysiological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1282.

32. M.Basimov Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 768.

33. M.Basimov Parameter "Hermit" as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 760.

34. M.Basimov Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 763.

35. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 776.

36. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 774.

37. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Psychological nature of social motives of university admission // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 790.

38. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Education fee as the reason of typological characteristics of the student // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 788.

39. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.

40. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.

41. M.Basimov, I.Nikolaeva Value characteristic “I” as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 784.

42. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of durability and subjective remoteness from “Worst others” // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 785.

43. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 783.

44. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. P. 413-414.

45. M.Basimov Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. P. 1015-1016.

УДК 316.303.7 ББК 88.4

Басимов Михаил Михайлович –
доктор психологических наук,
Российский государственный социальный
университет, г. Москва
e-mail: basimov_@mail.ru

БЛИЗОСТЬ С СОСЕДЯМИ КАК ПРИЧИНА НЕЛИНЕЙНОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОЩУЩЕНИЯ БЛИЗОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ

Ключевые слова: нелинейный, синергетический, коэффициент силы связи, ощущение близости, соседи.

В настоящее время [4] в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно к общественным наукам (наукам о человеке), а с другой стороны, за исключением отдельных единичных исследований (в основном построение графиков по точкам для отдельных пар параметров), социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей, интерпретации только линейных моделей. Хотя как показывает наш опыт в подавляющем большинстве линейные зависимости составляют малую часть сильных зависимостей, а содержание их достаточно банально и предсказуемо.

Изучение **простейших** нелинейных связей по авторскому методу [2, 3, 18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11, 21], демографические планы населения [12, 20], социология профессий [19, 44], политическая социология [1] и т.д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13, 45] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [5, 6], этнопсихология [7, 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т.д.

Проблему выявляет и следующая статистика. Большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает предпоследний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших [14, 15, 16, 17] материалов, 4 доклада) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «12th Conference of the European Sociological Association

2015 (Pragua)» «non-linear» или «nonlinear» встречается в 11 тезисах (всего более 3000 тезисов).

Еще проблематичней ситуация в психологии, хотя для психологии эта проблема содержательно и методологически еще более значима. В материалах очередного 12 европейского конгресса «The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31], 10 докладов) только в 3 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция также принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43], 12 докладов) только в 4 тезисах (всего около 2500 тезисов).

Значит, социологи (как и психологи) в подавляющем большинстве по-прежнему «живут» в рамках методологии конца XVIII века (линейность, принцип суперпозиции и т.д.).

Рассмотрим как параметр «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» влияет как причина на ощущение близости с другими группами людей:

1. Ощущение близости с россиянами.
2. Ощущение близости со своей семьёй.
3. Ощущение близости с людьми, которые придерживаются досуговых увлечений респондента».
4. Ощущение близости с теми, кто не ждёт манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь.
5. Ощущение близости с теми, кто (как и респондент) уверен, что от его действий мало что зависит (главное, как повезёт).

1. Зависимость параметра «Ощущение близости с россиянами» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+2820
X-3	+24506
X-2	-5637
X-1	-12252
Коэффициент силы связи: 0.73 (0.51)	
Коэффициент корреляции: 0.32	

Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями) как начальный этап складывающегося отношения к окружающему миру влияет на формирование ощущения близости с россиянами. С 1 по 3 кварту

отношения к соседям (независимый параметр) наблюдается резкий подъем зависимого параметра «Ощущение близости с россиянами» (с -12252 до +24506 по сравнительной весомости). Но в дальнейшем для высокого уровня отношения близости с соседями (4 кварта) наблюдается резкий спад параметра «Ощущение близости с россиянами» (с +24506 до +2820 по сравнительной весомости), хотя и до значений, значительно больших, чем первоначальные. Таким образом, наблюдается общая значительная положительная динамика, но не монотонная, а с явным максимумом на 3 кварте независимого параметра.

Обратная зависимость (X от Y) также представляет интерес, но она более слабая (по коэффициенту силы связи 0.51 против 0.73). А вот в рамки линейных представлений данная зависимость уже не вписывается, т. к. коэффициент корреляции (0.32) интереса не представляет.

График зависимости:

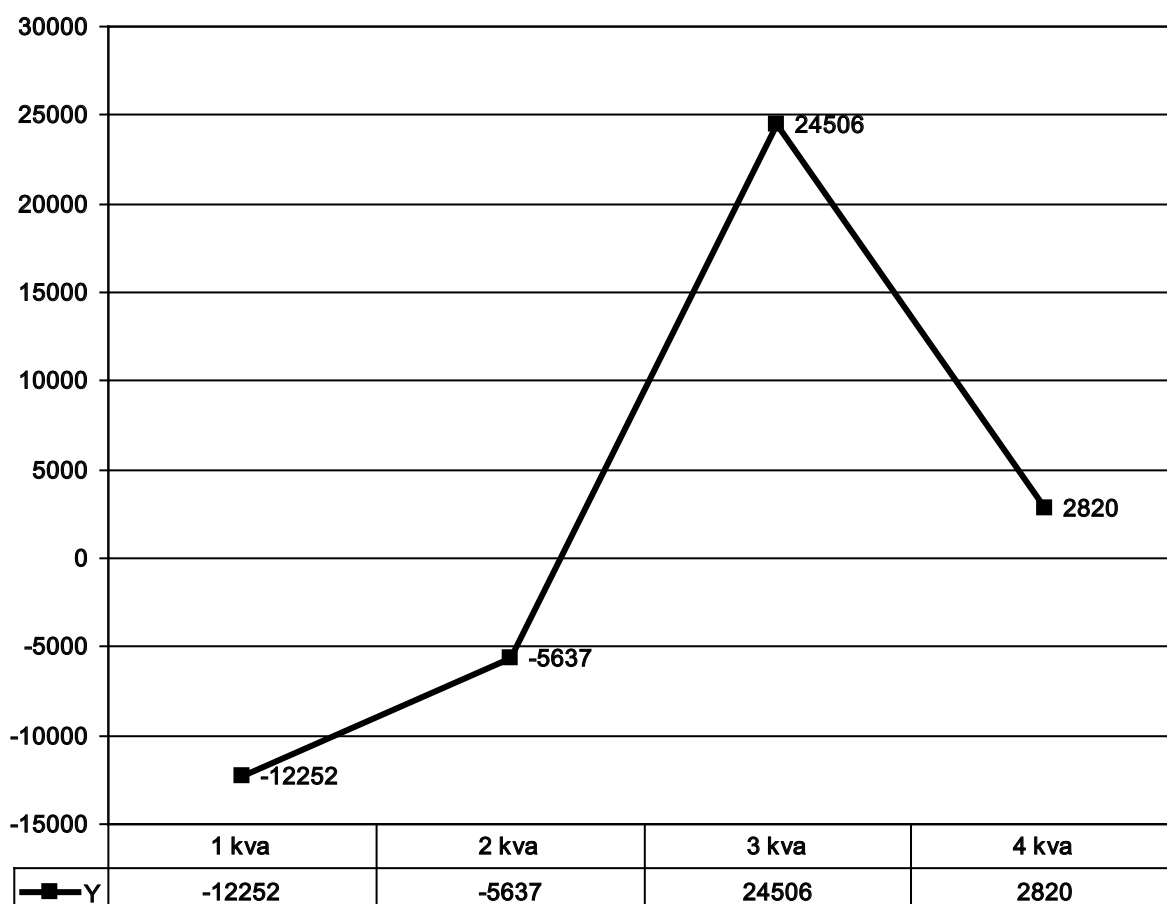

Рис. 1. Зависимость параметра «Ощущение близости с россиянами» от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)»

Зависимость параметров «Ощущение близости со своей семьёй» и «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» достаточно симметричная. В этом случае причинно-следственная направленность не имеет

предпочтительного направления (практически симметричная), но при этом далека от линейной пропорциональной связи (коэффициент корреляции 0.25).

2.1. Зависимость параметра «Ощущение близости со своей семьёй» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

**Кварты по
шкале X**
X-4
X-3
X-2
X-1

**Сравнительная весомость
параметра Y для кварт**

+36773
+1648
-5227
-1529

Коэффициент силы связи: 0.57 (0.51)

Коэффициент корреляции: 0.25

2.2. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (Y) от параметра «Ощущение близости со своей семьёй» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+7535
X-3	-9346
X-2	-433
X-1	-15640
Коэффициент силы связи: 0.51 (0.57)	
Коэффициент корреляции: 0.25	

Следующие две зависимости хотя и монотонные возрастающие, но далеки от равномерно возрастающих по форме (линейных). При этом связи достаточно односторонние, а ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями) является скорее причиной, влияющей на два другие параметра.

3. Зависимость параметра «Ощущение близости с людьми, которые придерживаются досуговых увлечений респондента» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+36104
X-3	+1791
X-2	-1952
X-1	-8721
Коэффициент силы связи: 0.56 (0.28)	
Коэффициент корреляции: 0.27	

4. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто не ждёт манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+34411
X-3	+2881
X-2	-774
X-1	-16230
Коэффициент силы связи: 0.63 (0.40)	
Коэффициент корреляции: 0.32	

График зависимости:

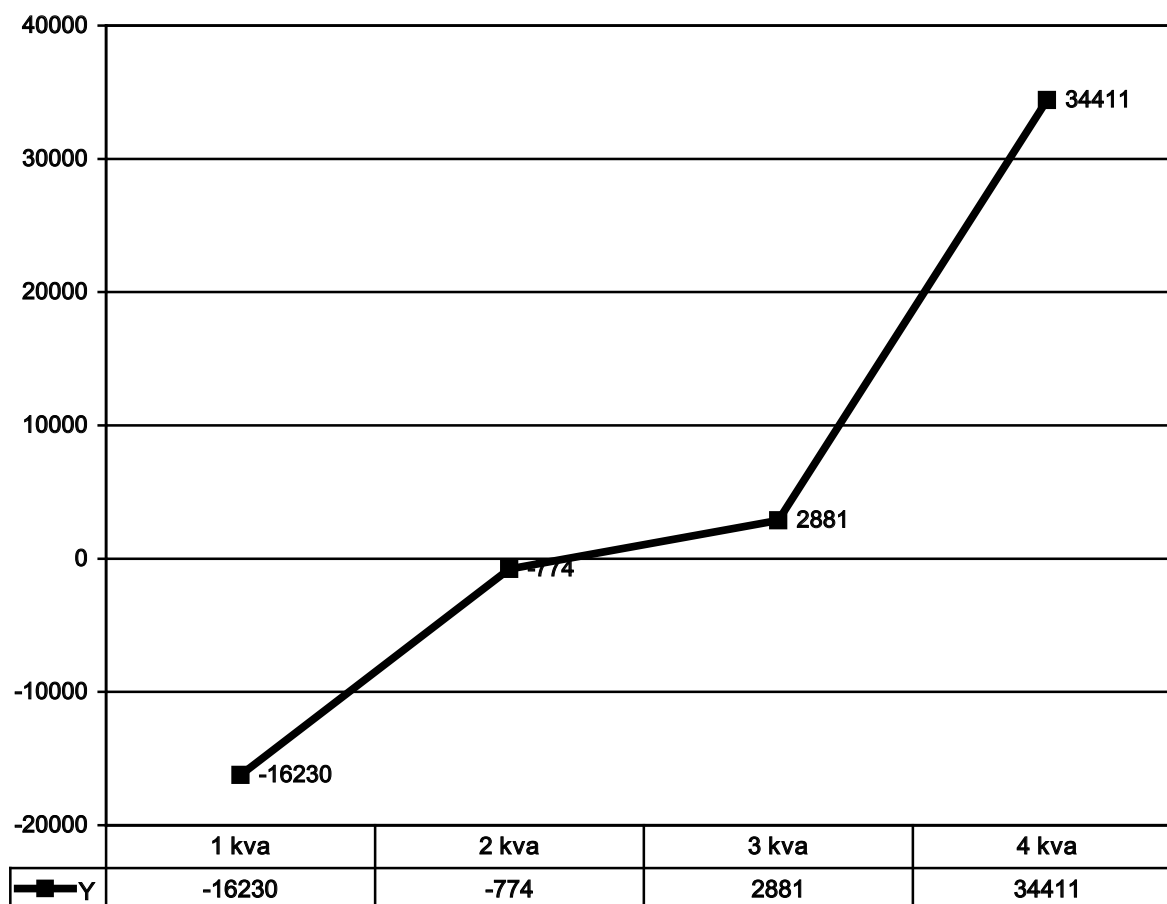

Рис. 2. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто не ждёт манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь» от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)»

Последняя из выявленных связей, тематически объединенных в рамках статьи, – зависимость с максимумом на 3 кварте независимого параметра.

5. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто (как и респондент) уверен, что от его действий мало что зависит (главное, как повезёт)» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+780
X-3	+27221
X-2	-3359
X-1	-20837
Коэффициент силы связи: 0.93 (0.62)	
Коэффициент корреляции: 0.31	

Ощущение близости с теми, кто живёт рядом (соседями), как начальный этап складывающегося отношения к окружающему миру влияет на формирование ощущения близости с теми, кто (как и респондент) уверен, что от его действий мало что зависит (главное, как повезёт). Причем вначале с 1 по 3 кварту независимого параметра наблюдается резкий рост зависимого параметра (с -20837 до +27221 по сравнительной весомости). Но в дальнейшем для высокого уровня ощущения близости с соседями (4 кварта) наблюдается резкий спад зависимого параметра (с +27221 до +780 по сравнительной весомости), хотя и до значений значительно больших, чем первоначальные, что указывает на общую существенную положительную динамику, но не монотонную, а с явным максимумом на 3 кварте независимого параметра.

Рассмотренные зависимости (простейшие нелинейные связи) явно не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Список литературы:

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474–491.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М.М. Методологические проблемы и фундаментальные ошибки применения корреляционного анализа в психологических исследованиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т.15. № 5 (138). С. 6–14.
5. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. № 2. С. 83–93.
6. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. № 4. С. 142–158.
7. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 209–222.
8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 140–155.
9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 54–57.
10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 57–61.
11. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522–528.
12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195–03.
13. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.

14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.

15. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.

16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.

17. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.

18. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.

21. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.

22. Basimov M.M. Methods of psychological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1274.

23. Basimov M.M. The analysis of the data in nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1275.

24. Basimov M.M. Classification of nonlinear dependences // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1276.

25. Basimov M.M. Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 568.

26. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1297.

27. Basimov M.M., Ilinykh Y.V. Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1311.

28. Basimov M.M., Ponomareva S.M. System of requirements to the teacher's profession the as an object of synergetics // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1603.

29. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1438.

30. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1439.

31. Basimov M.M., Bepalov B.I., Leonov S.V. Nonlinearity of psychophysiological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1282.

32. M.Basimov Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 768.

33. M.Basimov Parameter "Hermit" as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 760.

34. M.Basimov Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 763.

35. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 776.

36. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 774.

37. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Psychological nature of social motives of university admission // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 790.

38. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Education fee as the reason of typological characteristics of the student // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 788.

39. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.

40. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.
41. M.Basimov, I.Nikolaeva Value characteristic “I” as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 784.
42. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of durability and subjective remoteness from “Worst others” // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 785.
43. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 783.
44. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. P. 413-414.
45. M.Basimov Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. P. 1015-1016.

УДК 316.303.7 ББК 88.4

Басимов Михаил Михайлович –
доктор психологических наук,
Российский государственный социальный
университет, г. Москва
e-mail: basimov_@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ НА ЖИЗНЬ КАК ПРИЧИНА НЕЛИНЕЙНОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОЩУЩЕНИЯ БЛИЗОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ

Ключевые слова: нелинейный, синергетический, коэффициент силы связи, ощущение близости, взгляды на жизнь.

В настоящее время [4] в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно кобщественным наукам (наукам о человеке), а с другой стороны, за исключением отдельных единичных исследований (в основном построение графиков по точкам для отдельных пар параметров), социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей, интерпретации только линейных моделей. Хотя как показывает наш опыт в подавляющем большинстве линейные зависимости составляют малую часть сильных зависимостей, а содержание их достаточно банально и предсказуемо.

Изучение **простейших** нелинейных связей по авторскому методу [2, 3, 18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11, 21], демографические планы населения [12, 20], социология профессий [19, 44], политическая социология [1] и т.д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13, 45] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [5, 6], этнопсихология [7, 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т.д.

Проблему выявляет и следующая статистика. Большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает предпоследний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших [14, 15, 16, 17] материалов, 4 доклада) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «12th Conference of the European Sociological Association

2015 (Pragua)» «non-linear» или «nonlinear» встречается в 11 тезисах (всего более 3000 тезисов).

Еще проблематичней ситуация в психологии, хотя для психологии эта проблема содержательно и методологически еще более значима. В материалах очередного 12 европейского конгресса «The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31], 10 докладов) только в 3 тезисах (всего около 3000 тезисов). Далее тенденция также принципиально не меняется: в материалах последнего европейского конгресса «The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015)» «non-linear» или «nonlinear» встречается (кроме наших материалов [32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43], 12 докладов) только в 4 тезисах (всего около 2500 тезисов).

Значит, социологи (как и психологи) в подавляющем большинстве по-прежнему «живут» в рамках методологии конца XVIII века (линейность, принцип суперпозиции и т.д.).

Рассмотрим как параметр «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» влияет как причина на ощущение близости к другим группам, а также отдельным понятиям и суждениям.

1. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что Россия – многонациональная страна и её президент не обязательно должен быть русским по национальности» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-5996
X-3	-169
X-2	+32335
X-1	+3541
Коэффициент силы связи: 0.84 (0.14)	
Коэффициент корреляции: -0.19	

Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь, как структурная составляющая складывающегося отношения к окружающему миру оказывает влияние на формирование отношения к суждению, что Россия – многонациональная страна и её президент не обязательно должен быть русским по национальности. На начальном этапе роста ощущения близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь, наблюдается резкий скачек зависимого параметра (с +3541 до +32335). Далее наблюдается нестационарный процесс (зависимость с максимумом на 2 кварте) при формировании отношения к суждению, что Россия – многонациональная

страна и её президент не обязательно должен быть русским по национальности. Но в дальнейшем (3 и 4 кварталы) ощущение близости как причина ставит все на свои места. Зависимый параметр резко уменьшается, причем до значений существенно меньших (-5996), чем первоначальные (+3541). Процесс моделируется зависимостью с максимумом на 2 кварте независимого параметра.

Обратная зависимость (зависимость X от Y) очень слабая (коэффициент силы связи 0.14). Линейная составляющая зависимости выражается крайне слабой корреляцией (-0.19). График зависимости представлен на рисунке 1.

В процессе формирования ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь, наблюдаются также скачки (2 кварта независимого параметра) и других параметров, выражающих те или иные отношения респондента к окружающему миру, которые представлены целым рядом зависимостей.

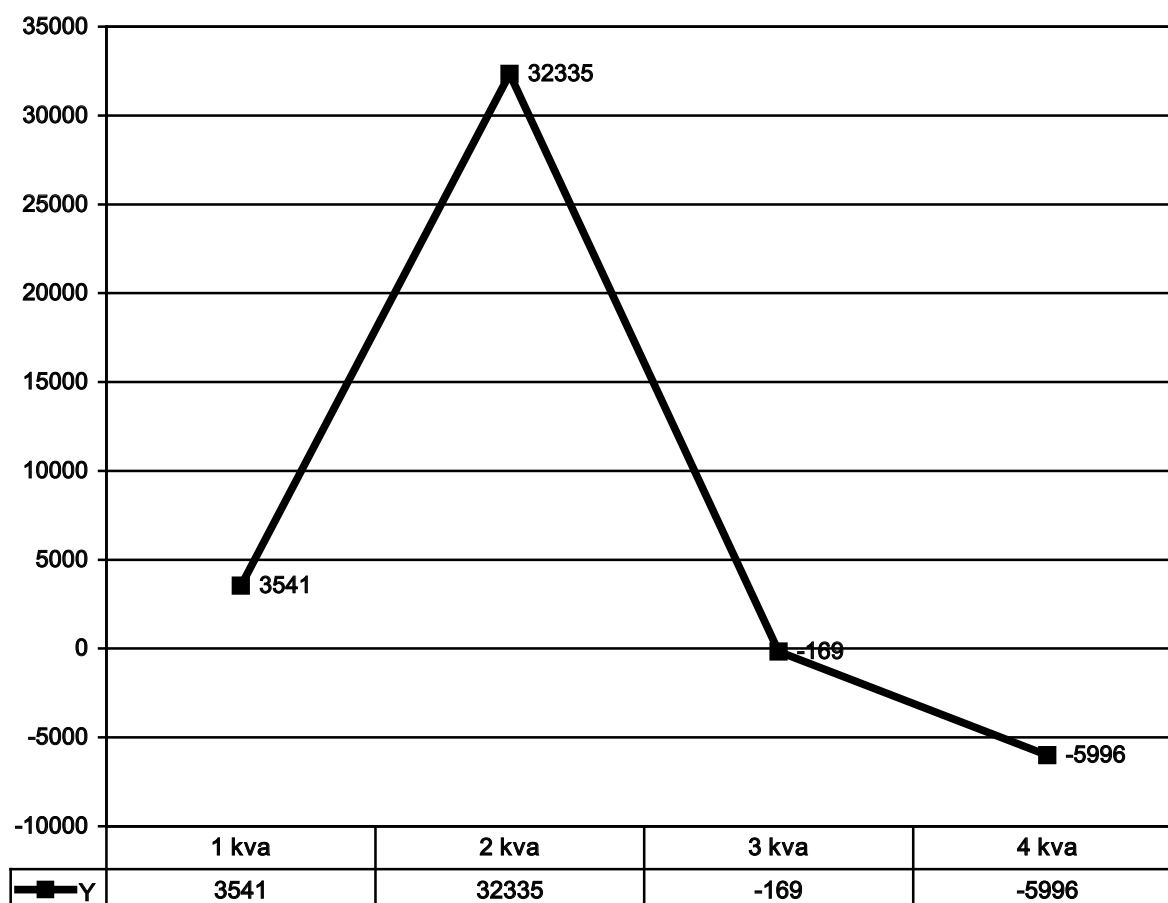

Рис. 1. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что Россия – многонациональная страна и её президент не обязательно должен быть русским по национальности» от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь»

2. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что самой главной религией в России должно быть православие» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+118
X-3	-1097
X-2	+27762
X-1	+660
Коэффициент силы связи: 0.72 (0.15)	
Коэффициент корреляции: -0.04	

Зависимость также имеет максимумом на 2 кварте независимого параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь», но при этом она более симметричная по значениям крайних кварт. Причинно-следственная связь также явно односторонняя (коэффициент силы связи X от Y равен 0.15).

3. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-15399
X-3	-340
X-2	+34943
X-1	+6186
Коэффициент силы связи: 0.99 (0.44)	
Коэффициент корреляции: -0.28	

Зависимость имеет максимумом на 2 кварте независимого параметра, но при этом наблюдается сильная отрицательная динамика (с +6186 до -15399 по сравнительной весомости) при сравнении 1 и 4 кварт независимого параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь».

4. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто (как и респондент) уверен, что от его действий мало что зависит (главное, как повезёт)» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-5740
X-3	+6051
X-2	+28395
X-1	-4249
Коэффициент силы связи: 0.84 (0.08) Коэффициент корреляции: 0.01	

5. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто не ждёт манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+24024
X-3	+589
X-2	-29667
X-1	-21530
Коэффициент силы связи: 0.78 (0.66) Коэффициент корреляции: 0.38	

Зависимость с минимумом на 2 кварте независимого параметра (-29667) и сильной динамикой при сравнении 1 и 4 кварт (-21530 и +24024). Зависимость в отличие от других близка к симметричной в плане математического разграничения причины и следствия в рамках двух параметров.

6. Зависимость параметра «Ощущение близости с людьми выбранной респондентом профессии» (Y) от параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+1700
X-3	+18763
X-2	-1312
X-1	-29279
Коэффициент силы связи: 0.82 (0.40) Коэффициент корреляции: 0.32	

Зависимость с максимумом на 3 кварте (+18763) независимого параметра и значительной общей динамикой при сравнении 1 и 4 кварт.

И, наконец, последняя зависимость отличается от предыдущих тем, что параметр «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» в отличие от предыдущих зависимостей выступает в роли зависимого.

7. Зависимость параметра «Ощущение близости с теми, кто разделяет взгляды респондента на жизнь» (Y) от параметра «Возможность взаимопонимания и сотрудничества между молодёжью и людьми старшего возраста» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+3906
X-3	+2293
X-2	-32434
X-1	-5034
Коэффициент силы связи: 0.80 (0.36)	
Коэффициент корреляции: 0.27	

Зависимость с минимумом на 2 кварте независимого параметра (-32434) и общей положительной динамикой при сравнении 1 и 4 кварт.

Рассмотренные зависимости (простейшие нелинейные связи) явно не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Список литературы:

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474–491.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М.М. Методологические проблемы и фундаментальные ошибки применения корреляционного анализа в психологических исследованиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т.15. № 5 (138). С. 6–14.
5. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. № 2. С. 83–93.
6. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. № 4. С. 142–158.
7. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 209–222.
8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 140–155.
9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 54–57.
10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 57–61.
11. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522-528.
12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195–203.
13. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.

14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.

15. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.

16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.

17. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.

18. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.

20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.

21. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.

22. Basimov M.M. Methods of psychological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1274.

23. Basimov M.M. The analysis of the data in nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1275.

24. Basimov M.M. Classification of nonlinear dependences // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1276.

25. Basimov M.M. Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 568.

26. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1297.

27. Basimov M.M., Ilinykh Y.V. Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1311.

28. Basimov M.M., Ponomareva S.M. System of requirements to the teacher's profession the as an object of synergetics // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1603.

29. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1438.

30. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1439.

31. Basimov M.M., Bepalov B.I., Leonov S.V. Nonlinearity of psychophysiological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1282.

32. M.Basimov Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 768.

33. M.Basimov Parameter "Hermit" as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 760.

34. M.Basimov Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 763.

35. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 776.

36. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 774.

37. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Psychological nature of social motives of university admission // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 790.

38. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Education fee as the reason of typological characteristics of the student // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 788.

39. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.

40. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.

41. M.Basimov, I.Nikolaeva Value characteristic “I” as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 784.

42. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of durability and subjective remoteness from “Worst others” // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 785.

43. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 783.

44. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. P. 413-414.

45. M.Basimov Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. P. 1015-1016.

Батырева Мария Владимировна –
доцент кафедры общей и экономической
социологии Тюменского государственного
университета

Голованова Юлия Игоревна –
студентка Тюменского государственного
университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Важнейшими факторами глобализации современного общества выступают развитие информационных технологий, активное развитие мобильности вообще и туризма в частности. При этом в большинстве случаев основная роль в трансформации современного общества отдается информационным технологиям, поскольку именно они изменяют способы и средства коммуникации. Новая мультимедийная коммуникационная система соединяет в себе все существующие ранее виды коммуникации – письменную, устную и аудиовизуальную. Мультимедиа создают новую социальную структуру, которой присущи широкая социальная и культурная дифференциация, что позволяет сегментировать пользователей и, в результате, формируется социальная стратификация по принципу включенности в коммуникации. Происходит деление всех людей на тех, кто способен выбирать и подключаться к коммуникациям сам, и тех, кого снабжают ими в ограниченном количестве.

Формирующаяся коммуникационная система охватывает все культурные формы, а те, что не включаются в систему, маргинализируются и утрачивают способность к воспроизводству. Тем самым, мультимедиа создает новую символическую среду, формирует культуру реальной виртуальности.

Тем не менее, помимо развития информационных технологий, важнейшим фактором глобализации является и мобильность. В современном обществе всё (люди, предметы, образы, информация) пришло в движение. Кроме того, происходит «гибель дистанции», чему способствуют Интернет и мобильная связь. Как отмечает З. Бауман, «среди ценностей на первое место выдвигается мобильность, свобода передвижения» [1, с. 67]. Этот вечно «дефицитный и неравномерно распределяемый товар» превращается в главный фактор расслоения постсовременной эпохи [1, с. 59].

Повсеместное увеличение мобильности, в свою очередь, приводит к росту туристической активности. Туризм, достигший сегодня глобальных масштабов и вовлекший огромные человеческие ресурсы, затрагивает многие стороны общественной жизни. Важнейшей социокультурной характеристикой

туризма является то, что он выступает как социальная практика, изменяющая человека и позиционирующая его в социальном пространстве. Туристская деятельность воздействует на внутренний мир человека, межличностные отношения, социум в целом. Туризм фокусирует на себе значимые трансформации современной социокультурной ситуации, в результате чего туристский опыт становится социально значимым.

Дж. Урри рассматривает туризм и глобализацию как взаимозависимые части одной системы. «Современный мир охвачен производством и потреблением мест. Туристические объекты создаются подчас в самых неожиданных местах» [4, с. 136-138]. Потоки туристов опосредуют отношения между обществами и переопределяют положение «мест» в глобальном порядке с позиции их туристического потенциала. По выражению З. Баумана, «мир превратился в склад потенциально интересных объектов, и задача заключается в том, чтобы выжать из них как можно больше занимательного» [1, с. 37]. Туризм, когда-то являвшийся маргинальной деятельностью или делом лишь немногих, оказывается в центре «текучей современности». Турист находится в постоянном поиске новых переживаний и приключений, и с каждым разом все более экзотичных, интересных, познавательных. З. Бауман отмечает также, что по мере того, как туризм занимает все большую часть времени людей, туристский стиль поведения превращается в их образ жизни.

Стремительно развивающиеся мобильные технологии сжимают пространственно-временные ощущения и вместе с тем трансформируют «взгляд туриста». Дж. Урри указывает на то, что наряду с телесными путешествиями возникают виртуальные и воображаемые, а также утверждает, что важным мотивом к путешествию является «потребность в близости», стремление быть сопричастным к какому-либо пейзажу, событию или сообществу. Быстрое «развитие транспортной системы делает туризм доступным практически для всех слоев населения» [3, с. 68], а культуры становятся настолько мобильными, что современные люди уже не ставят под сомнение возможность проникновения в них и аутентичность опыта становится ведущим императивом современных туристов.

Американский антрополог Д. МакКаннелл, исследовавший «осознанный» туризм, в своих ранних работах пишет о проблеме восприятия, образа путешествий, а также об опыте аутентичности, получаемом туристом во время перемещений. При этом он заимствует у Гоффмана понятие «план восприятия» – место исполнения, место, где происходит социальное действие [2, с. 21]. Суть в том, что далеко не все планы восприятия доступны представителю другой культуры. Часто путешественник может довольствоваться только «постановочной аутентичностью» исключительно «туристических» мест, не имеющих отношения к реальному социокультурному пространству города» [5, с. 592]. «Осознанный турист», по Д. МакКаннеллу, стремится проникнуть

туда, где нет ничего специально подготовленного для приезжих, где все реально, где царствует повседневный мир, характерный для данной культуры. Однако нередко турист не имеет возможности изучить их самостоятельно – доступ открыт только членам местного сообщества.

В такой ситуации все большую популярность приобретают глобальные сети гостеприимства, позволяющие не только погрузиться в местную культуру, но и найти бесплатный ночлег практически в любом городе мира. Каучсёрфинг – самое популярное сообщество такого формата. Couchsurfing.com – это глобальный сервис, позволяющий путешественникам находить временный ночлег в домах местных жителей на безвозмездной (безденежной) основе. После регистрации на сайте участники имеют возможность предоставлять очень подробную информацию о себе и, если пользователь участвует в практике хостинга (предоставления жилья путешественникам), он размещает информацию и о своем «кауче» – месте, где он предлагает остановиться другим путешественникам. Информация подтверждается фотографиями, и чем больше ее представлено участником, тем выше вероятность того, что его запрос или предложение получают отклик других каучсёрферов.

Участники, ищущие жилье, могут искать хостов, используя несколько параметров - возраст, местоположение, пол и уровень активности. Продолжительность, характер, условия и другие детали пребывания гостя обычно обсуждаются заранее для удобства обеих сторон. Как правило, никакой денежный обмен не происходит, но при определенных обстоятельствах возможен (например, компенсация затрат на продукты для совместного ужина). Участники сообщества могут оставить отзыв на своего хоста или гостя, чтобы другие каучсёрферы могли получить больше информации о нем, и в случае отрицательных оценок, не вступать с ним во взаимодействие. Иногда члены сети гостеприимства также предлагают помощь в планировании поездки, выступают в качестве гида, проводят тематические встречи для членов сообщества каучсёрферов.

Таким образом, практики каучсёрфинга, активно развивающиеся в современном обществе, удовлетворяют потребности людей быть более мобильными и получать желаемую аутентичность опыта, реализовывать свои эмоциональные установки. В тоже время каучсёрфинг противопоставляется массовым видам туризма, пропагандируя полное погружение в культуру принимающего социума.

Список литературы:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. Г.И. Афтатьяева – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
2. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман; пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 304 с.
3. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация / Дж. Урри // Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – с. 136-150.
4. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
5. MacCannell, D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings [Электронный ресурс]/ D. MacCannell // American Journal Of Sociology. 1973. Vol. 79, No. 3 – pp. 589-603. Режим доступа: <http://www.travel-studies.com/sites/default/files/MacCannel%20Staged%20Authenticity.pdf> (дата обращения: 11.08.2017).

УДК 316.648 ББК 60.54

Белоножко Лидия Николаевна –
аспирант кафедры маркетинга
и муниципального управления,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникационная среда, социализация молодежи, средства массовой информации.

Ценностный мир молодых людей постоянно трансформируется. Возрастающее влияние на эти изменения оказывают социально-экономические, политические процессы, традиционные средства массовой информации, а также динамично развивающаяся виртуальная информационно-коммуникационная среда.

В современном обществе наблюдается высокий уровень вовлеченности молодежи в информационно-коммуникационные взаимоотношения, благодаря развитию компьютеров и сетей. Это привело к тому, что термины «информатизация» и «информационное общество» широко используются не только исследователями и специалистами, но и в самых разных сферах жизнедеятельности индивида.

На специфику «информационного общества» первым обратил внимание Д. Белл, по мнению которого данное понятие следует интерпретировать не как последовательную ступень общественного развития, а как характеристику, отражающую предпочтительное значение информации в постиндустриальном обществе [2, р. 467].

У. Мартин выделил ряд признаков информационного общества [1]:

- технологический как ключевой предполагает использование информационных технологий в производстве, образовании, быту – компьютеры, онлайн услуги, гаджеты и т.д.;
- социальный, выражающийся в воздействии информации на качество жизни индивида и социума, формирующий новый тип сознания при условии широкого доступа к информации;
- экономический, использующий информацию в качестве ресурса и основного источника трудовой занятости;

- политический, позволяющий увеличить число участников политического процесса и привести к консенсусу между различными слоями населения и политиками за счет свободного доступа к информации;

- культурный, выражающийся в формировании легко воспринимаемой медианасыщенной среды, практически не поддающейся измерению.

В результате, по мнению М. Кастельса, «информационная эпоха» привела к формированию «нового или сетевого общества» [3, р.693].

В то же время Э. Гидденс скептически относился к распространившемуся понятию «информационное общество», называя его «посттрадиционным» и описывая в терминах эпохи «радикальной модернизации», обусловленной информатизацией социальных связей [4]. При этом, отмечал ученый, современный человек обладает большей свободой выбора, поскольку на основе доступной информации прогнозирует будущее, оценивает возможные риски от принятия решения, но все это приводит к росту неуверенности и тревожности, что является свойством современной цивилизации и отражается на ценностных ориентациях молодежи.

Созданный в результате обозначенных выше изменений «человек массы» (по Д. Беллу) отличается слабой устойчивостью перед манипулятивными методами, навязывающими определенный выбор, выдаваемый за личный. В результате формируется усредненный образ жизни, возникает обезличенность человека, его одиночество. Индикаторами информатизирующегося общества становятся быстротечность, спонтанность, фрагментарность, что отражается в ценностных ориентациях и проявляется в сфере межличностного взаимодействия. Реализуя новые потребности современного индивида в непрерывном празднике, инфотейнменте, карнавале изменился контент средств массовой информации, завоевав прежде всего молодежную аудиторию, поэтому следование трендам выступает в качестве одной из самых важных потребностей молодежи, когда медийная активность и популярность индивида приобретают статус блага в контексте символического потребления образов и необходимости заявить о себе.

Сегодня информационно-коммуникационная среда наполняется из различных Интернет-ресурсов, а также нового вида массовых коммуникаций – социальных медиа, сохраняя определенный сегмент традиционных СМИ (телевидение, радио, печатная продукция), которые также развивают свои виртуальные проекции. Вместе с тем коммерциализация информационных ресурсов, диктат рекламодателей, уход средств массовой информации от таких изначальных целей и задач как оперативное предоставление достоверной информации и свободные дискуссии, создают угрозу для социализации молодежи, поскольку усиливают одномерность мышления, формируют модели потребительского индивидуализма, через культивирование гедонистических ценностей вытесняют духовно-нравственные ценностные ориентации молодежи.

Представляется, что социализационный потенциал молодежи в условиях широкого доступа информационных ресурсов остается не востребованным, так как Интернет предоставляет неограниченные возможности для свободного и не всегда правдивого конструирования проекции личности в виртуальном мире. Анонимность в сети позволяет быть человеком любого возраста, социального и профессионального статуса. Более того, растущая зависимость индивида от популярности виртуальной проекции его личности часто приводит к отстраненности от учебы, работы, семьи, реальных коммуникаций и ролевых позиций, а значит постепенной подмене и деградации своего собственного «Я». И если виртуальный статус может быть оценен выше, чем реальный, то процессы адаптации к окружающей среде утрачивают свое значения, разрушая социализационный потенциал человека.

Итак, массовое сознание молодежи, склонное к манипуляции, перемещается в сеть, оставаясь восприимчивым к скрытому влиянию, отдавая предпочтение символам и образам, тиражируемые в информационно-коммуникативной среде в качестве контента и получающие статус интернет-мемов или трендов. Их культурные и идеологические значения существенным образом меняют ценностные ориентации молодых людей, формируя новые идеалы и общественные настроения. Повсеместное использование современной молодежью сети Интернет сделало информацию не только фактором пробуждения социальной активности, но и превратило ее в удобный инструмент манипуляции их сознанием. В данной ситуации стратегическим направлением государственного и общественного регулирования процесса формирования ценностных ориентаций молодежи может стать комплекс мер, направленных на формирование общественного идеала средств массовой информации и их виртуальной проекции.

Список литературы:

1. Мартин У. Информационное общество // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник / АН СССР. ИНИОН, 1990. – № 3. – С.115-123.
2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y. : Basic Books, 1973. – 616 p.
3. Castells M. Toward a Sociology of the Network Society // Contemporary Sociology, 2000. – Vol. 29. – No.5. – P. 693-699.
4. Giddens A. The Nation State and Violence: Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity, 1985. – 399 p.

УДК 379.851 ББК 60.99

Болтаевский Андрей Андреевич –
кандидат исторических наук, доцент,
Международный славянский университет,
г. Москва
e-mail: Boltaevskii@gmail.com

Резмерица Кристина Валерьевна –
студент, Российская международная
академия туризма, г. Химки
e-mail: rezmeritza2017@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БЕЗБАРЬЕРНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Ключевые слова: безбарьерный туризм, инвалиды, Россия, проблемы, тенденции.

В современном мире на наших глазах происходит качественное изменение статуса инвалида, ранее рассматривавшегося многими не просто в качестве неполноценного человека, но даже изгоем, недостойным пребывания в социуме. Вспомним, что в античной Спарте слабых новорожденных детей сбрасывали со скалы, а для первобытных племен было типичным бросать на произвол судьбы стариков и немощных. До сих пор еще у определенного круга людей существует предубеждение к данной социальной группе, тем не менее, именно сегодня инвалидов все чаще справедливо рассматривается не как лицо, обременительное для социума, которое пользуется только льготами и является своеобразной обузой, но как человек, способный реализовать свои таланты и достоинства, то есть приносить пользу себе и окружающим [1].

Туризм является одной из разновидностью путешествий, ставший наиболее популярным в течение XX в. Сегодня число туристов по всему миру составляет около 1 млрд. человек, а к 2030 г., по оценкам экспертов, достигнет 1, 8 млрд. человек [2]. Разумеется, что туристический рынок современности отличается заметной сегментацией: существуют специальные туры для молодежи и пенсионеров, молодоженов и семейных пар. К числу относительного нового направления относится так называемый безбарьерный туризм, направленный на лиц с ограниченными возможностями (инвалиды-колясочники, слепые и слабовидящие люди, лица с ослабленным слухом и т.д.). Относительная новизна данного термина обуславливает множество употребляемых терминов, смысловая нагрузка которых идентична:

безбарьерный туризм, социальный туризм, инватуризм, доступный туризм, туризм для всех.

Сегодня социальный туризм является одним из самых перспективных направлений в современной деятельности туристических компаний. Это связано, как с его слабым охватом со стороны туроператоров, так и по причине увеличения числа маломобильных групп населения, как в России, так и в ряде других стран, что связано с демографическими процессами (в первую очередь, старением населения) и улучшением системы социального обеспечения и медицинского обслуживания.

Первые шаги безбарьерного туризма в нашей стране относятся к 1950-1970-е гг., когда ряд советских организаций (Всесоюзная организация слепых и Всесоюзная организация глухих) начали разработку туристических походов выходного дня для слепых и глухих, а также пропагандировать и развивать их отдых в специализированных санаториях. Однако социально-экономический обвал конца 1980-х – 1990-х гг. не только привел к росту числа инвалидов, но и сократил государственные программы по их реабилитации. Новый этап в развитии социального туризма приходится на 2007-2009 гг., в дальнейшем получая отражение в рамках госпрограммы «Доступная среда».

В настоящее время в России подавляющее большинство туркомпаний не имеют программ отдыха, рассчитанных на инвалидов. По состоянию на 2017 г. в Москве отсутствуют специализированные организации, которые занимались бы разработкой и организацией туристических маршрутов для маломобильных групп населения: действовавший с 2005 г. «Национальный центр туризма для инвалидов «Инватур» был ликвидирован 21 сентября 2016 г. В Санкт-Петербурге на сегодня действует одна подобная организация – турфирма «Либерти». В списке предлагаемых «Либерти» туров экскурсии и поездки не только по Москве и Санкт-Петербургу, но и по другим городам нашей страны (например, Новгород) и даже за границу (Барселона, Париж, Прага, Рига). Предоставляют подобные услуги и несколько крупных туркомпаний, например, «Агентство ВЕЛЛ», компания «Амадэль Тур» и др.

Различные сложности в деятельности подобных компаний обязывают государство, именуяющее себя социальным, взять под свой патронаж данную деятельность. Необходимо создание государственной туристической фирмы, ведь именно государство заинтересовано в развитии данного продукта, в том числе и повышении качества жизни слабо защищенных слоев населения, тем более в условиях, когда туристические кадры готовят, в том числе, и государственные образовательные учреждения.

Помимо финансовых сложностей, большую проблему вызывает слабая информированность целевой аудитории. На наш взгляд, в перспективе необходимо создание специализированного интернетпортала, на котором будут представлены все предложения и разработки туроператоров в рамках безбарьерного туризма. Сегодня его функции выполняет сайт «Инватрэвел» (его

слоган «Мы знаем, где мало мобильным людям бывает хорошо»), созданный инвалидом-колясочником Игорем Гаковым и аккумулирующий, как внутренние, так и внешние турпредложения, а также полезные советы для безбарьерного туризма. Группа Вконтакте «Путешествия для колясочников» (как указано в ее подзаголовке, это «информационная группа по экскурсионному туризму для людей с ограниченными физическими возможностями, знакомство с историческими ценностями, получение положительных эмоций, укрепление физического и духовного состояния» [3]) регулярно помещает информацию о доступности для лиц с ограниченными возможностями, в первую очередь инвалидов-колясочников, московских театров, музеев, историко-культурных объектов. Также отдельные материалы и советы по путешествиям и отдыху лиц с ограниченными возможностями можно увидеть на знаменитом Форуме Винского и на сайте «Инвтрэвел».

Таким образом, в ближайшие годы можно прогнозировать рост числа участников безбарьерного туризма, даже в условиях экономического спада и снижения субсидирования государством социальных программ.

Список литературы:

1. Давыдова Е.А., Прядко И.П. Маломобильные группы населения в современном мегаполисе // Социо-гуманитарные проблемы строительного комплекса труды 6-ой Международной и 8-ой Всероссийской научно-практической конференции. – М.: МГСУ, 2010. – С. 195-202.

2. Количество туристов к 2030 году достигнет 1, 8 млрд. человек // Финмаркет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4472011> (дата обращения: 12.06.2017).

3. Путешествия для колясочников [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club8714688> (дата обращения: 12.06.2017).

Борзунов Владимир Алексеевич –

студент 4-го курса,

Российский университет дружбы народов

email: metro.vovan@icloud.com

Коновалова Татьяна Сергеевна –

студентка 4-го курса

Российский университет дружбы народов

email: tkonovalova96@gmail.com

СТРИТ-АРТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: Стрит-арт, свобода личности, граффити.

«Граффити — это одно из немногих средств самовыражения, которое ты можешь себе позволить, даже если ты не имеешь ничего. И даже если ты не расправишься при помощи граффити с мировой нищетой, ты можешь заставить кого-то улыбаться»

Р. Бэнкс «Banksy»

Стрит-арт (от англ. *Streetart* – уличное искусство) – направление в современном изобразительном искусстве, отличительной особенностью которого является ярко выраженный урбанистический характер.

Общественность до сих пор не может определиться с тем, что такое граффити – вид искусства, способ самовыражения или акт вандализма. Тем не менее, оно до сих пор не теряет своей популярности, и фасады домов с заборами продолжают обрастать всевозможными рисунками и надписями.[1]

Многие ученые социологи полагают, что стрит-арт – это своеобразный протест. Не смотря на то, что мы все находимся под влиянием современных ограничителей, нам свойственна – самореализация. Зачастую райтеры в своих работах пытаются отобразить окружающее их реальность. Безусловно это будет субъективное мнение, но все же мы можем рассматривать стрит-арт культуру, как отражение реальности. Да, конечно не все работы носят смысловую нагрузку, но каждый хотя бы раз видел граффити, стикер, в котором содержалось нечто такое, что повторяло внутренние мысли и переживания и заставляло нас задуматься. Одной из форм проявления свободы личности может являться неформальное искусство – стрит-арт. С.А. Высоцкий и А.А. Медынцева считают, что граффити – это источник важных сведений об истории, культуре, письменности. [9]. У каждого складывается свое видение на окружающий его мир и вполне логично, что каждый человек может

взять баллончик и нарисовать то, что ему кажется важным. Обществом это может восприниматься, как акт вандализма, но если действие происходит на разрешенной площадке это сразу же будет считаться, как новый вид искусства. В данной статье мы попытались разобраться в том, что же такое стрит-арт, какие темы, чаще всего затрагивают райтеры в своих работах, является ли данное искусство отражением реальности и является ли граффити тем самым «рупором общества».

В историческом контексте граффити называют рисунки и надписи, каким-либо образом нанесенные на различные поверхности. Но в современном понимании граффити считают видом уличного искусства, которое заключается в нанесении рисунков и надписей с помощью краски, чаще аэрозольной, на всевозможные поверхности, преимущественно на стены. Людей, которые их рисуют, называют райтерами. С помощью граффити не только можно донести до людей собственную точку зрения, но и открыть им глаза на происходящее вокруг. Каждый созданный или дополненный им рисунок – ничто иное, как послание, состоящее из множества идей, а так же мыслей на ту или иную тему... Художники сумели переплести и вписать в колорит районов прогрессивные художественные направления стрит-арта, превратив обычные спальные районы в городские достопримечательности. Чтобы увидеть творения художников в стиле стрит-арт, не нужно идти на выставку или в музей. Полотна творцов – все городское пространство: стены, заборы, промзоны, заброшенные дома и руины зданий. Художники украшают среду мегаполиса с помощью постеров, трафаретов, стикеров, огромных настенных росписей (муралей), инсталляций, проецирования видео на здания или пустыри. Все это тоже уличное искусство. Стрит-арт отличается от других видов творчества своей публичностью, доступностью массам. Стрит-арт – искусство эмоциональное. Мало кого оставят равнодушным творения художников: кто-то возмущается — опять эта мазня, куда только власти смотрят, кто-то с интересом рассматривает картины, пытаясь понять смысл послания автора. Некоторые восхищаются оригинальностью, нестандартным подходом, юмором, буйством красок.[4]

Мы часто считаем: стрит-арт – это, в основном, граффити. Но это только одно из направлений. Жанровое разнообразие стрит-арта практически безгранично, каждый выражает себя, как может. В этом и есть свобода уличных художников. Творить может любой желающий, не имея специального художественного образования. Уличное искусство разнообразно и по своему идейному наполнению. Существуют бунтарские направления, протестные – против рамок закона, условностей, классового разделения, войны. Есть творения, выражающие идеи экстремальных молодежных субкультур (скинхэдов, эмо, панков, рэперов), и использующие их символику, часто засекреченную. Кто-то творит просто с целью выразить себя, используя всю свою фантазию, воображение, нестандартное видение мира. Немало среди

уличных художников и любителей экстрима, которых привлекает азарт тайных ночных приключений – быстро оставить свой след в городском ландшафте, избежав преследования полиции или даже устроив побег от представителей закона.

Виды граффити:

1. К виду **Tagging** относят подписи авторов. Такой тег может быть самостоятельной работой, а может быть подписью к работе другого вида.

2. К **Writing**, собственно, и относят то, что мы чаще всего сейчас понимаем под граффити – выполненные в различных стилях рисунки на стенах; более изощренные, чем просто теги, они отличаются продуманностью, объемным изображением.

3. **Bombing** рисуют на транспорте и в прочих экстремальных местах, а художников называют бомберами. Такое граффити не отличается сложностью и аккуратностью выполнения, ведь главная задача бомбера – сделать так, чтобы его не поймали при нанесении рисунка.

4. Сюда же относят надписи в стиле **Scratching** – они выцарапываются точильным камнем, обычно на стеклах.

5. Самым простым стилем является **Throw-up**. Такое граффити состоит из двух контрастных цветов: заливки надписи и ее контура, обычно черного. Имеет округлую форму.

6. Еще один простой стиль – **Blockbuster** – выполняется не более чем из трех цветов и отличается большими угловатыми буквами.

7. Стиль **Bubbles** характеризуется большими буквами, напоминающими по форме пузырьки. Относится к старой школе, сегодня не распространен.

8. **WildStyle** отличается масштабным, трудночитаемым текстом, с острыми вытянутыми буквами, часто с переплетением. Сложный стиль, поэтому исполняется только опытными райтерами.

9. **CharacterStyle** – рисунки на стенах в стиле комиксов. Подвластны не всем, ведь здесь требуются определенные навыки рисования.

По данным социологического опроса, проведенного ФОМом в 2014 году, граффити людям чаще не нравятся, чем нравятся: 46% против 37%. Соответственно считают, что граффити город украшают, 37%, что портят – 47% респондентов. Между тем, за запрет граффити выступают только 5% опрошенных, 73% полагают, что граффитчикам просто следует получать разрешение властей, 14% – что никаких разрешений не нужно, граффити должны быть повсеместно.[7]

Пока свободное уличное искусство чувствует себя комфортно в галерейном, академическом формате, мы не сможем увидеть на просторах России нового “героя” с баллончиком краски, пытающегося прокричать нам “EattheRich” в своих работах. Сегодня у молодых художников есть возможность проявить себя, не нарушив общественных устоев, и при этом у него будет шанс напрямую обращаться к людям.[5]

Вандализмом признается осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества в общественном транспорте или общественных местах. Чтобы избежать ответственности, уличному художнику необходимо доказать, что в результате создания граффити не произошло осквернения территории, а только улучшился его внешний вид.

В соответствии с Уголовным кодексом, граффити можно квалифицировать по ч. 1 ст. 214 УК РФ «Вандализм». Власти полностью одобряют нанесения граффити на разрешенных территориях, чаще всего это парки, гаражи, заборы вдоль железных путей, иногда даже обращаются с просьбой нарисовать патриотичное граффити к 9 мая и т.д.[6]

Несмотря на то, что большинство людей считает множество работ откровенной провокацией, тем не менее, все они жизненные и правдивые. Ведь в своём разноплановом творчестве художники мастерски отражают реалии будней, акцентируя внимание на происходящее вокруг, или же просто украшают унылые улицы и фасады зданий вполне милovidными граффити, считая стрит-арт новой волной в современном искусстве. [3]. Будущее у этого вида творчества, безусловно, есть. Специалисты полагают, что будут параллельно развиваться два пласта – маргинальный, с его протестом и вызовом обществу и закону, и вполне легальный стрит-арт, многожанровый, украшающий городское пространство и арт-галереи. Существует множество классификаций граффити например, субкультуры (футбольные фанаты, и т.д.), социальные, художественные, политические, музыкальные.[1]

В апреле 2017 года, было проведено исследование по теме «Стрит-арт глазами российского общества на примере г. Москвы и г. Санкт-Петербург» (см. Рисунок 1 и Рисунок 2), целью которого являлось изучить содержательные характеристики стрит-арта в г. Москва и г. Санкт-Петербурге. Объект исследования: Здания, центральные площади, дворы домов, общественные места, музей стрит-арта в г. Санкт-Петербурге. Предмет исследования: Граффити, стикеры, трафаретные надписи. Гипотеза: Стрит-арт объекты носят провокационный характер, затрагивающие социальные проблемы общества и художников. Метод исследования: контент анализ. Было выделено четыре актуальных направления:

1. Художественное – к нему мы отнесли граффити, не несущие в себе текстовой нагрузки.
2. Политическое – к данному мы отнесли лозунги партий, радикальные призывы.
3. Социальное – данное направление может отражать в себе граффити приуроченные к национальным праздникам, социальные стикеры.
4. Неформальное – граффити содержащие в себе лозунги или эмблемы субкультур.

Рисунок 1

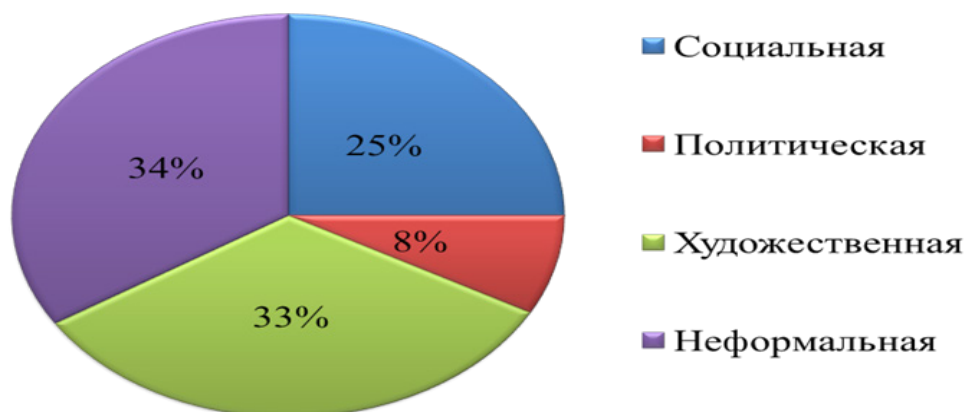
Распределение данных по стрит-арту в Москве

Рисунок №2

Распределение данных по стрит-арту в Санкт-Петербурге

Тематика направлений:

В ходе проведения исследования был использован метод контент-анализа с помощью, которого мы проводили сравнение стрит-арт искусства между Москвой и Санкт-Петербургом.

Были выдвинуты гипотезы:

Гипотеза 1. В Москве чаще всего в граффити затрагиваются темы неформальных движений (футбольные фанаты) и социальные темы.

Гипотеза 2. В Санкт-Петербурге чаще встречаются граффити, относящиеся к неформальным движениям.

Данные гипотезы подтвердились по результатам исследования.

В России так же поднимается тема о выделении таких площадок для расписывания стен. Недавно этот вопрос рассматривался в **Санкт-Петербурге** на совещании в жилищном комитете. Для граффити-рисунков выделена стена гаражного комплекса в **Приморском районе**. Вопрос о легализации граффити в Петербурге был решен в результате возникшего скандала после появления в Центральном районе города на трансформаторной будке несогласованного с властями портрета Виктора Цоя. Планируется дополнительно в качестве официальных мест для рисования выделить гаражи, брендмауэры, котельные, ограждения и объекты ТЭКа. Многие жители Санкт-Петербурга часто видят на улицах города постеры и трафареты. Они не такие масштабные и яркие, как граффити, муралы и панно.

Подводя итог, можно сказать, что стрит-арт культура в России еще достаточно молода. Не смотря на свое не продолжительное существование, стрит-арт культура адаптируется к современным реалиям, можно наблюдать, что сами художники понимают, что современное общество недостаточно понимает их вид деятельности. Неоднозначное отношение общества к стрит-арт объектам. Власти в России начали оказывать поддержку новому художественному движению, появляются попытки перенести так называемую уличную культуру, основываемую на протестных движениях, в теплые и уютные выставочные залы, однако сами райтеры против такого решения. Но современные условия, показывают нам, что общество не будет адекватно воспринимать стрит-арт на уличных площадках, если данные работы не будут соответствовать социальному развитию общества. Данное отношение связано с невосприимчивостью старшего поколения к «бездельничеству» по примеру рисования на стенах. Однако, как мы видим находится множество людей, которые поддерживают стрит-арт и считают, что это проявление свободы. На данный момент можно констатировать то, что государство идет на сделку с уличными художниками, всячески помогая развивать данное движение и выделяя все больше и больше площадок для рисования. Однако так же мы видим посыл, что все должно быть в рамках закона и если вы райтер, то должны рисовать только на разрешенных территориях. Возможно это и противоречит основам стрит-арта, однако не стоит забывать, что мы живем в правовом государстве и все равны перед законом и даже общество сигнализирует нам о том, что оно не против стрит-арт культуры и даже во многом поддерживает данное движение. Однако общество хочет видеть работы художников только на разрешенных площадках и это действительно правильно, ведь никто не хочет видеть разрисованную стену на красной площади, храмы и мемориальные постройки – объекты культурного наследия, сохраняя историю своей страны. Тем не менее стрит-арт культура развивается в России и идет свои путем, адаптируясь к нашему менталитету.

Список литературы:

1. Маисеева Е.В. Граффити провинциального города (коммуникативный подход). Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. № 1 / том 13 / 2013 // <http://cyberleninka.ru/article/n/graffiti-provintsialnogo-goroda-kommunikativnyu-podhod>
2. VIVACITY. Места, где легализовано граффити. 15.10.2014. // <http://vivacity.ru/mesta-gde-legalizovano-spot-graffiti>
3. Наумкина Е.В. Стрит-арт как способ конструирования социальных проблем в культурном пространстве современного мегаполиса. 29.11.2016. Казанский федеральный университет. <http://kpfu.ru/portal/docs/F1692000182/Naumkina.pdf>
4. Стрит-арт. Есть ли будущее у уличного искусства? М. Соболева. 28.07.2015 // <http://megapoisk.com/strit-art-ulichnoe-iskusstvo-segodnja>
5. Стрит-арт в России: уличное искусство без улиц. А. Алексеенко. 28.09.2016. // <http://www.rewizor.ru/other/reviews/strit-art-v-rossii-ulichnoe-iskusstvo-bez-ulits/>
6. Стрит-арт как проявление свободы личности: сравнительный анализ России и Европы. Борзунов В.А. РУДН. Актуальные вопросы социологической науки: теория методология практика. 2016. С143.//
7. ФОМ. Москвичи о граффити. 30.10.2014 // <http://fom.ru/posts/11787>
8. Что такое граффити: искусство улиц. А. Сергеева. 14.09.2015 // <http://megapoisk.com/chto-takoe-graffiti-ulichnoe-iskusstvo>
9. Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского софийского собора. XI-XIV века. М., 1978.

УДК 316.334.52 ББК 60.59

Боронев Асалхан Ользонович –
д-р социол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: pavlivasoc@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА: МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Ключевые слова: Сибирь, регион, идентичность, ментальность, сибиряк

В последние годы в науке уделяется большое внимание регионам как важным структурным элементам общества. Развиваются региональная экономика, региональная социология, историческая регионалистика и т.д. Понятие региона многозначно. Регионом могут быть части света (европейский, азиатский, африканский, американский и т.д.); специфические социокультурные пространства (Западная и Восточная Европа, Латинская Америка, Северная Америка, Центральная Азия, Океания и т.д.); поселенческо-административные пространства, имеющие правовой статус в составе государств (края, области, штаты, города, мегаполисы и т.д.). Кроме того, выделяются территориально-климатические географические пространства, которые составляют также социально-культурную структуру стран, но не имеют правового статуса. К ним в России относятся такие регионы-территории, как: Сибирь, Урал, Поморье, Центр, Северо-Запад, Дальний Восток, Северный Кавказ, Поволжье и т.д. В настоящее время конструкты регионов чрезвычайно актуальны. Так, стало модным говорить о Европе регионов. Утверждается, что каждая географо-социально-экономическая территория как регион обладает своими особенностями: спецификой природно-ландшафтных пространств, своей субкультурой, типом экономики, коммуникации с другими регионами и Центром. Эти факторы влияют на формирование своеобразного образа жизни населения, его социальных, психологических, нравственных и ценностных ориентаций, которые представляют некую систему, что сегодня принято называть менталитетом. Российский исследователь Р.Х. Симонян пишет, что в подобных регионах население составляет определенную целостность, характеризующуюся выработанными веками особыми формами симбиоза с природой, видами самообеспеченности (хозяйственной деятельности), общностью поведенческих черт, восприятия окружающего, сложившихся в процессе адаптации людей в природной и культурной среде [Симонян, 2005].

Это в полной мере относится к Сибири как территориальному региону, обладающей своими особенностями: своеобразной природой, пространственно-временной организацией, климатом, симбиозом разных культур, традиций, верований, навыков, что характеризует ее население, которых называют часто просто сибиряками. Сибирь одна из редких территорий, где почти за три с половиной века сложилась своя субкультура и соответственно структура местного менталитета, которая во многом определяет территориальную идентичность, выражающуюся в словосочетании «мы – сибиряки». Сложение сибирского населения, ее традиций, типа хозяйственной деятельности, ценностных ориентации и других форм адаптации началось с 17 века, что было отмечено многими. В 1888 году А. Пыпин, известный антрополог, литературовед отмечал, что «... Сибирь отличается от России своим гражданским положением, и, кроме того, опять нельзя отождествлять с господствующим типом русской народности в Европейской России» [Пыпин, 1888]. Население Сибири, несмотря на этническое разнообразие, утверждал он, близко к некоему единому типу. Это результат взаимовлияния, смещения культур, традиций быта и форм хозяйственной деятельности, например, скотоводческого и сельскохозяйственного.

Становлению «сибирской разнородности русского народа», ее сближению с аборигенами в рамках общего сибирского населения сыграла относительно гуманистическая колонизация этой территории. Подчеркивая это, еще Ф. Достоевский, который был сослан в Сибирь и хорошо знал ее проблемы, писал: «Мы первые объявили миру, что не через подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим достигнуть собственного преуспевания, а напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другой, прививая в себе их органические особенности и уделяя им от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их [Достоевский, 1998: 357]. С этой точки зрения сибирская ментальность - это сочетание мифосимволических элементов и рациональных основ конструкта «мы - сибиряки», с которой связаны экологическое сознание (одухотворение природного мира), социально-трудовая практика населения, социально-культурная память, нравственность, жизненные стратегии и перспективы жизни. Это подтверждают исследования сибирских социологов, моих учеников - Н. Сверкуновой и А. Янкова. По их данным, около 70% населения Прибайкалья и около 60% Забайкалья считают себя сибиряками, т.е. носителями определенных качеств, «закодированного» опыта жизни (М. Блок), в целом особой философии жизни и отношений. Кроме того, менталитет сибиряков характеризуется особым сочетанием культурных традиций, верований и опыта различных народов, что определено, как писал Ф.М. Достоевский гуманистическими принципами колонизации, чего не было, например, в Америке. С этой точки зрения, сибирская ментальность, как

основа региональной идентичности, является некой наднациональной формой субъективности, объединяющей социально-этнические ориентации и интересы. Безусловно, нельзя говорить о всестороннем проявлении сибирского территориального духовного единства. Оно имеет разные проявления. Например, у индигенных народов более актуальны одни ценности, у русских-старожилов другие. Ментальные проявления сибиряков могут иметь свои особенности в ее субрегионах - западной, восточной и северной Сибири. Это не сводит на нет понятие «сибиряки», также как понятие «аляскинцы», несмотря на полиэтничность штата Аляска в США, о чем пишет Уолтер Дж. Хикл, один из исследователей менталитета населения этой территории [Хикл, 2004].

Ясно, что, если хотим активизировать население Сибири как региона, то должны изучать структуру духовности населения, имея в виду, что прогресс любой территории региона во многом зависит от качества населения, включающего многие факторы. Среди этих факторов большую роль играет ментальность. Она - основа актуализации особенностей населения, его культуры повседневности, ценностных ориентации, традиционных форм деятельности (хозяйствования), экологического сознания, территориального патриотизма, без которых нет концепции жизненных стратегий, семейных традиций и чувства ценности окружающей социально-природной и культурно-бытовой среды. Территориальный менталитет - это отражение опыта жизни и конструкт, который создавался долгие годы. У сибирского менталитета были свои «идеологи»: А. Щапов, один из первых, кто писал и боролся за дух «сибирства», «областники» - Г. Потанин, Н. Ядринцев, П. Словцов и др. Представители «областнической» идеологии преследовались властями, сидели в тюрьмах. В их программе ставились вопросы отмены мануфактурного ига Европейской России, развития образования, «формирования местной патриотичной интеллигенции, готовых служить будущему края», решение проблем инородцев для гуманизации сибирского общества и т.д. [Потанин, 1907: 17-18]. В настоящее время эти и другие идеи программы сибирских «областников» чрезвычайно актуальны. Рынок нивелирует особенности населения, их ценности, традиции и интересы. Неравенство обостряет социальные и этнические отношения, которые приобретают конфликтный характер. В этих условиях чрезвычайно важно найти пути сохранения населения региона, его духовное единство, особливость, традиции и другие объединяющие народы факторы.

Состояние населения, единство народов Сибири связано во многом сложившейся структурой сибирской ментальности, выражающейся в весьма важных мировоззренческих, нравственных, поведенческих нормах, определяющих повседневную жизнь людей. Необходимо понять, как государственным структурам, так и самому населению Сибири, что развитие региона, улучшение качества их жизни во многом зависит от положения дел на территории, от активности населения. Для этого должна быть региональная

экономическая и социокультурная политика с учетом культурных особенностей и потребностей населения, которая объединяла бы людей, ставила цели их возвышения. Важно, чтобы эта политика способствовала развитию структуры гражданского общества. Такой опыт в мире есть. Как пишет тот же У.Дж. Хикл, на Аляске подобная программа объединила население, состоящее из аборигенов и пришлых, способствовала формированию его идентичности и институтов гражданского общества. Отечественные программы развития сибирского региона пока имеют ресурсно-вахтовую идеологию, отторгают роль сложившегося населения, от состояния которого собственно зависит судьба не только региона, но и всей страны. П.А. Сорокин, выдающийся российско-американский социолог, весьма справедливо утверждал, что не социум определяет культуру, а наоборот культура - социум. Поэтому важно искать пути индивидуализации населения региона, развивать формы идентичности. Индивидуализация населения развивает привязанность к земле, где живут, жили их предки и будут жить потомки. Необходимо поддерживать связанность населения с территорией, а не желание уехать из региона, строить свои жизненные стратегии вне родной социокультурной и природной среды. В этом процессе очень важны семья, семейные традиции. К сожалению, современная сибирская семья не выполняет своих функций воспитания любви к земле, где родился. Отсутствие нормальных условий жизни и хозяйственной инициативы рождает людей с кочевническим характером, попросту говоря, кочевников, которые не способны созидать, передвигаясь в пространстве.

В связи с этим чрезвычайно актуально, на мой взгляд, развивать традиционные формы экономической деятельности, которые связаны с природой, сложившейся ментальностью. Например, для многих районов характерно животноводство и сопутствующие ему направления промышленности, которые в структуре промышленного производства в целом и потребления занимают огромное место, что позволило бы уйти от «идеологии нефтяной трубы» и урбанизации. Это одна из форм «защиты» населения, его ценностей и представлений, становления уверенности и формирования его достоинства, что является важным фактором гражданского общества, умеющего защищать свои интересы от властей, погрязших в коррупции и опутавших людей огромным количеством разрешений и запретов, которые мешают проявить инициативу.

При уважении сущностных качеств населения, его ментальности и при наличии институтов гражданского общества невозможно то положение, когда предприятия, фирмы, добывающие из недр различные богатства, регистрировались бы в Москве, С.-Петербурге и в др. городах Центра. Это уводит налоги из региона, определяя нищенство населения. Сегодня в столицах России (в Москве и С.-Петербурге) идет оголтелая борьба за регистрацию добывающих фирм, которые платят хорошие налоги. Населению, например, сибирского региона приходится молча наблюдать то, что происходит,

составляя некую безликую массу без прав на недра и законодательно защитить ее при наличии региональных законодательных собраний. Население Сибири не должно быть бедным, т.к. территория богата как «первой» природой - богатствами недр, так и «второй» - человеческим капиталом, институциональной средой.

В этих условиях необходимо изменение функций местных (региональных) законодательных органов по защите прав населения, по утверждению принципов справедливости. Иначе регионы с их традициями, своей историей становятся подчиненными бизнес-структурам, идет активная унификация законов и социально-культурного бытия. Но многое разрешится, если будет осознан смысл понятия «Мы - сибиряки», наряду с общестрановыми, национальными и другими субъектными (область, край) ментальностями. Если будут активно использоваться функции этого понятия, то, на мой взгляд, многие проблемы демографии, миграции из региона, развития инициативы населения будут решены. Большую роль в этом может сыграть развитие институтов гражданского общества, общественных движений, поднимающих инициативу населения в экономической и культурной сфере. В настоящее время институты гражданского общества как форма инициативы, активности населения мало проявляют себя. Развитие сибирского региона в целом и правовых территорий (областей, республик) невозможно без учета особенностей населения, развития его инициативы. В условиях глобализации и, когда олигархи, интересуясь только земными богатствами, ведут политику детерриторизации, чрезвычайно важна его активизация по всем стратификационным элементам.

Должны быть, например, движения экологического характера. В ресурсных регионах они - эффективные формы коммуникации с властями и предпринимателями и давления на них с точки зрения защиты природы, своего здоровья, будущего потомков. Кроме того, это форма решения экономических проблем. Дело в том, что сегодня в нашей стране проблемы развития Сибирского региона путают с эксплуатацией ее недр. Таково сегодня основное содержание всех правительственных документов. Кроме того, надо иметь в виду, что при разрушенной экономике, суровом климате и малочисленности населения территория не может решать свои проблемы за счет налогов. Это возможно при контроле природных ресурсов, что сегодня осуществляется недостаточно. Одна из причин - отсутствие самоорганизации населения. За долгие годы проявило себя в Сибири только национально-экологическое общество алтайцев, которое протестовало против истребления животных безмерно разросшимися и алчными чиновниками местного и московского разлива.

В развитии и защите региональных ценностей очень важны организации сохранения культуры: языка, образования, традиций, семьи, детства, традиционного хозяйства. То, что эти и другие сферы жизни

находятся в критическом состоянии, известно всем. Например, без полного функционирования национальных языков (они в основном в Сибири и на Севере) этот регион будет тихо разрушаться, будет теряться та скрепа особенности и многообразия, которая украшает сибирскую землю. Унификация, в том числе языковая, губительна для культур национальных и мировой, что стали осознавать мудрые люди в Европе, выступая против Лиссабонского соглашения. То же можно сказать о семье и других элементах социокультурной жизни. Вообще, удивительно то, что огромный и определяющий ресурсное и экономическое развитие страны регион слабо представлен в общероссийских СМИ. Поэтому Сибирь, как писал бывший иркутянин, а затем проживавший в США П. Грессер в книге «От тройки до самолета», до сих пор остается в образе, данном «кающимися дворянами» (Кропоткин, Герцен, Плеханов, Бакунин), как территории дикой, где нет культуры, все в снегах, бродят по улицам поселений одни ссыльные и медведи. Сегодня не представлено смысловое поле территории как социально-культурного и экономического явления, формирующего наднациональную идентичность как перманентного процесса, актуализирующего, наряду с другими, перспективный образ Сибири. Без этого невозможно становление у населения положительных жизненных стратегий, что является основой внутренней и внешней миграции.

В связи с защитой населения региона ее культуры, необходима активная презентация региона. Эффективно работал в этом плане только писатель В. Распутин своими романами, публицистикой. Распутин говорит о Сибири в целом и о русской Сибири, а кто представит другие культуры? Для этого необходимы национальные и общесибирские издания. Например, журнал, который я назвал бы «Мир Сибири: народы, культура, история, хозяйство, языки». Кто возьмется за издание такого журнала?

В целом институты гражданского общества регионального характера - это факторы развития жизненно-важных основ жизни, подъема инициативы населения и его достоинства.

В заключение хочется еще раз вспомнить П. Сорокина, который утверждал о важности культуры в развитии социума, конкретных людей и народов. А многозначное понятие культуры в реальной жизни проявляется через структуры ментальных представлений, непосредственно связанных с повседневной деятельностью людей.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Биография, письма и заметки из записной книжки. М., 1998.
2. Потанин Г. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
3. Пыпин А. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. Кн. 4-ая, апрель, 1888.
4. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений крегиональным // Вопросы философии. № 3, 2005.
5. Хикл Уолтер Дж. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски - возможности для России. М., 2004.

УДК ББК

Вишневский Сергей Юрьевич –
д-р социол. наук, доцент

Вишневский Юрий Рудольфович –
д-р филос. наук, профессор,

Нархов Дмитрий Юрьевич –
канд. социол. наук,
все – Уральский федеральный
университет

Чевтаева Наталья Геннадьевна –
д-р социол. наук, доцент,
Уральский институт управления –
филиал Российской Академии народного
хозяйства и гражданской службы при
Президенте России, г. Екатеринбург

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: демография, молодежь, рождаемость, брачность, возрастные группы, трудоспособность населения, молодежная политика, Свердловская область.

Демографическая и молодежная политика взаимосвязаны. С одной стороны, именно демографические процессы (рождаемость, смертность, естественный прирост /или убыль/ населения, брачность, разводимость) определяют – с учетом возрастных границ молодежи – численность групп, через 14 лет пополняющих молодежь или через 30 лет переходящих из молодежи в более старшие возрастные группы.

С другой стороны, именно от молодежи, от молодой семьи зависит характер многих демографических процессов, особенно, – рождаемости (в последние годы в Свердловской области 7 из 10 детей рождается молодыми матерями – женщинами в возрасте до 30 лет, 6 из 10 – матерями в активном детородном, фертильном возрасте – 21–30 лет) и брачности (тенденция последних лет по Свердловской области три из каждых четырех женихов и четыре из каждых пяти невест вступали в брак до 35 лет. К сожалению, и в данном случае трудно из статистических данных выделить группу молодежи, поскольку учет велся по следующим возрастным группам –

до 18 лет, 18–24 года, 25 – 34 года и далее – 35 – 44 года, 45 – 54 года, 55 лет и старше. Группа 25 – 34 года объединяет и старшую молодежь, и группу, вышедшую из молодежного возраста. Но и с учетом отмеченного, роль молодой семьи вполне заметна).

С 2012 г. начался медленный, но неуклонный рост населения Свердловской области.

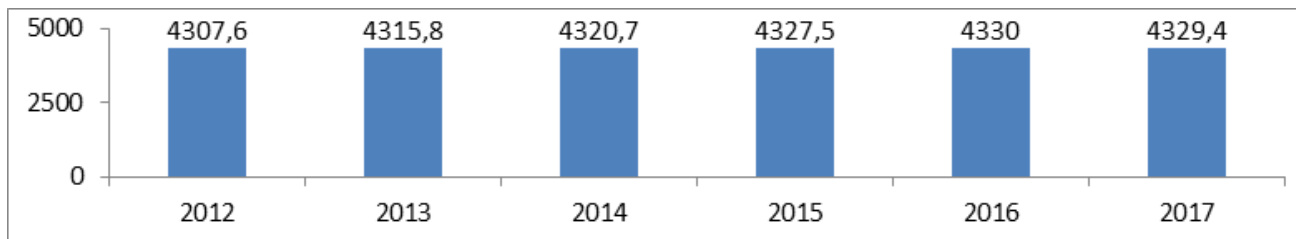

Рис. 1. Динамика численности населения Свердловской области за 2012–2017 гг. (по состоянию на 1 января). По данным Свердловскстата [3].

Во многом сказался рост рождаемости с начала 2000-х гг. (в том числе рост числа вторых и последующих детей, благодаря материнскому капиталу – федеральному и региональному), снижение смертности (в том числе материнской и младенческой). Подъем рождаемости – с учетом повышения среднего возраста рождения первого ребенка с 23 лет до 25 лет – в немалой степени был связан с вступлением в активный детородный период женщин, родившихся в период перестройки и, особенно, в годы антиалкогольной кампании, оказавшей при всех своих недостатках и ошибках позитивное влияние на демографические процессы.

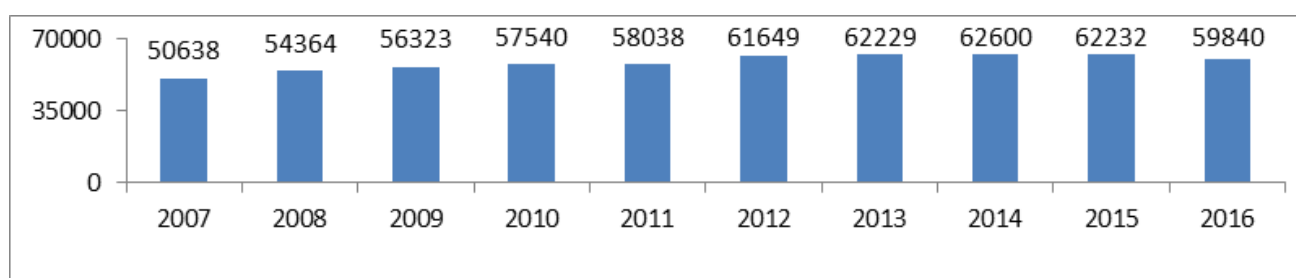

Рис. 2. Динамика рождаемости по Свердловской области за 2007–2016 гг., человек.

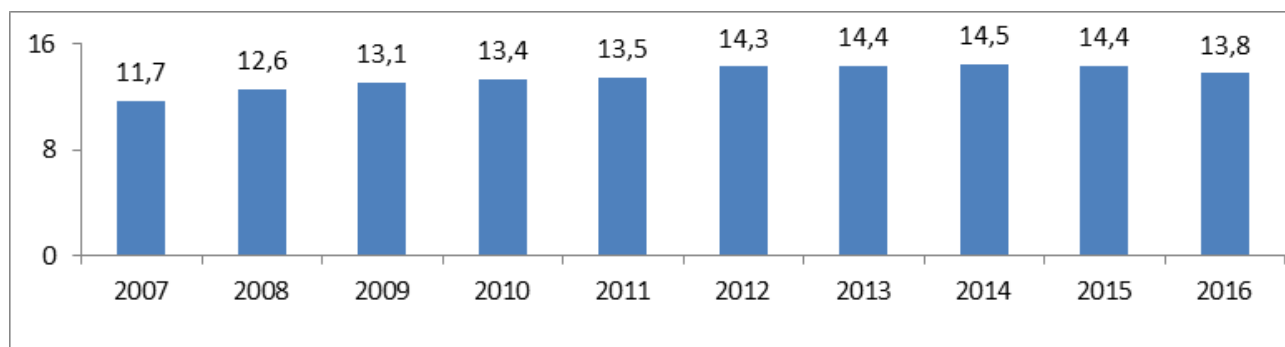

Рис. 3. Динамика изменения коэффициента рождаемости по Свердловской области за 2007–2016 гг., на 1000 человек населения.

Но на молодежные проблемы демографические процессы, особенно рождаемость, влияют не непосредственно, а с некоторым отставанием – ведь рубеж молодежного возраста 14 лет. Важнейшими демографическими процессами, оказывающими существенное влияние на характер и направленность молодежной политики в Свердловской области на ближайшую перспективу, будут:

- сокращение общей численности молодежи и ее доли в численности населения области;
- изменение соотношения между разными возрастными группами в составе молодежи;
- сокращение числа молодых работников, потенциальных молодых матерей и молодых семей.

Согласно прогнозам, численность молодежи в России сократится в период с 2012 по 2025 гг. в 1,4 раза с 35,2 до 25 млн. человек. В 2012 г. доля молодежи составляла 24,7 %, по прогнозу в 2025 г. она будет составлять лишь 18 % (сокращение в 1,4 раза) [1; 2].

В Свердловской области этот процесс, начиная с 2012 г., уже идет. За 2012–2015 гг. численность молодежи в Свердловской области сократилась на 12,5 %. Ее доля в составе населения за этот же период сократилась с 22,5 % до 19,9 %. В 2016 г. эти процессы продолжились и в целом за период 2012–2016 гг. сокращение численности молодежи составило уже 15 %, а ее доля в составе населения еще более уменьшилась – до 19,1 %, т. е. сегодня молодежь составляет уже менее пятой части населения области (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности молодежи и предмолодежи Свердловской области
2012–2016 гг., чел.

Возрастные группы	2012	2013	2014	2015	2016	Разница за период
8-13	237654	244680	252600	259496	268297	30643
14–15	75061	74574	74050	74114	77132	2071
16–17	83730	78886	75504	75147	74697	-9033
18–19	95263	89139	85777	81068	77116	-18147
Всего 14–19	254054	242599	235331	230329	228945	-25109
20–24	337264	311732	283454	260362	236516	-100748
25–29	377224	382865	378074	370616	360159	-17065
Всего молодежь (14–29)	968542	937196	896859	861307	825620	-107235
Доля молодежи в составе населения, %	22,5	21,7	20,8	19,9	19,1	-2,6

Сокращение за 2012–2016 гг. было присуще всем возрастным группам, но оно было неравномерным, наиболее коснувшись средней возрастной группы (20-24 года). В итоге дисбаланс в структуре молодежи даже усилился, за счет значительного увеличения старшей возрастной группы (25–29 лет).

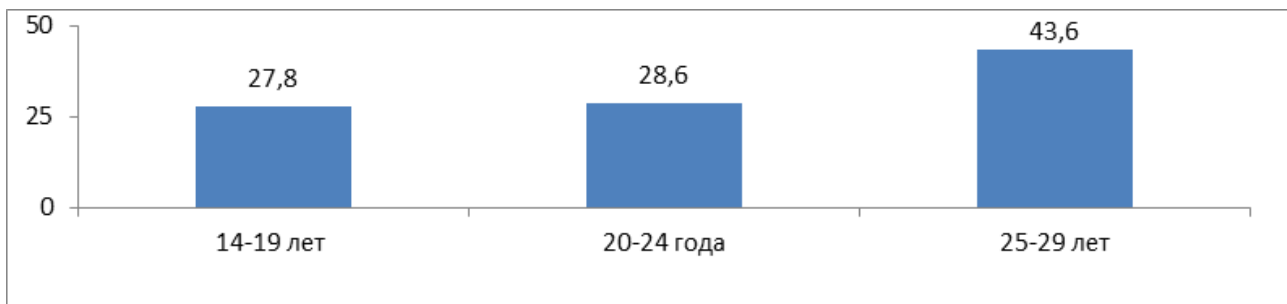

Рис. 4. Структура молодежи Свердловской области, доля (в %) разных возрастных групп молодежи.

Продолжился рост численности предмолодежи (дети и подростки в возрасте 8–13 лет). За 2012–2016 гг. он составил 12,9 %. Но в сравнении с группой старшей молодежи, которая в ближайшем будущем перестанет быть «молодежью», он весьма незначителен. Если отвлечься от других факторов, то в ближайшие 5 лет численность молодежи сократится на 360 тыс. человек (за счет старшей возрастной группы), а возрастет (за счет предмолодежи) лишь на 268 тыс. человек. Это значит, что численность молодежи области будет по-прежнему сокращаться.

В ближайшие годы в активный детородный период будут входить женщины, родившиеся в «лихие» 1990-е гг. Их будет все меньше. За 2012–2016 гг. по Свердловской области число женщин в возрасте 18–19 лет сократилось на 18,6 %, 20–24 лет почти на треть (на 29,5 %), в возрасте 25–29 лет – на 6,1 % (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности женщин в разных возрастных группах
по Свердловской области за 2012–2016 гг. (человек)

Возраст	2012	2013	2014	2015	2016	Разница за период
18-19	46371	43358	41992	39623	37751	-8620
20-24	164107	151672	137905	127018	115708	-48399
25-29	186807	188776	185808	181249	175490	-11317

А это означает возможное новое сокращение рождаемости. Приведенные на рис. 2 и 3 данные показывают, что в 2015–2016 гг. оно уже началось. За счет вторых и последующих детей его, очевидно, удастся смягчить, но полностью преодолеть не получится.

В целом и в молодежной политике, и шире – в социальной политике необходимо учитывать «волнообразность» демографических процессов. В этом плане весьма рациональным представляется получившая в Свердловской области распространение для решения проблемы с детсадами практика создания комплексов «детсад-школа», что позволит успешнее адаптироваться к «приливам» и «отливам» в рождаемости.

Важный аспект демографических процессов – численность допризывной молодежи (табл. 3). Позитивный момент – численность допризывной молодежи в 2012–2016 гг., хотя и сокращалась, но во все меньшем объеме. В 2016 г. впервые за весь период число юношей в возрасте 14–15 лет начало расти (сказался отмеченный рост рождаемости в 2000-е гг.).

Таблица 3

Численность юношей по Свердловской области в 2012–2016 гг., которые поставлены на первичный воинский учет или будут обязаны в ближайшие годы встать на воинский учет, человек

Возраст, лет	2012	2013	2014	2015	2016
14–15	38571	38201	38048	37852	39973
16–17	43015	40572	38792	38488	38412

Еще один тренд демографических процессов, который уже сказывается и будет сказываться на гендерной структуре молодежи (а опосредованно на

брачной ситуации и образовании молодых семей), – утверждение нормального распределения рождаемости (по оценкам демографов): на 106 мальчиков – 100 девочек (доля мальчиков, таким образом, – 51,5 %).

Таблица 4

Доля мужчин в детских и молодежных возрастных группах, % по годам

Возраст, лет	2012	2013	2014	2015	2016
До года	51,4	51,2	51,1	51,7	51,3
1–6	51,2	51,3	51,3	51,3	51,4
7	50,9	50,8	51,3	51,2	50,9
8–13	51,2	51,1	51	51,1	51,1
14–15	51,4	51,2	51,4	51,1	51
16–17	51,4	51,4	51,4	51,2	51,4
18–19	51,3	51,4	51	51,1	51
20–24	51,3	51,3	51,3	51,2	51,1
25–29	50,5	50,7	50,9	51,1	51,3

Как видим, и в 2016 г. сохранялся гендерный перекося в структуре молодежи, истоки которого уже в детских возрастных группах. Это означает, что данный перекося будет сохраняться в молодежной среде еще несколько лет. Даже с учетом разницы в возрастах женихов и невест в среднем в три года выясняется, что в Свердловской области сегодня и на перспективу складывается новая брачная ситуация («избыток» женихов). Остроту ситуации дополняет значительно меньшая ориентация на создание семьи у мужчин в сравнении с женщинами. Более того, можно прогнозировать в данной ситуации как вероятное «брачное поведение» женщин – их браки с мужчинами из более старших возрастных групп, или, что возможно в большей степени, их браки с мужчинами, уже состоящими в браке. Первое может сократить число холостяков, второе – увеличить число разводов.

Молодежь составляет важнейшую, постоянно обновляемую часть трудоспособного населения. Правда, как уже отмечалось выше, по закону (а потому и по статистике) начальный возраст молодежи (14 лет) и трудоспособный возраст (16 лет) различаются. И все-таки, демографические процессы проявляются в численности молодежи и в численности трудовых ресурсов.

Трудоспособное население области за 1990–1995 гг. сократилось (на 38,7 тыс. человек), а затем до 2004 г. наблюдался постепенный рост (на 118,3 тыс. человек). Начиная с этого года и по настоящее время численность трудоспособного населения неуклонно сокращается. В 2016 г. на состав трудовых ресурсов области продолжали влиять последствия гендерного перекося. Указанный перекося складывался, как можно судить из данных

переписей населения, на протяжении длительного исторического периода.

Таблица 5

Доля основных возрастных групп и подгрупп по полу в составе населения
Свердловской области, % от численности населения, 2012–2016 гг.

Значение	2012	2013	2014	2015	2016
Моложе трудоспособного возраста	16,5	17,0	17,5	18,1	18,6
Мужчины	8,4	8,7	9,0	9,2	9,5
Женщины	8,0	8,3	8,6	8,8	9,1
В трудоспособном возрасте	60,2	59,3	58,3	57,3	56,3
Мужчины	31,0	30,6	30,2	29,7	29,3
Женщины	29,2	28,7	28,1	27,6	27
Старше трудоспособного возраста	23,4	23,8	24,2	24,6	25,1
Мужчины	6,4	6,6	6,7	6,9	7,1
Женщины	17,0	17,2	17,5	17,7	18

В 2016 г. продолжился рост группы моложе трудоспособного возраста, начавшийся в 2009 г. Но гендерный перекос в этой группе сохранился. В группе трудоспособного населения – при дальнейшем сокращении ее доли в составе населения, а следовательно, и росте демографической **нагрузки** – гендерный перекос выражен еще сильнее, в том числе и в силу разницы возраста выхода мужчин и женщин на заслуженный отдых. В группе старше трудоспособного ситуация меняется на противоположную: в 2012–2016 гг. число женщин превышало число мужчин в 2,5–2,7 раза. В этом проявляется серьезное различие в их продолжительности жизни.

Демографические процессы в Свердловской области характеризуются, как и во многих регионах России, разнообразием ситуаций в различных муниципальных образованиях, что и должно учитываться в разработке и реализации муниципальной молодежной политики.

Список литературы:

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации № 2403-р от 29.11.2014.

2. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. С. 4,6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (дата обращения 18.07.2017).

3. Численность населения Свердловской области на 1 января и в среднем за 2003–2017 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/ (дата обращения 18.07.2017).

УДК 373.292 ББК 74.14

Гераскин Георгий Вадимович –
художественный руководитель,
Центр культуры и досуга
«Академический», г. Москва
e-mail: igranustang@gmail.com

Терёхина Юлия Игоревна –
воспитатель,
Центр развития ребенка детский сад № 25
«Золотая рыбка», г. Ступино
e-mail: ggeraskin@academcc.ru

ЛИЧНОСТНОЕ ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА В СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: дошкольное воспитание, развитие, личность, духовная среда.

Личностное здоровье – это состояние личности, обеспечивающее ее устойчивое развитие, успешный личностный рост, движение в сторону самоактуализации. Ребенок – белый лист и узор, который появится на нем, зависит, в том числе и от окружающего социума. Для социально-духовного развития и раскрытия возможностей малыша необходимо, в процессе обучения познания, создавать благоприятную обстановку эмоционального комфорта. Обстановку – обеспечивающую достаточно полную удовлетворенность потребностей ребенка в общении, используя при этом разнообразные формы и методики, основанные на социально-духовном восприятии.

При этом следует отметить, что формирование духовных ценностей, художественного вкуса на ранней стадии развития – является одним из основополагающих компонентов в становлении эстетически-гармоничной личности. Помогая раскрыться внутреннему духовному миру ребенка, мы закладываем основы будущего Человека, способного отделить повседневные тренды от подлинного богатства духовной культуры. А это значит, что эстетическое отношение к миру, единство способностей и мотивации к творчеству надо развивать с детства.

Каждый человек родом из детства. Именно в детстве мы имеем возможность дать ребенку больше душевного тепла, окружить атмосферой любви и добра. Тяжелый, но необходимый труд. Спустя годы, эти семена, посеянные на благодатной почве детской открытости, принесут свои плоды.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что личностное здоровье ребенка в социально-духовном контексте – это, формирование основ базовой культуры личности, которые были заложены при благоприятных условиях для полноценного духовного проживания ребенком дошкольного детства.

Дошкольное детство, или в более привычной формулировке дошкольный возраст – это уникальный период, когда закладываются основы социального, эмоционального, волевого, познавательного развития, происходит приобщение к общечеловеческим духовным ценностям. Нравственное и духовное воспитание, как правило, осуществляется при сопровождении взрослого, задача которого не нарушить внутреннюю гармонию, заложенную в человеке при рождении. Следовательно, планируя системные мероприятия – «программы развития» ребенка необходимо сделать акценты на:

- психологическом комфорте;
- расширении кругозора и развитии общей эрудиции;
- творческой самореализации;
- формировании навыков коллективной деятельности;
- всестороннее развитие и увлекательный отдых.

Для соблюдения вышеперечисленных условий, «программа развития» не должна сужаться до заучивания или механического повторения элементов программы ради достижения показного результата. Ребенок не должен получать готовый ответ. Занятия должны способствовать процессу познания, формированию индивидуального взгляда, умению находить собственные пути решения.

Современной дошкольной педагогикой разработано достаточное количество программ, направленных на развитие определенных способностей, навыков и умений. Большинство из таких программ видят своей целью достижение конкретного результата за определенный период времени. Такое отношение при воспитании дошкольника обедняет развивающий процесс, загоняя его в определенные рамки, воздвигая барьеры для дальнейшего положительного движения. В настоящее время особенно требуется качественный переход от дисперсного подхода к развитию ребенка к комплексному подходу, где отсутствует формально-надуманное разделение наук, а существующий в настоящее время подход не формирует целостной картины мира.

Как известно, ничто в мире не стоит на месте. Отсутствие положительного движения вначале приводит к стагнации в развитии, а в дальнейшем, все достигнутые результаты становятся воспоминаниями в семейном альбоме.

Чтобы детство не превратилось в воспоминания, чтобы полученные навыки и умения пригодились на протяжении всей жизни, дошкольное развитие должно быть многосторонним и включать в себя следующие формы работы:

- занятия с элементами эстетической направленности (живопись, музыка, поэзия);
- чтение и начальный анализ художественной литературы;
- анализ и решение проблемных ситуаций;
- совместные творческие проекты детей и родителей;
- беседы с детьми о духовных основах поведения;
- рассмотрение пространственно-логических задач и т.п.

Учитывая вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что духовное развитие ребёнка, его личностное здоровье имеет большое значение для самореализации в дальнейшем, а, следовательно, и для развития общества в целом. Это обстоятельство создает условия для сохранения преемственности при передаче духовных основ следующим поколениям.

Круг замкнулся. Ведь личностное здоровье ребенка особенно в социально-духовном контексте зависит от созданных в обществе благоприятных условий для полноценного проживания ребенком дошкольного детства.

Список литературы:

1. Болтаевский А.А., Прядко И.П. Реформа российской высшей школы в оценках учащихся и обучающихся: опыт исследования // Политика и общество. 2015. № 8. С. 1054-1059.
2. Захарищева М.А., Шкляева Н.М. Становление традиций общественного дошкольного воспитания: теория и практика // Детский сад: теория и практика. – 2017. – № 1 (73). – С. 44-55.
3. Серопян К.С. Воспитание социальной активности личности школьника. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна. – Ереван, 1988. – 20 с.
4. Ценева А.М. Развитие художественного восприятия детей у детей старшего дошкольного возраста в изобразительном искусстве // Научное отражение. – 2017. – № 2 (6). – С. 32-34.

УДК 316.44 ББК 60.524

Гимадеева Динара Рифкатовна –
Казанский федеральный университет,
г. Казань
e-mail: dinara.gimady@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ

Ключевые слова: социальная мобильность, информационное общество, интернетизация.

В рамках теории социальной структуры тема социальной мобильности является важным динамично-развивающимся вопросом, требующим обновления теоретических положений в зависимости от целого ряда внешних факторов. Так, в условиях информационного общества необходимо оценить, как модернизация в области новейших технологий повлияла на данный процесс. Известный ученый У. Мартин считал, что под информационным обществом следует понимать «развитое индустриальное общество», центрами становления которого в то время выступали Япония, США и страны Западной Европы.¹ Ф. Уэбстер конкретизирует направленность изменений в условиях информационного общества по сферам общественной жизни (технология, экономика, занятость, пространственный фактор и культура).² Увеличение доли информационного бизнеса и его преобладание в валовом национальном продукте рассматривается как признак общества нового типа. Если в экономической сфере информационная активность доминирует над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности, то делается вывод о наличии предпосылок информационного общества.

Для понимания общего принципа функционирования социальной мобильности, роли каналов, обратимся к развитию научных взглядов на данную проблему. Понятие «социальная мобильность» ввел в научный оборот П. А. Сорокин, который понимал под мобильностью перемещение индивида из одной социальной группы в другую; исчезновение одних и появление других социальных групп; исчезновение целой совокупности групп и полную замену ее другой³. Социальная мобильность – показатель динамики развития общественной жизни, эффективность функционирования которого

---

¹ Martin W.J. The Information Society. London: Aslib, 1988. P.174.

² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект пресс, 2004. С.14.

³ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. М.: Человек. Цивилизация. Общество, 1992. С. 302-373.

зависит от множества факторов. Сорокин подчеркивал, что мобильность существенно различается как на разных этапах исторического развития, так и в неодинаковых условиях отдельных стран.

Признавая, что в российском обществе имеются серьезные проблемы с социальной мобильностью, связанные прежде всего с закрытостью элиты, ученые выделяют несколько каналов в качестве более-менее эффективных: политические партии, науку, армию, спорт. Их относительно более высокая действенность может быть связана с высокой заинтересованностью в рекрутировании наиболее достойных представителей, что дает возможность продлить жизнь социальной организации. В этой связи назрела необходимость поиска новых социальных каналов и лифтов, способных обеспечить активную социальную мобильность. Требование учета многомерности критериев предполагает анализ проблем социальной мобильности, ориентированный не только на межгрупповые, но и на внутригрупповые различия статусов индивидов. В духе концепции социальной мобильности наряду с экономическими факторами, анализ которых был традиционно наиболее значимым для марксизма, рассматриваются профессиональный, властный факторы, престиж (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки), а также степень адаптации к происходящим переменам. Исследователи сходятся во мнении, что социальную структуру современного российского общества еще преждевременно оценивать как полностью устоявшуюся, хотя процесс стабилизации уже начался. Происходят значительные изменения в системе отношений собственности, распределения, общественной организации труда, в сфере социальной мобильности. Трансформационные процессы мобильности привели к возникновению новых социальных общностей, их взаимосвязей. Приватизация породила новый баланс социальных сил, сопровождающийся обострением и углублением имущественной дифференциации, поляризацией интересов социальных групп.

Ключевым фактором изменений, по мнению теоретика информационного общества Д. Иванова, является виртуализация как широкий процесс включения симуляций образами взамен институционально определенных практик, влекущий за собой нарастание компьютеризации. В отличие от привычного понимания «виртуального» как принципиально другого пространства, отличного от реального и связанного с компьютерными технологиями и Интернетом, Д. Иванов указывает на факт, что множество социальных изменений эпохи постмодерн можно объяснить процессом виртуализации: в сфере политики – это замещение идеологической позиции образами, возрастающая значимость привлекательного имиджа в борьбе за власть, в науке виртуализация выражается в замене реальных экспериментов компьютерными, поиска истинного знания выгодным – базовым критерием перспективности научного исследования становится

финансовая эффективность, т.е. наука становится «родом языковых игр».¹ В целом, Д. Иванов рассматривает влияние виртуализации на все важнейшие социальные институты, в том числе искусство (расцвет пародий в литературе и кинематографе, большее внимание продвижению продукта, нежели его творческой составляющей), семья (симуляция семейно-брачных отношений объясняет появление и популярность гомосексуальных браков, сожителства и прочих альтернативных форм совместного проживания индивидов). Значительные изменения происходят и в сфере экономики: виртуализируются такие важнейшие институты, как рынок, предпринимательство, корпорация, финансы.

Согласно З. Т. Голенковой, П. М. Козыревой, Е. Д. Игитханяна, продолжающих традиции функционализма в исследовании социальной мобильности, социальная система распределяет материальные и иные вознаграждения, в разных пропорциях в зависимости от вклада индивида в процесс воспроизводства. Чем реже встречается в обществе тот или иной вид квалификации, чем больше затрат труда нужно для его получения, тем выше уровень вознаграждения, тем, кто вложил силы для ее получения. Российские исследователи отмечают, что современное российское общество отличается гибкая и динамичная социально-профессиональная структура. За последние десятилетия разрушилась тесная взаимосвязь между политическим, экономическим и культурным факторами мобильности. Рыночные отношения привели к рассогласованию социального статуса многих профессиональных групп, но в то же время открыло для них новые возможности для осуществления групповой социальной мобильности, переопределения собственного статуса в государственном секторе и конструирования новых позиций на рынке труда.² В наиболее невыгодной позиции оказались представители научной интеллигенции, для которых сохранились прежние высокие требования к квалификации, уровню образования, при этом уровень материального положения с трудом позволяет быть представителем среднего класса.

Для лучшего понимания сути изменений в постсоветский период необходимо провести сравнение с предыдущим этапом. По оценкам российских социологов, для советского типа социальной стратификации были характерны высокая социальная мобильность, доступность и престижность образования.³ Последнее обстоятельство позволяло получать необходимую профессиональную подготовку, открывавшую путь к повышению своего статуса и расширению объема властного ресурса, а, стало быть, и возможность перехода из страты управляемых в страту управляющих. Не случайно

---

¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С.47.

² URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-08/Mansurov_Yurchenko.pdf

³ URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/Modern_soc_strukt_ross_obschestva_2008.pdf

в советский период постоянно росло число управленцев как особого слоя общества. Для советского типа мобильности даже был придуман специальный термин – «меритократический» тип мобильности. Последующая трансформация социальной мобильности после распада СССР, уже российского общества, дала жизнь новому термину – «коррупционистский» тип, который имеет множество недостатков, включая подмену собой знания и уровня квалификации как объективированных маркеров владения социальным капиталом, помогавшего обеспечивать восходящее движение индивидов в рамках существовавшей социальной иерархии.

Многие ученые отмечают значительные изменения, произошедшие в социальной структуре российского общества в последние годы. В целом изменения эти вызваны трансформацией характера социальной мобильности. «Произошедший за годы реформ в России слом социального устройства общества самым непосредственным образом повлиял на трансформацию социальной структуры и социальную стратификацию населения. Произошло совмещение вновь возникших ролей и статусов с сохраненными в измененном виде некоторых ранее существовавших. Наиболее ярким и непосредственным выражением этих процессов служит изменение принципов и фактического состояния материальной дифференциации общества».¹

Российское общество находится в стадии модернизации, в том числе, под воздействием перехода страны в новый – информационный этап развития. Социальная мобильность находится в процессе активной трансформации, связанной как с реорганизацией, встраиванием в социальную структуру информационно-коммуникативного компонента, так и несовершенством системы, сложившейся в постперестроечный период. В традиционном или индустриальном типах общества неодинаковые условия проживания, физические и биопсихические различия людей вызывают неизбежную стратификацию: Интернет как пространство социальных практик позволяет снять эти барьеры, нивелируя различия индивидов по перечисленным показателям с помощью дистанционных технологий, доступности и всепроникновенности Интернета. Все это позволяет сделать вывод о том, что информационное общество стало более открытым, то есть индивиды в нем более мобильные, не стесненные географическими, физическими и другими ограничениями. В индустриальном обществе механизмы социального отбора и распределения совпадали с традиционными каналами социальной вертикальной мобильности, которые «меняясь в своих конкретных очертаниях, существуют в любом стратифицированном обществе и также необходимы, как каналы для циркуляции крови в теле. Быстрое развитие Интернета позволяет избавить процесс коммуникации от надзора социальных институтов: «Коммуникации, осуществляемые через Internet, не ориентированы на институциональные

---

¹ URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-11/belyaeva.pdf>

групповые нормы, направляющие деятельность людей в их не-сетевой жизни. Более того, Internet - среда развития виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу».¹ Использование в повседневной профессиональной деятельности компьютера и сети Интернет приносит ряд новых возможностей, меняет принцип построения трудового процесса, на которые указывает известный теоретик информационного общества М. Кастельс: «Эта трансформация представлена подъемом сетевого предпринимательства. Подобная новая организационная форма бизнеса в условиях информатизации является историческим эквивалентом так называемой фордистской организации индустриализма».² Таким образом, нужно отметить появление новых форм занятости (удаленная работа, фрилансерство и др.), которые значительно влияют на процессы социальной мобильности в обществе.³ В современном обществе мы наблюдаем активное участие интернета сначала как вспомогательного инструмента внутри перечисленных традиционных каналов мобильности, затем – как самостоятельного канала социальной мобильности, который является самодостаточным для профессиональной и материальной самореализации индивида, наделяя его социальным статусом. В условиях динамичного развития, которому подвергается информационное общество, проблема мобильности, принципов, по которым она протекает, становится основополагающим, так как именно это определяет, насколько интенсивным будет это развитие.

Анализируя социальную мобильность российского общества можно сделать следующие выводы. На смену социалистическому типу общества советского периода с относительно высоким уровнем мобильности, которая имела яркую специфику (большое влияние неформальных социальных связей), пришел новый тип взаимодействий, который ознаменовался сложными изменениями, высоким уровнем нисходящей мобильности, рассогласованием статусов и закрытостью элит. Анализ социальных институтов, рассматриваемых в качестве каналов социальной мобильности, показывает их ограниченные возможности. Российское общество постперестроечного периода можно охарактеризовать как «закрытое», то есть имеющее низкий уровень социальной мобильности, обладает следующими характеристиками:

снижение темпов социальной мобильности в постсоветский период, связанный с ухудшением функционирования традиционных социальных лифтов, распространенных в советском обществе и характерных для государств с плановой экономикой;

нарастание поляризации между социальными слоями, преобладание нисходящей социальной мобильности, связанной с отсутствием «легальных»

---

¹ Иванов Д. Виртуализация общества. С. 56.

² Кастельс М. Галактика Интернет. С.49

³ Там же. С.85.

способов рекрутирования крайне закрытой экономической, политической, культурной элиты общества;

увеличение в разрыве «жизненных шансов» (термин М. Вебера) зависимости от геополитического расположения, т.е. поляризация центральных регионов и периферии – провинциальных регионов. В данном случае неравенство обуславливается более отсталой инфраструктурой, уровнем образования, доступом к материальным и информационным ресурсам.

Современное российское общество находится в стадии трансформации процессов мобильности под воздействием перехода страны в новый – информационный этап развития. Социальная мобильность находится в процессе активной трансформации, связанной как с реорганизацией, встраиванием в социальную структуру информационно-коммуникативного компонента, так и несовершенством системы, сложившейся в постперестроечный период.

Таким образом, есть основания полагать, что мобильность информационного общества подверглась значительным изменениям: Интернет как новый канал социальной мобильности делает общество более открытым. Это выражается в уменьшении значимости традиционных барьеров мобильности. Однако это не говорит о беспрепятственных возможностях восхождения индивида в социальном пространстве, скорее, о том, что препятствия, как и возможности, теперь исходят в большей степени от самого индивида, его активности, способностей и желания.

Список литературы:

1. Беляева Л.А. Реальность и тенденции материального неравенства в России // Социс, 2007. № 11. – С. 29-59.
2. Иванов Д.. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – С. 56.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – С. 49
4. Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социс, 2009. №8. – С.26-46.
5. Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 287 с.
6. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. – М.: Человек. Цивилизация. Общество, 1992. – С. 302-373.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект пресс, 2004. – С. 14.
8. Martin W.J. The Information Society. London: Aslib, 1988. P. 174.

УДК 343.9(081) ББК 60.56

Грошева Ирина Александровна –

к. социол. наук, доцент,
Филиал АНО ВО «МИГУП» в Тюменской
области, г. Тюмень

Грошев Игорь Львович –

к. социол. наук, доцент,
ТВВИКУ, г. Тюмень
e-mail: grosh@nextmail.ru

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ

Ключевые слова: гражданский контроль, общество, управление, армия.

Интерес к изучению гражданского контроля за вооружёнными силами сформировался в американской политологической науке в конце XVIII в. – начале XIX в. В результате научных изысканий таких учёных, как С. Хантингтон, D. Trask [2, 7] было признано, что гражданский контроль не является научной константой, это – социальная переменная, отражающая шкалу приоритетов общества, зависящую от места и времени. Кроме того, представлены доказательства того, что контроль над военными в мирное и военное время существенно дифференцирован. Функции гражданских и военных властей подлежат уравниванию, но это равновесие должно быть подвижным. Гражданский контроль над вооружёнными силами, подчинение военных гражданским властям стал идентифицироваться R.H. Kohn и др. как «civilian control» [3, 4]. Однако это не помешало американскому политологу Г. Лассуэллу в своей концепции «гарнизонного государства» признать, что проблемы общественного контроля за деятельностью правительства и сохранения свободы индивидуума гораздо шире концепции «гражданского контроля в устаревшем смысле» [5].

Концепция гражданского контроля армии начинает формироваться с 1775 г. в Соединённых Штатах Америки (США), когда эффективность внешней политики всецело зависела от наличия сильной исполнительной власти, осуществлявшей руководство и контроль вооружённых сил. С 1789 г. США вовлечены в военные действия, поэтому актуальной задачей гражданского общества в тот момент выступала защита от военной угрозы. Борьба против насаждаемых Великобританией порядков в собственной колонии (каковой США в то время являлись) сформировала особый тип видения гражданского контроля. Его принципы воплощали идею гражданской ответственности

каждого человека за защиту свобод и нации, готовность при необходимости защищать отечество с оружием в руках. В перспективе единственным видом вооружённых сил должна была стать гражданская милиция, в которой статусные различия между офицерами и рядовыми членами незначительны.

Особенности гражданского контроля детерминировались четырьмя факторами. Во-первых, угроза американской демократии со стороны военных, исходящая от значительного слоя военной элиты, склонной к автократической форме правления; во-вторых, экономическая угроза, так как содержание армии весьма обременительно для бюджета страны; в-третьих, угроза свободе, ввиду наличия значительной армии военных; в-четвертых, угроза новым военным действиям.

В условиях перехода к мирным условиям существования военно-гражданские отношения включали в себя следующие компоненты: 1) гражданское руководство, находящееся в органах исполнительной власти, получившей большинство голосов в ходе очередных выборов; 2) гражданское руководство профессиональных военных служб и ведомств. Профессиональные военные руководители подчинены гражданским руководителям департаментов, которые назначались президентом и утверждались Конгрессом. Иными словами, гражданский исполнительный комитет выступал во главе военного командования при поддержке гражданских подчинённых, которые осуществляли надзор за деятельностью вооружённых сил. Кроме того, разработаны нормативные положения по созданию фундаментальной политики национальной безопасности.

С. Хантингтон описал две основные формы гражданского контроля: субъективная и объективная. Субъективный гражданский контроль означал максимальную силу воздействия гражданских групп на военных, что в результате приводило к «огражданиванию» военной сферы и превращению военных в зеркало государства [2, р. 80-83]. Объективный гражданский контроль предполагал распределение политической власти между военными и гражданскими группами с целью обеспечения максимального военного профессионализма [2, р. 83-85].

По мнению Р.Н. Коhn [4], условия осуществления гражданского контроля в военной сфере претерпели изменения, но в целом остались прежними. Во-первых, гражданский контроль представлял демократическую форму управления, подразумевавшую верховенство закона, стабильность и последовательность в принятии решений, действенную практику избрания должностных лиц и правительства в целом, принятие методов управления законными как населением, так и государственными служащими.

Во-вторых, гражданский контроль в значительной степени зависел от существующих механизмов власти – методов, с помощью которых гражданская власть управляла военными силами. Если они существуют и функционируют как следствие выражения воли всего общества, то

подчиняться они должны всей правительственной структуре, а не только президенту или премьер-министру, которые осуществляют общее руководство. Разделение контроля действительно содержит определённые угрозы. Военные могут умело использовать игры с гражданскими властями друг против друга, чтобы преувеличивать военное влияние. Подотчётность парламента или законодательной власти подразумевает подотчётность населению. Это стимулирует общественное обсуждение проблем применения сил обороны, оправдание военных бюджетов, открытости политики, расследование ошибок и злоупотреблений.

Осуществление парламентского контроля над военными способствует транспарентности в военных делах, что на самом деле усиливает национальную оборону путём укрепления идентификации военных с народом и осуществления популяризации военных. Судебная система играет вспомогательную, но тем не менее необходимую роль привлечения военных лиц к ответственности персонально такими способами, которые препятствуют военному вмешательству в политику и гарантирует осведомлённость сотрудников о том, что они будут наказаны в случае нарушения закона.

В-третьих, гражданский контроль формировался как противоборствующая сила. Вооружённые силы могли быть заблокированы в случае военного вмешательства или открытого захвата власти двумя способами: силовым путём, при помощи других вооружённых сил (например, полиции или вооружённого населения); путём осознания того, что незаконные акты недопустимы и приведут к потере репутации, позору, выходу на пенсию, увольнению, неприятностям, аресту, судебному разбирательству, тюремному заключению – любому наказанию, которое будет являться законным в этом случае. Смысл гражданского контроля заключался в том, что нарушения не будут прощены и встретят эффективное сопротивление, а, следовательно, будет меньше шансов, что они произойдут. Наиболее эффективной была опора на солдат срочной службы, в отличие от профессионалов-военных (контрактников).

Становление социальных практик гражданского контроля в обществе имеет определённые, сложившиеся в течение весьма длительного времени традиции, восходящие к Т. Гоббсу, Дж. Локку, Ш. Монтескьё. Мыслителями предложены идеальные проекты контроля, воплотившиеся в двух направлениях формирования парламентаризма: англо-американского и континентально-европейского. В англо-американской модели сложилась практика признания приоритета свободы, партнёрских отношений государства и гражданского общества при доминировании последнего. В континентально-европейской модели в сфере внимания оказалось формирование правового государства при доминировании государства над индивидом.

В современной зарубежной научно-исследовательской литературе и социальной управленческой практике понятие «гражданский» представляет

собой многоуровневую интерпретацию в зависимости от сферы приложения управленческих усилий граждан. На основе анализа научных статей современных зарубежных авторов (Vamos A., Szekely S., Reuben W., Levy-Benitez M. и др.) становятся очевидными различия в теоретической интерпретации дефиниций «гражданский» и «общественный». Так, например, деятельность людей, связанная с общественной жизнью, управлением в своём городе или районе, позиционируется как «civic control» [6, 8]. Активность граждан в принятии управленческих решений в настоящее время позиционируется как «civic engagement» («гражданское участие»)

Отмечается, что гражданское участие – это отнюдь не продажа идей, программ или политики для общественности: не реклама облигаций, не голосование за корректировку налогов; не убеждение людей в поддержке планов руководства; «это нельзя понимать как встречу, на которой люди собираются для того, чтобы ругать, обвинять или жаловаться или дискутировать о вечном» [1]; это не собрание, где всегда известен исход; это не лоббирование в выборные органы. Преимущества использования гражданской активности как раз проявляются в случае отзыва выбранных чиновников; рассмотрения судебных исков; на выборах в структуры управления; установления доверия между гражданами и правительством; достижение успешных результатов при отмене непопулярных управленческих решений; разработке творческих идей; обеспечивает скорейшую реализацию идеи; создание активных сообществ в городе.

На эмпирическом уровне проявились следующие корреляционные зависимости: чем меньше степень представления граждан в системе управления, тем выше риск кризиса управления; чем больше степень разрыва между ожиданиями граждан и контролем за действиями управленцев, тем выше степень риска возникновения кризиса в управлении [6]. В развитых демократических государствах задачей гражданского контроля выступало формирование predispositionности граждан реагировать на действия чиновников определённым образом. Легитимация решений власти осуществлялась гражданами в отдельных случаях при помощи акций протеста, широкомасштабных выступлений и заявлений альтернативных позиций. После этапа активных действий следовал этап переговоров и консенсуса, а затем – мониторинга.

В ходе анализа сложившихся за рубежом социальных практик гражданского контроля становится очевидным, что особое значение приобрели такие элементы демократического управления как гражданское участие и гражданская активность. В то же самое время в отношении власти и бизнеса со стороны общества выдвинуто требование повышения социальной ответственности. Гражданский контроль осуществляется с помощью парламента и независимых комиссий, института независимых

прокуроров и уполномоченного по правам человека, а также с помощью неправительственных организаций.

Контроль над армией ориентирован на формирование такой структуры и такого социального взаимодействия, которые в экстраординарных условиях сохранили бы устойчивость и склонность к возврату демократических ценностей.

Список литературы:

1. How Civic Engagement Transforms Community Relationships // In Focus. Strategies and Solutions for Local Government Managers. 2011. Volume 43. Number 4. [Электронный ресурс]. URL: http://bookstore.icma.org/FreeDocs/E-43674_Execerpt.pdf (дата обращения: 14.04.2017).
2. Huntington S. The Soldier and the State: Theory and Practice of Civil-Military Relations. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. – 560 p.
3. Huntington S.P. Civilian Control and the Constitution // The American Political Science Review. Vol. 50. No. 3 (Sep., 1956). PP. 676-699.
4. Kohn R.H. An Essay on civilian control of the military // Foreign Service Dtspatches and Periodic Reports on U.S. Foreign Police. American Diplomacy Publishers Chapel Hill NC. Commentary and Analysis. March, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/AD_Issues/amdipl_3/kohn.html (дата обращения: 14.04.2017).
5. Lasswell H. The Garrison State // American Journal of Sociology. Yan.1941. Vol. 46. PP. 455–468.
6. Reuben W., Levy-Benitez M. The Role of Civic Engagement and Social Accountability in the Governance Equation // Social Development Notes. Environmentally and Socially Sustainable Development Network of the World Bank. Washington. Note No. 75. March, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPCENG/214574-118058447732/20526739/sdn75.pdf> (дата обращения: 28.07.2017).
7. Trask D. Democracy and Defense. Civilian Control of the Military in the United States // Issues of Democracy. Electronic Journals of the U.S. Information Agency. July, 1997. Vol.2. No3. PP. 11-18. [Электронный ресурс]. URL: http://www.usembassy-mexico.gov/bbf/ej/0797_CivilMilitaryRelations.pdf (дата обращения: 28.07.2017).
8. Vamos A., Szekely S. Civic Control–One Million for a Democratic Society: A call for democracy! / Hungarian Spectrum, reflections on politics, economics, and culture. [Электронный ресурс]. URL: <https://hungarianspectrum.wordpress.com/2011/08/25/civic-control-one-million-for-a-democratic-society-a-call-for-democ> (дата обращения: 28.07.2017).

УДК 316.3 ББК 60.5

Гутова Светлана Георгиевна –
канд. филос. наук, доцент,
Нижевартовский государственный
университет, г. Нижневартовск
svetguts.07@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: социокультурные процессы, молодежная культура, культурная среда, поликультурность

Актуальность исследования современных социокультурных процессов в молодежной среде обусловлена сразу несколькими факторами. Во-первых, молодёжь в настоящее время является одним из главных созидательных элементов новейших форм культуротворчества и научного прогресса в целом. Во-вторых, она создает новые ценности и мировоззренческие установки, соответствующие требованиям информационного общества. В третьих, молодое поколение занимает активную позицию в плане создания новых видов деятельности. Таким образом, в условиях преобразования современного общества требуется осмысление генезиса, динамики и причин изменений культурной среды в которой молодежь сегодня реализуется и которую она заново воспроизводит.

В результате выявления и описания специфики социокультурных процессов в молодежной среде возникает ряд вопросов, требующих системного анализа. Например, к таким вопросам можно отнести следующие:

1. Эффективность существующих в современном российском обществе способов решения проблем, возникающих в результате ускоряющейся динамики социокультурных процессов.

2. Необходимость выявления основных тенденций в социально-культурном развитии молодежи, с учетом неоднородного становления различных регионов.

3. Определение ключевых факторов, влияющих на развитие социокультурных процессов в молодежной среде.

4. Объективный анализ культурных преобразований в современном российском обществе, затрагивающих разные слои населения (учитывая заметную поляризацию в социальном и экономическом плане).

Очевидно, что это далеко не все вопросы, позволяющие исследовать более полно тему социокультурного развития молодежи, поскольку большая часть из них требует конкретных социологических исследований в этой области.

Современное поликультурное пространство характеризуется спецификой в плане этнокультурной и возрастной структуры населения, миграционной динамики и механизмов функционирования социокультурного пространства. При этом необходимо подчеркнуть, что именно молодежь сегодня определяет высокий уровень мобильности и общую динамику социокультурных процессов. Молодое поколение в основном воспринимает поликультурную среду как естественную. Однако не стоит забывать при этом что в целом: «Состояние культурной среды современного российского общества сегодня крайне противоречиво» [9, с. 83]. Так например, очевидна сложившаяся на сегодняшний день неравномерная динамика культурных процессов в различных регионах нашей страны. Наряду с типичными для современной России социокультурными процессами на региональном уровне выделяются специфические, характерные для того или иного региона (например, ярко выраженная маргинализация молодежной культуры). Такая тенденция только усложняет решение основных проблем в области культуры.

В современном обществе достаточно интенсивно идет процесс не столько расслоения по социальным и культурным признакам, сколько размывание границ внутри прежде относительно самостоятельных культурных образований. Попытка объективного анализа социокультурных процессов в молодежной среде представляет собой довольно сложную задачу и в плане содержательного анализа и в плане выбора методологии исследования. Однако такого рода исследования позволяют выявить определенные закономерности в динамике социокультурных процессов происходящих в культурном пространстве молодежи, при этом акцентируя внимание на самых значимых факторах.

В современном обществе отсутствует конфликт между поколениями в традиционном его понимании, поскольку очевидна постепенная замена (подмена) ценностей старшего поколения ценностями отвечающими новым запросам общества. Такая смена ценностной ориентации связана с тем что: «Культурное развитие, культурные запросы молодежи не всегда соответствуют как предложению со стороны традиционных институтов культуры, так и общественным представлениям о подлинных культурных ценностях» [5, с. 84].

Взаимосвязь повседневности и виртуальных миров, традиционной культуры и современного информационного пространства, классических образцов искусства и продуктов массовой культуры, современных технологий и все более разрастающейся «квазинауки» — все это говорит о том, что в настоящее время культурные преобразования не только отражают специфику меняющегося мира, но и сами являются мощным катализатором этих преобразований. Доминирующая в сознании молодежи «Культура инновационного мышления связывает прошлое и будущее в настоящем, «конвертирует» традиции (потребности) в инновации (интересы). [2, с. 305]. Молодежь особенно чутко реагирует на происходящие перемены в социокультурном пространстве, являясь одновременно катализатором их

развития. Для молодого поколения особенно важны те изменения, которые происходят в сфере информационных технологий и в области новейших коммуникаций.

Моль особенно подчеркивал важность для социокультурной динамики именно этих факторов: «Общество в целом обладает определенной социальной культурой, которая воплощена в «сети знаний», тем или иным способом формируемой из множества производимых обществом материалов культуры. Совокупность этих материалов, которые можно было бы собрать в некоторой «универсальной библиотеке», можно условно назвать «памятью мира» [6, с. 55-56]. Однако Моль подчеркивал, что в реальности события и массовая коммуникация объединяются и создают факты культуры [6, с. 56]. Для молодого поколения постепенно эти факты становятся единственной реальностью, вытесняя все остальные как менее существенные. Это в свою очередь подготавливает почву для перехода в виртуальный мир, где сознание современного индивида чувствует себя вполне комфортно. При этом надо отметить, что: «...культурная динамика связана не только с рождением нового, развитие культуры немислимо без отбора культурного наследия» [1, с. 86]. Основные характеристики современной культуры стремительно удаляются от традиционной и этот отрыв особенно заметен на примере трансляции культуры между поколениями. Поэтому исследование социокультурных процессов в молодежной среде не может проводиться в узко обозначенных границах, вне его ориентированности на целостный и системный анализ. Сегодня ученые рассматривают «Социокультурную целостность как имманентную черту социальной реальности» [7, с. 71]. Подобные исследования могут быть осуществлены только при условии проведения междисциплинарных исследований на стыке социологии, философии, культурологии и других общественных наук.

Во многом сам процесс исследования социокультурных трансформаций определяется используемой методологией, которая в свою очередь задает специфику понимания основных социальных связей, а также внешних и внутренних факторов определяющих социальную и культурную динамику общества в целом, а также позволяет осуществлять познание основных процессов и явлений не только в их развитии, динамике, но и самое главное в их целостности [3, с. 127-131]. Именно социокультурный подход применяемый для изучения молодежи, дает возможность прийти к пониманию единства социального и культурного, определяющего основные параметры человеческой деятельности. Для изучения молодежи важно, что: «Социокультурный подход применим к исследованию динамики не только макросоциальных объектов и явлений (человечество, локальные цивилизации, глобализация), но и иных, более конкретных объектов: этносов, территориальных общностей, отдельных сфер или подсистем общественной жизни человечества» [7, с. 72].

Социокультурный анализ позволяет выявить ряд скрытых факторов, влияющих на изменения в культурной среде молодежи. Обозначим наиболее значимые из них, существенно влияющие на процессы трансформации молодежной культуры: во-первых, в качестве основного фактора можно обозначить процессы глобализации, активно меняющие коммуникационное и особенно образовательное пространство в котором преимущественно живет и формируется современная молодежь; во-вторых, к такого рода фактором можно отнести маргинализацию молодого поколения, ведущую непосредственно к негативным социальным и культурным трансформациям; следующим фактором можно считать возникновение новых, более приоритетных культурных ценностей, идеалов, потребностей, формирующихся и закрепляющихся в культурной среде молодежи благодаря интегративным процессам взаимодействия различных культур.

Помимо перечисленных можно еще назвать такие факторы как: демографические процессы, поликультурность, синтез национальных и религиозных ценностей представителей разных народов, влияние информационных технологий на формирование культурных ценностей, изменение структуры межкультурных коммуникаций и как следствие нового типа «культурного человека», связь традиций и новейших достижений в области культурной политики.

Для целостного понимания и выявления специфики социокультурного развития молодежи, важно акцентировать внимание на тех проблемах, которые в первую очередь требуют решения, поскольку существуют вполне надуманные, либо формально прописываемые «опасности» для будущего нашего общества. Так проблема субкультурных и контркультурных движений, очевидно преувеличена, а проблема все более распространяющейся в последнее время по ряду причин маргинализации культурной среды не достаточно изучается научным сообществом, а следовательно и не решается на уровне государственных культурных учреждений отдельных регионов.

Однако необходимо учитывать, что все факторы находятся в тесной взаимосвязи. Так, например этнический, религиозный фактор уже давно не является самостоятельным, он напрямую зависит не только от культурной и социальной политики в целом по России, но и от конкретных политических установок, особенностей конъюнктуры СМИ (выполнение заданий), распространения новых экономических потребностей и влияние техногенных факторов на личность. Наиболее показательным в этом отношении является изучение и описание основных тенденций в социокультурном развитии на примере молодежной культуры, в рамках которого анализируются основные культурные ценности, влияющие на поведение и жизненные приоритеты молодых людей.

Поскольку для общества очень важно каким оно будет уже в ближайшем будущем, изучение молодежи, ее ценностей и потребностей должно быть

приоритетным [8, с. 215]. Особенно важно понять какие потребности молодежи доминируют в сфере культуры, что в результате позволит выявить наиболее существенные проблемы в области культурного и социального развития страны, а так же основные причины деформации базовых духовных ценностей, безусловно формирующих возможные контуры новой культуры в России. Общий процесс модернизации предполагает, что сегодня «...в качестве приоритетных прежде всего экономическое и технологическое направление, часто оставляет духовную культуру и высшие потребности человека за пределами своих первоочередных задач» [4, с. 1100].

Таким образом, на сегодняшний день назрела необходимость фундаментального социально-философского осмысления культурных процессов в молодежной среде. Особый интерес в этом плане представляют культурные изменения в молодежной среде, где данные тенденции представлены наиболее заметно.

Список литературы:

1. Астафьева О.Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности. Вестник Московской государственной академии делового администрирования. 2013. – № 1 (19). – С. 82-91.
2. Бочкарев А.И., Бочкарева Т.С. Социокультурная динамика инновационных процессов современной России. Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. – № 2с. – С. 299-306.
3. Вахменин В.Н. Методологический потенциал концепции социокультурной динамики // Вестник ВолГУ. 2013. – № 2. – С.127-131)
4. Гутова С.Г. О будущем отечественной духовной культура Фундаментальные исследования. 2014. – № 6. – С. 1096 – 1100.
5. Евстрахов В.П. Социокультурные трансформации в молодежной среде // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. – № 3. – С. 83-85.
6. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973 Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
7. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы. Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 11. – № 2. – С. 68-74.
8. Стрункина Т.С. К проблеме социокультурных потребностей молодежи: философско-исторический анализ // Педагогическое образование в России. 2015. – № 6. – С.214-219.
9. Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики. Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 2. – С. 52-62.

Доброхлеб Валентина Григорьевна –
д-р эконом. наук, профессор,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения Российской
академии наук, г. Москва
e-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Кондакова Наталья Александровна –
м.н.с.,
Вологодский научный центр Российской
академии наук, г. Вологда
e-mail: natalirus87@yandex.ru

ИНДЕКС СЕМЕЙНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ¹

Ключевые слова: семья, семейный потенциал, семейная структура, перепись населения, индекс.

Характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи и государства. Поэтому неудивительны обращения экономистов, демографов, социологов к семье как основному фактору воспроизводства человеческого потенциала той или иной территориальной общности [7].

Обобщение исследований позволило установить, что происходящие в России политические, социально-экономические, демографические изменения оказывают влияние на семью [3; 4; 6]. Вместе с тем, не в полной мере исследована динамика семейной структуры населения современной России. В условиях социально-экономической напряженности и демографической нестабильности это имеет существенное значение для решения важных народнохозяйственных проблем.

Методический инструментарий исследования объединяет системный анализ Всероссийских переписей населения, которые являются основными источниками информации о составе семей и домохозяйств. Авторский вклад в разработку данного научно-практического направления состоит, в построении Индекса семейного потенциала.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (№ 17-06-00093А «Моделирование динамики семейной структуры населения современной России»)

Основными тенденциями последних десятилетий являются рост доли неполных семей (из-за разводов, внебрачной рождаемости, овдовения), рост числа сложных семей, уменьшение среднего числа детей в семье [5].

Анализ семейной структуры населения России показал, что за межпереписной период 1989-2010 гг. средний размер домохозяйств снизился с 3,2 до 3,1 человека [1; 2]. При этом подавляющее большинство семей (65%) имеют одного ребенка и только около 7% считаются многодетными. Среди федеральных округов России традиционно самый большой средний размер домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (4,1 против 3 в Северо-Западном, Уральском, Дальневосточном). Лидерами по среднему размеру домохозяйства остаются Республика Ингушетия (6,1), Чеченская Республика (5,1), Республика Дагестан (4,5). Минимальное значение среднего размера семьи в Мурманской (2,8), Магаданской (2,8), Вологодской (2,9), Новгородской (2,9) и других областях.

Широкое распространение получает так называемый «гражданский брак». В 2002 г. почти каждый десятый брачный союз не был зарегистрирован в органах ЗАГС (3,3 млн или 9,8%). А к 2010 г. уже 4,4 млн семейных пар (13%) состояли в незарегистрированном союзе [10].

В России в 2010 г. среди всех семейных домохозяйств 21% составляли неполные семьи. Самая высокая доля (23%) неполных семей представлена в Северо-Западном федеральном округе, самая низкая (17%) – Северо-Кавказском. Несмотря на то, что с переписи 2002 г. данный показатель стабилизировался, вместе с тем по сравнению с переписью 1970 г. доля неполных семей в России увеличилась на 5 п.п. Также за переписной период 1989–2010 гг. сократилось количество нуклеарных семей с 81% до 67,5%.

Еще одной особенностью развития российской семьи является сокращение доли простых полных семей, состоящих из супружеской пары с детьми и без детей. За 1989 – 2010 гг. данный показатель сократился почти на 15 п.п. и составил 52%. Одновременно заметно увеличилась доля неполных семей, состоящих из одинокого родителя с детьми, с другими родственниками или без них. При этом увеличивалась доля семей сложного состава, включающих помимо супружеской пары с детьми (или без детей) других родственников с 11,% в 1989 г. до 13,9% в 2010 г.

Как отмечают ученые, в России рост доли неполных семей обусловлен высоким уровнем разводов, вдовства по причине высокой смертности мужчин трудоспособного возраста, а также роста числа детей рожденных вне брака [8].

Мы согласимся с А.А. Сазоновым, который рассматривает категорию «семейный потенциал», определяя ее как интегральный показатель, характеризующий особенности функционирования и возможности развития семьи в рамках реализации ее основной функции – воспроизводственной. При этом он выделяет три его компоненты – «экономический», «репродуктивный», «духовно-нравственный» [9]. Исследование вышеуказанного автора опирается

на данные социологического опроса, что при всех видимых преимуществах как метода научного исследования, не всегда доступно.

Нами был разработан Индекс семейного потенциала ($I_{\text{ж}}$), при составлении которого мы опирались на изучение факторов изменения среднего размера и структуры семьи, а также на имеющуюся в свободном доступе статистику по регионам Российской Федерации. В состав индекса включены показатели, отражающие состояние здоровья населения, а значит и семьи, воспроизводство и репродуктивные установки, брачно-семейную структуру населения и жилищную обеспеченность. В результате Индекс семейного потенциала ($I_{\text{ж}}$) содержит пять показателей, отраженных в таблице 1.

Таблица 1

Показатели, составляющие Индекс семейного потенциала ($I_{\text{ж}}$)

Характеристика	Показатель
Состояние здоровья населения	1. Ожидаемая продолжительность жизни (число лет, которые предстоит прожить человеку с момента рождения)
Воспроизводство и репродуктивные установки населения	2. Суммарный коэффициент рождаемости (усредненное число рождений, приходящееся на 1 женщину репродуктивного возраста)
	3. Внебрачная рождаемость (доля живорождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений, %)
Брачно-семейная структура населения	4. Соотношение браков и разводов (количество разводов на 1 тыс. браков)
Жилищная обеспеченность	5. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (квадратных метров)
Составлено автором	

При расчете Индекса семейного потенциала ($I_{\text{ж}}$) используется метод, основанный на соотношении реальных данных показателей с их стандартами (полученное процентное отношение – степень приближения к стандартному значению). Индекс представляет среднее арифметическое стандартизированных значений показателей (отобранных выше):

$$I_{\text{ж}} = \sum_{i=1}^n \frac{A_i}{n} \quad (1)$$

$$\begin{cases} A_i = 100 \cdot \frac{x_i}{s_i}, (A_i = 100 \cdot \frac{s_i}{x_i} \text{ и др.}) \\ A_i \leq 100. \end{cases} \quad (2)$$

где $I_{\#}$ – индекс, A_i – степень приближения к стандартному значению i показателя, x_i – реальное значение i показателя, s_i – стандартное значение i показателя, $i=1, \dots, 5$. Стандарты – это среднее арифметическое 10 лучших регионов РФ или мировой стандарт по данному показателю.

В зависимости от уровня Индекса семейного потенциала регионы России были разделены на четыре группы: регионы с ниже среднего, средними, выше среднего и высокими значениями показателей. В 2014 г. среднее значения индекса составляло 72,4. Центральный, Приволжский, Северо-Кавказский федеральные округа имеют уровень выше среднего (81-73), Северо-Западный, Южный, Уральский – средний уровень (72-69), Сибирский, Дальневосточный – ниже среднего (68-61). В целом за 2000-2014 гг. произошло увеличение индекса как по России в целом (на 24%), так и по отдельным регионам.

Таблица 2

Индекс семейного потенциала ($I_{\#}$) в федеральных округах России,
2000–2014 гг.

Территория	Год									2014 к 2000, %
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Россия	58,1	60,8	63,6	65,6	67,3	68,4	72,4	70,7	72,0	124
Северо-Кавказский ФО	64,4	74,1	77,2	80,1	80,4	80,8	84,2	80,4	78,8	122
Приволжский ФО	59,3	60,9	63,7	65,7	68,0	69,5	73,8	72,7	74,3	125
Центральный ФО	59,7	62,2	64,6	66,9	68,1	69,1	72,9	71,1	73,3	123
Южный ФО	59,8	63,3	68,3	67,2	67,0	68,0	72,2	70,9	72,5	121
Уральский ФО	57,1	60,1	62,9	65,0	67,3	68,3	72,1	71,3	72,4	127
Северо-Западный ФО	57,0	59,8	62,3	64,8	66,5	67,6	72,0	69,5	71,3	125
Сибирский ФО	56,0	58,0	61,2	62,8	64,6	65,2	69,3	67,6	68,2	122
Дальневосточный ФО	53,6	58,2	59,1	60,6	61,7	63,3	67,3	65,8	67,1	125
<i>Источник:</i> расчеты автора										

Наиболее высокий уровень семейного потенциала зафиксирован в Республике Ингушетия (88,7), Чеченской Республике (88,1) и Республике Дагестан (83,2), минимальные (ниже среднего уровень $I_{\bar{x}}$) – Чукотском АО (64,8), Еврейском АО (63,5), Республике Тыва (61,8). Положительным видится, что большинство регионов России имеют выше среднего (46%) и средний (36%) уровень семейного потенциала. Однако стоит отметить региональную неравномерность. Так, разница между максимальным и минимальным значением индекса семейного потенциала составляла 27 пунктов.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на усилия правительства по поддержке рождаемости, за межпереписной период 2002-2010 гг. среднее число детей до 18 лет осталось на том же уровне (1,4 ребенка на одну семейную ячейку). Одновременно с этим количество семей, состоящих из двух и более человек, имеющих детей до 18 лет, сократилось с 52% до 44%.

Для более эффективного осуществления проводимой государственной политики в отношении семей необходимо проведение научных исследований в данной области, а также постоянный мониторинг демографической ситуации в стране, в частности семейной составляющей. Однако при исследовании мы столкнулись с несоответствием методологий переписей населения, что затрудняет анализ трансформации семейной структуры в России.

Разработанный индекс семейного потенциала позволяет осуществлять мониторинг состояния семейного потенциала отдельных регионов и страны в целом, а также дает возможность перенимать положительный опыт регионов.

Исследование подтвердило наличие сильно выраженных межрегиональных отличий на территории страны. Разница в Индексах семейного потенциала в 2014 г. составила 27 пункта. Регионы, сохранившие национальные традиции, в которых заложены институт семьи, многодетность, совместное проживание нескольких поколений и другие ценности, имеют высокие показатели семейного потенциала. К таким территориям относятся регионы Северного Кавказа. Также благоприятная ситуация обстоит и в большинстве регионов Центральной России. Однако параметры воспроизводства вызывают опасения. Так, здесь самый низкий суммарный коэффициент рождаемости, который составляет 1,5. Совсем другая ситуация обстоит в регионах Дальнего Востока, где сохраняется невысокая продолжительность жизни, высокая внебрачная рождаемость и разводимость. Выявленные тенденции могут быть использованы в качестве ориентиров при разработке и реализации федеральных и региональных программ демографической и социально-экономической политики с целью повышения качества управления в социальной сфере.

Список литературы:

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Гасс Т.А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // Вопросы статистики, 2014. №3. – С. 70–75.
4. Горшков М.К. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Кума, Н.Е. Тихоновой. – М., 2010. – 179 с.
5. Доброхлеб В.Г., Суворова М.И., Янчук Ю.Н. Трансформация семейной структуры населения Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2013. № 9 (107). – С. 83–93.
6. Елисеева И.И., Васильева Э.К. Основные направления исследования домохозяйств по материалам всероссийской переписи населения // Вопросы статистики, 2014. №4. – С. 32–40.
7. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика, 2012. № 25 (256). – С. 2–9.
8. Прокофьева Л.М. Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение, 2013. № 2. – С. 72–84.
9. Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2015. Т. 6. № 3. – С. 162–170.
10. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.

УДК 316 ББК 60.5

Евсеев Евгений Александрович –

к.ф.-м.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: e.evseev@spbu.ru

Ковалев Иван Васильевич –

к.с.н., исполнительный директор
ЧОУДПО «Северо-Западный центр
комплексной защиты информации»,
г. Санкт-Петербург
e-mail: koval.spb@gmail.com

Флягин Александр Анатольевич –

директор Центра ДОП,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: a.flyagin@spbu.ru

ПОДДЕРЖКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НА ОСНОВЕ МЕТОДА НЕЧЕТКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: политическая социология, нечеткий сравнительный анализ, fsQCA, ксенофобия.

При изучении политической сферы функционирования общества ключевой задачей является выявление факторов, определяющих электоральные предпочтения населения, находящих свое выражение в реализации фундаментального права выбора в органы государственной власти.

В арсенале современной политической социологии существует немало работ, посвященных классификации и структуре факторов, определяющих электоральный выбор. Кроме традиционных факторов следует особо отметить необходимость учета ценностных установок [1, 2]. Как отмечается многими исследователями, «основой социального размежевания может выступать как объективные социальные характеристики, так и ценностные ориентации» [1]. Еще одним, особенно важным для политического пространства России, моментом является структурирование политического пространства относительно действующей политической власти и рассмотрение размежевания, связанного с поддержкой/оппозицией действующей власти

[3]. При анализе необходимо учитывать влияние социально-культурных характеристик различных групп населения на поддержку действующей власти и оппозиционных ей политических сил.

В контексте российских условий нельзя оставить без внимания значение стабильности как важной детерминанты политического выбора. Отсутствие радикальных изменений в структуре власти в совокупности с ростом экономического благополучия населения становится значимым компонентом политической риторики провластных элит. Гарантия политической, социально-экономической, а с недавнего времени и духовно-нравственной стабильности, выступает доминантой коммуникативного кода современной российской власти, становясь ключевым мотивом ее поддержки со стороны населения. Игнорирование подобных факторов может привести как к неудовлетворительному качеству моделей по формальным признакам, так и к снижению их объясняющей способности.

Количественные методы, традиционно применяемые в подобном анализе, во многом ограничены в возможности непосредственного учета таких характеристик, как, например, ценностные установки. Одним из путей преодоления ограничений количественных методов в исследовании электорального процесса представляется применение возможностей нечеткой математики, основанной на теории нечетких множеств. Именно на этой основе возможно построение моделей электорального поведения, учитывающих такие слабоформализуемые, нечеткие по своей природе факторы, как ценностные, культурные установки, уровень политического сознания, ксенофобии.

Особый интерес среди методов нечеткой математики в этой связи вызывает метод нечеткого качественного сравнительного анализа (fsQCA), предложенный Чарльзом Рэджиным (С. Ragin) [4]. Этот метод представляет собой уникальный подход к анализу данных — он позволяет работать с небольшими по объему выборками, когда статистические методы неэффективны, анализирует закономерности в виде комбинаций значений признаков, предлагая различные причинные объяснения для одного и того же явления, конструируя так называемые причинные типологии. Естественные трудности метода, связанные с спецификой нечеткой логики, не являются непреодолимым препятствием для его применения в социологических исследованиях. Целью использования метода качественного сравнительного анализа является установление набора достаточных и необходимых условий изучаемого явления, т.е. причинно-следственной аргументации. С учетом цели нашего исследования и имеющейся эмпирической информации именно такая методика представления комплексных факторов и анализа причинно-следственных связей, на наш взгляд, является наиболее адекватной.

В качестве объекта была выбрана Псковская область. Результаты анализа основываются на исследовании «Идеологическое сознание населения Псковской области», проведенном Институтом регионального развития (ИРР)

(государственная некоммерческая проектно-исследовательская организация при администрации Псковской области) в 2013 г. [5]. В генеральную совокупность включены жители всех районов области, объем выборки составил 3 500 человек.

В целом Псковскую область можно отнести к группе так называемых «депрессивных регионов», характеризующихся невысоким уровнем жизни населения в сравнении со средними значениями по стране. В структуре доходов населения 27,5% занимают социальные выплаты, что значительно превышает среднероссийский показатель. В этнической структуре населения доминируют русские (95%) и иные славянские народы (2,3%). Демографическая динамика характеризуется отрицательным естественным приростом (по этому показателю область занимает одно из последних мест в России), а также незначительным механическим движением населения при незначительном отрицательном сальдо внутрироссийской миграции и незначительном положительном сальдо международной миграции. В контексте исследуемой проблематики необходимо особо выделить территориальное расположение Псковской области, находящейся в относительной близости к российским столицам – Москве и Санкт-Петербургу, а также географическое соседство со странами Евросоюза.

Электоральная картина Псковской области на протяжении двух последних циклов выборов в Государственную думу характеризуется превышением среднероссийского уровня поддержки партий социальной направленности, таких как КПРФ и Справедливая Россия. Причем, прослеживается динамика на усиление разрыва в пользу подобных партий. В свою очередь, партия власти «Единая Россия», хоть и перманентно лидирует в целом по области, но демонстрирует значительно меньший отрыв от ближайших конкурентов по сравнению с многими другими регионами. Область попадает в первый квартиль распределения поддержки партии власти по регионам.

Исследование ИРР показало, в частности, что в среднем по региону декларируемая поддержка политической оппозиции составляет 28,2%. Среди тех, кто при оценке отдельных политических партий выбирает вариант «поддержал бы на выборах» каждый пятый (21,1%) заявляет о своей поддержке оппозиции. Кроме того, уровень ксенофобии среди респондентов, считающих себя «оппозиционерами», немного выше, чем средний по области, особенно по отношению к людям, нарушающим «моральные нормы». Эти выводы несколько противоречат традиционному пониманию «оппозиционности» и послужили одной из отправных точек нашего исследования — основной вопрос состоял в том, являются ли различные виды ксенофобии достаточными условиями для высокого уровня декларируемой поддержки политической оппозиции среди жителей Псковской области.

Для выделения факторов, определяющих отношение к оппозиции прежде всего был проведен факторный анализ данных. По результатам

анализа были выделены три фактора, с суммарной объясненной дисперсией 65,7%. Первый фактор может быть интерпретирован как ксенофобия по этнонациональному признаку. Второй фактор объединяет категории, которые могут быть обозначены как ксенофобия по признаку девиации относительно социально одобряемых образцов и практик. Третий — ксенофобия по признаку пространственной закрепленности. При этом мы вполне сознательно, вслед за рядом исследователей, разделяем понятия ксенофобии по национальному признаку как «дорассудочной форме массового сознания» и «национализм как систему концептуально оформленных идей» [6].

Дальнейший анализ связи ксенофобии и декларируемой респондентами политической оппозиционности проводился согласно методике нечеткого качественного сравнительного анализа с помощью программы fsQCA [7]. Объем анализируемой выборки после удаления пропущенных ответов составил 2213 наблюдений. В качестве целевого показателя был взят уровень декларируемой поддержки политической оппозиции, оцененный на основании прямого вопроса анкеты об отношении к политической оппозиции. В качестве факторов рассматривались уровни ксенофобии по отношению к другим национальностям, приезжим из других регионов, нарушителям социальных норм. В качестве проявления ксенофобии также рассматривался уровень поддержки респондентами административных мер, ограничивающих свободу перемещения и выбора места жительства.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что степень декларируемой поддержки оппозиции респондентами из Псковской области во многом определяется уровнем их ксенофобии. Так, достаточными условиями высокого уровня поддержки политической оппозиции является сочетание высокого уровня всех видов ксенофобии или высокого уровня поддержки административных мер и не являющегося высоким уровнем ксенофобии по национальному и территориальным признакам, показатель непротиворечивости данного решения равен 0,74, а покрытие — 0,23. Анализ с помощью fsQCA для различных уровней непротиворечивости показал, что кроме различных видов национальной и территориальной ксенофобии практически во всех комбинациях достаточных условий присутствует высокий уровень поддержки запретительных административных мер. Таким образом, можно утверждать, что поддержка административных мер запретительного характера по отношению к различным группам является характерной чертой (необходимым и достаточным условием) проявления декларируемой поддержки политической оппозиции для жителей Псковской области.

Это, тем не менее, гипотеза и требует более подробного исследования. Социологическое исследование, данные которого использовались для анализа, не позволяет более детально оценить проявления ксенофобии. Недостаточно высокие показатели непротиворечивости и покрытия могут быть следствием не только недостаточно детальных индикаторов ксенофобии,

но и неоднозначности интерпретаций респондентами понятия «политическая оппозиция». Классическое понимание политической оппозиции в России, сформировавшееся в эпоху Перестройки и доминирующее в протестном политическом дискурсе больших городов, берет начало из западной трактовки понятия и подразумевает комплекс либеральных ценностей, идей равенства, в том числе культурной и национальной толерантности. Для регионов с низким уровнем социально-экономического развития и слабой ресурсно-инфраструктурной базой (к которым без сомнения относится рассматриваемая нами Псковская область) в современной России характерным является высокий уровень патернализма, который можно охарактеризовать сильным контролем институтов власти над гражданами в обмен на обеспечения приемлемого для последних уровня потребления, как материального, так и духовного. В условиях перманентной ограниченности ресурсов, одобряемым является распределение ресурсов среди «своих» и, как следствие, неприятие равной государственной поддержки для групп населения, которые составляют неодобряемое меньшинство, выделяемое по национальному, социальному, территориальному или иному признаку, другими словами «чужих». Подобные установки транслируются в политическое поле и институционально проявляются в электоральной поддержке оппозиционных действующей власти партий и объединений, но не либерального толка, а социально ориентированных с одной стороны, и декларирующих политику «сильной руки» с другой. По итогам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что среднестатистический житель Псковской области не отождествляет признаки политической оппозиционности с либеральными свойствами, а скорее воспринимает оппозиционность как атрибут отторжения всего того, что укладывается в его привычную картину мира.

Безусловно, проведенный анализ не претендует на исчерпывающую полноту, а представляет собой одну из первых попыток анализа отношения жителей современной российской провинции к политической оппозиции с помощью методов нечеткой математики. Успешность применения fsQCA во многом зависит от адекватности используемых эмпирических индикаторов.

Список литературы:

1. Ахременко А. С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // *Общественные науки и современность*, № 4, 2007. – С. 85.
2. Norris, Pippa. *Electoral engineering: voting rules and political behavior*. – New York: Cambridge University Press, 2004.
3. Sartori G. *Sociology of Parties: A Critical Review* // *The West European Party System*. Oxford, 1990.
4. C. Ragin. *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*. – University of Chicago Press, 2008.
5. Институт регионального развития [Электронный ресурс] <http://www.regdevelopment.ru> (Дата обращения 06.07.2015).
6. Emil A. Pain *Xenophobia and Ethnopolitical Extremism in Post-Soviet Russia: Dynamics and Growth Factors* // *Nationalities Papers*, Vol. 35, No. 5, November 2007. — pp. 895-896.
7. Ragin C. C. and Sean Davey. *Fuzzy-Set/Qualitative Comparative Analysis 2.5*. – Irvine, California: Department of Sociology, University of California, 2014.

УДК 316.42 ББК 60.56

Ефанов Александр Александрович –

канд. социол. наук

Оренбургский государственный

педагогический университет, г. Оренбург

e-mail: yefanoff_91@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: моральные паники, СМИ, Интернет, социальные сети, «Группы смерти».

Последнее десятилетие характеризуется процессом модернизации российского социума – интенсивным переходом от информационного к неоинформационному обществу. С позиций медиаориентированного подхода главное отличие заключается в смене коммуникационных парадигм. Если в информационном обществе основным полем для передачи информации являлось телевидение (с его аудиовизуальными свойствами, оказывающими первостепенное воздействие на аудиторию), то в неоинформационном – усиливается роль «новых медиа» (Интернет-изданий, социальных сетей, блогов) и всевозможных «карманных» гаджетов (мобильных телефонов, планшетов), переключивших образ жизни своих потребителей в режим «всегда в курсе, всегда на связи».

Выдающийся теоретик современности П. Штомпка в контексте визуальной социологии определяет, что активное использование новейших информационно-коммуникационных технологий привело к возникновению особой формы социальной действительности, именуемой как виртуальность. Ученый интерпретирует ее как «реальность, основанную на силе воображения, идеализации, приемах ухода от воздействия материальности, и системное распространение этого процесса на все сегменты социальной структуры общества и институты, сознательное и «инженерно» сфокусированное конструирование условных феноменов, приобретающих статус основных» [10, с. 7-8].

Сокращая время на передачу и получение информации до нескольких секунд, сетевые коммуникации (своего рода, новый тренд второго десятилетия XXI века), «с одной стороны, оптимизируют социальные процессы, с другой, – могут продуцировать аффективные реакции в социальной среде, последствия от которых становятся неконтролируемы и трудно прогнозируемы» [5, с. 744]. Так, конечным продуктом процесса медиавоздействия являются моральные паники, которые представляют собой «чрезмерно эмоциональные реакции общества

на ряд проблем, которые интерпретируются со стороны СМИ как серьезные угрозы устойчивой системе духовных норм и ценностей и в перспективе способны привести к разрушению социальной структуры» [2, с. 58].

В настоящее время Интернет (официально признан СМИ в 2014 году) стал основным полем для инспирирования моральных паник. Это можно объяснить «обилием в Сети информации, разрушающей моральную целостность социума, ее свободным доступ в неограниченном объеме, создающим в обществе ощущение приближающейся социальной катастрофы» [3, с. 90], порождая стигмы и фобии – первооснову моральной паники. В качестве инструмента конструирования моральной паники используются интерактивные ресурсы Интернета – «форумы и социальные сети, нередко распространяющие не соответствующую действительности информацию, порождающую слухи и сплетни» [4, с. 147].

Предметом рассмотрения настоящего исследования являются механизмы трансформации моральных паник в условиях модернизации информационного общества. В фокусе социологического изучения – аффективные реакции общества на распространение так называемых «Групп смерти» в социальных сетях. Используется комплекс методов: количественный контент-анализ; дискурс-анализ; вторичный анализ статистических данных. Базой исследования стали выпуски информационных программ федеральных («Новости», «Время» (Первый канал); «Вести» («Россия 1»); «Сегодня» (НТВ)) и региональных телеканалов («Вести Оренбуржья» (ГТРК «Оренбург»); «Наше время» (ТРК «ТК-Регион»)), а также «посты» пользователей социальных сетей («ВКонтакте»; «Facebook»). Хронологические рамки исследования: январь – апрель 2017 года.

В январе 2017 года в десятках регионов России (Воронежской, Ленинградской, Оренбургской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, Пермском крае и др.) возникла моральная паника, связанная с деструктивным воздействием на подростков «Групп смерти» (таких как «f57», «Тихий дом», «Синий кит» и др.) в социальной сети «ВКонтакте». Согласно легенде, участники вступают в закрытое сообщество (администратор проводит модерацию и добавляет только несовершеннолетних), а затем выполняют ряд заданий, представленных как обретение свободы (каждый «шаг» необходимо сопровождать фотоотчетом). Последним пунктом этой игры якобы становится совершение суицида [9].

Данная информация активно обсуждалась на новостных порталах и в социальных сетях (преимущественно представителями старшего поколения). Все комментарии (942) содержали риторику катастрофы: *«В ней может оказаться и мой ребёнок»* (Инна ***); *«Куда смотрят правоохранители?! Они же убивают наших детей»* (Олег ***); *«Социальные сети – это зло для детей! Повальное уничтожение»* (Анна ***).

Федеральные и региональные телеканалы обратили внимание на проблему спустя месяц – в начале февраля 2017 года (Рис. 1.1-1.2). По всей России состоялись совещания с участием следователей, психологов, педагогов, родительской общественности и духовенства, на которых ставился главный вопрос: «Как уберечь ребенка от сайтов-самоубийц?» При этом следует подчеркнуть, что прямых фактов резкого увеличения количества суицидов среди подростков озвучено не было. «Круглые столы» в разных городах страны хронологически проходили в один и тот же период (с 1 по 5 февраля 2017 года). Вероятно, ведомства на местах выполняли распоряжение своего федерального руководства.

В начале марта 2017 года на проблему также обратил внимание президент России В.В. Путин. Выступая на расширенной коллегии МВД, глава государства, используя технологию эмотивно-морализаторского дискурса (без оперирования статистикой и информацией о новых прецедентах), заявил об ужесточении наказания для так называемых «дистанционных убийц»: *«В этой связи поддерживаю инициативу депутатов Госдумы о дополнении законодательства нормой, расширяющей перечень действий, при которых наступает уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Это позволит привлекать к ответственности хозяев, создателей и администраторов подобных сайтов, пресекать их деструктивную, еще раз хочу подчеркнуть, преступную деятельность»* [8].

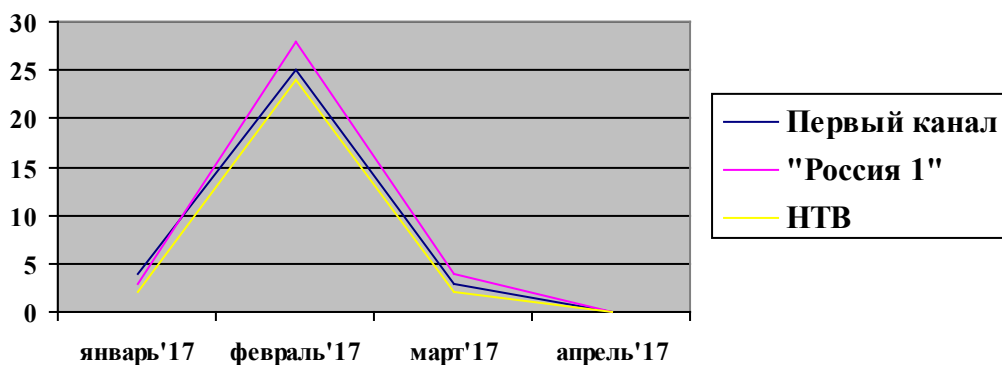

Рис. 1.1. Динамика освещения проблемы распространения «Групп смерти» в эфире федеральных телеканалов

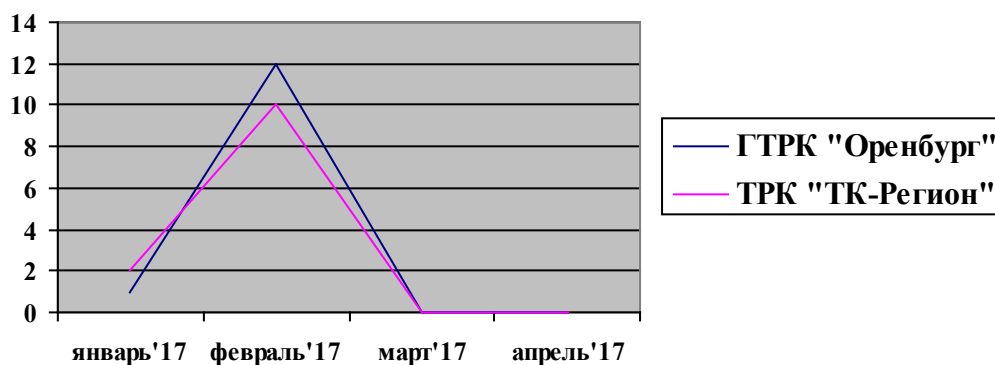

Рис. 1.2. Динамика освещения проблемы распространения «Групп смерти» в эфире региональных телеканалов

Результаты контент-анализа информационных программ федеральных и региональных телеканалов свидетельствуют о том, что наибольшая частотность зафиксирована в начале февраля 2017 года. Затем наблюдается спад медиа-интереса к явлению, вследствие чего произошла рецессия моральной паники. Данную картину можно объяснить исходя из того, что отсутствовали реальные факты резкого увеличения количества суицидальных случаев среди подростков в результате распространения «Групп смерти», потенциально способных конституировать моральную панику в обществе.

Согласно официальной статистике, за год число детских самоубийств увеличилось на 1 % (в 2015 – 685; 2016 – 720). Об этом сообщил заместитель начальника Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ МВД России **В.Б. Гайдов** на V Всероссийском форуме «*Наши дети. Здоровье детей и факторы, его формирующие*» в г. Санкт-Петербурге 30 марта 2017 года. **При этом был сделан акцент, что количество суицидальных случаев «растет не из-за «Групп смерти». <...> Основными причинами явились неразделенная любовь или конфликты в семье, на их долю приходится по 30 % самоубийств соответственно» [6]. Таким образом, рассматриваемая моральная паника формировалась на основе обратной корреляции – «непропорциональности статистических данных и медиа-интереса к явлению» [4, с. 96], в результате чего происходило манипулирование сознанием аудитории.**

Занимаясь предметным изучением явления, ученые называют историю о «Группах смерти» разновидностью современного фольклора. Антрополог Д.В. Громов считает, что «эпидемии слухов (в том числе построенных по типу городских легенд) основываются на фобиях, существующих в обществе. Здесь может подключаться часто встречающийся у подростков интерес к тематике суицида. Но надо понимать, что молодые люди, которые интересуются

суицидом, в подавляющем большинстве случаев к нему вовсе не стремятся. Для подросткового сознания это что-то вроде страшилок про Черную Руку или Синие Занавески, такая экстремальная грань, подходя к которой можно пощекотать себе нервы, а потом обсудить это в кругу сверстников. Для подростков такая деятельность – часть процесса освоения мира» [1].

Вспоминая моральные паники, связанные с жевательными резинками, содержащими наркотики, или педофилами, орудующими в российских городах и насилующими малолетних детей, специалисты исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» Института общественных наук РАНХиГС А.С. Архипова, М.Д. Волкова и А.А. Кирзюк указывают, что «во всех таких историях действуют анонимные враждебные силы, злодеи, чьи мотивы никак не рационализируются. Такие истории возникают, потому что речь идет о боязни потери контроля над детьми. Взрослые, погруженные в Интернет меньше, чем подростки, воспринимают его как непонятную и опасную реальность» [1]. Как следствие, низкий уровень медиа-информационной грамотности заставляет старшее поколение демонизировать Виртуальную сеть, интерпретировать ее как деструктивную силу, пагубно влияющую на современных подростков (как в прямом смысле – в результате якобы реального истребления посредством «Групп смерти», так и иносказательно – путем разрушения ценностно-нормативной системы молодежи).

По аналогичной модели развивались моральные паники 1990-х годов – в отношении игромании подростков в США [11] и виртуализации жизни школьников (просвещения в вопросах секса и пропаганды насилия посредством информационно-коммуникационных технологий) в России [7]. Дети и молодежь не случайно рассматриваются как наиболее социально уязвимые слои, подверженные деструктивному воздействию. Со стороны взрослого населения молодое поколение «воспринимается как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе, а потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущей «основы» общества» [4, с. 68].

Определяя характер социальных изменений в результате влияния моральной паники в отношении распространения «Групп смерти» на социум, необходимо выделить не только деструктивные (намеренное искажение картины социальной действительности; распространение карательных методов решения проблемы; усиление тревог и страхов в обществе; отвлечение внимания от реальных социальных проблем), но и конструктивные последствия (повышение уровня информированности среди населения; переосмысление социальной действительности; разработка новых форм социального регулирования; укрепление социальных границ). В частности, родители и педагоги стали интересоваться жизнью детей, их пребыванием в виртуальном пространстве, пытаясь выстроить доверительный диалог.

На основании результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что явление в отношении распространения «Групп смерти»

в социальных сетях представляет собой моральную панику второго порядка. Она конструировалась по аналогичной модели с моральными паниками 1990-х годов, связанными с игроманией подростков в США и виртуализацией жизни школьников (просвещением в вопросах секса и пропагандой насилия посредством информационно-коммуникационных технологий) в России. Основное отличие рассматриваемой моральной паники заключается в высшей степени демонизации виртуальной сети, представленной как деструктивная сила, истребляющая молодое поколение. Несмотря на отсутствие статистических данных о резком увеличении суицидальных случаев среди подростков в результате распространения «Групп смерти», широкое обсуждение проблемы и оперирование технологией эмотивно-морализаторского дискурса (в том числе со стороны первых лиц государства) смогло спровоцировать аффективные реакции в обществе. «Жизненный цикл» моральной паники составил четыре месяца. Ее рецессия произошла в результате падения медиа-интереса к явлению (ввиду отсутствия фактов о реальных жертвах «Групп смерти»).

Список литературы:

1. Городская легенда. Что стоит за игрой «Синий кит» и всплеском интереса к «суицидальным пабликам» // Meduza, 2017. – URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/17/gorodskaya-legenda-chno-stoit-za-igroy-siniy-kit-i-vspleskom-interesa-k-suitsidalnym-pablikam> (дата обращения: 23.05.2017).
2. Ефанов А.А. Использование дискурсивных стратегий при конструировании моральных паник в региональной медиа-повестке // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: в 2 ч. Ч. 1. Материалы Международной научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября 2016 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Оренбург: ООО «Издательство «Оренбургская книга», 2016. – С. 58-61.
3. Ефанов А.А. Моральные паники как дисфункция Интернет-коммуникации // Перспективы науки. – 2014. – № 2 (53). – С. 89-92.
4. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Саранск, 2016. – 179 с.
5. Ефанов А.А. Новые формы конструирования моральных паник посредством сетевых коммуникаций // Материалы VII Международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15-16 марта 2017 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – С. 744-747.
6. Количество детских суицидов растет не из-за «Групп смерти» // ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2256526.html> (дата обращения: 23.05.2017).

7. Майорова-Щеглова С.Н. Новые информационные технологии и молодое поколение: нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций. Сб. статей. Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2009. – С. 254-259.

8. Онлайн-заслон. Владимир Путин поставил новые задачи перед МВД // Российская газета. – 2017. – № 7216 (50). – URL: <https://rg.ru/2017/03/09/vladimir-putin-odobril-mery-borby-s-gruppami-smerti.html> (дата обращения: 23.05.2017).

9. «Синий кит»: что это такое, что за группа? Как оградить ребенка от суицидальных групп в ВК? // Вопрос-ответ. Сборник ответов на ваши вопросы, 2017. – URL: <http://1-vopros.ru/917-sinij-kit-cto-eh-to.html> (дата обращения: 23.05.2017).

10. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой; авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

11. Killingbeck D. The role of television news in the construction of school violence as «a moral panic» // Journal of criminal Justice and Popular Culture. – 2001. – № 8 (3). – P. 186-202.

УДК 316.472.4

ББК с55.6 е91

Ефимов Евгений Геннадиевич –

д-р социол. наук, доцент

Волгоградский государственный

технический университет г. Волгоград

e-mail: ez07@mail.ru

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ФАКТОРА СУИЦИДАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ)

Ключевые слова: моральная паника, социальные сети, государство, группы смерти, суицид.

В конце 2016-2017 гг. в России развернулась активная компания в СМИ о существовании в социальных сетях «групп смерти», целью которых являлось доведение подростков до суицида путем выполнения ими ряда последовательных заданий. Освещение данного вопроса как в СМИ, так и в социальных сетях (например, видеоблогерами) показало наличие разных позиций по данному вопросу, которые существуют и по сей день. Между тем, данный эпизод развития социальных сетей имел место не только в России, но и в других странах, что дает возможность говорить о существовании закономерностей данного процесса в отношении социальных сетей.

В 2008 г. Э.Марвик описала данный процесс на примере моральной паники в отношении «он-лайн хищников» (педофилов) имевшей место в 1995-1996 г. в США и закончившейся принятием ряда законов, ограничивающих свободу в интернете в нарушении первой поправки конституции США. Можно выделить несколько этапов развития моральной паники в отношении социальных сетей:

1 этап – псевдонаучная публикация, которая ставит целью описать какую-либо угрозу, исходящую от технологии или социальной группы, ее использующей, при этом оперируя недостоверными фактами (чаще всего, статистическими данными). В 1995 г. в США эту статью написал студент Марти Римм, и он же дал согласие на использование материалов в журнале «Тайм» (3.07.1995). Как позже показали исследования, результаты М.Римма были «комбинацией отвратительной социологической методологии, сомнительной этики исследования и желательной экстраполяции» [7].

2 этап – формирование позиции государства и начало законотворческого процесса, имеющие результатом принятие законов, ограничивающих

свободу в интернете. В американском случае это привело к принятию Communications Decency Act (CDA), согласно которому размещение в интернете порнографических материалов стало федеральным преступлением с наказанием до 2х лет лишения свободы [7].

3 этап – распространение моральной паники в традиционных СМИ (радио, телевидение, газеты). В США, где детская безопасность являлась «национальным страхом» в итоге было создано ТВ-шоу «Поймать хищника на канале» NBC [3, с. 71].

4 этап – научная критика мифов, лежащих в основе моральной паники. Данный этап является больше формальным, поскольку не несет в себе никакого влияния на действия законотворческих органов или общественное мнение, сформированное СМИ. Первое опровержение последовало уже через месяц, но осталось известным только в академических кругах [7].

Данные этапы развития моральной паники были отмечены и в других странах (например, Дании) [6], однако зависимость развития социальных сетей и связанных с ними процессов от социокультурных особенностей региона [144-146] позволяет предположить, что российский случай будет иметь свою специфику.

Тема «групп смерти» как примера моральной паники исследовалась отечественными авторами в различных контекстах начиная с 2013-2014 г. когда, как указывают Н.Ю.Демдоуми и Ю.П.Денисов, главой Роспотребнадзора Г.Г.Онищенко был озвучен тезис о интернете как факторе роста суицидов стране [2, с.48] В то же время, начало моральной паники можно отнести к 2015-2016 г., в связи с выходом публикации в «Новой газете» и расследованием члена союза писателей России Д.Плоткина. Далее мы выделим этапы развития моральной паники и выявим ее сходства и отличия от американской модели.

1 этап – публикация статьи в «Новой газете» (№51 от 16.05.2016г.), авторы которых, опираясь на материалы журналистского расследования, описали схему доведения до самоубийства через «группы смерти» в социальной сети «ВКонтакте» и утверждали, что было совершено 130 самоубийств с ноября 2015 г. по апрель 2016 г. Статья подверглась критике в первую очередь со стороны других изданий, обративших внимание на ее предвзятость и непрофессионализм авторов. В частности, в западных СМИ основной акцент делался на то, что социальные сети не могут считаться фактором суицидальной активности, поскольку в России уже долгое время превышен порог суицидов среди молодежи на душу населения [4].

2 этап - после публикации статьи в «Новой газете» чиновники озвучивали все новые цифры пострадавших от групп смерти. На заседании Государственной Думы 19 апреля 2017 г. депутат от «Единой России» И.А.Яровая озвучила цифру в 720 суицидов за 2016 г., при этом вопрос о том, какое количество из них напрямую связано с группами смерти, остался без ответа. А.Б. Чернышев, депутат от ЛДПР, на том же заседании отметил,

что с «ноября 2015 года по апрель 2016 года согласно исследованиям определённых аналитических центров в эту игру, которая распространялась во многих социальных сетях, которая приводила к суициду, было вовлечено порядка 900 человек — 900 участников, 900 молодых людей»[1]. Итогом законотворческой деятельности депутатов становится принятие поправок в ст.110.1, 110.2, 151.2 УК РФ (наказание за склонение к самоубийству), принятие закона о мессенджерах и запрет анонимайзеров. При этом к моменту принятия закона МВД заявило о том, что только 1% суицидов связан с «группами смерти».

3 этап – на телевидении запускается ряд передач в формате ток-шоу, посвященных «группам смерти». При этом данные передачи не превратились в полноформатные шоу, а их выпуски были связаны либо с публикацией в «Новой газете», либо с необходимостью сформировать общественное мнение накануне принятия законопроектов весной-летом 2017 г., что подтверждает факт государственной инициативы в формировании медийной повестки. Так, передачи ток-шоу «Время покажет» («Первый канал») о данной проблеме выходили в июне 2016 г. и марте 2017 г. Подобным образом накануне принятия ФЗ от 28.07.2012 г., касающийся защиты детей от вредной информации, на телевидении были запущены сюжеты о педофилах в социальных сетях. Избирательность государства в формировании медийной повестки в отношении «групп смерти» более подробно освещена в статье Д.Плоткина [5].

4 этап – научная критика мифов, в российском случае представлен наиболее слабо. Анализ публикаций в базе данных РИНЦ на 26.08.2017 (ключевые слова «сети», «суицид»; N=48) показал отсутствие однозначных оценок данной ситуации. Основной проблемой является то, что, во-первых, критика исходных статей и материалов была проведена достаточно быстро другими периодическими изданиями и интернет-ресурсами, во-вторых, остался неразрешенным вопрос о правомерности используемых статистических данных, в-третьих, роль научного сообщества как экспертной системы в нашей стране в рамках развития интернета остается достаточно слабой.

В качестве вывода можно отметить, что, несмотря на общую структуру, формирование моральной паники в России, в отличие от американского случая, отличается доминирующей ролью государства. Вопрос о самоубийствах подростков и их связи с социальными сетями поднимался и до 2017 г., однако реакция государства на проблемы детской безопасности в социальных сетях в виде законодательных инициатив проявляется только в том случае, если это позволяет решить вопрос о контроле интернет-пространства в целом. Государство контролирует медийную повестку дня на федеральных каналах, формируя общественное мнение в поддержку своих действий.

Список литературы:

1. Государственная дума РФ. Стенограмма заседаний 19 апреля 2017 г. / URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4651/>
2. Демдоуми Н.Ю., Денисов Ю.П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернет как проблема мультидисциплинарных исследований / Демдоуми Н.Ю., Денисов Ю.П // Суицидология. 2014. Т. 5. № 2 (15). – С. 47–54.
3. Ефимов Е.Г. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2015. – 169 с.
4. Ефимов Е.Г. Западная пресса о подростковых суицидах в России / Е.Г.Ефимов. URL: <http://efimov-ez.livejournal.com/35273.html>
5. Плоткин Д.М. Проблемы противодействия детским суицидам, совершаемым в результате противоправного применения специальных средств воздействия на индивидуальное и групповое сознание подростков через социальные сети интернета / Д.М.Плоткин // Прикладная юридическая психология, 2017. № 1(38). – с. 129–132.
6. Larsen, M. C. Unge og online sociale netværk. En neksusanalytisk undersøgelse af medierede handlinger og offentlige diskurser / Malene Charlotte Ryberg Larsen. – En ph.d.-afhandling indleveret til Det Humanistiske Fakultet, Aalborg Universitet. – Aalborg, 2010. – 388 p.
7. Marwick A.E. To catch a predator? The MySpace moral panic / Alice E. Marwick // First Monday, 2008. V.13. № 6. URL: <http://www.uic.edu/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/viewArticle/2152/1966>

УДК 316.614-053.6 ББК 60.542.15

Захарова Елена Михайловна –
младший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург,
e-mail: zem377@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: проблемы трансформирующегося общества, молодежь

Насколько волнуют молодых людей проблемы современного российского общества, пребывающего в состоянии социальной трансформации? В научной литературе широко представлены результаты исследований отношения молодежи к различным аспектам жизни социума: экономическим [Касьянов, 2003; Холопова, Колоусова, 2014], социальным [Шинкаренко, 2014; Холопова, Колоусова, 2014], политическим [Бондаренко, 2015; Маркина, Твиорова, Шумилова, 2014], межнациональным [Маркова, 2011] и др. Как правило, каждая научная работа посвящена отношению молодых людей к какой-либо одной сфере общества. Новизной данной статьи является комплексное изучение отношения молодежи к целому ряду аспектов общественной жизни.

Предлагаемое исследование основано на материалах социологического опроса студентов, проведенного в 2013 г. сотрудниками (включая автора статьи) лаборатории проблем молодежи НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. В опросе приняли участие 494 молодых человека от 17 до 25 лет, учащихся в вузах Санкт-Петербурга. Анализ и интерпретация материалов опроса, представленные в данной статье, принадлежат ее автору.

По оценкам самих молодых людей, среди актуальных аспектов общественной жизни страны первое и второе места принадлежат социальным (их назвали 52% опрошенных) и экономическим (49%) проблемам. Далее идут политические и культурные вопросы (37-38%) и межнациональные отношения (35%). И завершают список экологические (29%) и демографические (19%) проблемы (см. таблицу 1).

Актуальность экономических, политических и межнациональных проблем для молодых мужчин и женщин примерно одинакова (см. таблицу 1). Но девушки чаще, чем юноши озабочены социальными (56% по сравнению

с 48% юношей), культурными (41% против 35% юношей) и экологическими проблемами (33% против 25% юношей).

Таблица 1

Распределения ответов на вопрос «Какие аспекты общественной жизни страны представляются Вам наиболее важными и актуальными?» в зависимости от пола респондентов (в % к числу ответивших)*

	В целом по массиву	Мужчины	Женщины
Политические	37	37	36
Экономические	49	48	49
Социальные	52	48	56
Культурные	38	35	41
Межнациональные	35	34	36
Экологические	29	25	33
Демографические	19	18	19

* *Примечание. В таблицах 1-5 сумма ответов в процентах превышает 100, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.*

Заметные различия в отношении к различным аспектам жизни общества наблюдаются в зависимости от возраста молодых людей. Анализ данных показывает, что с увеличением возраста респондентов значительно снижается важность для них практически всех проблем общественной жизни - экономических, политических, социальных, культурных, межнациональных (см. таблицу 2). Исключение составляют лишь экологические проблемы, понимание важности которых с возрастом увеличивается от 26-28% среди 17-18 и 18-22-летних до 38% среди 23-25-летних.

Таблица 2

Распределения ответов на вопрос «Какие аспекты общественной жизни страны представляются Вам наиболее важными и актуальными?» в зависимости от возраста респондентов (в % к числу ответивших)

	17-18 лет	19-22 года	23-25 лет
Политические	54	38	22
Экономические	63	45	43
Социальные	55	53	42
Культурные	40	38	36
Межнациональные	47	32	29

Экологические	26	28	38
Демографические	25	16	21

Чем лучше студенты учатся, тем чаще они признают важность экономических, политических, культурных, экологических, демографических аспектов жизни общества. Таким образом, более успешные в учебе студенты обеспокоены всеми проблемами общества гораздо сильнее, чем менее успешные (см. таблицу 3). Только межнациональные проблемы сильнее беспокоят менее успешных в учебе (от 31% отличников до 45% троечников).

Таблица 3

Распределения ответов на вопрос «Какие аспекты общественной жизни страны представляются Вам наиболее важными и актуальными?» в зависимости от успеваемости респондентов (в % к числу ответивших)

	Учусь в основном на «отлично»	Учусь на «хорошо» и «отлично»	Учусь на «хорошо» и «удовлетворительно»	Учусь в основном на «удовлетворительно»
Политические	40	42	29	25
Экономические	55	49	47	40
Социальные	58	55	45	55
Культурные	39	39	37	35
Межнациональные	31	37	32	45
Экологические	30	32	24	25
Демографические	24	20	16	15

Наблюдается явная зависимость отношения ко всем рассматриваемым проблемам общественной жизни от материального положения респондентов. Анализ данных показывает, что, чем лучше материально обеспечены молодые люди, тем чаще они признают значимость экономических, культурных, межнациональных проблем, и особенно политических вопросов (от 20% среди малообеспеченных до 40% среди среднеобеспеченных и 42% среди хорошо обеспеченных) (см. таблицу 4). Для малообеспеченных респондентов на первый план выходят социальные проблемы. Тогда как молодые люди с хорошим материальным достатком могут себе позволить беспокоиться по поводу политических, культурных, экологических, демографических вопросов.

Распределения ответов на вопрос «Какие аспекты общественной жизни страны представляются Вам наиболее важными и актуальными?» в зависимости от материального положения респондентов (в % к числу ответивших)

	Мало- обеспеченный	Средне- обеспеченный	Хорошо обеспеченный
Политические	20	40	42
Экономические	43	48	58
Социальные	51	51	55
Культурные	41	36	44
Межнациональные	30	34	44
Экологические	29	28	32
Демографические	12	20	21

Опрос проводился среди студентов вузов Санкт-Петербурга, но до своего поступления в вуз многие респонденты проживали в других городах и сельской местности, где они выросли и впитали ценности своего социального окружения. По данным опроса, экономические и социальные проблемы волнуют чаще молодых жителей городов (49% и 50-53%), чем их сверстников из сельской местности (43% и 21%). Более всего признают важность политических вопросов молодые люди из больших городов (38%), а также проживавшие до поступления в вуз в сельской местности (36%); меньше других признают важность политики выходцы из малых городов (31%). Эти данные подтверждают сложившееся в социологической литературе мнение о большей политизированности жителей больших городов. А большее внимание к политике сельской молодежи может объясняться их ограниченными возможностями для реализации других интересов. Недаром, актуальность культурных проблем жители села ставят на первое место (см. таблицу 5). Молодых сельских жителей чаще волнуют культурные и экологические проблемы (50% и 43% по сравнению с жителями городов, среди которых только около 30% заботят проблемы культуры и экологии).

Распределения ответов на вопрос «Какие аспекты общественной жизни страны представляются Вам наиболее важными и актуальными?» в зависимости от основного места жительства респондентов (в % к числу ответивших)

	Большой город	Небольшой город	Сельская местность
Политические	38	31	36
Экономические	49	49	43
Социальные	53	50	21
Культурные	38	33	50
Межнациональные	35	40	21
Экологические	28	30	43
Демографические	18	25	14

Данные нашего опроса показывают, что большинство молодых людей считают социальные, экономические, политические, культурные, экологические аспекты общественной жизни довольно важными, актуальными и требующими скорейшего решения. Невысокий интерес той части молодежи, которая равнодушна к проблемам общественной жизни, понятен и объективно обусловлен. Жизненные интересы молодых людей локализованы на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями [Молодежь новой России, 2007].

По мере взросления и вхождения в самостоятельную жизнь (начало профессиональной деятельности, создание семьи и рождение детей) значимость многих аспектов жизни общества для молодежи снижается, они отходят на дальний план, явно уступая по важности личным проблемам. У молодежи помимо общественной жизни есть множество других сфер и областей приложения своей энергии и активности - учеба, выбор профессии, создание семьи и многое другое, что в молодом возрасте представляется важным и необходимым.

Можно сделать вывод, что молодые люди в какой-то мере проецируют проблемы своего микросоциума на жизнь общества, и актуальные лично для них проблемы представляются им более важными и для общества в целом.

Список литературы:

1. Бондаренко А. Политика и ее особая роль в жизни молодежи // Новый Петербург. 2015. № 26.
2. Касьянов В.В. Отношение молодежи современной России к проблемам становления рыночной экономики (попытка макросоциологического анализа) // Общество и право. 2003. № 1. С. 122–131.
3. Маркина Н.Л., Твирина Ю.А., Шумилова О.Е. Молодежь и политика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С.139–151.
4. Маркова Н.Г. Формирование культуры межнациональных отношений молодежи – основа обеспечения безопасности страны // СИСП. 2011. № 2. С. 75–77.
5. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. – М. – 2007. Раздел 5. Молодежь и политика // Институт социологии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html
6. Холопова Л.А., Колоусова Е.В. Социальные и экономические проблемы молодежи // Концепт. 2014. № 09. С. 11–15.
7. Шинкаренко Е.А. Социальные проблемы молодежи в представлениях студентов вузов Нижнего Новгорода // Мониторинг. 2014. № 1 (119). С. 168–180.

Ивентьев Сергей Иванович –
советник Российской Академии
Естествознания, член РФО,
юрисконсульт ООО «ЮК Юмарк»,
г. Казань

ЧЕТВЁРТОЕ И ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: автором раскрываются ценности, благодаря которым происходит духовно-нравственное развитие и социализация личности.

Ключевые слова: Любовь, человек, дух, душа, личность, ценности, права человека, поколения прав человека, социализация.

Процесс духовно-нравственного развития человека и социализации личности связан с усвоением общечеловеческих и национальных ценностей, социальных норм и образцов поведения.

Общественные отношения, возникающие в процессе социальной деятельности людей, регулируются социальными нормами.

Под социальными нормами, как правило, понимают определённые правила, которые регулируют поведение людей и деятельность организаций в их взаимоотношениях [5, с. 95; 6, с. 196].

К социальным нормам относят следующие группы социальных регуляторов: неправовые обычаи, традиции, ритуалы, корпоративные нормы, религиозные нормы, мораль (нравственность) и нормы права [4, с. 112; 6, с. 197].

В правовом государстве главную роль в регуляции общественных отношений играет право, которое закрепляет права и обязанности граждан.

Анализ становления прав человека показывает, что основу современной цивилизации до конца прошлого столетия составляли три поколения прав человека, которые были провозглашены в ходе буржуазных революций. К ним относят гражданские, политические, экономические и социальные права и свободы человека и гражданина. Как нами отмечалось, это права телесной сущности человека или права тела.

Российская юриспруденция по-новому взглянула на человека, его материальные и нематериальные блага. Человек стал рассматриваться не только как материальный носитель телесных прав, но и как духовно-нравственная сущность, которой принадлежит определённый набор прав и свобод.

В конце XX века в Российской Федерации было открыто четвёртое поколение прав – духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина, которые провозгласили и провозглашают духовные и нравственные ценности личности [1, с. 5–6].

К четвёртому поколению прав относятся право на жизнь, уважение духовного и нравственного достоинства человека, запрет пыток и бесчеловечного обращения, право на творчество, право выбора и свобода

воли, свобода совести и вероисповедания, право на духовное образование и воспитание, право на духовное и нравственное совершенствование, право на благоприятную окружающую среду и другие права, которые вытекают из духовной и нравственной автономии человека.

В начале нашего столетия в России было провозглашено и введено в юридическую науку пятое поколение прав человека – Божественные права и свободы, основу которых составляют Любовь, Божественная информация и энергия [1, с. 123–135].

К пятому поколению прав относятся такие права, как право на Любовь, Вера и любовь к Богу, единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на обращение к Богу, право на информацию и управление энергией, право на управление пространством-временем, право на развитие энергетической мощи своей души и своих энергооболочек, право на Сотворчество и совершенствование окружающего мира, право на Божественное совершенствование, право на дары Бога, право человека на бессмертие и другие права, которые вытекают из Любви и Божественной энергии.

Некоторые авторы предлагают называть Божественные права и свободы человека просто природными правами [1, с. 36].

Четвёртое и пятое поколения прав человека направлены на защиту духовной сущности человека, его Души и Духа, которые бессмертны.

Четвёртое и пятое поколения прав человека – это права духа и души человека.

Впервые в современной теории прав человека появилось право человека на Любовь и право человека на рождение в Любви, что стало новшеством в современной юриспруденции.

Как отмечает по этому поводу Б.Н. Соваков, «делается своевременная попытка осмыслить божественную основу для толкования человеческой свободы как свободы личности, усмотреть её правовые основы.

С этой целью делается сопоставление юридического, философского и богословского определений свободы, и далее делается выход на категорию *любви*, как субстанции того, что реализуется через свободу, и что роднит между собой столь разные на первый взгляд её определения» [1, с. 25].

Любовь в России была признана главной общечеловеческой Ценностью.

Любовь стали относить не только к нравственной и духовной категориям (религиозной и философской), но и к правовой (юридической) категории, что является новым для отечественной и мировой юриспруденции.

Любовь является правовой ценностью и относится к главному источнику права.

Любовь – основа национальной и мировой духовно-нравственной культуры.

Любовь как общечеловеческая ценность и национальная идея нашей страны была уже заложена в Конституцию Российской Федерации, из преамбулы которой следует, что наши предки передали нам такие ценности,

как Любовь, которая является основной ценностью пятого поколения прав человека, а также уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость [3].

С учётом открытия четвёртого и пятого поколений прав человека, была принята Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека от 23.11.2010 г. (Декларация Любви), которая нормативно закрепила вышеперечисленные права [2]. Указанная Декларация относится к одному из источников права – к договору нормативного содержания, носящего всемирный и надгосударственный характер [2, с. 60–65].

Согласно экспертному заключению Департамента образования города Москвы, открытие четвёртого и пятого поколения прав человека и Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека ориентированы на органическое сочетание различных сторон человеческого сознания и деятельности, достижения синтеза духовно-нравственной и научной сфер в жизни человека и общества [1, с.29-30].

Благодаря открытию четвёртому и пятому поколениям прав человека в юридическую науку были введены понятия «Любовь», «дух», «душа», «пространство души», «Пространство Любви», «духовное пространство» и другие, связанные с духовной сущностью человека.

Можно сказать, что открытые четвёртого и пятого поколений прав человека сгармонировали и сбалансировали существующие три поколения прав человека, а точнее – Запад и Восток.

Открытие четвёртого и пятого поколений прав человека – это духовно-нравственная потребность современной человеческой цивилизации, чтобы выжить.

Безусловно, что четвёртое и пятое поколения прав человека являются основой процесса духовно-нравственного развития человека и его социализации.

Четвёртое и пятое поколения прав человека стали катализатором нового этапа духовно-нравственного развития человека.

Список литературы:

1. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография [Текст] /С.И.Ивентьев. Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357с.
2. Ивентьев С.И. Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека как источник права [Текст]/С.И.Ивентьев//Наукові підсумки/Збірка наукових праць. – Киев: НАИРА, 2010. С.60-65.
3. Конституция РФ//Российская газета, 25.12.1993.
4. Лазарев В.В. Общая теория прав и государства [Текст]/ Лазарев В.В. М.: Юристь, 1996.
5. Манов Г.Н. Теория права и государств [Текст]/Манов Г.Н. М.: Изд-во БЕК, 1995.
6. Хропанюк В.Н. Теория государства и права [Текст]/Хропанюк В.Н. М.: Дабаков, Ткачев, Димов, 1995.

УДК 316 ББК 60.59

Кибенко Валерий Александрович –
младший научный сотрудник сектора
социально-гуманитарных исследований
отдела гуманитарных исследований
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения
Арктики», младший научный сотрудник
Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
руководитель Ямальской социологической
лаборатории, г. Салехард
v.a.kibenko@ya.ru

СОЦИОЛОГИЯ В АРКТИКЕ: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ТУНДРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: Арктика, Ямало-Ненецкий АО, Ямальский район, экспедиция, опрос кочевого населения

Вспышка эпизоотии сибирской язвы^{1,2} в Ямальском районе (далее – ЯР) Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО, автономный округ, округ) усилила внимание окружных властей к жизнедеятельности тундрового населения. Одним из направлений, разработанного властями плана мероприятий «Дорожная карта» по рациональному использованию оленьих пастбищ и обеспечение благополучной эпизоотической обстановки в ЯНАО (далее – Дорожная карта) стало проведение научных исследований различных аспектов жизни аборигенного населения. Исследование по теме «Социально-экономические факторы жизнедеятельности и социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущих традиционный образ жизни» является комплексным, проводится на стыке социологии, микроэкономики и антропологии. Объектом исследования выступили коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС), ведущие традиционный образ жизни и занимающиеся оленеводством, предметом – социально-экономические факторы жизнедеятельности и социальное самочувствие. Методическим ядром исследования являлись две экспедиции, в ходе которых непосредственно

---

¹ Пресс-служба правительства ЯНАО Ликвидация вспышки сибирской язвы в Ямальском районе \\
URL: http://правительство.янао.рф/region/ecology/Likvid_vrishki/ (дата обращения: 02.05.2017 г.)

² Пресс-служба правительства ЯНАО Восстановлено всё – и чумы, и олени \\
URL: <http://правительство.янао.рф/news/lenta/governor/detail/107115/> (Дата обращения: 02.05.2017 г.)

авторами (Валерием Кибенко и Сергеем Зуевым¹) исследования был собран социологический материал.

При проектировании экспедиционных этапов исследования необходимо было учесть ряд основных моментов: экстремальные природно-климатическую условия ЯР; особенности жизнедеятельности, культуры, менталитета объекта исследования; слабое развитие транспортной инфраструктуры и связи ЯР; мер по охране жизни и здоровья членов экспедиции и др. Основная часть маршрутов экспедиций должна была пройти по труднодоступным местам, вдали от поселков и дорог (железнодорожной и зимников).

Первая экспедиция в декабре 2016 года была организована департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО в соответствии с планом мероприятий «Дорожная карта». Для нас это была прекрасная возможность провести пилотный опрос кочевого населения Панаевской и Ярсалинской тундр Ямальского района. Рабочая группа, преодолела 865 км на вездеходе «Петрович» Законодательного Собрания ЯНАО, посетила три стойбища оленеводов. Состоялись встречи с кочевниками во время перекочёвок, на факториях и убойно-холодильном комплексе «Юрибей». За время экспедиции опросили и записали интервью с представителями 14-ти семей ненцев-олeneводов, а также провели встречи с управляющими убойных комплексов и факторий.

Экспедиция проходила в экстремальных природно-климатических условиях: низкие температуры, короткий световой день. Температура забортного воздуха во время первой экспедиции варьировалась от -24° до -36° С, работа в стойбищах и ночёвки в чумах осуществлялись при -32° С. Передвижение на вездеходной технике типа «Петрович» или «Трэкол» отличается определённой степенью комфорта и безопасности, но из-за тихоходности много времени тратится на переезд от стойбища к стойбищу. Собранный материал в ходе первой экспедиции позволил скорректировать отдельные вопросы и расширить тематические блоки анкеты, а также проверить восприятие оленеводами выбранных шкал в анкете и вычислить среднее время на интервью. Существенным минусом проведения опроса оказалось то, что научные сотрудники работали в составе большой группы, а это сокращало время работы и снижало качество и глубину интервью.

По возвращению был проведён анализ маршрута первой экспедиции, скорости передвижения, среднего времени на интервью, необходимости дополнительного оборудования и других аспектов, которые требовалось учесть при проектировании второй – весенней экспедиции.

Исходя из анализа, в качестве основного транспортного средства для проведения второй – весенней экспедиции (17 марта – 3 апреля) были выбраны снегоходы импортного производства с санями для перевозки пассажиров

¹ Сергей Михайлович Зуев – младший научный сотрудник отдела гуманитарных исследований сектора регионоведения ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

и груза, водителями которых являлись опытные проводники, что повысило скорость передвижения группы. Научные сотрудники ехали в санях. Расстояние, преодоленное за время экспедиции только на снегоходном транспорте, составило более 1500 км. Члены экспедиции посещали стойбища оленеводов, осуществляли ночёвки в чумах.

Сбор информации осуществлялся качественными (полужформализованное интервью) и количественными (формализованное интервью по месту жительства респондента) социологическими методами по репрезентативной выборке – 78 семей оленеводов. Параллельно анкетному опросу велась аудио запись, что позволило зафиксировать комментарии по тому или иному вопросу анкеты, которая одновременно являлась гайдом интервью. Осуществлялся сбор фотоматериалов. Погодные условия второй экспедиции были более комфортные. Температура колебалась в пределах от -2° до -17° С, но постоянно пуржило, что повышало риски сваливания снегоходов в наполовину заметённые овраги и ручьи.

Серьёзные опасения на стадии подготовки исследования вызывали предостережения сторонних исследователей и ряда представителей КМНС проживающих в Салехарде, что кочевники крайне закрыты, неохотно пойдут на контакт, плохо владеют русским языком, дадут односложные ответы и т.п. Такой набор препятствий мог существенно снизить объем и качество получаемой информации и не позволить достичь репрезентативной выборки. Ранее проведенные опросы Сергеем Зуевым в 2014, 2016 гг. в ходе экспедиций в Приуральский, Пуровский, Шурышкарский и Красноселькупский районы также указывали на долгий период формирования первичного доверия респондентов к исследователю. Подобный скепсис не разделил только один эксперт – А.А. Южаков¹, имеющий огромный исследовательский опыт в ЯНАО.

К нашей удаче, опасения не подтвердились, оленеводы довольно хорошо шли на контакт. В процессе знакомства и получения согласия на интервью большое значение имели общие идентификационные точки соприкосновения исследователей и кочевников. В том или ином случае ими выступали следующие идентификаторы: общее место рождения – ЯНАО; общие этнические корни с ненцами одного из научных сотрудников. Важным для оленеводов также являлось и то, что мы были из г. Салехарда – окружной столицы, а не местные жители Ямальского района. Сыграла свою роль и профессиональная принадлежность к научному сообществу, а также тема исследования, которая затрагивает главные аспекты жизнедеятельности оленеводов. Наши проводники-водители снегоходов были из числа КМНС и ряд семей их знали в лицо, а некоторые являлись родственниками – это значительно сокращало период формирования первичного доверия

---

¹ Южаков Александр Александрович – главный научный сотрудник ФГБУН «Северо-Западный центр междисциплинарных исследований проблем продовольственного обеспечения», профессор, доктор сельскохозяйственных наук

респондентов. В посёлке Сеяха оленеводы, приехавшие по насущным делам, сами приходили в кабинет, где проходили интервью, а некоторые дожидались своей очереди или договаривались о встрече на следующий день. В селе Яр-Сале опрос проходил в общине «Харп» и на квартирах оленеводов. Опрос в населённых пунктах оказался чуть менее продуктивным, чем в стойбищах. Оленеводы приезжают в посёлок для получения расчёта за проданную продукцию оленеводства, оформления документов, прохождения медицинского осмотра, участия в праздничных мероприятиях, посвящённых Дню оленевода и др. и располагают ограниченным временем. Тундровики в ходе опроса в населённых пунктах проявляли меньшую заинтересованность, чаще отвечали односложно.

За время двух экспедиций¹ научными сотрудниками собран большой объем материалов о жизнедеятельности ненцев-олeneводоv ЯР ЯНАО, который составит эмпирическую базу исследования. В ходе экспедиций учёными получен опыт полевой работы в тундре, в том числе и при экстремально низких температурах. Проведение работ в зимний период сопряжено с экстремально низкими температурами, что существенно повышает требования к здоровью и подготовке членов экспедиции, надёжности техники и связи, качеству экипировки. Необходимо быть готовым к традиционной кухне кочевников, практикующих употребление в пищу сырого мяса оленя и рыбы, питья талой снеговой и озёрной воды и другим условиям жизни в тундре.

Список литературы:

1. Зуев С.М., Кибенко В.А., Сухова Е.А. Отчёт по итогам зимней экспедиции по Ямальскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (Панаевская и Ямальская тундры) ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Салехард. 2017.
2. Зуев С.М. Отчет о НИР «Традиционное природопользование ЯНАО в условиях интенсивного промышленного освоения, I –II этап». ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Салехард. 2014–2015 гг.

---

¹ Авторский коллектив исследователей выражает благодарность за помощь в организации экспедиций Законодательному собранию ЯНАО, департаменту по науке и инновациям ЯНАО, департаменту по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО и некоммерческому партнёрству «Межрегиональный экспедиционный центр «Арктика» (г. Салехард) за материально-техническое и логистическое обеспечение работы научных сотрудников в экспедициях.

УДК 316.346.32 ББК 60.59

Клинецкая Нина Васильевна –

канд.экон. наук, ст.научн.сотрудник,
Санкт-Петербургский гос.университет,
г.Санкт-Петербург, e-mail: nklineckaia@
mail.ru

Петрушенко Татьяна Константиновна

– ст.научн.сотрудник, Санкт-
Петербургский гос.университет, г.Санкт-
Петербург, e-mail: tatpetr52@mail.ru

Федорова Татьяна Николаевна –

ст.научн.сотрудник, Санкт-Петербургский
гос.университет, г.Санкт-Петербург,
e-mail: laetitia05@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: молодежь, юноши, девушки, кризис, студенты

Кризисные явления, обнаруживающиеся во всех сторонах жизни современного российского общества, по-разному воспринимаются населением, мужчинами и женщинами, разными социальными группами. Исследование, проведенное кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ, было связано с исследованием отношения студентов вузов к кризису. Также изучались возникающие у молодежи проблемы, связанные непосредственно с кризисными явлениями. Проводился анкетный опрос по ряду вузов Санкт-Петербурга (N=700 чел.) в 2016-2017 гг.

Результаты исследования показали, что девушки и юноши по-разному реагируют и воспринимают кризис, по-разному решают свои проблемы [1].

Характеристика кризиса, связанная с его направлением (экономическим, социальным, политическим) у девушек и юношей совпадает: они полагают, что в основном кризис имеет политическую (54,4% респондентов) и экономическую (36,7%) направленность. Но причины кризиса называются юношами и девушками разные. Так, *первое* место как у юношей, так

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований проект № 17-03-00862.

и девушек занимает такой вариант ответа, как «агрессивная политика Запада и, прежде всего, США в отношении России». Эту позицию отметили 62,1% юношей и гораздо больше девушек (75%). По другим позициям их мнения расходятся. На *втором* месте среди причин кризиса молодые люди отметили «коррупцию» (56,6%), а девушки – «украинский» и «крымский» факторы (45,4%). *Третье* место среди ряда других причин кризиса, по мнению юношей, занимает «неспособность российских властей вести грамотную экономическую и социальную политику» (33,5%), тогда как у девушек среди причин кризиса *третью* позицию занимает «коррупция» (44,4%). Как видим, приведенные данные хорошо иллюстрируют разное отношение к причинам кризиса у мужчин и женщин. Если мужчины больше внимания обращают на внутрироссийские причины, то внимание женщин больше устремлено на внешние («украинский» и «крымский» факторы, всеобщий мировой кризис).

Интересно отметить, что молодежь достаточно активно следит за тем, что происходит в России и в мире. Отвечая на вопрос «Следите ли Вы за новостями в экономике, политике, в социальной сфере», более трети юношей (34,8%) выбрали вариант ответа «постоянно», из девушек «постоянно» следят за новостями значительно меньшее число - только 21,5%. Но среди тех, кто выбрал ответ «время от времени», половина юношей (50,6%) и значительно больше девушек – 63,9%. При этом остальные (по 14,6% юношей и девушек соответственно) «не следят» за новостями. Более пристальное внимание юношей к новостям понятно, поскольку именно мужчины создают мир, в котором живут женщины, и поэтому они более включены в него и интересуются различными аспектами социальной, экономической и политической сферами общества.

Оценка возможности изменения кризисной ситуации показала, что юноши склонны к более пессимистическому взгляду, чем девушки. При ответах на вопрос «Как Вы считаете будет изменяться социальная и политическая обстановка?» 28,9% из них высказались за то, что она «будет ухудшаться», среди девушек такого мнения придерживаются 22,3%. «Скорее останется, как сейчас» ответили 30,5% молодых людей и почти такое же количество девушек (29,5 %). Однако девушки более оптимистично смотрят в будущее: почти половина из них (48,1%) заявили, что «ожидают улучшения». Так же думают 40,7% юношей.

При этом весьма интересны данные, характеризующие собственно влияние кризиса на респондентов. Как видно из таблицы 1, кризис по-разному повлиял на молодых людей и на девушек.

Оценка влияния кризиса на респондентов (%)

Ответ на вопрос «Ощутили ли Вы на себе воздействие социально- экономического кризиса?»	Все респонденты	Юноши	Девушки
Да	29,2	34,4	26,3
В некоторой степени	55,4	48,4	59,4
Нет	15,4	17,2	14,2

Полученные данные говорят о том, что доля юношей (треть опрошенных молодых людей) оказалась под негативным воздействием кризиса больше, чем доля девушек (26,4). Количество юношей при этом значительно меньше, чем количество девушек среди тех, кого кризис задел лишь «в некоторой степени». Респондентов, которые считают, что на них никак не воздействовал кризис, почти одинаково, но юношей чуть больше (17,2%), чем девушек (14,2%). Как представляется, приведенные данные свидетельствуют о том, что юноши в студенческие годы более самостоятельны и активнее социализированы, чем девушки.

В чем же проявляется кризис в жизни студентов? Понятно, что студенческая жизнь – это достаточно специфический период жизни человека, когда еще только происходят процессы становления мировоззрения, социализации, включения человека в социум; происходит переход во взрослую жизнь, но все же основная масса студентов – это еще и часть своих семей. Полученные нами результаты говорят о том, что отдельно от родителей, обеспечивая себя самостоятельно, живут лишь 14,1% юношей и такое же количество девушек. Основная же масса студентов – почти половина юношей (47,7%) и 39,3% девушек живут в семье, с родителями. Довольно большая доля юношей (38,1%) и еще больше девушек (46,7%) живут отдельно от родителей, но не могут обойтись без их помощи. То есть мы видим определенную зависимость студентов от родительской помощи, от семьи. Поэтому не удивительно, что на *первом* месте среди предложенных вариантов ответов кризисного воздействия и у девушек и у юношей были отмечены трудности с деньгами для личных нужд. Данный фактор отметили 56,1% юношей и еще больше девушек – 64,3%.

Не менее важным фактором среди перечня последствий кризиса, на наш взгляд, является фактор, занявший *второе* место у мужчин и *третье* у женщин – это экономия студентов на питании. Треть юношей (33,2%) и почти треть

девушек (31,5%) отметили, что «приходится экономить на еде (выбирать что попроще)».

Крайне негативным и настораживающим представляется то, что у трети респондентов стало пропадать «ощущение перспективы». Возникновение такого ощущения в условиях кризиса отметили 29,9% мужчин (на *третьем* месте в предложенном ряде вариантов ответов) и еще больше у девушек: 34,4% из ответивших девушек считает этот фактор весьма значимым для них (он занял *второе* место). Иными словами, респонденты не могут определять свои цели и жизненные стратегии на будущее, что предопределяет их ситуативные действия в краткосрочной перспективе.

В условиях кризиса сужаются возможности заработка, в том числе и для студентов, которые на себе ощутили, что «сложнее стало найти работу, подработку». Этот фактор занял и у юношей, и у девушек *четвертое* место среди последствий кризиса. Его отметили почти четверть юношей (23,4%) и почти треть девушек (30,7%). Как видно из приведенных оценок студентов, девушки уже в студенческие годы сталкиваются с большими трудностями в поисках работы и подработок.

Понятно, что при росте проблем с поиском подработок или работы у молодых людей «снижаются возможности проведения досуга». Именно в студенческом возрасте досуг наиболее значим, поскольку молодые люди ощущают себя молодыми, свободными и ищут развлечений, которые стоят денег. Этот вариант ответа занял *пятое* место и у девушек, и у юношей. Однако более значимым он оказался для девушек, почти треть которых (29,5%) заявила о недостатке материальных возможностей для проведения досуга. Юноши в гораздо меньшей степени (только 19,2%) ощущают на себе недостаток возможностей для проведения досуга. Материальные проблемы возникают у студентов не только с оплатой досуга, но и с оплатой учебы – ведь для многих из них образование платное. «Возникли проблемы с оплатой учебы» - данный вариант ответа на *шестом* месте. При этом девушкам приходится труднее, чем юношам. Среди респондентов-девушек трудности с оплатой учебы отметили 16,3% девушек и 11,7% респондентов-юношей.

Проблемы, возникающие в молодежной студенческой среде в условиях кризиса, влияют на многие стороны жизнедеятельности. В том числе и на психологическое состояние студентов. Вариант ответа «Ухудшилось психологическое состояние» оказался на *шестом* месте у юношей (11,7%) и на *седьмом* у девушек (11,4%). Полученные цифры свидетельствуют о том, что юноши и девушки одинаково переживают кризис: у каждого десятого из респондентов ухудшается психологическое состояние, что может иметь крайне негативные последствия для данного поколения молодежи.

Среди позитивных моментов в условиях кризиса, которые с нашей точки зрения следует отметить, - это то, что у респондентов практически «не ухудшились отношения со сверстниками». Ухудшение отметили только

1,4% юношей и 1% девушек. Студенческая молодежь, видимо, хорошо осознает свои проблемы в сложившихся кризисных условиях и, стремясь к выживанию, старается сохранить нормальные отношения со сверстниками. Отношения с родителями ухудшились у 3,7 % юношей и у 1,6% девушек. Выше уже отмечалось, что девушки более зависимы от своих семей: 46,7% девушек не могут обойтись без помощи родителей, и в гораздо меньшей мере юноши – 38,2 %. Но, видимо, не только материальный фактор оказывает влияние на отношения девушек с родителями: в нашей культуре девушки обычно ближе к родителям и стремятся сохранять с ними хорошие отношения.

Интересным представляется выяснить и то, что же собираются делать в кризисной ситуации опрошенные молодые люди, студенты разных вузов. Если у девушек (59,4%) на *первом* месте ответ «можно потерпеть, сосредоточусь на главном – завершении учебы», то для юношей данный ответ занял *второе* место (43,7%). А на *первом* месте у них ответ «буду активной искать подработку (47,9%)». Не менее важным для юношей оказался вариант ответа «попробую заняться мелким бизнесом» (31,6%), занявший *третье* место в перечне действий в условиях кризиса. Для девушек такие действия только на *пятом* месте (19,7%), у них *третье* место занял ответ «перейду в режим жесткой экономии» (29,4%).

Как видно из полученных данных, оценки молодых людей и девушек в плане их действий в период усиления кризисных явлений показывают, что юноши намного активнее, чем девушки. Это подтверждается и ответом «может быть, уеду за границу», который выбрали 17,4% юношей и только 9,1% девушек. Более активный настрой юношей, нацеленный на «выживание» любыми способами, также проявился и в их возможном выборе негативных действий: 3,6% из них считают, что могут участвовать в работе в «криминальной сфере, если есть возможность подработать с минимальным риском», среди девушек такой ответ отметили 1,2%. Отмечая негативные последствия кризиса, нельзя не сказать о таком важном для страны факторе, как сокращении рождаемости, который всегда сопутствует сложным кризисным явлениям. Четвертая часть юношей (25,1%) и 19,6% девушек ответили, что «не будут пока обзаводиться семьей и детьми». Молодежь, таким образом, в трудных жизненных обстоятельствах откладывает самые важные для них решения на будущее, ожидая позитивных изменений в социально-экономической сфере.

Наше исследование также показало, что, несмотря на трудности, молодежь все равно стремится к независимости и самостоятельности. Возникающие проблемы во многих случаях решаются за счет помощи семьи, родителей, но только 6,5% юношей готовы ее получать. При этом девушки в гораздо большей мере настроены на ее получение – 21,4% из ответивших «будут в большой степени полагаться на помощь родителей, родственников».

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы. В условиях обострения кризисных явлений возможное поведение юношей и девушек в студенческие годы весьма различается. У юношей жизненные стратегии основываются на более активных и самостоятельных действиях, у девушек – более пассивный взгляд на возможные действия, они более зависимы. Можно с большой долей вероятности говорить о сохранении установок и стереотипов поведения современной студенческой молодежи, ориентированных на традиционный российский менталитет [3]. Однако при этом проходящая одновременно с кризисом трансформация общества может привести и к дальнейшей деградации нравственного уровня молодых людей, склонность к которой более высока у юношей [2].

Список литературы:

1. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV № 1(54). С. 58.
2. Петухов В.В. Российская трансформация и общественная мораль//Социологические исследования. 2015. № 12. С. 28–40.
3. Семенов В.Е. Социокультурная поляризация и общественное согласие в контексте концепции российской полиментальности. Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Том 206. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Часть 1. 408 с.

Колтунова Арина Анатольевна –
аспирант,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: koltunova_blin@yahoo.com

ВОСПРИЯТИЕ ТЕРМИНА «ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Изучая теории и концепции социальной девиаций, трудно определить что конкретно исследователи относят к понятию «отклонения». Это очень широкое понятие, которое может включать в себя многие факторы общественной жизни. Для разных индивидов один и тот же человеческий поступок может восприниматься как отклонение, либо как нормативное действие. Важно грамотно классифицировать и определять какие из поступков в действительности относятся к социальным девиациям.

Чтобы упростить эту задачу и типологизировать девиантное поведение, многие ученые приводят свои классификации. Так, например, психолог В.В. Ковалев в 1981 году выделял три типа девиаций: социально-психологические, клиничко-психопатологические и личностно-динамические. [1] В 1987 году исследователь Ф. Патаки считал, что существует «ядро» девиантного поведения и «преддевиантные синдромы». [2] Российские ученые Ц.П. Короленко и Т.А. Донских в 1990 году разделяли девиантное поведение на две группы: нестандартное и деструктивное поведение. [3]

Более подробную классификацию девиантного поведения в 2010 году приводит Н.В. Майсак, в которой он собрал практически все типы поведений и представил их в виде матрицы социальных девиаций. Основополагающими критериями построения матрицы стали характер направленности и степень социальной одобряемости. Именно по этим двум критериям распределялись виды отклонений. [4]

Среди молодежи трудности в определении девиаций наиболее заметны. В их сознании сформировалось устойчивое понятие, что «отклоняющийся» значит «плохой». Нужно определить, как молодежь понимает термин «девиантное поведение» и какие типы отклонений относит к нему. Для этого было проведено социологическое исследование в формате анкетирования.

Анкета состояла из 5 вопросов. 3 вопроса направлены на определение понимания старшеклассником термина «девиантное поведение», его личную оценку характера девиаций и выявление видов отклонений. Было опрошено 51 респондент, учеников старших классов средних общеобразовательных школ. Старшеклассники, в качестве генеральной совокупности, были выбраны потому, что именно в старших классах начинает развиваться активная

социальная жизнь, ученики готовятся к самостоятельной жизни, формируется осознание и понимание норм поведения.

Объектом данного исследования стали ученики старших классов средних общеобразовательных школ г. Тюмень.

Предмет исследования – определение девиантного поведения и его виды.

Целью данного исследования было выявление понимания термина «девиантное поведение» среди молодежи.

В процессе исследования были поставлены следующие задачи:

1. Выявление восприятия термина «девиантное поведение» среди респондентов;
2. Определение характера девиантного поведения;
3. Выявление типов поведения, которые могут относиться к девиантным, по мнению старшеклассников.

Так, социально-статусные характеристики респондентов выглядят следующим образом. В процессе исследования было опрошено 41,2% молодых людей и 58,8% девушек.

Возрастные границы респондентов представлены следующим образом (рис. 1)

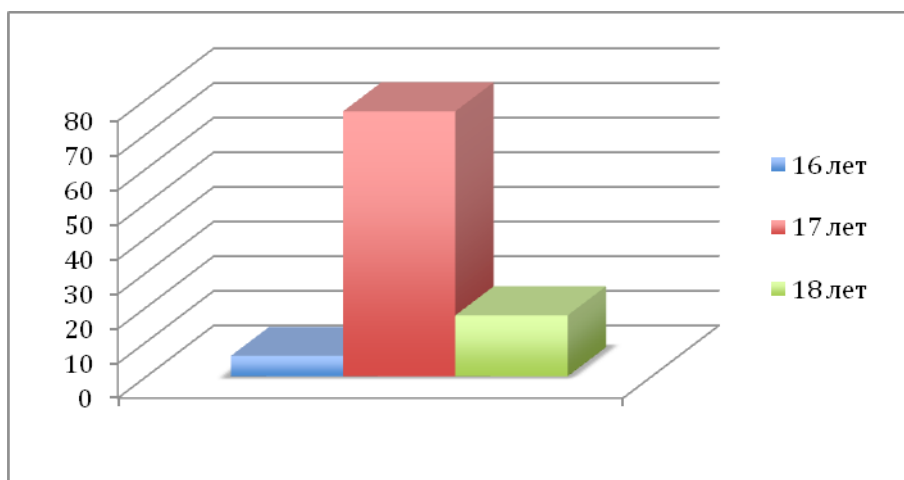

Рис. 1 Возрастные границы респондентов

Респондентам было предложено отметить, как они понимают термин «девиантное поведение», говоря «своими словами». Старшеклассники могли выбрать несколько вариантов ответов. Большинство респондентов (76,5%) отвечают, что девиантным считается поведение, которое отличается от поведения общества. 21,5 % опрошенных считают, что девиантное это невоспитанное поведение, а 11,7% старшеклассников отмечают под девиациями только алкоголизм наркоманию и курение.

По мнению 72,6% респондентов девиантное поведение может быть как негативного, так и позитивного характера. Остальные опрошенные (21,5%,

5,9%) считают, что оно носит негативный характер, либо нейтральный и никак не влияет на жизнь общества.

Опираясь на классификацию Н.В. Майсака, респондентам были предложены виды поведения, которые являются девиантными. Старшеклассникам нужно было отметить, какие являются девиантными по их мнению. Ответы распределились следующим образом (рис. 2):

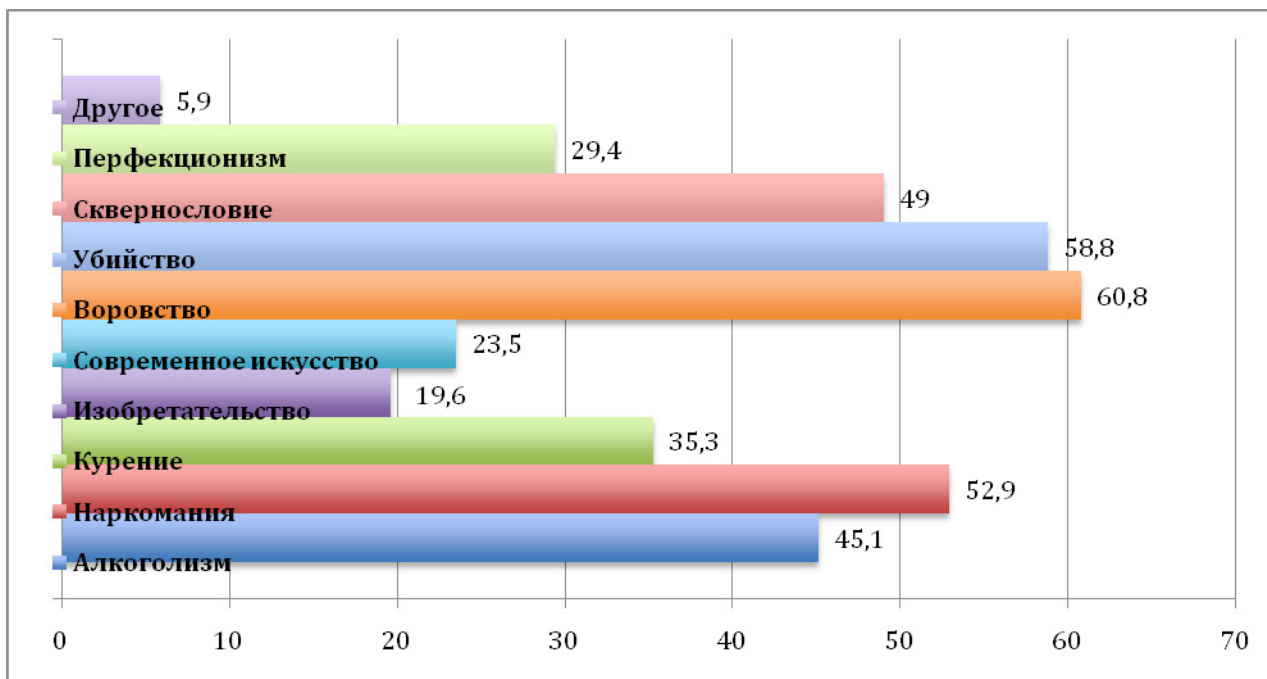

Рис. 2 Ранжирование видов поведения, исходя из результатов анкетирования

Проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод, что ученики старших классов понимают термин «девиантное поведение» как поведение отличающееся от поведения общества, что является верным толкованием. Так же они отмечают, что отклонения могут носить позитивный и негативный характер. Однако, при определении видов девиации, большинство респондентов определило девиантными только негативные типы поведения, такие как убийство, воровство, наркоманию, сквернословие, алкоголизм. Лишь четверть опрошенных отнесла современное искусство и изобретательство к девиациям, тогда как они являются яркими проявлениями поведения, отличающегося от устоявшихся норм.

Молодые люди верно истолковывают термин «девиантное поведение», но не могут правильно определить его виды, то есть применить теоретическое знание на практике. Важно дать понять молодежи, что девиантное поведение имеет форму позитивных изменений и не несет только деструктивный характер. Различные типы поведения могут положительно влиять на общество, но считаться девиантными, потому что отличаются от устоявшихся социальных норм.

Список литературы:

4. Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста. Руководство для врачей. М.: Медицина. 1981. 607 с.
5. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. Т. 8. № 4. 1987. С. 92–102.
6. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. – Новосибирск, 1990.
7. Майсак Н.В. МАТРИЦА СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ: КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ И ВИДОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ // Современные проблемы науки и образования. – 2010. – № 4. – С. 78–86;

УДК 316.3 ББК 60.52

Коморникова Ольга Михайловна –

канд. социол. наук, доцент,

Шадринский государственный

педагогический университет, г. Шадринск

e-mail: olya.orexovo@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: гражданское общество, государство, гражданское участие, ценностные ориентации.

Гражданское общество позиционируется как одна из неотъемлемых составляющих демократии. В контексте реалий современности важно подчеркнуть, что оно выступает как ресурс решения насущных задач, стоящих перед нашей страной и ее отдельными регионами: «Неучастие граждан в социальной жизни ослабляет механизмы обратной связи, важные для корректировки фактических и предлагаемых трендов, повышает социальные издержки проводимых преобразований, не позволяет задействовать личностный и групповой потенциал для улучшения жизни в обществе» [1, с. 68].

Анализ социальных практик гражданского общества в современной России затрудняется многообразием трактовок этого понятия в зарубежной и отечественной науке. Начиная с эпохи Нового времени, понимание его сущности было тесно связано с государством и деятельностью его структур. В современных условиях более актуальным является рассмотрение гражданского общества как объединения субъектов, функционирующих независимо от государства, хотя и не противопоставляющих себя ему. Это обусловлено тем, что социальная жизнедеятельность усложняется, растет многообразие социальных практик, следовательно, государство и его структуры не могут контролировать все процессы. Поэтому функционирование механизмов и структур гражданского общества, по сути, позволяет внести вклад в решение общесоциальных задач на микро-уровне.

Таким образом, мы не ограничиваем понимание сущности гражданского общества только лишь политической сферой отношений. Ключевыми характеристиками здесь выступают способность и готовность населения к самоорганизации с целью удовлетворения общесоциальных потребностей во всех сферах жизнедеятельности.

Учитывая, что в современных российских условиях сложно говорить о возможности создания множества организаций, объединений граждан, то для обозначения явлений и процессов, связанных с гражданским обществом

более приемлемо использовать термин «гражданское участие» [1, с. 68]. Этот термин более адекватно отражает возможности и способности населения в настоящее время, когда соответствующие структуры институционально не сформировались.

Реализация во взаимодействии социальных практик гражданского общества связывается с наличием у человека-гражданина определенного умонастроения, выражающегося в способности к свободной и ответственной «организации повседневной жизни» [2, с. 45]. В реальной действительности часто приходится сталкиваться с различного рода махинациями и недобросовестными действиями, услугами, что во многом является следствием трансформационных процессов, ослаблением социального контроля, слабой сформированностью национальной идентичности, что уменьшает значимость общесоциальных интересов, приводит к несоответствию системы наличных ценностных ориентаций современных россиян и тех, которые отражают насущные потребности общества.

Сложности формирования практик гражданского участия обусловлены воздействием исторически сложившимися ценностных ориентаций россиян, привычными для них способами жизнедеятельности, успешно воспроизводимыми, несмотря на имевшие место социальные изменения. В массовом сознании, как показывают данные исследований, присутствует образ социума, где активная роль отводится государственным институтам, а не самодеятельному населению [2, с. 70].

Кроме того, негативное влияние на становление социальных практик гражданского участия, на наш взгляд, оказывает существующая модель взаимодействия общества и органов власти различных уровней. Ее основные характеристики обусловлены не только установками населения, но и особенностями институциональной организации общества. После очередной «Прямой линии» с Президентом РФ В. В. Путиным вновь встал вопрос о том, почему многие проблемы, поднятые в ее формате, не были решены на местном уровне без вмешательства главы государства. Такое положение является следствием того, что в современной России наблюдается значительная дистанция между обществом и государственными структурами. На наш взгляд, данное отчуждение может быть обусловлено не только ценностными ориентирами представителей властных структур, но и слабым развитием механизмов самоорганизации населения на местном уровне, когда даже субъекты, имеющие потребность и ориентации на активное участие в жизни общества, решении повседневных задач, не имеют ресурсов для их реализации (временных, материальных, нормативных). Это увеличивает вероятность, при попытке принять участие в решении каких-либо вопросов, приобретения негативного социального опыта.

Таким образом, социальные практики, относимые к гражданскому обществу (гражданскому участию) находятся в современных российских

условиях в процессе становления. Сдерживающее влияние на этот процесс оказывают: наличная система ценностных ориентаций, недостаточность институционализированных механизмов для реализации практик гражданского участия. Роль государства и его структур в настоящее время противоречива. С одной стороны, занимаемая ими позиция оказывает негативное влияние, препятствует проявлению инициативы со стороны рядовых граждан. С другой стороны, социальные тенденции, обусловленные процессами трансформации жизненных устоев общества, экономической ситуацией, усиливают роль государства как инициатора формирования и распространения социальных практик гражданского участия, особенно, высших органов власти и должностных лиц. Усилия всех субъектов, участвующих в данном процессе, должны быть направлены на формирование общенациональной идентичности, осознание и актуализацию общесоциальных ценностей, задач, что является одним из основополагающих факторов реализации практик гражданского участия.

Список литературы:

1. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С.63-73.
2. Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 37–51.

УДК 159.9.075 ББК 88.9

Крючева Яна Владимировна –

к. пед. наук, доцент

Тюменский индустриальный университет,
г.Тюмень

e-mail: yanakryucheva@mail.ru

Турбина Мария Евгеньевна –

студент

Тюменский индустриальный университет,
г.Тюмень

e-mail: turbina.mary@gmail.ru

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА Т. СААТИ В КОНФЛИКТОЛОГИИ

Ключевые слова: математическое моделирование, конфликты, аналитическая иерархическая процедура.

В конфликтологии очень важно спрогнозировать поведение сторон конфликта, найти способ его разрешения. Математическое моделирование конфликтных ситуаций с использованием ЭВМ позволяет просчитывать различные варианты их развития с прогнозированием вероятного исхода и влияния на результат.

Математическая модель – это эквивалент объекта, отражающий в математической форме его свойства, законы, связи между его частями. Для этого в математическом моделировании используются наборы переменных, неравенства, системы уравнений, функции, матрицы. Математическая модель должна отражать существенные черты исследуемого явления и при этом не должна его сильно упрощать.[3]

Для создания формальной математической модели необходимо обозначить поставленную цель, определить фиксированные параметры, исходя из этого, обозначить переменные, нахождение значений которых и будет означать решение задачи. Необходимо также наложить ОДР (область допустимых решений), то есть те значения, которым должны удовлетворять переменные.

Преимущество математического моделирования в конфликтологии заключается в том, что абстрактный математический процесс позволит не только анализировать факты и давать оценку реальным событиям, но и прогнозировать дальнейшее развитие конфликта. Наиболее эффективным математические методы оказываются для моделирования конфликтных ситуаций в экономике, спорте, военном деле.

Математическое описание конфликтных отношений предпринял в России в 1920-х гг. Г. Ф. Гаузе. В 1940-х гг. появились попытки построить модели ситуаций конфликтного типа на основе математической теории игр. В работах В. А. Лефевра и Г. Л. Смоляна [1] 1960-х гг. предложены модели «рефлексивных игр», в которых соперники стараются угадать замыслы друг друга. Из работ, более близко подходящих к проблемам социальной конфликтности, известность получила книга Т.Саати [2], в которой автор, в частности, на математической модели американско-вьетнамской войны доказывал необходимость вывода американских войск из Вьетнама. Этот универсальный метод получил название «аналитическая иерархическая процедура Саати», на его основе строится большинство экспертных систем. Метод анализа иерархий подходит для решения задач, включающих большое количество критериев, иерархические структуры, связанные и несвязанные факторы. Применяя логико-дедуктивный метод, исследователь после построения тщательно осмысленных логических цепей, полагаясь на одну лишь интуицию, объединяет различные умозаключения, полученные из этих дедуктивных посылок, тогда как по методу Саати критерии будут надежными и объективными. Метод анализа иерархий является замкнутой логической конструкцией, обеспечивающей с помощью простых правил анализ сложных проблем во всем их разнообразии и приводящей к наилучшему ответу.

Метод заключается в том, что критерии ранжируются в убывающем порядке, критерии сравниваются между собой, им присваиваются значения от 1 до 9. Следующим этапом является построение матрицы $[n \times n]$ (где n – количество критериев). В процессе заполнения матрицы если элемент i важнее элемента j , то клетка (i, j) , соответствующая строке i и столбцу j , заполняется целым числом, а клетка (j, i) , соответствующая строке j и столбцу i , заполняется обратным числом (дробью). Заполнение необходимо начинать с самого значимого критерия. Далее необходимо рассчитать среднегеометрическое в каждой строке матрицы и просуммировать их, рассчитать компоненты нормализованного вектора приоритетов, выполнить проверку согласованности, найти ее индекс, и отношение к показателю случайной согласованности. На основании этих операций заполняется повторная матрица, определяются общий критерий для всех вариантов. Этот способ широко распространен в качестве метода урегулирования военных конфликтов (поиск альтернативы, который наилучшим образом согласуется с его пониманием сути проблемы и требованиями к её решению).

Рассмотрим применение данного метода на практике. В качестве конфликтной ситуации выбран конфликт, рассмотренный в саге Дж. Мартина «Песнь льда и пламени». В качестве альтернатив были выбраны персонажи, претендующие на престол, а в качестве критериев выбраны: навыки стратега,

полководца, оратора, уравновешенность и значимость династии. В таблице 1 представлена матрица, где расставлена значимость критериев. Для того чтобы объективно ранжировать критерии был проведен опрос среди читателей саги.

Таблица 1

Числовые оценки попарных сравнений критериев

КРИТЕРИИ	Навыки оратора	Навыки полководца	Уравновешенность	Значимость династии	Навыки стратега
Навыки оратора	1	1/3	5	7	1/3
Навыки полководца	3	1	5	7	3
Уравновешенность	1/5	1/5	1	3	1/9
Значимость династии	1/7	1/7	1/3	1	1/5
Навыки стратега	3	1/3	9	5	1

Рассчитаем отношения согласованности для матрицы равное частному индекса согласованности (сумма столбцов умножается на значение соответствующего нормализованного вектора приоритета (НВП) и складывается между собой) на ПСС. ПСС – показатель случайной согласованности, определяемый теоретически для случая, когда оценки в матрице представлены случайным образом, и зависящий только от размера матрицы. Отношение согласованности (ОС) в полученной матрице 12,65%, что считается приемлемым.

Построим матрицу сравнения для критерия «навыки оратора».

Здесь сравниваются не критерии, а альтернативы по указанному критерию (таб. 2). Вектор приоритетов уровня – рейтинг узлов данного уровня. После того, как альтернативы будут сравнены между собой, рассчитывается среднее геометрическое по строке – корень n-ой степени, где n – это количество альтернатив, из произведения элементов строки. После этого рассчитаем нормализованную оценку вектора приоритета – частное среднего геометрического на сумму средних геометрических.

Таблица 2

Матрица сравнения для критерия «навыки оратора»

Персонажи	Джон Сноу	Дайнерис Тарргариен	ПетирБейлиш	СерсеяЛаннистер	ТирионЛаннистер	Среднее геометрическое по строке	Нормализованные оценки вектора приоритета
Джон Сноу	1	1/9	1/7	1/3	1/9	0,225870	0,030053
Дайнерис Тарргариен	9	1	1	9	1	2,408225	0,320422
Петир Бейлиш	7	1	1	5	1/3	1,634517	0,217478
Серсея Ланнистер	3	1/9	1/5	1	1/7	0,394241	0,052455
Тирион Ланнистер	9	1	3	7	1	2,852938	0,379593
Сумма	29,0000	3,2222	5,3429	22,3333	2,5873	7,515791	Отношение согласованности = 4,9%

Аналогичным способом рассчитываем критерии: навыки полководца (таб. 3), уравновешенность (таб. 4), значимость династии (таб. 5), навыки стратега (таб. 6).

Таблица 3

Матрица по критерию «навыки полководца»

Персонажи	Джон Сноу	Дайнерис Тарргариен	ПетирБейлиш	СерсеяЛаннистер	ТирионЛаннистер	Среднее геометрическое по строке	Нормализованные оценки вектора приоритета
Джон Сноу	1	1/3	5	9	3	2,141127	0,295474
Дайнерис Тарргариен	3	1	5	9	1	2,667269	0,368081
ПетирБейлиш	1/5	1/5	1	5	1/5	0,525306	0,072492
СерсеяЛаннистер	1/9	1/9	1/5	1	1/9	0,193937	0,026763
ТирионЛаннистер	1/3	1	5	9	1	1,718772	0,237189
Сумма	4,6444	2,6444	16,2000	33,0000	5,3111	7,246410	Отношение согласованности = 14,8%

Таблица 4

Матрица по критерию «уравновешенность»

Персонажи	Джон Сноу	Дайнерис Тарргариен	ПетирБейлиш	СерсеяЛаннистер	ТирионЛаннистер	Среднее геометрическое по строке	Нормализованные оценки вектора приоритета
Джон Сноу	1	7	3	9	1/3	2,290172	0,291332
Дайнерис Тарргариен	1/7	1	1/7	3	1/7	0,387584	0,049304
Петир Бейлиш	1/3	7	1	7	1/3	1,403430	0,178530
Серсея Ланнистер	1/9	1/3	1/7	1	1/9	0,225870	0,028733
Тирион Ланнистер	3	7	3	9	1	3,553993	0,452102
Сумма	4,5873	14,0000	7,2857	29,0000	1,9206	7,861049	Отношение согласованности = 0,65%

Таблица 5

Матрица по критерию «значимость династии»

Персонажи	Джон Сноу	Дайнерис Тарргариен	ПетирБейлиш	СерсеяЛаннистер	ТирионЛаннистер	Среднее геометрическое по строке	Нормализованные оценки вектора приоритета
Джон Сноу	1	1/5	1/5	1/9	1/9	0,218130	0,028457
Дайнерис Тарргариен	5	1	7	1/3	1/3	1,312094	0,171172
Петир Бейлиш	5	1/7	1	1/7	1/7	0,429275	0,056002
Серсея Ланнистер	9	3	7	1	1	2,852938	0,372185
Тирион Ланнистер	9	3	7	1	1	2,852938	0,372185
Сумма	29,0000	7,3429	22,2000	2,5873	2,5873	7,665375	Отношение согласованности = 5,61%

Таблица 6

Матрица по критерию навыка стратега

Персонажи	Джон Сноу	Дайнерис Тарргариен	Петир Бейлиш	Серсея Ланнистер	Тирион Ланнистер	Среднее геометрическое по строке	Нормализованные оценки вектора приоритета
Джон Сноу	1	7	1	9	1/3	1,838416	0,247589
Дайнерис Тарргариен	1/7	1	1/5	9	1/7	0,516435	0,069551
Петир Бейлиш	1	5	1	7	1	2,036168	0,274221
Серсея Ланнистер	1/9	1/9	1/7	1	1/9	0,181315	0,024419
Тирион Ланнистер	3	7	1	9	1	2,852938	0,384220
Сумма	5,2540	20,1111	3,3429	35,0000	2,5873	7,425272	Отношение согласованности = 10,38%

После того как матрицы сравнения альтернатив по выбранным критериям построены, необходимо построить итоговую матрицу. Альтернативы записываются как строки матрицы, а критерии – как столбцы (таблица 7). Проводится попарное сравнение вариантов по каждому критерию аналогично тому, как это делалось для критериев, и заполняются соответствующие таблицы. Для каждой таблицы проводится проверка согласованности локальных приоритетов путем расчета трех характеристик: 1) индекса согласованности (разница максимального значения и n , деленное $n-1$); 2) собственного значения матрицы (произведение i -того столбца на j -тую строку и на соответствующее значение НВП); 3) значения глобального приоритета рассчитываются путем сложения произведения критерия на НВП.

Итоговая матрица

	Навыки оратора	Навыки полководца	Уравновешенность	Значимость династии	Навыки полководца	Глобальные приоритеты
Джон Сноу	0,030053	0,295474	0,291332	0,028457	0,247589	0,223730
Дайнерис Тарргариен	0,320422	0,368081	0,049304	0,171172	0,069551	0,246366
Петир Бейлиш	0,217478	0,072492	0,178530	0,056002	0,274221	0,163218
Серсея Ланнистер	0,052455	0,026763	0,028733	0,372185	0,024419	0,043444
Тирион Ланнистер	0,379593	0,237189	0,452102	0,372185	0,384220	0,323242

Оценки глобального приоритета сравниваются между собой. Альтернатива наибольшей оценкой станет наиболее удачным разрешением конфликтной ситуации. В данном случае это 0,323242. Таким образом, Тирион Ланнистер станет наиболее успешным правителем Вестероса по учитываемым критериям.

Таким образом, в данной статье рассмотрен метод математического моделирования – аналитическая иерархическая процедура Т.Саати. Анализ был проведен на примере саги Дж.Мартина «Песнь льда и пламени», где в центре сюжета конфликт с вовлечением множества сторон. Борьба за власть и, как следствие, подобные конфликты, часто встречаются в современном мире. Предложенный метод позволяет добиться объективных результатов, на основе которых можно найти наиболее удачный выход из конфликтной ситуации.

Список литературы:

1. Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. – М.: Знание, 1968. – 64 с.
2. Т. Саати, Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и Связь, 1993. – 278 с.
3. Самарский А.А., Михайлов А. П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. – 2-е изд., испр. – М.: Физматлит, 2001. – 320 с.

УДК 316.444 ББК 60.524

Лукичева Любовь Юрьевна –
младший научный сотрудник
НИИ экономики, истории и культуры
Ульяновской области
имени Н.М. Карамзина, г. Ульяновск
e-mail: lubonika@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗА РУБЕЖОМ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И СОХРАНЕНИЯ¹

Ключевые слова: молодежь, идентичность, миграция, российское общество.

В последние десятилетия XX столетия весьма актуальной стала проблема самоидентификации индивида. Открытость мирового сообщества, процессы международной мобильности открыли новые границы для современного российского общества, в частности для самой подвижной его части – молодежи. В связи с этим перед российским обществом встала особая задача – формирование этнокультурной, социальной, гражданско-правовой идентичности современной молодежи. В рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-33-01044a1 «Социокультурная идентичность русскоязычной молодежи за рубежом: проблемы воспроизводства и сохранения этнической преемственности» был проведен ряд прикладных социологических исследований, одной из целей которых было выявление уровня сформированности этнокультурной идентичности современной молодежи. В III квартале 2017 года было проведено стандартизированное интервью с молодыми мигрантами – выходцами из России. В задачи исследования входило определить насколько современный молодой мигрант подвержен процессам ассимиляции, есть ли у него желание сохранять и передавать культуру своим детям, и что вкладывают в понятие «идентичность, принадлежность к этносу, стране» в целом для молодежи.

При ответе на вопрос о необходимости современного человека быть частью какого-либо этноса, респонденты обозначили нескольких точек зрения. Во-первых, происходит стирание этнических и национальных границ, распространение феномена космополитизма: «в современном мире национальности не имеют значения», «в эпоху глобализации границы между этническими группами стираются», «в современном мире все очень

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №15-33-01044a1

перемешано и сразу часть людей у нас будут неполноценными, потому что они не смогут определить свой этнос». Однако необходимость в принадлежности к чему-то большему отметили большая часть опрошенных: «человеку необходимо идентифицировать себя с группой людей со сходными обычаями и устоями» (М), «у каждого человека есть потребность принадлежать чему-либо общему, обязательно это или нет, это личный выбор каждого». Также участники интервью отметили важность этнической принадлежности в связи с возрастом («да, чем старше, тем больше хочется принадлежать, т.к. общая культура, общие шутки»), особенностями интеграции («да, иначе нельзя нормально интегрироваться»), самопознанием и самоидентификацией. Часть опрошенных придерживается точки зрения, согласно которой современному человеку необязательно чувствовать себя частью какого-либо этноса: «нет, это слишком сложно, т.к. в современном мире все очень перемешано и сразу часть людей у нас будут неполноценными, потому что они не смогут определить свой этнос».

Вопрос о принадлежности к этнической группе не вызвал у респондентов отрицательную реакцию. Все опрошенные четко смогли отнести себя к этнической группе. Большая часть мигрантов считает себя русским («я ощущаю себя русской. я русская по национальности», «я был и остаюсь русским» (М), «к русской всегда относилась себя», «русская»). Однако важный аспект был отмечен одним из участников интервью: «в России если ты не можешь определить свою национальность, то ты – русский». Многонациональность России наносит свой отпечаток на самоидентификацию молодежи.

Есть несколько групп молодежи, которые ощущают себя принадлежащими к нескольким этническим группам одновременно. Первая группа изначально позиционировала себя как индивида с множественной идентичностью («да, наверное, в категориях национальности, а не этноса. Моя семья еврейская – поэтому всегда была культура в культуре», «наполовину русская, наполовину украинка»). Вторая группа находится между несколькими этническими группами, так называемые неопределившиеся («к русскому не отношусь, и к немцам тоже. Я между странами. Я носитель русского языка, но культуры - нет», «раньше я была бунтаркой – и не хочешь, но принадлежишь. Сейчас принадлежу двум группам»). Также можно выделить группу мигрантов с преобладающей гражданской идентичностью («скорее к европейцам, в России нам было некомфортно, что-то раздражало», «я вот не чувствую себя в России русской или татаркой, я россиянин. Этнос не могу сказать, что важно»).

Современные мигранты хорошо интегрированы, у них преобладает ощущение комфорта и безопасности (чувствуют себя социально защищенными). Респонденты осознают, что они непохожи, но не испытывают

при этом отрицательных эмоций. Некоторые респонденты уверенно ответили, что они ничем не отличаются от местных жителей и не чувствуют себя «чужими/другими» («нет, не считаю, отличать может то, что делает человек, что ему интересно. Но ни этнос, ни национальности не отличает точно», «нет, язык выучим и проблема с языковым барьером отпадет»).

Всех русских, по мнению мигрантов, объединяет культура, язык, территория, великая история, религия, искусство, менталитет, музыка, патриотизм. Отличительные особенности русского этноса в глазах современных мигрантов носят в основном позитивный характер. Среди положительных особенностей были выделены следующие: трудолюбие, устремленность, желание перепрыгнуть самих себя, открытость и прямолинейность, находчивость, эмоциональность («А отличительные черты – русские мало улыбаются, но они хорошие друзья, я, например, считаю, что это правда, можно на них положиться»), трудолюбие/трудоголизм, активность, доброта. М.: «Умение находить альтернативные решения; уважение к старшему поколению; стремление казаться, а не быть». Среди негативных особенностей менталитета опрошенные назвали «неумение работать/учиться без внешнего контроля, откладывать дела на последний день»(М), наглость («напирают по каким-то вопросам, русские компании разводили на деньги»), безбашенность, двойственность («Чем больше живу в этой стране, то понимаю, что даже русские отличаются от русских. Даже если видим в толпе знакомого, мы не хотим общаться с ними. хотя должно быть наоборот, сплотиться что ли. Европейцы более открыты в плане внешнего мира. А русский покажет «не подходи ко мне»).

В вопросах религии и религиозной принадлежности мигранты разделились на несколько групп. Основа разделения – понятие, которое является определяющим в вопросах религии. Это вера как символ (верующий / неверующий), крещение как процесс приобщения к религии (крещенный / некрещенный), собственное отношение к религии как части жизни (религиозный / нерелигиозный). Таким образом, четверо опрошенных относят себя к православным, хотя не придерживаются обрядов, имеют церковные атрибуты в доме, двое отнесли себя к крещеным, один к некрещеным, двое нерелигиозных, один неверующий и один не придерживающийся религии вообще. Большинство опрошенных указали формальный характер принадлежности к религии. Это подтверждают и ответы на вопрос: «Что Вам ближе: религия или этнос?». Подавляющая часть мигрантов ответило, что им ближе этнос, религия либо не играет большой роли в жизни, либо к ней обращаются, когда что-то случилось.

Участники опроса единогласны в вопросах воспитания детей настоящих и будущих. Мигранты придерживаются точки зрения, согласно которой дети

должны знать культуру обоих родителей, говорить на нескольких языках, но быть адаптированы с рождения к культуре страны проживания. Современные мигранты задумывались над особенностями социализации детей в смешанных семьях и пришли к следующим выводам: «ребенок понимает русский, но отвечает всегда только на немецком, и тут хоть что сделай», «ребенок больше знает культуру немецкую, так как мы его рано интегрировали, хотели, чтобы он говорил хорошо на немецком. А русскую чуть позже, так как он ее не сможет прожить», «Мы много читали об этом. Дети билингвы. Мой муж немец. Как чтобы у ребенка было 2 языка родных. Здесь нереально какую-то одну культуру привить. Мама говорит на своем, а отец на своем, и независимо как отвечает ребенок. Мы и будем так делать, это самый правильный подход. Ребенку не надо выбирать, а потом кто он и что он будет - другой вопрос. Конечно я буду читать книги на русском, показывать мультфильмы и так далее»).

Русскую культуру без сомнения мигранты хотели бы привить своим детям. Это возможно сделать, по мнению респондентов, через язык, знание истории и литературы, традиции, книги на языке оригинала, сказки, мультики, живопись, музыку, фольклор. Необходимо передать русскую культуру для того чтобы ребенок был эмоциональным, самобытным, чтобы смог познакомиться с великими предками и обменяться знаниями, а также для последующего общения с русскими.

В вопросах самоидентификации современные мигранты подвержены процессам ассимиляции. Часть опрошенных чувствуют принадлежность к местной культуре больше, чем к русской («я - русская с нотками чешских влияний», «человек из еврейской семьи, который живет в Германии», «я идентифицирую себя как берлинку. Я тут чувствую себя своей»). Другая часть мигрантов, по-прежнему, ощущает себя русскими («я был и остаюсь русским. Думаю, что когда переезжаешь за границу взрослым уже невозможно измениться кардинально. Но я стараюсь, перенимать те особенности немцев, которые считаю полезными», «Я русская. Думаю, это связано с тем, что я родилась, выросла и провела двадцать лет своей жизни на территории России среди представителей русской культуры, что повлияло на мое формирование как личности»). Есть те, кто причисляет себя к представителям космополитизма, а также те, кто пока определяет себя в качестве мигранта («Я эмигрантка из России, я этого не скрываю, а вполне себе горжусь»). Оставшаяся часть не смогла ответить на данный вопрос.

Выводы:

Согласно поставленным задачам исследования, можно зафиксировать желание современных мигрантов сохранять и передавать русскую культуру последующим поколениям. К основным каналам передачи они относят язык и книги. Внешние атрибуты русской культуры не являются основополагающими. Повседневная реальность мигрантов коренным образом отличается от предыдущей, что заставляет отказаться от готовки национально-культурной кухни, празднования национально-культурных праздников. Происходит ассимиляция современных мигрантов через отказ от празднования национально-культурных праздников России, и приобщение себя и своих детей к новой социальной реальности, а также самоидентификацию себя как представителя двух культур. Этнос является более значимым в жизни мигрантов по сравнению с религией. Большинство современных мигрантов готовы передавать русскую культуру своим детям.

Любимова Елена Анатольевна –

к. социол. н., доцент,

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень

email: e.a.lyubimova@utmn.ru

ЖИЗНЬ СОЛО КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: жизнь соло, социальная идентичность, личность.

Понятие «идентичность» выступает предметом анализа различных научных направлений. В философии преемственность развития данного термина прослеживается в античности, немецкой классической философии, постмодерне. Множественность теоретических парадигм в психологической науке наполнила это понятие множеством смыслов. Обращение к рассмотрению сущности идентичности находим у З. Фрейда, Э. Эриксона, Г. Тэджфела, Дж. Тернера, К. Ясперса и др.

Понятие социальной идентичности характеризует то, как другие люди определяют человека на базе социальных признаков (например, возраст, профессия, этническая принадлежность). Социальная идентичность является следствием определения себя через членство в социальной группе, социальной идентификации. Социальная идентификация осуществляет значимые функции, как на групповом, так и личностном уровне. В.А. Ядов отмечает, что благодаря этому процессу общество включает индивидов в систему социальных отношений, а личность удовлетворяет потребности групповой принадлежности, защиты, возможности самореализации, оценки другими и влияния на группу [5].

Поскольку социальная идентичность отражает влияние группы на социальное поведение индивидов, тенденции ее развития могут использоваться для прогнозирования массового поведения разных групп населения. Общесоциологическим основаниям формирования социальной идентичности выступают общественное разделение труда, отношения власти и собственности, различия статусов, культур, борьба за ресурсы и становление многообразных общностей на базе особых интересов, отличных от интересов других социальных объединений людей.

Становление идентичности происходит посредством социального опыта, нарабатываемого в ходе социализации. К особенностями первичной социализации в современном обществе можно отнести уменьшение влияния семейных отношений, возрастание воздействия средств массовой информации, неформальных объединений, групп по интересам. Увеличиваются объем и значимость вторичной социализации: интенсивная динамика общественной

жизни требует постоянного переобучения и получения дополнительной квалификации. Принятие единственной социальной позиции практически невозможно в современных реалиях, поэтому человек сталкивается с необходимостью выбора своей социальной идентичности.

Современная социология в рамках феноменологии, символического интеракционизма, взглядов П. Бурдьё предпринимает попытки соотнесения макросоциальной и социально-психологической парадигм развития личности как активного социального деятеля, субъекта собственной жизнедеятельности. Согласно этим подходам, личность создает социальную реальность в культурном контексте, модели социальных взаимоотношений, исходя из собственных свойств и свойств других социальных субъектов. Таким способом идентичность выступает производной от изменяющейся социокультурной реальности. Вместе с тем, становление идентичности – это непрерывный процесс познания индивидом себя, конструирования жизненных смыслов и их адаптации к внешней социальной среде. Современный человек сталкивается с проблемой выбора и умения своевременно осуществить другой выбор, когда прежняя идентичность утратила свою ценность.

Отечественные исследователи отмечают, что в современных условиях происходят изменения самоидентификации. Изменяются суть процессов самоидентификации, их направленность и цели, социальные категории, к которым человек может себя причислить. Наиболее заметны следующие направления изменений системы самоидентификации: от стабильности к неустойчивости, неопределенности; от унифицированности к разнообразности; от глобальности к детализации [4].

Изучая социальную идентичность, А.В. Микляева, П.В. Румянцева рассматривают ее как многокомпонентный феномен, включающий гендерную, этническую, религиозную, профессиональную, городскую и иные компоненты идентичности, которые отражают различные стороны бытия личности.

Наиболее распространенная классификация культур подразделяет их на индивидуалистские, где человек сам отвечает за успех в жизни, и коллективистские, в которых он опирается в этом на коллектив, общность. Традиционно в нашей стране преобладала коллективистская культура, которая подкреплялась и религиозными основаниями.

Православие – это многомерный религиозный фактор, влияющий на российское общество, в том числе, в контексте социальной идентичности. Православие как идентичность проявляется в общности сознания, мировоззрения, культуры, традиций и истории. Православие как образ жизни формирует привычку следовать обрядам, обычаям, что ярко проявляется по значимым событиям (большие праздники, рождение ребенка, свадьба, похороны). Христианство регламентирует также и отношения между полами: устранившись от заключения брака могут лишь те, кто не способен к нему (например, монахи). Иных альтернатив браку не существует. Добрачные

и внебрачные сексуальные контакты не допускаются. Данная религиозная традиция органично вписывалась в преимущественно сельский образ жизни России. Стремительные урбанизационные процессы, расширение доли населения, ведущего городской образ жизни, оказывают значительное влияние на смещение акцента с религиозной на иные компоненты идентичности.

В современной России наблюдается снижение уровня коллективизма, подкрепляемого дисфункциональными проявлениями со стороны социальных институтов, нарушены социальные связи, у людей отсутствует доверие друг к другу, к государству. Исследователи утверждают, что «значимость идентификации с определенной группой не статична, она изменяется с течением времени и в зависимости от актуальной ситуации» [4]. Так, относительная значимость компонента социальной идентичности меняется с учетом его ассоциации с позитивным или негативным исходом конкретной ситуации. Когда членство в социальной группе воспринимается как негативное, индивиды могут снижать значимость идентификации с ней для сохранения позитивности Я-концепции. В условиях трансформации социокультурной реальности, когда утрачивается значимость прежней коллективистской социальной идентичности, происходит переход к новой – так называемой «жизни соло».

Жизнь соло, так обозначает феномен городского одиночества американский социолог Э. Кляйненберг, – в осознанном выборе жителями мегаполисов жизни в одиночку. Причинами возникновения этого нового образа жизни исследователь считает формирование культа индивида, доминирующими ценностями которого являются свобода, гибкость и личный выбор. Так, в 1950-х одиноки были 22% взрослых американцев, сегодня – почти 50% [3]. Исследователь подразделяет новых «синглтонов» (от англ. single) на классы: молодые профессионалы, люди среднего возраста, которые развелись или никогда не женились, пожилые, в основном женщины.

Жизнь соло рассматривается как «мегатренд» [1], который стал следствием расширения индивидуальных потребностей; повышения статуса женщин; роста числа городов; увеличения продолжительности жизни; развитие коммуникационных технологий. Интенсивное развитие средств массовой коммуникации создало благоприятные условия для формирования новой социальной реальности: люди могут мгновенно, в любое время суток обмениваться сообщениями, делиться впечатлениями, следить за другими с помощью социальных сетей. Социальное влияние на человека осуществляется с помощью множества видимых и невидимых отношений. Спасаясь от этого груза, человек стремится обрести индивидуальную свободу в своем личном пространстве.

К. Сводер, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ — СПб, исследуя особенности одиночества в большом городе, резюмирует: «Неумолимый темп жизни мегаполиса, усталость от постоянного присутствия в толпе, жесткое разделение труда, сегрегация по социальному и материальному признаку – далеко не полный перечень причин, которые способствуют добровольному или вынужденному одиночеству жителей больших городов». Причиной выбора одинокого существования выступают индивидуалистические ценности, такие как саморазвитие, карьерный рост, творчество, самовыражение. Коллективистскими ценностями выступают принадлежность к семье или иной значимой группе, и самоопределением через эти группы. Автор сравнивает мегаполисы с «...бастионами современных индивидуалистических ценностей, которые освобождают или изолируют индивидуалистов от глубоких социальных связей, предоставляя им возможность свободно распоряжаться своими жизнями» [2].

Образ жизни горожанина, который создает условия для выбора одиночества, характеризуется следующими составляющими: интенсивная занятость и включенность в работу; ориентация на материальный успех за счет меньшей фокусировки на семье, качественных дружеских отношениях; развитие инструментальных кратковременных связей и «полезных» знакомств. Горожане добровольно делают выбор — быть одинокими, ради карьеры.

В российском социуме произошла трансформация модели социализации личности. Это проявляется в размытости норм социализированности и специфике социализационных процессов: с одной стороны, устоявшаяся система включения личности в общественные отношения, с другой, эта система не соответствует сознанию молодого поколения, вовлеченного в информационные процессы. Изменения системы социальной идентификаций личности отражают глубинные преобразования в социуме и человеческом сознании к большему разнообразию, способствуют адекватной адаптации.

Таким образом, внутри длительно доминировавшей коллективистской культуры с преимущественно православной религиозной традицией, формируется новое субкультурное направление, обозначенное как «жизнь соло». Социокультурная трансформация сопровождается расщеплением примордиальных плотных социальных связей, характерных для общинно-коллективного образа жизни. Жизнь соло - это неотъемлемая часть новой социальной реальности. Указанные тенденции будут расширяться в нашей стране, а осмысление этого явления возможно в среднесрочной временной и пространственной перспективе.

Список литературы:

1. Веселова, В.В. Мегатренды новейшего времени - наше завтра? Или уже сегодня?... /В.В. Веселова // Российско-американский форум образования: электронный журнал Volume: 7, Issue: 3, 15/12/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-ameeduforum.com/content/ru/?task=aut&aut=2000227&iid=23> (01.06.2017).
2. Жители мегаполисов сознательно выбирают одиночество // [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669001.html> (01.06.2017).
3. Кляйненберг, Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Э. Кляйненберг. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 284 с.
4. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.
5. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности. /В.А. Ядов // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 589 – 601.

УДК 316.4.051.63 ББК 60.54

Максимова Ольга Александровна –
канд. социол. наук, доц.
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, г. Казань
e-mail: olga_max@list.ru

ДИСКУРС ИНДИГЕНИЗАЦИИ ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ключевые слова: поколение, этничность, полиэтноконфессиональное общество, индигенизация поколений.

Макросоциальная структура полиэтничного общества охватывает множество подсистем, в том числе – этнических и конфессиональных групп, каждая из которых является носителем специфических традиций и ценностей. В современных условиях от эффективности межпоколенческой трансляции этих ценностей в значительной степени зависит стабильность полиэтничного общества. Процесс передачи традиций от поколения к поколению осуществляется через функционирование различных институтов в рамках указанных подсистем. В том случае, когда происходит передача этнических и религиозных норм и ценностей, серьезную роль играет институт семьи. При этом в условиях постиндустриального, информационного общества семья утрачивает функцию ведущего социализирующего агента, что обуславливает возникновение межпоколенческого разрыва, принимающего крайнюю форму в виде конфликта поколений. Кроме того, в XXI веке наблюдается фактическое столкновение процессов глобализации и суверенизации, характерное для всего мирового пространства, что в контексте дискурса индигенизации также становится фактором увеличения поколенческого разрыва.

Изучению специфики поколенческой динамики в контексте этно-религиозных факторов посвящено исследование авторов статьи, осуществленное в одном из полиэтноконфессиональных регионов России – Республике Татарстан.

Республика Татарстан является специфическим регионом России, для которого характерно пересечение православной и евро-исламской цивилизаций, дуальности (но не биполярности) этнического состава постоянного населения: славянского и тюркского происхождения. Несмотря на то, что в постсоветский период, к концу 1990-х гг., наблюдался некоторый рост этноцентристских и этнофобных настроений, породивших ряд социально-политических коллизий, в целом в регионе удалось сохранить традиционную межэтническую

и межконфессиональную толерантность [1]. Для дальнейшего поддержания достигнутой стабильности и недопущения разрастания этнорелигиозных конфликтов актуальным направлением исследований является анализ специфики трансляции этнических и религиозных ценностей от поколения к поколению, выявление динамики поколений в сочетании макросоциальных трендов регионального развития и микросоциального контекста внутрисемейной социализации.

На основе методологии поколенческого анализа и дискурса индигенизации поколений авторским коллективом в рамках проекта «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)» в 2017 г. реализовано комплексное социологическое исследование, основанное на сочетании количественных и качественных методов.

Теоретической базой для интерпретации результатов эмпирического исследования послужила, в первую очередь, теория поколений К. Мангейма, согласно которой смена поколений – это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, в силу чего в культурном процессе появляются новые участники, а старые постепенно исчезают [2].

В том случае, если преемственность по тем или иным причинам нарушается, возникает разрыв между поколениями, оказывающий негативное влияние на стабильность социальной системы. Межпоколенный разрыв обуславливает формирование в обществе так называемого «потерянного поколения», фактически выпадающего из общей социальной структуры. Особенно актуальна данная проблема в условиях полиэтноконфессионального общества, когда индивид одновременно выступает в качестве представителя своего поколения и своей этнической и/или конфессиональной группы. Если в обществе существует проблема межэтнического и межконфессионального конфликта, она может транслироваться и на взаимоотношения как между поколениями, так и внутри одной возрастной когорты.

В условиях дуальности этнического и конфессионального состава населения Республики Татарстан и специфики трансформаций постсоветского общества, затронувших и сферу межпоколенной трансмиссии, особую методологическую актуальность приобретает дискурс «феномена индигенизации второго поколения», разработанный Р. Дором [3]. Дор отмечал, что и в бывших западных колониях, и в независимых странах, как Япония и Китай, «первое модернизаторское» или «постнезависимое» поколение зачастую получало образование в зарубежных (западных) университетах. Принятие ими западных ценностей и стиля жизни было достаточно глубоким, в том числе и потому, что они попадали в другой мир в возрасте активной социализации – подросткового периода. Однако впоследствии дети этого, первого модернизаторского поколения, по ряду причин отвергают аксиологию

космополитической культуры и все больше используют местные, а не космополитичные нормы и ценности.

Развивая идеи Дора, С. Хантингтон отмечает, что индигенизация стояла на повестке дня во всем незападном мире в восьмидесятые и девяностые годы двадцатого века. При этом в качестве центральных тем выступал религиозный фактор и, в первую очередь, возрождение ислама и «реисламизация». С. Хантингтон расширяет рамки феномена, описанного Р. Дором, обосновывая идею о том, что процесс индигенизации не обязательно ждет появления второго поколения. Талантливые, проницательные и легко приспособливающиеся лидеры первого поколения сами индигенизируются. Индигенизации, по его мнению, способствует демократический парадокс: принятие не-западными обществами демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти этноцентристским и антизападным политическим движениям [4, 145].

Применяя дискурс индигенизации поколений в анализе поколенческой динамики в татарстанском обществе, можно отметить, что старшее поколение – это поколение, которое формировалось в советскую эпоху, характеризовавшуюся не только господствовавшим атеизмом, но и процессами ускоренной индустриализации во многих сферах. Несмотря на имевшую место декларированную политику развития этноязыков (которая на практике чаще носила сугубо формальный характер) и строго контролируемый «сверху» процесс ротации национальных кадров, в целом данный период может быть охарактеризован как «модернизационный», характерный для независимого государства. При этом советскому населению прививались специфические советские ценности, которые в рамках советского общества носили космополитический характер.

В 1990-е – 2000-е гг. в связи с отказом от социалистической модели развития, распадом Советского Союза, в полиэтничных регионах России начали ярко проявляться процессы индигенизации так называемых «титულных» народов (для Татарстана – это представители татарского этноса), выразившиеся в росте этнофобии и этноцентризма, повышении уровня религиозности населения. Однако острая экономическая нестабильность того периода обусловила тот факт, что большая часть населения была сосредоточена на элементарном физическом выживании себя и своих семей, нежели на удовлетворении этнорелигиозных потребностей, что отразилось на мировоззрении среднего, практически не индигенизированного поколения, сформировавшегося в перестроечный период.

Более молодое поколение, родившееся уже в постсоветский период и вступившее во взрослую жизнь в относительно благополучных (по сравнению с 1990-ми годами) экономических условиях, согласно результатам наших исследований, в значительно большей степени демонстрирует подверженность процессам индигенизации (это особенно характерно для представителей татарской этничности). Следует отметить, что молодое поколение татар,

социализировавшееся в условиях постсоветских реформ, попало в условия разрыва ценностей этноконфессионального возрождения и капиталистического (то есть по сути, западного) стиля жизни. По этим причинам молодое поколение разделилось на индигенизированных, активно возрождающих татарские и исламские ценности; частично индигенизированных (т.е. стремящихся совместить достижение личного успеха и развитие своего татарского этноса, возрождение традиционных этнорелигиозных ценностей); «про-западных» – «рыночных», адаптировавшихся к условиям медленно идущей модернизации.

Передача же ценностей между поколениями, традиционно осуществлявшаяся в рамках института семьи, в подобных условиях трансформации общества, во многом оказалась нарушенной, что обусловило не только разрыв поколений, но и наличие лишь частичной совместимости их ценностей. Об этом свидетельствуют следующие факты, выявленные нами в ходе исследования.

Дифференциация поколений по характеристике отношения к собственной национальности, выглядит следующим образом. Среди молодых людей в возрасте 16-34 лет («молодое поколение») 43% ответили, что никогда не забывают о своей национальности; 22% - задумываются о своей национальности в определенных случаях; а 29% чаще всего не задумываются о том, какой они национальности. Интерпретируя приведенные данные, можно констатировать, что с незначительным превалированием первой группы, молодые респонденты в целом разделились на три достаточно *равновесных* сегмента.

Похожие данные получены и по «среднему поколению» (35-54 лет), где доля тех, кто никогда не забывает о своей национальности составила около 40%. Отметим, что тех, кто практически никогда не задумывается о своей национальности, *больше* среди респондентов среднего возраста, чем среди молодежи.

А вот среди представителей «старшего поколения» (55 лет и старше) несколько больше, чем в других возрастных группах, оказалось количество тех, кто никогда не забывает о своей национальности - чуть более 50%.

Поколенческая специфика прослеживается и в распределении ответов на вопрос о том, какие чувства испытывают респонденты по отношению к своей этничности. Среди молодежи и людей среднего возраста около 27% респондентов отметили, что не испытывают никаких чувств, тогда как среди пожилых данный вариант выбрали лишь около 20%. При этом доля гордящихся своей национальностью среди пожилых 33,3%, среди молодых – 27%, а в средневозрастной когорте – лишь 18,3%. Как видим, и здесь наблюдается параболическая динамика, характеризующаяся тем, что когорта среднего возраста демонстрирует наименьшую степень этнической идентификации, а наиболее сильной она является среди пожилых, при том, что наиболее

молодое поколение демонстрирует определенную динамику возрождения интереса к этнической тематике.

Полагаем, что указанные тенденции, не полностью укладывающиеся в концепцию «феномена индигенизации второго поколения», обусловлены историческим и социальным контекстом развития татарстанского общества. Пожилая когорта («старшее поколение») татарстанцев (да и россиян в целом) прошла стадию этнического ренессанса в постсоветский период, что обусловило возрождение интереса к собственной национальности и религии предков, молодое же поколение уже социализировалось в условиях актуализированной этнической идентификации. А вот поколение среднего возраста является наиболее этнически индифферентным.

Важной особенностью татарстанского общества является взаимное пересечение двух основных этничностей – татар и русских, традиционно придерживающихся мусульманской и православной религий. В ходе опроса 42,7% респондентов составили русские и 49,1% - татары. Среди русских к православным отнесли себя 95,7% из тех, кто идентифицировал себя как верующего (в том числе – и без соблюдения канонов), среди верующих татар православных оказалось лишь 3%. Мусульмане среди верующих татар составили 94%, среди русских – менее 1%.

Такое пропорциональное пересечение религий тем не менее не вызывает конфессиональной биполярности, серьезных межрелигиозных столкновений в татарстанском обществе. Население республики в целом демонстрирует высокий уровень межконфессиональной толерантности.

Проведенное исследование продемонстрировало в целом достаточно высокий уровень преемственности поколений полиэтничного и поликонфессионального региона России – Республики Татарстан как на макро-, так и на микроуровне. В Татарстане в постсоветский период, благодаря достаточно грамотной политике региональных властей, удалось предотвратить разжигание межэтнической и межконфессиональной розни. На современном этапе основная доля населения во всех возрастных когортах демонстрирует высокий уровень межэтнической толерантности, хотя и имеются определенные проблемные зоны. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что конфликт поколений в татарстанском обществе по данным направлениям отсутствует (за исключением локальных противоречий, проявляющихся, как правило, на внутрисемейном уровне), а, напротив, преобладает преемственность.

Мы наблюдаем весьма обширные секторы индигенизированного населения в старшем и молодом поколениях с провалом этнических и религиозных ориентаций в «среднем поколении». Наши исследования показали, что ярко выраженная этническая и религиозная идентификация в большей степени присуща пожилому поколению татарстанцев (в первую очередь татарской этничности), тогда как более молодые респонденты

демонстрируют ее в меньшей степени, хотя и зафиксирована тенденция сокращения среди молодежи доли этнически и религиозно индифферентных по сравнению со средневозрастной группой.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)»

Список литературы:

1. Ларионова И.В., Максимова О.А. Факторы этнической толерантности в Республике Татарстан: поколенческий аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 226-230.
2. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 30. – С. 7-47.
3. Dore R. Unity and Diversity in Contemporary World Culture // H. Bull and A. Watson, eds. Expansion of International Society, 1984. – P. 420-421.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.

УДК 17.023.32+316.614.5 ББК 60.561.51

Мехришвили Ламара Ленгизовна –

д-р социол. наук, профессор,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: mehrishvilill@tyuiu.ru

Ткачева Нина Алексеевна –

д-р социол. наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: sever626@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АВТОНОМНОСТЬ В КОНСТРУКТЕ «ЖИЗНЕННОГО МИРА» СЕМЬИ

Ключевые слова: семья, функциональность, автономность, «жизненный мир» семьи.

Семья – социальный институт, характеризующийся тесной взаимосвязью, взаимовлиянием семейных/брачных отношений и социального контекста, в котором они реализуются. Функционирование семьи в социальном контексте многообразно и, в то же время, индивидуально окрашено. Глубокие и противоречивые преобразования в сфере воспроизводства и развития человека обусловили изменение системы отношений семьи как с социумом в целом, так и внутри этой родственной группы.

Отличительной особенностью современной семьи, в том числе и составляющих ее индивидов, является свобода ее жизнедеятельности. Семья сегодня самостоятельно принимает решения относительно собственного экономического и демографического воспроизводства, при этом мужчины и женщины в семье имеют одинаковые права, обязанности, а, нередко, и возможности во всех сферах жизнедеятельности. Свобода экономического, социального и эмоционального самовыражения привели к тому, что современная модель семьи все меньше зависит от мнения и влияния окружающего социума. Трансформация института семьи детерминирует необходимость корректировки подходов как к научному осмыслению, так и к организации работы с данной социальной группой. Предполагаем, что в отличие от устоявшихся в российской теории и практике формальных признаков классификации семьи – принятой и получившей широкое распространение, прежде всего, в системе социальной защиты населения – в основу современной парадигмы ее изучения может быть

положен принцип автономности – социальное качество изучаемой группы, позволяющее ей функционировать независимо от различных внешних факторов, демонстрирующее способность к ее самостоятельности. Как известно, автономная – это семья, представляющая собой самодостаточную самостоятельную единицу. Традиционно автономная семья рассматривается как самоорганизованная группа, способная полноценно выполнять свои репродуктивные, экономические, сексуальные, образовательные, духовные функции по отношению к своим членам и обществу функционировать без специальной социальной помощи со стороны государства или общественных организаций [1, 1312]. В данной трактовке автономности внимание акцентируется на необходимости государства оказать поддержку семье в создании, прежде всего, материальной базы для реализации ее базовых функций, в том числе (или прежде всего) в трудной жизненной ситуации.

Предполагаем, что автономность семьи включает более широкий спектр отношений и может рассматриваться в контексте взаимодействия существующих в социуме и принятых в семье возможностей, ценностей, норм, обеспечивающих, с одной стороны - сохранение и развитие семьи, с другой - модернизацию общества. В этом случае семья адаптируется к меняющимся жизненным обстоятельствам посредством трансформации своей трудовой деятельности, социальной активности, отношений и моделей поведения.

В данном аспекте автономная – это семья:

- поведение которой позволяет ей жить без специальной социальной помощи со стороны государства и общественных организаций;

- сумевшая занять в определенном общественно-экономическом и психологическом пространстве свое место и полноценно выполнять свои репродуктивные, экономические, медицинские (оздоровительные), сексуальные, образовательные, психологические, культурно-национальные, духовные, исторические и экологические функции по отношению к своим членам и обществу;

- способная с относительным успехом приспосабливаться к меняющимся условиям жизни посредством перестройки трудовой деятельности и общественной активности, мышления, отношений и оценок.

Индивидуальная автономность семьи создает предпосылки и основу ее социальной автономности – самостоятельности в принятии решений относительно своего развития, способности к саморазвитию.

Вместе с тем возникшая автономия семьи имеет весьма противоречивый, а, в условиях российских реалий, порой и вынужденный характер. В основу ее классификационных признаков может быть заложена следующая типология: «автономная семья» – не испытывающая трудности в социальном функционировании, благополучная, самостоятельная, не зависящая от помощи и поддержки государства; «полуавтономная семья» – испытывающая трудности в отдельных сферах социального функционирования, семья

группы социального риска, находящаяся на грани перехода от социального благополучия к неблагополучию, относительно самостоятельная, частично зависимая от помощи и поддержки государства; «неавтономная семья» – аналог неблагополучной/асоциальной семьи, испытывающая трудности во всех сферах социального функционирования, несамостоятельная, зависимая от помощи и поддержки государства.

К внешним факторам мы относим, прежде всего, социально-экономическую, политическую, культурно-нравственную и др. ситуацию в обществе. В логике проблематики - наибольшей степенью автономности обладают семьи, устойчивые к кризисным явлениям и социальным изменениям, а также малочувствительные к воздействию со стороны социальных институтов. Наименьшей степенью автономности обладают социально незащищённые, неблагополучные семьи, требующие прямой поддержки со стороны государства для реализации своей жизнедеятельности. Не исключаем, что между полярными характеристиками автономности семей могут существовать и промежуточные типы, которые могут быть выявлены и охарактеризованы исходя из исследовательских задач.

Принятие ценностной специфики каждой семьи, создание условий для ее саморазвития позволяет говорить о ее «жизненном мире» как логическом и теоретическом конструкте, определяющим особенности и направления исследования современной российской семьи, разработку новых подходов, показателей и индикаторов измерения ее жизнеспособности. Обобщая адаптируя к проблематике исследования имеющиеся в современном научном дискурсе подходы, представляется возможным констатировать, что жизненный мир семьи – это ее окружающий мир, ее общественная и повседневная практика, основа ее функционирования в социально-экономических, социально-политических и социально-культурных реалиях общественного развития.

Важно отметить, что «жизненный мир» предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации потребностей и достижения целей, к которым стремится социальная группа/ общность (в данном случае – семья) в процессе своего жизнеустройства [4, 8].

Изучение специфики «жизненного мира» семьи как основы общественной и повседневной практики наиболее рационально посредством выявления операциональной модели – ее социального портрета как комплекса обобщенных характеристик семей. В связи с тем, что «жизненный мир» являет собой синтез объективного и субъективного, исследование социального портрета интегрирует в себе как оценку семьями процессов в региональной экономике, политике и культуре, так и выявление понимания и притяжения ими окружающей действительности. «Жизненный мир» семьи находится постоянно в поиске пути относительно устойчивого состояния (в условиях воздействия на него изменений общественного развития) с целью

реализации своих социальных потребностей и создания условий социального функционирования. Логично предположить, что сама организация «жизненного мира» – управляемый процесс, включающий переструктурирование и изменение «жизненного мира» под воздействиями общественных изменений посредством регуляции, координации и упорядочивания его элементов [3], что, в определенной мере, предопределяет наличие «осознанного или стихийного управленческого механизма, обеспечивающего координацию и последовательность действий людей (семей) по достижению желаемых целей» [2], а также разработки «управляющих параметров», в том числе, со стороны государственных и общественных институтов.

В свете сказанного новое звучание приобретает естественный процесс семейного самоуправления, компенсирующий недостатки управления формальных структур. Этот слабо используемый потенциал семьи способен не только существенно повысить ее функциональность, но и внести коррективы, сформировать новые тенденции в семейной политике, реализуемой на основе взаимосвязи ее субъективной и объективной компонент – социальной автономности семьи и социального управления.

Список литературы:

1. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь) / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 937 с.; Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
2. Стрыгин И.Ю. Жизнеустройство или как нам жить вместе. URL: www.kob-inform.ru (дата обращения: 22.07.2017)
3. Сурина И.А. Ценностные ориентации как управляющий параметр организации «жизненного мира» URL: osgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Surina_IA2/
4. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования, 2016. № 1. – С. 6–17, с. 8.

УДК 316

Молоткова Анжелика Вадимовна –
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: lika.86@list.ru

РЕССЕНТИМЕНТ И КРИЗИС ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: Кризис, духовность, рессентимент, феноменология, мораль, понятие греха, покаяние.

*«Без Бога нация - толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что ещё страшней - жестока.
И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!»
(Иеромонах Роман)*

В любой культуре время от времени возникают рассуждения о кризисе духа и духовности. Происходящие в последние десятилетия глобальные перемены в экономической, социально-политической, духовной жизни общества в совокупности можно назвать ситуацией человеческого кризиса.

В современном обществе остро встает вопрос о гармонизации социально-общественных, межличностных и межнациональных отношений. Это проблема рессентиментности личности. Рессентимент - это философский термин, означающий чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»), бессильная зависть. Это понятие впервые появилось в сочинениях Фридриха Ницше и которое активно использовали многие крупные христианские мыслители России. Они не могли найти краткую замену всему тому, что называется «рессентиментом» - мстительности, зависти и искалеченности людей бессильных, униженных и оскорбленных. При этом, подчеркивал Ницше: «рессентимент лежит в основе библейской религии и достигает особенного развития в христианстве. Вера в Христа, в спасение через смиренный отказ от греховности, в достижении радости при виде грешников, мучающихся в аду, вот христианский рессентимент. Православный русский мыслитель Николай Бердяев тоже обратился к слову рессентимент накануне революции, потому что иначе никак не мог охарактеризовать духовное состояние российского общества того времени,

которое предвещало революцию. Слово «рессентимент» французское и составлено так: чувствовать – «сент», приставка отрицания «ре».[1] Понятие рессентимента впервые было введено немецким философом Ф. Ницше в его работе «К генеалогии морали». По мысли этого философа, рессентимент является определяющей характеристикой морали рабов, которая противостоит морали господ. Рессентимент, по Ницше, деятельно проявляет себя в «восстании рабов»: «Восстание рабов в морали начинается с того, что ressment сам становится творческим и порождает ценности...» – этими словами, собственно, и вводится понятие рессентимента [2]. **Рессентимент** является более сложным понятием, чем *зависть*, ненависть или *неприязнь* [6]. Феномен рессентимента заключается в сублимации чувства неполноценности в особую систему морали. **Сублимация** — защитный механизм психики человека, представляющий собой снятие внутреннего напряжения с помощью перенаправления энергии на достижение социально приемлемых целей либо в творчество. (впервые описан Фрейдом.) Влиянием рессентимента объясняются не только события нашей маленькой повседневной жизни, но и большие сдвиги в истории нравственных воззрений. В тех случаях, когда сильное стремление к реализации какой-либо ценности наталкивается на невозможность осуществить его, например, получить какое-то благо, возникает тенденция преодолеть неудовлетворенное состояние напряжения между стремлением и немощью за счет принижения или отрицания позитивной ценности блага, а иногда позитивной ценностью объявляется даже то, что данному благу противоположно.

Проблему рессентимента предлагается рассматривать в русле феноменологии, философско-религиозных и историко-социологических исследований. Изучение рессентимента позволяет прояснить причины столкновения интересов на межличностном, социальном и религиозном уровне, когда различные способы оценки действительности приводят к непониманию и столкновению интересов социальных и национальных групп. В XX веке вырвались наружу демонические силы злобы, зависти и ненависти, подспудно всегда пребывающие в сознании человека, которые могут в одночасье покончить с человеком и со всем живым на земле. Источники кризиса, как правило, ищут во внешних причинах - политических, социальных, экономических и тому подобное. Посредством анализа рессентиментной личности можно рассмотреть внутренние механизмы и причины, приводящие к упадку и гибели духовности. Дух и духовность, являясь продуктом человеческого бытия, как и любое явление, подвержен определенным искажениям, противоречиям, «болезням» и деградации.

В эпоху научно-технической революции человечество весьма преуспело в создании многообразных средств, подавляющих, калечащих, деформирующих биологические основы человеческого существа, - это не только химические препараты, загрязняющие атмосферу, воду, почву, но и нервно-психические

стрессы, переживания, вызывающие негативные эмоции и многое другое, что может привести к неизбежной деградации человечества.

Антропологический аспект в философии вызывает большой интерес к сложившейся ситуации как попытку найти рецепты спасения человека в самом человеке, в тайнах его разума, духа, души, телесной оболочке и в эмоциях.» Возможно всеобщая загадка смысла истории становится особенно трудной и расслаивается на множество мелких загадок смысла жизни, не дает покоя в повседневных житейских размышлениях и в философско-рефлексийных поисках. В наши дни в социуме обычный человек испытывает острый дефицит таких эмоций как милосердие, эмпатия, сочувствие, сопереживание, любовь, дружба и взаимопонимание. Да это так, к сожалению! Отсутствие консолидирующей и возвышающей общественной идеи, глубинные болезненные противоречия нынешнего состояния религии и церкви, кризис современной экономики, политики и права, девальвация нравственных ценностей и традиций, экспансия суррогатов культуры на фоне коммерциализации, отнюдь не лучшего образца, – все это породило, как в массовом сознании, так и в индивидуальном фрустральное состояние, которое становится все более устойчивым, длительным, глубоким, словом – рессентиментным. Великие философы-мыслители указывали именно на веру в Бога, как на главное «лекарство» от рессентимента. Понятие «рессентимент» делает особый акцент на негативной роли эмоций и духовных переживаний в исторических и культурно-социальных процессах общества.

Дух и духовность европейских народов, а также и русской нации в значительной мере были сформированы под воздействием христианства и христианской морали. Кризис индустриального общества обострил проблему духовных ценностей. «Чувство слабости или неполноценности, а также зависти по отношению к «врагу» приводит к формированию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей «врага»...»[3] Состояние рессентимента, озлобленности, смятения, раздвоенности, прощания с прошлым, со старым, изжившим себя мышлением. Такое состояние называют мировоззренческим кризисом общества и личности. Суть его усматривают в отсутствии способности и готовности человека осознать свое предназначение, смысл существования. В таких условиях для большинства людей насущной повседневной задачей становится выживание. А нередким результатом усилий выйти из зоны выживания к жизни, достойной человека как меры всех вещей, оказывается абсурд. Это крайне опасная ситуация если в человеческой жизни смысл вытесняется абсурдом и – в высоком значении слова – ее уже нельзя назвать человеческой. Происходит разрушение личности, приобретающее масштабы типического общественного явления, а значит, деградирует и общество. При сохранении кризисных тенденций распад личности и общества может стать необратимым. К сожалению, процесс деструкции личности и общества является реальным фактом: условия жизни, неблагоприятные

для большинства людей, приводят к существенному снижению уровня их материальных и духовных потребностей ввиду фактической невозможности их удовлетворения. Да и ценность самой человеческой жизни сведена фактически до минимума. В ситуации выживания смысл жизни становится дефицитной, а подчас и призрачной ценностью.

Глобализация антропогенных процессов и стоящих перед человечеством проблем требуют анализа причин кризиса духовности. Отсюда ряд богословских суждений подходят наилучшим образом для анализа причин бездуховности и рессентимента личности. Примером является христианское учение о смертных грехах – это целая система в духовной жизни общества. И в наше время интерпретация христианской точки зрения на грех, как явление духовной жизни общества, объясняет внутреннюю логику развития порока и показывает количественные и качественные переходы греха от более простых форм к более сложным. Это обусловлено тем, что в христианстве грех имеет онтологический статус и является объектом глубокого всестороннего изучения философами-мыслителями, хотя понятие греха не является философским. По сути, учение о грехе выходит на культуру запрета, зародившегося в практике христианских аскетов ещё в IV веке, которое отразило и вобрало в себя наиболее глубокие негативные эмоции человеческой жизни. Оно зародилось и сформировалось ещё до разделения церкви на католическую и православную. Представление о грехе существует и в других религиях. По мусульманскому учению, грех – неведение Божественного закона. Однако в перечне смертных грехов имеются некоторые расхождения в разных религиозных учениях. Например, в христианстве грех никогда не рассматривался как неведение. Опыт религиозности не только христиан, но и всего человечества, убеждает в том, что грех оказывает на согрешающего гораздо более глубинное влияние, чтобы можно было его ограничивать одним лишь умом. «Грех в православном понимании – это не преступление или оскорбление в юридическом смысле, это и не просто некий безнравственный поступок; грех – это, прежде всего, болезнь человеческой природы» ...[4] – Таково определение греха на Шестом Вселенском соборе в 102-м правиле – «грех - есть болезнь души.» Признание глубинной связи греховного состояния человека и религиозного невежества, отрицания своим умом и своей жизнью факта существования единого и истинного Бога, имеется и в христианстве и в исламе – оно здесь осмысливается как «одно из проявлений состояния падшего человека и как следствие изначального отступничества от Бога» ...[5]

Одним из первых классификаторов греха был Еваргий Понтийнин, который выделил восемь смертных грехов: чревоугодие, сребролюбие, блуд, печаль, гнев, уныние, тщеславие и гордость. Затем последовал более разработанный вариант Иоанна Кассиана. Он также выделяет восемь смертных грехов и указывает признаки, способы проявления того или иного греха и сопутствующие этому душевные переживания человеческой личности,

основанные на эмпирических наблюдениях и способы борьбы с ними. Самым большим грехом является гордыня, затем идут тщеславие, уныние, печаль, гнев, алчность(сребролюбие), блуд и чревоугодие. В целом, эта система сохранилась и по настоящее время.

Несколько по иному структурирует грехи учение Иоанна Лествичника, называя грехи страстями человеческими. Его книга «Лествица», которая составлена по образу лестницы, состоит из тридцати ступеней духовного совершенствования, равных земному возрасту Христа. Человек, закаляя свой дух и продвигаясь по этой духовной лестнице, преодолевает свои страсти одну за другой, начиная с «памятозлобия» и лжи, одолевая затем уныние, леность, чревоугодие и сребролюбие и заканчивая тщеславием и гордостью. Вот как описывает некоторые рассуждения по поводу страстей и добродетелей Иоанн Лествичник: «Рассуждение в новоначальном есть истинное познание своего устройства душевного... «все брани бесовские происходят от трех главных причин: гордости, от нерадения нашего зависти дьявольской...»[6] «Приходящие к сему подвигу должны от всего отречься, всё презреть, всему посмеяться, всё отвергнуть, чтобы положить страстям твердое основание. Благое же составляет...незлобие, смирение, пост и целомудрие...».«Все доброе, что только можете делать – делайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти...»[6] Иоанн Лествичник в своей книге описывает причину возникновения греха, изображая грехи как самостоятельные развивающиеся сущности, способные переходить из одной формы в другую, показывает многообразие форм греховности, их проявления и последствия. В Божественных заповедях, Христианство призывает возлюбить всем сердцем ближнего своего, как самого себя... Это так не просто, как правило, все люди эгоистичны, в той или другой степени, и нравственное воспитание подрастающего поколения оставляет желать лучшего. Необходимо самому индивиду воспитывать в себе проявление духа, силы воли, стремление стать лучше, помочь другим людям, осознавать и анализировать свои поступки. На уроках христианской нравственности в Духовной Академии старец Никодим Святогорец говорит следующее: «...для стяжания добродетелей требуется душа мужественная и великая, и воля ни какая-нибудь слабая и вялая, но решительная и сильная с внутренним презрением многих препятствий и готовность их перенести.... В этом движущая сила по трудному пути добродетели....итак не ленись, так как при этом неизбежно прекратиться и само движение.... В этом начало и конец истинного нашего совершенства и добродетельная жизнь благоугодно Богу».[9]

В библии говорится о жизни человека «каждый идет своей стезею», - так возвещал пророк Иоль. [11] В этом определении есть свое основание, в котором скрыто глубокое психологическое значение и понимание жизненных задач каждого человека и всего общества в целом. «Пути человеческие на

протяжении жизни не одиноки, они постоянно соприкасаются между собой: идут рядом, то расходятся, то пересекаются. На жизненных стезях встречаются добрые спутники и злые разбойники; идти одному тяжело, чем с другом... годы проходят быстро и мы летим, необремененность поклажей, чтобы сердца ваши не отягощались объедением и пьянством, злобой и заботами житейскими», Лк.21,34, целенаправленность, то есть определяющая путь достаточно значимая цель, достижению которой все подчинено...», (Евр.13,14, по словам Псалмопевца Пс.89,10) Это говорит о том, что непрерывный поиск новых, лучших путей в жизни для познания и осуществления правды в жизни – это полнота совершенства, святости и добра и любви. В библии непрерывно совершенствующему духу христианина ставится ещё и высшая цель, конечная цель стремлений – это достижение Царства Божия (Мф.4,17; Мк. 1,15) [9] Царство Божие на земле состоит не в материальном благополучии или благоденствие людей (по словам апостола Павла, «Царство Божие – не пища и питье», «но в достижении высших духовных ценностей...праведность и мир и радость.....это полнота совершенства, святости, добра и любви ...Рим. 14,17) [9]

В трудах итальянского философа-идеалиста Фомы Аквинского, который связал христианское вероучение с философией Аристотеля, классификация грехов расположена в следующем порядке: «гордыня, сребролюбие, чревоугодие, сладострастие, зависть, гнев и медлительность, которая позднее преобразовалась в леность.» Интересен тот факт, что, в отличие от православной системы смертных грехов, в католической системе отсутствуют такие грехи, как тщеславие и уныние. Отсюда, в западноевропейской культуре отношение к этим формам поведения в обществе более лояльное. В свою очередь православие не считает грехом лень – из чего исходит, что подобная форма поведения в меньшей степени осуждается, а значит, получает более распространенное поведение в обществе. В целом учение о грехе – «это совокупность особых знаний о человеческой природе, а также способы избавления от страстей.» [6] Преподобный Макарий Египетский красочно и выразительно описывает влияние греха на все человечество, указывая о его первопричине, сравнивая с действием дрожжей на тесто: «преступивший заповедь Адам, вкусив плод, принял в себя закваску страстей, так и родившиеся от него, и весь род Адамов, по преемству стали причастниками оной закваски; а при постепенном преспеянии и возрастании ...умножились в людях греховные страсти, что простёрлись они до прелюбодеяний, непотребств, идолослужений, убийств и других непотребных дел, пока все человечество не вскисло пороками...» [7]

Учение о грехе в широком смысле отразило в себе христианское понимание пути человека к исходному совершенству. Через понятие греха была зафиксирована общая антропологическая деструктивная сторона человеческой природы, а чем больше человек развивался, рос духовно,

тем более греховным существом осознавал себя. Жажда мести, зависть, коварство, недоброжелательность, злорадство, злоба и ненависть – все это особые психические состояния индивида, которые происходят в процессе формирования ressentimenta. Вследствие слабости духа, в человеке не происходит нравственного преодоления, очищения и соответственно искреннего прощения. Отсюда растет чувство мести и, как правило, негативные последствия агрессивных действий. Причем такая ответная негативная реакция задерживается или откладывается и накапливается, поскольку индивид не может ответить на обиду и начинает мстить и разжигать войны. Только покаяние очищает внутреннее состояние души, которое освобождаясь от греховного засорения, становится не только более чистым, но, в свою очередь, способствует увеличению покаянного чувства. «Как достижение Царства Небесного невозможно без труда (МФ. 11,12), так и развитие в душе непрестающего покаяния является плодом усилий или подвигом жизни христианина. Святитель Игнатий Брянчанинов суммировал сущность этих эмоций покаяния в таких словах «Цель христианина – устроение Царства Небесного на Земле и достижение Небесного Царства. Путь в вечную жизнь имеет свое начало (дверь) – крещение – и мост, перекинутый через бездны греха, – покаяние.» [8]

Углубление в гносеологию понятия греха происходит в моменты духовного кризиса человека и общества. Только находясь в критической ситуации и начиная искать выход, человек одним из путей видит исправление своего морального облика, т.е. духовного несовершенства. «Среди сделанных в новейшее время немногочисленных открытий в области происхождения моральных оценок открытие Фридрихом Ницше ressentimenta как их источника – самое глубокое, несмотря на всю ошибочность его специального тезиса о том, что христианская мораль, а в особенности христианская любовь, – есть утонченнейший цветок ressentimenta». [1]

Список литературы:

1. Ницше Ф. К генеалогии морали //соч. в 2 т. Т. 2 Москва. 1990. – С. 428.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Москва. 1990. С. – 381.
3. Шеллер М. Ресентимент в структуре моралей // Пер. с нем. Малинкина А.Н. СПб.1990. – С. 411
4. Давыденков О. иерей. Догматическое богословие // Москва. 1997. – С. 148.
5. Преподобный Каллист Ангеликуд. Слово 16. // Путь к священному безмолвию. Москва. 1999. – С. 105.
6. Иоанн Лествичник // Лествица // АО С. – Перербург. 1995 г. – С. 351.
7. Преподобный Макарий Египетский // Духовные беседы. Москва. 1998. – С. 182.

8. Ростислав Лозинский, Протоиерей. Мост в вечность (Покаяние по учению Православной Церкви) // Москва. «Паломник». 2007 г. С. – 312.
9. Старец Никодим Святогорец. Невидимая брань // Перевод с греческого епископа Феофана в 2-х частях, // Москва, Типо-Литография. Большая Якиманка. 1892 г. С. – 289.
10. Проф. М. Тареев. «Основы христианства». 1908. Т.2. С. – 330.
11. Игумен Петр Бирюков. Нравственное совершенствование Христианина по заповедям блаженств спасителя (уроки христианской нравственности). // Свято-Успенская Жировицкая обитель. 1996 г. С. – 198.
12. Максимов Юрий. Религия креста и религия полумесяца. // Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Москва. 2004, С. – 239.
13. Свт. Феофан Затворник Вышенский. Добротолюбие. Том 1. // Москва. Сибирская Благовонница. 2014 г. С. – 556.
14. Свт. Феофан Затворник Вышенский. Добротолюбие. Том 2. // Москва. Сибирская Благовонница. 2014 г. С. – 638.
15. Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали. Этическая мысль, выпуск 2. // Москва. 2001. г. С. – 41.
16. Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Москва, 1998. С. – 182.

УДК 323 ББК Ф3(2)8

Мурзина Диляра Шамилевна –
к.полит.наук,
Казанский национальный
исследовательский технологический
университет, г. Казань
e-mail: MulyukovaDi@yahoo.com

ИДЕОЛОГИЯ ТАТАРСКИХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: идеология, регион, Татарстан, нация.

В 1990-е годы в результате отсутствия общенациональной идеологии в стране ряд политических субъектов приступил к разработке собственных идей, представляющих интересы определенных социальных групп. Процесс идейного размежевания происходил как на уровне федерального центра, так и на уровне субъектов федерации.

В статье проведен анализ идеологии татарских националистических организаций в Республике Татарстан, которые выступили в этот период значимым политическим субъектом, а также характера изменений этой системы идей, возникших в результате смены вектора в рамках развития государственно-территориального устройства страны.

Следует отметить, что современное татарское национальное движение в Татарстане делится на умеренное и радикальное крыло. В дальнейшем под термином «татарское национальное движение» мы будем понимать умеренное крыло, которое придерживается официальной риторики и выступает за сохранение формальных атрибутов суверенитета республики, а под термином «татарское националистическое движение» – радикальное крыло, где большинство организаций настроены оппозиционно [11, с. 96]. Предметом нашего исследования стала идеология татарских националистических организаций, поскольку они представляют собой общественную опасность.

Деятельность татарского национального движения, как ее умеренного, так и радикального крыла, в 1990-е годы в Республике Татарстан, в том числе и ее идеологический аспект, становилась предметом исследования таких авторов, как Г. Абдуллин [3], Р.М. Амирханов [4], Д.М. Исхаков [10], Р.М. Гибадуллин [6], А.Г. Галлямова [5] и других. Модификация деятельности татарского националистического движения в нулевые годы XXI века отчасти рассматривалась в рамках исследований региональной политики (С.А. Сергеев и З.Х. Сергеева [13], Д.Ш. Мурзина, В.Т. Сакаев и В.С. Горшунов [11],

Сулейманов Р.Р. [14]). Однако, трансформация идейной платформы татарского националистического движения, возникшая в нулевые годы XXI века, ранее не становилась самостоятельным предметом изучения.

В 1990-е годы татарские националистические организации (ТОЦ, Иттифак, «Азатлык», партия «Ватан» и другие) активно пропагандировали радикальные этнополитические идеи. В условиях политической нестабильности этого периода и отсутствия наднациональной идентичности в стране, национальные идеи мобилизовали массы. В 2000-е годы начал меняться характер взаимодействия регионов и федерального центра, вместе с этим Республика Татарстан стала утрачивать ряд преимуществ, возникших в результате двустороннего взаимодействия региональной и федеральной власти, прежде всего в ходе реализации норм, закрепленных в договоре о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, заключенном в 1994 году [1]. Произшедшая социально-политическая трансформация в регионе повлияла на характер идей, пропагандируемых татарскими националистическими организациями.

Любая идеология, ставящая целью защиту тех или иных социальных интересов, содержит ряд классических сюжетов, оказывающих воздействие на сознание граждан, которые часто соответствуют архетипическим образам. Далее будет показано, как классические сюжеты идеологии татарских националистических организаций в Республике Татарстан менялись под воздействием социально-политической трансформации региона в 2000-е годы.

1) Образ «мы» обуславливает формирование групповой идентичности. В республике татарские националистические организации первоначально формировали свою базу по национальному принципу. Но в 2000-е годы, во времена относительной политической и социально-экономической стабилизации, националистические идеи перестали пользоваться спросом. По данным социологических опросов, большинство населения на современном этапе рассматривает межнациональные отношения как стабильные [15]. В это время татарские националистические организации переходят к расширению социальной базы. Главным критерием принадлежности к «своей» группе становится лояльность к пропагандируемым идеям.

Еще одним ресурсом для обретения социальной базы татарских националистических организаций стало обращение в религиозной проблематике. Ислам, по их мнению, является неотъемлемой составляющей татарской идентичности, что отчасти нашло отражение и в идеологии этих организаций. В 2000-е годы исламизация идейного содержания деятельности татарских националистических организаций продолжается, что ярко отражается в информационном контенте их групп в социальных сетях.

2) Образ «врага». В региональных идеологических схемах чаще всего факты принятия непопулярных политических решений, проведения неудачных

реформ объясняются вмешательством во внутренние дела главного виновника всех бед – федерального центра. Наряду с этим образом в массовое сознание региональной общности внедряется образ «жертвы»: регион якобы постоянно терпит ущемления, недостаточно выделяется ресурсов на поддержание уникальности его самобытной культуры и т.д. [12, с.68]. По словам Л. Гудкова, «комплекс жертвы» в данном случае срабатывает как механизм переживания травматического опыта советского прошлого. «Возникает нерационализируемая гордость народа за «выживание» в нечеловеческих условиях труда и страха, за терпение и страдание» [7, с.103]. Если после подписания договора о разграничении полномочий в 1994 году накал напряженности с федеральным центром значительно снизился, то в 2000-е годы общефедеральный курс на устранение диспропорций в уровне социально-экономического развития, а также изменение отношений в рамках межбюджетного федерализма вызывают крайнее недовольство в среде татарских националистических организаций: повсюду звучат обвинения федерального центра в империализме, колониализме, нарушении принципов федерализма и т.д.

Члены татарских националистических организаций также традиционно критично настроены по отношению к политической элите республики, осуждая его в «непоследовательности и нерешительности в достижении реальной независимости Татарстана»[13, с.124], в бездеятельной позиции в период ущемления суверенитета региона в 2000-е годы и в отстаивании прав татарского народа. Наряду с этим в 2000-е годы в официальном дискурсе укореняется феномен «татарстанскости»[2], который говорит о намерении региональных властей сформировать наднациональную региональную идентичность, что, в свою очередь, встречает резкую критику со стороны татарских националистических организаций.

Образ «врага» четко представлен во всех идеологиях националистических организаций, и в отношении него существует относительное единство. Главным виновником неблагоприятного положения татар в республике и в стране в целом объявляется федеральный центр и проводимая им политика в отношении субъектов федерации и нерусского населения. В некоторых организациях этот круг расширяется либо отличается незначительно. К примеру, организация «Правые татары», наряду с обвинениями действующей федеральной власти в ассимиляции татар республики, включает в состав образа врага и маргинальных представителей русской нации: «имперцев, фашистов, шовинистов, тех, кто считает, что народы населяющие Россию не имеют права на самоопределение и свободу» (данная группа именуется как «русня»), а также все псевдоорганизации, деятельность которых направлена против Татарского языка, культуры и народа» [9].

3) Образ «Золотого века», создавая позитивный образ будущего социально-политического устройства, позволяет снизить уровень социальной

напряженности, возникающей вследствие роста неудовлетворенных потребностей на данный момент.

В идеологии татарских националистических организаций отсутствует единство в отношении образа «Золотого века» республики: часть из них устремлена в будущее, и рисует несуществовавший ранее образ и статус республики. Так, к примеру, «Исламское движение Северной Евразии» устанавливает своей целью создание «Даруль-ислама», в котором Ислам будет господствующей религией, президентом России станет мусульманин, а территория Татарстана объявляется «территориальным плацдармом этого проекта» [16]. Часть организаций устремлена в прошлое – в периоды татарской государственности либо период обретения суверенитета Татарстана и действия первого договора о разграничении полномочий.

Исследование показало, что в идейном плане современное татарское националистическое движение в республике не представляет собой единого фронта. Наблюдаются весомые отличия от организации к организации, как в постановке целей, так и в способах их достижения. Однако есть и сходные черты в отношении их идеологий: их нельзя назвать сугубо этнонациональными, так как в требованиях каждой из них присутствуют политические мотивы.

В 2000-е татарские националистические организации скорее приспособляются к социокультурным изменениям, нежели задают собственные тренды. Отсутствие проактивной позиции в идеологической работе приводит к тому, что многие актуальные вопросы остаются вне поля зрения татарских националистических организаций, что также способствует падению спроса на националистические идеи. В ответ на это происходит усиление радикализации идей, превращение их из защитников «национальных» интересов в маргинальную группу, что является главным следствием социальной трансформации региона в 2000-е годы. В интернете все больше молодых людей имеет возможность ознакомиться с националистическими идеями. Особенности молодежного сознания, такие как нигилизм по отношению к традиционным устоям и экстремизм в разных формах его проявления, по мнению авторов, лишь усугубляют ситуацию, поскольку превращают молодежь в наиболее вероятный источник пополнения рядов радикально настроенных организаций [8, с.40].

В условиях, когда официальная политика республиканского руководства в Татарстане направлена на строгое соблюдение этнонационального паритета, выстраивание межнационального и межконфессионального диалога идеологическая повестка дня татарского националистического движения способна дестабилизировать ситуацию. Таким образом, изучение пропагандируемых им идей требует в дальнейшем особого внимания, как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны органов государственной власти.

Список литературы:

1. «Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (Подписан в г. Москве 15.02.1994) // «Вестник ВАС РФ». – N 6. – 1994.
2. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.12.2014 N 1004 «О Концепции имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан «»
3. Абдуллин Я.Г. Татар халкы тарихында ислам һәм хәзерге заман (Ислам в истории татарского народа и современность) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. В 2-х частях. – 2 ч. – Казань, 1993. – С. 142–149.
4. Амирханов Р.М. Татарская национальная идеология: история и современность // Панорама-форум. – 1996. – №1 (4). – С.29–31
5. Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). – Казань: Магариф, 2010. – 223 с.
6. Гибадуллин Р.М. Татарское национальное движение: политическая деятельность и влияние в Татарстане (1988-1992). – Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. – 176 с.
7. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Гудков. М.: Новое литературное обозрение. – 2004. – 816 с.
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социс. - №5. – Май 2008. – С. 37–47
9. Интервью / Правые татары [Электронный ресурс] URL: <http://www.libfront.org/2013/pravie-tatari> (дата обращения: 29.08.2017).
10. Исхаков Д.М. Современный национализм татар // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. В 3-х томах. – Т.2. – М., 1998.– С. 11–38.
11. Мурзина Д.Ш., Горшунов В.С., Сакаев В.Т. Новые тренды в развитии татарского националистического движения в Республике Татарстан // Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология. – №2. – 2017. – С. 94–108.
12. Мурзина Д.Ш. Мифотворчество региональных политических элит России: монография/ Д.Ш. Мурзина; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т; Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. – 201 с.
13. Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Татарский этнонационализм в республике Татарстан: от рассвета до заката // ПОЛИТЭКС. – № 1. – 2009. – С. 116–127.

14. Сулейманов Р.Р. Наиль Набиуллин и Союз татарской молодежи «Азатлык»: закат молодежного татарского национализма? <http://www.gumilev-center.ru/nail-nabiullin>

15. Трофимов В. Кризис сказался на межнациональных отношениях в Татарстане, но 80% жителей уверены, что живут в спокойной обстановке [Электронный ресурс] URL:<http://www.gumilev-center.ru/> (дата обращения: 30.06.2017)

16. Страница организации «Исламское движение Северной Евразии» URL: <https://twitter.com/orda1313>

УДК 316 ББК 60.5

Никишин Дмитрий Андреевич –

студент,

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: dim_94@inbox.ru

МОЛОДЁЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИСТОЧНИК К СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТЮМЕНИ)

Ключевые слова: молодёжные общественные организации, трансформация общества, молодёжь, государство, эффективность молодёжной политики.

В связи с процессом трансформации российского общества молодёжные общественные организации переживают новый этап становления, постепенно институционализируются, складываясь в единую структуру со специфическими правилами и механизмами функционирования. Развитие молодёжных организаций в современных условиях можно охарактеризовать как неустойчивое, меняющееся быстрыми темпами. Они осуществляют свою общественную деятельность, опираясь на новые ориентиры, ищут более эффективные формы взаимодействия с молодёжью, государственной властью, СМИ, коммерческими организациями, а также между собой.

Молодёжь – возрастная группа, которая со временем занимает ведущие позиции в экономике и политике, социальной и духовной сферах общества. [1].

В городе Тюмени работой с молодёжью и молодёжными общественными организациями занимается Департамент по спорту и молодёжной политике Администрации города Тюмени. В полномочия департамента входит:

- Осуществляет разработку и реализацию муниципальных программ в сфере молодежной политики в соответствии с муниципальными правовыми актами города Тюмени;

- Обеспечивает формирование и реализацию молодежной политики на территории города Тюмени;

- Разрабатывает мероприятия по работе с детьми и молодежью и обеспечивает их реализацию на территории города Тюмени;

- Осуществляет организационно-методическое обеспечение и координацию деятельности подведомственных муниципальных учреждений и организаций по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при взаимодействии с другими субъектами системы профилактики;

- Организует работу подведомственных муниципальных учреждений и организаций по выявлению несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и по осуществлению мер по реализации программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних при взаимодействии с департаментом безопасности жизнедеятельности Администрации города Тюмени;

- Организует, координирует взаимодействие подведомственных муниципальных учреждений с военными комиссариатами города, воинскими частями, общественными организациями военно-патриотической направленности и учреждениями по вопросам военно-патриотического воспитания и подготовки к службе в Вооруженных Силах Российской Федерации в организациях дополнительного образования детей в пределах своей компетенции;

- Организует работу подведомственных муниципальных учреждений и организаций по оказанию социально-психологической, педагогической помощи несовершеннолетним с отклонениями в поведении, помощи семьям, находящимся в социально опасном положении, в обучении и воспитании детей при взаимодействии с департаментом образования Администрации города Тюмени;

- Оказывает содействие и организует работу подведомственных муниципальных учреждений в области молодежной политики по взаимодействию с детскими и молодежными общественными объединениями, фондами и иными организациями, деятельность которых связана с осуществлением мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

- Участвует в разработке и реализации программных мероприятий по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по профилактике наркомании и иных форм химической зависимости, в пределах своей компетенции при взаимодействии с департаментом безопасности жизнедеятельности Администрации города Тюмени;

- Составляет и обеспечивает реализацию календарных планов проведения официальных общегородских мероприятий по работе с детьми и молодежью на территории города Тюмени;

- Осуществляет работу по организации взаимодействия, связанного с решением вопросов развития молодежной политики с молодежными организациями и общественными объединениями, осуществляющими свою деятельность на территории города Тюмени, в пределах своей компетенции и при взаимодействии с органами государственной власти Тюменской области;

- Анализирует развитие молодежной политики в городе Тюмени, готовит и направляет предложения по развитию молодежной политики на территории города Тюмени в органы государственной власти Тюменской области. [2].

Мы провели интервью с экспертами в области молодёжной политики и проанализировали полученные результаты. Практически все эксперты отметили, что молодёжь является основным социальным слоем, который помогает изменяться современному российскому обществу. Респонденты отмечали следующее: «Молодёжь – это основной движущий пласт по изменению в социальной среде, даже в инфраструктурных вещах», «Молодёжь до 30-ти является лаксмусовой бумажкой в плане общества и в принципе через молодёжь, который является хорошим локомотивом толкающий к социальным изменениям», «Молодёжь является одной из основных движущих сил которые помогают изменяться российскому обществу, всегда, если мы смотрим ретроспективу нашего государства и в целом мировой истории, то молодые люди всегда были на передовой, помогали воплощать в жизнь масштабные проекты», «Молодёжь конечно двигает нашу жизнь, меняет её, потому что она у нас мобильна, креативна, энергична».

Мы также узнали мнение экспертов о том, насколько государство стимулирует молодое население на кардинальные изменения в социальной сфере и трансформацию российского общества. Большинство опрошенных отметили, что изменения происходят, но довольно медленно, и не так масштабно, как хотелось бы. «Государству выгодно чтобы по чуть-чуть что-то менялось, потому что задача органов власти, это некая стабилизация, а сохранение каких-то резких изменений, это никому не надо. Другое дело, какие-то резкие изменения в сферах науки, через гранты, надо допустим, государству развитие в сфере биомедицины и физики, государство даёт грат на данные направления», «Государство не очень-то стимулирует молодёжь на кардинальные изменения, потому что государство - это всё-таки стабильная структура, обеспечивающая безопасность людям, обеспечивающая ближайшие перспективы», «Государство стимулирует, но не сильно, с одной стороны государство конечно боится, что с помощью данных технологий она потеряет рычаги влияния на своих граждан», «После 2010 года стало очень видно и очень заметно, что государство стало уделять внимание не палочной системе, допустим, какие то конкретные показатели, отчёты», «Государство стимулирует лишь тех, кто уже стимулирует себя сам», - вот некоторые эксперты ответили на заданный вопрос.

Но также эксперты отметили, что государство должно принимать дополнительные меры для увеличения социальной активности молодёжи: «Дополнительные меры всегда можно применять. Просто ни одно государство мира не сможешь с этим справиться», «Безусловно, должна, потому что один из самых ярких наверное показателей активности являются выборы, на которые сейчас вообще люди мало ходят, а молодёжи тоже в первую очередь ходит мало», «Я считаю что да, есть ещё потенциал к увеличению социальной активности молодёжи у государства», «Государство да, должно самое главное

в молодёжной политике – это не мешать развиваться, то есть мы же живём на Земле, тут всё видно».

Мы также попросили респондентов оценить по 10-ти бальной шкале следующие аспекты молодёжной политики и получил следующие результаты (средний балл по ответам экспертов):

Информированность молодёжи в городе Тюмени о социальных проектах, реализуемых в городе – 7,5 баллов.

Создание условий для правовой защиты и социальной адаптации молодёжи, а также работа с трудной молодёжью в городе Тюмени – 7 баллов.

Формирования условий, направленных на физическое, духовное развитие и воспитание молодёжи в городе Тюмени – 7,5 баллов.

Создание условий для формирования условий, направленных на профессиональную ориентацию молодёжи в городе Тюмени – 5 баллов.

Создание условий для развития сети городских специализированных организаций, ведущих работу с молодёжью в городе Тюмени – 6 баллов.

Помощь в самореализации талантливой молодёжи – 5,5 баллов.

Оценка эффективности молодёжной политики, которая проводится в Тюмени по 10-ти бальной шкале – 8 баллов.

Также в ходе социологического был проведен анкетный опрос населения города Тюмени. В ходе анкетного опроса у респондентов спросили, можно ли утверждать, что молодёжь является основным социальным слоем, который помогает изменяться современному российскому обществу. «Да, можно утверждать» ответили 63 %, сомневаются – 32 %.

Также мы узнали мнение респондентов о том, насколько государство стимулирует молодое население на кардинальные изменения в социальной сфере и трансформацию российского общества. По результатам опроса вариант ответа «от 50 % до 90 %» стал самым популярным – его выбрали 61 % респондентов.

Актуальным вопросом для современного общества остается вопрос «Должно ли государство принимать дополнительные меры для увеличения социальной активности молодёжи?» На данный вопрос большинство респондентов (60 %) ответили, что обязательно, 34 % – желательно.

Респонденты отметили возможность для реализации талантливой молодёжи (67 %) и разрабатывать новые социальные программы, направленные на молодежь города (63 %) как необходимость, которую государственной власти необходимо принимать в первую очередь.

Мы попросили опрошенных оценить, насколько информирована молодёжь города Тюмени о социальных проектах, реализуемых в городе. Средний балл в ответах респондентов составил 5,5 баллов. Данная оценка является средним результатом, что говорит о необходимости совершенствования молодёжной политики в городе.

В настоящее время проблемы у молодёжи с занятостью и трудом – этот вопрос стал популярным у 54 % опрошенных, чуть меньше – у 27 %.

По данным опроса можно сделать вывод, что респонденты оценили работу государственных органов в отношении молодёжной политики не достаточно высоко. Это значит, что необходимо улучшать и совершенствовать работу в государственных учреждениях, а также заниматься разработкой новых социальных программ для молодёжи.

Анализ социологических данных позволил сделать вывод, что молодёжь, проявляющая социальную активность, более успешно социализировалась, её ценности направлены на познание, созидание и развитие, как себя, так и социума. Социальное служение людям, обществу, как чувство, у них более развито.

Социальная активность молодёжи оказывает прямое влияние на развитие общественного молодёжного движения. Другой подход рассматривает молодёжные общественные объединения как фактор развития социальной активности молодёжи. В основе третьего подхода понимание того, что процессы формирования социальной активности молодёжи и процессы формирования общественных молодёжных объединений есть суть взаимообусловленных процессов. Ровно, как и общественные молодёжные движения, оказывают влияние на развитие социальной активности молодёжи, так и высокий уровень социальной активности молодёжи оказывает влияние на формирование общественных молодёжных организаций. Последний подход актуализирует доминирующую роль в развитии социальной активности молодёжи и развитии общественных молодёжных организаций исключительно государства и его социальных институтов.

В этом году Тюменская область во главе с городом Тюменью заняла третье место, как регион где создаются условия для развития и эффективности молодёжной политики, молодёжи. Данный результат является достаточно хорошим. В целом проведённое социологическое исследование дает право нам сделать следующие выводы: молодёжная политика в целом достаточно изменилась, при чем в лучшую сторону. Также стоит отметить, что необходимость улучшать работу с молодёжью в городе Тюмени (так отмечают опрошенные эксперты) остается актуальным.

Эксперты также высоко отметили информированность молодёжи в городе Тюмени о социальных проектах, реализуемых в городе, а также формирование условий, направленных на физическое, духовное развитие и воспитание молодёжи в городе Тюмени. Общая оценка эффективности молодёжной политики, которая проводится в Тюмени по 10-ти бальной шкале высокая – 8 баллов, по мнению экспертов. Стоит отметить, что молодёжь является одной из основных способ для совершения положительной динамики социальной трансформации российского общества, именно поэтому стоит приложить все усилия для совершенствования молодёжной политики, а также создания и реализации социальных молодёжных проектов.

Список литературы:

1. Павловский В.В. Социология молодёжи и ювенология //СоцИС, 1999. № 5. – С. 46.
2. Распоряжение от 17 октября 2007 г. N 273-рг/ О Департаменте по спорту и молодёжной политике Администрации города Тюмени http://dsimp.ru/system/uploads/ckeditor/attachments/8668/_____.pdf [Электронный ресурс].

Окладникова Елена Алексеевна –
доктор исторических наук,
профессор,
Российский государственный
педагогический университет.
Санкт-Петербург
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

ОБРАЗ «МАЛОЙ РОДИНЫ» ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СЛУЧАЙ ЛАГОЛОВО

1. Весной 2017 года нами было проведено пилотажное социологическое исследование в селе Лаголово Ломоносовского района Ленинградской области. Целью исследования было изучение образа Лаголово в представлениях местных жителей. Какой интерес в изучении того, как представляют люди образ своего места жительства? Прежде всего, этот интерес заключается в том, что моделируя образа места, люди задумываются о своём вкладе в обустройство своего настоящего и своего завтрашнего глобального и локального завтра. Размышления над этим образом, люди совершают большую ментальную работу по борьбе с тем, что современные философы именуют «неосознанностью происходящего». Документальной основой книги стали транскрипты 34-х глубинных интервью с жителями Лаголово.

2. Пространство и время – это две сопряженные категории социальной философии, с помощью которых можно описать социокультурный ландшафт любой обжитой человеком территории. Анализ транскриптов интервью показал, что **Время** в представлениях респондентов присутствовало в двух ипостасях: 1) в форме образа поколений; 2) глубины и объема исторической памяти наших респондентов, т.е. как представления респондентов об истории места их жительства.

3. **Время: историческая память.** Объем исторической памяти и её глубина у наших респондентов оставляют желать лучшего: 27% наших респондентов никогда не проявляли интерес к истории названию места своего жительства. Недостаточная глубина и широта их исторической памяти объясняется общим невысоким уровнем их образования и узостью кругозора. Например, наибольшее затруднение у них вызывали ответы на вопросы нашего гайда о том, что для них значат понятия «культура» и «глобализация». Культура для абсолютного большинства наших респондентов – это местный Дом Культуры, а «глобализация» – это, в лучшем случае, что-то «глобальное, большое». Другим объяснением отсутствия у респондентов глубины исторической памяти может быть тот факт, что респонденты – это носители не автохтонной культуры. Они являются пришлым послевоенным населением.

4. **Время: образы поколений.** Наши респонденты, вольно, или невольно сообщали нам идеи, с которыми они познакомились в детстве, и которые «проросли» в их сознании. Большинство респондентов, особенно, молодого среднего поколения не смогли назвать более двух поколений предков (родители, деды). У них не сохранилась даже память об именах прадедов, не говоря о роде их занятий, знаменательных событиях жизни, достижениях. Память о поколениях праотцов оказалась совершенно забытой даже у выходцев из крестьянских семей.

5. **Пространство: образ поселения.** 52% респондентов выбрали зонировано-топографический способ описания территории Лаголово. 15% респондентов выбрали романтический, 9% – нарративно-биографический, 9% – критический, 9% – затруднились с ответом, 6% – нравственно-регулятивный способ описания территории Лаголово, как ландшафта, «культурного» или, точнее, освоенного пространства – плода их деятельности, а также деятельности их предшественников. Для 26% наших респондентов характеристикой Лаголово стало понятие «малая родина», для 19% – «спокойствие и уют». Для 48% респондентов образ Лаголово включил такие понятия как «деревня», «село», «рабочий посёлок», «поле», «болото», «лужа», «граница», т.е. совокупность хозяйственных, административно-экономических и географических характеристик. 7% респондентов затруднились с ответами или выбрали другие характеристики для образа Лаголово. Никаких реминисценций исторического или историко-ономастического плана в описаниях образа поселения не наблюдалось. На этом основании мы можем заключить, что общество Лаголовского поселения относится к типу молодых, не развитых в плане исторического сознания социумов, ориентированных на перспективу урбанистической трансформации.

6. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что при всей важности экономической модели существования и развития социума, как базисного элемента его существования, гораздо большую роль в формировании образа будущего для людей имеет модель самоощущения человека. Именно эта модель оказалась преимущественно выраженной в образе Лаголово, который на наших глазах конструировали респонденты. При этом они не были склонны искать казуальные связи между положительным самоощущением и, либо успехами, либо неудачами в экономической, хозяйственной, социальной и культурной сферах жизни Лаголовского общества. Создавая образ свое поселения, лаголовцы стремились описывать его с помощью таких понятий как «уют», «спокойствие», «тепло», «тишина», «душевный комфорт».

УДК 316.614.5.

Павлов Борис Сергеевич –

д-р филос. наук, профессор,
вед. научн. сотр. Института экономики
УрО РАН, г. Екатеринбург
e-mail: pavlov_boris@mail.ru

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ НА УРАЛЕ

Ключевые слова: родительская семья; учащаяся молодёжь; профессиональная социализация; социальные риски; нестабильная экономика.

По законам преемственности (*по закону отрицания отрицания*) молодёжь осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества с целью их последующего воспроизводства. Будет это простое или расширенное воспроизводство – зависит от уровня социального развития молодежи, как продукта самого общества. А этот уровень, в свою очередь, в решающей степени зависит от взгляда общества на молодёжь; что такое она в его глазах – только объект воздействия, прежде всего объект и отчасти субъект или же, прежде всего, субъект, а затем объект и т.п. При этом по своей структуре молодёжный (*ювенальный*) потенциал включает в себя следующие компоненты и отношения между ними: а) демографическая компонента, включающая общие показатели; показатели родительской семьи и показатели молодой семьи; б) потенциал здоровья молодежи; в) образовательная компонента; г) трудовая компонента; д) культурная компонента; е) гражданская компонента; ж) духовно-нравственная компонента [12, с. 91–93]. Представленная работа связана, прежде всего, с воспроизводством симбиозом двух выделенных выше, компонент: *образовательной и трудовой*.

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение определенного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующих в обществе условий данного участия [6].

Формирование инновационной экономики предполагает наличие высоко динамичного рынка труда, обеспечиваемого эффективностью

профессиональной социализации, вступающих в трудовую жизнь молодых людей (*в нашем случае, студентов*), которая, в свою очередь, характеризуется мобильностью, социальной и профессиональной конкурентоспособностью молодых специалистов. Последняя при этом, характеризует не только потенциал его востребованности на рынке труда, но и «представляет собой совокупность свойств индивида как носителя определенных квалификационных, социальных и психологических характеристик» [2, с. 96].

Можно утверждать, что, в конечном итоге, процесс профессиональной социализации в вузе предопределяет для молодого специалиста две взаимоисключающие жизненные ситуации: а) интеграцию в профессионально-трудовую сферу общества, т.е. распределение в системе профессионально-производственных связей, утверждение в социальных структурах и самоидентификация с ними; б) социально-профессиональную дезинтеграцию, в значительной степени «обесценивание», полученных в ВУЗе профессиональных знаний и навыков, деформацию первоначальных («*довузовских*») жизненных ценностей, ориентаций, планов, ибо оказывается отторгнутой, исключенной социальной группой.

Сложившаяся ситуация в сфере профессиональной социализации молодёжи **актуализирует проблему «поиска резервов»**, направленных на повышение эффективности этого процесса и пока ещё недостаточно используемых. Одним из «держателей» таких резервов является **институт родительской семьи**. Огромное, непреходящее влияние на формирование развивающейся личности (особенно на этапе так называемой первичной социализации) имеет среда ближайшего окружения, в первую очередь – семья – первичная социально-бытовая ячейка общества. «Семья, писал Н.А. Бердяев. – по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире» [1, с. 422].

В теоретическом наследии П.А. Сорокина мы находим идею о том, что распределение людей по социальным позициям и перемещения внутри социальной структуры совершаются не спонтанно, а происходят в сфере действия социальных институтов, обеспечивающих «тестирование и селекцию» индивидов. Основная цель этого контроля – распределить индивидов в соответствии с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо исполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество [11, с. 423].

Влияние родительской семьи на процесс профессиональной социализации своих детей с известной долей условности можно подразделить на три этапа:

Этап I – период первичной социализации детей и подростков, связанный с трудовым воспитанием, профессиональной ориентацией, завершением их общеобразовательной учёбы.

Этап II – учёба в учреждениях профессионального образования.

Этап III – профессионально-производственная адаптация молодых специалистов в сфере реальной экономики, образование молодых семей.

Прохождение родительскими семьями каждого из выделенных этапов обусловлено не только особенностями социально-демографического состава этих малых социальных групп, уникальностью их жизненных судеб создания и функционирования. В целом *социально-педагогическая деятельность родительской семьи правомерно может рассматриваться (на всех этапах онтогенетического развития детей) как особая форма социальной работы в сфере первичной и вторичной социализации молодого поколения россиян (в нашем случае – их детей – молодых уральцев, учащихся школ и вузов), как своеобразное «матримониальное волонтерство» [9].*

Свои существенные коррективы вносят особые условия конкретных социальных институтов, которые, наряду с семьёй «сопровождает» молодых людей к социальной зрелости по институциональной «цепочке»: **ШКОЛА – ВУЗ – ЗАВОД.**

Процесс и результаты профессиональной социализации молодых людей во многом зависят от социально-экономических условий, в которых они реализуются. В 2001 г. уральские социологи утверждали, что, анализ динамики доходов населения Свердловской в 90-е годы XX-го столетия, показавший ее влияние на образовательные возможности молодежи, позволили профилировать риски развития системы образования и региона в целом:

- риск углубления неравенства экономических возможностей в удовлетворении образовательных потребностей молодых людей различного социального происхождения и положения;

- риск углубления неравенства образовательных и кадровых ресурсов развития территорий области как следствие неравных возможностей развития учреждений образования;

- риск формирования «социального гена» наследственной экономической бедности и образовательной несостоятельности в т.н. «низших» слоях общества [10, с. 27].

Социологические исследования, проведённые в уральском регионе в последующие 15 лет, показывают, что зафиксированная ситуация в начале этого века во многом сохраняет свою остроту и, следовательно, актуальность. Это ситуация осознаётся не только социологами. «Можно утверждать, что духовно-нравственный потенциал современной российской молодёжи, отмечал Президент РФ, является с одной стороны, следствием тех социально-экономических (*и, во многом, деструкционных*) преобразований, которые претерпело российское сообщество за предыдущие два-три десятилетия.

С другой стороны, духовно-нравственный потенциал молодёжи выступает основой для дальнейшего созидательного строительства экономики и восстановления тех дефицитных ныне *духовных скреп поколений*, о которых говорил Президент РФ [8].

О роли и месте родительской семьи профессионально-трудовом взрослении детей и молодых людей в уральских городах и сельских поселениях можно, в какой-то мере, судить по результатам одного из наших опросов, реализованных в Институте экономики УрО РАН. Вот его краткая характеристика:

- *сентябрь 2016 г. – февраль 2017 г.* было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос *500 студентов первых и четвёртых курсов* четырёх уральских вузах на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в двух институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 200 чел. – «Урал – 2017».

Ниже приведены некоторые цифровые данные по результатам этого опроса (% от общего числа опрошенных студентов в каждом из четырёх технических ВУЗов Южного и Среднего Урала):

- по мнению студентов отношение родителей к выбору их детьми той или иной профессии «было безразличным» – 10 % студентов ЮУрГУ, 23% – УрГУПС, 9 % – УрГАУ и 44 % студентов УрФУ [4];

- на протяжении 11 лет помимо занятий (учёбы) в тех или иных классах основной школы занимались в тех или иных кружках технического творчества – 9 % студентов ЮУрГУ, 4% – УрГУПС, 5 % – УрГАУ и 0 % студентов УрФУ;

- перед поступлением в ВУЗ, в 9–11 классах занимались с репетиторами – 96 % студентов ЮУрГУ, 90% – УрГУПС, 98 % – УрГАУ и 79 % студентов УрФУ;

- считают, что занятия с репетиторами помогли им поступить – 83 % студентов ЮУрГУ, 71% – УрГУПС, 69 % – УрГАУ и 38 % студентов УрФУ;

- если бы предоставилась вновь выбирать профессию и специальность, то выбрали бы *«другое учебное заведение и другую специальность»* – 26 % студентов ЮУрГУ, 22% – УрГУПС, 14 % – УрГАУ и 7 % студентов УрФУ [5];

- *за время учёбы в ВУЗе родители студентов НЕ ПРИЕЗЖАЛИ (не приходили)* «проведать» своего сына или дочь – 58 % студентов ЮУрГУ, 32% – УрГУПС, 61 % – УрГАУ и 32 % студентов УрФУ;

- по самооценкам студентов, им *«не хватает денег на питание»* – 10 % студентов ЮУрГУ, 19% – УрГУПС, 26 % – УрГАУ и 6 % студентов УрФУ;

- за процесс обучения в ВУЗе, по оценкам студентов *«по преимуществу за всё ПЛАТЯТ (платили) мои РОДИТЕЛИ (родственники)»* – 42 % студентов ЮУрГУ, 34% – УрГУПС, 22 % – УрГАУ и 21 % студентов УрФУ [7].;

7. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128–138.

- осуждают распространение религиозного сознания среди студентов в ВУЗах – 52 % студентов ЮУрГУ, 26 % – УрГУПС, 35 % – УрГАУ и 23 % студентов УрФУ

- намерены (*не против*) совмещать учёбу в ВУЗе и подрабатывать *«По профессии (специальности), на которую учатся в ВУЗе»* и *«На предприятии, в организации, где предполагают (хотят) работать после окончания ВУЗа»* – 58 % студентов ЮУрГУ, 50% – УрГУПС, 22 % – УрГАУ и 21 % студентов УрФУ;

- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают *«Пропускать занятия без уважительной причины»* – 75 % студентов ЮУрГУ, 57% – УрГУПС, 57 % – УрГАУ и 27 % студентов УрФУ;

- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают *«Пользоваться шпаргалками на экзамене»* – 77 % студентов ЮУрГУ, 73% – УрГУПС, 90 % – УрГАУ и 51 % студентов УрФУ;

- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают *«Списывать» курсовые, дипломы из Интернета»* – 34 % студентов ЮУрГУ, 49% – УрГУПС, 73 % – УрГАУ и 31 % студентов УрФУ;

- считают, что сегодня среднемесячный заработок у молодого специалиста – выпускника вуза на предприятии, чтобы обеспечить достойное содержание себя и своей семьи должен быть не менее 40 тыс. рублей – 63 % студентов ЮУрГУ, 73% – УрГУПС, 54 % – УрГАУ и 80 % студентов УрФУ;

- после окончания ВУЗа планируют *«Постараться уехать работать и жить в другую страну»* – 39 % студентов ЮУрГУ, 22% – УрГУПС, 21 % – УрГАУ и 10 % студентов УрФУ;

- достаточно твёрдо уверены в осуществлении своих жизненных планов после окончания ВУЗа – 88 % студентов ЮУрГУ, 85% – УрГУПС, 89 % – УрГАУ и 79 % студентов УрФУ;

- в реализации своих жизненных планов **НАДЕЮТСЯ НА «ПОМОЩЬ ЗНАКОМЫХ и ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»** – 11 % студентов ЮУрГУ, 18% – УрГУПС, 25 % – УрГАУ и 14 % студентов УрФУ.

Проведённое исследование, по мнению его организаторов, в частности, позволяет, решать (*приблизиться к решению*) следующих научно-практических задач:

во-первых, дать характеристику трансформации воспитательных потенциалов института родительской семьи в условиях экономической нестабильности и социальных рисков;

во-вторых, обосновать институциональный приоритет родительской семьи в процессе трудового воспитания, профессиональной ориентации и формировании жизненных планов своих детей, реализуя, тем самым, **важнейшую, безальтернативную часть социальной работы старших поколений с молодёжью**;

в-третьих, проанализировать потенциальные возможности и реальное взаимодействие родительских семей и администрации уральских ВУЗов в процессе профессионального обучения будущих инженеров;

в-четвёртых, оценить целесообразность и реальные возможности целенаправленного формирования института **«профессионально-производственной династичности»** в семьях инженерно-технических работников на крупных промышленных предприятиях Урала [3];

в-пятых, изучить реальные возможности оптимизации участия родительских семей в профессионально-производственной и социальной адаптации своих детей в сфере реальной экономики региона. Обозначить гендерный аспект решения кадровых проблем на промышленных предприятиях.

в-шестых, разработать предложения по внедрению современных организационных процедур управления и развития процесса профессиональной социализации молодых уральцев, организации в регионах институциональных профессионально-производственных «коридоров подготовки кадров» по схеме **«РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ – ШКОЛА – ВУЗ – ЗАВОД»**.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989. – 607 с.
2. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах, 2012, № 3. – С 92 – 102.
3. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.
4. Лоншакова Н.А., Павлов Б.С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.
5. Миронов М. П., Павлов Б. С., Попов В. Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. – 230 с.

6. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. – С. 2 – 11.

7. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. – С. 128 – 138.

8. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>. (Дата обращения: 14.10.2016).

9. Романычева И.С. Проблемы методологии социологических исследований в социальной работе // Дискуссия. 2014. № 7. – С. 84 – 88.

10. Система образования Свердловской области в 90-е годы: Риски развития / Баразгова Е.С., Баразгов К.Б., Козловская О.В., Лихачева Л.С., Рыбакова О.В.; Под ред. Е.С. Баразговой. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 104 с.

11. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд. политической литературы, 1992. – 543 с.

12. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / под редакцией Е.Г. Слуцкого. – Санкт-Петербург. 2004. – 734 с.

УДК 316.4.063.6.

Павлов Борис Сергеевич –

д-р филос. наук, профессор,
вед. научн. сотр. Института экономики
УрО РАН, г. Екатеринбург
e-mail: pavlov_boris@mail.ru

Пронина Елена Ивановна –

старший научный сотрудник Института
социологии РАН, г. Москва
e-mail: pronina@isras.ru

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ И ПОДРОСТОК: РИСКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ДЕВИАНТНОЙ СРЕДЕ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Ключевые слова: родительская семья; подросток; социальные риски; девиантное поведение; большой город; сотрудничество поколений.

Семейно-брачные отношения правомерно относят к числу наиболее устойчивых, консервативных, призванных и способных поддерживать и цементировать с помощью традиций и обычаев общественные отношения. Выполнение семьей целого ряда общественно значимых и непреходящих функций (воспроизводства потомства, производства и потребления, поддержания и воспроизводства социально-психологического и нравственно-этического потенциала общества, управления поведением личности, групп и других) обуславливают *перманентный интерес* и внимание общества к стабилизации и развитию этого социального института [2].

В начале XX века замечательный русский социолог П.А. Сорокин писал: «Вдумчивое изучение ряда явлений показывает, что в настоящее время семья как социально-правовая организация определенного вида переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока лишь в самых общих чертах. Коротко говоря, современная семья изменяется и переходит в наши дни к новой, грядущей семье» [9].

Основополагающая функция родительской семьи в качестве первичной социальной ячейки общества – физическое воспроизводство и социализация потомства. Насколько адекватно отражают и выполняют этот важный социальный заказ общества российские семьи? Остановимся на некоторых аспектах этой проблемы. В какой мере деформировались семейно-брачные отношения россиян к началу нового XXI века? В частности, обратимся

к трансформации традиционных для института семьи *отношений «отцов и детей»*.

В представленной статье использованы материалы трех комплексных региональных исследований по проблемам *«отцов и детей»* в уральских городских семьях, проведенных авторами в 2008-2016 гг. в Институте экономики УрО РАН. В их числе:

- 2008 г. – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа, так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» («Б») и 338 – «трудных» («Тр»)- в дальнейшем аббревиатура - *«Урал-Семья-2008»*;

- 2013 г. - был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши - 46%, девушки - 54%) – *«Урал-Школа-2013»*.

- 2015 г. - по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы *«Урал-ВУЗ-2015»*;

- 2016 г. в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте - *«Техн»*; педагогический (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – *«Пед»* и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – *«Гум»* - 400 чел. Общая аббревиатура для опроса - *«Урал-ВУЗ-2016»*.

Каждая конкретная семья - это своеобразная живая клеточка общественного организма. Общие социально-экономические «болезни», которые переживает сообщество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество. «Болеет» общество – «болеет» большинство семей. Как помочь семьям в этих условиях?

Прежде всего, попытаемся посмотреть на проблемы *«семья-дети»*, *«отцы-дети»* с позиций такого нежелательного для семьи явления, как *социальные риски*. Как справедливо считает известный уральский социолог Е.С. Баразгова, задача минимизации рисков переводит эту проблему из сферы математического исчисления в область системного анализа общества. «Оценка

степени любого технического риска, по её мнению, - зависит от адекватности представления о месте и роли объекта или процесса, несущего в себе потенциальную угрозу в системе общества» [1, с. 8].

Сегодня небезосновательно утверждается мнение, что социологический подход становится базовым в рискологии. На современном этапе развития общества сферой риска является и сфера производства каждого человека, и сам процесс воспроизводства социума в целом [3]. Попытаемся, например, схематично соотнести различные виды и ситуации риска, сопровождающие процесс социализации нашего современника - молодого россиянина (схема 1).

Периоды компоненты	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
А. Прохождение возраста первичной социализации	
Прекоцеп- сионный период развития	<ul style="list-style-type: none"> - условия жизнедеятельности потенциальных родителей; - виртуально-биполярная вариабельность пола; - характер субъект-субъектного взаимодействия - вероятность неблагоприятной генной наследственности; - вероятность генной несовместимости
Пери- натальный период	<ul style="list-style-type: none"> - условия внутриутробного развития; - вероятность приобретения врождённых пороков; - условия родов; - условия жизни и характер ухода в роддоме

<p>Дошкольный возраст</p>	<ul style="list-style-type: none"> - жилищно-коммунальные и валеологические условия ухода за новорожденным в семье; - уровень врачебного педиатрического патронажа; - вероятность эпидемиологического заражения матери и ребёнка; - степень развития «культы здоровья» в семье; - решение о возобновлении матерью работы в общественном производстве; - характер приобщения отца ребёнка к уходу за ним и его воспитанию; - решение о степени привлечения к уходу и воспитанию ребёнка его бабушек и дедушек; - вероятность социально-бытового травмирования ребёнка; - качество воспитательно-педагогической среды в ДДУ; - направленность развития первичных социокультурных потребностей - целенаправленное развитие и сдерживание проявлений природного темперамента; - характер и условия проявления задатков, склонностей, способностей; - степень приобщения к ПЭВМ.
<p>Младший школьный возраст</p>	<ul style="list-style-type: none"> - принятие решения выхода семьи на второго ребёнка; - выбор школы, - выбор направленности учебных программ; - уровень культурного, профессионального и гуманистического развития первого школьного учителя; - опасность ДТП; - опасность физических и умственных перегрузок у ребёнка;
<p>Средний школьный возраст</p>	<ul style="list-style-type: none"> - выбор дополнительных (к школьным) программ обучения, культурного и физического развития; - деформация межпоколенных отношений в родительской семье; - опасность стать жертвой насильника; - опасность стать жертвой маньяка, садистских проявлений, разбоя

<p>Старший школьный возраст</p>	<ul style="list-style-type: none"> - аномия к учебной деятельности; - опасность приобщения к группам асоциального поведения - опасность суицидальных настроений; - опасность закрепления паразитического образа жизни, «ненужности» и «необязательности» участия в общественно полезном труде; - опасность приобщения к спиртным напиткам и наркотикам; - система жизненных идеалов, образчиков для подражания;
<p><i>Б. Прохождение возраста вторичной (концептуальной) социализации</i></p>	
<p>Профессиональное обучение</p>	<ul style="list-style-type: none"> - выбор будущей профессии - выбор конкретного вуза (учебного заведения) для профессиональной учёбы; - выбор средств (финансовых, организационных и т.д.) для достижения поставленных целей; - направленность жизненных интересов и устремлений;
<p>Предбрачие</p>	<ul style="list-style-type: none"> - риск формирования муже- или женофобии; - развитие половой импотенции - опасность заражения венерическими заболеваниями; - возрастной ценз вступления в брак;
<p>Создание семьи</p>	<ul style="list-style-type: none"> - деформации представлений об оптимальной и приемлемой модели семьи; - ориентация на определённый характер супружеских и внутрисемейных отношений; - ориентация на тот или иной уровень детности;
<p>Адаптация в сфере производства</p>	<ul style="list-style-type: none"> - направленность, содержание и характер дополнительного образования, дополнительных профессий;
<p>Ассимиляция в культуре</p>	<ul style="list-style-type: none"> - характер предпочтения в сфере досуговых занятий - уровень и направленность духовных потребностей, запросов

Схема 1. Современные социальные риски социализации детей в российских семьях

Анализируя поведение подростков на фоне общества взрослых, нельзя, прежде всего, не учитывать специфики физиологии тинейджера. Подростковый период характеризуется, *во-первых*, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела в результате взаимовлияния гормонов роста и половых гормонов; *во-вторых*, особым состоянием нервной системы, когда «нервные процессы часто преобладают над торможением. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. В качестве проявлений подростковой психологии необходимо отметить также ненависть к своей личности и враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется ряд новых внутренних влечений к тайному, запрещенному, необычному, к тому, что выходит за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни.

Наряду с психофизиологическими особенностями подросткового возраста есть объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних городских подростков. Речь идёт, прежде всего, о деформации в российском обществе «социалистической» морали и нравственности. Молодежь, как и «общество взрослых» в целом, переживает кризис ценностей [4].

Социальное самочувствие значительной части молодых людей (это, в первую очередь, относится к молодым россиянам) в последние десятилетия может быть описано в терминах «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безнадежность», «апатия», «растерянность», «злость», «агрессивность», «экстремизм», «терроризм» и т.п.. Рассогласованность в обществе должного с допустимым и возможным ставит значительную часть несовершеннолетних в своеобразный нравственно-поведенческий тупик.

Российская семья (*да, и не только российская*) живёт в формате существенных перманентных изменений, как в стиле, так и содержании внутрисемейных отношений старших и младших поколений. *Крушение авторитарного воспитания* сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный родительский авторитет поддерживать гораздо труднее, чем «власть отцов», опирающуюся на силу [5].

Индивидуализация отношений «отцов и детей» повышает их психологическую значимость, но одновременно делает их более хрупкими, особенно в подростковом возрасте, когда диапазон и выбор общения у детей расширяется. Самоуспокоенность многих родителей относительно «благополучности» своих отношений со взрослеющими детьми одна из корневых причин формирования их девиантного поведения вне семьи.

Не располагая информацией о составе и действиях референтных групп своих взрослеющих детей, родители не имеют в них «доступа», следовательно, каналы их воздействия на мироощущение и поведение этих автономным молодежных образований оказываются существенно ограниченными. Нередко в отношениях «отцов и детей» устанавливаются лицемерные отношения, при которых подросток стремится показать родителям свою приверженность к *«правильным, с позиций родителей»* ценностей, мотивов и форм своего поведения в *«анонимной для родителей»* группе сверстников. Таким образом, ценности детского (подросткового) общества плохо согласованы с ценностями мира взрослого. Кстати, опрос *«Урал-Семья-2008»* показал, что лишь для 15% подростков примером в жизни, на который следует им ориентироваться, является *отец* и для 25% – *мать* [6].

Наряду с психофизиологическими особенностями подросткового возраста есть и другое объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних городских подростков. Речь идёт о деформации в российском обществе *«социалистической»* морали и нравственности. Взять, хотя бы, отношение населения (в нашем случае, подростков и их родителей) к процессу криминализации городского социума. *«Как Вы относитесь к возможной перспективе «работы» в криминальных группировках?»* – на этот вопрос *отвечали подростки-юноши – «Урал-Семья-2008»*. Вот какие были получены ответы (% от общего числа ответивших юношей – 223 чел.):

- это для меня неприемлемо	- 71
- если жизнь «прижмет», то можно этим заняться	- 23
- сегодня это вполне нормальный способ зарабатывать деньги	- 6

Не приходится удивляться после этих признаний (особенно подростков), сколь обширна социальная база в уральских городах (*да и не только – уральских*) для экстенсивного расширения криминалитета. Представим только, что сегодня каждый третий-четвёртый выпускник общеобразовательной школы на Урале не исключает возможности *«старта своей профессиональной биографии»* в криминальных группировках [7].

Можно утверждать, что духовно-нравственный потенциал современной российской молодёжи является *с одной стороны*, следствием тех социально-экономических (*и, во многом, деструкционных*) преобразований, которые претерпело российское сообщество за предыдущие

два-три десятилетия. С другой стороны, духовно-нравственный потенциал молодёжи выступает основой для дальнейшего созидательного строительства экономики и восстановления тех дефицитных ныне *духовных скреп поколений*, о которых говорил Президент РФ [8].

В исследованиях анализировались вопросы социально-экономического сотрудничества и взаимопомощи отцов и детей в родительских семьях. В частности, опросы в уральских ВУЗах («Урал-ВУЗ-2015»; «Урал-ВУЗ-2016»), свидетельствуют, что на среднесрочную перспективу (5–10 лет) в жизненных планах студентов доминируют две основные задачи. Первая – материально-экономическое самоутверждение, связанное с профессиональной деятельностью. И, вторая – создание «нормальной» собственной семьи, включающей рождение детей. Немаловажным будет отметить, что большинство наших респондентов уверены в реализации своих жизненных планов.

На вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» («Урал-ВУЗ-2015») отметили вариант «да» – 43 % из общего числа респонденток, и вариант «скорее да, чем нет» – 56 %. Небезынтересным при этом узнать, на чём основана эта уверенность? На вопрос анкеты: «Если уверены, то, что подкрепляет, прежде всего, Вашу уверенность, на чью помощь Вы рассчитываете? Можно отметить несколько пунктов, наиболее вероятных для Вас»), были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

- помощь родных, родственников	- 66
- уверенность в себе, в своих целях	- 56
- помощь друзей	- 42
- помощь знакомых, влиятельных людей	- 9
- помощь администрации вуза	- 0
- помощь преподавателей вуза	- 1
- помощь администрации области, города	- 0

* * *

В настоящее время система социального обеспечения и социальной защиты детей и детства в целом, по существу, переживает сложный переходный период. Вопрос о том, как она будет развиваться далее может решаться двояко: или помощью изучения уже имеющегося в России национального опыта, с помощью изучения исторического и современного зарубежного опыта или же опять с помощью метода «проб и ошибок». Успешная социализация невозможна без повышения творческой активности самой формирующейся личности, как в жизненном самоопределении, так и в достижении выбранных ориентиров и позиций. При этом жизненное самоопределение ребёнка (*подростка, молодого человека*) в родительской

семье предполагает не только сам факт устоявшихся ценностных ориентиров, позиций формирующейся личности, но и взвешенную оценку реальных возможностей осуществления этого - своеобразное реальное «планирование» и «проектирование» процесса прохождения собственного жизненного пути.

Список литературы:

1. Баразгова Е.С., Баразгов К.Б., Козловская О.В., Лихачева Л.С., Рыбакова О.В. Система образования Свердловской области в 90-е годы: Риски развития. - Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 104 с.
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. – 696 с.
3. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. – 230 с.
4. Павлов Б.С., Кузнецова Н.В., Пронина Е.И., Иванова Е.Ю., Гришаева Н.П., Иванова Н.А., Кулакин Г.К., Павлов Д.Б., Пивоварова М.Б., Разикова Н.И., Сарайкин Д.А., Сентюрина Л.Б. и др. Современные проблемы образования, педагогики, социализации детей в контексте инновационных практик монография / Научный ред. Б.С. Павлов. М.: Издательство «Перо», 2016. – 200 с.
5. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
6. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. – С. 110-119.
7. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. – С. 69–80.
8. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.
9. Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология, 1997. № 3. С. 65.

УДК 316.3

Павлова Вера Ивановна –

д.б.н., профессор

Челябинского государственного
педагогического университета,

г. Челябинск

E-mail: dribevirus@nm.ru

Павлов Борис Сергеевич –

д-р филос. наук, профессор,

вед. научн. сотр. Института экономики

УрО РАН, г. Екатеринбург

e-mail: pavlov_boris@mail.ru

Бердник Людмила Павловна –

к.социол.н.,

доцент Челябинского государственного
университета, г. Челябинск

e-mail: soc_work@csu.ru

СЕМЕЙНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И В ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНАХ СТУДЕНТОК УРАЛЬСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: студентки; семья, демографическое поведение; мать; дети; семейные ценности; стабильность брака; церковь.

Известное положение Ф. Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество», наглядно иллюстрируется теми деформациями в различных сторонах жизнедеятельности российских семей, которые обуславливаются кризисными явлениями в экономике, социальной сфере, идеологии и морали, характеризующими развитие российского общества в последние 15-20 лет. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живет сегодня Россия, а с ней - и российская семья, формирует новые, доселе неизвестные социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим условиям. Социально-экономический кризис, перманентно сопровождающий российское общество, сегодня тесно связан с демографическим, который можно рассматривать как закономерное следствие реформ, которые не имеют во многом четкой социальной направленности. При этом демографические

показатели могут служить наиболее чуткими социальными индикаторами общественного неблагополучия, важной составляющей которого выступает снижение уровня и качества жизни значительной части российского населения [7].

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т.п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Симптоматично, что в числе приоритетных задач демографического развития населения Российской Федерации определено всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности. Сегодня особого внимания требуют соответствующие программы обеспечения развития новых подходов к гигиеническому и нравственному воспитанию молодёжи, особенно тинейджеров, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более [8].

Основной предмет нашей статьи – выявление особенностей ценностных ориентаций студенток в сфере матримониальных отношений на пороге образования собственной семьи²: выбор спутника жизни и создание собственной семьи, рождение и воспитание потомства, сохранение брачного союза. Используемые в статье конкретные эмпирические данные получены авторами в результате проведения ряда социологических опросов в вузах гг. Екатеринбург и Челябинска, в частности, это четыре опроса:

«Студенты-Урал-2002» – опрос 1000 студентов ряда вузов Екатеринбурга (640 чел.) и Челябинска (360 чел.) с целью выявления основных ценностных ориентаций уральцев на личностные качества партнёров при общении в сфере матримониальных отношений. Среди респондентов: по полу – мужчин 37 %, женщин – 63 %; по семейному статусу – холостых, незамужних – 60 %, семейных – 33 %, разведённых – 7 %; по национальности – русских – 86 %, татар, башкир – 5 %, украинцев – 4 %, других – 5 % - **«Студенты-Урал-2002»**;

- **2010 г.** – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре и причастность последней к семейно-брачным отношениям уральцев – **«Студент-Церковь-2010»**;

- **2015 г.** – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы – **«Студентки УрФУ-2015»;**

- **2016 г.** в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей - **«Урал-ВУЗ-2016».**

Специфическими социальными интересами для молодёжи являются жизненное самоопределение, поиск молодыми людьми приемлемого для них социально-экономического статуса, обретение относительной автономности и независимости, способности к самообеспечению. Эти интересы для различных групп и подгрупп молодёжи не остаются неизменными, их структура динамична и способна перестраиваться в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями и изменяющимися потребностями молодежи. Одной из особенностей изменений в структуре современных социальных интересов российской молодёжи, как это фиксируется многочисленными социологическими исследованиями, становится возрастание значения материальных и снижение роли духовных интересов. Важно подчеркнуть, что на современном этапе своего развития российское общество во многом не способно предоставить молодым людям возможность законным способом реализовать возросшие материальные запросы, что выступает одной из важнейших причин распространения девиантного поведения в молодежной среде [5, 6].

Важно осознавать, что выбор молодым человеком своего социального статуса и профессии не исчерпывает всей сложности процесса социально-профессионального и тем более жизненного самоопределения. Отсюда необходимость целостного подхода к изучению этого процесса, охват различных срезов социальной структуры общества, компоненты которых являются непосредственными объектами жизненного самоопределения молодежи, составляют содержание их профессиональной социализации. Обратимся к анализу социально-психологического самочувствия уральских студенток в предверии окончания вуза, вступления в самостоятельную трудовую жизнь.

В опросе «Студентки УрФУ-2015» будущим молодым специалистам задавался вопрос: *«Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)? Можно отметить несколько пунктов, наиболее важных для Вас) (% от общего числа опрошенных – 450 студенток):*

- найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 64
- материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать)	- 63
- выйти замуж	- 57
- родить ребёнка	- 46
- путешествовать по миру	- 33
- продолжить учиться, освоить другую профессию	- 20
- серьёзно заняться своим здоровьем	- 19
- уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, читать книги, слушать музыку и т.д.)	- 15
- постараться уехать работать и жить в другую страну	- 14
- сделать политическую (общественную) карьеру	- 11
- остаться жить в России, в своём городе	- 2
- уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	- 5

Нетрудно видеть, что на среднесрочную перспективу (5-10 лет) в жизненных планах студенток доминируют две основные задачи. Первая – материально-экономическое самоутверждение, связанное с профессиональной деятельностью. И, вторая – создание «нормальной» собственной семьи, включающей рождение детей. Немаловажным будет отметить, что большинство наших респонденток уверены в реализации своих жизненных планов. На вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» отметили вариант «да» - 43 % из общего числа респондентов, и вариант «скорее да, чем нет» - 56 %. Небезынтересным при этом узнать, на чём основана эта уверенность? На вопрос анкеты: «Если уверены, то, что подкрепляет, прежде всего, Вашу уверенность, на чью помощь Вы рассчитываете? Можно отметить несколько пунктов, наиболее вероятных для ВАС», были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

- помощь родных, родственников	- 66
- уверенность в себе, в своих целях	- 56
- помощь друзей	- 42
- помощь знакомых, влиятельных людей	- 9
- помощь администрации вуза	- 0
- помощь преподавателей вуза	- 1
- помощь администрации области, города	- 0

Корневым вопросом для девушек при создании стабильной и счастливой является «правильный», «удачный» выбор брачного партнёра, то есть, будущего мужа, будущего отца своих детей. Чем руководствуются, какие требования выдвигают уральские невесты при выборе своих женихов? Обратимся к результатам нашего опроса «*Студенты-Урал-2002*». При организации в молодёжных аудиториях микроопроса 1000 студентов, *каждому* из респондентов (на отдельном листке) для ознакомления предлагался **список качеств, жизненных индикаторов**, которыми руководствуются (ценят), как правило, молодые люди при выборе друга, товарища, невесты, жениха и т.д., состоящий из 23 позиций (качеств). Затем, в частности, предлагалось выбрать 5-6 качеств («самых-самых»), которые, как правило, ценит: а) отец в своём сыне; б) невеста – в своём женихе. Ниже приводятся данные опроса (% общего числа респондентов – 1000 чел.; в числителе ответы по ситуации «а»), в знаменателе – «б»):¹

- физическое здоровье	- 55 / 33
- умение заработать на жизнь	- 51 / 44
- трудолюбие	- 46 / 22
- принципиальность, честность, порядочность	- 44 / 31
- природный ум, интеллект	- 37 / 26
- исполнительность, ответственность	- 37 / 11
- трезвенность	- 36 / 35
- хорошее образование, профессия	- 36 / 19
- хозяйственность, хороший хозяин, хозяйка в семье	- 28 / 44
- оптимизм	- 22 / 20
- физическая чистоплотность, опрятность	- 22 / 48
- серьёзность чувств, разборчивость, целомудрие	- 16 / 28
- наличие чувства юмора	- 15 / 22
- доброта, милосердие к людям	- 15 / 13
- умение любить, заботиться «о ближнем», сопереживать	- 12 / 37
- хороший организатор	- 12 / 4
- материальная обеспеченность, наличие денег	- 10 / 25
- красота внешняя, физическая привлекательность	- 6 / 20
- жилищная обеспеченность	- 6 / 21
- чадолубие, любовь к детям	- 5 / 29
- умение одеваться, наличие вкуса	- 4 / 13
- порядочность семьи, родители - «хорошая семья»	- 4 / 31
- модная, богатая одежда	- 2 / 3

Данные таблицы представляют богатую пищу для размышлений о ценностных ориентациях в сфере социализации современной российской молодёжи. Здесь же нам хотелось обратить внимание лишь на одно обстоятельство: на существенных различиях в «спросе и предложении» качественных характеристик потенциальных женихов, формируемых у них в родительской семье, с одной стороны, и, предъявляемых ему со стороны семьи своей невесты, прежде всего, со стороны тётчи¹.

Согласно традиции, основанной О. Контом, семья, как основная единица (клеточка) общества и его наиболее устойчивый институт, подвергалась изучению, прежде всего, с точки зрения ее социализационной функции. Социологи изначально видели в ней ту основу, на которой формируются политические структуры, складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ). Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества, что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно, здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое и происходит соединение традиции и новаторства. Тем самым, взгляд исследователя фиксировал момент, связанный с особым содержанием жизни семьи, благодаря которому в ней совершается творческая переработка материала действительности [3, с. 53].

В опросе «*Студентки УрФУ-2015*» ряд вопросов анкеты касался выяснения образа семьи и семейной жизни в сознании девушек (молодых женщин). Ниже представлены формулировки вопросов и полученные ответы (% от общего числа респондентов – 450 чел.):

«Как Вы считаете, сегодня молодые люди заключают между собой браки по любви или нет?»

- да, женятся и выходят замуж, как правило, по обоюдной любви;	- 51
- по любви одного из двух партнеров;	- 29
- по другим обстоятельствам	- 20

¹ Результаты опроса «*Студенты Урал-2002*» позволяют анализировать ценностные ориентации друзей, подруг, матерей, отцов, учителей, свёкров, свекровей не только по отношению к юношам, но и к девушкам.

«Допускаете ли вы для себя вступление в брак без обоюдной любви?»

- нет, категорически	- 53
- допускаю	- 15
- трудно сказать	- 32

«Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в брак, имея за плечами опыт сексуальной жизни?» (в числителе – ответы относительно добрачного поведения мужчин, в знаменателе – женщин)

- добрачный опыт просто необходим	- 45 / 23
- в нём особой необходимости нет, но нет и ничего плохого	- 34 / 39
- этого просто нельзя допускать	- 14 / 27
- трудно сказать	- 7 / 11

«Как Вы считаете, для того чтобы считаться «хорошей женой» обязательно ли современной замужней женщине самой уметь выполнять следующие домашние работы?» Вариант «Как правило, жена-мать должна уметь и делать это сама, для своей семьи»:

- готовить вкусную еду, обеды, напитки	- 99
- поддерживать чистоту, порядок в квартире	- 99
- печь пироги, торты	- 50
- делать на зиму заготовки (варенье, соленья и т.п.)	- 41
- шить, вязать, чинить одежду	- 29

Психологические исследования последних десятилетий, как в нашей стране, так и за рубежом показали, что материнские чувства, навыки не являются врожденными, биологически наследуемыми. Они *не заложены* в генетической программе поведения, а являются прижизненно сформированными социально-психологическими образованиями, всецело зависящими от социальной среды, системы культуры, системы воспитания. К сожалению, в широком общественном сознании бытует мнение о пресловутом «материнском инстинкте», который якобы автоматически проявляется у каждой женщины в тот период, когда она становится матерью. Из подобных представлений логически следует вывод, что миллионы девушек могут стать матерями стихийно, вполне «естественным» путем, что нет никакой необходимости воспитывать и готовить их к исполнению семейных и материнских обязанностей. Эти широко распространенные мнения не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. У человека не

существует так называемого «материнского инстинкта». Материнские чувства у девочки формируются путем игры, подражания, внушения, научения, через усвоение социальных стандартов и стереотипов поведения [4].

Обратимся вновь к результатам опроса «*Студентки УрФУ-2015*». Посмотрим каково мнение 450 уральских студенток по некоторым позициям, связанным с обретением социально-биологического статуса «МАТЕРИ» (вопрос-ответ):

«Как Вы думаете, когда молодой семье следует заводить «первенца»?»:»:

- сразу после свадьбы, невзирая на материальные и жилищные условия молодожёнов	- 7
- только тогда, когда будет создана материальная база, хорошие жилищно-бытовые условия семьи	- 70
- как получится	- 20
- затруднились ответить	- 3

«Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье, если бы для этого были все необходимые условия?»:

- одного	- 9
- двух	- 65
- трех	- 19
- четырех и более	- 6
- ни одного	- 1

«Допускаете ли Вы развод в семье, имеющей общих детей?»:

- категорически не допускаю	- 18
- по обстоятельствам	- 72
- допускаю, это нормально	- 10

«Хотели бы Вы, чтобы у вас была семья, как у Ваших родителей?»:

- да, хотела бы	- 42
- кое-что нужно изменить	- 22
- нет, не хотела бы	- 36

В конце XIX века Г.Спенсер отметил уже начинающийся, по его наблюдениям, факт разложения семьи и ставил вопрос: «Представляют ли эти попытки дезинтеграции (разложения) семьи необходимые ступени нормального прогресса? Можно ли ожидать и желательно ли, чтобы семья совершенно разложилась?» На эти вопросы он отвечал отрицательно и с точки зрения возможности и желательности. Он думал, что процесс разложения семьи остановится. «Я не только не ожидаю, чтобы дезинтеграция (разложение) семьи могла пойти еще дальше, но, напротив того, имею данные подозревать, – писал он, – что она уже зашла слишком далеко... и мы должны ожидать теперь движения по обратному направлению» и, вероятно, «семья, состоящая из родителей и детей, восстановится снова и даже подвергнется дальнейшей интеграции (сплочению)» [10, с. 73-74].

Сегодня РПЦ стремится восстановить утраченные связи и расширить свое присутствие в российских вузах. Свидетельством такого стремления, в частности, может служить факт выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на IX Съезде Российского Союза ректоров, состоявшемся в марте 2009 г., где он сказал буквально следующее: «Мы с вами должны воспитывать. И нет никакого оправдания перед Высшей школой, если она отказывается от этого величайшего своего предназначения – воспитывать нравственную, высокоинтеллектуальную личность» [1].

Также приведем цитату из другого выступления Патриарха: «Стоит задача интенсифицировать свидетельство Православной Церкви в вузах России. Церковь входит и должна все глубже и глубже входить в самую жизнь российского студенчества, делить его радости и скорби, иметь его не объектом попечения, но стать неотделимым от него субъектом» [9].

Об определённых успехах идеологии РПЦ среди различных категорий российского населения (в нашем случае, в среде уральского студенчества) можно судить, хотя бы по данным нашего опроса «*Студент-Церковь-2010*». Ниже приведены результаты ответов 680 студентов на ряд вопросов, касающихся матримониальных отношений респондентов на тот или иной вопрос (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – ответы молодых мужчин – 350 чел.; в знаменателе – молодых женщин - 330 чел.):

«Оцените, насколько важны для благополучного брака общность религиозных взглядов?»

- очень важна	- 7 / 10
- довольно важна	- 19 / 24
- не очень важна	- 39 / 47
- совсем не важна	- 35 / 19

«Как Вы считаете, будет ли брак молодоженов крепче, если они пройдут обряд венчания в церкви?»

- да, будет	- 18 / 11
- не будет	- 22 / 18
- крепость брачного союза зависит от других факторов	- 51 / 64
- затруднились ответить	- 9 / 7

* * *

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечает Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению» И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [2, с. 57].

Список литературы:

1. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на IX съезде Российского Союза ректоров // сайт Российского Союза Ректоров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsr-online.ru>.
2. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Том 1. Вып.1.
3. Кукушкина Е.И. Семья и семейные традиции в современной глобалистике // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2000. № 1.
4. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
5. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. – С. 69–80.
6. Павлов, Б.С., Павлова В.И., Камскова Ю.Г., Сарайкин Д.А. Девиации уральских студентов в преддверии получения профессионального статуса // Вестник Челябинского государственного Пед-го университета. 2013. № 12. – С. 56–61.
7. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. – С. 128–138.

8. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. № 3. – С. 121–131.

9. Патриаршее приветствие участникам и гостям I конференции домовых храмов при университетах (вузах) России // официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. URL. <http://www.patriarchia.ru/db/text/598045.html>

10. Спенсер Г. Основание социологии. Сиб., 1898. Т. 2.

УДК 316.72 ББК 6-60.5

Панкова Светлана Николаевна –

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальной работы, Уральский
федеральный университет

Старшинова Алевтина Викторовна –

доктор социологических наук,
заведующая кафедрой социальной работы,
Уральский федеральный университет

Чечулин Роман Андреевич –

магистрант, Уральский федеральный
университет

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА УСЛУГ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

Основная цель статьи заключается в обосновании компонентов методологии исследования организационной культуры медицинского учреждения, в аспекте ее влияния на качество медицинских услуг и их доступность. Исследование исходит из предположения о значимой роли социально-культурных механизмов в формировании условий реализации социальных услуг. Данная статья продолжает направление исследований организационной культуры учреждений социальной сферы, осуществляемых кафедрой социальной работы УрФУ.

В статье обсуждаются значимые компоненты методологии исследования организационной культуры медицинского учреждения: характеристики эффективности внутриорганизационного и внешне социального функционирования медицинского учреждения; человеческие отношения; социально-культурный механизм; социальная миссия медицинского учреждения; личная культура врача и пациента; социальный обмен; субъект-субъектные отношения; создание цепочки ценностей; система организационных отношений и деятельности; культурные образцы.

Организационная культура медицинского учреждения изучается в ее роли производить социальные блага в виде здоровья и благополучия населения. Перспектива изучения качества и доступности медицинских услуг заключается в изучении внутриорганизационных условий и социальных представлений

в отношении их реализации, технологичности, масштабности, времени, и других характеристик услуги и условий реализации.

Ключевые слова

Организационная культура; медицинское учреждение; доступность и качество медицинских услуг; методология исследования.

Введение

Актуальность проблемы доступности и качества заключается в решении вопросов, связанных с качеством социального функционирования медицинских учреждений, в особенности: уровней заболеваемости и необходимости повышения уровня профилактики болезней с дальнейшим понижением смертности и заболеваемости. В соответствии с Государственной программой «Развитие здравоохранения» (от 15 апреля 2014 № 294) актуальными признаются необходимость повышения «эффективности деятельности имеющихся служб», что, прежде всего, связано с профилактикой и охраной здоровья и повышением эффективности оказания медицинской помощи [12].

Исследование медицинских услуг в контексте влияния культурных механизмов приобретает значение для изучения системных характеристик, способных улучшить их качество и доступность для населения. Основная проблема, которая легла в основу исследования, заключается в том, что с одной стороны, имеются определенные социальные ожидания, а с другой, – сложившиеся подходы к организации деятельности медицинских учреждений. Исследование является продолжением исследования организационной культуры кафедры социальной работы УрФУ [9].

Основная часть

Ответ на ожидания потребителей медицинских услуг не носит прямого характера, так как коммерческий характер хотя и имеется, но он не может считаться ведущим. Рыночные механизмы в настоящее время не сложились, что затрудняет формирование инструментов управления и мониторинга [3]. Культура сочетает характеристики, позволяющие организации функционировать и выполнять задачи, возложенные на нее обществом. Изучение культурных компонентов включает оценку эффективности внутриорганизационного и внешне социального функционирования медицинского учреждения.

Качество услуг через призму социальных отношений начинает проявляться в исследованиях их через призму идей социального партнерства в сфере труда и доверия [8], социальной справедливости и социальных изменений, инноваций [1]. Представляет интерес изучение качества услуг через аспект человеческих отношений. На «выходе» и «выходе» в результате

взаимодействия врач-пациент мы имеем с социальными компетенциями, позволяющие врачу оказывать влияние на образ жизни пациента.

Социально-культурный механизм как ценностное содержание медицинских услуг появляется через призму той социальной роли, которую играет медицина в обществе – поддержание здоровья населения [10]. Панова Л.В. и Русинова Н.Л. рассматривают неравенство в доступе к медицинским услугам [11]. Неравный доступ и дифференцированные возможности населения получить уровень качество услуг объясняются объективно сложившимся неравенством, основанным на материальных возможностях населения. В исследованиях медицинских услуг в большей степени делается акцент на доступность медицинских услуг. Доступность характеризуется с двух основных позиций: как физическая доступность – возможность получить услугу, попасть к врачу и как характеристика взаимоотношений врача и пациента – это и обеспечивает качество услуги.

Качество и доступность медицины, как социальная миссия медицинского учреждения, сближается с теми задачами, которые должна выполнять медицина как социальный институт [2]. Подход позволяет подойти к оценке деятельности медицинских учреждений через призму соответствия их деятельности ожиданиям и потребностям населения [4]. Рассматривая медицину через призму социальных отношений, мы можем рассмотреть роль медицины в обществе [2].

Система качества медицинских услуг включает не только условия медицинского учреждения, но и характеристики населения, способы поддержания своего здоровья, заинтересованность, готовность осуществлять лечение, принимать препараты. То есть, система организационной культуры медицинского учреждения пересекается с общей личной культурой человека, как врача, так и пациента. Услуги осуществляются посредством межличностного взаимодействия, поэтому личностные установки врача оказывают влияние на личность пациента. А за этим взаимодействием стоит медицина в целом как социально-культурная система.

Создание социально-культурной системы качества медицинских услуг предполагает определенную организацию. В отношении медицинского учреждения в его социальной роли представляется актуальным подход теории социально ответственного маркетинга, который разработан Ф. Котлером [6]. Социально-ориентированный маркетинг означает позицию организации по отношению к внешней среде, которая ориентирована на решение проблем людей. В этом случае осуществляется социальный обмен, а не просто «купля-продажа», когда создатель продукта или услуги потребитель обмениваются ценностями. В этой ситуации, создатель услуги, ориентируясь не на краткосрочную выгоду, а на создание социальных благ, получает не просто конкурентное преимущество, а выстраивает долгосрочные основания деятельности на иных основаниях в отношении собственной рыночной

позиции, чем конкурентная борьба за потребителя услуг. В свою очередь, потребитель, получив социальное благо увеличивает в свою очередь собственную способность «отдавать» ценность в ответ в форме лояльности, доверия и благодарности в отношении создателя продукта или услуги. В итоге выигрывают все, потребитель отдает свое материальные или не материальные ценности создателю услуг или продукта, приобретая больше, чем выраженный материально продукт или услугу. Коммуникация меняется, в этом случае происходит, не простой обмен материальными ценностями, а создание духовных социально-значимых ценностей. Идеи построения такой коммуникации с внешней средой позволили бы медицинскому учреждению способствовать не только созданию положительного имиджа, но и изменить тот уровень качества деятельности, которое бы способствовал поддержанию здоровья населения. Так медицинское учреждение не вынуждает к получению медицинской услуги, а меняет имидж в отношении ценности и полезности собственной деятельности. Это способствует доверию населения и приращению различных материальных и нематериальных ресурсов.

Такой подход представляет собой не только решение к организации деятельности учреждений социальной сферы. В настоящее время, рассматривается как инновационный подход к управлению в отношении внутренней и внешней среды организации, достижению высокой эффективности деятельности организаций. Основным фактор, – культура взаимоотношений, основанная на субъект-субъектных отношениях [5].

Задача рассмотреть медицину как социальный институт, преобразуется в концепцию управления медицинским учреждением, позволяющую создать социальную систему качества медицинских услуг. Основная идея заключается в том, что можно по-разному выстроить взаимоотношения врач (медицинское учреждение) – пациент. Эти отношения достигаются неслучайно. Для достижения пользы вовне – создание услуги необходимо построить создание «цепочки ценности» [6]. Основным смысл организационной культуры состоит в том, чтобы обеспечить «передачу ценности» продукта или услуги потребителям и удовлетворять их потребности [6].

Через ценностный аспект организационная культура медицинского учреждения может быть рассмотрена в ее роли производить социальное благо в виде здоровья и благополучия населения. Чтобы создать ценность, необходимо выяснить, что является ценным. Наиболее важен ценностный компонент, то есть понимание того, что лежит в основе деятельности медицинского специалиста.

Организационная культура медицинского учреждения – это система отношений, способов деятельности, которая возникает в результате преодоления внутренних трудностей организацией и решения стоящих перед ней задач во внешней среде. Это системное образование, которое способствует разным результатам. Генри Минцберг, объясняет эту форму

устройства, обращаясь к идеям М.Вебера, которые представляют интерес, так как объясняют то, как создается способ создания ценности, характерный для данного типа социальной организации деятельности[7].

Заключение

Можно сделать вывод, что понятия качества и доступности медицинских услуг можно рассмотреть как продукт внутриорганизационных условий и как социальное представление в отношении их реализации, технологичности, масштабности, времени, и других характеристик услуги и условий, благодаря которым она реализуется. С одной стороны, имеются нормы, возможности, сложившиеся в организационной культуре и, с другой, – ожидания и потребности людей. Данный анализ позволит обнаружить социальный механизм воспроизводства актуального состояния качества и доступности медицинских услуг.

Список литературы:

1. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия //Экономические стратегии. – 2008. Т. 2. №. 60. С. 162–164.
2. Артюкова И. В. Медицина как социальный институт //Российское общество: история и современность. 2014. №. 8. С. 92–95.
3. Вялков А. И. и др. Оценка эффективности и качества оказания первичной медицинской помощи населению //Вестник Росздравнадзора. 2016. №. 5. С. 62–66.
4. Дмитриева Е. В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. №. 11. С. 51–57.
5. Козлова О. А. Методология взаимодействия концепций маркетинга как основа холистического маркетинга //Экономические науки. 2011. №. 4. С. 130–133.
6. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 3-е издание./Пер. с англ. Под науч. ред. СГ Жильцова //СПб.: Питер, 2008. 480 с.
7. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации //Управление персоналом. 2002. №. 1. С. 36–37.
8. Назаренко М. А., Топилин Д. Н., Калугина А. Е. Квалиметрические методы оценки качества объектов в современных научных исследованиях // Успехи современного естествознания. 2013. №. 7.
9. Нематериальная мотивация развития медицинского центра: исследование организационной культуры / Старшинова А.В., С.Н. Панкова, Блохина С.И., Гоголева Е.А., Ткаченко Т.Я // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2015. № 3 (54). С. 12–19.

10. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения //Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №. 4. С. 147–163.

11. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи //Социологические исследования. 2005. №. 6. С. 127–136.

12. Проклова Т. Н., Карпова О. Б. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ» //Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2014. №. S1. С. 171–173.

Svetlana N. Pankova¹
Alevtina V. Starshinova²
Roman A. Chechulin³

ORGANIZATIONAL CULTURE OF MEDICAL INSTITUTION AS A FACTOR OF ACCESSIBILITY AND QUALITY OF SERVICES: RESEARCH METHODOLOGY

¹ Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Ural Federal University

s.n.pankova@urfu.ru

² Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work, Ural Federal University

a.v.starshinova@urfu.ru

³ Undergraduate, Ural Federal University

r.a.chechulin@gmail.com

Abstract

The main purpose of the article is to substantiate the methodology for studying the organizational culture of a medical institution, in terms of its impact on the quality of medical services and their accessibility. The study based on the assumption of the significant role of socio-cultural mechanisms in forming the conditions for the implementation of social services. This article continues the research of the organizational culture of the social sphere institutions, which is implemented by the Department of Social Work of the UrFU.

The article argues the significant components of the methodology of researching the organizational culture of a medical institution: characteristics of the effectiveness of the intra-organizational and externally social functioning of a medical institution; human relationships; socio-cultural mechanisms; social mission of a medical institution; personal culture of a doctor and a patient; social exchange; subject-subject relations; the creation of a value chain; system of organizational relations and activity; cultural samples.

The organizational culture of a medical institution is studied in its role to create social goods as health and well-being of the population. The prospect of studying the quality and accessibility of medical services is to study the intra-organizational conditions and social perceptions of their implementation, technology, effectiveness, scale, time as characteristics of the service and conditions of implementation.

Keywords

Organizational culture; medical institution; availability and quality of medical services; research methodology.

References

1. Azgal'dov G. G., Kostin A. V. Intellektual'naya sobstvennost', innovacii i kvalimetriya //EHkonomicheskie strategii. – 2008. T. 2. №. 60. S. 162-164.
2. Artyukova I. V. Medicina kak social'nyj institut //Rossijskoe obshchestvo: istoriya i sovremennost'. 2014. №. 8. S. 92–95.
3. Vyalkov A. I. i dr. Ocenka ehffektivnosti i kachestva okazaniya pervichnoj medicinskoj pomoshchi naseleniyu //Vestnik Roszdravnadzora. 2016. №. 5. S. 62-66.
4. Dmitrieva E. V. Ot sociologii mediciny k sociologii zdorov'ya // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. №. 11. S. 51–57.
5. Kozlova O. A. Metodologiya vzaimodejstviya koncepcij marketinga kak osnova holisticheskogo marketinga //EHkonomicheskie nauki. 2011. №. 4. S. 130–133.
6. Kotler F., Keller K. L. Marketing menedzhment. EHkspress-kurs. 3-e izdanie./Per. s angl. Pod nauch. red. SG ZHil'cova //SPb.: Piter, 2008. 480 s.
7. Mincberg G. Struktura v kulake: sozдание ehffektivnoj organizacii // Upravlenie personalom. 2002. №. 1. S. 36-37.
8. Nazarenko M. A., Topilin D. N., Kalugina A. E. Kvalimetricheskie metody ocenki kachestva ob»ektov v sovremennyh nauchnyh issledovaniyah //Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2013. №. 7.
9. Nematerial'naya motivaciya razvitiya medicinskogo centra: issledovanie organizacionnoj kul'tury / Starshinova A.V., S.N. Pankova, Blohina S.I., Gogoleva E.A., Tkachenko T.YA // Vestnik Ural'skoj medicinskoj akademicheskoy nauki. 2015. № 3 (54). S. 12-19.
10. Panova L. V., Rusinova N. L. Dostup k uslugam zdravoohraneniya: metodologicheskie podhody i metody izmereniya //ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2002. №. 4. S. 147–163.
11. Panova L. V., Rusinova N. L. Neravenstva v dostupe k pervichnoj medicinskoj pomoshchi //Sociologicheskie issledovaniya. 2005. №. 6. S. 127–136.
12. Proklova T. N., Karpova O. B. GOSUDARSTVENNAYA PROGRAMMA «RAZVITIE ZDRAVOOHRANENIYA» //Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni NA Semashko. 2014. №. S1. S. 171–173.

УДК 316.613: 316.35 ББК 60.53

Парамонова Светлана Павловна –
д-р филос. наук, доцент

Раттер Иван Михайлович –
магистрант Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет
E-mail: spp45@mail.ru; E-mail: bdfy
hfnth<hipish5000@mail.ru>

МЕЧТЫ – ДЕМИУРГ БУДУЩЕГО

Корневые слова: Мечта: понятие, функции. Ценности. Дифференциальное отношение к мечте социальных групп. Мечта – идеология и утопия. Мечта и реальность.

Введение. В период скепсиса и разочарований, в период господства «хищных вещей века», захвативших людей, виртуальных TV-сериалов, компьютерных игр, когда фантомы форумов и социальных сетей «поедают и губят людей реального мира» в предсказаниях грозящих катастроф (в утопиях и антиутопиях), казалось бы минимальное место в жизни человека отводится мечте. Данные исследований обращенных к человеку, на разных возрастных этапах его жизни, говорят о другом: о том, что феномен мечты универсально движет человеческой жизнью. Для того, чтобы сопоставить мечтания, как действия, целесообразно использовать типологическое разделение групп: творцов, преданных высокой мечте; прагматиков, движимых мечтой в рамках индивидуальных интересов и скептиков, пренебрежительно относящихся к мечте.

Исследование феномена мечты позволяет увидеть идеалы эпохи. Вместе с символическими формами исследуется деятельная сущность человека, ритуальные формы повседневного поведения [9]. Мечты нередко становятся объектом междисциплинарного исследования в этических учениях Великих моралистов и мудрецов прошлого, философов, психологов и социологов, педагогов, воспитателей, футурологов. Мечта занимает ориентирующую функцию в соотношении идеологии и утопии [1, с. 5]. К людям без мечты, и к обществу без обращения к ясной перспективе будущее обернётся как возмездие. Такой ареал мечты перехватят другие [2, с. 3]. В качестве прикладного аспекта исследования мечты молодого поколения в социологии было принято изучать профессиональную ориентацию молодежи [12, 8; 6].

Вопросам осознания себя счастливыми в повседневности жителями различных стран заняты европейские и отечественные социологи,

соизмеряющие с помощью «Евробарометра» степень духовного состояния сообществ. Широко развернулась дискуссия о «Русском мире»: является ли он реальностью или фикцией интеллигенции, может ли он приобрести характер доктрины [6]? И что собой представляют народы Балтии без высокой идеи, без мечты? В своём желании вырваться из «имперскости» к национализму, прибалтийцы обменяли свой язык и культуру, территорию и будущее на более высокий заработок в Европе, но обрели низшие позиции среди конкурентоспособного населения европейских стран [11]. Социологическое сообщество озабочено перспективой справедливого жизнеустройства характерной для широких слоев российского общества [10, с. 40].

К понятию мечты. Мечту имеет каждый человек. Особенно характерна мечтательность для поколений молодых людей. Мечта, как и фантазия, – плод активного воображения, но, в отличие от фантазии – обладает большей константностью и формирует более сознательно и направленно цели деятельности. В мечтах человек формулирует образы целей, которых хочет достичь. Мечта это – планы на будущее, представленные в воображении человека и реализующие наиболее важные для него потребности и интересы. Мечты связаны с проектированием. В них содержится прообраз, проект наиболее желанного будущего, которое с определенной долей вероятности может наступить. От того, насколько рационально и грамотно люди соединят свои возможности и мечты, будет зависеть их судьба, а возможно и будущее страны.

Понятие мечта соотносится с понятием ценности. В понятиях «социальные ценности» и «личностные ценности» подчеркивается их принадлежность некоторой общности людей. Объект мечтания может быть представлен длинным рядом ипостасей, основными выражениями которых являются материальные объекты, образы, действия, процессы, состояния. Очевидно, что особенность мечтания – это его сильный ценностный компонент.

Социологический взгляд на феномен мечты состоит в определении степени осознания социальной реальности в мечтах социально-профессиональными и студенческими группами регионального и городского сообщества. Во-первых, в понятии мечты обозначены границы изучаемого явления, отделено понятие «мечты» от понятия «фантазии» и «грёз». Во-вторых, выявлена степень овладения субъектами исследования различными видами пространственно-временной мечты, определена степень реализации мечты [по типам групп (1) творцов, выбравших мечту, как жизненный ориентир, (2) прагматиков в реализации мечты и (3) скептиков, относящихся к мечте, как пустому времяпрепровождению)]. В-третьих, статья, опираясь на эмпирические данные, подводит к социальным технологиям учета социальных настроений: [(1) мечты, как фактора, стимулирующего направление деятельности, (2) мечты, как расстановки «опережающих» приоритетов направления энергии личности для управления «текучей современностью», (3) данные позволяют перейти к прогнозу состояний массового сознания].

К функциям мечты относится её роль «защитного механизма». Мечта выступает, как компенсатор реальности, мечта как «насыщение» желанными переживаниями», способом совладать скукой в ситуациях «эмоционального голода». Мечта как альтернативная жизнь. Мечта позволяет «уйти» от неприглядной реальности внутрь собственного мира.

Выделяя эмпирический уровень анализа, определим: объектом исследования явились социальные группы жителей Пермского края. В качестве предмета исследования выступает фактор мечты, как смысло-жизненная ориентация, определяющая жизненный мир личности. Метод исследования – Интернет-опрос жителей Пермского региона¹.

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли смысл человеку мечтать, если мечты не так часто сбываются?» группы с разным уровнем материального достатка из трех категорий: тех, кто (1) хорошо обеспечен, (2) удовлетворительно (3) плохо обеспечен. По данным исследования стало очевидным, что плохо обеспеченные респонденты в большей степени склонны считать, что в мечтаниях нет практического смысла (23,4%). И наоборот, наименьший показатель прагматичного отношения к мечтам наблюдается среди категорий групп хорошо и удовлетворительно обеспеченных (9,4). Представители из средних и крупных городов в большей мере позволяют себе роскошь мечтаний, чем респонденты, чья социализация проходила в селах и маленьких городах [3].

Без мечты жить не интересно считает большинство жителей значительного по масштабам индустриального города: 86,7 мужчин и 84,0 женщин. Среди скептиков небольшую долю превышают женщины. У взрослых в ситуациях неудовлетворённости собственной жизнью уход в мечты становится способом проживания своеобразной «альтернативной жизни». Погружение в мечту позволяет не думать о необходимости внешних изменений, делает реальную жизнь терпимее. Мечтали в разные годы на протяжении всей своей сознательной жизни и продолжают мечтать сегодня мужчины 80,0 и женщины 79,0.

Это общие установки на потребность человека в мечте. Мечта выступает здесь как терминальная ценность. Полученные данные позволяют высказать суждение о том, что в Пермском крае имеется практически аналогичная тенденция, что и в общероссийском исследовании. Сравнивая данные полученного исследования в пермском регионе с данными аналитического отчета ИС РАН «О чем мечтают россияне» [5], показатели в Пермском

---

¹ Исследование «Ваши мечты сегодня» (О чем мечтают жители Пермского региона?) проведено по инструменту И.М. Раттера в мае 2017, методом анкетного опроса по Интернету, N = 200, м – 55%, ж 45 %.. До 35 лет составили 1/3, от 36 до 55 – 1/3 от 56 и старше 1/3. Выборка случайной-районированная. По занятости, это старшие школьники, студенты; технические специалисты, инженеры и служащие. Верит в мечту подавляющее большинство -83 %, 17 % скептически относятся к мечте. По мере материального благосостояния и положения респонденты в основном отнесли свой экономический статус к среднему уровню.

крае дают отличия от общероссийских в сторону большей социальной напряженности. При смене поколений в политических избирательных кампаниях современные либеральные ценности могут привести к отрицанию авторитарно-бюрократического «ордистского» типа управления страной, исходя из головнёвского деления типа самоорганизации от Руси до России «нордизм», «ордизм», «понтанизм» [4].

Ценности личности организуются в определенные системы (иерархии). Теория системы диспозиций на низшем уровне формируются на основе витальных потребностей в простейших ситуациях. Витальные ценности поддержания жизни на первом месте, но в Перми они выражают на 10,0 большую напряженность, чем по стране. В Перми и регионе большая, чем по стране, социальная напряженность материального обеспечения уровня жизни. Мечты о реализации себя в интересной жизни говорят о здоровом настрое личности на деятельность. В целом лишь во втором круге проблем в гражданском сообществе большого города проступили проблемы поисков любви, мечты о том, чтобы быть красивыми и известными. Скорее это говорит, что не столь важны ценности глэм-капитализма для поколений в промышленном регионе ориентированном на науку и труд.

Таблица 1

Ответ респондентов по полу на вопрос: «Если у Вас есть мечта, главная цель жизни, то в чем она состоит?»
(2017; N = 200, муж. 114, жен. 86; (в %)*)

Смысловые аспекты мечты	Муж.	Жен
Жить в достатке, иметь возможность «не считать копейки»	60,0	42,2
Жить интересно, реализовать себя	43,6	37,8
Иметь хорошее здоровье	32,7	53,3
Получить хорошее образование (специальность)	18,2	11,1
Жить в более справедливом и разумно устроенном обществе	18,2	11,1
Иметь свою отдельную квартиру, дом	10,9	13,3
Открыть собственное дело	10,9	6,7
Иметь хорошую семью	10,9	31,1
Быть полезным обществу, внести «лепту» в развитие России	9,1	4,4
Устроиться на хорошую работу	7,3	6,7
Стать очень красивым, привлекательным человеком	5,5	6,7
Стать уважаемым и известным человеком	5,5	4,4
Иметь хороших детей	3,6	11,1
Встретить настоящую любовь	1,8	11,1
У меня нет мечты	21,8	20,0

Сумма больше 100, т.к. число выборов не ограничено

У мужчин наиболее предпочитаемыми объектами доминирования в мечтах являются желания: жить в достатке; иметь хорошее здоровье; интересно

жить, реализовать свои способности. У женщин же помимо этих трех объектов мечтания появляется четвертый – иметь хорошую семью, у женщин это желание выражено несколько сильнее, чем у мужчин.

В целом жители Пермского края считают, что их мечты скорее осуществимы, чем неосуществимы. В мечте содержатся как активные, так и пассивные ожидаемые начала, а в надежде – исключительно пассивное ожидание, «ожидание» лучшего. Мечта сохраняется даже в условиях отсутствия обосновывающего подкрепления в будущем, и эта черта тоже присуща надежде. Что же касается надежды, то в отличие от мечты, надежда, которая также направлена на будущее, не задает воображаемой цели, ориентира, по которому следует продвигать свои творческие устремления [7].

Заключение. Мечта – необходимая высокая идеальная цель, она задает смысло-жизненную ориентацию на будущее большинству населения региона. Мечта – демиург будущего, выступает побудительной причиной для создания нового поля социально-экономических отношений общества. Мечта проявилась дифференцированно: для большинства это – поиск справедливого общественного устройства с возможностью реализации способностей человека в своей стране; для других (меньшинства), это и мир грёз, мысленных блужданий, уводящих личность от проблем реального мира; для третьих, уход от коллективизма и достижение прагматически-индивидуалистических целей.

Список литературы:

1. Братья Стругацкие. Письма о будущем. Хищные вещи и общество Полудня. Интервью А. Анпилогова с Ю. Черняховской //Завтра, июль. № 29 (1233). 2017. С. 5.
2. Будущее как возмездие. Беседуют главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов и писатель Максим Калашников //Завтра, июль № 27 (1231). 2017. С. 1,3.
3. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Изд-во ЕУСПБ, 2011. – 333 с.
4. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592.
5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. В 2 т. Изд-е 2-е. М.: Новый хронограф, 2016. Т.1 416 с.; т. 2. 496 с.
6. Константиновский Д.Л. Образование и рынок труда, и социальное поведение молодежи //Социологический журнал. – 2014. – №3. С. 55 –69. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.3.512>
7. Мамардашвили М.К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М. Изд-во АСТ. 2016. 968 с.
8. Парамонова С. Современный мир. Молодежь, образование, труд. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2011. – 250 с.

9. Розов Н.С. Философия мечты. <http://www.nsu.ru/filf/rosov/publ.mechta.htm>
10. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола»). К 100-летию революций 1917 г. //СОЦИС. – № 6. – 2017. – С. 25–43.
11. Самойлов В. Хроника упадка: Литва пустеет ужасающими темпами. https://eadaily.com/ru/news/2017/06/15/hroniki-upadka-kak-pusteet-litva?utm_source=smi2
12. Шубкин В.Н., Астафиев Я.У. Социология образования в СССР и России // Мир России 1996. Т. V. № 3. С. 161-178.

УДК 316.35 ББК 60.59

Парахонская Галина Анатольевна –

к.и.н., доцент

Тверской государственной университет,
г. Тверь

e-mail: parakhonskaya@gmail.com

ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДА

Ключевые слова: локальные сообщества, социокультурная среда, городское пространство, трансформация

Социальная трансформация российского общества включает продолжающуюся урбанизацию, исчезновение сельских поселений, формирование мегаполисов с ускоренным жизненным ритмом. Многочисленные исследования образа жизни горожан XX – нач. XXI вв. дают некоторую усредненную картину. Чаще всего в поле зрения исследователей попадают мегаполисы и средние по размеру города, являющиеся областными центрами. Однако структура населения даже провинциального города неоднородна. Она представлена различными локальными сообществами, учитывать специфику которых необходимо для эффективного управления, адресной работы с населением и удобной для жителей организации городского пространства.

Поэтому актуальным является изучение поведенческих различий, оценочных позиций и установок складывающихся общностей граждан, а также изучение возникающих сближений людей при организации новых жилых кварталов, микрорайонов в случае организованного переселения или индивидуальных переездов.

В науке существуют социологическая и антропологическая традиции исследования сообществ. Социологическая представлена работами М. Вебера, Э. Дюркгейма, Чикагской школой. Р. Парк обращал внимание на необходимость изучения различных районов города. Сообщества рассматривались как экологические образования, совокупность людей (экологических агентов), проживающих на определенной территории. Антропологическая традиция рассматривает сообщество как иное социокультурное образование [2].

Среди отечественных социологов просматривается интерес к изучению городского сообщества, дается типология современных сообществ. В научной литературе прошлого века были исследования образа жизни различных групп населения [3,4,5].

Как и в других городах, в Твери действуют различные городские сообщества, однако, сообщества на основе географической локализации не получают должного внимания со стороны исследователей. В частности, вне поля зрения исследователей оказалось сообщество рабочих текстильных предприятий, проживающих компактно еще со времен их образования. Подобные поселения формировались во многих городах, где развивалась легкая промышленность. Одним из таких районов в Твери является «Двор Пролетарка», где проживали тверские рабочие текстильных предприятий еще с XIX в. На примере указанного района можно проследить процесс трансформации локального сообщества и изменение социального портрета района.

Тверь представляет типичный город, куда после отмены крепостного права мигрировали жители деревни. Этот процесс продолжался на протяжении первой половины XX века, о чем свидетельствуют статистические данные, а также социологические исследования старшей возрастной группы, неоднократно проводимые автором в конце 1990 – начала 2000 х гг. [6,7].

Существуют исторические публикации, описывающие образа жизни рабочих в дореволюционное время и в 20-30-е гг. XX в. Однако ни в научной, ни в художественной литературе не описан быт рабочих-текстильщиков так называемых «морозовских» казарм 50-60 гг. перед их расселением и влияние на формирование локальных сообществ на новом месте жительства.

В конце 60-х гг. при реализации жилищной политики рабочие Двора Пролетарки получили квартиры в других районах, но элементы быта, менталитет, взаимосвязи они несли в новую среду. Ретроспективный анализ позволит понять, как формировались локальные сообщества в микрорайонах, отдельных территориях города, как формируется городская среда в настоящее время. Эмпирической базой работы являются, глубинные интервью, массовые опросы.

Калининский хлопчатобумажный комбинат был создан на базе текстильных предприятий «Товарищества Тверской мануфактуры», основанного в 1858 г. (С. Морозов и др.). В его состав входили 2 прядильные, 2 ткацкие и отделочная фабрика. С дореволюционных времён основная масса рабочих прибывала из соседних деревень и заселяла казармы, построенные Морозовыми и располагались компактно в районе, который ныне носит название «Двор Пролетарка». Образ жизни казарм складывался на протяжении десятилетий. В советское время на его территории находилось до 10 казарм, здание клуба в сквере, магазины, две школы, детский сад, игровая комната, роддом, две библиотеки, отделение милиции, больница, отделение пожарной охраны, аптека, то есть имелось все необходимое для бытового обеспечения населения. Таким образом текстильщики, проживающие в этом районе, образовывали городское сообщество, вписывающееся в его классические параметры: люди,

проживающие в одной географической зоне, объединенные определенной культурой, ценностями и устойчивостью социального взаимодействия [1].

Казармы представляли собой четырёхэтажные многоквартирные «общежития», где на этаже располагалось до 90 комнат от 13 до 20 кв. м. с одной кухней в центре коридора. Посередине кухни располагалась огромная печь с дверцами по обе стороны, которую каждый день топил истопник, в углу находился куб с горячей водой. Кухня была местом общения. Здесь готовили еду, стирали, сушили и гладили белье чугунными утюгами, за печкой мыли стариков и младенцев. Двери в комнаты не запирались, если человек не покидал казармы, хотя и выходил из комнаты надолго. В целом жизнь была не столько в комнатах, сколько в коридоре, на скамейках на улице, на кухне. Подвалы казарм были хорошо оборудованы и использовались для занятий в различных кружках, проведения мероприятий, праздников, которые охотно посещали рабочие.

В казармах сложился определенный коллективистский быт. Основная масса рабочих – выходцы из деревни с общинным менталитетом. В самой казарме из поколения в поколения передавались определенные традиции коллективистского быта. Работа в одной отрасли и на одном предприятии, совместное проживание, посещение одних дошкольных учреждений и школы, одинаковый воскресный отдых в «Парке текстильщиков» или в местном сквере (место отдыха в самом дворе), одни и те же корни (почти у всех родственники в деревне) – все это создавало определенную микросреду.

Такое общежитие предполагало соседскую взаимопомощь и контроль. Совместное проживание, общий быт привели к формированию определенных этических норм данного сообщества. Соседи оказывали помощь нуждающимся старикам, помогали урезонить «бузотера». Соседи не только могли присмотреть за детьми, но и любой подросток находился под присмотром жителей, так как все не только знали друг друга, но и историю семей (как в сельской местности), могли сразу же сообщить родителям о недостойном поведении. По воспоминаниям жителей, молодежь не опасалась поздно ночью возвращаться домой (знали своих и из соседних казарм).

В 1967-68 гг. часть жителей казарм, работавших преимущественно на текстильных производствах, были переселены казарм в отдельные квартиры в новостройках. Новый район формировался из представителей различных социальных групп: интеллигенции, жителей коммуналок. Но так как жители казарм были поселены относительно компактно, то процесс формирования нового локального сообщества происходил в основном базе культуры соседства и взаимодействия выходцев из казарм. Показательно первоначальное отношение к рабочим с «Пролетарки» - опасение, настороженность, что еще раз подтверждает вывод исследователей города о том, что опасение вызывают

прежде всего те, кого не знают. Выходцам из казарм трудно было привыкнуть к изолированному жилью, которое ломало коллективизм, непосредственное общение. Но неравнодушие к трудностям соседей, взаимопомощь, а порой и вмешательство для наведения порядка имело место продолжительное время и на новом месте проживания. На протяжении четырех десятков лет, включая 90-е гг. неформальный контроль, хотя и несколько ослабленный, оставался среди выходцев из казарм. Первое время 70-е гг. – 80 –е гг. имели место совместные праздники (на улице), помощь при погребении, сбор средств нуждающимся – все это было обычным делом.

Вплоть до настоящего времени локальное сообщество района строится вокруг общения представителей старшего поколения, основное ядро которого – это бывшие жители казармы, их дети. Связующим звеном являются общие воспоминания, общее прошлое не только как представителей одной когорты, но и одного локального сообщества.

Общественный потенциал пенсионеров по результатам наших исследований практически не использован до сих пор, особенно пенсионеров первых пяти-десяти лет после выхода на пенсию. Эта группа проходила социализацию в советский период, для нее значимыми являются общественные ценности и общественно-полезная деятельность. Имеется опыт создания органов территориального общественного самоуправления (ТОС) в рабочем районе «Красная Горка», исторически связанным с текстильным производством. Однако это начинание не получило широкого распространения.

Для современного формирования жилой среды, рекреационной зоны с учетом профессиональных, социокультурных и демографических особенностей проживающих там людей необходим комплексный подход к изучению локальных городских сообществ: социологический, антропологический и исторический. Нельзя ограничиваться преобразованием только центра города. Требуются дизайнерские преобразования общественного пространства любого уровня (рекреационные зоны, мосты, улицы, дворы), что активно развивается в развитых странах. Для этого необходимо налаживать совместную работу местных органов власти и общественности в лице локальных сообществ.

Список литературы:

1. Вагин В. В. Социология города. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/04.php/.
2. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок//Социологическое обозрение. Т.5. №1. 2006. <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoe-soobschestvo-kak-prostranstvennaya-konfiguratsiya-i-moralnyu-poryadok>.

3. Гурнак Е.В. Городское сообщество как субъект градостроительных отношений. Южный Федеральный ун-т. Ростов н/Д. 2013. http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2084&Itemid=126.

4. Каракова Т.В., Баранова К.Д. Среда жилых районов как реагент и субъект-архитектурное пространство <https://cyberleninka.ru/article/n/sreda-zhilyh-rayonov-goroda-kak-reagent-otnosheniya-subekt-arhitekturnoe-prostranstvo>.

5. Лебедева Е.В. «Третье место» как основа формирования городских сообществ. http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122532/1/Лебедева_Псков.pdf

6. Парахонская Г.А. Самоорганизация городского сообщества и местное самоуправление// Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские социологические чтения): материалы Всерос. науч. конф.; Казань, 22–23 мая 2008 г. в 4 т. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – Т. 1. – С. 389–392.

7. Парахонская Г.А. Адаптация пожилых людей в современных условиях и социальная политика (на материалах Тверского региона): Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2003. – 288 с.

УДК 316.4.06 ББК 60.55.325.11

Пермякова Татьяна Владимировна –

канд. социол. наук, доцент,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, г. Екатеринбург
e-mail: permyakova-t@yandex.ru

Щербакова Алена Андреевна –

Муниципальное бюджетное учреждение
дополнительного образования центр
внешкольной работы «Спектр»,
г. Екатеринбург.
e-mail:lelik0302@bk.ru

ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: молодежь, общественное движение, поисковая деятельность, патриотизм

В России уже несколько десятилетий функционирует одно из самых социально значимых движений патриотической направленности – поисковое движение. Сегодня, спустя тридцать лет после первого Всесоюзного сбора поисковых отрядов, оно не утратило свое значение и продолжает расширяться за счет новых участников. Немаловажно и то, что поисковая деятельность востребована населением, которому не безразлично героическое прошлое своей страны и сохранение исторической памяти.

Исходя из общего понимания движения как деятельности широких масс или слоев общества, направленной на достижение каких-либо целей [7, с. 24], можно утверждать, что поисковая деятельность, включающая большое количество активистов, имеющая своей ключевой целью – увековечить в памяти народа подвиги героев в годы войны, является общественным движением. Таким образом, поисковое движение – это общественное движение граждан, добровольно и безвозмездно осуществляющих работу по обнаружению и захоронению непогребенных в годы Великой Отечественной войны останков погибших воинов, установлению и увековечиванию их имен [3, с. 12]. Интерес к движению во многом поддерживается актуальностью его изучения как социального, культурологического, исторического явления, требующего междисциплинарного подхода и разработки собственной методологической основы.

Поисковая деятельность имеет для страны и государства многоаспектное значение: во-первых, геополитическое – поисковая работа является неким алгоритмом для общечеловеческого объединения всех людей над могилами павших всех национальностей и конфессий, своеобразным предупреждением от повторения ошибок прошлых лет и бывших политиков; во-вторых, политическое – в России существует молодежное движение, участников которого объединяет не «идея», а конкретное дело; в-третьих, экономическое – государственные расходы на увековечение памяти павших защитников Отечества существенно сокращаются при замене работы государственных структур добровольной помощью общественного поискового движения, которое наводит порядок на местах боев, способствует упорядочению системы воинских захоронений, а кроме того, направляет энергию молодежи на созидание, а не на разрушение; наконец, нравственное – поисковая работа снимает с государства обвинение по многолетнему забвению проблем увековечения павших, повышает у населения культуру и уважение к погибшим, сближает старшее поколение и молодежь, уводя ее от деятельности криминальных структур, употребления наркотиков, нравственной деградации [2, с. 113].

Именно поэтому государству необходимо поддерживать и развивать поисковое движение, привлекая к сотрудничеству с ним все заинтересованные инстанции государственной власти. Определенные шаги в этом направлении делаются. В частности, в мае 2013 г. Дмитрий Медведев обязал Минобороны, Минфин и Минобрнауки России проработать вопрос о поддержке общественных объединений, осуществляющих поисковую работу. Этим же распоряжением руководителям высших исполнительных органов власти субъектов федерации предписано обеспечить в качестве обязательного условия при освоении земельных участков, в том числе при проведении строительных, земельных, дорожных и других работ, учет их расположения на территориях, где велись боевые действия в период Великой Отечественной войны [6].

На сегодняшний день поисковое движение объединяет более 40 тысяч членов, а экспедиции его участников проходят во всех 38, так называемых, «боевых» субъектах Российской Федерации, региональные отделения движения открыты в 81 субъекте РФ [5]. Движение опирается на широкую социальную базу, представленную различными возрастными и профессиональными группами – в движении участвуют школьники, студенты, педагоги, люди самых разных возрастов и профессий. Основные направления деятельности: поисковая и мемориальная работа, патриотическое воспитание молодежи.

Поисковое движение приобретает особую значимость в современный период девальвации духовных ценностей, доминирования прагматизма и потребительских ориентаций, что касается прежде всего молодежи. Поисковое движение можно считать молодежным, поскольку большую часть его участников составляет молодежь. По результатам проведенного в мае

2017 социологического исследования, посвящённого изучению социального портрета участника поискового движения Уральского Федерального округа¹, 78% – это молодежь, являющаяся воспитанниками поисковых отрядов, военно-патриотических клубов, исторических кружков при общеобразовательных учреждениях. Аналогичные данные приводит Е. Боле, по мнению которой, 80% членов отрядов, участников поисковых экспедиций – юноши и девушки в возрасте от 14 до 30 лет [1, с. 12]. Больше половины опрошенных (57%) составляют рядовые члены поисковых отрядов, в обязанности которых входит участие во всех мероприятиях отряда, посещение теоретических и практических занятий, участие в гражданско-патриотических акциях и мероприятиях, помощь в поиске пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, соблюдение устава отряда. 23% участников опроса являются руководителями, обеспечивающими контроль личного состава, проведение теоретических и практических занятий членов отряда, участие в региональных и всероссийских съездах, конференциях и т.д., принятие решений, касающихся любых вопросов. Небольшую долю (8 %) составили ответственные архивной группы, в обязанности которой входит ведение документации: обработка документов времен Великой Отечественной войны, составление ответов на поступающие запросы по поиску солдат, пропавших без вести, работа по восстановлению боевого пути, а также медалей и наград. Комиссары поисковых отрядов в числе опрошенных составили 7%. Комиссар – это главное лицо, работающее с людьми. Он не имеет права приказа, только право убеждения и собственного примера. Должность «волонтер» имеет наименьшее количество участников (6%), поскольку волонтер – это человек, добровольно занимающийся безвозмездной общественно полезной деятельностью, принимающий участие в событийном волонтерстве, и редко выезжающий в поисковые экспедиции.

Поисковый отряд – не место карьеры, это место, где каждый находит для себя ту позицию, на которой он лучше всего себя чувствует, где он в наибольшей степени реализует себя. Тем не менее, отметим, что должность комиссара и руководителя чаще занимают более «возрастные» участники отряда, что определяется наличием опыта и навыков, которые чаще встречаются у более взрослых, имеющих определенный стаж участников поискового движения.

Формирование патриотизма и других социально значимых качеств обеспечивает поисковикам принадлежность к различным общественным организациям патриотической направленности. Совершенно естественно, что наибольшее число участников опроса (90%) состоит в общероссийской общественной организации по увековечиванию памяти погибших при

---

¹ Методом анкетирования было опрошено 200 участников поисковых отрядов, примерно в равных долях представляющих Свердловскую, Курганскую, Челябинскую, Тюменскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

защите Отечества «Поисковое движение России». Основная деятельность этой организации направлена на поиск пропавших без вести солдат и их последующую идентификацию на основе смертных медальонов и архивных документов. Члены Всероссийского общественного гражданско-патриотического движения «ЮНОАРМИЯ», представленные 11% опрошенных, в основном проходят довоенную подготовку, они обучаются стрелять, оказывать медицинскую помощь, ориентироваться по карте и иногда привлекаются к поисковым работам на места боев Великой Отечественной войны и помощи ветеранам. Участники Российского союза молодежи (9%) занимаются организацией мероприятий и проектов различной направленности для студенческой молодежи. Пересекающейся с ней Союз студенческих отрядов представлен 6% опрошенных; в данной организации приобретаются навыки профессиональной и управленческой деятельности, способствующие личностному развитию, трудовой и социальной адаптации. Представители Всероссийского общественного объединения «Волонтеры Победы» составили 7%, они принимают активное участие в подготовке и проведении акций патриотической направленности, например, таких как «Георгиевская ленточка», «Письмо Победы», Всероссийские субботники по благоустройству памятных мест и воинских захоронений. Респонденты-члены Русского географического общества составляют 3%, сфера их деятельности – участие в проектах направленных на формирование и развитие эколого-географической культуры. Участники общественной организации «Российское движение школьников» составляют 2 % опрошенных, они получают знания и практические навыки по 4 направлениям (личностное развитие, военно-патриотическое, гражданская активность, информационно-медийное). Общественную организацию «Военно-историческое общество» также представляют 2 % респондентов, представители данной организации занимаются поисковой работой, организуют военно-исторические лагеря, фестивали, практикуют военно-исторический туризм и реконструкции боев Великой Отечественной войны.

Таким образом, членство в различных общественных организациях, как и в поисковом отряде, не только формирует патриотические чувства и способствует осознанию важности осуществляемой деятельности, но и дает возможность профессиональной и личностной самореализации, обмена опытом между участниками поискового движения.

Основой патриотизма является чувство гордости. Оно представляет собой переживание внутренней радости за достижения личности, той группы, к которой она принадлежит, значимых результатов в объединяющей людей деятельности [4, с. 70].

Согласно полученным данным, участники поискового движения связывают патриотизм с любовью к Родине, т.к. патриотизм всегда находит свое выражение в чувстве долга перед Родиной. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных (67%) испытывают

гордость за Россию и за свой город (60%). Однако в большей степени поисковики испытывают гордость за отряд (91%), так как каждый считает себя неотъемлемой его частью и стремится достигать успехов для общего блага.

Логично предположить, что участники поисковых отрядов являются патриотами своей страны. Как показали результаты опроса, практически все респонденты (98%) считают себя патриотами и с особым почтением относятся к празднику 9 мая – Дню победы. Большинство опрошенных поисковиков (86%) считают его великим праздником всей страны.

Поисковики десятки лет ведут архивные исследования, поиски на местности, не ожидая известности и славы. Их трудами и бескорыстием восстанавливаются имена и судьбы воинов в неизвестных захоронениях, разыскиваются родственники, вносятся изменения в сведения архивов. Не может быть никаких сомнений в огромной значимости поисковой деятельности для страны, особенно с точки зрения патриотического воспитания молодого поколения.

Список литературы:

1. Боле Е.Н. Историческое значение поискового движения России [Электронный ресурс] // Военная археология. 2009. № 01(1). – С. 12-21. URL: <http://www.1942.ru/majournal/majournal2009N1.pdf>.
2. Вырщикова А.И., Кусмарцев М.Б., Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание молодежи. – Волгоград: Принтерра, 2008. – 164 с.
3. Заикина О.А. Горизонты поиска: Сборник методических материалов по итогам реализации социально-педагогического проекта патриотического воспитания молодежи. – Екатеринбург, 2007. – 71 с.
4. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. – С. 67–76.
5. Поисковое движение России: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://rf-poisk.ru/page/230/>
6. Правительство Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/>
7. Родин Е.В. Поисковое движение как вид социальных движений и как система добровольных общественных организаций // Социология и жизнь. 2014. № 1. – С. 24–28.

УДК 314.3 ББК 60.7

Сакаев Василь Тимерьянович –

к-т истор. наук, доцент,
Академия наук Республики Татарстан,
г. Казань
e-mail: sakaev2003@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ТАТАРСТАНЕ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Ключевые слова: Татарстан, модернизация, Н.С. Хрущев, рождаемость, трансформация

На рубеже 1950-1960 гг. рождаемость в СССР претерпела серьезную трансформацию. Фактически исследователи говорят о складывании в этот период нового типа рождаемости в советском обществе [1, с. 30]. Хотя рождаемость в 1960-е гг. снижалась практически во всех регионах страны, как утверждает ряд исследователей, в Татарстане эта тенденция приняла наиболее выраженные формы [1, с. 62].

Исследования характера и особенностей трансформации рождаемости в Татарстане в указанный период представляет научный интерес, учитывая, что подобные региональные исследования практически отсутствуют.

Для изучения региональной специфики рождаемости нами были привлечены материалы Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), а именно фонды Статистического управления [2] и Государственной плановой комиссии республики [2].

В ходе исследования была определена динамика рождаемости в республике в указанный период (таблица 1).

Таблица 1

Год	Число зарегистрированных рождений
1940	108060
1950	70501
1957	82776
1958	81435
1959	81691
1960	82671

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16005/17 ОГОН.

1961	79942
1962	74665
1963	70628
1964	62386
1965	59311
1966	58398
1967	52006
1968	49084

Составлено по: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 770, л. 8; д. 855, л. 3, 7; д. 877, л. 3-9; д. 733, л. 11; д. 748, л. 3; д. 730, л. 43; ф. Р-4580, оп. 3, д. 3125, л. 4, 19.

Приведенные данные демонстрируют, что рождаемость в республике так и не восстановилась до довоенного уровня. Имевшее место до 1957–1960 гг. некоторое повышение рождаемости, затем сменилось тенденцией к спаду. В результате, к концу 1960-х гг. она составляла менее половины от уровня конца 1950-х гг.

Считается, что на динамику рождаемости повлияли общее уменьшение доли женщин состоящих в браке, увеличение численности женщин, занятых в общественном производстве, недостаточная обеспеченность детей детскими садами и яслями, а также распространение аборт и применение противозачаточных средств [3, л. 19].

Глубину падения рождаемости демонстрирует также динамика общего коэффициента рождаемости (таблица 2).

Таблица 2

Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек)

Годы	В целом по республике	В том числе	
		Город	Село
1950	26,4	27,4	26,0
1956	28,3	26,2	29,5
1957	29,5	26,8	31,2
1958	28,8	25,6	31,0
1959	28,6	23,6	32,3
1960	28,3	23,1	32,1
1961	26,8	22,4	30,1
1962	24,6	19,8	28,5
1963	23,0	17,8	27,3

1964	20,4	16,5	23,8
1965	19,3	15,6	22,6
1966	18,8	15,7	21,7
1967	16,6	15,3	17,8

Составлено по: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 870, л. 117; д. 730, л. 44; ф. Р-4580, оп. 3, д. 3125, л. 22.

Можно наблюдать, что пикового значения коэффициент рождаемости достиг в республике в 1957 г., после чего началось его неуклонное снижение. При этом в городских местностях этот показатель достаточно быстро снижался весь изучаемый период (вторая половина 1950-х. – первая половина 1960-х гг.), тогда как в сельской местности до 1961 г. рождаемость продолжала расти, тем самым улучшая общую ситуацию с рождаемостью в республике. В результате, рождаемость в республике в 1958 г. еще была выше показателя по РСФСР в целом (24,2) [2, д. 730, л. 44]. С некоторой натяжкой, по-видимому, подъем рождаемости в сельской местности республики во второй половине 1950-х гг. следует считать завершающим проявлением советского послевоенного «бэби-бума» в республике. С начала 1960-х гг. показатели рождаемости по республике начали быстро снижаться, уменьшившись, по сравнению с концом 1950-х гг., в 1,5 - 2 раза.

Тем не менее, полученные нами данные показывают, что общий коэффициент рождаемости в 1960-е гг. в республике оставался на более благоприятном уровне, чем в целом по РСФСР (таблица 3).

Таблица 3

Динамика общего коэффициента рождаемости в РСФСР в 1960-е гг.

Годы	Татарстан		РСФСР	
	Город	Село	Город	Село
1960	23,1	32,1	20,5	26,4
1965	15,6	22,6	14,5	17,3
1967	15,3	17,8	13,8	15,3

Составлено по: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 870, л. 117; д. 730, л. 44; ф. Р-4580, оп. 3, д. 3125, л. 22; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. / Т.3. Кн.1: 1960-1979 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.61.

Одной из особенностей рождаемости в Татарстане в этот период было сохранение относительно высокого уровня мертворождаемости, которая в 1959-1963 гг., по нашим расчетам, составляла 0,8-0,9% от общего числа рождений.

Процент мертворождаемости в изучаемый период постепенно снижался, но все-таки оставался достаточно высоким. Причины заключались,

в первую очередь, в недостаточном обслуживании беременных и рожениц консультациями (в городах были охвачены консультациями только 43,8% беременных, в сельской местности – 12,6%) [2, д. 746, л. 123].

На рождаемость, как уже указывалось выше, существенное влияние оказал рост числа абортотв (таблица 4).

Таблица 4

Годы	Число абортотв	В том числе	
		Городская местность	Село
1950	10891	8875	2016
1955	24196	18391	5265
1956	48393	38319	10074
1957	57081	44848	12233
1958	72149	56821	15328
1959	74686	59227	15459
1960	85014	66617	18397
1961	90409	69842	20767
1962	97421	74173	23248
1963	105777	82017	23760
1964	116818	90481	26337
1965	120264	92338	27926
1966	120244	91279	28965
1967	123287	94994	29293

Составлено по: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 870, л. 117; д. 730, л. 44; ф. Р-1296, оп. 3, д. 3125, л. 20.

Из таблицы видно, что число абортотв выросло к началу 1960-х гг. более чем в 10 раз по сравнению с началом 1950 г. На рост числа абортотв несомненно повлияла их легализация в ноябре 1955 г. [4, с. 200]. Число абортотв в республике после 1960 г. впервые начинает превышать число родов, а к 1967 г. – уже превышает число родов в 2,3 раза [3, д. 3125, л. 20]. При этом сопоставимый рост числа абортотв наблюдался как по городской, так и по сельской местностям, что свидетельствует о повсеместном переходе женщин к контролю рождаемости.

Еще одной характерной особенностью на рубеже 1950-х – 1960-х гг. стало увеличение доли матерей в молодых возрастах (до 25 лет). Так, в 1959 г. на матерей в возрасте до 25 лет приходилось 28,7% родившихся [2, д. 733, л. 17-26], в 1961 г. – 31,8% [2, д. 770, л. 15-22]. При этом в 1961 г. наибольшее

число впервые родивших женщин также приходилось на возрастную группу 20-24 года (20,2% всех рождений) [2, д. 770, л. 25].

В национальном разрезе можно увидеть, что в 1961 г. у русских матерей наибольшее число родившихся приходилось на более молодые возраста, чем у татарок. В тоже время, если сравнить данные 1961 г. с данными 1959 г., то видно, что тенденции изменения рождаемости схожи у обоих народов – происходит рост рождаемости в возрастных группах 20-24 года и в возрастной группе 35-39 лет.

Таблица 5

Возраст матери		16-19 лет	20-24 года	25-29 лет	30-34 года	35-39 лет	40-44 года
1959	Русские	3,7%	33,5%	29,0%	21,9%	8,0%	3,0%
	Татары	1,5%	22,1%	30,9%	27,3%	11,4%	5,3%
1961	Русские	3,1%	37,4%	27,1%	20,7%	9,1%	2,3%
	Татары	1,4%	25,9%	28,4%	26,3%	12,9%	4,2%

Составлено по: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 770, л. 15-22; д. 733, л. 17-26.

В это время в республике также продолжала сохраняться, пусть и с некоторым уменьшением силы, тенденция к многодетности, поскольку около 40% всех рождений во второй половине 1950-х - первой половине 1960-х гг. приходилось на рождение третьего и последующих детей.

Сохранялась проблема рождения детей в неполных семьях, хотя доля таких рождений в 1960-е гг. несколько снизилась по сравнению с 1950-ми гг. Так, в 1961 г. 9,7% новорожденных в записи акта о рождении не имели сведений об отце, причем 2/3 таких случаев приходилось на сельскую местность, а по возрасту матери – 3/4 таких случаев имели место в возрастной группе от 20 до 35 лет [2, д. 770, л. 29-31].

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что на рубеже 1950-х - 1960-х гг. в республике начинаются процессы трансформации рождаемости, которые выражались, прежде всего, в снижении рождаемости, вызванном рядом причин. Среди них следует отметить, рост числа аборт и распространение практик контрацепции, а также общее сокращение контингента женщин в фертильном возрасте, поскольку в 1960-е гг. в детородный возраст стали вступать малочисленные контингенты девушек, рожденных в военные годы. На падение рождаемости серьезно влияли и социально-экономические факторы. Так, по данным обследования проведенного в 1960 г., брачная рождаемость серьезно зависела от жилищных условий, величины дохода семьи и занятости женщин [4, с. 203-204]. Кроме того, как указывают авторы исследования, «у довольно значительных групп населения «дети как высшая ценность» стали все более тесно ассоциироваться с материальным благополучием семей –

наличием у будущих родителей образования, собственного жилья, приличной зарплаты и т.д.» [1, с. 63], что приводило к откладыванию рождения ребенка. На снижение рождаемости, несомненно, влияла и нехватка мест в яслях и детских садах: в республике в 1962 г. в очереди на получение места в ясли стояли 15 тысяч детей, а в детский сад – 25 тысяч детей и возможности их обеспечить местами не имелось [2, д. 870, л. 135-139]. К концу 1960-х гг. ситуация несколько улучшилась, но проблема оставалась все еще довольно острой. Так, в 1967 г. в республике были обеспечены местами в детских учреждениях в городах 55% детей, в сельской местности – 27% [3, д. 3125, л. 19].

Список литературы:

1. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. / Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – 304 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан, Ф. Р-1296 Статистическое управление ТАССР, оп. 18, д. 730, 733, 746, 748, 770, 855, 870, 877.
3. Национальный архив Республики Татарстан, Ф. Р-1296 Государственная плановая комиссия ТАССР, оп. 3, д. 3125.
4. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.

УДК: 316.4; 321.02, 323.2.

ББК: 60.59; 66.0, 66.2, 66.6

Салахутдинова Резеда Халыфутдиновна

– канд. социол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: rezeda_soc@mail.ru

Баранец Сергей Николаевич –

канд. философ. наук, доцент,
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС, г. Санкт-Петербург
e-mail: brnts@rambler.ru

МОЛОДЕЖЬ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: региональная политика, воспроизводство, идентичность, социокультурный потенциал, развитие молодежи, миграция и интеграция.

Актуальность темы обусловлена необходимостью социологического и политологического осмысления роли молодежи в воспроизводственном процессе становления и развертывания социокультурного потенциала регионов современной России. Говоря о воспроизводственном потенциале современной молодежи, рассуждая о ее возможностях и имея в виду ее возможные субъектные позиции в определении перспектив развития страны в ближайшем и отдаленном будущем, есть резон исходить из реального состояния дел и практик государственного строительства, бизнес-процессов и становления гражданского общества, не занимаясь специальным конструированием познавательных предпосылок и идейных оснований реальности социума в стиле, к примеру, П. Бергера и Т. Лукмана. Не имея ничего против их талантливых и вдохновляющих эссе, мы все же полагаем необходимым следовать классической и явно не до конца понятой и исследованной для нужд современности традиции материалистического прочтения истории и социальных порядков.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862.

Кроме того, актуализация темы, выбранной для данной статьи, связана с совокупностью других факторов, отображающих современное состояние и перспективы реализации политики регионального развития России, которая после выхода в свет известного Указа № 13 Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹ стала официальной политической платформой и проектным ориентиром и руководства страны, и ее активного населения.

Хорошо известно, что необходимым условием сохранения целостности общества является процесс воспроизводства социокультурного потенциала, основным субъектом которого, исторически, является молодежь, которая, в свою очередь, во многом зависит от экономического и социально – психологического благополучия в месте ее пребывания, статуса в настоящем и перспектив в обозримом (ожидаемом) будущем, а также отношения к молодым, сложившемуся в данной части социального континуума исторически или под воздействием актуальных обстоятельств. При этом функции, которые имманентно присущи (заложены в природу) самой молодежи, как социально-демографической группы и призваны ориентироваться на особые, только ей присущие целевые параметры в обществе, во многом определяются набором ее потенциалов, субъектной (в разной степени активной) жизненной позицией и, конечно, условиями, в которых возможности реализации способностей молодежи как социального слоя выступают до определенного момента как производные от уровня и характера развития государства, бизнеса и гражданского общества.

В современной России сложилась противоречивая ситуация в соотношении указанных зависимостей. В частности, в условиях прогрессирующего социального неравенства, экономической, идейно-мировоззренческой дифференциации, атомизации общества и, как следствие, разобщенности молодежи (что проявляется, например, в многообразии направленности форм поведения, вплоть до появления крайне деструктивных, экстремистских форм борьбы за поправную социальную справедливость) объективно актуализируется проблема соотношения в воспроизводственном социокультурном процессе прогрессивных и регрессивных тенденций. А именно: будет ли воспроизводство имеющихся тенденций с помощью задействования того или иного вектора потенциала молодежи направлено на конструктивное, созидательное действие, на деструктивное, разрушительное, или породит социальную апатию и аномию, что зависит не только от способности молодежи выбирать собственную жизненную позицию, но и от того, насколько богат, гармоничен, или, напротив, искажен набор

---

¹ Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221> (Дата обращения 21.08. 2017)

предоставляемых обществом вариантов выстраивания персональной или групповой коллективной стратегии для самореализации¹.

Экономическое и социальное неравенство в уровнях развития, социальных показателях и бюджетной обеспеченности регионов (субъектов) современной России, относительно увеличение числа тех из них, для которых характерны признаки депрессивного типа развития, приводят к тому, что, по справедливому замечанию М.И. Голубовой и Л.З. Бзасежевой, «концентрируют в своей внутренней среде различные рискогенные факторы и обладают механизмами их воспроизводства и закрепления в нормах права, традициях, контрактах и способах поведения». [1,с.65]. Именно в этой связи указанные выше «Основы государственной политики регионального развития...» в качестве одного из условий и факторов регионального развития, оказывающих влияние на формирование и реализацию этой политики современного российского государства, называют «значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов, неравномерное размещение производительных сил и расселение населения по территории страны». Для социологических целей это, на наш взгляд, означает, что исследование возможностей молодежи в воспроизводстве социокультурного потенциала российских регионов (или, например, их потенциал в рамках известных Федеральных округов) обуславливается установкой на выявление специфических характеристик региональных ресурсов разного рода, и тем фактом, что, в свою очередь, от качества этого ресурсного потенциала, его структурированности и способности к развитию зависит человеческий капитал и реальный взнос социально-креативного характера, который, при удачном стечении обстоятельств и целенаправленной политики властей способен привести молодое поколение и в развитие каждого из регионов, составляющих Россию как федерацию, и в приращение благосостояния нашего общества в целом.

Соотношение понятий «молодежь», «потенциал» и «воспроизводство» является объектом постоянного внимания ученых, политиков, исследователей проблем управления в современной России. Причиной тому является не столько специфика молодежи как социодемографической группы, со свойственными данной социальной возрастной группе (18-29 лет) особенностями, сколько функциональный набор способностей, присущих подрастающему, ищущему себя в мире, самоутверждающемуся молодому поколению, и придающих ей так или иначе признаваемый остальным обществом (хотя и не всегда адекватно оцениваемый) особый статус. Исторически сложившаяся

---

¹ Об этом важном аспекте молодежной проблематики написано немало научных трудов, но до последнего момента остается преобладающим тот тон в оценках, который задан был во многом позицией А.С.Ахиезера и его тезисом об «архаизации» пореформенного российского общества – см, в частности. [2.Ахиезер]

двойственность молодежи – одновременная, «параллельная» объектность и субъектность (отзывчивость на управленческие воздействия со стороны старших поколений и, вместе с тем, способность к самореализации в результате собственной активности – сознательной, рациональной, самодеятельной) выводит на первый план те её социальные функции, которые выражают способность молодежных когорт быть более склонной к инновационным, модернизаторским и революционным позывам и тенденциям, вплетенным в общественную ткань в каждый конкретный исторический момент и в каждом исторически определенном месте, отвергая при этом социальный конформизм, стремление к материальному благополучию и мещанство. Эти амбивалентные характеристики молодежной среды почти афористично сформулированы немецким философом, социологом К. Мангеймом: «Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность». Ему же принадлежит обнаруженная зависимость между общественным развитием и возможностями молодежи: кем, как, насколько эффективно используется этот ресурс (молодежь), «зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества». Согласно мнению ученого, молодежь до начала своей активизации представляет скрытый резерв, выполняя, фактически без рефлексии, латентно, неосознанно, функцию обновления. «Особая функция молодежи, – утверждает К. Мангейм, – состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам». [См. подробнее: 2.]

В контексте условия и факторов развития современной России представляется методологически важным приведенный в работе К. Мангейма анализ молодежи, как потенциала (который всегда есть «ресурс», «резерв»), в зависимости от типа общества, в котором этот потенциал получает право на существование. Традиционные, «статичные», «медленно» и незаметно изменяющийся общества отличаются от динамических, меняющихся «быстро» и даже «стремительно», в том числе и по тому, как задана в них среда, факторы формирования, аккумуляции и раскрытия потенциала подрастающего поколения, от которых зависит и степень, и успех интегрированности молодежи в воспроизводственные процессы современных ему социальных порядков. Понятно, что социологическая наука должна искать современные способы и инструменты интерпретации социальной реальности, но нередко и, казалось бы, позабытые методологические принципы и концепции вполне актуальны для предметов, казалось бы, вполне современных.

В научной литературе имеется достаточное количество определений потенциала (в том числе и применительно к обществу), раскрывающего содержательные стороны его категориального аппарата («ресурс», «резерв», «капитал», «возможности», «способности», «средства» и др.) и результаты

анализа понятийных и смысловых соотношений. Удачную, на наш взгляд, наиболее обобщенную, в чем-то собирательную трактовку предлагает Е.А. Резанович. Согласно его интерпретации, потенциал «обуславливает возможность его рассмотрения как средств, способностей, запасов, источников, ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения какой-либо задачи» [3], но, как верно указывает Л.М. Галиев, с учетом различных временных модусов: прошлого («ретроспективный потенциал» как ресурс), настоящего («исходный потенциал» как резерв) и будущего («перспективный потенциал» как основа для будущего развития). [4] На наш взгляд, эти различия имеют существенный характер, однако могут быть дополнены, - например, с точки зрения модусов субъектной позиции, из которых раскрывается потенциал, набора объектно-целевых характеристик, ради которых потенциалу, так сказать, имеет резон раскрываться, а также сочетания обстоятельств, способствующих или препятствующих раскрытию потенциальностей разного рода.

Следует отметить сформировавшиеся в современной науке основные теоретические подходы в исследовании приложения понятийного содержания категории потенциала как к экономическому (первоначально), так и социологическому (впоследствии) процессу: различая системный, деятельностный, ресурсный, возможностный («на основе возможностей» как считал Амартия Сен)¹, активистко-деятельностный или, напротив, «пассивизирующий», сдерживающий действие, мы тем самым избираем не только исследовательскую позицию и соответствующие ей парадигматические установки, но и создаем трактовки и интерпретации, способные к приращению уже имеющего знания или его дискредитации.

Являясь наиболее общим понятием для объяснения нераскрытых возможностей, потенциал, как некая категориальная целостность применительно к субъекту, состоит из совокупности конкретизированных количественно – качественными показателями, присущих различным сферам жизнедеятельности человека и, вместе с тем, социальных групп, сфер общественной жизни - экономической, социальной, культурной, духовной и др.. По словам О.И. Иванова, четкое определение границ предметной области, в частности, человеческого потенциала связано с тем, что к «человеческому потенциалу страны, государства, общества относят социетальные компоненты» такие, как например, «культуру, систему образования, различные социальные организации, разнообразные материальные и духовные продукты человеческой деятельности». [5] Это означает, что выступая методологически объясняющим принципом для определенных аспектов социальной реальности, потенциал

---

¹ См.: Сен, Амартия «Товары и возможности» («Commodities and Capabilities», Amsterdam, 1985). – См. определенную эволюцию его позиции в [8].

способен становиться специальным предметом исследования – особенно в его человеческих воплощениях, несводимых к природным основаниям человеческого бытия или, например, к витальности и, связанной с ней воле, к властному самоутверждению в мире других людей.

Потенциальность социальных групп и слоев, поколенческих когорт и разного рода стратов и измерений социальной реальности далеко не всегда увязывается исследователями с территориальным распределением власти, общественного богатства и гражданских коммуникаций. Между тем, наблюдается явная взаимосвязь и взаимозависимость между потенциалом молодежи на территориях отграниченных частей России и социокультурным потенциалом того или иного «странообразующего» региона. Так, социокультурный потенциал региона должен находиться в постоянной динамике, опережая спрос потребителя (и в особенности молодежи) на те или иные виды социально значимых товаров и услуг, становясь механизмом (фактором) не только формирования, но и кумулятивного раскрытия потенциала присутствующей на территории молодежи. В свою очередь, качественно-количественные характеристики молодежи, сформированные и аккумулярованные в условиях совершенствования условий для раскрытия социокультурного потенциала конкретного региона как некой целостности, определяют степень и возможности данного «места, населенного людьми», не только производить товаропотоки или наборы услуг, являя наблюдателю имеющийся здесь и сейчас продуцирующий «дополненную реальность» потенциал, но вместе с тем открывающий средства и способы именно воспроизводить (в значении «самостоятельного» и «самовозобновления») системные качества и совокупные возможности региона как социальной системы наряду с другими и вместе со страной как целым.

Одним из ведущих факторов в воспроизводстве качества жизни (и в этом отношении - социокультурного потенциала) регионов является институт «воспитывающего» образования, способный развивать не только профессиональные потенциалы, приходящих на смену старшим, молодых поколений, но и склонности другого рода, отображающие степень интереса молодежи к окружающим их условиям социальной и политической жизни. С учетом того, что ни в одном обществе пока не имеется социального института, альтернативного образованию по выполняемым функциям, именно среднее и высшее образование призвано обеспечивать воспроизводство и наращивание интеллектуального, научно-технического потенциала, подготовку квалифицированных кадров, воспроизводство социальных групп и слоев как носителей не только профессиональных (на и уровне умений и навыков), но и социальных (гражданских) и, вместе с тем – и духовных ценностей, просвещенности и гуманности, то есть того, без чего невозможно формирование капитализируемого, способного приращивать общественные

блага и (потенциально) способного при этом к самосовершенствованию человеческого ресурса.

Человеческие ресурсы любой страны не сводятся к сумме потенциалов образующих ее граждан. Человеческие ресурсы и их потенциальность в регионах, образующих Российскую Федерацию, вряд ли могут быть адекватно оценены и измерены лишь с точки зрения их инвестиционных возможностей. Даже сама идея проектного управления страной и применения к ее социальным сферам методов программно-целевого и планово-прогнозного подходов предполагает, помимо прочих условий, определенную степень взаимопонимания и солидарности между теми, кто образует т.н. «управляющий контур», и «когортами управляемых», различающихся между собой, в том числе, и по степени зрелости (мере взросления). Отсюда, на наш взгляд определенно вытекает необходимость так корректировать государственную политику в отношении молодежи, чтобы последняя не ощущала неудобства и неприязни к существующей власти. Если властные структуры, институты и деятели, как кажется молодежным лидерам или представителям молодежных субкультур, не дает достаточных шансов для раскрытия и применения тех или иных потенциалов, вызревающих в молодежной среде, то эти невыраженные или непригодные для общественного применения потенциалы способны не только накапливаться, но и перерождаться, превращаясь в силу, способную стать угрозой существующим общественным и властным порядкам.

Существенным социальным фактором является возможность обмена потенциалами между составляющими страну частями, равно как и внутри этих частей. Наиболее ощутимы последствия так называемой модернизации в контексте воспроизводства потенциала региона за счет миграции лучшей, более адаптируемой, успешной категории молодежи по схеме «село (деревня) - областной центр», «город - столица – зарубежье». В том, что эта жизненная схематика стала угрозой и собственному развитию регионов и социально-экономической жизни России в целом, сыграли свою негативную роль, помимо прочего, и разрушение системы региональной отраслевой науки, некоторое время назад воспроизводившие из числа местной молодежи местную, региональную, национальную научно-образовательную элиту, способную при этом брать на себя ответственность за развитие страны и места, оцениваемого как «свое» или даже «родное».

Между тем, возникший и поддерживаемый властными структурами приоритет экономических интересов над социальными породил в современной России неподдельный интерес бизнес-кругов к системе образования, условия в буквальном смысле «охоты» за интеллектуально одаренными детьми и молодежью. Создавая особые условия для научных занятий и реализации результатов своих научных достижений в прикладных сферах извлечения максимальной прибыли, российский бизнес в части его социально-безответственного контингента подчас лишает некоторые регионы

собственного научного потенциала на многие годы вперед. Немаловажное значение имеет и продвижение идеи о столичных возможностях, только, якобы, и способных действительно обнаружить и раскрыть разнообразные потенциалы продвинутой в том или ином отношении части молодежи, отбраковывая тех, чья судьба – становится изгоем и маргиналом. Таким образом, как нам кажется, осуществляется не вполне целесообразная с точки зрения государственного интереса и национальной безопасности селекция молодого поколения, которое уже сегодня в определенной степени определяет качественный состав населения регионов, их социокультурный, образовательный, гражданский и экономико-инвестиционный облик, степень пригодности и качество воспроизводящего социокультурного потенциала территории проживания [6].

Казалось бы, в любом относительно замкнутом и в той же мере относительно открытом социальном пространстве эмиграционные процессы должны естественно и разумно восполняться иммиграционными. Однако, как показывает в том числе и российская практика, различия в том, что составляет социокультурный потенциал регионов, соответствии среды формирования человеческого потенциала молодежи ее ожиданиям, а также сомнениям и претензиям в адрес власть предержащих, вносит напряженность в миграционные процессы, делая неравнозначными существующие категории мигрантов, в том числе и внутренних, с точки зрения их потенциальной пригодности для развития той или иной части страны и страны как целостности. Поэтому, и в России, и в мире нередко складывается ситуация, когда ни столицы, ни региональные городские агломерации, ни локальные поселения городского и сельского типов не имеют возможности воспроизводить свой сложившийся и способный к развитию социокультурный потенциал исключительно за счет миграционной (способной к смене места жительства, приложения трудовых компетенций и стратегических жизненных ожиданий) составляющей современной российской молодежи, что в условиях советского времени обеспечивалась за счет распределения молодых специалистов в регионы, а сейчас по большей части пока еще отдано на откуп стихии.

Труд, приложение трудовых процессов к месту проживания и пребывания человека, труд на благо общество, трактуемый в экономическом смысле, прежде всего как экономико-политическая категория, в рамках поднятой нами темы, требует прежде всего социологического осмысления, в том числе в ракурсе политикоэкономического измерения современных трудовых процессов. Труд людей, наряду с природой, является по-прежнему источником общественного богатства, его приращения или его нерационального «промотания». В этом своем классическом, но вполне современном понимании, труд выступает как источник профессиональной и личностной самореализации, социального лифта, объективного критерия доступного уровня жизни, условия сознания персонального и группового социального самочувствия, - одним словом, тех факторов и условий социальной жизни,

которые в совокупности сформируют человеческий потенциал групп, слоев и социальных классов (в том числе молодежи как способа бытия человека в указанных социальных модусах). Поэтому, возможности молодежи воспроизводить социокультурный потенциал региона, равно как и набор существующих в данном конкретном регионе возможностей для восприятия, применения и развития данного генерируемого молодежной средой потенциала, как системы явных, скрытых и неизвестных возможностей обусловлены не только, к примеру, востребованностью молодых специалистов на субнациональном рынке труда в соответствии с полученной квалификацией, но и созданием условий для реализации социальных функций труда, – тех, из которых рождается идея социальной справедливости, демократии и хорошего (разумного) управления. В противном случае, при том, что возможности молодых поколений никому не важны и неинтересны, не выявлены и не выпестованы в интересах общего блага или хотя бы приращения общественного богатства, потенциал молодежи может быть реализован политически, социально и ментально в деструктивных моделях поведения, что особенно опасно в условиях всевозрастающих социальных рисков (последствий) в связи с ускоренными темпами развития современного мира, переходом нашей страны к цифровой экономике, роботизации и иным постиндустриальным формам организации общественного труда и социальных порядков.

Нет сомнения в том, что проблематика, связанная с потенциальностью человеческого существования, с теми особенностями формирования и актуализации проблемного поля, которые возникают в связи с темой нереализованных возможностей, скрытых ресурсов и латентных предрасположенностей, способных реализовываться в организованных и/или институционально заданных общественных порядков, является важной и многоплановой, и ее всестороннее рассмотрение способно определенным образом прирастить концептуальную базу современного управления политическими, экономическими и социальными процессами в нашей стране. Немало можно извлечь и из тех трактовок процессов социального-экономического развития, которые вытекают из понимания особой значимости научного, всестороннего и системно организованного описания, теоретического моделирования и объяснения процессов, протекающих в сфере регионального развития России. При этом, по нашему мнению, всякая попытка совместить в научном дискурсе регионалистику и ювенологию, открывающая новые аспекты вполне традиционной для социологии и других наук темы разумной молодежной политики со стороны участников соответствующих процессов может оказаться вполне востребованной практикой современного государственного строительства в России. Полагая правильным оценить представленный материал как возможную предпосылку более глубокого изучения поставленной проблемы, считаем возможным обозначить в качестве выводов следующий набор утверждения:

объективная устремленность молодежи в будущее не делает ее наследником прошлого автоматически: освоить совокупность выработанных человечеством богатств – непростая, трудовая, практическая, но и критическая задача;

потенциальность молодежи всегда неопределенна, если не определена образом жизни, институционально и идеологически: ее склонность к переменам, стихийная, направленная или управляемая, не стоит переоценивать;

«вопрекизм» молодых когорт, нонконформизм и в то же время некомфортное состояние ожидания будущих благ делает ее склонной к экстремальному эпатажу, равно как и к намеренному сибаритству и желанию мещанинских прелестей. Единственное, в чем пока не замечена российская молодежь – так это к склонности вкусить «свинцовые мерзости деревенской жизни»;

социокультурная идентичность российских регионов не может быть самоцелью, ее ограничения федералистскими интенциями российской Конституции в то же время не могут исключать таких тенденций в действиях власти, в которых стратегические интересы страны в целом реализуются через создание ситуаций управляемой напряженности и даже элементов конкурентности во взаимоотношениях регионов;

возможности молодых поколений составляют своего рода предпосылку и условие для определения стратегических перспектив регионального развития России в целом и составляющих ее субъектов

Молодежь в совокупности открытых для нее субъектных позиций в отношении перспектив регионального развития – не просто важнейший ресурс для реализации планов власти, бизнеса и гражданского общества, поскольку от ее структурирования на этапе становления и социализации, приобщенности к культурной традиции и инновативной практике, от освоения ею способов заключения альянсов и манеры разрешения конфликтов зависит, в определенной степени (а может быть, и в конечном счете) структурная динамика развития нашего общества и его место в мире в сравнительно долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Голубова М.И., Бзасежева Л.З. Функции воспроизводства в региональных локализациях оздоровительного профиля: депрессивный тип экономической системы. Вестник АГУ. Выпуск 1. (138), 2014. С. 64–68.]
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв.ред. сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
3. Реанович Е.А. Смысловое значение понятия «потенциал» Экономические науки. Декабрь 2012 / <https://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/>

4. Галиев Л.М. Исследование понятия «потенциал» и «социальный потенциал» в социологии. <http://lib.znate.ru/docs/index-288843.html>

5. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПрЭ РАН. СПбГУ. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с

6. Салахутдинова Р.Х. К вопросу об институциональных функциях в контексте глобализации образования. Социальная стратегия российской системы образования: Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 г. / Отв. ред. А. В. Воронцов. РГПУ им. А. И. Герцена, СПб. С.122 – 124. - 432с.

7. Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / Мир России. 1995, № 1.

8. Сен, Амартия. Идея справедливости [Текст] / Амартия Сен; пер. с англ. Д.Кралечкина; науч. ред. перевода В.Софронов, А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

УДК 316.42, ББК 66.3 (2Рос.) 6

Самсонова Татьяна Николаевна –
д-р полит наук, профессор
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
e-mail: ashberry@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

В настоящее время процесс политической социализации молодежи в России претерпевает заметные изменения. Активнее проводится государственная молодежная политика, реализуются программы по гражданскому образованию и патриотическому воспитанию. Успешной адаптации молодежи и выработке необходимых моделей ее поведения будут способствовать положительные изменения в политической и социально-экономической сферах.

Ключевые слова: Россия, молодежь, политическая социализация, гражданская культура, патриотизм.

Демократические преобразования в современной России предполагают построение развитого гражданского общества, формирование гражданской культуры. Решению этих задач в условиях демократического транзита призвана содействовать политическая социализация. Она не только является способом адаптации граждан к новой социально-политической ситуации, обеспечивает воспроизводство политической культуры, передачу накопленного политического опыта, но и служит механизмом формирования политической культуры нового типа. («В демократических странах каждое новое поколение – новый народ», – писал А. де Токвиль).

Это в первую очередь относится к молодежи. «...Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями ... включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации, – до 35 и более лет...» [6]. По данным федерального агентства «Росмолодежь», в российском обществе доля молодежи (2016 г.) составляет 21,5 % (31,5 млн. чел) от общего числа населения России [7].

Молодежь – неоднородная социальная группа, которая особенно остро ощущает на себе все проблемы трансформирующегося российского общества.

Она крайне стратифицирована и дифференцирована по различным основаниям, находится в фазе самоопределения и выбора пути, интеграции в социум. Социальные проблемы – сильная поляризация и дифференциация в доступе к экономическим ресурсам, образованию, качественному здравоохранению, социально-экономическое неравенство регионов России, «закупорка» каналов социальной и политической мобильности и др. – все это напрямую влияет на жизненные шансы самореализации молодых людей. Если в Москве, Санкт-Петербурге значительная часть молодежи позитивно оценивает свои жизненные возможности, то в малых городах и в сельской местности доля таких людей гораздо меньше. Так, по данным Левада-Центра, на первом месте среди проблем, осложняющих жизнь молодежи, стоят «материальные трудности, нехватка денег, высокие цены» (71%), а на втором проблемы связанные с трудоустройством и безработицей» (54%) [3].

Сегодня молодежь занимает двойственное положение в российской политике. Часть молодых людей активно принимает участие в общественной и политической жизни страны (достаточно посмотреть на число действующих в стране различных общественных организаций). Наблюдается некоторое увеличение числа представителей молодежи в структурах политических партий и в представительных органах власти (в основном на муниципальном уровне). Однако большинство молодежи мало интересуется политикой, проявляет низкий уровень электорального участия.

В ходе реформ на рубеже XX-XXI веков государство занимало по отношению к молодежи изоляционную позицию. Социально-экономические и политические трудности «отодвинули» вопросы политической социализации и гражданского образования молодого поколения. Оно, можно сказать, было отпущено в «свободное плавание». В результате возникало чувство безразличия к государственным структурам, происходило дистанцирование от общественно-политической жизни. Значительная часть молодежи, особенно в регионах, испытывала (впрочем, и в настоящее время испытывает) немало трудностей с получением качественного образования и трудоустройством. Ухудшилось физическое и морально-психическое состояние молодых людей. В условиях рыночной экономики «за последние десятилетия ориентированность молодых россиян на современные ценности индивидуализма, достижений, самостоятельности и конкурентоспособности усилилась» [1].

Но общество не может успешно развиваться без хорошей подготовки молодого поколения к будущей жизни. В 2000-е годы в России произошло укрепление государственной власти, наметились качественные изменения в функционировании политической системы. Все больше внимания стало уделяться формированию гражданских и патриотических качеств молодежи, были разработаны и реализуются соответствующие государственные программы. Усилия государства и общества направлены на формирование политической субъектности молодого поколения россиян.

В политической социализации прослеживается (и не только в России) ряд серьезных проблем. Среди них: 1) изменение роли институтов и агентов политической социализации; 2) трудности политической социализации и гражданского образования в многонациональном обществе; 3) невысокий уровень политических знаний молодого поколения, а также недостаточная информированность о собственных гражданских обязанностях, 4) отсутствие интереса к политике, низкий уровень политического участия и гражданской активности.

Основными институтами политической социализации по-прежнему являются семья, система образования, средства массовой информации, властные структуры, политические и общественные организации. Возросла в последние годы политико-социализирующая роль армии. А вот трудовые коллективы, профсоюзы заметно ослабили свое влияние по сравнению с советским временем. Остановимся на деятельности ряда указанных институтов социализации, роль которых за последние годы заметно изменилась.

Процесс политической социализации молодежи, как показывают различные исследования, в значительной степени происходит сегодня в цифровой среде. В научный оборот даже вошел термин «киберсоциализация» – виртуальная компьютерная социализация личности. Под влиянием Интернет-среды не только трансформируется процесс социализации, но и происходят изменения в структуре личности, в системе ее политических ценностей. Распространение информационно-коммуникационных технологий имеет как положительные стороны, так и сопряжено с определенными рисками. Нельзя не отметить такие их достоинства как доступность, открытость, оперативность. Интернет – это не просто источник информации. В сущности, это сфера активного обмена мнениями, инструмент организации разных видов социальной и политической активности на местах.

Вместе с тем происходят изменения и отношений между людьми, формируются новые образы реального мира, влияющие на содержание и направленность ценностного сознания молодежи. «Стираются» грани индивидуальности, навязывая стереотипность в мышлении и действиях. Формируется и новый тип идентичности – виртуальная идентичность. Проявляя свою активность через высказывания в Интернете, молодые люди зачастую остаются в пределах виртуальной реальности, не выражая желаний, да и готовности к различным формам непосредственного политического участия и гражданской активности. Кроме того, анонимность использования Интернет-ресурсов нередко снижает ответственность за предоставляемую и передаваемую в Сети информацию. Политические силы нередко манипулируют молодежью и используют ее в качестве социальной базы для незаконных акций. Так, Интернет сыграл немалую роль в привлечении молодежи к различным акциям неповиновения в ходе «цветных революций». Известны и примеры вербовки через Интернет в экстремистские организации.

В условиях такого неоднозначного информационного воздействия особенно важен целенаправленный процесс формирования активных, ответственных граждан, способных самостоятельно мыслить и принимать решения, не поддаваться на провокации и манипулирование как извне, так и внутри государства. И решить этой задачи призвано качественное образование, в том числе гражданское образование, а также патриотическое воспитание, рассматриваемые как приоритетные направлений государственной молодежной политики РФ [2; 6].

Важнейшим институтом, который выполняет образовательную и воспитательную функцию, была и остается школа. Она дает первичные представления человеку как гражданину и способствует (или препятствует) его вхождению в гражданскую жизнь. В 1990-е – начале 2000-х годов школа как социальный институт значительно снизила свою политико-социализирующую и воспитательную функции, опыт гражданского образования советского периода был предан забвению. В ходе «борьбы с советской идеологией» школы выполняли лишь функцию образования, а воспитательные функции, формирование нравственного сознания в их обязанности как бы и не входили. Система образования понесла от этого ощутимые потери. В настоящее время ситуация постепенно меняется. Сегодня в школах пытаются создать новую «школьную среду», чтобы восполнить этот пробел (выборные советы, система школьного самоуправления). Ирония заключается в том, что, по сути, происходит воссоздание организаций, которые успешно действовали в советский период.

Важная задача учебного процесса сегодня - сформировать новые интеллектуальные навыки в соответствии с принципами современного общества, провести социализацию в рамках национальной культуры и в то же время подготовить молодое поколение к деятельности в рыночных условиях. С этой целью для старшеклассников преподается ряд факультативных курсов (модулей) по вопросам экономики, права, политики, истории религиозных культур и др. [8]. Есть определенные преимущества введения (при условии продуманного использования) единой тестовой системы проверки знаний: упрощение процедуры приема в ВУЗы, возможность мобильности для молодежи из регионов.

В Советском Союзе сильное политико-социализирующее воздействие на молодежь оказывала армия, поскольку большинство молодых ребят после школы проходили военную службу. Армия играла важнейшую роль в воспитании чувства гражданственности, патриотизма, преданности своей Родине. В 1990-е годы ее роль в политической социализации значительно снизилась (следствие обострения таких проблем, как дедовщина, производ офицерского состава, криминализация ряда военных структур). В 2000-е годы, с процессом модернизации армии, положительных изменений в проводимой государством политике в обществе заметно улучшилось отношение к этому

институту, в том числе со стороны молодежи. Вот данные всероссийского опроса ВЦИОМ (2016 г.): «Службу в армии две трети россиян (64%) считают хорошей школой жизни для молодых людей, эта доля выросла почти в два раза за четверть века (33% в 1990 г.). Обратной точки зрения сегодня придерживается каждый четвертый (23%), для сравнения 25 лет назад так думали 42% опрошенных». Респонденты назвали армию в числе главных социальных институтов, «которые формируют у граждан нашей страны традиционные ценности, и в первую очередь, – это чувство патриотизма» (39%). В ТОП-3 ее опережают только семья (67%) и школа (49%)» [5].

Анализируя процесс политической социализации современной российской молодежи, нельзя не затронуть одно из последних «нашумевших» событий, а именно, акции протеста против коррупции, которые прошли в крупных городах России в марте 2017 года. «На улицы многих городов, но особенно в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, вышли сотни, если не тысячи горожан, которых с уверенностью можно причислить к поколению слишком молодых... Они хотят, чтобы с ними разговаривали на равных, а потому готовы откликаться на призывы тех, кто хотя бы делает вид, что их слышит» [4].

Стихийный характер молодежных выступлений свидетельствует о недостаточной эффективности государственной молодежной политики, о серьезных недостатках институциональных механизмов включения молодежи в политический процесс, отражает и другие острые проблемы общества. Очевидно, что в этих условиях чрезвычайно важен поиск наиболее эффективной модели политической социализации молодого поколения. Зачастую государственные структуры, призванные работать с молодежью, не воспринимают и не понимают специфических реалий жизни молодого поколения, что тормозит развитие демократии в России. Между тем потенциал для развития гражданской культуры и патриотизма в молодежной среде есть. Для его развития требуется планомерная реализация государственных программ в области молодежной политики, развитие институтов гражданского общества, вовлечение молодежи в политическую жизнь страны. Вместе с тем для успешного решения этих задач не менее важны положительные изменения в политической, социально-экономической и духовно-нравственной сферах жизнедеятельности социума.

Список литературы:

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. – М.: Новый хронограф, 2011. С. 375.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/2>

3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 38.
4. Живущие только при Путине / НГ-Политика // Независимая газета. 24.04.2017. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-04-18/9_6976_generationz.html
5. Опрос ВЦИОМ «Армия и общество» // Пресс-выпуск №3219. 12.10.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115906>
6. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>
7. Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь». Статистика. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic>
8. Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. – М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 234–239.

УДК 364.1 ББК 60.524

Смирнова Анна Николаевна –
канд. социол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: a.smirnova@spbu.ru

ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Ключевые слова: молодежь, социальное благополучие, здоровье, образование, рынок труда

В данном материале будут обсуждаться некоторые, ключевые для обеспечения социального благополучия молодежи, проблемы современного российского общества. Оценку динамики социального благополучия необходимо начинать с мониторинга основных социальных и экономических процессов. Особое место здесь уделяется диагностике благосостояния и его отражения в общественном мнении (в массовом сознании) по основным параметрам, предложенным Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), которая в качестве ключевых ресурсов социального благополучия обозначила: здоровье, образование, занятость и качество трудовой жизни, доходы и уровень жизни, досуг, окружающая среда и жилищные условия, социальное окружение и личная безопасность [17].

Демография и здоровье молодежи. Согласно докладу Федерального агентства по делам молодежи, демографический прогноз показывает существенное снижение численности молодежи к 2025 году – с 35,2 млн. человек (2012 г.) численность молодежи сокращается до 25,6 млн. человек (2025 г.), т.е. на 27,3%. Причем произойдет резкое сокращение численности молодежи в самых продуктивных ее возрастах – 23-30 лет [6]. Демографический спад стал сильной движущей силой, которая поставила молодежь на политическую повестку дня. В связи с тем, что серьезное сокращение численности молодежи в детородном возрасте ставит вопрос о социальном и экономическом развитии России уже за пределами 2050 года, особое значение в настоящее время придается росту рождаемости. В то же время среди экспертов существует опасение, что сильный акцент на увеличение рождаемости в обществе, где до сих пор превалируют патриархальные ценности и семья с двумя родителями считается основой нации (что на самом деле противоречит реальной ситуации в России, где при высоком проценте разводов многие дети растут в неполных семьях), может оказать отрицательное влияние на жизнь молодых женщин, особенно на их сексуальное

и репродуктивное здоровье и право на работу [9]. Данная проблема усугубилась в связи с все расширяющимся влиянием русской православной церкви в современном российском обществе и появлением ряда законодательных инициатив, поддерживаемых РПЦ, как например, вывод абортотворцев из системы обязательного медицинского страхования. При отсутствии налаженной системы сексуального просвещения подростков и молодежи, фактически запрета на проведение подобных мероприятий среди несовершеннолетних, принятие данных норм не может не вызывать опасения за здоровье подрастающего поколения. При этом результаты опросов общественного мнения демонстрируют, что только 3% населения считают, что абортотворцы должны быть запрещены, в качестве мер предотвращения абортов 84% выделяет «просветительские программы, консультирование, социальная помощь», 66% опрошенных решением таких проблем предлагает заниматься не руководству страны, а оставить на усмотрение людей, которых это касается [12].

Влияние консервативных идей можно найти и в других сферах общественного здоровья. В стране, где уже открыто говорят об эпидемии ВИЧ/СПИДа (в конце 2015 года в России было зафиксировано 1 млн. человек с ВИЧ-инфекцией [15]), распространение идеологии, что «не нужно заниматься профилактикой, потому что все само собой рассосется, если все будут сохранять верность партнеру» [15], представляется очень тревожным. Среди выявляемых больных с ВИЧ-инфекцией всегда преобладали молодые люди в возрасте 20–29 лет, вплоть до 2008 года они составляли более половины всех пациентов [3]. По официальной статистике конца прошлого года, у нас более 50% случаев заражения связано с инъекционным употреблением наркотиков [15], при этом, несмотря на все усилия по внедрению программ «снижения вреда», помощь наркоманам все еще может расцениваться таким же злом и вредом как бесплатные аборты.

В целом, согласно официальным данным по РФ, состояние физического и психического здоровья молодого поколения ухудшается, так общая заболеваемость подростков за последние годы увеличилась на 29,4% [5]. Особую обеспокоенность вызывает вовлеченность подростков и молодежи в разнообразные деструктивные виртуальные сообщества, такие как «группы смерти».

Образование и рынок труда. Доля молодых людей, получающих полное среднее образование в России, несколько выше среднего уровня стран ОЭСР. Однако ожидаемая продолжительность образования для детей в возрасте пяти лет в России ниже (16,5 лет), что связано, в первую очередь, с относительно коротким школьным образованием [11].

По данным международных исследований, Россия не уступает странам с высоким уровнем валового внутреннего продукта по показателям теоретической подготовки учителей. Однако лучшие выпускники не идут работать в школы: ежегодно 1 – 2 новых учителя появляются лишь в 60% школ,

в остальных педагогический состав не пополняется молодежью. Доля учителей российских школ в возрасте до 30 лет составляет 13% [5]. Обусловлено это, в том числе, невысоким уровнем заработной платы работников образования.

Согласно опросам ВЦИОМ, треть населения России (34%) отмечают повышение культурного уровня и кругозора студентов, 42% полагают, что люди, не получившие диплом Вуза, могут рассчитывать лишь на низкооплачиваемую и непрестижную работу [14]. Это находит отражение в статистике: 85% выпускников школ продолжают обучение в вузах, более 2/3 обучающихся в образовательных организациях профессионального образования – студенты вузов [5].

По показателю расходов на образование по отношению к валовому внутреннему продукту Россия уступает большинству стран ОЭСР – в 2014 году это соотношение составило 3,3% [11] (в сравнении с соотношением расходов на вооружение в 2016 году – 5,3% [16]). Государственные расходы на образование из федерального бюджета в 2016 году равнялись 564,3 млрд. рублей, что в процентах от расходов федерального бюджета – 3,9 [11]. Начиная с 2000 года резко возрастает объем платных услуг в системе образования (в сопоставимых ценах на 173,5% в 2013 году к 2000) [7]. При этом в России лишь небольшая группа университетов имеет современные кампусы, обладает достаточным числом и качеством общежитий, что снижает эффективность образовательного процесса. В образовательных учреждениях растет число площадей, нуждающихся в капитальном ремонте, особенно это касается общежитий [11].

По мнению исследователей, одна из острейших проблем современной российской системы образования – несоответствие структуры профессионального образования потребностям рынка труда: значительное число вузов практически утратило связь с рынком труда. По данным международного мониторинга оценки качества образования ОЭСР, отмечено отставание российской молодежи от сверстников из большинства развитых стран мира по ключевым для формирования функциональной грамотности направлениям, в первую очередь по владению умениями применять полученные знания на практике [5].

Результаты опросов работодателей свидетельствуют о том, что остро ощущается дефицит квалифицированных исполнителей [5]. Отношение численности выпускников, обучавшихся по программам профессионального образования к численности населения в возрасте, теоретически соответствующем окончанию образования на определенной ступени, в 2014 составил 67,3% – выпускники бакалавриата, специалитета и магистратуры, а выпуск квалифицированных рабочих, служащих – 30,6% [7]. Для молодежи, избравшей интеллектуальные «престижные», но избыточные на современном рынке труда профессии, это оборачивается не востребованностью, невозможностью сделать профессиональную карьеру в той области, к работе

в которой они готовились в вузе. Согласно опросам ВЦИОМ, ухудшение ситуации в области трудоустройства наблюдают 40% выпускников вузов [14]. Данные демонстрируют, что уровень безработицы среди 15–24-летних устойчиво превышает средний показатель для всего населения. В течение 2000–2014 годов он колебался в пределах 24–32% в возрастной группе до 20 лет, 12–16% – в возрасте 20–24 лет [2].

Первый выход на рынок труда осложнен отсутствием трудового опыта у претендентов на рабочие места, противоречивостью и неоднозначностью процесса самоопределения и выбора молодежи, рассогласованностью рынка образовательных услуг и рынка труда. Одной из особенностей трудоустройства современной молодежи является то, что по сравнению с сорокалетними, молодежь больше ценит возможность выбора, комфорт, личное время, возможность общаться, устанавливать новые связи, чувствовать свою значимость и востребованность, и все это влияет на решение сколько, когда и где трудиться [4]. Исследовательские данные показывают, что среди работающей молодежи в возрасте 20–30 лет возможностями для профессионального роста удовлетворены 45,9%, оплатой труда – 39,7% [8]. Не вполне благополучная картина с удовлетворенностью оплатой труда, связано в том числе и с тем, что к размеру заработной платы в 2000-е годы у молодежи сформировался высокий уровень ожиданий [13], а с наступлением кризиса 2008–2009 годов, а затем и 2013 года, реальный уровень заработной платы значительно снизился.

Доходы и уровень жизни. Несмотря на относительную стабилизацию социально-экономической ситуации в России, по расчетам Института социальной политики НИУ ВШЭ, октябрь 2014 года стал последним месяцем роста реальных доходов населения. До сих пор период падения реальных денежных доходов населения не завершился – по итогам первых пяти месяцев 2017 года глубина падения достигла 1,8% по отношению к соответствующему периоду прошлого года. Таким образом, май 2017 года стал по сути тридцать первым месяцем сокращения реальных доходов россиян, и по сравнению с октябрём 2014 года падение за прошедшее время составило 19,2% [10].

Социальное благополучие включает экономическое благосостояние, но шире этой категории за счет того, что включает гражданские свободы, относительную свободу от преступности, возможность жить в чистой экологической и безопасной среде. К сожалению, данные сферы в российском обществе также содержат серьезные риски социального неблагополучия современной молодежи, что требует как минимум серьезных социологических исследований.

Материал подготовлен в рамках проекта «Положение и риски девиантности молодежи, проживающей в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)» при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00383)

Список литературы:

1. Березина Н. Число ВИЧ-инфицированных в России достигло 1 млн человек. [Электронный ресурс] // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/society/20/01/2016/569fa9849a794768bb441afa> (дата обращения: 09.09.2017)
2. Варшавская Е.Я. Успешность перехода «учеба-работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. 2016. №2. С. 39–46.
3. ВИЧ/СПИД сегодня и рядом. Пособие для людей, принимающих решения / Под ред. Н. А. Белякова, А. Г. Рахмановой. – СПб.: Балтийский медицинский образовательный центр, 2012.
4. Горелова Е. Двадцатилетние: личная жизнь или работа? [Электронный ресурс] URL: www.rabota.mail.ru (дата обращения: 12.11.2016)
5. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства образования и науки. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3409> (дата обращения: 25.09.2016)
6. Доклад федерального агентства по делам молодежи Министерства образования и науки РФ – 2013 г. [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <http://www.fadm.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2017)
7. Индикаторы образования: 2016: статистический сборник / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2016.
8. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.
9. Луков С. В. Анализ рекомендаций Тематической Группы ООН по молодежной политике – 2010 г. [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь – декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Lukov_United-Nations-Theme-Group/ (дата обращения: 10.11.2016)
10. Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ. 2017.
11. Образование в цифрах: 2016: краткий статистический сборник. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 80 с.
12. Россия не против запрета абортотв: опрос Левада-Центр. [Электронный ресурс] // Аналитический центр Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2015/07/02/rossiyane-protiv-zapreta-abortov> (дата обращения: 05.02.2017)
13. Самойлова В.А., Бородкина О.И., Каллунки В. Социальные проблемы молодежи и ресурсы их преодоления // Концепция возможностей и социальные проблемы молодежи: коллективная монография / Под ред. О.И. Бородкиной. СПб.: Издательство «Скифия», 2012.

14. «Татьянин день: о бедном студенте замолвите слово» [Электронный ресурс] // <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/holidays-customs/article/tatjanin-den-o-bednom-studente-zamolvite-slovo.html> (дата обращения: 20.08.2017)

15. «У некоторых руководителей регионов позиция простая: все сами умрут, и эпидемия ВИЧ рассосется» – интервью с А. Саранг. [Электронный ресурс] // Научно-популярный просветительский проект фонда СПИД-Центр. URL: <https://spid.center/articles/324> (дата обращения: 01.09.2017)

16. SIPRI Military Expenditure Database [Электронный ресурс] URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 09.09.2017)

17. Social Well-Being Policy Report by Christchurch City Council, Christchurch, New Zealand. 2008 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ccc.govt.nz/Publications/SocialWellBeingPolicy/Rationale.asp> (дата обращения: 05.12.2016)

Спичкова Екатерина Александровна –
магистрант 1 курса, кафедры социологии,
Волгоградский государственный
университет,
e-mail: katya.spichkova@mail.ru

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Ключевые слова: религия, религиозность, гражданская религиозность, символическая религиозность, маргинальная религиозность.

Описывая современное состояние социальной системы, американский социолог З. Бауман применяет по отношению к ней термин «текущая современность» [1]. Для общества «текущей современности» характерна высокая скорость социальных изменений, увеличивающаяся степень глобализации общества, высокий уровень миграции, подвижность традиционных установок и изменчивость практик социального взаимодействия. Отличительной особенностью общества XXI века является качественное приращение научного знания, прогресс технологических инноваций. Но, несмотря на эти процессы, исследования показывают, что потребность в религии характерна примерно для 90% жителей мира [7].

Изменения в экономической, политической, научной и других сферах общественной жизни детерминируют изменения религиозной сферы. В качестве таковых можно рассматривать возросший вследствие глобализации религиозный плюрализм [2], в результате которого на сегодняшний день не представляется научно обоснованным построение модели религиозности на основе дихотомии верующий/неверующий. Современная религиозность представляет собой более сложные сочетания внутренних и внешних проявления религиозного сознания индивидов.

Наиболее часто встречающимися формами религиозности являются религиозность внецерковная и религиозность маргинальная. Для первой характерно «...отсутствие связи с какой-либо конкретной церковной общиной, но наличие устойчивой религиозной самоидентификации» [8, с.272]. Широкая распространенность данного типа религиозности в российском контексте подтверждается социологическими исследованиями разных лет. По результатам исследования М. П. Мчедлова 1997 года к категории верующих отнесли себя 32,1% молодежи и 34,9% опрошенных взрослых, тогда как на вопрос о посещении религиозных служб лишь 3,2% ответили утвердительно [4, с.1]. Результаты опроса, проведенного социологическим центром Юрия Левады, демонстрируют следующее соотношение: к числу православных отнесли себя 70% респондентов, и лишь 15% из них ходят в церковь хотя бы раз в месяц. Сравнительный анализ данных исследований 1997 и 2013 года свидетельствует о возросшем уровне религиозности населения. Но остается довольно серьезным

разрыв между количеством индивидов, которые самоидентифицируют себя с каким-либо вероисповеданием, и количеством индивидов, которые выполняют его каноны и правила. Согласно данным опроса Левады, к типу религиозности внецерковной принадлежат примерно 55% православных. По самостоятельным оценкам россиян к внецерковному типу религиозности относятся 27% респондентов (те, кто при опросе выбрал вариант ответа «я верю в Бога, но конкретную религию не исповедую») [6].

Что касается маргинальной религиозности, то она определяется тем, «что люди, принадлежащие к определенной церкви, редко посещают ее или время от времени ходят в любую другую церковь...» [8, 272]. К числу принадлежащих к этому типу религиозности можно отнести абсолютное большинство участников социологических опросов последних лет. Результаты исследования, проведенного исследовательской службой «Среда», говорят о том, что 38% православных россиян не посещают богослужения, еще 28% посещают их раз в год и реже, и лишь 3% опрошенных стараются посещать богослужения раз в неделю [6].

Интересным образом в российской реальности проявляют себя символическая и гражданская религиозность, для которых характерно так называемая «принадлежность без веры». В ходе опроса 2008 года 71% россиян заявили о том, что исповедуют православие, но только 32% из них знают, что Бог существует и не испытывают сомнения по этому поводу [5]. Важной характеристикой символической религиозности является культурная, статусная или этическая самоидентификация индивидов с институтом религии. Но собственно религиозный компонент – вера в Бога или сверхъестественные силы – отсутствует [8, с.275]. Что касается гражданского типа религиозности, то он проявляется в демонстрации принадлежности к традиционной для государства религии [3, с.108-155]. Наиболее ярко эти типы религиозности в российской среде наблюдается в православии. Некоторый процент опрошенных в ходе исследований респондентов называют себя православными и одновременно неверующими, при этом соблюдают религиозные праздники. Например, опрос студентов в 2010 году выявил такие результаты: 82,4% опрошенных считают себя лично верующими, 70,4% опрошенных верят в Бога. Религиозные праздники отмечают 87% респондентов, соответственно среди них присутствуют лично неверующие, и лично верующие, но не верующие в Бога [6]. Это свидетельствует о восприятии православия как части национальной русской культуры.

В современном обществе происходят изменения во всех сферах общественной жизни, затрагивают они и религиозный институт: можно говорить о тенденциях к упрощению религии, о ее технологизации, о появлении новых форм религии, образующихся на пересечении традиционных верований и т.д. Вследствие перечисленных тенденций происходит усложнение религиозности, появление ее новых типов, которое получают распространение и в российской действительности. С опорой на эмпирический материал всероссийских социологических исследований сегодня можно говорить

об утверждении таких новых типов религиозности, как религиозность внецерковная, маргинальная, символическая и гражданская. Выделенные четыре типа религиозности можно объединить в две общие тенденции, характеризующие особенности религиозности современного общества. С одной стороны, наблюдается высокий уровень религиозности населения, который проявляется в самоидентификации себя с категорией верующих людей. Но этому сопутствует низкий уровень включенности в религиозные институты и практики (как в случае с маргинальной религиозностью) или полное отсутствие принадлежности к определенной религиозной общине (как в случае с внецерковной религиозностью). С другой стороны, наблюдается обратная тенденция: индивиды соотносят себя с определенным вероисповеданием, часто их принадлежность проявляется и в религиозных практиках, но при этом у них отсутствует важная религиозная составляющая – вера в Бога. Существование таких типов религиозности становится возможным в результате того, что индивиды причисляют себя к религии как к части культурной сферы (символическая религиозность) или части гражданской сферы социальной жизни (гражданская религиозность).

Список литературы:

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб, 2008.
2. Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. – М.: МГИМО–Университет, 2014
3. Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности / И. Г. Каргина // Социологические исследования. – 2013. № 6. – С. 108–115
4. Мчедлов, М.П. О религиозности российской молодёжи // Социологические исследования. – 1998. – № 6
5. Сайт аналитического центра Юрия Левады [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/12/12/pochemu-rossiyane-ne-hotyat-zhit-vechno/>, свободный. – Загл. с экрана
6. Сайт некоммерческой исследовательской службы «Среда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sreda.org/category/nashi-issledovaniya>, свободный. – Загл. с экрана
7. Сайт Central Intelligence agency [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2122.html#xx>, свободный. – Загл. с экрана
8. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С. А. Кравченко. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии. – М.: МГИМО–Университет, 2011.

УДК 316.752 – 057.875 ББК 60.543.172

Сысоева Алёна Владимировна –
магистрантка,
ГУО «Могилевский университет
им. А.А. Кулешова», г. Могилев
e-mail: alyona.sysoeva10@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ-ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ РАЗНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ключевые слова: жизненные ценности, жизненные цели-ценности, этническая принадлежность, студенты.

Значительные изменения, происходящие в различных сферах жизни современного человека, ведут к постепенной смене сложившихся в обществе ценностей, тем самым ставя людей перед определенным выбором: либо сохранять устоявшиеся, привычные жизненные ценности, либо, приспособившись к многообразным условиям, формировать новые.

В нынешней ситуации интенсификации межкультурных контактов, в том числе студенческих обменов, появляется необходимость изучения факторов, определяющих как благополучие межличностного взаимодействия представителей различных культур, так и успешность организации образовательного процесса в вузе [1]. Одним из факторов, определяющих успешность контактов представителей разной этнической принадлежности, являются их жизненные ценности, которые формируются внутри культуры. Под жизненными ценностями мы понимаем «совокупность социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни» [2, с. 3].

С целью изучения особенностей жизненных целей-ценностей студентов разной этнической принадлежности нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 151 респондент, из них 53 белорусских студента, 53 студента из Туркменистана и 45 студентов из России. В качестве диагностического инструментария исследования был использован опросник «Определение жизненных ценностей личности» (Must-тест), предложенный П.Н. Ивановым и Е.Ф. Колобовой. Данная вербальная проективная методика предназначена для определения жизненных целей-ценностей личности. Она содержит 18 незаконченных высказываний, ответы на которые, можно отнести к одной из 15 групп жизненных целей-ценностей: открытость, безопасность, служение людям, власть, известность, автономность, материальный успех, духовная культура, личностный рост, здоровье, привязанность и любовь, привлекательность, удовольствие,

межличностные контакты, богатая духовно-религиозная жизнь. В данном случае под жизненными целями-ценностями понимаются «правила, внутренне обязательные для человека, это то, за чем человек следит сам и чему изменить не может» [3].

Статистическая обработка результатов исследования, проведенная с помощью факторного анализа, позволила выделить в каждой из трех выборок пять факторов, характеризующих цели-ценности студентов.

В результате статистического анализа у студентов из Беларуси были выделены пять доминирующих групп целей-ценностей.

Согласно максимальному факторному весу первый фактор следует назвать «Материальный», который включает в себя переменные «материальный успех» (X_7 – вес 0,717), «власть» (X_4 – 0,628), «автономность» (X_6 – 0,464), «духовная культура» (X_8 – -0,655). Он предполагает, что материальная обеспеченность человека (гарантированный заработок, хорошие условия проживания) сочетается с автономией и возможностью самому определять ход своей жизни, что позволяет заручиться властью в различных аспектах жизни. Вместе с тем акцент на удовлетворении материальных потребностей может приводить к снижению уровня духовной культуры личности, затруднять духовное совершенствование и стремление приобщаться к достижениям культуры и искусства.

Второй фактор был назван «Риск», который включает в себя две переменные «безопасность» (X_2 – вес -0,782), «служение людям» (X_3 – -0,792). Этот фактор определяет стремление индивида к риску, способность стойко выдерживать ситуации неудачи, стимулирует поиск нетрадиционных решений проблем и сводит к минимуму такие жизненные и профессиональные цели личности как помощь и содействие другим людям.

Третий фактор был назван «Личностный» и объединил такие переменные как «личностный рост» (X_9 – вес 0,675), «здоровье» (X_{10} – 0,675), «общение» (X_{14} – -0,419), «удовольствие» (X_{13} – -0,559), «известность» (X_5 – -0,573). Данный фактор предполагает, что высокие требования к себе, стремление к развитию себя как личности и профессионала стимулирует индивида следить за состоянием своего здоровья, ограничивать себя в удовольствиях (несбалансированное питание, нерегулярный сон, вредные привычки). Вместе с тем стремление к высоким ценностям и саморазвитию сводит к минимуму потребность чувствовать себя частью какой-либо группы, быть в центре внимания.

Четвертый фактор включает в себя три переменные «открытость» (X_1 – вес 0,770), «богатство духовно-религиозной жизни» (X_{15} – 0,753), «привлекательность» (X_{12} – -0,459) и был назван «Открытость». Этот фактор определяет потребность индивида в искренности, чистосердечности во

взаимоотношениях с окружающим миром, заинтересованном отношении к духовному состоянию общества, что повышает стремление жить в гармонии со своим внутренним миром и в соответствии со своими религиозными убеждениями. При этом акцент на удовлетворении моральных и духовных ценностей может приводить к снижению стремления иметь привлекательную внешность, следовать моде.

Пятый фактор – «Автономный» – включает в себя переменные «автономность» (X_6 – вес 0,627), «привлекательность» (X_{12} – 0,420), «здоровье» (X_{10} – -0,473), «привязанность и любовь» (X_{11} – -0,790). Этот фактор предполагает независимость от мнения окружающих, потребность самостоятельно определять ход своей жизни, добиваться целей за счет привлекательной внешности, следованию модным канонам. Однако самостоятельность личности в профессиональных и личных сферах сводит к минимуму заботу о собственном здоровье (регулярное и сбалансированное питание, здоровый образ жизни), определяет меньшую озабоченность по поводу взаимоотношений со значимыми людьми.

В результате статистического анализа у студентов-туркменов были определены пять групп жизненных целей-ценностей.

Максимальный факторный вес определил наименование первого фактора – «Привлекательность». Он включает в себя четыре переменные «привлекательность» (X_{12} – вес 0,744), «автономность» (X_6 – 0,547), «личностный рост» (X_9 – -0,635), «привязанность, любовь» (X_{11} – -0,745). Для испытуемых привлекательная внешность, опрятный внешний вид определяют стремление независеть от мнения окружающих. Вместе с тем акцент на внешней красоте может приводить у них к снижению удовлетворения потребности в саморазвитии, меньшую озабоченность по поводу привязанности к людям.

Второй фактор был назван «Служение людям» и включает в себя такие переменные как «служение людям» (X_3 – вес 0,573), «здоровье» (X_{10} – -0,412), «открытость» (X_1 – -0,572), «богатство духовной культуры» (X_8 – -0,638). Этот фактор определяет наличие у студентов возможности помогать и содействовать в достижении целей другим людям, что сочетается со снижением контроля за состояние собственного здоровья и сил. При этом возможность быть полезным другим людям может сочетаться со снижением степени чистосердечности и искренности, удовлетворением потребности приобщаться к искусству и культуре.

Третий фактор был назван «Власть». Он включает в себя переменные «власть» (X_4 – вес 0,610), «общение» (X_{14} – -0,557), «богатство духовно-религиозной жизни» (X_{15} – -0,787). Данный фактор определяет, что потребности властвовать над другими, оказывать на них влияние сочетаются со снижением

ценности чувствовать себя частью какой-либо группы и иметь свой круг общения. Вместе с тем акцент на потребности во власти сводит к минимуму стремление индивида жить в соответствии с религиозными убеждениями.

Четвертый фактор следует назвать фактором «Здоровье». Он включает в себя такие переменные как «здоровье» (X_{10} – вес 0,543), «власть» (X_4 – -0,423), «автономность» (X_6 – -0,465), «удовольствие» (X_{13} – -0,774). Это значит, что здоровый образ жизни, регулярные занятия спортом могут снижать стремление индивида властвовать над другими людьми, самостоятельно находить решения в затруднительных жизненных ситуациях. Однако акцент на удовлетворении потребности быть в хорошем физическом и психическом тоне сводит к минимуму ценности, связанные с получением удовольствия (вкусная еда, алкогольные напитки).

Соответственно пятый фактор получил название «Безопасный», который включает в себя три переменные «безопасность» (X_2 – вес 0,793), «здоровье» (X_{10} – -0,446), «материальный успех» (X_7 – -0,733). Данный фактор определяет, что обеспокоенность событиями в обществе, страх за свою жизнь и жизнь близких сочетается со снижением у индивида тревожности о состоянии собственного здоровья. Вместе с тем обеспокоенность собственной безопасностью может свести к минимуму потребность материального достатка.

В результате статистического анализа у студентов из России были выделены пять групп целей-ценностей.

Исходя из максимального факторного веса, первый фактор следует назвать фактором «Духовный», который включает в себя следующие переменные «духовная культура» (X_8 – вес 0,891), «здоровье» (X_4 – 0,562), «власть» (X_{14} – -0,638), «автономность» (X_6 – -0,733). Это означает, что стремление индивида к духовному совершенствованию сочетается с потребностью поддерживать физический и психический тонус организма. Однако акцент на духовных потребностях может свести к минимуму стремление осуществлять контроль и доминировать над людьми и ресурсами, над своей жизнью.

Второй фактор был назван «Духовно-религиозный», который включает в себя переменные «духовно-религиозная жизнь» (X_{15} – вес 0,816), «безопасность» (X_2 – 0,507), «открытость» (X_1 – -0,483), «удовольствие» (X_{13} – -0,515). У испытуемых вера в Бога, стремление жить в соответствии с религиозными убеждениями существенно сочетаются с обеспокоенностью событиями в обществе и страхом за свою жизнь. Вместе с тем следование духовно-религиозным убеждениям может приводить к снижению потребностей в получении удовольствия от внешних благ, открытости по отношению к людям.

Третий фактор был назван фактором «Привязанность и любовь», который содержит в себе переменные «привязанность и любовь» (X_{11}

– вес 0,667), «здоровье» (X_{10} – 0,432), «служение людям» (X_3 – -0,724), «общение» (X_{14} – -0,839). Этот фактор предполагает, что потребность индивида в принадлежности к определенной группе людей сочетается с обеспокоенностью о состоянии своего здоровья. Вместе с тем акцент на личных взаимоотношениях сводит к минимуму наличие возможности оказывать помощь и содействие другим людям, желание иметь широкий круг общения.

Руководствуясь максимальным значением факторного веса, четвертый фактор был назван «Материальный», который включает в себе переменные «материальный успех» (X_7 – вес 0,498), «безопасность» (X_2 – 0,443), «открытость» (X_1 – 0,440), «привязанность и любовь» (X_{12} – -0,920). Он предполагает, что материальная обеспеченность человека (гарантированный заработок, хорошие условия проживания) сочетается с обеспокоенностью за свою жизнь и жизнь близких, открытостью во взаимоотношениях со значимыми людьми. Вместе с тем акцент на материальном благосостоянии может сводить к минимуму удовлетворение потребности в любви и привязанности.

Пятый фактор включает в себя четыре переменные «известность» (X_5 – вес 0,773), «власть» (X_4 – -0,518), «личностный рост» (X_9 – 0,667), «материальный успех» (X_7 – -0,516) и был назван «Известность». Данный фактор определяет стремление индивида обратить на себя внимание, быть известным многим людям в сочетании с потребностью в саморазвитии. Вместе с тем акцент на удовлетворении потребности в известности сводят к минимуму потребность в материальной обеспеченности, возможность контролировать и доминировать над людьми и ресурсами.

Таким образом, этническая принадлежность студентов является существенным фактором, определяющим особенности формирования их жизненных целей-ценностей. Важно отметить, что существует общее, а именно близость культур студентов из России и белорусских студентов обусловила наличие у них доминирующей жизненной цели-ценности такой, как «материальный успех».

Список литературы:

1. Гайсанов К.Р. Этнические ценности современного студенчества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 ; ИНСТИТУТ МОЛОДЕЖИ. – М., 1997. – 27 с.
2. Черкасова А.А. Жизненные ценности в представлениях студенческой молодежи России и США: социологический анализ // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 1. – С. 3.
3. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

УДК 376.3 ББК 60.54

Тесленко Александр Николаевич –
доктор пед. наук (РК),
доктор социологических наук (РФ),
профессор,
Университет «КАЗГЮУ», г. Астана,
Казахстан
e-mail: teslan@rambler.ru

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова: социализация молодежи, постиндустриальное общество, научно-техническая революция, модернизация, положение молодежи

На пороге XXI века мировое сообщество столкнулось с тем, что мир стал слишком *сложным*, сложность очень быстро нарастает. Сбывается прогноз О.Тоффлера, высказанный еще в начале 1970-х годов: «Выпустив на свободу силы новизны, мы толкаем людей в объятие непривычного, непредсказуемого. Тем самым поднимаем проблемы адаптации на новый и опасный уровень, ибо недолговечность и новизна образуют взрывчатую смесь. Жить в ускоренном темпе означает испытывать на себе действие непрекращающихся перемен... Неконтролируемое ускорение изменений в науке, технике и социальной жизни подрывает силы индивида, необходимые для принятия разумных, компетентных решений, касающихся его собственной судьбы» [7, с.147]. Обнаруживаются пределы человеческих возможностей [6]. Поэтому проблемы молодежи невозможно рассматривать никак иначе, как только исходя из всех процессов, которые происходят с человеком, конкретным обществом и всем человечеством. Только в этом случае можно в полной мере выявить специфику социализации молодежи на рубеже тысячелетий.

Важно отметить, что глобальные изменения, охватившие человечество во второй половине XX века, не могут быть однозначно интерпретированы в рамках привычной дихотомии «позитив-негатив», «прогресс-регресс». Правда, наблюдается интересная закономерность: позитивная сторона изменений, как правило, обнаруживается первой и вызывает массовую эйфорию; негативная сторона обнаруживает себя по прошествии значительного времени и вызывает массовую фрустрацию. Создается впечатление, что как в области физики, так и в области социальных изменений мы имеем дело с волновыми процессами.

За последнее десятилетие на постсоветском пространстве наблюдались позитивные сдвиги в сфере молодежной политики: принимались специальные

программы, уделялось значительное внимание актуальным проблемам молодежи, однако замедленные темпы экономического роста и трудности переходного периода ухудшило социально-экономические перспективы молодежи, о чем свидетельствует динамика занятости и безработицы, доходов и потребительских расходов молодежи. Резко усилилась конкуренция на рынке труда, выросло число краткосрочных, негарантированных рабочих мест [9].

Бурные процессы *социально-политической модернизации* в постсоветских странах открыли новые перспективы перед молодыми людьми для более свободного творческого самовыражения, для участия в экономической деятельности и частном предпринимательстве. В то же время в ряде транзитных обществ до сих пор наблюдается глубокий структурный кризис. Явный дисбаланс между политической свободой и экономическими трудностями болезненно сказались на положении молодежи. Социальная незащищенность и необеспеченность на фоне резкого увеличения цен на потребительском рынке повлияли на уровень жизни и возможности экономической социализации молодежи. Впервые эти страны и их молодежь столкнулись с проблемой массовой безработицы.

Положение усугубляются и тем, что в результате агрессивно ведущейся вестернизации резко возросли притязания молодежи, которые заведомо превышают возможности транзитных обществ. Молодежь подвергается массовой атаке мировых референтных групп – информации, исходящей от наиболее развитых стран мира. В обществах, сравнительно более изолированных, разрыв между молодым поколением и сложившимися институтами социализации, как правило, меньше (Bronfenbrenner,U) [1, с. 59].

В новом тысячелетии подверглась изменению прежняя парадигма социализации. Основой “индустриальной” парадигмы социализации был человек, жестко прикрепленный к социальной группе, которая, в свою очередь, подчинялась детерминантам технико-производственного характера. Постиндустриальная эпоха знаменуется переворотом во всех отношениях: оно связано, во-первых, с переходом от малоподвижных социально-групповых “монолитов” (классов) к динамичным малым группам временного (функционального) характера, идентификация индивида с которыми всегда условна, а, во-вторых, с новым статусом социокультурных, ментальных факторов, духовного производства в целом [3, с.119]. Гарантии, которые давались базисно-надстроечным детерминизмом, превращающим процесс социализации в довольно упрощенную процедуру включения природно-биологического индивида в социальную среду сегодня несостоятельны. Общество вообще, а постиндустриальное в особенности лишено того единого основополагающего центра, вокруг которого вращается социальная жизнь. Социальная среда в полном смысле “мозаичное общество”, то и дело меняющее центры притяжения, отличающееся предельной подвижностью связей и зависимостей. понимание этого требует соответствующего пересмотра

и модернизации теории и практики социального воспитания (В.В. Ильин, А.С. Панарин).

Современные преобразования стандартов поведения молодежи детерминировано, главным образом, научно-технической революцией, имеющей два основных направления связи науки с социальной практикой:

- использованием знаний для преобразования техногенной среды;
- использование знаний для преобразования гуманитарного фактора.

Если в 60-х гг. на первый план выступала техноцентрическая ориентация НТР, с 70-х гг. примат получает ее «антропоцентрическое» направление, то на пороге нового тысячелетия проблема ставится более глобально и прагматично – разработка альтернативных экологически чистых технологий замкнутого типа [3]. Решение этих задач требует всесторонней социальной активизации тех черт, особенностей и способностей, которые наиболее ярко воплощает молодежь. Это проявляется в следующем.

НТР породила массовое старение профессий (около 50% всех ныне существующих профессий не были известны 30 лет назад). Общество решает эту проблему активизацией профессиональных миграций, где молодежи отводится главная роль: она в основном занята освоением новых профессий. Логично: *чем новее профессия, тем моложе средний возраст ее представителей*, а это значит, что молодежь оказывается социальной группой, обеспечивающей развитие новых отраслей экономики, совершенствование ее пропорций.

Давно замечено, что в системе интеллектуальных запросов молодежи новейшим экспериментальным поискам научной и общественно-политической мысли отводится особое место, вследствие возрастающей культурно-интеллектуальной, информационной мобильности (объем информации сегодня удваивается каждые 11 лет). Молодежь оказывается наиболее активным потребителем новейшего научного знания; следовательно, на духовный климат общества современная НТР оказывает влияние преимущественно через образование, общекультурное развитие молодежи [8, с. 109].

К сожалению, система знаний и социальных отношений достигла такого уровня сложности, что образовательная система стала жертвой трех бед: чрезмерное накопление знаний, анахронизм и неприспособленность к жизни. Погоня за количеством знаний во всех областях приводит к тому, что выпускник вуза не умеет отобрать нужного. Анахронизм в системе образования происходит из-за того, что высшая школа не успевает за постоянным обновлением, модернизацией знания. Неприспособленность системы образования к жизни ощущается всеми, как только молодые специалисты сталкиваются лицом к лицу с реальными проблемами, если традиционно образование считалось делом обучения, то сегодня, а еще более в будущем, образование обозначает постоянный процесс самообучения.

Социализация современной молодежи испытывает значительное влияние демографической революции, представляющей собой не только изменение баланса смертности и рождаемости, но, и прежде всего, акцентирующей внимание на механизме демографического воспроизводства населения.

Демографическая революция – это качественное изменение одного из важнейших институтов социализации (первичной) – семьи. Если традиционная (патриархальная) семья давала количественный прирост населения, то современная (нуклеарная) делает акцент на его качестве. В условиях сократившейся рождаемости, время и внимание уделяемое ребенку в семье скачкообразно возросли, процессы воспитания усложнились, периоды формирования поколения стали непрерывно удлиняться, что открыло новые возможности для качественного совершенствования поколения. Расширился (и продолжает расширяться) промежуточный возраст между детством и взрослостью – период молодости (что оправдано с точки зрения НТР). Субъективные трудности и противоречия социализации «смутного времени» (А.В.Мудрик) не отменяет объективной значимости молодежного возраста: без него процесс самоопределения нового поколения не мог бы состояться. А определенная дистанция, занятая по отношению к формальным агентам (институтам) социализации – родителям, взрослым – необходима для ускоренной адаптации подрастающего поколения к новейшей социальной и культурной среде; без этой дистанции срабатывали бы механизмы преемственности, но не новаций.

Сказывается и изменения способа «вхождения» современного молодого человека в актуальную культуру – условиях НТР. Как отмечает Г.Киссинджер, сегодня мы переживаем новую революцию [6]. Мы можем приобрести любые знания, не имея необходимости изучать что бы то ни было: если вы умеете пользоваться компьютером, он сообщит вам все, что вы хотите знать, т.е. люди приобретают знания скорее с помощью зрительной памяти, чем работы мозга.. Как следствие – широкое распространение аудиовизуальной культуры, «виртуальной реальности» и формирование поколения «видиотов» – *«лучше сто раз увидеть, чем один раз подумать»*.

Де-факто, безотносительно к системе ценностей, досуг, как форма социальной коммуникации, является цементирующим началом жизнедеятельности современной молодежи. Львиная доля времени, сил молодого человека посвящается не учебной или производственной деятельности, которая автономна по отношению с местной среде, территории, а досугу. Информация, нормы, правила, все то, что мы называем в быту «модой» не идут от местной среды; СМИ, индустрия развлечений нивелируют досуг жителей разных регионов, придавая ему единое измерение. Престижные модели досуга привносятся в провинциальную среду извне, идут из крупных культурных центров. Мало того, они порождают свой тип социума,

альтернативный базовому. Как альтернатива «официальных» институтов социализации, формируются своеобразные «контр-группы» досуга. И если идентификация личности в рамках формальных групп (студенческая группа, производственный коллектив, семья) ослабевает, то идентификация с группами досуга, напротив, усиливается [3, с.91-95].

Сопоставление «японского чуда», а также рывка новых индустриальных государств тихоокеанского бассейна с темпами развития старых индустриальных государств, в значительной мере утративших свою культурную специфику, свидетельствует: *сохранение самобытной национальной культуры и регионального многообразия играет роль мощного мотивационного и жизнеориентирующего фактора социализации молодежи - противоядия от социальной инфантильности.*

Опыт модернизаций на евразийском пространстве показывает, что одной из важнейших временных дисгармоний транзитного периода, непосредственно влияющим на социализацию молодежи, является разрыв между темпами роста притязаний различных групп населения (и молодежи в частности) и приращением их реальных социально-экономических возможностей, а также общими перспективами «вертикальной» социальной мобильности, имеющейся в обществе. В силу вступает закон социальной имитации: стандарты жизни наиболее продвинутых групп активно перенимаются остальными. При этом наиболее престижные группы, задающие общий социокультурный тон и стандарты поведения (не без помощи средств информационно-нейролингвистического воздействия СМИ), оказываются наиболее поглощенными настоящим временем. Они – носители особого времени; времени, где нет агитационных лозунгов и утопий о всеобщем равенстве, а есть реальная жизнь, «где нет сиропа, ни слюнявого идеализма юродивых «советских интеллигентов» уже нет и не будет, а будет сухой и четкий асфальт нормальной человеческой жизни с ориентирами: Фирма. Деньги. Банк. Знание. Интеллект. Информация. Машина. Компьютер. Умные книги. Ирония. Скепсис. Одиночество. Индивидуализм» [5, с.25].

Таким образом, период социализации – между концом детства и началом взрослости – есть период ускоренного усвоения элементов общественной среды путем повышения скорости приращения информации и расширения ее разнообразия, в том числе посредством досуговой деятельности. Молодежный возраст наиболее восприимчив к заимствованию новаций в сфере потребительских стандартов, передовых технологий. Наш (евразийский) социум успевает «вестернизироваться» по вкусам, притязаниям молодежи, но при этом остается значительно более отдаленным от «цивилизованных стандартов» в социокультурной сфере повседневной жизни, не говоря уже от техники, управлению и организации.

Необходим синтез жизнеспособных традиций и новых, более энергичных подходов, способствующих превращению молодежи в деятельный

субъект истории. Амбиции и притязания осознавшей себя молодежи должны быть уравновешены признанием ею своей доли ответственности за положение в стране и в мире, за глобальное будущее человечества. Импульсы вестернизации должны накладываться на культурный код механизмов социализации в незападном мире и не препятствовать сохранению самобытности. Требования молодежи о необходимости более активной государственной молодежной политики должны сочетаться с процессами самоорганизации молодежи и предотвращать тем самым создание нового или возрождение старого этатизма и патернализма. Таковы императивы третьего тысячелетия.

Список литературы:

1. Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети США и СССР. – М.: Педагогика, 1976. – 328 с.
2. Гусейнов В. Современная «философия интернационализма»: гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка. // Независимая газета. №122 от 07.07.2001 г. – С. 6.
3. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. – М.: Изд-во МГУ. 1994. – 412 с.
4. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция: Доклад Римского клуба //Радикал, 1991. №51-52. – 186 с.
5. Новодворская В. Шестидесятники и пустота// Новая юность. № 1, 1999. – С. 20–26.
6. Пределы роста: Доклад Римского клуба /Д.Л.Медоуз, Дж.Рэндерс и др. – М., 1991. – 420 с.
7. Римский клуб: История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д.М.Гвишиниани. – М.,1997. – С. 147.
8. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель. – Саратов-Астана: изд-во РЦНТИ, 2007. – 370 с.
9. ILO. Year Book of Labour Statistics 1989-90. Geneva, 1990. – P.600-602

УДК 316.4 ББК 60.527

Трифонова Мария Александровна –
студентка 1-го курса аспирантуры,
Российский университет дружбы народов
Кафедра социологии
e-mail: trifonova_mary@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ИНСТИТУТУ СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Социальные представления людей – это то, как они оценивают, понимают, разделяют тот или иной феномен. Зачастую невозможно узнать истинного отношения респондента к чему-то, задав ему прямой вопрос. Одной из возможных причин является латентный или сенситивный характер интересующей нас темы. Данная статья посвящена изучению представления молодежи о страховании в России при помощи шкалы суммарных оценок (Р. Лайкерта) на базе проведенного исследования. На основе эмпирического материала было выделено три группы респондентов по степени отношения к институту страхования, сделаны основные выводы по исследованию.

Ключевые слова: молодежь; социальные представления; институт страхования; шкала суммарных оценок (Р.Лакерт); коэффициент ранговой корреляции.

Современный мир имеет тенденцию к кооперации между странами, это касается таких сфер взаимодействия как: политика, экология, космос и экономика. Страхование является одной из перспективных и интегрированных форм в финансовом секторе. *Страхование – это экономические отношения между людьми, основывающиеся на защите имущественных интересов юридических и физических лиц при наступлении страховых случаев за счет денежного капитала фонда страховых компаний от вносящихся в нее страховых взносов.* Сотрудничество и взаимодействие по подписанию договоров между представителем страховой компании и страхователем, происходит на рынке страхования. Изначально понятие страхование соотносили со словом «страх». Это слово также употреблялось людьми в значении поддержки в любом деле и удачи в чем-то. На сегодняшний день страхование интерпретируется как защита личных и имущественных интересов людей. Страхование является важным и необходимым средством, обеспечивающим общую экономическую стабильность и безопасность, развитие предпринимательства и непрерывность хозяйственной деятельности,

эффективную защиту от многочисленных природных, техногенных и иных рисков, реализацию государственной социальной политики.

Главной проблемой является тот факт, что зачастую люди имеют стереотипное отношение относительно института страхования, считая его экономически бессмысленным и совершенно не нужным обществу. Для некоторых людей страховка – это лишь «навязанная услуга», а страховые компании предстают в образе обманщиков и воров. Все зависит от большого количества факторов, непосредственно влияющих на данный социальный институт. В рамках проведенного Трифионовой М.А. диссертационного исследования (2017 г.), предлагалось порассуждать над возможными способами привлечения внимания к институту страхования, и на основе эмпирических данных был произведен анализ реального отношения респондентов к данной организации. Одной из задач работы было изучить, насколько существует необходимость в страховании, согласно точки зрения студентов РУДН. Также была выдвинута гипотеза, что по мнению молодежи, институт страхования не является необходимым в современном российском обществе. Исследование носило разведывательный характер, и всего в нем приняло участие 123 респондента. Это студенты первого и четвертого курсов, медицинского института и факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Одним из методов исследования была шкала суммарных оценок (Р. Лайкерт). Шкала Лайкерта или шкала суммарных оценок является довольно интересной и эффективной с точки зрения исследовательской задачи, процедурой. Она применяется для измерения социальной установки или отношения респондента по интересующей исследователя теме, когда невозможно использовать прямой вопрос в анкете, поскольку исследуемая тема носит сенситивный или латентный характер. Всего было сформулировано 10 суждений: 1) *Страхование – это один из способов обеспечения экономического благополучия людей;* 2) *Подходы к страхованию в России представляются одними из лучших в мире;* 3) *Страховые компании - это монополисты, главная цель, которых заработать больше денег, не в убыток своим собственным интересам;* 4) *Страхование – это «ремень безопасности» от финансовых рисков;* 5) *Страховые компании совершенно не нужны обществу;* 6) *Страхование – это моральное спокойствие клиента и материальная защита от потери его имущества;* 7) *Только шулера делают вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство;* 8) *Страхование - это искусство извлекать деньги из кошелька народа, не прибегая к насилию;* 9) *Страховые компании предоставляют человеку быть спокойным относительно его имущества (квартиры, машины, дачи), жизни и др.;* 10) *Страховые компании – это мошенники, воры и обманщики.*

Было проведено пилотажное исследование по представленным выше суждениям, где при помощи коэффициента ранговой корреляции (Спирмена),

были отобраны качественные суждения. Это было сделано на основе анализа согласованности оценок по итоговой шкале с оценками по исходной. Посчитав данный коэффициент, получились следующие выводы относительно качества суждений, а именно, некачественными суждениями оказались (№ 1); (№ 5); (№ 8); (№ 9). Вследствие чего, произошло преобразование первоначальной таблицы с суждениями, были отброшены не прошедшие проверку суждения. Получилась новая – итоговая шкала из 6 суждений (3 - «положительных» и 3 – «отрицательных»).

Для получения оценки респондентов по отношению к страхованию с использованием шкалы Лайкерта, суммировались ответы по всем суждениям. Минимальное значение по суждениям было равно 6, а максимальное 30. Произвелся подсчет суммы по всем качественным суждениям, и вследствие чего выделились границы социальной установки респондента: 6-13 – *негативное отношение к страхованию*, 14-21 – *нейтральное* и 22-30 – *положительное отношение*. Согласно проведенному исследованию половина респондентов (52%), имеют нейтральное отношение к страхованию, четверть положительно оценивают данный социальный институт (42,3%), и лишь 5,7% – настроены к нему негативно (табл.1).

Таблица 1

Распределение студентов по их отношению к институту страхования

Далее рассмотрим полученные данные по распределению студентов на основе социально-демографических характеристик (пол, курс и факультет). Половина девушек положительно относятся к страхованию, нейтральное отношение характерно для четверти респондентов женского пола (45,1%) и лишь 4,9% выражают негативную оценку данной организации. Большинство же мужчин занимают нейтральную позицию в отношении страхования (65,9%), положительную оценку дают 26,8% ответивших и очень плохо относятся к страхованию 7,3% мужчин.

Студенты первого курса занимают в отношении страхования нейтралитет (57,6%), считают его нужным и необходимым 39% респондентов и 3,4% первокурсников говорят о том, что организация не актуальна для общества. Большинство студентов четвертого курса занимают безразличное отношение к страхованию 46,9%, однако ненамного уступает число тех респондентов, которые очень хорошо воспринимают данную организацию 45,3%. Негативная позиция в отношении страхования характерна для 7,8% ответивших.

Половина студентов факультета гуманитарных и социальных наук выражают нейтральное отношение к страхованию (51,6%), положительно оценивают страхование четверть респондентов (40,7%) и негативная позиция предпочтительна для 7,7, принявших участие в опросе. Лояльно относятся к институту страхования 53,1% студентов медицинского института и 46,9 положительно. Отрицательную оценку страхованию медики не дают.

Таким образом, полученные результаты дают весьма «положительную картину» по отношению к страхованию. Большой процент нейтральной позиции может быть связан с тем, что «экспертами» выступали студенты, чей социальный опыт, уровень осведомленности, интеграция в данную область потребительских отношений, не является столь высокой. Четверть респондентов выражают положительное отношение к страхованию, тем самым подтверждают его влияние на экономический сектор страны, необходимость существования данного социального института, как регулятора и посредника обеспечивающего финансовую безопасность клиента от возможных рисков.

Остановим свой взгляд на следующем вопросе: Какие меры предпринимаются страховыми «гигантами» для привлечения внимания к своему бренду и «продуктам»? Прежде всего, это активная рекламная деятельность, страховые компании – спонсоры всевозможных спортивных мероприятий. С точки зрения маркетинга - грамотный ход, потому что большинство людей в России следят за спортивными достижениями спортсменов, болеют за различные футбольные, хоккейные команды и т.д. Внушительная часть зрителей, участников и болельщиков – это представители молодежи. Смотря спортивное мероприятие, подсознательно человек начинает ассоциировать, вспоминать или запоминать страхового спонсора. Реклама в средствах массовой информации: телевидение, радио, интернет, газеты и журналы, также привлекает внимание потенциальных потребителей страховых услуг. Стоит заметить, что далеко не все компании, имеют такие весомые ресурсы для продвижения своего бренда. Экономическая ситуация в России диктует нам свои условия. Кризисные явления, трансформация и модернизация экономической системы, затрагивают как социальные слои общества, так и его организации. Конкурентоспособные компании, преобразовывают свою стратегию, в соответствии с запросами рынка,

остальные же разоряются или находят другие пути решения вопроса. В связи с этим многие страховые компании изучают потребность рынка на текущий период, привлекая к этому аналитических экспертов, заказывая всевозможные, расширенные маркетинговые и социологические исследования.

Для привлечения внимания к услугам страховых компаний, именно молодежи, как одной из мер, может являться разработка программы молодежного страхования, которая также подразумевает под собой и введение новых продуктов страхования с учетом потребительского спроса молодых людей. Программа может включать в себя: изменения базовых тарифов с возможностью предоставления льгот и скидок; увеличение количества сотрудников, работающих только с этой социальной группой; проведение большой пиар компаний, с использованием различного рода источников информации и т.д. Во многих странах, государство разрабатывает такие программы интеграции молодежи в социально-экономические и социально-политические сферы общества. Предложенные меры поспособствуют как экономическому, так и социальному росту в нашей стране, обеспечат положение граждан более стабильным, и независимым от различного рода непредвиденных изменений.

Что касается поставленной задачи и гипотезы на этапе исследования, то можно с уверенностью сказать, что необходимость в институте страхования в России, по мнению молодежи, существует, но требует существенных преобразований.

Список литературы:

1. Безрукова О.Н. Социология молодежи // учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург, 2004. – С. 35.
2. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования.- Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – 208 с.
3. Жигас М.Г. Проблемы развития страхового рынка России // Известия Байкальского государственного университета. 2008. № 6. С. 8–13.
4. Картамышева Н.В. Формирование российского страхового рынка // Российское предпринимательство. – 2010. – № 11 Вып. 2 (171). – с. 179–183.
5. Косолапов М.С. Шкала Лайкерта (Ликерта) // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Чернощек. М.: Академический учебно-научный центр РАН-МГУ им. М.В. Ломоносова, НОРМА, НИЦ ИНФРА М, 2015. С. 372–373.
6. Крупенкова Н.В. О возможности объединения моделей Л.Л. Терстоуна и Р. Лайкерта в единую модель шкалирования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2003. № 17. С. 109–141.

УДК 316.023.4

Фарахутдинов Шамиль Фаритович –

канд. социол. наук,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: fshamil@mail.ru

Юдашкин Валентин Андреевич –

канд. социол. наук,
Западно-Сибирский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Тюмень
e-mail: wayu@mail.ru

Ухабина Татьяна Евгеньевна –

канд. социол. наук,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: klever_te@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: семья, теория, «жизненный мир», социальное самочувствие.

Семейная проблематика занимает одно из центральных мест в мировой социологии, подтверждением этого является значительное количество теоретических подходов к исследованию данной социальной группы в рамках различных концепций - символического интеракционизма, структурного функционализма, социального обмена, конфликта, системной, развития семейного жизненного пути, биоэкологической, феминистской, а также интерпретативной парадигмы. В нашей стране семейные исследования активизировались в начале 2000-х годов, чему способствовали, в том числе, демографические проблемы. Однако указанные подходы отечественными исследователями практически не применялись, что отчасти объясняется влиянием марксистской методологии, доминировавшей в сфере гуманитарных наук на протяжении длительного времени [1, 3]. В последнее время ситуация постепенно меняется, отечественные исследователи всё чаще обращаются к различным подходам при изучении семейной проблематики.

Ценность разнообразия теоретических подходов заключается в возможности более глубокого акцентирования исследовательского фокуса на определённом аспекте семейной проблематики. Т.А. Гурко приводит следующий пример применения различных типов теорий к одной проблеме. «Научная теория в отношении супружеского насилия направлена на то, чтобы объяснить причины насилия, как, при каких условиях и почему оно случается. При применении интерпретационной парадигмы делается акцент на том, какой субъективный смысл жертва и насильник придают своему поведению и поведению партнёра. Критическая парадигма знания предполагает поиск путей предотвращения насилия» [1, 18].

В то же время научная рефлексия важна не только относительно парадигмального или общетеоретического уровня методологии исследования семей. Не менее важным является операциональный уровень, на котором происходит редукция теоретических оснований до измеряемых эмпирических индикаторов. Теоретические конструкты, помогающие осуществить переход от теории к эмпирии, зачастую бывают универсальными и могут быть использованы не только в рамках любого теоретического подхода, но и применительно к широкому спектру проблем. К их числу можно отнести такие понятия, как «социальное настроение», «социальное самочувствие», «социальный портрет» и др.

В последние годы в отечественной социологии часто используется понятие «жизненный мир». Несмотря на то, что впервые этот термин был использован ещё в 1910 г. Э. Гуссерлем, изначально он носил скорее описательный, собирательный характер, чем обоснованное научное определение. К настоящему времени пройден длительный и непростой путь становления, осмысления понятия, в современной социологии наблюдается взлёт интереса к его теоретической и эмпирической интерпретации [2, 29]. Отражая всю гамму субъективных характеристик общественных процессов и явлений, понятие «жизненный мир» обретает свои существенные признаки в деятельности и взаимодействии людей и социальных групп во имя воплощения целей и достижения результата. По мнению Ж.Т. Тощенко, исследование «жизненного мира» социальной группы (общности) предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации потребностей и достижения целей, к которым она стремится в процессе своего жизнеустройства [5, 8].

Рассматривая индикаторы «жизненного мира», обсуждаемые в публикациях, отражающие его целостность, можно, применительно к задаче исследования семейной проблематики в рамках отдельного региона, выделить следующие эмпирические показатели, характеризующие самочувствие, оценки и приоритеты «региональной семьи» в основных сферах жизнедеятельности – экономической, политической, социальной и духовно-культурной:

отношение и доступность к услугам систем здравоохранения и социальной защиты; потребность в получении различных видов адресной социальной помощи;

оценки экономической политики региона и проводимых в нем социально-экономических реформ; оценки уровня благополучия и благосостояния, условий труда и отдыха; удовлетворенности трудоустройством и трудом, социальной инфраструктурой и экологической обстановкой;

социально-политические ориентации, гражданские позиции, уровень социальной активности, нацеленность на участие в решении актуальных проблем региона;

представления о духовно-культурной компоненте организации жизнедеятельности, отношение к сохранению духовности, оценки региональных сфер культуры, образования, науки, религии, отрицательных социальных явлений в региональном сообществе;

проявление социальной активности и пассивности, степень желания и уровень готовности участия в общественной деятельности по профилактике или нейтрализации негативных явлений в регионе.

Семья в процессе жизнедеятельности организует свой жизненный мир, формирует его смыслы, внутренние и внешние межсубъектные взаимодействия и коммуникации, пространства взаимопонимания и толерантности, экзистенциальный опыт и т.д., стремится к достижению относительно устойчивого состояния своего жизненного мира (в условиях воздействия на него постоянно меняющихся условий общественного развития) с целью успешности реализации своих социальных потребностей и совершенствования условий социального функционирования. Этот процесс носит многофакторный характер и число переменных, которые определяют его динамику, достаточно велико, они различны по своему весу, влиянию на социальное самочувствие семьи, ее ценности и приоритеты - необходимо выделить среди них важнейшие факторы, оказывающие свое воздействие на процессы жизнедеятельности семьи на уровне региона. При этом логично предположить, что сама организация жизненного мира семьи - управляемый процесс, включающий реструктурирование и изменение жизненного мира под воздействием многочисленных общественных изменений посредством регуляции, координации и упорядочивания его элементов [4], что, в свою очередь, детерминирует необходимость наличия «осознанного или стихийного управленческого механизма, обеспечивающего координацию и последовательность действий людей (семей) по достижению желаемых целей» [3] и разработки «управляющих параметров», в том числе, со стороны государственных и общественных институтов.

Способом преодоления теоретических сложностей эмпирической интерпретации понятия «жизненный мир семьи», связанных с необходимостью выявить и интегрировать значительное количество аспектов, совокупность которых полно и эффективно описывает жизнедеятельность семьи, является использование понятия «социальный портрет». Исследователи раскрывают его содержание, описывая специфические особенности различных социальных групп (общностей). Эмпирическое описание социального портрета семьи с использованием измеряемых показателей различных аспектов ее функционирования составит основу для глубокого исследования жизненного мира семьи. Эту исследовательскую задачу невозможно выполнить без проведения репрезентативных эмпирических социологических исследований с применением самых различных исследовательских приемов и методов.

Список литературы:

1. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: [монография] [Электронное издание] Институт социологии РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 210 с. – 1 CD-ROM.
2. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) : Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – ЦСП и М, 2016. – 367 с.
3. Стрыгин И. Ю. Жизнеустройство, или Как нам жить вместе? Самара. Издательство: Некоммерческое партнёрство «Содействие творческому развитию, инновациям, жизнеустройству». 2006 – 170 с.
4. Сурина И.А. Ценностные ориентации как управляющий параметр организации «жизненного мира» [Электронный ресурс]. URL: http://mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Surina_IA2/ (дата обращения 07.09.2017)
5. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования – № 1 –2016, с. 6–17.

УДК 316.3 ББК 60.54

Фатхуллина Лилия Зинуровна –

канд. социол. наук, доцент

Казанский национальный

исследовательский технологический

университет, г.Казань

e-mail: lialfa@rambler.ru

ФОРМЫ ДОСУГА ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: молодежь, социально-демографическая группа, досуг.

Трансформации всех сторон жизни российского общества дали почву изменению социокультурной ситуации в области досуга. Молодые люди представляют собой особую социальную категорию, наиболее чувствительную к социокультурным изменениям [1]. Ее поведение и самочувствие являются своеобразным барометром, измеряющим политический и социально-психологический климат в обществе, а также дальнейшие пути его развития.

Под «досугом» понимается часть свободного времени, заполненная занятиями с целью восстановления физических и психических сил человека; деятельность ради собственного удовольствия, развлечения, самосовершенствования [2].

В выборе видов досуговой деятельности особенно ярко отражается уровень развития личности, ее направленность, степень формирования жизненной позиции. И здесь проявляется обратная связь - чем ответственнее используется свободное время, тем целенаправленнее и быстрее формируется жизненная позиция личности [3].

С целью изучения о формах проведения свободного времени молодежью был проведен социологический опрос. Так, на вопрос «Как вы проводите свободное время?» самыми популярными являлись ответы: «слушаю музыку» (71%), «сиду в Интернете» (67%). Использование Интернета как технического средства коммуникации, обеспечивающего среду для интерактивного взаимодействия пользователей по всему миру, входит в повседневную жизнь все большего числа людей. Наибольшую значимость в качестве связующего элемента такого взаимодействия приобретают социальные сети – сервисы, своими инструментами позволяющие находить контакты других людей и поддерживать социальные связи онлайн. Виртуальное пространство становится площадкой для дружеского и делового общения, местом проведения досуга, средством саморекламы или самовыражения, основой для образования сетевых сообществ и т. д., объединяя своими средствами людей на основе избирательных связей дружбы, знакомства,

профессиональной деятельности, личных интересов и вне зависимости от их географического местоположения. Но, все же, для большинства общение в Интернете не заменяет отношений в физическом пространстве. При этом «всегда онлайн» находятся 17% респондентов, «несколько раз в день», и «каждый день» выходят в Интернет 74% всех опрошенных вне зависимости от профессиональной деятельности и доходов. При рассмотрении в разрезе возрастных групп выявлено, что треть школьников «всегда онлайн», у студентов данный показатель ниже – 13,6% у работающей молодежи в возрасте 27–30 лет составляет всего 1,6%.

Следующим по популярности ответом является «смотрю телевизор» (44%). При этом большая часть респондентов уверяет, что это занятие не приносит им удовольствия, они делают это по необходимости (привычке) или имеют нейтральное отношение (59%). В целом, отношение к данному виду досуга у молодежи положительное; при анализе отношения по возрастным группам выявлено, что наиболее активный зритель – это «школьники» в возрасте от 14 до 17 лет (более 54 %).

Одним из видов проведения досуга молодежью является чтение. В исследовании мы рассмотрели интерес данной аудитории к чтению газет и журналов как способу распространения информации и один из факторов формирования мировоззрения. Результаты опроса показали, что данный способ проведения свободного времени не является приоритетным для молодежи города, около половины опрошенных высказали нейтральное отношение к данному занятию, а более 20% указали, что данное занятие им не нравится или они делают это по необходимости. В связи, с чем можно сделать вывод, что газетная и журнальная пресса в целом отнюдь не является фаворитом молодежного чтения: среди студентов примерно каждый десятый утверждает, что не берет в руки газет и журналов; среди школьников эта доля значительно выше. В общем и целом, газетчики проиграли бой за молодежную аудиторию. Как носитель оперативной информации газета не может конкурировать с электронными СМИ, как собеседник слишком легкомысленна или, наоборот, «занудна», и к тому же (это немаловажно для современной бегучей молодежи) она неудобна для чтения «на ходу».

Положительным аспектом результатов опроса является интерес у молодежи города к занятию спортом, более 23% опрошенных выбирают данный вид проведения своего свободного времени, наиболее ярко это выражено у студентов, в возрастной категории 17–22 года.

Результаты исследования свидетельствуют о серьезных изменениях в структуре культурных потребностей молодых людей. Это касается, прежде всего, соотношения двух форм их проявления: производства культуры и потребления созданных культурных ценностей.

Данные опроса показывают существенную диспропорцию в соотношении указанных форм, выражающуюся в превалировании

потребления над творческими формами деятельности. Так, доля регулярно посещающих зрелищные мероприятия в три раза больше доли занимающихся в студиях, центрах детского творчества г. Казани. Анализ результатов свидетельствует, что интенсивность проявления потребности в творческой деятельности различается в зависимости от таких факторов, как возраст. Она значительно выше в младших возрастных группах (14–16 лет) у городской молодежи.

Рассматриваемому виду культурных потребностей относятся также потребности в посещении театров, выставок, концертов и других формах регламентированной досуговой деятельности, которые находятся в устойчивой зависимости от деятельности учреждений культуры и искусства и удовлетворяются ими традиционно. Всего 3,5% респондентов выбрали вариантом проведения своего досуга «посещение художественных выставок», что обусловлено низким развитием в городе данного культурного направления, нечастой сменой экспозиций в существующих музеях и низкой активностью в организации выставок крупнейших музеев страны и мира по различным тематикам, а также отсутствием четкой PR - кампании по привлечению молодежи, созданию интереса у молодежи к данному направлению искусства. Также выявлена зависимость выбора вида проведения досуга от материального положения. 70% респондентов с низкими и очень низкими доходами вообще не интересуют посещение учреждений культуры. Для респондентов с высоким и средним уровнем материального достатка характерен интерес к более частому посещению учреждений культуры, но их выбор все равно падает на современные кинотеатры и культурно-развлекательные центры. По данным опроса, интересы молодежи в сфере культуры концентрируются на зрелищно-развлекательных ее формах, в первую очередь, кино (70% респондентов выбирают данный вид проведения свободного времени).

Интерес к посещению баров, ресторанов и клубов несколько ниже, чем к посещению кинотеатров. Молодые люди в возрасте 14–17 лет, которые в большей степени пользуются кинотеатрами, развлекательными и игровыми клубами, по сути дела вообще не заинтересованы в посещении кафе. Причины здесь две: их бюджет развлечений полностью зависит от карманных денег родителей, а питание вне дома не является для них ценностью культурного плана. При этом именно данная возрастная группа проявляет наибольший интерес к посещению кинотеатров и развлекательных центров, более 60% опрошенных заявили, что им нравится, и они любят данный вид досуга.

Студенты (17-22 года), в принципе, рассматривают свое пребывание с сокурсниками и друзьями в заведениях общественного питания как отдых и развлечения, которые не сильно отягощают их карман (посещение 1–3 раза в неделю). Что касается ресторанов для группы «работающая молодежь», то в крупных городах – это одно из самых востребованных направлений. К 23–27 годам (около 70%) назревает необходимость проводить время и тратить

деньги в таких заведениях супружескими парами или дружескими компаниями. Следует обратить внимание, что в последние несколько лет существенно изменились предпочтения посетителей ресторанов. Еще недавно основной целью были отдых, развлечения и, соответственно, наибольшей популярностью пользовались ночные клубы, дискотеки и т.п. Сегодня же в ресторан идут, чтобы пообщаться с друзьями, отдохнуть с семьей или просто поесть вне дома.

Посещение торговых центров, магазинов в настоящее время является одним из видов проведения досуга молодежью города (55%). При рассмотрении в разрезе возрастных групп выявляется яркая приверженность школьников (14–17 лет) к данному виду досуга. Объясняется это наличием в большинстве торговых центров помимо магазинов, еще и кинотеатров, кафе и других развлекательных заведений, привлекающих внимание молодых людей.

Подводя итог, отметим, что молодежь часто предпочитает отдыхать дома и поэтому самые распространенные и не требующие никаких дополнительных затрат домашние формы проведения свободного времени (телевизор, чтение, хозяйственные заботы или просто ничегонеделание) при отсутствии любой социальной активности вне дома и любых попыток как-то разнообразить свой досуг внутри дома являют собой самый «простой» тип досуговой активности. Добавление к этим домашним «развлечениям» тех или иных увлечений, включая книги, музыку, видео, занятия компьютером, самообразованием, хобби, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи, обогащает свободное время и несет в себе более выраженный развивающий компонент. Выбор варианта проведения свободного времени молодыми людьми связан с интересами, потребностями, ценностными ориентациями, доходами и количеством времени, не занятого учебной и работой.

Изучение процесса организации и проведения свободного времени молодежью, показало, что значительно меньше в жизни молодых людей присутствуют активные формы досуга.

Список литературы:

1. Енина Е.И. Досуговые предпочтения молодежи крупных городов и малых поселений городского типа // Психология, социология и педагогика. 2014. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/05/3145> (дата обращения: 05.09.2017).
2. Будкина Е.К. Социализация молодежи и задачи изучения современных досуговых предпочтений // Научный вестник МГТУ ГА. – 2010. – № 155. – С. 118–122.
3. Панфилова Е. В. Ценности культуры досуга студенческой молодёжи: результаты исследования // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С. 278.

УДК 316.35

Фомичев Игорь Юрьевич –

д-р социол.наук, профессор

Тюменский индустриальный университет,

г.Тюмень

e-mail:ifomi@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ РЕГУЛЯЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОРАЛИ

Ключевые слова: моральная регуляция, общечеловеческая мораль, групповые взаимодействия, социальные детерминанты, институционализация морали.

В различных сферах социальной жизни каждая конкретная нормативность проявляется по-разному и в этом отношении не является исключением и мораль. С точки зрения социального целого как устойчивого образования, характеризующегося взаимодействием индивидов, мораль выступает как механизм закрепления и контроля по отношению к исполнению общественных функций, значимых для достижения целей социальной структуры, в том числе обеспечения их (индивидов) оптимального сосуществования. Если говорить о профессиональной деятельности, то тут мораль проявляет себя особым образом и для описания этой особой роли морали в труде исследователями выделяется феномен профессиональной этики, другими словами, фиксируется тот факт, что труд специалиста регулируется особым (письменно закрепленным или неписанным) профессионально-нравственным кодексом.

Постмодернистские методологемы, в рамках которых развиваются мировоззренческие установки российского социального сознания конца двадцатого – начала двадцать первого века, размыли остроту и актуальность морали как внеинституциональной регуляции. Социальные ценностные нормативы приобретают все более рациональный и прагматический характер в духе вновь ставшей актуальной концептуальности «рационалистической морали и моральной праксеологии». Сегодня мы массово фиксируем очевидную праксеологическую сущность моральных проявлений в социуме. Общественное моральное сознание дифференцируется и специализируется, увеличивая уровень требовательности и ответственности. Современные профессионалы, из тех, кто намерен победить в конкурентной борьбе за сохранение идентичности собственной профессиональной общности (или просто выжить), предъявляют повышенные моральные требования к представителям своей профессиональной среды. Нарушение нравственных

критериев, принятых в данной профессиональной группе, в современном деловом мире может привести и личность и организацию к серьёзным осложнениям в деловых контактах, бойкоту или прямому разорению.

Нормы современного морального кодекса все более приобретают фрагментарный характер и целенаправленно формируются и утверждаются (институционализируются) внутри соответствующей социальной группы и отличаются специфичной технологичностью от норм так называемой общечеловеческой морали, которые по преимуществу возникали безлично и эволюционно. Возникают сообщества, в том числе неформальные и формальные, по интересам и по образу жизни, профессиональные и сословные, открытые и закрытые, но всегда со своей нормативностью. В этих нормах содержится значительный элемент группового обоснования, а нормы корпоративной этики проявляются в виде ожидаемых эталонов поведения (брать, например, – по чину). Они основываются на групповой конкретике и направлены на культивирование духа партнерства и соответственно понимаемой порядочности в совместной работе, на исполнение разделяемых в коллективе норм, на согласование индивидуальных действий. Другими словами, это не только (и не столько) этика социальной толерантности, а этика эффективного достижения целей.

Мораль в данном случае выполняет функцию интериоризированного социального контроля, отвергая одни и предлагая другие средства достижения общественных целей, поскольку в данном случае групповые поведенческие практики, являются, по сути воплощением индивидуальных качеств, обозначают нравственную позицию личности, и, что особенно важно, являются инструментом нравственных отношений, средством создания и поддержки значимых для данного сообщества ценностей. Ценностное мироотношение, будучи естественно и легко воспринимаемым коллегами и отражающее тончайшие движения духа, скрытые экзистенциальные смыслы поступков, оказывает значительное влияние на морально-психологический климат в коллективе, на готовность следовать общим ценностям.

Такая этика как институционализируемая моральная нормативность в рамках какой-либо социально-профессиональной группы не создает альтернативной морали, обладающей какой-либо особой сущностью и родившейся именно в этой сфере человеческой деятельности. Мораль, как известно, по - разному проявляется в различных секторах поведенческой активности индивида, насыщаясь её предметно-практическим духом и фактическим содержанием. Более того, в различных человеческих общностях вырабатываются специфические ценностные приоритеты, которые вовсе не обязательно могут совпадать с основополагающими моральными принципами, разделяемыми в более глобальной общности. Поэтому в социуме, где в целом люди одобряют (или по разным причинам разделяют) так называемые “общечеловеческие ценности”, могут сосуществовать различные структуры

(политические, религиозные, криминальные и т.п.), которые склонны исповедовать совсем другие по своей сути нормативности.

Основополагающие моральные принципы в том или ином современном сообществе, соответственно, не в последнюю очередь зависят от культурно - нравственных традиций социума в целом (как известно, нравственные принципы менеджмента на Востоке, например в Японии, совсем не похожи на аналогичные по задачам западные нормативы), а также от той конкретной локальной общности с разделяемыми в ней моральными ценностями, в рамках которой существует эта организационная структура. Генеральные принципы такой этики оказываются как бы привнесенными из внешнего окружения, внутри же организации формируется специфический поведенческий этос, понимаемый здесь как сознательно культивируемая совокупность функционально обусловленных нравственных детерминант, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей данной общности людей или поддержания необходимых условий их совместного бытия. Корпоративная этика, таким образом, оказывается операционализацией внешне заданных нравственных принципов, своеобразной системой культурно - нравственных механизмов закрепления и контроля в отношении выполнения определенных социальных функций.

Необходимо заметить, что нормативное содержание, например, профессионально-нравственного кодекса того или иного специалиста, например, не является неизменным, раз и навсегда заданным. В результате обобщения профессионального опыта появляются новые моральные представления, правила и оценки, а старые время от времени утрачивают свою функциональность как средство моральной ориентации и одновременно профессиональную прагматичность. Поэтому для индивида важно не просто ориентироваться в специфических ценностях своей группы, а выработать способность к самостоятельному воспроизведению моральной нормативности в соответствии с разделяемыми в данной организации поведенческими детерминантами.

Ранее институционализировавшиеся сферы социально-нравственного сознания трансформируются и модернизируются в качестве профессиональных и других социальных групп. Институционализированная этика должна найти свое практическое воплощение и стать одним из эффективных инструментальных факторов поддержки для процессов разрушающейся самоидентификации общества. Перспективы такого развития в общесоциальном плане, в свою очередь, представляются весьма неопределенными, так как моральная проблематика ныне находится на периферии общественного сознания и традиционная этическая терминология выпадает из актуального лексикона. Понятия «добропорядочность», «репутация», «честность» крайне редко оказываются востребованы, особенно когда речь идет о сфере зарабатывания денег.

На концептуализацию современной социальной этики непосредственным образом влияет становящаяся моральность эпохи постмодерна в России, которая выкристаллизовалась в результате общественно-экономических реформ девяностых годов двадцатого века, как прямой результат процессов трансформации и диверсифицированного усложнения социальной жизни. Государство в одночасье утерало свои позиции источника и носителя идеологических (в том числе и моральных) установлений. Интеллигенция как социальная общность дезорганизовалась. В хозяйственной деятельности появились ранее неизведанные сферы предпринимательства с особой, нередко криминальной спецификой, рыночные социально-экономические взаимодействия, где полностью отсутствовали не только моральные, но и правовые, опробованные в практике стандарты. Моральные практики в нынешней российской действительности самым недвусмысленным образом обнаруживают этические плюральности и поведенческие фрагментарности.

Однако мы фиксируем и компенсаторный процесс возникновения новых источников и соответствующей институционализации морали. В институционализированных структурах прагматические ориентиры человеческой деятельности «морализируются», приобретают специфический ценностный статус, характер всеобщности и универсальности и фактически являются подлинным основанием актуальных социально-нравственных оценок. Важно подчеркнуть, что институты неизбежно формируют собственную рациональную корпоративную этику, направляя процессы совершенства, консенсуса и противоборства по обозначенной траектории. Профессиональная этика по своей природе также имеет функциональный и локальный характер, но в отличие от корпоративной этики она обращена не к организационной целостности, а к конкретному виду профессиональной деятельности. Жизненность и жизнеспособность институциональных моральных концептов в настоящее время зиждется на том, что создается собственная моральная легитимность, актуально востребованная и санкционированная. Поэтому, как представляется, реальная современная социальная этика может существовать как этика конструктивистского типа в форме комплекса теоретико – нормативных значений, предписывающих пути разрешения специфических антиномий реальных практик конкретных социальных общностей.

УДК 316 ББК 60.5

Чикарова Галина Игоревна –

стажер-исследователь

Южный Федеральный Университет,

г. Ростов-на-Дону

e-mail: galia201292@gmail.com

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ

Ключевые слова: врачи, профессиональная идентичность, ценностно-смысловые факторы, трансформационные процессы

В современной научной литературе проблематика профессиональной идентичности рассматривается во многих исследованиях. Согласно точки зрения Завалишиной Д.Н., профессиональная идентичность предусматривает отождествление индивида с профессиональной группой, которое способствует осваиванию ее традиций, норм и ценностей. [4] Ю.П. Поваренков рассматривает профессиональную идентичность как принятие индивидом на социальном и психологическом уровнях ценностных позиций, нормативных для данного рабочего пространства. [8] Л.Б. Шнейдер трактует профессиональную идентичность как результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, которые проявляются в осознании работником себя представителем профессионального сообщества, какой-либо профессии. [10]

Также в работах отечественных социологов, изучающих профессиональную идентичность представителей различных профессиональных групп, анализируются трудовые ценности представителей различных профессий, с точки зрения их изменения и появления новых стратегий формирования профессиональной идентичности современного профессионала. Е.Ю. Пряжникова, указывает, что центральной проблемой развития личности специалиста, формирования его профессиональной идентичности, является развитие ценностно-смысловой сферы представителя того или иного профессионального сообщества. [9] Так как профессиональная идентичность личности представляет собой взаимосвязь ценностно-смысловых компонентов профессиональной деятельности специалиста с его личностными ценностями и смыслами, ценностно-смысловые установки выступают базовым компонентом формирования профессиональной идентичности современного работника.

В условиях социально-экономической трансформации, характерной для российского общества в последние десятилетия, череды экономических кризисов и потрясений, результатом которых оказалось изменение всей социально-экономической структуры общества, сегодня происходит преобразование трудовых ценностных установок и пересмотр российскими специалистами основных мотивационных факторов к труду. Также для современных россиян — представителей различных профессиональных сообществ, характерно формирование новой иерархии трудовых ценностей, вследствие которого происходит трансформация профессиональной идентичности отечественных специалистов.

В рамках данной работы был проведен анализ основных ценностно-смысловых факторов, оказывающих влияние на процесс формирования профессиональной идентичности современных российских врачей, представляющих собой ценный социально-значимый профессиональный ресурс.

В современном российском обществе профессия врача остается одной из наиболее популярных и нужных профессий. [12] Согласно рассуждениям Е.П. Ермолаевой, на процесс формирования профессиональной идентичности современных российских врачей оказывают влияние как формализованные этические профессиональные нормы, так и неформальные, транслируемые специалисту его профессиональным окружением. [3]

Также, проанализировав результаты различных социологических исследований относительно ценностно-смысловых факторов формирования профессиональной идентичности современных российских врачей, было выявлено, что в условиях существующей социально-экономической трансформации российского общества прослеживается статусная несогласованность между социальной значимостью врачей и уровнем материального вознаграждения их профессионального труда. [1] Большинство современных российских врачей не удовлетворен размером заработной платы, которую считают, что уровень оплаты труда не соответствует их квалификации, практическому опыту, затратам времени физической нагрузке. [6]

Важно также отметить, что для современных представителей профессионального сообщества врачей в России наиболее значимым является витальный компонент ценностно-смысловых установок. Данный показатель отмечают 48,2% врачей, в то время как о преобладании духовного компонента говорят 19,5% опрошенных, а о социальном — 4,1%. [5]

Неизменной при этом в условиях трансформационных процессов современного общества остается наличие в профессиональной врачебной среде корпоративной культуры и традиции поддержки коллег профессиональным сообществом. [7]

Трансформация профессиональной идентичности современных врачей в следствие изменения сложившейся у них системы ценностно-смысловых профессиональных установок влечет за собой изменение основных мотивационных установок к труду. В России сегодня каждый третий опрошенный врач имеет низкий уровень мотивации к труду, а каждый шестой при возможности хотел бы сменить профессию. [2]

Претерпевает изменения также и династийный характер данной профессии. Так, стоит отметить, что согласно данным ВЦИОМа, практически половина (47 %) опрошенных медицинских работников не хотели бы видеть своих детей в будущем врачами. [11]

Таким образом, в результате социально-экономической трансформации российского общества, изменения сложившихся ранее ценностно-смысловых установок индивидов в сфере труда и профессионального самоопределения, а также появления новых мотивационных установок к труду представители современного отечественного профессионального сообщества врачей произвели переосмысление основных ценностных представлений в области своей профессиональной деятельности.

Так, среди основополагающих ценностно-смысловых факторов, оказывающих влияние на процесс формирования профессиональной идентичности современных российских врачей, сегодня являются низкий уровень престижа профессии врача в современном обществе и отсутствие межпоколенной трансляции профессиональных ценностей, с одной стороны, и ориентированность представителей данной профессии на витальные ценностные установки, а также отсутствие мотивации к профессиональной трудовой деятельности, с другой.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Список литературы:

1. Водяха, А.А. Исследование ценностно-смысловых ориентации личности как фактора сформированности профессиональной идентичности врача [Текст] / А.А. Водяха // Вестник Томского государственного университета. – Томск. 2009. № 324. С. 321—325.
2. Гатауллин И.Г., Забирова Л.М., Гатауллин И.И. Социологическое исследование мотивации врачей // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4
3. Ермолаева, Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность / Е.П. Ермолаева // Психологический журнал. 2003. №3. С. 56–65.

4. Завалишина Д.Н. Способы идентификации человека с профессией // Психология субъекта Профессиональной деятельности / Под ред. А. В. Карпова. М.; Ярославль: ЯрГУ. 2001. С. 104–128.
5. Маркарян А.Г. Особенности ценностных ориентации современных врачей [Электронный ресурс] // Вопросы теоретической и клинической медицины. URL: <http://www.med-practic.com/rus> (Дата обращения: 15.08.2017)
6. Новокрещенов И.В., Новокрещенова И.Г. Самооценка статуса и престижа работы врача клинической больницы медицинского вуза // Социология медицины. 2013. № 2
7. Панкевич В.И., Школьников М.А., Югай М.Т. Удовлетворенность врачей своим трудом в государственных и частных медицинских организациях // Вестник Росздравнадзора. 2015. №5
8. Поваренков Ю.П. Профессиональная идентичность как предмет психологического исследования // Труды Ярославского методол. семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль. 2004. С. 265.
9. Пряжникова Е.Ю., Егоренко Т.А. Проблема профессионального становления личности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 2. С. 111–122. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52291.shtml> (Дата обращения: 25.08.2017)
10. Шнейдер Л.Б. трактует профессиональную идентичность как результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, которые проявляются в осознании работником себя представителем профессионального сообщества, какой-либо профессии.
11. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (Дата обращения: 01.09.2017)
12. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10942> (Дата обращения: 08.09.2017)

УДК 316.334.5 ББК 60.56

Широкалова Галина Сергеевна –
д-р социол. наук, профессор,
Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия,
г. Нижний Новгород
e-mail: shirokalova@list.ru

ГЕНДЕР КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: гендер, Год экологии, социология, студенты.

Неоднозначность изменения социального статуса женщины в современной России актуализировала интерес к гендерным исследованиям. В данном случае нас интересуют гендерные особенности экологической культуры, поскольку гендер во многом определяет специфику социальных ролей: женщины как воспитателя будущих поколений, мужчины – как руководителя производств, наиболее загрязняющих планету: добыча и переработка природных ресурсов.

Напомним, что 2017 г. объявлен в РФ Годом экологии и экологическая проблематика достаточно часто освещается в СМИ. По данным Компании «Медиалогия» за 3 года в российских СМИ: на эту тему было более 1,2 млн. сообщений. Наибольший пик приходится на март-апрель 2017г. [2]. Естественно, что столь интенсивная информационная компания не могла не наложить отпечаток на общественное мнение.

Данная статья основывается на результатах социологического исследования нижегородских студентов (НГСХА – 609 чел; ННГУ – 79 чел.), проведенного в рамках Всероссийского исследования Российского общества социологов «Год экологии 2017» в апреле-мае 2017 г. (Соавтор анкеты РОС, руководитель исследования в регионе и организатор опроса в НГСХА Г.С. Широкалова. Организатор опроса в ННГУ – д.и.н., проф. З.М. Саралиева. Статистическая обработка данных осуществлена к.с.н., доц. Д.В. Шкуриным.)

Разумеется, оценки студентов не достаточно объективно отражают реальную экологическую ситуацию, формируясь больше на основе СМИ, изучаемых предметов, особенно когда речь идет о мире, России в целом (табл. 1). В чем же тогда смысл исследования мнений социальной группы, недостаточно компетентной в экологической проблематике? Дело в том, что мнения - это фактор, определяющий личное поведение.

Таблица 1

Обеспокоенность студентов экологическими проблемами, %

(Предлагалась пятибальная шкала: 1 – совсем не беспокоит, 5 – очень беспокоит)

	1- совсем не беспокоит	2	3	4	5 – очень беспокоит
Качество питьевой воды					
юноши	8,3	3,1	12,0	22,0	53,9
девушки	0,8	3,1	6,2	18,1	71,7
Качество воздуха					
юноши	8,3	3,6	12,4	28,0	47,7
девушки	1,2	2,1	6,2	17,3	73,2
Радиационная обстановка					
юноши	18,1	13,0	21,2	22,8	27,1
девушки	5,2	7,9	19,8	24,9	39,8
Состояние лесов, степей					
юноши	10,9	7,2	16,1	31,6	34,2
девушки	3,6	5,6	17,0	31,2	42,7
Состояние водных ресурсов (реки, озёра)					
юноши	8,3	6,2	17,6	32,6	35,2
девушки	2,9	3,5	9,8	31,2	52,6
Санитарное состояние района Вашего проживания					
	11,4	7,8	19,7	28,5	32,6
	4,6	5,0	12,7	28,1	49,7
Санитарное состояние дома, в котором живете					
	14,5	10,2	9,8	22,8	42,0
	10,9	7,9	11,5	19,6	50,8

На первое место по значимости выходят те параметры, которые обеспечивают качество повседневной жизни респондентов: питьевая вода, воздух. Состояние рек и озер заботит значительно меньше, хотя именно отсюда берут свое начало водопроводы. Радиацию нельзя «пощупать», поэтому угрозы этого класса уходят на периферию. Как видим, озабоченность юношей состоянием природных ресурсов в целом и экологической ситуацией по месту жительства значительно ниже.

Какова же тенденция изменения экологической ситуации? (табл. 2). Студентов, считающих, что экологические проблемы нарастают и в мире,

и в России, и в регионе, и по месту жительства, в разы больше, чем оптимистов. Причем, юноши настроены пессимистичней.

Таблица 2

Мнение студентов об изменении экологической ситуации
за последние 3 года, %

	в мире		В России		В вашем регионе		В вашем городе, селе	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Значительно улучшилась	5,49	4,1	6,2	2,5	5,1	2,5	6,8	3,2
Скорее улучшилась	12,6	20,0	8,5	13,1	12,4	14,7	13,6	13,5
Осталась прежней	18,6	23,6	29,6	32,7	36,2	43,0	37,5	48,3
Скорее ухудшилась	47,9	39,6	36,9	41,1	33,9	31,0	29,6	24,7
Значительно ухудшилась	15,6	12,6	18,8	10,6	12,4	8,7	12,5	10,3

Если мы сравним студенческие оценки с общероссийскими, то обнаружим у молодежи большую обеспокоенность ситуацией. По данным ВЦИОМ 24% россиян считают, что экологическая обстановка по месту их жительства за последние 5 лет «скорее улучшилась», 39% – «осталась прежней», 35% «ухудшилась» [2].

Напомним, значительная часть населения по своему социальному коду конформисты, выстраивающие повседневное бытие в соответствии с позицией большинства. Еще со времен Дарвина доказано, что чаще выживает адаптант, а не умный и сильный. Поскольку конформисты по природе не борцы, то в любой экологической ситуации всегда выберут ту линию поведения, которая не требует от них эмоциональных, временных, экономических затрат. На бытовом языке это звучит так: «Кругом мусор, а я «бычок» в карман совать должен?»

Студенты наиболее социально активная часть молодежи, поэтому логично предположить, что обеспокоенность экоситуацией заставляет их задуматься о возможности изменений в лучшую сторону (табл. 3).

Таблица 3

Эффективность действий населения по защите окружающей среды, %
(респондент мог выбрать до 4-х ответов)

Действия населения	юноши	девушки
Выполнение каждым экологических требований на производстве	63,8	65,2
Выполнение каждым экологических требований в быту	56,9	59,1
Добровольное участие в работах по озеленению и благоустройству	37,2	52,9
Замечания тем, кто мусорит в транспорте, на остановках, парках	27,7	43,3
Обращения в органы власти с соответствующими требованиями	26,1	14,7
Участие в мероприятиях экологических движений	22,9	30,5
Митинги, пикеты в защиту природы	13,8	9,4
Официальные общественные слушания по воздействию на окружающую среду намечаемой строительной, хозяйственной или иной деятельности	11,2	6,8
Поддержка на выборах кандидатов или партий, которые обещают заниматься экологическими проблемами	16,0	10,9
Обращение в суд по защите прав на здоровую окружающую среду	15,4	12,4
Сбор подписей под петициями по экологическим проблемам, в том числе в интернете	8,5	11,3
Обращения в газеты, на телевидение, создание петиций в интернете	5,3	5,1
Другое	1,6	0,6

В основном иерархия оценок эффективности действий совпадает, но юноши чаще ориентированы на публичность акций: обращение в органы власти, общественные слушания, поддержка партий... Девушки считают более важным личное участие: благоустройство территорий, замечания нарушителям экологических норм, поддержка экодвижений.

Каков же личный вклад в экологические мероприятия? (табл. 4)

Таблица 4

Участие студентов в экологических акциях на добровольной основе, %
(респондент мог выбрать до 4-х ответов)

Формы участия в экологических акциях	юноши	девушки
Убирали мусор, оставленный другими людьми	71,4	77,2
Кормили бездомных животных	44,9	71,2
Тушили пожар	42,7	18,0
Убирали придомовую территорию	42,1	56,9
Участвовали в работах по озеленению, благоустройству парков, скверов	36,8	46,3
Очищали пойму реки, озера, пруда	24,9	24,5
Делали замечания тем, кто ломает ветви, рвет цветы в парках, скверах	24,3	32,1
Подписывали петиции по экологическим проблемам, в том числе в интернете	10,8	16,3
Собирали подписи в защиту леса, парка и т.д.	9,7	7,0
Материально поддерживали тех, кто содержит приюты собак, кошек	6,5	14,4
Участвовали в пикетах, в других формах защиты зеленых насаждений	4,9	3,6
Участвовали в официальных общественных слушаниях по воздействию на окружающую среду намечаемой строительной, хозяйственной или иной деятельности	4,3	3,0
Протестовали против строительства АЭС, ядерных могильников, грязных производств	3,2	2,3
Обращались в газеты, на ТВ («Мобильный репортер», др.) по экологическим проблемам	2,7	1,3
Состояли в экологических организациях	1,6	4,2
Протестовали против затопления территорий из-за подъема уровня воды в водохранилищах	1,6	2,1

Поскольку опрашивались студенты, позволим себе усомниться, что всегда такие формы участия, как уборка мусора и озеленение были добровольными. Тем не менее, положительный опыт есть, а следовательно, формируется и определенное эмоциональное отношение к нарушителям экологических норм поведения. Активность юношей значительно ниже в этих

видах экологической деятельности. Естественна большая сострадательность девушек к животным и растениям. Ожидать активное участие в пикетах, обращение на ТВ и т.п. нет оснований: проводятся такие акции достаточно редко и требуют наличия особых лидерских качеств и выраженной гражданской позиции.

Таблица 5

Значимость факторов, повлиявших на воспитание экологической культуры респондентов, % (респондент мог выбрать до 3-х ответов)

	юноши	девушки
Семья	74,2	81,2
Условия жизни	40,5	43,2
Школа	39,5	45,2
Экологические катастрофы	15,8	26,4
Вуз	15,3	15,6
Друзья	9,0	8,6
Законодательство	9,0	2,7
СМИ	4,2	11,2

Есть существенные отличия в значимости отдельных факторов формирования экологической культуры респондентов. Семья остается основным учителем экологии повседневности. Школа на почетном третьем месте, вуз же лишь корректирует те ценности, которые были заложены семьей и реальной жизненной ситуацией. СМИ информируют о состоянии экологии, природоохранном законодательстве, но эти знания заполняют уже сложившуюся систему экологических координат.

Есть определенные отличия в значимости отдельных факторов в зависимости от гендера. Будучи более эмоциональными, девушки чаще зависимы от семейных традиций, условий жизни, школы, информации СМИ. Для юношей значимей законодательство, что проявляется в оценке экологической политики местной и федеральной власти.

Студенты критически, особенно девушки, оценивают экологическую культуру сограждан. Вариант «бережно относятся к природе» выбрали 15% юношей и 10% девушек, «халатно» - 57% и 62 %, соответственно. Остальные предпочли оценку «безразлично». Вина возлагается как на уровень культуры населения, так и на власть разного уровня (табл. 6). Не снимая ответственности с населения за экологические нарушения, многие студенты понимают, что экология – это не только и не столько мусор, брошенный мимо урны, но и эффективность законодательства, принимаемого на федеральном и региональном уровнях.

Таблица 6

Причины, объясняющие отношения россиян к природе, %
(респондент мог выбрать несколько ответов)

	юноши	девушки
Сказывается общий уровень культуры	68,8	72,6
Это результат отношения местной власти к экологическим проблемам	31,7	30,8
Это результат отношения федеральной власти к экологическим проблемам	31,2	25,9
Природа – наш дом	24,7	14,6
Думаю, это традиция	14,0	10,2

Сопоставим наши данные с результатами ВЦИОМ, полученными при ответе на вопрос: **«Кто, по Вашему мнению, должен нести основную ответственность за состояние экологии в вашем населенном пункте? (закрытый вопрос, один ответ)»**. Авторы исследования сделали вывод, что «ответственность за состояние экологии сегодня уже не возлагается преимущественно на федеральное правительство (27% в 2010 г. – первое место в рейтинге), а на местные (25%) и региональные (23%) власти. Кроме того, усилилось осознание ответственности рядовых граждан за сохранение природы: с 12% до 25%».

По этому поводу отметим, что переложение общественным мнением ответственности с федерации на регионы не справедливо: региональные законы принимаются на основе федеральных, и если в последних ответственность за экологический ущерб незначительна, то регионы не могут ужесточить нормы. Кроме того, федеральная власть, забирая 50% доходов региона, не отставляет им финансов на эффективную экологическую политику [2].

Кроме того, есть проблемы, которые граждане не в состоянии решить в силу своего социального статуса, если только не сумеет привлечь к ним широкую общественность. Показателен в этом плане сбор подписей под петицией на Chang.org Ф. Марьясова «Мы против ядерного могильника вблизи Красноярска». За 4 года петиция собрала, несмотря на высочайшую активность автора по привлечению внимания к проблеме, всего 83852 подписи при необходимых для рассмотрения на правительственном уровне 100 тысяч [1].

Подводя итог, отметим, что девушки более отзывчивы на экологические вызовы. В то же время, осознание проблем не достаточно для личного участия студентов в их решении в силу многих факторов. Среди них сформировавшееся за последние годы отчуждение от государства, перерастающее в отчуждение даже от среды обитания. Конечно, это не снимает задачи повышения

экологической культуры населения через систему образования, СМИ и т.п. Но «закольцованные» в рыночные отношения будущие специалисты уже научились принимать предложенные им правила игры.

Список литературы:

1. Марьясов Ф. Мы против ядерного могильника. URL [https:// www.change.org/](https://www.change.org/) (дата обращения 04.07.2017).
2. Экологическая ситуация в России: мониторинг. Пресс-выпуск № 3430. 31.07.2017. URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116333> (дата обращения 02.07.2017).

УДК 314.532 + 347.62 ББК 22.00.04

Щербакова Марина Владимировна –
аспирант кафедры прикладной
социологии,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: cherbakova_marina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: семья, брак, брачный выбор, молодежь

Долгое время традиционная семья была «идеальным типом» для общества, а ее функционирование было обеспечено супружеско-родельскими отношениями. Современная семья, которая определяется западными социологами как эгалитарная, в развитых странах была сформирована примерно к середине XX в., постепенно вытесняя традиционную (патриархальную семью).

В настоящее время, в современной семье произошли трансформации, которые затронули элементы, которые ранее скрепляли семью в одно целое. На данный момент в развитии семьи появляются новые тенденции, которые имеют определенные социальные последствия как для семьи, так и в целом для общества.

Среди основных тенденций, которые происходят последнее время в сфере брачно-семейных отношений, отмечают: снижение брачности, распространение незарегистрированных брачных союзов и трансформации в распределении ролей в семье.

Тенденция снижения брачности, которая отмечается в России последнее время, приводит к трансформации представлений об идеальном образе брачно-семейных отношений.

Так, в России снижение уровня брачности началось в 1990 году, далее в 1998 году этот уровень составил минимальный показатель за весь послевоенный период – 848,7 тыс. (в том числе 620,5 тысяч из которых первые браки). По сравнению с 1989 годом число сократилось на 40%. Таким образом, из-за снижения численности людей, которые вступают в зарегистрированный брак, к середине 1990-х число лиц бракоспособного возраста, которые не состоят в браке, возросло [2, с. 9]. Кроме того, эта тенденция увеличения возраста вступления в первый брак начала более интенсивно проявляться с начала 1990-х годов. Интенсивность вступления в брак у мужчин

в возрастной группе 25–34 года с 2009 года превышает показатели брачности в более молодой группе (18–24 года). Также, частота заключения браков мужчин и женщин в возрастной группе 18–24 года в последние два десятилетия сильно снизилась [2].

В 2015 году нами было проведено исследование, посвященное проблеме брачного выбора, объектом которого выступила молодежь Екатеринбурга, представленная в равных долях студенческой общностью и работающими молодыми людьми. Основным методом сбора информации стал анкетный опрос. В связи с тенденцией увеличения возраста вступления в первый брак, в нашем исследовании мы обратили внимание на возрастной интервал, который молодые люди считают наиболее подходящим для заключения брачного союза.

По мнению почти половины опрошенных молодых людей (49%) наиболее подходящий возраст для вступления в брак для мужчин, равно как и для женщин – 24-26 лет. Этот факт демонстрирует рациональное отношение к брачному союзу. Как правило, в этом возрасте уже пройдена ступень получения высшего образования, выпускники вузов трудоустроились, стали экономически независимыми и самостоятельными.

Однако стоит отметить, что далее мнения респондентов распределились следующим образом: 39% опрошенных считают наилучшим возрастом для вступления в брак для мужчин возрастной интервал от 27 до 30 лет, а для женщин – 21–23 года (26,5%). Это демонстрирует вполне традиционные взгляды девушек и юношей на более ранний и более поздний возраст. Мы имеем в виду следующее: ранние браки не приветствуются как девушками, так и юношами, а более поздний возраст вступления в брак молодежь считает более подходящим для «сильной половины».

Обратившись к данным Росстата можно наблюдать схожую картину: в 2011 году средний возраст вступления в первый брак для женщин составил – 25,0 лет, а для мужчин – 27,4 года [6].

Увеличение возраста первого вступления в брак связано с распространением такой формы брачно-семейных отношений как незарегистрированный брачный союз. Последние десятилетия такая форма отношений набирает популярность и даже можно говорить о некотором «замещении» традиционного брака.

Так, по данным исследований РидМиЖ/RusGGS, проведенных в России в 2004 и 2007 году, среди респондентов 1970-х годов рождения, около половины всех первых союзов начались с сожительства, в то время как среди респондентов 1930-1950-х годов – только 20% [6]. Здесь пролеживается тенденция увеличения числа незарегистрированных брачных союзов.

Так как произошел отход от традиционной модели брачности, который был зафиксирован официальной статистикой в середине 1990-х гг., можно предположить, что сожительства стали социальной нормой.

Статистические данные стали основанием обращения к вопросу об отношении респондентов к незарегистрированным брачным союзам. Более половины молодых людей выразили позитивное положительное отношение к ним. Среди респондентов самыми распространенными оказались следующие высказывания: «Незарегистрированный брак сегодня становится нормой, и нет ничего предосудительного в том, что люди желают жить вместе, не оформляя отношения» (78,5%). «Я считаю, что жить в незарегистрированном браке намного удобнее, так как он не несет за собой никаких официальных обязательств» (20%). При такой форме отношений, в отличие от зарегистрированного брака, отсутствуют серьезные обязательства перед партнером и это обстоятельство, безусловно, можно считать преимуществом. Помимо этого, такая форма отношений тесно связана с понятием свободы, то есть сожителство подразумевает возможность свободного «разрыва» отношений, кроме того, есть возможность «подбора» более оптимального партнера, что служит неким гарантом качества отношений.

Еще один аспект, который бы хотелось рассмотреть в русле тенденций, происходящих в сфере брачно-семейных отношений последнее время – трансформация семейных ролей.

Как отмечает исследователь А.В. Курамшев, трансформация ролевых отношений в семье – важная сторона изменений внутрисемейных отношений. Так, в настоящее время, брачно-семейные отношения регулируются нормами, которые не являются четко определенными, следствием чего является ряд возникающих проблем. Одной из основных проблем является выбор каждой из семей способа ролевого взаимодействия. Результатом этого становится выработка того или иного стиля жизни семьи, тесно переплетенных с межличностными отношениями супругов, а также их социальными установками. [4, с.132]

Одной из важнейших характеристик современной семьи является ее ролевая структура, которая отражает распределение обязанностей супругов внутри семьи, в том числе, насколько та или иная обязанность связана с полом супруга, а кроме того, в какой степени они определяются желанием и волей индивидов, а в какой – традициями и другими объективными факторами. [3, с. 68]

Что касается распределения ролей в семье, то многие исследователи отмечают, что современная семья предусматривает эгалитарные отношения, то есть равноправие супругов прослеживается как в отношении принятия решений, в плане воспитания детей, а также и равном распределении остальных домашних обязанностей.

Вместе с этим, по результатам проведенного нами исследования, выяснилось, что, по мнению молодежи, практически все решения, касающиеся семейных вопросов, супруги должны принимать коллегиально.

Однако исторически на протяжении долгого времени на плечи женщины была возложена основная ответственность по ведению домашнего хозяйства, а обязанностью мужчины считалось быть кормильцем семьи, а также обеспечивать основной денежный доход [5]. Этот факт частично подтверждается результатами исследования.

Так, например, «материально обеспечивать семью» должен все-таки муж, это мнение практически половины опрошенных, при том, вариант «жена» не был выбран. Также, «распоряжаться семейным бюджетом» скорее должен также муж, нежели жена (17%). Соответственно это свидетельствует о том, что решением всех денежных вопросов должен заниматься муж, или в идеале оба супруга совместно. Отсюда материальная и моральная нагрузка на мужа возрастают. Он должен заботиться о финансовом благополучии семьи и распределять материальные ресурсы. Женскими были определены такие обязанности как: «забота о здоровье и благополучии членов семьи», «обеспечение психологического комфорта», «организация семейного досуга» а также, заниматься выполнением домашних обязанностей (вынос мусора, уборка дома и т.д.) в большей степени должна женщина (18%). На вопрос о распределении нагрузки по воспитанию детей, респонденты однозначно ответили, что это забота обоих супругов.

Таким образом, в современной семье происходят существенные изменения, последствия которых пока что оценить невозможно. Кроме того, многие исследователи обеспокоены вопросом о будущем семьи. В настоящее время сфера семейно-брачных отношений подвержена трансформациям, которые сказываются и на представлениях об образе «идеальной семьи». Причем, основной причиной этому является модернизация норм, ценностей и социальных установок населения в отношении семейной жизни.

Список литературы:

1. Захаров С. Изменение возрастной модели брака по данным текущего учета [Электронный ресурс] Демоскоп Weekly – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (дата обращения 25.07.2017)
2. Иванова Е. И. Новые тенденции в процессе формирования семьи: Молодые поколения меняющейся России /Е.И. Иванова// Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету (Отв. ред. И.А.Бутенко), Москва, 2000. – С. 9 – 17.
3. Кондрашова Е.А. Распределение ролей в семье и семейные конфликты/ Е.А. Кондрашева// Труды СГА Труды СГА. №6 – М.: Издательство СГУ, 2011 – С. 68 – 81.
4. Курамшев, А.В. К трансформации семейных ролей в современном российском обществе / А.В. Курамшев // Вестник Нижегородского университета

им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Выпуск 2. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – С. 130–138.

5. Рощин С. Равны ли женщины мужчинам? [Электронный ресурс] Демоскоп Weekly – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema01.php> (дата обращения: 26.07.2017)

6. Средний возраст женихов и невест увеличивается. [Электронный ресурс] Демоскоп Weekly – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php> (дата обращения: 10.08.2017)

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

Секция № 2

**Особенности развития института
образования в России
и за рубежом, трансформации
региональных образовательных
подсистем**

УДК 316.422 ББК 60.524.

Артем Ольга Ярославовна –

аспирант

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

e-mail: Arteolya@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: инженерное образование, инженерные кадры, работодатели, трансформация инженерного образования, учащаяся молодежь.

Сравнительно недавно к молодому специалисту с инженерным образованием работодатели предъявляли требования к наличию технических знаний и навыков работы в промышленном производстве. Работник приобретал умения выполнения производственных задач за оборудованием, которое действовало на предприятии десятки лет. Инженерным кадрам не требовалось постоянно обновлять свои знания для работы за различными техническими устройствами.

Сегодня профессиональная деятельность инженерных кадров представляет собой работу в опережающей инновационной промышленности, ориентированной на будущее развитие отечественного государства. Развитие инновационного производства обусловлено рядом причин:

конкурентная борьба в мировой экономике за лидерство в сфере научно-технических разработок [4]. Актуальным становится умелое управление накопленными знаниями, что позволит создавать технику, не просто соответствующую требованиям времени, а технические устройства будущего, производство которых будет опережать существующие достижения;

отечественная промышленность продолжает находиться на стадии «догоняющего» развития [2]. После распада Советского Союза в российском государстве произошли серьезные изменения, последствия которых актуальны на сегодняшний день и требуют к себе особого внимания;

сложная международная обстановка, выраженная в попытках с помощью санкций затруднить экономическое, социальное, политическое развитие государства. Усугубляется проблема самостоятельного создания тех технических разработок, которые позволят существенно снизить зависимость от стран, до недавнего времени, поставляющих оборудование отечественным предприятиям.

Свердловская область является одним из регионов Российской Федерации на долю которой приходится 45 % производимой в стране

промышленной продукции. Однако работодатели испытывают потребность в инженерных кадрах. Существует нехватка специалистов, решающих конкретные производственные задачи [3]. Проблема усиливается разрывом между системой образования и требованиями работодателей к подготовке молодых специалистов.

Для работы с передовым оборудованием становится недостаточным работнику владеть только техническими знаниями. В современных условиях к подготовке инженеров, конструкторов, техников предъявляются многообразные требования. Поэтому не случайно ряд исследователей указывают на необходимость создания условий для реализации процесса трансформации инженерного образования. По мнению авторов работы «Современное инженерное образование» [2] для осуществления подготовки учащейся молодежи в соответствии с требованиями производства необходимо реализовать переход к инновационному инженерному образованию построенного на основе единого комплекса («Инженерное образование – Наука – Промышленность») * Инновации. Подразумевается, что создание такого комплекса позволит в процессе подготовки в вузе соединить фундаментальные и прикладные знания для эффективного их использования в практической деятельности, что другими словами авторы называют как «знания в действии».

Представляется, что реализация нового трансформационного подхода к инженерному образованию подразумевает наличие сотрудничества между вузами и предприятиями по вопросам совместной подготовки учащейся молодежи с первых курсов обучения, проведения фундаментальных и прикладных исследований по заказам отечественных и зарубежных предприятий, предоставления мест для прохождения практики и последующего трудоустройства молодых специалистов за работой с передовым оборудованием. Построение инновационного инженерного образования создаст условия для развития познавательного интереса у учащейся молодежи к конструктивным особенностям устройств и возможности принять реальное участие в работе с передовыми разработками. В свою очередь полученный опыт только закрепит новые приобретенные знания, активизирует исследовательский интерес к познанию техники и повлияет на последующее трудоустройство по инженерной специальности.

Подобные идеи представлены в работе «Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени» [1]. Коллектив авторов, состоящий из представителей гуманитарного и технического научного знания придерживаются мнения, что развитие отечественного инженерного образования должно основываться на построении единого комплекса «Образование – Наука – Промышленность». Продолжая свою мысль, авторы подчеркивают необходимость трансформации инженерного образования на основе опережающей подготовки будущих конкурентоспособных

и востребованных инженерных кадров. Под опережающей подготовкой они понимают переход от преподавания узкоспециализированных знаний к набору ключевых компетенций (так называемых «знаний в действии»). Предполагается, что реализация указанного содержания инженерного образования позволит осуществить подготовку учащейся молодежи, по итогу которой молодой специалист сможет обладать навыками поиска основных тенденций в развитии технологий, владеть знаниями, позволяющими участвовать в разработках передового оборудования и совершенствовании уже имеющегося, иметь навыки построения эффективной коммуникации. Работник будет способен к выполнению различных направлений инновационной инженерной деятельности, что подразумевает наличие знаний и готовности их эффективно применить в научной, конструкторской, технологической и другой работе.

Если вуз готов осуществить переход к опережающему образованию, то появляется возможность подготовить инженера, конструктора, механика, техника ориентированных на работу в инновационной производственной деятельности сразу после окончания образовательной организации. Однако современные вузы не осуществляют такую подготовку молодых специалистов. Подавляющее большинство российских вузов не поддерживают сотрудничество с предприятиями, специалисты которых могли бы принять участие в обучении студентов на протяжении всего периода приобретения ими профессиональных знаний и умений. Главной причиной является отсутствие постоянной связи вуза с конкретными предприятиями. Отсутствие такого взаимодействия с первых курсов обучения может негативно сказаться на трудоустройстве будущих молодых специалистов, поскольку возникнут затруднения с поиском работы на которой возможно применить полученные знания. Образовательные организации и предприятия оказываются напрямую не связанными между собой в совместной подготовке будущих инженеров, конструкторов, механиков, техников. Это влияет на невозможность создания таких условий, где наиболее подготовленная и одаренная учащаяся молодежь могла бы принять участие в разработке инновационного оборудования в интересах промышленности и государства. Проблема усиливается несоответствием полученных знаний в технологии и навыков работы за передовым оборудованием у выпускников технических вузов требованиям промышленности, поскольку материально-техническая база большинства вузов страны не позволяет знакомить учащуюся молодежь с последними технологическими достижениями.

Необходимо создание новой системы подготовки инженерных кадров позволяющей учащейся молодежи на момент окончания обучения обладать совокупностью специальных знаний и навыков, которые способна эффективно применить в инновационной деятельности (имеются в виду «знания в действии»). Если вузы готовы изменить систему инженерной

подготовки и учить по-новому, то у страны появляется возможность участвовать инновационных разработках и быть конкурентоспособным государством, опережающим по научно-техническому, экономическому развитию другие страны. В ином случае, отсутствие изменений в системе образования только усилит существующие проблемы в отечественном государстве.

Список литературы:

1. Банникова, Л.Н. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Л.Н. Банникова [и др.]. ; под общ. ред. Л.Н. Банниковой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 364 с.
2. Боровков, А.И. Современное инженерное образование : учеб. пособие / А. И. Боровков [и др.]. – СПб. :Изд-во Политехн. унт-та, 2012. – 80 с.
3. О комплексной программе «Уральская инженерная школа» : указ губернатора Свердловской области от 6 октября 2014 г. № 453-УГ. // Обл. газ. – 2014. – 26 октября.
4. Saglam, S. Transformation of technical education faculties in Turkey in the process of European Union: Faculty of applied sciences / S. Saglam, B. Oral // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2010. – vol. 2. – С. 4513–4517.

УДК 378 ББК 60.5

Балезина Екатерина Андреевна –
ст.преподаватель, аспирант,
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, г.Пермь
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru

РИСК В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: риск, высшее образование, средовой и деятельностный риск.

Риск как вероятность наступления некой угрозы или опасности является распространенным явлением современного общества. С позиции Н.Л. умана, категории риск и опасность различаются тем, что опасность существует «вовне», а риск появляется там, где возникает возможность принятия решения, влекущего к возникновению опасности [7, с. 150–155]. Другими словами на существование опасности мы повлиять не можем, она существует объективно, а риск появляется там, где происходит принятие или непринятие определенного решения. При этом Н.Луман отмечает, что «свободного от риска поведения не существует» [7, с.155]. С точки зрения Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, риск так же объективен, как и опасность. Эти авторы используют категории средового и деятельностного риска [4, с.33] для описания его двойственной природы. Средовой риск замедляет развитие молодежи особенно в образовательной среде. Средовой риск характеризуется как внешний по отношению к различным социальным группам, подвергающимся риску. Деятельностный риск выступает ресурсом социального продвижения и саморазвития. Средовой и деятельностный риск соответствует категориям опасности и риска (в терминологии Н. Лумана) соответственно.

Наряду с общими для всех рисками существуют и специфические риски, характерные для определенной сферы деятельности человека. Высшее образование выполняет функцию по подготовке высококвалифицированных кадров для будущего информационного общества. В связи с развитием информационных технологий требования к высшему образованию ужесточаются: необходимо развивать информационно-техническую базу вуза, повышать квалификацию преподавателей, развивать способности студентов в тех направлениях, которые будут востребованы через 5–10 лет (но сегодня них мы можем и не знать). Риски в системе высшего образования специфичны и зависят от изменений, происходящих не только внутри этой системы, но и вне ее. Так, целью данной статьи является охарактеризовать некоторые особенности

существующих в системе высшего образования средовых и деятельностных рисков.

Риск возникает как явление, присущее изменяющимся системам. Высшее образование в России претерпевает значительные трансформации, начиная со вступления в Болонский процесс. Процессы либерализации (модернизации), связанные с «расширением свободы выбора и ответственности субъектов, увеличением возможностей для инновационных целерациональных действий» [6, с.33], в высшем образовании ведут к возникновению новых рисков на всех уровнях и для всех заинтересованных социальных групп.

В сфере высшего образования можно выделить несколько уровней, в рамках которых возникают средовые риски (опасности).

Первым уровнем стоит назвать образовательную среду, формируемую законодательными актами, установленными стандартами и нормами в области высшего образования. Вносимые различными документами изменения в сферу высшего образования способствуют возникновению следующих рисков: сокращение объемов финансируемых научно-исследовательских работ, сокращение контингента студентов, изменение конъюнктуры рынка труда, переход на новую систему финансирования, конкуренция вузов и пр. [8] Сюда относятся и риски, связанные с внедрением инноваций, например, таких как дистанционное образование [5]. Все эти риски являются внешними по отношению к следующему уровню.

Второй – уровень вуза, где осуществляется управление рисками образовательной организации. В данном случае к рискам относятся: неэффективное использование внебюджетных средств, сложность набора студентов, освоение новых специальностей, технологий обучения и т.д. [10] Относительно новым направлением в деятельности вузов становится риск-менеджмент и управление информационной безопасностью, необходимых для защиты образовательной организации от рисков внешних и внутренних [8], финансовых, кадровых, инвестиционных, материальных и других.

И третий – риски профессиональной деятельности, связанные с педагогическим трудом. К таким рискам относят педагогические риски (возникающие в процессе взаимодействия между студентом и преподавателем), риск ухудшения здоровья (например, перенапряжение голосового аппарата [1], нервные расстройства, заболевания верхних дыхательных путей, нарушение зрения, заболевания сердечно-сосудистой системы [3]), психосоциальные риски преподавателей [9] и пр.

С представленными уровнями возникновения средового риска и приходится взаимодействовать всем социальным группам, включенным в образовательный процесс. Носителями деятельностного риска в системе высшего образования являются студенты, профессорско-преподавательский состав, администрация вуза и будущие работодатели выпускников, общество в целом.

Риски студентов касаются получения некачественного образования [11], связанного с недостаточной сформированностью компетенций профессиональных, коммуникативных, общекультурных и пр. Студенты выступают в качестве субъектов риска, создавая риск с помощью социального творчества, инноваций и «реализации социальных притязаний в процессе своего становления как субъекта общественных отношений» [4, с.33].

Преподаватели вуза, адаптируясь к изменяющимся условиям труда, также способны сами стать субъектом риска. Профессорско-преподавательский состав вуза состоит из высококвалифицированных специалистов, которые отличаются самостоятельностью в постановке целей и перспектив своего развития, в осмыслении деятельности и поиске путей самосовершенствования в ней [2]. В связи с чем, активность, реализуемая в педагогической, исследовательской видах деятельности, может стать источником профессиональных рисков.

Руководство вуза стремится к реализации поставленных перед образовательной организацией целей и поэтому становится субъектом инновационных, инвестиционных, репутационных и прочих видов риска. Например, администрация, стремясь занять более престижные позиции, вводит новые стандарты обучения внутри вуза, внедряет новые интернет-технологии в процесс обучения, что влечет за собой новые риски для всех участников образовательной системы.

Общество и потенциальные работодатели испытывают на себе влияние средовых рисков, стараясь избежать недостатка специалистов определенной квалификации, появления сотрудников с недостаточным уровнем теоретической или практической подготовки [11]. При этом, само общество достаточно быстро изменяет требования к направлениям подготовки необходимых кадров и вузы не успевают реагировать на них, что общество и предприятия-работодатели сами становятся носителями деятельностного риска.

Таким образом, система высшего образования имеет свои специфические риски: образовательной среды, вуза и педагогической / образовательной деятельности. Данные риски являются средовыми и вызывают процессы реагирования и адаптации. При этом все социальные группы, вовлеченные в систему высшего образования, являются носителями деятельностного риска, субъектами, поведение которых влечет за собой появление новых рискованных ситуаций.

Список литературы:

1. Ализаде Ю.С. Риск перенапряжения голосового аппарата преподавателя-лингвиста при различных режимах педагогического труда// Успехи современной науки, 2016. Том 5, №12. – С. 91–93.
2. Арендачук И.В. Преподаватель высшей школы как субъект рисков профессиональной деятельности// Научное издание Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва 14–18 февраля 2012. – С. 4–5.
3. Багнетова Е.А., Шарифуллина Е.Р. Профессиональные риски педагогической среды // Фундаментальные исследования, 2013. №1 (часть 1). – С. 27-31.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления// Вопросы образования, 2008. № 4. – С. 31–55.
5. Кликунов Н.Д. Системные риски, порождаемые развитием дистанционного высшего образования в России// Университетское управление, 2003. №5-6 (28). – С. 78-80.
6. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000. Том III. №3. – С. 32–39.
7. Луман Н. Понятие риска // Thesis, 1994. вып.5. – С.135–158.
8. Костюкова Т.П., Лысенко И.А. Образовательное учреждение как объект управления в условиях риска // Вестник УГАТУ, 2011. Т.15, № 5 (45). – С. 208-215.
9. Тимофеева С.С., Тимофеев С.С. Психосоциальные риски преподавателей в условиях реформирования высшей школы // XXI век. Техносферная безопасность, 2016. № 1 – С. 95–106.
10. Чубарова О.И. Образовательный риск как экономическая категория, его сущность//Ползуновский Вестник, 2005. № 1. – С. 199-208.
11. Щеглов П.Е., Никитина Н.Ш. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов// Университетское управление: практика и анализ, 2003. № 1 (24). – С. 46–59.

Банникова Людмила Николаевна –
д-р социол. наук, доц.
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
E-mail: urfu.bannikova@bk.ru

Сафронова Татьяна Михайловна –
магистрант
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: urgzu@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. Система среднего профессионального образования (СПО) активно реформируется. Вызовы, стоящие перед современной системой среднего профессионального образования (дефицит квалифицированных рабочих кадров, понижающееся качество подготовки) актуализировали потребность её модернизации. Система СПО находится в зоне ответственности субъектов Федерации, поэтому основная работа по решению поставленных задач образовательной политики осуществляется на региональном уровне.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, качество подготовки, дуальная система.

В системе среднего профессионального образования года происходят серьезные структурные изменения, связанные с процессом регионализации системы среднего профессионального образования, её переводом из федерального подчинения региональным органам власти. Следующим шагом стал переход от двухуровневой системы профессионального образования – начального профессионального образования и среднего профессионального образования – к одноуровневой системе среднего профессионального образования с реализацией двух типов образовательных программ, то есть программ подготовки высококвалифицированных рабочих (служащих) и подготовки специалистов среднего звена.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 15-03-000 69, поддержанного РГНФ

В течение последних десяти лет в системе подготовки специалистов среднего уровня отмечается устойчивый отрицательный тренд, связанный с сокращением приема и сокращением численности обучающихся и выпускников учреждений среднего профессионального образования. Подобная ситуация вызвана неблагоприятной демографической ситуацией (длительный период спада рождаемости в стране в 2000-х годах), а также предпочтением выпускников школ в получении высшего, а не среднего профессионального образования.[1] Данные официальной статистики позволяют проводить анализ структурных изменений системы профессионального обучения, проследить динамику численности студентов лишь на 2014 год.

Таблица 1

Динамика численности студентов, обучающихся по образовательным программам разного уровня профессионального образования (2000-2013гг) (тыс. чел.)*

Субъекты РФ	СПО-1		СПО-2		ВПО	
	2000/ 2001	2013/ 2014	2000/ 2001	2013/ 2014	2000/ 2001	2013/ 2014
Российская Федерация	1679	774	2361	1982	4741	5647
Уральский федеральный округ	164	74	217	193	366	455,5
Свердловская область	62	25,5	91	78	154	167
Тюменская область	34	21	39	46	82	122
Челябинская область	53	21	69	55	110	139

*Составлено авторами. [2]

В таблице 1 использована аббревиатура СПО-1 и СПО-2, введенная экспертами Центра исследования среднего профессионального образования НИУ ВШЭ. СПО-1 – профессиональные образовательные организации, реализующие программы среднего профессионального образования – исключительно программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих. СПО-2 – профессиональные образовательные организации, реализующие программы среднего профессионального образования – программы подготовки специалистов среднего звена. [6]

По данным статистики за период с 2000 по 2014 годы численность российских студентов, обучающихся на программах подготовки квалифицированных рабочих, служащих сократилась в два раза. Такое же сокращение проходило и по субъектам Уральского федерального округа (УФО). Исключение стала ситуация по Ханты-Мансийскому национальному округу, где численность студентов СПО-1 за этот период выросла в два раза. Сокращение контингента СПО-2 менее масштабное: на 19% по РФ и 12% по УФО. За тот же период на 19% выросла численность студентов ВПО по РФ и на четверть по УФО. При этом если по Свердловской области прирост студентов ВПО незначительный (2%), то по Тюменской области прирост на 48% (в основном за счет Югры).

Структура обучающихся в российских учреждениях профессионального образования в 2014 году выглядела так: каждый десятый студент (9%) обучался на программах подготовки квалифицированных рабочих, служащих, ещё четверть (26%) – на программах подготовки специалистов среднего звена, остальные (65%) – студенты вузов.[5]

Процессы структурного преобразования системы СПО, переход к одноуровневой системе подготовки постепенно изменяют эту структуру. Так, в 2010–2016 годах численность обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих быстро падала. Если до начала слияния НПО и СПО учащиеся, окончившие 9 класс и не продолжавшие учебу в школе, как правило, шли в систему НПО, то теперь в единой организации СПО большая часть этих подростков идет на программы подготовки специалистов среднего звена с тем, чтобы после их окончания поступить в вуз.[2] Для техникумов и колледжей это определенный вызов, поскольку теперь они в массовом порядке вынуждены обучать не только по своим профильным программам, но и по программе среднего общего образования.

Эксперты Центра социального прогнозирования и маркетинга на основании прогноза демографического Росстата численности населения Российской Федерации до 2030 года, динамики статистических показателей системы образования Российской Федерации за период с 2000 года осуществили прогноз численности учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации на уровне субъектов РФ до 2020 года и на уровне федеральных округов. По их прогнозу, выпуск из учреждений СПО будет сокращаться до 2018 года. В последующем начнется численный рост выпуска, однако и в 2025 году он не достигнет даже уровня 2010 года и будет меньше на 15,4%.[8]

Не менее острой для системы СПО остаётся проблема качества подготовки специалистов, их востребованности на рынке труда. Как правило, для оценки эффективности систем СПО используются показатели ресурсов и условий обучения в учреждениях СПО, то есть потенциала, а не эффектов для потребителя – рынка труда и учащихся. «Социальный навигатор» при

поддержке Межрегиональной Ассоциации Мониторинга и Статистики Образования (МАМСО) подготовили рейтинг региональных систем СПО с позиции востребованности их услуг семьями и работодателями. [7] Проведена сравнительная оценка региональных систем среднего профессионального образования с позиций их соответствия по масштабам, качеству и структуре подготовке требованиям рынка труда и населения. Данные этой оценки по УФО представлены в таблице 2.

Таблица 2

Рейтинг востребованности систем СПО по УФО

Субъекты УФО	Численность учащихся программам СПО на 10000 населения	Индекс востребованности рынком труда	Индекс востребованности населением	Сводный индекс
Свердловская область	167	0.59	0.36	0.48
Челябинская область	155	0.79	0.33	0.56
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	134	0.47	0.27	0.37
Курганская область	162	0.57	0.38	0.48
ХМАО	121	0.38	0.21	0.3
ЯНАО	92	0.14	0.10	0.12

Эксперты уточняют, что однозначных выводов об эффективности или неэффективности той или иной региональной система профессионального образования не стоит делать. Причин этому две. Во-первых, образовательные организации имеют разную ведомственную принадлежность и невозможно определить, кто отвечает за состояние данной региональной системы в целом. Во-вторых, колледжи и техникумы все еще выполняют социальную функцию. Тем не менее, по представленной информации можно оценить и уровень доступности программ СПО для населения, разрыв между запросами рынка труда и востребованностью образовательных программ средней профессиональной школы населением региона. [7]

Вызовы, стоящие перед современной системой среднего профессионального образования (дефицит квалифицированных рабочих кадров, «академический дрейф», демотивация учащихся, понижающееся качество подготовки) актуализировали потребность её модернизации. [8]

Модернизация системы среднего профессионального образования должна в ближайшее время стать основой национальной образовательной системы. Перед колледжами и техникумами поставлена задача создания новой

рабочей интеллигенции, которая примет активное участие в модернизации экономики и развитии общества. Направления развития системы профессионального образования, определенные в 2013 году Стратегией подготовки рабочих кадров и развития прикладных квалификаций, закреплены в Комплексе мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015-2020 годы. [3]

Перспективным видом практико-ориентированного обучения является дуальное образование (обучение). Термин «дуальное образование (обучение)» пока не определен на федеральном и региональном уровне. Дуальная модель обучения в России находится только на начальной стадии реализации, работодатели слабо информированы об этом механизме подготовки кадров, не уверены в полезности возможного участия их компаний в этой модели обучения. [1] Без решения проблемы массового привлечения бизнеса к вопросам развития системы среднего профессионального образования, остается значимым разрыв между фактической организацией подготовки работников массовых профессий и специальностей и потребностями работодателей.

В регионе накоплен определенный опыт работы в новых форматах подготовки технических специалистов, в том числе по дуальной модели подготовки. Возможно, рано делать окончательные выводы, но можно подвести предварительные оценки таких практик. Полученные результаты позволят сформировать предложения по снятию или сглаживанию наиболее острых межинституциональных противоречий (работодатели и система среднего и высшего профессионального образования), выхода из существующих и избежать появления новых «институциональных ловушек» внутри системы профессионального образования.

Список литературы:

1. Бондаренко Н.В. Анализ взаимодействия системы среднего профессионального образования и работодателей, использующих труд работников массовых профессий и специальностей. Информационный бюллетень. – М: НИУ ВШЭ.//Мониторинг экономики образования. 2017. № 6 (105). – 48 с.
2. Бюллетень о сфере образования март 2017. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт). – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ. [Электронный ресурс].URL: <http://ac.gov.ru/> (дата обращения 19.08.2017)
3. Комплекс мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015-2020 годы (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 349. [Электронный ресурс].URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 19.08.2017)

4. Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. – М: НИУ ВШЭ. 2014. – С.297-407.

5. Образование в цифрах: 2016: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Г. Г. Ковалева и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 80 с.

6. Рощина Я. М. Дударев Ф.Ф. Образовательные и трудовые практики преподавателей и студентов профессиональных образовательных организаций в 2014 г. Информационный бюллетень. М: НИУ ВШЭ. // Мониторинг экономики образования. 2016. № 7 (96). – 68 с.

7. Рейтинг региональных систем СПО с позиции востребованности их услуг. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/sn_edu/20131029/968262805.html (дата обращения 19.08.2017)

8. Савинков В.И., Ключарев Г.А. Анализ и прогноз численности студентов и преподавательского персонала учреждений профессионального образования. – М.: ЦСП и М, 2014. – С. 45.

9. Шугаль. Н. Б Массовые профессии и специальности в среднем профессиональном образовании//Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований, Вып. № 5 (31). 2017.

Барбаков Олег Михайлович –

д.с.н., профессор, заведующий кафедрой
бизнес-информатики и математики,
Тюменский индустриальный университет,

Белоножко Марина Львовна –

д.с.н., профессор, заведующий
кафедрой маркетинга и муниципального
управления, Тюменский индустриальный
университет

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ключевые слова: инновационные образовательные технологии, виртуальное пространство, контроль результативности образовательных технологий, научно-производственно-образовательная корпорация.

Новый исторический этап развития России связан с постоянным реформированием всех сторон жизнедеятельности общества: социально-экономических, социально-политических, социокультурных и т.д. Характерным признаком этих реформ является гипотетический подход, основанный не на научном прогнозировании результатов, а на уверенности авторов реформ в реализации желаемых предположений. Стала типичной для такого подхода фраза М.С. Горбачева: «Попробуем, если ошибемся – будем исправлять». Но, как известно, в медицине эксперимент на одном человеке считается уголовным преступлением, в стране проводится эксперимент над миллионами (ваучеризация, приватизация, распад Союза и т.д.) и никто из авторов этих проектов не несет ответственности. Более того, принимаемые новые законы, например, «О местном самоуправлении», «О денежной компенсации льгот», не достигли желаемых результатов, поэтому реализация их была отложена. Не избежала такой участи и система российского образования. Законы 90-х г.г. включали бакалавриат и колледжи в структуру высшего образования, затем колледжи были перенесены в систему среднего профессионального образования, а бакалавров, как правило, на работу не брали в качестве специалистов, получивших высшее образование и тогда продлили на год их обучение с выдачей дипломов специалистов. В конце 90-х г.г. с вступлением России в Болонский процесс вновь восстановили бакалавров, но до сих пор потребители не знают, как и на какие должности их принимать. В начале XXI века решили провести оптимизацию образования, в связи с чем в 2003 году было закрыто на юге Тюменской области 209 малокомплектных

школ, здравпунктов, клубов, библиотек, что привело к резкому увеличению безработицы в сельских районах, невозможности для многих семей возить детей в районные школы и в целом к снижению общей культуры сельского населения. В настоящее время стали восстанавливать здравпункты в селах, вероятно, дойдет очередь и до школ. Мы привели несколько примеров бесконтрольности принимаемых решений, что отражается на социальном благополучии граждан.

На современном этапе цивилизационного развития человечества существуют технологии предварительной проверки результативности различных решений, в том числе и законодательных на виртуальном пространстве. Учитывая этот факт, мы разрабатываем в процессе данного исследования методику поэтапного контроля результативности инновационных технологий в образовательном учреждении на виртуальном пространстве. Реформирование образования, в том числе высшего, в Тюмени фактически, как и в России в целом, уже началось. Пока неизвестно какие будут результаты этих реформ. Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) не выполнило свою функцию предоставления наиболее талантливым выпускникам школ права обучения в лучших вузах России. Скорее, это право получили дети богатых родителей, благодаря возможности брать репетиторов и обеспечить проезд и проживание, например, в Москве, С-Петербурге. Предлагаемое современными реформаторами сокращение социально-экономических, социально-гуманитарных, социально-политических специальностей в вузе может привести к формированию социально-безграмотной молодежи, что, естественно, не замедлит отразиться на общей демократической, гражданской позиции не только современной, но и будущей России. Точно также чревато негативными последствиями решение о сокращении численности студентов в вузах с одновременным расширением начального профессионального и среднего профессионального образования. Если с необходимостью расширения среднего профессионального образования в определенной мере можно согласиться, то при современных технологиях начальное профессиональное образование не решает проблему соответствия выпускников уровню развивающегося производства. Более того, начальное профессиональное образование в настоящее время не обеспечивает интеллектуального, нравственного и соответствующего современности профессионального развития человека, так как, как правило, его получают школьники, не справившиеся с общей школьной программой и, следовательно, создается специфическая группа молодежи.

В связи с выше изложенной ситуацией контроль результативности инновационных решений, положений, технологий на виртуальном пространстве может обеспечить внедрение тех из них, которые способствуют перспективному развитию личности, социальных групп и общества.

Основным полигоном решения задач контроля результативности образовательной деятельности на виртуальном пространстве был выбран Тюменский индустриальный университет (ТИУ). Данный выбор обусловлен не местом трудовой деятельности авторов, а тем, что наш университет в настоящее время представляет собой научно-образовательную корпорацию, постепенно переходящую в научно-производственно-образовательную корпорацию, что является задачей перспективного развития ведущих вузов региона. В этой связи опыт ТИУ, подтвержденный, с одной стороны, практикой его жизнедеятельности, а с другой, материалами контроля результативности инноваций университетской корпорации на виртуальном пространстве, может обеспечить снижение материальных, хронологических и человеческих затрат при решении аналогичных проблем.

Университет как научно-производственно-образовательная корпорация не может базироваться на технологиях прошлого. Требования времени вынуждают его с целью своих перспектив развития разрабатывать современные инновационные технологии, для того, чтобы студенты в процессе обучения и после него формировались как:

- высоко квалифицированные профессионалы с высоким интеллектом, нравственно зрелые специалисты и социально активные патриоты Тюменского региона и России;
- очень важно при этом, чтобы таким выпускникам не нужен был определенный этап адаптации к профессиональной деятельности, как было в прошлом и еще существует в настоящее время;
- кроме того, учитывая современную динамику смены различных технологий, выпускник вуза должен мобильным и способным овладеть в кратчайшие сроки инновационными технологиями;
- творческий интеллект выпускника университета необходим для того, чтобы он как специалист не был бы простым исполнителем, а в своей профессиональной деятельности был бы творцом новых технологий, управленческих решений, направленных на оптимизацию и развитие тех или иных процессов.

Современную эпоху считают эпохой грандиозной технологической революции. Неизмеримо возросли сложности и многообразие процессов, происходящих в общественной жизни, их мощность и количество. Соответственно увеличились объемы информационных потоков, связывающих эти процессы. Для того, чтобы их обработать и использовать во благо общества, необходимы информационные технологии - серьезные и надежные средства сбора, обработки, анализа и рационального применения гигантских массивов информации, без которых невозможно управлять этим информационным «вихрем».

Многие ученые считают, что современную информационную технологию и ее основные элементы – компьютеризацию и информатизацию – правомерно считать ядром развертывающейся технологической революции.

В настоящее время используются миллионы компьютеров в различных областях человеческого знания и практики, прогресс которых заставляет совершенствоваться науку и практику информационных технологий. С другой стороны, усиливается воздействие самой компьютеризации на жизнь общества. Теперь эффективность различных социальных процессов зависит от уровня информатизации сфер жизни. Перед человечеством возникла задача, как «справиться» с этими процессами, как можно правильнее, точнее, эффективнее, надежнее и более оперативно управлять явлениями общественной жизни с основной целью «все для человека, все во имя человека!».

Естественно, для того, чтобы обработать такое количество информации для подготовки и принятия управленческих решений в современных условиях не хватит никаких людских ресурсов. Человек с его мощным интеллектом, с мозгом, по мнению ученых, используемым им всего на 15%, оказался совершенно беспомощным перед лавиной знаний, обрушивающейся на него со всех сторон. Что может спасти его, дать возможность управлять окружающим миром, эффективно организовать развитие и жизнедеятельность общества? На наш взгляд, решить эти задачи смогут новые технологии обработки и анализа информации об окружающем мире.

Использование средств обработки, анализа и передачи информации может поставить процесс управления на новый качественный уровень и даст ему возможность эффективно организовать любые формы жизнедеятельности людей, обусловив тем самым перспективное развитие человеческого сообщества.

В свою очередь, автоматизация и компьютеризация управления позволяет сформировать новый подход к пониманию социальных процессов и социальной практики в современную эпоху научно - технического прогресса. При этом информационные автоматизированные технологии становятся базисом решения задач оптимизации управления любыми процессами и взаимодействиями управленческих структур.

Представляется, что, используя виртуальный социологический полигон с новыми информационными автоматизированными технологиями управления, можно провести социальный эксперимент, имитационное моделирование управления деятельностью современного вуза, построить оптимальные прогнозные модели и показать их результативность путем создания инструментария постоянного контроля на виртуальном пространстве внедряемых инновационных технологий в систему высшего образования Тюменской области.

Список литературы:

1. Барбаков О.М. Региональное управление: реалии и перспективы. – С. Петербург: Изд-во «Лань», 1999 – 316 с.
2. Барбаков О.М., Киселев В.Г. Методология проведения социального эксперимента на виртуальном пространстве. // Вестник Тюменского государственного университета, №8, 2012, «Социология» – Тюмень: изд-во ТГУ, 2012.
3. Oleg M. Barbakov, Marina L. Belonozhko Svetlana S. Siteva, Anatoliy L. Koltunov Lidia N. Belonozhko The Virtual Space Simulation of the Regional Governance System. // International Journal of Economics and Financial Issues, 2016, 6(S5) p. 72–79.

Батырева Мария Владимировна –
доцент кафедры общей и экономической
социологии
Тюменского государственного
университета

Попова Анастасия Ивановна –
студентка,
магистерская программа «Социология»

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Читательская культура всегда была одним из индикаторов культурного, духовного состояния общества, именно с ее помощью можно охарактеризовать состояние чтения любой социальной группы, в том числе и школьников. По определению Н.В. Пономаревой, читательская культура учащихся школ складывается из их «потребности в чтении и устойчивого интереса к нему, способности к восприятию различных текстов, к работе с различными источниками информации, умения отбирать и интерпретировать полученные знания, так же это определённые речевые и писательские умения, формирующийся литературный вкус, умение выбрать книгу и работать с ней, бережное отношение к книге, определенные навыки самообразования и саморазвития» [4, с. 603].

Исследование, проведенное Левада-центром в 2011 г. по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям показало, что 45% взрослых россиян почти не читают книг [5]. Эти данные свидетельствуют о низкой читательской активности населения, причем, со слов респондентов, и их дети школьного возраста читают крайне редко.

В 2016 г. авторами был проведен опрос 30 экспертов (библиотекари, учителя и преподаватели вузов), который показал, что, по мнению специалистов, детей и подростков всё труднее привлекать к чтению. Часто школьники испытывают проблемы с поиском информации, написанием работ по школьным заданиям, и, если и читают художественную литературу, то «не ту», которую рекомендовали бы читать эксперты.

Эти данные отличаются от тех, что были получены в ходе опросов среди школьников на уровне библиотек разных городов, а так же Левада-центром в 2008-2009 гг. По данным этого опроса, книга все-таки присутствует в жизни современного школьника, 52% опрошенных так или иначе читают книги. [1, с. 11]

Похожие результаты показал и опрос тюменской молодежи, в том числе и школьников, также проведенный авторами в 2016 году (n=400). По данным опроса, каждый второй школьник читает, по крайней мере, 2-3 раза в неделю, и чтение охватывает не только школьную программу, но и чтение по интересам. Вместе с тем, в данном вопросе проявилась новая тенденция в чтении школьников, характерная для трансформации общества в целом. Школьники преувеличили свою любовь к книгам, так как при частоте чтения 2-3 раза в неделю около 70% опрошенных за три месяца прочитало только 1-2 книги, а 56% отметили, что читают быстро, так как их очень увлекает сюжет книги.

Преувеличение частоты собственного чтения, как и в любви к нему можно объяснить тем, что чтение в молодежной среде сейчас считается престижным занятием, и даже если респонденты неохотно признаются во влиянии на их чтение явления моды, массовое сознание и установка «читать правильно и престижно» в ответах респондентов присутствует. Такое явление, как читательская мода, проследить достаточно сложно, так как оно быстро меняется, и не всегда понятно, к каким результатам оно приведет в будущем. Если, следуя данной моде, школьник начнёт читать, то существует вероятность, что постепенно такой мотив чтения, как стремление принадлежности к референтной группе, перерастёт в личный, появится потребность в саморазвитии, познании, расширении своего читательского кругозора. Существует и обратная сторона эффекта читательской моды, она заключается в том, что её объектами могут стать не самые лучшие образцы печатной продукции, которые отвлекают читательское внимание от литературы не модной, но ценной. Но, как отмечает М.М. Самохина, «всегда существует вероятность того, что книги низкой культуры привлекут читателей, которые впоследствии сами дойдут до культуры высокой» [2].

Вместе с появившимся течением «читать модно и престижно» имеет место и такое явление как замещение печатной книги – электронной, книги как источника информации – Интернет-ресурсами. Сейчас «чтение» у школьников не всегда ассоциируется именно с чтением книги, намного чаще молодёжь обращается к чтению статей в сети Интернет, популярных блогов и новостей. Ю.П. Мелентьева отмечает, что: «Усиливается влияние «некнижных» средств массовой информации на процесс социализации подрастающего поколения. Наряду с традиционными каналами получения информации – книгой и периодикой – все больше места в жизни молодёжи занимают аудиовизуальные («экранные») СМИ» [3, с.10]. При этом далеко не всегда молодёжь способна адекватно воспринимать прочитанную информацию, отбирать наиболее правдивую и нужную. По способам проведения досуга именно Интернет и социальные сети обходят чтение книги, это говорит о том, что чтение книг хоть и является занятием модным и престижным, но действительно может стать уделом лишь единиц.

Так, по данным опроса в г. Тюмени, чаще всего читают книги 78% опрошенных школьников, но вместе с тем 54% из них отметили, что наиболее часто обращаются к чтению статей в Интернете, а так же блогов и групп в социальных сетях. 46% опрошенных в той или иной мере предпочитают печатный текст электронному, в то время как 41% опрошенных при выборе между печатным и электронным текстом предпочтут второй, а 14% читают и печатные, и электронные тексты в равной мере.

Учитывая, что, несмотря на собственную уверенность, тюменские школьники в целом не очень хорошо владеют навыками поиска нужной информации (36% опрошенных признались, что для написания собственной работы воспользуются чужими, найденными в Интернете), можно говорить о том, что молодые люди воспринимают любую информацию, не осмысляя её и не отбирая. Чаще школьники используют поверхностный, быстрый поиск, редко обращаются к первоисточникам, чаще всего полагаясь на чужие работы в Интернете и редко прибегая к поиску информации в библиотеке (с Интернет-первоисточниками будет работать только 21% опрошенных, с библиотечными – 6%).

Еще одна черта, проявляющаяся в читательской культуре школьников современности, это тенденции, характерные и для общества в целом – массовизация и стратификация. С одной стороны, по данным большинства опросов последних лет, молодые люди читают одно и то же: фантастика, фэнтези, боевики, детективы, женские романы. С другой стороны, существует стремление читать «свое», выделиться этим из толпы сверстников, показать свои уникальные интересы. Тем не менее, подавляющее большинство читателей выбирает массовое чтение, некоторые следуют нормам группы друзей или единомышленников, к которой они принадлежат.

Итак, можно сделать вывод, что необходимо использовать явление читательской моды и Интернет-эры для продвижения книги, и только тогда читательскую культуру школьников удастся вывести на более высокий уровень, а чтение из просто престижного занятия станет действительно желанным и увлекательным.

Список литературы:

1. Дубин, Б. В., Зоркая, Н. А. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
2. Кондратьева, О.Н., Самохина, М.М. Молодые читатели в Интернете. [Электронный ресурс] – М. : Рос. гос. б-ка для молодёжи, 2011. – 156 с. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=338 (дата обращения: 21.04.2016)

4. Мелентьева, Ю.П., Общая теория чтения: постановка проблемы / Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова // Поддержка и развитие чтения: тенденции и проблемы (по итогам пяти лет реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в России) – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2011. – С. 7–17.

4. Чушкина, С.Е. О подходах к определению понятия «Читательская культура» // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т.20. – № 2. – С. 600–604.

5. Федеральное агентство по печати и коммуникациям. [Электронный ресурс] «Бумажное» и «электронное» чтение в России. Результаты исследования 2011 года. Часть I «Бумажное чтение». Режим доступа: <http://pro-books.ru/sitearticles/8250> (дата обращения: 27.08.2017)

УДК 316.74: 001

ББК: С 561.8

Булашева Алёна Андреевна –

аспирант кафедры общей и экономической
социологии

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

email: a.a.bulasheva@utmn.ru

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТОВ¹

Ключевые слова: иностранный язык, аспирантура, кандидатский экзамен по иностранному языку, языковая компетенция.

В современных условиях функции иностранного языка в формировании научно-исследовательской деятельности аспирантов становятся ведущими. Согласно содержанию образовательного стандарта аспирантуры «ФГОС ВО 3+» требуется обязательное посещение занятий по иностранному языку аспирантами очной и заочной формы 1 года обучения. Оценки, полученные за кандидатский минимум, прописываются в дипломе педагога-исследователя. Отметим, что задачей современных аспирантов является максимальное владение языковой деятельностью на основе профессиональной и научной лексики.

Согласно Федеральному закону «Об образовании в РФ» от 1 сентября 2013 года в аспирантуре необходимо использовать современные формы и методы обучения иностранному языку, которые обеспечивают максимально эффективную реализацию программы подготовки ученых-исследователей. Таким образом, мотивация и заинтересованность аспирантов в изучении иностранного языка зависит в первую очередь от профессиональной компетентности преподавателя.

Примем во внимание, то что согласно учебной дисциплине «Иностранный язык» аспиранты должны овладеть знаниями в различных видах языковой коммуникации, которые давали бы возможности читать зарубежную литературу по специальности, уметь правильно оформлять иностранные источники, готовить научные доклады на темы, связанные с диссертационным исследованием.

---

¹ *Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект №28.2941.2017/4.6*

Трудности, возникающие у аспирантов, при изучении иностранного языка рассматривают следующие исследователи в различных научных сферах (филология, педагогика и социология): Абзалова С.Р., Вепрева Т.Б., Казакова О.П., Мазитова Ф.Л., Печенкина О.В., Резник С.Д., Шимановская Л.М.

Абзалова С.Р, Мазитова Ф.Л. считают, что подавляющее большинство выпускников неязыковых высших учебных заведений перестают практиковаться на иностранном языке по окончании курса обучения в вузе и утрачивают ранее выработанные языковые навыки, если этого не требует их профессиональная деятельность. В результате, поступив в аспирантуру, где изучение иностранного языка проводится на высоком профессиональном уровне, некоторые обучающиеся вынуждены заново начинать изучение иностранного языка, поскольку это становится необходимым не только для сдачи кандидатского экзамена, но и для изучения зарубежной научной литературы в рамках подготовки диссертации[1; 342].

Отметим, что отсутствие языковой практики аспирантов связано и с их низким материальным положением. Это указывает на вынужденное положение аспирантов совмещать научно-исследовательскую и образовательную деятельность с иной деятельностью, приносящей доход.

По мнению Шимановской Л.М., работая с текстами по специальности и научными статьями на иностранном языке, аспиранты имеют возможность использовать данные материалы в своих исследованиях, что повышает их интерес к изучению иностранного языка [3; 338].

Таким образом, изучение иностранного языка является для современного аспиранта необходимым условием, для того чтобы быть более успешным и востребованным в научной среде.

Для выявления значимости иноязычных компетенций в деятельности молодых исследователей в 2015 году нами был проведен анкетный on-line опрос 308 аспирантов вузов Тюменской области.¹

Как показывают результаты опроса, четверть опрошенных респондентов (25%) свободно общаются на научные темы, читают и переводят профессиональные тексты. В основном такая категория аспирантов успешно изучала научный иностранный язык, будучи студентами с репетитором или в лингвистической школе.

---

¹ В 2015 году в опросе приняли участие 308 аспирантов из Тюменского государственного университета, Государственного аграрного университета Северного Зауралья, Тюменского государственного медицинского университета, Тюменского индустриального университета и Сургутского государственного университета. Генеральная совокупность – 1578 аспиранта. Выборка квотная с репрезентацией по отрасли наук и году обучения. Ошибка выборки составила – 5%. Остановимся далее на основных результатах проведенного социологического исследования.

Вместе с тем отмечается, иностранный язык обладает значительным потенциалом в формировании общекультурной компетентности аспиранта и является одним из средств формирования этого качества. Важным аспектом обучения в аспирантуре является развитие навыков академического письма (и в т.ч. на английском языке)¹.

Стоит обратить внимание на знания аспирантов в сфере иностранных языков. На вопрос: «Знаете ли Вы иностранные языки» утвердительно ответили 90% опрошенных, из них минимальные навыки имеет каждый пятый аспирант (22%) (вариант ответа «понимаю простые предложения и речевые конструкции»). Способностью поддержать разговор на знакомые повседневные темы обладают меньше половины опрошенных респондентов (31%). Часть аспирантов (24%) свободно общается на научные темы, может читать переводить профессиональные тексты с использованием словаря. Продвинутый уровень владения иностранным языком, отметил лишь каждый седьмой аспирант (13%) (вариант ответа «свободно общаюсь на научные темы (в т.ч., с носителями языка), успешно веду деловые переговоры за границей»).

Выявлена взаимосвязь между вопросом «Укажите уровень Вашего владения иностранным языком?» и категорией «год обучения аспиранта».

Среди аспирантов первого года обучения уровень владения иностранным языком оценивается как «начальный» (40%) (вариант ответа «могу поддержать разговор на знакомые повседневные темы»). Аспиранты второго и третьего года обучения указали продвинутый уровень владения языковыми компетенциями (60%) (вариант ответа «свободно общаюсь на научные темы, чтение и перевод профессиональных текстов на хорошем уровне с использованием словаря»).

Ответы на вопрос «Испытываете ли Вы трудности при изучении иностранного языка?» распределились следующим образом: «да» (46%), «нет» (36%), «не изучаю иностранный язык сейчас» (18%).

Результаты опроса показали, что в основном при изучении иностранного языка испытывают трудности аспиранты первого года обучения (54%) в сравнении с аспирантами второго (22%) и третьего года обучения (24%).

Анализ основных сложностей аспирантов при изучении иностранного языка показал актуальность для большинства респондентов (44%) таких переменных как «отсутствие времени» (24%) и «нехватка общения с носителем языка, не был(а) за границей для осуществления языковой практики» (20%). Часть респондентов (39%) отмечают, что успешному освоению ими языковой компетенции препятствуют такие показатели как боязнь говорить на иностранном языке (20%) и низкая мотивация (19%). Лишь немногие из опрошенных аспирантов (17%) отметили такие трудности как лень (8%), строгие преподаватели (3%), отсутствие (нехватка) учебных пособий (6%).

---

¹ Jane Mattison Ekstam (Sweden) Helping postgraduate students to learn «The rules of the game» in and through the thesis writing process in English.

Отметим, что для аспирантов актуальность изучения иностранного языка заключается не только в коммуникационных аспектах, но и в работе с иностранными научными источниками для подготовки публикаций за рубежом, участия в зарубежных конференциях. В связи с этим далее проанализируем, как часто осуществляется подготовка публикаций на иностранном языке? Вообще не публикует научные работы на иностранном языке каждый третий аспирант (33%). Почти половина опрошенных аспирантов (42%) пишут (переводят) текст самостоятельно. Каждый седьмой аспирант (13%) обращается за помощью к коллегам. Остальная часть респондентов (8%) оплачивают переводчика из собственных средств или их затраты компенсирует университет, в штате которого есть специалисты–переводчики (4%).

Более трети опрошенных (42%) на вопрос «Хотели ли бы Вы уехать за границу на постоянное место жительства» ответили утвердительно (варианты ответов «да» и «скорее да, чем нет»). Отрицает подобную перспективу чуть больше половины респондентов (58%) (варианты ответов «нет» и «скорее нет, чем да»). Анализ основных причин эмиграции аспирантов за рубеж показал, что большинство опрошенных (42%) главной причиной видят низкий уровень оплаты труда учёного в России. Каждый пятый респондент (25%) называет более благоприятные условия для жизни за рубежом и высокие перспективы карьерного роста. Остальная часть респондентов (33%) считает весомой причиной для эмиграции за рубеж – высокий уровень социальной защищённости (медицинское обслуживание, социальные льготы и т.д.).

Важным является тот факт, что среди аспирантов, обучающихся в России, есть граждане иностранных государств. Для них иноязычные компетенции становятся ещё более актуальными: помимо адаптации к другой стране и её языку (русскому), на котором с ними общается научный руководитель, им необходимо развивать и/или совершенствовать свои навыки в английском языке (как универсальном языке академического сообщества). Доля аспирантов (12%) из Тюменского государственного университета являются представителями других государств (Эстония, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, КНР, Франция, Украина).

Принимая во внимание полученные данные опроса, можно предположить, успешное изучение иностранного языка в рамках образовательной программы аспирантуры является важным условием для того, чтобы аспирантам интегрироваться в научное сообщество и достойно представлять российскую науку за рубежом. Для этого им нужно практиковать иностранный язык в рамках научно-исследовательских семинарах, конференций в вузе, развивать навыки академического письма (в т.ч. и на английском языке), читать зарубежную литературу по специальности и работать с иностранными источниками для подготовки статей.

Список источников:

1. Абзалова Ф.Л., Мазитова Ф.Л. Особенности подготовки аспирантов к сдаче иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник Казанского технологического университета– 2013. – № 9. – С. 342–345.
2. Вепрева Т.Б., Печенкина О.В. Иностранный язык в аспирантуре: новый этап// Credo experto: транспорт, общество, образование, язык– 2016. – № 1. – С. 111–119.
3. Шимановская Л.М. Проблема языкового оформления научной статьи для зарубежного журнала на английском языке // Вестник Казанского технологического университета. - 2011.-.№ 23, Т.14. – С. 338 –345.

УДК 340.1 ББК 67.4

Володина Юлия Анатольевна –

к.психол.н., доцент, магистр

юриспруденции,

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского,

г. Брянск

e-mail: psylabgu@ya.ru

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: образовательная политика, образовательное право, образовательные отношения, образовательная система, высшее образование.

Образовательная политика Российской Федерации предполагает консолидацию мер по трансформации систем социальной защиты, образования и воспитания детей и молодежи с целью решения возникающих культурных, образовательных морально-нравственных проблем общества на глубинных уровнях социокультурной системы.

Анализ образовательной практики в ряде регионов России показывает, что с конца 90-х гг. XX в. широко используются различные подходы к деятельности органов государственной власти РФ в сфере общего и профессионального образования. Рассмотрим наиболее значимые практические результаты современных преобразований в рамках основных теоретических подходов.

Системно-политический подход. Его особенностью является целенаправленное уменьшение количества школ и вузов путем их ликвидации как юридического лица. В рамках данного направления в основном осуществляется поиск новых методик в сфере управления системой образования, приводящих к закрытию существующих образовательных организаций, в частности наблюдается тенденция реорганизации и преобразования школ в образовательные кластеры и кампусы, опорные региональные университеты (г.Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и др.).

Социально-культурный подход направлен на поиск альтернативных форм обучения детей и молодежи. Работа в рамках данного подхода проводится в нескольких направлениях: обучение в условиях экстерната и социального патронажа; создание особых образовательно-воспитательных центров, реализующих функции организаций образования в группах детей и подростков;

создание социально-образовательных гостиниц для одаренных детей и молодежи, обучающихся в лицеях и гимназиях.

Психологический подход направлен на преобразование деятельности существующих образовательных организаций путем развития инновационных форм реализации социально-образовательных программ, программ подготовки подростков и молодежи к самостоятельной жизни в обществе, программ социально-психолого-педагогического сопровождения детей и молодежи в различные возрастные периоды.

В целом можно говорить о том, что в России наблюдается тенденция увеличения количества образовательных организаций, учреждений дополнительного образования, благотворительных организаций и фондов, стремящихся оказать эффективную помощь подрастающему поколению, реализовать на практике инновационные образовательные технологии в рамках социально-культурного и психологического подходов.

Особо здесь следует отметить работу федеральных университетов и научно-исследовательских институтов, а также ведущих вузов страны – МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ.

О своей готовности проведения инновационной образовательной политики заявляют и региональные вузы, в которых проводится ситуационный анализ, продвигается кластерная форма организации образования, разрабатываются критерии эффективности образовательного процесса и деятельности профессорско-преподавательского состава, обсуждаются цели и стратегия развития различных форм получения образования.

Однако, как показывает практика, современная система образования сложна и противоречива. С одной стороны, образование является одной из важных сфер человеческой деятельности, достижения которой лежат в основе социальных, научных, технологических преобразований, с другой стороны, расширение сферы образования, изменение ее статуса за счет включения новых видов деятельности, сопровождается обострением структурно-организационных проблем, формированием новой образовательной системы, и образовательного права как самостоятельной отрасли юридической науки ее регулирующей [2].

Отношения в сфере образования регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», а также другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере образования (ст.4). Применяемые методы регулирования, отражённые в различных правовых актах, носят императивный характер, присущий гражданскому праву.

Целями правового регулирования отношений в сфере образования являются установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита прав и интересов участников отношений в сфере образования.

В настоящее время происходит формирование и развитие нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области управления образовательными организациями высшего образования.

Как отмечают Т.А. Панкова и В.А. Пшеничный, «модернизация всех уровней образовательной системы – одно из приоритетных направлений современной политики России, в которой ведётся реализация новых подходов к управлению процессами обновления инфраструктуры и содержания образования; оценивается эффективность работы образовательных организаций (в том числе, в системе высшего образования)» [4].

В последние годы на первый план в образовательной системе выходят проблемы качества высшего образования. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, приоритетными направлениями в сфере образования являются востребованность образовательных услуг и формирование механизмов оценки качества данных услуг [3].

Все это обуславливает необходимость разработки для системы высшего образования эффективно действующих норм права на базе Федерального закона РФ «Об образовании в РФ», который определяет специфику правового регулирования в образовательной сфере.

В соответствии со ст.10 Федерального закона РФ «Об образовании в РФ» система образования включает в себя:

1) федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования, образовательные стандарты, образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности;

2) организации, осуществляющие образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся;

3) федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, созданные ими консультативные, совещательные и иные органы;

4) организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования;

5) объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования [5].

Образование подразделяется на общее, профессиональное, дополнительное образование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование).

В Российской Федерации устанавливается 4 уровня профессионального образования: среднее профессиональное образование; высшее образование - бакалавриат; высшее образование - специалитет, магистратура; высшее образование - подготовка кадров высшей квалификации.

Система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования. Ст.21-23 Федерального закона РФ «Об образовании в РФ» определяют особенности организации образовательной деятельности в системе образования Российской Федерации.

При этом переход образовательных организаций высшего образования на новые Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, внедрение нового перечня номенклатуры направлений подготовки бакалавриата, специалитета, системы контроля магистратуры, аспирантуры, формирование качества высшего образования, оптимизация сети образовательных организаций способствует становлению совершенно новой юридической концепции в структуре норм образовательного права.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что современная образовательная политика в Российской Федерации может быть реализована на основе всесторонней комплексной оценки сложившейся ситуации, взаимодействия междисциплинарной команды специалистов, различных образовательных организаций с научно-исследовательскими институтами и международными университетами. При этом интересы Российской Федерации должны иметь приоритетное значение для специалистов всех уровней власти.

Список литературы:

1. Борисенков В.П. Стратегия образовательных реформ в России (1985–2005 гг.) / В.П. Борисенков // Педагогика. 2006. № 7. С. 3–16.
2. Володина Ю.А. Теоретико-методологические проблемы образовательного права в Российской Федерации // Государственная политика: методология, практика, направления совершенствования. Материалы международной научно-практической конференции (25 мая 2016 г.). Т. 1 / Под редакцией д. ист. н. П.А. Меркулова. – Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016. – С. 92 – 94

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/6217/> (Дата обращения 20.08.2017)

4. Панкова Т.А., Пшеничный В.А. Гражданско-правовое регулирование процессов стратегического планирования в системе образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 2 (190). С. 46–50.

5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015).

УДК 378.178. ББК 74.580.0.

Галактионова Нелли Анатольевна –
к-т филолог. наук, Тюменское высшее
военно-инженерное командное училище
им. А.И. Прошлякова, e-mail: nelli.
galaktionova@yandex.ru

Никулина Надежда Александровна –
к-т филолог. наук, Тюменский
индустриальный университет, e-mail:
nadya-nika2006@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЮМЕНСКИХ ВУЗОВ: НА ПУТИ К КОМФОРТНОМУ ПРОСТРАНСТВУ ЖИЗНИ

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, образовательный процесс

Одним из интегральных критериев эффективности российского вуза является прирост иностранного контингента студентов и профессорско-преподавательского состава. Как сообщают официальные источники в СМИ, в планах Минобрнауки и расширение экспорта российского образования, так, в 2017 году впервые в постсоветский период группа учителей русского языка выехала в долгосрочную командировку в Таджикистан для обеспечения образования по основным школьным предметам на русском языке. [1] К 2025 году планируется привлечь в российские вузы около 700 тысяч иностранных студентов. Сейчас в РФ учатся 243 тысячи иностранных студентов, из них 15 тысяч по квоте. За 2015 – 2016 год количество иностранных студентов на очных отделениях российских вузов увеличилось на 40 тысяч человек. [2]

В исследованиях по проблемам адаптации иностранных студентов выделяются от 3 до 7 факторов адаптации: от психологических до социально-бытовых. [3; 4; 5].

По данным отечественных ученых, к числу наиболее проблемных областей адаптации относятся климатический фактор, языковой барьер, трудности вовлеченности в общение, социально-бытовые условия, проблемы межкультурной коммуникации, трудоустройство. [6]

В вузах Тюмени обучается более двух тысяч иностранных студентов. Это студенты из стран Африки, Китая, Монголии, Венесуэлы, Юго-Восточной

Азии. Обмен международным опытом, повышение уровня образования, интенсификация межнациональных связей и контактов в экономической, военной, гуманитарной сферах – этим список целей российских вузов не ограничивается, поэтому можно прогнозировать прирост количества иностранных учащихся в вузы страны. Проблема адаптации иностранных студентов в вузах Тюмени и вообще в пространстве русского мира входит в число актуальных.

Как правило, в первый год обучения иностранцы являются слушателями подготовительных отделений и изучают преимущественно русский язык в моно- и полинациональных группах. Организация учебного процесса в том и другом случае требует специфического подхода, выбора индивидуальных обучающих технологий, которые зависят не только от национального и гендерного состава группы, но и от специфику будущей профессиональной деятельности, уровня языковой подготовки и т.д.

Вузы Тюмени по разному подходят к организации жизненного пространства иностранных студентов вне учебного процесса. Не имеет однозначного решения вопрос о целесообразности расселения иностранцев в комнаты с русскими студентами или из других национальных групп. Профессиональная специфика, особенности учебно-материальной базы в тюменских вузах не равны, так, иностранные военнослужащие в подготовительный период обучения находятся на казарменном положении, с ограничением свободного перемещения в городе, что несомненно влияет на особенности адаптации в языковом и культурном пространстве. Многие вопросы адаптации решаются стихийно, по наитию, но требуют концептуального подхода для специальных исследований.

Активизация адаптации происходит после подготовительного периода обучения в каникулярный период, в который большинство студентов-иностранцев остается в России.

Контакты с новыми людьми, поиски заработка, досуга, других оснований для реализации себя в новом социуме на практике ведут к разным результатам. Отдельным студентам удается найти работодателей, которые могут принять их на работу без должной визовой поддержки, снять жилье.

Повышение эффективности образовательного процесса – главнейшая цель вуза, принимающего иностранных студентов. Создание комфортных условий для обучения и жизни в России – это важная установка, которой руководствуются администрации вузов.

Адаптационный процесс предполагает важность адекватного отношения к социальной и культурной среде российского города и вуза, снятие вероятности потребительского отношения к стране через вовлеченность в общую социально-значимую деятельность. «Для возбуждения социально

значимой общей активности нет необходимости обрушивать на население мощный поток информации. Более эффективно применить принцип резонанса через вовлечение структур социума в согласованный темп и ритм, побуждение и к игре по общим правилам в условиях общих институтов». [7] По сути, адаптация к социально-культурным институтам общества – этап развития конкурентоспособности. [8]. В этом направлении особое значение приобретает разработка и реализация специальных курсов страноведческого и гуманистического характера, воспитательная работа во внеучебное время. [9]. Развитие коммуникативных технологий – также важная часть адаптационных практик. [10]. Значение адаптационной работы с иностранными студентами часто недооценивается руководством вузов, поскольку на сегодняшний день отсутствует научно обоснованная и проверенная на практике концепция адаптации иностранных студентов в российских вузах.

Список литературы:

1. Вятчанин Н. Учителя из России едут в Таджикистан преподавать русский язык // <https://www.pnp.ru/social/uchitelya-iz-rossii-edut-v-tadzhikistan-prepodavat-russkiy-yazyk.html> (Дата обращения (29.08.2017))
2. Минобрнауки: число иностранных студентов в России выросло за два года на 40 тыс. Человек // <http://tass.ru/obschestvo/3475157> (Дата обращения (29.08.2017))
3. Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов. // Социологические исследования. 2007. №3. С. 73–77.
4. Савченко И.А. 2010. Иностранный студент в России: условия и барьеры интеграции. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. №1С. 25–31.
5. Моднов С.И., Ухова Л.В. 2013. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете. // Ярославский педагогический вестник. – 2013. № 2 (1). С. 111–115.
6. Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. – 2013. Том 1. № 3 С. 33 – 47.
7. Василенко Л.А. Фрактальный подход к формированию научного и образовательного пространства ЕАЭС // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11. С. 50 – 56.
8. Кузьмина Т.В. Конкурентоспособность специалиста: педагогические вопросы производства, спроса и потребления // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права. – Тюмень, 2015. С. 37 – 43.
9. Никулина Н. А. Образовательный и воспитательный потенциал

курса «Беседы о русской культуре в преподавании РКИ // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного / Н.А. Галактионова, М.Г. Демидюк, Т.Е. Казакова, О.В. Копыльских, В.С. Мордвинцева, Н.А. Никулина, А.А. Охалина, Я.П. Полухина, Е.И. Стебунова; отв. ред.: Н.А. Никулина. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. С. 38–58.

10. Галактионова Н.А. Реализация коммуникативных стратегий и способы активизации внимания в процессе преподавания РКИ // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией М.В. Пименовой . 2017. С. 149-152.

УДК 378 ББК 60.56

Гордиевский Александр Артурович –
начальник центра развития
международного партнерства,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: agordijewskij@yandex.ru

Ситёва Светлана Сергеевна –
старший преподаватель
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: siteva_svetlana@bk.ru

СОДЕЙСТВИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВУ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБУЧЕНИИ

Ключевые слова: компетенция, компетентность, модель компетенций, содействие трудоустройству, типология компетенций.

Экономика инноваций, основанная на мотивации и повсеместном внедрении технологических новшеств, курс на которую взят в Российской Федерации и Тюменской области, предъявляет качественно новые требования к человеческому капиталу, диктует структурные изменения на рынке труда. Формируются запросы на профессионалов с высокой способностью к обучению и восприимчивостью к новым знаниям в междисциплинарных сферах, умеющих оценивать риски и принимать решения в условиях высокой неопределенности. Повышается спрос на команды, способные комплексно подходить к решению нетривиальных задач. Особенно востребованными становятся творческие личности, умеющие видеть, ставить и свободно решать возникающие перед обществом задачи. Максимально эффективное развитие и использование интеллектуально- творческих способностей человека, как ключевых факторов формирования человеческого капитала становится важнейшим элементом государственной политики, нацеленной на повышение конкурентоспособности.

Кадровый потенциал Тюменской области представляет собой совокупность трудовых и интеллектуальных ресурсов, обеспечивающих достижение целей перспективного социально-экономического развития региона.

В рамках решения кадровых проблем, накопления и рационального использования кадрового потенциала Тюменской области в соответствии

с потребностями отраслей экономики и социальной сферы государство, образовательные организации и работодатели действуют совместно, имея общее понимание целей и направлений сотрудничества.

Содействие трудоустройству во многом базируется на компетентностном подходе. В России при этом формируемые у студентов компетенции при его внедрении никоим образом не соотносились с требованиями рынка труда. Работодатели констатировали, что академические оценки выпускников, баллы за тесты на общие способности и богатый словарный запас не дают возможности определить насколько хорошо он или она сможет справиться с работой.

Одним из первопроходцев был Д. МакКлелланд, который предложил компетентностный подход, используя переменные компетенции[1]. Данное понятие впервые было использовано в 1959г. компанией White и обозначало качества личности, от которых зависит надлежащее исполнение порученных обязанностей. В 1979г. Американская ассоциация менеджмента (АМА) смогла выделить пять кластеров компетенций для эффективного менеджера.

В 1993 году была предложена новая структура компетенций и компетенции начали трактовать как индивидуальные особенности, которые можно измерить и при помощи которых, работников можно дифференцировать как эффективных и неэффективных. Активные исследования шли и в Европе так, например, в Великобритании увязывают компетенции со знаниями и навыками, а в Германии и во Франции была создана комплексная интегрированная модели компетенций, где соединились знания навыки и поведенческие компетенции. Именно в это время компетентностный подход проникает в систему высшего образования. Этому немало способствовало реформирование европейского высшего образования по Болонскому типу. Университеты стали считать ведущими критериями подготовленности современного выпускника ВУЗа к постоянно меняющимся условиям труда понятия компетенции и компетентности. В свою очередь именно компетентностный подход позволил разработать интегрированную систему высшего образования, учитывающую требования бизнеса, цели современного общества и задачи образования.

Став частью Болонского процесса, система российского высшего образования не могла оставаться в стороне от такого рода коренных преобразований. В XXI-м веке меняется отношение к подготовке трудовых ресурсов. Повсеместно набирают популярность идеи пожизненного образования (образования через всю жизнь), саморазвития, неофициального и неформального обучения, идеи корпоративного обучения. Существующие в Европе системы оценки уровня компетенций (модель Social Skills) предлагают не учитывать способ обучения, а только конечный результат. Это значит, что развитие карьеры будет зависеть не только от образования, но и от опыта или самообразования. Мобильность трудовых ресурсов в условиях глобализации

привела к необходимости формирования общих уровней профессиональной компетентности. В Европе, например, была принята Европейская стратегия занятости, а в России с 1 июля 2016 г. начали внедряться профессиональные стандарты (стандарты 4 поколения). Таким образом, компетентностный подход является надежным инструментом актуализации профессионального обучения и образования. Развитие компетентностного подхода позволит России наконец-то объединить образование и обучение, согласовать их с потребностями внутреннего рынка труда и обеспечить мобильность кадров, особенно в условиях молодежной безработицы.

Гибкость компетентностного подхода нужно уметь использовать для увеличения трудовой мобильности (вертикальной, горизонтальной и пространственной).

Сделать это нам представляется возможным, если определиться с ключевыми понятиями. Для России не совсем подходит европейская точка зрения о том, что компетенция это способность действовать в соответствии со стандартами принятыми в корпоративной культуре организации. Российский опыт показывает, что необходимо использовать интегрированный подход, включающий когнитивные, социальные и функциональные компетенции[2].

Когнитивные компетенции это знания и умения, функциональные это навыки, а социальные компетенции это личностные качества и этические нормы. При этом до последнего времени социальным компетенциям (Soft Skills) в российском вузовском образовании уделялось мало внимания, что и привело к снижению конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Работодатели отмечают их неспособность справляться с неуверенностью так же как с поучениями и критикой, у многих не сформированы поведенческие компетенции («не знают, как вести себя»).

К счастью, введенные федеральные государственные образовательные стандарты последних поколений (ФГОС 3, ФГОС 3+) предполагают, целостный подход к компетенциям и позволяют объединять образование в стенах ВУЗа с производственным обучением и профессиональной компетентностью.

Не стоит при этом смешивать понятия компетенции и компетентности. «Компетентность – способность, необходимая для решения рабочих задач и для получения необходимых результатов работы; компетенция– способность, отражающая необходимые стандарты поведения»[3]. Соответственно компетенции–факторы компетентности. Это разграничение позволило разработать словари компетенций (например, словарь Р.Бояциса, список факторов компетенций Management Charter Initiative–MCI, и т.д.). В свою очередь это послужило базой для создания различных моделей компетенций.

Необходимо уточнить, что под моделью, мы понимаем полный набор характеристик, позволяющий успешно выполнять функции, соответствующие уровню образования и должности. Существует множество готовых моделей компетенций привлекательных для использования в обучении, тем не менее,

следует иметь в виду, что каждый Вуз уникален и работает по своим правилам (локальным нормативным документам) и должен ориентироваться в своей работе, прежде всего на региональный рынок труда. Всё это обуславливает необходимость пройти процесс разработки собственной модели компетенций и на ее основе создать паспорта компетенций для каждого направления подготовки, осуществляемой данным ВУЗом.

Опыт Тюменского индустриального университета показывает, что успешной эта модель может быть только тогда, когда при её создании учитывают 3 основополагающих принципа: в разработке модели должны участвовать те люди, которые будут использовать эту модель (т.е. профессорско-преподавательский состав); необходимо предоставлять сотрудникам полную информацию о том, для чего разрабатываются модели компетенций; следует стремиться к тому, чтобы компетенции подходили всем и соответствовали как интересам рынка труда, так и внутренним корпоративным интересам ВУЗа.

Чтобы модели компетенций были эффективными их необходимо обязательно регулировать на основе обратной связи, как от работодателей, так и со стороны студентов и выпускников, именно это позволит сделать их валидными. Это также поможет включить в модель информацию о направлениях развития той или иной производственной сферы, о новых принципах и ценностях организаций – потенциальных работодателей. Всё это позволяет сохранять возможность использовать понятие компетентности для описания требований к знаниям и умениям выпускника которые ожидаются от него при выполнении им своих будущих должностных обязанностей. Добиться этого, в том числе можно путем создаваемых в ВУЗах Центров компетенций, содействия трудоустройству и карьеры.

Список литературы:

1. История компетенций. По материалам Манчестерской и Ланкаширской школ бизнеса. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2004, С. 5.
2. Технологии управления персоналом ОАО «Газпром»: справочное пособие/под ред. В.А. Дятлова. М.: ИРЦ «Газпром», 2004. С.2 0–21.
3. Уиддет С., Холлнфорд С. Руководство по компетенциям/ пер. с англ. М.: НИРРО, 2003. С. 5.

Григоришин Сергей Викторович –
к. филос. наук, доцент,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: s.v.grigorishin@utmn.ru
e-mail: hryhors@ukr.net

РОЛЬ ПОСТДОКТОРАНТУРЫ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: образование, наука, научная группа, постдокторантура, digital humanities.

В рамках секции «Особенности развития института образования в России и за рубежом, трансформации региональных образовательных подсистем» представляется актуальным обсудить вопрос адаптации западного института постдоков к реальности современного российского образования. Мой доклад основан на собственном опыте работы в качестве постдока в Институте истории и политических наук. В своем докладе я постараюсь в краткой форме обосновать научный потенциал развития института постдокторантуры и образовательные возможности, которые возникают, усвершенствуются и дают реальные результаты для повышения конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке научно-образовательных технологий. Также я попытаюсь разрушить стереотип, что гуманитарные науки не способны предложить собственный интеллектуальный продукт. Теоретические выкладки я буду проверять на примерах деятельности научной группы постдока ТюмГУ при кафедре археологии, истории Древнего мира и Средних Веков. Я буду защищать следующие тезисы:

Качественный результат работы научной группы постдока на порядок усиливается при условии, что к материальному обеспечению присоединяется информационная и административная поддержка городского вуза и региона в целом;

Участие в международных научных коллаборациях повышает статус постдокторантуры лишь при условии, что интеллектуальный продукт, полученный в результате исследования, становится российской интеллектуальной собственностью, формируя, таким образом, отечественный интеллектуальный капитал;

Главный интеллектуальный продукт, который может предложить постдокторантура гуманитарного профиля, заключается в разработке,

внедрении и поддержке компьютерных программ, нацеленных на усовершенствование образовательных и научных технологий.

Анализ работы научной группы постдока ТюмГУ показывает, что огромную роль в ее развитии играет информационная поддержка. Источниками такой поддержки служат: 1) личная инициатива членов научной группы, 2) инициатива со стороны информационных служб ТюмГУ; 3) инициатива со стороны информационных агентств, не принадлежащих научно-образовательным институтам. Научная группа постдока ТюмГУ в период 2016-17 гг. получила информационную поддержку со всех перечисленных источников. Самостоятельная инициатива научной группы по информированию о результатах своей деятельности нашла отражение в докладах на Международных конференциях в Екатеринбурге [1], Москве [2], Самаре [3], Перми [4], Тюмени [5] и Всемирном конгрессе в Иерусалиме [6]. Инициатива со стороны информационных центров ТюмГУ трижды на протяжении 2016-17 учебного года проявляла интерес к работе научной группы постдока ТюмГУ. Наконец, особую гордость представляет интерес к работе группы со стороны информагентства ИТАР ТАСС. В то же время, интенсивность информационной поддержки научной группы постдока ТюмГУ должна увеличиваться пропорционально расширению научных и образовательных областей деятельности этой группы.

Важной составляющей работы постдока является четкая ориентация на создание интеллектуального продукта, который однозначно ассоциируется с российским образовательным пространством. Такой подход совершенно не противоречит идентификации современной науки и образования как институтов глобализма, поскольку инновационные процессы в этих сферах четко ассоциируются с национальными академиями, университетами, институтами, центрами и лабораториями. Приведем пример работы нашей научной группы. Наша цель – создания компьютерной программы быстрого набора клинописных знаков, которая должна включать все знаки, представленные в зашифрованном виде в юникоде. Первоначально планировалось предложить эту программу Восточному институту Оксфордского университета как приложение к ресурсу Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. В процессе работы над разработкой и внедрением в практику нашей компьютерной программы, участники научной группы осознали, что для университета будет намного более статусным если наша программа будет привязана к порталу университетского сайта, на который могут в открытом режиме ссылаться отечественные и иностранные вузы и научные центры, заинтересованные в нашем интеллектуальном продукте.

Из обоснования предыдущего тезиса понятно, что ключевым интеллектуальным продуктом постдокторантуры гуманитарного профиля

должны быть инновационные компьютерные программы, позволяющие усовершенствовать образовательные технологии и выводить их на конкурентный с западными аналогами уровень. Важно подчеркнуть, что классический подход к научной работе, в рамках которого главный интеллектуальный продукт состоит в написании исследования и публикации авторской или коллективной монографии, не заменяем внедрением компьютерных программ. Наоборот, качественное исследование гуманитарного профиля подразумевает разумную адаптацию новейших технологий, которые могут быть осмыслены в качестве дополнительных методов исследования, а не его замены компьютерной программой.

Таким образом, роль постдокторантуры гуманитарного профиля в российском образовательном пространстве заключается в разработке инновационных интеллектуальных технологий, качество которых напрямую зависит от уровня материальной, информационной и административной поддержки. Такой интеллектуальный продукт должен иметь четкий национальный маркер, обеспечивающий ему достойную капитализацию на международном рынке образования.

Список литературы:

1. Григоришин С.В. Исторический источник в цифровую эпоху: сравнение первоисточника Ленинградского кодекса, его факсимильного издания и электронной версии (Вестминстерского Ленинградского кодекса) // Документ. Архив. История. Современность: VI Межд. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 244–247. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/44197/1/dais_2016_57.pdf (дата обращения: 03.07.2017).

2. Григоришин С.В. Теория Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена в контексте изучения книги Бытия / С.В. Григоришин // Двадцать четвертая ежегодная межд. конф. по иудаике (Москва, 29–31 января 2017 г.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. – С. 8. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/2017_sefer.pdf (дата обращения: 03.07.2017).

3. Григоришин С.В. Опыт создания научно-исследовательской группы по истории и филологии Древнего Востока как пример стратегии «коллективное образование через исследование» // Коллективное действие в образовании: Межд. науч. конф. (Самара, 7 -8 апреля 2017 г.). Самара: СамГУ, 2017. URL: <http://socialphenomena.org/ru/blog/article/grigorshin2017/> (дата обращения: 03.07.2017).

4. Григоришин С.В. Древние корпуса текстов в цифровую эпоху: разработка инновационного ресурса по шумерской клинописи // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования (Пермь, 16-18 мая 2017 г.) Материалы научной конференции. Часть 1. Пермь: ПГНИУ, 2017. – с. 55–58. URL: http://dhconf.ru/wp-content/uploads/2017/05/DH_PERM_1.pdf (дата обращения: 03.07.2017).

5. Григоришин С.В. Мышление в трех измерениях // Православные истоки русской культуры словесности: Сороковая Международная научно-практическая конференция (Тюмень, 24–30 мая 2017 г.). Тюмень: ТюмГУ, 2017 – С. 39. URL: <https://prof.utmn.ru/upload/medialibrary/38d/programa.pdf> (дата обращения: 03.07.2017).

6. Grigorishin S. Gen 1:1-31 Interpreted as an Ancient Near East Lexical List: a New Hypothesis / S. Hryhorishin // Seventeenth World Congress of Jewish Studies (Jerusalem, 6-10 august 2017). Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2017. –Р.3.URL: <https://drive.google.com/file/d/0B-zkgea53xmcS1lpN0o2NIRnbVU/view> (дата обращения: 03.07.2017).

УДК 316.4 ББК 60.83

Гуров Валерий Николаевич –
доктор педаг. наук, заведующий
кафедрой теории и практики управления
образованием, Институт развития
образования Республики Башкортостан,
г. Уфа
e-mail: irorb@mail.ru

Ишмухаметов Рустам Рифатович –
канд. соц. наук, доцент
помощник Главы Республики
Башкортостан по вопросам науки,
образования и культуры, Администрация
Главы Республики Башкортостан, г. Уфа,
e-mail: Ishmuhametov.R@bashkortostan.ru

УПРАВЛЕНИЕ СОЗДАНИЕМ ЭФФЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: управление, эффективность, муниципальные образовательные комплексы, инновационная воспитательно-образовательная лаборатория.

Муниципальный образовательный комплекс – это объединение разно-уровневых учебных заведений и производства, создающих систему непрерывного образования как вертикальной, так и горизонтальной направленности, осуществляющее профессиональную подготовку городской и сельской молодежи как практикоориентированных специалистов [Трубников, Трубникова 2007, с. 190]. При этом, основное условие и цель деятельности институтов образования остаются всеобщими и универсальными – это соответствие проводимой профориентационной работы и профильного обучения соответствующим рынкам труда (муниципальному, региональному и федеральному), подготовка конкурентоспособного выпускника и, одновременно, патриота и гражданина своей страны.

Организационной структурой, создаваемой в целях экспериментальной и научно-исследовательской деятельности по разработке программ развития и механизмов эффективного функционирования образовательного комплекса на муниципальном уровне, может стать инновационная воспитательно-образовательная лаборатория. По нашему мнению, она явится не только формой комплексного подхода к воспитательно-образовательному процессу,

но и мерой повышения качества образовательного комплекса на основе вычленения главенствующих его компонентов, внесения соответствующих изменений в их функционирование и развитие, что, в свою очередь, обеспечит более качественный уровень деятельности всех звеньев (сети) образовательного кластера региона.

Исходя из обозначенного понимания в рамках деятельности лаборатории могут быть определены следующие основные направления и инновационные проекты: современная инновационная школа, государственно-общественное управление, создание единого воспитательно-образовательного пространства, создание института тьюторства, профориентация и профильная подготовка, патриотическое воспитание подрастающего поколения, национально-региональная компонента в образовательном комплексе муниципалитета и т.д.

Основополагающие конструкты деятельности этих направлений состоят в развитии государственно-общественного управления и информационной открытости в образовательном пространстве. Государственно-общественное управление в современном образовательном пространстве предполагает согласованное взаимодействие между государством и гражданским обществом в решении актуальных проблем образования и воспитания, связанных с возможностью ответственно и результативно влиять не только на образовательную политику, но и принятие правильных и адекватных управленческих решений, способствующих созданию здоровой социальной среды для обучающихся (воспитанников). Суть деятельности системы государственно-общественного управления состоит в объединении интересов государства и общества в решении проблем обучения, воспитания и социализации подрастающего поколения с учетом всего многообразия региональных и местных (локальных) особенностей, социокультурных традиций и менталитета населения.

Анализ научной литературы и опыта государственно-общественного управления и государственно-частного партнерства показывает, что эти направления пока не трансформировались в конкретные проекты образовательной практики. В то же время, отдельные элементы консолидации ресурсов бизнеса и образовательных организаций содержатся в стратегии развития системы подготовки рабочих кадров, разработанной Министерством образования и науки РФ. Опираясь на эту методологическую базу, мы предлагаем создать трехзвенный компонент организационного партнерства на уровне муниципалитетов, что позволит оперативно и гибко решать проблемы согласования действий двух и более субъектов этого процесса, включая Совет депутатов города, Совет предпринимателей и другие органы местного самоуправления в социуме образовательной организации.

В решении проблемы подготовки конкурентоспособного выпускника важнейшим компонентом является создание и развитие института тьюторства в образовательных организациях. Основной принцип работы тьютора

в современном образовании – это принцип «расширения» образовательного пространства каждого обучающегося до преобразования этого образовательного пространства в открытое. При создании института тьюторства важно учитывать каждый из контекстов открытого образовательного пространства (индивидуальный, социальный, антропологический), предложенных Т.М. Ковалевой [Ковалева, 2009]. Такой подход предоставляет потенциальную возможность каждому обучающемуся выстраивать собственную образовательную программу, что формирует у выпускника умение функционировать в разных культурах, логиках и типах мышления.

Важнейшим условием успешного развития образовательного комплекса на муниципальном уровне является формирование единого воспитательно-образовательного пространства. В иерархическом пространстве городского и сельского муниципального образования учреждения системы образования могут стать полноценными институтами воспитательно-образовательного процесса в том случае, если в дополнение к ним будут созданы Центры воспитания, объединяющие представителей органов управления образованием, родительских комитетов, детского самоуправления в статусе общественной детско-молодежной организации, специалистов в сфере воспитания (социальных педагогов, психологов, педагогов дополнительного образования и т.д.), представителей науки, общественных организаций и других субъектов воспитательно-образовательного процесса - потенциальных и фактических участников государственно-общественного управления образованием и воспитанием.

Таковы некоторые концептуальные подходы к пониманию основных направлений деятельности инновационной воспитательно-образовательной лаборатории на муниципальном уровне.

Некоторые из вышеназванных направлений инновационной воспитательно-образовательной системы были протестированы на примере нескольких муниципалитетов Республики Башкортостан¹. Своеобразным «пилотным» муниципальным образованием в этом контексте стал г. Нефтекамск, в 9 образовательных учреждениях которого было опрошено 367 педагогов на предмет их готовности к применению современных образовательных технологий и инноваций. Полученные результаты свидетельствуют о том, что к инновационной деятельности готова более одной трети респондентов (37,3 %) [Методология, 2017]. Именно эта часть педагогов потенциально предрасположена к развитию поисковой и научно-исследовательской деятельности в инновационных воспитательно-образовательных лабораториях нового типа.

---

¹ Исследование проведено на базе сетевой инновационной кластерной педагогической лаборатории «Педагогический менеджмент в развитии образовательных комплексов».

Одновременно респонденты назвали и те области современных образовательных технологий и методов, к которым педагогические работники оказались пока недостаточно подготовленными. Например, к модульному и опережающему методам обучения (25 – 30%); к новым педагогическим экспериментам (35%) и т.д. И с этой точки зрения, предлагаемые инновационные образовательные комплексы (воспитательно-образовательные лаборатории) могут стать методической площадкой для преодоления вышеназванных комплексов и основой воспроизводства новых знаний и компетенций.

Список литературы:

1. Ковалева Т.М. О деятельности тьютора в современном образовательном учреждении / Организация тьюторского сопровождения в образовательном учреждении: содержание, нормирование и стандартизация деятельности тьютора: Материалы Всероссийского научно-методического семинара «Стандарты деятельности тьютора: теория и практика», Москва, 18–19 мая 2009 / Науч. ред. Т.М. Ковалева; отв. ред. А.А. Теров, О.Ю. Жилина. М.: АПК и ППРО, 2009. С. 5–11.

2. Методология, инновационные проекты, методические разработки и практические материалы отдельных муниципалитетов. – Вып. 1. Авторы -составители: В.Н. Гуров, Р.Р. Ишмухаметов, Р.Г. Мазитов, Ф.Ф. Каримов. Уфа: Издательство ИРО РБ, 2017. 120 с.

3. Трубников В.Е., Трубникова Н.И. Образовательный комплекс как один из путей модернизации начального и среднего профессионального образования Научные исследования в образовании. 2007. № 2. с. 187–192.

УДК 364.016 ББК 60.991

Данилова Елена Николаевна –

студент

Иркутский государственный университет,
г. Иркутск

e-mail: Danilova.92@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: социальное обслуживание населения, общественный совет, качество оказания услуг, регион, социальное развитие.

Система социального обслуживания населения является сферой трудовой деятельности с высокой степенью общественной значимости, основной функциональной задачей которой является осуществление взаимодействия между людьми, вступающими в особый тип отношений – многосторонний процесс реализации (предоставления и потребления) социальной услуги.

В процессе предоставления услуги (вне зависимости от ее типа: образовательной, социальной и т. д.) значительную роль играют различные формы межличностных отношений, характеризующиеся такими специфическими чертами как:

- насыщенность вербальным и/или невербальным информационным потоком;
- переменчивость, нестабильность, обусловленная влиянием эмоционального фона, возрастными и ситуационными переменами в мироощущении;
- субъективность (как ориентация на собственное представление о мире – мировоззрение);
- вынужденное или осознанное следование конкретным социальным ролям, определяющим порядок действия и реагирования на проявления окружающей действительности.

Существование ряда особенностей в процессе предоставления услуги обуславливает необходимость проведения объективного анализа всех характеристик и условий, возникающих во взаимоотношениях между поставщиком и получателем социальных услуг. В данном случае, эффективным является проведение независимой оценки качества оказания услуг.

«Независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления получателям социальных услуг информации о качестве оказания услуг организациями социального обслуживания, а также в целях повышения качества их деятельности» [1].

Сфера социального обслуживания населения, базирующаяся на основе предоставления социальной услуги как практической реализации определенного вида помощи по отношению к конкретному человеку для нормализации процесса его физиологической и социальной жизнедеятельности, является особым объектом проведения независимой оценки качества специализированной деятельности.

«Независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания предусматривает оценку условий оказания услуг по таким общим критериям, как:

- открытость и доступность информации об организации социального обслуживания;
- комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их получения;
- время ожидания предоставления социальной услуги;
- доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания;
- удовлетворенность качеством оказания услуг» [1].

Установка вышеуказанных показателей находится в компетенции уполномоченного федерального органа исполнительной власти (с условием предварительного обсуждения на общественном совете).

Процедура независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания основывается на существовании требований к ее организации и проведению.

Обеспечение работы общественного совета как образования, деятельность которого направлена на обеспечение проведения независимой оценки, а также разработка и утверждение соответствующего положения производится:

- уполномоченным федеральным органом исполнительной власти с участием общественных организаций;
- уполномоченными органами субъектов Российской Федерации с участием общественных организаций – на территориях субъектов Российской Федерации;
- органами местного самоуправления с участием общественных организаций – на территориях муниципальных образований.

Основной характерной чертой общественного совета является соблюдение наиболее оптимального баланса между ожиданиями и интересами

участников процесса организации и проведения независимой оценки качества оказания социальных услуг.

В группу членов общественного совета включаются представители различных общественных организаций, и их численность не должна составлять менее пяти человек. «Члены общественного совета осуществляют свою деятельность на общественных началах. Информация о деятельности общественного совета размещается органом государственной власти, органом местного самоуправления, при которых он создан, на своем официальном сайте в сети «Интернет»» [1].

Законодательство устанавливает границы сроков, необходимые для проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания – не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года.

Также необходимо отметить, что общественные советы по проведению независимой оценки оказания услуг организациями социального обслуживания «представляют соответственно в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, уполномоченные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления результаты независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания, а также предложения об улучшении качества их деятельности» [1].

Рассмотрение конструктивных предложений об улучшении качества деятельности организаций социального обслуживания является важным условием достижения эффективности в процессе оказания социальных услуг для каждой из его сторон. В частности, такими результатами являются повышение качества жизни населения, в особенности, отдельных его категорий, и уровня социального развития регионов в целом.

Социальное развитие региона, в этом случае, основывается на обеспечении благосостояния людей, на стремлении к поддержанию высокого уровня их жизни, на стабильности и слаженности работы отдельных социальных институтов, в том числе и системы организаций социального обслуживания.

Список литературы:

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. – Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа : <http://www.pravo.gov.ru>.– 15.05.2017.

ББК 60.54 УДК 316.351

Ефимова Галина Зиновьевна –
заведующая учебно-научной
социологической лабораторией при
кафедре общей и экономической
социологии, кандидат социологических
наук, доцент,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: g.z.efimova@utmn.ru

УРОВЕНЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И КАЧЕСТВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ И РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проведено коллективом учебно-научной социологической лаборатории при кафедре общей и экономической социологии Тюменского государственного университета под руководством Академика РАО Г.Ф. Шафранова-Куцева в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект №28.2941.2017/4.6.

Ключевые слова: молодёжь, студент, работающая молодёжь, профессиональное образование, конкурентоспособность, человеческий капитал.

Вопросы изучения конкуренции и конкурентоспособности на национальном, корпоративном и личностном уровне находятся на междисциплинарной границе между экономикой, социологией, менеджментом, психологией и другими науками. Приоритетное использование данных терминов отмечается в отношении экономики и производственной сферы. Социологические, управленческие и педагогические аспекты необоснованно упускаются, выпадая из научного анализа.

Конкурентоспособность трактуется как «комплексное свойство, присущее человеку и состоящее из психофизических ресурсов (здоровье, возраст, внешность, уровень интеллекта) и нравственных аспектов (ценностные ориентиры и их иерархия, верования и их система, личные запреты и ограничения). Основу данного свойства составляют высокий

профессионализм, психологическая готовность к конкурентной борьбе за своё существование и социальные особенности личности» [4].

Процесс накопления конкурентоспособности человека оценить достаточно сложно и в первом приближении при всей субъективности, это можно сделать, основываясь на личной самооценке конкурентоспособности. Примером методологической состоятельности такого подхода при оценке социальных процессов и личностных позиций является использование метода самооценки при исследованиях стратификационной структуры российского общества, где именно личностная самооценка выступает одним из четырёх факторов, определяющих место человека в социальной иерархии [1].

Рассмотрим уровень конкурентоспособности студенческой¹ и работающей молодежи², по результатам проведённого нами социологического исследования. В среднем каждый четвёртый студент считает себя конкурентоспособным (вариант ответа «да») – 26%, а три четверти респондентов сомневаются в своей конкурентоспособности. Так, при ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя конкурентоспособным (успешным)?» выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет» - 59% студентов, «скорее нет, чем да» – 13%. Категорически отрицают свою конкурентоспособность – 3% опрошенных.

Конкурентоспособность студента находит продолжение в конкурентоспособности выпускника. Таким образом, во время обучения студент становится «объектом конкурентоориентирования» [2, С.221]. Среди работающей молодежи, конкурентоспособными считают себя уже в два (!) раза больше респондентов – 57% (вариант «да, конкурентоспособен»), каждый третий (33%) «скорее конкурентоспособен» (вариант «скорее да, чем нет»).

---

¹ Опрос студенческой молодежи проведён в апреле – июле 2017 года среди 1360 студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования. В городах юга Тюменской области опрошено 1196 человек, в т.ч. Тюмень (963 человека), Тобольск (135 человека), Ишим (98 человек). Помимо этого, в выборку включены студенты, участники Всероссийского слёта лучших групп (164 человека), который проводился в Тюмени в мае 2017 года. Метод исследования: анкетный опрос по месту обучения. Тип выборки: многоступенчатая, районированная, квотная пропорциональная. Ошибка выборки составила 3,1%, что обеспечивает высокую надёжность полученных данных. Генеральная совокупность численности обучающихся образовательных организаций среднего профессионального образования по программам подготовки специалистов среднего звена (очная форма обучения) составляет 13900 человек и высшего образования (очная форма обучения) составляет 26309 человек (по городам Тюмень, Тобольск, Ишим) по данным на начало 2017 года. Для обработки и анализа полученных данных использовалась лицензионная версия программы IBM SPSS Statistics 23.

² Опрос работающей молодежи проведён в апреле – июле 2017 года среди 956 представителей работающей молодежи в городах юга Тюменской области. В исследовании приняли участие респонденты из городов Тюмень (711 человек, 74%), Тобольск (169 человек, 18%) и Ишим (76 человек, 8%). Работающая молодёжь представлена более чем двадцати предприятиями Тюменской области. Метод исследования: анкетный опрос по месту работы. Тип исследования: разведывательное.

Распределение ответов респондентов по полу показывает, что мужчины гораздо выше оценивают собственный уровень конкурентоспособности. Среди студентов: мужчины называли себя конкурентоспособными (вариант ответа «да») в каждом третьем случае (33%), что в 1,4 раза выше аналогичного показателя среди женщин (23%). Среди работающей молодежи: варианты ответа «да, конкурентоспособен» выбрали 64% мужчин и 48% женщин.

При анализе открытых вопросов «Что значит «быть конкурентоспособным» в жизни в целом?», «Что значит «быть конкурентоспособным» на рынке труда?» выделены конкурентные стратегии и стереотипы восприятия конкурентоспособности. В первом приближении респондентов (судя по их ответам на вопрос) можно разделить на добросовестно конкурирующих и тех, кто не гнушается нечестной конкуренции, а при необходимости готов «пойти по головам», необоснованно рисковать и даже преступить закон. Около 7% респондентов упомянули негативные черты и характеристики конкурентоспособной личности. Примечательно, что чаще наделяли конкурентоспособного человека негативными чертами те респонденты, которые не считают себя конкурентоспособными. Высокая амбициозность, наглость, упёртость, хитрость и умение добиваться своих целей любой ценой и «уметь «запудрить» мозги». Респонденты отмечали возможность занять желаемое рабочее место (даже прибегая к недобросовестным приёмам) или отнять его у соперника.

Далее, выделяется преобладающее стремление к индивидуальной конкурентоспособности (90%), о которой респонденты заявляют следующим образом: «уметь «обойти» соперников конкурентов легальными способами»; «не тупить и хорошо учиться, чтобы в будущем без проблем обходить соперников»; «добиваться всего только самой, опережать других в чем-либо»; «быть на голову выше соперников», «быть на первом месте», «превосходство над другими», «выглядеть лучше на фоне других», «быть независимым от людей». Другие люди воспринимаются ими как «чужие», «враги» и «соперники», а не как «партнеры» и «коллеги», объединившись с которыми можно укрепить свои слабые стороны за счёт их достоинств и приобрести тем самым более высокую командную конкурентоспособность. Здесь речь может идти как об объединении, для выполнения конкретного краткосрочного проекта или рабочей задачи, так и для стратегических целей – продвижения данной сформировавшейся команды в научном или производственном секторе. В долгосрочной перспективе индивидуальная конкурентоспособность неизбежно проигрывает конкурентоспособности коллективной. Одна из причин этого кроется в неминуемых периодах «неработоспособности», которые случаются в жизни каждого человека – начиная от периодов болезни, личных неурядиц и продолжая более продолжительными периодами декретного отпуска, профессионального выгорания и прочего. В данном случае слаженная команда поддержит временно

«ослабшего» игрока и позволит ему восстановиться, реабилитировав себя. Наличие команды в аналогичной ситуации выступает своеобразной «подушкой безопасности» в конкурентном мире. Полагаясь исключительно на собственную индивидуальную конкурентоспособность становится более рискованной стратегией в долгосрочной перспективе. К тому же, высокий уровень личной конкурентоустойчивости и конкурентоориентированности поможет в кратчайшие сроки восстановить конкурентоспособность. По результатам исследования, на коллективную конкурентоспособность ориентированы менее 10% респондентов.

Вспомним такой термин как «коопетиция», который специалисты по менеджменту А. Бранденбургер и Б. Нейлбафф описывали как конкурентное сотрудничество, позволяющее компаниям из одной и той же отрасли детально согласовывать свои интересы и благодаря этому предприятия становятся более конкурентоспособными [3].

Одним из приоритетных качеств конкурентоспособной личности респонденты называли «связи» и необходимость везде иметь «своих людей». С одной стороны, это можно трактовать как стремление к недобросовестной конкуренции. С другой стороны, это начальная стадия командной конкурентоспособности, о которой мы говорили ранее. Разумеется, наличие «своих людей» в различных компаниях и даже органах власти и использование их в своих интересах может проявляться как недобросовестная конкуренция, граничащая с нарушением норм морали или даже закона.

Большинство студентов видят своё место в трудовой иерархии исключительно как «исполнителя». Прослеживается и стремление максимально красочно представить себя работодателю, обойти других претендентов на должность и зарекомендовать себя как хорошего специалиста и даже единственно достойного претендента на должность (обезопасив себя от перспектив смещения). О стремлении создать собственную команду заявляют менее 5% опрошенных. Это свидетельствует о различных стилях мышления – лидерского и исполнительского. Соответственно, конкурентные стратегии у каждого из них будут кардинально отличными друг от друга. Так, в первом случае наблюдается ориентация на достижение поставленной цели определёнными (допустимыми или же некорректными) способами, а во втором случае – максимальная самозащита от увольнения, смещения и «подсидивания» конкурентами. В последнем случае респонденты не демонстрировали чёткой ориентации на сплочение, взаимовыручку и единение.

Какими качествами и характеристиками должен обладать человек, чтобы быть конкурентоспособным (успешным) на рынке труда? Не ответили на вопрос 34% студентов (458 человек). На первом месте по частоте упоминаний – профессионализм и репутация на рынке труда (в конкретной сфере) – быть высококвалифицированным специалистом, востребованным на рынке труда (19%). Варианты ответа, причисленные нами к этому блоку,

дали 74% респондентов. Чтобы быть конкурентоспособным, человек должен иметь исчерпывающие знания и навыки в профессиональной сфере, уметь их правильно применять в конкретной ситуации. Другие респонденты дополняли, что в современных реалиях недостаточно просто иметь знания, важно чтобы они были максимально полными, достоверными и максимально актуальными, а также сопровождались различными дополнительными уникальными навыками и личностными качествами. Таким образом, лидирует в данном блоке такая характеристика как «высокая компетентность»; «чтобы выбор между мной и другими оканчивался на мне из-за знаний и опыта»; «обладание абсолютными знаниями в своей сфере труда»; «быть мастером своего дела».

Репутация воспринимается 15% студентов как индикатор конкурентоспособности: быть «значимым специалистом, с чьим мнением считаются», «известным в своей сфере деятельности», «доказать, что ты отличный специалист в данной области», «числиться в списке известных специалистов», «уважение среди коллег и руководства».

Далее следует такое качество как способность бороться за своё рабочее место – как при первоначальном отборе при приёме на работу, так и в дальнейшем, чтобы не заменили другим сотрудником. Этого работника ждёт непрекращающаяся конкурентная гонка с другими сотрудниками, стремление показывать свои лучшие качества, постоянно превосходить других людей в профессиональных навыках. Отмечается приоритетная важность разбираться в своих профессиональных обязанностях, трезво оценивать свои силы и способности, демонстрировать профессионализм («делать то, чего не могут другие или так, как не могут другие»), иметь достаточное количество знаний и умений, опыта и мудрости.

На третьем месте такое качество как саморазвитие и самосовершенствование (названо каждым шестым респондентом): «повышать свой профессиональный уровень», «стремиться к новым знаниям», «быть на два шага впереди других», «постоянно обучаться, иметь стопку корочек».

Об адаптивности и оперативности изменений упомянули 10% опрошенных. Конкурентоспособного человека они наделили гибкостью, умением подстроиться под изменяющиеся условия и требования рынка, быть готовым к трудностям в трудовых вопросах и личных аспектах, схватывать все «на лету» и даже «быть во всех местах одновременно». Человек, претендующий на победу в конкуренции должен знать о тенденциях в своей сфере деятельности и смежных с ней, развиваться, ощущать потребности общества и отвечать на них.

Ответы респондентов можно разделить ещё по одному принципу. Одни трактуют конкурентоспособность как опосредованный результат, который обязательно можно достичь, если человек ориентируется на более социально значимые, крупные цели. Для других респондентов конкурентоспособность становится самостоятельным результатом, за которым не стоит ничего более.

Ими (каждый третий респондент) конкурентоспособность оценивается через престижное рабочее место, высокую заработную плату и социальный статус.

Оценивали конкурентоспособность постфактум (5%), т.е. называли конкурентоспособным того, кто уже занимает лидирующее место: «лидер в организации», «умный и дальновидный руководитель», «превосходит других», «имеет качества руководителя и видит ключевые факторы, влияющие на рост компании».

В отдельную группу выделяются характеристики уникальности конкурентоспособного специалиста и его независимости: «специалист, который сам решает, где ему работать, а не его выбирают, как рабочего», «возможность выбрать работу, которая интересна». Это свидетельствует о стремлении сформировать персональный бренд, о социальной и профессиональной зрелости личности и готовности конкурентоспособного работника на равных взаимодействовать с работодателем – не «наниматься» на работу, максимально ярко и эффектно презентуя себя и свои профессиональные и личные качества, но и выбирать ту работу (сферу деятельности, компанию), в которой ему будет комфортно работать. В таких условиях человеку будет гораздо проще самореализоваться (7% респондентов) – если будет работать в том месте, которое нравится, т.к. на этом месте хочется развиваться и получать новые знания, доставляющие удовольствие. Противоположная точка зрения: «добиваться положительного результата для работодателя», «быть рентабельным», «знать, как найти работу, подходящую под диапазон навыков», «доказать, что я незаменимый работник».

Список литературы:

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е Средний класс как социальная база обеспечения конкурентоспособности России [Электронный ресурс] http://www.civisbook.ru/files/File/Srednij_klass_kak_socialnaya_baza.pdf
2. Занаев С.С. Конкурентоспособность и конкурентоориентированность как педагогические категории // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 4. С. 221–225.
3. Кабрера М. Коопетиция — новое слово в стратегии // URL <http://http://hbr-russia.ru/upravlenie/strategiya/p13385/>
4. Практикум по социально-психологическому тренингу / под ред. Б.Д. Парыгина. СПб, 2000. – 352 с.

Засыпкин Владислав Павлович –
д.с.н., первый проректор Сургутского
государственного педагогического
университета, заведующий лабораторией
региональных исследований,
Председатель Югорского отделения РОС

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ

В 2016 году Российское общество социологов (далее РОС) в 25 городах Российской Федерации провело среди студенческой молодежи исследование, посвященное изучению оценки студентами проблем социальной справедливости и социального неравенства в современном российском обществе. Всего было опрошено 2996 студентов различных вузов страны. В настоящей работе будут представлены результаты опроса студентов вузов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Выборка по округу составила 364 человека. Опрос проводился в двух самых крупных городах региона – Сургуте и Нижневартовске.

Тема социального неравенства и социальной справедливости, пожалуй, одна из наиболее актуальных и распространенных тем в современной социологии. Именно этой проблеме был посвящен XVIII Конгресс Международной социологической ассоциации в Японии (Йокогама, 2014), именно этой проблеме посвящен V Всероссийский социологический конгресс в России (Екатеринбург, 2016).

В социологии понятие социального неравенства рассматривается в единой связке со стратификацией. В этом отношении и стратификация, и социальное неравенство, как база для неё, - явления совершенно неизбежные для современного общества. Социальное неравенство тесно переплетено и с понятием справедливости. В концепциях развития современного российского общества в самом общем виде социальную справедливость определяют как систему существующих в повседневном сознании ценностей, убеждений и представлений людей о характере создания, накопления и распределения благ, а также о специфике взаимодействий организаций гражданского общества, людей, бизнеса и государственных органов (Социальная справедливость, 2016, с. 173).

Эта тема объясняет функционирование в обществе принципов социального равенства, подразумевающих наличие социальных прав и гарантий и исключающих «уровнировку».

Именно эти позиции и принципы были положены в основу всероссийского социологического исследования, посвященного изучению

мнений студенчества о социальном неравенстве и сопутствующих темах: об их отношении к распределению государственных доходов, бедности, богатству, социальной справедливости и несправедливости, а также причинах таких явлений.

Таблица № 1

Оценка справедливости современного российского общества
в абсолютных цифрах, %

Валидные	Значения	Частота	%от опрошенных	%от ответивших
1	0 - Совершенно не справедливое	17	4,67	4,67
2	1	9	2,47	2,47
3	2	34	9,34	9,34
4	3	65	17,86	17,86
5	4	83	22,80	22,80
6	5	90	24,73	24,73
7	6	37	10,16	10,16
8	7	18	4,95	4,95
9	8	11	3,02	3,02
10	9	0	0,00	0,00
11	10 - Совершенно справедливое	0	0,00	0,00
	Итого ответивших:	364	100,00	100,00

* Пропуски: 0 из 364 (0,00%)

** Среднее(индекс): 4,09±0,18

Опросы проводились в 2016 году в 25 городах Российской Федерации. Всего опрошено 2996 студентов различных вузов. В настоящей работе будут представлены результаты опроса студентов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Выборка по округу составила 364 человека. Опрос проводился в двух самых крупных городах региона – Сургуте и Нижневартовске.

Опрос студенчества ХМАО-Югры показал, что доминантную оценку студентами степени справедливости российского современного общества в основном получают средние значения в интервале от 3 до 6 из 10 возможных. Наибольшее количество выборов получают значения 4 и 5 (23% и 25% опрошенных студентов соответственно). Абсолютно крайнюю отрицательную оценку (в интервале от 0 до 2) дают 16,5% опрошенных студентов. Крайняя положительная оценка в интервале от 8 до 10 встречается у 11% студентов, при этом максимальные значения, 9 и 10, не выбираются (см. таблицу 1).

Другими словами, с точки зрения студенческой молодежи Югры, справедливость не является доминантной характеристикой современного российского общества. Примечательно то, что эта оценка несколько выше той, которую дают студенты других городов Российской Федерации в общем массиве данных. В частности, в этом массиве наибольшее количество выборов получает значение 3 – почти 24% от общего количества опрошенных. Значения 4 и 5 не набирают и 20% выборов.

Сравнительный анализ ответов на основе вопроса о желании студентами покинуть страну для смены места жительства по данным двухмерного распределения показывает, что каждый десятый (10%) из тех, кто хочет покинуть Россию после окончания вуза (26% ответивших) дают исключительно отрицательную оценку справедливости российского общества. По данным этого опроса сложно сделать вывод о наличии жесткой определяющей причинной связи между этими двумя факторами, но тем не менее такая зависимость просматривается достаточно очевидно.

Гендерный срез в ответах на тот же вопрос показывает, что отрицательную оценку справедливости российского общества дают 9,3% юношей и почти 4% девушек (см. таблицу 2).

Таблица № 2

Оценка справедливости современного российского общества
в абсолютных цифрах, % от Укажите Ваш пол

Оценка справедливости современного российского общества	Укажите Ваш пол					
	Мужской		Женский		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%
0 - Совершенно не справедливое	5	9,26	12	3,87	17	4,67
1	3	5,56	6	1,94	9	2,47
2	6	11,11	28	9,03	34	9,34
3	10	18,52	55	17,74	65	17,86
4	12	22,22	71	22,90	83	22,80
5	9	16,67	81	26,13	90	24,73
6	4	7,41	33	10,65	37	10,16
7	2	3,70	16	5,16	18	4,95
8	3	5,56	8	2,58	11	3,02
9	0	0,00	0	0,00	0	0,00
10 - Совершенно справедливое	0	0,00	0	0,00	0	0,00
ИТОГО:	54	100,00	310	100,00	364	100,00

По результатам проведенного опроса, согласно мнению студентов, справедливое общество в первую очередь такое, в котором люди, имеющие различные доходы, должны иметь равные возможности продвижения. 71,7% опрошенных подтверждают именно это условие. Такая характеристика как «каждому по труду» поддерживается 70,5% респондентов. Другой характеристикой справедливого общества выступает такое, в котором люди, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше других (69,8%). Такие характеристики как «свобода предпринимательства, предприимчивость», «обязательное соблюдение законов» оцениваются также высоко, но следуют за первыми и составляют 57,6% и 54,2% соответственно.

Достаточно ярко проявляется такая оценка справедливости российского общества в ответах студенческой молодежи, как их отношение к распределению доходов государственного бюджета. В целом из одиннадцати предложенных на этот вопрос реакций 5 были положительными, 5 – отрицательными, и одна реакция выражала индифферентность оценки.

В общем региональном массиве данных студенты чаще выбирали все ассоциации с отрицательной оценкой (от 20 до 35% выборов каждой). Среди положительных в общем массиве выборов встречаются только две ассоциации: «надежда» - 21,5% и «спокойствие» - 10%, которые могут конкурировать с частотой выбора с отрицательными. Среди наиболее распространенных отрицательных реакций доминируют «отчаяние» - 34,85%, «раздражение» – 26,7%, «горечь» – 19,8%, «злость» – 17,6%, «пессимизм» – 14,7%.

Таблица № 3

Чувства, которые испытывают студенты, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве
в абсолютных цифрах, %

Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?	Где бы Вы хотели жить на постоянной основе – здесь в России или может быть в какой-то другой стране?							
	В России		В другой стране		Затрудняюсь ответить		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%	F	%
Удовлетворение	10	6,37	1	1,20	3	4,48	14	4,56
Радость	3	1,91	2	2,41	0	0,00	5	1,63
Горечь	31	19,75	15	18,07	15	22,39	61	19,87
Злость	31	19,75	11	13,25	12	17,91	54	17,59
Спокойствие	16	10,19	8	9,64	8	11,94	32	10,42
Оптимизм	17	10,83	1	1,20	4	5,97	22	7,17
Надежда	41	26,11	12	14,46	13	19,40	66	21,50

Отчаяние	48	30,57	32	38,55	27	40,30	107	34,85
Раздражение	44	28,03	20	24,10	18	26,87	82	26,71
Пессимизм	16	10,19	14	16,87	15	22,39	45	14,66
Безразличие	15	9,55	20	24,10	1	1,49	36	11,73
Другие чувства	0	0,00	2	2,41	0	0,00	2	0,65
ИТОГО:	157	173,25	83	166,27	67	173,13	307	100,00

* Пропуски: 57 из 364 (15,66%)

** В ИТОГО указана не сумма, а число документов.

*** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100%.

**** Коэффициент Крамера [0..1]: 0,213, Вероятность ошибки (значимость): 0,002

В разрезе желающих покинуть страну с целью отъезда на постоянное местожительство за рубеж ситуация, возникшая в общем массиве, повторяется. Вместе с тем оценка тех, кто намерен остаться в России по окончании обучения, более лояльна. Здесь помимо «спокойствия» и «оптимизма» – 10% и 11% соответственно, упоминается «надежда» – 26,1% (см. таблица 3).

Интересными представляются данные, полученные в ходе опроса студентов на предмет проявления несправедливости по отношению лично к ним. 59,9% отметили, что никогда не сталкивались с таким явлением либо сталкивались очень редко, 18,6% часто сталкивались с проявлением несправедливости по отношению к себе. Эпизодически это случилось у 21,5% опрошенных студентов.

На вопрос о том, где студенты сталкиваются с проявлением несправедливости чаще всего, наши респонденты из всех представленных вариантов называют «поликлинику, больницу». Ответы «очень часто и часто» на этот вопрос фигурирует здесь в 29% случаев, ответ «иногда» в 30% случаев. Учебные заведения, общественные места (рынки, магазины) получили ответы «очень часто и часто» в 22,3% и 20,3% случаев соответственно. Ответ «иногда» фигурирует в 25% случаев. 15,3% говорят о несправедливом отношении к ним в случаях в общении с местными чиновниками и такой же процент несправедливых контактов по отношению к ним на улице, 13,5% сталкиваются с несправедливым отношением к себе на работе. Почти 11% говорят о том, что сталкиваются с несправедливостью по отношению к себе и в семье.

Из всего массива студентов 6% сталкивается регулярно (ответ «очень часто») со случаями проявления несправедливого отношения к ним (см. таблицу 4).

**Места и ситуации проявления несправедливости
по отношению к студентам в их оценке
в абсолютных цифрах (%)**

N	Подвопросы:	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень часто	Валидные:	Индекс
1	В поликлинике, больнице	73 (20,05%)	75 (20,60%)	110 (30,22%)	66 (18,13%)	40 (10,99%)	364 (100,00%)	1,79
2	В учебном заведении	86 (23,63%)	104 (28,57%)	93 (25,55%)	57 (15,66%)	24 (6,59%)	364 (100,00%)	1,53
3	В магазине, на рынке	105 (28,85%)	93 (25,55%)	92 (25,27%)	48 (13,19%)	26 (7,14%)	364 (100,00%)	1,44
4	На улице, в общественном транспорте	105 (28,85%)	104 (28,57%)	98 (26,92%)	43 (11,81%)	14 (3,85%)	364 (100,00%)	1,33
5	На работе	129 (35,44%)	96 (26,37%)	90 (24,73%)	33 (9,07%)	16 (4,40%)	364 (100,00%)	1,21
6	В общении с местными чиновниками	158 (43,41%)	69 (18,96%)	81 (22,25%)	39 (10,71%)	17 (4,67%)	364 (100,00%)	1,14
7	В общении с людьми иной национальности	154 (42,31%)	87 (23,90%)	74 (20,33%)	38 (10,44%)	11 (3,02%)	364 (100,00%)	1,08
8	В семье	163 (44,78%)	85 (23,35%)	77 (21,15%)	29 (7,97%)	10 (2,75%)	364 (100,00%)	1,01
9	В общении с людьми иного вероисповедания	182 (50,00%)	83 (22,80%)	62 (17,03%)	22 (6,04%)	15 (4,12%)	364 (100,00%)	0,91

В гендерном разрезе оценка несправедливого отношения к себе выглядит следующим образом: почти 20% юношей и 31% девушек говорят, что наиболее частые случаи проявления несправедливости происходят в поликлиниках и больницах; 13% юношей говорят о несправедливости на рынке, а 17% девушек – в учебном заведении. Чуть более 13% как юношей, так и девушек столкнулись с проявлением несправедливости в общении с людьми другой национальности и вероисповедания.

В чем же видят студенты основные причины несправедливости? По их мнению, существенной причиной становятся личные, внутренние факторы. Свыше 43% студентов называют возраст и склад их характера, а также их собственную манеру поведения (34,5% выборов). Такая осознанная самооценка

говорит о достаточно здоровой саморефлексии студентов, зрелом анализе их собственного поведения. Внешность и уровень жизни попадают в группу выборов от 24 до 20% соответственно; уровень образования и пол – в группу от 19 до 16% выборов. Национальность, политические взгляды и религиозная принадлежность – набирают 14%, 13% и 11% соответственно.

В образовательной сфере и юноши, и девушки в подавляющем большинстве случаев подчеркивают справедливое отношение к ним со стороны учителей. Более 70% юношей и девушек отмечают, что их учебная деятельность оценивалась справедливо либо всегда, либо в большинстве случаев. Несправедливое отношение к себе в школе ощутили при этом 14,8% юношей и 6,4% девушек, которые считают, что их учеба оценивалась несправедливо всегда или в большинстве случаев (см. таблицу 5).

Таблица № 5

Справедливость в школе
в абсолютных цифрах, %

В школах бывают разные ситуации, на мнение учителя часто влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии. По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?	Укажите Ваш пол					
	Мужской		Женский		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%
Моя учеба всегда оценивалась несправедливо	3	5,56	5	1,61	8	2,20
В большинстве случаев моя учеба оценивалась несправедливо	5	9,26	15	4,84	20	5,49
Половина оценок были справедливы, половина нет	9	16,67	60	19,35	69	18,96
В большинстве случаев моя учеба оценивались справедливо	28	51,85	189	60,97	217	59,62
Моя учеба всегда оценивалась справедливо	9	16,67	41	13,23	50	13,74
ИТОГО:	54	100,00	310	100,00	364	100,00

* Пропуски: 0 из 364 (0,00%)

** Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,129

Несколько иначе представлена оценка студентами их учебной деятельности в вузе по сравнению со школой (см. таблицу 6).

В этом случае уже более 80% юношей и девушек говорят о справедливом отношении к ним со стороны преподавателей. Только 7,4% юношей и 4,8% девушек отмечают стабильно несправедливое отношение по отношению к ним преподавателей.

Таблица № 6

Справедливость в вузе
в абсолютных цифрах, %

А насколько справедливо оцениваются Ваши знания в вузе?	Укажите Ваш пол					
	Мужской		Женский		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%
Моя учеба всегда оценивается несправедливо	2	3,70	2	0,65	4	1,10
В большинстве случаев моя учеба оценивается несправедливо	2	3,70	13	4,19	15	4,12
Половина оценок были справедливы, половина нет	6	11,11	47	15,16	53	14,56
В большинстве случаев моя учеба оценивается справедливо	23	42,59	187	60,32	210	57,69
Моя учеба всегда оценивается справедливо	21	38,89	61	19,68	82	22,53
ИТОГО:	54	100,00	310	100,00	364	100,00

* Пропуски: 0 из 364 (0,00%)

** Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,200, Вероятность ошибки (значимость): 0,006

Интересной представляется оценка студентов того, что является основополагающей причиной обогащения людей (достижения большого богатства). Вопрос подразумевал множественный выбор. Важность трудолюбия отмечают почти 61% студентов, что на 7% ниже оценки студентов по России. Помощь родных и семью оценивают 58,8% студентов региона и 65,5% студентов Российской Федерации. Важность таланта и способности подчеркивается только 38% опрошенных в ХМАО-Югре, что на 6,3% меньше, чем в общем массиве по России. Трезвый и разумный образ жизни подчеркивается в 40% случаев, что на 5% меньше, чем в общем массиве данных. Наибольшее количество выборов получили «полезные связи». Полезность таких связей для процесса обогащения видят 79,7% студентов ХМАО-Югры и 86% российских студентов. В целом оценки региональных

студентов по этому вопросу на несколько пунктов ниже, чем в общероссийском массиве. Региональный показатель по этому фактору близок общероссийскому в оценках девушек (80,1%) (см. таблицу 7)

Наибольшее расхождение получила оценка образования как в позитивной, так и в негативной зонах. 53,6% студентов ХМАО-Югры отмечают важность хорошего образования, что ниже общероссийского показателя на 12,4%. При этом отказывают образованию как ведущему фактору в процессе приобретения богатства почти 13,7% студентов региона, что почти в два раза больше общероссийского показателя (7,8% соответственно).

Таблица № 7

Богатство и полезные связи
в абсолютных цифрах, %

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам? : Полезные связи	Укажите Ваш пол					
	Мужской		Женский		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%
Никогда (0)	2	3,70	2	0,65	4	1,10
Редко (1)	3	5,56	13	4,19	16	4,40
Иногда (2)	9	16,67	45	14,52	54	14,84
Часто (3)	11	20,37	98	31,61	109	29,95
Очень часто (4)	29	53,70	152	49,03	181	49,73
ИТОГО:	54	100,00	310	100,00	364	100,00

* Пропуски: 0 из 364 (0,00%)

** Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,133

Значительное расхождение по этому показателю просматривается также в гендерном разрезе ответов студентов региона. Девушки оценивают его важность в 55% случаев, юноши упоминают его в 44% случаев. При этом подавляющее число ответов юношей получено с отрицательной оценкой этого фактора (27,8%), у девушек ответы «никогда» и «редко» выбирают только 11% ответивших (см. таблицу 8).

Богатство и хорошее образование
в абсолютных цифрах, %

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам? : Хорошее образование	Укажите Ваш пол					
	Мужской		Женский		ИТОГО:	
	F	%	F	%	F	%
Никогда (0)	3	5,56	7	2,26	10	2,75
Редко (1)	12	22,22	28	9,03	40	10,99
Иногда (2)	15	27,78	104	33,55	119	32,69
Часто (3)	16	29,63	103	33,23	119	32,69
Очень часто (4)	8	14,81	68	21,94	76	20,88
ИТОГО:	54	100,00	310	100,00	364	100,00

* Пропуски: 0 из 364 (0,00%)

** Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,173

В целом по массиву полученных ответов на вопросы анкеты в студенческой среде просматривается скепсис и пессимизм в отношении проблемы социального неравенства и справедливости. Студенты чаще связывают разрешение сложных социальных задач и конфликтов с полезным межличностным взаимодействием и материальными благами. Это также подтверждается полученными ответами на вопрос об оценке критической ситуации (аварии), в которой пострадали чиновник, владелец компании и рабочий. Подавляющее большинство студентов региона (76,4%) считают, что первым спасали бы чиновника, что полностью соответствует проценту ответивших по России в целом. При этом главными факторами, которые бы повлияли на это решение, были названы деньги (38,3%), связи (19,9%) и давление сверху (17,3%). Только 11,2% отметили, что спасать будут того, у кого больше шансов выжить, а такие ответы, как следование инструкции, полезность для общества набирают соответственно 2% и 8%.

Заметим, что сами студенты ХМАО-Югры, поставив себя на место врачей в рассматриваемой ситуации, почти в 40% случаев выбирают вариант – «Спасал бы того, у кого больше шансов выжить», 31,9% студентов действовали бы по инструкции и 13,7% спасали бы того, у кого большая семья и больше детей. Расхождения в ответах студентов региона с ответами студентов других городов Российской Федерации по этому вопросу незначительны. В общем массиве – это 41,4%, 34,2% и 9% соответственно.

Подведем итог нашего исследования.

В целом по массиву полученных ответов на вопросы анкеты в студенческой среде просматривается скепсис и пессимизм в отношении проблемы социального неравенства. Студенты чаще связывают разрешение сложных социальных задач и конфликтов с полезным межличностным взаимодействием и материальными благами.

При этом молодые люди своими ответами демонстрируют социальную зрелость, проявляющуюся в стремлении к максимально объективному рассмотрению спорных случаев. На наш взгляд, полученные результаты открывают дополнительные перспективы для анализа оценок и мнений современного студенчества в отношении социального равенства/неравенства и справедливости/несправедливости современного российского общества, а также заслуживают особого внимания специалистов в сфере социологии молодежи и публичной социологии.

Список литературы:

Социальная справедливость в русской общественной мысли [монография] / отв. ред. Ю.Б. Епихина. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 219 с.

УДК 304 ББК 60.56

Зборовский Гарольд Ефимович –
д-р филос. наук, профессор,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: garoldzborovsky@gmail.com

НЕДОВЕРИЕ VERSUS ДОВЕРИЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА¹

Ключевые слова: доверие/недоверие, высшее образование, Уральский макрорегион, образовательные общности студентов и научно-педагогических работников.

Сегодня отечественная социология занята поиском инструментов и способов решения актуальных для российского общества в целом и его отдельных макрорегионов – федеральных округов и регионов – субъектов Федерации задач. Особое внимание уделяется исследованию процессов в высшем образовании и выявлению новых направлений и ресурсов его развития. В качестве такого направления мы рассматриваем формирование доверия в российском высшем образовании к стратегиям деятельности и управления в системе социальных взаимодействий основных акторов высшей школы. Это – фундаментальная научная и практическая проблема, требующая теоретического и прикладного анализа.

Мы рассматриваем доверие (и его противоположность – недоверие) как качественную характеристику институциональных, внутри- и межсистемных связей и межобщностных отношений в высшем образовании. Об этом свидетельствуют результаты эмпирического исследования, проведенного в январе-марте 2017 г. научным коллективом Уральского федерального университета под руководством автора.

В ходе этого исследования, наряду с экспертным опросом, проводился массовый опрос преподавателей и студентов Уральского федерального округа. В генеральную совокупность входил 51 вуз УрФО. В ходе исследования была реализована квотная выборка. Она формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях регионов УрФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа; Ямало-Ненецкий округ не был включен в выборку, поскольку в нем нет самостоятельных вузов). Внутри

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10046) «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественнонаучному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности преподавателей составил 810 чел., студентов – 1860 чел. Обработка данных осуществлялась с помощью пакета SPSS. В сборе и обработке данных участвовали члены исследовательского коллектива, а также аспиранты, магистранты и студенты кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

В процессе исследования мы выявляли степень доверия в вузах на институциональном и межобщностном уровнях. Выяснилось, что преподавательское сообщество противостоит реализуемой властью всех уровней политике в области высшего образования, не испытывая к ней доверия и не солидаризируясь с ней. Доверяют в настоящее время образовательной политике РФ в отношении высшей школы только 18,4 % педагогов (не доверяют 66,1 %), региональной власти, ответственной за социальную политику в области высшего образования, 17,5 % (не доверяют 56,1 %), министерству (департаменту) образования региона, ответственному за принятие управленческих решений по реформированию высшей школы, 16,8 % (не доверяют 53,3 %), образовательной политике муниципальной власти 20,7 % (не доверяют 45,2 %). Как видно, институциональное доверие оставляет желать много лучшего.

Мы считаем, что низкий уровень доверия в вузах к образовательной политике демонстрирует, как минимум, два ее сущностных дефекта: 1) отсутствие ориентации на человека и образовательные общности студентов и преподавателей, во имя которых должно осуществляться высшее образование; 2) существенно ограниченную ориентацию на регионы, высшая школа которых значительно больше центра страны страдает от реформирования, модернизации, оптимизации, реструктуризации и прочих декларируемых трансформаций.

Политика в отношении высшего образования отвергается на уровне целеполагания, поскольку несет в себе фундаментальное противоречие: высшая школа рассматривается в ней прагматически, исключительно как средство (инструмент вхождения в международное образовательное пространство, драйвер экономического развития региона и пр.), тогда как ее институциональные функции значительно шире в своей терминальной составляющей.

Описанная ситуация институциональных отношений влияет на характер связей между образовательными общностями и внутри них и отражается в наличии доверия и оценке тех принципов, на которых строятся отношения в вузе. Наше исследование показало, что преподаватели уральских вузов испытывают доверие, прежде всего, к коллегам по работе (85,4 % опрошенных) и студентам (75,4 %). Гораздо ниже уровень их доверия – к администрации вуза,

в котором они работают (47,1 %) и политике реформирования, осуществляемой ею (36,4 %). Аналогичные оценки принадлежат и студентам. Больше всего они доверяют преподавателям (74,6 %), сокурсникам (74,1 %), в то время как администрации факультета – 51,4 %, администрации вуза – 40,8 %. Менее всего студенты доверяют образовательной политике вуза в отношении студентов (34,8 %) и образовательной политике РФ в отношении высшей школы (27 %).

Еще более разительными выглядят оценки преподавателями принципов отношений между образовательными общностями. Из материалов исследования видно, что здесь существует два полюса отношений. Один из них характеризует связи между преподавателями и студентами и внутри научно-педагогического сообщества. Другой – связи между руководством вуза и преподавателями. В первом случае тип отношений выстраивается на позитивных принципах доверия, партнерства (54 %), информационной открытости (43,1 %), взаимопонимания, взаимопомощи (41,2 %), взаимоуважения и толерантности (39,1 %). Во втором тип отношений определяется жесткой регламентацией (9,1 %), соблюдением формальных правил (29,5 %), социальной дистанции (22,3 %), корпоративной закрытостью (6,1 %). Назвать такие отношения органичными вряд ли возможно. Они не позволяют вузу функционировать как целостной системе.

Что касается студенческих оценок, то они весьма близки к преподавательским. Базовыми принципами являются, по мнению студентов, взаимопонимание, взаимоуважение (47,9 %), доверие и партнерские отношения (44,6 %), информационная открытость (44,3 %), толерантность (34,8 %).

Однако не стоит идеализировать отношения между преподавателями и студентами, которые выглядят в оценках педагогов более позитивными, чем их отношения с руководством вуза. Данные показывают, что уровень доверия, партнерства, взаимопонимания, взаимопомощи и взаимоуважения выше между преподавателями, чем между ними и студентами. Очевидно, что взаимодействие и связи между преподавателями и студентами в вузе подверглись в последние годы существенной трансформации. Каждая образовательная общность выдвигает серьезные претензии по отношению друг к другу.

Приведенные цифры (а это лишь вершина «айсберга» результатов социологического исследования) показывают необходимость формирования и использования доверия между основными субъектами высшей школы как уникального нематериального ресурса развития и трансформации российского высшего образования в новое качество.

УДК 31.316.74 ББК 60.523

Иванцова Марина Владимировна –
старший преподаватель кафедры
социологии и ювенальной политики
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева»
mvivantsova@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ РОССИИ

Ключевые слова: ненормативная лексика, студенческая молодежь

В настоящее время в российском обществе под влиянием процесса глобализации и очень быстрого развития технологий происходит трансформация общественной жизни, меняются приоритеты деятельности и развития личности. Именно сейчас особое значение приобретает культура общения. Криминализация общества, появление в речи значительного количества сленга, ненормативной лексики, которые используются различными социальными группами, заставляет нас серьезно задуматься над проблемой чистоты языка. Эта проблема является одной из основных с точки зрения национальной языковой культуры. Сегодня есть опасность ее искажений. Именно поэтому проблема культуры языка была, есть и еще долгое время будет находиться в центре внимания исследователей.

Понятие о культуре речи «включает в себя две ступени освоения литературного языка: правильность речи, то есть соблюдение литературных норм, воспринимаемых как «идеал» или общепринятый, традиционный обычай, и речевое мастерство, то есть не только соблюдение норм литературного языка, но и умение подобрать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически и ситуативно уместный, выразительный» [4].

В современной российской культуре речи размываются границы и состав ненормативной лексики: она становится средством общения молодежи в повседневной жизни. Эта адаптированная альтернатива литературного языка; из устной неформальной сферы общения проникает в официальную сферу массовой коммуникации или публичного выступления. В настоящее время уходит отрицательная оценка мата. Ненормативная лексика перестала быть запрещенной в СМИ, в политических дискуссиях, на страницах художественной литературы, в кино, сериалах и театральных спектаклях.

Широкое распространение ненормированной русской лексики, особенно публичной, представляет опасность для усвоения молодыми людьми литературного русского языка, современной культуры и моральных и этических норм. Конечно существует и противоположное мнение. Оно предполагает, что ненормативная лексика являются отражением и характеристикой богатства русского языка и ничего негативного и дисфункционального в ее распространении нет. Однако для молодежи с ее несформировавшейся картиной мира данное мнение является губительным.

Студенческая молодежь – это поколение молодых людей, которое характеризуется общностью повседневного быта, интересов, ценностных ориентаций и образа жизни.

Ненормативная лексика – это «такие речевые обороты, слова, выражения, которые имеют ярко выраженный негативный, агрессивный, непристойный, безнравственный оттенок. В большинстве случаев такая лексика употребляется как реакция на спонтанную ситуацию, как правило, негативную для говорящего».[6]

Манько Ю.В. и Оганян К.М. выделяют следующие «функции употребления ненормативной лексики среди молодежи:

- повышение эмоциональной окраски речи;
- эмоциональная разрядка;
- снятие болевого шока;
- оскорбление, унижение другого человека;
- демонстрация агрессивного поведения;
- демонстрация отсутствия страха;
- демонстрация раскованности, независимости говорящего;
- демонстрация пренебрежительного отношения к системе запретов;
- демонстрация принадлежности говорящего к «своим»»[5].

В настоящее время пути проникновения в язык ненормативной лексики – это, в первую очередь, результат заимствования и широкая развитость информационных технологий и активное присутствие их в жизни современного молодого человека. Заимствования происходят чаще всего из английского языка, что вызвано его популярностью в образовательной среде.

Нами был проведен анкетный опрос студентов Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева на тему: «Ненормативная лексика в студенческой среде». Опрошено 180 студентов с первого по четвертый курс в возрасте от 17 до 25 лет. Из них: 92 – девушки, 88 – парней.

На вопрос: «Употребляете ли Вы ненормативную лексику?» большинство из опрошенных ответили: «Да» -79 %, «Нет» ответили всего лишь 15 %, «Затрудняюсь ответить» 6 %. Они перестали считать данные обороты речи ругательствами, которые не допустимо произносить в обществе и используют их в качестве повседневных слов. Соответственно друзья перестают делать им замечания, считая это нормальным.

При этом большинству студентов не нравится находиться в обществе людей, употребляющих ненормативную лексику — это 82%, но лишь 17% молодых людей делают замечание другим людям, несмотря на их возраст и социальное положение.

Можно сказать о том, что молодые люди очень редко замечают за собой употребление данных выражений, но большинство опрошенных 58% стараются контролировать себя и минимизировать употребление ненормативной лексики.

Основной остается традиционная негативная оценка данного вида речи, что подтверждается другим показателем: около 64% опрошенных отметили, что ненормативную лексику чаще употребляют подростки и молодежь и только 22% считают, что чаще употребляют ненормативную лексику взрослые люди в возрасте 30-40 лет.

В современном обществе употребление ненормативной лексики «является допустимым в большинстве публичных мест – практически повсеместно на улице, в общественном транспорте, в магазине, в кино, в местах скопления людей в разгар массовых развлекательных или социально-политических мероприятий; социальный контроль практически отсутствует; употребление связано с обыденно-бытовой сферой повседневного общения» [2, с. 127].

Студенты четко понимают необходимость образования для получения желаемого места работы и достижения статуса в обществе. Но недостаток знаний и зачастую нежелание учиться, приводит к тому, что знания «как ценность воспринимается через призму социальной востребованности специалистов с высшим образованием» [3, с. 57]. А все что касается культуры речи в повседневной жизни, обогащение словарного запаса, формирование культуры общения мало заботит студенческую молодежь. Это приводит к тому, что на вопрос «Вы употребляете ненормативную лексику в большей степени из-за того, что не знаете синонимов культурных слов с данным значением?» 82% опрошенных молодых людей дали положительный ответ. В «обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей»[1]. Такое поведение, утверждается пассивно-потребительским отношением к культуре. Для современной молодежи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной (коллективистской) составляющей к индивидуализированной.

Преобладание материальных ценностных ориентаций над духовными неизбежно отражается на мировоззрении молодых людей. Обращает на себя внимание довольно высокая степень равнодушия молодежи к таким традиционно отрицательным явлениям, как употребление ненормативной лексики в кино, книгах, театре и т. д. 20% студентов нравится употребление ненормативной лексики в произведениях искусства. Использование данных оборотов речи героями произведений кино и литературы служит характеристикой, как самого героя, так и времени, и места действия.

Надо сказать, что, несмотря на то, что на телевидении большинство слов «запикивается», практически все молодые люди 91% понимают, какие именно слова были произнесены.

Надо отметить, что 62 % опрошенных вообще не ругается при родителях и людях преклонного возраста. Этот факт свидетельствует об уважительном отношении студентов к данной группе людей. А вот с друзьями используют ненормативную лексику 40% опрошенных. Ругаться перестало быть модным или «крутым», для современных молодых людей данные речевые обороты стали привычными, их не замечают, они неотъемлемая часть культуры повседневной речи. Что очень негативно сказывается на языковой русской культуре.

Можно сделать вывод, что в настоящее время происходит всеобщее употребление ненормативной лексики в студенческой среде. Огромное влияние на популяризацию ненормированной лексики в данной социальной группе оказывают СМИ. В результате того, что не только на улице, в транспорте, в семье, но и в журналах, газетах, на телевидении, в театрах и кино молодежь периодически встречаемся с ненормативной лексикой, в сознании молодого человека происходит закрепление данной формы речи, как вполне допустимой. Так же сюда можно отнести и ненормативную лексику, употребляемую в Интернете, который практически не подвергается цензуре и контролю. В студенческой среде снижается уровень общекультурных ценностей, что приводит к более грубому и агрессивному общению между молодыми людьми.

Популяризация ненормированной лексики задевает все слои общества. В том числе и молодежь. Студенчество, к сожалению, воспринимает подобный стиль общения как норму, как признак взрослости, правоты, авторитетности.

Список литературы:

1. Елишев С. Проблемы современной российской молодёжи: чего хочет молодежь? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemy_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_chego_hochet_molodezh– Дата обращения 18.05.2017
2. Киенко Т.С. Ненормативная лексика как социальный феномен. Социологические исследования № 5, 2016. - С. 124-133.
3. Клипенштейн Т. Проблема молодежной занятости в современных условиях. М. – 2000. – С. 57.
4. Львов М.Р. Основы теории речи: Уч.пособие для студентов пед. уч.заведений. – М.: Издательский центр «Академия». – 2012. – 248 с.
5. Манько Ю. В., Оганян К. М. Социология молодежи: учебное пособие. – СПб.: ИД «Петрополис», 2008. - 316 с.
6. Что признается ненормативной лексикой? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nsovetnik.ru/pravila_povedeniya/chto_priznaetsya_nenormativnoj_leksikoj– Дата обращения 18.05.2017

Игнатова Елена Васильевна –

доктор PhD

Павлодарский государственный

педагогический институт,

г. Павлодар (Казахстан)

e-mail: elena_iev@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С РЫНКОМ ТРУДА

Ключевые слова: академическая среда, профессиональная среда, квалификации высшего образования, национальная рамка квалификаций, органы присвоения квалификации.

В последние годы в академической и профессиональной среде идут дискуссии по поводу квалификаций высшего образования, их признания и сопоставимости. В первую очередь это связано с поиском механизма взаимодействия системы образования с рынком труда.

Опыт европейских стран свидетельствует о значимости разработки национальных рамок квалификации (НРК), на основе которых формируются профессиональные стандарты, строятся образовательные программы, разрабатываются критерии оценки результатов образования.

В контексте Болонских реформ НРК должна быть сопоставима с Европейской структурой квалификаций, а основным принципом ее разработки должны стать непрерывность и преемственность развития квалификационных уровней от низшего к высшему, прозрачность их описания.

В настоящее время более 120 стран мира разрабатывают и внедряют НРК, обеспечивая тем самым признание квалификаций на национальном и международном уровнях.

Вхождение Казахстана в Европейское пространство высшего образования обусловило принятие Национальной рамки квалификаций (НРК). В 2007 году Трудовой кодекс республики был дополнен главой 10-1 «Национальная система квалификаций». Связано это с тем, что действующая в Казахстане квалификационная система не отражает компетенции, квалификацию определяет дипломом и стаж работы [1]. Система образования готовит специалистов в соответствии со своим видением, а не с требованиями рынка труда:

- стандарты образования не в полной мере ориентированы на формирование профессиональных компетенций;
- не все сектора экономики имеют четкие представления о компетенциях, необходимых их работникам;
- отсутствует система оценки профессиональной подготовки работников.

• Принятая в Казахстане структура описания уровней квалификации задана аналогично Европейской рамке квалификаций (ЕРК) где:

• используются обобщенные показатели «знания – умения – общие компетенции»;

• учитывается накопительный принцип, направленный на признание предыдущего обучения на основе результатов формального, неформального, информального образования;

• базируется на концепции образования в течение всей жизни.

НРК содержит восемь квалификационных уровней и обеспечивает межотраслевую сопоставимость квалификаций [2].

Разработанная НРК позволяет:

• формировать общую стратегию развития рынка труда и системы образования, в том числе планировать различные траектории образования, ведущие к получению конкретной квалификации, повышению квалификационного уровня, карьерному росту;

• описывать с единых позиций требования к квалификации работников и выпускников при разработке профессиональных стандартов;

• разрабатывать процедуры оценки результатов образования и сертификации квалификаций, формировать систему сертификатов;

• создавать отраслевые квалификационные системы.

Аналогично Европейской рамке квалификаций в НРК Казахстана включены дескрипторы общей компетенции, умений и знаний, которые раскрываются через соответствующие показатели профессиональной деятельности.

Знания – показатель, определяющий требования к знаниям, и зависящий от следующих особенностей:

• объема и сложности используемой информации;

• инновационности знаний;

• степени их абстрактности (соотношение теоретических и практических знаний).

Умения – показатель, определяющий требования к умениям и зависящий от особенностей профессиональной деятельности:

• множественности способов решения профессиональных задач, необходимости выбора или разработки этих способов;

• степени неопределенности рабочей ситуации и непредсказуемости ее развития.

Общие компетенции – показатель, определяющий масштабы деятельности, цену возможной ошибки для организации, отрасли, ее социальных, экономических, экологических последствий, а также полноту реализации в профессиональной деятельности основных функций руководства (целеполагание, организация, контроль, мотивация исполнителей).

Таким образом в НРК Казахстана к знаниям отнесены базовые знания в различных областях и профессиональные знания; к умениям - проектно-деятельностные и информационно-аналитические умения; к общим компетенциям - мотивированность, коммуникативность, рефлексивные качества и ответственность, адаптивность и способность к развитию. Но наряду с этим пока не существует единых требований к системе оценки профессиональной подготовки работников.

Для решения этой задачи в странах Европы и США на национальном уровне созданы управленческие структуры по обеспечению качества рабочей силы. В разных странах структура представлена:

- сетью советов по развитию отраслевых квалификаций;
- квалификационными регуляторами или национальными квалификационными агентствами;
- органами по присвоению квалификации;
- государственными комиссиями по занятости и квалификациям [3].

Отраслевые советы созданы из влиятельных объединений работодателей, пользующиеся авторитетом в своей области и имеющие возможности для проведения исследований и анализа проблем профессиональной подготовки, разработки и практической реализации рекомендаций по совершенствованию политики в области развития человеческого потенциала отрасли. К работе советов привлекаются практики в сфере управления человеческими ресурсами, эксперты из органов государственного управления, профессиональные союзы, образовательные учреждения. Советы взаимодействуют с органами управления на национальном и региональном уровнях. Подготовленные ими рекомендации используются при формировании государственной политики в области повышения качества рабочей силы. В тех отраслях, где советы еще не созданы, эту деятельность берут на себя специальные рабочие группы по разработке стандартов.

Квалификационные регуляторы или национальные квалификационные агентства устанавливают требования к профессиональным квалификациям, производят аккредитацию органов присвоения квалификаций и мониторинг их деятельности, определяет критерии национальной рамки квалификаций и проверяет соответствие заявленных квалификаций (профессиональных стандартов) требованиям работодателей.

Органы по присвоению квалификаций проводят экспертизу профессиональных квалификаций и аккредитацию квалификаций для национальной рамки.

Государственная комиссия по занятости и квалификациям формируется с участием организаций работодателей. Она координирует работу по исследованию, анализу и развитию профессиональных стандартов и квалификаций, лицензирует отраслевые советы по развитию отраслевых

квалификаций, вырабатывает рекомендации по повышению уровня занятости, квалификациям и производительности.

Особое внимание уделяется оценке и квалификации конечных результатов обучения. Контроль этих результатов играет очень важную роль в системе обеспечения качества рабочей силы, поскольку от качества предоставляемых учебными заведениями образовательных услуг зависит уровень их финансирования [4].

Обобщая опыт зарубежных стран на пути формирования системы обеспечения качества рабочей силы можно утверждать, что несмотря на различия в названии их деятельность направлена на разработку:

- национальных профессиональных стандартов;
- национальную рамку квалификаций;
- систему оценки и признания результатов предыдущего образования и др.

И в заключение, необходимо сказать о том, что национальные рамки квалификаций служат важным средством согласования спроса на квалификации работников со стороны работодателей. Эффективные механизмы правового и институционального взаимодействия обеспечивают связь высшего образования и рынка труда. Структура квалификаций и ее практическая реализация позволяет выполнить главные цели высшего образования: подготовку к рынку труда и личное развитие.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 17 февраля 2012 года № 566-IV «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Казахстан»
2. Национальная рамка квалификаций Республики Казахстан. www.naric-kazakhstan.kz
3. Recommendation of the European Parliament and of the Council on the establishment of the European Qualifications Framework for lifelong learning. // Official Journal of the European Union. – 2008. №5.- с. 111.
4. Chmielecka E. Europejskie Ramy Kwalifikacji // Forum akademickie. – 2009. № 1. – с. 8.

УДК 378 ББК 74.4

Ищенко Роман Викторович –

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: ishhenkorv@mail.ru

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗОВ РОССИИ

Ключевые слова: образование, научно-исследовательская деятельность, экономика знаний.

В современном мире движение научного и исследовательского пласта формируется исходя из многих энергоемких кластеров, таких как всемирная глобализация, компьютеризация, ускорение технологических процессов, и быстрорастущий технологический тренд, мнительность и псевдонаучность в исследовании, формирование клипового сознания общества и т.д. Все это, безусловно, сказывается на развитии научной среды. В каждом вузе есть структура, отвечающая за развитие научно-исследовательской деятельности, однако, по объективным причинам, она не в полной мере справляется с задачами поставленные руководством ВУЗа, например, в части повышения рейтинга или уровня цитируемости. Можно утверждать, что решение этой проблемы содержится в миссии университета. Определение того, что именно необходимо университету от исследовательского сообщества, обязательно отражается в миссии вуза, здесь уместно крылатое выражение: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет».

После этого первоначальным практическим шагом возможно создание инновационной исследовательской экономики знаний! Основу данного процесса составляют несколько основных правил: оперативное реагирование на внешнюю среду и максимальное увеличение скорости реакции. Развитие надотраслевой структуры посредством близкого сотрудничества исследовательского сообщества и внешних структур. Размытие границ между отраслями и при этом сближение фундаментальной и прикладной научной деятельности за счет решения комплексных научно-технических задач. Все это ведет к созданию инновационных материалов, смарт-структур, или к созданию современных уникальных конструктивных решений.

Для развития современной исследовательской среды необходимо создать единый комплекс: образование – наука – промышленность. При этом в равных долях и степенях развития, с данной структурой появляются инновации – некий вектор развития в образовании науке и промышленности. При этом все процессы направлены на три основные цели:

1. Развитие собственных ключевых технологий.
2. Перенос промышленных задач в образовательную научную среду.
3. Перенос технологий из научно-образовательной среды на производство.

Любые изменения, имеющие под собой научное обоснование, мотивы, инструменты, своевременную и локационную необходимость, безусловно, являются основополагающими в развитии современной академической революции. Вопрос о внедрении в ВУЗ такого драйвера как: свободное образование, без тени сомнения встанет перед каждым университетом. Смена механизма процесса подготовки бакалавриата в особенности актуальна на пути выбора стратегии вуза, выбора той ниши, которую впоследствии университет стремится занять. Сам принцип свободного образования, конечно, как идеалистическая модель, конечно, многим вузам не подойдет ни один из предложенных форматов. Майкл Кроу прекрасно подметил о необходимости выбора индивидуальной стратегии развития для каждого университета. Найти свой путь, свои механизмы, пути решения своих проблем, это основная задача ВУЗов.

На вопрос о внедрения в университете свободного образования, можно твердо дать положительный ответ, тем более что в большей степени ВУЗ, как и министерство образования России, стремится к развитию индивидуальной траектории студентов. Развитие профессиональных компетенций в современной структуре возможен только при точности подготовки, принцип, который был заложен в советский период «От массовости к мастерству» исчерпал свой ресурс. Рассматривая университеты, которые являются площадкой подготовки инженерных кадров, а разнообразность сфер деятельности и профиля инженера бесконечное множество, самым оптимальным форматом будет являться открытый учебный план. Конечно, появляется ряд сложностей в части проработки индивидуальной траектории, которую возможно решить при помощи тьюторов, или же мотивы студентов пройти обучение по той или иной дисциплине, которая в том числе решается вопросом работы профессорско-преподавательского состава, умение преподнести себя и свой курс студентам и родителям. Отдавая отчет, что этот путь могут выбрать самые амбициозные студенты, пришедшие за набором определенных компетенций, которые впоследствии будут содействовать на протяжении рабочей карьеры, обучающиеся сами собой определяют выбор, в пользу сильных курсов, к тому же создавая некую конкуренцию среди преподавателей, за большее количество слушателей.

Механизмы реализации данного формата направлены на подготовку элитарного профессионального сообщества, и это является еще одним мотивом в пользу выбора студентов. Один из самых важных моментов – обеспечение эффективного обучения в одной аудитории совершенно разных студентов, перекладывает ответственность за качество подготовки на студента, «Научить нельзя – научиться можно» именно данный слоган вливается в формат свободного образования со свободным учебным графиком.

Кичерова Марина Николаевна –
канд.социол.наук,
Тюменский государственный университет,
г.Тюмень
e-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

ПЕРЕХОД К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: цифровая экономика, технологии, цифровизация, технологический предприниматель.

Трансформации, происходящие в обществе, связаны с тем, что развитие цифровых технологий меняет не только экономику, но и все сферы общественной жизни. Стремительная скорость преобразований, связанных с цифровизацией, приводит к изменению социальных отношений, традиционных рынков, в том числе рынка труда, бизнес-моделей, государственного управления. Высокий уровень цифровизации в современном мире становится синонимом конкурентоспособности и перспективности компаний, отраслей и национальных экономик.

Актуальность темы определяется тем, что Россия сегодня не входит в группу лидеров развития цифровой экономики по многим показателям – уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, средней задержке в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах. Велико расхождение в уровне цифровизации между отраслями. Для ликвидации этого отставания предприятиям придется опережающими темпами внедрять новейшие технологии в производственную деятельность. В России это особенно важно для таких отраслей, как добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт и логистика.

Весьма актуальными становятся не только вопросы создания в России благоприятных организационных и нормативно-правовых условий для развития институтов цифровой экономики. Важно обеспечить условия для активного участия бизнес-структур и гражданского общества в формировании пространства цифровой экономики. Необходимо оценивать риски, предвидеть возможные последствия, сглаживать и компенсировать негативные воздействия в процессе цифровизации экономики и общества. А для этого требуется, в первую очередь, социологическое изучение и осмысление новых социальных практик, которые складываются в обществе в переходный период.

Не претендуя на полноту охвата данной темы, рассмотрим некоторые социальные аспекты перехода российского общества к экономике нового поколения. В самом широком смысле под цифровой (электронной) экономикой понимают совокупность общественных отношений, складывающихся при

использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития [5, с.8]. Смену технологического уклада также называют четвертой промышленной революцией, или индустрией 4.0.

В 2017 году в России была принята национальная Программа развития цифровой экономики до 2035 года. Этот документ не только определяет основные направления государственной политики цифровой трансформации. В Программе рассматриваются и социально-этические аспекты, связанные с человеческим потенциалом и роботизацией, рынком труда, образованием[5].

В России есть предпосылки для перехода к цифровой экономике: по количеству пользователей интернета Россия занимает первое место в мире, уровень развития информационных технологий тоже находится на достаточно высоком европейском уровне. Однако IT-специалисты не внедряют цифровые технологии в экономику, а только разрабатывают их. Внедрять цифровые технологии и трансформировать экономику в настоящее время некому. По оценке председателя совета Центра стратегических разработок Алексея Кудрина, цифровой экономике ежегодно нужно 120 тысяч специалистов в области новейших технологий [4]. Но это не только IT-специалисты, а в первую очередь профессионалы и предприниматели, внедряющие технологии в реальную экономику. Активными акторами, агентами цифровой трансформации становятся разработчики технологий, технологические предприниматели, бизнес-инженеры. Важно отметить, что эти позиции обеспечивают разную фокусировку в деятельности: технологический фокус (тренды, новые технологии), организационный фокус (бизнес-процессы), клиентский и финансовый фокус.

Таким образом, на смену «экономики знаний», где главным ресурсом и ценностью были знания и новые технологии, приходит «экономика действий», потому что собственно внедрение новой технологии в практическую деятельность становится инновацией. Многие исследователи, и в первую очередь Й.Шумпетер, считал инновацией не само изобретение, а реализованный способ его использования в системах технологического разделения труда[7]. Именно такой образ деятельного предпринимателя становится ключевой фигурой для инновационной экономики.

Вместе с этим, представляет интерес позиция экспертов, в частности Д.Ковалевича и П.Щедровицкого, которые исследуя современные процессы появления инноваций, отмечают в качестве главной фигуры, «производящей» инновации – позицию серийного технологического предпринимателя. Особенность таких предпринимателей в том, что они берут на себя задачи индустриальной реализации технологических новинок. Это их основная социальная роль и функция. Фактически они создают «новую

профессию строителя венчурных бизнесов, превращая технологическое предпринимательство в серийную деятельность – в конвейер по производству инноваций» [3].

У этой новой формы предпринимательского процесса еще нет общепринятого имени – их называют инновационными сетями, предпринимательскими артелями, start-up студиями. Их массовым продуктом стали технологические бизнесы, которые серийно замысливаются, разрабатываются, производятся и продаются.

Есть ли в российских регионах такие серийные технологические предприниматели, готовые брать риск и ответственность за инновации? Анализ кейсов и региональных практик показывает, что молодежь быстро реагирует на изменение цифровой реальности и встраивается в нее. Так, студент из Ульяновска создал глобальную IT-компанию, которая выдержала конкуренцию с Google и «поглотила» конкурента из Кремниевой долины. Их продукт – облачный виджет Eswid, позволяет бизнесу быстро и без помощи программистов встроить в свой сайт, блог или страницу в соцсети полноценный интернет-магазин — достаточно добавить несколько строчек java скрип-кода. У компании более миллиона клиентов, а годовой оборот исчисляется миллиардами рублей.

Трое предпринимателей из Москвы создали IT-платформу, которая позволяет организовать процесс похорон в режиме «одного окна». За год им удалось закрепиться на рынке, по итогам года оборот компании превысил 500 млн. руб., сейчас она организует каждые десятые похороны в Подмосковье и планирует экспансию в США[6].

Такие примеры можно продолжить, однако важно отметить, что в студенческие годы каждый из них имел свой стартап, основанный на IT-технологиях, который впоследствии продал. Где и как формируются компетенции для такой деятельности? Очевидно, что в первую очередь это запрос к системе образования.

Для оценки готовности молодых людей работать в условиях цифровой реальности, их мотивации к деятельности в качестве технологического предпринимателя было проведено авторское исследование. На основе качественной стратегии было организовано 6 фокус-групп и 27 полуформализованных интервью. В исследовании приняли участие 106 человек, в возрасте от 18 до 22 лет, студентов Тюменского государственного университета. Гайд модератора включал блоки вопросов, позволяющих выяснить, как оценивают студенты перспективы развития цифровой экономики в России, как видят свою дальнейшую профессиональную судьбу, перспективы для работы. Один блок вопросов касался оценки качества образования, его соответствия новым требованиям цифровой реальности.

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции складывания образа будущего у молодежи, связанные с развитием цифровой

экономики, представления об успешности и опасениях, профессиональные намерения. По результатам анализа групповой дискуссии следует отметить, что молодые люди проявляют активный интерес к развитию новых технологий, цифровизации общества и экономики. Большинство видят в развитии технологий исключительно благо и прогрессивное значение, «технологии очень облегчают жизнь». Однако треть участников высказали опасения в связи с массовой цифровизацией, «мне напоминает это произведение фантастов, которое описывает весьма страшные последствия для общества и личности». Практически все респонденты в числе главной угрозы назвали роботизацию, сокращение рабочих мест и безработицу: «молодым специалистам и так трудно устроиться на работу, а тут еще и роботы будут нашими конкурентами».

Возможно, что эти опасения молодых людей имеют основания. По результатам исследования С.Земцова, на основе методики международных сопоставлений, доля потенциально автоматизируемых рабочих мест в регионах России составляет 44%, что ниже, чем в большинстве развитых стран. Часть работников могут оказаться не готовыми к переобучению, к конкуренции с роботами, соответственно существует вероятность их исключения из хозяйственной деятельности [1].

Важность и сложность вопросов цифровой трансформации общества молодые люди для себя видят в том, что они не могут в полной мере опираться на опыт предыдущих поколений, «являются первопроходцами», они осознают, что лишены естественных ориентиров и вынуждены черпать социальный и профессиональный опыт самостоятельно.

Размышляя о перспективах своей профессиональной деятельности в условиях развития цифрового общества, только треть выразила желание создать свой бизнес и заниматься предпринимательством. Большинство выразили желание иметь стабильную работу и заработок, не связанный с рисками, неопределенностью. Оценивая качество своего образования и его соответствие потребностям цифровой экономики, практически все высказали мнение, что образование «очень оторвано от реальной практики, нам приходится учиться в другом месте».

Следует отметить, что российские вузы в ходе преобразований пытаются найти достойный ответ на запросы времени. Во всех флагманских университетах начали реализацию образовательных программ, направленных на подготовку технологических предпринимателей и менеджеров по инновационному развитию предприятий. В Байкальском федеральном университете с 2017 года реализуется программа прикладного бакалавриата «Высокие технологии и инновационные бизнес-системы». В учебном плане указано, что данная программа готовит к управленческой и предпринимательской деятельности.

Среди ключевых компетенций заявлены способность оценивать экономические и социальные условия осуществления предпринимательской

деятельности, выявлять рыночные возможности и формировать новые бизнес-модели. Дисциплины, которые предлагаются студентам, говорят о нацеленности на самые передовые практики и технологии: квантовая информатика, искусственный интеллект и робототехника, практическое применение нейронных сетей, аддитивное и автоматизированное производство.

В Высшей школе экономики реализуются магистерские программы «Бизнес-информатика» и «Информационная бизнес-аналитика». Основными компетенциями выпускников являются анализ процессов деятельности компании и определение потребностей их реинжиниринга. В Тюменском государственном университете совместно с индустриальным партнером открыта программа магистратуры «Концептуальный инжиниринг месторождений нефти и газа».

Важное значение имеет практический опыт, который получают студенты во время обучения. Предпринимательской деятельности невозможно научить, но можно создать условия для того, чтобы она осуществлялась. Одним из таких решений для университетов может стать модель «Проектного бакалавриата», которая предполагает участие студентов в реальных проектах организаций, коллективное выполнение работы.

Анализ кейсов и новых социальных практик позволяет сделать вывод, что в России необходимо развивать институциональную среду, формировать институты компенсирующего развития. Немецкая академия наук и инженерии Acatech представила в 2017 году результаты исследования «Индекс зрелости для индустрии 4.0». Он характеризует готовность предприятий к переходу на уровень четвертой промышленной революции. У каждого предприятия путь в цифровую экономику может быть разным, но в целом они должны пройти шесть ступеней: компьютеризация, сетевое взаимодействие, обозримость, прозрачность, прогнозирование и адаптивность. При восхождении по этим ступеням поведение сотрудников имеет не меньшее значение, чем технологии и организация производства. Необходимо изменить ментальность отдельного человека, должна быть создана такая культурная и социальная атмосфера, которая позволит реализовать преимущества новой экономики.

В завершении хочется отметить, что цифровой переход – это комплексная междисциплинарная задача для исследователей, инженеров, предпринимателей и управленцев. Цифровой переход в России сдерживают старые модели организации управления, отсутствие у персонала компаний готовности к инновациям, способность к реальному обучению и переобучению в течение всей жизни. Для того, чтобы решить эти задачи, необходимо существенно трансформировать все базовые институты, и первую очередь образование. Студенты должны как можно раньше получать необходимые компетенции и иметь возможность реализовать свои бизнес-проекты. Помимо осмысления институциональных условий для серийного технологического предпринимательства требуют дальнейшего изучения вопросы социальной

адаптации населения к вызовам цифровой экономики, организации эффективной системы непрерывного образования, освоения новых компетенций и развития навыков в интерактивном пространстве цифровой экономики. Практическая значимость продолжения исследований в этом направлении очевидна.

Список литературы:

1. Земцов С. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительной оценки // Вопросы экономики № 7, 2017 г.
2. Как создать цифровое предприятие: 6 шагов на пути к индустрии 4.0.
3. <http://www.tadviser.ru/index.php>
4. Ковалевич Д.А., Щедровицкий П.Г. Конвейер инноваций <http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/05/SHHedrovitskiy-P.G.-Konveyer-innovatsiy.pdf>
5. Кудрин: Россия нуждается в десятках тысяч блокчейн-специалистах <https://forklog.com/kudrin-rossiya-nuzhdaetsya-v-desyatkah-tysyach-blokchejn-spetsialistov/>
6. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 / <http://www.aetp.ru/news/item/410256>
7. Ритуальная реальность: как заработать на автоматизации похорон. http://www.rbc.ru/own_business/13/07/2017/5964c2629a7947dd1d32bff0?from=newsfeed
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М: Эксмо, 2007 г.

УДК 316.4 ББК 60.54

Клименко Людмила Владиславовна –
д-р социол. наук, профессор, Южный
федеральный университет
г. Ростов-на-Дону e-mail: lucl@yandex.ru

ПРЕКАРИАТИЗАЦИЯ ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Ключевые слова: прекариатизация, школьные учителя, мегаполис, трудовая нагрузка.

В процессах поддержания социетальной целостности общества через воспроизводство и трансляцию нормативных ценностных установок и моделей поведения большую роль играет профессиональная деятельность представителей социально-ориентированных профессий (педагогов и врачей). В советском обществе данные профессиональные группы обладали общественным престижем, социально-трудовыми гарантиями и достаточным уровнем материальной обеспеченности. Переформатирование в перестроечное время социальной структуры российского общества вызвало нисходящую групповую мобильность целых социально-профессиональных страт, деятельность которых была напрямую связана с поддержкой государственной власти и обеспечением ее легитимности. Экономические позиции учителей и врачей, престиж данных профессий, работа систем образования и здравоохранения в целом вошли в фазу кризисного развития.

В последние годы начала меняться социальная политика в области образования и медицинского обслуживания. Растет оплата труда педагогов и врачей, реализуются социальные программы их поддержки, активизируется официальная риторика по повышению престижа данных профессиональных групп. Государственная власть осознает, что стабильная и эффективная работа данных институтов социализации и здравоохранения, являются важнейшими с точки зрения воспроизводства макроуровневой целостности общества. Поэтому деятельность педагогов и врачей в последние годы подвергается значительным трансформациям.

В частности, реформирование институтов образования и здравоохранения в России [4, 5] вызывает значительные изменения условий и содержания труда педагогов и врачей. Внедряются новые стандарты и требования, регламентирующие их работу, вводится новая система оплаты

труда, усиливается бюрократический контроль и увеличивается количество административной нагрузки, без увеличения заработной платы [1, 3]. Ухудшение социально-трудового положения большой массы работников, рост их социальной незащищенности и нестабильность на рынке труда описывается в научной литературе как процессы прекариатизации [2, 6].

В этой связи коллективом ученых Южного федерального университета в рамках исследовательского проекта «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества» было проведено прикладное социологическое исследование представителей социально-ориентированных профессиональных групп (врачей, учителей). В рамках данной статьи рассмотрим результаты исследования в части оценки профессиональными группами социально-трудовых условий и рисков их работы.

Выборка социологического опроса - квотно-пропорциональная, статистическая погрешность исследования не превышает 4-5%.

В российских мегаполисах весной 2017 г. были опрошены по стандартизированной анкете 948 учителей школ Москвы, 618 педагогов Ростова-на-Дону и 488 учителей Казани. Все респонденты работают в бюджетных организациях¹.

В Москве педагоги-женщины составили 89%, что обусловлено общими высокими показателями феминизации профессии, имеют высшее образование 93% опрошенных. Русскими по национальности являются 99% респондентов. Преподают в школе гуманитарные дисциплины – 42% педагогов, естественнонаучные предметы – 40%, другие предметы – 18%.

В Ростове-на-Дону было опрошено 94% учителей-женщин, с высшим образованием 95% респондентов. Русскими по национальности являются 97% респондентов. Преподают в школе гуманитарные дисциплины – 50% учителей, естественнонаучные предметы – 31%, другие предметы – 19%.

В Казани было опрошено 82% педагогов-женщин, с высшим образованием 97% респондентов. 51% опрошенных педагогов являются по национальности татарами, 35% – русскими. Преподают в школе гуманитарные дисциплины – 46% учителей, естественнонаучные предметы – 35%, другие предметы – 19%.

Другие параметры выборки исследования представлены в таблице 1.

---

¹ Критерии отбора респондентов: 1) место работы респондентов - городские бюджетные школы, расположенные в разных районах города (30-35% - в центре города, 70-65% в спальных районах); 2) гимназии, лицеи - от 10 до 15% от общей численности школ; 3) средние общеобразовательные организации (МБОУ СОШ) - 85-90%.

Таблица 1.

Выборка социологического опроса учителей российских мегаполисов.
Распределения групп опрошенных по возрасту и стажу работы, %

Населённый пункт	Возраст					Стаж работы				
	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	До 5 лет	5–10 лет	11–20 лет	21–30 лет	Более 30 лет
Москва	19	24	35	20	19	16	13	30	31	10
Ростов-на-Дону	22	23	36	16	22	18	11	25	33	13
Казань	15	21	36	23	5	15	16	28	31	10

По стандартизированной анкете было опрошено 468 врачей, работающих в бюджетных больницах г. Москвы, и 402 врача – в Казани¹.

В Москве было опрошено 39% врачей-мужчин и 61% – женщин. Русскими по национальности являются 98% респондентов. 68% опрошенных имеют высшее образование, 29% – прошли обучение в ординатуре/интернатуре, 3% – имеют ученую степень.

В Казани в исследовании врачебного корпуса медицинских учреждений приняло участие 39% мужчин и 61% – женщин. Русскими по национальности являются 37% респондентов, татарами – 62%. 67% опрошенных имеют высшее образование, 28% – прошли обучение в ординатуре/интернатуре, 5% – имеют ученую степень.

Таблица 2.

Выборка социологического опроса врачей российских мегаполисов.
Распределения групп опрошенных по возрасту и стажу работы, %

Населённый пункт	Возраст					Стаж работы				
	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	До 5 лет	5–10 лет	11–20 лет	21–30 лет	Более 30 лет
Москва	14	27	27	26	6	10	19	32	34	5
Казань	11	27	31	24	8	12	15	33	32	8

¹ Критерии отбора респондентов: 1) категория врачей в исследовании – это лица, получившие высшее медицинское образование по соответствующей специальности и работающие в медицинском учреждении; 2) место работы респондентов – городские бюджетные больницы, расположенные в разных районах города (30-35% - в центре города, 70-65% в спальных районах), в медицинских учреждениях разного профиля (терапевтические, хирургические и травматологические, педиатрические, профилактические и пр.); 3) профиль работы: терапевты - 10-15%, педиатры не менее 10%, хирурги - не менее 5%, врачи скорой медицинской помощи – не менее 5%.

Анализ результатов исследования. В социологическом опросе ставилась задача анализа восприятия педагогами и врачами своего социального и экономического положения. Респондентам предлагалось оценить базовые аспекты своей жизни по 5-ти балльной шкале (здоровье, достаток, отдых и пр.).

Эмпирические замеры показали, что удовлетворенность учителей и врачей данными параметрами в большинстве случаев невысокая. На этом фоне удовлетворенность столичных педагогов и докторов по всем позициям немного выше, чем провинциальных респондентов. Интегрированный средний показатель в группе учителей составляет 3,9 в Москве, 3,2 в Ростове-на-Дону и 3,4 в Казани. В сегменте врачей данный показатель равен 3,7 в российской столице и 3,5 в Казани.

Если смотреть по отдельным позициям, то больше всего удовлетворены педагоги трех городов тем, как складывается их жизнь в целом (4,0 средних балла в первой группе, 3,7 – во второй, 3,8- в третьей). Средние оценки педагоги выставляют своему здоровью (3,9 : 3,5 : 3,4), жилищным условиям (3,8 : 3,3 : 3,8), жизненным перспективам (3,8 : 3,2 : 3,4 соответственно). Заметная разница в оценках удовлетворенности московских учителей в отношении качества отдыха (3,8 в Москве против 2,8 в Ростове и 2,9 в Казани) и уровня материального достатка (3,8 против 2,8 и 3 соответственно). (Табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос «Оцените различные стороны своей жизни по 5-ти балльной шкале, где 1 – полностью не удовлетворен, а 5 – полностью удовлетворен» (средние баллы)

	Опрос учителей			Опрос врачей	
	Москва	Ростов-н/Д	Казань	Москва	Казань
здоровье	3,9	3,5	3,4	3,9	3,7
достаток	3,8	2,8	3,0	3,5	3,2
жилище	3,8	3,3	3,8	3,6	3,6
отдых	3,8	2,8	2,9	3,5	3,3
жизненные перспективы	3,8	3,2	3,4	3,7	3,6
то, как складывается жизнь в целом	4,0	3,7	3,8	3,8	3,7

Результаты исследования фиксируют, что в столице и крупном провинциальном городе степень прекариатизации труда социально-ориентированных профессиональных групп различная.

В Москве от 36% до 46% педагогов указывают на рост трудовой нагрузки. Тогда как в Ростове-на-Дону от 64% до 76%, а в Казани от 65% до 81% учителей фиксируют увеличение объема выполняемой ими работы.

Московские и казанские педагоги чаще всего отмечают рост работы по подготовке и проведению уроков и увеличение нагрузки по внеурочной работе. Ростовские учителя чаще указывают на значительный рост административной нагрузки, заполнение разного рода отчетности. (Табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов групп респондентов на вопрос «Как изменилась Ваша трудовая нагрузка за последние 1-2 года?», Опрос учителей (один ответ, %)

Трудовая нагрузка	Москва			Ростов-н/Д			Казань		
	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась
работа по подготовке и проведению уроков (освоение ФГОС, новые формы и методы обучения)	13	40	46	3	27	70	2	17	81
административная нагрузка, отчетность	8	56	36	3	21	76	1	31	68
индивидуальная работа с обучающимися	4	58	38	3	31	66	3	32	65
нагрузка по внеурочной работе (воспитательные, творческие, спортивные и др. мероприятия)	6	54	40	6	30	64	1	29	70

Проведенные опросы медицинских работников выявляют, что и в Москве и в Казани большинство врачей фиксируют рост трудовой нагрузки за последние 1-2 года. Больше всего увеличился объем служебных обязанностей, выполняемых задач (80% - в первой группе и 67% - во второй). Рост административной нагрузки, заполнения отчетности отмечают 57% московских врачей и 78% – казанских. Большее число московских докторов, чем казанских респондентов, отмечают рост трудовой нагрузки, которая не связана с их должностными обязанностями (66% против 46%). (Табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов групп респондентов на вопрос «Как изменилась Ваша трудовая нагрузка за последние 1-2 года?», Опрос врачей (один ответ, %)

Вариант ответа	Москва			Казань		
	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась
выполнение служебных обязанностей, объем выполняемых задач	2	18	80	1	32	67
административная нагрузка, отчетность	0	43	57	2	20	78
деятельность, не связанная с должностными обязанностями	2	32	66	1	53	46

Таким образом, реформирование институтов школьного образования и медицинского обслуживания населения связано с ростом административной нагрузки на учителей и врачей, ростом бюрократического контроля, что в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений сказывается на социальном и профессиональном самочувствии социально-ориентированных профессиональных групп.

Как показали результаты эмпирического исследования, школьные учителя и врачи бюджетных больниц оценивают базовые стороны своей жизни по пятибалльной шкале скорее на удовлетворительно. Подавляющее большинство опрошенных всех групп фиксируют увеличение в последние годы всех видов трудовой нагрузки. На этом фоне, педагоги провинциальных городов по сравнению со столичными учителями более низко оценивают качество своей жизни и материальный достаток, острее ощущают рост трудовой нагрузки. Тогда как московские и казанские врачи достаточно близки в своих оценках.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Список литературы:

1. Александрова О.А. Реформа бюджетных учреждений: мнение пациентов и врачей // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3.
2. Клименко Л.В. , Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1.

3. Кулагина Е.В., Елисеева М.А. Ресурсы педагогических работников школ на этапе модернизации образования: опыт Москвы, России и развитых стран // Социологические исследования. 2014. № 4

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 г. № 2190-р (ред. от 14.09.2015) «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы».

5. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

6. Klimenko L.V., Posukhova O.Y.) Signs and Scope of Precarization of Labor Relations in Modern Russia // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Volume 11. Issue 18.

УДК 314.74 ББК 60.59

Куприна Тамара Владимировна –

канд. пед. наук, доцент,

Уральский федеральный университет,

г. Екатеринбург

e-mail: tvkuprina@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ КАК СУБЪЕКТА МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: академическая среда, имидж, модернизация, потенциал

Современные глобальные проблемы вызывают ряд крупнейших трансформаций во всех сферах жизнедеятельности социума. Однако следует отметить, что, говоря о системе создания комфортных условий для проживания на данной территории, в основном имеют в виду технические, политические, экономические, правовые аспекты, часто недооценивая гуманитарную составляющую: человеческий фактор. Однако именно он создает те условия, которые оказывают влияние на все остальные сферы жизни социума, в том числе и на развитие отдельных территорий.

Для обеспечения конкурентных преимуществ территории необходимо формирование ее положительного имиджа, что является важным экономическим ресурсом, «основополагающим фактором продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений» [1, с. 157].

В данном случае правомерно говорить о маркетинге территории. Причем, известный маркетолог Ф.Котлер, принимает во внимание, прежде всего, человеческий фактор и определяет «имидж места как сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места» [5, с.205].

Отечественные исследователи также обращают внимание на гуманитарную составляющую. Так, И. Черная пишет об имидже территории как «совокупности эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа» [9, с.426].

А. Дружинин предлагает анализировать территорию глобализирующегося общества по трем параметрам: культурному, политическому и экономическому [3, с.74].

Однако следует учитывать как объективное, так и субъективное восприятие территории, которое также может формировать ее определенный

имидж. Причем, восприятие одной и той же территории может быть различным, что зависит от приобретенного субъективного опыта.

Таким образом, как отмечает И.С. Важенина, «имидж территории – это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [1, с. 169].

Следовательно, имидж территории тесно связан с ее репутацией «с точки зрения групп (подгрупп) целевой аудитории – это предлагаемый регионом комплекс реальных возможностей и подтвержденных практикой гарантий реализации существенных интересов и потребностей членов этих групп, а именно: реальные и вероятные потребители территорий заинтересованы в наиболее эффективном использовании конкурентных преимуществ данной территории для жизни, ведения бизнеса, капиталовложений, отдыха, учебы и т.д. данного контрагента» [1, с. 179].

В свою очередь, репутация территории связана с понятием «потенциал» (лат. *potentia* – сила), т.е. средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи» [1, с. 179].

В этой связи можно говорить об активизации человеческого потенциала, который в перспективе может становиться человеческим капиталом данной территории, создающим и реализующим ее остальные преимущества. Следовательно, необходима модернизация не только технологического уклада, но и системы общественных отношений, ценностей, норм поведения.

Как отмечают Ю.С. Емельянов и А.А. Хачатурян, «главным предметом любой эффективной модернизационной концепции остается само общество, призванное обеспечить политическую и социально-экономическую среду, адекватную к регулярному воспроизводству новых технологий. ... Как правило, модернизация означает серьезную трансформацию сложившейся социокультурной национальной традиции. ... Необходимым условием модернизации служит единство социальной, идеологической и культурной мобилизации развивающегося общества» [4, с. 15–19].

Причем, модернизация может осуществляться по различным моделям:

Западная модель как длительный и сложный путь догоняющего запад развития (Греция, Португалия).

Самобытная модель без тотальной вестернизации сознания и культуры (Япония).

Догоняющая (анклавная) модель с попыткой вестернизации национальной экономики и культуры, но из-за недостатка технических и человеческих ресурсов приводящая к образованию городов-анклавов (Рио-де-Жанейро в Бразилии, Стамбул в Турции, Москва и Санкт-Петербург

в России), что ведет к частичной модернизации отдельных городов с усилением социальной напряженности на периферии.

Национальные модели модернизации (авторитарные капитализмы). Сочетающие западную модель и собственную культуру с учетом национальных нужд страны, т.е. внедряющие некоторые западные достижения, но без рекультивации (Сингапур, Южная Корея, Китай).

Американский социолог А. Тойнби связывает данные модели с проявлением системности культуры, подчеркивая, что любая культура – это неразрывное целое, где все части взаимосвязаны. «Все отдельные элементы культурного пространства имеют глубинную внутреннюю связь между собой, так что, отбрасывая старую и привычную технологию и овладевая новой и чужой, нельзя удержать изменения на чисто технологическом уровне, они будут проникать все глубже, подтачивая исконную культурную традицию и завоеывая все новые и новые пространства для пришлой культуры, которая продвигается шаг за шагом, проникнув через щелку, пробитую клином техники» [8, с.177-178].

В настоящее время в российском обществе корпоративно-культурные предпочтения больше определяются западным типом (индивидуализм, профессиональная амбициозность, рациональное поведение). Однако в социокультурной среде налаживаются клановые и неформальные отношения, образуются землячества (анклавы) как внутренних, так и внешних мигрантов. Это обусловлено невозможностью усреднения социо-культурных параметров, ассимиляцией всех 85 регионов России только под русскую культуру. Таким образом, может наблюдаться определенное противоречие между структурообразующей ценностной российской модернизацией в целом и национальными моделями регионов и территорий.

Мировой опыт показывает, что практически все полиэтнические страны в период модернизации переживают очень непростую социальную трансформацию, сопровождающуюся ломкой традиционного национального сознания.... В условиях полиэтничного и мультикультурного общества модернизационные проекты, каждый из которых связан с развитием определенной (базовой) национальной культуры, протекают особенно сложно и многопланово, что обусловлено включением в этот процесс в дополнение к базовой, структурообразующей культуре и других национальных идентичностей [4, с.49-50].

Так, при реализации проектов необходимо принимать во внимание формирование новой российской идентичности и культуры, сочетающих общие и национальные ценности и традиции. Одним из крупных проектов по модернизации образовательной системы в России является создание федеральных университетов, аккумулирующих не только технические средства и прорывные разработки новых технологий, но и создающих международную академическую среду.

В данном контексте можно говорить о социализации, т.е. определенном приспособлении (адаптации) человека или группы людей к новой социокультурной среде. Следовательно, существует необходимость обеспечения условий, удовлетворяющих потребности и интересы международного академического сообщества и способствующих достижению жизненно значимых целей.

Расширенный формат академической миграции включает в себя не только студентов, но и аспирантов, докторантов, слушателей подготовительных и языковых курсов, семинаров, стажировок, т.е. является миграционным потоком, обусловленным получением образования в широком смысле этого слова [2]. В миграционном потоке образовательная миграция в России занимает третье место после трудовой миграции и переселения соотечественников.

Исследователи образовательной миграции доказывают, что с каждым годом между странами и университетами возрастает конкуренция за образовательных мигрантов, поскольку иностранные студенты - это и «норма межгосударственного сотрудничества», и «мягкая сила» в контексте геокультурного пространства, и будущие «качественные трудовые мигранты» (молодые, встроенные в социо-культурный контекст). Увеличение в общем миграционном потоке доли образовательной миграции обеспечивает большую управляемость иммиграционным процессом, следовательно, образовательная миграция может считаться важной составляющей в концепции безопасности любого государства [6].

Следовательно, перед российской системой образования остро стоит вопрос оптимизации жизни и учебы студентов-иностранцев, которые проходят через сложный процесс адаптации к новым условиям их жизнедеятельности.

Несомненно, большое значение для привлечения иностранцев на учебу имеет качество бытовых условий студентов, так как в каждой стране существуют свои особенности повседневного быта и студентам-иностранцам приходится осваивать отличающиеся от привычных для них нормы и правила поведения, общения, ведения хозяйства. Немаловажную роль играет языковой барьер иностранных студентов. Для совершенствования процесса обучения иностранных студентов в российских вузах необходимо формирование их профессионально-языковой компетенции [7, с. 157].

Для определения конкретных проблем адаптации академической миграции нами было проведено исследование иностранных студентов. Выборка состояла из 40 человек из 20 стран, поступивших в 2015 году в Уральский федеральный университет (УрФУ). Результаты исследования показали, что 37 человек из 40 имеют проблемы в межкультурном общении, связанные с недостаточным знанием иностранного языка или сложностями адаптации в инокультурной среде, что сказывается и на продуктивности учебного процесса.

По мнению самих студентов и аспирантов, если университет предлагает программы по обмену, то, прежде всего, необходимо указать четкие цели и язык обучения, что способствовало бы более точному подбору учебной программы. Кроме того, иностранные студенты нуждаются в точном описании среды обучения. Роль университета состоит в создании равной не дискриминационной среды, объединяющей студентов разных культур на одной платформе с целью обмена разнообразным культурным опытом, креативными идеями [10, с. 101–102].

Для успешной адаптации студентов в зарубежных вузах существуют различные механизмы социализации. Если рассмотреть европейский опыт, то необходимо упомянуть о Buddy Building Club (BBC) – это международный волонтерский студенческий клуб. Такой же проект (правда, относительно недавно) существует и в Уральском федеральном университете, «Бадди УрФУ»; самостоятельным проектом является и создание Студенческой организации объединенных наций (СООН).

Принимая во внимание теоретические положения, упомянутые выше, и практические результаты нашего исследования, академическую миграцию необходимо рассматривать как возможный источник человеческого потенциала с последующим формированием качественного человеческого капитала на принимающей территории.

Однако при оценке комфортности территории для приема академической миграции необходимо учитывать комфортность жилищных условий и их расположенность к социально значимым объектам. Отдельное внимание необходимо уделять качественному медицинскому обслуживанию, т.к. это связано со сложностями адаптации к климатическим условиям самих студентов-иностранцев; кроме того, иностранные студенты могут быть носителями несвойственных данной территории болезней. Необходимо также создание условий для адаптации к новым культурным традициям и нормам поведения, профилактика этнических конфликтов, учитывая компактное расселение по типу землячеств (анклавов). Вышеуказанные студенческие организации, несомненно, помогают своим сверстниками адаптироваться на принимающей территории. Однако этого недостаточно. Благоустройством и поддержкой академической миграции, т.е. качественного человеческого потенциала, а впоследствии человеческого капитала, что социально и экономически значимо, должны заниматься и официальные городские учреждения.

Таким образом, можно сказать, что меняется не только природный и технический ландшафт, но и, влияющий на них, человеческий фактор, который приобретает все большее значение, определяя особенности модернизации территорий.

Список литературы:

1. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 408 с.
2. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России // Доклад на заседании Научного Совета ФМС России, 2009. URL: http://www.fms.gov.ru/about/science/science_session/forth/vih.pdf (дата обращения: 10.06.2015).
3. Дружинин А.Г. Пространственная организация города-миллионера: особенности эволюции в контексте глобализации и регионализации // Пространственная организация общества: сб. науч.тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. экон. ут-та, 2007. С.74.
4. Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Человеческий капитал в модернизации России: Институциональный и корпоративный аспекты. М.: Едиториал УРСС, 2014. 416 с.
5. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. 390 с.
6. Красинец Е. С. Международная миграция населения России в условиях перехода к рынку. М.: Наука, 2012. 231 с.
7. Сергеева Л.В. Влияние демографических процессов на развитие образовательной миграции в России // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 157
8. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: АСТ: Астрель, 2011. 318 с.
9. Черная И.П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 4 С. 426.
10. Abidullah, Драчева Г.И. A touch to a broad topic: The role of intercultural communication in sharing ideas and experiences among students. // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. студентов и аспирантов. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2017. С. 99–103

Статья подготовлена при поддержке РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

УДК 37.013.42 ББК 74.6

Лукашкова Ирина Леонидовна –
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова,
г. Могилев
e-mail: fire83@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: киберпространство, насилие, дети, предупреждение.

Насилие над детьми – распространенное явление, которое не знает ни политических, ни культурных, ни экономических, ни технологических границ. В самых различных отношениях дети могут быть уязвимы для разнообразных форм насилия, которые угрожают их физическому здоровью и психологическому состоянию. Совершенно новым явлением современного общества выступает такая форма насилия над детьми как насилие в киберпространстве, которое предполагает иное понимание глубины и распространенности данного феномена, а также потенциального вреда, который могут нести информационные и коммуникационные технологии детям.

Виртуальным пространством (киберпространством) называется «глобальное информационное пространство, которое включает Интернет, Всемирную сеть и другие аналогичные компьютерные сети и системы, в которых происходят телефонные разговоры, чаты, онлайн-дискуссии и другие виды электронных коммуникаций» [1, с. 18]. На сегодняшний день взаимодействие в виртуальном пространстве, известном как киберпространство, стало неотъемлемой частью жизни современных людей, и в особенности, детей. В виртуальном пространстве дети общаются с друзьями и сверстниками, доверяют им свои секреты, заводят новых друзей, узнают и вырабатывают системы ценностей, занимаются поиском необходимой информации [2].

Однако, несмотря на положительное влияние новых компьютерных технологий, на самом деле виртуальное пространство далеко не безопасно, и в силу некоторых особенностей, оно может оказывать вредное воздействие, особенно на детей. Такими специфическими особенностями киберпространства являются:

- близость – киберпространство облегчает установление тесного контакта между людьми, которые ранее могли не знать друг друга;

- доступность – киберпространство предоставляет посторонним людям возможность устанавливать контакт с детьми без надзора взрослых;
- скорость – ввиду высокой скорости, с которой передаются данные в киберпространстве, происходят взаимодействия и развиваются отношения;
- идентичность – в киберпространстве люди могут действовать анонимно;
- масштабность – обширность киберпространства и большое число людей, посещающих расположенные в нем сайты, означает, что вред, причиненный ребенку, умножается очень быстро;
- объем – киберпространство предлагает доступ к большому числу потенциальных жертв, а также к огромной библиотеке материалов, относящихся к сфере насилия;
- постоянство – материалы, размещенные в киберпространстве, очень трудно удалить;
- социальное подкрепление – киберпространство облегчает создание обособленных социальных сетей, где лица могут найти одобрение своим антисоциальным и преступным взглядам оправдание;
- реальность и нереальность в киберпространстве [1].

Из-за этих специфических особенностей дети подвергаются риску насилия над ними в киберпространстве. Обмены, происходящие в этом пространстве, одновременно происходят и в реальных местах и имеют последствия, выходящие за пределы их виртуальных границ. Киберпространство отражает также те крайности человеческого поведения, что и в реальном пространстве, где дети уязвимы для вреда и насилия, причиняемого им другими лицами. Дети и подростки сталкиваются с опасностями в виртуальной среде так же, как и в среде реальной. Однако тот вред, который причиняется их физическому и психическому здоровью, часто формируется под воздействием специфических факторов, которые не действуют в реальной среде [3]. Насилие в виртуальном мире инициируется с помощью психологического воздействия со стороны взрослого или сверстника, который может быть знаком или неизвестен ребенку, предназначенному стать объектом насилия. Этот человек использует силу и влияние, чтобы оказать вредное воздействие на ребенка. Это взаимодействие может привести и приводит к угрозе насилия или к фактическому насилию в реальном мире. В виртуальном мире вредное и ведущее к насилию взаимодействие имеет неявный характер благодаря использованию новых технологий.

На сегодняшний день проблема насилия над детьми в киберпространстве достигла масштабных размеров. Все большее количество детей и подростков подвергается таким формам насилия в киберпространстве как производство, распространение и использование материалов, изображающих сексуальное насилие над ребенком; онлайн-овое приставание или «обхаживание» (завоевание доверия ребенка с целью завлечь его в такое положение, где ему

может быть причинен вред); показ несоответствующих возрасту, незаконных или вредных материалов, которые могут причинить психологический вред, привести к физическому вреду либо способствовать иному ущербу по отношению к ребенку или подростку; домогательство и запугивание, включая преследование [4, 5]. Каждая из этих форм насилия обладает специфическими особенностями воздействия на детей и оказывает разрушающее воздействие на физическое и психическое состояние ребенка.

Актуальность проблемы насилия над детьми в киберпространстве подтверждают результаты исследования компании Microsoft, проведенной с целью изучения использования интернета детьми. Только 15% родителей догадываются о том, что дети, использующие Интернет, наталкиваются на материалы сексуального содержания; 40% детей, использующих Интернет, общались с людьми, которые предлагали им приватные встречи, 14% из этих детей действительно намеревались осуществить эти встречи; каждый пятый подросток являлся объектом настойчивых сексуальных домогательств; каждый четвертый был против своей воли вовлечен в просмотр фотографий нецензурного содержания; каждый семнадцатый подросток становился объектом угроз и преследований [6]. Несмотря на всю очевидность поощряемого информационными технологиями насилия над детьми, особенности того вреда, который наносится в виртуальной среде и посредством нее, полностью не осознаются. Проблема насилия над детьми в киберпространстве становится острее с каждым годом во многих странах мира. Несовершеннолетние жертвы этой формы насилия появляются и в Европе, и в Америке, и в странах СНГ, не исключение – и Беларусь. Очевидно, что необходимо предпринимать комплексные меры по предупреждению данного явления. Особо важная роль в решении данной проблемы принадлежит социально-педагогической деятельности. Так организация социально-педагогической работы по предупреждению насилия над детьми в киберпространстве может осуществляться по следующим направлениям:

1. Информационно-просветительская работа с родителями. Особо важным аспектом предупреждения насилия над детьми в киберпространстве является информационно-просветительская работа, направленная, прежде всего, на родителей, поскольку именно на семью возлагается основная ответственность за создание нормальных условий для жизни и развития детей, в том числе обеспечение их безопасности.

2. Организация образовательно-просветительской работы с учащимися по предупреждению насилия в киберпространстве. Формирование информационной культуры учащихся по данной проблеме является важной профилактической мерой предупреждения насилия над детьми в киберпространстве. Превентивные меры необходимо вводить в учреждениях

образования как можно раньше, систематически включая тренинговые модули в учебные планы.

3. Повышение квалификации учителей по проведению образовательно-просветительской работы по предупреждению насилия над детьми в киберпространстве. В большинстве случаев учителя не обладают необходимыми знаниями и навыками для проведения профилактической работы по данной проблеме.

4. Включение в профилактическую работу по преодолению насилия над детьми в киберпространстве всех служб, имеющих отношение к воспитанию детей, защите их прав, в том числе права на сохранение жизни и здоровья.

5. Создание соответствующих структур и подготовка квалифицированных специалистов по социальной помощи детям, пострадавшим от насилия в киберпространстве, и их семьям. В Беларуси не хватает соответствующих структур, и особенно специалистов, по социальной помощи детям, пострадавшим от насилия в киберпространстве, и их семьям: специалистов по социальной работе, педагогов, психологов и других, которые должны работать с жертвами насилия. Данных специалистов необходимо обучать навыкам оказания помощи детям – жертвам насилия в рамках получения ими высшего образования по своей специальности, либо в обязательном порядке отправлять на курсы повышения квалификации в данной области.

6. Разработка соответствующих законодательных актов по предупреждению и ликвидации всех форм насилия над детьми в виртуальном пространстве.

Создание эффективной системы социально-педагогической работы по предупреждению насилия над детьми в киберпространстве позволит не только сократить угрожающие масштабы данного явления, но и избежать опасных последствий большому количеству детей и подростков.

Список литературы:

1. Насилие над детьми в киберпространстве: [Электронный ресурс] // Международная организация ЕСПАТ. 2005. URL: http://www.ecpat.net/ei/Publications/ICT/Cyberspace_RUS.pdf. (Дата обращения: 15.11.2012).

2. Бейнс В. Сексуальное насилие над детьми в Интернете: правовой ответ Третий Мировой Конгресс против сексуальной эксплуатации детей и подростков: [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.ecpat.net/worldcongressIII/PDF/Publications/ICT_Law/Thematic_Paper_ICTLAW_RUS.pdf. (Дата обращения: 15.11.2012).

3. Торговля детьми, детская проституция и детская порнография: [Электронный ресурс] // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. 2010. URL: <http://www.ungift.org/doc/knowledgehub/doc/knowledgehub/>

OHCHR/OHCHR_Special_Rapporteur_on_the_sale_of_children_General_Assembly_russian.pdf. (Дата обращения: 20.11.2012).

4. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие: [Электронный ресурс] // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. 2009. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/12session/A-HRC-12-23_ru.pdf. (Дата обращения: 20.11.2012).

5. Городское Общественное объединение по предупреждению жестокого обращения с детьми «Дети – не для насилия»: [Электронный ресурс] // Международная организация ЕСПАТ. 2009. URL: http://nonviolence.iatp.by/organisation/news_archive.htm. (Дата обращения: 15.11.2012).

6. Смагина Л.И. Исследование по проблеме торговли людьми с целью детской порнографии / Л.И.Смагина, М.В. Пряхина – Минск: Тесей, 2011. – 104 с.

УДК: 377.3.032 ББК: 60.54

Мищенко Александр Сергеевич –
канд. эконом. наук, эксперт
Общественного объединения
«Непрерывное образование для всех»,
Россия, Санкт-Петербург. e-mail:
Mischenko-al@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЧАЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЕЁ СУЩНОСТЬ, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ЕЁ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: учащаяся молодёжь, профессиональная культура, принципы оценки и факторы развития профессиональной культуры, перспективы исследования профессиональной культуры

Актуальность нашего исследования обусловлена объективными и субъективными обстоятельствами. Она определяется потребностями общественного производства, развитием новой профессиональной культуры специалистов, отмиранием прежних и появлением новых общественных идеалов, характерных для молодых и взрослых граждан России. При этом сама тематика исследования, в силу своей актуальности, была поддержана программными установками Российской академии образования¹. Учитывая это, мы попытались создать социологически обоснованные и одновременно педагогически корректные критерии оценки эффективности протекания указанных процессов. В самом исследовании на его разных этапах участвовали Л.А. Григорьева, В.И. Ключкин, А.В. Мартюшевский, А.С. Мищенко, Л.Г. Набиуллин, А.А. Парыгина и А.И. Скиба.

Данные разработки должны были помочь практикам образования отделять долговременные тенденции в развитии учащихся от скоротечных и сиюминутных ценностных флуктуаций в их мировоззрении, в – их профессиональных и культурных установках.

---

¹ Отметим, что представленный доклад подготовлен на основе результатов, полученных в ходе выполнения многолетнего фундаментального исследования: «Социально-педагогическое и социально-культурологическое обоснование системы формирования профессиональной культуры учащихся в условиях модернизации образовательных и воспитательных процессов» (оно, являясь составной частью более широкого по своей тематике 25-ти летнего социологического и педагогического мониторинга подготовки молодёжи в средней профессиональной школе Санкт-Петербурга, начатого в 1993 году, осуществлялось в рамках Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2005 – 2020 годы).

Мы полагали, что решение данных вопросов должно положительно повлиять на социальный и гуманитарный потенциал отечественного образования. Но особенно это было важно, как показывают наши исследования, для улучшения функционирования профессиональных лицеев и колледжей. Они – вопросы – охватывали широкий спектр проблем изучения. Но мы в своём докладе кратко раскроем только те позиции, которые связаны с социологическими аспектами изучения профессиональной культуры учащихся. Их анализ, помимо всего прочего, как показало наше исследование, сопряжён с познанием тенденций развития социально-гуманитарного потенциала профессиональных лицеев и колледжей, выступающих в качестве особых институтов современного гражданского общества.

Основные позиции доклада, которые рассматриваются нами ниже, связаны с результатами, полученными в ходе нескольких социологических опросов. Здесь нам удалось установить следующее: эффективное формирование профессиональной культуры учащейся молодежи должно быть основано на анализе сложной структуры тенденций, влияющих на её развитие; на – разностороннем понимании её сущности; на – использовании определённых принципов её оценки; на – выявлении реальных перспектив её научного познания и дальнейшего развития.

Структура тенденций, влияющих на формирование профессиональной культуры учащихся. В ходе многолетних исследований нами была установлена определённая структура тенденций, влияющих на профессиональную культуру учащихся лицеев и колледжей производственно-технического профиля. Исследования показали, что в её фундаменте находятся тенденции, вытекающие из формационных сдвигов в российском обществе, а также макротенденции, отражающие развитие современной мировой и отечественной экономики. Они, в свою очередь определяют, в качестве тенденции, степень эффективности гуманитарных – человекоцентрированных – сдвигов в отраслях современного отечественного производства. Над ними надстраиваются тенденции, выражающие особые принципы и специфические положения профессиональной педагогики: последние обуславливаются бурно обновляющимися предметными областями и новыми характеристиками профессиональной деятельности человека.

Сущность профессиональной культуры учащихся. Мы исходим из того, что категория «профессиональная культура учащихся» отражает глубинные проявления общей культуры социума в их базисной сфере развития – общественном производстве. Мы полагаем, что профессиональная культура учащихся лицеев и колледжей – это явление интегративное. По нашему мнению, она может быть представлена в виде особого понятийного дерева. Его «корневой основой» выступает их учебная и реальная профессиональная деятельность, которая в свою очередь вытекает из сущности исторически конкретного общества. Его «стволом – стержнем» является их профессиональное

мастерство, инновационный и творческий потенциал. Его «кроной» – специфическая система профессиональных ценностей и идеалов учащихся. Таким образом, профессиональная культура учащихся лицеев и колледжей включает в себя несколько базовых компонентов. Это: производственный и трудовой компоненты (технология труда → содержание труда → ценность и общественный смысл будущего труда учащихся); профессиональный компонент (базовые профессиональные навыки учащегося → учащийся – профессионал интегративного типа → учащийся – конкурентоспособный выпускник лицея или колледжа); личностный и гражданский компоненты (учащийся как формирующаяся личность → учащийся как социально зрелая личность → учащийся – выпускник как субъект демократической системы современного общества).

Стержневые направления исследования профессиональной культуры учащихся. В своём исследовании мы выделяем три таких направления. В основном и главном они совпадают с её тремя базовыми компонентами, указанными выше. Первое направление раскрывает её объективно детерминированные компоненты. Второе направление – её субъективно детерминированные компоненты. Третье направление – её системно детерминированные компоненты. Они наиболее полно выражают процесс развития профессиональной культуры учащихся.

Базовые аспекты оценки развития профессиональной культуры учащейся молодежи. Данные аспекты связаны с разработкой алгоритмов, во-первых, – диагностики формирования трудовой и педагогической среды учащейся молодежи; во-вторых, – социологического измерения профессиональной культуры учащихся; в-третьих, – проверки адекватности социологических индикаторов её сформированности: личностных характеристик учащихся; их стремления к непрерывному образованию; включённости в профессиональную конкуренцию в качестве элемента их трудового поведения. Это – важнейшие индикаторы сформированности профессиональной культуры учащихся лицеев и колледжей.

В частности, при разработке алгоритмов диагностики формирования трудовой и педагогической среды учащейся молодежи нам удалось раскрыть: тенденции изменения современной педагогической среды лицеев и колледжей; её предметные и организационные характеристики, включая индикаторы её социокультурного потенциала; социологические характеристики становления учащихся в качестве субъектов учебного и реального производительного труда, а также как акторов свободного времени.

При разработке социологических алгоритмов измерения профессиональной культуры учащихся были обоснованы принципы её диагностики: 1) принцип «нелинейности» её изменения во времени; 2) принцип «мультивекторного измерения» её развития; 3) принцип «качественной неравноправности» формирования структуры её компонентов у обучающихся в лицеях и колледжах.

В ходе проверки социологических алгоритмов измерения профессиональной культуры учащихся были получены регрессионные уравнения, раскрывавшие динамику её влияния на ключевые компоненты профессиональной культуры учащихся. Это – уравнения динамики материальных и организационных характеристик педагогической среды лицеев и колледжей; социокультурного потенциала образовательных организаций; репродуктивного и творчески-инновационного поведения учащихся в учебном процессе и реальном производстве¹; качества их свободного времени. Всё это позволило разработать алгоритмы интегральной оценки профессиональной культуры учащихся, раскрыть характер реализации их инновационного и творческого потенциала, их нацеленность на эффективное взаимодействие со всеми акторами образовательного процесса.

В ходе исследования профессиональной культуры учащихся были выявлены, как социологически информативные, следующие показатели: нацеленность учащихся на жизненный принцип «Быть» или «Иметь»; креативность личности – её готовность придать своей жизни новизну; стремление учащихся к социально ориентированному обществу; позиционирование учащимися себя в качестве метапрофессионала; социальной и профессиональной мобильности учащихся; толерантности учащихся к другим социальным группам общества; способности учащихся к профессиональной конкуренции на рынке труда и внутри производства; готовности учащихся к транскультурной динамике; стремления молодежи к обучению в престижном лицее, колледже или Вузе, к – непрерывному образованию в течение всей жизни.

На следующем – экспериментальном – этапе социологического исследования профессиональной культуры учащихся лицеев и колледжей были выявлены три группы социальных, педагогических и личностных факторов, определявших их жизненные установки на «Быть» или «Иметь»; на – непрерывность их образования; на – сущностное понимание ими процессов конкуренции на рынке труда и в сфере производства (смотри таблицу).

---

¹ Под творчески-инновационными характеристиками личности мы понимаем её способности быть субъектом нововведения или новатором (от англ. терминов “innovation”, “innovator” – нововведение, новшество, новаторство, новатор, рационализатор и т.п.).

Влияние факторов социально-педагогической среды
на базовые характеристики профессиональной культуры учащихся лицеев
и колледжей Санкт-Петербурга
(обобщенные данные за 2005 – 2016 г.г., в %)

Группы факторов	Характеристики личности учащихся:		
	Жизненные установки (на «Быть» или «Иметь»)	Нацеленность на непрерывное образование	Сущностное понимание конкуренции
1. Социальные факторы	51,1	23,1	13,7
2. Факторы учебной среды	11,0	26,8	28,9
3. Характеристики личности учащихся	37,9	37,4	59,4
4. Прочие факторы	–	12,7	–
Итого:	100,0	100,0	100,0

Перспективы исследования профессиональной культуры учащихся лицеев и колледжей производственно-технического профиля. Как показало наше многолетнее исследование, для раскрытия сущности формирования современной профессиональной культуры учащихся, взятой в контексте социальной трансформации российского общества, необходимо: выработать подходы, обеспечивающие эффективное взаимодействие компонентов социальной, экономической и педагогической среды как факторов развития профессиональной культуры учащихся и повышения эффективности их специального технического образования; раскрыть закономерности взаимодействия профессионального, гражданского и духовного становления современных учащихся; обосновать социальное и культурное влияние педагогов на жизненные и профессиональные установки учащихся; научиться на практике использовать принципы взаимопроникающего становления культуры всех акторов учебно-воспитательного процесса; овладеть технологиями формирования условий для кристаллизации современных ценностных и смысловых констант профессиональной деятельности не только учащихся, но и самих педагогов лицеев и колледжей.

Как показывают результаты нашей многолетней экспериментальной работы, решение перечисленных задач позволяет не только расширить проблематику научных исследований в области социологии образования вообще, но и повысить отдачу от практикоориентированных социологических технологий познания и совершенствования профессионального образования современной учащейся молодежи.

УДК 316.614 ББК 60.5

Мосиенко Ольга Сергеевна –

к-т социол. наук, ст. преподаватель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

e-mail: mosienko.olga@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессиональная идентичность, выбор профессии, мотивация профессиональной деятельности, образование.

Профессиональная социализация играет важную роль в формировании квалифицированных специалистов в высшей школе. Профессиональная социализация студенческой молодежи - многофакторный и многоуровневый процесс усвоения специальных знаний и компетенций, социальных и профессиональных навыков, норм и ценностей профессиональной культуры с целью развития адаптационно-интегративных характеристик, которые создают необходимый потенциал для эффективного включения индивида в профессионально-трудовую среду, успешного выполнения социальных ролей и профессиональных функций, высокой социальной и профессиональной мобильности.

Можно выделить несколько основных уровней профессиональной социализации студентов:

- индивидуальный (накопление собственного опыта, формирование профессионального мастерства, становление личности как профессионала);
- групповой (реализуется через профессиональную микросреду, то есть тот профессорско-преподавательский и профессиональный коллектив, с которым студент непосредственно взаимодействует);
- институциональный (формирование профессиональных компетенций, профессиональной культуры и базовых основ профессионального взаимодействия. Он предопределяет силу воздействия на индивидуальном и групповом уровнях) [1].

Субъектами профессиональной социализации в высших учебных заведениях являются непосредственно сами студенты, профессорско-преподавательский состав, учебно-вспомогательный персонал, административно-управленческий аппарат, работодатели.

Т.к. выше мы определили профессиональную социализацию студенческой молодежи как многофакторный и многоэтапный процесс, то в его содержании необходимо выделить основные ступени. Так, профессиональная социализация студенческой молодежи – это социальный процесс формирования профессиональных намерений, профессионального выбора, профессионального образования, в период которого происходит формирование специальных знаний и компетенций, социально значимых и профессионально важных качеств личности и профессиональное самоопределение, адаптация индивида к профессионально-трудовой среде, профессиональная идентичность, успешное овладение профессией в условиях конкретного трудового процесса, достижение творчества и мастерства в профессиональной деятельности [4, с. 19].

В процессе взаимодействия молодежи с системой механизмов и агентов профориентационной деятельности, у нее складывается система мотивов предпочтения конкретной сферы профессиональной деятельности, то есть происходит формирование профессиональной направленности. Далее возникает рефлексия личности на интересы и склонности, то есть ее профессиональное самосознание.

Мотивация профессиональной деятельности – это сложный механизм соотнесения личностью внешних и внутренних факторов поведения, который определяет возникновение, направление, а также способы осуществления профессиональной деятельности; динамический процесс, управляющий профессиональным поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои профессиональные потребности.

Выбор профессии включает: сопоставление вероятных положительных и негативных последствий выбора, предвидение его результатов; выработку внутренней позиции, личностного отношения к объективным условиям, создающим ситуацию выбора; формирование профессиональных планов; определение линии профессионального поведения.

В ходе образовательного процесса формируются представления о профессиональных нормах и эталонах поведения, уточняются знания о своих профессиональных возможностях, начинают работать механизмы профессионального саморазвития в плане компенсации недостатков и выработки оптимального индивидуального стиля [2, с. 196].

Критериями «результативности» профессиональной социализации студенческой молодежи можно обозначить освоение основной образовательной программы вуза, сформированность профессиональных качеств, развитие социально-личностных качеств (система ценностных ориентаций, мотивация, профессиональная направленность, жизненные планы и т.д.), профессиональная идентичность (отождествление себя с определенной профессиональной группой, принятие основных групповых норм, ценностей, образцов поведения и др.) [3, с. 95].

Характер последствий профессиональной социализации студенческой молодежи может быть как положительным (успешная трудовая адаптация и интеграция в профессиональное пространство), так и отрицательным (профессиональное исключение - невключенность в профессиональное сообщество). В зависимости от степени действенности профессиональной социализации в вузе, представитель студенческой молодежи или интегрируется в профессиональное сообщество и идентифицирует себя с ним, т.е. распределяется в системе профессиональных связей, занимает определенное положение в социально-профессиональной подструктуре общества, или оказывается исключенным из данного профессионального пространства.

Сегодня в теоретических и прикладных исследованиях социологии профессий и профессиональных групп, все чаще научный интерес распространяется на проблематику формирования и развития профессиональной идентичности. Значительную роль в этом вопросе играет образование в высших учебных заведениях. Одна из первоочередных задач университетского образования, помимо трансляции и формирования знаний, умений, компетенций - становление личности профессионала, содействие его самоидентификации с профессией. Исследование профессиональной идентичности позволяет создать студентам оптимальные условия для осознания себя, своего образа и оптимизировать функционирование профессионала в сфере его деятельности [5, с. 170].

Профессиональная идентичность – это процесс осознания принадлежности и отождествления себя с другими представителями конкретной профессиональной среды, обеспечивающий осуществление выбора определенной профессии и профессиональной деятельности. Однако, профессиональная идентичность – это не только осознание своей тождественности с профессиональной группой, но и оценка значимости членства в профессиональном сообществе. Профессиональная идентичность так же свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития.

Первичное формирование профессиональной идентичности происходит еще до непосредственного процесса профессиональной подготовки. На начальном этапе в качестве детерминирующего фактора развития профессиональной идентичности следует признать приоритет внешних источников информации, а именно информационно насыщенную окружающую среду. При поступлении в высшее учебное заведение большинство абитуриентов не имеют опыта работы в рамках избранной профессии, на их выбор непосредственное влияние оказывают общие представления о профессии, транслируемые при помощи СМИ (интернет, ТВ, кинематограф), книг, рассказов родителей, родственников, знакомых и др.

Профессиональная идентичность студенческой молодежи, в отличие от других видов идентичности, предусматривает специальную целенаправленную, организованную подготовку, т.е. образование в высших учебных заведениях с целью получения определенной специализации.

Кризис профессиональной идентичности (несоответствие реального желаемому профессиональному статусу) может стать импульсом профессиональной ресоциализации индивида. Профессиональная ресоциализация может быть представлена как приобретение индивидом обновленных профессиональных знаний, умений, навыков на новом этапе трудовой деятельности в рамках полученной/получаемой профессии. Речь идет о повышении профессионального мастерства в процессе практической деятельности, а также о программах повышения квалификации. Помимо этого, профессиональная ресоциализация – это и процесс освоения индивидом новых, новых для него профессиональных компетенций в ходе кардинальной смены профессии. Прежний результат профессиональной социализации (профессиональные знания, умения, опыт) блокирует переход в иную профессию. Овладение новой профессией требует усердного продвижения индивида в освоении новых компетенций, знаний, умений, социально-психологических свойств, принятии новой профессиональной идентичности.

Таким образом, профессиональную идентичность можно обозначить как основной критерий профессионального развития личности студента. Профессиональная идентичность и профессиональная социализация тесно и сложно переплетены: идентичность, с одной стороны, формируется в процессе профессиональной социализации, с другой - выступает одним из важных показателей профессионального становления и социализации личности. В понятии профессиональная идентичность интегрируются когнитивные, мотивационные и ценностные характеристики личности студента, обеспечивающие ориентацию в образовательном пространстве и профессиональном сообществе, позволяющие реализовать потенциал в профессиональной деятельности, отражающие степень успешности и эффективности профессиональной социализации.

Список литературы:

1. Бинеева Н.К. Формирование социально-профессиональной идентичности как проблема социализации студенчества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=136%3Apubl&catid=38&Itemid=77 (дата обращения 05.09.2017)

2. Гуськов И.А., Волкова А.А., Тугуз Ф.К. Профессиональная идентичность и ее роль в социализации личности в образовательном пространстве классического университета в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 192–198.

3. Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 92–102.

4. Мосиенко О.С., Филоненко В.И., Магранов А.С., Понеделков А.В. Особенности и противоречия профессиональной социализации современной студенческой молодежи: итоги межрегионального социологического исследования // Власть. 2017. Том 284. № 5. С. 18–28.

5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. – М.: МПСИ, 2004. 335 с.

УДК316.6 – 053.2 ББК 60.542.4

Мурашко Елена Анатольевна –
старший преподаватель
Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова,
г. Могилев
gordeniya_ya@mail.ru

ПОСТИНТЕРНАТНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: постинтернатная адаптация, сироты, сопровождение, социальная работа.

Проблема готовности к самостоятельной жизни в обществе особенно остро стоит перед выпускниками учреждений интернатного типа. Ситуация после окончания обучения может быть описана следующим образом: происходит переход от знакомой, более или менее безопасной атмосферы, известных людей, особого типа организации жизни к иному распорядку и личному, и жизненному, который до сих пор был мало им известен. Вступая в самостоятельную жизнь, выпускники сталкиваются с проблемами получения жилья, поиска работы, организации быта, обеспечения себя материальными средствами, взаимодействия с широким социумом, организацией свободного времени, получения медицинской помощи, создания и сохранения собственной семьи и многими другими.

Проблемы социальной адаптации этой категории детей освещаются в многочисленных психолого-педагогических исследованиях А.П. Лаврович, Е.Н. Алтынцевой, И.А. Липского, Г.В. Семья и др. Исследования Т.Ю. Кузнецовой, Г.Н. Ольховиковой, И.И. Осиповой показывают наличие серьезных проблем в процессе социализации, адаптации выпускников детских домов к самостоятельной жизни.

Постинтернатная адаптация детей-сирот – это сложный многоуровневый процесс приспособления и утверждения личности в новых для нее условиях социальной среды на стадии самостоятельного жизнеустройства. Постинтернатная адаптация имеет сложный характер и охватывает одновременно все сферы жизнедеятельности детей-сирот. На ее эффективность влияет наличие необходимых материальных ресурсов в самой социальной среде, позитивный настрой общества в целом и отдельных социальных групп в отношении сирот, а также внутренняя позиция выпускника и его желание включиться в социум.

Постинтернатное сопровождение выпускников детских интернатных учреждений сегодня рассматривается как система помощи (поддержки) детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в самостоятельном жизнеустройстве и успешной адаптации в социуме. Постинтернатное сопровождение предусматривает непрерывность и систематичность оказания помощи, которая должна завершаться лишь в момент разрешения проблемы или возникновения способности сопровождаемого к ее решению.

Реализация социальных гарантий, межведомственный комплексный подход и преемственность в действиях специалистов государственных органов и организаций на этапе самостоятельного жизнеустройства – это два необходимых фактора, которые существенно влияют на успех постинтернатной адаптации лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Гарантии по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обеспечиваются и охраняются государством.

Работу по постинтернатному сопровождению проводят центры социального обслуживания населения (ЦСОН). Они нуждаются в методическом обеспечении этого процесса, базирующимся на основании запросов лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с учетом понимания специалистами по социальной работе особенностей этой категории клиентов. Это и обусловило цель нашего исследования – изучение особенностей взаимодействия лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей со специалистами Центра социального обслуживания населения. Исследование проводилось на базе отделения социальной адаптации и реабилитации районного центра социального обслуживания населения г. Костюковичи Могилевской области. В нем приняли участие 25 лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и 10 специалистов ЦСОН. В ходе анкетного анонимного опроса лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся трудностей возникающих в их жизни, организации работы ЦСОН по постинтернатной адаптации и услуг, оказываемых им, взглядов на качество гарантированной помощи и др.

Анализ полученных результатов показал, что лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на этапе постинтернатной адаптации сталкиваются с материальными трудностями, проблемами жилья, поиска работы, организации быта. Эта категория клиентов в недостаточной степени информирована об услугах, видах помощи, оказываемых Центром социального обслуживания населения. Основным источником информации являются знакомые, соседи. Большинство клиентов в Центр обращаются по мере необходимости и ждут от специалистов помощи в решении их проблем.

Причинами обращений, как правило, являются: содействие в трудоустройстве, восстановление документов, решение правовых вопросов.

Большинство опрошенных взаимодействуя со специалистами чувствуют себя уверенно, так сотрудники ЦСОН доброжелательно к ним относятся. Клиенты считают, что специалист ждет от них изложения проблемы и сам будет ее разрешать. И лишь небольшой процент опрошенных клиентов центра проявляют собственную инициативу при взаимодействии, предполагая, что им придется выполнять требования специалиста и участвовать в решении своей проблемы. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство клиентов довольны работой ЦСОН и оценивают ее как очень эффективную и полезную, но проявлять собственную инициативу в процессе взаимодействия со специалистами ЦСОН они не могут или не желают, что может замедлить процесс оказания помощи.

Опрос специалистов показал, что среди всех видов услуг (гарантий), оказываемых ЦСОН, чаще всего эта категория клиентов обращается за помощью в трудоустройстве, восстановлении документов, преодолении межличностных и семейных конфликтов, социально-бытовой помощью. При взаимодействии клиенты чувствуют себя не уверенно, нервничают, переживают. Большинство специалистов в работе по сопровождению добиваются желаемого результата, но иногда возникают затруднения. Это связано с позицией, которую занимает клиент. Он потребительски относится к помощи, оказываемой специалистами, и не проявляет собственную активность в решении своих проблем. Для совершенствования деятельности по постинтернатному сопровождению, по мнению специалистов, необходимо увеличить количество специалистов ЦСОН, изменить график работы и виды услуг, которые предоставляются этой категории клиентов.

Для решения выявленных в ходе опроса проблем была разработана программа постинтернатного сопровождения, предполагающая работу не только с лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но и со специалистами центра социального обслуживания населения.

Так как в ходе опроса выяснилось, что лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получают информацию о своих социальных гарантиях из недостоверных источников, на первом этапе реализации программы проводились мероприятия, направленные на информирование об услугах, оказываемых центром социального обслуживания населения (разработка буклетов, памяток, оформление информационного стенда в ЦСОН, создание информационного сайта для этой категории клиентов).

Практический этап включает социально-бытовое устройство, социально-психологическую помощь, организацию досуга. Значительное внимание в программе уделено вопросам трудоустройства:

профессиональное консультирование, изучение возможностей и создание условий для продолжения образования, обучение навыкам поиска работы и самопрезентации. Работа с лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проводится в форме тренингов, консультаций специалистов, занятий, кружков.

Специалисты центра социального обслуживания населения получают консультации, участвуют в семинарах-практикумах, направленных на повышение компетентности специалистов в работе с лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Все прописанные в программе формы работы разработаны в соответствии с выявленными в ходе опроса трудностями, которые испытывают лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и направлены на их преодоление.

УДК 316.34 ББК 60.54

Нор-Аревян Оксана Аведиковна –
канд. социол. наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
e-mail: noroks@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Ключевые слова: профессиональная идентичность, преподаватель вуза, ученый, престиж профессии, социальное самочувствие

Особый научный интерес в условиях прекариатизации российского общества представляет изучение особенностей профессиональной идентичности представителей так называемых социономических профессий (система «человек-человек» по классификации Е. Климова). К ним относятся, прежде всего, работники бюджетной сферы: воспитатели, учителя, преподаватели высшей школы и ученые; военные и сотрудники правоохранительных органов; врачи, медсестры. Среди названных социально-профессиональных групп, остановим свое внимание на концептуализации профессиональной идентичности преподавателей высшей школы, представителями которых мы являемся.

Широко представлены в российских исследованиях вопросы идентификации в социальной среде преподавателей вузов и ученых. Е.Р. Ахметшиной, Л.Ю. Бондаренко, Т. Гомзой, Е.А. Гришиной, М.Е. Добрускиным, И.Г. Зотовой, С.Л. Ивашевским, Н.К. Иконниковой, М.Э. Кособуко, И.Б. Назаровой, И.П. Поповой, В.Н. Порусом, А.Ю. Согомоновым, В.В. Солодовниковым, В.С. Степиным, Т.А. Филь, А.В. Юревичем, А.А. Яшиной.

Рассматривая трансформацию современных интеллектуальных профессий, А.Ю. Согомонов, констатирует как результат прошедшего периода размывание профессиональной этики как институциональной основы корпоративной организации этих сообществ [8, стр. 168].

Профессиональной и гражданской идентичности ученых посвятило свое исследование Н.К. Иконникова. Автор делает вывод, что мы имеем дело как раз с той ситуацией, когда бесполезно принимать еще один новый закон

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

и менять что-то в формальных правилах, важнее учитывать и изменять нечто в самой системе, в том, как складываются практики работы «на местах», каковы реальные повседневные, рутинные процедуры экспертизы проектов, заявок на гранты, диссертаций, что и обеспечивает содержание и организацию программ сотрудничества, программ конференций, из чего и складывается взаимодействие.

В современный период развития российского общества проблемы профессиональной идентичности преподавателей вузов и ученых привлекают все большее внимание исследователей. Роль и установки научной общественности как субъекта активности, субъекта сотрудничества и даже субъекта, принимающего решения, представляются решающими, и новый (очередной) закон будет «работать» так же плохо, как и все предыдущие, если мы не поймем, что же происходит при его реализации [5, стр. 335].

Личностная идентичность преподавателя высшей школы имеет не однородную структуру и, по мнению Т.А. Филь, включает в себя четыре компонента: аффективный, мотивационный, поведенческий и когнитивный.

Аффективный компонент представлен эмпатическими способностями, длительными ориентациями личности, связанными с отношением к жизни, делу, к себе и к окружению; мотивационный компонент представлен обоснованием выбора того или иного действия, выделением факторов, обуславливающих этот выбор, умением выстраивать четкие цели перед собой и другими и добиваться их; поведенческий включает в себя самореализацию, конкретные действия, осознание, контроль и саморегуляцию собственных действий; когнитивный – знания, умения и навыки личности по созданию проекта будущего (образ будущего), нахождению нестандартных способов решения проблемы в условиях ограниченности информации.

Системообразующим в структуре личностной идентичности преподавателя высшей школы является аффективный компонент, что обусловлено спецификой педагогической деятельности и связано со значительным влиянием эмпатических способностей преподавателя на процесс повышения статуса идентичности [11, стр. 8].

Исследуя профессиональную идентичность в образовательной среде, А.В. Шакурова обосновывает востребованность тех педагогов, которые успешно реализуют роли, задающие образцы для активности в разных контекстах, и одинаково способны:

- к эффективным горизонтально-вертикальным коммуникациям делового характера («исследователь ресурсов», «мотиватор» и «коммуникатор»);
- к регуляции и реализации собственных действий посредством предложенного алгоритма («реализатор» и «завершитель»);
- к активной разработке новых нестандартных идей («генератор идей» и «аналитик»);

– к принятию решений в ситуации нехватки времени и недостатка информации («координатор») [11, стр. 119].

Профессиональные функции преподавателей очень близки социально-профессиональной группе ученых. Обратившись к опыту исследования проблем идентичности непосредственно групп ученых, отметим, что путь их научного становления начинается от аспирантуры. Профессиональная идентичность молодых ученых также становилась объектам научного анализа. Так, в исследовании О.Г. Ворошень отмечается особая роль эмоционально-оценочного компонента профессиональной идентичности [2]. Автор указывает, что важным условием формирования профессиональной идентичности аспиранта является наличие позитивно окрашенного эмоционально-оценочного компонента профессионального самосознания. Формирование позитивной эмоциональной оценки профессии способствует более быстрому протеканию идентификационных процессов, успешному профессиональному становлению. Эмоционально-позитивное отношение к выбранной профессии является условием успешного формирования профессиональной идентичности.

Не менее важным, по мнению О.Г. Ворошень, для формирования профессиональной идентичности является также убежденность в правильности выбора профессии. Также в формировании позитивного отношения к профессии ученого значимым является отношение общества к этой профессии, которое находит отражение в оценке аспирантами престижности данной профессии.

Широко представлены в российских исследованиях вопросы социального самочувствия преподавателей и престижа профессии в обществе. Так, Семенова Л. отмечает, что ухудшение материального положения, снижение престижа учительской профессии, привели к «изменению социального статуса учителя и профессиональной группы в целом». Автор характеризует этот процесс как «нисходящую групповую мобильность учительской страты», выдвигая гипотезу о формировании в профессиональной группе учителей «синдрома бедности» или «субкультуры бедности», суть которой состоит в том, что малообеспеченные слои населения в условиях постоянной нужды вырабатывают собственные установки, ценности и устойчивые модели поведения [6, стр.174-176]. Мы убеждены, что эти выводы имеют значение и для характеристики динамики профессиональной идентичности вузовских педагогов.

Исследуя в этот период особенности идентификации преподавателей вузов, Л.Ю. Бондаренко отмечает, что за последние годы статус преподавателей вузов значительно изменился в худшую сторону как с точки зрения их позиции в рамках социальной структуры общества, так и с точки зрения престижа самой профессии и уважения к ней. Основная причина - нарастание рассогласованности базовых статусных показателей, выражающееся в несоответствии уровня образования уровню доходов [1, стр.125-127].

Весьма противоречивы ценностные ориентации постсоветского поколения ученых, как отмечает Е.А. Гришина. Начинает прослеживаться приоритет экономического над культурным, интеллектуального над творческим, прагмы над идеалом и т.п.

В профессиональной идентичности российских ученых, научной интеллигенции совмещаются несовместимые на первый взгляд, но реально сосуществующие вещи – высокие идеалы и цинизм, бескорыстие и алчность, профессионализм, научная добросовестность и теневые практики, имитация деятельности, амбивалентность ценностных позиций [3, стр. 69].

Кризисный характер профессиональной идентичности ученого отмечает С.Л. Ивашевский. Он пишет, что «наряду с культурой, опирающейся на традиционные ценности науки, появились новые культурные явления... Ученый, особенно молодой, с еще легко меняющимися ценностными ориентирами, ощущая невостребованность своей социальной роли в сложившихся условиях наличного бытия и не имея желаний или возможности изменить свой статус, начинает процесс своеобразной деконструкции роли ученого, наполняя ее новым, более практичным в данный момент содержанием» [4, стр. 112].

К проблеме профессионального положения преподавателей-ученых вузов обращался В.В. Солодовников. Он выделяет особым отноение учебной нагрузке, отмечая, что «современная учебная нагрузка российских преподавателей (в сравнении, например, с американскими) такова, что на научные исследования им не остается времени или оно минимально» [9, стр. 120]

Таким образом, мы наблюдаем рост исследовательских интересов к проблеме профессиональной идентичности преподавателей высших учебных заведений. Еще классическая социология определила значимость успешной идентификации для реализации субъектом своих профессиональных функций. Современный этап общественного развития, направляемый ценностями научных знаний и высокого уровня образования, актуализирует исследование идентичности представителей именно научно-педагогических профессий, как сфер деятельности, определяющих будущее конкретных обществ и всего человечества.

Список литературы:

1. Бондаренко Л.Ю. Изменения в структуре и социальном статусе преподавателей высшей школы // Социологические исследования. – 2000. – № 10.
2. Ворошень О.Г. Профессиональная идентичность аспирантов: эмоционально-оценочный аспект // Социологический альманах. – 2015. – № 6.
3. Гришина Е.А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социологические исследования. – 2008. – № 3.

4. Ивашевский С.Л. Цели и средства развития российской науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1(3).
5. Иконникова Н.К. Профессиональная и гражданская идентичность ученых в зеркале глобальной академической мобильности // Вопросы социальной теории. 2011. – Т. V.
6. Профессиональные группы интеллигенции / Отв.ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
7. См.: Гомза Т. Преподаватель: проблемы самоидентификации // Высшее образование в России. – 2005. – №1. – С. 130–134; Шафранова О. Современный преподаватель: задача ценностного самоопределения // Высшее образование в России. – 2007. – № 7. – С. 127–131; Зотова И.Г. Основные черты социальной идентичности преподавателей вузов // Социология образования. – 2011. – № 3. – С. 73-81; Назарова И.Б. Типология преподавателей высшей школы // Социологические исследования. – 2006. – №11. – С. 115–119.
8. Согомонов А.Ю. Генеалогия успеха и неудач. М.: Солтекс, 2005.
9. Солодников В.В. Проблемы научно-исследовательской деятельности в вузах // Социологические исследования. – 2006. – № 11.
10. Филь Т.А. Формирование структурных компонентов личностной идентичности преподавателя высшей школы : автореф. дис.... канд. психолог. наук. Кемерово, 2012.
11. Шакурова А.В. Вызовы современности и формирование профессиональной идентичности педагога // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2014. – № 1 (33).

УДК 316.422.4 ББК 60.524

Петровская Юлия Александровна –
кандидат социологических наук,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский
государственный университет»,
г. Петрозаводск
e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

РОЛЬ И ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСИТЕТА В ИННОВАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Ключевые слова: инновационное развитие, опорный университет, регион.

Данные материалы содержат предварительный анализ и промежуточные результаты исследования обозначенной проблемы.

Многими учеными-представителями различных отраслей научного знания состояние современного общества характеризуется как кризисное с точки зрения экономики, экологии, социального и духовно-нравственного развития [1; 2; 6; 7; 10]. Именно поэтому все больше научных трудов и нормативных документов посвящаются вопросам проектирования в системе «природа – общество – человек», изучению влияния инновационной цивилизации на различные сферы жизнедеятельности человека [4; 5; 12; 13; 17], проблемам инновационного развития и вовлечения разнообразных субъектов инновационной деятельности в решение проблем на разных уровнях [16].

В мировых масштабах модель массового потребления фактически спровоцировала массовое истребление ресурсов и крайней степени противостояние общества с биосферой, поставив во главу угла проблему выживания человечества. Новый технологический уклад и междисциплинарная кооперация, именуемые NBIC(S)-технологиями, характеризуются стремительной конвергенцией и синергией нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий, вызывая неоднозначные социальные, политические, экологические и другие эффекты, возникающие на всех уровнях: глобальном, национальном и региональном. Не исключение и один из субъектов РФ – Республика Карелия, в которой возникает целый ряд проблем: экологических, экономических, социальных и гуманитарных [14; 8].

Вызывающая беспокойство экологическая обстановка, а также целый ряд имеющихся в регионе социально-экономических проблем указывают на необходимость нового взгляда на выстраивание стратегии взаимодействия в системе «природа – общество – человек», подразумевая инновационные подходы в реализации социально-экономической деятельности, а также

высокий уровень мотивации всех субъектов инновационной деятельности: государства, бизнеса, НКО, а также академического сообщества в поиске решений актуальных проблем региона.

По определению кандидата экономических наук, доцента Н.П. Красоченковой, совокупность субъектов инновационной деятельности и условия их взаимодействия представляют собой инновационную среду инновационной национальной системы. [3] Исходя из этого определения и перенося ключевые характеристики национальной инновационной системы на региональный уровень, можно говорить об *инновационном пространстве (инновационной среде) региона*, подразумевая под ним совокупность региональных субъектов инновационной деятельности, механизмы и условия их взаимодействия.

Одним из таких субъектов, оказывающих наиболее сильное влияние на решение актуальных проблем региона, может и должен быть университет, представляющий собой не просто образовательную организацию, но и центр научных и инновационных разработок, а также площадку для апробации и внедрения инновационных технологий. В этой связи хочется обратиться к работе основателя и президента Всемирного экономического форума в Давосе К.М. Шваба, создающего образ нового идеального общества, основанный на роботизации и широком внедрении высоких технологий и коммуникаций с помощью доступного Интернета, мобильной связи, ИКТ. Не отрицая возможных негативных социальных и гуманитарных последствий, Клаус Шваб обращает внимание на то, что развитие новых технологий сдерживается не техническими ограничениями, а юридическими и этическими рамками, а также консерватизмом университетского научного сообщества [18].

Одним из современных механизмов укрепления статуса университета как одного из субъектов инновационной деятельности и усиления взаимодействия региональной власти и академического сообщества в решении актуальных проблем региона, стала возможность для вуза получения статуса опорного университета региона. Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ) стал одним из победителей конкурса по созданию опорных университетов. Программа развития ПетрГУ как опорного университета разрабатывалась при непосредственном участии главы Республики Карелия и представителей органов государственной власти. Программа рассчитана на пять лет и включает целый ряд направлений: модернизация образовательной деятельности; модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности, включая развитие инновационной экосистемы университета; развитие кадрового потенциала; модернизация системы управления университетом; модернизация материально-технической базы и социально-культурной инфраструктуры; развитие местных сообществ, городской и региональной среды. Целью проведения конкурса опорных университетов являлся отбор проектов программ развития, направленных на формирование

опорных вузов в целях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в том числе за счет создания университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов. Программа по созданию опорных университетов нацелена на трансформацию университетов в центры генерации современных исследований, подготовке квалифицированных кадров и создания новых рабочих мест. Обязанность университета-участника программы – разработать и реализовать совместно с региональными властями программу развития опорного университета с долгосрочными целями [9].

Таким образом, университет, развивая собственную инновационную инфраструктуру, должен стать акселератором в решении актуальных проблем региона, оказывая научную поддержку и действуя в тесном сотрудничестве с другими субъектами инновационной деятельности. По оценке Председателя Законодательного собрания Республики Карелия Э.В. Шандаловича (информация Пресс-службы ПетрГУ), Программа развития опорного университета очень сбалансирована по задачам и целям. Она носит абсолютно предметный характер. Актуально то, что программа может быть связана с программой развития Республики Карелия, которая сейчас формируется, и может послужить основой в некоторых элементах этой программы. Затронут очень широкий круг вопросов, начиная от образования, заканчивая внедрением конкретных продуктов. Представитель законодательной власти считает, что это очень хорошо, потому что опорный университет – это не только образовательный процесс, но и процесс создания инноваций, процесс привлечения инвестиций, процесс развития новых производств. И самое главное – активное участие в экономической и социальной жизни республики. [11].

Вместе с тем, по мнению представителей администрации вуза (проводилось интервью с проректором на научно-исследовательской работе), процесс разработки и внедрения инноваций затруднен рядом факторов. Среди ключевых барьеров можно выделить проблему привлечения инвестиций в осуществлении инновационной деятельности; человеческий фактор и необходимость модернизации целого ряда образовательных программ подготовки специалистов существующим запросам стремительно развивающихся секторов экономики и общества. Современное общество и экономика диктуют новые требования к выпускаемым на рынок труда специалистам. Это должны быть, своего рода, универсальные специалисты с широкой базовой профессиональной подготовкой, способные применить свои компетенции в разнообразных смежных областях с учетом стремительно развивающихся технологий, а Карелия может и должна стать центром компетенций, обеспечивая не только республику, но и другие регионы, высококвалифицированными специалистами в традиционных для себя отраслях (например, литьё металлов, лесоинженерные технологии и др.).

Университет обладает большим кадровым потенциалом. Сотни ученых занимаются исследованием фундаментальных и прикладных проблем. Сам инновационный процесс зачастую очень длителен по времени. С момента научного открытия до внедрения его результатов в массовое потребление могут пройти десятилетия. Не умаляя значимости этих разработок, хочется отметить, что университетское научное сообщество демонстрирует некоторый консерватизм, «прирастание» к своим частным темам и нежелание интегрироваться в междисциплинарные проектные команды, что противоречит современной научной методологии. В связи с этим не только сам университет как субъект инновационной деятельности нуждается в трансформации, но и сознание каждого отдельно взятого ученого должно переформатироваться с учетом современных тенденций развития научного знания и требований, диктуемых временем.

Инновационная цивилизация XXI века полностью меняет научное мировоззрение, пирамиду человеческих ценностей и сам тип личности. Отсюда различие двух типов личности – личности цивилизаций: традиционной и либеральной. Однако, проблема в том, что большая часть населения земного шара (86%) придерживается традиционной цивилизации, поэтому есть смысл присмотреться к тому, как современная наука характеризует традиционный тип личности. Его менталитет требует комфортного состояния, связанного с идеалом тишины, покоя, минимизацией социальных новшеств, неизменного мира, определяющего стремление адаптироваться к среде. Однако современные условия диктуют свои требования, игнорировать которые означает – зайти в тупик.

Список литературы:

1. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арндт. – М.: Европа. – 2008. – 424с.
2. Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века / Под ред. д.э.н. А.К. Казанцева и д.э.н. Д.А. Рубвальтера – М.: ИНФРА-М, 2014. – 384 с.
3. Красоченкова Н.П. Национальное инновационное пространство в экономике знаний / Н.П. Красоченкова // Эффективное антикризисное управление. 2016. №5 (98). С.44-48.
4. Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Научные основы проектирования в системе природа – общество – человек / О.Л. Кузнецов. – М.-СПб.-Дубна: Гуманистика, 2002. – 616 с.
5. Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Русский космизм, глобальный кризис, устойчивое развитие / О.Л. Кузнецов // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. Т.9. – 2013. - №1 (18). – С.1.

6. Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / М. Манн. – М.: Пятый Рим, 2016. – 2016. – 928 с.
7. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / Под ред. Э. Сяляхова. – М.: Эксмо, 2016. – 672с.
8. Основные проблемы социально-экономического развития республики // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Document/consер3.html> (дата обращения – 19.07.2017).
9. ПетрГУ – опорный университет //Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petrsu.ru/page/ptoday/petrgu--opornyi-regionalnyi-univers#t20c> (дата обращения – 19.07.2017).
10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Под ред. А.Ю. Володина. – М.: АдМаргинем, 2016. – 592 с.
11. Председатель Законодательного собрания Республики Карелия Э.В. Шандалович о Программе развития опорного университета. В Правительстве Республики Карелия прошла презентация Программы развития опорного университета // Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petrsu.ru/news/2017/35677/predsdatel-zakonoda> (дата обращения – 19.07.2017).
12. Репин В. С. Эволюция в свете системной биологии / В.С. Репин // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 37–45.
13. Репин В.С., Скуратовская Л.Н. Биологические последствия изменения климата / В.С. Репин // Человек. – 2011. – №1. – С. 124–131.
14. Республика Карелия (краткая информация) // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Different/karelia3.html> (дата обращения – 19.07.2017).
15. Стивенсон Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стивенсон. – М.: Слово, 2004. – 240 с.
16. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8.12.2011 г. № 2227-р.
17. Черникова Д.В., Черникова И.В. Проблема природы человека в свете NBIC-технологий / Д.В. Черникова // Известия Томского политехнического университета. – 2010. Т. 316. - №6. – С. 88-93.
18. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/klaus-bvab/4etverta_880/1-4etverta_880.html (дата обращения: 19.07.2017).

Семёнов Максим Юрьевич –
ассистент, младший научный сотрудник,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: m.y.semenov@utmn.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: В ОЦЕНКАХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки РФ “Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики”. Код проекта 28.2941.2017/4.6.

Ключевые слова: Конкурентоспособность, старшеклассники, молодежь, интернет, социальные сети.

В международном рейтинге пользователей интернета Российская Федерация стабильно занимает верхние позиции этого списка. При этом, среди стран, в которых количество интернет пользователей превышает 100 млн. человек, Россия находится на третьем месте по доле проникновения интернета среди всего населения (71,3%), уступая только Японии (91,1%) и США (88,5%) [3]. Нет ничего удивительного в том, что при столь высоком уровне интеграции интернета в повседневную жизнь российского общества существует ряд российских компаний («Abbyu», «Лаборатория Касперского», «Yandex», «Mail.ru Group»), проявивших свою конкурентоспособность как на российском, так и на международном уровне. Однако, современная степень развития интернет среды позволяет создавать не только крупные бизнес-проекты, работающие в рамках виртуального пространства, но и является определенным инструментом для личностной самореализации отдельных индивидов. Размер интернет-аудитории некоторых российских блогеров сопоставим с показателями многих известных кабельных телеканалов. Показательным событием, свидетельствующим о признании со стороны высшей власти возможностей и сил интернет-аудитории, а также высокого уровня влияния данной социальной группы на общественное мнение, является инициатива создания «совета блогеров» при государственной думе РФ, выдвинутая в июне 2017 года.

Принимая во внимание отнюдь не утешительные прогнозы снижения численности экономически активного населения России к 2025 году [1; 311], особую значимость приобретает вопрос о том, в каких сферах будут задействованы молодые люди, которые к тому времени получают

профессиональное или высшее образование. Насколько для них будет актуально реализовываться в виртуальном пространстве, а возможно, и жить за счёт средств, полученных посредством популяризации собственных аккаунтов в различных социальных сетях.

В рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» коллективном социологической лаборатории Тюменского государственного университета был проведен анкетный опрос старшеклассников на территории Тюменской области по месту их обучения. Общее количество опрошенных составляет 852 учащихся старших классов (10 и 11 классы) общеобразовательных учреждений Тюменской области – Тюмень (607 человек), Тобольск (158 человека), Ишим (87 человек). Распределение респондентов по полу: 366 мужчин (43%) и 463 женщин (57%). Доля респондентов, обучающихся в 10-м классе составила 53% (447 человек), а обучающихся в 11-ом классе – 47% (402 человека). Общеобразовательные учреждения, на базе которых проводился анкетный опрос, дифференцированы на три группы. В первую группу вошли «элитные» образовательные учреждения, имеющие статус лицеев и гимназий. В них было опрошено 320 старшеклассников (38%). Во вторую группу были объединены иные муниципальные автономные общеобразовательные учреждения (школы). Из числа второй группы было опрошено 272 респондента (32%). В третью группу вошли старшеклассники, обучающиеся в гимназии Тюменского государственного университета. Среди них участвовали в опросе 260 человек (30%).

Отдельный блок вопросов в анкете старшеклассника был посвящен выявлению отношения к людям, имеющим большую популярность в виртуальной среде, а также тому насколько важно наличие собственного популярного аккаунта в социальных сетях для учеников старших классов. Полученные результаты проанализированы относительно трёх факторов: пол респондента; тип общеобразовательного учреждения, в котором он обучается (обычные, «элитные», гимназия ТюмГУ); оценка себя как конкурентоспособной (успешной) личности.

В связи с этим старшеклассникам был задан вопрос о том, считают ли они конкурентоспособными (успешными) молодых людей, имеющих большую популярность в виртуальной среде. Данные анкетного опроса свидетельствуют о том, что 66% старшеклассников считают или скорее считают, чем не считают их конкурентоспособными. Не согласных или скорее не согласным с этим – 34%. Относительно оценки собственной конкурентоспособности получились следующие результаты (см. рис. 1)

Рисунок 1

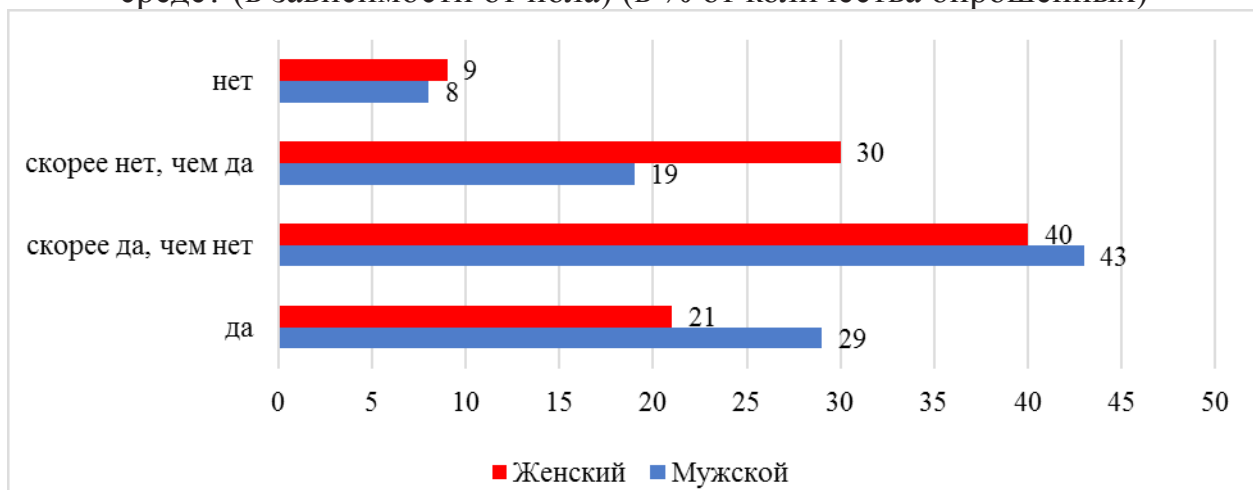
Распределение ответов на вопрос: считаете ли вы конкурентоспособными (успешными) молодых людей, имеющих большую популярность в виртуальной среде? (в зависимости от оценки своей конкурентоспособности (успешности) (в % от количества опрошенных)

Опираясь на полученные результаты, можно засвидетельствовать следующую закономерность. Чем более конкурентоспособным (успешным) старшеклассник считает себя, тем выше уровень его согласия с тем, что люди популярные в виртуальной среде являются конкурентоспособными (успешными). Помимо того, молодые люди в большей степени склонны считать людей, имеющих большую популярность в интернете конкурентоспособными (успешными), нежели чем девушки. Так, полностью согласны с этим 29% респондентов мужского пола и 21% – женского (см. рис. 2).

Рисунок 2

Распределение ответов на вопрос: считаете ли вы конкурентоспособными (успешными) молодых людей, имеющих большую популярность в виртуальной среде? (в зависимости от пола) (в % от количества опрошенных)

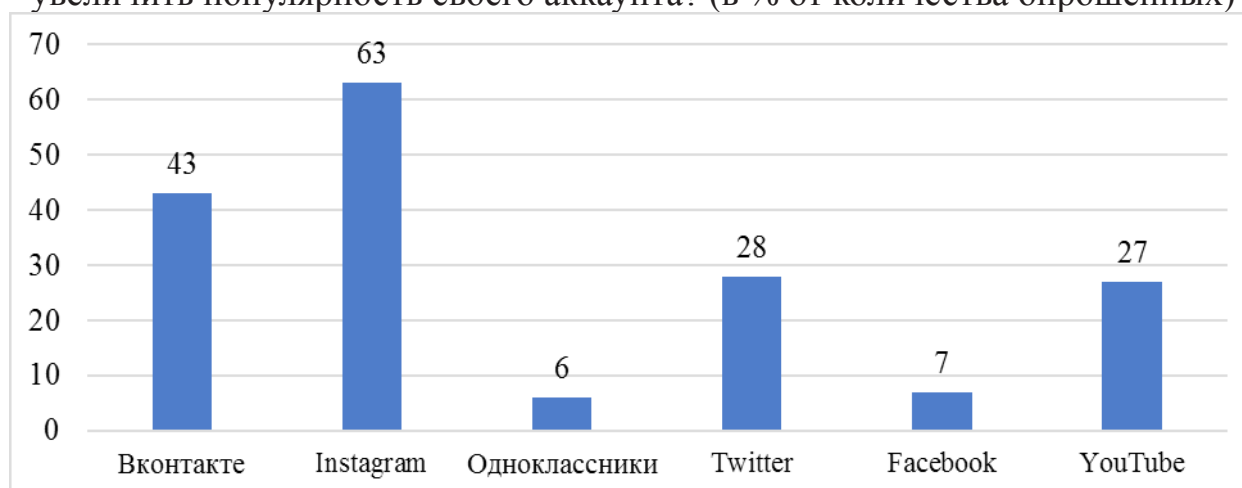
Согласно полученным данным исследования, старшеклассники мужского пола в большей степени склонны считать людей, имеющих большую популярность в интернете конкурентоспособными (успешными). Так, 72% молодых людей считают их таковыми, тогда как девушек согласных с этим 61%.

Интересным является тот факт, что несмотря на разницу по полу респондентов в отношении к людям, которые популярны в интернете, наличие популярного аккаунта в социальных сетях наиболее важно для респондентов женского пола. Абсолютно не важно это для 40% старшеклассников мужского пола, и только для 27% женского пола. Возможно предположить, что это связано с тем, что как девушки, так и молодые люди рассматривают социальные сети как один из инструментов формирования сильных и слабых связей. Однако для респондентов мужского пола более актуально превратить их в определённый социальный капитал, который в последующем может быть использован для реализации своей конкурентоспособности (успешности) в обществе. Именно поэтому среди респондентов мужского пола больше тех, кто считает популярных в интернете людей успешными, одновременно с тем, что меньше тех, кто хочет иметь популярный аккаунт в социальных сетях, по причине того, что не все из них понимают, как это может быть монетизировано¹. При разделении респондентов по типу общеобразовательного учреждения, значительной разницы в ответах не зафиксировано.

Респондентам, которые не ответили на вопрос о важности своего личного аккаунта в социальных сетях абсолютно отрицательно, было предложено выбрать в какой из этих сетей они хотели бы повысить свою популярность (см. рисунок 3).

Рисунок 3

Распределение ответов на вопрос: в какой социальной сети вы бы хотели увеличить популярность своего аккаунта? (в % от количества опрошенных)

¹ Понятие использовано в значении – процесс извлечения прибыли из определённого проекта за счёт введения платных услуг.

Согласно данным представленным на рисунке 3, можно сделать вывод о том, что самой популярной социальной сетью, в которой старшеклассники хотели бы повысить популярность своего аккаунта является – Instagram. На втором месте – Вконтакте. Все остальные имеют значительное отставание. Стоит отметить, что полученные результаты вполне сопоставимы с результатами исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которое было направлено на выявление самых популярных социальных сетей в России. Согласно данным ВЦИОМ, Вконтакте занимает первую позицию, а Instagram находится на третьем месте [2]. Разница в местах социальных сетей может быть объяснена различием выборочной совокупности в этих двух исследованиях.

Рассмотрим самую популярную социальную сеть среди старшеклассников более подробно. Повысить популярность своего аккаунта в Instagram в большей степени склонны представители «элитных» общеобразовательных учреждений. Так, в гимназиях и лицеях таковых 65%, в обычных школах – 55%, а в гимназии при ТюмГУ – 71%. Возможно предположить, что причиной того является специфика данной социальной сети. Этот фотосервис предполагает размещение своих фотографий, которые так или иначе демонстрируют происходящее в жизни человека. Естественно, что среднестатистический ученик «элитной» школы принадлежит к более состоятельной семье, а следовательно, имеет большую возможность продемонстрировать разнообразие происходящих в его жизни интересных моментов, которые можно выставить на показ. Также девушки в большей степени заинтересованы в увеличении популярности своего Instagram аккаунта, в отличие от молодых людей (71% против 52%).

Одна из гипотез, которая была выдвинута исследователями в ходе проведения анкетного опроса связана с тем, что конкурентоспособность молодежи напрямую связана с активностью использования информационно-коммуникационных технологий. Согласно результатам анкетного опроса, можно утверждать, что данная гипотеза подтверждена лишь отчасти. С одной стороны, выявлена взаимосвязь: чем выше оценка своей конкурентоспособности, тем более важно для человека наличие популярного аккаунта в социальных сетях, и тем более успешными он воспринимает людей, имеющих популярность в интернете. С другой стороны, само использование интернета как в процессе обучения, так и в повседневной жизни старшеклассника не зависит от его восприятия своего уровня конкурентоспособности (успешности) в обществе. Возможно предположить, что это связано с высоким уровнем интеграции интернета в повседневную жизнь молодого человека в России. Однако стоит заметить, что активность использования интернета в «элитных» общеобразовательных учреждениях значительно выше, чем в обычных школах. Так, практически каждый день интернет как инструмент образовательного процесса используют 70% учеников

гимназий и лицеев, среди старшеклассников гимназии ТюмГУ доля таких респондентов составила 74%, а среди учащихся обычных школ – 61%. В данном случае, скорее всего, использование интернета обосновано спецификой внешней среды, а именно большей образовательной нагрузкой учащихся «элитных» школ.

Принимая во внимание полученные данные анкетного опроса, можно предположить, что в ближайшие годы самореализация в виртуальном пространстве среди молодого поколения будет возрастать. Однако, ведение личных аккаунтов как приоритетное направление своей деятельности с целью их монетизации и получения возможности жить за счёт этого, будет актуально лишь для малой части молодежи. С большой долей вероятности можно допустить, что молодёжь будет отдавать приоритет для реализации своей конкурентоспособности в пользу более традиционных и устоявшихся способов, не смотря на уровень интеграции интернета в повседневную жизнь.

Список литературы:

1. Население России 2009 [Текст] : Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 334 с.
2. Социальные сети: кто туда ходит и зачем? Пресс-выпуск №3388 от 02.06.2017. Официальный сайт wciom.ru. Точка доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116254> (Дата обращения: 27.08.2017)
3. Internet Live Stats. Точка доступа: <http://www.internetlivestats.com/internet-users-by-country/> (Дата обращения: 27.08.2017)

УДК 377+342.7 ББК 66.3(2Рос)3

Солдатова Александра Владимировна –
студент 4 курса, бакалавр

Антонова Юлия Витальевна –
студент 4 курса, бакалавр
Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б.Н. Ельцина
Научный руководитель: Задорина Мария
Андреевна, старший преподаватель
кафедры теории, методологии и правового
обеспечения ГМУ
e-mail: soldatova_sasha@mail.ru,
chron00s@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, государственная политика, развитие среднего профессионального образования, проблемы реализации государственной политики

Среднее профессиональное образование (далее – СПО) является одним из уровней профессионального образования в Российской Федерации, которое нацелено на решение задач повышения конкурентоспособности человеческого капитала, то есть на получение, углубление и расширение знаний в конкретной профессиональной области, а также на интеллектуальное, культурное и профессиональное развитие человека, тем самым, сохраняя и приумножая нравственные и культурные ценности общества в целом и удовлетворяя потребности отдельной личности и государства в квалифицированных рабочих, служащих и специалистах среднего звена, выполняющих общественно полезную деятельность в соответствии с полученной квалификацией [1].

В.В. Путин в 2014 году в своем поручении Федеральному собранию обозначил совершенствование системы СПО как один из ключевых приоритетов государственной политики в сфере образования [3]. Более того, в целях повышения качества образования и переориентации населения на СПО последние несколько лет происходит процесс закрытия ВУЗов, образование в которых не способствует получению студентами знаний. Между тем,

и в сфере СПО есть проблемы как по российской федерации, так и, в частности, в Свердловской области (далее – СО). Рассмотрим некоторые из них.

На территории СО уполномоченным исполнительным органом государственной власти в сфере образования является Министерство общего и профессионального образования СО, полномочия которого закреплены в законе Свердловской области от 15 июля 2013 года № 78-ОЗ «Об образовании в Свердловской области» [8].

На территории СО до декабря 2016 года реализовывалась государственная программа «Развитие системы образования в Свердловской области до 2020 года», в которой были поставлены цели и задачи развития сферы СПО [11]. В 2017 году вступила в силу новая программа «Развитие системы образования в Свердловской области до 2024 года», в которой были конкретизированы направления развития СПО в соответствующих мероприятиях [12]. Сравнивая перечень целей и задач в программах, можно сделать вывод, что задачи по решению проблем в сфере СПО не были достигнуты в первой программе, так как многие из них не были решены, что объясняет их дублирование во второй программе.

Первая проблема связана с сокращением числа студентов, обучающихся по программам СПО вследствие демографического кризиса в 1990-х годах как по Российской Федерации, так и в СО [7]. Так, с 2000 года численность студентов СО, обучающихся по программам СПО, упала с 153,4 тыс. до 68 559 человек в 2016 году [13].

Вторая причина – снижение престижности получения СПО среди абитуриентов в связи с изменением общественных предпочтений в сторону выбора высшего образования перед СПО на протяжении двух десятилетий с момента его появления [16, с. 89]. Так, начиная с 1990 года по 2012 год прием на обучение по профессии квалифицированных рабочих, служащих снизился в 2,5 раза, то есть на 757 тыс. чел., а прием на обучение по специальностям среднего звена – на 100,8 тыс. чел. [14, с. 20]. И в связи с этим в настоящее время наблюдаются трудности в комплектовании учебных групп по наиболее востребованным рынком труда профессиям и специальностям среднего профессионального образования. Причинами этому стали увеличение числа ВУЗов, разнообразие предлагаемых ими программ подготовки, а также их повсеместная коммерциализация, то есть возможность поступления в ВУЗ на коммерческой основе посредством заключения контракта для абитуриентов с низкими баллами по ЕГЭ. Стоит отметить, что даже отмена в 2014 году вступительных испытаний для потенциальных абитуриентов СПО при поступлении, не принесла желаемых результатов. Так, численность абитуриентов, поступающих на образовательные программы СПО на 127 тыс. чел. меньше, чем тех, кто поступает в ВУЗы [15, с.140].

Что касается WorldSkills как практики повышения престижа рабочих специальностей, то данный чемпионат в СО проходил в 2015 году и состоится

в ноябре 2017 года, но его проведение не оказывает серьезного влияния на заинтересованность и вовлеченность будущих студентов в сферу СПО, так как многие отказываются в нем участвовать из-за устаревших технологий.

К тому же, абитуриенты ориентированы не столько на получение знаний, умений и соответствующих навыков, сколько статус образования и получение диплома, что приводит к снижению качества образования в целом. На эту ситуацию повлиял тот факт, что выпускники вузов трудоустраиваются на места, предполагающие наличие не высшего, а СПО [4].

Так, доля занятых в экономике специалистов с СПО в СО, за 20 лет, с 1996 года снизилась с 34,2% до 26% в 2016 году, то есть на 8,2%, (самый высокий показатель зафиксирован в 1998 году – 36,2%), а доля занятых в экономике специалистов с высшим образованием, наоборот, с 16,3% в 1996 увеличивается с каждым годом и в 2016 году составила 28,9%, то есть увеличение произошло на 12,6% [20], что свидетельствует о популярности выбора ВО перед СПО и отражает незначительную реакцию рынка труда на потребность в квалифицированных специалистах – выпускниках СПО и значительную в выпускниках с высшим образованием.

Третья причина – сокращение количества учреждений СПО с 2007 года [6]. Так, например, в СО по данным за 2013 год сеть подведомственных Министерству общего и профессионального образования СО организаций СПО сократилась на 15% [9], а к 2015 году – еще на 18% [4]. В 2016 году сеть СПО была представлена 108 организациями, а в 2017 году уже – 101 [11]. В основном сокращение происходит в результате укрупнения существующих организаций в целях уменьшения административных затрат [5]. Процесс оптимизации не всегда проходит успешно и безболезненно, так как зачастую слияние нескольких организаций СПО де юре не предусматривает поэтапную проработку слияния де факто – за счет формирования общей культуры, идентичности студенческого и кадрового состава.

Еще одной проблемой является дефицит педагогических кадров, осуществляющих образовательную деятельность по программам СПО. Так, с 2000-х в СО их численность с каждым годом снижается [18]. Кроме этого, наблюдается старение педагогических кадров. Так, большинство преподавателей находится в возрастной категории от 40 до 65 лет и старше 65 лет, а приток молодых преподавателей сдерживается в связи с низкими показателями заработной платы работников сферы СПО по СО. Средняя заработная плата педагогических работников организаций СПО СО за 2012 год составила 16955 руб. [11] На сегодняшний день, анализируя вакансии, размещенные на сайте поиска работы www.rabota66.ru, заработная плата работников сферы СПО, в частности, преподавателя иностранного языка Областного техникума дизайна и сервиса города Екатеринбурга составляет 15 000-20 000 руб. [17], хотя средняя заработная плата работников сферы СПО

должна быть на уровне среднямесячной заработной платы по региону, то есть по СО эта сумма должна находиться на уровне 36 000 руб. [19; 2].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что государство нуждается в СПО, а СПО нуждается в развитии. В связи с этим следует:

Во-первых, провести прогноз потребности в СПО с учетом повышения численности абитуриентов в связи с бумом рождаемости, который произошел в 2000-х годах, и увеличить контрольные цифры приема по программам СПО.

Во-вторых, органами государственной власти СО реализуется недостаточно мер, которые способствуют повышению престижа рабочих специальностей и развитию профориентации. Для этого необходимо разработать и расширить механизмы привлечения абитуриентов за счёт повышения стипендий для студентов СПО, которые могли бы конкурировать с размером стипендий в ВУЗах, а также проводить больше профориентационных мероприятий и чемпионатов, олимпиад в соответствии с требованиями ФГОС СПО и международными требованиями WorldSkills.

В-третьих, необходимо разработать механизм по привлечению молодых специалистов в сферу СПО в целях омоложения педагогического состава за счет создания комплекса мер, связанных с повышением заработной платы, льгот по оплате коммунальных услуг, единовременных выплат за определенные виды работ в зависимости от их качества и др., а также с развитием профессионального потенциала работников, то есть получение дополнительного образования, в том числе мастер-классов, тренингов и т.п.

Список литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 // Российская газета. – 2012. № 5775 (102).
3. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ от 05 декабря 2014 года № Пр-2821. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Доклад о состоянии системы образования Свердловской области в 2015 году [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Свердловской области от 8 сентября 2016 г. № 617-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О реализации государственной политики в сфере образования [Электронный ресурс] : Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию РФ от 2016 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О ходе оптимизации сети подведомственных образовательных учреждений [Электронный ресурс] : Приказ Рособразования от 25 мая 2007 № 921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. URL: минобрнауки.рф/коллегия/319/файл/2293/13.06.17-Стратегия.pdf (дата обращения: 23.08.2017).

8. Об образовании в Свердловской области [Электронный ресурс] : закон Свердловской области от 15 июля 2013 года № 78-ОЗ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/453128797> (дата обращения: 23.08.2017).

9. О докладе «О состоянии системы образования Свердловской области в 2013 году» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Свердловской области от 01 октября 2014 года № 835-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О докладе «О состоянии системы образования Свердловской области в 2015 году» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Свердловской области от 08 сентября 2016 года № 617-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении государственной программы «Развитие системы образования в Свердловской области до 2020 года» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Свердловской области от 21 октября 2013 года N 1262-ПП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/453135198> (дата обращения: 23.08.2017).

12. Об утверждении государственной программы «Развитие системы образования в Свердловской области до 2024 года» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Свердловской области от 29 декабря 2016 года N 919-ПП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/429094102> (дата обращения: 23.08.2017).

13. Развитие системы образования в Свердловской области до 2020 года [Электронный ресурс] : Отчет о реализации государственной программы Свердловской области за 2016 год // Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. URL: http://www.minobraz.ru/realizacija_gosudarstvennoj_programmy_sverdlovskoj_oblasti_razvitie_sistemy_obrazovanija_v_sverdlovskoj_oblasti_do_2024_goda/otchetnost_po_realizacii_gosudarstvennoj_programmy/ (дата обращения: 23.08.2017).

14. Задорина М.А. конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: определение понятия / М.А. Задорина // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. № 2. С. 18-26.

15. Задорина М.А. проблемы повышения качества подготовки кадров со средним профессиональным образованием / М.А. Задорина // Наука будущего: вопросы и гипотезы. Москва: Изд-во Научно-издательский центр «Империя», 2017. С. 140-141.

16. Задорина М.А. Социальное партнерство в профессиональном образовании как залог достойного труда / М.А. Задорина // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы VI Международной научно-практической конференции: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. экон. ун-та, 2014. Т. 1. С. 88-92.

17. Поиск вакансий [Электронный ресурс]: Официальный сайт «Работа66» URL: <https://www.rabota66.ru/vacancy/410147> (дата обращения: 23.08.2017).

18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 360-408

19. Средняя зарплата в организациях Свердловской области выросла на 1 тыс. рублей [Электронный ресурс] : Интернет-газета ZNAK. URL: <https://rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 23.08.2017).

20. Центральная База Статистических Данных [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. 1990-2016. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=7000035> (дата обращения: 23.08.2017).

УДК 316.014 ББК С 60.56

Тараданов Александр Ардалионович –
доктор социологических наук,
профессор кафедры социальной
работы и социологии. Челябинский
государственный университет.
taradanov@csu.ru

Гизатулина Анастасия Александровна –
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной
работы и социологии, Челябинский
государственный университет.
gizatulinaaaa@mail.ru

ФАКТОРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация.

Наиболее эффективными факторами эмоционального благополучия студентов выявлены закалывающие процедуры, утренняя зарядка, правильный режим питания, подвижность в течение дня.

Факторами, в наибольшей мере снижающими уровень эмоционального благополучия студентов, выявлены: частое (несколько раз в неделю) употребление алкоголя; частые (несколько раз в год) заболевания гриппом и ОРЗ; малоподвижный образ жизни; курение.

Ключевые слова: факторы эмоционального благополучия; физическая культура; негативные эмоции; студент;

Для определения влияния факторов физической культуры на эмоциональное благополучие студентов в феврале-марте 2017 г. проведен анкетный опрос 541 студента очной формы обучения вузов г. Челябинска в возрасте от 18 до 24 лет (выборка случайная). Респонденты мужского пола составили 33,6% (182 чел.); женского 65,4% (354 чел.); 0,9% (5 чел.) на вопрос не ответили.

Не курит три четверти (75,2%) респондентов; курят 13,9%; покуривают («курят иногда») 10,9%. Не употребляют алкоголь каждый четвертый (26,1%) респондент. Чаще всего периодичность употребления алкоголя студентами

«несколько раз в год» (36,8%). «Несколько раз в месяц» выпивают почти каждый третий (31,1%). И практически каждый день («несколько раз в неделю») употребляют алкоголь 5,9%.

На основании данных опроса респонденты – по показателям их эмоционального благополучия – оформлены в пять групп-выборочных совокупностей. Основанием выделения стали ответы студентов на вопрос анкеты «Как часто Вы испытываете негативные эмоции (страх, тревога, раздражение)?» (варианты ответов: 1) по несколько раз в день 2) несколько раз в неделю 3) несколько раз в месяц 4) несколько раз в год 5) не испытываю).

Группу эмоционально **неблагополучных** студентов (Нб) образовали респонденты, которые указали, что испытывают негативные эмоции несколько раз в день; это почти каждый четвертый (23,8%; 128 респ.).

Группу **тревожных** студентов (Т) образовали респонденты, которые указали, что испытывают негативные эмоции несколько раз в неделю; это более чем каждый третий (36,7%; 198 респ.).

Группу **неспокойных** студентов (Н) составили респонденты, которые указали, что испытывают негативные эмоции несколько раз в месяц; это ещё каждый четвертый (25,2%; 136 респ.).

Группу **спокойных** (С) составили респонденты, которые указали, что испытывают негативные эмоции несколько раз в год; это почти каждый десятый (9,1%; 49 респ.).

Группу эмоционально **благополучных** студентов (Б) образовали респонденты, которые указали, что не испытывают негативных эмоций; они составили 5,2% (28 респ.).

Такой методический подход позволил сформулировать и сформировать показатель эмоционального благополучия студентов. Логика следующая.

Респонденты, которые указали, что не испытывают негативных эмоций, отнесены к группе 100%-ного эмоционального благополучия. В состав показателя «уровень эмоционального благополучия» (УЭБ) при его расчете они включены полностью (5,2%).

На противоположном «полюсе» - респонденты, которые указали, что испытывают негативные эмоции несколько раз в день; они отнесены к группе 100%-ного эмоционального неблагополучия. В состав показателя «уровень эмоционального благополучия» (УЭБ) при его расчете они не входят все (23,8%).

Три промежуточных группы, которые составили респонденты, испытывающие негативные эмоции «несколько раз в неделю», «несколько раз в месяц» и «несколько раз в год» включаются в расчет УЭБ после их приведения в соответствие с логикой подхода с помощью поправочных коэффициентов.

Итак, в результате опроса мы получаем следующие данные (таб. 1).

Таблица 1

Как часто Вы испытываете негативные эмоции (страх, тревога, раздражение)?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Все опрошенные, N=	Все опрошенные, %%%	Как часто Вы испытываете негативные эмоции (страх, тревога, раздражение)?				
			несколько раз в день (неблагополучные)	несколько раз в неделю (тревожные)	несколько раз в месяц (неспокойные)	несколько раз в год (спокойные)	не испытываю (благополучные)
N=	541*		128	198	136	49	28
%%%		100,0	23,8	36,7	25,2	9,1	5,2

*Два человека не ответили на вопрос о частоте негативных эмоций.

Тогда формула расчета показателя «уровень эмоционального благополучия»

$УЭБ = Б + С * 0,986 + Н * 0,836 + Т * 0,288 + Нб * 0,0$, где:

УЭБ – уровень эмоционального благополучия в %%%;

Б – доля благополучных респондентов (5,2%);

С – доля спокойных респондентов (9,1%);

0,986 – понижающий коэффициент для спокойных («несколько раз в год»);

Н – доля беспокойных респондентов (25,2%);

0,836 – понижающий коэффициент для беспокойных («несколько раз в месяц»);

Т – доля тревожных респондентов (36,7%);

0,288 – понижающий коэффициент для тревожных («несколько раз в неделю»);

Нб – доля неблагополучных респондентов (23,8%);

0,0 – понижающий коэффициент для неблагополучных («несколько раз в день»).

Понижающий коэффициент рассчитывается как единица («1»), уменьшенная на долю количества раз в году, в которые респонденты испытывают негативные эмоции. Например, «несколько раз в год» – это 5 от 365, что составляет долю 0,014.

$1,0 - 0,014 = 0,986$ (понижающий коэффициент для спокойных: испытывающих негативные эмоции «несколько раз в год»).

Аналогичным образом рассчитаны и остальные понижающие коэффициенты.

Тогда УЭБ по всей выборочной совокупности составит:

$$\text{УЭБ} = 5,2\% + 9,1\% \cdot 0,986 + 25,2\% \cdot 0,836 + 36,7\% \cdot 0,288 + 23,8\% \cdot 0,0 = 45,7\%$$

Для определения влияния факторов физической культуры на уровень эмоционального благополучия студентов аналогичным образом рассчитывается УЭБ для каждого исследованного условия.

Таблица 2

Как часто Вы испытываете негативные эмоции (страх, тревога, раздражение)?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ ВАШ ПОЛ:	Все опрошенные, N=	Все опрошенные, %%	Как часто Вы испытываете негативные эмоции (страх, тревога, раздражение)?					Уровень эмоционального благополучия, %		
			несколько раз в день (неблагополучные)	несколько раз в неделю (тревожные)	несколько раз в месяц (неспокойные)	несколько раз в год (спокойные)	не испытываю (благополучные)	УЭБ абсолютный %%	УЭБ относительный %%	УЭБ интегральный %%
N=	541*		128	198	136	49	28			
%%		100,0	23,8	36,7	25,2	9,1	5,2	45,7	45,7	45,7
Мужской	182	33,6	38,3	27,8	27,2	51,0	53,6	47,5	70,9	59,2
Женский	354	65,4	59,4	71,7	72,1	49,0	46,4	45,1	57,7	51,4
Не ответили	5	0,9	2,3	0,5	0,7	0,0	0,0			
Итого:	541	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0			

*Два респондента не ответили на вопрос о частоте негативных эмоций .

Эмоциональное благополучие студентов у респондентов мужского пола несколько лучше, чем у респондентов женского (УЭБи 59,2% против 51,4%).

Таблица 3

Как вы оцениваете свое здоровье?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ?	Уровень эмоционального благополучия, %
Хорошее	66,3
Удовлетворительное	46,1
Плохое	19,7

Общее хорошее здоровье весьма и весьма способствует повышению уровня эмоционального благополучия.

Таблица 4

Вы курите?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Уровень эмоционального благополучия, %
ВЫ КУРИТЕ?	
Да	40,6
Нет	57,1
Иногда	49,1

С возрастанием интенсивности курения снижается уровень эмоционального благополучия.

Таблица 5

Как часто вы употребляете алкоголь?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Уровень эмоционального благополучия, %
КАК ЧАСТО ВЫ УПОТРЕБЛЯЕТЕ АЛКОГОЛЬ?	
Несколько раз в неделю	27,3
Несколько раз в месяц	46,6
Несколько раз в год	57,6
Не употребляю	61,2

По мере повышения частоты употребления алкоголя снижается уровень эмоционального благополучия.

Таблица 6

Что вы делаете большую часть времени:

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Уровень эмоционального благополучия, %
В ТЕЧЕНИЕ ДНЯ ВЫ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ:	
Сидите	39,1
Стоите	40,4
Ходите	65,8
Одно сменяет другое	60,8

Двигательная активность повышает уровень эмоционального благополучия.

Таблица 7

Вы поддерживаете свою физическую форму специальными упражнениями?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ СВОЮ ФИЗИЧЕСКУЮ ФОРМУ СПЕЦИАЛЬНЫМИ УПРАЖНЕНИЯМИ?	Уровень эмоционального благополучия, %
Да, каждый день	61,7
Да, иногда	56,9
Нет	42,4

Поддержание физической формы специальными упражнениями повышает уровень эмоционального благополучия.

Таблица 8

Делаете ли вы утреннюю зарядку?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ ДЕЛАЕТЕ ЛИ ВЫ УТРЕННЮЮ ЗАРЯДКУ?	Уровень эмоционального благополучия, %
Да, каждый день	66,6
Да, иногда	63,5
Нет	49,8

Утренняя зарядка повышает уровень эмоционального благополучия.

Таблица 9

Проводите ли вы закаливающие процедуры?

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ ПРОВОДИТЕ ЛИ ВЫ ЗАКАЛИВАЮЩИЕ ПРОЦЕДУРЫ?	Уровень эмоционального благополучия, %
Да, каждый день	68,4
Да, иногда	63,2
Нет	51,4

Закаливающие процедуры повышают уровень эмоционального благополучия.

Выводы. Исследованные факторы физической активности в практически равной мере положительно воздействуют на эмоциональное благополучие студентов. Несколько более эффективными в этом плане предстают: ежедневные закаливающие процедуры (УЭБи 68,4%); ежедневная утренняя зарядка (УЭБи 66,6%); правильный режим питания (УЭБи 66,0%); подвижность большую часть дня (УЭБи 65,8%).

Факторами, в наибольшей мере снижающими уровень эмоционального благополучия студентов предстают: употребление алкоголя несколько раз в неделю (УЭБи 27,3%); частые (несколько раз в год) заболевания гриппом и ОРЗ (УЭБи 37,3%); малоподвижный образ жизни (УЭБи 39,1%); курение (УЭБи 40,6%).

P.S. Правда, остается вопрос: можно ли считать эмоционально здоровыми людей, не испытывающих негативных эмоций? И, возможно, надо было параллельно собрать данные о частоте переживания положительных эмоций?

Но теперь это уже другая тема...

Anastasia A. Gizatulina¹
Alexander A. Taradanov²

FACTORS OF PHYSICAL CULTURE IN EMOTIONALLY PRAGMATIC STUDENTS

¹Cand. Sci (Soc.). Associate professor of the department of social work and sociology. Chelyabinsk State University.

gizatulinaaaa@mail.ru

²Dr. Sci. (Soc.). Professor of the department of social work and sociology. Chelyabinsk State University.

taradanov@csu.ru

Abstract

The most effective emotional factors students have discovered are the explicit procedure, the wasted charge, the right mode of illness, the day of departure.

Factors, in which the most emotional students of the emotional bourgeoisie, have been discovered: Particularly (several times in a week) the use of alcohol; (several times in the year) of the influenza; a lifeless image of life; drying.

Keywords

The emotional factor of gratitude; physical culture; negative emotions; student.

УДК 331.108.38, 331.108.44 ББК: 60.561.2

Толмачёва Кристина Сергеевна –
социолог ООО «КА «Спектр»

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор
Мельник Владимир Владимирович

СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА «МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ»

Ключевые слова: трудоустройство, выпускник, рынок труда, работодатель, специалист.

Проблему трудоустройства можно рассматривать в контексте поиска работы как в общем, так и по специальности, здесь будет рассмотрен именно второй аспект. Сложность трудоустройства выпускников на работу по специальности объясняется двумя причинами:

1) набор преподаваемых в вузах специальностей и профессий не соответствует запросам рынка труда. Например, в настоящее время на рынке труда наблюдается повышенный спрос на специалистов в области продаж, поскольку в условиях кризиса поддержание продаж на докризисном уровне является для многих компаний шансом успешно пережить кризис и продолжать развиваться. Высокого уровня продаж можно достигнуть только за счет активного продвижения на рынок своих товаров и услуг. Однако вузы специалистов в области продаж практически не готовят. Зато наблюдается переизбыток других профессий, например, экономистов, юристов, PR-менеджеров.¹

2) большинство работодателей ищут специалистов, имеющих практический опыт работы, а соискатели без такового ими не рассматриваются. В зависимости от полученной специальности выпускнику без опыта работы будет проще или сложнее устроиться на работу по специальности впервые. Можно сказать, что чем больше какая-то профессия требует специальных знаний и меньше практических навыков, тем проще будет устроиться на работу специалисту по этой профессии.

Многие студенты на последних курсах своего обучения начинают работать. Однако такая работа зачастую не вписывается в график учебного процесса и отвлекает от учебы, к чему преподаватели вузов, естественно, относятся негативно. К тому же, зачастую их работа не связана напрямую с получаемой специальностью.

---

¹ Федотова Н. Профессиональный потенциал выпускников вузов //Человеческие ресурсы. – 2010. – № 3. – С. 37.

Также немаловажной проблемой для выпускников вузов является низкий уровень оплаты их труда, который предлагают потенциальные работодатели. Решение данной проблемой может стать всего лишь вопросом времени, если выпускник устроится на работу по специальности. Приобретя опыт работы, он сможет рассчитывать на большую заработную плату.

До сих пор не сформирована система содействия трудоустройству выпускников вузов, которая бы была основана на единой системе стандартов, объединяющей требования работодателей, профессионалов и представителей высшей школы. И. Задорожная доказывает, что необходим синтез социальных институтов образования и занятости. Система профессиональных стандартов могла бы стать этим связующим звеном, являющимся также основным инструментом развития и управления качеством рабочей силы¹.

Кроме того, проблемой, препятствующей трудоустройству выпускников, является их личная неготовность к рабочей деятельности. На процесс трудоустройства выпускников вузов, как полагает И. Задорожная, влияет не только качество профессионального образования, но и развитие личности будущего специалиста в процессе обучения, его подготовка к адекватному и мобильному поведению на рынке труда, поэтому необходимо внедрение трехуровневой профессиональной подготовки для формирования профессиональной, социальной и специальной компетенций, что позволит студенту, стать субъектом устойчивого развития собственных ресурсов².

Фактически, многих выпускников, поступающих на предприятия, приходится переобучать. Актуальную информацию они могут получить на курсах повышения квалификации, организованных совместно с крупными производственными концернами или по профильным сертифицированным программам переобучения персонала. Эти курсы крайне дороги, чаще всего они оплачиваются централизованно работодателем, их прохождение значительно повышает рейтинг соискателя на рынке труда³. Организации, занимающиеся обучением на таких курсах, сотрудничают с работодателями, а не с учебными заведениями, так как первые заинтересованы в повышении квалификации своих кадров, более мобильны, имеют средства для оплаты обучения. Сотрудничество с вузами затруднено в силу объективных причин: необходимостью финансирования, приобретением специального оборудования⁴,

---

¹ Задорожная И.И. Трудоустройство выпускников вузов: социологический анализ. Дисс. на соискание степени канд.социол.н. – М., 2004. – С. 19-20.

² Там же. С. 20.

³ См. напр., расценки на сертифицированные курсы повышения квалификации для рабочих разного профиля НОУ Международного института технических инноваций: http://iiti.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=235&Itemid=98

⁴ Например, в НОУ «МИТИ» используются запатентованные технологии обучения на мобильных стендах, моделируются ситуации решения рабочих задач, возможно обучение без отрыва от производства с использованием мобильных стендов и модульных устройств (из интервью с Коршуновой Н.С., директором НОУ «МИТИ»)

бюрократическими сложностями, длительностью решения рабочих вопросов, незаинтересованностью руководства учебных заведений в сотрудничестве и пр.¹

В связи с этими трудностями выпускники вузов выбирают разные стратегии трудоустройства. Уточним, что мы будем понимать под «стратегией». Вообще говоря, общее определение этого понятия звучит следующим образом: стратегия – это конкретный долгосрочный план достижения некоторой цели². Или, иными словами, это интегрированная модель действий, предназначенных для достижения целей. Содержанием стратегии служит набор правил принятия решений, используемый для определения основных направлений деятельности³. В теории менеджмента существует достаточно много подходов к определению стратегии.⁴

В социологической литературе стратегии трудоустройства – достаточно разработанная тема. Социологи, экономисты, психологи и специалисты по менеджменту предлагают различные типологии трудоустройства, анализируют причины формирования тех или иных стратегий, описывают факторы, детерминирующие те или иные способы поведения при поиске работы⁵. К сожалению, в большинстве работ мало внимания уделяется определению понятия «стратегии трудоустройства» – оно принимается по умолчанию как доступное и понятное для читателя.

Если говорить о стратегии трудоустройства, то важно понимать, что ее выбор зависит от многих факторов: ситуации на рынке труда, личного опыта, профессии, карьерных и зарплатных ожиданий соискателя, а также от «закрытости» или «открытости» сферы деятельности: насколько высок «порог», который необходимо преодолеть для устройства на работу. Кроме того, выбор стратегии будет также зависеть от способов поиска работы в этой сфере: например, в ряде отраслей, компаний или на определенных статусных уровнях «работают» только неформальные способы трудоустройства. Также нужно понимать, что выбор стратегии также зависит от личных предпочтений и навыков соискателя.

---

¹ Информация о специфике сотрудничества с учебными заведениями получена от директора НОУ «МИТИ» Коршуновой Н.С.

² Стратегическое управление и планирование. www.stplan.ru/articles/theory/strategy.htm

³ Стратегия – понятия и определение. Классификация стратегий. // Все о стратегиях. Электронный ресурс. <http://www.stplan.ru/articles/theory/strategy.htm>

⁴ Например, подборка определений понятия «стратегия» в менеджменте представлена тут: <http://humeur.ru/page/opredelenie-ponjatija-strategija>

⁵ См: Борисова А.А. Стратегии трудоустройства студентов вузов. // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4; Матвеев В.Д. Стратегии поиска работы на российском рынке труда http://www.aspe.spb.ru/Papers/24_8.pdf; Козина И.М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // СОЦИС. – 1997. – №4; Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // СОЦИС. – 2003. – № 7;

А. Шваков под стратегией поведения понимает механизмы адаптации молодежи к новой ситуации: действия, поступки, которые индивид совершает для преодоления возникших проблем и достижения определенных целей¹. Таким образом, он актуализирует важный аспект выбора стратегии в ситуации изменчивости положения на рынке труда, который также стоит учесть при определении понятия.

Стратегию трудоустройства можно рассматривать и как часть более широкого феномена – стратегии жизненного пути, как это делает Б.Г. Иванченко²: как одну из жизненных стратегий личности. Наличие такой стратегии, с одной стороны, говорит о психологической зрелости индивида, она предполагает элементы рационального, сознательного планирования действий, но, с другой стороны, далеко не всегда содержит этот компонент – стратегия жизни личности может быть и деструктивной, она может содержаться в несамостоятельности поступков, ориентации на социальную поддержку, избегание принятия решений и пр³. Таким образом, определяя стратегию трудоустройства, мы сознательно не будем указывать на ее рациональный, конструктивный характер – это может быть свойственно лишь определенным типам стратегий, но далеко не всем.

Стратегия трудоустройства складывается из совокупности используемых способов трудоустройства – это последовательность действий в рамках правил принятия решений, определенная модель поведения на рынке труда, а также используемые индивидом механизмы адаптации к изменениям на нем.

В настоящее время статус «молодой специалист» является формальным и базируется на легитимном образовании и соответствующем ему формальном престиже, определенном роде деятельности. Е. Омельченко пишет, что молодого специалиста сегодня отличают, наряду со способностью легко включаться в рыночные отношения, также зависимость, неопытность и бесправие. При конструировании стилевых групп в зависимости от характера реализации формального статуса, Е.Л. Омельченко получен основной вектор измерения современных стилей жизни: от мобильного/инновационного – до стабильного/традиционного. Первая группа названа «бегущие». Это молодежь, наиболее адекватно включенная в условия меняющейся России с ярко выраженными инновационными стилевыми качествами. «Идущие» – вторая группа, стремится к пошаговой реализации потенциала, к избеганию риска и неопределенности. Третья группа - «догоняющие» - к ней относятся молодые

---

¹ Цит. По: Дугаржапова А.Д. Стратегии поведения безработной молодежи в пространстве современной цивилизации. <http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-povedeniya-bezrabotnoy-molodezhi-v-zhiznennom-prostranstve-sovremennoy-tsivilizatsii>

² Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора //Мир России, 2015, № 2. С. 102.

³ Там же. С. 102-103.

люди, у которых отмечаются черты инновационных и традиционных стратегий. Четвертая группа – «отстающие», для них характерны «вынужденные практики» вследствие материальной и социокультурной депривации.

Дополнительные факторы, которые способны «усилить» шансы на успех, это: переобучение, тренинги, стажировки, использование неформальных каналов поиска работы наряду с формальными, сбор рекомендаций у прежних работодателей, временная работа или фриланс и пр.

Хотелось бы также добавить, что проблема трудоустройства выпускников вузов на сегодняшний день стоит очень остро: дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, востребованность специалистов с опытом работы, не всегда положительная социальная политика работодателей – все свидетельствует о вызовах высшей школе со стороны рынка труда, которые все чаще получают социологическое осмысление в научных публикациях.

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // СОЦИС. – 2003. – № 7
2. Борисова А.А. Стратегии трудоустройства студентов вузов. // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4
3. Задорожная И.И. Трудоустройство выпускников вузов: социологический анализ. Дисс. на соискание степени канд.социол.н. – М., 2004. – С. 19–20.
4. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора //Мир России, 2015, № 2. С. 102
5. Козина И.М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // СОЦИС. – 1997. – № 4.
6. Федотова Н. Профессиональный потенциал выпускников вузов // Человеческие ресурсы. – 2010. – № 3. – С. 37.
7. Электронный ресурс. Матвеев В.Д. Стратегии поиска работы на российском рынке труда http://www.aspe.spb.ru/Papers/24_8.pdf; (дата обращения 04.09.2017 г.)
8. Электронный ресурс. Стратегическое управление и планирование. www.stplan.ru/articles/theory/strategy.htm (дата обращения 04.09.2017 г.).
9. Электронный ресурс. <http://www.stplan.ru/articles/theory/strategy.htm> (дата обращения 05.09.2017 г.).

УДК 316.33, ББК 60.54

Фокина Анна Борисовна –

соискатель

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: fokinaab@tyuiu.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТРАНСФЕССИОНАЛИЗМА МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: трансфессионализм, молодежь, трансформация, образование, профессиональный потенциал.

В условиях трансформации российского общества актуальными остаются проблемы трудоустройства выпускников. Молодые люди представляют собой активную часть общества, которой предстоит принять непосредственное участие в решении финансовых, управленческих и производственных проблем, стоящих перед компаниями и страной в целом. Вместе с тем, молодые люди не всегда готовы к трудовой деятельности [2].

Как считает А.И. Кравченко [3], изменяется модель поведения молодежи в направлении постоянного расширения кругозора, пополнения знаний и овладения смежными профессиями. Необходимость мгновенного переключения с одной области профессиональной деятельности на другую, своевременного реагирования на изменение ситуации во всех сферах жизнедеятельности, постоянного, в течении всей жизни обучения – все это очерчивает контуры реальности, с которой предстоит столкнуться будущим молодым специалистам.

В данных условиях очевидным следствием является повышение требований к молодым выпускникам, их коммуникативным, интеллектуальным способностям, профессионализму и готовностью к профессиональной деятельности в непредсказуемых, рискованных ситуациях, требующих умение осуществлять трудовую деятельность на стыке различных профессий [4, 7].

Условия современной действительности актуализируют необходимость развитие профессионального потенциала молодежи в контексте трансфессионализма.

Развитие трансфессионализма способно обеспечить переход от подготовки специалиста посредством реализации программ высшего образования индустриального формата к подготовке трансфессионала, – специалиста, владеющему компетенциями постиндустриального общества, обладающему опытом реализации инновационно-технологических, исследовательских, социокультурных и других проектов. Кроме того,

трансфессионализм подразумевает владение глубокими знаниями междисциплинарного и трансдисциплинарного характера.

Исследование научной литературы позволяет отразить несколько подходов к развитию трансфессионализма молодежи.

Первые два подхода, предложенные П. В. Малиновским на XI чтениях, посвященных памяти Г. П. Щедровицкого, заключаются в следующем [5].

Во-первых, управление знаниями, т.е. изобретение универсальных технологий раньше других и их эффективное и умелое использование.

Во-вторых, искусство конфигурирования и комплексирования знаний и профессионалов из различных сфер деятельности для решения проблем. Иными словами – формирование команд лидеров.

В-третьих, «образование через всю жизнь» (Lifelong learning). Согласно Н.В. Наливайко, В.И. Паршикову [6], на современном этапе образовательная политика осуществляет поворот от проекта «Человек знающий» к образовательному проекту «Человек-трансфессионал», определяя этой трансформацией принципы современных образовательных технологий, первое место среди которых занимает «образование через всю жизнь».

В-четвертых, развитие компетентностного подхода в рамках образовательных процессов подготовки бакалавров и магистров.

В данном отношении В.С. Ефимов считает, что «трансфессионал» будет обладателем «гибкой специальности», «компетентным работником», приходящим на смену «специалиста» [1].

Следует заметить, даже внутри одной профессии (в силу специфики и разнообразия решаемых задач) осваиваемые молодежью наборы компетентностей отличаются все больше и больше, т. е. рост числа профессий и разнообразия осваиваемых компетентностей, знаний, умений и навыков внутри профессий требует развития индивидуальных образовательных программ, формируемым согласно запросам каждого, отдельного студента.

Таким образом, пятым подходом к развитию трансфессионализма молодежи можно считать инновационное развитие образовательного процесса в контексте индивидуализации обучения.

Считаем, что в комплексе выделенные подходы к развитию трансфессионализма молодежи в трансформирующемся обществе смещают акцент с односторонней активности профессорско-преподавательского состава на самостоятельное обучение, ответственное отношение к образовательному процессу и активность самих обучающихся.

Важно подчеркнуть, что трансформация российского общества, связанная со стремительными темпами обновления технологий и знаний, требует от молодых выпускников трансфессионализма, актуализация которого зависит от развития профессионального потенциала студенческой молодежи.

В связи с этим представляется целесообразным разработку и реализацию социокультурных мероприятий по развитию профессионального потенциала обучающейся молодежи. При этом обозначенные выше подходы к формированию трансфессионализма можно рассматривать в качестве базы, стратегических ориентиров развития профессионального потенциала молодых.

Список литературы:

1. Ефимов В.С. Вызовы будущего: высшая школа России в ситуации постиндустриального перехода // Вестник НГУЭУ, 2012. № 3.
2. Колтунова Ю.И. Трудности, возникающие перед выпускниками вузов, на разных этапах трудоустройства // Сборник «Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции», 2014. – С. 122–125.
3. Кравченко А.И. Социология в вопросах и ответах. Издательство «Проспект», 2014.
4. Ламажаа Ч.К.О. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение, 2011. № 1. – С. 262–264.
5. Малиновский П.В. ММК в эпицентре кризиса цивилизационной идентичности, или может ли методология стать профессией? // Материалы XI Чтений памяти Г.П. Щедровского, 2005. Режим доступа: <http://www.fondgr.ru/lib/seminars/2004-2005/xichten/9> (дата обращения: 9.9.2017 г.).
6. Наливайко Н.В., Паршиков В.И. Профессиональное образование в современном мире: концептуальное осмысление тенденций развития // Профессиональное образование в современном мире, 2011. № 1. – С. 4–10.
7. Хайруллина Н.Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика, 2014. № 3 (42). – С. 74–80.

Чеканова Елена Николаевна –
методист программного отдела АНО
«Агентство современных коммуникаций»
г. Тюмень

Васильев Дмитрий Дмитриевич –
руководитель программного отдела АНО
«Агентство современных коммуникаций»
г. Тюмень
e-mail: echik1512@gmail.com

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПЕРВОКУРСНИКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Ключевые слова: конкурентоспособность, проектная деятельность, социально-профессиональная адаптация первокурсников.

Современное российское общество последние десятилетия находится в интенсивном процессе модернизации различных его сфер. Одним из ключевых направлений развития сегодня является инновационное развитие России, призванное решить ряд проблем, среди которых отмечается проблема повышения конкурентоспособности кадров, создания условий для свободы творчества и самовыражения, стимулирования инновационной активности молодежи.

Так, в стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года одной из основных задач инновационного развития отмечается создание условий для формирования таких компетенций личности, как: способность к постоянному самообучению, совершенствованию, стремление к новому; способность к аналитическому и критическому мышлению, готовность к разумному риску; креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, в команде и пр. [3].

Эти компетенции и являются основным признакам конкурентоспособной личности, к которым относят: способность к самообучению, саморазвитию, самореализации; стремление к качественному конечному результату, способность преодолевать трудности, принимать ответственность, решения; лидерские качества, коммуникабельность, способность к кооперации, сотрудничеству, сотворчеству; творческое отношение к делу, труду, адекватную самооценку, и др. Перечисленные компетенции называют надпрофессиональными, обеспечивающими (а часто и определяющими) развитие общекультурных и профессиональных компетенций будущих выпускников вузов [5], [2].

Необходимым условием формирования конкурентоспособного выпускника является успешное прохождение им адаптационного периода к вузу еще на начальном этапе обучения. Именно на первом году обучения складывается студенческий коллектив, формируются умения и навыки рациональной организации умственной деятельности, командной работы, осознается призвание к избранной профессии, устанавливается система работы по самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности и др.

В первые месяцы обучения в вузе первокурсник очень чувствителен и восприимчив к новшествам среды, легко усваивает нормы, гласные и негласные правила. Этот период является ключевым в процессе формирования будущего специалиста. Не зря большое внимание в современной психологической науке отводится исследованию адаптации первокурсников: гораздо проще правильно сформировать, нежели потом корректировать (что не только сложно, но и чаще всего невозможно).

Адаптация студентов к обучению в условиях вуза условно подразделяется на:

1) социально-психологическую адаптацию – приспособление к структуре, правилам вуза, усвоение новых моделей поведения с преподавателями, студентами, включение в группу, взаимоотношения с ней, выработка собственного стиля поведения (личностно-коммуникативный аспект);

2) профессиональную адаптацию, которая включает в себя:

а) учебно-профессиональную адаптацию – приспособление к характеру, содержанию, условиям учебного процесса, выработка навыков самостоятельности в учении (учебный аспект);

б) социально-профессиональную адаптацию – «вхождение» в специальность и общество, формирование образа себя как специалиста, профессионала, овладение идеологией, нормами будущей профессиональной и социальной деятельности (личностно-профессиональный аспект) (см., например, [1], [4]).

При этом следует отметить, что сегодня большое внимание уделяется социально-психологической адаптированности, в целях достижения которой проводится большое количество мероприятий для первокурсников (тренинговых, социальных, творческих и пр.). В поле зрения находится и учебно-профессиональная адаптация, которая осуществляется профессорско-преподавательским составом в рамках образовательного процесса, кураторами групп.

Социально-профессиональная адаптация же часто не получает должного внимания или рассматривается как побочный результат указанных выше.

В то же время именно она:

- предполагает формирование социально-профессиональной позиции студента как активного деятеля, творца, исследователя;
- способствует развитию стремления к самообразованию, саморазвитию, самореализации;
- позволяет будущему выпускнику выстроить индивидуальную программу личностного развития, обеспечивая его осознанностью, осмысленностью, целесообразностью;
- оказывает влияние на формирование общекультурных, профессиональных и надпрофессиональных компетенций будущего выпускника.

Анализ результатов исследований показывает, что современные первокурсники часто характеризуются:

снижением уровня воспитанности;

- изменением ценностных ориентаций, отсутствием идеологии;
- безыдейностью;
- приоритетом потребительского мышления над продуктивным;
- снижением уровня критического мышления;
- низким интересом к общественно полезной деятельности;
- недостаточным уровнем сформированности навыков планирования, прогнозирования, целеполагания;
- отсутствием адекватного представления о путях своего личностно-профессионального развития, соответствующего потребностям рынка труда.

Кроме того, следует отметить, что потребность современных первокурсников в проявлении активности возрастает, по причине появления, так называемого чувства свободы (ввиду снижения контроля со стороны школы и родителей, изменения статуса). При этом чаще всего она направлена не на саморазвитие и самореализацию, а на различные формы организации досуга, носящие не всегда конструктивный характер (компании, спиртные напитки, экстрим и пр.).

Следствием этого порой становится снижение познавательной активности, пропуски занятий, формальное отношение к образовательному процессу. И абитуриент, который, казалось бы, обладает достаточным уровнем конкурентоспособности (ведь он прошел конкурс отбора в вуз), эту конкурентоспособность в итоге теряет.

Следовательно, возникает ряд вопросов: как организовать конструктивное вхождение вчерашнего абитуриента в профессию? Как помочь ему выстроить программу саморазвития и самореализации? Как перевести активность в конструктивное социальное русло?

Способствовать развитию первокурсника может ряд условий, среди которых выделим следующие.

Наличие конструктивной горизонтальной коммуникации как внутри группы, так вне ее (в рамках студенческих сообществ по интересам, со старшекурсниками, первокурсниками других групп и факультетов). Такая коммуникация способна обеспечить безопасную для самораскрытия и самоопределения личности атмосферу (что немало важно для первокурсника), поддерживать активность студентов на высоком уровне, увлекать и включать их в различные социально полезные виды деятельности (в том числе через реализацию проектов, участие в конкурсах грантов, форумных кампаниях).

Особую значимость в этой коммуникации играет наличие идейных молодежных лидеров, способных заинтересовывать, повести за собой, грамотно организовывать работу, делиться опытом, транслировать принципы активности.

Команда единомышленников на факультете или в вузе, объединенная интересами, открытая для коммуникаций и заинтересованная в новых участниках – также является важным условием, способствующим объединению студентов по интересам, их самореализации и саморазвитию.

Эти условия будут наиболее эффективны, если первокурсник на начало обучения в вузе составит индивидуальную программу развития, базирующуюся на осознанности собственных интересов, способностей, склонностей и соотношении их с возможностями образовательной среды вуза (студенческими сообществами, единомышленниками, групповыми коммуникациями, кафедрами и пр.). Такая программа позволит не столько развить навыки планирования собственного развития, сколько позволит достичь осознанности в процессе самообразования и самореализации, сделает его более целенаправленным, прогнозируемым, регулируемым.

Решением обсуждаемой проблемы может стать наличие профильной специализированной программы «Конкурентоспособный первокурсник», способствующей:

- установлению конструктивной горизонтальной коммуникации в студенческой среде первокурсников, основанной на идеях активности, творчества, саморазвития, самореализации, командной работе;
- выявлению лидерского состава среди первокурсников, формированию актива, способного вести за собой, реализовывать командную проектную деятельность, способствующую развитию надпрофессиональных компетенций будущего выпускника;
- развитию компетенций молодежных лидеров, руководителей студенческих центров, позволяющих обеспечить эффективную трансляцию конструктивной социальной активности в молодежной среде.

Продолжительность такой программы может соответствовать первому году обучения и включать в себя ряд этапов.

1. Оценка степени развития надпрофессиональных компетенций, личностных качеств, интересов, которая позволит составить индивидуальный профиль первокурсника и группы.

2. Тренинг командного взаимодействия, направленный на знакомство первокурсников: 1) с характеристиками конкурентоспособного выпускника, его компетенциями; 2) с ролью активной социальной проектной деятельности в их развитии; 3) с основами эффективной команды проекта, позволяющими осознать собственную ролевую позицию и сформировать основы делового взаимодействия. В результате такого тренинга может быть составлен профиль группы, отражающий микрогруппы по интересам, командные амплуа.

3. Мастер-классы по интересам, организованные руководителями студенческих сообществ и позволяющие наладить непосредственную эффективную коммуникацию, выявить лидеров и одаренных студентов, развить интерес к направлению и повысить мотивацию к участию.

4. Выездное событие для лидеров из числа первокурсников, которые были определены в результате предыдущих мероприятий, ориентированное на формирование лидерского актива и его конструктивную коммуникацию, на глубокое знакомство с основами и технологиями командной работы в проектной деятельности, с самим социальным проектированием, конкурсами грантов различных уровней, формирование практических умений разработки, оформления и защиты проектов, а также развитие личностных качеств (самопрезентации, мотивации и пр.)

5. Следующим этапом может стать предложение образовательных программ по интересам и потребностям: курсы администрирования проектов, курсы лидерства, SMM, молодежных тренеров и пр., которые позволят развить компетенции, познакомить с современными трендами, опытом и др.

6. Организация участия первокурсников в региональном конкурсе грантов: участие в образовательном курсе по реализации проектов, индивидуальных консультациях, в краш-тесте, акселерации, сопровождение проекта.

Такая программа позволит сформировать проектный актив вуза, который с приобретением успешного опыта проектной деятельности, командной работы будет привлекать последующие группы первокурсников, расширять конкурсную географию на различных уровнях, нарабатывая компетенции, создавая портфолио, и развивая профессиональную конкурентоспособность.

Список литературы:

1. Мельник С. Н. Проблема адаптации первокурсников к учебному процессу // Научный журнал Успехи современного естествознания (ISSN 1681-7494 «Перечень» ВАК). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12913> (дата обращения: 02.08.2017).

2. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. – М.: Московский психологосоциальный ин-т; Воронеж: МОДЖ, 2002. – 400 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».
4. Чикина Т. Учебно-профессиональная адаптация первокурсников // Народное образование. Педагогика. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/c/narodnoe-obrazovanie-pedagogika> (дата обращения: 02.08.2017).
5. Юсупова О.В. О развитии конкурентоспособности студентов бакалавриата // Вестник ОГУ №2 (151) /февраль`2013. – С. 294-299.

УДК:316.334.2 ББК:С561.2

Черкашов Евгений Михайлович –

к. социол. наук, доцент,

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: emtch53@rambler.ru

КОНКУРЕНТНЫЕ ПОЛЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

Ключевые слова: краткосрочная конкурентоспособность, долгосрочная конкурентоспособность, конкурентное поле.

Для глобализированного современного общества, во-первых, характерно сервисно-товарное, информационное, технологическое разнообразие и изобилие. Во-вторых, нормой являются интенсивная, многоуровневая, широкая по охвату участников конкуренция; непрерывное инновационное развитие; постоянство изменений, высоких рисков и неопределенностей; виртуализация образа жизни, профессиональной трудовой деятельности и способов ведения бизнеса. В-третьих, главной проблемой субъектов (особенно молодежи) является проблема ориентации и навигации по миру изобилия, конкуренции, инновационности, изменчивости, высоких рисков, неопределенности, но и возможностей. В-четвертых, основными дефицитными акторами являются генераторы и носители системных знаний, компетенций, инноваций; компетентные гиды(навигаторы) по социально-культурному, информационному и виртуальному пространству.

Конкуренция между компаниями, муниципальными образованиями, регионами, странами, как правило, разворачивается по поводу указанных редких акторов. Интенсивная глобальная конкуренция между странами, регионами и компаниями за привлечение и закрепление ключевых акторов составляет ядро современной конкуренции на краткосрочном временном интервале.

Однако, гораздо важнее, перспективнее, стратегически правильное для России сосредоточить свое внимание на формировании долгосрочной конкурентоспособности-на создании и поддержании устойчивой социокультурной среды в сфере образования(общее, все виды профессионального) и практики(работа по найму или организация собственного дела в командах), которые мотивируют учащуюся

---

¹ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект №28.2941.2017/4.6

и работающую молодежь на формирование и обладание системными знаниями, умениями, компетенциями и обеспечение в конечном счете для себя, своей команды, своего города, региона, страны устойчивого тренда: «конкурентоориентированность – ключевые компетенции- конкурентные преимущества – конкурентоспособность».

Формирование указанного устойчивого тренда происходит в социальном пространстве конкурентных полей. Общество – сложная социально-экономическая социокультурная система, включающая коммунальные и деловые составляющие[2], представленная различными пространствами в виде ансамблей полей. Поле,- по П. Бурдье, – это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают[1]. По своей сути социальные поля являются конкурентными полями. Особенно это характерно для современного глобализированного общества, для которого нормой является интенсивная, многоуровневая, широкая по охвату акторов конкуренция. Конкурентное поле, во-первых, по своей структуре представляет собой взаимодействие двух реальностей: реальность первого порядка представлена распределением экономических, культурных, социальных капиталов, определяющим стратегии на достижение позиционной выгоды(прибыли) от лучшей локализации или рыночного позиционирования. Реальность второго порядка представлена конфигурацией символического капитала, обеспечивающей конкурентную борьбу за достижение символической власти -власти конструирования мира в таких образах восприятия, которым акторы доверяют, которым они лояльны и готовы соответствующим образом мыслить и действовать. В процессе функционирования и развития конкурентного поля его реальность первого порядка реализуется через реальность второго порядка и наоборот. Во-вторых, система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления в конкурентном поле формирует алгоритм поведения акторов: конкурентоориентированность- конкурентные преимущества- конкурентоспособность. Для современного глобализированного общества характерно сервисно-товарное, информационное, технологическое разнообразие и изобилие. В этих условиях, сформированы и действуют два типа целостных конкурентных полей: секторальные (отраслевые) рыночно-ориентированные поля бизнеса(дела) с высокой степенью господства ТНК[3,4,5.]; конкурентные поля мест (муниципальных образований, регионов, стран), локусов взаимодействия власти, бизнеса, науки, образования, имеющих общую социально-экономическую и культурно-историческую судьбу, укорененную в прошлом, ищущих ответы на вызовы будущего в настоящем и формирующих свое общее будущее. Противоборство двух указанных полей детерминирует формирование современного российского конкурентного поля

сферы высшего образования и конкурентные поля, непосредственно влияющие на формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности школьников, студентов и работающей молодежи.

Внутренние конкурентные поля школьников представляют собой поля их взаимоотношений в учебном заведении друг с другом и с преподавателями. Внешнее конкурентное поле школьников – это пространство соперничества между школами за привлечение и закрепление лучших учеников в соответствии с их позиционированием на конкурентном поле. Одно дело – элитные гимназии, готовящие выпускников для ведущих вузов, другое дело – школы, ориентированные на средние профессиональные учебные заведения либо на работодателей, наконец, третьи – гимназии, специально созданные при университетах. Особую роль играют факторы, влияющие на внутренние поля, прежде всего на векторы конкурентоориентированности школьников: статус и позиционирование школы во внешнем конкурентном поле; социальный и материальный статус родителей учеников; влияние семьи; влияние виртуального пространства (интернет, социальные сети).

Внутренние конкурентные поля студентов вузов и университетов включают в себя поля их взаимоотношений со своими сверстниками и преподавателями. Внешнее конкурентное поле студентов – это сфера соперничества между учебными заведениями за абитуриентов в соответствии с их позиционированием на конкурентном поле среднего и высшего образования; поле конкурентной борьбы между будущими работодателями за студентов-практикантов.

Внутренние конкурентные поля работающей молодежи – пространство конкурентных взаимоотношений с коллегами (с ровесниками и более опытными) ради профессионального и карьерного роста. Внешнее конкурентное поле работающей молодежи представлено, прежде всего, секторальными рыночно-ориентированными полями бизнеса и конкурентными полями мест-локусов (муниципальных образований, регионов, стран).

Взаимодействие указанных внутренних и внешних конкурентных полей различных групп молодежи формирует конкурентные поля базисных переходов по линии школьная, студенческая, работающая молодежь.

Конкурентное поле выпускников школ за доступ в вузы пересекается с конкурентным полем вузов за привлечение наиболее подготовленных и талантливых выпускников школ. Конкурентное поле выпускников школ за доступ к рабочим местам (наемный работник-работодатель) пересекается, во-первых, с конкурентным полем работодателей за привлечение молодого пополнения, а, во-вторых, с конкурентным полем уже работающей молодежи, желающей переменить место работы.

Конкурентное поле выпускников вузов за доступ, во-первых, к рабочим местам (наемный работник-работодатель); во-вторых, к полю создания,

запуска собственного бизнеса; в-третьих, к программам послевузовского образования пересекается с целым набором конкурентных полей: работодателей за привлечение наемных работников; работающей молодежи, желающей поменять место работы; других претендентов на гранты и поддержку открытия своего дела; университетов за привлечения талантливых и перспективных выпускников вузов для научной деятельности.

Жизненные траектории школьников, студентов из образовательных конкурентных полей продолжают в конкурентных полях профессиональной деятельности, бизнеса, жизни в муниципальных образованиях, регионах и странах. Необходимо обосновать и представить такую модель взаимодействия образовательных конкурентных полей с конкурентными полями «взрослой жизни», которая способствовала бы успешным вариантам жизненных траекторий молодежи.

Список литературы:

1. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. - 576 с.
2. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/88145/Zinov%27ev_-Zarad._Fenomen_zaradnizma.html (Дата обращения: 29.07.2017)
3. Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.
4. Портер М. Конкуренция/Пер. с англ.: М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. – 496 с.
5. Траут Дж. Новое позиционирование. СПб.: Питер, 2001. – 192 с.

УДК 338.24 ББК 65.050

Шестакова Наталья Николаевна –

канд. техн. наук, доцент,

Институт проблем региональной
экономики РАН, г. С.-Петербург

e-mail: nnshestakova@gmail.com

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: трансплантация институтов, стратегическое управление, социальное пространство, образовательный сегмент социального пространства, трансформация образовательного сегмента социального пространства

В качестве исходного выберем следующий тезис: любые намечаемые трансформационные изменения должны базироваться на всесторонне продуманной и научно обоснованной стратегии планируемого к изменению процесса. В свою очередь, каждая стратегия должна покоиться на некоем институциональном каркасе, призванном служить опорой для всей стратегической конструкции, и принципиально не подлежащем изменению, по крайней мере, в рамках планируемого стратегического горизонта. Институциональный же каркас может быть сформирован различными способами. В последнее время в нашей стране это происходит преимущественно путем переноса (трансплантации) на российскую почву и укоренения на ней зарубежных образцов, представляющихся наиболее эффективными или целесообразными. Такие институты могут либо выращиваться на российской почве «с нуля» (по принципу «greenfield»), либо видоизменять/трансформировать имеющиеся отечественные институты (по принципу «backfield»).

При этом за образец чаще всего принимаются институты, позитивно показавшие себя в т.н. промышленно развитых западных государствах.

Трансплантация происходит практически во всех сферах общественно-экономической жизни:

в сферах науки и промышленности пересаживаются, например, кластеры, малые инновационные предприятия (МИПы);

в жилищной сфере – ипотека;

в области образования прививается Болонский процесс (во всей совокупности его проявлений);

в части предпринимательства на ранних стадиях перехода к рыночной экономике использовались различного рода бартерные схемы (пример акад. В.М. Полтеровича) и т.д.

Подобные модели можно найти в банковской сфере, в сфере сберегательных институтов, в управлении общественным сектором и проч.

Между тем, несмотря на все прилагаемые лоббистами (через государство) усилия по насаждению этих разнообразных трансплантированных институтов в российскую действительность, далеко не все они «приживаются». «Трансплантированные институты часто “не приживаются” или “болеют”», – указывает, в частности В.М. Полтерович [10, с.25].

Как правило, результаты пересадки институтов зависят от ряда факторов, способствующих <потенциальной> приживаемости и последующему расцвету одних трансплантированных институтов, деформации либо более или менее жесткому отторжению других. «Результаты трансплантации определяются взаимодействием трех групп факторов: а) социокультурными характеристиками; в) начальными институциональными и макроэкономическими условиями; с) выбором технологий трансплантации.

<...> При удачной трансплантации за относительно короткий период происходит позитивная адаптация института к новой институциональной и культурной среде: институт выполняет в стране-реципиенте ту же роль, что и в экономике–доноре» [10].

В качестве еще одного важного фактора, определяющего эффективность процесса трансплантации, В.М. Полтерович называет «вмешательство нерыночных сил, прежде всего государства» [10].

Авторский коллектив Я. Кузьмин - В. Радаев – А. Яковлев – Е. Ясин придерживаются по этому поводу иного мнения: «Чтобы культивирование институтов оказалось успешным, требуются как минимум три элемента: достаточное время; специальные усилия; частичные компромиссы» [3, с. 16–17].

Между тем, как показывает практика, пересаживание институтов не дает ожидаемых результатов. «Нередко, – отмечает В.М. Полтерович, – трансплантированный институт оказывается дисфункционален, “не работает” в новых условиях» [10].

Применительно, например, к российской ситуации в части заимствования судебных и политических институтов в качестве основной причины неудачи он указывает «несовместимость преобразований с господствующими в стране-реципиенте неформальными нормами. <...> неудача российских экономических реформ коренится в особенностях социокультурных характеристик российского общества, унаследованных от советского периода и препятствовавших эффективной реализации “импортируемых” норм рыночного поведения» [10 со ссылкой на 5, 6, 7, 13].

Сценарий развития событий в случае неудачи, как правило, типичен и выглядит следующим образом:

- заявляется, что найден институт-«панацея», узловой и т.п. для решения какой-либо актуальной проблемы, например, для запуска инновационной экономики;

- выделяются <как правило, значительные> средства на реализацию заявленной идеи на практике; подстраивается законодательная база, при необходимости налоговая система и т.п.;

- под «новым флагом» формируются или, что происходит чаще, имитируются <требуемые> результаты, в реальности представляющие собой небезызвестные потемкинские деревни (например, научно-производственные объединения объявляются кластерами);

- опытным путем устанавливается неэффективность этих импортируемых институтов-«панацей»;

- возникает т.н. институциональная ловушка (продолжение насаждения нового института, сопровождающееся вложением средств vs откат на старые позиции);

- затухание и <тихое> сворачивание объектов, запущенных под флагом панацеи;

- объявление новой панацеи и т.д.

Однако описанный процесс нельзя определить как спираль, он больше напоминает движение по кругу.

Примерные варианты подобных схем (без акцента на окончательный результат «успех/провал») описаны, например, тем же авторским коллективом Я. Кузьмин – В. Радаев – А. Яковлев – Е. Ясин.

Заметим, что мы исключили из объектов исследования категорию целей, поскольку они во всех без исключения случаях носят <номинально> прогрессивный характер, преследуют благие прообщественные и/или проэкономические цели.

В целом же процесс привнесения различного рода институтов на новую для них почву можно, по нашему мнению, уподобить метеоритному дождю, падающему на Землю <взаимодействию метеоритного дождя, направляющегося к Земле, с его атмосферой>: одни метеориты/институты, пробивая атмосферу, вонзаются в земную поверхность, вызывая возмущения. Другие – сгорают в атмосфере, не долетев до поверхности и не оставив каких-либо существенных следов; третьи же «увязают» в атмосфере, провоцируя турбулентность. Сообразно этой аллюзии пространство вокруг трансплантатов, зацепившихся в атмосфере или на земной поверхности, видоизменяется: оно может деформироваться (например, вытягиваться – сжиматься или расширяться – сужаться и т.п.), менять свои контуры, терять состояние устойчивости, приобретать одни либо утрачивать другие свойства, etc.

Обратимся к исследованию заявленного образовательного сегмента социального пространства, включая установление границ управляемости этого сегмента как объекта стратегического.

Отталкиваясь от тезиса о подавляющем превалировании в современной системе образования достаточно новых привнесенных (трансплантированных) институтов, следует говорить о том, что большинство из них, плохо/слабо «укореняясь» (термин Кузьмина – Радаева – Яковлева - Ясина [4]) на российской почве, провоцируют формальные органы управления всех уровней на попытки предусмотреть максимально возможное количество потенциальных вариантов процесса укоренения/ насаждения вновь вводимых и/или недавно введенных институтов и, тем самым, определить границы и, траектории вероятного развития событий. Органы, принимающие управленческие решения, пытаются унифицировать эти процессы путем оформления и закрепления алгоритмов/ протоколов действий, участников процессов и т.п. в регламентирующих документах, тем самым ограничивая акторов, долженствующих фактически реализовывать процесс трансплантации, в известном смысле жестким «прокрустовым ложем» подконтрольного пространства посредством производства циркуляров и иных форм бюрократического управления, регулирования и организации.

Довольно детально рассматривает примеры не слишком удачной трансплантации институтов или институциональные конфликты в сфере высшего образования на опыте присоединения России к Болонскому процессу, например, И.В. Воробьева [2]. Она приводит четыре примера «приживаемости» или «приживления» импортированных в составе Болонского процесса институтов.

1. Принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней. Фактически же это положение приняло вид конфликта между «старой», традиционно существовавшей в России иерархией образовательных уровней (плавно перетекающих в научные) и их результатов (специалист со средним специальным образованием → специалист с высшим образованием → кандидат → доктор наук) и новой двухуровневой системой образования, завершающейся присвоением степеней бакалавра и магистра. Ясности по вопросу отличий квалификации бакалавра от специалиста с высшим и/или средним профессиональным образованием, или от магистра нет до сих пор ни у работодателей, ни у населения. Как показал опрос, проведенный Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди 1000 представителей отечественных организаций и предприятий [1], 35% работодателей приравнивают кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование; 8% же рассматривают их наравне с претендентами, имеющими среднее специальное образование. Некоторые респонденты весьма непосредственно характеризовали бакалавров как «недоделанных специалистов». «Смотрю на вуз, выдавший

диплом. Провожу усиленную проверку»; «Предпочитаем специалистов, закончивших магистратуру, хотя все относительно...» – комментируют они. 13% россиян воспринимают бакалавриат практически как среднее специальное образование: «И даже ниже, так как в колледжах профессиональная подготовка выше, чем в вузе». Та же путаница сегодня имеет место с соотношением степеней магистра и кандидата наук, подбора аналога докторской ученой степени в западной научной иерархии.

2. Принятие системы, основанной на двух циклах обучения – постепенного и послестепенного (*undergraduate & graduate studies*). В реальности исполнение этого положения, подразумевающего свободу выбора магистерских программ вне зависимости от профиля полученного на уровне бакалавриата образования, спровоцировала конфликт на уровне организации учебного процесса между профильными (или имеющими необходимые для последующей углубленной подготовки, ориентированной на выполнение исследовательских функций базовые знания, навыки и умения) студентами и непрофильными, или сменившими специальность магистрантами, такими базовыми основами не располагающими.

3. Учреждение системы кредитов (обеспечивает перезачетную и накопительную функции, используется в приложении к диплому (*Diploma Supplement*)). В российской действительности подразумеваемая под этим вариативность траекторий индивидуального обучения и смещение акцента в направлении самостоятельной работы студентов натолкнулось на исторически присущие отечественному образованию правила формирования строгого расписания и устойчивых студенческих групп. Это привело к компромиссному отечественному варианту «пакетного» предоставления набора дисциплин в рамках 2-3 образовательных траекторий.

4. Содействие мобильности: устранение препятствий для свободного перемещения студентов, преподавателей, исследователей и управленцев. Претворение этого принципа в практику натолкнулось, как минимум, на два препятствия. Во-первых, непроработанность самого принципа начисления и учета кредитов в различных отечественных вузах. Во-вторых, фактическое отсутствие открытого рынка трудоустройства ввиду сохраняющейся непризнаваемости дипломов, выданных подавляющим числом российских вузов.

Важным компонентом Болонского процесса является также использование компетентностного подхода при оценке результатов завершения образовательных программ, что формально закреплено в ФГОС. Однако в действительности оценка достижимости этого результата осуществляется на основе прежнего подхода: через комплекс «знания-умения-навыки».

В целом И.В. Воробьева вполне справедливо, по нашему мнению, комментирует текущую ситуацию с переходом к Болонскому процессу: «Реализация основных принципов и направлений Болонской декларации

в российском образовательном пространстве происходит с большими сложностями и поправками на существующие реалии. <...> в действительности плюсы <Болонской системы> становятся минусами из-за сложностей их реализации, отсутствия технологии их практического воплощения, несоответствия реалиям. Таким образом, получается, что многие положения в теории смотрятся неплохо, а на практике мы имеем дело с формальным воплощением заявленных идей, которые остаются удачными только на бумаге. <...> многие специалисты-исследователи согласны с тем, что Болонский процесс продолжит реализацию в российских вузах, но «на свой манер» [2].

Обратим внимание: те же процессы возникновения институциональных конфликтов происходят и на границах образовательного сегмента социального пространства. Примером тому может служить наблюдаемая сегодня попытка повсеместного внедрения профессиональных стандартов (как сопряженных с ФГОСами институтов) [11, 12]. С одной стороны, простая логика свидетельствует о возможности введения такого рода инноваций, с другой же стороны, - отсутствие для этого какой-либо базовой инфраструктуры (органов, а также процедуры независимого оценивания и т.п.) не просто затрудняет имплантацию, но и провоцирует разного рода перекосы, равно как и порождает чрезмерную бюрократизацию при внедрении всей конструкции.

Изложенное свидетельствует об институциональных конфликтах или о сбоях в процессах трансплантации или не достижении поставленной цели именно на уровне управления этими процессами, а также о стремлении к установлению в отечественной практике искусственно расширительных границ управляемости, по крайней мере, в рамках образовательного сегмента социального пространства.

Список литературы:

1. 43% работодателей бакалавров от магистров не отличает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/news/1270/>
2. Воробьева И.В. Парадоксы реализации принципов Болонского процесса в российском образовательном пространстве // ВЕСТНИК РГГУ Серия «Социологические науки» № 2 (103), 2013. С. 74–79.
3. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы Экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27.
4. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: От заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений. М.: ГУ–ВШЭ, 2005, 54 с., с. 16–17.

5. Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-российски: Мониторинг общественного мнения. (ВЦИОМ). 2000. № 1 (45);
6. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // МЭиМО. 1997. № 12; 1998. № 1;
7. Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 206–209;
8. Ослунд А. “Рентоориентированное поведение” в российской переходной
9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы, ЦЭМИ РАН и РЭШ, М.: 1999, 37 с., с. 4, 11.
10. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов// Экономическая наука современной России, 2001, № 3, с. 24–50, с. 25.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
12. Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации»
13. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. and Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. Policy Research Working Paper, No. 2312, The World Bank Institute, 2000. 44 pp.

УДК 316.354:351/354 ББК

Шестернин Егор Евгеньевич –

аспирант,

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: egorshest@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: безработица, социальная адаптация, информационное общество, трудоустройство выпускников ВУЗа.

Высшее образование и успешное трудоустройство выпускников ВУЗов выступают важнейшими процессами социализации современного человека. В условиях модернизации и информатизации общества, человеку требуется все больше прикладных навыков и знаний для социальной адаптации. С одной стороны, развитие информационных технологий упрощает процессы социализации человека, с другой становится причиной ряда социальных проблем. Для успешной адаптации выпускников невозможно использование устаревших социальных инструментов, необходимо изучение и разработка новой системы методов, которые соответствуют системе ценностей и социальных взаимодействий молодого поколения. Согласно статистике, человек проводит на работе в среднем от 20-25% процентов своей жизни. В процессе трудоустройства выпускник сталкивается с системой, которую характеризуют устоявшиеся социальные признаки, такие как организационная культура, социальные группы разного возраста и определенный набор социальных механизмов. В свою очередь, развитие информационного общества затрагивает внутренние процессы организаций. Принято считать, что знания и навыки в XXI-ом веке станут главным ресурсом для социализации человека, а доступность знаний и скорость приобретения навыков станет одним из ключевых факторов стратификации общества и самоопределения индивида.

Какими бы ни были последствия информатизации общества – это объективный процесс, на который сложно повлиять. Помимо этого, такие институты социализации человека как высшие учебные заведения и организации, предприятия, корпорации подвергаются процессу информатизации совершенно по-разному, в связи с чем назревает множество социальных проблем. По данным Росстат численность безработных в январе 2017г. по сравнению с декабрем 2016 г. увеличилась на 185 тыс.человек, или на 4,5%, по сравнению с январем 2016 г. По данным опроса ВЦИОМ (2017)

47% студентов не получают полноценное образование и считают, что не смогут после этого найти работу в большинстве отраслей экономики. В идеальной цепочке подготовки человека к самостоятельной жизни ВУЗ выполняет роль проводника, вкладывая знания и обучая пользоваться необходимыми инструментами. В данном процессе ВУЗ обладает достаточными данными о текущем положении на рынке рабочих мест. Учебное заведение понимает какие специалисты и в каком объеме понадобятся компаниям, чтобы развиваться и приносить прибыль. Однако, когда к этой цепочке подключается человек с его нуждами и потребностями возникает несоответствие между рынком образовательных услуг, рынком труда, потребностями выпускника и его родителей. Если рассматривать детально рынок образовательных услуг в таких отраслях как IT-технологии, финансы и экономика, маркетинг и торговля, возникает проблема короткого инновационного цикла. Это означает, что время подготовки специалиста занимает больше времени, чем коренные изменения в данных отраслях, что приводит к быстрой потере квалификации работником. Безусловно, ВУЗы стараются сократить данный разрыв разрабатывая новые учебные программы, актуализируя старые учебные программы и вводя новые актуальные специальности. Другой важный момент, влияющий на несоответствие рынка труда и рынка образовательных услуг – кем принимается решение о выборе профессии. ВУЗы направляют маркетинговые стратегии на родителей абитуриентов и их социальные стереотипы о престижности профессии. Из этих факторов складываются завышенные ожидания абитуриентов и их родителей, которые приравнивают высшее образование к гарантии социального статуса и будущего трудоустройства. В связи с этим возникают такие проблемы как безработица среди выпускников ВУЗов или их работа не по специальности. Коммерческий сектор в свою очередь не может сгладить вышеуказанные социальные проблемы с помощью своих внутренних ресурсов. Организации вынуждены фильтровать общий поток кандидатов на должность через тестовые задания и неоплачиваемые стажировки, что также оказывает сильное влияние на новоиспеченных специалистов. Безусловно, ориентация ВУЗов на массовый рынок образовательных услуг не может полностью закрыть потребности в узкоспециализированных сферах, более того, сами предприятия не могут конкретно сформулировать свои требования. Совокупность вышеперечисленных факторов формирует почву для работы отечественных социологов. Существует очевидная потребность в современной системе адаптации выпускника ВУЗа, в разработке которой должны принять участие все заинтересованные стороны. ВУЗы и должностные органы, ответственные за контроль качества высшего образования должны уделить больше внимания изучению проблем адаптации выпускников, в свою очередь, крупные предприятия должны найти решение проблемы со своей стороны. Это значит уделить внимание разработке актуальных программ стажировок для выпускников, разработать механизмы проецирующие надобность

в подготовленных специалистов необходимых направлений в понятной форме. Контроль цепочки взаимодействий между ВУЗами и предприятиями даст понятный результат в снижении процента безработицы среди выпускников, создав необходимую платформу для формирования полноценных, социально-адаптированных индивидов, формируя площадку для прямого воздействия на качество и актуальность высшего образования в современной российской действительности.

Список литературы:

1. Елина Е.Г. Развитие гуманитарного образования и проблемы трудоустройства выпускников гуманитарных факультетов // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2011. №11. С. 51–55.
2. Носов А.Л. Проблемы и перспективы трудоустройства выпускников в условиях уровневой подготовки кадров // *Концепт*. 2014. № 12. С. 6–10.
3. Славко Д.А., Козлова В.П., Агалакова А.В. Безработица: проблема трудоустройства выпускников // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2010. № 6. С. 57–58.
4. Третьяков М.С. Проблемы трудоустройства выпускников образовательных учреждений на региональном рынке труда // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 85. С. 365–369.
5. Хомякова Е.И. «Поколение у» в контексте социального взаимодействия в современном обществе // *Известия ТПУ*. 2011. № 6. С. 153–156.
6. Федеральная Служба Государственной Статистики: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2017 года URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/isswww.exe/stg/d01/36.htm (дата обращения: 12.09.2017).

УДК 316.3 ББК 60.5

Якупова Гульнара Анваровна –
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
Набережночелнинский институт, г.
Набережные Челны
e-mail: gulnara_yakupova_2016@mail.ru

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗА: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ И ПРЕСТИЖЕ

Ключевые слова: социальный статус преподавателя, социальная общность, процесс маргинализации интеллигенции, экономический статус преподавателя.

При анализе вопроса социального статуса современных преподавателей ВУЗа затрагивается достаточно широкое проблемное поле. Преподаватели ВУЗов являются составной частью такой более масштабной социальной общности как интеллигенция. В связи с этим их социальный статус, в первую очередь, определяется положением данной общности в иерархической структуре социума. Интеллигенция, которая и в советский период не была достаточно однородной социальной группой, в настоящее время подвержена процессам все более усиливающейся дифференциации и стратификации по уровню богатства, по сфере приложения труда, отрасли [1,6]. Наиболее тревожной особенностью трансформации советской интеллигенции в российскую являются все более усиливающиеся процессы ее «размывания» как специфической группы, занятой высококвалифицированным умственным трудом.

В исследованиях, посвященных этому аспекту проблемы, в частности В.А.Мансуровым, отмечаются три пути постепенного «вымывания» российской интеллигенции. Первый путь проложила значительная часть интеллигенции, перешедшая во властные структуры и ставшая государственными чиновниками, номенклатурой.

Во втором случае речь идет о смене профессии, изменении социально-профессионального статуса в процессе перехода также немалой интеллигенции в коммерческие структуры из сферы интеллектуального труда.

Третье направление представлено внешней эмиграцией специалистов, ученых, писателей, деятелей культуры, докторов наук, т.е. речь идет о потере профессионализма, компетентности, интеллектуальных ресурсов [3].

Отмеченным тенденциям сопутствует также процесс маргинализации интеллигенции, выражающийся в резком несоответствии уровня образования, квалификации, ментальности – по которым она может быть причислена к элите, и экономического статуса, который относит значительную часть интеллигенции к бедным слоям. Постепенное вхождение работников высококвалифицированного умственного труда, объединенных в недавнем прошлом единым бюджетным финансированием, в новые социальные группы и слои, является следствием данных процессов [5].

Наиболее приемлемым и желательным путем для российского общества выступало бы развитие интеллигенции в направлении вхождения в формирующийся средний класс, в рамках которого были бы сохранены ее воспроизводство как специфической группы и высокий социальный статус [7].

Таким образом, можно утверждать о наличии тенденции снижения статуса интеллигенции, которая является следствием, так и причиной перехода ее части во властные или коммерческие структуры, внешней эмиграции, маргинализации и снижения материально-экономического положения.

Указанные тенденции полностью отразились и на входящие в общность интеллигенции социальные группы, в том числе и на преподавателей ВУЗов.

Интересным будет рассмотреть точки зрения различных исследователей относительно причин и последствий снижения социального статуса преподавателя. М.Комиссаров утверждает, что зарплата преподавателей в России в среднем на треть ниже прожиточного минимума, из чего выходит, что преподаватель вуза в соответствии с его низкой зарплатой можно отнести к группе «малообеспеченного» населения [2].

Исследователь Г.Силласте отмечает, что гуманитарная интеллигенция, представителями которой являются и преподаватели вуза, идентифицировала себя со «среднеобеспеченной» группой населения (под группой «обеспеченных» рассматриваются люди, чьи доходы «превышают минимальный потребительский бюджет, но не «доросли» до бюджета людей высокого достатка»). Для россиян финансово-экономическое благополучие важнее социального статуса. Закономерным является первостепенность значимости уровня доходов в основе стратификации трехуровневой структуры современного формирующегося нового российского «среднего класса» и второстепенная значимость социального статуса [8].

В 2017 г. было проведено авторское социологическое исследование, которое было направлено на определение социального статуса преподавателя в современном обществе. При определении методики исследования и составлении инструментария исследования использовались разработки региональных исследователей [4].

Наиболее значимыми факторами, определяющими социальный статус преподавателя, являются материальное положение, уровень благосостояния и оплаты труда, наличие и отсутствие вторичной занятости

и т.д. Данные факторы определяют экономическое поведение преподавателя, направленность его социальных перемещений, а также находят свое отражение в педагогической деятельности.

Данные авторского исследования показывают, что только 26,2% опрошенных преподавателей удовлетворены своим материальным положением в обществе; тогда как большинство 58,5 % не удовлетворены своими доходами от преподавательской деятельности; и только 15,4% респондентов затруднились ответить на заданный вопрос. Стоит отметить, что заработная плата в ВУЗе, для большинства 90,6 % участников опроса составляет основную часть от общего дохода.

Следующей составляющей статуса является вторичная занятость преподавателя. Значительная часть (74,6%) опрошенных преподавателей вынуждены искать дополнительный заработок. Результаты разделились примерно на равные части: репетиторство (32%), научная деятельность (24%), преподавание в других учебных заведениях и предпринимательская деятельность (по 22% каждый вариант).

Несмотря на неудовлетворенность своим материальным положением и вторичную занятость, большинство респондентов (53,8%) не хотели бы сменить свою преподавательскую деятельность на более высокооплачиваемую или более престижную профессию.

Данную тенденцию можно объяснить тем, что значительная часть (51,6%) участников анкетирования мотивом, побуждающим их заниматься преподавательской деятельностью, выбрали призвание к педагогической деятельности; и желание заниматься научно-исследовательской деятельностью 39,1%.

Но из числа тех преподавателей (26,2%), намеревавшихся сменить профессию, назвали следующие причины: неудовлетворенность заработной платой (73,1%); неудовлетворенность отношением руководства (46,2%); завышенная учебная нагрузка (34,6%), неудовлетворенность отношением студентов к обучению (30,8%).

Исходя из результатов опроса, только третья часть опрошенных преподавателей удовлетворены объемом учебной нагрузки согласно занимаемой должности, а 2/3 респондентов хотели бы ее уменьшить. Стоит отметить еще и тот факт, что завышенная учебная нагрузка, не дает возможности в полной мере заниматься научно-исследовательской деятельностью, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью повышения уровня и качества знаний самого преподавателя.

Таким образом, в качестве основных мер, способных изменить и повысить социальный и экономический статус преподавателя ВУЗа можно обозначить:

- создание условий с целью перехода преподавателей как социальной группы в средний слой иерархической структуры российского общества;

- разрешение проблем статусной рассогласованности как за счет повышения уровня дохода преподавателей, так и посредством создания должного соответствия между доходом и выполняемой нагрузкой;
- усиление мотивации выбора профессии преподавателя у молодых специалистов с помощью создания условий для достаточного (приемлемого по рыночным показателям) заработка, карьерного и профессионального роста, условий для творчества и реализации исследовательских замыслов.

Список литературы:

1. Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10–11. – с. 58–67.
2. Комиссарова М. Реформы в образовании // Российская экономика на новых путях (Институт бизнеса и экономики). № 7, 2000.
3. Мансуров В. А. Интеллигенция в структуре общества и власти // Альтернатива социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг. – М.: Социологии РАН. 1995. – С. 40–42.
4. Махиянова А.В. Методика диагностики дисбаланса интернализации как механизма социализации на макроуровне / А.В. Махиянова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – 2013. – Вып. 6. – С. 62–68.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. – 2-ое изд. – М.: Академический Проект, 2002. – 280 с.
6. Попова И. П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. – М., 2004. – С. 26–36.
7. Попова И. П. Средние слои, средний класс в российском обществе – к проблеме соотношения // Социологические исследования. – 2005. № 12.
8. Силласте Г. Стратификация Российского общества – вызов времени. // Обзреватель – Observer. № 12(143). 2001.

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

Секция № 3

**Политико-управленческий
контекст социальных
трансформаций в российских
регионах**

УДК:351/354 ББК: 67.401

Андрейкин Василий Георгиевич –

к.ф.н., доцент

Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень,

e-mail: wasya2001@mail.ru

Ревякина Ольга Васильевна –

к.ф.н., доцент

Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень,

e-mail: o_revyakina@inbox.ru

РОССИЯ: СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Ключевые слова: социальное государство, либерализм, национальное богатство, политические риски

Является ли современная Россия социальным государством? Какое будущее ждет Россию? – эти и многие подобные вопросы сегодня волнуют, как теоретиков, так и простых российских граждан. Процесс формирования российского социального государства начался в середине девяностых годов прошлого века, получившего название периодом становления «либерального российского социального государства». Именно с девяностых годов начали распространяться либеральные идеи и новые представления о социальном государстве как механизме, снимающем противоречия между социальными целями и законами рынка.

Россия – одна из богатейших держав мира, национальное богатство которой составляет 340-380 трлн долларов, и на душу населения национальных богатств в два раза больше, чем в США, и в 22 раза больше, чем в Японии. В России сосредоточено более 21% мировых запасов сырьевых ресурсов, в том числе 45% мировых запасов природного газа, 13% нефти, 23% угля. На одного жителя России приходится 0,9 га пахотной земли – на 80% больше, чем в Финляндии, на 30% больше, чем в США [1]. Кроме того, у России имеется богатый интеллектуальный потенциал, богатые традиции. Большее число мировых научных открытий, сделанных в двадцатом веке – это открытия СССР и России. Из трех признанных величайших вершин развития человеческой цивилизации одна тесно связана с Россией и носит название «Русский девятнадцатый век».

В то же время по четырем параметрам: уровню здравоохранения, размеру пенсий, качеству жизни, материальному благополучию в новом

глобальном индексе Россия в пятерке худших стран для пенсионеров, По разным оценкам страна находится на 50-90 месте в мире по уровню жизни[4, 5].

Сегодня все российские эксперты «в один голос» говорят о необходимости структурных реформ экономики, судебной и правоохранительной системы, без чего страна развиваться не сможет. Очевидно, что это так потому, что решающим условием включения России в процессы мирового развития является успешное решение ее внутренних проблем, одной из которых является совершенно не справедливое распределение национального богатства.

По мнению премьер-министра Российской Федерации, россияне должны спокойно продолжать работу по развитию экономики и социальной сферы, заниматься замещением импорта, решать важнейшие государственные задачи, рассчитывая, прежде всего, на себя [4]. Возникает вопрос: «Действительно ли мы научились за последние годы что-то делать или здесь желаемое выдается за действительное и нам только предстоит еще учиться все делать самостоятельно и качественно?», но за последние одиннадцать лет с момента выступления Фрадкова и до последнего времени практически ничего в экономике не было сделано, в том числе, не построены газоперерабатывающие комплексы. Многие отрасли экономики так и не получили достойного развития, новые технологии слабо используются. Правительство Российской Федерации все чаще решение государственных проблем переносит на население, для наполнения бюджета страны не развивает экономически эффективные модели производства, слабо реагирует на начинания простого человека, гражданина.

По мнению депутата Госдумы, от «Справедливой России» О. Шеина львиная доля национального богатства принадлежит 1% населению страны, и очевидно, что это, в том числе, является причиной, почему не может развиваться малый бизнес. По его словам, «одному проценту самых состоятельных людей в таких странах, как ЮАР, достаточно справедливо относящейся к странам третьего мира, принадлежит порядка 42% национального богатства, в Бразилии – 48%, в Индонезии – 49%, в Индии и Таиланде – 58%, у нас- 71%» [2].

На наш взгляд, в этом случае необходимо использовать опыт Великобритании и США, где верхняя шкала прогрессивного налога достигала некоторое время 95-98%, сегодня – 60-65%. По словам О. Смолина, депутата Госдумы РФ, уровень общего налогообложения полученных доходов, в процентном соотношении. Официально составляет: 45%. Фактически: 90%. Доля населения, принадлежащего к социально деклассированным группам, в процентах к общей численности населения, официально составляет: 1,5%, фактически: 45%. По данным НИИ статистики, в стране 12 миллионов алкоголиков, более 4,5 миллионов наркоманов, свыше 1 миллионов беспризорных людей, По данным Росстата более 15% населения живет на суммы ниже прожиточного уровня [1, 2].

Необходимость кардинальных изменений в социально-экономической политике осознает и руководство страны, хотя единства мнений относительно этих изменений нет ни у правящей элиты, ни у экспертов. Для решения вопроса по поручению Президента Российской Федерации были разработаны три программы реформ. Но очевидно, что политические риски кардинальных изменений не позволяют президенту быстро принять решение при выборе какой-либо из них, особенно в свете выборов 2018 года. Возможно, что какая-либо принятая программа начнет реализовываться уже только после президентских выборов.

Немаловажной проблемой российского государства как социального государства является проблема качества жизни пенсионеров, тех людей, которые всю жизнь проработали на благо государства. Это те граждане, которые восстанавливали послевоенную экономику, поднимали сельское хозяйство и пережили развал СССР, потеряли свои сбережения в начале девяностых годов двадцатого века. Работающим пенсионерам пенсии не индексируют. Социальная пенсия в некоторых регионах такая, что прожить на нее невозможно. Становится очевидным, что пока позиция тех, кто занимается финансами, не изменится, люди, в отношении которых у государства есть социальные обязательства, будут и дальше страдать.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, оценивая свое материальное положение и удовлетворенностью жизнью, социальное самочувствие россиян в последние летние месяцы 2017 года остается относительно стабильным. Единственное, что выбивается из картины «общей стабильности» в оценках россиян – «индекс общего вектора развития страны», который показывает, как граждане России в целом оценивают перспективы развития своей страны. Так, например, согласно данным последнего опроса, 17% россиян оценивают экономическое положение страны «выше среднего», 25% опрошенных оценили его «ниже среднего», 55% – как «среднее». О том, что жизнь их в целом устраивает, говорят 46% опрошенных социологами, еще 25% заявили, что их в целом жизнь не устраивает, а еще 27% частично согласны и с первыми, и со вторыми [3]. Тем не менее, наиболее заметен негатив в оценках материального положения: те, кто еще недавно оценивал свое благосостояние как «среднее», сегодня все чаще оценивают его как «плохое». Это, в свою очередь, снижает уровень социального оптимизма и заставляет людей более критично оценивать развитие страны. В последнее время «одобряют» вектор развития страны 38%, не согласны с тем, что дела идут в правильном направлении – 20% опрошенных. Еще 37% отчасти согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, а отчасти не согласны. С начала 2017 года ситуация с перспективами развития страны хуже оценивалась лишь в апреле: показатель был равен 49%.

Реальные располагаемые доходы россиян в июле 2017 года снизились на 0,9%, с начала года они сократились на 1,4 %. По сравнению с июнем они упали на 3,1%. В то же время, по данным высшей школы экономики с октября 2014 года по май 2017 года реальные доходы россиян снизились на 19,2%.

Отмечается, что благосостояние граждан падало на протяжении 31 месяца. Продукты питания за это время подорожали на 28,5%, непродовольственные товары – на 26,2%, услуги – на 21,3%. Население пытается компенсировать снижение доходов займами, за счет производства продукции в личном подсобном хозяйстве. Этим занималось почти треть населения весной 2017 года.

Социологи предполагают, что в скором времени в России начнется новая волна эмиграции. И проблема здесь в том, что сегодняшние эмигранты – это высококвалифицированные кадры, которые не видят для себя перспектив в России. Покинуть страну морально готова уже половина российской молодежи, что причинит ущерб российской экономике. Российское образование и здравоохранение продолжают приходить в упадок. Инновационные компании и проекты будут в значительной степени оседать за пределами России, а частное предпринимательство в нашей стране - существенно сокращаться. Материальный ущерб от эмиграции может составлять до 1,5 триллионов долларов в год. Так, например, только за последний год, страну покинули 2 тыс. долларовых миллионеров и миллиардеров, а вместе с ними эмигрировали и их активы. Таким образом, с начала 2012 г. количество россиян, покидающих страну, выросло с 36 тысяч до 350 тысяч. Большинство сегодняшних эмигрантов едут в США, Германию, Канаду и Финляндию [5]. Отметим, что в 2016 году главной причиной отъезда граждане назвали «более высокий уровень жизни за границей» (50% респондентов). В 2017 году выросла антипатия к власти – с 7 до 15%. Кроме того, более 10% связали свои планы с несоблюдением прав человека и ужесточением законодательства.

Экспертами отмечается, что российское правительство бездействует и в отношении возвращения эмигрантов. Например, в Индии и Китае, наоборот, создаются социальные центры развития, где работают возвратившиеся, в основном из США. Там специалисты получают заработную плату, не уступающую американской, и при этом остаются в родной стране. Понятно, что это обстоятельство во многом обусловлено и внешними факторами: военной угрозой, нестабильностью рынка энергоносителей, санкциями.

К сожалению, некоторые чиновники в российском правительстве считают, что экономить можно на всем, и тем самым наносят удар особенно по нуждающимся гражданам. Идет постоянный конфликт интересов: социальный блок правительства пытается что-то сделать, но у Минфина на этот счет всегда жесткая позиция. Как только в бюджете образуется дефицит, начинают, прежде всего, резать социальные статьи.

Еще одна проблема, без решения которой России трудно будет перейти на путь развития – это коррупция, явление, возникшее вместе с государством.

Потери российского государства от коррупции огромны. Эксперты оценивают их от 15 до 40% бюджета страны ежегодно. Администрация президента заявляет о потерях в один триллион рублей ежегодно, Генпрокуратура – 20 миллиардов [5].

По данным Управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, преступления коррупционной направленности за последние 2,5 года нанесли России ущерб в 130 миллиардов рублей. Доля материального ущерба от коррупции в год составляет 10% от совокупного ущерба от всех видов преступлений в России. Размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба за последние два с половиной года превысил 130 миллиардов рублей. За неполный год сотрудники полиции совершили 3,5 тысячи преступлений, 2 тысячи из них коррупционной направленности. А объем российского рынка коррупции составляет 300 миллиардов долларов в год. Их них 90% средств приходится на сферы, связанные с госсектором и распределением бюджетных средств. Отток средств из России в офшоры за последние 20 лет составил от 800 миллиардов до триллиона долларов.

Тем не менее, нельзя сказать, что в России ничего не делается. Делается. Так, например, Государственная Дума РФ приняла закон о создании реестра чиновников, уволенных по причине утраты доверия и в основном из-за коррупционных преступлений. Правительством РФ будут определяться порядок включения сведений в реестр, порядок исключения сведений из реестра, а также порядок ведения и размещения реестра в государственной информационной системе в области государственной службы.

В Российской Федерации многое зависит от Президента, в том числе и направления и программы развития экономики страны, что ставит ситуацию в положение «бурданова осла». И делает это правительство Медведева. Но ведь ситуация внутри страны по уровню напряженности вплотную приближается к внешней угрозе. Так может быть уже пришло время очередных кадровых решений или скамейка запасных короткая и на ней один Кудрин помещается?

Список литературы:

1. Госкомстат РФ официальный портал [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.gks.ru>
2. Государственная Дума официальный портал [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.duma.gov.ru>
3. Данные опроса ВЦИОМ, 2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <https://wciom.ru>
4. Нилов Я. Почему в России такие маленькие пенсии?//Аргументы и факты, №30 от 26.07.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.aif.ru/money/opinion/pochemu_v_rossii_takie_malenkie_pensii
5. Эмигранты из России в конце XX-начале XXI века//Доклад Комитета гражданских инициатив [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <https://openrussia.org/post/view/18292/>

УДК 338.1; 314.7

ББК 65.012.226; 60.73-25

Арбуз Анна Владимировна –

канд-т экон. наук, доцент

Омский государственный университет,

г. Омск

e-mail: Denezhkina1@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАНЯТОСТИ¹

Ключевые слова: миграционные процессы, занятость населения, рынок труда

Трудовая миграция как социальное явление формируется под воздействием существующих на рынке труда условий, а также рыночной экономики. Именно экономические и социальные факторы детерминируют в большей степени миграционные процессы в стране. Так, внедрение ЕГЭ, укрупнение вузов, формирование крупных федеральных и научно-исследовательских университетов и пр. приводит к тому, что многие выпускники школ выбирают крупные центральные вузы, покидая свой регион. Кроме этого, достаточно существенна тенденция усиления роли крупных корпораций и холдингов с центрами управления в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и т.д.). В таких организациях создаются привлекательные условия труда и развития персонала, что в свою очередь привлекает высококвалифицированные человеческие ресурсы из регионов России, в частности из Омской области.

Трудовая миграция представляет собой двоякий процесс: с одной стороны она является важным элементом функционирования рынка труда и от нее зависит перераспределение трудовых ресурсов по стране, но с другой стороны слишком высокая трудовая миграция является причиной проблемы текучести кадров. Вследствие этого, управление трудовой миграцией является одним из важнейших вопросов экономики труда.

Целью данной статьи является рассмотрение современных тенденций миграционных процессов в контексте занятости населения Омской области и регионального рынка труда.

---

¹ Грант РГНФ проект № 16-12-55013а

Проведенный анализ демографической ситуации в Омской области позволил выявить тенденции сокращения численности и старения населения, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, развитие миграционных процессов. В 2014-2016 годах можно констатировать снижение численности лиц трудоспособного возраста (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности населения
Омской области в зависимости от возраста, тыс. чел.

Численность населения в зависимости от возраста, тыс. чел.	Год (на 1 января)			
	2013	2014	2015	2017
Население в трудоспособном возрасте	1177,9	1159,8	1136,8	113,2
Население моложе трудоспособного возраста	349	359,8	371,1	378,9
Население старше трудоспособного возраста	446,9	458,6	470,5	480,5

За 2014-2016 годы ежегодные потери численности населения в трудоспособном возрасте в среднем составляют около 20 тыс. человек. Учитывая прогнозы на 2016-2020 годы, численность этой части населения Омской области уменьшится почти на 100 тыс. человек (на 8%), численность населения старше трудоспособного возраста увеличится на 80 тыс. человек (на 18%).

Следует отметить возрастание коэффициента демографической нагрузки на трудоспособное население. Так, по состоянию на 1 января 2016 года на 1 тыс. человек трудоспособного возраста приходилось 379 граждан старше трудоспособного возраста, на 1 января 2017 года на 1 тыс. человек трудоспособного возраста приходится 431 гражданин старше трудоспособного возраста. Учитывая прогнозы, к 2020 году в Омской области данный показатель составит 484 гражданина старше трудоспособного возраста в расчете на 1 тыс. человек трудоспособного возраста [4].

Рассмотрев основные демографические тенденции формирования трудовых ресурсов Омской области, можно сделать вывод о том, выбытие населения трудоспособного возраста не компенсируется вхождением в эту возрастную группу молодежи. Следовательно, необходимо говорить о повышении использования уже сформированного трудового потенциала Омской области, усилении мер, направленных на сохранение и развитие трудовых ресурсов, привлечение граждан из других регионов и стран.

Развитие миграционных процессов, происходящих на территории Омской области, характеризуется миграционной убылью населения. Так, за

первые полгода 2017 года этот показатель составил 5215 человек, за 2016 год – 5942 человека, в 2015 году 1800 человек [2]. Таким образом, мы можем констатировать тенденцию, связанную с оттоком населения из региона. Если все это исследовать в контексте сокращения трудоспособного населения, то можно понимать, что Омскую область ожидают серьезные проблемы на региональном рынке труда, которые непременно скажутся и на показателях социально-экономического развития региона в целом.

В Омской области, как мы уже отмечали, за последние годы сложилась негативная ситуация, связанная с оттоком населения. При этом настораживает тот факт, что жители имеют устойчивые миграционные установки на отъезд из региона. Предыдущие наши исследования выявили, что миграционные установки населения в большей степени связаны с неудовлетворительными условиями проживания в нем. Проблема заключается в том, что местное правительство не желает замечать данную ситуацию, либо не связывает ее с социально-экономическими и организационно-управленческими, как это было выявлено, факторами [1,5].

Так, нами совместно с ООО «ГЭПИЦентр-2» в рамках проекта «SibMONITOR» в 2016 году было проведено исследование, направленное на изучение миграционных установок населения Омской области. Это проведение ежеквартальных опросов населения Омской области и города Омска 18 лет и старше по репрезентативной выборке, представляющей все экономические зоны (районы) Омского региона.

Численность выборочной совокупности составила 2445 респондентов. Выборочная совокупность респондентов сформирована по принципу трехступенчатой комбинированной выборки с использованием процедуры квотирования и метода случайно-бесповторного отбора респондентов на маршрутах по местам их проживания на территории областного центра и муниципальных районов Омской области. В 2017 году проведено повторное исследование по аналогичной методике.

Результаты исследования демонстрируют выявленную тенденцию, связанную с формированием устойчивых миграционных установок у жителей Омской области. Так, увеличилось количество решивших уехать и предпринимающих для этого активные действия с 7,1% в 2016 году до 8,5% в 2017. Увеличилось также количество собирающихся покинуть Омский регион, но пока ничего не предпринимающих с 17,7% до 21,2% (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Думали Вы когда-нибудь или нет о том, чтобы самому (самой) переехать из Омской области в другое место?», в % к числу опрошенных, N= 2445

Миграционные установки	Год	
	2016	2017
Иногда думаю о переезде	36,4	33,1
Не хочу и не собираюсь переезжать	24,9	25,8
Собираюсь переезжать, но пока ничего не предпринимал	17,7	21,2
Хотел бы выехать на время	13,9	9
Точно решил уехать и предпринимаю активные действия	7,1	8,5
Не задумывался об этом	0	2,4

Выявленные новые тенденции и факторы миграционных процессов не учитываются в стратегии и программах социально-экономического развития региона. К таким факторам, в первую очередь, относят социально-экономические и организационно-управленческие, что подтвердили результаты нашего исследования. Мы выявили статистически значимую связь между неудовлетворенностью проживанием в городе Омске и условиями для жизни в нем. Кроме того, обнаружена тенденция ухудшения условий для жизни в городе за последние пять лет, при этом молодежь беспокоит состояние дорог и тротуаров, чистота территории, политика управления городом, деятельность служб ЖКХ, работа общественного транспорта и другое. Именно с этими факторами, на наш взгляд, и связаны повышенные миграционные настроения жителей региона [1,3,5].

Если говорить об основных причинах миграционных настроений, то в большей степени омичей не устраивает ситуация на рынке труда. Так, 49,7% респондентов ответили, что в Омской области мало возможностей хорошо трудоустроиться; 49,2% назвали плохими условия для жизни; 48,6% отметили низкую заработную плату в регионе (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы хотите сменить место жительства, то с чем это связано?» в соответствии с полом, в % к числу ответивших, n=918

Причины смены места жительства	Пол	
	мужской	женский
Многие мои знакомые уехали из Омска, Омской области	14,1	20,2
В Омской области высокий уровень цен	18,6	17,8
В Омской области плохие условия для жизни	49,2	54,3
В Омской области плохие климатические условия	7,9	5,4
В Омской области мало возможностей хорошо трудоустроиться	49,7	51,9
В Омской области мало возможностей получить хорошее образование мне, моим детям	10,7	7,8
Мои родственники желают, чтобы я уехал из Омской области	6,2	1,6
В Омской области неразвита транспортная и социальная инфраструктура	6,2	6,2
В Омской области низкая заработная плата	48,6	51,2
Не устраивает политика управления регионом	7,9	7,8
В Омской области ограниченные возможности для построения карьеры	12,4	12,4
Другая причина	0,6	3,1

В результате миграции происходит «вымывание» квалифицированных кадров (зачастую уезжают именно наиболее успешные и мотивированные представители региона), что непременно приведет к обострению уже имеющихся проблем на региональном рынке труда.

Таким образом, нами были оценены современные тенденции миграционных процессов в Омской области в контексте занятости населения, выявлены негативные, связанные с оттоком населения и требующие

дальнейшего исследования, особенно на фоне отсутствия простого воспроизводства трудовых ресурсов.

Исходя из прогнозов демографической динамики, в том числе прогнозов численности населения в трудоспособном возрасте, приоритетная задача в области миграции в настоящее время состоит в сдерживании миграционного оттока населения. Существующая модель управления миграционными процессами в регионе не отражает новых тенденций, не содержит научно-обоснованных принципов и приоритетов в их регулировании, следовательно, нуждается в корректировке.

Список литературы:

1. Арбуз А.В. Миграционные установки выпускников вузов г. Омска // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2016. – № 4. – С. 139–147.
2. Естественное движение и миграция населения Омской области. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/4105d10041ff5a128f15ff27f9898572/edn_2016.htm (дата обращения: 15.08.2017)
3. Половинко В.С. Региональный опыт управления миграционными процессами в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2017. – № 1. – С. 197–205.
4. Указ Губернатора Омской области от 30.08.2013 № 121 «Об утверждении Концепции развития отношений в сфере труда и занятости населения Омской области до 2020 года». – URL: <http://regionz.ru> (дата обращения 10.08.2017)
5. Arbuz A., Ivanov D. Migration intentions of young professionals in Omsk region in the context of labor market relationships. The 10th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings (September 8–10, 2016) / University of Economics, Prague; ed. by T. Loster, T. Pavelka. – Prague, Czech Republic: Libuše Macáková, Melendrium, 2016. Pp. 30–39.

УДК 316.4.066 ББК 60.94

Архипова Елена Борисовна –

к социол. наук,

Уральский федеральный университет,

г. Екатеринбург

e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

КАК ВОЗРОДИТЬ РОССИЙСКУЮ ГЛУБИНКУ ИЛИ АНАЛИЗ УСПЕШНОЙ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: социальные практики, социальное предпринимательство, развитие регионов.

Традиционно у нас в стране так сложилось, что решение социальных проблем возлагается на плечи государства и различных государственных структур. И неважно речь идет об отдельных лицах, попавших в трудную жизненную ситуацию или о целых депрессивных регионах и территориях. К числу таких депрессивных территорий можно, несомненно, отнести российскую глубинку, умирающие деревни, население которых состоит преимущественно из пожилых людей, доживающих свой век в условиях отсутствия каких-либо перспектив и элементарной жизненно необходимой инфраструктуры. Такая ситуация является результатом глобальной мировой тенденции оттока населения из сельской местности в крупные промышленные города, где сосредоточены основные финансовые потоки, современные производства, образовательные и культурные учреждения.

Учитывая системность возникшей проблемы государство не всегда способно оперативно и эффективно предложить и реализовать механизмы, способные возродить и «вдохнуть» жизнь в умирающие деревни российской глубинки.

В данной ситуации нами видится очень перспективным подключение гражданского общества к решению проблем локальных территорий. Одной из возможных социальных практик гражданского участия в развитии умирающих деревень может выступать социальное предпринимательство. Социальное предпринимательство - это одна из форм бизнеса, которая ставит перед собой цель создания социальной ценности посредством экономической активности [5]. Поскольку инициатива исходит от физических лиц, которые готовы отказаться от немедленной прибыли в пользу достижения социально значимого эффекта, в рамках социального предприятия часто предлагается и осуществляется креативный, инновационный способ решения проблемы. Имея поддержку государственных структур, социальные предприятия остаются независимыми и вовлекают в свою идею самые широкие слои общественности,

тем самым расширяя степень гражданского участия в успешном решении социальной проблемы.

Находясь в поисках современного, эффективного, социально ориентированного предприятия, которое ставит во главу своей миссии возрождение российской глубинки, мы обратили внимание на проект Гузель Санжаповой - компанию Cocco Bello по производству сладостей из деревни Малый Турыш в Свердловской области.

Методология исследования – кейс-стади. Учитывая ограниченную практику реализации подобных социальных проектов, наш кейс имел описательный характер.

Презентация кейса Cocco Bello.

Деревня Малый Турыш находится в Красноуфимском районе Свердловской области в 200 км от г. Екатеринбург - 15 обитаемых дворов и 50 жителей. До ближайшего продуктового магазина и школы 3 км, до поликлиники — 20 км. В 2013 г. Гузель Санжапова организовала на семейной пасеке производство крем-меда с ягодами силами местных жителей, в основном, лиц пожилого возраста, предоставляя им возможность получения дополнительного заработка к маленькой пенсии. Под девизом «Трудоустроим деревню вместе» в рамках 4 краундфандинговых проектов на портале boomstarter.ru были собраны значительные средства, которые позволили деревне построить производственные площади и закупить оборудование для производства сладостей: оборудование для пасеки, сушильные шкафы для ягод, цех для производства крем-меда и травяного чая, карамельную фабрику. На данный момент в компании на постоянной основе работает около десятка человек – в основном, пожилые люди, и более полусотни сезонных рабочих, которые помогают собирать ягоды и мед. Владельцы данного социального предприятия имеют серьезные планы по развитию деревни и возвращению в нее молодежи. Уже построена на средства предприятия детская площадка, организованы туры в рамках социального туризма, волонтеры ремонтируют заборы и красят колодцы. Известный художник Андрей Тарусов нарисовал для Cocco Bello серию открыток в стиле рип-ар «Каждый помогает деревне, как может», которые получали в подарок те, кто жертвовал деньги на обустройство бизнеса.

Интересная идея проекта и нестандартная подача привлекли к уральской умирающей деревне огромное внимание, в том числе государственных структур. В Малом Турыше уже побывали делегации администрации губернатора, министерства сельского хозяйства, министерства инвестиций. Звонили из министерства туризма с предложением развивать социальный туризм. На данный момент продукция данного предприятия распространяется не только в сети Интернет, но и на крупных тематических маркетах, в нескольких пунктах самовывоза, крупных продуктовых сетях. В 2016 деревянные ложечки с карамелью продавались

в новых чайных наборах Lipton. Летом 2017 г. Малый Турьиш посетили туристы из Франции и Бельгии, волонтеры из Нидерландов и Свазиленда. Сейчас данное социальное предприятие уже достигло определенной степени стабильности, и владельцы могут себе позволить отдавать часть возможной прибыли на благотворительность.

Следуя подходу Европейского исследовательского сообщества данный кейс можно классифицировать как социальное предприятие рабочей интеграции (далее СПРИ). Согласно Груберу [4], миссии СПРИ можно разделить на три части: трудоустройство или создание рабочих мест, социальная интеграция безработных граждан, повышение уровня жизни уязвимых лиц посредством их вовлечения в экономическую активность. Все эти 3 составляющие мы наблюдаем в социальном предприятии Cocco Vello.

В классификации европейской ассоциации предпринимателей существует несколько типов предприятий рабочей интеграции [2]:

1. Переходная оккупация. Основная задача – подготовка кадров к работе на открытом рынке труда посредством теоретического и практического обучения.

2. Самофинансируемые рабочие места – создание устойчивых рабочих мест. На первых порах такие организации субсидируются из государственного бюджета или из других источников для компенсации недостатков рабочей группы, для которой создаются рабочие места. Субсидии являются временной мерой, со временем они сокращаются, работники становятся конкурентоспособными, предприятие выходит на самоокупаемость.

3. Профессиональная интеграция с постоянными субсидиями – получение регулярных субсидий от государства в связи с тем, что работники социального предприятия имеют ограниченные возможности для поиска стабильной работы на рынке труда.

4. Социализация посредством продуктивной деятельности – переобучение работников и восстановление их социальных контактов. Эта форма социального предпринимательства направлена на людей с серьезными проблемами: алкоголики, наркоманы, заключенные, люди с серьезными физическими и умственными недостатками.

В рамках данной классификации исследуемое предприятие относится ко второму типу – самофинансируемые рабочие места, так как конечной коммерческой целью является вывод производственного предприятия на самоокупаемость.

Полученный доход СПРИ обычно реинвестируется в бизнес или в развитие местного сообщества. Предприятие данного типа отличает также независимость от государства и вовлечение целевой группы в бизнес модель. Проект Санжаповых активно развивается, производственные площади постоянно расширяются, социальная инфраструктура деревни улучшается. К сбору ягод и производству меда уже привлекаются жители соседних деревень.

Интересен опыт проведения краундфандинговых проектов по сбору средств. Основательница бизнеса преподнесла идею развития уральской глубинки таким образом, что одновременно получила денежные средства в многократном размере и «подсадила» потенциальную целевую аудиторию потребителей на свой продукт. Так как каждому, кто пожертвовал больше установленной суммы, она отправляла образец своей продукции.

J. Dees [3] в своих исследованиях определяет 3 типа социального предпринимательства в зависимости от уровня интеграции социальной программы в бизнес-процессы: встроенные социальные предприятия, интегрированные социальные предприятия, внешние социальные предприятия. В нашем исследовании мы имеем дело с социальным предприятием первого типа. В рамках встроенного социального предприятия основным видом предпринимательской деятельности является реализация социальной программы, а материальные и социальные цели достигаются одновременно. Такие предприятия, в первую очередь озабочены выполнением своей социальной миссии, а финансовая деятельность не является центральной.

Основные выводы, к которым мы пришли, анализируя данный кейс:

5. Гражданские инициативы способны решать социальные проблемы регионов и социальных групп более эффективно, чем государственные структуры

6. Социальное предпринимательство является яркой, современной формой проявления гражданских инициатив

7. Предпосылкой создания социального предприятия чаще всего является личная жизненная трудная ситуация. Социально ориентированная деятельность такой организации обычно является следствием необходимости преодолеть собственные трудности. Например, организовать производство меда, чтобы спасти семейную пасеку, открыть частный детский сад, чтобы устроить своего ребенка и т.д.

8. Простые граждане охотно становятся спонсорами социального бизнеса, если видят результат и заинтересованность со стороны предпринимателей. Более того, тем самым у них формируется осознание социальной ценности благотворительной деятельности, чувство самоудовлетворения и гражданской ответственности.

9. Отсутствие поддержки государственных структур на этапе стартапа не является непреодолимым препятствием для социального бизнеса

10. Чтобы быть успешным, социальный предприниматель должен демонстрировать ярко выраженные менеджерские, предпринимательские и лидерские качества.

11. Социальные предприятия создаются в тех сферах и областях, где система государственного социального обеспечения по каким-либо причинам, не может работать на должном уровне

12. Успешное достижение социальной миссии способствует масштабированию и тиражированию социальной идеи, в том числе и на уровне государства. Деятельность социального предприятия расширяется, создаются подобные ему организации в других регионах с учетом опыта действующего для увеличения и закрепления социального воздействия.

13. И самый главный вывод, это то, что социальные предприниматели формируют в обществе отношение к сложившейся трудной ситуации личности, группы, территории как к социальной проблеме. Конструкционистский подход к анализу социальных проблем объясняет данный механизм. Сам процесс развития городов, сосредоточия в них всех благ цивилизации не несет в себе ничего плохого. Более того, он является закономерным следствием технического прогресса. С этой позиции отток сельского населения в города видится как само собой разумеющееся. Социально предпринимательские инициативы, рассмотренные в нашем кейсе, обращают внимание на обратную сторону медали. Согласно М. Спектру и Дж. Китсьюзу, социальная проблема – это риторика, конструкция, созданная посредством выдвигания утверждений-требований членов общества, что существуют вредные условия и их необходимо изменить или устранить [6]. Деятельность социальных предпринимателей по привлечению внимания общественности к ситуации, стимулирование широких слоев населения к активным действиям по устранению вредных факторов и к установлению социальной справедливости, на наш взгляд, является одной из форм конструирования социальных проблем. Социальные проблемы, не получившие статус официальных, злободневных и требующих незамедлительного решения конкурируют между собой за попадание в «повестку дня»[1]. Социальные предприниматели выступают «рефлекторами», навязывающими избранную проблематику властным структурам и гражданскому обществу.

Подводя итог вышесказанному отметим, что, описанный в данной статье кейс – предприятие по возрождению уральской деревни Малый Турыш, является встроенным социальным предприятием рабочей интеграции по типу самофинансируемых рабочих мест. Фандрайзинговая и краундфандинговая деятельность его владельцев способствует вовлечению широких слоев гражданского общества (преимущественно, городских жителей) в процесс трансформации российской глубинки и создания нового образа современной деревни. Сам социальный бизнес, тоже являясь гражданской инициативой, идя индуктивным путем от конкретной проблемы отдельно взятой деревни, на выходе предлагает государству работающие механизмы преодоления социальной проблемы, которую он конституировал в «социальной повестке дня».

Список литературы:

1. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 2004. 200 с.
2. Davister, C., Defourny, J., & Grégoire, O. (2004) Work integration social enterprises in the European Union: an overview of existing models. New York. pp. 4-7.
3. Dees, J. G. (1998) Enterprising nonprofits. Harvard business review. Vol 76. pp. 5469.
4. Gruber, C. (2003). National Profiles of Work Integration Social Enterprises: Austria. Retrieved September 08, 2017, from EMES: http://www.emes.net/site/wpcontent/uploads/ELEXIES_WP_0306_AUS.pdf
5. Leadbeater, C. (1997) The rise of the social entrepreneur. London: Demos
6. Spector M., Kitsuse J.I. (1977) Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cumming

УДК - 31, ББК - 60.83

Батырева Мария Владимировна –

к. социол. н., доцент

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: m.v.batyreva@utmn.ru

Мальцева Анастасия Андреевна –

студентка, магистерская программа
«Социология»

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: anastasiamaltseva72@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ПРЕВЕНЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

По данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ за 2015 год в Тюменской области несовершеннолетними в возрасте от 14 до 17 лет было совершено 845 преступлений (в том числе: 20 - особо тяжких, 137 –тяжких, 368 – средней тяжести и 320 – небольшой тяжести), что на 20,2% превышает показатели 2014 года. За 2016 число несовершеннолетних, совершивших преступления, составило 677 человек, то есть уровень преступности несовершеннолетних несколько снизился. Более того, можно отметить тенденцию и к дальнейшему его снижению, поскольку за первый квартал 2017 года было зарегистрировано лишь 113 правонарушений, совершенных несовершеннолетними или с их участием [7]. Тем не менее, даже эти показатели не могут не вызывать серьезную обеспокоенность социальных служб города, органов охраны правопорядка, представителей сферы образования, поскольку несмотря на проводимую профилактику негативной девиации в молодежной среде, преступления несовершеннолетними по-прежнему совершаются.

Идея о необходимости применения мер, предупреждающих противоправное поведение, не является новой. Еще Платон и Аристотель полагали, что в обществе должны действовать законы, отвращающие людей от преступлений [8, с. 15-17]. Просветитель XVIII в. Монтескье подчеркивал, что хороший правитель должен уделять особое внимание не наказанию за преступление, а его предупреждению [5, с. 11-12].. Позже Вольтер сформулировал принципиально важное положение о том, что «предупреждение преступлений есть истинная юриспруденция в цивилизованном обществе»

[8, с. 23-24]. В русской литературе XIX в. идеи о предпочтительности предупреждения преступлений наказанию за их совершение развивали А. Радищев, А. Герцен, Н. Чернышевский и др., заложив в своих произведениях социологические и нравственные основы профилактической деятельности. В настоящее время предупредительная деятельность рассматривается как одно из средств социального регулирования общественных отношений в целях устранения причин преступности.

Любая социальная проблема носит комплексный характер, поэтому ее рассмотрение в узком понятийном аппарате одной дисциплины невозможно, так же, как и ее решение силами одного органа или учреждения. Именно поэтому при рассмотрении межведомственного взаимодействия органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних уместным является говорить о применении системного и комплексного подходов. В связи с вовлечением в работу с несовершеннолетними правонарушителями большого числа ведомств и учреждений социальной сферы, особое значение приобретает вопрос координации межведомственного взаимодействия, необходимость которого возникает тогда, когда у субъектов данного процесса проявляются взаимопересекающиеся интересы, частично или полностью совпадают цели деятельности.

С целью методологического обоснования межведомственного взаимодействия в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних наиболее адекватным является рассмотрение теории социальных систем американского социолога Т. Парсонса. Социальные подсистемы рассматривались им как составная часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы. В таком подходе три перечисленные подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. Четвертым компонентом, по Т. Парсонсу, является интегративная подсистема общества, которая называется социетальным сообществом [9, с. 201–205].

Проведя анализ системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, существующей сегодня в Тюменской области (включает в себя учреждения социальной сферы, образования и здравоохранения, органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и др. инстанции), можно говорить о том, что она обладает свойствами и признаками социальной системы, выделяемыми Т. Парсонсом:

– является сложной «открытой» системой, находящейся в состоянии постоянного взаимообмена с окружающей средой (ведомства системы профилактики обмениваются с другими органами государственной власти, организациями, общественностью информацией о несовершеннолетних, программами работы с ними);

- подразделена на различные подсистемы (в структуру системы профилактики входят различные ведомства, которые также имеют развитую сеть учреждений);
- элементы системы находятся во взаимодействии друг с другом (обмениваются информацией, осуществляют межведомственные рейды, реализуют межведомственные программы и др.);
- органы системы профилактики правонарушений несовершеннолетних реализуют «определенные обязательства» (функции, определенные действующим законодательством);
- основная роль реализации социальных функций - интеграция социальной системы (органы системы профилактики объединяют усилия для решения сложных социальных задач);
- основная задача «социетальной подсистемы» органов профилактики правонарушений несовершеннолетних – достижение определенной цели (сокращение беспризорных детей и детей-правонарушителей);
- структурные компоненты системы профилактики как социетальной подсистемы - ведомства, которые по отношению друг к другу являются «независимыми переменными» (каждое выполняет свои специфические функции независимо от других).

На практике системный и комплексный подходы заложены в принцип межведомственности, предполагающий объединение усилий всех ведомств, занимающихся социальной проблемой, всех заинтересованных организаций (коммерческих, некоммерческих, общественных). Сторонами взаимодействия выступают социально ориентированные субъекты (подведомственные организации, учреждения на территории), достигающие своих целей посредством определенных профессионально специализированных мер и действий.

Осуществление межведомственного взаимодействия затрудняют межведомственные барьеры, которые можно подразделить на правовые, организационно-управленческие, инновационные, социальные, психологические, культурные, коммуникативные, религиозные, этнические, тендерные, политические, географические и др. Основной целью оптимизации этого взаимодействия и является устранение этих барьеров [6, с. 78–79]. Ведь от правильной координации органов и организаций системы превенции правонарушений несовершеннолетних, четкого построения иерархии взаимодействия зависит не только профилактика преступности несовершеннолетних, но и эффективность предупреждения негативных явлений в целом в молодежной среде.

На региональном уровне работой с подростками по профилактике правонарушений и, непосредственно, с несовершеннолетними правонарушителями, занимается большое число организаций и учреждений системы профилактики. Границы их действий нередко размыты, в результате

чего действия одних подразделений дублируют действия других. Все это приводит к возникновению у специалистов трудностей при работе, непонимания того, где начинаются и заканчиваются их полномочия.

В последние годы укреплению взаимодействия и более тесному сотрудничеству инспекторов по делам несовершеннолетних органов внутренних дел с учебными заведениями, службой занятости, органами здравоохранения, центрами психолого-медицинской помощи несовершеннолетним способствовало принятие целого ряда ведомственных и межведомственных нормативных актов. Так, в целях более четкой регламентации порядка приема в лечебные учреждения детей, нуждающихся в медицинской помощи, доставляемых сотрудниками полиции, принят совместный приказ Минздрава России и МВД России [1].

Важную роль играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН), которые являются коллегиальными органами, включающими в себя представителей практически всех заинтересованных ведомств, занимающихся вопросами образования, здравоохранения, социальной защиты населения, профилактики правонарушений несовершеннолетних, строящими свою работу при широком участии общественности. Одной из важнейших функций КДН является постоянный контроль за проведением воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения, условиями содержания и правильностью организации труда в специальных учебно-воспитательных учреждениях и оказание им необходимой помощи.

Однако в настоящее время полноценная нормативно-правовая база деятельности комиссий по делам несовершеннолетних создана лишь в трети регионов страны [10, с. 29]. Деятельность органов и учреждений системы профилактики в Тюменской области осуществляется на основании принятых на федеральном уровне и в регионе нормативно-правовых актов, обеспечивающих понимание содержания деятельности каждого их субъектов системы профилактики [2, 3, 4]. Однако, в отличие от многих регионов, в нормативно-правовой базе Тюменской области отсутствует документ, регламентирующий порядок взаимодействия органов и учреждений системы профилактики (какие, например, присутствуют в Иркутской, Архангельской областях, Удмуртской республике и др.). Подобный документ способствует формированию более конкретного представления о функциях органов, сроках их реализации, видах, способах и условиях взаимодействия с другими органами и учреждениями системы профилактики, в то время как его отсутствие вносит непонимание в работу представителей системы.

При анализе существующих вариантов решения проблемы координации действий органов и учреждений системы профилактики, наиболее оптимальным представляется создание на региональном уровне совещательного органа, реализующего индивидуальные программы профилактики, занимающегося вопросами выявления нарушения прав

и законных интересов несовершеннолетних, а также оказывающего информационно-методическую, профессиональную поддержку иным органам и учреждениям системы профилактики. Здесь стоит упомянуть об опыте Амурской области, где функционирует межведомственный консилиум специалистов по выявлению и предотвращению семейного неблагополучия, защите прав несовершеннолетних. Он рассматривает вопросы, требующие межведомственной координации и объединения усилий всех учреждений и органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Опыт Амурской области показывает, что использование подобных мер организации профилактической работы способствует повышению эффективности работы по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, устранению или снижению межведомственных барьеров взаимодействия.

Трансляции подобного механизма работы в Тюменской области, где в настоящее время на законодательном уровне недостаточно четко зафиксирован порядок взаимодействия органов и учреждений системы профилактики, внедрение в работу системы межведомственного совещательного органа сможет отвечать современным требованиям к подходу ведения подобной работы в современных условиях с целью решения социальных проблем.

Список литературы:

1. О взаимодействии учреждений здравоохранения и органов внутренних дел в оказании медицинской помощи несовершеннолетним, доставленным в органы внутренних дел [Электронный ресурс]: Приказ Минздрава России и МВД России от 20 августа 2003 г. №414/633. Режим доступа <http://base.garant.ru/12132483/> (дата обращения: 29.07.2017).

2. О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области [Электронный ресурс]: закон Тюменской области от 06.10.2000 № 205 (в ред. от 23.09.2016 № 64) // Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. Режим доступа https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/drug_prevention/more.htm?id=10818218@cmsArticle (дата обращения: 15.08.2017).

3. Об основах систем профилактики безнадзорности правонарушении несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации – от 24.06.1999 г., № 120 (ред. от 07.06.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 20.08.2017).

4. Об утверждении Положения о Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Губернаторе Тюменской области [Электронный ресурс]: Постановления от 16 апреля 2014г. N 168-п. // Режим

доступа <https://law.admtymen.ru/law/view.htm?id=133081> (дата обращения: 17.07.2017).

5. Алауханов Е. Криминология. Учебник. – Алматы. 2008. – 429 с.

6. Богомолова О.Н. Руководство по оказанию комплексной помощи беспризорным и безнадзорным несовершеннолетним / под ред. О.Н. Богомолова, Р.В. Йорик. – СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям», 2011. – 146 с.

7. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 20.04.2017).

8. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М.:Юридическая литература. – 1972. – 364 с.

9. Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 270 с

10. Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений. Томск, 1985, с.5-7. Г.А. Аванесов. Криминология. М., 2012, 334 с.

УДК: 314.7, ББК: 60.7

Бедрина Елена Борисовна –

к.э.н., доцент

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

e-mail: bedrina1967@mail.ru

Паньшина Дарья Андреевна –

магистрант

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

e-mail: panshina_daria@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ НА КАРТАХ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ: ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена теме формирования этнических анклавов в крупных городах России. Авторы считают, что процесс формирования этнических анклавов в российских мегаполисах является объективным в условиях массовой иммиграции, и требует особого внимания со стороны государства.

Ключевые слова: иммиграция, этнические анклавы, крупные города России

В открытой национальной экономике процесс формирования анклавов на принимающей территории неизбежен. Особенно это утверждение относится к крупным мегаполисам, которые являются привлекательными территориями для трудовых иммигрантов и их семей наличием вакансий, возможностей получения заработков и доступом к развитой социальной инфраструктуре. Развитие миграционных процессов проявляется в массовом переселении населения из кишлаков, аулов, небольших городков стран-доноров в крупные мегаполисы стран-реципиентов. Даже в условиях временной трудовой миграции, возникающие миграционные цепочки ведут к перетягиванию населения на новые для данного этноса территории. В этих условиях остро встает вопрос размещения мигрантов на принимающей территории. Стихийность процесса размещения мигрантов выливается в проблему образования этнических анклавов.

Исследователями отмечаются различные причины образования этнических анклавов на принимающей территории. Так, Г.А. Николаенко считает, что причиной формирования анклавов является сетевой характер

миграции [6, с. 30], который, в первую очередь, связан с этнической структурой и ментальностью приезжих мигрантов. В.В. Константинов и Р.В. Осин связывают анклавизацию со стремлением создания комфортных условий для проживания в условиях чуждых культурных ограничений [4]. Джон Берри в своих работах рассматривает анклавизацию как одну из стратегий адаптации мигрантов в принимающем сообществе [10; 11]. А.Н. Лукьянова и В.В. Гаспарян – возможность облегчить процесс социализации на чужбине, возможность проникновения на рынок труда на основе совместных усилий и доступ к недорогому жилью, которое концентрируется в определенных районах города [5]. Исследователи Института национальных стратегий считают, что анклавизация создается теневым и криминальным сектором экономики [7]. С нашей точки зрения, значительная имущественная дифференциация населения, основывающаяся, в том числе, на наличии дешевых, не престижных для проживания, микрорайонов внутри крупного мегаполиса и слабая интеграционная политика являются основными причинами анклавизации в современной России.

В соответствии с социологическим исследованием, проведенным в одном из центров тестирования мигрантов г. Екатеринбурга летом 2015 г. ИЭ УрО РАН, «более половины опрошенных трудовых мигрантов искали жилье с помощью родственников и друзей (53%). Каждый третий ответивший сообщил, что самостоятельно искал жилье (33%) и лишь небольшой процент с помощью работодателя (12 %). Кроме того, приезжие заявили, что к представителям местного населения (например, в агентства недвижимости, независимым риелторам и пр.) они не обращались [1, с. 332]. Как пишет М.Н. Вандышев, «Базовыми критериями выбора жилья является близость к месту работы (33%) и стоимость (29%). Можно предположить, что такая комбинация критериев демонстрирует процесс складывания мини-анклавов, когда вокруг относительно крупных мест работы мигрантов (рынки, базы и другие предприятия) ими заселяются дома, общежития и прочее [1, с. 333] – Г.Р. Столярова и Дж. Маддахи, изучавшие процесс анклавизации в Казани также отмечают, что мигранты селятся ближе к колхозному (центральному) рынку – месту своей основной трудовой деятельности, а вновь приезжающие – подселяются к своим землякам [9, с. 88].

Анклавизация в целом является негативным явлением, как с точки зрения принимающего сообщества, так и с точки зрения мигрантов. Во-первых, она выступает барьером на пути интеграции иностранных граждан в принимающее сообщество. Во-вторых, она ведет к созданию очагов чуждой культуры, которые негативно воспринимаются местным населением, вызывая отторжение, ненависть, рост ксенофобии и национализма. В третьих, для принимающего сообщества такое соседство ведет к ряду неудобств: уменьшается привлекательность микрорайона заселенного мигрантами, обесценивается недвижимость, ухудшается качество

дошкольного и школьного образования в связи с появлением в группах (классах) детей-ионофонов, требующих особого внимания со стороны педагогов. В четвертых, анклавизация играет медвежью услугу и для самих мигрантов, мешая их адаптации к новым условиям проживания, снижая их заинтересованность в изучении языка местного населения, восприятию культурных ценностей и норм поведения принимающего сообщества, делая их видимым меньшинством. В пятых, в образовании анклавов так же существует и криминогенная составляющая (мигранты участвуют в уголовных группировках или завозят в страну наркотические средства).

Существует сложность учета иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию с целью трудоустройства, обучения и т.п., в связи с несовпадением места регистрации и фактического проживания, а также мобильностью в перемещениях, сезонной занятостью, проживанием на строительных площадках, временностью пребывания и пр. Эти проблемы усложняют процесс выявления микрорайонов, где формируются этнические анклавы.

Попытки выявления анклавов на картах крупных российских мегаполисов предпринимались рядом исследователей. Так, в 2010 г. Риелторская компания «ГдеЭтотДом.РУ» составила национальную карту Москвы [8]. В 2013 г. Специалистами Центра миграционных исследований был проведен опрос жителей г. Москвы и составлена карта, где, по мнению опрошенных, проживает много мигрантов [3, с. 81]. В 2012 г. Сетевой журнал Санкт-Петербурга «Online812» на основе опросов экспертов попытался составить миграционную карту Санкт-Петербурга [2]. С нашей точки зрения, одним из возможных индикаторов процессов анклавизации на той или иной территории крупного мегаполиса может служить анализ состава учащихся средних образовательных учреждений и детских садов. Так, в соответствии с данными социологического опроса учителей школ и детских садов Свердловской области, проведенным ИЭ УрО РАН весной 2017 года (n = 160), 10,7 % респондентов отметили, что дети-мигранты, «есть практически во всех классах» и 5 %, что «в некоторых классах их больше половины».

Еще одним подходом к формированию карты компактного проживания мигрантов может стать оценка миграционной привлекательности территорий. На основе анализа исследований по данной проблеме и экспертного опроса нами были выделены следующие критерии оценки миграционной привлекательности городских микрорайонов: стоимость аренды квартиры, наличие частного сектора и садовых товариществ, строительных площадок, рынков и овощных баз, крупных торговых центров, конечной остановки маршрутного такси, культурных национальных и религиозных центров мигрантов, близость к транспортному узлу.

На основе данного подхода нами была составлена карта миграционной привлекательности микрорайонов г. Екатеринбурга, в топ 10 микрорайонов вошли: Юго-Западный, Химмаш, Заречный, Сортировка, Эльмаш, ЖБИ, Северка, Сибирский, Вокзальный, Пионерский (см. рис).

Рейтинг жилых микрорайонов г.Екатеринбурга по привлекательности для мигрантов (66 микрорайонов)

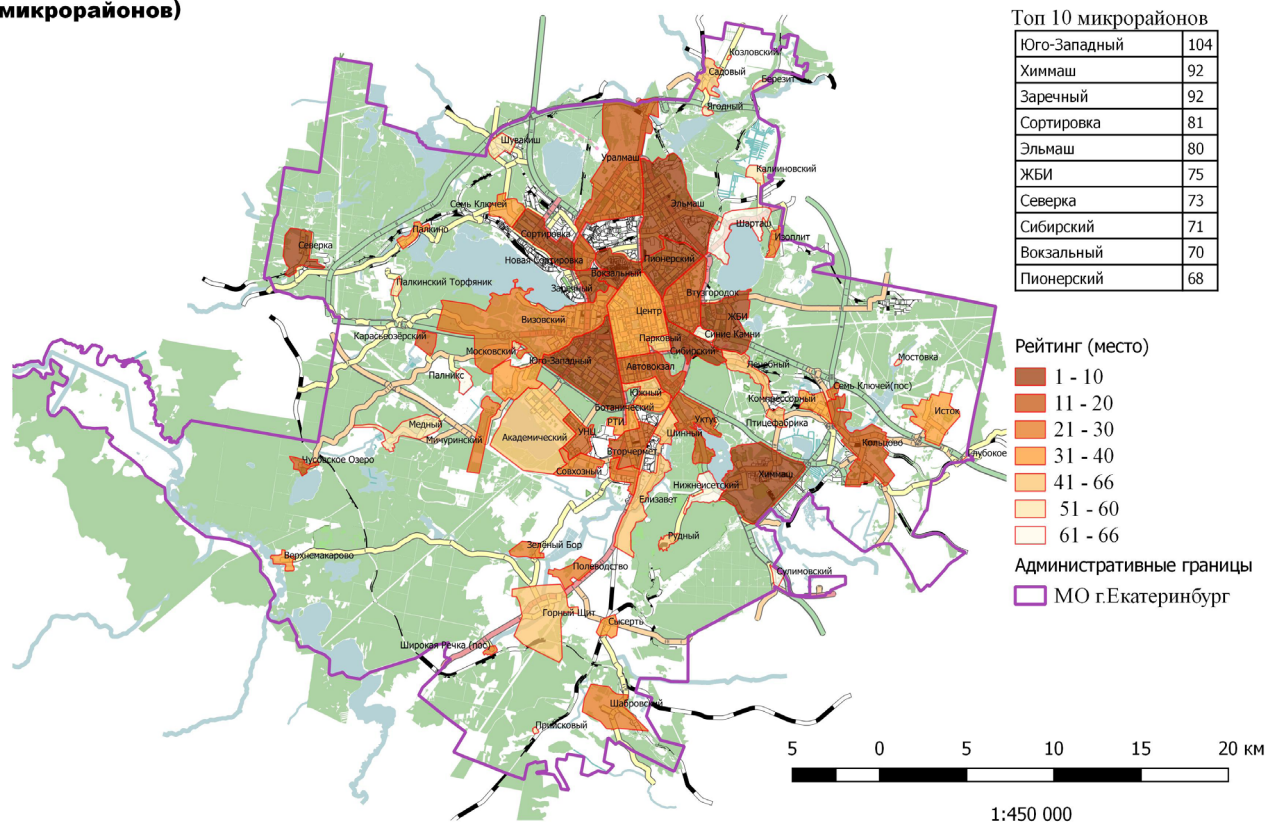

Рисунок – Карта миграционно привлекательных жилых микрорайонов г. Екатеринбурга

Составитель: К.В. Бедрин, магистрант МИИГАиКа

Выявление, а главное предотвращение процесса формирования анклава на принимающей территории является важной государственной задачей, которая должна стать частью любой стратегии пространственного развития современного мегаполиса.

Список литературы:

1. Вандышев М. Н. Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 331–337.

2. Гордякова М. В каких районах Петербурга селятся мигранты // Online812, 22 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.online812.ru/2012/11/22/001/>
3. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. – М., 2014. – 118 с.
4. Константинов В.В., Осин Р.В. Особенности отношения к мигрантам в условиях медиавоздействия // Известия Саратовского университета, 2014. Т. 3. № 1. – С. 53–57.
5. Лукьянова А. Н., Гаспарян В. В. Позитивные и негативные последствия международной миграции в условиях глобализации // Региональная экономика: теория и практика, 2008. № 9. – С. 19–22.
6. Николаенко Г.А. Причины возникновения и особенности таджикских моноэтнических анклавов в центре Санкт-Петербурга // Современный город: настройка социологической оптики. Сборник научных статей по итогам III Ежегодной социологической школы /Под ред. Е.С. Богомягковой. – СПб.: Издат. центр экономического ф-та СПбГУ, 2014. – С. 119–134.
7. Политика «замещающей миграции» в России: последствия и альтернативы. Доклад. 13 марта 2014г. Институт национальных стратегий [Электронный ресурс]. URL.:
8. <http://www.instrategy.ru/projects/index.htm?cy=2014>
9. Риелторы составили национальную карту Москвы //news ru.com, 9 сентября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL.:
10. <http://newsmsk.com/article/18Jun2010/anklav.html>
11. Столярова Г.Р., Маддахи Дж. Изучение таджикской общины в Татарстане: постановка проблемы // Бусыгинские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 21 декабря 2011 года. Вып.3.– Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012.– С. 88.
12. Berry J.W. Acculturation and Psychological Adaptation. // Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien./ K.J. Bade (Hg.)/ IMIS-Schriften, Bd.1. – Osnabrück, 1996. – P. 171–186.
13. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. № 1. – P. 5–68.

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России»

УДК 316.42 ББК 60.55.66

Блохин Виктор Николаевич –
старший преподаватель,
Белорусская государственная
сельскохозяйственная академия, г. Горки
e-mail: vik-1987@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: РОЛЬ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УЛУЧШЕНИИ СИТУАЦИИ

Ключевые слова: сельские территории, российско-белорусское приграничье, устойчивое развитие.

Актуальной задачей для российского и белорусского государства является поиск путей эффективного развития сельских территорий. В настоящее время для большинства сельских сообществ России и Беларуси характерны демографические проблемы (старение населения, превышение смертности над рождаемостью, миграционный отток молодежи в города), низкий уровень жизни (дефицит рабочих мест, крайне низкие доходы, недиверсифицированная сельская экономика), рост девиаций (пьянство, деградация нравственных отношений, формирование социальной апатии). Данные проблемы особенно проявились в российско-белорусском приграничье (Псковская, Смоленская и Брянская области Российской Федерации; Витебская, Могилевская и Гомельская области Республики Беларусь). Для этого региона распад Советского Союза и разрыв прежних социально-экономических связей оказался наиболее болезненным, что подтверждается статистическими данными. Так, сокращение сельского населения с 2000-го по 2010 гг., в трех приграничных областях России имело самые высокие темпы и составило около 47% от общих потерь. За рассматриваемый период количество сельчан в России уменьшилось более чем на 1 млн. человек.

Ситуация в сельских территориях белорусского приграничья также характеризуется прогрессирующей депопуляцией. Однако темпы вымирания белорусских деревень ниже по сравнению с российскими соседями [2, с.15–18].

Анализируя ситуацию в сельских территориях российско-белорусского приграничья, необходимо отметить, что местное развитие связано с высокими рисками (социально-экономическими, управленческими, демографическими). Поэтому вопросы управления рисками активно обсуждаются в среде ученых.

К ведущим причинам неопределенности и низкой эффективности территориального развития следует отнести:

– непредсказуемость природных явлений, стихийные бедствия, от которых в большей степени страдают сельские территории и аграрный сектор;

- случайность социально-экономических и технологических процессов;
- сложно прогнозируемый характер научно-технического прогресса;
- дефицит информации об исследуемом объекте, процессе, явлении;
- нехватка ресурсов для принятия и практической реализации решений;
- ментальные, психологические, ценностные особенности сельчан

[7, с. 95–96].

Особую роль в преодолении (минимизации) рисков для сельских территорий может сыграть стратегия устойчивого развития.

Сельские территории характеризуются консерватизмом и медленными темпами развития, кардинально отстают от уровня и качества городской жизни, имеют специфические социально-экономические и экологические проблемы территориального развития, местные органы власти отличаются крайне ограниченными финансовыми и административными полномочиями. Обозначенные проблемы типичны для многих государств и являются глобальной проблемой, которую должна решить система управления устойчивым развитием [2, с. 15–18].

Под устойчивым развитием можно понимать процесс изменений, суть которого заключается в научно-техническом развитии, снижении использования ограниченных ресурсов, личностные и институциональные изменения направлены на улучшение современного и будущего потенциала для удовлетворения потребностей и устремлений человека [3, с. 403–405].

Устойчивость – это постоянный рост и инновационное социально-экономическое развитие, которое приводит к формированию разумной системы хозяйства и прекращению нерационального использования ресурсов [6, с. 143].

При разработке стратегии развития сельских территорий необходимо учитывать различия не только в уровне социально-экономического, но и культурного и экологического состояния регионов. Недоучет социокультурной дифференциации сельских регионов приводит, как правило, к преобладанию упрощенных, стандартизированных подходов к решению проблем регионального развития. Тем более что государство сталкивается с проблемой, когда, с одной стороны, необходимо выравнивание стандартов жизни населения различных регионов, с другой, сохранение социокультурной дифференциации, разнообразие стилей жизни. Все это говорит о необходимости адресной региональной политики государственной власти на основе научных данных о сельском регионе как территориальном сообществе во взаимосвязи его культурных и социальных параметров. В первую очередь это касается проблем стратегического планирования [4, с. 291–293].

Во время разработки стратегии необходимо непосредственное посещение сельских территорий, встреча с местными жителями – представителями власти, бизнеса, общественными активистами и т.д. Для каждой сельской территории составляется SWOT-анализ – это стратегическое планирование, отражающее факторы внешней и внутренней среды

(описываются сильные и слабые стороны территории, возможности и угрозы развития) [5, с. 122].

В 2016 году автор лично разрабатывал стратегию устойчивого развития для Ходосовского сельского совета (Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь). Исследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси», реализуемого при финансовой поддержке Европейского Союза и Фонда «Евразия» (за счет средств Агентства США по международному развитию USAID). Проект зарегистрирован Министерством экономики Республики Беларусь за № 2/14/000737 от 24 декабря 2014 года. В рамках проекта было отобрано 12 пилотных территорий в различных областях Беларуси, для которых разрабатывались стратегии устойчивого развития. Стратегии основывались на результатах исследований социально-экономического, природного и человеческого потенциала, учитывалось мнение местных жителей, представителей власти и бизнеса.

Для изучения реальной социально-экономической ситуации в апреле 2016 года была организована выездная сессия в населенном пункте Ходосы, где состоялось общение автора с местными жителями, которые сделали критические замечания, внесли конструктивные предложения и озвучили образ желаемого будущего для своих сельских населенных пунктов.

Участники сессии сформулировали образ желаемого будущего так: «Сельские территории должны стать привлекательны для жизни. Для этого нужно создать рабочие места с достойной заработной платой и условиями труда. После этих преобразований можно развивать или улучшать социальную сферу».

Проект «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» продолжается, в его рамках жители пилотных сельских территорий, представители местной власти и бизнеса, имеют возможность представить бизнес-план или концепцию развития. На конкурсной основе будут отобраны лучшие предложения, которые получают финансовую и консультативную поддержку. Так, на территории Ходосовского сельского совета перспективным проектом является развитие агроэкотуризма (есть агроусадьбы и важные исторические объекты различных эпох), пищевой промышленности (мало объектов общественного питания и торговли), альтернативной энергетики (использование энергии ветра, т.к. существуют благоприятные природные условия).

К важнейшим индикаторам устойчивого развития сельских территорий можно отнести:

- уровень занятости трудоспособного населения (%);
- среднемесячная заработная плата;
- среднедушевые располагаемые ресурсы сельского населения;

- доля населения с располагаемыми ресурсами ниже величины прожиточного минимума в общей численности малоимущего населения (%);
- обеспеченность населения общей площадью жилья, уровень газификации домов сетевым газом (%);
- обеспеченность населения питьевой водой (качественной питьевой водой);
- обеспеченность населенных пунктов (хотя бы наиболее крупных) подъездами по дорогам с качественным твердым покрытием;
- индекс производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий;
- численность населения.

Целевые индикаторы являются критерием оценки выполнения задач по обеспечению устойчивого развития сельских территорий. В связи с этим список ключевых индикаторов может быть расширен. Так, должны отражаться качественные и количественные оценки результатов реализации:

- демографической политики и создания условий для переселения в сельскую местность;
- диверсификации сельской экономики и результаты политики занятости;
- развитие социальной инфраструктуры (показатели обеспеченности объектами социальной инфраструктуры);
- политики сельского расселения;
- экологической политики;
- политики по отношению к отдельным проблемным группам сельского населения;
- региональная дифференциация политики развития сельских территорий [1, с. 120-124].

Локальные индикаторы сельских территорий разрабатываются на основе детализации направлений устойчивого развития. Такие индикаторы предоставляют возможность оценки не только уровня достижения целей и выполнения задач в конкретных социально-экономических условиях, но и выявить, в какой степени развитие сельских территорий в целом соответствует заданным параметрам устойчивого развития на региональном и государственном уровне, какова эффективность и результативность применяемых мер по достижению целевых индикаторов.

Таким образом, стратегия устойчивого развития является важным управленческим инструментом, который создается на основе всесторонних научных исследований конкретного региона. Сельские территории находятся в транзитивном состоянии, отличаются, как правило, низким уровнем социально-экономического развития, сложной демографической ситуацией и снижением человеческого потенциала, что представляет собой угрозу для

будущего сельских сообществ. Разработка стратегий устойчивого развития должна внести вклад в улучшение ситуации в сельских территориях, расширить полномочия местной власти, реализовать на практике инновационные концепции территориального развития.

Список литературы:

1. Волошенко Е.В., Волошенко К.Ю. Индикаторы устойчивого развития сельских территорий: региональное измерение // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта, 2011. Вып. 1. – С. 117–124.
2. Миренкова Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика – Горки: БГСХА, 2011 – 200 с.
3. Новикова И.И., Медков А.Л. Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий // Труды вольного экономического общества России. 2011. Т. 151. – С. 403–427.
4. Смирнова Р.А. Сельские регионы как объект социологического исследования // Социологический альманах 2012 № 3. – С. 290–302.
5. Струк Е.Н. Особенности проявления социальных пределов инновационного общества // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 1. – С. 122–126.
6. Шерстобитова Г.И. Концептуальные основы устойчивого развития сельских территорий региона // Вестник СамГУ. 2012. №7 (98). – С. 143–146.
7. Юрлова Н.С., Скачок И.В. Управление рисками // Вестник НГИЭИ – 2014. № 3 (34). – С. 95–98.

УДК338.46 ББК65.49

Бреусова Анна Георгиевна –

к.э.н., доцент

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

e-mail: annabreusova@yandex.ru

Чернобаева Гульнара Ефимовна –

к.э.н., доцент

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

e-mail: ch_g@bk.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ РЕГИОНА

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, номер проекта 17-12-55007)

Ключевые слова: рынок социальных услуг, параметры оценки конкуренции, индикаторы доступности ресурсов

До недавнего времени основными субъектами предоставления социальных услуг являлись государственные и муниципальные учреждения. Государство, ставя цель передачи услуг в руки бизнеса, преследует следующие цели – сокращение бюджетных расходов и повышение качества оказываемых услуг, обеспечение доступности услуг. Решение последних двух задач напрямую связано с уровнем конкуренции на рынке данных услуг. Оценка конкуренции позволит органам власти как информировать бизнес об открывающихся возможностях, так и разрабатывать программы, направленные на повышение уровня конкуренции.

Целью данного исследования является формирование концептуального подхода к определению основных параметров оценки конкуренции на рынке социальных услуг.

Для этого на первом этапе необходимо определить целесообразность использования поведенческого подхода, как основного, отражающего возможность учесть специфичность развития и современного функционирования рынка социальных услуг в России.

Традиционно конкуренция рассматривается в рамках 3 основных подходов: функционального (И.В.Князева), структурного (Ю.Б.Рубин,

И.В. Князева, Ю.В. Тарануха) и поведенческого (М. Портер, Р.А. Фатхутдинов) [1, 2, 3].

Функциональный ориентирован на оценку механизма, обеспечивающего возможность реализации условий конкуренции на рынке, структурный чаще воплощается в оценке уровня и интенсивности конкуренции. А поведенческий ориентирован на изучение механизмов взаимодействия субъектов рынка в ходе борьбы за ограниченные ресурсы. Именно поведенческий подход позволяет учесть сложившуюся специфику обеспечения социальной сферы, где, при прочих равных условиях на рынке, конкуренция ведётся за доступ к финансовым и трудовым ресурсам.

Сформировавшаяся система функционирования социальной сферы в РФ предполагает преобладание бюджетных ресурсов в группе финансовых. При этом государственные учреждения социальной сферы зависимы от получения именно бюджетного финансирования. Но и частные учреждения данной сферы активно стремятся расширить свои финансовые возможности за счёт бюджетных средств. Принятыми инструментами финансирования в современной России учреждений исследуемой сферы являются: получение и выполнение государственных заданий как частными, так и государственными (муниципальными) учреждениями; участие в конкурсах на получение средств грантовой поддержки в целях покупки и модернизации основных фондов.

Использование поведенческого подхода позволяет изучить особенности поведения субъектов рынка социальных услуг в борьбе за основные группы ресурсов, обеспечивая наиболее «комфортные», с точки зрения проявления положительных результатов развития конкуренции, условия для наиболее полного удовлетворения потребностей потребителей данного вида услуг и государства, заинтересованного в привлечении на данный рынок негосударственных игроков.

На втором этапе данного исследования необходимо определить проявления ценовой и неценовой конкуренции между учреждениями, оказывающими социальные услуги, за выделенные две группы основных ресурсов. Выявление преобладающих проявлений борьбы за ресурсы позволит нам на третьем этапе уточнить оцениваемые параметры конкуренции через индикаторы доступности ресурсов.

В таблице 1 представлены результаты анализа наиболее типичных для рынка социальных услуг проявлений скрытой или явной борьбы участников рынка. С точки зрения экономической теории по типу конкуренция может быть разделена на ценовую и неценовую. Ценовая конкуренция предполагает возможность обеспечения конкурентоспособности предприятия и его продукции за счет снижения цены, обеспечивающего привлечение потребителей. С точки зрения маркетинга ценовая конкуренция может проявляться не только в борьбе за потребителя посредством снижения цены, но и посредством ее повышения. Данный аспект особенно значим для сферы

социальных услуг, в частности, в сфере здравоохранения высокий уровень риска заставляет потребителя делать выбор в пользу более дорогостоящих услуг известных игроков рынка. Неценовая конкуренция предполагает получение преимуществ компании за счет повышения качественных характеристик товаров и услуг.

Таблица 1

Проявления конкуренции при борьбе за определённые виды ресурсов

Борьба за ресурсы	Конкуренция между производителями	
	Ценовая	Неценовая
Бюджетные (финансовые) ресурсы	Получение субсидий со стороны органов власти позволяет снижать стоимость услуг для потребителя и вытеснять с рынка другие организации	Покупка передового оборудования за счет бюджетных средств может влиять на качество услуг Эффективное использование собственных ресурсов позволяет улучшать качество
Трудовые ресурсы	Обеспечение низкой цены услуги за счёт отказа от расходов на привлечение и удержание высококвалифицированного персонала	Высококвалифицированный персонал повышает качество оказываемой услуги, что способствует формированию положительного образа компании и оказываемых ею услуг

Определим критерии оценки доступности ресурсов для производителей социальных услуг. Под доступностью ресурсов мы будем понимать состояние ресурсов, при котором субъекты, имеющие права доступа, могут реализовывать их беспрепятственно. Наличие барьеров оценивается как существенное препятствие развитию конкуренции на рынке социальных услуг.

Особенности функционирования рынка социальных услуг в России требует учета не только объективных показателей доступности ресурсов. Зачастую развитию конкуренции препятствует не объективная недоступность ресурсов, за которые ведётся чрезмерно ожесточенная борьба. Субъективное восприятие потенциальными, особенно частными, игроками рынка социальных услуг низкой доступности ресурсов будет препятствовать их выходу на рынок. Расхождения объективной и субъективной оценки доступности ресурсов требует от органов государственной власти совершенно иных методов повышения конкуренции на рынке. Не стоит забывать, что серьёзную угрозу для частных игроков на рынке социальных услуг может представлять не только оценка доступности к определенным ресурсам как крайне низкая, что повысит показатели уровня риска выхода на данный рынок. Не меньшие проблемы принесёт и завышенная оценка доступности. Частное учреждение

социальной сферы, выходя на рынок, будет сталкиваться с неожиданными ограничениями доступа к ресурсам. Это приведёт к невозможности реализации сформированных стратегий выхода на рынок, к увеличению расходов и к прочим ограничивающим возможную успешность учреждения проблемам.

Оценка доступности должна проводиться и через субъективное восприятия респондентами наличия ограничений прав доступа к ресурсам, выраженных через индикаторы доступности ресурсов, что отражено в таблице 2.

Таблица 2

Оцениваемые параметры конкуренции за ресурсы

Вид ресурсов	Оцениваемые параметры конкуренции	Индикаторы доступности ресурсов
Бюджетные ресурсы	Конкуренция между частными организациями за привлечение бюджетных средств на выполнение государственного (муниципального) задания	доступность информации о конкурсе; качество информации о конкурсе; прозрачность процедур участия количество жалоб на процедуры в контролирующие ведомства; количество различного рода барьеров для участия в конкурсах.
	Конкуренция между государственными учреждениями за привлечения бюджетных средств на выполнение государственного (муниципального) задания	четкость критериев определения объёмов государственного (муниципального) задания.
	Конкуренция между государственными и частными за получение субсидий на покупку и модернизацию основных фондов	доступность информации о субсидиях; качество информации о субсидиях; прозрачность процедур участия количество жалоб на конкурсные процедуры в контролирующие ведомства количество барьеров для участия в конкурсах; объективность критериев отбора получателей субсидий соответствие субсидируемой сферы стратегическим направлениям развития территории.

Трудовые	Конкуренция между государственными (муниципальными) учреждениями за привлечение квалифицированной рабочей силы	качество программ поддержки квалифицированных специалистов государственных (муниципальных) учреждений; значимость программ для привлекаемых кадров; уровень организации труда возможности карьерного роста.
	Конкуренция между государственными (муниципальными) и частными организациями за привлечение квалифицированной рабочей силы	уровень заработной платы; уровень организации труда; возможности карьерного роста; уровень социальных гарантий.

Индикаторы доступности ресурсов и будут определяющими для оценки конкуренции. При этом мы можем говорить о двух моментах:

1. Чем выше уровень доступности ресурсов, тем потенциально выше конкуренция и наоборот.

2. Чем ближе субъективная оценка уровня доступности ресурсов к объективной, тем выше и устойчивей конкуренция на рынке социальных услуг.

В данной статье представлены результаты первого этапа исследования, направленного на определение параметров оценки конкуренции на рынке социальных услуг. На следующем этапе будет реализован процесс операционализации процедуры объективной и субъективной оценки индикаторов доступности ресурсов. Основной задачей выбора технологии операционализации станет возможность интерпретации полученных результатов оценки как органами власти, разрабатывающими и реализующими инструменты повышения конкуренции на рынке, так и предпринимателями, принимающими решение о выходе на рынок социальный услуг.

Список литературы:

3. Круглый стол: вопросы теории конкуренции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-voprosy-teorii-konkurentsii
4. Портер М.Э. Конкуренция. - М.: Вильямс. 2005. – 608 с.
5. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: Учеб.пособие. - М.: «Эксмо», 2005. – 546 с.

УДК 316.422 ББК 60.55.44

Василенко Инна Викторовна –
д. филос. н., профессор,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград
e-mail: inna.asilenko@yandex.ru

ФРИЛАНС КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: фриланс, свобода, баланс, занятость, успех

Социальные трансформации, получившие толчок к своему развитию в период перестройки, продолжают формироваться и сейчас, внося все большее разнообразие, как в сами трансформации, так и в их результаты. Одной из важнейших идей, лежавших в основе социальных трансформаций в СССР была смена идеологии марксизма на либералистическую идеологию, внедрение которой в сознание населения должно было привести к развитию у него установки на свободу действия в различных сферах своей жизнедеятельности, в том числе и в сфере занятости в условиях рыночных отношений. Социальные трансформации, протекающие в современной России, не только изменили практики поведения, но и внесли свойства подвижности и изменчивости в область занятости, изменив состояние рынка труда. Модифицировалась и роль государства в регулировании занятости: от обеспечения полной занятости к признанию приоритета механизма рынка в регулировании отношений между работодателем и наемным работником, в вопросах самозанятости и предпринимательства, в формировании новых форм трудовой занятости. Появление такого нового явления, как фриланс, является формой, суть которой находится между предпринимательством и самозанятостью [1, с.157]

Термин «фрилансер» (от английского free lance – «свободный копьеносец», «наемник»; в переносном значении – «вольный художник») [2, с. 45] в настоящее время означает человека, работающего только на себя или являющегося внештатным работником, выполняющим работу без заключения долгосрочного договора с работодателем и нанимаемого только для выполнения определенного перечня работ.

Фриланс в России начал зарождаться в основном в направлениях журналистики и программирования, но к 2017 г. захватил большую часть жизни людей: репетиторство, оформление и дизайн, разработка игр и приложений, маркетинг и продвижение, разработка сайтов, оформление, кулинария, программы спортивных тренировок, фото, анимационное видео и т.д.

Нестандартная занятость и связанные с ней формы найма начинают активно обсуждаться и анализироваться в российском социологическом сообществе [3, с.58]. Результаты исследований показали, что главным отличием фриланса от привычных форм занятости являются специфические черты трудовых отношений: работа по проектам; формирование портфеля заказов, обязательное наличие опыта и умения, использование социальных сетей; индивидуализация и горизонтальное продвижение, развитие профессиональных навыков, компетенций, что позволяет фрилансерам свободно совмещать занятость с другими видами жизнедеятельности, а также обеспечивать себе удовлетворенность жизнью, хорошее социальное самочувствие и успех.

Вместе с тем для него характерны черты бытующих форм занятости: чередование периодов занятости и безработицы, временная и контрактная занятость, зачастую сводимая к работе по проектам, недостаточная стабильность доходов.

Изучение социологами стиля жизни фрилансеров предоставило информацию о главных ценностях их жизни. Главными ценностями явилась свобода и все что с ней связано: возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха. Свобода проявляется в независимости в выборе заказчика, проектов, графика работы, формировании заработной платы, выбора заказа.

Не случайно, Д. Пинк обозначает свободу как «первый компонент трудовой этики фрилансеров» [4, с.72-73], он считает, что возможность поступать по своей воле – наивысшая форма ее проявления.

Хотя одним из самых известных достоинств фриланса и принято считать «свободу», свободный график и большое количество личного времени, после ряда исследований на тему фриланса, выяснилось, что отождествление «фриланса» со «свободой» большое заблуждение. Так, в декабре 2008 года под руководством Д. Стребкова и А. Шевчука прошла первая всероссийская перепись фрилансеров. В исследовании приняло участие около 15 тыс. человек – действующих, бывших и будущих фрилансеров. Трудоемкость работы 32% фрилансеров составляет 7 дней в неделю, 30% имеет один выходной, а 20% работает 10 в сутки [5, с.56].

За период 2015-2016 годы развитие фриланса (резкий рост числа фрилансеров) продолжалось в связи с ростом напряженности на традиционном рынке труда и сокращением персонала, замедлением темпов роста зарплаты. Это явилось реакцией на поиск новых источников дохода бытующих форм занятости.

При всех описанных выше достоинствах фриланса он несет в себя целый ряд недостатков, которые показывают, что социальные трансформации приводят при формировании новых форм занятости не только к положительным результатам, но и к отрицательным. Это – отсутствие карьерного роста, легальных доходов, соцпакета; высокие риски; проблемы с заказчиком. Иными

словами, все эти проблемы в работе фрилансера связаны с отсутствием правового регулирования. Однако сами фрилансеры рассматривают свою нелегальность больше как преимущество, чем как недостаток.

Социальные трансформации на рынке труда привели к возникновению фриланса – новой формы занятости, которая постоянно институализируется. Эта форма занятости стала способствовать формированию сообществ фрилансеров, которые характеризуются:

во-первых, идентичностью на основе ценностей свободы автономии и профессиональных достижений;

во-вторых, высокой оценкой статуса фрилансера, как субъективно значимого;

в-третьих, таким пространством взаимодействия друг с другом, в рамках которого происходят процессы самообразования, обмена опытом и взаимной поддержки;

в-четвертых, спонтанным развитием фриланса.

Новая форма занятости (фриланс), возникшая как следствие социальных трансформаций, случившихся сначала в СССР, а затем и в России, отличается от существующих форм положительными чертами, касающимися современной реальности и направлений развития содержания труда. Речь идет, прежде всего, о стимулирующей роли репутации во фрилансе, которая базируется на росте квалификации и позиции в негласном рейтинге доверия, но также о наличии профессиональных компетенций. В отличие от традиционных форм занятости это более сложные компетенции, требующие не только знания и умения в области данной профессии, но и способность вести переговоры, заключать соглашения, выгодно продвигать себя; выполнять заказы в срок; иметь навыки учета финансов и ведения домашней бухгалтерии; умение найти работу, проекты, заказчиков. Таким образом, фриланс вносит существенное разнообразие в содержание труда, обогащает его, что приводит его в соответствие с современными постиндустриальными тенденциями развития передовых стран, а, с другой стороны, увеличивает требования к самому фрилансеру в области его профессиональных, организационных и коммерческих компетенций.

Итак, развитие фриланса привело к формированию среди фрилансеров идентичности, которая отличает их от представителей тех же областей, но работающих по найму. Это позволяет им характеризовать себя как ценных специалистов, разбирающихся в больших областях и более адаптированных к современным условиям рынка труда и занятости; участвовать в совместной работе фрилансеров, помогает формировать сообщества и в виртуальном мире, которые предоставляют новые возможности для обсуждения профессиональных вопросов, поиска необходимой информации, самообразования и формирования опыта [6, с. 120].

Фриланс как новая форма занятости возникла в создавшихся в России более подвижных и изменяющихся условиях на рынке труда, в условиях, когда необходимо балансировать между семьей и работой, а иной раз и учебой. Особенности сочетания этих сфер и их выбора породили соответствующее разнообразие форм фриланса.

Одна часть фрилансеров начала свою карьеру на основе увлечения творческой деятельностью, хобби, которое затем стало приносить доход. Этот тип фрилансеров не имеет специального (профессионального, формального) образования, являющегося основой для работы большинства представителей этой группы.

Другая часть фрилансеров выбирает эту форму занятости по объективной причине, связанной с уходом за ребенком. Это фрилансеры-мамы. Основная часть женщин стараются совместить уход за ребенком и работу, которая нравится и приносит доход, увлекается и овладевает новыми навыками, в том числе и через интернет, а в следствие и реализуют свою деятельность с помощью глобальной сети [3, с. 60]. Новая форма занятости предоставляет такую возможность для этой категории фрилансеров. Ситуация обращения к фрилансу возникает у женщин и в связи со стремлением разнообразить повседневную жизнь, и по причине необходимости улучшить материальную ситуацию в семье.

Третью часть фрилансеров образуют студенты, которые в современных условиях стараются совместить учебу и работу на более удобных условиях. С одной стороны, фриланс является возможностью развивать свои знания и получать специализацию в той сфере, которая интересна самому фрилансеру, а, с другой, студенты способны выстраивать гибкий график посещения занятий, снижая их пропуски.

Четвертый тип фрилансеров – это востребованные на рынке труда, конкурентоспособные, но предпочитающие выстраивать свою занятость самостоятельно работники. Такие фрилансеры совмещают фриланс с работой в организации, выстраивают свою работу одновременно с несколькими заказчиками или организациями.

И, наконец, пятый тип – это фрилансеры, чья занятость связана только с фрилансом. Именно поэтому, они знают, как работать с заказчиком, как себя позиционировать, как установить контакт с работодателем. Именно этот тип фрилансеров использует ценность свободы в качестве преимуществ фриланса, хорошо ориентируются во фрилансе, освоили нормы и правила, способствующие успешной занятости, выработали свой арсенал методов и инструментов для работы с заказчиками.

Фриланс как новая форма занятости – яркий пример социальных трансформаций, происходящих в современной России на рынке труда.

Список литературы:

1. Байтенизов Д.Т., Патласов О.Ю. Особенности развития фриланса на российском рынке труда: социологический аспект анализа // Наука о человека: гуманитарные исследования. 2016, № 4. – С. 157.
2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда//Социологические исследования. – 2010, № 2. – С. 45.
3. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ / Социологические исследования. 2014, № 4. – С. 58.
4. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. – М.: ИД «Секретной Фирмы», 2005. – С. 72–73.
5. Касимова Р.Р. Фриланс как новое явление рынка труда России // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2013, № 1. – С. 56.
6. Харченко В.С., Бурлуцкая М.Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Социология профессий. № 11-03. – С. 120.

УДК 338.1 ББК У013.5

Воловская Нина Михайловна –
д-р социол. наук, профессор,
Новосибирский государственный
университет
экономики и управления, г. Новосибирск
e-mail: n.m.volovskaya@nsuem.ru

Плюснина Лидия Константиновна –
д-р социол. наук, доцент,
Новосибирский государственный
университет
экономики и управления, г. Новосибирск
e-mail: plusnina@ngs.ru

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: реиндустриализация, регион, кадровое обеспечение, мониторинг

Современный российский социум находится в состоянии посткризисного развития и преодоления последствий его реформирования начала 90-х годов. С начала рыночных реформ спад промышленного производства в стране составил более чем в два раза и российская экономика пережила масштабную деиндустриализацию [1, с. 22]. Последствия деиндустриализации выразились в сокращении производства в таких отраслях как машиностроение, приборостроение, электронная, легкая промышленность и др., что способствовало росту импорта продукции данных отраслей. Деиндустриализация способствовала возникновению негативных изменений в социальной сфере и возникновению социальных проблем, в частности, росту безработицы, деквалификации работников, снижению качества трудового потенциала, снижению мотивации к труду, росту социально-негативных явлений и др. Для решения данной проблемы необходимо осуществить реиндустриализацию российской экономики.

Процессы реиндустриализации активно исследуются как зарубежными, так и отечественными специалистами [2,3,4]. По мнению С. Валентя, термин «реиндустриализация» взят из терминологии конца 20-х годов. «Сейчас перед экономикой страны и регионов стоит та же задача, которая стояла в период перед индустриализацией. Необходимо массовое обновление технологий, причем передовыми технологиями. Также необходима массовая

переподготовка кадров от рабочих до менеджмента. Необходимо внедрение современных методов управления производством, включая систему трудовых отношений [5]». С.Д. Бодрунов считает, что современную реиндустриализацию следует понимать как процесс, сопровождаемый совершенствованием всех основных элементов производственного процесса; в сфере организации – усложнением производственных структур, внедрением инновационных методов управления, в сфере технологического развития – усложнением и увеличением базы технологического уровня, применяемого оборудования и др., в сфере труда – перманентным развитием и повышением квалификации персонала, углублением технологической специализации работников, возрастанием производительности труда, и наконец, в отношении продукта производства – возрастанием его сложности, наукоемкости. [2, с. 25]. В целом, реиндустриализация – это новая экономическая политика, направленная на модернизацию и инновационное развитие российской экономики [6].

Вопросам реиндустриализации уделяется особое внимание в российских регионах, поскольку важным является мобилизация региональных точек роста реиндустриализационных процессов, где приоритеты должны быть отданы высокотехнологичным, наукоемким производствам, что в конечном итоге будет способствовать социальному прогрессу в стране в целом. При этом необходимо отметить, что в настоящее время государственная концепция и программа реиндустриализации российской экономики отсутствуют, поэтому регионы самостоятельно осуществляют данную деятельность с учетом региональных особенностей.

Одним из первых регионов, который, стал осуществлять реиндустриализацию экономики является Новосибирская область, в которой сформировался сильный потенциал реиндустриализации, элементами которого являются: диверсифицированная промышленность; концентрация институтов Российской академии наук и мощный научно-образовательный потенциал; арсенал новых институтов развития и объектов инновационной инфраструктуры; действенная система поддержки субъектов малого и редного предпринимательства, квалифицированные кадры. В регионе разработана Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области до 2025 года, целью которой является ускорение развития экономики путем создания новых высокотехнологичных отраслей, восстановления и модернизации на базе принципиально новых технологий действующих производств, позволяющих существенно увеличить выпуск продукции, услуг и производительность труда. Реализация Программы осуществляется путем активизации мощного научно-инновационного и промышленного потенциала области, что позволяет сформировать эффективную структуру высокотехнологичной экономики, отвечающей требованиям XXI века, а также современную социальную среду и креативный средний класс.

Эффективность реиндустриализации во многом зависит от обеспечения ее квалифицированными кадрами. В рамках социального сопровождения Программы реиндустриализации Новосибирской области представлена подпрограмма «Кадры индустриализации», которая ориентирована на подготовку высококвалифицированных кадров для новой промышленности и других сегментов экономики региона на основе образовательной, научной и производственно-технической базы и использования современных образовательных технологий [6]. В процессе реализации подпрограммы важной задачей является долгосрочная подготовка кадров под заказ инновационных научно-производственных кластеров региона. Направления подготовки кадров предполагают реализацию сопряженных между собой разноуровневых программ, разработанных в системе непрерывной подготовки, начиная со школы и продолжая в колледже и вузе. В целом развитый научно-образовательный потенциал региона в состоянии обеспечить потребности в кадрах предприятий и организаций области по востребуемым специальностям. В программе также подчеркивается, что в основе механизма привлечения и закрепления кадров в проектах реиндустриализации необходимо предусмотреть опережающий по сравнению с другими сегментами экономики рост социального потенциала рабочих мест в создаваемых и/или модернизируемых кластерах и реализуемых проектах, который включает размер заработной платы; стабильность рабочего места; возможность профессионального, квалификационного и карьерного роста; наличие социальных гарантий; социокультурные параметры и психологический комфорт; технологический уклад и др.

Следует отметить, что в программе особо подчеркивается, что, в процессе подготовки кадров реиндустриализации предполагается обеспечить непрерывное образование в течение всей жизни человека для повышения его квалификационного уровня и возможной смены профессии; обеспечить поддержку и развитие образовательных программ, проектов и технологий, направленных на развитие креативности, инновационного мышления и дополнительных компетенций обучающихся на всех уровнях подготовки.

В настоящее время для обеспечения кадров реиндустриализации в регионе осуществляется формирование прогноза кадровой потребности на среднесрочную перспективу до 2023 г., который разрабатывается с учетом текущих и перспективных направлений социально-экономического развития региона; потребностей инвесторов в специалистах и рабочих кадрах, необходимых для реализации флагманских инвестиционных проектов; результатов мониторинга перспективной кадровой потребности на среднесрочную перспективу, проведенного в 2016 году Министерством труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области, что позволило определить дополнительную потребность в специалистах и рабочих кадрах [7].

При формировании прогнозных значений кадрового потенциала учитываются также оценки независимых экспертов профессиональных общественных объединений и отраслевых объединений работодателей, специалистов-аналитиков о текущей ситуации на рынке труда. Результаты прогнозных расчетов позволяют получить информацию об общей потребности всех отраслей экономики в кадрах и дополнительной для обеспечения вновь создаваемых рабочих мест.

Исследование кадрового обеспечения Программы реиндустриализации региона позволило нам сделать следующие выводы.

1. Прогнозные значения потребности в кадрах реиндустриализации в среднесрочной перспективе определяются путем экстраполяции базовых значений без учета возможностей развития новых отраслей, создания новых продуктов, формирования новых ресурсов. По прогнозам Минтруда Новосибирской области самыми востребованными специальностями на ближайшие 7 лет будут медсестры, слесари, водители, фельдшеры, операторы, воспитатели детского сада, машинисты и др. [8]. Как мы видим среди востребованных специальностей отсутствуют такие, которые связаны с инновационными разработками и реализацией инвестиционных проектов программы реиндустриализации.

2. Отсутствие научного обоснования перспективной потребности в кадрах способствует тому, что, подготовка кадров в вузах и колледжах не в полной мере согласована с потребностями реиндустриализации экономики. Эксперты видят риск реализации программы в дефиците готовых специалистов, способных реализовать запланированные изменения [9].

3. Потребность в кадрах, как в текущем, так и в перспективном периоде определяется вне связи с функционированием рынка труда и политикой занятости региона. Основное внимание в процессе кадрового обеспечения реиндустриализации экономики региона уделяется формированию спроса на рабочую силу со стороны экономики. Однако важно не только определить спрос на рабочую силу, но и согласовать его с предложением рабочей силы, которое зависит как от численного состава рабочей силы, так и от потребностей людей в работе, от ценностных и поведенческих установок людей проживающих на конкретной территории, которые определяют их поведение на рынке труда.

В целях дальнейшего совершенствования кадрового обеспечения реиндустриализации экономики региона и формирования его кадрового потенциала, на наш взгляд, необходимо осуществить следующее. Во-первых, кадровое обеспечение следует рассматривать в контексте реализации кадровой политики региона, которая должна быть интегрирована в инновационную политику занятости региона. Во-вторых, при определении перспективной потребности в кадрах реиндустриализации необходимо учитывать то, что в условиях формирующегося информационного общества в содержании труда

увеличивается интеллектуальная составляющая, связанная с производством и обработкой информации. В этой связи на рынке труда становятся востребованными занятия, связанные с производством и обработкой информации, оказанием услуг в виде проектов, выполнением работ, которые не требуют обеспечения постоянного штата сотрудников с полной и стабильной занятостью, фиксированными рабочими местами, а работники, все больше работают временно и удаленно. В-третьих, при определении кадрового потенциала необходимо учитывать влияние социально-культурных факторов на экономику, которые связаны с формированием определенных ценностей и поведенческих установок у людей способствующих или препятствующих их интеграции в инновационный сектор. В-четвертых, для управления процессом кадрового обеспечения необходимо осуществлять его информационно-аналитическое сопровождение с использованием социометрии кросскультурного исследования, позволяющего выявить корреляцию между поведенческими установками и специализацией страны, а также социологического мониторинга кадрового обеспечения Программы реиндустриализации экономики региона.

Список литературы:

1. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования // СоцИС, 2016. № 2. – С. 22.
2. Lirzin F., Schramm C. Reindustrialising Europe: the issues at stake in a European Innovation and Industrial Policy // Foundation Robert Schuman, European Issues No. 256 (October 23, 2012). URL: www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-256-en.pdf (accessed: 15.07.2017).
3. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. № 1. – С. 15–46.
4. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С. Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации // Аналитический вестник Совета Федерации № 9 (503) / Под ред. В.Д. Кривога. М.: Изд-во Совета Федерации РФ, 2013. – С. 8–25.
5. Реиндустриализация Новосибирской области / Новосибирская область. Клуб регионов. Федеральная экспертная сеть. URL: <http://club-rf.ru/54/theme/441> (дата обращения: 05.07.2017).
6. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области до 2025 года (утв. постановлением Правительства Новосибирской области от 01.04.2016 №89-п). URL: <https://www.nso.ru/page/15755> (дата обращения: 17.03.2017).

7. Прогноз кадровой потребности Новосибирской области на 2017-2023 годы. // Приказ Минтруда Новосибирской области от 29.09.2016 № 503. URL: <http://www.mintrud.nso.ru/page/143> (дата обращения: 25.08.2017).

8. Названы профессии, которые будут больше всего востребованы в Новосибирске в ближайшие 7 лет. URL: <http://news.ngs.ru/more/50084893/> (дата обращения: 22.08.2017).

9. Реиндустриализация экономики Новосибирской области: первый шаг наверх URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/reindustrializatsiya-25042017> (дата обращения: 22.08.2017).

УДК 316.42 ББК 60.59

Галицкая Веолетта Александровна –
аспирант 3-го года обучения
Томский Государственный Университет,
г. Томск
e-mail: veta.galitskaya@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСПРОГРАММ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ» И «НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инновационное развитие, социокультурные факторы, Особая экономическая зона, качество жизни.

Одним из главных факторов, влияющих на формирование постиндустриального общества, является развитие человеческих ресурсов. В связи с этим особую важность приобретает как качество самих трудовых ресурсов, включая состояние здоровья и физическую активность, так и уровень развития социальный благ: условий для работы, семейной жизни, воспитания детей. Поддержка двух этих факторов осуществляется посредством реализации различных государственных программ. В данной статье будут рассмотрены особенности инновационного развития региона и социокультурной составляющей госпрограмм «Инновационное развитие и модернизация экономики» и «Новое качество жизни».

«Новое качество жизни» - это Федеральная государственная программа, нацеленная на комплексную модернизацию самых широких сфер общества и включающая такие направления, как здравоохранение, образование, социальная сфера, доступная среда и другие, посредством которых можно оценить социокультурные факторы индустриальной модернизации, основанной на развитии новых технологий. Эксперты признают, что Российская Федерация значительно отстает от уровня инновационного развития в здравоохранении, в связи с чем, ощущаются ограничения современных технологий диагностики и лечения социально значимых заболеваний [4]. Все эти факторы ставят государство в зависимую позицию от импорта инновационных средств диагностики, лекарственных препаратов, и приводит к низким темпам продвижения научных проектов. Но в определенной степени инновационная составляющая присутствует в реализации данной программы. К примеру, предотвращение и лечение социально-значимых заболеваний, среди которых ВИЧ-инфекция, туберкулез, клещевой энцефалит, алкоголизм и наркомания в области ведется успешно. Видимые нововведения в лечении были зафиксированы в области вакцинации, где главным томским

производителем вакцины является НПО «Вирион» [4]. Компания производит практически половину всех жизненно необходимых и важнейших препаратов, установленных Правительством РФ, в том числе - производство вакцин от клещевого энцефалита, иксодовых клещевых боррелиозов, и даже оспы.

Значительные технологические нововведения замечены в реализации подпрограммы «Охрана здоровья матери и ребенка». Как отметил Минздрав России, Томская область демонстрирует лучшие показатели по перинатальной диагностике беременных женщин среди всех регионов России. Младенческая смертность имеет наименьшее значение среди СФО, а в 2016 году достигла исторического минимума [2]. Во многом это связано с созданием Перинатального центра 6 лет назад [7]. На сегодняшний день центр отличает создание и внедрение инновационных разработок, в частности проводится неинвазивное перинатальное исследование, здесь впервые за Уралом стали проводить уникальные внутриутробные операции. Кроме того, областная администрация снабдила Томский перинатальный центр новым оборудованием, отвечающее международным стандартам [5].

Следующей программой, которую хотелось бы рассмотреть является «Развитие образования в Томской области». Программа направлена на достижение высокого качества образования, а также решение перспективных задач развития российского общества и экономики. Также программа должна способствовать инновационному, социально ориентированному развитию страны. Анализируя данную программу, можно отметить, что определенные шаги по внедрению инновационных образовательных программ и технологий инноваций реализуются, однако существенных изменений не замечено. Из реализуемых мер отмечалось обновление материально-технической оснащенности общеобразовательных организаций, что способствовало улучшению показателей по сравнению с 2015 годом. В школах и гимназиях города проходила отработка новых технологий, создавалась электронная оценка качества образования. Также устанавливались научно-исследовательские связи между школами и ведущими учреждениями города, среди которых университеты, Особая экономическая зона, ТНЦ СО РАН. Для выявления одаренных детей была учреждена автономная некоммерческая организация дообразования «Кванториум», цель которого – стимулировать развитие технических способностей и сформировать интерес к инновационной деятельности среди детей младшей школы [3]. В сфере профессионального образования также создавались новые структуры подготовки кадров, которые были оснащены уникальным высокотехнологичным оборудованием. Такие центры прикладных квалификаций ведут подготовку кадров организаций IT технологий, нефтепроводного транспорта и нефтехимии, строительства и ЖКХ и других.

Теперь рассмотрим госпрограмму «Инновационное развитие и модернизация экономики». Согласно отчету областной администрации в программе

«Развитие инновационной деятельности и науки в Томской области» в 2016 году был полностью выполнен плановый показатель по объему инновационных товаров, работ, услуг организаций Томской области, который находится на уровне 13,4 млрд. рублей. Соответствует плановому показателю и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Томской области. Учитываются исследователи, техники и прочий вспомогательный персонал, который составляет 8 930 человек. Поскольку развитие инновационного потенциала требует комплексного подхода, в регионе развиваются такие направления, как стимулирование венчурных инвестиций, участие в российских и международных научных форумах, проведение обучающих семинаров по вопросам защиты интеллектуальной собственности, развития инновационной инфраструктуры, реализуемой посредством деятельности томской Особой экономической зоны. Нужно отметить, что ОЭЗ вносит определенный вклад в развитие инновационной экономики региона [8]. Наличие специальной инфраструктуры позволяет выстраивать работу от стадии разработки, до вывода готовой продукции на рынок. В 2016 году статус резидентов приобрели 6 компаний, таким образом в настоящий момент в Особую экономическую зону входят 69 томских предприятий. Деятельность ТВЗ постоянно развивается, так на сегодняшний день идет строительство двух крупных объектов: Томского регионального инжинирингового центра и Экспоцентра. Из новых инициатив нужно отметить создание центров молодежного инновационного творчества – лабораторий, оснащенных новейшим оборудованием, которое позволяет проводить мастер-классы для школьников по робототехнике, а также тематические классы по 3D-печати, основам программирования, а также выполнять фрезерные, токарные, слесарные и электромонтажные работы [1].

Кроме того, в Томске наблюдается развитие инновационного территориального кластера «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии». В 2016 году был сформирован инновационный кластер «Smart Technologies Tomsk», который вошел в число победителей среди регионов-участников конкурса. Количество технологических «стартапов» (малых инновационных предприятий), созданных при участии организаций-участников Кластера выросло до 29. В результате реализации данных мероприятий в Томскую область привлечено более 590 млн. рублей из внебюджетных источников на реализацию программ инновационного развития 3 государственных корпораций и 345 млн. рублей - на выполнение прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Таким образом, наибольшее влияние на развитие инноваций в регионе оказывает Особая экономическая зона и проекты, вышедшие из нее. Флагманом здесь служит инновационный территориальный кластер «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии», ставший инструментом, посредством которого администрация поддерживает

инновационные компании из приоритетных сфер. В то же время, такие проекты как строительство экспо и инжинирингового центров в 2017 году были приостановлены до момента передачи объектов на региональный уровень. Из 6 млрд рублей, необходимых для строительства новых объектов инфраструктуры в федеральном бюджете были заложены только 2,2 млрд. Вместе с тем, пока остается не ясным, как регион будет содержать весь этот многомиллиардный комплекс [6].

Подводя итог вышесказанному можно заключить, что только часть федеральных и региональных программ работают на инновационное развитие города. В программе «Новое качество жизни» заметны шаги по внедрению инноваций в сферах здравоохранения и образования, однако масштабных результатов пока не наблюдается, так как разработка и внедрение инноваций ресурсозатратный и трудоемкий процесс. Вторая анализируемая программа «Инновационное развитие и модернизация экономики» главным образом находит воплощение в деятельности Особой экономической зоны и ее проектов, таких, например, как инновационный территориальный кластер «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии». В то же время как отметил в своем докладе полпред Сибирского федерального округа, в социально-экономическом плане ОЭЗ пока оказывает минимальное влияние на развитие региона, особенно с учетом отставания в сроках строительства объектов инфраструктуры. Но в то же время, эксперты томского научно-технического сообщества отмечают такие положительные моменты, как создание актуальных высокотехнологичных площадок, на которых работают резиденты, а также улучшение дорожно-транспортной сети. Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте реализуемы в Томске госпрограмм нужно уделять большее внимание проблемам социокультурного развития региона, в связи с высокой важностью привлечения и удержания талантливых специалистов, готовых развивать инновационную деятельность Томской области [9, С.13].

Список литературы:

1. В Томске начал работу центр молодежного инновационного творчества [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/9275/> (дата обращения: 18.06.2017).
2. В Томской области самая низкая по России младенческая смертность [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/111977/> (дата обращения: 22.05.2017).
3. «Кванториум» придет зимой. В Томске появится новая модель развития творчества школьников — детский технопарк [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <http://obzor.westsib.ru/article/505923/> (дата обращения: 10.06.2017).

4. На покупку вакцины от клещевого энцефалита Томская область потратит 38 млн [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <https://news.vtomske.ru/news/138994-na-pokupku-vakciny-ot-kleshchevogo-encefalita-tomskaya-oblast-potratit-38-mln/> (дата обращения: 15.06.2017).

5. Показатель материнской смертности в России снизился почти вдвое с 2011 года [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <http://tabletkat.tomsk.ru/news/n583/> (дата обращения: 24.06.2017)

6. Строительство экспоцентра ОЭЗ приостановлено на неопределенный срок [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <http://tv2.today/News/Stroitelstvo-eksposentratomskoe-oez-priostanovleno-na-neopredelennyy-srok/> (дата обращения: 22.06.2017)

7. Томский перинатальный центр отметил 5-летие [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. –URL: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/company/17000-tomskiy-perinatalnyy-centr-otmetil-5-letie.html/> (дата обращения: 29.06.2017)

8. Томская ОЭЗ предложила перевести часть функций управления на региональный уровень [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск, 2017. – URL: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/economic/16822-tomskaya-oez-predlozhila-perevesti-chast-funkciy-upravleniya-na-regionalnyy-uroven.html/> (дата обращения: 02.07.2017)

9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2007. – 432с.)

УДК 316.3 ББК 60.55

Глушков Алексей Викторович –
заместитель директора муниципального
казенного учреждения
«Управление капитального
строительства» Тазовского района ЯНАО
e-mail: gumyn_25@mail.ru

Мальцева Наталья Владимировна –
кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный
университет, г. Тюмень
e-mail: malts-08@mail.ru

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: Жилищно-коммунальное хозяйство, реформирование, инновация, цифровая экономика, общество

Жилищно-коммунальное хозяйство – это также сложный многоотраслевой комплекс, включающий жилищное хозяйство; коммунальная энергетика, водоснабжение и водоотведение, и ремонтно-эксплуатационное производство, внешнее городское благоустройство. Жилищно-коммунальное хозяйство рассматривается также как производственно-отраслевой комплекс, обеспечивающий бесперебойное функционирование инженерной инфраструктуры, создающий комфортабельные условия проживания людей, путём предоставления им широкого спектра коммунальных услуг. Реформу жилищно-коммунального хозяйства в регионах и городах можно отнести к сложным инновационным процессам, в которых эффективность реформирования видится в неготовности и низкой адаптивности к инновациям как его участников, так и самого общества.

В настоящее время область взаимоотношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства между обществом и государством РФ становится одним из основных источников социального напряжения, нередко даже воспринимается как определённое насилие со стороны структур, уполномоченных распоряжаться данной сферой. Сформировавшаяся сегодня несогласованность при принятии решений в работе коммунальных, дорожных и других служб приводит к нерациональному использованию ресурсов.

Сфера ЖКХ это тот комплекс, обусловленный наличием большого числа факторов на нее влияющих, таких как монополизм поставщиков

ресурсов, локальный характер производства и потребления работ и услуг, высокая социальная значимость и влияние на качество жизни страны в целом, и как следствие на производительность труда в стране и воспроизводство ее населения. Среди основных целей в сфере ЖКХ – улучшение качества обслуживания людей, их комфортного проживания, инженерного благоустройство придомовых территорий и т.п. Можно сказать, что жилищно-коммунальная сфера услуг является тем маяком, который высвечивает уровень жизни населения, обеспечивающая качество воспроизводства функционального потенциала населения.[1. С. 79]

Оценка состояния социально-экономических процессов в жилищно-коммунальном хозяйстве строится на индикаторах как:

-индикаторы внутренней среды, состоящие из доли товариществ собственников жилья, доли городского жилищного фонда, обслуживаемого на конкурсной основе (управляющими компаниями) и муниципальными ЖЭУ и т.д. Определяются техническим состоянием объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры, а так же сложившимся уровнем технологических процессов;

- индикаторы внешней среды, которые отражают состояние и тенденции городского хозяйства. Сюда можно отнести следующие группы факторов:

- социальные, связанные с социальной защищённостью населения в условиях реформирования жилищно-коммунального комплекса и влияющие на уровень социальной напряжённости в обществе и готовности к развитию институтов местного самоуправления. Влияние данного фактора оценивается исходя из показателей уровня и качества жизни, социальной защиты населения и обеспеченности жильём население.

- экономические, определяющие экономическое состояние отрасли ГМХ и бизнес структур. Влияние данного фактора оценивается уровнем инвестиционной активности, налоговым потенциалом города или сельского поселения. [3. С. 45]

Социальная эффективность управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства заключается в: увеличении уровня платежеспособности населения (потребителей ЖКУ); повышении уровня комфорта и качества жизни населения.

Система управления качеством услуг жилищно-коммунальным хозяйством в Ямало-Ненецком автономном округе ориентирована на повышение эффективности использования имеющихся средств и возможностей, обеспечение реальной привлекательности отрасли для инвесторов, создание условий для устойчивого функционирования ЖКХ при обязательном повышении качества предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, четкое закрепление между участниками функций и задач, необходимых для выполнения.

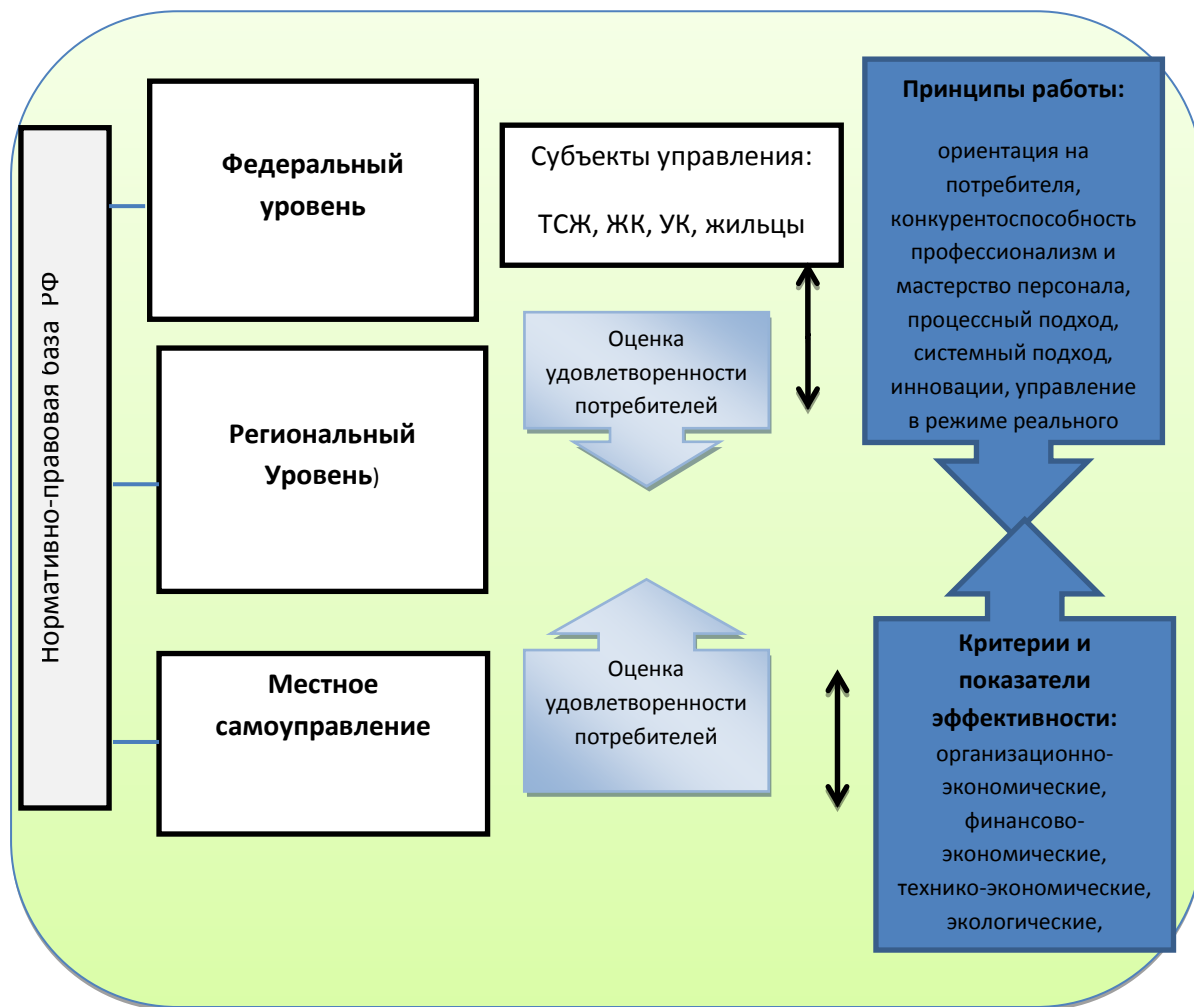

Рисунок 1. Система управления качеством услуг ЖКХ ЯНАО

Отличительными чертами в ЯНАО являются:

- высокое качество и экологическая безопасность жилищно-коммунальных услуг;
- удовлетворённость потребителей качеством ЖКУ;
- оперативность и точность обмена информацией между органами власти, производителями и потребителями услуг.

Организация жилищно-коммунального хозяйства, реализующая систему управления качеством услуг ЖКХ, создаёт уверенность в возможностях своих процессов и качестве своих услуг, а также обеспечивает основу для их постоянного улучшения. Это может привести к возрастанию удовлетворённости потребителей и других заинтересованных сторон и успеху организаций ЖКХ.

Таким образом, главным приоритетом государственного регулирования сферы ЖКХ должно стать повышение устойчивости ее функционирования. Это может достигаться только через увеличение масштабов строительства нового жилья (эконом и элит класса), а так же внедрение новых инновационных технологий в управление жилищным фондом.

Комплексная модернизация жилищно-коммунальной сферы невозможна без разработки и внедрения инновационных моделей цифровой экономики, без экономических механизмов и технологий, а так же без взаимодействия с обществом. Наряду с этим важно укреплять и развивать инвестиционную привлекательность отрасли ЖКХ, поддерживать принцип честной конкуренции на рынке коммунальных услуг, через совершенствование нормативной базы РФ.

Список литературы:

1. Информация по актуальным вопросам управления жилищно-коммунальным хозяйством // Городское управление. 2014. № 11 (220). С. 74–85.
2. Исламова З.Р., Хисаева М.В. Проблемы взаимоотношений самоорганизаций граждан с жилищно-коммунальными хозяйствами // Экономика и социум. 2014. № 4–3 (13). С. 221–225.
3. Лелявина Т.А. Совершенствование управления жилищно-коммунальным хозяйством. М-во образования и науки РФ, Санкт-Петербургский гос. ун-т сервиса и экономики. Санкт-Петербург, 2010. 120 с.
4. Степаев К.С. Концепция управления жилищно-коммунальным хозяйством на основе инноваций // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 3. С. 232–233.

Гюрджинян Александр Сергеевич –
аспирант кафедры маркетинга и
муниципального управления,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

К ПРОБЛЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: процесс атомизации, социальное управление, социальная солидарность, территориальное сообщество.

Социальные процессы, происходящие в северных регионах России, приобретают все большее значение как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Адекватное их понимание формирует предпосылки для осуществления результативного управления модернизацией всех сторон жизнедеятельности социума.

В контексте управленческого воздействия социальные процессы рассматриваются в статье как совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных результатов и целей. В то же время социальное управление в свою очередь воздействует на социальные процессы через формирование и развитие общих связей различных групп индивидов, интегрируя результаты их деятельности и отношений между ними. В силу сказанного социальное управление связано с возникновением и развитием нового как в жизни отдельных людей, так и их территориальных сообществ. При этом важно при воздействии на социальные процессы учитывать объективную реальность и специфику северных регионов.

Традиционно реализация социального управления на Тюменском Севере ориентирована на исполнение законов, норм, обеспечение достойных условий жизнедеятельности северян, что позволяет контролировать социальные процессы, деятельность социальных систем и их развитие. Следует признать, что в данном направлении значительные проблемы социальной сферы решены и многое достигнуто: вырос объем вводимого жилья, значительное развитие получила сеть предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, улучшились и стали более доступными услуги здравоохранения, социального обслуживания, расширяются направления досуговой деятельности, развивается малый бизнес.

Но положительные социально-экономические показатели не устраняют противоречивости тенденций социальных процессов в северных регионах. Глубокая и затянувшаяся трансформация российского общества породила новые социальные явления, одним из которых является атомизация. Деконсолидация общества в суровых природно-климатических и социально-

экономических условиях Севера деструктивна по своим последствиям, поскольку индивид в атомизированном обществе ориентирован на принятие решений, которые касаются, прежде всего, его личной жизни, нередко без учета интересов, потребностей и ценностей других людей, включая ближайшее окружение. Более того, автономия индивида ставится выше моральных норм и социальных отношений. В результате восприятие других людей приобретает преимущественно функциональную (рыночную) окраску и, как следствие, постепенно исчезает чувство ответственности не только за другого, но и за себя, а значит возникают угрозы социальной безопасности личности, местного сообщества и региона в целом.

Процесс атомизации общества трансформирует индивидуализм из разряда необходимого суверенитета личности, ее непреходящей ценности в разряд эгоизма и меркантильности. Маргинализация приобретает массовый характер, что позволяет констатировать, по мнению Иванова П.В., парадоксальное явление «социального исключения большинства» [3]. Такие исследователи как Горшков, Шубкин, Ядов и др. отмечают утрату социальной коммуникабельности, приведшей к тому, что лишь самые близкие сегодня вызывают чувство доверия, а микросоциальные сети взаимодействия остаются главными ресурсами выживания, устанавливается опора на себя, семью и немногих близких [1; 2; 4].

Сложившееся противоречие между тенденцией деконсолидации и тенденцией к объективно необходимой целостности социума может быть разрешено по-разному. Одним из возможных путей представляется усиление воздействия социального управления на приобретший негативное направление процесс атомизации, которое может быть реализовано через формирование и развитие субъектности личности, наделенной чувством солидарности, сопричастности и взаимопомощи. В этом случае консолидация социального территориального сообщества на основе общих интересов и проблем видится как условие преодоления меркантилизма и безответственности. Закономерно Ильин А.Н. подчеркивает, что общество и страна способны к социальному развитию только тогда, когда каждый чувствует «себя защитником и строителем целого и связан с каждым другим узами ответственности и горизонтальной солидарности» [5, с.69].

Исходя из понимания того, что современное территориальное сообщество представляет собой объединение и взаимодействие его членов, способных самостоятельно и сообща принимать решения по повышению качества жизни на основе общих целей, ценностей и интересов, субъекты социального управления должны быть ориентированы на формирование и развитие динамического ряда – самоорганизацию социального сообщества, его самоуправление, а также социальное регулирование как элемент управленческого механизма. Однако способность к самоорганизации и самоуправлению территориальных сообществ складывается под

влиянием реализации функций социального управления, наделяющего их мерой ответственности за качество собственной жизни. В свою очередь самоорганизация и самоуправление, определяющие характер социальных действий и взаимодействий членов территориальных сообществ, детерминируются качеством их жизни, достижение высокого уровня которого и является главной целью социального управления.

Список литературы:

1. Горшков, М.К., Петухов, В.В., Крумм, Р. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М., 2011. – 304 с. [Электронные ресурсы] / Институт социологии РАН. URL: http://isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (дата обращения: 22.08.2017).
2. Данилова, Е.Н., Ядов, В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования, 2004. – № 10. – С. 27–30.
3. Иванов, П.В. Потребление как агент легкой социальности в городском пространстве // Журнал социологии и социальной антропологии, 2011. – Т. XIV. – № 5 (58). – С. 142–147.
4. Иванова, В.А., Шубкин, В.Н. (2005) Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования, 2005. – № 2. – С. 22–28.
5. Ильин, А.Н. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 58-82. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomiza-tion-Consumerism/ (дата обращения: 11.09.2017).

УДК 314.7 (470.45) ББК 60.546.7

Дроздова Юлия Алексеевна –

к. социол. наук, доцент,

Волгоградский институт управления –

филиал ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства и государственной

службы при Президенте РФ», г. Волгоград

e-mail: juliadrozdova@mail.ru

**СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ РИСКАМИ В
ПРИНИМАЮЩЕМ РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ГРАНТА РФФИ
№ 16-13-34011 «МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)**

Ключевые слова: миграционные риски, принимающий регион, риск – менеджмент.

Развитие любого региона страны, под которым понимают режим функционирования региональной системы, ориентированный на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории [3, с. 29], а также построение грамотной управленческой деятельности невозможно без учета социальных рисков.

Региональному развитию присуща неопределенность, что вызвано социальными трансформациями, происходящими в стране и мире, глобальными/ локальными социальными конфликтами, изменяющимися условиями хозяйствования, объективной невозможностью учета всех факторов, влияющих на данные процессы. Расчет и управление социальными рисками позволяет во многом снижать степень неопределенности в развитии региона. Поэтому рискогенность региональной среды как неотъемлемую характеристику, свойство социальных процессов необходимо учитывать при планировании развития региона.

Безусловно, объективно существует неустраняемая неопределенность, имеющая место при принятии любого управленческого решения, и приводящая к тому, что риск никогда не бывает нулевым [6]. Это связано со спецификой социальных процессов и, в частности, миграционных. На региональном уровне невозможно повлиять на политику государств – стран исхода мигрантов, процессы глобализации, военные конфликты в разных регионах/ странах, ведущие к усиленной миграции населения, мотивацию людей, принявших решение о переезде. Однако, несмотря на определенные трудности, управление

миграционными процессами на основе расчета рисков возможно и необходимо, чтобы они не привели к необратимым или трудно управляемым последствиям, когда огромные ресурсы (финансовые, материальные, человеческие) будут направлены на поддержание только безопасности социальной среды, ликвидацию негативных последствий рисков (в том числе самых опасных, рисков терроризма и экстремизма). Данная тактика не предполагает развитие региона, так как проблему гораздо легче предупредить, чем затем решать.

За основу управления миграционными процессами в регионе мы предлагаем взять принципы риск – менеджмента, разработанные для управления экономикой и организациями, адаптировав их с учетом социальной составляющей миграционных рисков [5, с. 18].

С учетом специфики управления миграционными процессами структура управления представляет собой многоэтапный процесс, включающий пять блоков, где первый блок, представляет собой цель управления рисками в сфере миграции. Целью управления миграционными рисками является обеспечение баланса в межнациональной и других, связанных с ней сферах регионального управления, минимизация негативных последствий растущей в объемах миграции. Второй блок означает этап получение информации о миграционной ситуации и идентификации риска; третий блок – анализа включает выявление последствий риска; определение вероятности негативных последствий при определенных условиях и разработку вариантов моделей развития миграционной ситуации в регионе/ стран/ мире. Четвертый блок – реагирования включает выбор стратегии управления миграционным риском и выбор приемов снижения степени негативных последствий, а также разработку программы действия по управлению миграционными рисками. Пятый блок, включающий завершающие три этапа, – это процесс непосредственной организации процесса управления и получения обратной связи, обеспечивающий реализацию программы управления риском, контроль, анализ и оценку результатов выбранного решения. Предлагаемая схема организации управления миграционным риском разработана автором статьи на основе существующей модели организации управления предпринимательским риском [4, с. 47].

Первоначально для расчета миграционного риска необходимо идентифицировать его [1, с. 40]. По мнению М. Дуглас, «когда знание является определенным, а согласие полным, когда существует договоренность о целях и альтернативы известны, может быть написана программа для осуществления наилучшего решения. В этом случае проблема является технической, и решение состоит в расчете» [7, р. 4 – 5].

Для идентификации миграционного риска, то есть определения возможной угрозы стабильности и развитию региона вследствие растущей миграции (включая иммиграцию и эмиграцию) необходимо проанализировать как можно большее число источников информации. В качестве источников информации по миграционным рискам Волгоградской области может

выступать (и являлась базой при исполнении гранта РФФИ) статистическая информация Федеральной службы статистики и ее региональных отделений. Это также могут быть сводные отчеты федеральных и региональных структур, занимающихся вопросами миграции (например, Министерства внутренних дел, комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области), общественных организаций (в том числе национальных, Дома Дружбы), данные средств массовой коммуникации, социологические исследования, включая массовые опросы (анкетирование), опрос экспертов, опыт зарубежных стран, других субъектов РФ. К сожалению, в связи с принятием на федеральном уровне решения о реструктуризации Управления федеральной миграционной службы и передачи полномочий Министерству внутренних дел, получение информации на первом этапе представляется затруднительным и специфичным процессом. Нельзя не согласиться с мнением эксперта гранта, что *«...не может силовое ведомство... решать социальные, экономические, этнические, социокультурные, психологические, адаптационные проблемы, связанные с миграцией. ...Министерство внутренних дел в России, да, при Столыпине занималось переселенческой политикой. Это другое министерство внутренних дел. Оно занималось экономикой, оно занималось транспортом. А наше министерство – это силовое министерство. Оно, по определению этого не может делать. Это очень плохо! Если оценить это решение, это единица с минусом»* (эксперт, научное сообщество, Москва). В связи с этим возникают дополнительные проблемы в идентификации миграционных рисков и, соответственно, в разработке стратегии управления ими.

При идентификации миграционных рисков выявляются численное распределение размеров рисков, субъективные и объективные факторы, влияющие на риск. Субъективными факторами являются особенности региона (развитие сельского хозяйства, промышленности; позиция руководства и политический курс региона; привлекательность территории для иммигрантов и выталкивающие факторы для эмигрантов и т.д.), а объективными – внешние, независимые от региона и его политики факторы (изменения международного законодательства; военные конфликты; изменения структуры разделения мирового рынка труда; экономический кризис; изменение демографической структуры определенной части общества и т.д.) [6].

На наш взгляд, целесообразно выстраивать структуру факторов риска и прогноз развития ситуации, в целом стратегию управления миграционными рисками отдельно по каждому риску. Волгоградская область является принимающим мигрантов регионом и в силу географического приграничного транзитного положения на пересечении транспортных путей, и в силу экономической сельскохозяйственной специализации, привлекательной для иммигрантов из Средней Азии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Украины, Армении и для внутренней миграции из Дагестана, Северного Кавказа, Чеченской Республики. В результате реализации гранта РФФИ

№ 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» были выявлены следующие миграционные риски: в экономике и сфере занятости (рост конкуренции на рынке труда, уменьшение стоимости рабочей силы, теневая занятость, несоблюдением санитарных и иных условий для работников, отток средств, заработанных иммигрантами на их родину); возможность возникновения «иммигрантских сегментов» экономики; снижение интеллектуального потенциала общества; ухудшение криминогенной ситуации в регионе; возникновение конфликтов на религиозной почве; обострение политической ситуации в регионе из-за низкого доверия населения к власти и СМИ [2].

Основными факторами риска снижения интеллектуального потенциала Волгоградской области вследствие миграции являются, например, социально-экономические факторы: отток высококвалифицированных кадров из-за низкого уровня заработных плат в провинциальных регионах, отсутствие общефедеральной политики привлечения в страну высококвалифицированных кадров; незаинтересованность региона в повышении образовательного уровня постоянных иммигрантов, отсутствие карьерных перспектив в регионе, отсутствие программ поддержки высококвалифицированных кадров. Как показало авторское социологическое исследование, выталкивающими факторами из региона являются: «безработица в регионе» (54,9% респондентов); «проблемы с рабочими местами» (40,6%); «низкие заработные платы (23,4% опрошенных); «жилищные проблемы» и «отсутствие перспектив» (по 18,2% участников опроса соответственно), «большое количество мигрантов» (12,3%). (Опрос населения, проведенный в рамках реализации полевого этапа гранта 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N = 1000; июль – сентябрь 2013).

На основе полученных результатов происходит определение вероятности превращения риска в непосредственную угрозу или катастрофу, выявляется рискованная стоимость каждого миграционного риска. Под рискованной стоимостью миграционного (и любого социального) риска мы понимаем максимально возможный ущерб, который может быть нанесен реализацией риска культуре, безопасности, качеству жизни общества во всех его проявлениях за определенный промежуток времени с заданной вероятностью. Расчет этого показателя необходимо осуществлять, как на основе экономических показателей (количественный метод анализа), так и исходя из ментальных, моральных и прочих, не поддающихся расчету характеристик общества (качественный анализ).

На данном этапе завершается анализ информации и начинается построение прогнозных моделей миграционной ситуации в регионе в зависимости от выбираемой стратегии управления риском [4, с. 17]. Анализ вариантов и выбор решения для управления миграционными рисками

основывается не только и не столько на сопоставлении ожидаемой выгоды и величины потерь как в риск – менеджменте в финансовом секторе [5]. Поскольку социальный риск является трудным для расчета и не всегда может быть измерен, то в таком случае придется исходить, скорее из степени риска и возможных потерь для общества. Миграционные риски могут рассчитываться и при принятии определенных нововведений по улучшению состояния региона в миграционной сфере. Риски могут рассматриваться при позитивных социальных последствиях (рост численности населения, решение демографической проблемы, обеспечение рынка труда необходимыми трудовыми ресурсами, мультикультурализм и т.д.) как возможности повышения качества жизни в регионе.

Завершающей фазой разработки управления риском является разработка программы действий по снижению степени и величины риска. Программа представляет собой набор управляющих воздействий в виде антирисковых мероприятий и необходимых для этого объемов и источников финансирования, конкретных исполнителей и сроков исполнения, методов реализации, видов стратегии (принятия, переадресации, минимизации и т.д.). Далее следует процесс непосредственной реализации стратегии, в которой самой важной процедурой является организация выполнения намеченной программы. Она предусматривает объединение специалистов, совместно реализующих программу управления миграционным риском. Итогом деятельности в сфере управления миграционными процессами является контроль выполнения программы, анализ и оценка результатов в режиме мониторинга, определяющие эффективность управления риском, степень влияния тех или иных мер на снижение риска, целесообразность проведения подобных мероприятий в будущем, корректировка.

Управление на основе расчета социальных рисков, в том числе миграционных, – очень сложная задача, которая на сегодняшний день не применяется в региональной практике, но успешное внедрение данной стратегии способно принести ощутимые результаты для достижения цели устойчивого развития регионов в условиях неопределенности и изменчивости социальной среды, превращения рисков в возможности, создать качественную основу для государственной политики.

Список литературы:

1. Безопасность и риски устойчивого развития территорий: монография/ В. Е. Левкевич [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2014. – 224 с.
2. Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области)// Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. – № 4. – С. 100 – 109.

3. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Эдиториал УРСС. – 2003. – 366 с.

4. Малашихина Н. Н., Белокрылова О. С. Риск – менеджмент. – Ростов на Дону: Феникс, 2004. – 320 с.

5. Риск – менеджмент в коммерческом банке: монография /коллектив авторов; под ред. И. В. Ларионовой. – М.: КНОРУС, 2016. – 456 с.

6. Социальные риски и управление ими в современном обществе: материалы всероссийской научно-практической конференции, 5 декабря 2014 года / отв. ред. Е. Н. Шовина. Мурманск: МГГУ, 2015. – 278 с.

7. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982. – 221 p.

УДК:332.142.4 ББК: 65.05

Емельянова Елена Евгеньевна –
канд. эконом. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт экономических проблем
им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, г. Апатиты
e-mail: emelya@iep.kolasc.net.ru

ИТОГИ ВНЕДРЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СТАНДАРТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПО УЛУЧШЕНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: инвестиционный климат, органы власти, муниципалитеты

В 2011 г. в рамках государственной инвестиционной политики по содействию регионам в улучшении предпринимательского и инвестиционного климата Правительством было утверждено Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), которое дало начало реализации проектов по внедрению Стандарта деятельности органов власти вначале на уровне регионов, а затем и на муниципальном уровне [11].

Внедрение «Стандарта деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании» (Стандарт 2.0) на уровне муниципалитетов носит добровольный характер и применяется в регионах, успешно внедривших аналогичный Стандарт деятельности на региональном уровне. В 2014 г. было отобрано около 80 муниципалитетов по всей стране для апробации проекта.

Для оценки эффективности внедрения и влияния данных мер на инвестиционный климат в муниципалитетах был изучен опыт Мурманской области, все муниципальные образования которой внедрились Стандарта 2.0 на своих территориях. К тому же из всех регионов Севера и Арктики в Мурманском регионе органы власти ведут наиболее активную политику по улучшению инвестиционной среды и созданию благоприятных условий для развития бизнеса.

Особенностью формирования поселений в Мурманской области является тот факт, что они развивались как горнодобывающие центры в местах разработки полезных ископаемых, поэтому значительная часть городов, расположенных в регионе, имеют статус монопрофильных. Для поддержки

---

¹ Публикация содержит материалы, полученные при поддержке грантом РФФИ № 16-32-00019 «Новые проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов российской Арктики в условиях кризиса»

экономик моногородов и развития в них инвестиционных возможностей Правительством РФ принимаются достаточно исчерпывающие меры. Так Министерством экономического развития РФ разработан «Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», включающий 95 направлений, ориентированных на поддержку моногородов по линиям различных ведомств [2].

Кроме федеральной поддержки в регионе активно ведется работа по развитию инвестиционной среды за счет предоставления широкого спектра господдержки инвесторам на всех этапах реализации проектов. Основными субъектами, влияющими на величину и динамику инвестиций в основной капитал, в муниципалитетах Мурманской области выступают крупные горнодобывающие предприятия. Так, например, в Кировске объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2015 году составил 14,0 млрд. рублей, что на 9,5 % выше уровня 2014 г., из которых 99% составляют инвестиции организаций, расположенных на территории муниципалитета. Муниципальными органами власти прогнозируется дальнейшее увеличение объемов капитальных вложений организациями горнодобывающего сектора в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов. Согласно плану модернизации города Кировска, к 2020 году объем привлеченных инвестиций составит 3,3 млрд.руб., из которых 2,6 млрд. руб. за счет частных инвесторов [6].

Благодаря государственным мерам поддержки в Кировске в 2017 году была создана территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), позволяющая дополнительно стимулировать инвестиционную деятельность в муниципалитете и значительно снизить инвестору уровень налоговой нагрузки, что создаст более благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов. В результате реализации данных направлений планируется создать более 500 рабочих мест с предполагаемым объемом инвестиций около 300 млн. рублей [12].

Еще в одном моногороде Мурманской области – Ковдоре – для повышения инвестиционной привлекательности и привлечения к его развитию малого и среднего бизнеса планируется создание ТОСЭР с совместным участием местных властей, областного правительства и градообразующего предприятия АО «Ковдорский ГОК», при инвестиционной поддержке которого реализуется ряд инфраструктурных проектов в городском округе [10]. С предприятием заключено «Соглашение о социально-экономическом партнерстве между Правительством Мурманской области, АО «Минерально-химическая компания «ЕвроХим» и администрацией Ковдорского района», в рамках которого в 2014-2016 гг. общий объем инвестиций в улучшение облика города составил порядка 200 млн. рублей. В процессе реализуемых мер региональной поддержки инвестпроектов по льготному налогообложению «Ковдорский ГОК» в 2017 г. сэкономит на налогах порядка 52 млн. рублей [1].

Реализация органами власти Ковдора ряда мер по поддержке и созданию благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства позволила за 2011-2013 гг. увеличить численность предпринимательских структур на 8,5%, а среднесписочную численность работников на 15% с дальнейшим прогнозируемым увеличением их количества к 2017 г. [8].

Проводимая в Мончегорске инвестиционная политика муниципальных органов власти и внедрение Стандарта 2.0 также позволила сформировать систему поддержки и развития предпринимательства, в результате чего в 2016г. отмечается рост количества малых и средних предприятий и индивидуальных предпринимателей по сравнению с 2014-2015 гг. с дальнейшим прогнозируемым увеличением их количества к 2019 г. на 5-9%.

Кроме развития предпринимательской деятельности, целью внедрения Стандарта 2.0 являлось и обеспечение благоприятного инвестиционного климата на территории Мончегорска. Внедряемые Стандартом 2.0 меры были направлены на формирование системы поддержки инвесторов, а также на регламентацию порядка взаимодействия органов местного самоуправления, органов государственной власти Мурманской области и инвесторов в вопросах привлечения инвестиций. Реализация данных мер была призвана увеличить инвестиционную активность и обеспечить положительную динамику роста по таким основным показателям как: общий объем инвестиций по фактически реализуемым инвестиционным проектам; общее количество проектов, реализуемых на территории города Мончегорска; количество вновь созданных рабочих мест по инвестиционным проектам; количество предпринимателей, вовлеченных в формирование инвестиционной политики.

Однако, не смотря на то, что регион и муниципалитеты активно включились в процесс стандартизации деятельности органов власти по созданию благоприятного инвестиционного климата, пример Кировска является скорее исключением ввиду активной позиции как муниципальных органов власти, так и градообразующего предприятия. В ряде других муниципалитетов рост инвестиционной активности не наблюдается. Так в Мончегорске в 2016 г. объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования снизился. Согласно «Прогнозу социально-экономического развития муниципального образования город Мончегорск...» [7] в 2017 году ожидается значительное снижение инвестиционной активности по сравнению с 2016 годом на 70% с дальнейшим сокращением в последующие годы, в результате чего в 2019 г. объем инвестиций составит всего 24% от уровня 2015 г. Такое резкое снижение связано, в первую очередь, с завершением ряда крупных инвестиционных проектов градообразующим предприятием АО «Кольская ГМК», на собственные средства которого приходится основной объем инвестиций в основной капитал.

Из всех моногородов Мурманской области наибольшее сокращение инвестиционной активности произошло в Оленегорске. Вследствие снижения

цены на железорудный концентрат, градообразующим предприятием АО «Олкон», расположенном в Оленегорске, был получен отрицательный финансовый результат по итогам 2015 года, что негативно отразилось и на инвестициях в основной капитал, размер которых снизился в 2015 году по сравнению с 2014 годом на 35,9%, так как основной объем инвестиций приходится на долю АО «Олкон» и направлен на развитие и модернизацию мощностей по производству железорудного концентрата. Согласно динамике социально-экономических показателей за 2000-2016 гг. инвестиции в основной капитал за счет крупных и средних организаций, расположенных на территории Оленегорска, начиная с 2012 года, сократились более чем в 2,5 раза [3]. К тому же за исследуемый период отмечается снижение количества индивидуальных предпринимателей, при незначительном росте малых и средних предприятий. Тем не менее, дальнейшая реализация краткосрочных и долгосрочных инвестиционных проектов за счет всех источников финансирования в 2016–2020 гг. на территории Оленегорска позволит создать в городе около 280 дополнительных рабочих мест и привлечь 1,9 млрд.руб. [9].

Как показало исследование, в монопрофильных муниципалитетах Мурманской области отмечается рост количества малых и средних предприятий, а также индивидуальных предпринимателей. Однако, на наш взгляд, он связан не столько с действующими региональными и муниципальными программами и проводимой политикой по улучшению предпринимательского климата, сколько с высвобождением работников градообразующих предприятий и выведением ряда структурных подразделений из состава головных организаций. Поэтому, в условиях сильной зависимости уровня занятости населения городов Мурманской области от численности работников градообразующих предприятий, при их сокращении наблюдается рост числа индивидуальных предпринимателей и малых предприятий.

Апатиты, не имеющие статуса монопрофильного, не смотря на полностью реализованные положения Стандарта 2.0, значительно отстают в инвестиционной активности от моногородов. Уровень инвестиций в основной капитал неизменно падает к объемам финансирования предыдущего года и, по прогнозам, продолжит снижаться в 2017-2018 гг. за счет всех источников финансирования [4].

Стоит отметить, что в Апатитах более активными участниками инвестиционной деятельности, в отличие от монопрофильных муниципалитетов, выступают субъекты малого предпринимательства. Например за 2014 ими осуществлены 29 инвестиционных проектов на сумму около 200,0 млн.руб., в то время как объем инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям в 2015 года по сравнению с соответствующим периодом 2014 года уменьшился на 38,2% в действующих ценах и составил 90,0 млн.руб. На бюджетные источники приходится около 37% всех инвестиций [5].

Одновременно с падением уровня инвестиций в основной капитал, сокращается и количество малых предприятий как в отчетном, так и в прогнозном периодах. В 2016 г. количество малых предприятий на территории города сократилось на 10% к уровню 2012 г. при росте числа индивидуальных предпринимателей на 6%. Однако, численность работников, занятых у индивидуальных предпринимателей, сократилась на 27% [5].

Таким образом, на примере Мурманской области, которая наиболее активно включилась в процесс стандартизации по улучшению инвестиционного климата, можно сделать вывод, что внедрение и реализация Стандарта 2.0 само по себе не обеспечивает рост инвестиций и активизацию инвестиционной деятельности на территории муниципалитета, а только создает условия для привлечения инвестиций. Инвестиционная активность же в муниципальных образованиях, главным образом, зависит от позиций региональных и федеральных властей к развитию определенной территории (бюджетные инвестиции), а также от предприятий, расположенных на территории муниципалитета и играющих значительную роль в экономике города (градообразующие предприятия). При этом значительный объем инвестиций идет, в основном, за счет градообразующих предприятий, основной поток которых направлен на модернизацию и развитие инфраструктуры самих предприятий.

Список литературы:

1. В реализацию мастер-плана развития Ковдора будут максимально вовлечены жители города – губернатор Марина Ковтун [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Мурманской области. – URL: <https://gov-murman.ru/info/news/213102/> (17.05.2017)
2. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) от 01.04.2016 № 9154-СН/Д14и [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415> (05.05.2017)
3. Итоги социально-экономического развития муниципального образования город Оленегорск с подведомственной территорией за 2015год [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования город Оленегорск с подведомственной территорией. – URL: http://olenegorsk.gov-murman.ru/upload/iblock/959/itogi_ser_2015i.pdf (11.05.2017)
4. Отчет о результатах реализации Инвестиционной стратегии города Апатиты за 2016 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Апатиты. – URL: <http://apatity.gov-murman.ru/invest/otchet-o-rezultatakh-realizatsii-investitsionnoy-strategii-za-2016-god.pdf> (15.05.2017)

5. Постановление Администрации города Апатиты Мурманской области от 19.11.2015 №1465 «Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Апатиты с подведомственной территорией Мурманской области на 2016 год и на период до 2018 годов» [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Апатиты. – URL: http://apatity.gov-murman.ru/administration/struktura/oer/profile/soc_ecom/ (15.05.2017)

6. Постановление администрации города Кировска от 31 мая 2016 г. №741 «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Кировск Мурманской области» [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Кировска Мурманской области. – URL: http://kirovsk.ru/files/npa/adm/2016/0741/post_741_2016_p.pdf (05.05.2017)

7. Постановление администрации города Мончегорска от 14.10.2016 № 1054 (в редакции постановления администрации города Мончегорска от 24.11.2016 № 1276) «О прогнозе социально-экономического развития муниципального образования город Мончегорск с подведомственной территорией на 2017 год и на период 2018 и 2019 годов»

8. Постановление администрации Ковдорского района Мурманской области от 20.01.2015 №15 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Ковдорском районе» на 2015–2017 гг.

9. Постановление Администрации города Оленегорска от 01.04.2015 № 148 (в редакции пост. от 08.06.2016 № 244) «Комплексный инвестиционный план муниципального образования город Оленегорск с подведомственной территорией» [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования город Оленегорск с подведомственной территорией. – URL: http://olenegorsk.gov-murman.ru/ekonomika/invest-deyatelnost/kip_2016.pdf (11.05.2017)

10. Решение Совета депутатов Ковдорского района Мурманской области №45 от 28.04.2016 «Отчёт главы Ковдорского района о работе администрации Ковдорского района за 2015 год» [Электронный ресурс] // Официальный сайт муниципального образования Ковдорский район. – URL: <http://www.kovadm.ru/Content/Default.aspx?CategoryId=2&ParentId=1949> (11.05.2017)

11. Серова Н.А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010. -№32(89). – С.20–24

12. Территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Кировска Мурманской области. – URL: <http://kirovsk.ru/business/investoru/toser/> (05.05.2017)

УДК 316.334.4 ББК 60.561.3

Заполева Евгения Олеговна –

социолог

Научно-технический центр

«Перспектива»

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

Захарченко Анна Александровна –

начальник отдела социологических
исследований

Научно-технический центр

«Перспектива»

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

Пить Виктор Викторович –

кандидат экономических наук

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень

Директор Научно-технического центра

«Перспектива»

e-mail: pit-v@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ключевые слова: прикладная социология, социологическая экспертиза, нормативно-правовые акты, региональное законодательство.

Процессы развития общества на современном этапе и в обозримой перспективе все сильнее интегрируются с использованием профессиональных знаний в различных сферах жизнедеятельности. Для успешного реформирования и социальной реконструкции общества и отдельных его институтов возникает потребность в комплексных усилиях все большего числа групп, как узких специалистов, так и широких слоев населения. Социология как наука, чье прикладное назначение заключается в синтезе экспертных оценок профессионалов и общественного мнения, играет ведущую роль в изучении данных процессов. Обеспечение диалога между властью, населением и профессиональным сообществом – служебная роль социологии как науки об обществе и науки для общества. Участие социологов в решении

¹ Исследование проведено по инициативе и при поддержке Тюменской областной Думы

социальных проблем позволяет реализовать социально-практическую функцию социологического знания при переходе от теоретико-дискурсивного состояния к прикладному. По мнению М.К. Грошева, одним из главенствующих условий успешного осуществления реформ является их социологическое обеспечение (сопровождение), «без включения социологии в механизмы разработки и принятия управленческих решений, добиться их практической эффективности невозможно» [6, с. 8-9].

С повышением роли знания во всех сферах жизни повышается востребованность экспертных заключений в медицине, образовании, строительстве, государственном и муниципальном управлении и других областях, что обосновывает объективную необходимость в применении экспертиз, в том числе социологических, для получения комплексных характеристик изучаемых явлений [7, с. 125].

В настоящее время применение социологических экспертиз распространено в принятии решений в различных сферах общественной жизни. Социологическая экспертиза зачастую выступает стимулом к принятию мер для социально-правовой системы, так как её выводы в силу научного подхода обладают достаточной степенью надежности и объективности [2, с. 117].

В современном понимании социологическая экспертиза представляет собой применение специальных социологических знаний для решения практических задач и проблем социальной жизни общества, в том числе разработку и внесение поправок в нормативно-правовые акты. В узком смысле экспертиза определяется как применение социологических методик экспертного опроса и формирование на его основе научно обоснованного заключения по вопросу изучаемого предмета. В широком смысле под экспертизой подразумевается детальное изучение объекта при применении большого количества подходящих социологических методик [7, с. 125]. Г.Н. Соколова определяет социологическую экспертизу как систему мысленных процедур, проводимых в области теоретической и эмпирической концепций функционирования изучаемого объекта [9].

Теоретическая значимость социологической экспертизы как способа изучения формальных структур и институтов и комплексного метода получения экспертных заключений по рассматриваемым вопросам, выражается в сравнении актуальных показателей и условий функционирования и развития объекта исследования с эталонной моделью, предписываемыми и ожидаемыми показателями [9].

Использование исследователями социологических экспертиз создают условия и предоставляют возможности для выполнения такой наукой, как социология, своего прикладного предназначения – реального преобразования общественной жизни с учетом мнения компетентных специалистов. В целом, экспертиза выполняет следующие социально-значимые функции:

1. Стимулирующая. Выводы проведенных социологических экспертиз зачастую становятся стимулом для принятия адекватных мер для социально-экономической и правовой систем [5, с. 44].

2. Экспертно-аналитическая. Социологические экспертизы, с одной стороны, обеспечивают проведение и сопровождение преобразований, с другой стороны, позволяют выстраивать научные прогнозы возможных последствий принятия тех или иных решений в различных сферах практики [6, с. 9].

3. Оценочная. Профессионально проведенные экспертизы позволяют давать компетентные, критические оценки как проектам управленческих решений и законодательным актам, так и компетентности разработчиков нормативных актов (последнее в качестве латентной функции) [6, с. 10].

4. Рекомендательно-преобразовательная. Социологические экспертизы предоставляют возможность социологам участвовать в реальном решении проблем социума, создают базу для социального реформирования, реконструкции. При получении объективной информации об объекте исследования (через определение баланса функциональности и дисфункциональности) экспертиза направлена на применение для принятия решений в различных сферах практики [5, с. 41–42].

Среди особенностей социологической экспертизы российские ученые отмечают следующие черты:

Высокая степень влияния на социальные процессы;

1. Стандартизация социального знания;

2. Функциональная необходимость для общества в качестве инструмента социального контроля [5, с. 42].

3. Высокая степень надежности и объективности выводов [2, с. 117].

Достоверность социологических данных, полученных в результате социологической экспертизы, и комплексная характеристика изучаемого явления достигается при соблюдении ряда условий, среди которых исследователи отмечают следующие:

1. Высокая квалификация и компетентность эксперта как носителя специальных знаний;

2. Профессионализм исследователей;

3. Научно обоснованный выбор методики: осуществление экспертизы такими социологическими методами, которые наилучшим образом обеспечивают решение задач исследования [2, с. 117].

4. Верификация данных на уровне количественных методов [5, с. 47].

5. Фильтрация исследователем избыточных решений, рекомендаций [5, с. 43].

На сегодняшний день социологические экспертизы широко используются в практике арбитражных судов, Роспатента и Федеральной антимонопольной службы в качестве способа оценки интеллектуальной собственности. В рамках данных исследований измеряется уровень известности

и общеузнаваемости обозначений и товарных знаков, а также сходства и различия между ними, наличие либо отсутствие фактов введения потребителей в заблуждения относительно производителя и качества товаров и услуг, соответствие обозначений нравственным нормам и так далее. И.В. Батыков считает применение социологической экспертизы к данной предметной области обоснованным методом, так как ее выводы обладают высокой степенью надежности и объективности в виду получения первичной социологической информации от непосредственных потребителей услуг [4, с. 659]. Также социологические экспертизы используются в качестве инструмента для выработки объективных критериев принятия решений о наличии или отсутствии нарушения законодательства [3, с. 422].

Позитивная практика применения социологических экспертиз в управлении государственными судебно-медицинскими учреждениями описана В.Е. Ломовым, Э.С. Наумовым. Необходимость применения социологических методов по отношению к данным органам обоснована региональным монополизмом в предоставлении судебно-медицинских услуг. В рамках представленного исследования оценивалась степень удовлетворенности представителей следственного аппарата прокуратуры результатами судебно-медицинских экспертиз, работой организации в целом, изучались мнения потребителей услуг о проблемах и возможных способах их решения [8, с. 4]. Полученные результаты предполагается использовать при разработке стратегии развития организации, перевод отдельных направлений деятельности на качественно новый уровень [8, с. 6].

Таким образом, можно считать социологическую экспертизу комплексным способом исследования того или иного социального феномена, явления или процесса, нуждающегося в получении научной оценки, профессиональных рекомендаций по воздействию на изучаемый объект с целью повышения эффективности его функционирования.

В сфере правового регулирования различных сфер жизни общества срез мнения экспертов и непосредственных субъектов права обладает высокой значимостью как основной и достоверный (благодаря научным методам исследования) источник информации о механизме правоприменения того или иного закона. Социологическая экспертиза нормативно-правовых актов является источником обратной связи между законодателем и субъектом права, позволяя выявить проблемы, административные и иные барьеры, неточности и разночтения, достоинства и недостатки, а также возможности повышения эффективности действия закона.

Ярким примером может выступать социологическая экспертиза региональных законодательных актов. Так, в Тюменской области получила широкое распространение практика аккумуляции мнений экспертного сообщества и жителей региона для выработки рекомендаций к поправкам в региональные законы. В качестве примера можно указать «Кодекс Тюменской

области об административной ответственности», Законы Тюменской области «О патентной системе налогообложения для индивидуальных предпринимателей», «Об организации медицинской помощи населению Тюменской области», «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Тюменской области», «О порядке распоряжения и управления государственными землями Тюменской области», «О налоге на имущество организаций», «О профилактики наркомании и токсикомании в Тюменской области» и т.д.

Так, при оценке Кодекса Тюменской области об административной ответственности удалось выявить затруднения в правоприменительной практике в части принудительных полномочий и взыскиваемости, а также сложности в механизме реализации отдельных статей Кодекса, на которые и направлены итоговые рекомендации социологической экспертизы, такие как определение мест выпаса сельскохозяйственных животных, перечня критериев, по которым можно считать то или иное заведение наносящим вред здоровью и развитию ребенка, дополнение Кодекса статьёй о запрете расположения автомоек вблизи открытых водоёмов, привлечение полиции к правоприменению статей Кодекса в тех случаях, когда у административных комиссий не хватает полномочий для начала делопроизводства, изменение административных санкций по отдельным статьям, как в сторону увеличения, так и уменьшения штрафов, дополнение статей более справедливыми и действенными, по мнению экспертов, мер наказания. Кроме того, удалось оценить уровень осведомленности населения об ответственности за ряд административных правонарушений и справедливость и эффективности налагаемых санкций за них в глазах общественного мнения. Заключение социологической экспертизы были использованы представительными органами власти региона для внесения поправок в Кодекс Тюменской области об административной ответственности.

В заключение стоит отметить, что социологические экспертизы нормативно-правовых актов в форме мониторинга правоприменения законов могут и должны выступать достоверной оценкой качества эффективности функционирования законов, а также способом внесения изменений и корректировок, отвечающих современным реалиям.

Список литературы:

1. Акулич М.М., Заполева Е.О, Захарченко А.А., Пить В.В.. Специфика исследования правовой культуры населения в эмпирической социологии // Гуманитарные и социально-экономические науки, Ростов-на-Дону. 2015. № 1. С. 114–118.

2. Батыков И.В. Методические нормы социологической экспертизы сходства промышленных образцов до степени смешения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 2. С. 117–120.

3. Батыков И. В. Методы принятия решений о нарушении законодательства на основе данных социологической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 422-424.

4. Батыков, Социологическая экспертиза объектов интеллектуальной собственности: проблема анонимности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 659–672.

5. Волков Ю.Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал социологии для общества // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф. 2015. С. 37–50.

6. Горшков М. К. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 5–11.

7. Игнатьева О.А. Институт экспертизы как предмет научных исследований: социологический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 125–127.

8. Ломов В.Е., Наумов Э.С. Социологические исследования, как элемент информационной базы для стратегического планирования в деятельности судебно-медицинского экспертного учреждения // Проблемы экспертизы в медицине. 2007. № 1. С. 4–6.

9. Соколова Г. Н., Кобяк О. В. Экспертиза социологическая / Экономико-социологический словарь. 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/1019379/word/yekspertiza-sociologicheskaja>

УДК 314/316, ББК 71.4

Зубанова Людмила Борисовна –
д-р культурологии, профессор
Челябинский государственный институт
культуры, г. Челябинск
e-mail: milazubanova@gmail.com

Синецкий Сергей Борисович –
д-р культурологии, профессор
Челябинский государственный институт
культуры, г. Челябинск
e-mail: sbs62@mail.ru

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ИМИДЖЕВОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: региональная культура, имидж, культурная политика

Актуальность локального измерения культурной политики обусловлена значимостью региональной специфики в условиях глобализации и, одновременно, вступающими в силу механизмами локализации общемирового пространства, осознанием новой роли региона как источника уникальных природных, социокультурных, художественных, этнических ресурсов для построения актуальных моделей общегосударственной культурной политики. Сегодня уже достаточно написано о региональной конкуренции (в т. ч. в пределах одной страны), необходимости осуществлять маркетинг территорий, важности формирования привлекательного образа (имиджа) региона как в глазах внутренней общественности (собственного населения), так и у внешних целевых групп (потенциальных партнеров, инвесторов, специалистов, потребителей и т. д.). Опыт многих стран и отдельных регионов подтверждает экономическую целесообразность специального выстраивания собственного имиджа, выигрышного позиционирования на фоне других территориальных образований.

Очевидно, что в сознании большинства специалистов «регион» прочно ассоциируется с «территорией», с некоей «точкой опоры», предсказуемой реальностью, внутренней регламентированностью, понятными «правилами игры». Как пишет А. Гранберг, «регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов... Синонимом понятия «регион» является «район» [2, с. 16].

В то же время, в границах одних и тех же административных образований, природных ареалов существует множество типов культур, которые, как известно, вообще «не признают» административных границ. «Культурные регионы» как бы «накрывают» собой территории. В контексте культуры речь должна идти о новой региональной карте, где были бы обозначены границы распространения тех или иных типов культур, представленных в виде традиций, обычаев, стереотипов, особых способов хозяйственной деятельности, мировоззрения, разного рода ориентаций населения – то есть бытующих в определенном сочетании тех или иных культурных норм и ценностей. Под «культурными регионами» нами понимаются относительно стабильные, административно неограниченные пространства-ареалы, внутренняя устойчивость которых определяется однородностью существующей здесь культурной среды [7, с. 47–48].

Однако культурным регионом в определенном ракурсе рассмотрения можно считать и административно оформленный локус, целенаправленно и активно продвигающий собственную культурную самобытность и специфику как значимый ресурс инвестиционной привлекательности. Особое значение приобретает образ культуры в «привязке» к региональной идентичности. Неслучайно, культурное наследие определяется Д. Н. Замятиным, в качестве «зеркала», в котором возможно закрепить уникальность того или иного локуса: «Когда образ наследия начинает сопрягаться с понятиями территории, пространства, культурного ландшафта, географического образа, региональной идентичности, то сама проблематика культурного и природного наследия постепенно конкретизируется с помощью различного рода классификаций и иерархий культурных и природных памятников, характерных для исследуемых территорий и соответствующих именно этим культурным ландшафтам и регионам. Культурные идентичности проживающих в стране, области, местности сообществ становятся во многом связаны с теми культурными символами и артефактами, которые признаны наследием данной территории» [3; с.79]. Именно осмыслению проблемы имиджевого продвижения культуры региона (с последующей метаморфозой – в «культурный регион») и посвящена данная статья.

Особое место в российской региональной структуре занимают индустриальные центры, которые принципиально зависят от рыночной успешности расположенных здесь производств. Это не только относительно небольшие провинциальные города-заводы, но и некоторые города миллионники (например, Челябинск). Индустриальные центры имеют, как правило, стихийно сложившийся негативный имидж (разной степени выраженности), связанный с плохой экологией и представлениями об индустриальном рабочем классе как непрестижной социальной группе. Словосочетания «город рабочих», «город-завод», «город трудовой славы» вызывают ассоциации с тяжелым физическим трудом и рождают, в ментальной парадигматике информационного общества, скорее отрицательные ассоциации.

Очевидно, что условно-негативный имидж является одним из основных факторов, катализирующих (либо прямо стимулирующих) многие проблемы региона, такие, например, как:

– отток наиболее перспективной (образованной, амбициозной и т. п.) части населения в более имиджево привлекательные регионы. В первую очередь речь идет о способной молодежи и высококлассных специалистах;

– нежелание молодежи и специалистов из других, более имиджево привлекательных регионов выбирать индустриальные регионы местом постоянного жительства (приток мигрантов осуществляется из более отсталых и менее привлекательных регионов);

– отсутствие видения инвесторами перспектив территории. Установка на «выжимание последнего». Внешние инвестиции в такие регионы, как правило, предполагают не развитие новых сфер экономики, создание инновационных производств и т. п., но вложение в традиционные производства с целью их интенсификации, получение сверхприбыли и уход из региона.

Иными словами, потребность индустриальных регионов в качественном имидже очевидна. Важно понять, за счет чего такой имидж может быть создан. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (24 декабря 2014 г.), «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации (от 29 февраля 2016 г.) – подчеркивают и официально закрепляют именно роль культуры как ведущего приоритета инновационного развития и интеграции, ресурса стратегической модернизации страны и, одновременно, ее духовного базиса, обеспечивающего своеобразную фильтрацию актуально возникающим запросам времени. Именно культура и, особенно художественная культура как знаково-символическая репрезентация наиболее ценных образцов культурного опыта, – может и должна рассматриваться конвертируемым культурно-творческим ресурсом совмещения традиций и инноваций в функционировании территорий и трансляции образа региона на международный уровень. Научно-техническое лидерство региона, его инвестиционная привлекательность и гармоничное воспроизводство человеческого капитала – невозможны без адекватно представленного и транслируемого современного образа – соединяющего в себе опору на традиции и инновационно-креативные практики.

Ключевые ориентиры культурной политики, способствующие этому оптимальному функционированию, связываются нами со следующими аспектами:

- целенаправленный характер воздействия, обеспечение эффекта регулирования культурно-художественных процессов, программно-ориентированный характер деятельности со стороны институтов управления;

- идеологическая основа влияния: активное воздействие на базовые основы порождения культурных (в т. ч. художественных) потребностей различных групп населения через их инициирование и развитие;

- комплексность и универсальность – параллельное, одновременное влияние на значимые подсистемы культурной жизни региона: культурно-досуговую деятельность населения, профессиональное искусство, художественное образование, культурно-историческое наследие, туризм;
- многофункциональность воздействия: учет многообразия задач в сфере реализации региональной культурной политики, установка на удержание баланса между реагированием на изменчивость и ориентацией на стабильность;
- мониторинговый характер исследования «обратной связи», интерактивный характер взаимодействия институтов художественного производства с населением: регулярное изучение художественных вкусов и культурных запросов;
- вариативность использования арсенала социокультурных коммуникаций (организационных, проектных, технологических, сервисных, информационно-просветительских);
- диалогичность и информационно-коммуникативная открытость принимаемых решений в сфере культуры региона.

Безусловно, поиск критериев и измеряемых показателей эффективности реализации региональной культурной политики – задача, требующая консолидации усилий самых разнообразных социальных институтов и организаций, субъектов и акторов социокультурного процесса. В социологической лаборатории Челябинского государственного института культуры с 2010 г. осуществляется системный мониторинг регионального социокультурного пространства по следующим направлениям:

- ценностно-идеологическое: анализ ценностно-идентификационной основы духовной консолидации населения, анализ воздействия культуры и искусства на формирование ценностных установок жителей;
- социокультурный мониторинг развития сферы культуры – оценка деятельности подведомственных учреждений, востребованность их различными социально-демографическими группами Челябинской области;
- социально-институциональное партнерство: внедрение культурной составляющей в функционирование различных сфер жизни региона (правовая культура, экологическая культура, культура безопасности и т. п.) – по принципам культурологической экспертизы.

Полученные результаты позволяют не только фиксировать текущее состояние культурно-художественного процесса, но и, через исследование «обратной связи» прогнозировать тенденции развития художественной культуры в системе «предложение – спрос – предложение» на конкретной территории [1, 4, 5]. Обеспечить действительное принятие обновленного образа жителями региона можно благодаря специально разработанной культурной политике. В данном случае важно избежать двух типичных ошибок имиджмейкинга: 1) манипулятивности, имеющей лишь краткосрочный эффект, заканчивающийся вместе с процессом манипуляции;

2) нарочитой прямолинейности сообщений, деклараций, явно расходящихся с действительностью. Последнее сразу вызовет недоверие, трудно преодолеваемое в дальнейшем. В основу культурной политики, направленной на коррекцию внутреннего имиджа региона могут быть положены следующие принципы: принцип «малой событийности» (составление и позиционирование культурных достижений региона), принцип инфраструктурной обеспеченности [6], предполагающий создание опорных точек для культивирования (воспроизводства и стимулирования) инновационно-творческого мышления, принцип системного освещения знаковых событий и наделение их максимально высоким статусом, принцип вовлечения лидеров мнений, принцип оптимизации внешней среды (анализ визуальных материалов городского пространства, формирующих необходимый образ области; разработка концепции региональной визуальной политики, направленной на позиционирование региона, соответствующее избранному образу).

Комплексная реализация этих принципов постепенно позволит сформировать у жителей региона требуемое нормативное восприятие транслируемого имиджа, актуализирует соответствующие новому образу стандарты поведения, моду на интеллект и творчество, самоуважение жителей.

Список литературы:

1. Бетехтин, А.В., Зубанова, Л.Б., Синецкий, С.Б., Шуб, М.Л. Социокультурный потенциал Южного Урала: вызовы времени и ориентиры культурной политики / науч. ред. В. С. Цукерман. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 280 с.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст] : учебник для вузов / А.Г. Гранберг ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд. [стер.]. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495, [1] с. – Предм. указ. : с. 477–493.
3. Замятин, Д. Н. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследие [Текст] / Д.Н. Замятин // Социс. – 2010. – №2. – С. 75–82.
4. Зубанова, Л.Б., Шуб, М.Л. Павлова, А.Ю. Художественная культура в социологическом измерении: наследие прошлого и актуальные практики современности /Челябинск: Энциклопедия, 2014. – 184 с.
5. Зубанова, Л.Б. Художественная культура в региональном измерении: эффекты восприятия и эффективность воздействия // Вопросы культурологии. – 2016. – № 6. – С. 38–42.
6. Инновационная экономика на смену нефтяной игле [Текст] // Экономика России – XXI век. – [2005]. – № 19.
7. Синецкий, С.Б. Регион в контексте культуры [Текст] / С.Б. Синецкий // Уржумка : Научный журнал. – 1997. – № 1. – С. 47–49.

УДК 316, 314 ББК 60.8

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна –
д-р социол. наук,
главный научный сотрудник, Центр семьи
и демографии Академии наук Республики
Татарстан (г. Казань)
e-mail: chulpanildusovna@gmail.com

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛА: СОДЕРЖАНИЕ И ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: село, социальное пространство, модернизация, ресурсный потенциал

Эксперты по разработке стратегии модернизации России отмечают важность признания и учета социокультурных особенностей регионов. Также, по их мнению, существует неоспоримая необходимость научно обоснованной стратегии, различающейся по федеральным округам и регионам, которая будет поддержана населением и целеустремленно осуществляться органами управления [3]. Современное российское село представляет собой чрезвычайно дифференцированную по своему состоянию совокупность сельских территорий, являющихся частью переходного общества. Часть из них, положение которых приближено к достижению устойчивости, можно охарактеризовать как креативные, другие относятся к деструктивному типу [4]. В терминах модернизации сельские регионы креативного типа не только используют, но и увеличивают имеющийся ресурсный потенциал. При базовом наборе социальных ресурсов сельские регионы противоположного типа следуют по пути демодернизации с сопутствующей этому процессу утратой своего ресурсного потенциала.

В ходе эмпирических социологических исследований¹, проведенных Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан при взаимодействии с Управлением ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан, Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан, администрацией муниципальных районов Республики Татарстан, была апробирована авторская методология исследования ресурсного потенциала модернизации села, основанная на сочетании *системно-структурного* (позволяет рассмотреть объективные/субъективные факторы, структурные и функциональные особенности ресурсного потенциала села на макро-, и институциональном уровне социальной реальности), *ресурсного* (выявить наличие и раскрыть сущность ресурсов (капиталов), необходимых для процесса модернизации села), и *деятельностного* (определить ресурсный потенциал модернизации на микроуровне социальных практик и стратегий сельских акторов (фермерских хозяйств, семей, сельских групп) *подходов*. Центре семьи и демографии АН РТ была разработана теоретическая модель и индикаторы (объективные/субъективные) комплексного социологического исследования ресурсного потенциала модернизации села в современных российских условиях на макро- (*социальное пространство села в целом*, включающие следующие *интегральные характеристики*: региональные особенности, материально-технический уровень, демографический состав, развитость сельского производства, доступность государственных программ и грантов, доступность кредитов, развитость социальной инфраструктуры, уровень образования и профессионализм, здоровое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креативность жителей села), *мезо-* (*социальные институты*, включают: материально-технический ресурс, научный, ведомственный, кадровый, солидаристский, ресурс контролинга) и *микроуровне* (*сельские акторы (сельские семьи, социальные группы)*: межпоколенческий человеческий капитал, социальные сети и социальный

---

¹ 1) «Социальный капитал села Республики Татарстан» (Пестречинский муниципальный район – выборка: 3798 чел.) – на основании ответов сельских жителей представлена субъективная оценка динамики человеческих, бытовых, инфраструктурных, сельскохозяйственных, социальных ресурсов современного села; 2) «Образовательная мобильность сельской семьи» (выборка: 5869 чел.) – анализ изменения уровня образования и ориентации на его дальнейшее повышение и интеграции полученных знаний внутри или за пределами села в рамках четырех поколений сельской семьи свидетельствует о потенциале образовательного ресурса в процессе модернизации жизненного пространства села; 3) «Этнокультурные ценности семьи» (830 чел.) - выявил гибкость этнокультурной идентичности жителей в мультикультурном сельском пространстве; 4) кейс-стади «Семейная ферма как фактор стабилизации социально-демографической ситуации на селе» (57кейсов) – анализ семейных высокотехнологичных ферм в перспективе закрепления членов семьи-работников фермы на селе и передачи семейного дела как ценности демонстрирует реальную модернизацию малого сектора агросферы при сохранении традиционных ценностей сельского труда; 5) экспертный опрос глав сельских поселений «Повышение деловой активности сельского населения по производству и реализации продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» по итогам достижений в сфере сельского хозяйства в районе за 2012 г. (главы 93 сельских поселений); 6) «Демографическое поведение мужчин сельских территорий Республики Татарстан» (целевая выборка – 1300 чел.).

капитал, коммуникативную и информационную базу домохозяйства, уровень материального и социального благополучия, инновационные ориентации и установки).

Ресурсный потенциал модернизации социального пространства села выступает как комплексное условие возможных модернизационных процессов, обусловленное объективными и субъективными факторами социального пространства села. Структурообразующими элементами ресурсного потенциала являются экономические (сельское производство, фермерские хозяйства, сельхозоборудование и т. д.), политические (административное управление, грантовая поддержка и т. д.), социальные (социальная инфраструктура, социальный капитал, доступ к социальным сетям, связям, ассоциациям и т. д.), человеческие (демографическая структура, человеческий капитал, здоровье, профессионализм, компетенции, формальное образование, опыт и т. д.), культурные (культурная инфраструктура, практики потребления, личностные ориентации и установки и т. д.) ресурсы, обеспечивающие возможность обновления всех структур сельского социума.

Социологическими показателями измерения ресурсного потенциала модернизации социального пространства села выступают как объективные (демографические показатели, условия рынка труда, возможности предпринимательской деятельности, уровень заработной платы, уровень и организация управления, политика грантов, развитие сельско-хозяйственной, социальной и культурной инфраструктуры), так и субъективные (оценка доступности экономической, социальной и культурной инфраструктуры, социального самочувствия, здоровья, уровня жизни, перспектив проживания, профессиональной мобильности и трудоустройства на селе, наличие социального капитала, удовлетворенность организацией управления на селе, инновационные ориентации и установки и т. д.) показатели. Представленная модель позволяет комплексно рассмотреть ресурсный потенциал модернизации села в современных российских условиях.

Ресурсный потенциал модернизации села в локальном измерении определяется пересечением групп факторов (размер поселения, демографический потенциал, развитость/неразвитость сельской промышленности, управленческие решения, грантовая поддержка фермерских хозяйств и т. д.), которые в различной конфигурации создают синергетический неоднаправленный эффект, обеспечивающий (усиливающий или ослабляющий) устойчивость воспроизводства социального пространства сельского социума. Так в крупных селах с развитой промышленностью и при отсутствии правильных управленческих решений и грантовой поддержки сельского предпринимательства теряется модернизационный эффект, и наоборот согласованность и взаимодействие тех же самых ресурсов в средних и малых селах может приносить противоположный положительный результат. Ресурсный потенциал модернизации села во многом определяется, с одной стороны, федеральным и локальным административным ресурсом (грантовая

помощь в организации фермерских хозяйств, их правовое сопровождение, строительство новых школ, больниц объектов культуры и спорта, поддержка молодых специалистов), с другой стороны, собственным потенциалом сельских акторов (семейных ферм, сельских групп и т. д.) их установками и стратегиями на инновационные практики.

Модернизационные процессы макроуровня, инициируемые (сверху) со стороны государства, и практики сельских акторов на микроуровне (снизу) не всегда совпадают и часто опосредованы мезоуровнем (неразвитостью социокультурной инфраструктуры социального пространства села и т. д.), что и предопределяет разнонаправленность и неэффективность процесса модернизации села. Так анализ ресурсного потенциала модернизации села на макроуровне, в частности меры государственной программы поддержки села, молодых специалистов на селе, не привели к ожидаемым результатам. На микроуровне выявлено, что трудовые стратегии сельской молодежи чаще всего направлены за пределы сельского пространства, что ограничивает возможности профессиональной мобильности в социальной структуре села. Экспертный опрос глав сельских поселений Республики Татарстан отразил жизненные траектории молодежи за пятилетний период (2009-2013 гг.): 24% молодежи остались на селе, 22% выезжают на заработки за пределы района, 21% обучаются в городе в вузах или ссузах, 10% уехали в город или в райцентры.

Эффективность стратегии модернизации социального пространства села зависит от сбалансированности включения инфраструктурных ресурсов ведомств региона, ответственных за развитие села, муниципальных органов районов и поселений. Модератором разработки и реализации стратегических программ, как показал опыт Татарстана, должно выступать министерство сельского хозяйства и продовольствия, обладающее наибольшим потенциалом влияния на крупные хозяйства, фермерские хозяйства, агрохолдинги и ведомства республиканского уровня, в той или иной степени, действующие в сельском социальном пространстве.

Список литературы:

1. Ильдарханова Ч.И. Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика [монография]. – Казань, Изд-во Академии наук РТ, 2016. – 373 с.
2. Ильдарханова Ч.И. Перспективы реализации государственной программы развития семейных ферм в Республике Татарстан // Госслужба. – 2015, № 1. – с. 110.114.
3. Шабунова А.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе [Текст]: монография / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласточкина; под научн. рук. д.э.н., проф. В. А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.
4. Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // СОЦИС. – 2011, №5. – с. 136–145.

УДК 336.2 ББК 65.261.4

Казитова Эмилия Ивановна –

ст. преподаватель,

Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова,

г. Барнаул

e-mail: milkazitova@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: налог, налоговые доходы, регион, бюджет, социально-экономическое развитие.

Современная налоговая система РФ характеризуется неравномерностью размещения налогового потенциала и, соответственно, различным вкладом регионов в формирование доходов бюджета. Различия в уровнях и темпах социально-экономического развития регионов снижают эффективность функционирования налоговой системы, кроме того нарушается принцип справедливости налогообложения. Различия в налоговом потенциале приводят к дифференциации объёмов налоговых доходов региональных бюджетов, что выражается в целях и результатах финансовой политики регионов [9]. В связи с этим многие исследователи отмечают необходимость пересмотра межбюджетного распределения доходов в пользу регионов [2, 10]. В частности, Е.М. Примаков отмечал, что регионы могут выполнить свою роль в социально-экономическом развитии России лишь тогда, когда достигнут финансовой достаточности. [1]

Правительством РФ разработан план по развитию налоговой политики на 2016–2018 годы, приоритетным направлением, которого является создание эффективной и стабильной налоговой системы, обеспечивающей бюджетную устойчивость в среднесрочной и долгосрочной перспективе [6]. Однако если конкурентоспособность налоговой системы РФ по сравнению с налоговыми системами зарубежных стран выросла, что подтверждается результатами рейтинга «Paying taxes», который рассчитывают PricewaterhouseCoopers и Всемирный банк, - по итогам 2015 года Россия заняла 45 место, поднявшись со 116 места в 2008 году, то улучшение налогового климата не привело к повышению бюджетной устойчивости регионов РФ [3, 11].

Среди основных мероприятий текущей налоговой политики РФ, направленных на изменение распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы, можно выделить изменение распределения ставок налога на прибыль между бюджетами РФ. Согласно статье 284 НК РФ,

в период с 2017 года по 2020 год в федеральный бюджет организации должны перечислять сумму налога, начисленную по ставке 3%, а в региональный бюджет - сумму, начисленную по ставке 17%. Таким образом, наряду с общим сокращением экономической активности, снижаются собственные доходы регионов (в предыдущие годы распределение между бюджетами было следующим: 2% в федеральный бюджет, соответственно, 18% в региональный). Кроме того, в период с 2017 года по 2020 год региональные власти для стимулирования отдельных категорий налогоплательщиков получили право снижать ставку налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджет субъекта РФ до 12,5% [5]. К увеличению доходной части бюджета регионов должен был привести новый порядок расчета налогов на недвижимость, однако он не привел к существенному росту доходов регионов.

Согласно данным Министерства финансов РФ более 50% поступлений консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2016 год обеспечили налог на прибыль и налог на доходы физических лиц [4]. Объёмы региональных и местных налогов в доходах консолидированных бюджетов продолжают оставаться незначительными (рисунок 1).

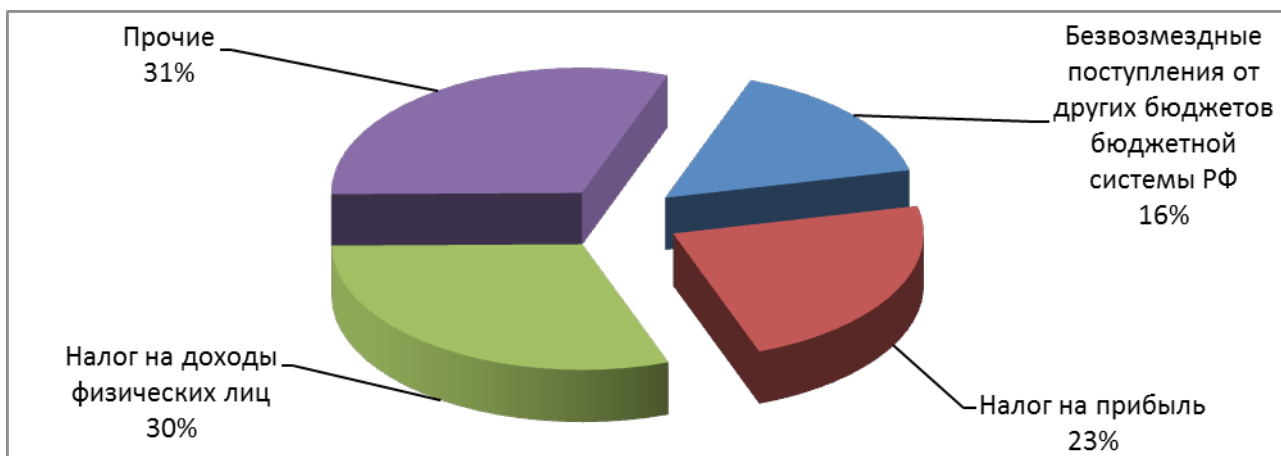

Рисунок 1. Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2016 год

Стабильные и значительные объёмы поступлений в региональные бюджеты обеспечивают федеральные налоги. Однако это налоги, которые регулируются федеральными органами власти. У регионов нет полномочий по изменению элементов федеральных налогов. Так, например, регионы не могут регулировать поступления налога на прибыль организаций по месту нахождения обособленных подразделений и, соответственно, субъект РФ, на территории которого находится обособленное подразделение организации, недополучает налог. Также крупные компании, зарегистрированные в одном регионе, но осуществляющие деятельность в другом регионе, уплачивают налог на прибыль организаций в основном по своему местонахождению. Подобная

проблема касается участников интегрированных формирований, так как налог на прибыль уплачивают компании, являющиеся «центрами прибыли» в таких формированиях, по месту своей регистрации.

Кроме того, незначительны права регионов и муниципалитетов по изменению элементов региональных и местных налогов. Например, при уплате налога на имущество организаций в отношении движимого имущества – место уплаты налога может не соответствовать месту нахождения этого имущества. Что также приводит к несправедливому распределению доходов между бюджетами регионов.

Исследователи и практики сходятся во мнении, что необходимо увеличить собственные налоговые доходы регионов РФ, предоставив регионам полномочия по регулированию соответствующих налогов. Например, по мнению А.И. Погорлецкого необходимо снижать уровень и долю налогов, поступающих в федеральный бюджет, более справедливо распределяя налоговые поступления между регионами и центром [7]. В целом, предложения о перераспределении налоговых доходов в пользу регионов выдвигаются на протяжении всего периода становления налоговой системы РФ. В настоящее время отказ от перераспределения доходов в пользу регионов связан с текущей экономической ситуацией, в частности, с введёнными в отношении РФ санкциями, которые привели к оттоку иностранного капитала из РФ, вызвавшему в свою очередь значительное сокращение инвестиционных ресурсов.

Для повышения финансовой самостоятельности регионов с целью решения проблем социально-экономического развития целесообразно внести изменения в налоговое законодательство Российской Федерации, не только увеличив долю налогов, закреплённых за региональными бюджетами, но и разрешив существующие противоречия при распределении поступлений налогов в бюджеты регионов (например, в отношении обособленных подразделений организаций), а также предоставив регионам право регулировать налоги, зачисляемые в региональные бюджеты. Причём, с нашей точки зрения, в первую очередь, следует увеличить долю собственных налоговых доходов в высокодотационных регионах, доля безвозмездных поступлений в которых превышает 50% доходов бюджета [8]. Закрепление большей доли налогов за региональными бюджетами приведёт не только к снижению сумм безвозмездных поступлений, но и сокращению времени между принятием регионом решения о выполнении социально-экономического мероприятия и поступлением финансирования.

Список литературы:

1. Евгений Примаков о федерализме, местном самоуправлении и ликвидации национально-государственных образований [Электронный ресурс]. – URL: <http://uralistica.com/profiles/blogs/primakov-o-federalizme> (дата обращения 08.09.2017).
2. Зюзина Н.В., Долгов О.Ю. Макроэкономические проблемы повышения налоговых доходов регионов РФ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 11 (59). С. 11.
3. Казитова Э.И. Налоговый климат в России и зарубежных странах // Наука и практика организации производства и управления: сборник научных докладов международной научно-практической конференции. Барнаул, 2011. С. 63–68.
4. Краткая информация об исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации / Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/subbud/> (дата обращения 09.09.2017).
5. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://nalog.garant.ru/fns/nk/14/#block_20009 (дата обращения: 09.09.2017).
6. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183748/5874d8502b29bc57dc0b8fac9f33921eac804e26/ (дата обращения 08.09.2017).
7. Погорлецкий А.И. Влияние геополитических факторов на налоговую политику России на современном этапе развития [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. – 2014. – №6. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-geopoliticheskikh-faktorov-na-nalogovuyu-politiku-rossii-na-sovremennom-etape-razvitiya> (дата обращения: 08.09.2017).
8. Сводная таблица исполнения бюджетов субъектов РФ / Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://info.minfin.ru/subj_analytics.php?type=137 (дата обращения 09.09.2017).
9. Финансовая политика региона на современном этапе (на материалах Алтайского края): монография / колл. авторов; под ред. Л.А. Мочаловой. М.: «РУСАЙНС», 2016. 330с.
10. Ширяева Н.М. Проблемы межбюджетного распределения налоговых доходов регионов // Учет и статистика. 2013. № 3 (31). С. 204-211.
11. Paying Taxes 2017 [Электронный ресурс] / PWC. – URL: <http://www.laohamutuk.org/DVD/2016/Paying-Taxes-2017b.pdf> (дата обращения 09.09.2017).

УДК 304.3 ББК 60.59

Кириллова Алина Игоревна –

канд. истор. наук,

ФГБОУ ВО «КамГУ имени Витуса

Беринга», г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: astral155@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИЛЬКОВСКОГО РАЙОНА КАМЧАТСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ТОСЭР «КАМЧАТКА»

Ключевые слова: трансформация социально-экономического развития, ТОСЭР, туризм, туристская инфраструктура, транзитный турпоток

Современное состояние государственной национальной политики и быстрое снижение численности сельского населения на Камчатке ведет к необходимости обращения к историческому прошлому и опыту реализации государством мер по развитию и укреплению сел и деревень на полуострове. Так, в XX в. в советский период (с 1926 г. по 1991 г.) численность сельского населения выросла в разы, причем, как за счет миграционной политики, так и естественного прироста населения.

Одним из способов преодоления так называемой «демографической ямы» и превращения Камчатского края из дотационного региона в инвестиционно привлекательный стало создание особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития [7]. Одним из ведущих направлений для привлечения инвестиций на территорию края наравне с сельским хозяйством был заявлен туризм и развитие сопутствующей инфраструктуры [6]. В условиях развития и реализации проектов ТОСЭР «Камчатка» оценка рекреационного, туристического потенциала разных районов Камчатки, мониторинг туристских потоков является важной задачей современных антропологических исследований региона.

Мильковский район Камчатского края расположен в долине крупнейшей реки полуострова, р. Камчатка, лето там достаточно теплое, флора и фауна разнообразны. Он является самым густонаселенным сельским районом полуострова: по данным переписи 2010 г. все сельское население полуострова составило 72 929 чел., а население Мильковского муниципального района – 10 585 чел. [3]. Также территория района круглогодично доступна для автотранспорта, в с. Мильково есть аэродром. Все эти факторы обусловили выбор с. Мильково и Мильковского района в качестве объекта изучения второй смены полевого научно-исследовательского лагеря «Землепроходец» 03 – 12 июля 2017 г. Одним из направлений студенческих исследований стало

изучение туристской инфраструктуры села и района, готовности территории к усилению турпотока и сложностям превращения ее в туристскую дестинацию.

В результате работы над парно-индивидуальными проектами студентами (контингент студентов-участников лагеря – 9 чел.) было проведено 13 интервью с жителями Мильковского района по тематике проектов и собраны материалы для парно-индивидуальных проектов. В качестве интервьюируемых выступили: сотрудники отделения Камчатского краевого объединенного музея в с. Мильково (научные сотрудники работники административно-хозяйственного комплекса) – 3 чел., работники администрации Мильковского района и Мильковского сельского поселения (глава Мильковского муниципального района – Войцеховский В.К., глава Мильковского сельского поселения – Гарбузюк Н.В., Шнырева Н.М.) – 3 чел., старожилы Мильковского района – 3 чел., работники учреждений культуры с. Мильково – 2 чел., работники этнокультурного центра РО «Нюлтэн» – 2 чел. В результате интервью основными проблемами Мильковского района и сельского поселения были определены [1,2]:

- отсутствие достаточного количества молодых кадров в социальной сфере;
- слабое развитие инфраструктуры для туризма по различным причинам, включая пассивность самого населения и низкую конкурентоспособность с Быстринским районом;
- недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры в селе и районе для «удержания» молодого и трудоспособного населения;
- снижение численности сельского населения, особенно в населенных пунктах, удаленных от районного центра (например, с. Атласово, Лазо, Таёжное).

Для проведения анкетирования жителей с. Мильково руководством лагеря было принято решение сформировать открытую анкету, требующую развернутых ответов с целью получения значительного массива информации. В результате анкетирования были выявлены следующие особенности развития туризма и туристской инфраструктуры Мильковского района и села в кон. XX – нач. XXI в. [5]:

- транспортная инфраструктура в советские годы была более развитой (существовало 3 доступных населению вида транспорта: водный (малыми судами по р. Камчатка), воздушный и наземный), однако, на современном этапе развития 99 % опрошенных не видят необходимости в возрождении водного и воздушного транспорта, будучи полностью удовлетворенными наземным (автобусным и личным) транспортом;

- из достопримечательностей и интересных мест 75 % респондентов назвали отдел ККОМ в с. Мильково (бывший на начальном этапе развития Мильковским народным музеем и вошедшим в состав областного до 2007 г. музея), другие достопримечательности опрошенные назвать затруднились.

При этом в с.Мильково существует 1 частный музей, 1 музей МБУК «Дом детского творчества», 2 памятника, 1 этно-культурная родовая община с реконструированным стойбищем. Также следует отметить, что 80% опрошенных мероприятия, проводимые отделом ККОМ в с. Мильково не посещают, о новых экспозициях и выставках не знают и считают, что музей нужен лишь для приезжающих в село туристов;

- перспективы развития туризма в селе и районе видит 65% респондентов, однако, что именно можно было бы показать приезжающим не знает, ограничиваясь определением «природа». Праздники, которые могли бы привлечь туристов, были названы следующие: День Первой рыбы, День аборигена, День села;

- необходимость в рекламе района для привлечения туристов отметили 90 % опрошенных.

При анализе уровня развития туристской инфраструктуры и маркетинговой составляющей предприятий сервиса были выявлены следующие особенности [1, 2, 4]:

- для удовлетворения существующего транзитного турпотока в с. Мильково созданы все условия и есть все необходимое;

- в случае увеличения турпотока и превращение самого с. Мильково в туристскую дестинацию недостаточно развита сеть кафе и точек быстрого питания (так, после 18.00 найти место для полноценного ужина в селе фактически невозможно), нет сувенирных лавок и точек (кроме отделения ККОМ в с. Мильково), где бы можно было приобрести сувениры с символикой села и района;

- отсутствует единый концепт развития туризма в Мильковском районе, нет комплексного плана по развитию туризма и привлечению туристов район. В целом нет единого перечня достопримечательностей и интересных мест Мильковского района: в рамках парка «Вулканы Камчатки» есть несколько туристских дестинаций в Мильковском районе, однако акцента, что это именно Мильковский район нет. Как отметили сотрудники администрации села и района, у Мильково нет интересующей туристов «изюминки» и колорита, в сравнении с с. Эссо, где расположено несколько этно-культурных эвенских и корякских стойбищ, или Петропавловском-Камчатским, где расположены питомники ездовых собак, музеи, или с. Паратунка с большим количеством облагороженных термальных источников;

- нет туроператоров из самого Мильковского района, организующих туры по нему. Существующие и реально действующие организаторы туров (охоты и рыбалки) предпочитают не проходить официальную регистрацию, обучение и не входить в состав ЕГРИП, работая по устной договоренности с клиентами. Естественно, оценить качество предоставляемых услуг и их соответствие стандартам не представляется возможным;

- исходя из вышеизложенной особенности, рекламы туров в с. Мильково и Мильковский район также нет. Более того, на территории самого района в большом количестве находится реклама туров в Быстринский район (с. Эссо) и Елизовский район (п. Малки);

- частные музеи и музеи учреждений не подготовлены к работе с туристами (или не имеют для этого законодательной базы);

- высокий туристский сезон в Мильковском районе длится около 1,5 месяцев (август – первая половина сентября), зимний туризм практически не развит;

- работники сферы туризма не обладают необходимыми навыками и квалификацией для работы в данной сфере;

- отсутствуют программы обзорных экскурсий по с. Мильково для транзитных и иных видов туристов. Это объясняется низким спросом в данный момент на такой вид услуг. Так, родовая община «Нюлтэн» организует экскурсии по с. Мильково (что заявлено в перечне предоставляемых ею услуг для туристов), но за период работы с 2015 по 2017 г. такая услуга была заказана всего 1 раз;

- с. Мильково и Мильковский район обладают колоссальным потенциалом для развития экологического и приключенческого туризма (теплое лето, удобное расположение села и постоянное автобусное сообщение с краевым центром, большое количество интересных туристам природных объектов, наличие большого количества мелких производителей экологически чистой и качественной сельхозпродукции для организации питания туристов, наличие значительного незадействованного трудового ресурса).

В целом, развитие туризма в с. Мильково и Мильковском районе на современном этапе возможно, для этого существует ряд благоприятных факторов (климатический, транспортно-логистический, фактор новизны). В то же время оно осложнено, как конкуренцией с уже развитыми туристскими дестинациями с. Эссо, п. Малки, с. Паратунка, так и неготовностью населения села и района к приему большого количества туристов. На современном этапе вся инфраструктура села и района ориентирована на обслуживание транзитного турпотока. Следует отметить, что само население Мильковского сельского поселения и района также не готово к обслуживанию значительного турпотока, видит развитие туризма как удаленную во времени перспективу и представляет, какие рабочие места и экономическую выгоду это может приносить. Инициатива по созданию предприятий сервиса и туристской инфраструктуры невысока. По этим причинам, несмотря на заявленное в рамках проекта ТОСЭР «Камчатка» активное развитие туризма, в Мильковском районе и с. Мильково даже при наличии потенциала этот процесс протекает медленно.

Сокращения и аббревиатуры:

ЕГРИП – единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей;

ККОМ – Камчатский краевой объединенный музей;

МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры;

ТОСЭР – территория опережающего социально-экономического развития; также наравне с этой аббревиатурой в просторечии применяется ТОР (территория опережающего развития);

Список литературы:

1. Беседа с Войцеховским В.К., 06 июля 2017 г. с. Мильково, Администрация Мильковского муниципального района // Полевые материалы Кирилловой А.И., Елизаровой В.О., полевой научно-исследовательский лагерь «Землепроходец» в с. Мильково, 03–12 июля 2017 г.

2. Беседа с Гарбузюк Н.В., 05 июля 2017 г. с. Мильково, Администрация Мильковского муниципального района // Полевые материалы Кирилловой А.И., Елизаровой В.О., полевой научно-исследовательский лагерь «Землепроходец» в с. Мильково, 03–12 июля 2017 г.

3. Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения // [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.08.2017)

4. Материалы бесед со работниками этно-культурного стойбища РО «Нюлтэн» // Полевые материалы Важениной О.О., полевой научно-исследовательский лагерь «Землепроходец» в с. Мильково, 03–12 июля 2017 г.

5. Результаты анкетирования жителей с. Мильково, 04–11 июля, 2017 г. // Полевые материалы Кирилловой А.И., Елизаровой В.О., полевой научно-исследовательский лагерь «Землепроходец» в с. Мильково, 03–12 июля 2017 г.

6. ТОР «Камчатка». Официальный сайт. // [электронный ресурс] Режим доступа: <http://investkamchatka.ru/tor/> (дата обращения: 27.08.2017)

7. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // [электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html> (дата обращения: 28.08.2017)

УДК 366.1 ББК 60.8

Ковальжина Лариса Сергеевна –

канд. социол. наук, доцент

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: kls77@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ЗДОРОВЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ (НА МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИКИ ЙОДНОГО ДЕФИЦИТА)

Ключевые слова: региональные программы, профилактика, Тюменская область, здоровье населения, йодный дефицит.

Здоровье населения – это комплексное понятие характеризующее состояние здоровья членов социальной общности, измеряемое комплексом социально-демографических и медицинских показателей. В современной медицине профилактика понимается прежде всего, как предупреждение заболеваний при адаптации организма к окружающей среде на физическом, душевном и духовном уровнях для благоприятного существования в социуме. Практиками здравоохранения выделяется индивидуальная (личная) и общественная профилактика. Индивидуальная профилактика включает меры по предупреждению болезней, сохранению и укреплению здоровья, которые осуществляются человеком самостоятельно. Общественная профилактика включает систему социальных, экономических, законодательных, воспитательных, санитарно-технических, санитарно-гигиенических, противоэпидемических и медицинских мероприятий, проводимых государственными институтами и общественными организациями с целью обеспечения всестороннего развития физических и духовных сил граждан, устранения факторов, вредно действующих на здоровье населения.

В зависимости от государственной стратегии в отношении профилактики тех или иных заболеваний формируется стратегия, реализуемая на региональном уровне. Так, недостаточность микроэлемента йода в почве и воде на территории проживания вызывает у населения целый спектр заболеваний (в том числе репродуктивных и интеллектуальных нарушений) называемых «йододефицитные заболевания» (ЙДЗ) [6]. Отметим, что отсутствие способности человеческого организма запасать микроэлементы на длительный период обуславливает необходимость их регулярного поступления в полном наборе и количестве, соответствующем физиологическим потребностям человека. В связи с этим, одной из важнейших задач выступает

полноценное обеспечение человека необходимыми микроэлементами, которые не синтезируются организмом и должны поступать в готовом виде. Дефицит йода привлекает значительное внимание международного сообщества в связи с тяжелыми последствиями для жизни и здоровья человека. Йод является жизненно важным микроэлементом, необходимым для синтеза гормонов щитовидной железы, а гормоны щитовидной железы в свою очередь контролируют обмен веществ, процессы созревания тканей и органов, активизируют умственную деятельность [1].

В практике мирового сообщества (и бывшем СССР) уже более 25 лет полное устранение ЙДЗ достигается при принятии на государственном уровне закона о всеобщем обязательном йодировании пищевой поваренной соли. На сегодняшний день это доказанное, высокоэффективное, безопасное и доступное всем категориям населения средство профилактики. По данным ВОЗ, ICCIDD на 2013 г., более чем в 96 государствах мира действуют законодательные и нормативные акты по обязательному йодированию соли [2].

Подавляющая часть территорий Российской Федерации относится к территориям с природным йододефицитом, при этом действующая нормативно-правовая база не предусматривает обязательного йодирования пищевой соли и, соответственно, обязательного употребления йодированной соли в массовом питании населения. По данным Эндокринологического научного центра Минздрава России «фактическое среднее потребление йода жителем России по-прежнему составляет всего 40 - 80 мкг в день, что в 3 раза меньше установленной нормы (150-250 мкг). Ежегодные затраты только на лечение и медико-социальную реабилитацию пациентов с заболеваниями щитовидной железы, связанными с дефицитом йода, составляют более 275 млрд рублей, что более чем в 5 раз превышает затраты на все мероприятия по профилактике, диагностике и лечению всех йододефицитных заболеваний в Российской Федерации и в 780 раз больше, чем расходы на устранение всех йододефицитных заболеваний путем всеобщего йодирования соли» [3].

Таким образом, реализуемая массовая профилактика не соответствует задачам общественной профилактики. В сложившихся условиях актуализировалась необходимость регионального регулирования массовой профилактики ЙДЗ.

На сегодняшний день Тюменская область, являясь территорией эндемичной по йоду, имеет успешно реализуемую на протяжении 20 лет региональную программу массовой профилактики ЙДЗ и систему медико-биологического и социально-гигиенического мониторинга [4], [5]. По результатам социально-гигиенического мониторинга заболеваний, связанных с дефицитом йода, с 1995 года разрабатываются и реализуются до настоящего времени областные программы профилактики заболеваний, связанных с микронутриентной недостаточностью [5]. Сегодня действуют следующие программы:

1. Государственная программа Тюменской области «Основные направления развития здравоохранения» до 2020 года. Одной из задач программы является профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни.

2. Комплексная региональная программа продовольственной безопасности Тюменской области на 2011-2020 гг., утвержденная распоряжением Правительства Тюменской области № 2320-рп от 12.12.2011 г., №1894-рп от 22.10.2014 г. Целью региональной программы является обеспечение в достаточном количестве населения области качественными, безопасными пищевыми продуктами и продовольственным сырьем.

3. Долгосрочная целевая региональная программа «Формирование здорового образа жизни и профилактика неинфекционных заболеваний населения в Тюменской области на 2013 - 2017 гг.», утвержденная распоряжением Правительства Тюменской области № 110-рп от 04.02.2013 г. В состав данной программы входит подпрограмма «Формирование культуры здорового питания населения Тюменской области на 2013 - 2017 гг.». Основная задача подпрограммы заключается в повышении информированности населения по вопросам здорового образа жизни и здорового питания, в том числе, о проводимых в регионе профилактических мероприятиях, о массовой профилактике йододефицитных состояний йодированной солью, о значении обогащенных продуктов в рационе современного человека.

Рассматриваемые программы включают следующие профилактические мероприятия:

1. Создание и расширение региональной нормативно-правой базы.
2. Ведение мониторинга заболеваний, связанных с микронутриентной недостаточностью в системе социально-гигиенического мониторинга.
3. Проведение организационных и контрольно-надзорных мероприятий.
4. Повсеместное использование в детских дошкольных и образовательных учреждениях йодированной соли.
5. Разработка и внедрение в производство обогащенных продуктов.
6. Санитарно-просветительская работа по формированию у населения здоровьесберегающего поведения и ответственности за здоровье.

Таким образом, в результате реализуемых мероприятий при тесном взаимодействии различных структур и ведомств Тюменская область смогла добиться высоких показателей - 57% доли использования в домохозяйствах йодированной соли против 27% в среднем по России [1], [2], [5]. В тоже время о ликвидации йодной недостаточности следует говорить только при 90% доле домохозяйств использующих йодированную соль (достижение которого возможно только при наличии федерального закона о всеобщем йодировании пищевой поваренной соли).

Совместными усилиями медицинской и научной общественности в 2017 году Минздрав России подготовил изменения к проекту федерального

закона «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [3]. В законопроекте говорится, что йодатом калия должны обязательно обогащаться: пищевая соль, предназначенная для розничной продажи (сорта экстра, высший и первый, помолы № 0 и № 1); соль, которая используется при изготовлении хлебобулочных изделий; соль, которая используется для приготовления еды в детских садах, школах, больницах и спортивных организациях. При этом проект федерального закона не ограничивает права граждан и предусматривает осуществление как массовой, так и индивидуальной профилактики йододефицитных заболеваний, возможность выбора восполнения дефицита йода через йодированную соль или йодированные пищевые продукты. Резюмируя высказанное, можно полагать, что при принятии законопроекта в России будет достигнуто оптимальное обеспечение питания основных групп населения йодом и Россия пополнит ряд стран «решивших одну из наиболее значимых проблем человечества – сохранение интеллектуального и репродуктивного потенциала населения» [6].

Список литературы:

7. Йододефицитные заболевания в Российской Федерации: время принятия решений /Дедов И.И., Мельниченко Г.А, Трошина Е.А., Платонова Н.М., Абдулхабирова Ф.М., Герасимов Г.А. М., 2012. 232 с.
8. Платонова, Н. М. Йодный дефицит : современное состояние проблемы / Н. М. Платонова // Клиническая и экспериментальная тиреологидология. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 12–21.
9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов». [Электронный ресурс]. – <https://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/>
10. Суплотова Л.А., Макарова О.Б., Якубова Е.Г., Ковальжина Л.С. Ранняя диагностика и профилактика дефицита микронутриентов (йода и железа) в период гестации // Лечение и профилактика. 2013. № 2 (6). С. 138–142.
11. Шарухо Г.Б., Ковальжина Л.С., Суплотова Л.А., Макарова О.Б. Социологическое исследование как компонент системы медико-биологического мониторинга профилактики йодного дефицита // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 8. С. 137–146.
12. World Health Organization. Assessment of iodine deficiency disorders and monitoring their elimination: a guide for programme managers. – Geneva, 2007.

УДК 311.12 ББК 65.051

Коломенская Анастасия Сергеевна –
старший преподаватель,
Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск
e-mail: nastazi19@mail.ru

Новоселов Вячеслав Владимирович –
студент,
Новосибирский государственный
университет,
г. Новосибирск
e-mail: vyacheslav.novoselov@gmail.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: регион, муниципальное образование, муниципальный район, типологизация, кластерный анализ

Одним из наиболее интересных модельных регионов, осуществляющих экономический рост на основе реализации конкурентных преимуществ и принципа «опор на собственные силы», является Новосибирская область [4, с. 296]. Сегодня это регион с развитым финансовым сектором, обслуживающий сферу товарного обращения и развивающий межрегиональную торговлю, крупнейший транспортный и распределительный центр, а также важнейший сельскохозяйственный район Сибири. Вместе с тем перед регионом стоит целый ряд задач – от возрождения промышленности на качественно новом инновационном уровне и реализации программ поддержки сельского хозяйства до обеспечения устойчивого роста благосостояния и качества жизни населения, развития институтов гражданского общества и участия граждан в принятии управленческих решений.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант РФФИ №17-03-00444а) «Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный контекст». Руководитель проекта – профессор ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирский государственный университет, НГУ), д. соц. н., профессор Е.Б. Мостовая.

Однако разработка путей решения этих задач должна осуществляться с учетом дифференциации районов рассматриваемого региона по уровню социально-экономического развития. Выявление сильных и слабых сторон каждого муниципального образования позволит определить, какие из них при должном финансировании смогут показать устойчивый экономический рост и социальное развитие и оказать стимулирующее влияние на развития смежных с ними районов, а какие потребуют разработки особых путей развития для выхода из кризисного состояния.

Целью данной работы является типологический анализ муниципальных районов Новосибирской области, выполненный с использованием двух разных методик, позволяющих оценить отраслевую структуру районов и уровень их социально-экономического развития.

В Новосибирской области 35 муниципальных образований, из них 5 городских округов и 30 муниципальных районов. В рамках данной статьи мы не будем обращаться к городам, составляющим ядро Новосибирской агломерации (г. Новосибирск, г. Бердск, г. Искитим, г. Обь, р.п. Кольцово), а сконцентрируемся на изучении муниципальных районов, являющихся, по большому счету, сельской частью Новосибирский области.

Первый из использованных методов типологизации позволил выявить отраслевую структуру районов области. В частности, на основе данных официальной статистики за 2016 год [3] был выполнен иерархический кластерный анализ муниципальных районов Новосибирской области по ряду признаков, характеризующих развитие промышленного и сельскохозяйственного производства (табл. 1). Из анализа были исключены Новосибирский и Искитимский районы, так как значения показателей в них были существенно выше, чем во всех остальных районах, что способствовало нивелированию различий между остальными районами и искажало результат кластеризации.

Таблица 1

Средние показатели развития муниципальных районов Новосибирской области
по выделенным кластерам

	Кластер			
	1	2	3	4
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами организаций по видам экономической деятельности (млн. руб.)	1958	3348	1150	1401
Объем производства продукции сельского хозяйства (млн. руб.)	3851	2934	1770	914
Производство зерна (тыс. тонн)	109	118	76	24
Урожайность зерновых (ц/га)	19	16	15	14
Производство молока во всех категориях хозяйств (тонн)	48921	29665	17171	6220
Надой молока (кг)	6172	3895	3023	2734
Производство мяса на убой в живом весе во всех категориях хозяйств (тонн)	5436	6691	5417	1959

Второй метод типологизации муниципальных районов основан на методе, описанном в статье С.В. Казанцева «Оценка взаимного положения районов» [1] и используемом для оценки удаления и сближения показателей, характеризующих положение исследуемого объекта. Метод был адаптирован в соответствии с целью исследования. В качестве основного инструмента для определения степени близости районов или их групп использовалась метрика, вычисляемая как расстояния между векторами. На основе метрического задания евклидова расстояния в пространстве социальных индикаторов была дана относительная оценка уровня социального развития каждого района НСО в виде Индекса социального развития (ИСР). В основу расчета индекса легли данные социальной статистики за 2013 г. [2] Для построения индекса было отобрано 12 индикаторов социально-экономического развития: миграционный и естественный прирост (убыль) населения на 1000 чел.; число граждан, не занятых трудовой деятельностью (на конец года) на 1000 чел.; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (руб.), среднемесячная заработная плата одного работающего в сельском хозяйстве (руб.), средняя обеспеченность населения жильем (кв.м/чел.), удельный вес общей площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом, центральным отоплением (%), число мест в учреждениях дошкольного образования на 1000 чел., число государственных дневных общеобразовательных учреждений (на начало

учебного года) на 1000 чел., число больничных учреждений на 1000 чел., число зарегистрированных преступлений на 1000 чел. По способу расчета метрика неотрицательна. Ее отклонение от нуля говорит об удаленности реального состояния района от гипотетически лучшего. Поэтому чем ближе значение метрики к нулю, тем лучше состояние района с точки зрения выбранных показателей. По результатам расчетов удалось выделить успешные, среднеразвитые, слаборазвитые и неблагополучные районы.

Проанализируем полученные кластеры. Первый кластер составили районы Венгеровский, Маслянинский, Ордынский, Татарский. Они отличаются достаточно большими объемами производства продукции сельского хозяйства, причем, в первую очередь, за счет производства молока во всех категориях хозяйств и надоев молока. В плане растениеводства эти районы в совокупности показывают наилучшие результаты, однако по показателям производства сельскохозяйственной продукции и урожайности зерновых разрыв с прочими кластерами не столь существенен, как по показателям животноводства. Таким образом, рассматриваемые районы можно отнести к группе сельскохозяйственных с развитым животноводством.

Второй кластер составили районы Баганский, Карасукский, Каргатский, Коченевский, Краснозерский, Купинский, Сузунский, Тогучинский, Чановский, Черепановский. Эти районы по показателям развития сельского хозяйства лишь немного уступают районам первого кластера, и, в совокупности своей, лидируют по величине отгрузки товаров собственного производства по видам экономической деятельности. На основании этого можно утверждать, что районы кластера имеют смешанный тип производства.

В состав третьего кластера вошли районы Барабинский, Доволенский, Здвинский, Колыванский, Кочковский, Куйбышевский, Усть-Тарский, Чистоозерный. Они находятся на третьем месте среди прочих как по производству зерна и урожайности зерновых культур, так и по производству и надою молока. Но следует отметить, что, например, по производству мяса на убой в живом весе районы данного кластера совсем незначительно уступают лидерам (1 и 2 кластеру). Вместе с тем, в общей совокупности рассматриваемых районов производительность сельскохозяйственной отрасли превышает промышленное производство, соответственно, эти районы можно обозначить как развивающие сельскохозяйственное производство.

Районы Мошковский, Чулымский, Болотнинский, Убинский, Кыштовский, Северный составили четвертый кластер. Ключевой характеристикой этих районов можно считать то, что по всем показателям, положенным в основу кластеризации, они находятся на последнем месте среди прочих кластеров. Объем отгруженных товаров промышленного производства в данных районах несколько превышает объем производства продукции сельского хозяйства. В частности, низким является объем производства зерна и урожайность зерновых культур. По показателям производства молока всех

категорий хозяйств, надоев молока и производства мяса на убой районы кластера в своей совокупности также не могут составить конкуренцию прочим районам области. В целом, можно сказать, что это районы развивающие сельскохозяйственное и промышленное производство.

Изложим результаты выполненных типологизаций в одной таблице (табл. 2).

Таблица 2

Результаты типологизаций районов, выполненных
по разным методикам

Район	Величина Индекса социального развития		Кластеры районов по данным 2016 гг.	
	2013	уровень по индексу		
Ордынский	1,62	успешный	Кластер 1. Сельскохозяйственные районы с развитым животноводством	
Татарский	1,81	среднеразвитый		
Маслянинский	1,95	среднеразвитый		
Венгеровский	2,46	неблагополучный		
Карасукский	1,34	успешный	Кластер 2. Районы со смешанным типом производства	
Тогучинский	1,52	успешный		
Краснозерский	1,7	среднеразвитый		
Черепановский	1,71	среднеразвитый		
Коченевский	1,74	среднеразвитый		
Купинский	1,85	среднеразвитый		
Чановский	1,89	среднеразвитый		
Сузунский	2,01	слаборазвитый		
Баганский	2,23	слаборазвитый		
Каргатский	2,26	слаборазвитый		
Куйбышевский	1,49	успешный		Кластер 3. Районы, развивающие сельскохозяйственное производство
Барабинский	1,51	успешный		
Колыванский	2,25	слаборазвитый		
Чистоозерный	2,26	слаборазвитый		
Доволенский	2,34	слаборазвитый		
Здвинский	2,38	неблагополучный		
Кочковский	2,49	неблагополучный		
Усть-Таркский	2,85	неблагополучный		

Мошковский	1,78	среднеразвитый	Кластер 4. Районы, развивающие сельскохозяйственное и промышленное производство
Чулымский	2,2	слаборазвитый	
Болотнинский	2,22	слаборазвитый	
Убинский	2,36	неблагополучный	
Кыштовский	2,56	неблагополучный	
Северный	2,86	неблагополучный	

Напомним, что согласно методике расчета ИСР чем ближе значение индекса к нулю, тем лучше состояние района с точки зрения выбранных показателей. Тогда, по данным таблицы можно заметить, что развитые районы, составляющие 1 и 2 кластеры, по Индексу социального развития относятся, в большинстве случаев, к типу «среднеразвитых». Среди них также встречаются «успешные» в плане социального развития районы, в то время как «слаборазвитые» составляют лишь малую долю рассматриваемой совокупности. Районы 3 и 4 кластера, в свою очередь, заметно чаще оказываются в числе «слаборазвитых» и «неблагополучных». Предполагая, на основе этого, наличие определенной взаимосвязи социального и экономического развития районов Новосибирской области, нельзя не учитывать того факта, что данные, используемые для расчетов, относятся к разным периодам времени. Тогда доказательство (или опровержение) наличия такой взаимосвязи обосновывает необходимость проведения дополнительного исследования, причем в случае положительного исхода, который является наиболее вероятным, имеет смысл определить в какой мере высокий уровень социального развития района определяется его успехами в экономическом плане, а в какой – зависит от прочих факторов, совокупность которых может быть весьма обширной.

Список литературы:

1. Казанцев С.В. Оценка взаимного положения регионов // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 151–174.
2. Основные показатели социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов Новосибирской области. Стат. сб. – Новосибирск, 2013.
3. Основные статистические показатели по 490 муниципальным образованиям Новосибирской области. Бюллетень январь-декабрь 2016 г. // сайт Министерства экономического развития Новосибирской области, 2017. URL: <http://www.econom.nso.ru/page/208> (дата обращения: 03.09.2007)
4. Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 436 с.

УДК 316.4 ББК 60.55

Колтунова Юлия Ивановна –

к. социол. наук, доцент,

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: qween200@mail.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ключевые слова: кадровая служба, кадровый резерв, адаптация персонала, мотивы поведения.

Главный потенциал любой организации - это персонал. Управление людьми имеет важнейшее значение для всех без исключения организаций и является важнейшим элементом системы менеджмента, который состоит в умении добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей, руководстве людьми в разнообразных ситуациях.

Наука и практика выработали инструментарий (методы) изучения состояния действующей системы управления персоналом организации, построения, обоснования и реализации новой системы. Наибольший эффект и качество системы управления персоналом достигаются в том случае, когда применяется система методов в комплексе. Система методов позволяет взглянуть на объект совершенствования со всех сторон, что помогает избежать просчетов.

Управление персоналом государственного и муниципального учреждения - это система управленческого воздействия на работников государственных органов в целях наиболее эффективного использования их профессиональных и личностных способностей и возможностей.

Структура и штаты кадровой службы муниципального учреждения формируются дифференцировано, исходя из целей и задач, стоящих перед ним. Управление кадровым резервом осуществляется с помощью кадровых технологий. Наиболее важным инструментом кадровых технологий является оценка.

Для разработки рекомендаций по совершенствованию кадровой политики муниципального учреждения было проведено исследование.

В Администрации Любинского муниципального района Омской области проводится организационная, правовая, методическая и информационная работа по формированию и работе с кадровым резервом.

Кадровый резерв является неотъемлемой частью механизма реализации кадровой политики муниципального района.

Формирование резерва управленческих кадров производится в целях, представленных на рисунке 1.

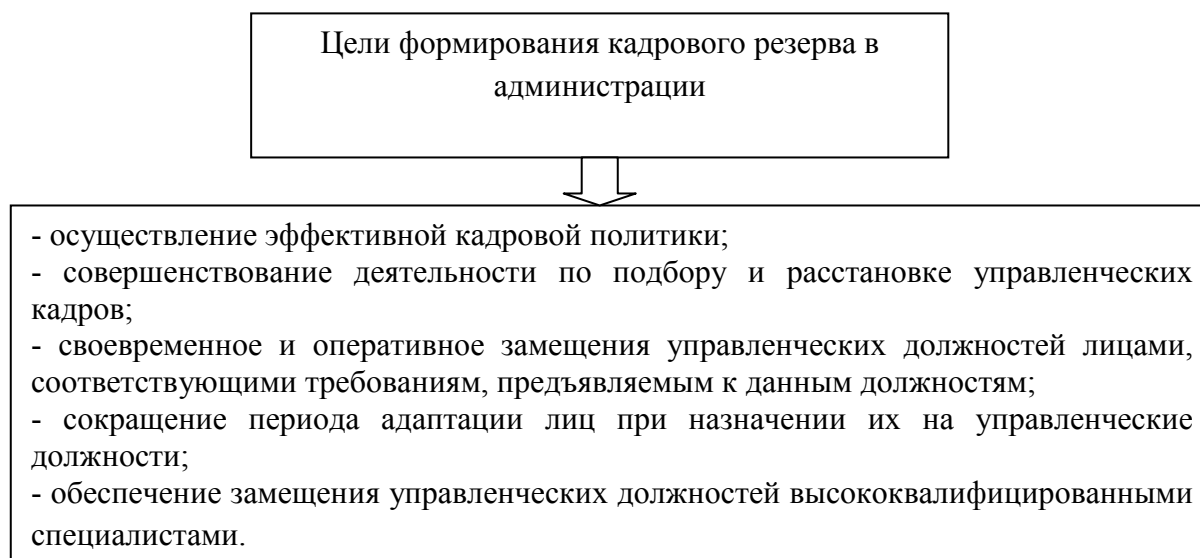

Рисунок 1. Цели формирования кадрового резерва в Администрации

В результате исследования, было выявлено, что создание кадрового резерва необходимо для более качественного обеспечения государственного органа подготовленными работниками, готовыми в случае необходимости вести не только свой участок работы, но и выполнять другие функции по смежным направлениям. Наличие в кадровом резерве подготовленных специалистов позволяет значительно снизить время на поиск, подбор и адаптацию новых работников.

Целью кадровой работы администрации Любинского муниципального района Омской области является создание организованно усложняющейся и развивающейся системы, обеспечивающей профессиональными кадрами органы управления муниципального района.

Кадровый резерв является неотъемлемой частью механизма реализации кадровой политики в администрации муниципального района. Количество резервистов в 2015-2016 годах сократилось с 5 чел. в 2015 году до 4 чел. в 2016 году. Однако в 2017 году динамика положительная – количество резервистов управленческих кадров администрации составило 7 чел.

Динамика назначенных из резерва управленческих кадров прямо пропорциональна количеству резервистов. Наблюдается сокращение в течение 2015-2019 г.г. с 2 чел. до 1 чел. и существенный рост в 2017 году до 4 человек.

В структуре должностей кадрового резерва Администрации наибольшую долю занимает ведущая группа должностей – 62%, доля резервистов на главную группу должностей составляет 32%, соответственно, доля резервистов на высшую группу должностей составила 6%.

Проведенный анализ показал, что за 2016 год администрация активно осуществляла формирование кадрового резерва, что подтверждается повышением количества лиц, составляющих кадровых резерв, а также количества лиц, назначенных на различные должности из числа кадрового резерва.

Однако сложившаяся система работы с кадрами не является целостной, процессы формирования кадрового резерва и профессиональной подготовки государственных служащих недостаточно взаимосвязаны, отсутствует целенаправленная деятельность по подготовке, стажировке и ротации именно лиц, включенных в кадровый резерв.

В работе разработаны рекомендации по развитию лиц, включенных в кадровый резерв. В рамках данного направления необходимо:

- осуществлять сбор информации о потребности в обучении;
- проводить анализ результатов тестирования, письменных ответов на кейс и оценок ответов на вопросы структурированного интервью позволяет выявить дефицитные (требуемые развития) компетенции в отношении каждого лица, включенного в кадровый резерв и определять приоритетные направления его индивидуального профессионального развития;

- проводить ежегодный письменный опрос, в рамках которого руководителям подразделений предлагается назвать приоритетные направления внешнего и внутреннего обучения для каждого резервиста, закрепленного за подразделением;

- в целях ознакомления лиц, включенных в состав кадрового резерва, с особенностями нового статуса, а также организации содействия эффективной работе с кадровым резервом в органе государственной власти рекомендуется проводить установочный «Welcome»-семинар.

Кроме того, направлением, способствующим повышению эффективности работы с кадровым резервом, является развитием системы наставничества:

- формирование базы данных наставников органа государственной власти;

- разработка документационного сопровождения процесса наставничества (в т.ч. Положения о наставнической деятельности; методических рекомендаций и инструкций; форматов планов, отчетов о работе наставников и т.д.);

- организация обучения наставников с целью развития их преподавательских компетенций и для обмена опытом;

- определение способов материальной и нематериальной мотивации наставников;

- оценка результатов деятельности наставников и уровня удовлетворенности резервистов взаимодействия с ними.

Все предложенные мероприятия будут способствовать повышению эффективности работы с кадровым резервом в Администрации Любинского муниципального района Омской области.

Список литературы:

1. Попова Т.Н., Осипова Л.Б. Профессиональный ресурсный потенциал – основа профессиональной компетентности муниципальных служащих//
2. В сборнике: Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права материалы Международного научного семинара. 2015. С. 172–175
3. Савицкая Ю.П., Овчарова Д.В. В сборнике: Материалы и методы инновационных исследований и разработок// сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017.С. 266–269.
4. Фокина А.Б. Трансформация образовательного пространства региона: в русле мировых и российских тенденций //Новые исследования Тувы, 2014. – №. 2 (22). С. 130–138.

Костко Наталья Анатольевна –
д-р социол. наук, профессор,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: kostkonir@yandex.ru

НОВЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В ПРАКТИКЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: социальное пространство, социальное проектирование, муниципальное управление, индикаторы состояния социального пространства города.

Анализ современных проблем, тенденций и перспектив муниципального управления, напрямую связан с текущим и будущим состоянием и развитием муниципальных образований. Эти два понятия находятся в одной общественно-политической и нормативно-правовой системе координат, в эту же систему включено и понятие город. Город ассоциируется с разнообразием моделей, проявлений и действий, муниципальное образование скорее принимается как организационно и структурно упорядоченная форма в рамках системы местного самоуправления и на первый взгляд эти два понятия воспринимаются как разноформатные. Они не антиподы, но и отождествлять их в строгом научном и правовом аспекте нельзя. Каждый город это скорее сложный социальный организм, включенный в действующую систему управления через определенную общественно-политическую форму, а именно местное самоуправление. В данной статье понятие город и муниципальное образование тождественны в том плане, что муниципальное образование определяет границы и условия нормативно-правового обоснования принципов, норм и направлений развития города. Процессы, которые проходят в городах, гораздо сложнее тех форм, что предоставляет система местного самоуправления, но это единственная форма, которая и через которую возможно управление развитием города.

Не останавливаясь на детальном анализе сущности понятия город, скажем, что сложность его категориального определения во многом обусловлена многообразием предметного поля и классификационных оснований объекта исследования, что затрудняет принятие всеобъемлющего и полного определения понятия «город».

Город рассматривается как сложная социальная, замкнутая, но не закрытая система (согласно идеям Н.Лумана) [3] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития.

Согласно, системного подхода, город как сложная социальная система приобретает свойство системности при условии развития собственной системообразующей сложности и целеустремленности, то есть развития элементов внутренней среды, а не только как результат внешнего воздействия мегасистемы. Развитие города ставится в зависимость от его способности создавать средствами управления, условия, активизирующие внутренние факторы и элементы системы, как общего, так и специфического характера.

Города имеют различные организационно-структурные и функциональные формы, морфологию и генезис развития. Что диктует необходимость определения целей развития применительно к каждому городу, как социальной, комплексной и целостной системе без шаблона и калькирования единых подходов и стандартов.

Перспективным видится поиск новых идей в плоскости целеполагания развития города и определения методов управления по активации внутренних элементов города как сложной социальной системы.

За муниципальными образованиями разных уровней в рамках законодательно закрепленных принципов территориальной организации местного самоуправления, вопросов местного значения не указаны цели развития, речь ведется лишь о стандартизированном перечне условий, которые необходимо обеспечить для жизнедеятельности населения. Только в статье 17 пункта 6 Федерального закона от 06.10.2003 ФЗ-№131 (ред от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения отнесены «принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования».

Цели развития, зафиксированные в стратегиях и планах социально-экономического развития большинства муниципальных образований страны условно можно разделить на те, что напрямую связаны с необходимостью развития экономико-инвестиционного, инновационного потенциалов муниципальных образований для эффективного функционирования воспроизводственных процессов, что является объективной и необходимой данностью, и те, что обеспечивают, включение социальных факторов, нематериальных ресурсов в процесс развития.

Шагом вперед в муниципальном управлении можно назвать признание в качестве целевого ориентира и прикладного значения развитие человеческого потенциала. Однако управленческий экономико-технократический подход сужает суть и возможности использования данной целеориентации до горизонтов среднесрочного/долгосрочного планирования достижения нормативных экономико-статистических показателей развития социальной инфраструктуры, роль же человека как субъекта и источника развития остается пассивной, он скорее выступает наблюдателем, или потребителем

предлагаемых ресурсов развития. При этом, можно считать доказанным, что экономический эффект от действенности человеческого потенциала и капитала превышает отдачу от физического капитала [2;28], что в современных условиях нехватки материально-вещественных ресурсов является мощным источником развития. Кроме того, ряд исследователей напрямую говорят о том, что «между материальным благосостоянием города и его способностью обеспечить устойчивый рост почти нет связи» [4].

Формирование качественных характеристик человеческого потенциала и капитала в муниципальном управлении позволяет получить обратный системный эффект во всех сферах жизнедеятельности. Речь идет о повышении производительности труда, адаптивности к изменениям, качества и характера рефлексии и трансляции нового знания, культуры, высокой степени ценности человека, его жизни и т.д.

Инструментально в рамках прогнозно-нормативного управления это достигается через социальную инфраструктуру. Уровень и качество услуг, предоставляемых социальной инфраструктурой населению, косвенно может охарактеризовать уровень и качество человеческого капитала. Но, ни как не свидетельствует о роли последнего в жизни города, степени его отдачи, в разрешении сложных городских проблем.

Проблема видится в том, что в современной модели управления развитием города акцент смещен на необходимость создания условий обеспечивающих формирование, рост человеческого потенциала и капитала, рассчитывая на отдачу от вложения в них, что бесспорно положительно характеризует социальное государство. Однако человек в этой конструкции выступает скорее пассивным потребителем благ, а не созидателем и активным участником процесса развития. Увеличение объемов всех видов ресурсов (от финансовых до организационно-управленческих) направляемых на воспроизводственные процессы, на социальную сферу для достижения их качественного состояния, практически носят бесконечный и безграничный характер, а вот отдача человеческого капитала на такие управленческие действия и оценка их значимости и результативности не становится однозначно положительной. Возможно, есть смысл перейти к определению целей развития города, в том числе и посредством учета такого показателя как влияние, участие человеческого капитала в управлении по достижению целей развития города. Действенность человеческого капитала видится через участие граждан в конструировании социального пространства города.

На сегодня нормативно-правовую основу плановой работы по управлению развитием территории муниципального образования составляют: Ст. 17 Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 06.10.03 № 131-ФЗ) о формировании социально-экономической политики

и планировании развития городов, которые были отнесены к полномочиям местных органов самоуправления, а так же Федеральный Закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (от 20.07.95 № 115-ФЗ) и Федеральный Закон 28 июня 2014 №172 «О стратегическом планировании в РФ».

Целью данной работы не является оценка методики формирования стратегий, определение её инструментальной и организационно-управленческой эффективности и результативности, речь идет о целевых ориентирах развития.

Муниципальные образования формируют свои стратегии развития с учетом целевых ориентиров своих субъектов, что потребовало с начало провести анализ целевых установок стратегий социально-экономического развития 85 субъектов РФ (на июль 2017 года), размещенных на их официальных сайтах. В качестве метода исследования использован контент-анализ документов, в качестве единицы измерения выбраны положения документов о целевых ориентирах развития, которые были промаркированы как: «экономические», «человеческий капитал», «уровень и качество жизни», «пространство». Кроме того, документы были разделены по временному признаку действия их применения, в практике управления развитием территории, а именно были выделены - 24 субъекта РФ, имеющие стратегии развития до 2020; 26 – до 2025 (включая за период до 2026-2028) ; 25 – до 2030 (включая за период до 2035); в стадии разработки и не имели информации по 5 субъектов.

Таблица № 1

Распределение целевых ориентиров стратегий развития субъектов РФ

Количество субъектов РФ	Год действия стратегии развития	Цели стратегии развития			
		«экономические»	«человеческий капитал»	«уровень и качество жизни»	«пространство»
24	2020	6	3	15	-
26	2025	12	1	13	-
25	2030	5	4	13	3
75		23	8	41	3

Три субъекта РФ, а именно Белгородская, Вологодская и Тверская области в качестве целевой установки стратегии развития указали пространство, причем каждый из субъектов по разному определяет сущность и показатели этой цели.

Аналогичному анализу подверглись стратегии социально-экономического развития крупных городов РФ (т.е. с численностью населения свыше 500 тыс. человек до 1 млн.)

Используя метод контент-анализа документов по выше изложенной методике, был проведен анализ стратегий социально-экономического развития 26 городов. Из них разместили на официальных сайтах свои стратегии 13 городов.

Таблица № 2

Распределение целевых установок в крупных городах РФ

Количество городов	Год действия стратегии развития	Цели стратегии развития			
		«экономические»	«человеческий капитал»	«уровень и качество жизни»	«пространство»
1	2020	1	-	-	-
3	2025	1	-	2	
9	2030	1	-	7	1
13		3	-	9	1

Большинство стратегий нацелены на повышение уровня и качества жизни и составлены стандартно, и по форме, и по содержанию в соответствии с имеющимися рекомендациями по формированию данного вида документов. В стратегии социально-экономического развития города Набережные Челны (как и у Казани) в качестве цели указано на развитие пространства, в Кургане развитие пространство стоит в качестве задачи. Понимание и определение сущности и показателей развития пространства в этих документах, скорее относит нас к территориальному пространству, чем к социальному. Территориальное пространство это экономическая категория, которая напрямую связана с развитием и размещением производительных сил, условиями воспроизводства ресурсов территории.

Пространственное развитие в рамках экономики отлично от развития социального пространства, но эти два аспекта жизнедеятельности не могут не взаимодействовать и оказывать взаимное влияние.

Почему нам надо знать о состоянии социального пространства города. Потому, что в настоящее время в управлении основным становится антропоцентрический подход, где люди, обладающие определенным человеческим потенциалом и капиталом, набором социальных качеств и характеристик, определяющих сущность социального действия, его направленности, ценности и результативности, в том числе и в экономической сфере выступают главной доминантой. Потому, что социальное пространство

это концентрация взаимодействующих материально-вещественных и не материальных элементов общества в рамках, в границах которой действуют или бездействуют индивиды, обеспечиваются воспроизводственные процессы или процессы развития, формирования нового качества личности, общества, экономики, государства, цивилизации. Наконец, знание о состоянии социального пространства позволяет отслеживать, улавливать происходящие в обществе изменения, их противоречивость и конфликтность, что само по себе должно быть предметом пристального внимания управления.

Практика социального проектирования управления развитием города предполагает необходимость разработки показателей и индикаторов, характеризующих состояние социального пространства города и управления его развитием.

Для этого мы должны располагать данными о состоянии:

1. идентичности, а именно, территориальной идентичности, как показателя развития территориальной общности и взаимодействия горожанина с городом; социальной самоидентификации, как показателя включенности горожан в жизнь города через определение своего личностного места в системе координат города;

2. социальной активности, как действенной результирующей по формированию социального пространства города, его развития. Согласно П. Бурдые, активность соизмеряется степенью организованности, изолированности или вовлеченности в городские социальные процессы [1,5], что предполагает исследование взаимоотношений горожан с территориальной общностью, их вклада в развитие города, уровня доверия, отношения к системе местного самоуправления, особенности восприятия власти, уровня активности в достижении намеченных целей и решении проблем;

3. норм и регуляторов отношений в рамках конкретной городской общности, а именно доверия и солидарности как социальных норм.

Каждый из выше перечисленных показателей имеет свой набор индикаторов что, в итоге позволяет получить интегрированную характеристику состояния социального пространства и, следовательно, иметь основания для принятия конкретных управленческих действий. Проектное развитие пространства, предполагает включение в действие принципа лукавицы в рамках системного подхода и устойчивого развития, когда сферы и слои общественного развития развиваются не параллельно и тем более, не по принципу приоритетности, а вращая и прорастая, через действие процессов диффузии перетекания одной плоскости в другую достигая эффекта эмерджентности и синергии.

Список литературы:

1. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко./ – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Капелющников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?// Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 27-47
3. Луман Н. Теория общества //Теория общества . – М.: «КАНАО-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 211 с.
4. Новые модели развития городов. Точка зрения McKinsey & Company. McKinsey on Sustainability & Resource Productivity, 2012. The McKinsey Quarterly – № 27, 2013 год. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2013.04.21. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5974> <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596> jn 15/10/2014
5. Страдзе А.Э. Социальная активность: позиционирование в социальном пространстве// Теория и практика общественного развития. 2013 № 5 с. 96–99 С. 98.

УДК 316.422 ББК 60.56

Лядова Анна Васильевна –

к. ист. наук,
Московский Государственный
Университет имени М.В.Ломоносова,
г. Москва
e-mail: annaslm@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕДИЦИНЫ В РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: медицина, социальный институт, глобализация, социальные практики, самолечение.

За последние годы под влиянием глобализации и информационных технологий, в ходе перехода к рыночным отношениям, формирования новой социально-экономической политики развития российского государства отечественная система здравоохранения претерпела существенные изменения, последствия которых носят двойственный характер. С одной стороны, произошла либерализация сектора здравоохранения, появились новые виды и формы медицинского страхования, расширился спектр предоставляемых медицинских услуг населению. С развитием высокотехнологичной медицины, внедрением информационных технологий благодаря реализации национальных программ в области охраны здоровья удалось существенно улучшить качество жизни пациентов, снизить статистику смертности по ряду заболеваний [5, 8, 9]. Тем не менее, несмотря на определенную положительную динамику в развитии отечественной системы здравоохранения, наблюдаются тенденции, влияние которых на состояние, прежде всего, общественного здоровья, представляется дискуссионным.

Прежде всего, произошла трансформация взаимоотношений в системе «врач-пациент», что стало следствием, с одной стороны, развития высокотехнологичной медицины и изменения основ медицинской практики, переходу к доказательной медицине, а с другой, коммерциализации медицинской сферы и формирования рынка медицинских услуг. Новые основы построения взаимоотношений в сфере отечественного здравоохранения были закреплены юридически в 2011 году принятием Федерального Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которому оказание медицинской помощи было переведено в разряд услуг [7]. Внедрение рыночных механизмов в сферу охраны здоровья вызвало изменение и социальных ролей его основных акторов: врача и пациента. Если ранее, согласно теории Т.Парсонса о «роли больного» врачи выступали в силу

обладания ими особого знания как ключевые агенты социального контроля в поддержании стабильного функционирования общества путем выявления «отклоняющегося» - больного поведения, то в современном социуме позиции врача и пациента значительно сблизились [15]. В рамках существовавшего ранее патерналистского подхода, основанного на «отеческом» отношении врача к своему больному, при котором вся ответственность и забота лежала на враче, взаимоотношения врача и пациента строились исключительно на доверии и принципах медицинской этики и деонтологии. В новых условиях интеракций врачи уже не выступают единственными агентами социального контроля.

Благодаря широкому распространению сетевых информационных технологий современный пациент является достаточно осведомленным потребителем медицинских услуг. Он имеет право самостоятельно выбрать медицинское учреждение, специалиста, принимать решения лечиться или нет, выполнять или нет врачебные предписания, либо вообще «перепроверить» их, посетив другого специалиста, что вызывает недоверие и негативно влияет на интеракции между врачом и пациентами. Однако, с другой стороны, из-за усложнения медицинских технологий, возрастает и степень риска, так как наряду с т.н. человеческим фактором угрозой выступает и возможность возникновения технологической сингулярности. Информация же о негативных последствиях, имевших место быть при выполнении той или иной процедуры, уже не является особо секретной, доступной только профессиональному сообществу. Каждый из нас может посмотреть в интернете, чем грозят те или иные процедуры, лекарственные препараты, получить сведения о качестве оказываемых услуг из отзывов пациентов, по данным независимых сообществ, как например, Общероссийской общественной организации «Лига защитников пациентов». Все это приводит к формированию избегающего типа поведения у больного и влияет на степень его комплаентности, что негативно сказывается на результатах лечения, и в конечном итоге на состоянии здоровья общества, так как ведет к формированию запущенных форм болезней, превращающихся в хронические, уровень распространения которых, по мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, уже сегодня вызывает серьезные опасения.

В современных условиях формируется стандартизированное отношение к пациенту как объекту исследования. Кроме того, рыночные основы современной системы охраны здоровья ставят необходимым условием равноправное участие пациента в принятии решений в отношении выбора тактики лечения. В условиях коммерциализации медицины происходит трансформация самой модели в системе взаимоотношений между врачом и пациентом - от патерналистской к интеракционистской, разработанной еще в 50-х годах прошлого столетия Теодором Ньюкомбом, согласно подходу которого оба участника процесса коммуникации равноправны, так как их связывают взаимные ожидания и установки. Основу новой модели формирования взаимоотношений между врачом и пациентом составляет

информированное согласие. Согласно исследованию Даниэля Э. Халла, суть подхода, основанного на информированном согласии, составляют три аспекта: юридический, этический и административный [13]. В юридическом аспекте информированное согласие представляет собой форму осуществления права пациента на выбор методов лечения. Административная цель информированного согласия состоит в том, чтобы легализовать процесс лечения. И последняя - этическая концепция – является самой важной, поскольку она показывает, что лечение осуществляется с добровольного согласия пациента, который ознакомлен с планом лечения и возможными последствиями. Поэтому ключевым принципом рассматриваемой модели является уважение автономии пациента и его права участвовать в принятии решения о выборе тактики лечения. В тоже время важно понимать, что реализация данного принципа и эффективная коммуникация в ходе дальнейших интеракций не возможна без взаимного доверия между врачом и пациентом, соблюдения норм медицинской этики и деонтологии.

Однако парадокс современности заключается в том, что на фоне создания высокотехнологичных медицинских центров, внедрения новых технологий в медицинскую практику, оснащение новейшим оборудованием лечебно-профилактических учреждений, наблюдается процесс снижения институционального уровня доверия. Следует отметить, что по результатам аналитического обзора, указанная тенденция характерна не для какой-то отдельной взятой страны, и ее развитие не обусловлено особенностями национальных систем здравоохранения. Эксперты отмечают падение доверия к институту медицины в Америке, Германии, Дании, Индии, Китае [8, 14, 16]. Так, в США уровень доверия населения к системе здравоохранения не превышает 23% [11]. В 2015 году Национальным исследовательским университетом Высшей Школой Экономики были опубликованы результаты социологических опросов, проведенных совместно с Левада-Центром в 2013 и 2014 годах среди населения России по вопросам оценки качества и доступности медицинской помощи [2]. Как показали итоги исследования, российской системе здравоохранения не доверяет более половины населения страны; 58% уверены, что профессиональный уровень врачей не соответствует предъявляемым требованиям [4].

Поэтому, как отмечают эксперты, новая форма взаимоотношений между врачом и пациентом, основанная на «юридическом» аспекте информированного согласия, ведет к их бюрократизации, формализации, в итоге происходит деформация профессиональной сущности врачебной деятельности, основа которой базируется на принципах медицинской этики и деонтологии [3].

Как следствие развития указанных тенденций, происходит формирование новых социальных практик, выходящих за рамки существующих национальных систем здравоохранения. Прежде всего, речь идет о самолечении. Рассматривая самолечение как социальную практику

в рамках структуралистского конструктивизма П.Бурдьё, на наш взгляд, уместно выделить два направления в изучении данной проблематики [1]. С одной стороны, развитие этой практики есть объективное следствие тех институциональных трансформаций, которые происходят в развитии социума, в том числе, медицины, на современном этапе под влиянием глобализации и информационных технологий. С другой, как новая модель социальных отношений, она оказывает влияние как на традиционные формы организации медицинской помощи в рамках существующей системы охраны здоровья, так и несет определенные последствия для ее пользователей. Следует отметить, что самолечение является достаточно распространенной практикой и в других странах: до 8% населения занимаются самолечением в Италии, Мексике, Швейцарии, более 10% - США, Германии, Австрии, Саудовской Аравии, свыше 70% - в Индии [12]. Эксперты называют различные факторы, обуславливающие распространение самолечения, среди которых: нехватка времени на посещение врача, неудовлетворенность качеством медицинских услуг, недоверие к системе здравоохранения, слабая информированность населения о вреде самолечения, расширение каналов медикализации через участие фармацевтических компаний, доступность лекарств, «потребительское» отношение к своему здоровью, с одной стороны, а с другой, нежелание получить клеймо «больного», воспринимаемое в обществе потребления как «заразная» девиация, что ведет к изоляции индивида [12]. Следует отметить, что в России практика самолечения среди населения, можно сказать, «набирает обороты». По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в мае 2017 года, в случае возникновения заболеваний лишь половина опрошенных обращается к врачам, более же трети респондентов лечатся самостоятельно [5].

Однако, несмотря на имеющиеся некоторые положительные черты самолечения, распространение этой практики представляет серьезную медико-социальную проблему, так как несет потенциальные риски, связанные с неправильной диагностикой заболевания, бесконтрольным употреблением лекарственных препаратов, которые, наоборот, могут привести к ухудшению состояния, прогрессированию болезни, даже летальному исходу. Поэтому в целях улучшения качества жизни населения нашей страны, прежде всего, состояния общественного здоровья, в целом, и каждого из ее жителей, в частности, представляется необходимым решение проблемы доверия к институту медицины и его ключевым агентам.

Список литературы:

1. Бурдьё П. Практический смысл. Пер. с франц. Под общ.ред. послес.Н.А.Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Кочкина Н.Н., Красильникова М.Д., Шишкин С.В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 56 С.

3. Кущенко В.В Информированное согласие пациента на медицинское вмешательство // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии, 2005. № 2. – С. 96–8.
4. Лядова А.В., Восканян Э.С., Лядова М.В. Доверие как фактор эффективного функционирования системы здравоохранения. // Социология, 2016. № 1. – С. 66–71.
5. Национальный мониторинг здоровья россиян. // ВЦИОМ. 2017, Пресс-выпуск № 3371 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения: 05.09.2017).
6. Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2014 году и задачах на 2015 год : доклад Министерства здравоохранения Российской Федерации.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон Российской Федерации от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ.
8. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] : доклад Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по проблемам развития системы здравоохранения / С.В. Шишкин, И.М. Шейман, А.А. Абдин, С.Г. Боярский, С.В. Сажина. М., 2017. – 84 с.
9. Шалыгина Л.С. Экспертная оценка перспектив развития высокотехнологичной медицинской помощи в субъекте РФ // Вестник Росздравнадзора, 2015. № 2. – С. 52–55.
10. Birkhauer J., Gaab J., Kossowsky J., Hasler S., Krummenacher P., Werner C., Gerger H. Trust in the health care professional and health outcome: A meta-analysis // PLoS ONE.2017, 12(2), February.
11. Blendon R.J., Benson J.M., Hero J.O. Public Trust in Physicians – U.S.Medicine in International Perspective // The new England Journal of Medicine, 2014. No 17. October. - p.1570-1572.
12. Darshana Bennadi. Self-medication: A current challenge. // Journal of Basic Clin Pharm., 2014. No. 5(1). – p.19–23.
13. Hall M., Dugan E., Zheng B., Mishra A. Trust in Physicians and Medical Institutions: What is it, Can it be measured, and does it matter? // The Milbank Quarterly, 2001. Vol.79 (4). – p.613-639.
14. Jacobs A.K. Rebuilding and Enduring Trust in Medicine: A Global Mandate: Presidential Address American Heart Association Scientific Sessions // Circulation, 2005. No. 111. - p. 3494-3498
15. Parsons T. Social Structure and Personality. The Free Press, Collier-Macmillan Ltd. London, 1970. - p.327-354.
16. Williams R.A. The Issue of Trust in Medical Care: Building, Maintaining and Losing It // Journal of the National Medical Association, 2017. Vol.109. No.1. – p. 1–5.

Мазаев Юрий Николаевич –

к. философ. наук, доцент,

Российский государственный социальный
университет, г. Москва

e-mail: yu.mazaev@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: социальное партнерство, гражданская активность населения, установка на сотрудничество с полицией, формы сотрудничества с полицией.

Создание условий, обеспечивающих поддержание правопорядка и режима общественной безопасности в интересах большинства граждан Российской Федерации, не может быть делом только государства. Все более важным сегодня становится способность и готовность общества к добровольной “интеллектуальной мобилизации” национальных ресурсов для решения этой проблемы. Важным условием на этом пути является стремление правоохранительных органов и общества найти решение проблемы за счет конструктивного взаимодействия, осознание сторонами, что объединение сил и средств значительно повысит эффективность решения проблемы.

Гражданскому обществу принадлежит особая роль в социальном партнёрстве с правоохранительными органами и на нем лежит особая ответственность. Уже хотя бы потому, что в подавляющем большинстве случаев именно общественность выступает инициатором и координатором взаимодействия с властью в решении ряда социальных проблем.

В этой связи возрастает роль социологических измерений как информационно обеспечивающего фактора, позволяющего предоставить адекватную картину общественных настроений, состояния общественного мнения, отношения населения к деятельности правоохранительных структур, оценке своей безопасности.

Результаты проведенных РГСУ исследований показали, что большинством россиян (68%) на сегодняшний день полиция признается эффективным институтом общества. Тенденция оценивать деятельность полиции как эффективную наблюдается на протяжении многолетнего мониторинга (с 2009 года). Из года в год наблюдается постоянный рост данного показателя. Так, если в 2009 году деятельность полиции как эффективную оценивали 40%, то в 2015 году этот показатель составил 68%. Результаты мониторинга также свидетельствуют о том, что граждане стали однозначнее и четче формулировать свою позицию в отношении деятельности полиции.

Одним из общих индикаторов проявления гражданской активности населения и отношения граждан к полиции служит степень готовности россиян к сотрудничеству с ней. Результаты исследования свидетельствуют, что большинство российских граждан в той или иной степени настроены при необходимости оказать помощь полиции (64%).

Если рассматривать практическую установку на помощь полиции, то можно констатировать, что в этой области по отдельным направлениям значительная часть респондентов выказывает готовность совершить те или иные действия, помогающие полиции в охране правопорядка. Вместе с тем четко просматривается тенденция к снижению этого показателя в четырехлетней ретроспективе (см. табл.1). Необходимо также подчеркнуть, что гражданская активность населения в оказании помощи полиции существенно дифференцирована по видам. В первую очередь – это готовность поделиться информацией о подозрительных лицах и событиях. В последнюю – готовность к участию в деле охраны общественного порядка. Решительно не готовы ни к какой форме оказания помощи органам внутренних дел около трети взрослого населения России.

Таблица 1

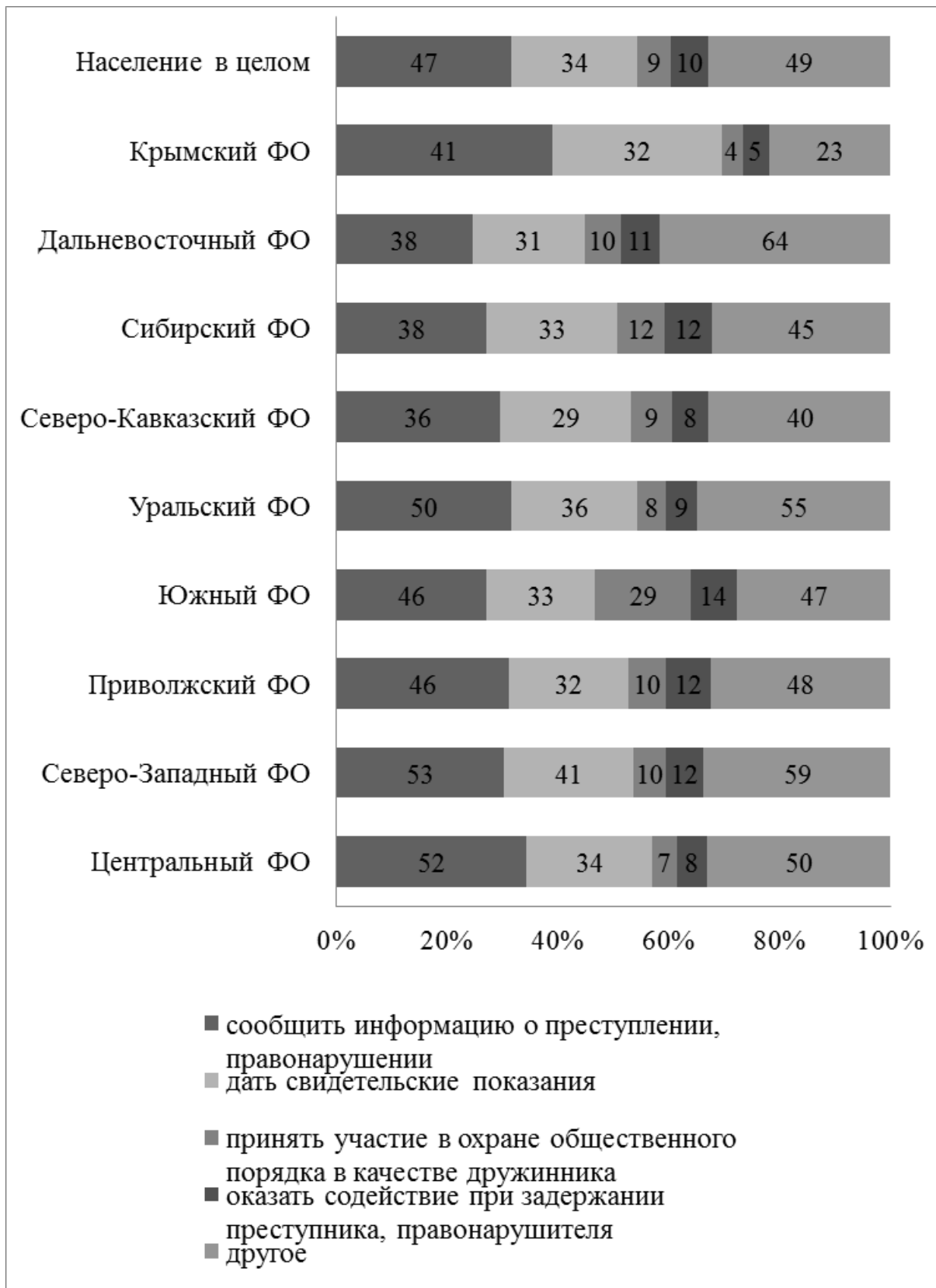
Распределение ответов на вопрос «Готовы Вы или нет, в определенных ситуациях, оказать помощь сотрудникам полиции? Если да, то, каким образом?»
(в % от общего числа опрошенных по годам)

Виды оказания помощи сотрудникам полиции	Показатели готовности населения оказать помощь сотрудникам полиции (в % по годам)			
	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год
Готов(а) оказать содействие в задержании преступника и пресечении правонарушений	19	18	9	10
Готов(а) сообщить информацию о подозрительных лицах и событиях	61	66	44	47

Готов(а) лично участвовать в охране общественного порядка и проведении иных полицейских мероприятий	14	14	8	9
Готов(а) дать свидетельские показания, опознать преступника	52	54	32	34
Не готов (а)	15	14	31	29
Затрудняюсь ответить	9	7	9	7

Результаты опроса показывают, что часть россиян готова в той или иной форме оказывать помощь полиции, независимо от того, в каком регионе они проживают. При этом характер данного сотрудничества с полицией практически не имеет существенных региональных различий (см. рис.1)

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы готовы или не готовы в случае необходимости оказать помощь сотрудникам органов внутренних дел? Если да, то, каким образом?» (в % от числа опрошенных в регионе, готовых оказать помощь сотрудникам полиции)

Результаты настоящего, а также систематических мониторинговых исследований форм и характера взаимодействия населения и органов полиции позволяют сделать некоторые обобщающие умозаключения и выводы.

Анализ тенденций в оценках населением работы полиции свидетельствует о нарастании в общественном сознании субъективного начала, при котором все более важным фактором в процессе формирования конструктивных взаимодействий с полицией становится оценка качества непосредственного единичного «обслуживания» граждан со стороны сотрудников органов внутренних дел по конкретным вопросам правоохранительной деятельности. Население ожидает от сотрудников полиции не только приемлемых показателей в деле борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка, но и добросовестного отношения к своим служебным обязанностям, выражающегося в заинтересованном отношении к проблемам отдельного гражданина.

В то же время, как нам представляется, ни полиция, ни население в настоящий момент еще не готовы к адекватному восприятию модели правоохранительной деятельности, основанной на реализации нового типа социальных взаимоотношений – социального партнёрства.

В массовом сознании пока не утвердилось представление о том, что в качестве одной из наиболее эффективных мер по предупреждению правонарушений необходимо рассматривать установление заинтересованных и доброжелательных отношений между полицией и населением. Необходимо преодолеть ситуацию в массовом сознании, когда позиции потенциальных партнеров в оценке своей роли в данном взаимодействии резко различаются. Каждая из сторон при этом идеализирует свою позицию и не склонна к компромиссным решениям. Полиция ожидает инициативы от граждан, граждане же хотят сотрудничать с полицией только на условиях общественного контроля над ее деятельностью. С одной стороны, полиция не воспринимается обществом в качестве противоборствующей стороны, способной существенно осложнить жизнь гражданам, а с другой – пока еще не может претендовать и на роль партнера, готового оказать действенную помощь в случае необходимости.

Гражданская поддержка закона и готовность сотрудничать с полицией на наш взгляд, зависят от того, в какой мере граждане видят в органах внутренних дел носителей нормативных ценностей общества. Наибольшее влияние на отношение людей к полиции оказывает их оценка соблюдения полицией принципа правовой и социальной справедливости.

Для того чтобы реально изменить ситуацию в сторону роста положительной составляющей социального взаимодействия населения и органов внутренних дел требуется реализация новой социальной стратегии. Контакты населения с полицией должны стать катализатором конструктивных социальных отношений и, как следствие, деятельность органов внутренних дел станет по-настоящему социально одобряемой и поддерживаемой. Но это возможно лишь в том случае, если в своей деятельности органы внутренних дел от контроля над поведением граждан перейдут к реальному обслуживанию социальных потребностей населения – обеспечению личной безопасности.

Анализ ситуации, сложившейся в отношениях между населением и полицией, применительно к перспективам формирования между ними социального сотрудничества, свидетельствует о необходимости в первоочередном порядке ускоренного развития нормативно-методологической базы, технологического потенциала общественных и государственных институтов в лице органов внутренних дел, обеспечивающих формирование доверительных, партнерских отношений между ними.

Список литературы:

1. Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации. / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Бондалетов В.В., Мазаев Ю.Н. и др.// отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (Ф-КУ НПО “Специальная техника и связь” МВД России). – М.: РГСУ, 2015.
2. Бондалетов В.В. Доверие как один из важнейших показателей эффективности государственного управления в условиях кризиса. Материалы выступлений участников 9 Международного социального конгресса 25–26 ноября 2009 г. «Страны БРИК в условиях глобального кризиса: потенциал и проблемы консолидации». – М.: Изд-во РГСУ, 2010. – С. 94 – 96.
3. Мазаев Ю.Н. Проблемы конструктивных контактов граждан с сотрудниками милиции: результаты социологического эксперимента / Социальная политика и социология. 2006. № 1. с. 166–174.
4. Мазаев Ю.Н. Милиция: конфронтация или социальное партнерство? / Наука, культура, общество. №1, 2007.
5. Мазаев Ю.Н. Социальное доверие к полиции: ситуация до и после служебной аттестации /В книге: Сплоченность общества и социальная справедливость: мировые тренды и российская реальность Материалы XIII Международного социального конгресса. 2013. С. 214–216.

УДК 366.025 ББК 65.04

Мартынов Степан Викторович –
соискатель,
Воронежский экономико-правовой
институт, г. Воронеж
e-mail: nauka-vepi@yandex.ru

Шаталов Максим Александрович –
к.э.н., доцент,
Воронежский экономико-правовой
институт, г. Воронеж
e-mail: nauka-vepi@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОСТИ РЕСУРСОВ

Ключевые слова: финансовый механизм, государственное регулирование, экономика, регион, экономические процессы.

Финансовый механизм государственного регулирования экономики является составной частью хозяйственного механизма в государстве, который в свою очередь определяет характер экономической системы в целом. Применение финансового механизма (финансового инструментария) в современной экономической системе является основной формой регулирования экономических процессов в рыночных условиях.

Среди современных экономистов нет единого мнения относительно содержания понятия финансовый механизм. В целом, в отечественной и зарубежной экономической литературе финансовый механизм представляется как принципиальная схема практического использования финансовых рычагов в экономике государства, направленные на регулирование тех или иных процессов, или объектов в системе управления на разных его уровнях [1; 5]. С этой точки зрения, его можно охарактеризовать как комплекс специально разработанных и законодательно закрепленных в государстве форм и методов создания и использования финансовых ресурсов для обеспечения развития экономической системы и социальных гарантий граждан [3; 6]. Однако, по нашему мнению, существенным недостатком в определении финансового механизма, является упущения во многих случаях перечня источников обеспечения использования финансовых методов и рычагов, в частности

правового, нормативного, информационного. Кроме того, понятие финансового механизма неотделимо от финансовой политики государства, которая определяет функции финансового механизма и его органическую связь с государственным регулированием экономики.

В отличие от системы управления финансами в целом, финансовое регулирование не имеет даже относительной самостоятельности по отношению к финансовой политике, поэтому на любое изменение в политике проходит адекватная реакция в регулировании. При этом формы и методы финансового регулирования могут оставаться стабильными, а это значит, что конкретные проявления финансового регулирования экономики могут не совпадать с финансовой политикой государства.

В таком случае формируется финансовый механизм государственного регулирования экономики, как важнейший инструмент достижения определенных целей управления. Финансовый механизм регулирования характеризуется присущими ему чертами, которые позволяют определенным образом отличать его от других механизмов управления [2; 4]:

1. Характеризуя сферу использования объективно существующих распределительных отношений, он выступает составным звеном общей системы управления экономикой, занимая в ней ведущее место.

2. Финансовый механизм регулирования с одной стороны обусловлен реально существующими финансовыми отношениями, а с другой - он активно влияет на них.

3. По мере развития рыночных финансово-экономических отношений финансовый механизм меняется и совершенствуется.

4. В зависимости от направлений и целей государственного регулирования, финансовый механизм предусматривает применение различных, внутренне обусловленных инструментариев влияния на социально-экономические процессы.

5. Инструменты влияния финансового механизма государственного регулирования комбинируются и взаимодополняются в зависимости от задач финансовой политики государства.

6. Количественные характеристики финансового механизма государственного регулирования зависят от границ государственного вмешательства в экономические процессы.

Финансовый механизм можно характеризовать с качественной и количественной стороны. Количественная характеристика финансового механизма государственного регулирования определяется размером финансовых ресурсов, сосредотачиваются и распределяются на соответствующих управленческих уровнях, а также технологии их сосредоточения и использования.

Рисунок 1. Структура механизма бюджетного регулирования экономики

Подсистемы финансового обеспечения и финансового регулирования тесно взаимосвязаны. Установленная в тот или иной период система финансового обеспечения требует соответствующего финансового регулирования и одновременно выполняет его функции так же, как и регулирования осуществляет функции финансового обеспечения. Согласно такому подходу структуру финансового механизма по назначению в государственном регулировании экономики можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

Как видно из схемы, финансовое обеспечение на региональном уровне реализуется на основе установленных систем финансирования, которое осуществляется в четырех формах: самофинансирования и кредитования, инвестирования, межбюджетное трансфертование.

Таким образом, сфера финансового регулирования экономики не может сводиться к любой изменения финансового механизма или метода финансового регулирования. Финансовое регулирование - это особая сфера управления финансовыми ресурсами на любом уровне, предполагает использование системы методов воздействия на денежные отношения, которые существуют в экономике.

При этом эффективность финансового механизма государственного регулирования региональной экономики, как основного накопительного, распределительного и обеспечивающего звена поддержания на необходимом уровне потенциала региона, его развития и справедливого перераспределения доходов различных сфер и отраслей хозяйственного комплекса соответствующей территории, достигается за счет слаженных действия всех его составляющих, согласно стратегии экономического роста, потребностей и интересов территориальной единицы.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Э., Ахмедова О.И., Шаталов М.А. Механизм государственного регулирования интеграционных процессов в АПК // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. Т. 2. № 5–3 (10–3). С. 305–309.
2. Баутин В.М., Шаталов М.А. Государственное регулирование интеграционных процессов в АПК в условиях ВТО // Никоновские чтения. 2015. № 20-1 (20). С. 168–170.
3. Мартынов С.В., Шаталов М.А. Проблемы информационного обеспечения управления транспортно-логистической системой предприятия // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4. № 5–3 (25–3). С. 289–294.
4. Мартынов С.В., Шаталов М.А. Моделирование синергетических эффектов интеграционного взаимодействия предприятий АПК // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 5–2. С. 304–308.
5. Шаталов М.А. Обоснование адаптивных инструментов обеспечения устойчивого развития региональных экономических систем // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1 (68). С. 75–83.
6. Шаталов М.А. Формирование финансово-кредитного механизма регионального развития в условиях политики импортозамещения // Вестник НГИЭИ. 2017. № 2 (69). С. 124–132.

УДК 304.2 ББК 60.99

Масленцева Наталья Юрьевна –
канд. социол. наук, доцент,
зав. кафедрой социологии и социальной
работы Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, г. Екатеринбург
e-mail: masnat@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: реабилитация, комплексная реабилитация, межведомственное взаимодействие, Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ)

Термин «реабилитация» насчитывает около сотни разных определений. Существующие различия в определении реабилитации влекут за собой различное формулирование цели реабилитации и подходы к оценке результатов реабилитации. Основным документом, регламентирующим деятельность в сфере реабилитации в Российской Федерации, является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 №181-ФЗ. В связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов в новой редакции закона (редакция от 29.06.2015) реабилитация инвалидов представляет собой «систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности», направленные на «устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество».

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (редакция от 03.04.2017) под медицинской реабилитацией понимается «комплекс мероприятий медицинского и психологического характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных и (или) компенсацию утраченных функций пораженного органа либо системы организма, поддержание функций организма в процессе завершения остро развившегося патологического процесса или обострения хронического патологического процесса в организме, а также на предупреждение, раннюю диагностику и коррекцию возможных

нарушений функций поврежденных органов либо систем, предупреждение и снижение степени возможной инвалидности, улучшение качества жизни, сохранение работоспособности пациента и его социальную интеграцию в общество».

В Конвенции о правах инвалидов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г.) отмечена необходимость «наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни». Всемирная организация здравоохранения трактует реабилитацию как «процесс, включающий в себя все меры, направленные на обеспечение возможности достичь социальной интеграции» [2].

В Законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (редакция от 29.06.2015) определены следующие направления реабилитации инвалидов: медицинская реабилитация, реконструктивная хирургия, протезирование и ортезирование, санаторно-курортное лечение; профессиональная ориентация, общее и профессиональное образование, профессиональное обучение, содействие в трудоустройстве (в том числе на специальных рабочих местах), производственная адаптация; социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая и социокультурная реабилитация; социально-бытовая адаптация; физкультурно-оздоровительные мероприятия, спорт. Восстановительные мероприятия должны осуществляться с учетом биологических, личностных, психологических, профессиональных и социальных факторов, применительно к роли и месту человека в окружающей среде. При этом необходимо соблюдение основных принципов реабилитации: комплексности и индивидуального подхода, раннего начала, непрерывности, этапности, последовательности, преемственности и самое главное активного участия самого реабилитанта [8]. Рассматривая реабилитацию в этом аспекте, можно с уверенностью отметить, что при таком походе возникают субъектно-объектные отношения: люди с ограниченными возможностями становятся полноправными участниками реабилитации.

Таким образом, цель комплексной реабилитации можно сформулировать как восстановление социального статуса человека с ограниченными возможностями здоровья, достижение им материальной независимости и его социальной адаптации, развитие активного социального субъекта, личности, способного к волевым усилиям, трудовой мотивации, саморазвитию, с использованием технологий медицинского, психологического и социального характера. В настоящее время проблематично оценить результативность реабилитации, так как функции оценки результатов реабилитации не возложены на исполнителей мероприятий.

С 1 января 2017 года в рамках подпрограммы «Совершенствование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов» государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 – 2020 годы Свердловская область приступила к реализации пилотного проекта по отработке подходов к формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей – инвалидов [5]. Семь органов исполнительной власти Свердловской области вовлечены в разработку межведомственной системы по комплексной реабилитации: министерства здравоохранения, социальной политики, образования, культуры, транспорта и связи, департамент по труду и занятости населения, физической культуры, спорта и молодежной политики. В работе также принимают участие Фонд социального страхования, Пенсионный фонд РФ и Главное бюро медико-социальной экспертизы.

Комплексная реабилитация включает мероприятия по профилактике и ранней помощи, медицинской, психологической, педагогической и социальной реабилитации, подготовке к самостоятельному или сопровождаемому проживанию, профессиональной реабилитации, физкультурно-оздоровительной и спортивной направленности. Пока в работе субъектов реабилитации присутствует разрозненность и хаотичность деятельности, не только между ведомствами. Во многих реабилитационных отделениях реабилитацию рассматривают изолированно, в основном с позиции медицины, а в социально – реабилитационных отделениях предлагают убрать медицинские услуги. Реабилитация проходит без учета индивидуально – личностных особенностей человека, возможности адекватного существования в новых условиях. Универсальным инструментом для межведомственного взаимодействия, основой построения уровневой и этапной системы реабилитации и абилитации, а также организации комплексного подхода к реабилитации и абилитации в учреждениях различных профилей и специализаций является Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) [6].

Биопсихосоциальный подход дает понимание того, что лечат человека, а не болезнь; человек – это не только тело, но и психика; личность с индивидуальным опытом и реакциями [3]. Работа с мотивацией, психоэмоциональными реакциями человека, даст экономию времени и большую эффективность реабилитации.

Медицинская модель реабилитации (ЛФК, массаж, физиотерапия) не является оптимальной т.к. не учитывается влияние на лечение и восстановление индивида таких факторов, как личность и окружение. В качестве инструмента для внедрения биопсихосоциальной модели, оценки результата реабилитации предлагается использовать Международную классификацию функционирования (далее – МКФ), являющаяся классификацией доменов здоровья и доменов, связанных со здоровьем. «Домен – практический

и значимый набор взаимосвязанных физиологических функций, анатомических структур, действий, задач и сфер жизнедеятельности» [9]. В данной системе использует буквенно-цифровую систему. Домены описаны с позиций организма, индивида и общества посредством двух основных перечней: 1) функции (b) и структуры (s) организма – относятся к медицинской реабилитации; 2) домены активности и участия (d) – социальная составляющая реабилитации. К основным сферам активности и участия, по МКФ, относятся обучение и применение знаний, решение общих задач и выполнение требований, общение, мобильность, самообслуживание, бытовая или повседневная жизнь, межличностные взаимодействия и общение, главные сферы жизни, жизнь в сообществах, общественная и гражданская жизнь.

МКФ расценивает понятия «здоровье» и «инвалидность» по-новому: каждый индивид может пройти через изменение состояния здоровья, испытав при этом, некоторую степень ограничения возможностей [4]. МКФ с помощью набора доменов описывает ситуацию индивида, с учетом воздействия физической среды (e) на его жизнедеятельность и личностных факторов. МКФ подробно описывает факторы окружающей среды, в нее входят продукция и технологии; природное окружение и изменение окружающей среды, осуществлённые человеком; поддержка и взаимосвязи; установки; службы, административные системы и политика. Необходимо отметить, что в МКФ отсутствует расшифровка личностных факторов, но они включены в структуру, так как являются внутренне присущим потенциалом здоровья индивида.

Основным термином, объединяющим все составляющие МКФ, является функционирование. В зависимости от ситуации изменение функционирования может произойти на разных уровнях: организма или органа; деятельности, которую индивид способен выполнять; участия его в общественной жизни. При одном заболевании у двух индивидов могут быть различные уровни функционирования, и два индивида с равным уровнем функционирования не обязательно имеют одинаковое изменение здоровья. Акцент делается на все, то положительное, что сохранилось в индивидуально личностных характеристиках человека и содержится в физическом и социальном окружении. Оценка в формате МКФ сводится к разделению и дифференциации диагноза между активностью, участием, функцией и структурами, и их взаимосвязи с факторами среды. Реализация биопсихосоциальной модели осуществляется именно за счет оценки активности, участия и понимания роли факторов среды. Если медицинская модель реабилитации формулируется так: восстанавливаем то, что повреждено и нарушено: то «реабилитация с учетом МКФ совершенно иная: восстанавливаем то, что необходимо для реализации активности и участия» [7] (с учетом мнения человека, проходящего реабилитацию). Преимущества оценки в новом формате позволяют реабилитанту получить профессиональную социальную поддержку, чувство понимания личных проблем специалистами, снизить уровень стресса, включенность

в восстановительный процесс. Специалисты, оказывающие реабилитационные услуги, смогут иметь доступ к большей информации о здоровье своих клиентов, использовать разнообразные критерии для оценки прогноза и результатов реабилитации, более адресно и точно подбирать оказываемые услуги, устанавливать партнерские отношения с реабилитантом, влиять на качество и эффективность оказываемых услуг.

Список литературы:

1. Буйлова Т.В. Международная классификация функционирования как ключ к пониманию философии реабилитации // МЕДИ-АЛЬ. 2013 № 2 (7). – С. 26–31.
2. Зак Г.Г. Исторический анализ сущности понятия «реабилитация» в системе специального образования // Специальное образование, 2012. № 3. – С. 35–38.
3. Концепция совершенствования государственной системы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов (утв. Минтрудом России) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.03.2017).
4. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (краткая версия под ред. Г.Д. Шостка. – СПб.: СПбИУВЭК, 2003. – 228 с.
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.08.2016 г. № 436н «Об утверждении технического задания пилотного проекта по отработке подходов к формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов» (зарегистрировано в Минюсте России 11.10.2016. Регистрационный № 44000) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.05.2017).
6. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. N 1677н «Об утверждении технического задания пилотного проекта по отработке новых подходов к организации и проведению медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов с учетом Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья»: (Зарегистрировано в Минюсте РФ 06.02.2012. Регистрационный № 23145) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.03.2017).
7. Романова З.А. Использование международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья при экспертизе детей и подростков // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. № 1. – С. 51–56.
8. Соколова М.В. Реабилитация после заболеваний. Полный справочник. М.: ЭКСМО, 2008. – 360 с.
9. Шмонин А.А. Биопсихосоциальная модель пациента с инсультом: роль факторов среды в реабилитации // Consilium Medicum, 2016. №13. – С. 14–19.

УДК 316.3 ББК 60.5

Махиянова Алина Владимировна –

д-р социол. наук, доцент,

Казанский государственный

энергетический университет,

Центр перспективных экономических

исследований АН РТ, г. Казань

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА (НА ПРИМЕРЕ БЕДНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

Ключевые слова: социально-экономический портрет, бедный слой, методика.

Анализ различных подходов к изучению социального портрета показал, что в ходе его построения используются различные индикаторы. Условно их можно разделить на группы микроуровня и макроуровня. К первому необходимо отнести исследователей, которые изучают социально-экономический портрет определенных демографических или социальных групп, таких как молодежь, пенсионеры, подростки, врачи, учителя, студенты и пр. В основе индикаторов в данном случае выступают жизненные планы, оценка условий проживания, досуг, ценностные ориентации, условия профессиональной деятельности, представления о модусах ролевого поведения, отношение к профессии, оценка профессионального статуса, мотивация труда. В исследовательском поле второго подхода заложена совокупность ценностно-нормативной системы или разнообразных социально-экономических показателей. В качестве индикаторов измерения выступают ценности и приоритетные модели поведения населения, идеалы и жизненные стратегии, статистические показатели естественного движения населения, оценка условий жизни, материального благосостояния, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью.

В совокупности проведенный анализ выявил следующие проблемные аспекты в изучении социально-экономического портрета населения:

1. отсутствуют четкие индикаторы его измерения;
2. отсутствует единая методика оценки;
3. присутствует многообразное толкование данной категории;
4. исследование зависит от методологических взглядов ученого.

Для решения указанных проблем и создания авторской методики составления и оценки социально-экономического портрета населения предлагается осуществить синтез следующих подходов. В основе первого заложено понимание того, что полнота портрета зависит от уровня и характера

социального расслоения населения. Поэтому в основу индикаторов для их измерения предлагаем включить анализ официальных статистических данных, характеризующих доходную и имущественную дифференциацию населения, а также опрос населения призванный выявить субъективную социальную стратификацию на основе самоотнесения респондентов с определенным социальным слоем.

Второй подход авторской методики основан на использовании индексов социально-экономической активности. Наиболее часто используемыми являются индекс потребительских настроений, благоприятности условий для крупных покупок, самостоятельности-самоценности, мобильности трудовых ресурсов. Методика расчета основана на вычислении среднего арифметического значения из частных индексов. Частные индексы строятся по следующей процедуре: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин [1, 5].

В 2016 г. автором было проведено социологическое исследование, которое было направлено на апробацию предложенной методики и составление социально-экономического портрета бедного слоя населения. Согласно авторской точке зрения причины бедности можно классифицировать на две большие группы. Первая ориентирована на субъективные трактовки причин, при этом ответственность за социальное положение человека полностью возлагается на него самого [3]. Для второй группы характерен ориентир на поиск внешних причин, среди которых лидируют высокий уровень безработицы, экономические кризисы, политика государства и пр. [7, 8, 9].

Среди социологов, изучающих феномен бедности, есть также сторонники точки зрения, интегрирующей эти два подхода. Они рассматривают бедность как самовоспроизводящееся явление. Данный механизм срабатывает в том случае, когда родители имеют низкий уровень образования, а у детей отсутствует возможность для его улучшения. Речь также идет о формировании особой культуры бедности, которая передается в процессе социализации. Среди причин бедности называется также отсутствие у представителей данного слоя властных, личностных и квалификационных ресурсов, что в совокупности не позволяет им выйти за рамки бедности [2].

Стоит также отметить, что исследователи выделяют определенные категории граждан, которые в силу демографических, социальных и экономических причин оказываются в состоянии бедности. К ним относятся инвалиды, пенсионеры, люди с высоким уровнем заболеваемости, имеющие большое число иждивенцев и пр. [6]. Таким образом, причиной бедности становится принадлежность человека к данным группам.

Особо стоит отметить влияние такого фактора, как место жительства. Согласно достаточно распространенному мнению, бедности более подвержены сельские жители, и именно в сельской местности чаще всего не сформирован

рынок труда, отсутствуют высокие технологии производства, отмечается высокий уровень безработицы и т.д. [4].

Подведение итогов авторского исследования позволило составить социально-экономический портрет бедного слоя населения. Нехватка денег и низкие доходы являются ведущими факторами, отягчающими жизнь представителей данного слоя населения. Такие проблемы, как переутомление и усталость, плохое здоровье, безысходность, страх потерять работу и недостаток свободного времени, имеют место быть, но не выходят по количеству выборов в число приоритетных.

Среди платных услуг наибольшим спросом пользуются медицинские и образовательные услуги для взрослых, к которым прибегала треть респондентов. Только каждый десятый представитель бедного слоя может воспользоваться оздоровительными услугами для взрослых в санаториях, домах отдыха, а также образовательными услугами для детей. При этом каждый пятый признался в том, что не пользуется платными услугами.

В оценках возможностей питаться, одеваться, проводить досуг, отдыхать в период отпуска, а также в оценках жилищных условий лидировали средние значения. Однако более трети представителей бедных слоев населения считают свои жилищные условия, возможности одеваться и проводить свободное время плохими. Меньше негативных ответов присутствует при оценке параметров отдыха в период отпуска и возможности питаться.

В списке продуктов, подлежащих экономии, лидируют рыбные и мясные изделия, готовая продукция в виде салатов и выпечки, а также алкоголь. Для каждого пятого респондента в список деликатесов попадают колбасы и полуфабрикаты, фрукты и кондитерские изделия.

Треть опрошенных имеет плохие жилищные условия, т.к. проживает либо на съемной квартире, либо в общежитии или в служебном жилье. При этом практически половина респондентов вынуждена откладывать покупку необходимой одежды. Согласно результатам проведенного исследования, частота приема гостей с интервалом раз в год лидирует по сравнению с приемом раз в месяц, еженедельно и никогда.

Социально-экономический портрет представителя бедного социального слоя, построенный на основе авторского исследования, включает результаты подсчета индексов экономической активности. Средние значения принял индекс потребительских настроений на фоне отрицательных оценок текущего состояния экономики и прогнозов улучшения материального положения респондентов в будущем. Позитивно оценивается и ситуация с занятостью, однако готовность возложить на себя ответственность за сложившееся состояние и исправить его в будущем находится на достаточно низком уровне. Незначительно отстает по показателям возможность совершения покупок.

Список литературы:

5. ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/about.html> (дата обращения 10.09.2016).
6. Зияев Д.А. Теоретические и практические аспекты бедности как проблемы переходной экономики // Экономика и политика. 2012. 5 (90). С. 31 – 34.
7. Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. №8. С. 18 – 27.
8. Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 1. С. 8 – 27.
9. Левада-Центр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/indexi.html> (дата обращения 10.09.2015).
10. Леонтьева А.Г., Хохлов А.Г. Стратегии преодоления бедности и повышения уровня жизни населения // Экономические науки. 2010. № 1 (62). С. 118 – 124.
11. Овчарова Л.Н. Бедность в России // Мир России. 2001. Т.10. № 1. С. 171 – 178.
12. Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России. – 2000. – № 3. С. 128 – 136.
13. Чернина М.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54 – 61.

Мельник Владимир Владимирович –
д-р филос. наук, профессор,
Тюменский государственный
университет, г. Тюмень.
e-mail: v_v_melnik@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТНОСПОСОБНОСТИ

Аннотация. В статье¹ рассматриваются методологические подходы к анализу региональной конкуренции с выделением ее социальных аспектов, которые являются принципиально важными на глобальном, региональном и организационном уровне. В анализе используется эндогенная теория развития конкурентных преимуществ региона, реализуемых на основе знаниевой экономики, а также рассматриваются эмпирические данные по иерархии факторов эндогенного развития и знаниевых аспектов функциональных групп инноватики.

Ключевые слова: регион, методология, конкурентноспособность, zero-модель, иерархия эндогенного развития, знаниевая экономика, инноватика.

Важность концепции конкурентоспособности в разных областях знания резко возросла в последние годы, что привело к расширению ПОИСКА методологических обоснований проявления ее сущности, а также к более изысканным эмпирическим данным, в том числе лингвистическим и, теоретическим построениям. Исследования затронули все уровни социальной действительности: глобальный, национальный, региональный, организационный (бизнес) и личностный. Они затронули не только технологические, экономические, социальные, но и политические аспекты конкуренции и конкурентноспособности.[1] В своей ранней, основополагающей работе, М. Портер (1990 год), определил ее, как результат национальной способности к инноватике, в целях достижения или поддержания передовых позиций по сравнению с другими странами в нескольких ключевых промышленных секторах. Но не только. Уже в 2000 году он указал на ее взаимосвязь с производительностью труда, привлек внимание к условиям определяющих конкурентноспособность фирмы на региональном уровне.

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект № 28.2941.2017/4.6

С этой, пространственной точки зрения, особый вклад Портера (2000), был сделан в области понимания микроуровня условий, определяющих конкурентоспособность фирмы, такие как способности к новаторству, творчеству и применения их к территориальной единице, будь то город, регион или нация, что стимулировало социальные направления исследования проблемы и деловые проекты..

Еще в 1980-х Джон Найсбит (John Naisbitt) [2], один из основателей теории «информационного общества», отметил тенденцию стремления регионов к большей автономии и повышению их роли в развитии национальной экономики. Сформированный Найсбитом парадокс, гласит о том, что чем больше мировая экономика, тем более значимыми являются ее маленькие игроки. Отсюда можно сделать вывод, что чем более разнообразной и стабильные предпочтения регионального сообщества, чем более интенсивна его экономическая и социальная консолидации, тем более всеобъемлющее использование своих внутренних ресурсов и более эффективно использование своих преимуществ в интеграции и адаптации к условия глобального рынка. С помощью новых возможностей, создаваемых глобализацией, и создания местных конкурентных преимуществ, регионы не только укрепляют свой собственный международный конкурентный статус, но также повышают и конкурентоспособность национальной экономики.

Ее эффективное обеспечение в регионе, требует развитого законодательства, прежде всего для развития предпринимательства и знаниевой экономики, что будет способствовать локальному экономическому и социальному развитию. В свою очередь развитое предпринимательство становится основным драйвером регионального развития. Это является и институциональной основой социальной конкурентоспособности региона, на что указывал Мировой Экономический Форум, в докладе «The World Competitiveness Yearbook», (2012). Особенно необходимо отметить, в этом ряду, и WKCI [3]. (WKCI–World Knowledge Competitiveness Index - Мировой Индекс Знаниевой Конкурентоспособности), который впервые (2002 г.), связал относительный уровень развитости знаниевой экономики и наиболее преуспевающие регионы мира. Индекс отражает интегральный уровень знаниевых способностей, возможностей и их устойчивости в регионе и сферы, в которых эти знания транслируются в экономические ценности, в свою очередь трансформируемые в благосостояние граждан каждого региона.

По мнению многих авторов, индекс WKCI[4], тесно связан с теоретическим дискурсом конкурентоспособности региона, в форме «эндогенной теории роста» [5], в центре которой находятся категории «знания» и «человеческий капитал». В качестве практического итогового управленческого результата этой концепции выступает *взаимосвязь* динамики развития конкурентоспособности и благосостояния населения региона.

Для современного регионального развития России, данный дискурс является принципиально важным.

Анализ литературы показывает, что в большинстве исследований, конкурентоспособность регионов неразрывно связана с их экономической деятельностью. Более того, существует растущий консенсус, что конкурентоспособность лучше всего измеряется с точки зрения активов региональной бизнес-среды. Вместе с тем, это представляет широкое пространство для социологических исследований, поскольку к этим активам, относятся прежде всего: уровень человеческого капитала, степень его инновационного потенциала, устойчивость социальной среды и качество местной инфраструктуры – все то что определяет потенциал достижения конкурентных преимуществ в передовых и растущих секторах деятельности. Эти, и другие внешние факторы, которые могут иметь влияние на устойчивость конкурентоспособности фирмы, такие, как способность регионов по привлечению в организации людей творческих и новаторских или высокое качество социальной инфраструктуры, являются важными принципами региональных конкурентных преимуществ.

Вместе с тем, на социальные аспекты обращают наше внимание, как классики социологи, так и современные авторы. Так, например, М. Вебер, как основатель бюрократической школы менеджмента, подчеркивал поведенческие аспекты конкуренции, которая, по его определению, это «формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые воделеют также и другие [действующие]» [6]. В.В. Радаев, понятие конкуренции также связывает с поведенческой характеристикой, в которой особенно важным является социокультурный аспект, «...выраженный в *символической дифференциации* (выделено автором) конкурентов друг от друга» [7] Другими словами, региональная конкурентоспособность во все большей степени связана с поведенческими и понятийными характеристиками в труде и творчестве, знаниями и экологическими условиями, социальными взаимоотношениями и их устойчивостью, а не только на ранее достигнутых результатах развития.

Отметим, что основным фактором эндогенности для региональной модели (экзогенность сейчас – это все усиливающиеся санкции), являются, вместо постоянной технологической гонки, растущие инвестиции в развитие регионального человеческого капитала, которые будут иметь накопительный эффект по всем аспекты социально-экономического развития. В этой области российскими исследователями создаются высоко аналитичные знаниевые модели. Так, например, Калюжная Н.Я предложила концепцию обучающегося региона [8], как основу его конкурентоспособности. Безусловно, использование эндогенных факторов развития требует их глубокого социологического и экономического анализа, и не отменяет оптимальную политику накопления и потребления, оптимизацию распределения ресурсов

по всем аспектам человеческого развития, ведущим к эффективному научно-технологическому развитию региона.

Помимо отмеченных факторов, эндогенный подход постулирует, что региональная конкурентоспособность лучше всего развивается на основе деятельности своих, местных предприятий, когда каждый участник бизнес-процесса выступает в качестве организационной ячейки по координации и содействия устойчивому конкурентному преимуществу территории. В этой области, российскими исследователями (Ю.В. Рубин), были выделены и оценены такие понятийные единицы, как пространство конкуренции, конкурентные поля, кластеры, ареалы, сети фирм и вспомогательных организаций и т.д. [9], что позволяет существенно расширять величину эндогенных позиций, увеличивая потенциал региональных конкурентных преимуществ. РИ АНАЛИЗЕ

Наше исследование показало достаточно высокий уровень этого регионального эндогенного фактора. При анализе организационно-правовых форм, иерархия эндогенности, по мнению работающей молодежи, считающих свое предприятие (организацию) определенно конкурентоспособным, выглядит следующим образом: бизнес-фирмы – 72,3%; государственные предприятия – 15,6%; индивидуальные предприятия – 3,0%; семейные и муниципальные предприятия – по 2,6%; другие формы – 1,0% (совместное предприятие, фрилансеры, самозанятые). Данный уровень и иерархия конкурентоспособной эндогенности подтверждается наличием в этих организациях развитого цикла инновационной деятельности. Однако, завершённый (полный) цикл: 1. выдвижение идеи, 2. разработка прототипа новинки, 3. документальное оформление, 4. внедрение в производство, 5. маркетинг инновации) - выявлен только в трех организационных формах: государственной, бизнес, семейной и индивидуальной. В целом, по результатам опроса, уровень развитости циклов в исследованных организациях региона, выглядит по указанным выше этапам, следующим образом: 1) – 21,6%; 2) – 5,9%; 3) – 24,6%; 4) – 26,4%; 5) – 10,2%; иное – 11,3%. Как видно, в этом ряду разработка прототипов, является своеобразной «ахиллесовой пятой» инноватики.

При разработке социальных аспектов концепции региональной конкурентоспособности, важно отличить её от концепции прямой конкуренции. Конечно, рассуждая о проблемах в терминах конкурентоспособности, автор неизбежно приглашает читателя также рассуждать в терминах соперничества, конфликта. Тем не менее, концепция конкурентоспособности на национальном, как и на региональном уровне только в том смысле конкуренция, что требует указывать на наличие условий, которые позволят компаниям конкурировать на местном, национальном или международном рынках. Реально, регионы конкурируют в сфере создания организациям условий обеспечения лучшей базы для работы с высокой производительностью, но это очень отличается от вида прямой конкуренции между фирмами. На самом деле, это своеобразная

зеро–модель концепции региональной конкурентоспособности, которая противостоит мнимой предпосылке, о том, что неизбежно должны быть победители и проигравшие.

Конкуренция выполняет в обществе несколько ролей. С одной стороны, в процессе состязательности она дает простор всему инновационному, выявляя в то же время, устаревшее и, подготавливая, таким образом процесс принятия решений для структурных реконструкций. Но не только. Мы считаем, что одновременно на индивидуальном и общественном уровне она создает систему социальных лифтов на основе реализованных личных компетенций (если угодно – на основе конкурентноспособных качеств личности). Это способствует нормальной (в отличие от политизированной коммунистической) динамике социально-экономической стратификации общества. В то же время, на современном этапе развития регионов необходимо учитывать наличие определенных территориальных барьеров. Они обусловлены, прежде всего уровнем социально-экономического развития региона и благосостоянием населения в локусах и, определяют в целом степень его мобильности, как по горизонтали, так и вертикали, и, его молодежных страт в частности. Те домохозяйства, которые обладают высоким потенциалом «мобильности», могут дать своим членам возможность занять более значимые позиции для получения конкурентных преимуществ. Это «пороговое» расслоение безусловно начинается на уровне среднего образования, которое в данном плане, определяет возможности получения высшего образования. В то же время, «проигравшие» это не банкроты. Социальное государство, регионы, как, например, и предприятие с высокой социальной ответственностью, где развита система управления социальным капиталом, заинтересовано в использовании своего сотрудника на другом рабочем месте, на основе его наличных компетенций, либо его переобучения.

Таким образом, можно говорить о том, что в обществе наблюдается преимущественно парантократическая («parentocratic») модель формирования стартовых конкурентноспособных преимуществ, в которой образование ребенка все больше зависит от благосостояния и желания родителей, а не его/ее собственных целях, способности и усилиях. Наше исследование подтвердило, что на выбор вуза для 64 % школьников, совет родителей оказался решающим. Но и для 91 % молодых работающих, из всего окружения, наиболее значимыми в поддержке также являются родители. Начиная со школы, дифференциация затем становится более значимой в сфере профессионального образования. Как следствие, она продолжается в траекториях карьерных лестниц, и закрепляется в тенденциях воспроизведения и усугубления социального неравенства. Представляется, что на региональном уровне, достижения равных возможностей в сфере образования более реально, поскольку это должно быть целевой моделью образования социального государства.

Итогом, с позиций перспектив региональной политики, важнейшим принципом является то, чтобы ее формулировка акцентирована на взаимосвязь конкурентноспособности с благосостоянием жителей региона, основанном на его эндогенном организационном развитии. Экономическое развитие, социальное единство, благосостояние и сохранение природы – это действительная основа устойчивых региональных сообществ, которые могут быть нацелены на следующие основные направления: стать регионом экспортной специализации; регионом устойчивой прибыли; регионом – эпицентром аккумуляции знаний. Безусловной сверхзадачей Тюменской области является овладение всеми указанными специализациями, поскольку в значительной степени они взаимно влияют и логически дополняют друг друга.

Список литературы:

1. A Study on the Factors of Regional Competitiveness. A draft final report for The European Commission Directorate-General Regional Policy. CAMBRIDGE ECONOMETRICS ECORYS-NEI Covent Garden P.O. Box 4175 Cambridge NL 3006 AD Rotterdam CB1 2HS UNIVERSITY OF CAMBRIDGE Prof. Ronald L. Martin.
2. John Naissbitt. Ten New Directions Transforming Our Lives, 1982, p. 34.
3. Conference on Knowledge Economy. Challenges for Measurement. Luxembourg, 8-9 December 2005. Ec.europa.eu/Eurostat/ramon/statmanuals/files/KS-73-05-598-EN.pdf. The Word Knowledge Competitiveness4.ss Index 2008. Center for International Competitiveness. Cforic.org/pages/wksi2008.php
4. Robert Huggins, Cardiff University, Cardiff, UK; Hiro Izushi Aston Business School, Aston University, Birmingham, UK; Piers Thompson Nottingham Business School, Nottingham Trent University, Nottingham, UK • Regional Competitiveness: Theories and Methodologies for Empirical Analysis. Volume 6, Issue 2, 2013 155-172. • JCC (Journal of CENTRUM Cathedra): The Business and Economics Research Journal.
5. Aghion, Philippe Howitt, Peter. Endogenous growth theory. MIT Press, 1998. 778 p.
6. Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 127.
7. Радаев В. В. Конкуренция как социально укорененный процесс <http://www.seinstitute.ru/Files/Z6-p59-80.pdf>
8. Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. – М.: Теис, 2004.
9. РУБИН Ю.Б. Система конкурентных действий участников рынка. Сборник. Современная конкуренция №3 (45) 2014. сс/113–141. Litres.ru/urubin/Sistema-konkurentnyh/deystviy/utchastnikov-rynka/?from=topadvert.

УДК 316.4 ББК 60.561.2

Мельник Кристина Сергеевна –
социолог
Научно-технический центр
«Перспектива», г. Тюмень
e-mail: kristina.melnik.2016@bk.ru

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: жилищная политика, ипотечное кредитование, жилищные программы, жилье.

Проблема дефицита жилья всегда была актуальна, поскольку обеспечить жильем каждую семью нужно как можно скорее. И пока не решится данная проблема невозможно говорить о социальном благосостоянии нашей страны.

В современной России жилищный вопрос - один из наиболее актуальных. Среди колоссального числа, стремящихся улучшить жилищные условия, позволить себе приобретение новой квартиры могут далеко не многие, так как большая часть населения страны буквально оказалась у порога бедности.

Человек, не имеющий жилья, человек без определенного места жительства — это девиантное явление, отражающее индивидуальные и социальные патологии. Значение жилья для человека настолько велико, что его наличие или отсутствие определяет морально-психологическое состояние, качество жизни, жизненные устремления, мотивацию и др. В конечном счете, это отображается в социальном настроении, доверии к власти, социальной безопасности, в том числе и демографической.

По словам К. Маркса, для того чтобы жить и воспроизводить человеческий род, заниматься различной деятельностью, важны три потребности: в пище, жилище и одежде [1, с. 39].

Жилищная проблема чрезвычайно сложная, острая и дорогостоящая с точки зрения решения. Для жителей России ее острота стала предпосылкой начала осуществления национального проекта «Доступное жилье 2020». В рамках проекта государство старается организовать условия для приобретения жителями в собственность квартиры или дома. Проект подразумевает, что к 2020 г. годовой ввод жилья в России будет 140 млн кв. м в год. Однако и специалисты, и государственные чиновники на сегодняшний день признают, что данный вопрос еще не нашел своего решения, и способности россиян приобретать в собственность жилье близки к нулевой оценке. Причины - «возвышенные цены на жилье» [2, с. 19].

Исследование с целью изучения результативности жилищной политики было проведено с августа – декабря 2016 года в г. Тюмень. В ходе исследования

методом анкетирования было опрошено 500 человек в возрасте от 21 года до 60 лет.

Жилья в России недостаточно, его мало, оно не современно, не энергоэффективно, не экологично и его большая часть, находится в многоквартирных домах, где нет комфорта для человека. Жильё дорогостоящее, а большая часть населения не имеет доходов для самостоятельного решения проблемы жилья.

Исследование показало, что 3,4 % респондентов отметили, что проблема жилья не является для них актуальной, 23, 8 % отметили, что жилищная проблема частично является для них актуальной, и 72, 8 % респондентов ответили, что жилищная проблема на данный момент актуальна для них. Из 72, 8 % отметивших, что проблема жилья для них является актуальной – 31, 2 % проживают в собственном жилье. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наличие жилья – не решает проблемы в жилищной политике населения.

Респонденты желают улучшать свои жилищные условия, и каждый своими способами, так исследование показало, что в основном респонденты планируют улучшить свои жилищные условия за счет ипотечного кредитования (71, 8%) – что очень распространено в настоящее время не только в нашем регионе, но и по всей России. Так как стоимость на жилье активно возрастает, а доходы населения практически остаются прежними, то не остается даже выбора, кроме как прибегнуть к ипотечному кредитованию с огромными переплатами и на длительные сроки. 13, 2 % отметили, что хотят улучшить жилищные условия за счет собственных средств.

Важно отметить, что не все готовы первоначально внести крупную сумму сразу. В основном те, кто планирует воспользоваться ипотечным кредитованием не готовы делать какой-то серьезный первоначальный взнос, но готовы внести до 300 тыс. руб. максимум. Собственных накопленных средств у населения тоже не так и много, точнее недостаточно для того, чтобы купить, допустим, даже пансионат в Тюмени.

Правительством разработана масса государственных программ для улучшения жилищных условий, которые могут повлиять на качество жизни граждан. Важно было выяснить, со всеми ли программами знакомы наши респонденты. Исследование показало, что у респондентов на слуху все государственные программы, 100 % опрошенных отметили, что, так или иначе, слышали обо всех программах.

На сегодняшний день существует немало программ, позволяющих при помощи государства улучшить жилищные условия населения. Одна из проблем, по которой эти сделки не приобрели массового характера, - недостаточность информации у населения о наличии этих самых возможностей и условиях участия в них. Нашим респондентам вопросе было предложено оценить, какая из программ реализуется наиболее успешно. Мнения разделились следующим образом. Лидирующую позицию заняла программа – «Материнский капитал» –

ее отметили успешной 32 % ответивших, на втором месте программа «Молодая семья» – 23 % респондентов посчитали, что она реализуется успешно. Здесь важно отметить, что люди напрямую считают успешными те программы, в которых им приходилось почувствовать, или в которых участвовали их родственники / друзья.

Актуальность ипотечного кредитования заключается в способности решить социальные проблемы многих россиян. Наличие собственного жилья вносит в жизнь людей элемент благополучия и стабильности. И очень важно, чтобы жилье появлялось как можно раньше, а не после десятилетних ожиданий.

Исследование показало, что 23, 4 % респондентов имеет ипотечный кредит. В основном это люди, которые состоят в браке и имеют детей. Также исследование показало, что 36, 8 % не собираются вообще брать ипотеку.

Важно выяснить, что же мешает людям брать ипотечные кредиты и жить уже в собственном жилье. Респондентам было предложено 8 вариантов, из которых можно выбрать не более 3-х. Результаты показывают следующее:

- большинство респондентов (57, 8 %) отметили, что мешают высокие процентные ставки на ипотечный кредит;

- 49, 4 % не имеют достаточного первоначального взноса, который требует банк;

- 37, 2 % опрошенных отпугивает слишком большая переплата по кредиту;

- не уверены в стабильности заработной платы 22, 4 % респондентов;

- 20, 6 % отметили, что их размер заработной платы не позволяет взять ипотечный кредит;

Возможность населения брать ипотеки, улучшать жилищные условия, переезжать в район города с развитой инфраструктурой и т.д. напрямую зависит от материального положения семьи. Следует разобраться, как сами респонденты оценивают свое материальное положение. Большинство респондентов (35, 6 %) отнесли себя к категории, которая живет не хорошо, ни плохо – средне. Так же важно отметить, что почти 2 % опрошенных отметили, что живут очень бедно и еле сводят концы с концами.

Из этого можно сделать вывод, что ипотечное кредитование недоступно для основной массы населения со средним доходом, и для этого нужно предпринимать какие-то меры, например, снижать процентные ставки, повышать благосостояние населения, снижать цены на жилье.

Список литературы:

1. Маркс К. Экономические рукописи 1858-59 гг. / К. Маркс. Т. 46. Ч. 1. С. 39.

2. Мышкина Н. П. Формирование рынка арендного жилья как способ решения жилищной проблемы в Республике Мордовия / Н. П. Мышкина // Контентус. – 2014. – № 10. – С. 19.

УДК 332 ББК 65.04

Мычка Светлана Юрьевна –
ст.преподаватель,
Воронежский экономико-правовой
институт, г. Воронеж
e-mail: nauka-vepi@yandex.ru

Шаталов Максим Александрович –
к.э.н., доцент,
Воронежский экономико-правовой
институт, г. Воронеж
e-mail: nauka-vepi@yandex.ru

РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: государственная политика, земельно-имущественные отношения, государство, имущество, собственность.

Необходимо признать, что сегодня во всех сферах общественной жизни России происходят определенного характера трансформационные процессы. Растущая потребность в обеспечении устойчивого развития жизни общества настойчиво требует от государства, общества и бизнеса принципиально нового отношения к вопросу формирования и реализации государственной политики в области земельно-имущественных отношений. Ситуация в земельных отношениях и землепользовании остается сложной и требующей неотложного улучшения. Необходимость формирования государственной политики в области земельно-имущественных отношений обусловлена тем, что земельная реформа, которая началась с принятия Указа Президента Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» и продолжается до сих пор, так и не решила поставленных перед ней задач.

Поскольку процессы земельного реформирования протекали медленно, земельный вопрос стал крайне политизированным, а пути перехода земли к эффективным землепользователям были практически заблокированы. Построенная система государственного управления в указанной сфере является внутренне противоречивой, незавершенной, громоздкой и выступает тормозом в проведении конечного этапа земельной реформы.

Подтвердим и то, что концептуальные основы нового земельного строя заложены современными земельными преобразованиями и требуют разработки новых подходов к производству системы планирования экологически безопасного и эффективного использования земельно-ресурсного потенциала, осуществление его прогнозирования на всей территории государства. Земельно-ресурсный потенциал - это совокупность предельных ресурсов земельной площади, резервов и возможностей земли, как социально-экономического ресурса государства, определяющий экологические условия жизни, расселение людей, имеющих биологическую продуктивность для хозяйственной деятельности и использующийся для удовлетворения потребностей человеческого общества [1; 5].

Следовательно, важным является решение научно-прикладной задачи по формированию и реализации такой государственной политики в сфере земельно-имущественных отношений, которая была способна обеспечить достижение рационального и эффективного использования и охраны земли, обеспечения продовольственной безопасности страны и создание экологически безопасных условий для хозяйственной деятельности и проживания граждан.

Данная политика должна базироваться на следующих основных принципах [3; 6]: 1) реагировать на изменения, происходящие в обществе и государстве; 2) иметь комплексный характер и рассматривать любую проблему во взаимосвязи с другими проблемами общественно-политической жизни страны; 3) быть эффективной, результативной и пользоваться доверием у населения.

Содержание государственной земельной политики должно составлять реальную совокупность целей, задач, приоритетов развития, программ, которые разрабатывают и реализуют органы государственной власти с привлечением институтов гражданского общества [2; 4]. Отсюда, целью государственной земельной политики - является реформирование земельных отношений, обеспечения рационального и эффективного использования земельно-ресурсного потенциала страны, создание правовых, экономических, организационно-технических и других условий для качественной охраны земель, воспроизводства и повышения плодородия почв, обеспечения роста производства с целью достижения высокого уровня качества жизни человека. Таким образом, можно подтвердить и то, что основными направлениями государственной политики регулирования земельных отношений должна стать реализация приоритетного комплекса задач (табл. 1).

Таблица 1

Определение комплекса приоритетных задач для решения государственной
политикой регулирования земельных отношений

Ресурсные	Функциональные	Нормативно-правовые
проведение инвентаризации земли и создания единой информационной системы земельного кадастра и регистрации прав на землю и недвижимое имущество	организация эффективной системы повышения эффективности государственного регулирования земельных отношений и управления землепользованием	формирование согласованной и целостной системы земельного законодательства путем объединения законов и других нормативных актов в целостную систему, регулируемую родственные общественные отношения с целью устранения громоздкости законодательства и облегчения пользования нормативным материалом
Проведение государственной стоимостной оценки земельно-ресурсного потенциала всех земель	организация качественной и всесторонней охраны земель	обеспечение долгосрочного планирования использования земель и развития сельскохозяйственного землепользования
проведения реального разграничения земель государственной и муниципальной собственности, регистрация прав на землю государства и территориальных общин	формирование в сознании людей понимание важности земельных ресурсов в жизни общества для обеспечения общественной стабильности и прогресса	обеспечение охраны прав собственников земли и землепользователей путем неотвратимости наказания за совершенные земельные правонарушения

проведение демаркации государственных границ, установление границ административно-территориальных образований	устранение условий объективного и субъективного характера, способствующих совершению коррупционных действий	разработка и выполнение национальной программы охраны земель, которая будет включать организацию восстановления плодородия почв
повышение инвестиционной привлекательности земель		формирование и развитие рынка земель и его инфраструктуры

Поэтому, подтвердим, что объектом государственной политики регулирования земельных отношений являются земельные отношения, складывающиеся между физическими лицами, между юридическими лицами, а также между физическими лицами, юридическими лицами и государством в лице соответствующих органов государственной власти и территориальных общин сел, поселков и городов в лице органов местного самоуправления. Земельное законодательство, закрепляя правовые основы, регулирующих эти отношения, наделяет указанных субъектов соответствующими правами и возлагает на них определенные обязанности и признает их субъектами земельных отношений.

Поэтому для формирования и реализации государственной политики регулирования земельных отношений, считаем, следует использовать общенаучные методологически важные положения, которые являются обоснованными в пределах современной теории государственной политики и управления. В частности, автором признано целесообразным синхронное применение инструментария системного, ресурсно-функционального, структурно-функционального, ситуационного, программно-целевого и конфликтологического подходов в контексте разработки авторской (интеграционной) концепции формирования и реализации государственной политики регулирования земельных отношений.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В., Шаталов М.А. Механизм обеспечения конкурентных преимуществ промышленных предприятий на региональном уровне // Регион: государственное и муниципальное управление. 2015. № 4 (4). С. 1.

2. Баутин В.М., Шаталов М.А., Мычка С.Ю. Особенности реализации стратегий инновационного менеджмента в аграрной сфере // Островские чтения. 2016. № 1. С. 323–326.

3. Мычка С.Ю., Шаталов М.А. Формирование системы глубокой переработки отходов промышленно-производственных подсистем АПК // Агротехника и энергообеспечение. 2015. № 3. С. 185.

4. Мычка С.Ю., Шаталов М.А. Инвестиции в инновационные изменения как ключевой фактор развития перерабатывающих предприятий АПК // Агропродовольственная экономика. 2015. № 2. С. 5–12.

5. Шаталов М.А. Формирование инструментария государственного регулирования устойчивого социально-экономического развития на региональном уровне // Регион: системы, экономика, управление. 2017. № 1 (36). С. 66–69.

6. Шаталов М.А. Формирование кластерно-интеграционного потенциала АПК как драйвера устойчивого развития региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 8. С. 58–66.

УДК 316.4; 316.7 ББК 60.53; 60; 59

Немировский Валентин Геннадьевич –
д-р социол. наук, профессор,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: valnemirov@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА (2010 – 2016 ГГ.)

Ключевые слова: образ желаемого будущего, жизненный мир, смысл жизни.

Жизненный мир каждого из российских регионов, включая ряд элементов, архетипических для всех территорий страны, имеет специфические особенности. Сказанное в полной мере относится к регионам Сибири, среди которых к числу наиболее значимых по многим параметрам относится Красноярский край.

Жизненный мир в последнее время активно исследуется отечественными социологами с позиций социологии жизни [1, 5, 6]. Одним из его центральных элементов учёные справедливо называют смысл жизни. Как указывает Ж.Т. Тощенко: «Если дать определение понятия “смысл”, то под ним следует понимать существенные, наиболее важные ценностные ориентации по достижению целей, определяющих главное содержание их жизни. В известной мере – это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей» [6, с. 9].

Исследования смысла жизни населения, лежащие в основе данной работы, проводились в одном из крупнейших регионов Сибири – Красноярском крае под нашим руководством сотрудниками, аспирантами и студентами Красноярского государственного университета (впоследствии – Сибирского федерального университета) с начала 1990-х годов. В основе подхода лежали измерения темпорального аспекта смысла жизни – образа желаемого будущего респондентов. Важно отметить, что образ желаемого будущего, подобно другим смысложизненным феноменам, может существовать как в массовом сознании респондентов, так и на уровне массового бессознательного.

Ещё в 1991 г., с позиций деятельностного подхода и на основе методологического принципа минимального универсума нами были выделены шесть смыслообразующих доминант: созидание, потребление, властвование, подчинение, сакральное, мирское, которые образуют ряд концепций смысла жизни [2, с. 269 – 276]:

1. Созидательно-альтруистический смысл жизни – бескорыстная забота об общем благе и связанная с ней готовность поступиться во имя блага общества и других людей собственными интересами.
2. Социально-творческий состоит в том, что человек видит смысл жизни в создании духовных и материальных ценностей и надеется жить в результатах этой деятельности.
3. Социально-демографический смысл жизни заключается в рождении и воспитании детей и внуков, и, соответственно, надежде «продолжить жизнь» в своих непосредственных потомках.
4. Группа игровых концепций смысла жизни, (а тем самым и общества), включает различные варианты игровой деятельности, прежде всего, те или иные виды спорта, а также культурно-досуговой деятельности.
5. Престижный - характеризует совокупность различных способов повышения своего статуса, своей значимости в глазах окружающих: от профессиональной карьеры до погони за богатством.
6. Лидерский - стремление к лидерству, власти над окружающими в любой форме и на любом уровне.
7. Гедонистический - присущ людям, стремящимся к разного рода наслаждениям, отношение которых к жизни можно выразить принципом «после нас хоть потоп»: хорошие возможности для отдыха, развлечений.
8. Потребительский – выражает стремление к высокому материальному благополучию как основной жизненной цели.
9. Конформистский - стремление «жить как все», ничем не выделяясь.
10. Теологический или религиозный – служение Богу в той или иной форме.

В эмпирическом исследовании смысла жизни использовался прожективный вопрос, направленный на выявление у респондентов образа желаемого будущего: «Представьте себя через десять лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?» Каждая ценностная формулировка одного из аспектов их будущей жизни отражала определенную концепцию смысла жизни. Респондентам был представлен ряд характеристик будущей жизни в соответствии с выделенными выше концепциями смысла жизни и предложено оценить их по трехбалльной шкале: «обязательно», «возможно», «маловероятно» [2, с. 277].

В 2016 г. исследование проводилось социологами Сибирского федерального университета методом полуструктуризованного интервью по месту жительства в 28 населённых пунктах Красноярского края в феврале 2016 г. (n = 1000). Использована стратифицированная, многоступенчатая, районированная, квотная выборка, репрезентированная в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой региона [3, с. 5]. Данное исследование носило инициативный характер. В 2010 г.

опрос населения Красноярского края также был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов по аналогичной выборке ($n = 1000$). Это исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10-03-00001а.

Исследования показали, что, судя по трансформации образа желаемого будущего, в жизненном мире населения региона в 2010-2016 гг. произошли существенные изменения. Доля опрошенных, отметивших вариант «обязательно» увеличилась в отношении следующих элементов образа желаемого будущего:

- престиж, восхищение окружающих – в 3,9 раза (с 7% в 2010 г. до 27% в 2016г.);
- руководящая должность – в 2,4 раза (соответственно, 14% и 33%);
- жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам – в 2,3 раза (7% и 16%);
- интересная, творческая работа – в 1,9 раза (17% и 32%);
- активные занятия спортом – в 1,8 раза (17% и 30%);
- хорошие возможности для отдыха, развлечений – в 1,8 раза (19% и 45 %);
- материальный достаток – в 1,7 раза (31% и 54%);
- духовное развитие, нравственное самосовершенствование – в 1,2 раза (26% и 31%).

Практически, осталось на прежнем уровне:

- регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки (22% и 24%).

Заметно снизилась вера в Бога – в 1,3 раза (34% и 26%).

В результате, если в 2010 г. среди вариантов ответа «обязательно» с большим отрывом преобладала социально-демографическая концепция смысла жизни, то в 2016 наряду с ней в жизненном мире респондентов возникли две новые доминанты: потребительская и гедонистическая концепции смысла жизни.

Изменилась и внутренняя структура смысложизненных ориентаций жителей региона. Согласно результатам факторного анализа, осуществлённого методом главных компонент, вращение Варимакс, по данным, полученным в 2010 г., были выявлены три латентные переменные:

Ф-1 выражает «престижно-потребительскую направленность»: ориентации респондентов на материальный достаток; престиж, восхищение окружающих; хорошие возможности для отдыха, развлечений; активные занятия спортом; хорошую семью; интересную, творческую работу и руководящую должность. Описательная сила фактора – 32,4 %.

Ф-2 описывает «культурно-нравственную направленность»: ориентации на регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки; духовное развитие, нравственное самосовершенствование – 12,6 %.

Ф-3 характеризует «религиозно-альтруистическую направленность»: стремление к вере в Бога; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам – 11,3 %.

В 2016 году в смысловом поле жизненного мира респондентов были выделены две латентные переменные:

Ф-1 определяет «престижно-потребительскую направленность»: ориентации респондентов на престиж, восхищение окружающих; материальный достаток; руководящую должность; хорошие возможности для отдыха, развлечений; активные занятия спортом; хорошую семью; интересную, творческую работу. Описательная сила фактора – 46,8 %.

Ф-2 выражает «культурно-нравственную и религиозно-альтруистическую направленность»: ориентации на регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки; духовное развитие, нравственное самосовершенствование; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам; веру в Бога – 13,5%.

Таким образом, произошло более чёткое размежевание смысло-жизненных ориентаций в латентной структуре жизненного мира населения региона. При этом совместились культурно-нравственная и созидательно-альтруистическая направленности с ориентацией на теологический смысл жизни. Можно сделать вывод, что в мотивации этих смысло-жизненных ориентаций населения большую значимость приобрели религиозные ценности. Учитывая же, что в 2016 г. многие респонденты – 74% отнесли себя к православным верующим, можно говорить именно об увеличении роли православных религиозных норм и ценностей в жизненном мире респондентов.

В целом же изменения их внутренней структуры выразились, применяя выражение Э. Фромма, прежде всего, в усилении «локуса обладания» и ослаблении «локуса бытия». Можно говорить о противоречивом характере трансформаций образа желаемого будущего и, соответственно, жизненного мира (в основном, усилении значения престижно-потребительских смыслов) респондентов в данном сибирском регионе. Можно предположить, что выявленные тенденции отражают общий тренд в динамике смысло-жизненных ориентаций населения России.

Вместе с тем исследования некоторых отечественных авторов показывают значительную региональную специфику системы ценностей и её взаимосвязь с модернизационным статусом региона [4, с. 77–79]. Поэтому представляется эвристичным в процессе дальнейших исследований использовать индикаторы образа желаемого будущего для межрегиональных компаративных исследований жизненного мира как показатели смысла жизни.

Список литературы:

1. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – ЦСП и М, 2016. – 367 с.
2. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 269–292.
3. Немировский В. Г. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010-2014 гг.) / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – 244 с.
4. Плотникова Е.Б., Германов И.А., Борисова Н.В. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России //Философские науки. 2016. № 4. – С. 75.
5. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. – С. 106–116.
6. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы //Социологические исследования. 2016. № 1. – с. 6–17.

Орехова Инесса Михайловна –
старший научный сотрудник
Институт социологии, г. Москва
e-mail: inessa.orekhova@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕГИОНА

Ключевые слова: рынок труда, потребность в кадрах, специалисты среднего звена, социально-экономическое положение, социально-профессиональная структура.

В последнее время на российском рынке труда потребность в кадрах претерпела изменения, как в количественном, так и в содержательном отношении. Связано это, прежде всего, с развитием реального сектора экономики – промышленного производства, в частности, оборонной промышленности, для которой потребовались профессиональные кадры разного уровня – от рабочих различной квалификации до высококвалифицированных специалистов. Пожалуй, в наибольшей степени это относится к специалистам среднего звена. Спрос на работников со средним специальным образованием даже в кризисные годы был достаточно устойчивым. Он остаётся таким же и в настоящее время. По данным Минтруда сейчас треть самых востребованных профессий на рынке труда в России (600 из 1767) – это профессии, требующие среднего специального образования. Кроме того, если число безработных с высшим образованием в последнее время растёт, то со средним специальным и средним профессиональным остаётся на одном уровне.

Такая ситуация сложилась в силу как объективных, так и субъективных причин. К первым относится, прежде всего, неуклонное старение кадров всех уровней. Но более всего эта проблема отразилась на рабочих кадрах и специалистах среднего звена, поскольку усугубилась практическим развалом системы подготовки таких кадров в 90-е годы. Системный образовательный кризис до сих пор не преодолен. Так, по данным Минтруда в металлургии и машиностроении разрыв между потребностью в специалистах со средним специальным образованием и обучающимися по этим специальностям в средних специальных учебных заведениях достигает 2,5 раз. Кадровая проблема со специалистами среднего звена усугубляется ещё и тем, что после обучения на работу по специальности приходят меньше половины работников со средним специальным образованием.

Общероссийские проблемы на рынке труда характерны и для отдельных её регионов. Между тем, социально-экономическое развитие регионов

в значительной степени зависит от решения кадровой проблемы в их экономике. В 2015 году в Пензе и Бурятии были проведены социологические исследования. Была использована территориальная многоступенчатая квотная выборка, которая в Пензе составила 600, а в Бурятии 1000 единиц наблюдения. В этих регионах одними из основных отраслей промышленности являются машиностроение, приборостроение и металлообработка. Как было отмечено выше, это именно те отрасли, в которых работники со средним специальным образованием составляют значительную часть от общего числа работников, и потребность в специалистах такого уровня здесь очень велика. Т. е. кадровая проблема в сегменте среднего специального образования имеет в этих регионах особое социально-экономическое значение в силу сложившейся структуры промышленного производства. Можно также предположить, что именно эта социально-профессиональная группа в большой степени определяет социально-экономическую обстановку в регионе.

Анализ данных исследований показал, что работники со средним специальным образованием на рынке труда Пензы и Бурятии чувствуют себя экономически и социально достаточно уверенно. С содержательной точки зрения специалисты оценивают свою работу очень высоко. Они считают, что их работа достаточно ответственная (69,7% и 73,3% соответственно в Пензе и Бурятии), умственно напряженная (64,2% и 68,8% соответственно), требующая новых знаний (70,5% и 75,4% соответственно). Специалисты также понимают насущную необходимость своей профессиональной деятельности в обществе (72,3% и 71,5% соответственно). Степень гарантированности своей работы специалисты оценивают также достаточно высоко – 55,7% и 58,9% соответственно считают, что их работа обладает этим признаком в очень большой степени.

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о том, что профессиональная состоятельность для специалистов со средним специальным образованием - это в значительной степени реализация их образовательного потенциала; общественный статус профессии, работы и должности, стабильность и гарантированность их положения на рынке труда. На наш взгляд, очень важным является тот факт, что менее десяти процентов респондентов в обоих регионах считают, что сейчас у них есть возможность оказаться безработными.

Безусловно, представители исследуемой профессионально-образовательной группы являются потенциальной составляющей формирующегося в нашем обществе среднего класса. Большинство респондентов в обоих регионах (60,1% и 58,4% соответственно) уже сейчас отнесли себя к среднему слою. С такой оценкой ими своего социального положения в какой-то мере можно согласиться, поскольку достаточно высокое место в социальной иерархии общества, по нашему мнению, им позволяет занять достаточно высокий уровень их профессионального образования,

значимость в обществе (по их оценкам) их профессии, перспективы должностного роста. Хотя хорошо оплачиваемой свою работу считают немногим больше трети респондентов в обоих регионах, но они очень высоко оценивают перспективы её повышения. На наш взгляд, сам факт такого самоопределения говорит об определённом и достаточно комфортном ощущении себя в обществе профессионалами со средним специальным образованием.

Социальные последствия нерешённых кадровых проблем в данном случае касаются не только непосредственно работников, но и региона в целом, поскольку вымывание из социально-профессиональной структуры одной из её составляющих способствует изменению социального состава региона. Кроме того, в Пензе и Бурятии исследуемая достаточно многочисленная группа профессионалов в силу позитивного профессионально-социального самоощущения, безусловно, может способствовать общему положительному настроению в общественной жизни региона.

Социально-экономическое развитие региона в большой степени сказывается в практической области – при профессиональной реализации и трудоустройстве специалистов высокой квалификации. В частности, очень большое значение имеет возможность легко получить в регионе востребованную рыночную профессию. Ещё несколько лет назад главным при приеме на работу было требование наличия опыта работы. Сейчас, когда рынок труда в России динамично развивается, ситуация здесь постоянно изменяется. В настоящее время работодатели в первую очередь принимают на работу специалистов нужного им профиля. В результате, ежегодно в течение последних трёх-пяти лет на рынке труда появляется большое число невостребованных рабочих кадров, обладающих, однако, высоким уровнем образования и соответствующими ему неудовлетворёнными социальными претензиями. Это касается и профессионалов со средним специальным образованием.

К сожалению, на государственном уровне образовательная политика в настоящее время не позволяет надеяться на скорое изменение сложившейся ситуации в области подготовки высококвалифицированных кадров нужного содержания и, следовательно, удовлетворения кадровых потребностей на рынке труда, в частности, и потому, что государство сейчас практически не влияет на профессиональный выбор выпускников школ. Кроме того, положение усугубляется и тем, что в стране практически отсутствует профессиональная трудовая миграция: как правило, специалисты стараются трудоустроиться в том регионе, где они проживают или получают образование, поэтому менять образовательную ситуацию необходимо именно в регионах.

На региональном уровне, на наш взгляд, легче наладить работу по профессиональной ориентации в средних учебных заведениях,

задействовав заинтересованные в кадрах определённого уровня и содержания промышленные предприятия. Начинать налаживать систему профильных средних специальных учебных заведений также необходимо именно в регионах. Кроме того, именно целенаправленная экономическая и социальная политика региональных властей различного уровня более всего может способствовать изменению отношения в обществе к определённой профессиональной деятельности.

В регионах исследований (Пензе и Бурятии) профессионалы со средним специальным образованием, как было отмечено выше, очень высоко оценивают содержательные и социальные аспекты своей профессии. Однако эта оценка не находит своего подтверждения в обществе в целом. По мнению опрошенных специалистов, их профессиональная деятельность не находит должного общественного признания. Это подтверждается следующими оценками. Престижной в глазах общества свою работу считают лишь 24,3% респондентов-специалистов в Пензе и 27,1% - в Бурятии. Специалисты и в Пензе (26,9%) и в Бурятии (27,3%) считают, что их работа перспективой роста обладает в небольшой степени, а это, в свою очередь не способствует повышению их общественного статуса.

По нашему мнению, экономическая, социальная, образовательная политика определённого региона страны должна оказывать значительно большее влияние не только на развитие этого региона в целом, но и на реализацию потенциалов его граждан в различных областях их жизнедеятельности, в том числе, профессиональной.

УДК 329.78(571.122) ББК 60.54

Осипова Любовь Борисовна –

к.соц.наук, доцент,

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: lev1026@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ХАНТЫ - МАНСЬИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: молодежь, социально-демографическая группа, социальная политика, молодежная политика, инновационная сила.

Молодежь представляет крупную социально-демографическую группу современного общества, которая ежегодно пополняет состав экономически активного населения страны. Справедливо замечено, что являясь инновационной силой развития общества, ей по праву отводится место субъекта всех социальных перемен. И очень важно знать, как использовать потенциал молодежи для достижения благополучия нашего общества. Известно, что молодежь обладает особенными социально-экономическими признаками: инновационным потенциалом, творческой активностью, социальной мобильностью, заинтересованностью в результатах деятельности, восприимчивостью к новому, целеустремленностью. Это позволяет утверждать, что молодежь является носителем трудового потенциала страны.

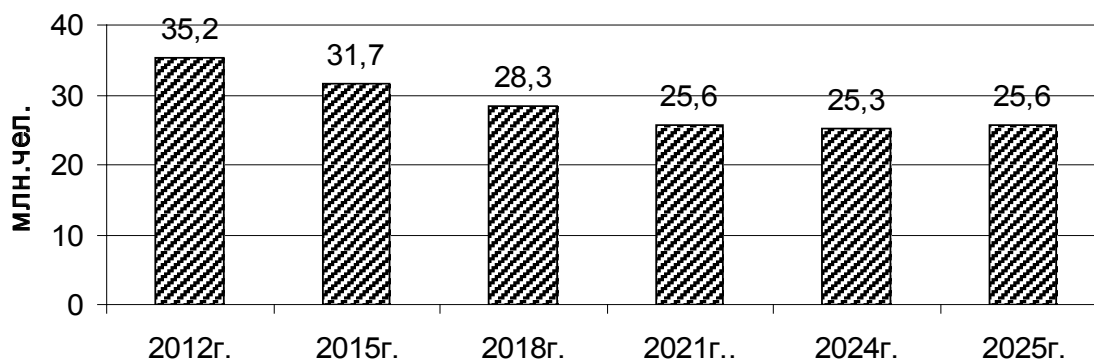

Рис. 1. Численность молодежи в РФ, млн. чел.

Согласно прогнозам Росстата РФ в стране проживает около 35 миллионов молодых граждан, что составляет примерно четверть населения страны (рис.1).

В научном мире нет однозначного толкования понятия «молодежь», особенно в вопросе возрастных границ данной социальной группы. В России возраст от 14 до 30 лет признано считать молодежным, а в Европе – от 15 до 29 лет. Как отмечалось выше, молодежи отводится особая роль в динамичном развитии общества. Во-первых, молодежь - это инновационный и энергетический потенциал, необходимый в период трансформационных процессов. Во-вторых, она - воплощение новых творческих замыслов [5]. Об этом уверенно заявляет В.Т. Лисовский, говоря, что «молодежь – важный субъект общественных перемен, инновационная сила общества» [2].

В последнее время признанной формой взаимодействия поколений стала молодежная политика, успешная реализация которой способна обеспечить возможности инновационного развития общества и государства. Одновременно следует отметить, что молодежная политика - сложная, многогранная система отношений, включающая совокупность концепций, принципов, функций, основных направлений, стратегии и тактики социального развития молодежи.

К сожалению, эффективность реализации молодежной политики невозможна без уяснения определения «молодежная политика». Так, например, Р. Арон определяет молодежную политику как «программу или метод действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к совокупности проблем, стоящих перед обществом» [1]. По мнению профессора А.П. Скрובה, «молодежная политика - это выработка концептуальных направлений деятельности государства по обеспечению целостной системы в реализации молодежью права на свободное социальное развитие, творческую инициативу в соответствии с учетом ее интересов» [6]. Аналогичной позиции придерживается А.В. Прудник, утверждая, что «государственная молодежная политика - это интегрирование отдельных программ и проектов при регулирующей роли современного государства» [3]. Следовательно, молодежная политика представляет собой многоуровневое образование.

В настоящее время назрела государственная и общественная необходимость в придании молодежной политике нового уровня общенациональной значимости. При этом О.А. Раковская считает, что «молодежная политика должна быть адекватной современному положению и перспективам российского государства» [4].

Предание экономической самостоятельности регионам предопределило содержание региональной молодежной политики. Основным участником реализации молодежной политики в ХМАО стала молодежь Югры, составляющая 40,5% от общего количества населения проживающего в округе. Средний возраст жителей региона составляет 32 года. Сегодня молодые югорчане представляют стратегический ресурс региона.

Молодежная политика в регионе осуществляется с момента получения округом статуса субъекта Федерации. На протяжении ряда десятилетий формировалась структура управления государственной молодежной политикой,

создавалась социальная инфраструктура. Степень эффективности молодежной политики, как правило, определяется количественными и качественными показателями вовлеченности молодых людей в различные сферы деятельности.

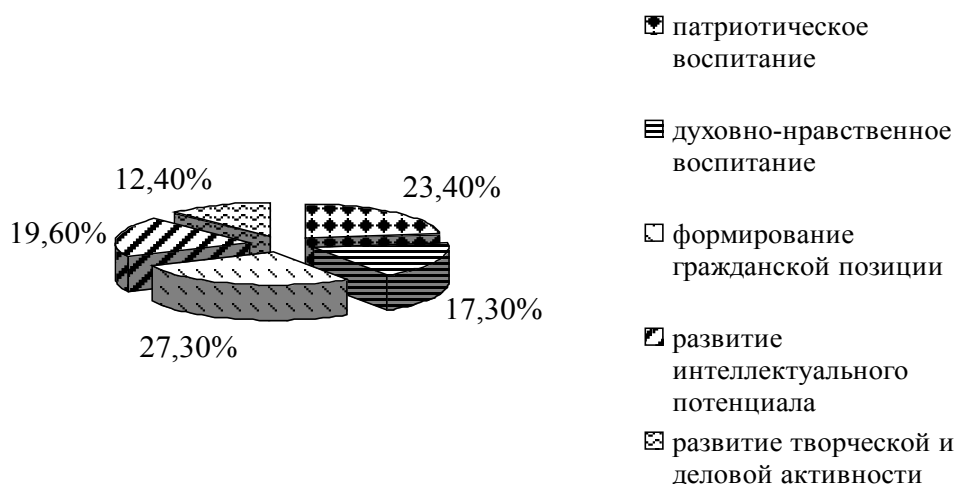

Рис. 2. Доля молодежи по основным направлениям региональной молодежной политики, в %

Следует констатировать, что идея гражданственности среди молодежи приобретает большую популярность, что делает успешным интеграцию нынешнего поколения в мировое сообщество с неутраченным духовным миром.

В округе успешно реализуется проект «Патриот». Регулярным стало проведение военно-спортивных игр «Зарница» и «Щит», конкурса военно-патриотической песни «Память». Поисковые отряды в Югре имеют возможность участвовать в этнографических экспедициях «Барсова гора» в г. Сургуте, «Крылья Самотлора» в г. Нижневартовске, «Чайка» в Советском районе. Югорчане достойно представляет ХМАО на всероссийских мероприятиях гражданско-патриотического направления: «Равнение на Победу», «Салют Победы», «Я люблю тебя, Россия».

В округе уделяется повышенное внимание развитию детского и молодежного самоуправления. К тому же имеется позитивный опыт их постоянного сотрудничества с органами власти по делам молодежи. В настоящее время зарегистрировано 812 детских и молодежных общественных объединений с общим охватом 93 795 человек, в том числе 6 окружных молодежных организаций. Среди общественных организаций в регионе следует отметить деятельность окружной ассоциации детских и молодежных организаций (АДМО), окружная федерация туризма, молодежная организация обско-угорских народов (МООУН), РОСТО, окружная общественная организация «Молодая семья», окружная организации российского союза ветеранов Афганистана. Проведение традиционных конкурсов «Лидер

XXI века», «Золотое будущее Югры» под патронажем Губернатора округа способствуют выявлению талантливой, инициативной молодежи. Конкурсы становятся прочным механизмом закрепления молодежи на югорской земле через создание уникальных условий для самореализации молодого человека. Достоинно представляет округ на всех творческих площадках «Северная лига КВН».

В последнее время в округе культивируется развитие 11 технических и военно-прикладных видов спорта, в 70-ти спортивно-технических центрах занимается около пяти тысяч юношей и девушек.

В области молодежной политики проводятся мероприятия по укреплению региональных (Ямало-Ненецким автономным округом, Свердловской, Новосибирской областями) и международных (Венгрией, Германией, Францией, Финляндией, Болгарией) связей.

В ходе социологического опроса в 2016 году работников Департамента образования и молодежной политики ХМАО дана экспертная оценка реализации молодежной политики в регионе. Опросу подлежало 55 человек.

На вопрос: «От кого зависит эффективность реализации молодежной политики в округе?», эксперты выразили единодушие в ответе, заявив «от самой молодежи». По их мнению, молодежь – это самая активная социальная группа, способная изменить многое. Однако, прозвучал и вариант такого ответа «не хотят брать на себя ответственность». Одновременно были озвучены и проблемы молодежной среды. Ответы экспертов отображены на рис.3.

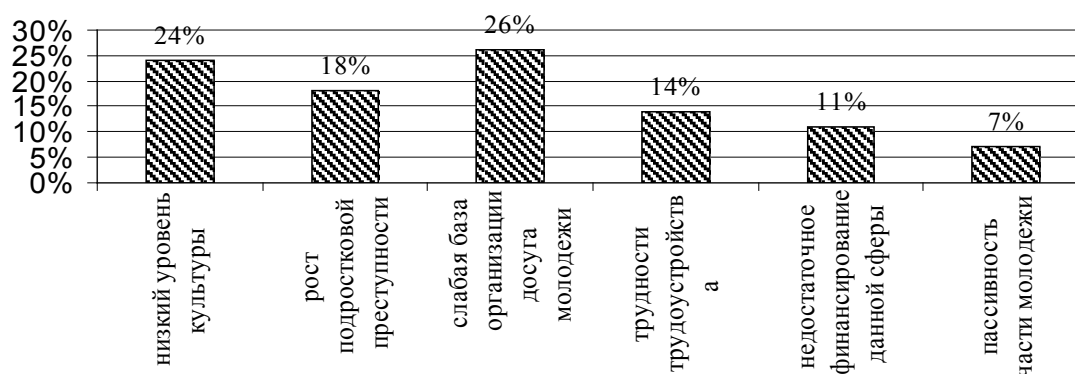

Рис. 3. Актуальные проблемы молодежной политики, в %

На вопрос «Является ли молодежь стратегическим ресурсом современного российского общества?» респонденты единогласно ответили «да» (100%). Действительно, современная молодежь стала более самостоятельна в принятии решений, мобильна в сравнении с молодежью прошлого века.

На вопрос: Каково содержание новой философии формирования молодежной политики и социального развития молодежи? половина экспертов

ответила, что она должна исходить из целей развития общества и определяться современным типом складывающейся социальной среды. В сложившихся условиях возрастает потребность в инновационных подходах в выстраивании системы работы с молодежью. Следует помнить, что только эффективная работа с молодежью поможет преодолеть кризисные ситуации в обществе, достичь гражданского согласия и, тем самым, создать предпосылки для процветания региона.

Список литературы:

1. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли /Общ, ред. и предисл. П.С. Гуревича. [Текст] : / Р. Арон – М.: Изд-во «Прогресс» – «Политика», 1992. – 608 с.
2. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст] / В. Т. Лисовский. – СПб. : СПбГУП, 2000. – 519 с.
3. Прудник, А. В. Молодежь и общество / стенограмма заседания «Нижегородского эксперт-клуба» [Текст] : / А.В. Прудник. – 2009. – С. 19–28.
4. Раковская О. А. Социальные ориентиры молодежи: тенденции, проблемы, перспективы [Текст] : / О.А. Раковская. – М.: Наука, 2004. – 104 с.
5. Силласте Г. Молодежь. Село. Безопасность [Текст]: /Г. Силласте // Безопасность Евразии. – 2003. – №4 – С. 4–15.
6. Скробов, А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ [Текст] : / А.П. Скробов // Социальная политика. – 2008. – С. 111–112.

УДК 316.42, ББК 65.049

Петрова Дарья Артуровна –

студент,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

e-mail: daartpetrova@mail.ru

Петров Артур Игоревич –

канд. техн. наук, доцент,

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: ArtIgPetrov@yandex.ru

ТРЕНДЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В Г. ТЮМЕНИ КАК ПРИЗНАК СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортная аварийность, г. Тюмень, тренды во времени, социальные причины.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ (далее – Росстат) [10] в первом полугодии 2017 г. от внешних причин расстались с жизнью 69,3 тыс. чел., в том числе 8,2 тыс. чел. погибли в ДТП. Расчет показывает, что около 12 % среди всех преждевременно умерших составляет доля людей погибших в ДТП. Борьба за снижение этого показателя уже давно находится в числе приоритетных задач Правительства России. Об этом свидетельствует реализация Первой (в период 2006...2011 гг.) и Второй (2012...2020 гг.) Федеральных целевых программ по безопасности дорожного движения [11, 12]. Результаты этой работы в целом по стране однозначно положительны, однако в различных ее регионах и городах динамика снижения показателей дорожно-транспортной аварийности (абсолютных и относительных) неодинакова [1, 2, 4, 5, 6, 7]. Анализ показывает, что во многом успехи или неудачи в деле снижения аварийности в целом, числа погибших и раненых в ДТП, в частности, в различных регионах и городах России, зависят от региональной специфики социума: качества жизни населения, демографических особенностей населения, уровня культуры и благосостояния, экономического благополучия и других социологических факторов [1, 3, 5, 7, 8, 9].

В данной статье рассматривается статистика показателей безопасности дорожного движения (БДД) в Тюмени почти за двадцатилетний период (1998...2016 гг.). Основной акцент внимания при этом сделан на качественную оценку тренда изменений показателей БДД и формализацию причин этих изменений.

В табл. 1 приведена основная, базовая статистика дорожно-транспортных происшествий, зафиксированных в г. Тюмени в течение 19 последних лет.

Таблица 1

Статистика числа ДТП, погибших и раненых в ДТП
в г. Тюмени в период 1998...2016 гг.

Год	Исходные данные по БДД в г. Тюмени				
	Число ДТП, ед./год	Погибло в ДТП, чел./год	Ранено в ДТП, чел./год	Пострадало в ДТП, чел./год	Тяжесть ДТП, балл
1998	1038	68	1193	1261	5,39
1999	1017	87	1070	1157	7,52
2000	889	70	992	1062	6,59
2001	975	86	1108	1194	7,20
2002	993	78	1048	1126	6,93
2003	1722	84	2109	2193	3,83
2004	1594	89	1953	2042	4,36
2005	1668	75	2128	2203	3,40
2006	1724	95	2208	2303	4,13
2007	1745	90	2400	2490	3,61
2008	1526	76	1050	1126	6,75
2009	1408	63	1908	1971	3,20
2010	1397	60	1842	1902	3,15
2011	1477	63	1980	2043	3,08
2012	1744	68	2438	2506	2,71
2013	1622	53	2308	2361	2,24
2014	1864	63	2564	2627	2,40
2015	1482	41	1972	2013	2,04
2016	1410	50	1942	1992	2,51

Примечание. Статистика приведена только по ДТП с жертвами (с погибшими и ранеными). Необходимо отличать эти случаи от дорожно-транспортных инцидентов (ДТИ), которых ежегодно в г. Тюмени фиксируется до 50...60 тыс. случаев. Доля ДТП в их числе составляет около 3...3,5 %.

На рис. 1...4 представлены тренды изменения в Тюмени в течение 1998...2016 гг. четырех основных показателей БДД.

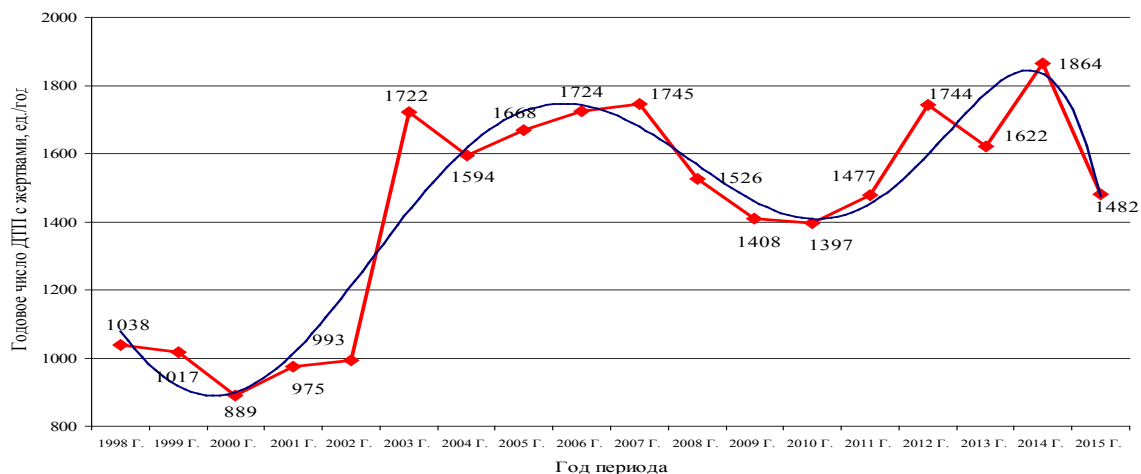

Рис. 1. Динамика (1998...2015 гг.) изменения в г. Тюмени ежегодного числа ДТП

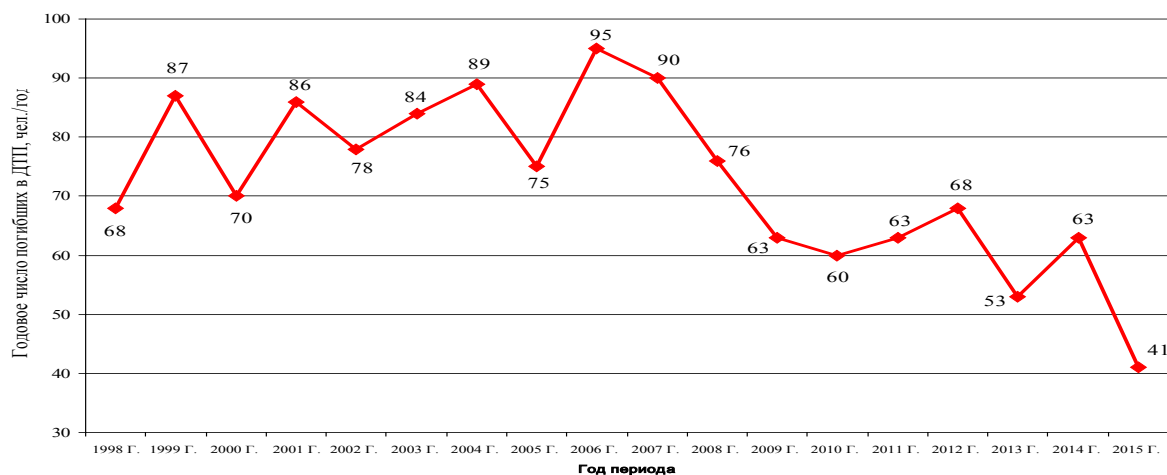

Рис. 2. Динамика (1998...2015 гг.) изменения в г. Тюмени числа погибших в ДТП

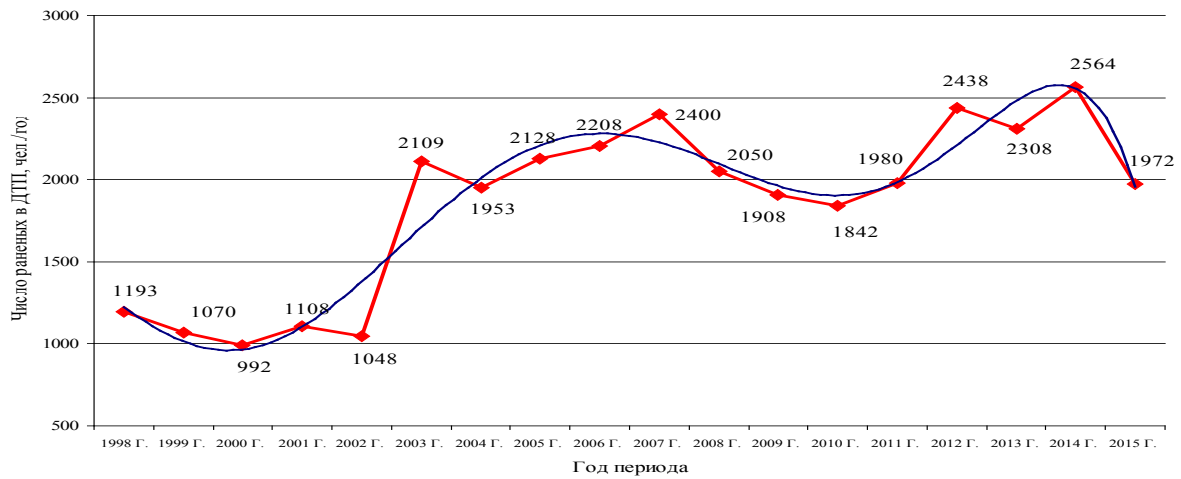

Рис. 3. Динамика (1998...2015 гг.) изменения в г. Тюмени числа раненых в ДТП

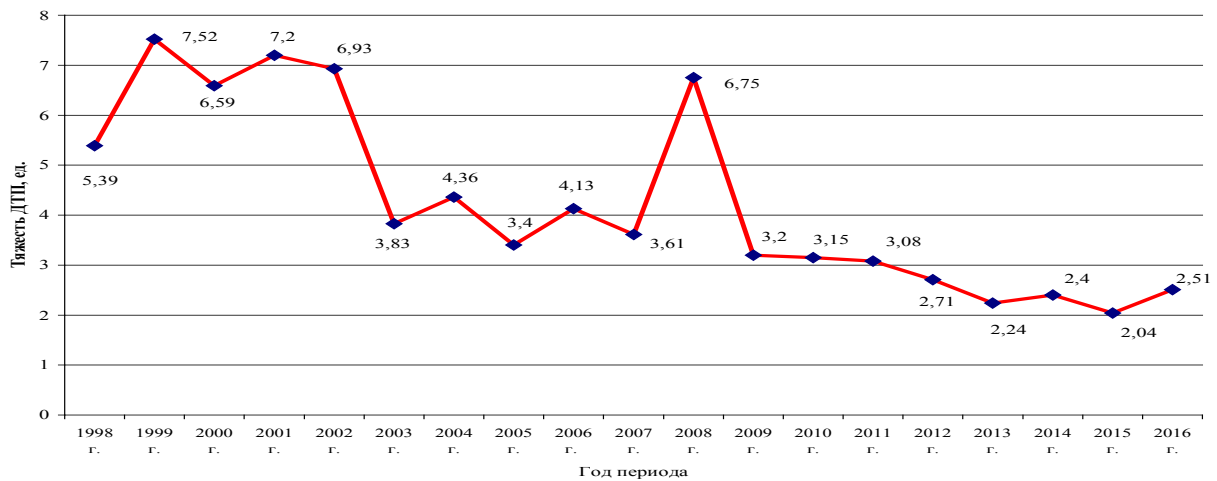

Рис. 4. Динамика (1998...2016 гг.) изменения в г. Тюмени тяжести ДТП

В табл. 2 приведены данные по динамике изменения в 1998... 2016 гг. в г. Тюмени двух основных расчетных показателей БДД – Социального риска (Human Risk HR) и Транспортного риска (Transport Risk TR).

Таблица 2

Расчетные показатели безопасности дорожного движения
в г. Тюмени в период 1998...2016 гг.

Год	Исходные данные и результаты расчета Социального риска HR и Транспортного риска TR,				
	Погибло в ДТП, чел./год	Население г. Тюмень, тыс. чел.	Социальный риск HR, погибш./ 100 тыс. жит.	Количество зарегистри- рованных в г. Тюмени ТС, ед.	Транспортный риск TR, погибш./ 100 тыс. ТС
1998	68	501400	13,56	117587	57,83
1999	87	502400	17,32	116124	74,92
2000	70	503400	13,91	126236	55,45
2001	86	501500	17,15	127065	67,68
2002	78	510709	15,27	134112	58,16
2003	84	520700	16,13	132065	63,61
2004	89	530000	16,79	144670	61,52
2005	75	538300	13,93	165911	45,20
2006	95	542500	17,51	176986	53,68
2007	90	549900	16,37	198050	45,44
2008	76	560000	13,57	239895	31,68
2009	63	570000	11,05	240112	26,24
2010	60	581907	10,31	252704	23,74
2011	63	595000	10,59	254694	24,74
2012	68	609650	11,15	275053	24,72
2013	53	613171	8,64	296014	17,90
2014	63	679861	9,26	308152	20,44
2015	41	697037	6,97	325014	12,61
2016	50	720 575	6,94	336811	14,85

На рис. 5...6 представлены тренды изменения в Тюмени в течение 1998...2016 гг. Социального риска и Транспортного риска.

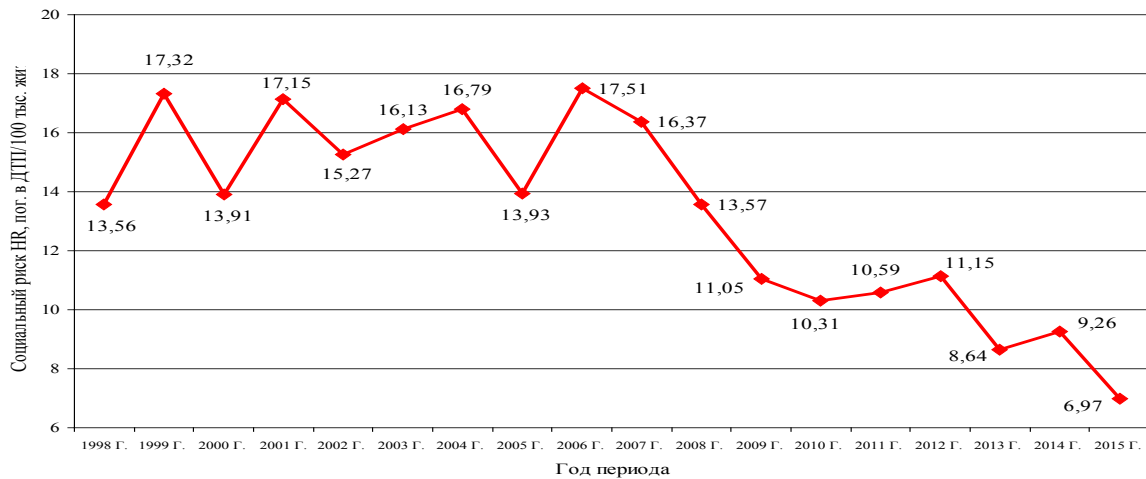

Рис. 5. Динамика (1998...2015 гг.) изменения
в г. Тюмени Социального риска HR

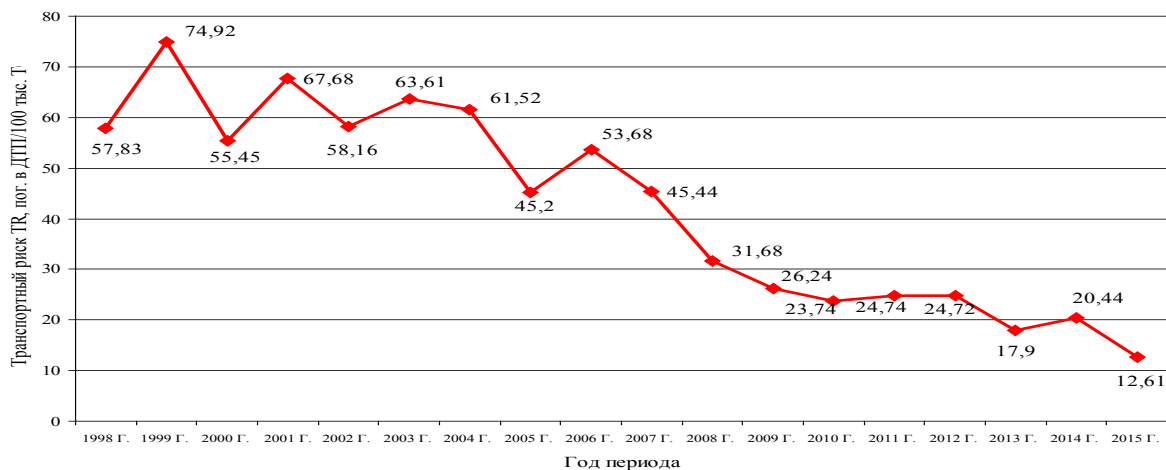

Рис. 6. Динамика (1998...2015 гг.) изменения
в г. Тюмени Транспортного риска TR

Выводы о влиянии социума на показатели БДД можно делать только на основании анализа тренда показателей Социальный риск HR и Транспортный риск TR. Эти удельные показатели учитывают динамику численности населения (HR) и парка автомобилей (TR), в отличие от абсолютных показателей «Число ДТП», «Число погибших и раненых в ДТП».

Надо отметить, что применительно к оценке состояния БДД в Тюмени 19-летний период времени (1998...2016 гг.) можно условно разбить на два периода: 1998...2005 гг., когда показатели HR и TR год от года то снижались, то росли и 2006...2016 гг., когда показатели HR и TR устойчиво снижались.

При этом Социальный риск HR снизился примерно вдвое (17,51 погибших в ДТП/100 тыс. чел. в 2006 г. и 6,97 погибших в ДТП/100 тыс. чел.), а Транспортный риск TR снизился еще более значительно – вчетверо

(53,68 погибших в ДТП/100 тыс. ТС в 2006 г. и 12,61 погибших в ДТП/100 тыс. ТС).

Анализируя причины достаточно позитивной динамики показателей БДД в г. Тюмени можно отметить следующее.

1. Более значительный темп (в два раза) снижения Транспортного риска TR, чем Социального риска HR иллюстрирует двукратное увеличение парка транспортных средств в г. Тюмени в течение последних десяти лет. Это признак роста материального благополучия общества.

2. Снижение показателя Социальный риск HR позволяет утверждать, что отношение к вопросам безопасности жизнедеятельности стало в обществе более приоритетным, чем это было ранее. Об этом свидетельствует множество примеров, таких как создание барьерной среды между транспортными и пешеходными потоками, работа над повышением доброжелательности участников дорожного движения по отношению друг к другу.

3. Анализ трендов показателей Социальный риск HR и Транспортный риск TR показал, что на устойчивое снижение показателей аварийности в г. Тюмени вышли лишь в последние 10 лет, а до этого общество было еще не готово к изменению моделей транспортного поведения. Транспортное поведение, частный случай поведения людей в более широком смысле, можно рассматривать как индикатор общего состояния общества. В целом, можно констатировать, что в последние 10 лет российское общество стало более здоровым, более доброжелательным.

4. Одновременно с вышесказанным однозначно утверждать, что процессы социальной трансформации российского общества устойчивы, наверное, все же преждевременно. На примере динамики показателей HR и TR в г. Тюмени можно все же увидеть, что темпы снижения этих показателей год от года варьируют, а иногда и вовсе происходит откат, что свидетельствует о сложностях в управлении как социально-техническими системами, так и в движении социума к лучшему качеству жизни.

Список литературы:

1. Петров А.И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 254 с.

2. Петров А.И. Автотранспортная аварийность как производная управленческой стратегии повышения эффективности городского общественного транспорта / Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы функционирования систем транспорта». – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 150–158.

3. Петров А.И. Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3(45). – С. 154–172.

4. Петров А.И., Петров Г.Л. Оценка корреляционно-регрессионных связей между уровнем автомобилизации и тяжестью ДТП в европейских странах / Фундаментальные исследования. 2016. № 6-2. – С. 439–443.
5. Петров А.И. Региональная автотранспортная аварийность как производная уровня автомобилизации населения / Международная научная конференция «Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации». – Оренбург: ОГУ, 2015. – С. 94–102.
6. Петров А.И. Автотранспортная аварийность в различных странах мира как производная от трудовой занятости граждан // Научное обозрение. 2015. № 19. – С. 418–423.
7. Петров А.И. Краткий анализ влияния экономического могущества на автотранспортную аварийность в европейских странах / Международная научная конференция «Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации». – Оренбург: ОГУ, 2015. – С. 102–109.
8. Petrov A.I. Road traffic accident rate as an indicator of the quality of life / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. № 3 (45). – С. 154–172.
9. Petrov A., Petrova D. Assessment of Spatial Unevenness of Road Accidents Severity as Instrument of Preventive Protection from Emergency Situations in Road Complex / IOP Conference Series: Material Science and Engineering. 2016. – Volume 142. – 012116.
10. Федеральная служба государственной статистики. Демография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 6.09.2017).
11. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. N 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 годах» (с изменениями и дополнениями)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/189189/> (дата обращения 6.09.2017).
12. 12. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. N 864 г. Москва «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 годах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70467076/> (дата обращения 6.09.2017).

УДК 316.334.56 ББК 60.546.21

Попкова Алена Анатольевна –
кандидат социол. наук,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: apopkova@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ И ИХ РОЛИ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНИ

Ключевые слова: городское пространство, сообщество, креативные индустрии

В современных условиях уровень креативные территориальные пространства и индустрии являются неотъемлемой частью развития современного городского пространства. Современный город приобретает новые черты и системные условия развития, важным из которых является формирование общих пространств, обеспечивающих формирование новых идей, сообществ, технологий и продуктов, определяющих модернизацию экономических и социальных процессов.

В городе Тюмени интуитивно стали формироваться элементы креативной индустрии. Но их проявления носили бессистемный разрозненный характер. Представители креативной индустрии стали искать формы проявления, механизмы взаимодействия, способы трансформации увлечений в продукт, востребованный и конкурентоспособный в городе, регионе, стране. В этих условиях сформировалась потребность в организационно-методических механизмах, способствующих проявлению представителей креативных индустрий в городской среде, формированию креативных сообществ и пространств.

С целью оценки вовлечения представителей креативных индустрий в формирование и развитие городского пространства Тюмени было проведено социологическое исследование. В качестве объекта исследования выступили представители креативных индустрий г. Тюмени. В качестве методов исследования использовались вторичный анализ результатов социологических исследований креативных индустрий Тюмени (КИТ), опрос (анкетирование) представителей КИТ (выборка 150 респондентов, тип выборки - сплошная), наблюдение.

В результате проведенного исследования выявилось, что в городе Тюмени развитие креативных индустрий наблюдается в различных направлениях. Наиболее активно проявляют себя представители арта и дизайна. Отличительным свойством креативной индустрии от традиционной является комплексирование различных направлений деятельности для производства

креативного продукта. Это подтверждается и результатами исследования, около 60% респондентов не смогли однозначно отнести себя к какому-либо одному виду деятельности и выбрали несколько вариантов ответов. Чаще всего комплексуются такие направления, как мода, дизайн, арт. В структуре представительства креативных индустрий Тюмени выделяется сообщество архитекторов. Они не выделяются в традиционной типологии креативных индустрий, поэтому они обозначали себя в категории «другое». Доля архитекторов в совокупности респондентов составляет около 12%. Развитие молодежных театров в Тюмени спровоцировало представительство в креативном сообществе молодых театральных деятелей (они также обозначили себя в категории «другое») – около 3% респондентов. В категории «другое» также заявляли себя фотографы, представители сферы образования и науки, АйТи, хореографы, пиарщики.

Основной целью деятельности представителей креативных сообществ является реализация себя и своих идей. Респонденты ассоциируют себя с креативным сообществом, определяют своим личным качеством – креативность. При этом они не стремятся к автономии, наоборот, стараются в своей деятельности найти единомышленников и совместно продвигать свои идеи, чтобы возможно в конечном итоге получать от их реализации доход.

На современном этапе получение дохода от креативной деятельности видят целью только $\frac{1}{4}$ часть представителей креативных индустрий. Это свидетельствует о зарождении условий трансформации креативных творческих индустрий Тюмени в реальный кластер креативной экономики города.

Пространственные ориентиры деятельности креативных индустрий Тюмени на сегодняшний день ограничены в основном пределами города. Это деятельностное пространство не совпадает со стремлениями представителей креативных сообществ. Они стремятся выйти в масштабе своей деятельности за его пределы на региональный, окружной или страновой уровни. Около 20% стремятся к выведению своей деятельности на международный уровень. $\frac{1}{5}$ респондентов определяют масштаб своей деятельности своим городом, не стремятся к его расширению, ориентируют результаты своей деятельности на потребности городского сообщества.

Большинство представителей креативных сообществ хотят максимально расширить границы масштаба своей деятельности, территорию продвижения своих идей, рынок креативного продукта. В этих условиях в городе Тюмени в перспективе может сформироваться одно из ядер креативной экономики национального масштаба. В связи с этим, чтобы сохранить креативный потенциал на территории города, необходимо продолжать формировать благоприятные условия развития креативных сообществ, креативных пространств.

Анализ характеристик деятельности представителей креативных сообществ показал, что большинство имеют свободный график работы, работают не одни, а в проектной команде, активно формируют связи для продвижения своих идей, фрилансеры.

Результаты исследования показывают, что для большинства респондентов креативная деятельность не является основным источником дохода, они не заняты ей постоянно и имеют основной доход не от нее, а чаще всего от другого, не смежного вида деятельности. Они не заняты полный рабочий день и, следовательно, имеют временной ресурс для развития креативной деятельности.

Оценка респондентами инфраструктуры, способствующей развитию КИТ выше среднего – 3,6. Конференц-залы, переговорные площадки, как элементы инфраструктуры, развиты в городе даже больше необходимых потребностей представителей креативных сообществ. По мнению респондентов эту инфраструктуру развивать уже не нужно в городском пространстве.

У представителей КИТ существует потребность в мастерских, современных образовательных площадях, выставочных помещениях, коворкингах, репетиционных залах, территориях и площадках для взаимодействия. В большинстве своем, современная инфраструктура городского пространства Тюмени не соответствует потребностям креативных сообществ и требует конструктивного преобразования. Коммуникативная среда города развита, по мнению респондентов, немного лучше, чем инфраструктурная, средняя оценка – 3,7. Но у креативных сообществ и нет особой потребности к развитию ее в перспективе. Представители КИТ определяют необходимость активизации взаимодействия с органами власти, бизнесом, учреждениям культуры и другими творческими сообществами, так как эти коммуникации, их стабильное наличие позволят сформировать устойчивую благоприятную среду развития креативных индустрий, возможности их трансформации в реальный кластер креативной экономики. Без поддержки бизнеса, органов власти местного и регионального уровня, без конструктивного и созидательного взаимодействия внутри самих сообществ развитие КИТ не обеспечит реализацию стратегических задач развития городского пространства.

Невысокая оценка состояния инфраструктурного и коммуникативного пространств определили характеристику городской среды Тюмени в целом. Сегодня городская среда Тюмени, по мнению респондентов, недостаточно развита для активизации креативных сообществ, но проводимые мероприятия формируют тренд перемен к лучшему.

Изменение городской среды происходит усилиями различных субъектов городского пространства: органов власти, учреждений различной направленности, бизнеса, сообществ (молодежных, профессиональных,

социокультурных, политических и др.). Креативные сообщества являются полноправными субъектами развития городского пространства. Они осознают свою субъектную роль и готовы ее реализовывать, если необходимо объединяться для этого с другими сообществами.

Представители креативных индустрий готовы вступать во взаимодействие, формировать команды, работать над созданием креативных продуктов в условиях доступного, современного креативного, интересного, свободного и открытого городского пространства. В городе уже имеются характеристики необходимые для формирования зачатков развития основ креативных индустрий, соответственно нужны условия их сохранения и площадки, пространственные точки роста притягивающие и формирующие креативные сообщества.

Для определения влияния условий городской среды на развитие креативных индустрий в рамках исследования были выявлены территориальные места дислокации представителей КИТ.

Анализ локализации представителей КИТ показывает, что в городе Тюмени сформировалась два основных ареала локализации – центральный и восточный. Самый большой ареал Центральный, соответственно именно там необходимо формировать первичную точку притяжения – креативное функциональное пространство. Это обосновывает правильный выбор здания бывшей конторы пароходства для реализации этой цели.

Таким образом, проведенный опрос показал, что в Тюмени существует креативное сообщество. Основу его составляют представители индустрии моды, дизайна, арт. Представители КИТ чаще всего комплексируют в себе несколько направлений деятельности. Они готовы развивать взаимодействие, искать единомышленников для продвижения своих идей. Сегодня городская среда Тюмени не совсем отвечает их потребностям: недостаточна развита инфраструктура, слабое взаимодействие с другими субъектами городского пространства. Несмотря на это, большинство из них рассматривает Тюмень как пространство для развития, территорию, которая формирует возможности для расширения масштаба своей деятельности. В этих условиях креативные сообщества готовы сами выступать ресурсом формирования нового доступного, открытого, креативного пространства города.

Список литературы:

Kostko N., Rudenko D., Popkova A. Quality of life mapping for better social planning in Tyumen city, Russia // В сборнике: International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 15th. 2015. С. 1063-1070.

УДК 316.347 ББК 60.54

Прохода Владимир Анатольевич –
канд. социол. наук
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия
e-mail: prochoda@mail.ru

МАСШТАБЫ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ключевые слова: дискриминация, масштабы дискриминации, Европейское Социальное Исследование.

В определении дискриминации целесообразно исходить из формулировок официальных международных документов. Под дискриминацией понимается – *«любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, по признаку расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных взглядов, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, которое имеет целью или следствием, уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных возможностях, всех прав и свобод»* [1].

Публикация базируется на результатах седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. «ESS» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). Используемая при подготовке публикации версия базы данных содержит информацию по 22 странам. Отметим, что Израиль географически расположен в Азии, однако не был исключен из анализа, поскольку в существенной степени интегрирован в европейское культурное пространство. В каждой стране было опрошено от 1224 (Словения) до 3045 респондентов (Германия) по национальной репрезентативной выборке. В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Общее число опрошенных – 2445 человек. Метод сбора первичной социологической информации – формализованное интервью. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

Анализируя результаты исследования, важно учитывать возможность некоторых смещений в ответах опрошенных, являющихся следствием «спирали молчания». Респонденты с меньшей вероятностью высказывают собственное мнение по затрагиваемой проблеме, если чувствуют, что находятся в меньшинстве, поскольку боятся возмездия или изоляции [2]. Также имеет смысл акцентировать внимание на некоторой относительности восприятия дискриминации. Различия, ограничения и т. д. воспринимаемые в одних культурах как явная дискриминация, в других могут не получать таких полярных оценок.

Для выявления масштабов дискриминации респондентам задавался следующий вопрос: *«Считаете ли Вы, что принадлежите к такой группе людей, которая испытывает в России дискриминацию, то есть предвзятое отношение, нарушение равных с другими прав?»*. Вопрос предусматривал три варианта ответа: *«да»*, *«нет»*, *«затрудняюсь ответить»*. Полученные данные позволяют констатировать, что европейские страны весьма дифференцированы по масштабу распространения дискриминации (см. рисунок 1). Максимальное (Израиль – 20,3% респондентов) и минимальные (Португалия – 3,3% респондентов) масштабы дискриминации различаются более чем в *шесть* раз.

Проведенный иерархический кластерный анализ позволил разделить страны – участницы проекта на три группы. В первую оказалась включена только одна страна с высокими показателями дискриминации на общеевропейском фоне – Израиль (20,3% респондентов). Ситуация в Израиле во многом осложняется непростыми отношениями между арабами и евреями. Вторая группа государств, характеризующихся сравнительно высокими показателями, включает в себя: Великобританию (13,9% респондентов), Францию (12,5%), Эстонию (10,4%), Литву (9,9%), Нидерланды (9,2%), Швецию (8,3%), Финляндию (8,3% респондентов).

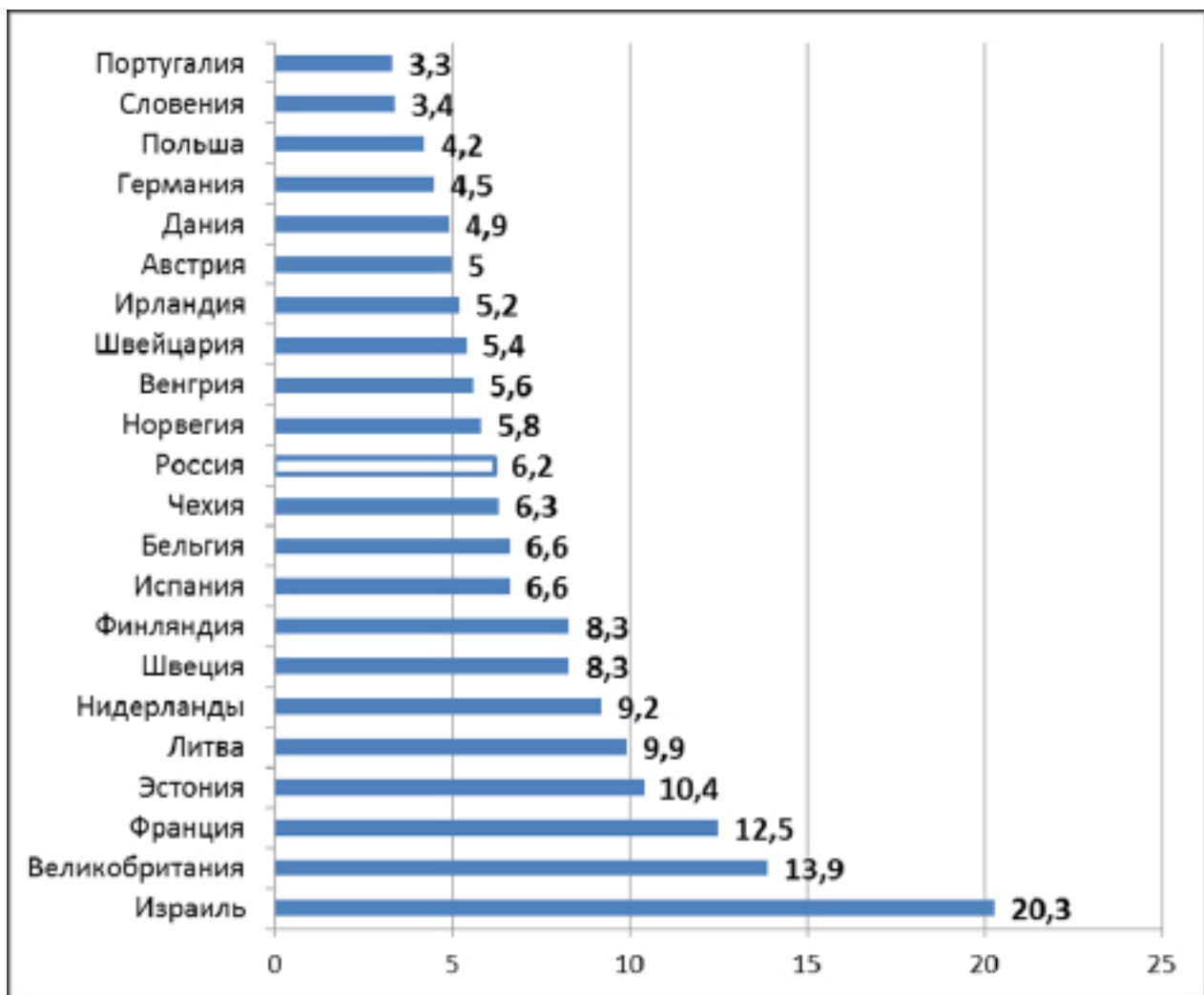

Рис. 1. Доля респондентов, отметивших принадлежность к группе, испытывающей дискриминацию, % от числа опрошенных в каждой стране

Россия (6,2% респондентов) оказалась в составе третьего кластера состоящего из государств со сравнительно низкими и средними по европейским меркам масштабами дискриминации. Российские данные в целом сопоставимы с цифрами по Чехии (6,3% респондентов), Бельгии (6,6%), Испании (6,6%), Норвегии (5,8% респондентов). В этот же самый многочисленный кластер оказались включены и другие страны – участницы проекта: Венгрия (5,6% респондентов); Швейцария (5,4%); Ирландия (5,2%); Австрия (5%); Дания (4,9%); Германия (4,5%); Польша (4,2%); Словения (3,4%); Португалия (3,3% респондентов).

Сравнительный анализ результатов ESS 2014 г. с данными шестой волны ESS, проведенной в 2012 г., показывает, что ситуация с масштабами дискриминации в значительном числе стран – участниц проекта несколько ухудшилась. Например, в Израиле доля респондентов, относящих себя к дискриминируемой группе, за два года увеличилась на 3%, в Великобритании на 2,3%, во Франции на 2,8%, в Нидерландах на 2,4% и т. д. [3]. Это очас

может быть обусловлено изменением миграционной ситуации в Европе. Возможно, сказались предпосылки возникновения европейского миграционного кризиса, связанного с неготовностью многих европейских государств к приему и перераспределению увеличившегося числа мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. Как известно мигранты (прежде всего, нелегальные), зачастую выступают объектом дискриминации.

Влияние миграционной ситуации отчасти подтверждается распределением ответов на вопрос, задаваемый респондентам, отметившим принадлежность к дискриминируемой группе, о том, *«по какому признаку эта группа дискриминируется»*. В 2014 г. жители стран, где наблюдается увеличение масштабов дискриминации, сравнительно чаще, чем в 2012 г., среди признаков дискриминации упоминают расу или национальность, а в ряде случаев в той или иной степени связанные с ними признаки – язык общения, конфессиональную принадлежность, гражданство. В России существенных изменений масштабов дискриминации по сравнению с 2012 г. (6,6% респондентов) не наблюдается. Незначительное различие находится в пределах ошибки выборки.

Таким образом, можно констатировать, что европейские страны весьма дифференцированы по масштабу распространения дискриминации. Масштабы дискриминации в ряде стран – участниц проекта ESS с 2012 года несколько увеличились, что может быть связано с изменением миграционной ситуации в Европе. В современной России фиксируются сравнительно небольшие по европейским меркам масштабы дискриминации. При этом с 2012 г. они не претерпели существенных изменений. В заключение отметим, что в публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты затрагиваемой проблемы. Несомненно, обозначенная тема заслуживает более глубокого внимания.

Список литературы:

1. Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка 18. Недискриминация. Пункт 7. Тридцать седьмая сессия, 1989 г. Документ Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom18.html> (дата обращения: 07.05.2017).
2. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. /Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
3. Прохода В.А. Дискриминация в европейских странах: масштабы, признаки, модели // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики/ Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. М., РГГУ. 2016. С. 434–440.

УДК 316.7 ББК 60.55.2

Репина Евгения Игоревна –
аспирант кафедры связей
с общественностью, рекламы
и культурологии,
Ульяновский государственный
университет, г. Ульяновск
e-mail: janeronomareva@bk.ru

МОЛОДЕЖЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: рационализация, модернизация, молодежь, социальные изменения

Понимание особенностей рационализации сознания современной молодежи во многом зависит от знания характеристик современного общества, поскольку критерием развития молодого поколения как социально – демографической группы является определение ими своей роли и места именно в структуре современного общества, приобретение социального статуса и формирование гражданских идентичностей в процессе достижения социальной зрелости [6, с. 42].

Включаясь в общественные отношения, молодежь интегрируется в социальную среду, которая таит в себе определенные риски и сложности. Возможно, неопределенность и нестабильность привносят в жизнедеятельность вступающих в общественную жизнь молодых людей изменения, происходящие в современных обществах – динамично развивающихся системах, преодолевающих один за другим этапы модернизации.

Действительно, модернизация представляет собой многогранный процесс, затрагивающий практически все сферы жизни общества. В экономической она связана с внедрением инновационных технологий в повседневную жизнь, развитием человеческого капитала и повышением уровня жизни. Духовная модернизация предполагает дифференциацию социальных и культурных ценностей, а политическая – развитие демократических институтов и норм, повышение уровня легитимности власти [3, с. 262]. Однако, наиболее интересна, прежде всего, модернизация в социальной сфере, поскольку именно она связывает, сопровождает и направляет изменения во всех остальных сферах общественной жизни.

Истоки модернизации как теории восходят к 50 – 60 гг. XX века. Исторически же модернизацию связывают с такими, набирающими обороты процессами, как индустриализация, урбанизация, глобализация. В фокусе многих социологических исследований находится феномен рационализации

как еще одна «суть» модернизации, социальное явление современности. Так, например, она находит свое выражение в теории солидарности французского социолога Э. Дюркгейма.

Дюркгейм обосновал идею общественной солидарности как объяснение исторического перехода от одной общественной формы к другой. Он представлял дихотомию обществ как идеальных типов с механической и органической солидарностью в качестве звеньев единой эволюционной цепи [10, с. 33].

Солидарность, согласно выводам Дюркгейма, имеет рационально-иррациональную природу. Иррациональный, неререфлексивный, компонент представлен коллективными чувствами, эмоциями и стремлениями. Рациональный же, надстроечный, выражен посредством вербально сформулированных норм и правил, действующих в социальной системе [5, с. 74 –78].

Для традиционных, преконвенциальных, обществ характерна «механическая солидарность» или «солидарность по сходствам», что предполагает построение общества путем простого суммирования разрозненных социальных единиц. Солидарность таких субъектов, будучи, по мысли Дюркгейма, механической, основана на общих сходствах - наличии общей морали, ценностей, норм, религии, идеологии; сходстве индивидуальных сознаний; одинаковости отношений индивидов к обществу, его структурам. Закономерно, что в данных обстоятельствах субъекты оказываются типизированными, поскольку вынуждены подчиняться коллективным представлениям и чувствам, обладающим принудительной силой [10, стр. 34].

Органическая солидарность, характерная для современных обществ, основана на разделении труда как высшей объединяющей моральной ценности в эпоху уменьшения роли общего, коллективного сознания, которое оставляет открытым часть индивидуального сознания, необходимого для формирования своеобразных личностей [10, стр. 34].

Для Э. Дюркгейма социальный прогресс - это переход от механического к органическому состоянию общества. При этом подчеркивается важность автономии членов общества, которая предполагает наличие у них как сходств, так и различий. Такие личности действуют, исходя не только из требований общественной морали, но и из собственных ориентаций и оценок.

О трансформации общности (общины) в общество под влиянием процесса модернизации писал немецкий социолог Ф. Теннис, раскрыв эволюцию социальных взаимодействий в понятиях «Gemeinschaft» и «Gesellschaft». В общине («Gemeinschaft») отношения людей основаны на благоприятных эмоциях и моральных ценностях, которые находят выражение в семейно – родственных, дружеских, соседских связях, сопереживании, религии. В обществе («Gesellschaft») между людьми господствуют общественные, вещные отношения, основанные на социальном обмене,

расчете, светских ценностях. Рационализация жизни в «Gesellschaft» формирует механистическое отношение и ослабляет эмоциональную окраску привязанности, что приводит к ослаблению социальных связей и нарушает взаимодействия людей [8, с. 93]. В молодежной среде стала нередка раздробленность и разъединение, когда молодые люди объединены одним делом (например, учебой), но продолжают оставаться разделенными. В таком случае дружба перестает восприниматься как личные бескорыстные взаимоотношения, основанные на любви, доверии, взаимных симпатиях [2, с. 152], а превращается во взаимовыгодные связи, когда от товарища необходимо получить не столько приятные, дружеские, эмоции, сколько определенную услугу или информацию. В таких взаимоотношениях действует принцип «Do, ut des»: то, что я для тебя делаю, есть лишь средство, чтобы вызвать твое – одновременное, предшествующее или последующее – ответное действие, собственно, только его я на самом деле хочу и желаю; моя цель – заполучить твое, свое же я отдаю как средство, разумеется, вынужденно; только мыслимое и предвосхищенное следствие есть та причина, которая определяет мое воление» [10, стр. 37]. Исследования показывают, что сегодня молодежное сообщество лишь наполовину доверяют своим друзьям личную информацию, не все способны искренне порадоваться успехам товарища и лишь треть проявит терпение при взаимодействии с неприятным им кругом общения друга [2, с. 153].

Несмотря на то, что большинство исследователей видит за понятием «модернизация» процесс трансформации традиционного общества в общество современное, существует множество нюансов в понимании содержания и масштабов самого этого процесса.

По характеристике польского социолога П. Штомпки, модернизация в наиболее общем виде – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Она включает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходящих на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современного общества (*modernity*) как переход от традиционного к современному обществу. В узком смысле модернизация обозначает усилия отсталых или слаборазвитых обществ, стремящихся двигаться от периферии к центру современного общества по тем или иным рецептам [9, с. 267].

Немецкий социолог У. Бек полагает, что модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, концентрации капитала и все более углубленному разделению труда и рыночных отношений, мобильности, массовому потреблению и т.д., но и к тройной «индивидуализации»: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей, а именно - господства и обеспечения («аспект освобождения»), утрате традиционной стабильности с точки зрения знания, веры и принятых

норм («аспект разволшебствления») и к новому виду социокультурной интеграции («аспект контроля и реинтеграции») [4, с. 13].

С. Блэк в работе «Динамика модернизации» выделяет пять аспектов модернизации: интеллектуальный, политический, экономический, социальный и психологический [1, с. 10]. На первый план сегодня выдвигается не столько технологизация, сколько интеллектуализация как рост понимания и контроля человеком его окружающей среды. Интеллектуальная революция, по мнению многих ученых, лежит в центре процесса модернизации. В современном обществе знания, образование, специальность, квалификация гораздо в большей степени ценятся молодыми людьми как капитал для инвестирования в гарантированное и желательно перспективное занятие, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам [7, с. 34].

Известный советский и российский философ В. Г. Федотова в своей работе «Модернизация другой Европы» утверждает, что можно бесконечно находить черты современного общества, противоположные чертам традиционного. «Согласно Ф. Теннису, модернизация – это переход от сообщества к обществу; по Э. Дюркгейму, это переход от механического к органическому состоянию общества; по М. Веберу – от ценностной рациональности к целерациональности; по Г. Зиммелю – от вечного прошлого к вечному настоящему. Согласно М. Леви сутью модернизации является рационализация. Н. Смелзер подчеркивает технологические сдвиги, переход от семейно - общинных отношений к экономическим, разрушающий прежнее общество характер модернизации. Т. Парсонс считает модернизацию универсальным процессом, в основе которого лежит адаптация. Согласно Н. Луману модернизация связана с дифференциацией [11, с. 48-49].

Образовательная революция, рациональность современного человека породили плюралистическую ситуацию. Она изменяет не только социальное положение традиционных определений реальности, но и способствует поиску более сложных и точных взглядов на социальные процессы и основные противоречия той или иной эпохи. Молодёжь в современном обществе становится той социально - демографической группой населения, которая наиболее остро реагирует на изменения, той категорией, которая воспринимает развивающиеся технологии и изменяющиеся стратегии образования, рынка труда и адаптируется к ним [7, с. 98]. Исследование сознания и поведения молодежи позволит углубить понимание существенных аспектов рационализации молодого поколения, формирования ценностных ориентаций и социального поведения юношей и девушек [7, с. 231].

Список литературы:

1. Албегова, И.Ф. Институционализация социальной работы в современной России: теория и практика / И.Ф. Албегова. – Ярославль: Яросл. гос. ун – т. 2004. – 163 с.
2. Белявцева, А.Е. Дружба в жизни современной молодежи / А.Е. Белявцева, Е.В. Крутых // Успехи современного естествознания. – 2013. – №10. – С. 152 – 153.
3. Болховитина, Т. С. Модернизация в проекции политологического анализа / Т. С. Болховитина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. - №2. – С. 261 – 268.
4. Гавров, С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие / С.Н. Гавров. – М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с.
5. Дюркгейм, Э.О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
6. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю.А. Зубок // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 42 – 51.
7. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015. – 232 с.
8. Рассадина, Т.А. Рационализация сознания как фактор социокультурных изменений / Т.А. Рассадина, Е.И. Репина // Соц.- гуманитар. знания. – 2016. – № 6. – С. 90–100.
9. Рассадина, Т.А. Социология: учебное пособие / Т.А. Рассадина; М-во транспорта РФ, ФГБОУ ВО «Ульяновский институт гражданской авиации имени главного маршала авиации Б.П. Бугаева». – Ульяновск: УИ ГА, 2016. – 298 с.
10. Рассадина, Т. А. Теории социокультурных изменений: учебное пособие / Т. А. Рассадина. Ульяновск: УлГУ, 2008. – 192 с.
11. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.

Сбитнева Наталья Андреевна –
младший научный сотрудник,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
e-mail: Hlorofitum14@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ¹

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция, последствия, регулирование миграционных потоков, управление миграционными процессами.

Внутренние миграции населения являются доминирующим компонентом миграционной ситуации в стране.

Ход и результаты социально-политических и экономических реформ в России в 90-е годы XX века в значительной мере послужили причиной изменений в структуре внутрироссийских миграций. Свертывание производственного и жилищного строительства, рост безработицы вследствие массового закрытия предприятий, с одной стороны, стали мощными выталкивающими факторами миграции, особенно для территорий с узкой хозяйственной специализацией. С другой стороны, те же причины на фоне массового обнищания населения во многом сгладили локальные различия в условиях жизни и тем самым ограничили стимулы к смене места жительства.

В начале 90-х годов XX века характерной особенностью сложившейся тогда в стране миграционной ситуации был поворот миграционного потока из городов в сельскую местность.

Попытное движение урбанизационного процесса, выразившееся в сильном спаде миграции в городские поселения и приросте притока в сельские, было вызвано стрессом, который испытало множество людей в связи с резким повышением стоимости жизни, угрозой безработицы в городах и другими пугающими проявлениями экономического кризиса. Восстановление же эволюционных тенденций переориентирования населения из деревни в город может свидетельствовать, с одной стороны, о начале нормализации экономической ситуации в стране, а с другой — о разочаровании горожан в фермерстве. [2]

Устойчивые современные тенденции оттока сельского населения в города также чреваты последствиями как для отдельных регионов, так и для страны в целом.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края» № 15-02-00367

Последствия миграции имеют сложную классификацию, подразделяясь на прямые и косвенные, текущие и долговременные, явные и скрытые. Кроме того, роль миграции может быть оценена для субъектов разного уровня: страна, регион, муниципальное образование, населенный пункт, семья/домохозяйство, индивид, а также для каждой из отраслей экономики в отдельности. Последствия миграции неодинаковы для субъектов разного типа: миграция может нести позитивные эффекты для индивида и отдельного домохозяйства, но одновременно сумма индивидуальных миграций может быть негативной для территории выхода или прибытия мигрантов (например, отток трудоспособного населения в другие регионы России). Поэтому изучение последствий миграции предполагает большую аналитическую работу, основанную не только на статистических данных, но и на оценочных показателях.

Среди основных аспектов влияния миграции на развитие можно выделить следующие:

1. Изменение численности населения;
2. Изменение структуры населения (генетической, возрастной, семейной, этнической, образовательной);
3. Изменение спроса и предложения на рынке труда, динамики структуры трудовых ресурсов;
4. Динамика показателей естественного прироста;
5. Влияние на показатели бюджетной обеспеченности территории;
6. Углубление дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований;
7. Изменение этнокультурного облика региона;
8. Расширение сферы деятельности и влияния этнокультурных объединений;
9. Изменение задач и индикаторов оценки деятельности органов государственной и муниципальной власти. [3]

Основной проблемой во внутрирегиональном перераспределении населения является управляемость миграционных процессов. В период отсутствия обязательной регистрации, наличия работы вахтовым методом, отсутствии обязательства для объявления своей гражданской позиции (в период всеобщих выборов) стало намного сложнее оказывать влияние на процессы перераспределения населения.

Как показывают исследования, территория Алтайского края обладает существенной неоднородностью по уровню экономического развития и относительной сбалансированности по уровню развития социальной сферы.

Также в последнее время наблюдается усиление межмуниципальной дифференциации. Например, разница в среднедушевых объемах промышленного производства продукции (работ, услуг) по полному кругу предприятий Алтайского края между муниципальными районами в 2004 году составляла 18 раз, городскими округами – 23 раза, в 2014 году уже 50 и 23 раза

соответственно. Разница в среднедушевых объемах производства продукции сельского хозяйства среди хозяйств всех категорий между муниципальными районами в 2004 году составляла 4,4 раза, городскими округами – 3,9 раза, в 2013 году уже 5,5 и 8,4 раза соответственно.

Ключевые факторы, положенные в основу внутрорегиональной дифференциации, определяют подходы к социально-экономической типологии муниципальных образований Алтайского края.

Комплексный подход к типологии муниципальных образований с учетом их демографического состояния предложен Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. В качестве динамического ряда для анализа данных взят период с 2006 по 2013 годы. Дифференциация муниципальных районов осуществлена с учетом достигнутого уровня развития и динамики социальных и экономических показателей, сгруппированных в четыре блока: уровень демографической ситуации и деловой активности, уровень промышленности и инвестиций, уровень сельского хозяйства, уровень социальной сферы.

В результате исследования муниципальные районы Алтайского края разделены на 7 кластеров, каждый из которых имеет свои характерные особенности черты социально-экономического развития.

Вместе с тем результаты проведенной дифференциации по проблематике внутрорегиональной миграции парадоксально свидетельствуют о том, что несмотря на экономическое благополучие, часть муниципальных районов характеризуются миграционным оттоком населения.

Несмотря на существующие объективные трудности государство не оставляет попытки создания на правовой основе механизма, который бы вносил коррективы в миграционные процессы и пытается учесть как можно больше факторов при принятии нормативных правовых актов. Данные законодательные инициативы позволяют если не управлять миграционными процессами напрямую, то создавать определенные социально-экономические условия, которые, опосредовано, влияют на распределение трудовых ресурсов.

В Алтайском крае на основе программно-целевого планирования применяется комплексный подход к созданию условий для развития эффективного рынка труда, обеспечивающего устойчивый рост качества занятости и уровня жизни населения края, а также повышению способности государства и власти в рамках региона к управлению миграционными потоками. [4]

В рамках этого подхода разработаны плановые документы стратегического и тактического уровней, которые определяют эффективные пути, средства и организационные мероприятия по достижению и ресурсному обеспечению поставленных задач, что обеспечивает концентрацию усилий и средств для их достижения. [1]

Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 были утверждены основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Указ). Определены принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития Российской Федерации.

Там же определен круг приоритетных задач, которые необходимо решить для достижения целей государственной политики регионального развития. Одним из приоритетных направлений определено совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции. Решения обозначенной задачи будет достигаться посредством:

1. стимулирования внутренней миграции с учетом прогнозируемых потребностей регионов и муниципальных образований в трудовых ресурсах за счет организационной и финансовой поддержки социально-бытового обустройства граждан, включая предоставление налоговых льгот, а также за счет опережающего развития рынка доступного арендного жилья;

2. содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и квалифицированных иностранных специалистов в регионы и муниципальные образования, имеющие перспективы экономического роста и дефицит трудовых ресурсов;

3. сдерживания массовой внешней трудовой миграции в регионы и муниципальные образования, располагающие избыточными трудовыми ресурсами;

4. стимулирования развития крупных городских агломераций, способных успешно выдерживать конкуренцию на мировых рынках, путем создания благоприятных условий для привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы.

Результатами реализации основ региональной политики должны стать:

1. сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности;

2. сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов;

3. достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий Российской Федерации;

4. дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках;

5. повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Внедрение и безусловное приведение в жизнь основ региональной политики на уровне субъекта Российской Федерации, наравне с уже действующими, а также принятие собственного пакета нормативных правовых актов руководствуясь закрепленными настоящим Указом принципами позволит создать базу для регулирования процессов внутрирегиональной миграции и как следствие достичь относительной безопасности региона. [3]

Список литературы:

1. Сбитнева Н.А. Нормативно-правовые и организационные основы регулирования внутрирегиональной миграции в Алтайском крае. // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 168–172.
2. Сулян В.Б. Миграция и социально-экономическая безопасность России // Электронный ресурс: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=5277>
3. Тарасова Е.В. Роль миграции в развитии территорий Алтайского края // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – Барнаул: Новый формат, 2016. С 20–26.
4. Тарасова Е.В., Ерохин А.В., Сбитнева Н.А.; под ред. Е.В. Тарасовой. Внутрирегиональная миграция в Алтайском крае: аналит. докл. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2015. С. 19–72.

УДК 35.08 (470.344) ББК 67.401
(2Рос.Чув)
С 30

Семедова-Полупан Нина Григорьевна –
кандидат социологических наук, доцент
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
e-mail: ninapolupan63@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК ЦЕЛОСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация: В статье излагаются и обсуждаются результаты мониторингового исследования развития государственной службы в Чувашской Республике. Особое внимание уделено реализации региональных программ развития государственной службы.

Ключевые слова: мониторинг, региональные программы развития, государственная служба

Данная статья основана на материалах мониторинга развития государственной, муниципальной службы, реализации наградной политики в Чувашской Республике по состоянию на 30 июня 2017 года, который проводился Управлением государственной гражданской службы, кадровой политики и государственных наград Администрации Главы Чувашской Республики.

Анализ материалов мониторинга является продолжением ряда исследований государственной службы в Чувашской Республике [1, 2, 3], реализации региональных программ развития государственной службы.

Сегодня роль и место государственной службы в деятельности общества значима и несомненна. Формирование современной, хорошо отлаженной и эффективно действующей системы государственной службы России относится к приоритетным направлениям преобразований, происходящих в административно-политической сфере. В зарубежном государствоведении даже имеется суждение, что хорошая администрация для общества важнее, чем самая совершенная конституция.

Поэтому в данной статье будут рассмотрены основные результаты реализации региональных программ развития государственной службы, дан анализ деятельности по формированию кадрового резерва, в том числе

использованию резерва управленческих кадров Чувашской Республики, внедрению института наставничества, повышению эффективности гражданской службы и противодействия коррупции.

Работа по обеспечению развития государственной службы в Чувашской Республике осуществляется в рамках государственной программы Чувашской Республики «Развитие потенциала государственного управления», утвержденной постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 11 ноября 2011 г. № 501, подпрограмм «Совершенствование кадровой политики и развитие кадрового потенциала государственной гражданской службы Чувашской Республики», «Противодействие коррупции в Чувашской Республике».

Обеспечивает координацию деятельности государственных органов Чувашской Республики по реализации мероприятий подпрограммы по развитию государственной гражданской службы Чувашской Республики, осуществляет взаимодействие с исполнителями данной подпрограммы, а также общий контроль за ее реализацией Администрация Главы Чувашской Республики.

В целях совершенствования нормативной правовой базы Чувашской Республики только в 1 полугодии 2017 г. принято 8 нормативных правовых актов по вопросам гражданской службы, 200 государственных гражданских служащих Чувашской Республики в рамках государственного заказа на дополнительное профессиональное образование гражданских служащих прошли обучение по программам повышения квалификации.

На обучение гражданских служащих в 2017 г. предусмотрены средства республиканского бюджета Чувашской Республики в размере 2380,9 тыс. рублей. В соответствии с Положением о государственном заказе на дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих Чувашской Республики, утвержденным постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 29 мая 2007 г. № 121, организация дополнительного профессионального образования гражданских служащих осуществляется в рамках государственного заказа на дополнительное профессиональное образование гражданских служащих Администрацией Главы Чувашской Республики в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, и Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики - на основе государственного задания бюджетному учреждению Чувашской Республики дополнительного профессионального образования «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики.

Ведется системная работа по вопросам гражданской службы. Проведены семинары-совещания для руководителей кадровых служб

государственных органов, в ходе которых рассмотрены вопросы, касающиеся организации работы по профилактике коррупционных и иных правонарушений в государственных органах, для руководителей кадровых служб государственных органов с участием представителя прокуратуры. Руководители кадровых служб государственных органов приняли участие в видеоселекторном совещании для представителей кадровых подразделений государственных органов субъектов Российской Федерации, организованном Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.

В целях методического обеспечения деятельности государственных органов и оказания практической помощи гражданским служащим разработаны и направлены в государственные органы рекомендации:

об осуществлении наставничества в органах исполнительной власти Чувашской Республики;

об организации работы по обеспечению в государственных органах представления сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

о мерах, направленных на повышение стабильности кадрового состава государственных органов;

по исчислению стажа работы по специальности, направлению подготовки;

по установлению квалификационных требований для замещения должностей гражданской службы.

До государственных органов доведены методические рекомендации, разработанные Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.

Администрацией Главы Чувашской Республики регулярно проводятся проверки обеспечения органами исполнительной власти Чувашской Республики соблюдения гражданскими служащими требований Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Анализируется наличие уведомлений гражданских служащих представителя нанимателя о выполнении иной оплачиваемой работы и наличие конфликта интересов при осуществлении иной оплачиваемой деятельности. В ходе указанного анализа распоряжениями Главы Чувашской Республики организованы проверки соблюдения гражданскими служащими запретов и ограничений.

Таким образом, приведенный анализ демонстрирует, что в республике значительно повысился уровень методического обеспечения деятельности государственных органов и оказания практической помощи государственным служащим.

Продолжена работа по формированию кадровых резервов государственных органов.

Кадровый резерв формируется в соответствии с:
статьей 64 Федерального закона № 79-ФЗ;

Положением о кадровом резерве на государственной гражданской службе Чувашской Республики, утвержденным Указом Главы Чувашской Республики от 25 сентября 2013 г. № 97;

Методикой проведения конкурса на включение в кадровый резерв государственного органа Чувашской Республики, утвержденной распоряжением Администрации Главы Чувашской Республики от 29 декабря 2014 г. № 556 (далее – Методика проведения конкурса);

порядками работы конкурсных комиссий государственных органов, образованных для проведения конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы, определенными правовыми актами государственных органов.

Кадровые резервы государственных органов формируются государственными органами самостоятельно, кадровый резерв Чувашской Республики формируется Администрацией Главы Чувашской Республики на основании кадровых резервов государственных органов на высшую, главную и ведущую группы должностей гражданской службы.

В целях установления единого подхода к методам отбора кандидатов для включения в кадровый резерв утверждена Методика проведения конкурса, которой предусмотрено проведение для кандидатов на замещение высшей, главной и ведущей групп должностей гражданской службы в обязательном порядке тестирования и собеседования, других групп должностей – собеседования.

В работе конкурсных комиссий государственных органов принимают участие независимые эксперты.

Конкурсы для замещения вакантных должностей гражданской службы, относящихся к высшей группе должностей гражданской службы категории «руководители», назначение на которые осуществляется решениями Главы Чувашской Республики и Кабинета Министров Чувашской Республики, и для включения в кадровый резерв проводятся в соответствии с Положением о конкурсной комиссии по вопросам проведения конкурса на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Чувашской Республики, относящихся к категории «руководители» высшей группы должностей государственной гражданской службы Чувашской Республики, назначение на которые осуществляется решениями Главы Чувашской Республики и Кабинета Министров Чувашской Республики, утвержденным Указом Главы Чувашской Республики от 30 ноября 2013 г. № 122, конкурсной комиссией, состав которой утвержден распоряжением Главы Чувашской Республики от 17 октября 2013 г. № 250-рг.

По состоянию на 30 июня 2017 г. в кадровом резерве Чувашской Республики, сформированном из кадровых резервов государственных органов, состоит 670 чел., в том числе на высшую группу должностей гражданской службы – 32, главную – 252, ведущую – 386.

Разработан проект указа Главы Чувашской Республики «Об утверждении Положения о кадровом резерве на государственной гражданской службе Чувашской Республики» с учетом положений Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 96 «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа», который проходит процедуру согласования.

Продолжена работа по формированию и использованию резерва управленческих кадров Чувашской Республики. В настоящее время численность лиц, состоящих в указанном резерве, составляет 57 человек.

В федеральный резерв управленческих кадров включен 21 человек.

Законом Чувашской Республики от 24 декабря 2016 г. № 107 «О приостановлении действия отдельных положений Закона Чувашской Республики «О государственной гражданской службе Чувашской Республики» до 1 января 2018 г. приостановлены индексация окладов денежного содержания гражданским служащим и предоставление гражданским служащим, нуждающимся в улучшении жилищных условий, единовременной субсидии на приобретение жилого помещения. При этом постановка на учет для предоставления гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения осуществляется.

С целью повышения престижа гражданской службы, профессионализма гражданских служащих, выявления и поддержания гражданских служащих, достигших высоких результатов в профессиональной служебной деятельности и внесших значительный вклад в развитие республики, ежегодно с 2011 года проводится конкурс «Лучший государственный гражданский служащий Чувашской Республики».

В соответствии с Указом Главы Чувашской Республики от 9 ноября 2016 г. № 162 «О внедрении института наставничества в органах исполнительной власти Чувашской Республики» с 1 января 2017 г. в органах исполнительной власти Чувашской Республики внедрен институт наставничества.

В целях повышения эффективности гражданской службы и противодействия коррупции в 11 органах исполнительной власти Чувашской Республики определены 16 должностей гражданской службы, по которым предусматривается ротация.

В соответствии с Указом Главы Чувашской Республики от 10 февраля 2012 г. № 23 в республике сформирован молодежный кадровый резерв при Главе Чувашской Республики (далее – молодежный резерв), в котором

в настоящее время состоит 91 человек в возрасте до 30 лет, занимающих активную жизненную позицию, обладающих новаторским потенциалом, профессиональными и управленческими навыками, успешно проявивших себя в профессиональной и общественной деятельности.

Таким образом, работа по формированию и использованию резерва управленческих кадров стала эффективнее.

В целом, анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Продолжает совершенствоваться нормативно-правовая база Чувашской Республики.
2. Осуществляется системное совершенствование дополнительного профессионального образования.
3. Расширяются формы и методы научного сопровождения и методического обеспечения деятельности государственных органов и оказания практической помощи гражданским служащим.
4. Разработаны новые методики работы с кадровым резервом.

Список литературы:

1. Семедова-Полупан Н.Г. Социологическая оценка эффективности регионального управления (на примере Чувашской Республики) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. Т. 13. № 9 (112). С. 43-47.
2. Семедова-Полупан Н.Г. Институционно-регулятивная сфера Чувашии. Состояние и перспективы // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14-17 октября 2014 г. Чебоксары: «Новое время» 2014. – С. 408–410.
3. Семедова-Полупан Н.Г., Ткаченко В.Г. Наставничество в органах государственной власти Чувашской республики: методические рекомендации. Монография. Ижевск: б.и., 2014. – 120 с.
4. Семедова-Полупан Н.Г. Некоторые аспекты социокультурной модернизации Чувашии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». №3 г. Омск – ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2015. – С.372 – 381.
5. Портал органов власти Чувашской Республики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://gov.cap.ru/>

Nina G. Semedova-Polupan

**REGIONAL ASPECTS OF THE PUBLIC SERVICE DEVELOPMENT AS
AN INTEGRAL STATE-LEGAL INSTITUTION IN THE CONDITIONS OF
MODERNIZATION (ON THE MATERIALS OF THE CHUVASH REPUBLIC)**

Associate Professor of the Department of
State and Municipal Administration of the
Chuvash State University named after
I. N. Ulyanov
e-mail: ninapolupan63@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the monitoring of the civil service development in the conditions of modernization in the Chuvash Republic. The author presents the results of the implementation of the regional state programs, identifies the problems and shows the ways to solve them.

Keywords

monitoring, regional development programs, public service

References

Semedova-Polupan N.G. Sociological assessment of the regional governance effectiveness (on the example of the Chuvash Republic) // *Izvestia (News) of the Volgograd State Technical University*. 2013. Vol. 13. No. 9 (112). P. 43–47.

Semedova-Polupan N.G. Institutional and regulatory sphere of Chuvashia. State and Prospects // *Proceedings of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference on the Program “Sociocultural Evolution of Russia and its Regions”*, Perm, October 14–17, 2014 *Cheboksary: “Novoye Vremya” (“New Time”) 2014*. – P.408–10.

Semedova-Polupan N.G, Tkachenko V.G. Mentorship in public authorities of the Chuvash Republic: methodical recommendations. Monograph. *Izhevsk*. 2014. – 120 p.

Semedova-Polupan N.G. Some aspects of socio-cultural modernization of Chuvashia // *Bulletin of Omsk University. Series: “Economics”*. №3 Omsk - “Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky “, 2015. – P. 372 – 381.

Portal of the authorities of the Chuvash Republic [Electronic resource]: official site. - Access mode: <http://gov.cap.ru/>

Соловьев Аркадий Константинович –
доктор экономических наук, профессор
заслуженный экономист РФ
начальник Департамента актуарных
расчетов и стратегического планирования
г. Москва, sol26@100.pfr.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОНЕРОВ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

Пенсионная реформа в России, основные параметры которой намечены в Правительственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России (утверждена в 2012г.) определила конкретные институциональные и параметрические характеристики всех сегментов государственной системы пенсионного обеспечения нашей страны. Целевые ориентиры реформы установлены исходя из институционально-страховых принципов развития пенсионной системы.

При этом базовыми параметрами развития пенсионной системы приняты повышение уровня жизни пенсионеров (размер пенсии относительно прожиточного минимума пенсионеров) и повышения финансовой устойчивости пенсионного бюджета (сокращения его зависимости от федерального трансферта).

Бюджетный кризис, последовавший за глобальным финансовым кризисом прервал поступательное движение к достижению намеченных целевых ориентиров. В частности размер страховой пенсии относительно прожиточного минимума пенсионера за три кризисных года не только не повысился, но наоборот заметно снизился (с 1,8 в 2014 г. до 1,5 в 2017), а трансформация пенсионного страхования в добровольное была заменена на временную «заморозку» пенсионных накоплений на период до 2020г.

Отмеченные негативные тенденции, порожденные бюджетным кризисом, создали реальные риски для реализации намеченных Стратегией целевых ориентиров развития пенсионной системы.

Государственная пенсионная система является самым долгосрочным объектом стратегического планирования, поскольку продолжительность «страхового пенсионного цикла» (период формирования пенсионных прав и реализации пенсионных обязательств) в современных демографических условиях составляет 75-80 лет. Учитывая указанные особенности пенсионной системы как объекта государственного управления в антикризисной программе должны ставиться не только конъюнктурные (краткосрочные) экономические задачи, но и долгосрочные последствия осуществляемых мероприятий, которые непосредственно влияют как на процесс формирования пенсионных

прав застрахованных лиц в период кризиса, так и на процесс финансового обеспечения текущих государственных пенсионных обязательств.

В частности, сокращение рынка труда и замораживание зарплаты в период кризиса необратимо приведет к ухудшению условий для формирования страховых пенсионных прав большинства категорий наемных работников, которые не смогут «заработать» себе на страховую пенсию. Это означает, что для данных категории работников потребуется финансирование пенсий из федерального бюджета (социальные пенсии).

Негативное влияние кризиса для долгосрочного развития пенсионной системы проявляется и для категории «среднего класса», которые формируют пенсионные накопления: до 2020г. механизм обязательного пенсионного накопления «заморожен». Это создало реальные риски не только полной утраты прав пенсионеров на накопительную пенсию, но и разрушения пенсионного сегмента финансового рынка, который сейчас составляет его основную часть.

Таким образом, главными негативными последствиями бюджетного кризиса, которые должны быть преодолены в антикризисной программе являются:

- предотвращение обнищания современных и будущих пенсионеров,
- создание организационно-экономических условий для дополнительных способов пенсионных накоплений для обеспеченных работников,
- совершенствование тарифной политики формирования пенсионных прав на основе страховых принципов,
- завершение институциональной реформы государственной страховой пенсионной системы с целью обеспечения ее бюджетно-финансовой устойчивости в долгосрочной перспективе.

Учитывая институциональную сложность и макроэкономическую значимость современной пенсионной системы Исходным фактором формирования страховых пенсионных обязательств является разработка экономического (не политического или социального) механизма реализации баланса пенсионных прав и обязательств. Для этого необходимо исходить из страховой пенсионной формулы, которая позволяет исчислять пенсионные обязательства и обеспечивать их баланс с ресурсами, находящимися в распоряжении пенсионной системы.

Поскольку российская пенсионная система по своей экономической сути предназначена для реализации государственных гарантий материального обеспечения при наступлении страховых рисков, критерием ее развития может являться исключительно обеспечение достойного уровня пенсий.

Конкретизация данного параметра пенсионной системы РФ осуществлена в соответствии с международными нормативными актами, в частности, Конвенция МОТ №102 «О минимальных нормах социального обеспечения», Европейский кодекс социального обеспечения, Европейская социальная хартия, установившие уровень замещения пенсией утраченного

дохода равным 40% при выработке стажа 30 лет для пенсий по старости и 15 лет – для инвалидности и потери кормильца.

Исходя из данного критерия обеспечения замещения пенсией 40% утраченного заработка должна осуществляться и тарифная политика: устанавливаться сам тариф и границы подлежащего страхованию заработка, условия уплаты взносов, обеспечиваться охват тарифом застрахованных лиц. В настоящее время эквивалентный размер тарифа уплачивают только застрахованные, работающие по найму на общеустановленных условиях, в то время как для трети застрахованных лиц сохраняются разнообразные льготные условия формирования пенсионных прав. В частности, для жителей северных и приравненных территорий, для занятых во вредных и опасных условиях труда, для занятых педагогической и медицинской работой – установлены досрочный возраст выхода на пенсию, для самозанятых категорий он установлен на уровне, не обеспечивающем формирование не только социально приемлемой, но и минимальной пенсии.

Иными словами, должны регулироваться все параметры, определяющие условия сбалансированности расходования поступивших доходов на выполнение накопленных обязательств.

При таком подходе принципиальными являются не только вопросы пенсионной тарифной политики и охвата застрахованных лиц, относящиеся к внутренним проблемам пенсионной системы.

Проблема уровня заработной платы застрахованных лиц, из которой с одной стороны, формируются пенсионные права, с другой – обеспечивается исполнение накопленных обязательств перед предыдущими поколениями - приобретает главенствующий характер. При сложившейся дифференциации по заработной плате и структуре рынка труда обеспечить финансирование адекватных международным требованиям пенсионных прав и сбалансированность пенсионной системы не представляется возможным никакими методами. Более 66% работников получают заработную плату ниже средней зарплаты в экономике, и для них в действующей системе принципиально невозможно зарабатывание пенсии на уровне минимальных международных стандартов.

Данный вопрос относится к сфере государственной макроэкономической политики и должен решаться с приоритетным учетом интересов развития пенсионной системы.

Проблема низкой продолжительности страхового стажа заключается в том, что для зарабатывания 40%-ного коэффициента замещения при действующей формуле исчисления пенсионных прав стажа продолжительностью 10 или 15 лет недостаточно.

Даже при 25 годах стажа (ниже которого имеют около 10% пенсионеров по старости, 57% и 53% пенсионеров по инвалидности и по случаю потери

кормильца) действующая формула не обеспечит «зарабатывание» эффективного коэффициента замещения.

Проблема увеличение демографической нагрузки заключается в том, что снижение соотношения застрахованных лиц и пенсионеров. В России на 1000 человек в возрасте старше трудоспособного приходится 2882 граждан трудоспособного возраста. Однако не все население трудоспособного возраста занято экономической деятельностью, а среди пенсионеров около 20% не достигли пенсионного возраста. В результате на 1000 пенсионеров приходится не более 1850 занятых в экономике.

При этом необходимо учитывать, что из 93 млн. чел., составляющих трудовые ресурсы Российской Федерации, заняты в экономике только 71% (67 млн. чел.), а работают по найму (это основной контингент застрахованных лиц, за которых уплачиваются страховые взносы) около 45 млн. чел., т.е. менее 50%.

В целом по России на 1000 пенсионеров по труду приходится только 1267 наемных работников, а в 11 субъектах Федерации – менее 1000. Это означает, что для обеспечения солидарного коэффициента замещения на уровне 40% средней заработной платы в экономике уже сегодня тариф страховых взносов на каждого работника в целом по стране должен составлять 32% его заработной платы, а в 10 регионах - более 40%.

Демографическим фактором, влияющим на сбалансированность пенсионной системы и размеры пенсий, является рост ожидаемой продолжительности жизни населения. По оценкам специалистов, в 2020 г. ее увеличение по сравнению с 2000 г. составит 5,5%. Причем ожидаемая продолжительность жизни при рождении у женщин практически достигла уровня 1990 г., в то время как аналогичный показатель для мужчин отстает от уровня 1990 г. Этот показатель влияет, в первую очередь, на продолжительность стажа и возможные пределы установления пенсионного возраста.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни при достижении пенсионного возраста – влияет непосредственно на размер пенсии в нынешней пенсионной формуле и соответственно, на коэффициент замещения.

По оценкам, из мужчин, которым в настоящее время 20 лет, до 60 лет доживут лишь 60 % (т.е. умрут - 40%), а в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних мужчин умрут еще 20 процентов. До 65-летнего возраста получения трудовой пенсии смогут дожить лишь 4 из 10, т.е. значительно меньше, чем установлено международно-принятыми нормами МОТ для всеобщих (национальных) пенсионных систем. Следовательно, большинство населения в случае повышения пенсионного возраста будет лишено права получения своего страхового возмещения. Лишь к середине 2030-х годов продолжительность жизни мужчин при рождении превысит 70 лет, а для мужчин в возрасте 60 лет достигнет величины 19 лет

Таким образом, в результате высокой смертности уменьшается число работающих, с одной стороны, с другой - действующий показатель ожидаемой продолжительности выплаты трудовой пенсии по старости для мужчин оказывается завышенным, что снижает уровень замещения пенсией утраченного заработка.

Регулирование вопросов продолжительности жизни, снижения смертности и иных демографических показателей относится к сфере государственной социально-экономической политики. Пенсионная система не может повлиять на демографическую ситуацию в части рождаемости и смертности в трудоспособных возрастах: она вынуждена лишь приспособливаться к ней, принимая меры по корректировке тарифной политики или адаптации механизма исчисления пенсионных прав и обязательств к фактическим демографическим реалиям.

Проведенный анализ приводит к закономерному заключению, что критерии эффективности пенсионной системы должны соответствовать ее институциональной структуре. В случае отечественной пенсионной системы, ориентированной на реализацию страховых механизмов пенсионной реформы, такими критериями должны быть следующие:

1 – достижение нормативно установленного размера страховой пенсии, основанного на принципе эквивалентности пенсионных прав и пенсионных обязательств,

2 – долгосрочная финансовая обеспеченность государственных пенсионных обязательств.

С этих позиций в целях приведения экономического механизма формирования пенсионных прав застрахованных лиц (пенсионной формулы) в соответствии с необходимостью адекватного отражения баланса прав и обязательств необходимо применять балльную модель исчисления страховой пенсии.

Главная функция, которую должно выполнять государство для обеспечения долгосрочной (актуарной) экономической эффективности страховой пенсионной системы – не только регулировать пенсионными обязательствами, а регулировать все условия формирования каждым застрахованным лицом своих пенсионных прав (размер оплаты труда и доступность рабочих мест, с которых производятся отчисления в пенсионный фонд), поскольку именно последние определяют объем этих обязательств.

Государство должно создавать экономические и правовые инструменты для регулирования тех факторов, которые находятся вне институциональных отношений участников страховой пенсионной системы, т.е. тех факторов, на которые не в состоянии воздействовать сами участники: работники, работодатели, страховщики. Главными из них являются демографические или макроэкономические факторы, которые непосредственно влияют на уровень пенсионного обеспечения.

УДК 352 ББК 60.52

Тарбеева Ирина Сергеевна –
ассистент, Уральский институт
управления РАНХиГС,
г. Екатеринбург
e-mail: irina.tarbeeva@ui.ranepa.ru

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна –
к. социол. наук, доцент,
к.с.н., доцент, Уральский институт
управления РАНХиГС, г. Екатеринбург
e-mail: Tatiana_Z@ui.ranepa.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДА

Ключевые слова: местное самоуправление, город, гражданское участие, социальные практики

Местное самоуправление представляет собой инструмент демократического участия граждан в управлении своей жизнью в муниципалитете. На федеральном уровне определен перечень различных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Однако на практике участие населения в местном самоуправлении имеет, как правило, ситуативный, несистемный характер. Около 50% населения не представляет, что значит «внести свои предложения на рассмотрение администрации» [2]. Крамаренко С.В. отмечает, что население муниципального образования в настоящее время является лишь потенциальным субъектом местного самоуправления. Во многих муниципальных образованиях оно пассивно, инертно [1]. Исследование Петухова Р.В. показало, что «лишь 2% респондентов имели в последнее время опыт участия в работе органов местного самоуправления» [3].

Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между разнообразием форм участия населения в осуществлении местного самоуправления и практикой их применения, а также в пассивности участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Цель исследования – изучить социальные практики гражданского участия населения города Екатеринбурга в осуществлении местного самоуправления, и разработать практические рекомендации по их решению.

Методы исследования: анализ статистических данных, анкетирование, фокус-группа, экспертное интервью, контент-анализ, анализ официальных документов, анализ официальных сайтов, наблюдение.

Результаты исследования.

Исследование показало, что население Екатеринбурга участвует в осуществлении местного самоуправления через закрепленные на федеральном уровне формы участия (таблица 1).

Таблица 1

Формы участия респондентов в осуществлении местного самоуправления, % (можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Форма участия	%
Обращения граждан в органы местного самоуправления	28,7
Опрос граждан	17,5
Публичные слушания	16,6
Собрания/конференции граждан	16,1
Территориальное общественное самоуправление	6,3
Правотворческая инициатива	4,0

Таким образом, мы видим, что в городе «есть контакт» между населением и органами местного самоуправления при решении вопросов местного значения. Однако участие граждан в местном самоуправлении не является регулярным, а скорее происходит «от случая к случаю».

В результате проведенных исследований были выявлены следующие **проблемы**:

Низкий уровень информированности населения о формах участия в местном самоуправлении. 66,9% респондентов не знает что такое местное самоуправление; 56,3% не знают сроки рассмотрения обращения граждан в органы местного самоуправления; 90,7% не смогли назвать численность инициативной группы при правотворческой инициативе; 85,3% не смогли назвать численность инициативной группы при правотворческой инициативе.

Несмотря на то, что только 48,3% респондентов оценили свой уровень информированности как «низкий», необходимость повышать уровень отметили 86,1%.

Отсутствие источников информации в Екатеринбурге, где представлена полная информация о формах участия населения в местном самоуправлении.

Контент-анализ местных источников информации показал, что в местной газете «Вечерний Екатеринбург», на Информационном и Официальном порталах города, в Официальном сообществе в социальной сети «ВКонтакте» – «Екатеринбург», в группе «[TE] ТИПИЧНЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ» не

представлено полной информации о каждой форме участия населения в местном самоуправлении. Каждый из вышеперечисленных источников информации в какой-то степени затрагивает вопросы участия населения в местном самоуправлении, однако, этого недостаточно, чтобы местные жители имели представление о своих правах и возможностях управлять своим муниципалитетом. В газете «Вечерний Екатеринбург» полный обзор практики участия населения в местном самоуправлении представлен только через такие формы как публичные слушания и обращения граждан, остальные формы практически не упоминаются в материалах газеты. На Информационном портале города можно найти лишь сервисы, которые предусматривают работу с обращениями граждан. На Официальном портале города имеется подробная информация лишь по одной форме участия населения в местном самоуправлении – обращения граждан. На портале существуют разделы, посвященные публичным слушаниям и территориальному общественному самоуправлению, однако они не рассказывают о том, что из себя представляют эти формы и как население может с помощью них участвовать в решении вопросов местного значения. Вся информация в группе «Екатеринбург» сведена к дублированию Информационного портала города. Группа «[ТЕ] ТИПИЧНЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ», несмотря на свою популярность среди пользователей «ВКонтакте», также не информирует население о формах участия населения в местном самоуправлении.

Отсутствие обратной связи со стороны Администрации города при работе с предложениями граждан через сервис «Я предлагаю!»

Сервис «Я предлагаю!» активно работал только в 2011 году, когда был создан. За время работы сервиса ответ от официальных лиц получили 2,2% предложений, а одобрение с пометкой «Администрация будет делать» – 1,4%. В результате отсутствия обратной связи со стороны Администрации города население потеряло интерес к данному сервису, и за 2014-2016 годы не поступило ни одного предложения.

Проблема организации участия населения в публичных слушаниях. В публичных слушаниях принимало участие всего 16,6% опрошенных жителей города. Однако желание принять участие в публичном обсуждении выразили 72,2% респондентов. Такая разница между желаемым и действительным связана с комплексом проблем в организации публичных слушаний: место проведения; продолжительность; время проведения; организация предварительного информирования граждан о предстоящих публичных слушаниях; регламент выступлений участников.

Низкий уровень развития территориального общественного самоуправления в Екатеринбурге. Прежде всего, это проявляется в отсутствии стратегического видения развития ТОСов в городе. Более 60% респондентов не знают о существовании ТОСов по месту своего жительства. На Информационном и Официальном порталах города вопросы деятельности

органов ТОС освещены слабо, нет открытых данных о примерах их взаимодействия или какой-либо другой информации, отражающей динамику развития ТОСов.

Для решения выявленных проблем были предложены практические рекомендации.

Для повышения уровня информированности населения о формах участия в местном самоуправлении необходимо провести модернизацию Информационного и Официального порталов города, поддерживать коммуникацию с жителями через социальные сети. На Информационном портале города автор предлагает запустить работу онлайн-консультанта «Екатерина», который оперативно будет предоставлять зарегистрированным пользователям портала актуальную и необходимую информацию по соответствующему запросу. Также в работе представлена концепция проведения молодежного форума и ежемесячных викторин среди жителей города по вопросам участия в МСУ. Кроме этого, автором разработан проект городского конкурса видеороликов «Моя гражданская позиция». Суть конкурса заключается в том, что жители города, преимущественно пользователи сети Интернет, могут снять видеоролик продолжительностью не более 3 минут, в котором они продемонстрируют алгоритм участия населения в осуществлении местного самоуправления через конкретную форму.

Необходимо повысить качество работы сервиса «Я предлагаю!». Содержательную работу с данным сервисом должен курировать Отдел по работе с обращениями граждан Администрации города. Предлагается установить условие обязательного рассмотрения предложения Администрацией города: если предложение набирает 1000 голосов жителей города, то оно в обязательном порядке рассматривается, после чего дается письменный ответ о его принятии или разъяснение причин отказа реализовывать данное предложение.

Органы местного самоуправления должны содействовать развитию территориального общественного самоуправления. В работе предложено разработать и принять муниципальную программу, целью которой будет развитие территориального общественного самоуправления на территории города.

Основные рекомендации по организации публичных слушаний в Екатеринбурге: на Информационном портале города разместить календарь публичных слушаний; перенести время проведения публичных слушаний на 17:00-18:00; проводить публичные слушаний на разных площадках; привлекать экспертов в сфере экономики, юриспруденции, государственного и муниципального управления и т.д.; организовать прямые трансляции публичных слушаний на официальном портале города; уменьшить максимальную продолжительность публичных слушаний до 2 часов 30 минут; время выступления физических и юридических лиц увеличить до 7 минут.

Список литературы:

1. Крамаренко С.В. Развитие институтов непосредственной демократии в местном самоуправлении: теоретико-правовые и прикладные аспекты. Дис. ... кандидата юридических наук. – Воронеж, 2013. – С. 76.
2. Материалы по теме «Гражданская активность (инициатива) и общественный контроль на местном уровне» [Электронный ресурс] URL: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/grazhdanskaya-aktivnost-initsiativa-i-obshchestvennyj-kontrol-na-mestnom-urovne> (дата обращения: 21.03.2016).
3. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. – С. 64.

Теребихин Владимир Михайлович –
канд. филос. наук,
Общественная палата Республики Коми,
г. Сыктывкар,
e-mail: v.terebikhin@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МАКРОПОЛИТИКА (АНТРОПОПОЛИТИКА) РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ

Ключевые слова: Гуманитарная макрополитика (антрополоитика), человекоцентризм, свободное, гармоничное развитие человека, повышение «качества качеств» человеческого потенциала региона.

Актуальность проектирования и практической реализации концепции государственной гуманитарной макрополитики субъекта России как важнейшего компонента системы региональной государственной политики имеет «множественную каузацию» (П.Сорокин).

Прежде всего, это обусловлено отсутствием в теории и практике государственного регионального управления категории «государственная гуманитарная политика (антрополоитика)». Применительно к внутренней политике это понятие пока не имеет общепризнанного институционального научного статуса и тем более, официального статуса государственной политики. Применяемое в практике государственного управления понятие «социальная политика» по своей структуре, целям и задачам не охватывает весь комплекс государственных субполитик обеспечивающих «создание условий для свободного развития человека» (в соответствии со ст. 7 Конституции РФ) и «формирование гармонично развитой личности»[1]. Например, в действующую структуру социальной политики не включены такие важнейшие субполитики входящие в систему интегральной гуманитарной мегаполитики, как политику в сфере духовно-нравственного преобразования региона, государственную региональную информационную политику, государственную алкогольную политику, государственную символную политику, государственную историческую политику, политику в сфере защиты и обеспечения прав и свобод человека, государственную национальную политику, политику формирования регионального солидарного общества, политику поддержки и развития институтов гражданского общества и, комплекс многих других гуманитарных региональных субполитик обеспечивающих создание «системоконплекса» условий для повышения «качества качеств» человеческого потенциала региона. Как нам представляется, региональная социальная политика, является лишь одним из важнейших и существенных

компонентов общего институционального дизайна интегральной государственной региональной гуманитарной макрополитики.

Во вторых, стимулирующим фактором социопроектирования и реализации концепции государственной гуманитарной макрополитики (антрополоитики) является необходимость «гуманизации» региональной политики, актуальность принципиальной реконструкции доминирующей в регионах России «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирование «человекоцентрированной» парадигмы и человекоориентированной модели политико-административного управления, в соответствии с конституционными основоположениями и политическими установками Президента РФ о человеке как высшей цели, смысле политики, миссии развития страны, абсолютном национальном приоритете.

В-третьих, проектирование и практическая реализации концепции гуманитарной макрополитики субъекта России включающей весь комплекс государственных гуманитарных субполитик (около 30), детерминируется объективной необходимостью осуществления научно-обоснованной, системной, эффективной, скоординированной, солидарной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества по обеспечению гуманитарной безопасности, дальнейшему смягчению негативных последствий социогуманитарного кризиса сформировавшегося в начале социетальной трансформации российского общества, прогнозированию и проектированию мер по преодолению формирующихся в настоящее время будущих кризисных социогуманитарных проблем и практического обеспечения в долгосрочной перспективе высшей стратегической цели государственного управления – создание условия для свободного развития человека, повышение качества человеческого потенциала в регионах России.

Архитектоника, институциональный дизайн концепции – многоуровневый, интересекторальный комплекс, детерминированный многокачественным и интегральным феноменом человека и терминальными целями концепции, включающий: каузальный, теоретико-методологический, аксиологический, телеологический комплексы, а также, принципы, основные направления, институты, механизмы и процедуры реализации концепции, комплекс высоких социогуманитарных, «человекоориентированных» технологий и критериально - индикативный комплекс оценки эффективности реализации концепции. Сущностное, стержневое аксиологическое основание концепции - «человекоцентризм» как философия гуманистически ориентированной политики, как практический и мировоззренческий ориентир, который должен стать основным измерением государственной региональной политики.

Важнейшим компонентом концепции является понятие «государственная гуманитарная политика (антрополоитика)». Учитывая, что эта категория

являющаяся объектом рефлексии данного доклада не институционализована и не номинирована в политологическом дискурсе, теории и официальной практике политико-административного управления, автор предлагает ее следующую формулировку.

В государственно-управленческом контексте государственная гуманитарная макрополитика (антропологическая политика) эксплицируется:

- как относительно самостоятельное, имеющее государственно-общественную модель - систему управления, важнейшее направление в общей структуре государственной региональной политики;
- как целенаправленная, планомерная, непрерывная и скоординированная система совместной деятельности региональных органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества по интегрированному и синхронному осуществлению комплекса (более 30) гуманитарных, человеко-ориентированных субполитик, (в их единстве, взаимосвязи и взаимодополняемости) в целях практической реализации ее стратегической цели – создания условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, повышения «качества качеств» человеческого потенциала, социогуманитарного преобразования региона, достижения терминальных ценностно-целевых параметров успешности гуманитарного развития субъекта России.

Проектируя телеологический комплекс концепции гуманитарной политик, автор полагает, что стратегическими, терминальными целями данной концепции и государственной гуманитарной макрополитики в целом, являются: обеспечение расширенного воспроизводства условий для самореализации и самоактуализации, свободного, гармоничного развития физических и духовных сил человека, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенциалов, достижения человеком избранных им жизненных смыслов, расширения поля человеческой идентичности; повышение «качества качеств населения», сохранение и наращивание духовно-нравственных, интеллектуальных и физических возможностей человека; обеспечение перехода от «экономикоцентристской», «человекопотребляющей» парадигмы государственной политики – к «человекоцентрированной» парадигме, человекоориентированной модели государственного управления.

Индикативными целями концепции гуманитарной политики региона могут быть цели приближения основных качественно-количественных параметров человеческого развития к границе уровня «human development» передовых европейских государств.

Реализацию системы целей гуманитарной макрополитики должен обеспечить комплекс (более 30) государственных «человеко-ориентированных», гуманитарных субполитик, имеющих: научно-обоснованные, нормативно оформленные концепции или доктрины; программно-целевой комплекс и бюджетное финансирование; государственно-

общественную модель управления; единую систему государственного управления, в том числе, и координации всех многосубъектных институтов участвующих в осуществлении гуманитарной макрополитики; систему средств: современных “высоких социогуманитарных, «человекоориентированных» технологий, в том числе, и гуманитарных технологий рефлексивного управления; критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения.

Создание условий для духовного и нравственного преображения регионального социума обеспечивает практическая реализация следующих гуманитарных субполитик: государственная культурная политика, государственная образовательная политика, государственная политика в области воспитания, в том числе, политика в сфере духовно-нравственного воспитания населения, прежде всего молодежи, обеспечения духовной, гуманитарной безопасности, государственная «фелицитарная политика» – политика, стратегическая цель которой - создание условий для достижения человеческого счастья, а также, комплекс политик в сфере снижения уровня делинквентности: антикриминальная политика, антинаркотическая политика, государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения, антикоррупционная политика и др.

В комплекс политик обеспечивающих создание условий для демосоциального преображения региона должны быть включены: демографическая политика, политика управления антропотокком (миграционная политика: иммиграционная политика, политика «натурализации», политика социокультурной интеграции), политика в сфере укрепления популяционного здоровья, политика в сфере развития физкультуры и спорта, семейная политика, единая детская и молодежная политика, геронтополитика, гендерная политика, политика в сфере повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни, политика в сфере социального обслуживания, социальной поддержки и помощи различным категориям населения, политика в сфере создания условий для высокопроизводительного труда, политика в рекреационно-релаксационной сфере, жилищная политика и ряд других.

Демократическое преображение, гармонизацию общественных отношений обеспечивает следующий комплекс политик: политика в сфере развития общественных отношений, связей с общественностью, политика формирования культуры общественной жизни, гражданского образования, государственная демократическая, гуманистически ориентированная информационная политика, символическая, имиджевая политика, государственная историческая политика, политика поддержки институтов гражданского общества, гражданского участия, политика социального партнерства, электоральная политика, политика в сфере обеспечения прав и свобод граждан, политика в сфере межконфессиональных отношений

(государственная конфессиональная политика), этнополитика, политика формирования солидарного общества, политика формирования российской гражданской идентичности и целый ряд других.

Отметим, что многие из перечисленных человеко-ориентированных гуманитарных политик пока не реализуются в практике государственного управления, не обладают статусом государственных, нормативно не «зафиксированы», не имеют научно-обоснованных концепций и соответствующих целевых программ и т.д.

Гуманистические, консолидационные, консенсусные, духовно-психологические ресурсы гуманитарной макрополитики позволяют осуществлять функции: гуманизации, интеграции, консолидации и солидаризации, социальной сплоченности регионального социума, обеспечения гуманитарной безопасности, а также, культурно-воспитательную, социально-аксиологическую, смыслоориентирующую, мировоззренческую, социально-психологическую функции и ряд других.

Важнейшим условием эффективной реализации гуманитарной политики является создание на региональном и местном уровнях институциональной интегрально-межотраслевой, государственно-общественной системы управления процессами регионального гуманитарного развития, в том числе и создания регионального социгуманитарного кластера.

Одним из компонентов концепции является «комплекс требований к качествам власти осуществляющей гуманитарную политику». Как мы полагаем власть, осуществляющая гуманитарную политику должна быть: властью «высокого качества», властью интеллектуальной, «ноократией»; властью гуманной, моральной; властью «понимающей», «отзывчивой»; властью «прозрачной»; властью «электронной» системно использующей современные высокие гуманитарные, инновационные, интеллектуальные технологии, властью легитимной и эффективной; властью толерантной; властью, в основе функционирования которой – современная парадигма «хорошее управление».

В структуру концепции и системы (модели) государственной гуманитарной политики (антропополитики) входит многофункциональная система индикаторов оценки качества и эффективности государственного управления гуманитарной политикой, имеющая сложный системологический характер и состоящая из 5 основных подсистем: подсистемы интегральных (компаративных, синтетических, агрегированных) индексов человеческого развития, количественно определяющих интегральные качественные характеристики развития человеческого потенциала, позволяющих выявлять более сложные тенденции и флуктуации человеческого развития; подсистемы частных индексов, каждый из которых отражает и измеряет отдельные аспекты развития человеческого потенциала (сгруппированных по тематическим, проблемным блокам в соответствии с основными интегрированными

направлениями гуманитарной политики; подсистемы «пороговых», «предельно – критических» индикаторов-показателей гуманитарной, человеческой безопасности; подсистемы индикаторов – «ориентиров – эталонов» гуманитарного, человеческого развития; подсистему рейтинговых показателей уровня и качества гуманитарного развития региона в системе российского рейтингового «табеля о рангах»; подсистемы мониторингов оценки гуманитарной успешности региона, эффективности (успешности) осуществления гуманитарной политики. Необходимость комплексного подхода к формированию системы антропосоциетальных показателей эффективности объясняется мультикачественной, мультиденциальной характеристикой человека как космо-био-психо-социо – экзистенциально-культурного существа и одновременно его интегральной сущностью (единством во многообразии).

Список литературы:

Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

УДК 316.334 ББК 60.56

Трубин Глеб Александрович –

канд. социол. наук,
заместитель председателя комитета по
социальной политике,
Тюменская областная Дума,
E-mail: gleb008@mail.ru

Юдашкин Андрей Валентинович –

младший научный сотрудник,
Западно-Сибирский филиал Федерального
социологического центра РАН,
аспирант, Тюменский государственный
университет, Тюмень
E-mail: ajeler@rambler.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРАКТИКЕ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОВ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: социологические исследования, мониторинг правоприменения, совершенствование нормотворчества.

Досужая констатация «строгость российских законов сопровождается необязательностью их исполнения» опровергается в последние годы укреплением исполнительной дисциплины и развитием функции контроля и надзора в исполнительной ветви («вертикали») государственной власти, совершенствованием судебной практики, деятельности правоохранительных органов, внедрением механизмов оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов (далее – НПА), а также складывающейся практикой мониторинга правоприменения, активным участником которой в соответствии со своей компетенцией являются законодательные органы государственной власти.

«Соответствуя общественному мнению, закон имеет наибольшие шансы быть эффективным» [1]. Следуя этому тезису, добросовестный законодатель при разработке и рассмотрении законопроектов стремится как можно точнее выявить общественное мнение, опереться на него при определении целей и средств законодательного регулирования. Используются различные социологические методы, и прежде всего методы изучения общественного мнения (в том числе экспертного мнения), позволяющие обосновывать достоверность выявляемого социального запроса, увидеть в нем

влияние различных групповых интересов, оказывающих давление на право (о социальной обусловленности права см., напр., [2; 3]), оценить социальные последствия принятия или непринятия правовой нормы. В результате одобряемая общественным мнением неофициальная норма или общественное мнение о необходимости существования официальной нормы проходят путь к формальному утверждению в качестве закона.

К сожалению, до настоящего времени в нормативно-правовых документах, регламентирующих процедуры нормотворческой (законопроектной) работы, как правило обстоятельно прописан этап формально-логического анализа, в рамках которого устраняются коллизии и противоречия как между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы, так и между федеральным и региональным законодательством, обеспечивается внутренняя согласованность правовой системы в целом. Однако не установлены столь же строго место и статус социологической экспертизы законопроектов, оценки возможных социальных последствий их принятия, за исключением категории проектов нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности и подлежащих оценке регулирующего воздействия (об этом один из соавторов уже высказывался в статье в научном журнале, [4]).

Не менее важное место должны занимать социологические исследования при изучении результатов действия принятых и вступивших в силу законодательных норм, в практике мониторинга правоприменения – систематического наблюдения, анализа, оценки правовых норм и их регулятивной эффективности, непосредственно во взаимосвязи с правоприменительной практикой.

Правовой основой мониторинга являются Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [5], постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [6], принимаемые в соответствии с ними иные НПА РФ и субъектов РФ. В соответствии с методикой при осуществлении мониторинга может использоваться социологическая информация, формируемая на основе социологических исследований. В субъектах Федерации на этой правовой основе организуется система работы по наблюдению, анализу, оценке действия правовых норм, содержащихся в НПА, в том числе в региональных законах.

С нашей точки зрения сейчас уже наступило время организации работы по системному анализу и обобщению форм, методов, процедур организации мониторинга и применения утвержденной методики, время оценки эффективности организационно-правового механизма всей этой огромной, сложной, многосубъектной аналитической работы. В рамках настоящей статьи

укажем лишь на значение для этого деятельности различных научных журналов и в частности – учрежденного в конце 2011 года научно-практического мультидисциплинарного рецензируемого подписного журнала «Мониторинг правоприменения» (адрес в сети Интернет http://195.230.71.207:84/ru/ru_i.htm) со специализацией в области вопросов мониторинга в юриспруденции, социологии и экономике. В журнале по 35 рубрикам публикуются статьи российских и иностранных ученых - юристов, социологов, экономистов – в области мониторинга правоприменения законодательных и нормативно-правовых актов и проблем их использования. Редакционная политика журнала, по нашему мнению, позволяет решать задачу представления комплекса результатов научно-теоретических и прикладных исследований состояния и проблем российского нормативно-правового пространства, российского законодательства, методологических, методических и организационных проблем мониторинговой деятельности.

Мониторинг действия законов Тюменской области, организуемый Тюменской областной Думой, осуществляется на основе Положения о мониторинге правоприменения НПА, принятых Тюменской областной Думой, утвержденного распоряжением председателя областной Думы от 04.07.2012 № 127-рп [7]. Мониторинг предусматривает систематическую комплексную плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о действии НПА.

Для мониторинга конкретного НПА разрабатывается план организационно-технических и исследовательских мероприятий, осуществляется сбор, обобщение информации в сфере его действия: о внесенных и планируемых изменениях федерального законодательства; о постановлениях, определениях Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности НПА; о решениях, иных судебных актах судов общей юрисдикции, арбитражных судов по делам об оспаривании НПА; о протестах и представлениях органов прокуратуры; об экспертных заключениях Минюста РФ и его территориальных органов; о рекомендациях депутатских слушаний; о письмах, иной информации государственных органов, органов местного самоуправления по вопросам, возникающим в правоприменительной практике; о результатах социологических исследований, в том числе экспертных опросов и опросов общественного мнения по вопросам содержания и действия НПА; об НПА иных субъектов РФ, регулирующих сходные отношения; о практике реализации НПА органами местного самоуправления Тюменской области; о финансовой обеспеченности реализации НПА; об обращениях граждан и юридических лиц по вопросам реализации НПА; о проблемах, обсуждаемых в СМИ в связи с действием НПА.

Положением установлено, что в ходе сбора, обобщения весьма многоплановой информации предусматривается, в том числе, сбор и анализ информации о результатах социологических исследований,

проведенных в сфере действия НПА. На практике готовой такой информации для обоснования оценки эффективности правоприменения НПА и соответствующих рекомендаций, как правило, недостаточно (или ее совсем нет). В связи с этим в план организационно-технических и исследовательских мероприятий мониторинга НПА включается проведение экспертного опроса или опроса общественного мнения по вопросам содержания и действия НПА.

Однако данное Положение отводит социологическим исследованиям все же второстепенную информационную роль в процедуре мониторинга, основной блок информации формируют правоприменители – прежде всего органы государственной и муниципальной власти, судебные и надзорные органы, органы правоохраны, что, безусловно, правильно, но естественным образом помещает в центр внимания формально-логические проблемы «встроенности» НПА в систему нормативно-правовых актов, проблемы совершенствования регламентации применения правовых норм органами власти и т.п. Информация же, которую можно получить преимущественно или только социологическими методами, - о самочувствии граждан в условиях действия рассматриваемых НПА, о характере связи жизненных проблем населения с этими правовыми нормами, и т.п. - не всегда в должной мере учитывается, а в ряде случаев ее получение и не предполагается вышеназванными планами организационно-технических мероприятий.

Тюменская областная Дума в соответствии с компетенцией ежегодно осуществляет мониторинг правоприменения не менее пяти законов Тюменской области, в ходе которого практикуется анализ экспертного и общественного мнения. Так, например, в рамках мониторинга в июле - сентябре 2016 года проводилось социологическое исследование экспертного мнения по вопросам реализации Закона Тюменской области «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области». Были проведены 102 экспертных интервью со специалистами органов государственной власти и местного самоуправления, служб занятости, руководителями профсоюзных и общественных организаций, представителями объединений работодателей, членами комиссий по регулированию социально-трудовых отношений.

Отметив сокращение безработицы, увеличение количества рабочих мест в области, преобладание предложений над спросом на региональном рынке труда, высокое качество трудового потенциала области, эффективность региональных целевых программ и действий органов государственной и муниципальной власти по оперативному решению проблем на рынке труда, другие положительные моменты, эксперты указали на проблемы в области социально-трудовых отношений, связанные с отсутствием профсоюзных организаций на многих предприятиях и учреждениях и значительным количеством работников, не состоящих в профсоюзных организациях; с низкой вовлеченностью малого и среднего бизнеса в систему социального

партнерства; с непредставленностью многих отраслей экономики в рамках соглашений между представителями работников и работодателей; отметили дисбаланс конъюнктуры регионального рынка труда по возрастным (как на уровне спроса, так и на уровне предложения существуют сложности с трудовой занятостью полярных групп трудоспособного населения – молодежи и граждан предпенсионного возраста), квалификационным (проблемы с трудоустройством граждан с высокой и низкой квалификацией) и территориальным (дефицит рабочих мест в сельской местности) критериям, несоответствие системы профессиональной подготовки потребностям активно развивающейся промышленности, и т.д.

Анализ высказываний и оценок экспертов позволил сформулировать ряд предложений, в частности: о подготовке поправок в федеральное законодательство в части усиления правовой защиты профсоюзов и их лидеров; о подготовке поправок в законодательство Тюменской области в части полномочий органов исполнительной власти области по анализу регионального рынка труда и полномочий органов местного самоуправления по осуществлению контроля за реализацией территориальных соглашений, а также предложения по совершенствованию практики применения норм анализируемого Закона Тюменской области - в части организационных мер по увеличению охвата отраслей экономики соглашениями между работодателями и работниками, по стимулированию участия малого и среднего бизнеса в реализации данных соглашений, по созданию новых территориальных объединений работодателей, оказанию организационной и методической помощи профсоюзным организациям работников и т.д.

Рассмотрев весь комплекс информации о правоприменении норм Закона Тюменской области «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области», комитет по социальным вопросам Тюменской областной Думы констатировал отсутствие необходимости вносить изменения в его текст, однако направил ряд предложений на дополнительное изучение. В результате и с учетом изменений в федеральном законодательстве в рассматриваемый Закон Тюменской области в феврале 2017 года было внесено положение [8], в соответствии с которым полномочия исполнительных органов государственной власти Тюменской области в сфере содействия занятости населения дополнены анализом востребованности профессий на региональном рынке труда.

Можно констатировать, что в Тюменской областной Думе утвердилась практика использования социологических методов для получения информации в целях анализа правоприменительной ситуации, оценки эффективности действия законов Тюменской области.

Список литературы:

1. Карбонье Ж. Юридическая социология: Пер. с фр./Пер. и вступ. ст. В.А.Туманова. – М.: Прогресс, 1986, с. 335.
2. Мейхью Л. Социология права / В кн.: Американская социология. – М.: Прогресс, 1972, с. 222–226.
3. Лапаева В.В. Социология права / Под ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С.Нерсесянца. – М.: Издательство НОРМА, 2000, с. 171–177.
4. Корепанов Г.С., Трубин Г.А., Юдашкин В.А. Социологические исследования в механизме мониторинга правоприменения законов Тюменской области. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1 № 3(3), с. 93.
5. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.07.2014 г. № 529). // [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения 10.09.2017).
6. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 № 694. // [Электронный ресурс] <http://ips.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2017).
7. О Положении о мониторинге правоприменения нормативных правовых актов, принятых Тюменской областной Думой. Распоряжение председателя Тюменской областной Думы от 04.07.2012 № 127-рп. Вестник Тюменской областной Думы, 2014, № 1, С. 1013-1017 [Электронный ресурс] http://www.duma72.ru/upload/iblock/27c/vestnik_1_2014.pdf (дата обращения 10.09.2017).
8. О внесении изменения в статью 3 Закона Тюменской области «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области». Закон Тюменской области от 14.02.2017 № 7. «Тюменские известия», № 29, 17.02.2017.

УДК316.334. 56 ББК 60.546.21

Тучин Валерий Григорьевич –
ст. преп, к.э.н., кафедры менеджмента
Государственная автономная
образовательная организация
«Институт повышения квалификация –
РМЦПК», г. Пермь
E-mail: valeriituchin@mail.ru

МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ

Ключевые слова: Светскость и религиозность – точки схождения. Соединение индивидуального и коллективного интереса в организации труда. Роль профсоюзов на рынке труда и цена рабочей силы. Универсальность коллективности в первичном звене производства. Переход личности из одной сферы деятельности к другой, как перспектива. Эффект «Ваньки-Встаньки»: тебя уронили, а ты встал. Работа с социумом по образованию и нравственному воспитанию – «Невский Конгресс». От «золотого правила нравственности» к кантовскому «категорическому императиву». Этика коллективизма, как двигатель к подвигу.

Введение. В данной работе поставлена задача отыскания снизу путей выживания и развития российского социума в серии крупных гражданских инициатив. В российском обществе очевиден моральный кризис. Социально разрозненная страна. Социум нужно лечить. «Сегодня кланы, расфасовавшие страну, испытывают определённую тревогу» перед национализацией отечественных элит. «Олигархический проект, ставший базовым в 1990-е гг., очевидно, не сдастся без боя. Но подавляющая часть общества заинтересована в том, чтобы он канул в лету, без чего национальное возрождение неосуществимо» [4, с. 3]. Лечение нужно начинать с «малых дел». Таким шагом может быть Программа определения смысла и целей жизни: организация воспитания на основе учений пророков и мыслителей в среде молодого поколения [3, с.101-124]. Необходимо найти точки соединения между светскостью и религиозностью. Они занимаются общими социальными проблемами общества. Однако РПЦ определяет, что власть – от Бога, а Конституция утверждает, что власть от народа. Встает вопрос о том, на какую модель поведения нужно выходить? В основание может быть заложена матрица, в центре которой находится коллективность. В реальной практике очевидно различия культур, это означает движение в развитии общества. Матрица указывает на сохранение первоначального ядра. В матрице символов и функций содержится жизненный путь человека. К этой матрице следует подтянуть

слои гуманитариев, чиновников-управленцев, церковных служащих. Следует заметить, что гуманитарная наука и религия решают одни и те же проблемы. Нужно найти точки схождения ценностей. Необходимо определить матрицу – базовые принципы общества.

Регион как полигон политики новых социальных технологий воспитательных и образовательных процессов Речь идет о том, что считать базовыми ценностями? РПЦ ставит на первый план права и обязанности человека перед государством. Это противоречит Конституции, в основе которой прописаны «права человека». Встает вопрос, что такое «светскость»? Какой образ ценностей сформировался у представителей РПЦ? Что является ценностью РПЦ? Здесь встают вопросы теологии. Каково отношение либеральной демократии к религии?

На базе храма Александра Невского поселения Усть-Качка Пермской области возник замысел создания региональной общественной организации «Невский Конгресс». Деятельность конгресса направлена на становление развитой коллективности, (а политика либеральных демократов – на силу денег и оружия, на индивидуализм). Вопрос встает о духовно-нравственных ценностях. Каково отношение РПЦ к роли государства? Первые руководители страны ставят вопрос о выживании страны в условиях нового технологического уклада. Государство приняло законы ювенальной юстиции. Это способствует не выживанию страны, а разрушению семьи, а тем самым – и государства.

Под каким знаменем будет выступать «Невский Конгресс»? Чья идеология и какие ценности взять за базисные? Моисеевы принципы идут к первообразу – к общекультурным ценностям, Одно дело – теологические поиски ценностей, но другое дело, каковы исполнители этих ценностей? Есть ценности образа мира. Начать нужно с того, чтобы спросить, а что в багаже у РПЦ? Послушать их представителей. Посмотреть, что предлагают идеологи РПЦ, что предлагал Победоносцев? Что даёт Православие? Если церковь ставит в центр установок право, то она становится очагом регулирования. Протестантские пасторы 500 лет разрабатывали теологию. Законы шариата содержат право. Что должно быть в центре права: коллективность или индивидуальность гражданского общества? Следует продуцировать идею ценностей общества [2].

Матрица: потребности, интересы ценности. Соединение интересов индивида и общества, как задача зарождения оргкультуры, не определившего свой путь развития социума. Есть категории людей, чьи права – абсолютны, это – дети [2]. Дети нуждаются в помощи институтов, Формирование личности, как самооценности зависит не только от родителей, но и государства. От государства зависит право на жизнь, образ воспитания, доступ к культурным ценностям общества. Нормальность состоит в том, что ребенок должен быть возвращен на положительном историческом опыте. Ребенку в оптимальной ситуации следует сделать доступными знания, как о технологиях, светской жизни, так

и принципах религии. Итак, верхний ряд иерархии матрицы – дети – связанные с ними институты воспитания, образования, развития. (Необходимо обратиться к культуре образования мировой, отечественной педагогики и современным новаторским Проектам).

Для этого следует определиться с базовыми принципами совместной жизни. Обеспечить условия жизни: подтянуть к обеспечению детства промышленность сферы потребления, создать нормы. Необходимо запустить систему распределения, исходя из «корзины потребления» для неработающего населения: дети, пенсионеры (документ, разработанный авторским коллективом РИСП в недавнем прошлом, получившем одобрение МОТ) [7]. В настоящем следует учитывать при составлении децильный коэффициент.

Второй слой: юноше, размышляющему о выборе профессии. Нужно обозначить точки соприкосновения концепций науки-техники-религии. Идеологией должны быть определены способы продвижения в обществе (от М. Вебера до Л. Болтански и Л. Тевено) [1, с. 140-200]. Необходимо сформировать человека-лидера в социальной и производственной сфере.

Третий слой: Какой социальный Проект стоит за «Невским Конгрессом»? Выход из неопределённого состояния, или Инерционное текучее состояние, либо развитие? В журнале «Вопросы философии» обсуждалась проблема, «что такое счастье»? Является ли это объективной или субъективной категорией? Если система характеризуется несправедливостью, если в социальных отношениях, в процессе труда одни «ездят» на других, то осуществляется «скрытая эксплуатация». Как распределяются материальные блага? Устраивает ли социально-профессиональные группы существующая модель общества? Система образования, воспитания, труда и распределения должны быть органично связаны [5, с. 130].

В современных условиях оплата труда по разряду на отработанное время «не работает». Робототехника вытесняет живой труд: на содержание труда рабочего (рабочей силы) уходит 24 \$, а на содержание манипуляций робота 4 \$, понятно, что в робота вложена деятельность не матери-природы, а интеллектуальный труд инженеров. Стоимость роботов снижается, а гибрид белых и синих воротничков возрастает. Нужно перестраивать систему оплаты.

Если бы в свое время соединили систему академика Глушкова, автоматизированного учета сырья, труда, общественного богатства с коллективной организацией труда и самоорганизацией [6, с. 21], мы бы имели развитое сообщество на базе общественной собственности на средства производства, вместо «расфасованной собственности» между олигархами, которые управляют эффективно, но распределение общественного богатства идёт не справедливо. Прошрое общество государственно-монополистический капитализм, по Ленину, нужно было повернуть в сторону рабочего класса, в реальности повернули в сторону номенклатуры. В настоящем повернули

к олигархии. Из огня да в полымя. РБК сообщает о 137 миллиардном долге перед детьми разведенных родителей.

В третьем томе «Капитала» Маркс поставил вопрос о соединении индивидуального и общественного интереса через акционирование, о том, что капитал несёт две функции собственника и производительную функцию, т.е. рабочий – и труженик, и собственник. В Испании известен опыт кооператива «Мандрагоры» [2], когда рабочие выкупают предприятие и нанимают себе административный аппарат, идет сращивание банковского с промышленным капиталом.

Список литературы:

1. Болтански Л., Тевено Л. – М.: Новое литературное обозрение. 2013. 576 с.
2. Круглый стол в Пермском национальном исследовательском политехническом университете на гуманитарном факультете, организатор Тучин В.Г., участники Широян С.Ш., Мохов В.П., Парамонова С.П. 5.07. 2017; 19.07.2017.
3. Парамонова С. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012b. 443 с.
4. Пыжиков А. Ничто не ново... Олигархические виражи русской истории //Завтра. – 2017. – С. 3..
5. Тучин В.Г. По единому наряду. Пермь: Кн. изд-во, 1982. 133 с.
6. Тучин В.Г. Разработка комплекса методов создания и развития первичных трудовых коллективов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – Ленинград, 1989. 29 с.
7. Экономическая библиотека - <http://economy-lib.com/issledovanie-form-organizatsii-brigadnogo-hozrascheta#ixzz4niOCtzVr>

УДК 332.1 ББК 65.04

Чилимова Татьяна Анатольевна –
Уральский государственный
экономический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: tachil77@mail.ru

Гордиенко Дарья Андреевна –
Уральский государственный
экономический университет,
г. Екатеринбург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА КАК УСЛОВИЕ РОСТА ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: регион как субъект хозяйствования, экономическая безопасность, уровень жизни, социальное расслоение

Регион будучи субъектом хозяйствования в первую очередь самостоятельно проводит определенную экономическую политику на своей территории, принимая решения и выстраивая отношения со всеми участниками рынка, в том числе населением.

Понимание региона как субъекта хозяйствования предполагает учет условий, которые складываются в пределах конкретной территории. К числу таких условий, как представляется ряду авторов, можно отнести:

- экономическую целостность территории на основу хозяйственного комплекса;
- характер и степень развития внутренних и внешних экономических связей, определяемых рыночными механизмами;
- общность экономических, социальных и общественно-политических задач, решаемых на территории региона;
- возможность эффективного управления территориями [2].

Основной характеристикой эффективности управления всей территориальной системой необходимо рассматривать рост уровня жизни населения. При анализе отдельных секторов данной системы можно выявить сбои в функционировании экономики, а при определении общей оценки эффективности увидеть степень воздействия выявленных проблем на динамику уровня жизни населения.

Для анализа эффективности управления социально-экономической трансформацией региона необходимо использовать методику, которая основывается на исследовании финансовых процессов и потоков в экономике

территории и акцентирует внимание на финансовых рисках, определяющих уровень экономической безопасности. Данная методика предполагает учет взаимовлияния финансового и реального секторов экономики региона [3]. Все показатели, используемые в рамках анализа территории можно разделить на три группы:

1. показатели структуры активов и финансовых потоков;
2. показатели мощности и динамики финансовых и экономических процессов на территории;
3. показатели, характеризующие организацию финансового взаимодействия в регионе.

Финансовый анализ, как правило, проводится в разрезе следующих структурных секторов:

- органы государственной власти и местного самоуправления;
- бизнес, который условно можно разделить на реальный и финансово-сберегательный (в основном представлен банковской системой);
- сектор домашнего хозяйства.

Схема финансовых потоков региона представлена на рисунке 1.

- 1- Зарплата
- 2- Оплата товаров
- 3- Расчетные счета
- 4- Кредиты
- 5- Сумма кредита и проценты
- 6- Депозиты
- 7- Сумма депозита и проценты

- 8- Покупка \ продажа валюты
- 9- Налоговые платежи и сборы
- 10- Финансирование
- 11- Оплата товаров
- 12- Зарплата, трансферты
- 13- Налоговые и др. обязательные платежи и сборы

Рисунок 1 – Схема финансовых потоков в экономике территории

Основной характеристикой эффективности функционирования каждого сектора является сальдо денежных и финансовых потоков, его структура и динамика. Анализ параметров финансового взаимодействия дает возможность оценить потоки между секторами, изменение финансового состояния отдельных секторов, определить за счет каких составляющих структуры доходов/расходов происходит изменение сальдо сектора. Эти данные позволяют прогнозировать сальдо отдельных секторов и сальдо всей системы территории. Эффективность работы отдельных секторов является составной частью эффективности работы всей системы.

Экономическая безопасность Свердловской области, как и любого субъекта Российской Федерации, является основным условием ее способности осуществлять самостоятельную финансовую политику в рамках государственной в соответствии со своими региональными интересами. Исходя из вышесказанного, экономическая безопасность региона может быть определена как состояние экономики, при котором обеспечивается формирование региональных финансовых потоков в объемах, необходимых для выполнения государственных и территориальных задач и функций.

Экономическая безопасность обуславливается, прежде всего, способностью территориальных органов:

- обеспечивать устойчивость социально-экономического развития территории, платежно-расчетной системы и основных финансово-экономических параметров;
- нейтрализовать воздействие финансовых кризисов разного уровня на территориальную экономику;
- наиболее оптимально для экономики области привлекать и использовать инвестиции [4].

Ситуационная оценка безопасности региона может быть проведена с использованием модели диагностики, в основе которой лежит система индексов финансовой безопасности (ИФБ).

Общая балльная оценка степени кризиса в регионе рассчитывается как среднеарифметическая оценок по трем ИФБ (таблица 1):

$$V_{\text{фин.общ}} = (V_1 + V_2 + V_3) / 3$$

При необходимости для более детального анализа финансовой безопасности территориального образования могут использоваться и другие индексы финансовой безопасности.

Таблица 1

Пороговые уровни кризисности финансовых ситуаций по ИФБ [3]

Наименование ИФБ	Предкризисная ситуация			Кризисная ситуация		
	1	2	3	1	2	3
V_1 - Дефицит бюджета территории к ее ВВП, %	4,0	5,0	6,0	7,0	8,0	9,0
V_2 - Отношение кредиторской задолженности предприятий и организаций к ВВП, %	25,0	30,0	35,0	40,0	48,0	56,0
V_3 - Отношение сальдированной прибыли предприятий и организаций к ВВП, %	7,0	6,0	5,0	4,0	2,0	0,0

Используя данные пороговые значения в рамках проведенного в 2008 году анализа Свердловской области [1], были получены следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2

Оценка финансовой безопасности Свердловской области за 2004 - 2007 гг. [1]

Наименование ИФБ	2005	2006	2007
1. Дефицит бюджета территории к РВП, %	6,00	5,80	5,06
2. Отношение кредиторской задолженности предприятий и организаций к РВП, %	70,81	64,30	48,20
3. Отношение сальдированной прибыли предприятий и организаций к РВП, %	1,60	1,10	0,90
4. Общая бальная оценка	26,10	23,70	18,05

Полученные результаты позволили на тот момент сделать ряд выводов.

В соответствии с диапазоном критериальных оценок кризисности ситуации в финансовой сфере в Свердловской области наблюдался кризис 2 класса (диапазон критериальных оценок: 12.01 – 24). Данная ситуация рассматривалась как угрожающая.

При этом была на лицо тенденция улучшения, так как первые два индекса финансовой безопасности явно росли. Третий индекс (отношение сальдированной прибыли реального сектора к региональному продукту) хронически ухудшался.

Но, несмотря на положительные тенденции финансовых процессов, происходящих в регионе, негативное влияние на экономическую безопасность проявлялось:

- в росте взаимных неплатежей хозяйствующих субъектов на территории;
- в росте задолженностей хозяйствующих субъектов перед бюджетами всех уровней;
- в нарушении гарантированности бюджетных выплат (зарплата бюджетникам);
- в неравномерности и разрывности финансовых потоков на территории;
- в активизации теневых механизмов в финансовой сфере.

Что интересно, коэффициент Джинни (или индекс концентрации доходов населения) в этот период находился в пределах 4,30–4,31.

Развитие любого хозяйствующего субъекта – это переход от одного его качественного состояния к другому. Оно характеризуется структурой, источниками, формами и направленностью. Исходя из этого, развитие региона должно быть представлено как комплексный процесс изменений его экономической, социальной, пространственной, экологической, и других сфер, приводящий к их качественным преобразованиям и, в конечном счете, к изменению уровня жизни населения.

Анализ, проведенный в настоящее время и позволивший проследить процесс изменений, дает следующие результаты (Таблица 3).

Таблица 3

Оценка финансовой безопасности Свердловской области за 2014 - 2016 гг.

Наименование ИФБ	2014	2015	2016
1. Дефицит бюджета территории к РВП, %	11,20	9,30	3,00
2. Отношение кредиторской задолженности предприятий и организаций к РВП, %	61,30	52,12	51,20
3. Отношение сальдированной прибыли предприятий и организаций к РВП, %	0,72	0,39	0,87
4. Общая балльная оценка	24,40	20,60	19,35

В соответствии с диапазоном критериальных оценок ситуация характеризуется как предкризисная (нейтральная). При этом коэффициент Джинни в 2016 году снизился до 4,10.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Благодаря более взвешенной социально-экономической политике за 10 лет в Свердловской области произошло улучшение отдельных макроэкономических показателей. Но вследствие таких негативных явлений, как социальное расслоение населения, возникновение неуправляемых миграционных потоков, увеличение трансфертных платежей и др. экономическая безопасность региона остается под вопросом. Изменение акцентов в условиях обеспечения безопасности региона требует обязательных корректировок в проводимую социально-экономическую политику.

Список литературы:

4. Иваницкий В.П., Чилимова Т.А. К вопросу о финансовом потенциале экономической безопасности территории //Известия Уральского государственного экономического университета, 2009, N 2, С.62-67.

5. Калининкова И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона. – СПб: Питер, 2012. - 234 с.

6. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. – М: Прогресс, 2001.

7. Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов в обеспечении национальной безопасности РФ и субъектов. – Уфа: Институт социально-экономических исследований, 2016. – 222 с.

УДК 316(4) ББК 60.59

Ягафарова Дилара Гафуровна –

н.с. Центр изучения человеческого
потенциала

Институт стратегических исследований

Республики Башкортостан

(ЦИЧП ГАНУ ИСИ РБ), г. Уфа

e-mail: yagafarovadg@isirb.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК МЕХАНИЗМА РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: молодежь, регион, молодежная политика, эффективность

В настоящее время вопросы молодежной политики приобретают особую актуальность. Согласно прогнозам, в силу демографических причин численность молодежи в ближайшие 10-15 лет будет иметь тенденцию к значительному сокращению [3, с. 14]. Особенно ошутимое снижение численности молодежи ожидается в наиболее продуктивных с экономической и с социальной точек зрения возрастах – 23–28 лет. Таким образом, актуализируются проблемы экономического роста и воспроизводства населения региона. Для своевременной коррекции социально-экономического развития региона и реализации потенциальных возможностей человеческого капитала региона, необходимо разработать механизмы смягчения последствий негативных сценариев развития.

В настоящее время молодежная политика регламентируется несколькими документами. *На федеральном уровне* реализуется Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» [1], идет этап экспертного обсуждения проекта Государственной программы «Молодежь России», в рамках функционирования Федерального агентства по делам молодежи, реализуются основные направления государственной молодежной политики. Среди них актуальны на 2017 г. [5]:

1. вовлечение молодежи в здоровый образ жизни и занятия спортом, популяризация культуры безопасности в молодежной среде;

2. вовлечение молодежи в инновационную деятельность и научно-техническое творчество;

---

¹ Статья выполнена в рамках выполнения государственного задания Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ ИСИ РБ за 2017 г.

3. вовлечение молодежи в работу средств массовой информации (молодежные медиа);
4. поддержка и взаимодействие с общественными организациями и движениями;
5. работа с молодежью, находящейся в социально-опасном положении;
6. вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность;
7. развитие молодежного самоуправления;
8. патриотическое воспитание молодежи;
9. вовлечение молодежи в занятие творческой деятельностью;
10. содействие профориентации и карьерным устремлениям молодежи;
11. формирование у молодежи традиционных семейных ценностей;
12. социализация молодежи, нуждающейся в особой заботе государства;
13. развитие международного и межрегионального молодежного сотрудничества;
14. содействие подготовке и переподготовке специалистов в сфере государственной молодежной политики;
15. формирование российской идентичности, единства российской нации, содействие межкультурному и межконфессиональному диалогу;
16. развитие молодежного предпринимательства.

В *Республике Башкортостан* на данный момент реализуется Государственная программа «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан» (2012 - 2017 гг.) [2]. В рамках программы выделено несколько подпрограмм (реализуемых в настоящий момент):

1. «Талантливая молодежь»;
2. «Профилактика асоциальных явлений среди несовершеннолетних и молодежи»;
3. «Патриотическое воспитание и духовно-нравственное развитие молодежи в Республике Башкортостан».

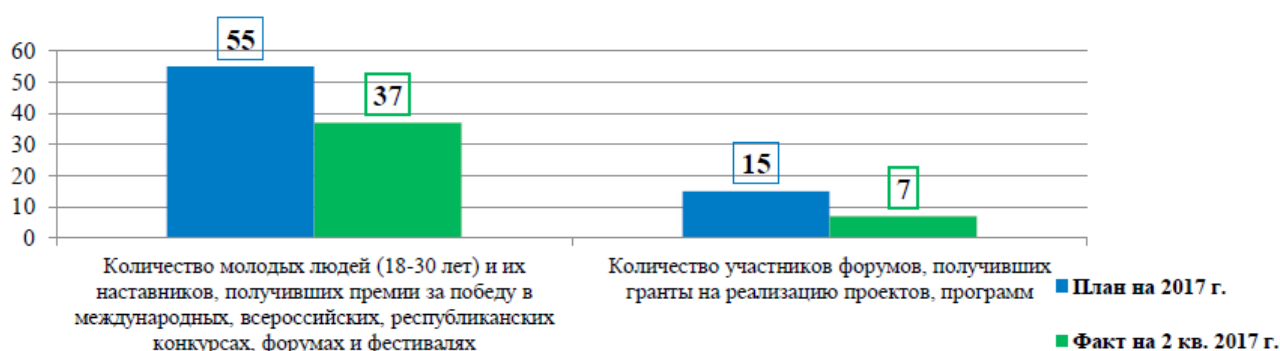
Очевидно, что региональная молодежная политика включает в себя отдельные, достаточно узкие, аспекты. Среди реализуемых на данный момент направлений на решение задачи снижения образовательной миграции молодежи, так или иначе, работает только подпрограмма «Талантливая молодежь». Для решения проблем, связанных с ростом миграционного оттока молодежи, снижения рождаемости в регионе, безработицей, особенно актуальной для молодежи, возможностями для самореализации и повышения уровня жизни молодежи, необходимо разработать дополнительные направления работы с молодежью как социальной группой.

Среди показателей программы используются количественные индикаторы (рост охвата молодежи в различные проекты), целесообразно

дополнить их качественными показателями оценки работы с молодежью и ее эффективности.

Кроме этого, необходимо наращивать эффективность уже принятых показателей. Согласно Пояснительной записке к отчету о ходе реализации и об оценке эффективности реализации Государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан» за 2 квартал 2017 г. [4] фактическая реализация Подпрограммы «Талантливая молодежь» не соответствует запланированным показателям. Вероятно, частично это связано со снижением объема финансирования в целом по Госпрограмме в связи с изменением объема финансирования за счет средств местных бюджетов. Достижение плановых значений ЦИИП запланировано до конца года [4].

Рис. 1. Достижение ЦИИП подпрограммы «Талантливая молодежь», чел.

Проблемы молодежи, так или иначе, затрагиваются в ряде других программ и концепций РБ, также регион участвует в реализации федеральной молодежной политики. По результатам рейтинга эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [6], реализующих государственную молодежную политику, в 2016 г. Республика Башкортостан занимает 22-23 место и входит во вторую группу регионов¹. Это еще раз акцентирует внимание на необходимость повышения эффективности работы с молодежью в регионе.

Безусловно, межсекторальный подход к реализации молодежной политики (предполагающий взаимодействие различных ведомств и структур) позволяет учитывать потребности молодежи в рамках общей политики региона, однако целесообразно выделить комплексное направление развития молодежи в отдельный стратегический документ.

¹ В основу рейтинга положены ключевые показатели реализации государственной молодежной политики, включающие мероприятия, всероссийскую форумную кампанию, грантовую поддержку, работу с автоматизированной информационной системой «Молодежь России», институты, инфраструктуру, коммуникации и нормативно-правовую базу.

Список литературы:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420327349> (дата обращения: 08.09.2017).
2. Государственная программа «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан» (2012 – 2017 гг.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/935123532> (дата обращения: 08.09.2017).
3. Молодежь России 2000 – 2025: развитие человеческого капитала. Министерство образования и науки РФ. Москва, 2013. – 187 с.
4. Пояснительная записка к отчету о ходе реализации и об оценке эффективности реализации Государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан» за 2 квартал 2017 г. URL: <http://mmpsrb.ru/ministerstvo/federalnye-i-respublikanskie-programmy/respublikanskaya-dolgosrochnaya-celevaya-programma-razvitie-molodezhnoj-politiki-v-respublike-bashkortostan-na-2012–2017-gody> (дата обращения: 04.09.2017).
5. Публичная декларация целей и задач на 2017 год. Федеральное агентство по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?page=3> (дата обращения: 03.09.2017).
6. Рейтинг эффективности регионов по системе ключевых показателей за 2016 год. Федеральное агентство по делам молодежи. URL: https://fadm.gov.ru/news/33725?is_important=true&page=2 (дата обращения: 03.09.2017).

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

Секция № 4

**XIII Всероссийская научно-
практическая конференция
«Сравнительный анализ
процессов социокультурной
и социоэкономической
модернизации в регионах России:
полипарадигмальный подход»**

УДК 316.3 ББК 60.5

Беляева Людмила Александровна –

д-р социол. наук

Институт философии РАН, г. Москва

e-mail: bela46@mail.ru

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: институт собственности, этапы приватизации, «власть-собственность».

За прошедший 25-ти летний постсоветский период произошли значительные изменения в институциональной системе российского общества. Собственность как центральный институт, определяющий условия и практику деятельности экономических агентов, претерпела наиболее радикальные изменения и теперь, по прошествии четверти века есть возможность оценить и проанализировать проблемы экономической и социальной эффективности изменений. Можно отметить, что сам процесс преобразования отношений собственности не окончен, но основные черты сложившейся системы уже обозначились довольно четко и имеют своих горячих и влиятельных сторонников, как и критиков и противников. Важно подчеркнуть, что преобразования в отношении собственности продолжают затрагивать всю систему жизнедеятельности общества, жизненные интересы групп и слоев, коллективов и отдельных граждан. Происходят изменения в социальной структуризации общества, возникли новые эффекты материального и социального неравенства, что сказалось на возможностях социального восхождения, политическая и социальная консолидация получила новые препятствия, возникла целая палитра мнений о социальной справедливости в перераспределении собственности и ее использовании. Даже исходя из перечисленного, стоит рассмотреть проблему экономической и социальной эффективности института собственности в современной России.

В начале 1990-х годов в России произошло изменение социально-экономического строя, ликвидирована монополия Коммунистической партии, начался переход от плановой к рыночной экономике. Центральным звеном этих трансформаций является изменение отношений собственности, с которыми связывалось преодоление глубокого экономического кризиса российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой организации экономики, отсутствием эффективных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу. Важную роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной

приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Экономические преобразования с самого своего начала напоминали напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны – одних как активных участников, других как сторонних эмоциональных наблюдателей.

Можно выделить несколько условных этапов приватизации и разгосударствления собственности. В рамках первого этапа (1992–1994) была проведена так называемая малая и чековая приватизация – продажа предприятий через аукционы. На этом этапе было приватизировано до 70 % предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие четкого правового регулирования, открытие рынков

капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и не к созданию богатства внутри страны, а к выводу активов за рубеж.

Второй этап – начат в 1995 г. – был реализован в виде залоговых аукционов, проведенных с целью пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995-1996 гг. (прежде всего – отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение бюджета любыми методами) и ряда банков (захват контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развертывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель» [Радыгин 1998].

Третий этап, начавшийся в 1996 г. и продолжающийся по настоящее время, это продажа государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие стовор претендентов на эту собственность. Крупная собственность продается на внутророссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается

интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, сопровождающихся рейдерскими захватами как, например, в начале 2000 годов на московском заводе «Кристал», предприятии «Мосхимфармпрепарат», кондитерском концерне «Бабаевский»,

ОАО «Айс-Фили» и других не только московских предприятиях. До сих пор нередко практикуется отъем собственности путем прямого рейдерского захвата, процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия. На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Проведение приватизации и последующее перераспределения собственности не сопровождались в России рациональной промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Многие новые собственники, став владельцами предприятий, основное внимание обратили на продажу имеющихся в их распоряжении активов, вывод полученных средств за рубеж и использование их на престижное потребление. Воздействие государства на развитие ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства, обеспеченной по наиболее значимым проектам финансовыми ресурсами. Государственно-частное партнерство способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны. Но эта технология используется в России не часто.

Одним из весомых изъянов при реформировании собственности было то, что на конституционном уровне не была урегулирована частная собственность юридических лиц, что обусловило отчуждение коллективов от владения и управления собственностью в России. По мнению видного юриста В.К. Андреева, произошло полное отчуждение трудящихся от средств производства, которые стали частными. При приватизации трудовой коллектив государственного (муниципального) предприятия целиком исключается из управления имуществом, а право полного хозяйственного ведения, которое юридически приравнивалось к праву собственности, трансформировалось в частную собственность коммерческой организации. Зачатки частной трудовой собственности были загублены [Андреев 2007].

Существенному изменению были подвергнуты положения Конституции и Гражданского кодекса, относящиеся к собственности на землю. В Конституции (глава 9) отмечается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Но по Закону РФ от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах» (в ред. от 18 июля 2008 г.)

недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами. При этом существенные изменения произошли в распределении горной ренты – дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период происходило социально ориентированное использование горной ренты – для финансирования образования, здравоохранения и других социальных программ, в период расцвета нефтедобычи (1975-1985 гг.) 50 % госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефти-газового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2-3 % от стоимости товарной нефти в 1992-2001 гг.), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую олигархию. С января 2002 г. была введена новая схема налогообложения, позволившая изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5 % (2005 г.) по сравнению с 21,6 % в 2003 г. [

<http://www.promved.ru/next/article/?id=768>]. Но значительная часть ренты остается у частных владельцев этих предприятий. Между тем недра – это общенародная собственность и, как писал академик Д. С. Львов необходимо обращение рент от использования природных ресурсов в общественные доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов и составит чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Доходы от использования природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды [Львов 2007]. Неоптимальное, стремительное, законодательно не отработанное разгосударствление собственности предопределило перекосы в отраслевой структуре экономики и падение, относительно советского периода, производительности труда. Даже по данным Росстата, которого часто упрекают в необъективности, экономика демонстрирует недопустимо низкие показатели производительности труда. В 2015 г. только в сельском хозяйстве по сравнению с прошлым годом отмечен рост этого показателя (на 0,5 %) в строительстве производительность была на уровне прошлого года, по всем остальным отраслям отмечено его снижение [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm]. За более длительный период, который охватывают сроки выполнения президентских указов, намечалось повысить производительность труда

с 2011 по 2018 гг. на 50 %, но реальное повышение в 2012-2015 гг. составило только 4 %. Для выполнения намеченного в Указе ежегодный рост должен составлять 20 %, что совершенно не реально.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2015 г. максимальную долю занимала оптовая и розничная торговля, доля обрабатывающей промышленности составляла в 2015 г. 17,0 %, снизившись по сравнению с 2005 г. Стабильна в этот период доля сельского хозяйства, более-менее заметно (около 3 п.п.) выросли такие отрасли как операции с недвижимостью, а также управление и обеспечение безопасности. В остальных отраслях изменения валовой добавленной стоимости не столь заметны – до 1 п.п. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm].

Стагнация роста производительности труда и несвоевременной структуры отраслей – это одни из заметных характеристик состояния экономики, его медленной структурной перестройки и диверсификации. В пореформенный период был снижен технический потенциал гражданских отраслей экономики, разрушались старые производства, на которых было занято основное работающее население, а новые обрабатывающие производства почти не создавались.

Прирост числа вновь созданных предприятий, особенно обрабатывающих отраслей, в последнее десятилетие весьма невелик. В 2005 и 2015 гг. наибольшая активность по созданию предприятий была сосредоточена в сфере операций с недвижимостью, в 2005 г. активно создавались сельскохозяйственные предприятия, в 2015 г. активизировалось создание предприятий торговли, но в обрабатывающих отраслях число вновь вводимых предприятий не только не выросло, но и сократилось. Среди них предприятия, производящие машины и оборудования, требующие значительных капитальных вложений и организационных усилий, составляют незначительное число: 2005 г. – 67, 2010 г. - 25, 2015 г. - 56 предприятий на всю России. При этом основной прирост новых обрабатывающих предприятий в этот период приходится на пищевую промышленность (110) и металлургию (70). Как существенное достижение можно отметить, что было создано 70 новых предприятий по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Новые показатели, разработанные Росстатом – коэффициент рождаемости и коэффициент ликвидации предприятий, показывают, что второй показатель в 1,5 раза превышает первый [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm].

Восстановление индустриального потенциала столь низкими темпами непосредственно сказывается на занятости населения и его профессиональной структуре. Численность занятого населения в обрабатывающих производствах сократилось с 2005 по 2016 гг. с 18,7 % до 14,5 % [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#]. Перетекание

рабочей силы из промышленного сектора в обслуживание и торговлю означает ко всему прочему и утрату навыков квалифицированного индустриального труда и производственной дисциплины, которая будет вновь востребована при реиндустриализации экономики.

Можно заключить, что социальная и экономическая эффективность института собственности в современной России остается недостаточно высокой. Те преимущества частной собственности, которые демонстрируют страны с длительным опытом функционирования рыночной экономики, в условиях России показали свою эффективность преимущественно в сфере торговли и услуг населению. В сфере среднего и крупного предпринимательства развитие индустриальных производств остается недостаточно эффективным. Сложилась такая нефеодалская система «власть-собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление вместо инвестиций в производство. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», в результате «криминального банкротства», или рейдерского захвата. В свою очередь крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетного финансирования. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, при этом говорить о равенстве условий для развития бизнеса можно только с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги, деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса – основного поставщика предпринимателей в России.

Список литературы:

1. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер. 2007. // <https://gisher.org/v-k-andreev-o-prave-chastnoy-sobstvennosti-v-rossii-2007-t47387.html>
2. Львов Д. Стратегия развития России // «Перспективы. Электронный журнал» // http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm
3. Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3, Том VII. С. 3–32.

УДК 316.4

Ромашкина Гульнара Фатыховна –
доктор социологических наук,
заведующий кафедрой «Математических
методов, информационных технологий
и систем управления в экономике»,
Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНОЙ КОМПОНЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500).

Ключевые слова: модернизация, регион, права, свободы, проблемы, социокультурный, индустриализация, развитие.

Введение. Автор данной работы продолжает всестороннее изучение процессов модернизации, как в целом по Уральскому федеральному округу, так и в разрезе субрегионов Тюменской области [13]. Мы использовали концепцию поэтапной модернизации китайского профессора Хэ Чуанци [10], которую творчески развил и применил для российских реалий Н.И. Лапин [11]. В 2016 г. был издан «Атлас модернизации России и её регионов» [1], в котором на различных уровнях были рассмотрены модернизационные процессы в различных регионах России, и сделан ряд концептуальных выводов. Для целей данной работы важно зафиксировать, что модернизация - это самоповышающаяся эволюция цивилизации и благополучия людей [11]. Этот процесс включает четыре главные компоненты, каждую из которых можно рассматривать как компонентную модернизацию. Поскольку ранее они уже были охарактеризованы [7], здесь лишь назовем их: технико-технологическая, социоэкономическая, социокультурная, институционально-регулятивная. Все компоненты модернизации как цивилизационного процесса взаимосвязаны, но сам процесс протекает несбалансированно. Модернизация каждого региона зависит от выбора населения, элит, эти процессы невозможно навязать, но им можно способствовать или препятствовать.

В качестве одного из важнейших выводов, сделанных в указанных выше работах, авторами отмечено противоречивая динамика институционально-регулятивной компоненты модернизации в российских регионах [13, с. 23]. Мы придерживаемся трактовки институционально-регулятивной компоненты модернизации как составляющих изменений регулирующих институтов

(формальных и неформальных правил действий акторов) в экономической, политической, общественной жизни общества. Общий вектор изменений составляет глубокая демократизация государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества [11]. Указанное отставание многими авторами рассматривается также и как одно из основных ограничений новой индустриализации России [9], отставания от требуемых темпов экономического развития [4], дальнейшего углубления противоречивости норм публичной политики и их отражения в общественном мнении [2], фактического провала политики импортозамещения [14, с.13], и даже деградации России в рамках существующей экономической модели [3].

Как измерить такие изменения? Существует множество методик, и даже отрасли науки, изучающие социальные аспекты способов действий регулирующих институтов, уровня защищенности личности, доверия личности институтам власти и управления, формальных и неформальных институтов. В данной работе мы рассмотрим то, какие способы выбирают люди при столкновении с нарушениями прав и свобод личности, уровня защищенности личности и уровня правовой культуры граждан в различных социальных проекциях.

Эмпирической основой работы являются результаты социологических исследований, проводимых автором в проекте «Социокультурный портрет Тюменской области», и участие во всероссийском исследовательском проекте «Социокультурные портреты регионов России». Привлечены данные шести волн социокультурного мониторинга, проведенного в Тюменской области. Выборки репрезентируют население Тюменской области старше 18 лет по половозрастной структуре и образованию в разрезе территории проживания и типа поселения. Всего было опрошено в 2006, 2009, 2011, 2013, 2016 и 2017 годах соответственно 1715, 1560, 2335, 1271, 1514, 1640 человек. Ошибка выборок по одному признаку по формуле Паниотто не превышала 2,5%. Результаты предыдущих волн мониторинга были опубликованы в ряде статей и монографий, в том числе [11; 12; 15]. Привлекались результаты экспертного опроса (114 экспертов), проведенного в Тюменской области весной 2017 г.

Основная часть. Рассмотрим, как жители региона отвечают на вопрос *“Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?”* Ответы на этот вопрос: 0. Не сталкивался с нарушением прав; 1. Не пытался отстаивать нарушенные права; 2. Чаще удавалось отстаивать нарушенные права; 3. Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права; 4. Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права. Ответы на этот вопрос позволяют вычислять: Сн – доля (в %) тех, кто сталкивался с нарушениями прав и свобод, от всех опрошенных; Ки – доля тех, кто пытался отстаивать свои нарушенные права и свободы, среди тех, кто сталкивался с нарушениями (Сн); Ку – доля тех, кому чаще удавалось

отстаивать нарушенные права и свободы среди тех, кто пытался их отстаивать (Ки). Поскольку в последней строке приведено среднее от числа вопросов, можно в общем судить об интенсивности обращений за защитой своих прав и свобод от жителей региона за 11 лет. Способ вычисления индексов Сн, Ки, Ку и индекса защищенности Кз и их динамика до 2015 г. приведены в [15, с. 25].

По доле ответивших «Не сталкивался с нарушением прав» можно выделить самые не нарушаемые и самые нарушаемые права и свободы граждан. Так, в 2017 г. самые ненарушаемые права и свободы, это – право избирать и быть избранным (76%), и свобода слова (75%), в скобках указана доля тех, кто сказал, что за прошедший год данные права не были нарушены ни разу. Самые нарушаемые, это – равенство перед законом (33%), право на труд (30%), право на безопасность и защиту личности (30%), право на охрану здоровья (29%), право частной собственности (29%), в скобках указана доля тех, кто не ответил, что он не сталкивался с нарушением прав. Не пытались отстаивать свои нарушенные права граждане: равенство перед законом (12%), право на безопасность и защиту личности (11%). Доля успешно отстаиваемых прав по всем часто нарушаемым правам, это 9%. Доля тех, кому чаще не удавалось отстаивать нарушенные права также примерно одинаковая – 3-4%. Доля тех, кому никогда не удавалось отстоять нарушенные права в среднем по выборке не превышает 3%.

За последние пять лет резко повысилась частота нарушений всех других прав, кроме первых двух в рейтинге нарушаемости. Одновременно мониторинг демонстрирует снижение интенсивности защиты нарушенных прав, но при этом выросла успешность защиты прав и свобод по всем направлениям. Интенсивность защиты и успешность защиты нарушенных прав оказалось самым сильным фактором, определяющим индекс защищенности индивидуума (Кз).

Уровень защищенности населения от проблем-опасностей оценивается по ответам на вопрос: «*Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?*», в котором содержится перечень 11 опасных проблем. Кз (частное) по каждой из проблем-опасностей считается как средневзвешенное. Средний индекс защищенности Кз определяется как сумма средних значений Кз (частное)) преобразованная в шкалу от 0 до 1, где минимальное значение 0 показывает, что все жители региона считают себя совсем не защищенными, а максимальное значение 1 означает, что все жители считают себя полностью защищенным от всех видов опасностей-угроз. За 11 лет мониторинга средний индекс защищенности в регионе вырос с 0,52 до 0,59.

В наших публикациях по итогам социокультурного мониторинга неоднократно подчеркивалось, что проблемы-опасности, наиболее актуальные как для жителей Тюменской области (и ее отдельных субъектов), так и для России в целом совпадают. Это бедность, потеря работы, производ

чиновников, преступность, произвол правоохранительных органов. Далее идут (по убыванию) экология, одиночество и заброшенность, преследования за политические убеждения, притеснения из-за возраста и пола, религиозные убеждения, национальность. Рассмотрим среднее значение индекса защищенности для тех, кто отвечал соответствующим образом на вопрос «*Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?*» в 2017 г., значение критерия F и значимости (вероятность ошибки критерия) по результатам теста ANOVA дисперсионного анализа. Как известно, значимыми считаются различия между группами, если критерий F превышает 10, а максимально значимыми, если при этом значимость ниже 0,001. Видно, что при переходе от группы тех, кто не сталкивался с нарушением соответствующего права к тем, кому никогда не удавалось отстоять нарушенные права, индекс защищенности снижается почти в два раза. Наиболее сильные статистически устойчивые различия между группами, дающими различные ответы, наблюдаются при нарушении прав на равенство перед законом ($F=20$), на безопасность и защиту личности ($F=18,39$). То есть нарушение и возможность отстоять нарушение соответствующих прав дает наибольшие различия между группами по среднему индексу защищенности K_z . Сильнее всего снижает уровень защищенности гражданина невозможность отстоять нарушенное право на безопасность и защиту личности ($K_z=0,35$).

В каких социальных группах сильнее всего снижаются самооценки защищенности? Это женщины, живущие в незарегистрированном браке ($K_z=0,52$), граждане возрастной когорты от 45 до 54 лет ($K_z=0,57$), городские жители, работающие в сфере услуги (банковские, страховые, информационные, консалтинг, маркетинг) ($K_z=0,53$), офисные работники средней квалификации ($K_z=0,56$). Гендер вообще снижает оценки уровня защищенности по всем видам на 1% пункт (K_z (женщины)=0,58, K_z (мужчины)=0,60). Женщины гораздо реже пытаются отстоять свои нарушенные права, чем мужчины (почти в два раза). Существенно снижает самооценки защищенности рост образовательного статуса.

Кто сильнее всех ощущает свои права нарушенными?

Например, среди работников бюджетной сферы, работников образования, здравоохранения, культуры доля ответивших, что им не удалось отстоять нарушенные права достигает 10-15 %% при средних менее 5%. Чаще других сталкиваются с нарушением своих прав работники сельского хозяйства, и они обычно не пытаются отстаивать свои нарушенные права. Работники производственной сферы в 36% случаев отвечают, что они сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом. Руководители производства сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом в 39% случаев. При этом женщины, работники производственной сферы сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом

в 39% случаев уже в 55% случаев. Отметим, что руководители отвечают в большинстве случаев, что им, как правило, удается отстоять нарушенные права (более чем 95% нарушенных прав). Предприниматели отвечают, что им обычно удается отстоять нарушенные права в 10-15%% случаев, и они гораздо реже оставляют свои нарушенные права без защиты. Именно в категории предпринимателей мы имеем наибольшую долю тех, кто отстаивают свои нарушенные права (выше 30%), и чаще всего успешно.

В завершении приведем фрагменты экспертных интервью. Эксперт-руководитель сельского хозяйства: *«На мне вон ярлык лизинга висит – 27 миллионов, о чем мы говорим, какое-развитие-то? Нет никакой помощи сельскому хозяйству. Встали, стоим, говорят кончилась у нас рецессия: где она кончилась?»* Эксперт, владелец бизнеса: *«Что касается России, да, мы живем лучше, чем все остальные, но опять-таки, не потому что мы работаем лучше, потому, что мы имеем доходы, маленькую часть денег, которая из недр к нам поступает. Почему в Чечне живет лучше людям, чем, допустим, в Калмыкии? Потому что туда инвестируют деньги центр, там хотят успокоить население, их задабривают.»* Эксперт, руководитель бизнеса: *«Я бы назвала ситуацию стабильно-ухудшающейся. Хотела бы отметить что пособие по безработице в регионе, составляет 970 рублей. Как на эту сумму можно прожить семье из трех человек - вопрос нашим депутатам.»* Эксперт, владелец бизнеса: *«Поэтому нынешняя ситуация и ее экстраполяция в прошлое показывает что область уверено занимает близкие к лидирующим позиции по многим показателям. С точки зрения инфраструктуры все очень эффективно, с точки зрения социального обеспечения населения достаточно эффективно, с точки зрения привлечения инвестиций тоже вполне. Однако если мы посмотрим на тенденции ее развития, то мы увидим, что ни одна крупная система не может развиваться только под одним рычагом сверху, поэтому в случае каких либо резких скачкообразных изменений или каких-то вызовов, которые могут прийти, система может не справиться с ними в силу прямого ручного управления. Не существует акторов, которые бы выступали в виде подушки безопасности, то есть система твердая, но хрупкая, как бетон.»*

Заключение. По итогам нашего анализа подтверждена гипотеза о том, что, институционально-регулятивная компонента модернизации развивается противоречиво. Повышается средний индекс защищенности, и одновременно увеличивается значимость разрывов по индексу защищенности между различными социальными группами. В социуме ощущается сильная напряженность по поводу нарушения своих базовых прав и свобод. Более того, чем более прицельными становятся вопросы, тем сильнее определяются разрывы между различными социальными группами по поводу возможностей и успешности нарушенных прав и свобод гражданами. Оказываются незащищенными гражданские права и свободы женщин, работников производственной сферы, работников банковской сферы и сферы услуг. Очень

часто нарушаются права предпринимателей. Тем не менее имеются легитимные механизмы защиты своих прав, которыми, впрочем, граждане не в полной мере пользуются.

Эксперты в целом оценивают ситуацию с Тюменской области как позитивную, динамично развивающуюся, имеющую существенно более качественные характеристики, чем в целом по России. Эксперты реального сектора экономики и бизнеса указывают на неустойчивость развития в силу слишком сильного влияния человеческого фактора в управленческой системе и неустойчивости функционирования институтов.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. 360 с.
2. Грин С. После Болотной: новая норма в публичной политике / С. Грин // Pro et Contra. 2012. № 4–5 (56), июль-октябрь. С. 54–70.
3. Зубаревич Н. В. Regional inequality and potential for modernization/ Н.В. Зубаревич // The Challenges for Russia’s Politicized Economic System. Оксфорд: Routledge, 2015. P.182-201.
4. Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона/ В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – №8. – С. 34–41.
5. Когай Е.А. Два тренда первичной модернизации регионов. центральное Черноземье/ Е.А. Когай, А.А. Когай // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 37–44.
6. Коровин Г.Б. Теоретические аспекты новой индустриализации России/ Г.Б. Коровин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №6(38), 2014. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 23.07.2017).
7. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов/ Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8–19.
8. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., ИФ РАН, 2010.
9. Лебедев В. С чего начать новую индустриализацию/ В. Лебедев // Эксперт 2013, №12.
10. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 - 2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русск. изд. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2011.

11. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013. – 416 с.

12. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая редакция Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2009. – 807 с.

13. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа/ Г.Ф. Ромашкина// Социологические исследования, 2015, № 1. С. 19–26.

14. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 147 с.

15. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / научная ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2015. – 358 с.

16. Тарасов В.Т. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа/ В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов// Социологические исследования, 2015, № 1. С. 11–18.

УДК 316.4 ББК 60.59

Андреанова Елена Владимировна –

к.с.н.,

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ, СОПУТСТВУЮЩИХ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

Ключевые слова: модернизация, регион, социокультурный, реиндустриализация.

Потребность в реиндустриализации экономики России является признанной на уровне государства. В федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г обозначены цели промышленной политики, первая из которых звучит так: «формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития» [1]. Как отмечает Бодрунов С.Д., введение санкций в отношении России придало новый стимул для активизации процессов реиндустриализации [2].

Обеспечение реиндустриализации во многом предопределяется социокультурной составляющей. Сюда входят такие аспекты проблем связанных с рынком труда, как: несоответствие квалификации персонала потребностям рынка, отсутствие квалифицированной рабочей силы для новых производств в регионе, сокращение спроса на труд, реструктуризация, роботизация производств, низкая мотивация предпринимательской деятельности, рассогласование интересов работодателя, работника и государства.

В качестве основы изучения процессов модернизации использована концепция поэтапной модернизации китайского профессора Хэ Чуанци [3], которую предложил рассмотреть применительно к России Н.И. Лапин [4; 5; 6].

Эмпирической базой работы выступают результаты массовых опросов населения, проводимых автором в составе научной группы Тюменского государственного университета, ЦИСИ ИФ РАН по программе «Социокультурные портреты регионов России» за период 2006-2017 гг. [7].

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500).

Исследования проводятся в Тюменской области. Выборки репрезентируют население Тюменской области старше 18 лет по полу, возрасту, образованию, территории проживания и типе поселения. Всего было опрошено в 2006 (1715 чел.), 2009 (1560 чел.), 2011(2335 чел.), 2013 (1271 чел.), 2016 (1514 чел.) и 2017 (1640 чел.). Ошибка выборок по одному признаку по формуле Паниотто не превышала 2,5%. Результаты волн мониторинга опубликованы в ряде статей и монографий, включая [5; 7; 8; 9]. Привлекались результаты экспертного опроса (114 экспертов), проведенного весной 2017 г.

В настоящее время в числе самых главных социально-экономических проблем население области и эксперты выделяют вопросы труда и занятости. Население отмечает необходимость создания новых рабочих мест, а эксперты отмечают, что рынок труда разбалансирован и что ожидания наемных работников и руководителей (владельцев) предприятий региона слишком часто не совпадают. Рынок труда, являясь важной характеристикой регионального сообщества, отражает включенность граждан в процесс общественного производства. Поведение на рынке труда формирует и воспроизводит социально-профессиональную структуру региона, позволяющую удовлетворить потребность общества в кадрах.

Рассмотрим ответы респондентов на вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?».

Таблица 1

Динамика предприятий по форме собственности в самооценках работающих респондентов «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (2006-2017 гг., в % от числа опрошенных)

Форма собственности / годы		2006	2009	2011	2013	2016	2017
Государственное, муниципальное предприятие (вариант формулировки в опросах 2006-2013 гг.)	(1) Органы государственной власти или местного самоуправления					6	4
	(2) Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т.п.)					15	12
	(3) Государственное предприятие	30	44	32	25	8	
(4) Акционерное предприятие с участием государства		11	7	5	5	6	9
(5) Акционерное предприятие без участия государства		23	8	6	8	9	24
(6) Частное предприятие (не Ваша собственность)		13	22	21	23	19	
(7) Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности		4	3	2	4	3	4
Сумма позиций 5-7		40	33	29	35	31	28
(8) Крестьянское, фермерское хозяйство, с/х кооператив		1	1	2	2	2	3

(9) Личное подсобное хозяйство	1	1	-	1	1	
(10) Индивидуальная трудовая деятельность	1	2	5	3	3	6
(11) Не работаю, другое, отказ от ответа	16	12	27	29	28	37
Итого	100	100	100	100	100	100

По сути дела, все эти ряды отражают не что иное, как неуклонное снижение признака государственного участия в распределении ответов респондентов относительно их принадлежности к форме собственности в самооценках в 2006–2017 гг. На наш взгляд, мы получили достаточно необычную реальную тенденцию, отражающую снижение государственного участия рабочих мест в самооценках респондентов. Несмотря на то, что государственная политика ориентируется и опирается в основном на представителей государственной формы собственности, мы видим, что её доля в общей совокупности рабочих мест постоянно и неуклонно тает. Если объединить три группы респондентов по принадлежности к акционерным предприятиям без участия государства, вместе с частными предприятиями и предприятиями в личной собственности, то по укрупнённой группе по принадлежности к предприятиям к форме собственности без участия государства в самооценках получим за 2006–2017 гг. такой тренд: 40% – 33% – 29% – 35% – 31% – 28%. Этот ряд отражают не что иное, как неуклонное снижение признака негосударственного участия в распределении ответов респондентов относительно их принадлежности к форме собственности в самооценках в 2006–2017 гг. Возникает закономерный вопрос: а что же тогда «остаётся», если «всё тает»? На наш взгляд, ответ лежит на поверхности: остаётся то, что уходит в неформальный (теневой) сектор.

В 2006–2017 гг. эту категорию «неформалов» («не работаю, другое, отказ от ответа») высвечивает тренд: 16% – 12% – 27% – 29% – 28% – 37%. Проблема неформальной занятости озвучена экспертами области в числе приоритетных:

«... серая занятость, соответственно, серые зарплаты. Сложность входа малых предприятий, там индивидуальных предпринимателей на рынок, сложный доступ к заемным средствам и достаточно низкая грамотность людей для того, чтобы обеспечить первый шаг в малом бизнесе и среднем, высокая налоговая нагрузка.»

Доля менявших работу в 2017 г. непрерывно увеличивается, см. рис.1. Учтем, что в 2017 год (на момент опроса – май 2017 г.), уже указали 6%.

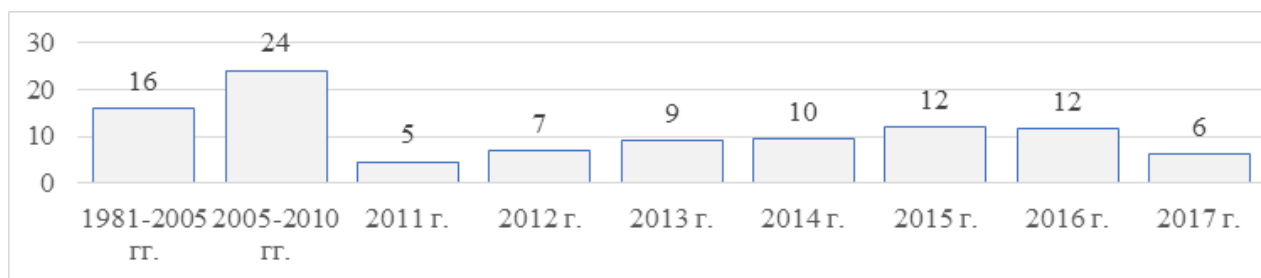

Рис.1. Ответы на вопрос «13. Если вы меняли свою работу или профессию, то укажите в каком году это было в последний раз», в % от числа ответивших

Рассмотрим распределение ответов респондентов по ответу на вопрос: «Если представится возможность сменить работу, что бы из перечисленного Вы предпочли?», % от числа ответивших, табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов по ответу на вопрос: «Если представится возможность сменить работу, что бы из перечисленного Вы предпочли?», % от числа ответивших, опрос в мае 2017.

Вопрос (ответы)	%
11. Устраивает ли вас работа?	
Работой вполне доволен	46
Скорее доволен, чем недоволен работой	37
Работа для меня безразлична	4
Скорее не доволен, чем доволен работой	10
Совершенно не доволен работой	3
14. Если представится возможность сменить работу, что бы из перечисленного Вы предпочли?	
Вообще не работать	14
Остаться в этой же должности	32
Повышение в должности с большей ответственностью	21
Стать начальником среднего или верхнего звена	12
Начать собственный бизнес	21
Итого	100
16. Если Вы работаете сегодня, то имеете ли Вы письменный трудовой договор на основной работе?	
Да, имею письменный договор	87
Нет, не имею письменного договора	13
Итого	100

Подавляющее большинство работников ценят свое место работы: 45% работающих своей вполне довольны, скорее довольны, чем недовольны 37%, 4% она безразлична и 10% скорее недовольны, чем довольны, табл. 2.

Предпочли бы вообще не работать – 14%, 32% остались бы в своей должности. Имеют мотивацию на повышение должности с большей ответственностью 21%, стать начальником среднего или верхнего звена 12% и начать свой собственный бизнес 21% от числа ответивших, табл. 2. То есть, судя по самооценкам, 47% работающих в настоящее время не имеют мотивацию на профессиональный и карьерный рост. Отметим, что 21% ответивших составляет 13% от всей выборки. То есть 13% жителей региона хотели бы иметь свой бизнес. При этом вообще не работать хотели бы 9% жителей региона. Среди работающих респондентов имеют трудовой договор 87% ответивших, 13% работают, не имея трудового договора.

Стал очевидным риск сжатия сектора индивидуального предпринимательства. Наличие в экономике региона развитого сектора малого и микробизнеса существенно дополняет перечень производимых товаров и услуг, обеспечивает занятость населения, в значительной степени способствует формированию конкурентной среды и установлению рыночного равновесия.

Эксперты указывали в качестве приоритетной задачи поддержку малого и микробизнеса, в том числе и самозанятость. У низкого уровня развития малого бизнеса выделяют разные причины: «проблема в том, крупные игроки на рынке не хотят работать с малым бизнесом. Сколько мы не пытались работать с крупными организациями, ... там какие-то другие правила игры...», «у нас нет регулятора по малому бизнесу...».

Рядом с вопросами развития бизнеса, встаёт вопрос финансовой безграмотности ИП и населения. Доступность финансовых ресурсов для бизнеса: «экономические проблемы в первую очередь это доступность финансирования новых предприятий, новых рабочих мест, каких то производств.».

Недостаток квалифицированных кадров: «как у работодателя, у меня большая проблема с персоналом.», «очень сложно найти хороших специалистов. Рынок труда низко квалифицирован.», «нехватка квалифицированных специалистов рабочих специальностей».

Отметим, что успех реиндустриализации экономики в значительной степени определяется кадровой политикой. Подытоживая, приведём слова одного из экспертов: «работодатель должен иметь возможность выбирать лучшие кадры, всевозможные ограничения по гражданству, еще каким-то вещам, они должны отойти на второй план, иначе наша страна никогда не вырвется и будет на задворках индустриализации находиться.»

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».
2. Бодрунов, С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / монография / С.Д. Бодрунов – СПб.: ИНИР, 2015. – 551 с.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русск. изд. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2011.
4. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013. - 416 с.
5. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов/ Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2014. N 7. С. 8–19.
6. Атлас модернизации России и её регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. 360 с.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., ИФ РАН, 2010.
8. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа/ Г.Ф. Ромашкина// Социологические исследования, 2015, № 1. С. 19–26.
9. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / научная ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2015. – 358 с.
10. Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Инновационная активность и внутриорганизационное доверие: проблема взаимосвязи // Власть. 2016. № 11. С. 130-137.

УДК 378.375 (470.344) ББК Ч480.278
(2Рос.Чув)

Бойко Иван Иванович –
д-р истор. наук, профессор,

Карпова Ольга Владимировна –
стар. преподаватель,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары e-mail: boyko2003@yandex.
ru; karp_olya@mail.ru

СТУДЕНТЫ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ ЧУВАШИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

Ключевые слова: подготовка инженерно-технических специалистов; вузы Чувашии; научно-техническое творчество; модернизация

Статья написана на основе материалов, полученных в результате участия исследователей из Чувашии в реализации общероссийской программы «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов» [6; 8]. Сотрудники учебных и научных учреждений республики подключились к реализации данного проекта в 2006 г. [Его итоги см. 9]. Повторное обследование было проведено в 2012 г. [7], третий раз – в 2016–2017 гг. Для анализа модернизационных процессов использована методика, разработанная специалистами из Академии наук Китая во главе с профессором Хе Чуаньци [4]. Данный инструментарий был адаптирован к условиям России Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина [5: 11–31]. В результате было установлено, что Чувашия в первом десятилетии XXI века достигла пороговых рубежей первичной модернизации. Одним из ее индикаторов является доля студентов вузов среди населения в возрасте 18–22 лет, и стандартная его величина составляет 15%. В Чувашии, этот показатель на протяжении первого десятилетия XXI столетия превышался на 10 и более процентных пунктов. Но если вести речь о вторичной модернизации, то фактические данные по республике заметно отстают от стандартных значений этого индикатора, который варьирует в пределах 60–70% [7: 211–213].

---

¹ Статья написана при поддержке РФФИ, грант 16-03-00356

Кроме того, опосредованно с наличием специалистов связаны такие индикаторы вторичной модернизации, как число ученых и инженеров на 10 тыс. населения, количество патентных заявок на изобретения, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств. При этом речь идет не только о наличии специалистов, но и об их участии в модернизационных процессах, в частности инноваций в знаниях и трансляции знаний. С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть готовность будущих инженеров к творческой деятельности и практическую реализацию своего потенциала в ходе обучения.

Проблема специального образования вообще, в том числе подготовка специалистов технического направления, сбалансированности их выпуска и потребностей рынка, уровни компетенции и т.п., достаточно активно изучается [См., например, 1; 2; 3]. С этой точки зрения актуальным представляется вопрос о возможностях учебных заведений выявить и развить в молодых людях креативные способности с точки зрения их готовности к инновационной деятельности, которые, в частности, проявляются / могут быть проявлены в различных видах научно-технического творчества.

В конце марта – начале апреля 2017 г. в Чувашии было проведено обследование студентов инженерных специальностей. Всего численность респондентов составила 336 человек. В Чувашском государственном университете на технических факультетах опрошено 311 студентов, среди которых доля обучавшихся на 3 курсе составила 31%, на 4 курсе – 49%, а остальные 20% пришлось на магистрантов первого года обучения. В Чебоксарском институте (филиале) Московского политехнического университета в обследовании приняли участие 25 студентов 3-го курса факультета строительных и транспортных технологий. Вне рамок статьи в связи с ограничениями объема остались проблемы требований работодателей к молодым инженерам, хотя этот сюжет и был включен в рамки опроса.

Среди важнейших мотивов при выборе будущей профессии молодые люди называют возможность реализации интересов и способностей: такой ответ выбрал практически каждый второй респондент. Хороший заработок в качестве аргумента назывался чуть чаще, но о реальной дистанции говорить не приходится. На первом месте для студентов был такой фактор, как востребованность профессии на рынке труда (разница с двумя предыдущими – свыше 10 процентных пунктов). С этой точки зрения понятно, что наличие работы является важным обстоятельством, без которого трудно не только заработать какие-либо средства, но и реализовать себя как творческую личность. Отметим при этом, что у магистрантов первого года обучения частота выбора ответа о возможности реализации интересов и способностей (68%) в качестве важного мотива определения будущей профессии заметно выше, чем у студентов 3-го и 4-го курсов (47–49%). В то же время отметим, что подобное стремление в силу разных причин не всегда проявляется и реализуется в ходе обучения, и об этом немного ниже.

Одним из путей развития созидательного потенциала студенческой и учащейся молодежи является их участие в научно-техническом творчестве. В 1960–1980-е гг. активно развивались студенческие конструкторские бюро (СКБ), работая в которых молодые люди выполняли важные заказы производителей, разрабатывая конструкторские и технологические новшества. В современных условиях это движение развито не в такой степени, хотя примеры его в названных вузах имеются. Существуют и другие формы активизации творческого потенциала студентов. В ходе опроса мы пытались выяснить их отношение к участию в такой деятельности.

Во-первых, выявлялся уровень их знаний о возможности заниматься в свободное от учебы время опытными, конструкторскими, технологическими разработками в форме участия в СНО, олимпиадах, центрах научно-технического творчества молодежи, СКБ и др. Более двух третей респондентов из состава студентов (70%) дали положительный ответ на данный вопрос. Твердое нет высказали чуть более 5%, кроме того, около четверти затруднились ответить. Особо следует отметить позицию магистрантов: казалось бы, они в большей степени должны знать возможности для участия в научно-техническом творчестве, но дистанция между их ответами и всей когорты студентов превысила 10 процентных пунктов не в пользу студенческих «ветеранов». Возможно, что «с высоты» своего опыта, начатой практической работы на предприятиях часть из них с некоторым скепсисом относится к деятельности различных студенческих объединений, что и могло отразиться в выборе соответствующих ответов. Наличие возможности еще не свидетельствует об ее использовании, поскольку лишь менее трети всех студентов заявили, что они участвуют или участвовали в создании различных разработок (31,4%). Более активными оказались магистранты – 41,5%. Как видно из этих цифр, существует значительная количественная разница между теми, кто знает, что в учебном заведении есть реальная возможность создавать что-то новое на различных научно-технических направлениях и теми, кто реально в этом участвует. Только 45% из тех студентов, кто знает об имеющихся возможностях, ими воспользовались. Среди магистрантов этот показатель составил – 70%. Разница является весьма значимой. Трудно сказать, будет ли реальная отдача от стопроцентного участия студенческой молодежи в техническом творчестве. Вопрос в значительной мере риторический. Речь, наверное, в большей степени должна идти о «подтягивании», раскрытии творческого потенциала отдельных студентов с учетом их интеллектуальных возможностей, а не их обязательном участии в каких-то проектах без особой пользы для самих субъектов.

Студенты в большинстве своем считают, что отдача от подобных разработок имеется (см. табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы участвовали в опытных, конструкторских, технологических разработках в рамках СНО, СКБ, олимпиад и др., то была ли польза от этой работы?»»

Варианты ответов	Все студенты	В т.ч. магистранты
Да, я получил/получаю конкретные навыки конструктора, технолога и т.д.	33,3	32,0
Да, мне потребовались дополнительные знания, чтобы выполнить работу	31,6	40,0
Да, я получил навыки работы в коллективе	14,9	12,0
Никаких новых навыков и знаний я от этой работы я не получил	2,6	4,0
Трудно сказать	17,5	12,0

Только пятая часть студентов признала, что новых знаний и навыков от участия в научно-техническом творчестве или не получила, или же не дала определенный ответ. Но большинство полагает, что эта деятельность была для них достаточно эффективной. Магистранты чаще, чем все студенты отмечали получение дополнительных знаний, без которых они бы не смогли выполнить работу. Полагаем, что это во многом зависело от наличия в их проектах более сложных познавательных задач и закономерно, что для студентов–магистрантов теоретические вопросы оказались в большей мере востребованными.

Как показали материалы опроса, участие в техническом творчестве практически не связано с мотивацией при выборе профессии: среди тех, кто говорил о важности реализации своих интересов и способностей, оказалось примерно столько же участников олимпиад, СКБ, СНО и др., как и в составе респондентов, отмечавших важность хорошего заработка, возможность бюджетного обучения, востребованность профессии на рынке труда и др. С этой точки зрения еще раз отметим важность выявления и поддержки потенциальной активности будущих инженеров.

В ходе опроса студенты называли ряд своих качеств, которые, по их мнению, будут важными в будущей деятельности. Всего им было предложено выбирать из списка в 20 названий, и эти качества можно трактовать как компетенции, которые мы сгруппировали с определенной долей условности в 3 категории: специальные (профессиональные), персональные (личные)

и коммуникативные. Как показали данные опроса, среди тех, кто принимал участие в реализации своих творческих возможностей, был некоторый набор компетенций, который у них встречался чаще сравнительно с теми, кто был в стороне от СНО, СКБ и т.п. При этом разница была достаточно значима и варьировала от 5 до 14%: ответственность за выполняемую работу (была названа в качестве собственного качества у 77% участников научно-технического творчества и 63% – не участвующими в нем); широкий кругозор и стремление приобретать новые знания (29 и 16% соответственно); умение общаться и договариваться с людьми (32 и 23%); организаторские способности (13 и 8%). Отметим, что данные качества относятся ко всем трем выделенным группам компетенций. По остальным компетенциям дистанция между двумя категориями студентов не являлась значимой. Наоборот, по двум качествам отмечена обратная зависимость, и их чаще называли в качестве присущих для себя те студенты, которые не являлись активными творческими личностями: умение приспосабливаться к изменениям условий производства (гибкость) – 22 и 13%, а также работоспособность, усидчивость – 37 и 31%. Первое качество включено в группу специальных (профессиональных) компетенций, а второе – к персональным (личным). По остальным 14 качествам обе когорты студентов практически не отличались друг от друга.

Таким образом, можно констатировать, что система привлечения студентов инженерных направлений к инновационной деятельности в вузах Чувашии присутствует, но нельзя утверждать, что она является эффективной. С точки зрения участия будущих инженеров в модернизационных процессах важно не только увеличивать количественные показатели, но и включать молодых людей в решение конкретных научно-технических задач. Как показало исследование, возможности для этого используются пока недостаточно.

Список литературы:

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // СоцИС. 2015. № 5. – С.114–122.
2. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // СоцИС. 2015. № 11. – С. 49–56.
3. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // СоцИС. 2016. № 6. – С. 102–109.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ: под общей ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапина, Г.А. Тосуняна. – М.: Весь Мир, 2011 – 256 с.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общая ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2013. – 416 с. С. 11–31.

6. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: Институт философии РАН, 2010 – 111 с.

7. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко, А.П. Долгова, Н.М. Иванова и др.; под. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015. – 244 с.

8. Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». М., 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Институт философии РАН, 2006 – 328 с.

9. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / И.И. Бойко, В.П. Иванов, Н.М. Иванова др.; под. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2011. – 192 с.

Булатова Татьяна Алексеевна –

к.м.н., доцент

Томский государственный педагогический университет

e.mail: bulatowa@mail.ru

Маклакова Таисия Глебовна –

аспирант

Томский политехнический университет

e.mail: mclakova.t@gmail.com

АНАЛИЗ ПРОГРАММ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ, СФО)¹

Ключевые слова: новая индустриализация, модернизация, стратегические программы, анализ.

Программная установка на новую модернизацию в России реализуется в разной степени в различных субъектах федерации с 2011 г. [1]. Социокультурные и социальноэкономические факторы, обеспечивающие успешность движения в направлении модернизации, отражены в «дорожных картах регионов» – Программах стратегического развития, отражающие приоритеты развития и специфику регионов спроектированы на основании рекомендательного Типового макета [2].

Анализ программ социально-экономического развития субъектов, входящих в состав СФО, показал, что все они могут быть охарактеризованы как долгосрочные: сроки реализации от 6 до 20 лет. Сравнительное изучение содержания программ стратегического развития субъектов СФО позволяет судить о том, что 11 из 12 предложенных стратегий сформированы на основе Типового макета, разработанного для субъектов Российской Федерации, и в той или иной степени отражают основные пункты его содержания. Исключение составляет программа Новосибирской области, структура которой существенно отличается от Типового макета, хотя и включает необходимый набор данных. Большинство предлагаемых регионами стратегий являются расширенными, относительно предложенного шаблона, за счет включения в них таких пунктов как: SWOT – анализ, подробная оценка конкурентных преимуществ региона

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00366 Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области)

и отдельных социально-экономических сфер; описание прогнозных сценариев развития; описание действующих на территории субъекта государственных программ; оценка результатов реализации предыдущих стратегий и др. Однако, в некоторых программах, часть рекомендованных Типовым макетом пунктов отсутствует или раскрыта не полностью. Наиболее часто, при составлении программ регионы пренебрегают описанием ресурсного обеспечения стратегии, которое присутствует только у 8 субъектов (рисунок 1). К ним относятся Забайкальский, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Иркутская, Томская область, Республика Алтай и Тыва. Также в четырех программах отсутствует описание форм и методов управления программой, форм контроля за ходом ее реализации. В частности - в программах Забайкальского, Алтайского, Красноярского края и Республики Хакасия. В двух из двенадцати программ отсутствует описание индикаторов оценки эффективности и ожидаемых результатов от реализации программ, а именно в разработках Забайкальского края и Омской области. Между тем, ряд стратегий дополнен специфическими разделами, не представленными в Типовом макете, решение о включении которых принадлежит исключительно составителям. Так, например, в рамках программ стратегий Кемеровской области и республики Алтай приведен подробный анализ и оценка существующих для субъекта рисков.

Анализ социально-экономического положения субъектов СФО представлен в полной мере в семи региональных программах и включает в себя раскрытие информации: об общей характеристике субъекта (географическое положение, климатические и природные условия, состав населения и т. п.) – присутствует в 5 из 12 программ – Забайкальского, Алтайского, Красноярского края, Республик Бурятия и Тыва; о социально-экономических характеристиках субъекта – в 10 из 12 программ Забайкальского, Алтайского, Красноярского края, Иркутской, Новосибирской, Томской, Омской и Кемеровской областей, Республик Бурятия и Тыва. Данные о результатах анализа конкурентного потенциала субъекта – присутствуют во всех программах. Информация об оценке степени воздействия реформ, осуществляемых на федеральном уровне на социально-экономическое развитие субъекта имеется в 6 из 12 программ: Забайкальского и Алтайского края, Кемеровской, Омской, Иркутской и Томской областей (в рамках SWOT-анализа); об основных актуальных проблемах социально-экономического развития региона – в 4 из 12 программ: Республик Бурятия, Тыва и Хакасия, а также Новосибирской области; о действующих в регионе мерах по улучшению социально-экономического положения субъекта в конкретизированной форме – только в 2 из 12, в частности, в программах Иркутской и Омской областей. В то же

время, важнейший элемент формирования стратегии – миссия, выделена только у 5 субъектов РФ: Новосибирской области, Алтайского края, Забайкальского края, Республики Тыва, Томской области.

Томская область, имеющая статус инновационного региона в настоящее время, занимает лидирующие позиции в СФО по показателям валового регионального продукта на душу населения, инвестиций в основной капитал на душу населения, среднемесячной заработной платы, размеру пенсий и др. Стремление соответствовать заданному уровню и вектору модернизации обуславливает формирование следующей стратегической миссии: «Обеспечить в Томской области лучшее качество жизни в Сибири за счет реализации модели интенсивного развития».

Согласно второму разделу Типового макета, стратегические цели сформулированы абсолютно во всех программах, в то время как четкая постановка задач представлена у 11 регионов и отсутствуют лишь у Кемеровской области.

Таблица 1

Наличие типовых разделов в Программах стратегического развития регионов СФО

	Социально - экономическое положение и основные направления развития субъекта	Цели, задачи, сроки и этапы реализации программы	Система программных мероприятий	Механизм реализации программы	Ресурсное обеспечение программы	Оценка эффективности и последствий реализации программы	Организация управления программой и контроль над ходом ее реализации
Забайкальский край	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует	Отсутствует
Алтайский край	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует
Республика Бурятия	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует	Раскрыто	Раскрыто
Кемеровская область	Раскрыто	Раскрыто частично	Раскрыто в рамках других разделов	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто
Красноярский край	Раскрыто слабо	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует	Раскрыто	Отсутствует
Новосибирская область	Раскрыто	Раскрыто частично*	Раскрыто своеобразно	Раскрыто своеобразно	Раскрыто своеобразно	Раскрыто	Раскрыто своеобразно
Омская область	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует	Отсутствует	Раскрыто
Республика Алтай	Практически не раскрыто**	Раскрыто частично	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто своеобразно	Раскрыто
Томская область	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто
Республика Тыва	Раскрыто	Раскрыто частично	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто
Республика Хакасия	Слабо раскрыто***	Раскрыто частично	Раскрыто	Раскрыто	Отсутствует	Раскрыто	Отсутствует
Иркутская область	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто	Раскрыто

*Отсутствует описание этапов реализации стратегии

** Раскрыто менее 50% рекомендованных пунктов

*** Раскрыто от 50 до 70% рекомендованных пунктов

В 5 из 12 рассматриваемых программ отсутствует информация об этапах реализации стратегии, а именно в программах Красноярского края, Новосибирской области, Республик Алтай, Тыва и Хакасия. Между тем в большинство программ внедрен такой элемент, как описание предполагаемых сценариев долгосрочного развития. В частности, его можно видеть в разработках: Забайкальского, Алтайского края, Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтай, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской области. Наличие и степень разработанности разделов программ стратегического развития регионов СФО продемонстрирована в таблице 1, визуализирована на Рис. 1

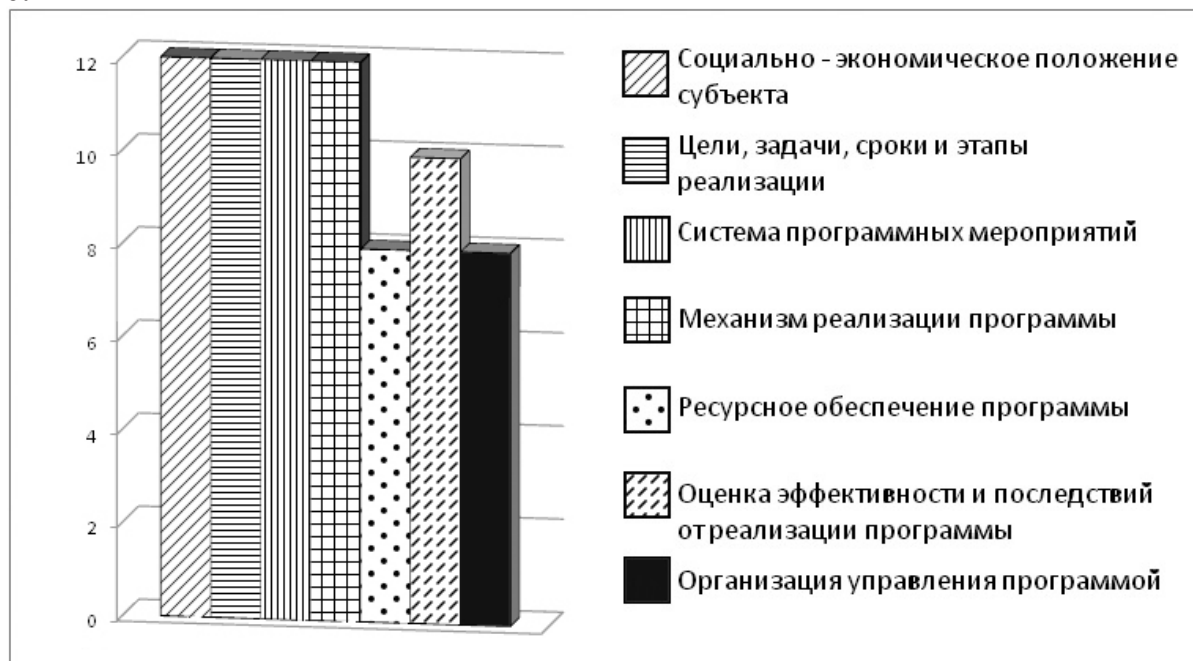

Рис. 1. Представленность рекомендованных Типовым макетом разделов в программах социально-экономических стратегий субъектов СФО.

Анализ направлений развития, включенных в стратегии регионов СФО, демонстрирует следующие тенденции. Проблемы развития социальной сферы выведены в разряд приоритетных в 10 из 12 регионов. Исключение составили Кемеровская и Иркутская области. Слабо проработаны социальные аспекты стратегии и в программе Республики Бурятия, где встречается лишь обобщенная формулировка: «Развитие человеческого потенциала». Наиболее часто в описаниях стратегий встречаются такие направления развития как: образование – в 9 из 12 программ (Забайкальского, Красноярского, Алтайского края, Новосибирской, Омской и Томской областей, Республик Алтай, Тыва и Хакасия); здравоохранение – в 8 из 12 (Забайкальского, Красноярского края, Новосибирской, Омской и Томской областей, Республик Алтай, Тыва и Хакасия); жилищная политика – в 8 из 12 (Забайкальского, Красноярского и Алтайского края, Новосибирской, Томской, Омской областей, Республик Тыва и Хакасия); культура – в 7 из 12 (Забайкальского, Красноярского

и Алтайского края, Омской области, Республик Алтай, Тыва и Хакасия); физическая культура и спорт, а также социальная защита населения – в 6 из 12 (Забайкальского, Красноярского и Алтайского края, Омской областей, Республик Тыва и Хакасия). Стабилизацию рынка труда избрали в качестве приоритетного направления 5 субъектов СФО: Забайкальский, Алтайский, Красноярский край, а также Республики Алтай и Хакасия. Совершенствование молодежной политики признали значимой задачей 4 субъекта, в их числе: Алтайский край, Омская область, Республики Алтай и Хакасия. Проблемами демографического развития планируют озадачиться только 3 региона: Забайкальский, Красноярский и Алтайский края. Развитие научного потенциала, также находится в приоритете у 2 субъектов: Республик Тыва и Хакасия. Оздоровление и отдых несовершеннолетних выделен отдельным пунктом стратегии только в программе Омской области.

Прямое описание планов развития социальной сферы фактически отсутствует в Кемеровской и Иркутской областях.

Иркутская и Томская области, занявшие лидирующую позицию по критерию раскрытия пунктов программы, характеризуются в то же время достаточно свернутыми и обобщенными формулировками приоритетных направлений развития.

Сопоставляя программы, предложенные регионами, с Типовым макетом, можно отметить, что 11 из 12 рассматриваемых программ, в той или иной степени составлены согласно рекомендованной структуре. Наиболее часто встречающимся отклонением является отсутствие описания ресурсного обеспечения программ, а также организации управления и контроля за ходом ее реализации. Кроме того в большинстве программ отсутствует описание миссии и этапов реализации стратегии. Анализ конкурентоспособности стратегии Томской области показал, что программа ее реализации является одной из наиболее полных, информативных и четко структурированных. Выбор приоритетных направлений обусловлен потенциалом региона в области инновационной деятельности, в связи с чем, именно развитие инновационного комплекса выведено в разряд первостепенных целей. В то же время можно отметить, что подход к выбору остальных четырех приоритетных направлений также во многом определяется заданным курсом на развитие инновационного потенциала, в том числе ориентация на улучшение инвестиционного климата, развитие предпринимательства, повышения качества жизни населения, как источника человеческого капитала.

Список литературы:

1. Приложение №2 к Приказу Минэкономразвития России от 17 июня 2002 г. N 170. Типовой макет программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации.
2. Дмитриенко Д. Путин провозгласил курс на новую индустриализацию // Ведомости – 2011 – 11 мая.

УДК 316.4 ББК 60.561.2

Валиахметов Рим Марсович –

канд. социол. наук, директор,

Башкирский филиал

Федерального научно-исследовательского

социологического центра

Российской академии наук, г. Уфа

e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: человеческий потенциал, социальное благополучие, стандарт, качество жизни, стратегия.

Проблемы развития человеческого потенциала и повышения качества жизни населения стали предметом не только научных дискуссий, но и политико-управленческой деятельности федерального и регионального уровней. Об этом свидетельствует целый ряд документов стратегического характера последнего десятилетия [1], [2]. Реализация человеческого потенциала рассматривается как одно из главных конкурентных преимуществ России и «приоритетной задачей...», вокруг выполнения которой власть и общество должны выстроить социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную и законодательную политику» [3].

Данный посыл получил дальнейшее развитие и конкретизацию в стратегиях социально-экономического развития большинства регионов Российской Федерации, каждый из которых стремился внести свою «лепту» в понимание этих стратегических целей и задач. В условиях развернувшейся негласной дискуссии и соревнования регионов, Совет Федерации Федерального собрания РФ опубликовал Аналитический доклад «Об основных направлениях государственной региональной политики» [4], в котором обоснована необходимость разработки «стандарта благополучия» как интегрального механизма обеспечения неснижаемого стандарта качества жизни населения России и ее регионов.

Подробный анализ научной литературы и дискуссий по проблемам социальной политики и практики на муниципальном, региональном и национальном уровнях подтверждает необходимость конкретизации, систематизации и, в конечном итоге, институционализации (в формате предлагаемого «стандарта благополучия»), основных критериев и базовых принципов социального благополучия и качества жизни населения. Эти принципы, на наш взгляд должны базироваться на едином методологическом

подходе. Таким общепризнанным подходом является антропоцентричный подход (Заславская Т.И., Лапин Н.И., Ядов В.А.), который «заставил» по новому взглянуть на истинные цели человеческого развития, выдвинув в центр внимания здоровую и продолжительную жизнь человека, обладающего широким выбором возможностей для приобретения знаний, компетенций и занятий, обеспечивающих достойный уровень и качество жизни. Именно такой подход реализован в рамках концепции человеческого развития, аналитический и измерительный аппарат которой (индекс развития человеческого потенциала), позволяет комплексно оценивать социальное благополучие и качество жизни населения в самом широком контексте, учитывая не только материальные (доход), но и социальные (социально-демографические, социально-трудовые, образовательные, социокультурные и другие) параметры развития.

Поэтому, «стандарт благополучия», принимаемый в целях развития человеческого потенциала и обеспечения неснижаемого уровня качества жизни россиян должен разрабатываться, на наш взгляд, исходя из основных принципов и идей, заложенных в самой концепция человеческого развития. Она основана на принципах устойчивости, равенства, продуктивности и расширения возможностей человека и предлагает четыре способа, с помощью которых можно добиться оптимизации связи между экономическим ростом и человеческим развитием:

- увеличить инвестиции в образование, здравоохранение, профессиональную подготовку, содействуя реализации способностей человека и его участию в производстве и распределении благ;
- добиваться более справедливого распределения дохода и богатства, обеспечивая материальную основу развития человеческого потенциала;
- достичь тщательной сбалансированности социальных расходов, всемерно укрепляя экономическую базу социальной сферы;
- расширять возможности людей осуществлять свой выбор политической, социальной и экономической сферах, уделяя особое внимание тем группам населения, чьи возможности по тем или иным причинам ограничены [5: 12].

Таким образом, задача по созданию целостной системы государственных социальных стандартов должна основываться на общих методологических и методических принципах. В связи с этим актуальной становится работа по выработке конкретных методических рекомендаций для последующей реализации этой задачи на местном, региональном и федеральном уровнях. Такая работа потребует консолидации усилий ученых и специалистов из разных отраслей социальной сферы, экономики и т.д. Она же потребует предварительного тестирования и апробации этих рекомендаций в «пилотных» муниципальных образованиях и регионах.

На наш взгляд, логика (логическая модель) разработки стандартов социального благополучия должна включать совокупность следующих

задач и направлений: укрепление здоровья и жизнеспособности населения; обеспечение достойного труда и эффективной занятости; повышение образовательного (интеллектуального) уровня и конкурентоспособности населения; повышение уровня жизни, условий проживания и благосостояния; обеспечение комфортной среды проживания и экологической устойчивости; развитие духовных, нравственных и культурных ценностей; обеспечение общественной и личной безопасности. Каждые из направлений и задач предполагают расчет, обоснование и конкретную «расшифровку» стандартов и норм инфраструктурной, материально-технической, кадровой и других форм ресурсной обеспеченности.

Естественно, что ряд стандартов и соответствующие нормы и нормативы будут значительно отличаться в регионах с учетом их природно-климатических условий, традиций, уровня социально-экономического развития и т.д. В то же время, очевидно, что единое экономическое и социальное пространство страны предусматривает наличие общих неснижаемых стандартов в сферах образования, здравоохранения, занятости и доходов населения, жилищно-коммунальной сферы, культуры, общественной безопасности, охраны окружающей среды и т.д. При этом неснижаемый стандарт качества жизни должен быть максимально близким к ожидаемому и принимаемому самим населением и обеспечивать условия для воспроизводства человеческого потенциала.

Становление системы государственной стандартизации тесно связано с оптимизацией разграничения полномочий, предметов ведения и объектов собственности между РФ, субъектами РФ и муниципальными образованиями. Формирование общероссийской системы социальных стандартов становится одним из главных факторов укрепления местного самоуправления и федерализма в России, особенно в условиях нестабильности социально-экономического развития. Применение стандартов станет важнейшим средством повышения управляемости социальными процессами, преодоления кризиса социальной сферы, ее излишней коммерциализации и осуществления непродуманных социальных реформ.

Обновление и разработка новых стандартов требует анализа и обновления/разработки самих измерителей этих стандартов – статистических показателей, которые призваны адекватно отражать актуальные социальные явления и процессы. В дополнение к расчету частных и интегрального индексов развития человеческого потенциала, необходимо разработать матрицу показателей качества жизни и социального благополучия на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Наибольшие методологические проблемы здесь вызывают такие показатели, как:

- уровень бедности населения, рассчитываемый на основе величины прожиточного минимума, размер которого в настоящее время существенно занижен и объективно может быть рассмотрен только как критерий нищеты населения;

- величина минимального размера оплаты труда, который привязан к величине прожиточного минимума;

- уровень официальной безработицы, который фактически фиксирует количество населения, обратившегося за пособием по безработице;

- уровень грамотности взрослого населения, который постепенно теряет свою функциональность и т.д.

Кроме этого, востребованы индикаторы, отражающие новые формы занятости и обучения, требует доработки показатель высококачественных рабочих мест, качества образования, ожидаемой продолжительности обучения, ожидаемой продолжительности здоровой жизни и т.д. Предстоит обновить/разработать социальные стандарты и в сфере обеспечения личной безопасности граждан (от преступных посягательств, от нелегальных коллекторов, от недобросовестных застройщиков жилья и т.д.) и общественной безопасности (работа противопожарной и газовой служб, МЧС и других служб спасения, полиции, прокуратуры и других служб юридической и правовой помощи).

В обновляемой Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. и соответствующих стратегиях развития субъектов РФ необходимо предусмотреть разделы\пункты и механизмы внедрения стандартов социального благополучия и качества жизни населения. Считаю также целесообразным разработку перспективных социальных стандартов и нормативов с учетом прогнозных сценариев социально-экономического развития, внедряемых систем национальных квалификаций, федеральных образовательных стандартов, атласа новых профессий и т.д..

Список литературы:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008, № 1662-р.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.12.2012 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/. (Дата обращения: 10.08.2017.)

3. Путин В.В. «Строительство справедливости. Социальная политика для России», 2012. URL: www.1tv.ru/news/election/198956. (Дата обращения: 10.08.2017.)

4. Аналитический доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Об основных направлениях государственной региональной политики». Москва, 2016. 116 с.

5. Доклад о развитии человека за 1995 год. – Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1995.

УДК 316.314; ББК 60.55

Ганопольский Михаил Григорьевич –
д-р филос. наук, профессор,
Тюменский научный центр СО РАН,
г. Тюмень, e-mail: gmichaelg@mail.ru

Маркова Лариса Михайловна –
к-т техн. наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, e-mail: markovalm@tyuiu.ru

НОВЫЙ МАРШРУТ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Ключевые слова: Постколониальность Сибири, маршруты колонизации, сооружение трубопроводов, транспорт нефти и газа, структура расселения, обживание территории, региональные подсистемы производства, объекты социально-культурного и бытового назначения.

В последние годы интерес к проблеме отечественной колонизации и постколониальному развитию Сибири не только не ослабевает, но и обогащается новыми гранями [1]. Этому способствует реализация целого ряда проектов различного уровня и масштаба, связанных с новым индустриальным освоением сибирских просторов. Одним из таких показательных примеров является сооружение нефтепроводной системы “Восточная Сибирь – Тихий океан” (ВСТО), предназначенной для транспортировки нефти на Дальний Восток страны и на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект ее разработан в соответствии с Энергетической стратегией России на период до 2020 года. Система будет технологически соединена с существующими магистральными трубопроводами. Это позволит создать единую сеть, обеспечивающую оперативное распределение потоков нефти по территории России в западном и восточном направлениях. Маршрут магистрали проходит по территориям Иркутской и Амурской областей, а также по Якутии, Хабаровскому и Приморскому краям. С января 2011 г. начались поставки нефти по ответвлению от ВСТО в Китай: от Сковородино до нефтеперекачивающей китайской станции Мохэ и далее до г. Дацин. В дальнейшем эта экспортная часть магистрали будет развиваться. Кроме того, вдоль трассы ВСТО прокладывается газопровод “Сила Сибири”.

Если вначале основными районами, обеспечивающими ресурсную базу ВСТО, были Ханты-Мансийский округ Тюменской области и месторождения Томской области, то в настоящее время к ним добавились месторождения Иркутской области и Республики Саха (Якутия): Юрубчено-Тахомское,

Куюмбинское, Среднеботуобинское, Верхнечонское, Ярактинское, Талаканское. Нефть в них более высокого качества (малосернистая), что значительно снизило затраты на ее первичную подготовку и сказалось на экспортной привлекательности.

Уникальность данного проекта очевидна. Во-первых, это большая протяженность трассы – около 5 тыс. км. Во-вторых, сложности, связанные с особенностями ее прохождения – скальные и песчаные породы, болота, тайга, зоны вечной мерзлоты, сейсмичность, что потребовало применения неординарных технических и технологических решений. В-третьих, необходимость предусмотреть комплекс природоохранных мероприятий, которые бы свели к минимуму возможное негативное влияние строительства на окружающую среду. И конечно, уникален масштаб социальных последствий, связанных с резонансным воздействием процесса сооружения трассы и ее последующей эксплуатации на развитие региональной системы труда, хозяйства и расселения в зоне прохождения трубопровода. В этом и состоит ключевой момент нашего рассмотрения.

У трассы ВСТО есть представительные аналоги в истории освоения Сибири. Непосредственно ей предшествует сеть магистральных трубопроводов, берущих начало на нефтегазовых месторождениях Тюменской области и разветвляющихся затем в трех основных направлениях: западном, южном и восточном. К этой сети привязана совокупность обслуживающих населенных пунктов, где размещены нефтеперекачивающие и/или газокompрессорные станции. Они образуют особого рода территориально-производственный кластер [2]. Конечно, ВСТО в топологическом отношении – это всего лишь единичная ветка такого кластера. Тем не менее, при ее прокладке удалось реализовать многие инженерные и организационно-управленческие решения, апробированные в процессе сооружения тюменских нефтегазовых магистралей.

Более ранний пример – Транссибирская магистраль. Казалось бы, сходство с ней в основном географическое и топологическое. Однако не только топология маршрута, но и вся производственная и социально-бытовая инфраструктура сооружения ВСТО способствуют последовательному обживанию территории (подобно тому, как это происходило в зоне Транссиба). На трубопроводе функционирует 41 нефтеперекачивающая станция (НПС). Каждая четвертая из них оборудована резервуаром. Благодаря этому требуемое давление поддерживается в случае аварии, а также во время профилактики и ремонтных работ. Вдоль трассы трубопровода проходят линии электропередач, сигнализации и связи, проложена грунтовая дорога. Номинально она имеет технологическое назначение. Однако используется и службами экстренного реагирования (милиция, скорая помощь, подразделения МЧС), а в ряде случаев по специальному разрешению и для других целей.

Но, конечно, самый важный фактор обживания – то, что сегодня на нефтепроводе работают более восьми тысяч человек, и подавляющее большинство (около семи тысяч) – это местные рабочие и инженерно-технические работники, подготовленные в специализированных учебных заведениях Транснефти. Они обеспечены работой, жильем, имеют перспективу профессионального роста. На третьем этапе расширения магистрали в Иркутской области, где появятся новые НПС, уже запланировано построить жилье. В поселках Чунский и Вихоревка это будут трехэтажные 24-квартирные дома, в Железногорске-Илимском и Верхнемарково дома на 32 квартиры. Трехэтажный жилой дом на 18 квартир возведут в поселке Архара. Понятно, что при сохранении такого рода положительных тенденций и превращении их в продуманную социальную политику, у этих мест существует неплохая экономическая и социально-культурная перспектива.

Вместе с тем, этот уникальный объект практически обойден вниманием в социологической и экономической литературе. Проведенный нами библиографический поиск, а затем и контент-анализ открытых источников ведомственной и местной печати, где присутствует тема трубопровода ВСТО, показал, что до 2012 в них преобладали материалы технико-технологического характера. Социальные аспекты затрагивались в основном в связи проблематикой охраны труда и техники безопасности. Затем частота и такого рода материалов тоже пошла на спад. За последние пять лет вопросы труда и быта упоминались в СМИ лишь в связи с подготовкой кадров и строительством жилья. В литературе практически отсутствуют аналитические статьи. А ведь сооружение трубопровода можно рассматривать как своего рода объект-представитель социологического исследования в силу сочетания в нем черт уникального (единичного) и универсального (типичного) по всему спектру социокультурного портрета. Поэтому мы рассматриваем это сообщение и как попытку дополнительно актуализировать данную проблематику.

Список литературы:

1. Агапов М.Г. и др. Постколониальность Сибири: региональный синдром // Философские науки. 2015. № 8. С. 66–79.
2. Ганопольский М.Г., Маркова Л.М. Особенности структуры расселения Тюменской области в районах пролегания магистральных нефтегазопроводов // Вестник Тюменского госуниверситета. Тюмень, 2011, № 4. С. 175–179.

Работа выполнена в рамках проекта № 0372-2015-0007 «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН «Интеграция и развитие». Использованы материалы выпускных квалификационных работ, выполненных под руководством авторов.

УДК 316.4

Давыденко Владимир Александрович –

д-р социологических наук,

начальник научно-исследовательского
центра,

Тюменский государственный университет

e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500).

Данное сообщение основывается на результатах десятилетнего мониторинга «Социокультурный портрет регионов России [1] В Тюменской области проект проводился при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ-РФФИ), Тюменской областной Думы [2]. Оценка динамики межрегиональных различий можно найти, например, [3]. Методика «Социокультурный портрет регионов России» предполагает возможность межрегиональных сравнений, но в данном сообщении мы будем опираться на внутрорегиональные данные [4].

Территория охвата эмпирических данных: Тюменская область (без автономных округов). Фокус данного сообщения- динамика социального самочувствия жителей региона, и методические проблемы, связанные с данным показателем. Несмотря на кажущуюся субъективность, социальное самочувствие является комплексным показателем восприятия комфортности своего существования. Оценка социального самочувствия включает замер трех основных компонентов: степени защищенности от основных социальных опасностей, степени удовлетворенности своей жизнью в целом и степени социального оптимизма (согласно методике «Социокультурный портрет региона») [2]. Уровень защищенности населения от проблем-опасностей оценивается по ответам на вопрос: «46. Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?», в котором содержится перечень 10 опасных проблем. В наших публикациях по итогам социокультурного мониторинга неоднократно подчеркивалось, что проблемы-опасности, наиболее актуальные как для жителей Тюменской области (и ее отдельных субъектов), так и для России в целом совпадают. Это преступность, бедность, произвол чиновников и экологическая угроза, но уровень ощущения этих угроз имеет существенную межрегиональную дифференциацию. По сравнению с 2006 годом снизилась острота восприятия этих базовых проблем, причем

в Тюменской области доля ощущающих свою незащищенность перед этими социальными проблемами на 15% меньше, чем в целом по России, табл.1.

Таблица 1

Уровень незащищенности* жителей Тюменской области от острых проблем-опасностей, % от ответивших в 2006 – 2017 гг.

Виды опасностей \ годы	2006	2009	2011	2013	2016	2017
Бедность	53	53	48	47	43	42
Произвол чиновников	52	46	47	49	38	36
Преступность	57	60	50	48	36	35
Произвол правоохранительных органов	46	44	39	41	31	27
Экологическая угроза	49	39	44	44	27	26
Одиночество и заброшенность	36	37	30	30	28	24
Преследования за политические убеждения	16	21	19	21	18	17
Притеснения из-за возраста или пола	22	24	22	16	14	13
Притеснения за религиозные убеждения	6	14	12	9	7	9
Ущемление из-за национальности	7	15	12	10	7	8
Потеря работы	-	-	-	-	-	41
Средняя незащищенность (по 10 проблемам, 11 в 2017)	34	35	32	32	25	25
Кз (индекс защищенности)**	0,52	0,52	0,5	0,51	0,57	0,59

***Уровень незащищенности** вычисляется как сумма ответов «совсем не защищен», «пожалуй, не защищен» и выражен в % от числа опрошенных.

****Индекс защищенности Кз** по каждой из 10 (11) проблем-опасностей Кз (частное) считается как средневзвешенное по формуле (4*Доля ответов «полностью защищен»+3* Доля ответов «пожалуй защищен»+2* Доля ответов «трудно сказать»+1* Доля ответов «пожалуй не защищен»+0* Доля ответов «совсем не защищен»)/(100- Доля затрудняюсь, нет ответов)*4).

Индекс защищенности Кз определяется как сумма средних значений защищенности населения от 10 (11) социальных опасностей (ответы на 10 (11) вопросов, Кз (частное)) преобразованная в шкалу от 0 до 1, где минимальное значение 0 показывает, что все население региона считает себя незащищенным, а максимальное значение 1 означает, что все население считает себя полностью защищенным от всех видов опасностей-угроз.

В Тюменской области уровень незащищенности снизился по первым 5-ти в рейтинге проблемам опасностям. За 11 лет проблема бедности снизила свою остроту с 53% до 42%, произвол чиновников с 52% до 36%, преступность с 57% до 35%, произвол правоохранительных органов с 46% до 27%. Иерархия проблем-опасностей поэтому изменилась: это бедность,

произвол чиновников, преступность, произвол правоохранительных органов. Бедность остается на первом месте по уровню незащищенности с 2016 года, но доля упоминаний снизилась. Проблема потери работы актуальна для 41% опрошенных, и эта опасность сразу поднялась на второе место среди проблем-опасностей [2]. Самыми защищенными ощущают себя «богатые» (Из=0,68), и далее индекс снижается до 0,53 в группе «нищие». По типам работников самыми незащищенными считают себя служащие, офисные работники средней квалификации, банковские работники (и другие смежные сферы: консалтинга, маркетинга и пр.) (Из=0,55). По возрасту резко снижается ощущение защищенности в группе от 25 до 34 лет (Из=0,56).

Основой расчета остальных индексов являются ответы на вопросы 1, 2, 3, 4. В данной статье мы демонстрируем изменения, которые необходимо произвести при расчете индексов, поскольку математические модели и прогнозы можно строить только при использовании числовой шкалы. Все индексы вычисляются как средневзвешенная баллов, все вопросы предполагают пятичленную шкалу : 0- самая низкая оценка, 1; 2; 3; 4- самая высокая оценка. В итоге индекс равен 0, если все 100% опрошенных выбрали самый низкий уровень (0), и 1, если все 100% опрошенных выбрали самый высокий уровень (4).

В.1. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?

4. Полностью удовлетворены. 3. Скорее удовлетворены. 2. Затрудняюсь сказать точно. 1. Не очень удовлетворены. 0. Совсем не удовлетворены.

В.2. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

4. Вполне уверены. 3. Скорее уверены, чем нет. 2. Не могу сказать точно. 1. Скорее не уверены, чем уверены. 0. Совсем не уверен.

В.3. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

4. Стали жить намного лучше. 3. Стали жить несколько лучше. 2. Ничего не изменилось. 1. Стали жить несколько хуже. 0. Стали жить намного хуже.

В.4. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

4. Будем жить значительно лучше. 3. Будем жить несколько лучше. 2. Ничего не изменится. 1. Будем жить несколько хуже. 0. Будем жить значительно хуже.

Вторая составляющая индекса социального самочувствия – степень удовлетворенности своей жизнью в целом. В некоторых источниках это индекс называют «индекс социального счастья». В Тюменской области этот индекс возрастал весь период мониторинга. За 12 лет с 2006 по 2017 годы доля удовлетворенных своей жизнью (варианты ответов «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен») выросла на 16% (с 65% до 81%), а индекс удовлетворенности жизнью в целом вырос на 0,13 и составил 0,68%, табл. 2.

Таблица 2

Составляющие коэффициента социального самочувствия (2006-2017 гг.)

	2006 г.	2009г.	2011г.	2013г.	2016г.	2017г.
1.Коэффициент защищенности (табл.1)	0,52	0,52	0,50	0,51	0,57	0,59
2.Коэффициент удовлетворенности жизнью в целом, В.1 (Куж*)	0,55	0,60	0,60	0,65	0,67	0,68
3.Уверенность в будущем, В.2 (индекс стратегического оптимизма)	0,53	0,59	0,56	0,62	0,63	0,67
4.Стали жить лучше-хуже по сравнению с прошлым годом В.3 (индекс оценки текущего года сравнению с прошлым годом)	0,63	0,43	0,51	0,59	0,42	0,48
5.Оценка ближайшего года В.4 (индекс тактического оптимизма)	0,35	0,52	0,60	0,67	0,58	0,60
6.Индекс социального оптимизма (среднее от 3; 4; 5)	0,51	0,53	0,56	0,63	0,55	0,59
7. Индекс социального самочувствия (среднее от 1; 2; 6)	0,53	0,55	0,56	0,60	0,60	0,63

Учитывая относительно высокое качество жизни в Тюменской области по сравнению со многими другими регионами России, индекс социального самочувствия выше общероссийского уровня, и по сравнению с 2006 г. его значение выросло на 0,1, достигнув 0,63, табл. 2. Индекс социального оптимизма в 2016 году значительно снизился, но в текущем 2017-м году он снова вырос, достигнув 0,59. Это произошло потому, что люди повысили оценки своего текущего состояния и тактического оптимизма. Жители региона ощущают постепенное улучшение обстоятельств своей жизни, умеренно надеются на улучшения в ближайшем году, сохраняют уверенность в будущем как стратегический оптимизм, поэтому индекс социального вырос прежде всего за счет роста индексов защищенности, удовлетворенности жизнью в целом и индекса стратегического оптимизма.

В целом женщины чувствуют себя менее защищенными, они менее оптимистичны и менее удовлетворены своей жизнью, чем мужчины, и эти различия статистически устойчивы. Межпоколенные различия демонстрируют устойчивое снижение всех составляющих социального самочувствия с возрастом, кроме индекса защищенности. Различий по типу поселения в структуре индексов социального оптимизма и удовлетворенности жизнью в целом практически нет. Сельские жители ощущают себя значительно

более защищенными, чем городские жители. Наличие детей не оказывает статистически значимого влияния на уровень социального самочувствия.

Статистически значимо влияет на уровень социального самочувствия квалификация работника и его образование. Чем ниже уровень образования и квалификации человека, тем ниже его уровень социального самочувствия. Так, для неквалифицированных работников в среднем $I_{\text{сс}}=0,58$, работников с сельском хозяйстве $I_{\text{сс}}=0,55$. И напротив, работники госуправления $I_{\text{сс}}=0,64$, руководители высшего звена $I_{\text{сс}}=0,71$. Как и следовало ожидать, индекс социального самочувствия достигает наивысшего значения в верхней социальной группе (условно «богатые», $I_{\text{сс}}=0,79$ или «зажиточные» $I_{\text{сс}}=0,72$). При этом в группе условно «нищие» $I_{\text{сс}}=0,51$, «бедные» $I_{\text{сс}}=0,56$. И мы видим, что эти различия в основном обусловлены уровнем социального оптимизма (разброс между крайними группами 0,33), и в первую очередь, его субиндексом: стратегический оптимизм.

При анализе индекса социального самочувствия мы постоянно задаемся вопросом, что он измеряет: самооценки жителями своего состояния, или всего лишь отражает некоторую среднюю. Дело в том, что за 10 лет мониторинга мы убедились, что при снижении уровня жизни снижаются ответы на вопросы №№ 5 и 4, но при этом вырастает доля положительных ответов на вопросы №№ 1, 2, 3. Последнее отражает веру людей в то, что, даже если их текущее положение ухудшилось, но это временно, и в будущем они станут жить лучше. Этот социальный факт объясняет удивительное постоянство средней величины социального самочувствия, который фактически отражает доверие граждан телевизору, СМИ, которые постоянно уверяют их в том, что «дно кризиса преодолено». Однако, насколько хватит этого доверия вопрос самого ближайшего будущего.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.
2. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / научная ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2015. – 358 с.
3. Воронов В.В., Лавриненко О.Я., Сташане Я.В. Оценка динамики межрегиональных различий (европейский опыт). // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 29-39.
4. Ромашкина Г.Ф., Печеркина И.Ф. Характеристики связности регионального социального пространства. Вестник Тюменского государственного университета. // Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 3. С. 39–54.

УДК 331.54 ББК65.240

Диннер Игорь Владимирович –

преподаватель

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

e-mail: igor-dinner@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СИСТЕМУ ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Ключевые слова: промышленная революция, разделение труда, профориентация, трудовые отношения, рынок труда.

Характерной особенностью современного рынка труда является трансформация социально-трудовых отношений, которые обусловлены, в свою очередь, возникающими под воздействием четвертой промышленной революции процессами. Эта ситуация предъявляет совершенно новые, мало изученные, недостаточно осознанные требования к механизмам регулирования рынка труда и, в частности, к системе профориентации и профессионального самоопределения. О взаимодействии профориентации и разделения труда отмечалось нами ранее [5]. Каждая промышленная революция меняла содержание труда и трудовых отношений, вызвала спрос на отдельные профессии, предъявляла новые требования к воспроизводству человеческих ресурсов. [10,12,13].

Остановимся на содержательных трансформациях труда в ходе промышленных революций. Результатом первой промышленной революции стал переход от ручного труда к машинному. Вторая промышленная революция ознаменовала переход к всеобщей электрификации и появлению массового конвейерного производства. Еще более существенный рост производительности труда послужил причиной стремительного развития таких отраслей промышленности как машиностроение, авиастроение, приборостроение, химическая промышленность. Третья промышленная революция стала предвестником всеобщей компьютеризации и появления первых ЭВМ. Четвертая промышленная революция продолжает тенденции третьей промышленной революции, усиливая их в направлении киберфизических систем, саморазвивающихся технологий. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект [13, с. 6]. В современном звучании это близко к понятиям цифровой экономики или цифровой жизнедеятельности. Новая промышленная революция может спровоцировать больше потрясений, чем предыдущие. Поскольку темпы изменений происходят

значительно быстрее, чем когда-либо ранее. Революция отличается широтой и глубиной процессов (большое количество радикальных изменений происходит одновременно) и радикальным преобразованием всех систем жизнедеятельности.

Мы согласны с учеными утверждающими, что в настоящее время параллельно реализуются процессы третьей и активно зарождаются процессы четвертой промышленной («Индустрия 4.0») революции [11,14,8,7]. Примечательно, что процессы промышленных революций активно исследуются в рамках масштабного проекта реализуемого под руководством Н.И. Лапина «Социальные портреты регионов России» [9].

В последний год активно исследуются последствия четвертой промышленной революции как на глобальном уровне (эта тема стала основной на экономическом форуме в Давосе), так и на общетеоретическом (в рамках исследований процессов автоматизации, роботизации, кибернетизации различных форм жизнедеятельности и организации производств), и частном (влияние революционных процессов на занятость, образование, организацию производства в конкретных отраслях народного хозяйства) [2,6].

Обобщая имеющийся материал можно выделить основные тенденции изменений в социально-трудовых отношениях и занятости:

- автоматизация и роботизация производства и труда, которые заменяют рутинный, технологизированный труд, высвобождают огромные массы человеческих ресурсов из сферы промышленного производства;
- высокий темп изменений в содержании труда, что предполагает экстремальную гибкость в перестройке функционального и профессионального разделения труда, стирание межпрофессиональных границ с учетом ускоряющегося развития технологий будет уделять особое внимание способности работников к постоянной адаптации и усвоению новых навыков и подходов в разнообразных, междисциплинарных контекстах;
- повсеместное внедрение цифровых технологий в производственный процесс и процессы коммуникаций, что радикально изменяет способы выполнения трудовых функций, увеличивает производительность труда, а характер труда становится коммуникационно-зависимым, инновационно-обусловленным, требующим наличия digital-компетенций практически в каждой профессии;
- изменение парадигмы отношений между работником и компанией, где социально-трудовые отношения становятся гибкими, бесконтрактными (см. Дэниел Пинк «Нация свободных агентов»). Технологическая инновация значительно ускорила эту тенденцию. Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше

не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий.

Все это приводит к тому, что в воспроизводстве человеческих ресурсов преобладающим становится не профессиональный, а компетентностный подход. При этом меняется требование к человеку труда.

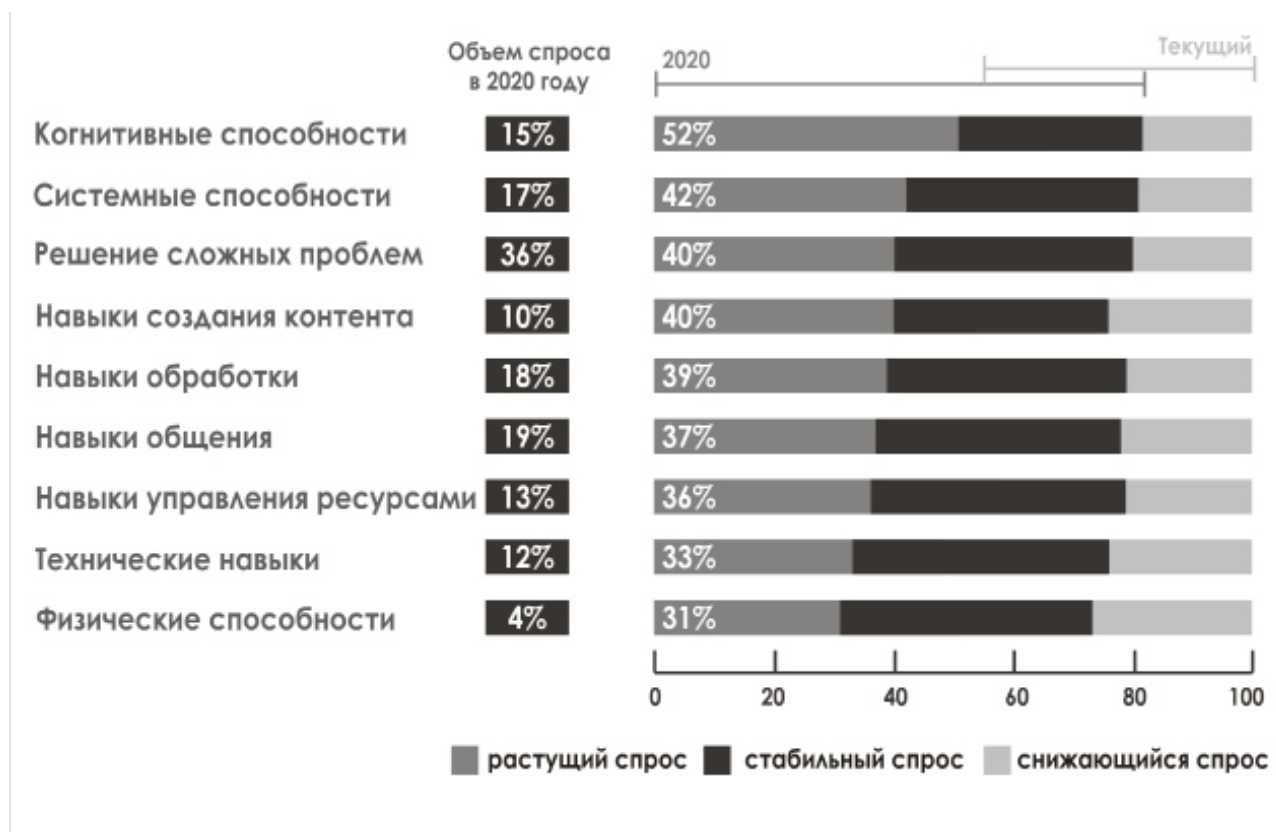

Рисунок 1. Спрос на профессиональные навыки в 2020 году [13, с.29].

Как нами было отмечено ранее [3] в цепочке воспроизводства человеческих ресурсов значительная роль принадлежит профориентации. В отличие от традиционно понимаемой профориентации как «система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии (с учетом особенностей личности и потребностей народного хозяйства в кадрах), на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве» [1], мы рассматриваем систему профориентации как метод регулирования социально-трудовых отношений в контексте воспроизводства человеческих ресурсов. На стадии формирования профориентация влияет на распределение ресурсов в сфере образования по направлениям и специальностям, по уровням образования и формам подготовки. На стадии распределения человеческих ресурсов профориентация влияет на потоки человеческих ресурсов между отраслями народного хозяйства и сферами занятости. Профориентация в контексте lifelong learning не ограничивается простым воспроизводством, а продолжает влиять на

профессиональное самоопределение на стадии использования человеческих ресурсов. В процессе трудовой деятельности человек меняет профессии, сферы занятости, состав трудовых функций, развивает свои компетенции. Таким образом, профориентация может быть рассмотрена, как непрерывный процесс профессионального самоопределения и развития, реализующийся в контексте динамичного изменения разделения и кооперации труда.

Теоретический и эмпирический анализ (автором проанализированы региональные системы профориентации Омской области, Новосибирской области, концепции и проекты Росмолодежи, Саратовской области, Республики Татарстан, методика и методология будут приняты к публикации в научном журнале Вестник Омского университета, серия «Экономика» №4, 2017 год) показал, что современная система профориентации не соответствует требованиям четвертой промышленной революции.

Промышленная революция увеличивает темп отмирания и возникновения новых профессий. Современное состояние системы профориентации ориентирует на существующий рынок труда, профессиональные стандарты. Необходимо строить профориентацию с учетом прогноза развития профессий в перспективе на 10-20 лет (одним из примеров является Атлас новых профессий до 2020 года).

Автоматизация, компьютеризация и роботизация производств проявляется практически во всех сферах занятости и профессиях. Существующая система разделения труда и профориентации рассматривает автоматизированные производства в рамках отдельных специальностей. Использование компьютерных технологий, автоматов и роботов становится частью подавляющего большинства профессий будущего. Поэтому компетенции digital-технологий в рамках профориентации должны рассматриваться не как профессиональные, а как надпрофессиональные.

Промышленная революция увеличивает динамичность рынка труда. Увеличивается частота и радикальность трудовых перемещений. Гибкость рынка труда и высокая мобильность человеческих ресурсов становятся нормой. Между тем традиционная система профориентации ориентирует на долгосрочную стабильную занятость в рамках выбранной профессии и предприятия.

Междисциплинарные комплексные компетенции становятся основным конкурентным преимуществом человека в сфере социально-трудовых отношений. Это является следствием стирания межпрофессиональных границ, распространения проектных форм организации деятельности и перевода рутинных функций в сферу автоматизации. Труд становится все более инновационным, непредсказуемым, творческим и гибким. Между тем, существующая система профориентации ориентирована на выбор конкретной профессии, обучение по конкретному направлению подготовки и практически не учитывает межпрофессиональные связи. Она основывается

на примате профессионального, а не компетентностного подхода. Новая система профориентации должна выявлять и развивать компетенции, на основе сочетания которых могут строиться траектории профессионального самоопределения.

Промышленная революция формирует новые системы коммуникационных взаимодействий. Это связано в первую очередь с digital-технологиями, сетевыми формами обучения и производства. Поэтому профориентация должна преодолеть существующие ограничения традиционных коммуникаций и формировать компетенции способствующие, быстрому нахождению необходимой информации в экспоненциально растущем объеме информационных потоков, способствовать формированию реальных и виртуальных проектных групп при выполнении трудовых функций.

Таким образом, для обеспечения тенденций четвертой промышленной революции необходимыми человеческими ресурсами требуется построение новой концепции профориентации, базирующаяся на принципах междисциплинарности, комплексности, гибкости, ориентирована не только на желания и интересы человека, но и на перспективы рынка труда, эффективность занятости в течение всей трудовой жизни.

Список литературы:

1. Большая Советская Энциклопедия. (в 30 томах) – М.: «Советская Энциклопедия», 1975. Т.21. – С. 418.
2. Борботько П.В. Противоречия четвертой промышленной революции и цифровой экономики// Современная экономика: актуальные вопросы, инновации и тенденции развития: сборник статей Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2016. – С. 77–83.
3. Диннер И.В. Профориентация как фактор регулирования миграционных процессов и рынка труда // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2017. № 2 (58). – С. 139–145.
4. Диннер И.В. Развитие системы и становление новых субъектов профориентации//Социально-экономические тенденции развития экономики: сб. науч. тр. / Минобрнауки России, ФГБОУ ВО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского ; [отв. ред. Л.Н. Иванова, А.Е. Миллер, А.В. Арбуз]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2016. – С. 105.
5. Диннер И.В. Содержание профессий в контексте изменений в разделении и кооперации труда // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2016. № 2. – С. 97.
6. Зайцев Д.А., Збрицкая И., Зайцева Н.С. Россия в преддверии четвертой промышленной революции // Иннов: электронный научный журнал, 2016. № 1 (26). URL:<http://www.innov.ru/science/economy/rossiyavpredveriichetvyertoyp/>(дата обращения 08.09.2017).

7. Кузнецова С.Б. Четвертая промышленная революция как результат инновационно-технологического развития производственных систем // Современные научные исследования и инновации, 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65792> (дата обращения: 02.09.2017).

8. Куликов М.Ю., Хачатуров А.Е. 4-я промышленная революция и качество труда // Успехи в химии и химической технологии. Том XXX, 2016. № 8. – С. 85–87.

9. Лапин Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства// Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2015. № 3. – С. 14–19.

10. Половинко В.С. Модернизация социально-трудовых отношений в период неоиндустриализации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2015. № 3. – С. 9–13.

11. Тимошенко В.П. Промышленная революция в России: пределы внешнеэкономического либерализма// Уральский исторический вестник № 1 (38), 2013. – С. 46–51.

12. Хуснуллова А.Р., Абсалямова С.Г. Четвертая промышленная революция и ее социально-экономические последствия // Научно-теоретический журнал, 2016. № 2. – С. 59.

13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Издательство «Эксмо». Москва, 2016. – С. 230.

14. Ястреб Н.А. Четвертая промышленная революция: глобальные промышленные сети и интернет вещей.//Инновационная политика и экономика. ИнВестРегион, 2014. № 14. – С. 22–26.

УДК 316. 334. 2 ББК 60.561.2

Дулина Надежда Васильевна –
д-р социол. наук, профессор
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград
e-mail: nv-dulina@yandex.ru

Икингрин Елена Николаевна –
канд. социол. наук, доцент
Нижевартовское отделение РОС,
г. Уфа-Нижевартовск
ikingrinen@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ РОССИИ К СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Ключевые слова: студенты, социальное неравенство, справедливое общество, результаты социологического исследования

В народе говорят: «Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!». А хорошая – это какая? Ответы на этот вопрос могут быть разные: богатая, сытая, благополучная, процветающая, счастливые люди без разного рода напастей, таких как война, хворости, болезни... Но, главное, хорошая жизнь – это справедливая жизнь. Справедливость наряду с добром – наиболее древние общественные идеалы. В своих повседневных делах и поступках люди опираются на представления о добре и зле, справедливости и несправедливости. Согласно учению Аристотеля, именно справедливость управляет другими добродетелями, Цицерон рассматривал справедливость как «высшую добродетель», И. Кант видел в ней «ценность жизни людей», Л. Бернс подразумевал под ней «необходимость сродни хлебу насущному» [8, с. 350]. Можно предположить, что утрата человеком «справедливости» ведет к разочарованию, отчуждению и от других добродетелей. Как замечает выдающийся историк, искусствовед А. И. Некрасов, «Справедливость – дитя неудовлетворенности человека жизнью. Довольный человек в справедливости не нуждается и не говорит о ней, даже будучи членом развитого общества» (цит. по: [7, с. 19]).

Время подтверждает, что справедливость – это утопия, мечта, которая ведет человечество вперед. Очень точно это сумел уловить Александр Зиновьев: «Нам нужна мечта, надежда, утопия. Утопия – это великое открытие. Если люди не изобретут новую, на первый взгляд никому не нужную утопию, то они не

выживут в качестве людей. Нам нужна сказка: людям важно, в какой они верят туман и какая им верится сказка» [5].

Какой «туман» справедливости наблюдают современные студенты России? Какая им верится «сказка» социального равенства? Представление об этом можно составить, если познакомиться с результатами всероссийского исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного под эгидой Российского общества социологов (РОС)¹.

Традиционно, исследование, выполненное членами РОС (в том числе и «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости»), носило инициативный характер, к нему «на местах» (в городах территории исследования) присоединялись те организации, кому предложенная тема показалась интересной. Как показывает практика, такой опрос не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова. По своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности [6, с. 60].

Ограниченные рамки статьи не позволяют представить все результаты, полученные в ходе исследования, да такой задачи и не ставится, тем более, что частично результаты данного исследования уже были представлены в публичной печати: материалах V Всероссийского социологического Конгресса, специальных изданиях, приуроченных к этому мероприятию (см., напр., [1 – 4] и др.). В данной статье мы сравним результаты исследования только по трем городам – участникам исследования, это Волгоград, Нижневартовск и Сургут. Нельзя не заметить значимые различия в характеристиках респондентов, опрошенных в разных городах, что, несомненно, сказывается на полученных оценках и мнениях, и что следует иметь в виду при более тщательной интерпретации полученных результатов (см. табл. 1).

¹ Технические параметры выполненного исследования: всего опрошено в 26 городах России 3964 респондента. Респонденты данного исследования – это представители 71 вуза страны. Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству и социальной справедливости. Метод сбора информации – анкетирование (онлайн и офлайн опросы). Руководители полевого этапа проекта – Ю. Р. Вишневский, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург), Н. В. Дулина, доктор социологических наук, профессор (г. Волгоград), Е. Н. Икингрин, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа-Нижневартовск).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, %%

Характеристики выборки	Территория исследования			
	Волгоград	Нижне-вартовск	Сургут	В целом по массиву
Общее количество опрошенных	462	122	242	3964
Процент от общего числа опрошенных	11,7	3,1	6,1	100,0
Пол				
Мужской	50,5	20,5	12,0	31,7
Женский	49,5	79,5	88,0	68,3
Курс обучения				
1–2 курс	83,6	21,3	72,3	63,8
3 курс	8,9	38,5	16,1	18,2
4–5–6 курсы	5,8	32,0	9,5	14,6
Магистранты и аспиранты	1,7	8,2	2,1	3,4
Направленность обучения				
Техническая	57,7	4,9	10,3	28,7
Естественнонаучная (биология, география, химия и т. д.)	7,1	5,7	5,0	5,5
Гуманитарная (психология, социология, литературоведение, и т. д.)	6,0	63,1	36,0	39,3
Экономическая (менеджер, экономист, финансист)	28,3	15,6	39,3	20,5
Медицинская	0,0	0,0	2,1	1,7
Военная	0,0	0,0	0,0	0,4
Другая специальность	0,9	10,7	7,3	3,8
Самооценка респондентами своей религиозности (Ответ на вопрос: «Вы – верующий человек?»)				
Да	62,9	79,5	72,3	69,2
Нет	37,1	20,5	27,7	30,8

Материальное положение родительской семьи респондентов «К какой категории по уровню доходов относится Ваша родительская семья?»				
Мы не можем свести концы с концами. Нам не хватает денег даже на питание	2,2	2,5	2,1	1,5
Денег нам хватает только на питание, да и то по минимуму. Для нас покупка одежды – большая проблема	1,1	2,5	3,7	2,2
На питание нам хватает. Одежду покупаем, но самую дешевую. Покупка вещей длительного пользования, таких как телевизор или холодильник, для нас проблема	11,1	20,5	16,5	15,7
Мы хорошо питаемся. На одежду денег хватает, в том числе и дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей длительного пользования. Но действительно дорогие вещи – машина, дача – нам не по карману	50,1	45,0	46,3	46,9
Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования. Откладывая деньги, можем накопить на недорогую машину или скромный летний домик. Наши доходов не хватает на то, чтобы купить квартиру или коттедж	30,0	23,8	25,6	27,9
У нас нет материальных проблем. Если захотим, можем приобрести все, что угодно – недвижимость, дорогой автомобиль	5,5	5,7	5,8	5,9

Предварительное замечание. В инструментарии исследования не было специального (уточняющего) вопроса о том, как именно студенты понимают, что такое справедливость. Каждый из респондентов вкладывал в это понятие собственные смыслы и содержание, давая свои оценки. Но можно предположить, что в своих ответах они исходили из общепринятого определения справедливости.

Чтобы определиться с понятиями, напомним, что социальная справедливость – это система общественных институтов, которая не в единичных действиях, а по самой своей структуре постоянно обеспечивает

(по меньшей мере большинство) членов общества благами при распределении политических, юридических, экономических и других прав и материальных ценностей [7, с. 20]. «Социальная справедливость – это не равенство всех людей, а мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества» [9, с. 235]. Иначе говоря, общепринятое определение справедливости рассматривает ее как надындивидуальную социокультурную детерминанту, определяющую статусно-ролевую структуру общества, и регулирующую социальные отношения на основании традиционных духовных ценностей, норм общежития и индивидуального разума.

В инструментарии исследования студентам предлагались вопросы, ответы на которые предполагали ответ в выборе того или иного шкального значения. Например: «Как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО)? В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?». Ответы на этот вопрос представлены в табл. 2, 3.

Таблица 2

Одобряемые студентами характеристики справедливого общества

Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО). В какой степени Вы согласны со следующим утверждением?	Полностью согласен	В основном согласен	В чем-то да, в чем-то нет	В основном не согласен	Совсем не согласен
	%%				
В СО люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения					
Волгоград	41,4	32,8	16,8	7,0	2,0
Нижневартовск	49,2	23,0	23,0	3,3	1,5
Сургут	45,5	26,0	17,7	5,4	5,4
В целом по массиву	45,7	28,2	17,4	6,1	2,6
В СО специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией					
Волгоград	33,9	39,6	20,0	4,5	2,0
Нижневартовск	28,7	37,7	23,8	5,7	4,1

Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО). В какой степени Вы согласны со следующим утверждением?	Полностью согласен	В основном согласен	В чем-то да, в чем-то нет	В основном не согласен	Совсем не согласен
	%%				
Сургут	34,3	37,2	19,8	3,7	5,0
В целом по массиву	32,9	39,5	20,3	5,2	2,1
В СО все люди получают по труду					
Волгоград	40,3	30,4	18,2	7,2	3,9
Нижевартовск	43,4	20,5	23,8	10,7	1,6
Сургут	39,3	26,9	22,2	7,0	4,6
В целом по массиву	38,4	31,1	19,5	7,0	4,0
В СО предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные					
Волгоград	23,2	27,8	35,6	9,3	4,1
Нижевартовск	30,3	27,9	31,1	7,4	3,3
Сургут	24,8	28,5	31,4	9,5	5,8
В целом по массиву	25,5	32,2	28,8	9,3	4,2
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные					
Волгоград	30,1	28,5	23,7	10,5	7,2
Нижевартовск	32,0	24,6	27,8	8,2	7,4
Сургут	35,5	20,3	25,6	12,0	6,6
В целом по массиву	30,9	26,3	26,4	9,8	6,6
В СО люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными					
Волгоград	11,8	30,5	41,5	9,2	7,0
Нижевартовск	20,5	25,4	41,0	8,2	4,9
Сургут	24,8	33,5	30,1	6,6	5,0
В целом по массиву	15,6	33,1	38,7	8,4	4,2
В СО руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники					
Волгоград	16,1	27,6	33,5	16,1	6,7

Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО). В какой степени Вы согласны со следующим утверждением?	Полностью согласен	В основном согласен	В чем-то да, в чем-то нет	В основном не согласен	Совсем не согласен
	%%				
Нижневартовск	17,2	24,6	35,2	16,4	6,6
Сургут	14,5	30,6	35,1	14,8	5,0
В целом по массиву	15,6	29,7	34,2	15,4	5,1

Таблица 3

Неодобряемые студентами характеристики справедливого общества

Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО). В какой степени Вы согласны со следующим утверждением?	Полностью согласен	В основном согласен	В чем-то да, в чем-то нет	В основном не согласен	Совсем не согласен
	%%				
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству					
Волгоград	10,4	19,2	42,4	17,8	10,2
Нижневартовск	12,3	22,1	32,8	20,5	12,3
Сургут	8,7	15,7	48,3	15,7	11,6
В целом по массиву	9,0	13,4	41,0	21,1	15,5
В СО все доходы распределяются поровну между всеми гражданами					
Волгоград	8,3	12,0	25,6	27,5	26,6
Нижневартовск	12,3	16,3	27,1	23,0	21,3
Сургут	12,4	19,4	20,7	25,6	21,9
В целом по массиву	8,4	10,8	26,1	29,4	25,3

Цифры, представленные в таблицах, довольно убедительные и дают возможность понять, каким видится справедливое общество современным студентам. Мнение студентов разных городов практически совпадает. Так, например, во всех городах, данные по которым анализируются в статье и по массиву в целом большинство студентов (до 2/3 опрошенных) считают, что в справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения. Но, есть интересные моменты, которые требуют более пристального изучения. Например, при позитивной оценке роли предприимчивости и предпринимательства в устройстве справедливого общества, в целом студенты не продемонстрировали готовности пересмотреть итоги приватизации и национализации всех предприятий. Если сравнить данные табл. 1 и табл. 2, 3, то какие-то объяснения можно найти, но, видимо, это уже задача другой статьи.

Данные, полученные в ходе исследования, не дают оснований говорить о принципиальных различиях в оценках и мнениях студентов разных регионов, лишней раз убеждая, что студенты – это самостоятельная социальная группа со своими интересами.

Список литературы:

1. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Нархова Е. Н., Орешкина Т.А., Чегодаева Т.А. Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 121–176.

2. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В., Икингрин Е. Н. Гендерные различия в оценке студентами справедливого общества (по итогам прикладного социологического исследования) // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 234–252.

3. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Бедность не порок? Студенты современной России о причинах бедности (по итогам прикладного социологического исследования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9670–9681.

4. Дулина Н. В. Справедливое общество: мнение современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) // *Primo Aspectu*. – 2016. – № 3 (27). – С. 37 – 52.

5. Зиновьева О. Новая утопия – идеология мира будущего / Выступление Ольги Зиновьевой, на IV Международной конференции Зиновьевские чтения «Идеи и современность», г. Кострома (Россия), 29 октября 2012 года / Zinoviev. Info. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zinoviev.info/wps/archives/407> (дата обращения 12.05.2017).

6. Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 9–96.

7. Марков К. А. Справедливость и юридическая ответственность // Актуальні проблеми вітчизняної юриспруденції. – 2015. – № 6. – С. 19 – 28.

8. Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов / сост. В. Воронцова. – 4-е изд. – М.: Художественная литература, 1980. – 704 с.

9. Шипунова Т. В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии. Вып. 5: Межвуз. сб. – СПб.: Астерион, 2005. – С. 227–247.

УДК 334.02 ББК 65.497

Исупов Андрей Михайлович –

к.э.н., доцент,

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», г. Самара
e-mail: a-isupov@yandex.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И КАПИТАЛ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: образование, образовательная организация, регион, интернет, инновационная деятельность, Самарская область.

Реализация задачи ускорения инновационного развития региона во многом зависит от наличия на его территории кадров соответствующей квалификации. Фундаментом кадрового обеспечения инновационной деятельности является образование, которое готовит квалифицированных специалистов и отвечает за увеличение изобретательской активности выпускников. Сфера образования, начиная с общего и заканчивая высшим, должна играть большую роль в развитии инновационной деятельности территориальных кластеров [5, с. 28; 7, с. 155 – 156; 6, с. 57 – 59]. Человеческий капитал становится самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природное или денежное богатство.

Согласно данным Микрорепериси населения 2015 г., процент грамотных в Самарской области, по расчетам автора, составил 99,8% [8].

Самарская область опережает средние показатели Российской Федерации и Приволжского федерального округа по числу лиц, имеющих высшее и среднее образование. Это характеризует высокий образовательный уровень занятого населения области по сравнению с близкими по уровню развития регионами Нижегородской областью и Пермским краем. Наблюдается большой процент работников с высшим образованием. По сравнению с 2010 г., в 2015 г. уровень образования занятого населения Самарской области вырос, т.к. увеличилась доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием и снизилась доля занятого населения с общим образованием и не имеющего образования [10, с. 801 – 802; 12, с. 178 – 179].

В период 1990 – 2010 гг. в Самарской области, как в целом по России, наблюдалась тенденция снижения числа обучающихся в образовательных организациях всех видов, кроме обучающихся в высших учебных заведениях.

В настоящее время ситуация изменилась: численность воспитанников в дошкольных организациях и охват детей дошкольными организациями, число обучающихся в общеобразовательных организациях возросли, а количество студентов, бакалавров и магистров организаций среднего и высшего профессионального образования, напротив, начало снижаться (Таблица 1).

Таблица 1

Число обучающихся в образовательных организациях Самарской области [9; 10; 12]

Показатели	Годы					
	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Охват детей дошкольными организациями (% от численности детей соответствующего возраста)	67,2	58,2	64,2	62,4	61,9	68,9
Численность воспитанников в дошкольных организациях (тыс. чел.)	190,3	124,0	102,4	102,5	114,7	147,4
Численность обучающихся в дневных общеобразовательных организациях (тыс. чел.)	423,2	458,5	435,2	318,9	280,6	301,3
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих (тыс. чел.)	41,4	34,8	34,8	36,8	27,2	10,5
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена (тыс. чел.)	56,6	51,9	58,8	65,4	51,6	55,4
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (тыс. чел.)	74,9	68,5	111,4	179,0	162,3	111,0

Наименьший охват детей дошкольными учреждениями наблюдался в 2008 г. Это связано как с уменьшением численности самих детских дошкольных учреждений, так и возможностями для матерей воспитывать детей в домашних условиях. Уменьшилось число обучающихся в дошкольных учреждениях в 2000 г. по сравнению с 1990 г. на 87,6 тыс. чел., в 2015 г. стало меньше на 42,9 тыс. чел. Увеличение численности в дошкольных учреждениях произошло в последние годы, например, за 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 17,2 тыс. человек.

В общеобразовательных учреждениях число обучающихся уменьшилось на 121,9 тыс. чел., численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена – на 1,2 тыс. чел., численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, стала меньше в 2015 г., чем в 1990 г., на 30,9 тыс. чел.

Численность студентов вузов в 2015 г. стала больше на 36,1 тыс. чел., чем в 1990 г. За период 1990 – 2015 гг. динамика численности студентов вузов имела разнонаправленный характер. Достигнув пика в 2005 г., далее она стала падать. Это обусловлено, прежде всего, изменением государственной политики по отношению к высшему образованию, что, в свою очередь, было вызвано дефицитом специалистов со средним профессиональным образованием.

Проблема дефицита мест в детских садах долгие годы была одной из наиболее значимых в образовании, и Правительство Самарской области предпринимало и предпринимает серьезные усилия для ее решения. Так, за 2011 – 2014 гг. в Самарской области было создано 34,9 тыс. новых мест в детских садах [15]. Очередность на поступление в детские сады в 2015 году для детей в возрасте 3 – 7 лет была полностью ликвидирована.

Численность учащихся в дневных общеобразовательных организациях, в организациях, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, начиная с 2000 г., резко сократилась, что связано с демографической ситуацией, характерной для всех регионов Российской Федерации, а также с падением престижности начального профобразования. Особенно снижается количество подготовленных квалифицированных рабочих и служащих.

Сохраняется тенденция сокращения числа школ в регионе: за 10 лет, с 2005 по 2015 гг., их количество уменьшилось на 119 единиц, что обусловлено снижением численности детей и сопровождалось реорганизацией малокомплектных сельских школ, созданием образовательных центров в муниципальных районах области.

На начало 2014/2015 уч. г. число учащихся в общеобразовательных организациях по сравнению с началом 2005/2006 уч. г. сократилось на 8,25% и составило 292,6 тыс. чел. Однако это значительно меньшее сокращение по сравнению с другими субъектами РФ. За указанный период времени сеть дневных общеобразовательных организаций в Нижегородской области уменьшилась на 39,53%, количество учащихся в них – на 11,64%; в Пермском крае – на 27,75% и 5,74% соответственно, по Приволжскому федеральному округу – на 37,05% и на 14,29% [11, с. 300 – 301; 304 – 305].

Выпускники области ежегодно демонстрируют высокие результаты единого государственного экзамена. Количество 100-балльных результатов составляло в 2014 г. – 136 человек, 2015 г. – 167 человек, 2016 г. – 193 выпускника [2].

В регионе осуществляется расширение парка школьных автобусов, осуществляющих подвоз детей в сельской местности. В 2016 году школьные перевозки осуществляли 648 автобусов на 740 региональных маршрутах. Подвозом было охвачено около 14 тыс. учащихся [13]. Ежегодно указанные количественные показатели растут.

В Самарской области один из самых высоких показателей в России за 2015 г. по количеству студентов, получающих высшее образование, на 10 тыс. человек населения – 348 человек (17-е место по России; Пермский край – 50-е, Нижегородская область – 33-е) [13].

В 2015 г. в Самарской области приступило к учебе на 6,8% студентов меньше, чем в 2014 г. [11, с. 369]. Это обусловлено снижением численности учащихся выпускных классов в общеобразовательных заведениях, появлению так называемой «демографической ямы».

Высшее образование на территории региона получают свыше 111 тыс. человек. Подготовка студентов осуществляется более чем по 400 специальностям и направлениям и охватывает 19 отраслей экономики [3].

Расходы бюджета Самарской области на отрасль «Образование» увеличивались на протяжении 2008 – 2014 гг. и в 2014 г. составляли 29179 млн. руб. В 2015 г. расходы областного бюджета на данную отрасль из-за сложной экономической ситуации сократились и составили 28789 млн. руб. [4; 1].

Интенсивное развитие сферы образования основывается на широком использовании информационных и телекоммуникационных технологий. Число персональных компьютеров в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях на 1000 обучающихся в Самарской области растет. На начало 2010/2011 уч. г. их число было 55 единиц, на начало 2015/2016 уч. г. стало 141 [10, с. 287; 12, с. 422].

Население области активно использует современные средства связи и коммуникации – мобильный телефон, компьютер, Интернет, которые превращаются в повседневность. По данным опроса взрослого населения области, мобильный телефон использовали в 2011 г. 88,6%, компьютер – 62,4%, интернет – 58,5% жителей области. В опросе 2015 г. мобильный телефон использовали уже 95%, компьютер – 76,8%, интернет – 76,5% жителей области, т. е. значительно больший процент, особенно интернет – на 18% больше.

Наблюдается определенная разница в использовании компьютера и Интернет среди городов и районов области. Наиболее активно используют современные средства коммуникации в областном центре – Самаре, наименее активно в сельских районах области. В Тольятти использование компьютера и Интернет в 2015 г. уступало Самаре почти в два раза, чем по опросу 2011 г., и несколько опережает районы (Таблица 2).

Таблица 2

Доля жителей, использующих компьютер, Интернет
(процент от числа опрошенных)

Варианты ответов	Самара		Тольятти		Районы		Самарская область	
Используют компьютер								
	2011	2015	2011	2015	2011	2015	2011	2015
Да	71,9	81,9	60,9	77,7	55,1	69,3	62,4	76,8
Нет	28,1	15,3	39,1	20,9	44,4	30,4	37,4	21,8
Отказ от ответа	-	2,7	-	1,4	0,5	0,3	0,2	1,4
Используют интернет								
Да	67,7	82,2	59,3	78,1	50,2	67,5	58,5	76,5
Нет	32,3	15,1	40,7	20,5	49,0	32,5	41,2	28,2
Отказ от ответа	-	2,7	-	1,4	0,8	0	0,3	1,3

Список литературы:

1. Доклад об исполнении бюджета Самарской области на 2015 год по отрасли «Образование». – URL: http://www.educat.samregion.ru/activity/publichnye_slushaniya/doklad_ob_ispolnenii_byudzheta_samarskoy_oblasti_po_otrasli_obrazovanie-_v_2015_godu/.
2. Информация о проведении и результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, в том числе в форме единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ) в Самарской области в 2016 году. – URL: <http://educat.samregion.ru/ЕГЭ-2016.docx>.
3. Информация о результатах и основных направлениях деятельности образования Самарской области. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/GDtN/b8oEpf8d7>.
4. Информация об исполнении бюджета Самарской области на 2014 год по отрасли «Образование». – URL: http://www.educat.samregion.ru/activity/publichnye_slushaniya/informatsiya_po_ispolneniyu_byudzheta_po_otrasli_obrazovanie-_za_2014_god/.
5. Исупов, А.М. К вопросу о сущности и структуре авиастроительных кластеров / А.М. Исупов, Н.М. Тюкавкин // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». – 2013. – №10 (111). – С. 25 – 31.
6. Исупов, А.М. Организационно-экономический механизм государственного регулирования авиастроительного кластера Самарской

области / А.М. Исупов // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 5. – С. 57 – 68.

7. Исупов, А.М. Совершенствование механизма функционирования авиастроительных кластеров: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук 08.00.05 / А.М. Исупов. – Оренбург, 2014. – 225 с.

8. Раздел II. Образование. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 999 с.

10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

12. Самарская область обновляет автопарки школ и медицинских учреждений. – URL: <http://www.autosphere.ru/novost-dnya/samarskaya-oblast-obnovlyayet-avtoparki-shkol-i-meditsinskich-uchrezhdeniy>.

13. Статистика ЕГЭ. – URL: <http://www.rcmo.ru/statistics/ege-statistics/>.

14. Три года работы: цифры и факты // Волжская коммуна. – 2015. – 15 мая. – С. 18.

УДК 316 ББК 60.59

Кадничанская Марина Ивановна –

к. социол. наук, доцент
Ульяновский государственный
университет, г. Ульяновск
e-mail: m-i-kad@yandex.ru

Галкина Елена Петровна –

к. социол. наук, доцент
Ульяновский государственный
университет, г. Ульяновск
e-mail: pyh2000@mail.ru

К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА И РЕСУРСОВ И ЕЁ ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: труд, трудовой потенциал, ресурсы, регион, государственная политика.

Исследование проблем развития трудового потенциала и ресурсов региона в рыночных условиях является весьма актуальными. Это связано с тем, что объективные процессы трансформации российского общества существенным образом изменили систему ценностных ориентиров, качество и уровень жизни людей, механизмы воспроизводства профессионально-квалификационного состава рабочей силы.

Основной закономерностью формирования трудового потенциала является совокупность трех взаимосвязанных направлений: количественное (обеспечение результативности труда), качественное (повышение компетенции персонала) и структурные изменения (оптимизация структуры персонала).

Сегодня существует необходимая потребность в формировании государственной политики, которая, в свою очередь, будет направлена на повышение эффективности трудовых ресурсов. Поэтому актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, необходимостью выявления новых подходов к формированию, развитию и использованию трудового потенциала региона; во-вторых, определением критериев эффективного использования потенциальных возможностей, и, прежде всего, молодежи как ресурса развития региона и общества в целом.

В период реформирования российского общества, становления новой системы трудовых отношений постоянными объектами научного анализа

социологов, экономистов, политологов продолжает оставаться обоснование современной политики занятости, управление трудовыми ресурсами, профессиональная подготовка и качество трудового потенциала страны.

В настоящее время всё более востребованным является анализ содержания, направлений, перспектив формирования и развития трудового потенциала, и, прежде всего, молодежи, что объясняется возрастанием темпов развития общества, возникновением проблем, вызванных нехваткой трудовых ресурсов, усилением трудовых миграционных процессов, а также потребностями экономического развития страны.

Следует отметить, что российское общество на современном этапе развития по-прежнему не выработало механизм «мягкого» согласования интересов различных групп общества между собой, до конца не создало систему адекватного соотношения между воспитательным воздействием старших поколений и реальным молодежным самоуправлением. В этих условиях необходимы новые механизмы обеспечения взаимоотношений между обществом и его социальными институтами. Материальные ценности, такие как материальный достаток, карьера, стабильный доход по-прежнему лидируют в системе ценностей. При этом терминальные ценности (семья, дети, друзья, досуг) также продолжают играть важную роль [6].

Степень использования трудового потенциала Ульяновской области связана с рядом проблем:

Уровень регистрируемой безработицы в Ульяновской области на 01.01.2017 г. составил 0,53% к численности экономически активного населения, что на 0,1% ниже по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. По уровню регистрируемой безработицы Ульяновская область занимает первое место в Приволжском федеральном округе (ПФО), разделяя его с Нижегородской областью, и входит в десятку лучших регионов по данному показателю в Российской Федерации. Уровень регистрируемой безработицы варьируется по области от 0,2% (в Новоспасском районе) до 1,1% (в Новомалыклинском районе) [5, С. 36].

Уровень трудоустройства в 2016 году составил 68,4% от общего числа граждан, обратившихся в службу занятости за содействием в поиске подходящей работы (за соответствующий период прошлого года – 66,2%). Коэффициент напряжённости на рынке труда по состоянию на 01.01.2017 в целом по области составлял 0,52. На одного незанятого гражданина приходится почти 2 вакансии [1, С. 10].

Органами службы занятости населения Ульяновской области были организованы ярмарки вакансий и учебных рабочих мест (305), а также выезды мобильных центров занятости населения. К участию в ярмарках вакансий были привлечены 1409 работодателей, в том числе 1251 организация и 158 учреждений образования. Было представлено 38009 вакансий. Ярмарки вакансий посетили 28495 человек, из которых 3898 – трудоустроены [1, С. 12].

Одним из приоритетных направлений в работе региональной власти является создание новых рабочих мест и благоприятного бизнес-климата на территории региона, снятие административных барьеров и привлечение инвестиций. При этом существует ряд сложностей в реализации этой деятельности.

Трудовая миграция. По данным мониторинга Ульяновскстата, общие итоги межрегиональной миграции населения в январе-ноябре 2016 года составили: число прибывших – 15913 человек, число выбывших – 16328 человек. Учитывая приведённые цифры, сальдо межрегиональной миграции Ульяновской области по состоянию на 01.12.2016 характеризуется отрицательными величинами и составляет - 415 человек (на 1 сентября сальдо составляло +127 человек) [4, С. 6].

Анализ данных миграционного прироста населения в ПФО позволил выделить ряд основных факторов, влияющих на миграционные процессы (в качестве эмпирической базы исследования были использованы данные официальной статистики за 2016 г.):

- демографические условия, которые определяются уровнем рождаемости, смертности и средней продолжительности жизни на территории региона;
- условия трудовой деятельности (уровень занятости и уровень безработицы);
- экономические условия (прожиточный минимум, заработная плата);
- условия системы здравоохранения;
- условия инвестиционной активности региона;
- жилищные условия [3, С. 80-100].

Некоторые из представленных факторов нашли свое отражение в результатах ряда авторских социологических исследований, проведенных в регионе на базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

В 2016 году продолжилось сокращение численности иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность на территории Ульяновской области. При этом, иностранная рабочая сила продолжает оказывать незначительное влияние на региональный рынок труда и социально-экономическое развитие Ульяновской области.

На территории Ульяновской области реализуется ряд программ и подпрограмм, направленных на решение этой проблемы. Одна из них – подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Ульяновскую область соотечественников, проживающих за рубежом», которая начала действовать на территории региона с января 2014 года. За 2016 год в Агентство на рассмотрение поступило 708 заявлений от иностранных граждан, желающих принять участие в Программе. Из них 547 заявлений рассмотрено положительно, 161 – отрицательно [1, С. 16].

Уровень и темп роста заработной платы. По данным статистики за январь – октябрь 2016 года размер среднемесячной начисленной заработной платы в целом по области составил: по полному кругу предприятий – 23741,2 руб.; по крупным и средним предприятиям – 26011,4 руб.

Наибольшие темпы роста заработной платы достигнуты в сферах: научные исследования и разработки –123,0 % (47175,9 руб.); производство резиновых и пластмассовых изделий – 122,6 % (32953,2 руб.); производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 118,7 % (39479,3 руб.); сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях – 118,2 % (16742,4 руб.); операции с недвижимым имуществом – 113,7 % (26794,8 руб.) [5, С. 54].

Прожиточный минимум. По итогам 2016 года общий уровень инфляции в Ульяновской области (индекс потребительских цен на товары и услуги) превысил темп роста среднегодовой величины прожиточного минимума (с учетом оперативного расчёта прожиточного минимума за IV квартал текущего года) на 5,3% [5, С.57].

Правительством Ульяновской области реализуется Программа «Достойный труд – основа благосостояния Ульяновской области» на период до 2020 года для комплексного подхода к проведению социально-экономической политики, обеспечивающей право граждан на достойный труд, повышение качества жизни работников и их семей на основе устойчивого развития экономики, роста производительности труда и стабильной занятости, безопасности рабочих мест и достойной оплаты труда. С целью реализации этой программы разработан и утверждён Стандарт социальной ответственности работодателей Ульяновской области (распоряжение Правительства Ульяновской области от 30.06.2016 № 354-пр) и составлен реестр социально ответственных организаций Ульяновской области, в который вошли: МУП «Ульяновская городская электросеть»; АО «АВИАСТАР-СП»; ФНПЦ АО НПО «Марс»; АО «Государственный научный центр - научно-исследовательский институт атомных реакторов»; АО «Ульяновское конструкторское бюро приборостроения» (АО «УКБП») [2]. Внедрение Стандарта способствует развитию системы нефинансовой социальной отчётности, которую осуществляют такие крупные организации, как ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Сбербанк России», ПАО «Мегафон», ПАО «Ростелеком», ПАО Банк «ВТБ» и др. [1,С. 27].

Значимым шагом в развитии трудовых ресурсов области является разработка прогноза баланса трудовых ресурсов. Согласно прогнозу, численность трудовых ресурсов Ульяновской области из года в год будет снижаться и к 2022 году снизится на 9%. При этом возможны существенные структурные диспропорции, связанные с профессионально-квалификационной структурой трудовых ресурсов [1,С. 32].

Таким образом, трудовому потенциалу как сложной системе, присуще свойство многофункциональности, т.е. способности системы к реализации некоторого множества функций. Данное свойство вытекает из многофункциональности процесса труда. Из свойства многофункциональности логически следует еще несколько важнейших свойств, характеризующих обобщенные характеристики системы трудового потенциала: гибкость, адаптивность, устойчивость.

Правительство Ульяновской области осознаёт важность и необходимость регулирования системы развития и успешного функционирования трудового потенциала. Осуществляется контроль за показателями уровня безработицы в регионе, уровня трудоустройства, трудовой миграции, уровня и темпов роста заработной платы. Реализуется ряд программ и подпрограмм, направленных на развитие трудового потенциала и ресурсов. Но при этом, объективной необходимостью является социологическое сопровождение в исследовании условий наращивания и повышения эффективности использования трудового потенциала региона, в том числе и его молодежной составляющей.

Список литературы:

1. Отчёт о результатах работы Агентства по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области за 2016 год. – Ульяновск, 2017. – 50 с.
2. Распоряжение Правительства Ульяновской области от 30.06.2016 г. № 354-пр. [Электронный ресурс]: по сост. на 30.08.17. - URL: <http://www.med.ulgov.ru> (дата обращения 30.08.17).
- 3 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб./ Росстат. – Москва; 2016. – 672 с.
4. Социально – экономическое положение Ульяновской области в январе – декабре 2016 года. [Электронный ресурс]: по сост. на 29.08.17. - URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/publications/news_issues (дата обращения 29.08.17).
5. Ульяновская область в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. – Ульяновск, 2017 – 140с. [Электронный ресурс]: по сост. на 29.08.17. - URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/resources/f3f15c80416e95a4a95da9e07de149dd/0103_2017.pdf (дата обращения 29.08.17).
6. Цветкова И.В., Иванова Т.Н., Желнина Е.В., Филиогло Л.Д. Социально-трудовой потенциал молодежи региона как основа инновационной активности и модернизации российского общества // Регионология, 2013. № 3.

УДК 316.3 ББК 60.5

Калачикова Ольга Николаевна –

канд. экон. наук

Вологодский научный центр РАН,

г. Вологда

e-mail: onk82@yandex.ru

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ)¹

Стереотип, социально-уязвимые группы, эксклюзия, *многодетные семьи, социальная и государственная поддержка*

Наделение характерным набором признаков (стереотипизация) какой-либо социально-демографической группы населения имеет важное общественное значение. С одной стороны, согласно У. Липпману, это экономия усилий человека при восприятии сложных социальных объектов, защита ценностей и прав [4, с. 93-163]. Стереотип предполагает условную группировку людей на основании какого-то «легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [7, с. 98]. Данная трактовка обуславливает наличие связи стереотипа с социальной категоризацией [11], когда при отнесении воспринимаемого человека в определенные категории ему приписываются качества, которые считаются типичными для определенной совокупности людей [10, с. 422]. С другой стороны, наличие внутригрупповой дифференциации, особенно по ряду второстепенных критериев, неизбежно влечёт ошибочность представления о группе. по мнению П. Штомпки: «Стереотип – это упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей» [8, с. 316]. Особенно остро вопрос несоответствия стереотипа реальному «лицу» категории встает в связи с инерционностью аттитюдов в условиях существенных (накопленных или революционных) изменений социальной реальности. По отношению к уязвимым группам населения неполное понимание их особенностей может повлечь снижение эффективности мер государственной поддержки и социальной политики в принципе.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Вологодский научный центр РАН с 2016 г. при поддержке Российского научного фонда осуществляет научно-исследовательский проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества». В соответствии с гипотезой исследования в его рамках мы обосновываем в качестве критерия социальной уязвимости социальную эксклюзию, при этом под эксклюзией мы понимали не просто исключение из общества, а ограничение доступа к общественным благам, невозможность людей участвовать в важных для них аспектах общественной жизни [9]. Со статусом уязвимости традиционно связывают бедность, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям, ограничения в сфере трудоустройства и образования, невозможность планировать и отвечать за собственную жизнь [6, 40]. Исследование проводится на примере многодетных семей, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья и молодых специалистов. В данном докладе остановимся подробнее на результатах исследования многодетных семей. Эмпирический материал собран методом фокус-групп и массового анкетирования населения Северо-Западного федерального округа¹.

В начале отметим, что многодетные семьи к категории социально-уязвимых и нуждающихся в поддержке относят 69% респондентов. Это свидетельствует об устоявшемся отношении к данной группе как к особенной, отличающейся. По данным ряда исследований россияне ассоциируют многодетность, как правило, с бедностью и общим неблагополучием семьи, алкоголизмом, детской безнадзорностью [2; 3; 5]. Мнения о том, что, многодетная семья – это, как правило, семья благополучная, придерживаются лишь 14% россиян. Только 2% считают многодетные семьи материально обеспеченными [2, 34-35]. Отдельные исследования выявили тот факт, что «вокруг многодетных матерей по-прежнему продолжает существовать некоторая зона социального неодобрения и даже отторжения» [3]. Отношение к многодетным семьям неоднозначное даже в среде ученых, изучающих их. Так, Н.А. Бутрим обозначает многодетные семьи как нетипичные, указывая на их отклонение от социальной нормы, в том числе в смысле потребления благ [1, с. 172].

Негативный стереотип относительно многодетных семей чаще всего связан с финансовыми аспектами и маргинальностью. Так считают сами представители группы.

Елена (3 детей): «Существует негативный стереотип, что рождают ради денег. По некоторой части [семей] судят обо всех».

¹ Анкетный опрос проведен в 2016 г. на территории Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей, Республики Карелия. Выборка составила 3101 чел. (в том числе многодетные матери – 353 чел.), ошибка выборки не более 3%.

Четыре фокус-группы с многодетными родителями проведены в 2017 г. на базе ВолНИЦ РАН.

Алла (4 детей): «Группы, с кем работают социальные работники, – алкоголики, бездомные люди и к ним приравнивают многодетные семьи априори. Это в основном семьи неблагополучные, в которых кто-то болен алкоголизмом. Все деньги тратят на себя. Есть сообщество таких людей, и есть те, кто любят своих детей, а их приравнивают. Получается, что приравнивают тех, для кого дети – это счастье, к тем, кому дети не нужны».

Александра (4 детей): «Старшее поколение (55-60 лет) больше относится с негативом. Считают, что мы какие-то выпивошки, бездумно рождаем детей, не думаем о будущем. Дети ходят голодные-холодные. Государство платит деньги, поэтому рожают. Меня спрашивают: «Ты что, не ради денег рождаешь?» - «Нет, ради себя!». Надо менять такое отношение. А не поменять никак – пожилые все смотрят с негативом».

Часто негатив вызван просьбами многодетных семей о помощи в решении каких-либо проблем, т.е. необходимость выделения относительно больших ресурсов по сравнению с малодетными.

Ирина (3 ребенка): «Я отдаю себя полностью детям. Я все для них делаю. Бывает, что обратишься за помощью к государству, но у меня это все пойдет на детей, а приравнивают к безответственным. Говорят мне: «Ты идешь за третьим, чтобы тебе все помогли. Ты ходишь и просишь». Вот такой негатив».

Выделяется группа многодетных матерей, занимающих активную жизненную позицию, благополучных в материальном плане. Представители этой группы определяют установки социума к многодетности как положительные; основная реакция – интерес, удивление. И только потом заостряют внимание на том, что существуют многодетные семьи асоциального характера, которые вызывают абсолютно противоположную реакцию в обществе.

Юля (4 детей): Реакция общества положительная, обращаются с интересом и даже восхищением. В основном позитивно. Выделяют как особенных, но это хорошее выделение. Хотя мы – нормальные семьи. А вот есть асоциальные, те производят впечатление как стадо босых и ободранных.

Вика (4 детей): Читала, что у многих ассоциации: многодетные семьи как у цыган, неаккуратные, неухоженные, брошенные, или алкашня. Обидно стало. Много сейчас нормальных семей, среди знакомых много таких встречается.

Сами многодетные матери, относящиеся к первой группе, делают вывод, что одобрение / неодобрение со стороны окружающих людей зависит от внешнего вида членов семьи и от их поведения, как семья себя позиционирует.

Многодетные, отмечающие чаще негативное к себе отношение, демонстрируют достаточно агрессивный тип поведения, активно позиционируют себя как имеющих право на привилегии.

Елена (6 детей): «В поликлинику приходишь, «делаешь морду кирпичом», достаешь удостоверение и показываешь на стенд, где написано, что многодетные родители обслуживаются в первую очередь. Многие затыкаются».

«На комиссии по делам несовершеннолетних спрашивали: «Почему Вы не следите за своим ребенком?» - «А почему сразу ко мне? У него есть еще и отец. И ему уже 17 лет. Это уже не ребенок!». Какая злая на меня инспектор была!»

«Лицо» группы меняется, появляется прослойка и, по мнению экспертов, достаточно значительная, благополучных многодетных семей. Как отмечает руководитель Вологодской региональной общественной организации «Объединение многодетных семей «Большая Семья»» Шустовой Е.В. примерно 50% многодетных семей являются носителями традиционных черт стереотипа, 10% семей занимают особую позицию, максимально закрытую от внешнего окружения и на сегодняшний день уже 40% - вполне благополучные и социально активные, стремящиеся самостоятельно себя обеспечить семьи. Для них наличие стереотипа представляется несправедливым, требующим корректировки.

Кроме материального положения представителей данной группы отличает не просто (и не обязательно) более высокий уровень образования, но культуры вообще. Очевидно, критерий детности сам по себе не является сегодня стратифицирующим. Внутренняя разнородность группы требует более тщательного изучения её «портрета», а вернее, «портретов», что позволит получить кроме научного и практический результат, в первую очередь обусловленный необходимостью повышения эффективности государственной поддержки многодетных семей современной России.

Список литературы:

1. Бутрим, Н.А. Специфика проблем современной многодетной семьи // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 172–176.
2. Вовк, Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Нормы и ценности. – 2007. – № 3. – С. 33–46.
3. Грудина Т.Н. Социологический портрет многодетной семьи в России // Семья и демографические исследования. – URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5274/>
4. Липпман, У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Петрова, Т.Ю. Многодетные матери на рынке труда // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2014. – С. 866–868.

6. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 36–83.
7. Шибутани, Т. Социальная психология. – М., 1969. – 534 с.
8. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества. Пер. с польск. СМ. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
9. Эксклюзия как основной критерий выделения социально уязвимых групп населения / Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. // Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 29–47.
10. Taguiri, R. Person perception // Lindzey J., Aronson E. (eds.) The Handbook of social psychology. – Vol. 3. - N.Y., 1969. – Pp. 395-449.
11. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Turner J.C., Giles H. (eds.) Intergroup behavior. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.

УДК 316.4.06 ББК 60.59

Когай Евгения Анатольевна –

зав. кафедрой социологии и политологии,
Курский государственный университет,
г. Курск

E-mail: eakogay@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

Ключевые слова: модернизация, макрорегион, детерминанта, региональное стратегирование.

Одним из ведущих исследовательских направлений обществоведческого дискурса начала XXI столетия выступает вопрос о драйверах и детерминантах модернизационного развития. Модернизация, как правило, связана с реализацией экономических, политических и экономических изменений, мобилизацией человеческих ресурсов, а также повышением способности индивидов и общества в целом к удовлетворению своих потребностей [4]. Осуществление данной функции нацеливает на утверждение ценностей, в центре которых располагается человек, человеческая личность. Обеспечение действенности данной функции в российских регионах зависит от состояния экономических, социальных, политических и других институтов и структур, что, в свою очередь, в значительной мере определяется глубиной знаний состояния и динамики модернизации регионального сообщества. Социокультурный контекст рассмотрения модернизации акцентирует внимание на феномене обратной связи: управленческие и технологические решения подчиняются гуманитарным целям, а гуманистические цели корреспондируют экономическим задачам [3].

Модернизация, как справедливо полагает О.Н. Яницкий, становится в настоящее время «философским камнем» для социологов [6], особенно, заметим, социологов российских. При всей противоречивости процессов, происходящих сегодня в западном мире, там отчетливо прорисовывается новая тенденция – на 20-е годы XXI столетия намечен двойной социетальный скачок – завершение в целом пятого цикла технологического развития (информационного) и переход к шестому (экобиотехнологическому). Нельзя не принимать во внимание тот факт, что такой скачок кардинально изменит социально-функциональную структуру общества. Российские замеры модернизационных процессов свидетельствуют о том, что на пятый,

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

информационный цикл, к настоящему времени вышли лишь некоторые российские регионы [1]. При этом само продвижение на пути модернизации существенно затормозилось. Помимо того, общероссийские и региональные исследования свидетельствуют о сложившемся в России дефиците социального модерна – разнообразных практик, действительно связанных с обновлением реальности [3].

Модернизация нами рассматривается нами также как совокупность системных изменений, направленных на повышение успешности реализации жизненных программ жителями российских регионов. И важным при этом является обращение к вопросу о том, какие детерминанты и факторы модернизации находят свое проявление в отдельных регионах и в макрорегионах, одним из которых является Центральное Черноземье¹.

Под *факторами* модернизации мы подразумеваем некие устойчивые типы социальной деятельности определенного рода, как направляющая сила того или иного процесса. К ним следует отнести, в первую очередь, процессы и тенденции международного порядка, влияющие на происходящее в российских регионах, а также процессы, протекающие на федеральном уровне в самой стране, оказывающие весомое воздействие на региональные процессы.

Детерминанты модернизации – это, скорее, некоторые внутренние условия, которые имеют самую различную природу. Речь здесь идет как о историко-культурных предпосылках современных процессов, так и о тех подвижках, которые в соответствии с законами самоорганизации получают развитие на территории регионов. При этом важно принимать во внимание ценностно-смысловые, а также технологические детерминанты модернизации. Мы исходим из признания того факта, что в обществе сегодня осуществляется утверждение определенных социально-экономических и поведенческих установок, в той или иной мере адекватных модернизационным преобразованиям.

Целью нашей работы является осмысление взаимосвязи комплекса факторов и детерминант, как способствующих, так и препятствующих осуществлению модернизационных преобразований. При этом представляется также важным акцентировать внимание на степени выраженности той или иной детерминанты.

Обратимся к факторам модернизации регионов ЦЧ. Модернизационные процессы здесь осуществляются в условиях вызовов внешнего и внутреннего порядка. Кризис на Украине, пролонгированные политические и экономические последствия воссоединения с Крымом, изоляция и санкции, мобилизационная политика, нарастание террористических угроз – далеко не полный перечень

¹ Отметим при этом, что к Центральному Черноземью (ЦЧ) мы относим как традиционно причисляемые к ней Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области, так и Орловскую область. Мы исходим из того, что в социально-экономическом и культурно-историческом смыслах этот регион довольно близок к областям выделяемого нами макрорегиона.

данных вызовов. Вместе с тем территориальная расположенность, природные ресурсы и ряд других условий создают весьма благоприятные условия для осуществления модернизации в данном макрорегионе. Его хозяйственный профиль определяется наличием уникальных запасов железной руды, присутствием значительных площадей плодородных черноземных почв, благоприятными природными условиями для развития многоотраслевого сельского хозяйства. Удобное географическое положение и развитая транспортная инфраструктура способствуют многосторонней производственной кооперации и межрегиональной интеграции. Важным фактором социокультурной динамики является также демографический потенциал, который в макрорегионе неоднороден. Так, в Липецкой, Тамбовской и Орловской областях фиксируются депопуляционные процессы, а в пограничных с Украиной регионах (Белгородской, Воронежской и Курской областях) в последние годы миграционные потоки способствуют увеличению численности жителей регионов [5]. Для последних становится актуальной проблема смягчения негативного влияния возникших пограничных барьеров на экономические взаимосвязи и жизнь населения.

Обратимся к детерминантам модернизации. Продemonстрируем их интенсивность и направленность на примере типичного региона Центрального Черноземья – Курской области. Одной из ведущих таких детерминант выступает *инновационная детерминанта*. Социологические полевые исследования, проведенные на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в Курской области в 2012 (N=1000) и 2016 (N=500) гг. по методике «Социокультурный портрет региона»¹, показали, что ориентация на создание инновационного пространства в регионе выражена довольно скромно. Так, свыше 80% респондентов отметили, что они никаким образом не задействованы в практике социальных инноваций. Но при этом спрос на новации они отчетливо выразили в ответах на вопрос о непривлекательных сторонах жизни в регионе – таких, как «здесь жизнь заглохла» (41,4% в 2012 г. и 47% в 2016 г.) и «здесь не любят инициативу» (27,5% в 2012 г. и 20,2% в 2016 г.), а также в высокой оценке суждения «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве» (2012 г. – 8,6 балла; 2016 г. – 8,8 баллов из 11).

Жители региона, как четко прослеживается в сравнении двух срезов полевых исследований, охотно используют новшества в своей повседневной жизни – такие, как мобильные телефоны (94,4% в 2016 г. против 92,2%

¹ В каждом из социологических исследований выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Выборки исследований в достаточной мере репрезентируют население региона (по полу, возрасту, уровню образования, а также месту жительства респондента); в каждом из опросов ошибка выборки по одному признаку не превышает 3 %.

в 2012 г.), компьютер (72,6% против 62,7%), интернет (71,6% против 58,4%), общаются в социальных сетях (59,8% в 2016 г.). Новшества, вносимые в повседневную жизнь по инициативе региональной власти, жителями также четко фиксируются, причем как позитивные (2016 г. – поддержка малого предпринимательства, обеспечение доступным и комфортным жильем, поддержка семей с детьми и т.д.), так и отрицательные (2016 г. – введение зон платных парковок, изменение тарифов ЖКХ, повышение цен на проезд в общественном транспорте, взимание платы за капитальный ремонт и т.д.). В целом при этом восприятие инноваций в регионе является весьма положительным, жители региона готовы к переменам, правда, их ответы дают понять, что перемены должны повышать качество жизни людей, а не снижать его.

Сквозь призму ответов респондентов четко прорисовывается мысль о том, что современная система социальных институтов не рассматривается ими в качестве мотивирующей инновационное поведение. Наиболее выразительно это проявляется в довольно низкой оценке ряда социальных институтов в контексте проявления доверия к ним. Исследование в Курской области 2016 г. проявило высокий уровень недоверия СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) управления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%). Отметим при этом, что мониторинг уровня недоверия проявляет тенденцию к увеличению. Косная, порою имитационная практика административной деятельности, помноженная на инерционность и бюджетную несбалансированность, выстраивает барьеры осуществлению модернизации. Тем самым мы можем сказать, что *реформаторская детерминанта* в макрорегионе выражена довольно слабо. Институциональные же изменения, способные усилить данную детерминанту, фактически не осуществляются.

Летом 2017 г. нами был проведен экспертосорсинг по проблемам социокультурного развития курского региона (N=40), в котором респондентам предлагалось внести предложения по целому ряду направлений развития области. Один из вопросов касался темы реформирования сфер жизни населения региона. Следует отметить, что названы были практически все ведущие сферы общественной жизни. Это экономическая сфера («создание промышленных, в том числе инновационных предприятий, способных производить конкурентные продукты на мировом рынке», «инвестиционный климат», «поддержка бизнеса»); сфера политики и управления («проведение постоянных опросов и референдумов по болевым точкам с помощью интернета», «развитие гражданского общества», «интенсивное развитие межсекторного партнерства»); социальная сфера («здравоохранение», «образование»); сфера культуры («строительство новых культурных объектов», «строительство и благоустройство зон отдыха, парков и скверов»). Отметим также, что на уровне проводимых социологических исследований нами фиксируется явное противоречие: жители

региона в ответах на вопросы демонстрируют готовность к включению в виды деятельности, ориентированные на модернизационные процессы, вместе с тем в реальном социальном поведении населения данные установки и практики подтверждения не находят.

В качестве *социальной детерминанты* модернизации могут быть рассмотрены как проявления социальной политики, реализуемой в региональном контексте, так и проявления адаптационного потенциала населения, демонстрирующие способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. В отношении первого следует подчеркнуть контекст развития социальной сферы: именно на регионы в последние годы легла тяжесть решений по «оптимизации» расходов на социальные цели, которые составляют две трети расходов консолидированных региональных бюджетов; повсеместно идет «оптимизация» расходов на социальную защиту населения, проявляющаяся в сокращении числа получателей пособий, а также объема выплат. Что касается второго момента, то здесь важно проявление социально-экономического и социально-психологического контекста осуществления модернизации. Исследования обнаруживают воспроизводство и некоторое усиление проблем социального неравенства, свидетельствующее об отсутствии позитивных сдвигов в экономическом благополучии населения; осознание опасностей и угроз (опасность незащищенности от бедности – 60,8% опрошенных, опасность произвола чиновников – 52,6%, опасность преступности – 46,4%, экологическая угроза – 42,4%, произвола правоохранительных органов – 39,8%, угроза одиночества и заброшенности – 39,6%); довольно высокий уровень протестных настроений жителей региона – 44,4% (для сравнения: в среднем по России на 2015 г. – 30%).

Помимо того, обратим внимание на следующий момент. Круговые, волнообразные политические и культурные процессы в российских регионах выразительно демонстрируют феномен «заколдованного круга», о котором более двух десятилетий назад писал российский социальный философ А.С. Ахиезер. Этот круг, заметил он, «превращает социальную энергию, направленную на изменения, на прогресс, на рост медиации в запал энергии другой, как правило, значительно большей части общества, направляемой на защиту своих древних ценностей, образа жизни. Тем самым в обществе, с одной стороны, существует механизм, периодически стимулирующий его идти к либеральной цивилизации, с другой стороны, существует механизм усиливающий активность традиционализма. Между ними складывается разрушительная конфронтация, порождающая дезорганизацию» [2].

Тем самым государственную политику в целом и региональную политику важно нацеливать на развитие необходимой инфраструктуры, способствующей эффективной экономической деятельности, принимающей во внимание инициативу бизнеса, социальных групп, отдельных личностей. Требуется кропотливая и напряженная работа по выстраиванию

конструктивного диалога между органами власти и обществом по вопросам воспроизводства и перспектив развития территориальных образований.

Соответственно в качестве весомой детерминанты модернизации, задающей вектор социокультурной динамики российских регионов, следует рассматривать *целеполагание*. Важной видится ориентация руководителей регионов на региональное стратегирование – прорисовывание четко артикулированных и вместе с тем реализуемых стратегий развития как каждого отдельного региона, так и макрорегионов. Такой подход может способствовать поиску оптимальных форм и разработке соответствующих социальных технологий, аккумулирующих человеческий потенциал региона для реализации структурных трансформаций, задающих действительные перспективы социокультурного развития территориальных общностей и осуществления модернизационных процессов в стране в целом.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / редк. Н.И. Лапин (отв. ред.), Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. – 360 с.
2. Лапин Н.И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа: «ГИЛЕМ», 2012. – С. 6.
3. Культурные факторы модернизации. Доклад / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль. – М.: Фонд «Стратегия 2020». – 221 с.
4. Яницкий О.Н. Российская социология должна быть граждански ориентированной [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/blog_prof_5.html (дата обращения: 15.12.2016).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 37.
6. Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 52.

УДК 378. ББК 60.56

Кох Иван Адамович –

д-р социол. наук,
Уральский институт управления
РАНХиГС, г. Екатеринбург
e-mail: kia4@mail.ru

ВЕКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: образование, профессия, профессиональное образование, профессиональные компетенции.

Key words: education, profession, vocational education, professional competence.

Аннотация. Анализируются тенденции изменений высшего технического образования в России в аспекте задач развития экономики на основе сравнения с опытом европейских государств, прежде всего Германии. Модернизация общества требует адекватных перемен в подготовке специалистов, однако эти изменения происходят медленно. Главный вопрос – верно ли выбран вектор реформ образования в России, всегда ли корректно используется зарубежный опыт с учетом социокультурных различий между странами.

Annotation. The tendencies of changes in higher technical education in Russia are analyzed in the aspect of the tasks of economic development on the basis of comparison with the experience of European states, primarily Germany. Modernization of society requires adequate changes in the training of specialists, but these changes are slow. The main question is whether the vector of educational reforms in Russia is correctly chosen, whether foreign experience is always correctly used, taking into account the sociocultural differences between countries.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ образование определяется как единый процесс воспитания и обучения. Воспитание направлено на социализацию человека, усвоение им духовно-нравственных и социокультурных ценностей. Обучение направлено на специализацию и профессиональную подготовку личности, формирование компетентностных знаний и навыков. В целом образование направлено на формирование человека «в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека» (статья 2). Однако формирование суммы знаний, навыков и ценностей разных сфер жизненного мира человека не является формированием личности в её

целостности, а подчиняется господствующим в обществе экономическим и политическим ценностям.

Согласно закону «Об образовании в РФ» система профессионального образования формирует компетенции, позволяющие вести профессиональную деятельность, работать по определенной специальности. Дополнительное образование призвано сформировать всесторонне и гармонично развитую личность. следовательно, современное образование стремится к всестороннему развитию человека, но в соответствии с наличными ролями в обществе. Здесь мы сталкиваемся с противоречивой природой образования, подчеркнутой еще одним из основоположников социологии образования Джоном Дьюи. Он считал, что главной задачей в формировании личности должно стать поддержание равновесия между разными составляющими образования [1, с. 34].

Основополагающим противоречием российского образования в условиях перехода к рыночным формам хозяйствования становится узкопрофильность профессионального образования в соответствии с болонскими соглашениями. Некритичная реализация зарубежного опыта, в соответствии с которой формируется узкопрофильный специалист, фактически лишает или сужает возможности переквалификации человека, что крайне важно в условиях динамично развивающейся экономики и быстрого устаревания многих традиционных профессий. Если ранее получивший профессиональное образование человек мог всю жизнь проработать по своей специальности (и даже возникали семейные династии!), то в современной экономике это случается редко.

Вот почему важно сохранить как фундаментальную составляющую, так и социально-гуманитарную часть профессионального образования. Здесь можно отметить положительный вектор российского профессионального образования, в котором эти два важнейших компонента в высшей школе пока сохраняются, хотя испытываю постоянное давление с целью их сокращения. В европейском образовании компетентностный подход фактически значительно сократил фундаментальные знания, а социально-гуманитарное знание свел к минимуму. Так, в известной и знаменитой Фрайбергской горной академии нет таких дисциплин, как философия, социология, история. Считается, что эти дисциплины изучаются в достаточном объеме в школе.

Однако если сравнивать высшее профессиональное образование России и в Германии, то сразу бросается в глаза различие в практическом опыте студентов и преподавателей. Это сравнение не в пользу России. В Европе производственному опыту преподавателей и производственной практике студентов в технических университетах уделяется большое внимание, время и место в подготовке специалистов. Поощряется многолетняя работа преподавателей в качестве специалистов на производстве, их с удовольствием

принимают на работу и предусматривают различные формы поощрения. Студенты в обязательном порядке проходят производственную практику. В нашей стране этой стороне подготовке специалистов уделяется неоправданно мало внимания, а производственной практики студенты зачастую вообще лишены возможности пройти по независящим от них причинам.

Другое важное различие – соотношение учебной деятельности и научно-исследовательской работы преподавателей. В европейских странах научная деятельность сконцентрирована в университетах, профессора и другие преподаватели совместно с научными работниками активно занимаются исследованиями актуальных проблем производства и сферы услуг. Развитая система фондов, грантов и заказы промышленных предприятий обеспечивают финансирование научно-исследовательской работы. В нашей стране разворот перевода науки в сторону университетов начался, но проходит трудно и медленно. Недостаточное финансирование науки усугубляется неготовностью большей части преподавателей к научным исследованиям, что было порождено годами переходного периода к рынку, когда основное внимание преподавателей было переведено в сторону образовательного процесса, а научная работа от преподавателей по существу не требовалась.

Болонская система высшего профессионального образования предполагает подготовку узкопрофильных специалистов. Сложившиеся практики трудоустройства выпускников резко различаются в Европе и в России. Если в Европе выпускник технического университета может устроиться на работу только по своей профессии, а на другую специальность его не примут, то в нашей стране работа молодого специалиста не по профессии является не исключением, а широко распространенной практикой.

Вряд ли можно считать, что такое положение дел будет способствовать модернизации общества. С позиций компетентностного подхода к профессиональному образованию эту ситуацию невозможно объяснить. Вероятно, это инерция предыдущей системы образования в советский период, когда человек получал широкопрофильное образование и хорошую базу системных знаний, которая позволяла ему достаточно быстро освоить другие профессии. В современном обществе ситуация иная: подготовленный специалист трудится по своей профессии. В европейских странах это часто закреплено законодательно. Возможно, этот опыт следовало бы перенять. Российская статистика о количестве специалистов, работающих не по специальности, по понятным причинам отсутствует, однако вряд ли кто-либо будет спорить, что их очень много. Подготовка специалистов с высшим образованием обходится государству недешево, поэтому здесь необходимо предпринять незамедлительные меры для рационального использования труда специалистов, используя их в соответствии с полученной профессией.

В проведенном весной 2017 года нами (социологическая лаборатория Уральского государственного горного университета) исследовании профессионально-ценностных ориентаций студентов были выявлены представления будущих специалистов о своей трудовой занятости. Менее половины опрошенных студентов (43,2 %) намерены работать по своей специальности, пятая часть в принципе выражают готовность к любой трудовой занятости, еще треть не решила вопрос о необходимости связи будущей работы с получаемой специальностью, но при этом более половины из них уже планируют открыть свое дело. Свою будущую профессию 62,3 % студентов рассматривают сквозь призму ее неразрывной взаимосвязи с необходимостью получения высокого дохода. Наряду с этим не отменяется важность социального статуса, возможности занять высокий пост и сделать карьеру, а также соответствие будущей профессии способностям и умениям (лишь 39,5 %). Около четверти опрошенных студентов считают важным реализовать свой потенциал.

К этому следует добавить, что студенты в целом удовлетворены обучением выбранной ими специальности. Однако только 19,6 % опрошенных студентов указали на полную удовлетворенность своей профессией, 41,7 % в достаточной мере довольны ею, а еще 29,2 % лишь отчасти удовлетворены.

Практически у двух третей опрошенных студентов в целом сохраняется положительный настрой относительно дальнейшей профессиональной самореализации. Однако нельзя не признать, что число студентов, у которых еще не сформировались конкретные намерения относительно связи своей будущей работы с получаемой специальностью, достаточно велико и по результатам опроса составляет около трети опрошенных. Это может быть объяснено незавершенностью формирования, либо качеством уже имеющихся у студентов общемировоззренческих принципов жизни, оно может быть связано с отсутствием необходимого для осознанного принятия соответствующего решения жизненного и производственного опыта.

Профессионально-ценностные ориентации студентов непосредственно влияют на реализацию их профессиональных планов и намерений по окончанию университета, которые представлены в таблице 5. Выявленные при анализе общемировоззренческой динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи желание материально обеспеченной жизни и стремление к образованности нашло свое подтверждение в том, что большинство студентов в качестве приоритета поставили намерение открыть свое дело и желание получить вторую профессию. Фактическая численность этих студентов, с учетом тех, кто выразил желание уехать учиться или работать за границу, свидетельствует в пользу превосходства конкретных ценностей профессиональной реализации.

Таблица 5

Чем бы Вы еще хотели заниматься после окончания вуза помимо работы?

№	Вид деятельности	В % к числу опрошенных	В % к числу ответивших
1	Открыть свое дело	33,1	53,5
2	Получить вторую профессию	22,5	36,4
3	Уехать учиться или работать за границу	15,3	24,7
4	Посвятить себя дому, семье	14,0	22,7
5	Заниматься наукой	2,2	3,5
6	Общественной, политической жизнью	6,3	10,3
7	Другое	2,7	4,3
8	Затрудняюсь ответить	3,9	6,3
	Итого	100,0	161,7*

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно (*не более двух*).

Таким образом, вектор высшего профессионального образования в России в соответствии с курсом социокультурной модернизации общества должен быть направлен:

1. На более тесную связь университетов и экономики, укрепления связи профессиональной подготовки с производством, с производственной практикой. Это требует законодательного обеспечения производственной практики студентов, создания условий для обмена преподавателей и студентов с другими вузами как внутри страны, так и с зарубежными университетами.

2. Развитие научных исследований с потребностями экономики, обеспечение материальных, кадровых и финансовых условий для научной деятельности преподавателей, исследователей и студентов. Увеличение государственного финансирования научно-исследовательской деятельности университетов.

3. Создание условий для рационального и эффективного использования труда специалистов, регулирования трудоустройства выпускников университетов, обеспечение условий для работы по профессии, сокращения случаев работы не по специальности. Совершенствование законодательных актов регулирования труда выпускников и специалистов.

Список литературы:

1. Дьюи Д. От ребенка – к миру, от мира – к ребенку (сборник). М.: 2009. с. 66.

References

1. Dewey J. 2009, *Ot rebenka – k miru, ot mira – k rebenku (sbornik)* [From the child - to the world, from the world - to the child (compilation)]. Moscow: p 66.

УДК 301 ББК 60.5

Лавренюк Наталья Михайловна –

к. социол. наук, доцент,

Башкирский государственный

университет,

Институт стратегических исследований,

г. Уфа

e-mail: nmlavr@yandex.ru

СУБЪЕКТНАЯ РОЛЬ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: роль молодежи, стратегическое социокультурное развитие

Постановка задачи. В соответствии с ФЗ-172 «О стратегическом планировании в РФ» в республике подходит к завершению разработка проекта Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года. Она формирует систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития республики. Задает ориентиры бизнес-сообществу для построения долгосрочных стратегий развития предприятий и организаций. Формирует условия, в которых и общество, и отдельные граждане могут определить свое будущее, связать его с республикой, разделить и преумножить общие, незыблемые ценности всего многонационального народа Республики Башкортостан.

Участие представителей научного сообщества Республики Башкортостан в одном из наиболее серьезных исследований комплексного плана – в инициативной Программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»¹, предложенной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, дало ряд преимуществ в определении стратегических перспектив развития Республики Башкортостан. Согласно одному из выводов Н.И. Лапина, медленное движение в направлении повышения модернизированности в основном затрагивает экономическую и технологическую сферы, а не социально-культурную и политическую.

---

¹ Программа стартовала в 2006 г. под руководством профессора Н.И. Лапина. Она преследует цель интерпретации реально протекающей социокультурной модернизации в регионах страны. По адаптированной методике АН Китая проанализирована социокультурная модернизация в 18 регионах, которые представляют все шесть состояний: от первых фаз индустриальной модернизации до фазы развития информационной модернизации.

Это слабо влияет «на формирование отвечающей задачам модернизации стратификации общества, новой системы ценностей, развитие демократии, на сокращение влияния традиционных институтов»¹, включая семью. Накопленный опыт измерения и диагностики уровня, ограничений и возможностей социокультурной модернизации в рамках антропосоциетального подхода в формулировке профессора Н.И. Лапина, согласно которой сегодня деятельность человека как социального субъекта сопоставима с деятельностью социального института, позволил выйти на целевые показатели стратегического развития проекта Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года, построить нормативно-ценностную модель КРІ государственной политики в рамках социального развития региона и дифференцировать предложенные варианты развития по уровню модернизованности муниципальных образований. Они будут реализованы через проекты стратегических инициатив по пяти приоритетным направлениям развития республики:² 1) общие вопросы развития; 2) реальный сектор экономики; 3) развитие человеческого потенциала; 4) государственное управление; 5) территориальное развитие.

Роль поколения молодежи в реализации стратегических инициатив переоценить сложно: следующие 14 лет – время ее продуктивной жизнедеятельности. Поэтому важно обеспечить эффективную преемственность компетенций социально-экономического развития региона и ответственности за достижение амбициозных целей ССЭР РБ к 2030 г. Чем быстрее и активнее молодежь включится в работу, тем лучше.

В социальной сфере взят вектор на сближение с семьей. Одним из таких решений уже стала инициатива «Семья – стратегический приоритет Республики Башкортостан». Стабильно в число базовых ценностей, по результатам социологических исследований³, входят топ-3 общепризнанных ценностей: 1) «здоровье и долголетие», 2) «семья и дети», 3) «доход и благополучие». Их разделяют более 90% взрослого населения. Именно в ценности «семья и дети» заключен субъектный смысл стратегического развития и потенциал управления.

¹ Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013

² Сформированы в рамках проектных сессий на базе Московской школы управления «СКОЛКОВО».

³ Организаторы исследования: Академия наук Республики Башкортостан. Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: стратифицированная с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре. Общий объем выборки: 6300 чел. во всех городских округах и практически в 90% муниципальных районах региона. Сроки полевых работ: июль-сентябрь 2015 г. Метод сбора данных – анкетирование. Результаты обработаны с помощью программы SPSS-17.

Для минимизации ущерба и максимизации выгод в условиях усиления межрегиональной конкуренции за качественные человеческие ресурсы разработана инициатива «Семья – стратегический приоритет РБ».

Ее цель – консолидация населения на основе общепризнанной ценности «семья и дети» для эффективного социально-экономического развития региона через работу государства с семьей, как с активным и ответственным партнером.

Именно благополучные семьи обеспечивают выход новых поколений на рынок труда, стимулируют занятость и самозанятость трудоспособного населения, а также достойную старость старших поколений, которые уже внесли свой вклад.

Что люди делают с тем, что ценят? По данным опроса, проведенного в 2015 г. АН РБ, установки на поведение в отношении ценности № 1 «Жизнь и здоровье». Желаемое долголетие для молодежи варьируется от 70 до 100 лет. Однако, что она для этого делает?

Только пятая часть взрослого населения занята массовым спортом и физической культурой, правильно питается и проходит профилактические обследования. Самая большая доля занимающихся физической культурой и спортом (40%) среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, наименьшее – в самой старшей группе 65-74 лет (8,1%).

Среди социальных практик большинства молодых людей здоровье воспринимается, как данность, и не распространены практики сохранения здоровья смолоду.

Установки на поведение в отношении ценности № 2 «Семья и дети».

Среди молодежи в младшей группе до 24 лет – 5,8%, до 34-х лет 18,1% женщин хотя бы раз прерывали беременность. Не смотря на то, часть абортсделаны по медицинским показаниям, цифры чудовищные... В 21-м веке население не умеет предохраняться, нет культуры планирования. Это поведение по отношению к детям.

Среди первых 3-х причин, которые мешают созданию семей среди всех возрастных групп, включая молодежь, отсутствие жилищных условий (56,9%), средств для нормального обеспечения семьи (53,9%), боязнь ответственности (42,1).

Среди основных причин разводов, по мнению молодежи: материальные и финансовые трудности, пьянство и алкоголизм, измены, непонимание.

Каждый третий молодой респондент считает, что ради детей следует сохранять брак в любых ситуациях, несмотря на плохие отношения супругов. Дети, которые растут в неблагополучных условиях будут транслировать модели семейных отношений своих родителей.

Установки на поведение в отношении ценности № 3 «Доходы и экономическое благополучие».

Только каждый второй молодой респондент ответил, что сможет без помощи государства обеспечить себя и свою семью. В каждой пятой семье

денег хватает только на покупку продуктов, а приобретение одежды вызывает затруднения. Каждый 8-й планирует уехать жить из республики.

Все понимают важность, но не знают как эффективно использовать человеческий потенциал молодежи, в целом, и молодых семей, в частности, в стратегическом развитии.

Для минимизации ущерба и максимизации выгод в условиях усиления межрегиональной конкуренции за качественные человеческие ресурсы разработана инициатива «Семья – стратегический приоритет РБ».

Ее цель – консолидация населения на основе общепризнанной ценности «семья и дети» для эффективного социально-экономического развития региона через работу государства с семьей, как с активным и ответственным партнером.

Именно благополучные семьи обеспечивают выход новых поколений на рынок труда, стимулируют занятость и самозанятость трудоспособного населения, а также достойную старость старших поколений, которые уже внесли свой вклад.

Для достижения цели разработана нормативно-целевая модель государственной семейной политики в республике – «Семья РБ-2030» в цветке курая. Каждый элемент соцветия курая Модели символизирует целевой ориентир и олицетворяет яркий ценностно-нормативный образ Семьи будущего:

«Полная»: с двумя родителями, у которых 2-е и более детей, с устойчивыми семейными связями по вертикали (между тремя и более поколениями) и по горизонтали (между двоюродными и далее родственниками).

«Здоровая»: для каждого члена семьи здоровый образ жизни – это норма; активно-занимающаяся спортом, со здоровым семейным климатом.

«Образованная»: все члены семьи мотивированы на саморазвитие, на получение образования желаемого уровня и качества; каждый член семьи живет по принципу «век живи – век учись».

«Духовная»: основанная на любви и взаимном уважении; культурная семья с богатыми традициями, разделяющая семейные нормы и ценности, разнообразным культурным совместным досугом; для всех членов проявление милосердия к людям и животным – это норма.

«Занятая»: все члены семьи имеют свои трудовые обязанности в рамках семейного баланса «труд-отдых», который позволяет в условиях разнообразных форм занятости и самозанятости обеспечивать высокий уровень и качество жизни.

«Ответственная»: дружная семья, все члены семьи отвечают за себя и за друг друга; вовлечены в общественно-полезный труд, занимают активную, социальную жизненную позицию: проявляют инициативу, знают и активно отстаивают свои права.

«Мотивированная»: самоорганизованная, патриотически настроенная семья, ориентированная на самосохранение с хорошо развитыми компетенциями планирования и адаптации к изменениям во внешней среде.

Для развития человеческого потенциала разработан механизм профилактики неблагополучия и стимулирования саморазвития через проекты в рамках модели «Семья РБ-2030» по целевым ориентирам. Каждый целевой ориентир достигается через пулы проектов с определенным инновационным зарядом. С ними можно ознакомиться на сайте Министерства экономического развития РБ.

Таким образом через семью достигается интегративный эффект включения в социально-экономические процессы всех основных агентов для достижения общих целей развития, основанного на активном использовании накопленного и на создании нового человеческого потенциала.

Проекты будут реализованы в три этапа через Межведомственный проектный офис «Семья РБ-2030» (ПО) – систему координации по обеспечению социального благополучия, развития образования, здравоохранения, молодежи, спорта, культуры. В состав ПО войдут региональные и местные ОВ, представители НКО, бизнес, молодежные лидеры, активные семьи.

Только в случае эффективной реализации проектов СИ «Семья РБ – 2030», приоритетных проектов РФ, государственных программ и межведомственного взаимодействия достижимы целевые значения показателей развития социальной сферы и человеческого потенциала; повышение уровня, качества и продолжительности здоровой жизни, рост социально-экономической активности и консолидации общества.

В 2017 году стартовал проект «Молодая семья» на 4-х пилотных площадках – в муниципальных образованиях 4-х основных типов: район ГО г. Уфы – столицы РБ, городской округ, муниципальный район с центром – городом, муниципальный район с центром – селом. Им соответствуют Советский район г. Уфы, г. Кумертау, Учалинский и Иглинский районы. Проект нацелен на формирование согласованного стратегического развития муниципальных образований региона на основе принципа партнерства и активной гражданской позиции молодых семей.

Пакет апробированных инструментов позволит формировать активную созидательную позицию молодых семей. Отложенный эффект – молодые семьи будут интегрированы в процессы управления развитием и субъектами реализации жизненных и профессиональных планов в муниципальных образованиях, где живут.

В итоге будет создана региональная дифференцированная по типам муниципальных образований система эффективной работы с молодыми семьями и гражданами как партнерами социально-экономического развития. Это опыт возможно транслировать в другие регионы России для развития гражданского общества.

Список литературы:

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: монография / Д.В. Котов, Д.А. Гамилова, И.В. Буренина, Р.Р. Ахунов, А.В. Янгиров, Н.М. Лавренюк, Д.В. Попов, И.Ю. Карелин и др. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016.
2. Лавренюк Н.М. Развитие интеллектуально-инновационного потенциала регионального сообщества в Башкортостане: Монография. Уфа: АЭТЕРНА, 2015.
3. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013.
4. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов [Электронное издание] / А.В. Тихонов и др. М.: Институт социологии, 2016.

УДК 316.33(34) ББК 60.5

Ласточкина Мария Александровна –

к-т экон. наук,

Вологодский научный центр РАН,

г. Вологда

e-mail: mashkop@mail.ru

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

В статье рассматриваются вопросы ценностных ориентаций современной молодежи. Их жизненные установки, положение в современном обществе. На основе результатов, проведенного социологического опроса, выявлены ценностные предпочтения молодежи СЗФО. Сравнивается городская и сельская молодежь. Исследование показало, что главной ценностью, от которой большинство россиян отталкивается в решении тех или иных вопросов на данный момент является семья.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, ценности, молодежь, социологические измерения.

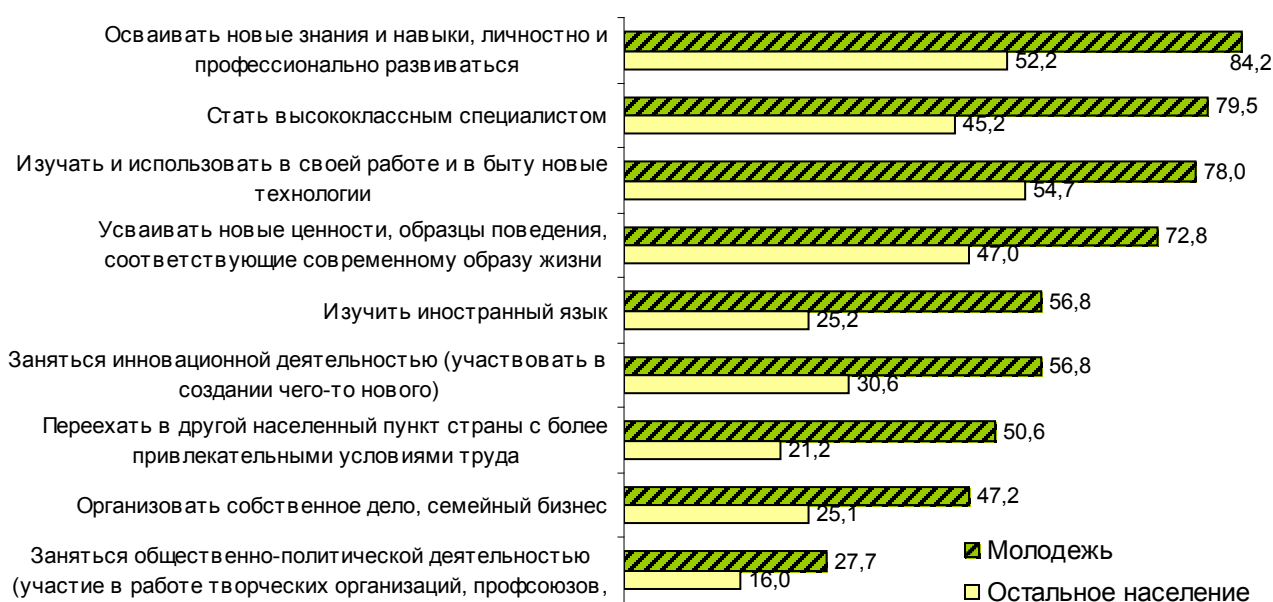
Актуальность проблем, связанных с молодежью, стояла во все времена, также остро стоит и в наше время. Во всем мире, как и в России, у современной молодежи меняются ценности и приоритеты. Жизненные цели уже не те, какие были у предшествующих поколений. Их положение в современном российском обществе довольно противоречиво. С одной стороны это самая мобильная часть социума, они быстро способны осуществить профессиональный подъем и сделать хорошую карьеру. С другой стороны социально-экономическая нестабильность в стране сильно ударила по положению молодежи. Отсюда возникают проблемы связанные с адаптацией к изменившейся ситуации, снижением социального статуса, доступностью образования и риском безработицы.

В первую очередь обратимся к вопросу о том, насколько молодежь (от 18 до 29 лет) готова к изменениям и современным образцам поведения. Как показывают результаты исследования ИСЭРТ РАН, проведенного в 2017 г. в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО), 84% молодежи готовы осваивать новые знания и навыки, личностно и профессионально развиваться. Среди остального населения доля подобных активистов составляет

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» № 16-18-00078.

52%. Почти 80% молодых людей хотят стать высококлассными специалистами (рис. 1). Также высока доля тех, кто желает изучать и использовать в своей работе (в быту) новые технологии, усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современной жизни, осваивать новые знания и навыки; лично и профессионально развиваться. Каждый второй готов заняться инновационной деятельностью, участвовать в создании чего-то нового, изучать иностранный язык. Население старше 30 лет менее активно и меньше желают каких-либо перемен. Показательно, что в качестве приоритетных молодежью чаще выбираются аспекты, связанные с модернизацией в традиционном ее понимании – развитием науки и промышленности, инноваций, повышением качества человеческого капитала, нежели экономического содержания.

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г.

Рисунок 1. Доля населения, ответившего что они готовы к следующим изменениям, 2017 г. в %

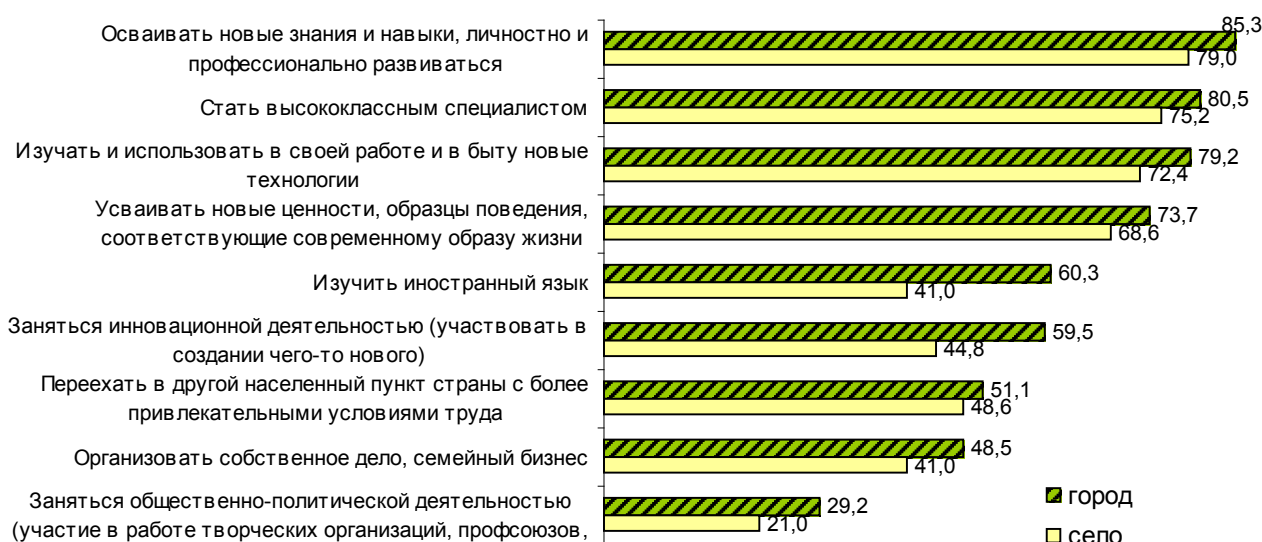
Естественно, что с возрастом меняются такие характеристики, как состояние здоровья, уровень образования и производственной подготовки, производительность труда, уровень дохода. В связи с чем форма и направление эволюции возрастной пирамиды населения страны, коррелируют со многими макроэкономическими изменениями. Например, старение населения, по мнению многих экспертов, ведет к замедлению роста, в первую очередь в отраслях, требующих от работника хорошего здоровья [3]. Н. Кейфитц и У. Флигер [4] обнаружили, что в социуме с молодой возрастной структурой отмечается более высокий уровень социальной мобильности и имеется большой потенциал для карьерного роста. Известный специалист в области

экономики народонаселения Дж. Саймон [5] утверждал, что рост населения и связанное с ним увеличение потребностей влечет рост интенсивности труда, что соответственно способствует прогрессу техники и новых изобретений.

Молодежь без образования или с незаконченным средним образованием отличается от остальных групп своей пассивностью и низкой мотивацией к освоению чего-то нового и современного. С высшим и незаконченным высшим образованием активнее остальных групп. Более половины из них готовы осваивать новые знания, стать высококлассными специалистами, использовать новые технологии, профессионально развиваться. Каждый третий, имеющий второе высшее образования или ученую степень, готов переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда или заняться общественно-политической деятельностью. Собственно говоря, последние две выделенные группы это и есть молодое поколение, которое может стать двигателем модернизации. Таким образом, вопрос обеспечения доступности высшего образования является весьма актуальным, т.к. от него напрямую зависит как настоящее, так и будущее развитие России. Набирающая в последние годы оборот политика коммерциализации образования приводит к снижению качества и доступности, что неизбежно отразится на науке, культуре и экономике страны. Поэтому задача доступности качественного и бесплатного образования является одной из приоритетных в целях становления модернизированного и экономически развитого государства.

Социально-географический фактор является одним из определяющих социально-экономическое развитие территории. Так, более 80% городской молодежи готовы или уже осваивают новые знания и навыки, лично и профессионально развиваются, нацелены стать высококлассными специалистами. Изучать иностранный язык и заниматься инновационной деятельностью среди городской молодежи на 20 п.п. больше, чем среди сельской (рис. 2). Готовность к изменениям материально благополучной молодежи выше, чем малообеспеченных.

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г.

Рисунок 2. Доля молодежи ответивших, что они готовы к следующим изменениям, 2017 г. в %

Кратко опишем то, как живут сейчас те, кто должен выступать «двигателем» модернизации – это руководители, специалисты с высшим образованием, предприниматели. Их уровень жизни, нельзя назвать качественно отличающимся от присущего для остального населения, хотя в целом он все же несколько выше. Так, представители этих групп в большей мере обеспечены благоустроенным жильем – 86% при 64% в другой группе, чаще оценивают свое материальное положение как хорошее (36% – «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» и 14% – «Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи» при 24 и 8% остального населения). Представители этих групп чаще высоко оценивают свои перспективы самореализации в профессии (52%, при 34% среди остального населения) и повышение профессиональной квалификации (53%, при 36% среди остального населения). Представители этих групп чаще считают, что улучшение их жизни зависит от начальника по работе – 51%, при 43% среди остального населения.

Обратимся теперь к изучению проблем-опасностей актуальных для молодежи и в целом для населения, их выявление даст возможность показать значимые аспекты социального развития территории. Из всех страхов страх нищеты, вне всякого сомнения, – самый разрушительный (57% опрошенных чувствуют себя незащищенными перед этой опасностью) и его трудней всего преодолеть. На втором месте находится преступность (52%). На третий план вышла проблема экологической угрозы (47%). Также высока незащищенность жителей от таких проблем как одиночество (46%) и произвол чиновников

(41%). Средний уровень защищенности населения можно определить для следующих категорий угроз: произвол правоохранительных органов, преследования за политические убеждения и притеснения из-за возраста (от 20 до 40% чувствуют себя незащищенными). Высокий уровень защищенности население ощущает от угроз, связанных с дифференциацией по их национальности, религиозным убеждениям и полу – менее 15% респондентов испытывают чувство незащищенности.

Еще одним аспектом, характеризующим социокультурное развитие общества, выступает иерархия в сознании людей тех ценностей, которыми они готовы руководствоваться при решении важных для них вопросов. Как видно из табл. 1 все жизненные ценности, входящие в блок интегрирующий резерв, менее ценны для молодежи, чем для всего населения. Работа и инициативность имеет больший вес среди молодого поколения. Настораживает то, что их бальные оценки властности и своевольности выше, чем среди всего населения, кроме того властность поднялась в оппонирующий дифференциал. То есть можно говорить о существовании дистанции в этом вопросе между поколениями. Однако, в выделенных группах существует общий каркас главных ценностей, который осуществляет интегрирующую роль в обществе и говорит о том, что ценностная система населения достаточно устойчива.

Таблица 1

Ценностные предпочтения населения
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале), 2017 г.

Все населения			Молодежь		
Ценности	Баллы	Место	Место	Баллы	Ценности
Интегрирующее ядро					
Семья	4,62	1	1	4,53	Семья
Общительность	4,56	2	2	4,53	Жизнь человека
Жизнь человека	4,54	3	3	4,51	Общительность
Порядок	4,49	4	4	4,42	Порядок
Благополучие	4,44	5	5	4,42	Благополучие
Интегрирующий резерв					
Независимость	4,29	6	6	4,30	Свобода
Свобода	4,29	9	7	4,24	Работа
Традиция	4,28	7	8	4,20	Независимость
Работа	4,13	8	9	4,12	Традиция
			10	4,01	Инициативность
Оппонирующий дифференциал					

Инициативность	3,89	10	11	3,83	Нравственность
Нравственность	3,85	11	12	3,76	Жертвенность
Жертвенность	3,84	12	13	3,03	Властность
Конфликтогенная периферия					
Властность	2,81	13	14	2,72	Своевольность
Своевольность	2,61	14			
Методика определения ценностей Н.И. Лапин (ИФ РАН) [22]. Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г. (СЗФО); ИФ РАН в 2010 г. (Россия).					

Низка уверенность в своем будущем у всех без исключения категорий населения, только 43% более или менее уверены в нем. В основном это связано с низким качеством жизни, которое гораздо хуже, чем в развитых странах. Избранный Россией в начале 2000-х годов курс на модернизацию вместо решения задач инновационной модернизации и увеличения уровня жизни населения, был направлен в совсем другое русло. На фоне нестабильности и финансовой турбулентности первостепенными были следующие шаги: сохранение единства российского государства, укрепление армии и политико-правовых институтов, борьба с коррумпированностью и бюрократией, решение тяжелых финансовых и социальных проблем. Такие «преобразования» социологи называли саморазрушительной «модернизацией», или «модернизацией наоборот» [1]

Сейчас важно осознать и взять за основную идею то, что модернизация имеет целью создание высокоразвитого процветающего общества для всех без исключения граждан. В особенности для молодежи, а не для «избранных» (олигархов и т.п.). России необходимо такое общество, в котором высшими ценностями были бы законность и правопорядок. В этом случае модернизация российского общества позволит достичь ее гражданам материального достатка, справедливой оплаты труда, профессионализма, образованности и любви к своему отечеству. Как показало наше исследование главной ценностью, от которой большинство россиян отталкивается в решении тех или иных вопросов на данный момент является семья. Для групп людей с разными жизненными установками и идеологией проблема материального благополучия является общей и наиболее острой, отражая незавершенность социальной модернизации. По словам М.К. Горшкова реформирующаяся Россия превратилась в пореформенную, и сумела создать условия, способствующие переходу большинства населения от неприемлемого к минимально приемлемому уровню жизни [2]. При всех трудностях, с которыми сталкивается население России, российское общество модернизировать можно, можно и нужно.

Список литературы:

1. Горохов В.Ф. Проблема модернизации российского общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5 (2). URL: <http://publikacia.net/archive/2015/5/2/69>
2. Горшков М.К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 23–32.; Российское общество и вызовы времени. Книга пятая; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. - М.: Весь Мир, 2017. – 427 с.
3. Денисенко М.Б. Демографические изменения и экономика // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 429–430. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php>
4. Keyfitz N., Flieger W. World Population Growth and Aging: Demographic Trends in the Late Twentieth Century. Chicago Press, 1990. URL : <http://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/W/bo3616520.html>
5. Simon J. Population pressure on the land: Analysis of trends past and future // World Development, 1983. – № 11(9). – p. 825–834. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0305750X83900943>

УДК 316. 334. 2 ББК 60.561.2

Моисеева Дарья Викторовна –
ст. преподаватель,
Волгоградский государственный
технический университет, г.Волгоград
e-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

Дулина Надежда Васильевна –
д-р социол. наук, профессор,
Волгоградский государственный
университет, г.Волгоград
e-mail: nv-dulina@yandex.ru

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовое поведение, регион, финансовая активность, сберегательное поведение, кредитное поведение

В 2010 году руководство нашей страны приняло решение о запуске проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В рамках реализации указанного проекта в девяти регионах России были приняты региональные программы, в качестве пилотных площадок для апробации и тестирования всех материалов, разрабатываемых в рамках проекта, были выбраны Волгоградская и Калининградская области. Для достижения целей, поставленных в проекте, масштабировании результатов, полученных на пилотных площадках, важно реализовать учет региональных особенностей. Перед специалистами, занимающимися проблемами повышения финансовой грамотности, стоит важная исследовательская задача по изучению региональных особенностей финансовой грамотности, факторов их определяющих, возможности учета региональных особенностей при разработке программ повышения грамотности.

На сегодняшний день на публичное обсуждение представлены результаты одного сравнительного исследования, посвященного проблемам финансовой грамотности населения Российской Федерации, в котором выполнено измерение уровня финансовой грамотности населения в четырех регионах. Данное исследование выполнено Консорциумом компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения» по заказу Министерства финансов Российской Федерации. В своих выводах исследователи пришли

к следующему заключению: «лидирует Калининградская область, тогда как в Волгоградской области, наоборот, результаты по большинству индикаторов самые низкие» [1]. Межрегиональные различия в уровне финансовой грамотности населения были отмечены в исследовании, реализованном на территории Республики Беларусь [2].

Так как в российском исследовании самые низкие уровни индикаторов финансовой грамотности были зафиксированы в Волгоградской области, то нам представляется необходимым выявить региональные особенности финансовой грамотности жителей Волгоградской области. Для решения этой исследовательской задачи был осуществлен сравнительный анализ общероссийских и региональных данных. Источником всероссийских данных выступило исследование «Мониторинг финансового поведения» (2013 г., N=1600), региональных – «Волгоградский Омнибус» (2013г., N = 801). Доступ к массиву данных всероссийского исследования разрешен проф. О.Е.Кузиной, региональное исследование было реализовано при непосредственном участии автора. Сопоставление реализовано по вопросам со сходными формулировками.

На первом этапе было выполнено сравнение распределений по уровню самооценки финансовой грамотности населения Российской Федерации в целом и Волгоградской области. Соотношение групп практически совпадает (в пределах статистической погрешности), значимым можно назвать превышение по РФ доли «двоечников» в 2,5 раза, это превышение получено за счет меньшей доли «хорошистов» и «троечников» по РФ. Таким образом, среднее значение самооценки финансовой грамотности по Волгоградской области несколько выше, чем по РФ в целом.

Сравнение данных всероссийского и регионального исследований по ряду финансовых навыков, умений и установок позволило сделать следующие выводы.

Население Волгоградской области демонстрируют более высокий уровень финансовой дисциплины: практика строгого учета доходов и расходов встречается в три раза чаще, чем по России в целом, соответственно и отсутствие учета имеет место реже; доля жителей Волгоградской области, полностью тратящих все деньги на текущие нужды, в два раза меньше, чем по РФ в целом, доля тех, кто старается сначала отложить, в 1,6 раза больше. А вот горизонты финансового планирования у волгоградцев несколько короче, чем в целом по РФ: у 88,9% жителей Волгоградской области против 72,1% жителей РФ сроки финансового планирования не превышают одного года.

Значительное отличие наблюдается в оценках внешней среды с точки зрения реализации сберегательных и кредитных практик. Среди жителей РФ преобладают (хоть и незначительно) положительные оценки и сбережений, и кредитов, приоритет за пользованием банковскими вкладами, а вот население Волгоградской области негативно отзываясь о возможности создания сбережений и пользовании кредитами. По сбережениям оценки выше, а вот

по кредитам оценки резко отрицательные (одна треть считает, что время для кредитов определено плохое, и лишь 4% - определено хорошее, по РФ эти значения составляют 18,6% и 14,6% соответственно). А вот данные по наличию долгов и оценке их состояния по РФ и Волгограду полностью совпадают, но, учитывая, что уровень среднедушевых доходов по РФ в целом в анализируемом периоде (2013г.) был в 1,5 раза выше, чем по Волгоградской области, то уровень закредитованности жителей Волгограда можно назвать высоким. Уровень просроченной задолженности по кредитам в 2013 г. по Волгоградской области был выше, чем по РФ в целом. Этим объясняется и резко негативное отношение к практике кредитов.

Таким образом, неблагоприятная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Волгоградской области, проявляется, в том числе, и в низком уровне среднедушевых доходов населения. Низкий уровень доходов ограничивает финансовые возможности (создание сбережений, пользование кредитами) и вынуждает соблюдать финансовую дисциплину.

Кроме общих тенденций, представленных выше, была выполнена сравнительная оценка распределения финансовых знаний, навыков, умений и установок в зависимости от уровня самооценки. Установлено, что с ростом самооценки финансовые практики становятся разнообразнее, а принимаемые финансовые решения увереннее. Но необходимо отметить, что различия между группами в общероссийском массиве имеют более сглаженный характер, чем в волгоградском массиве. Из чего можно сделать вывод, что общероссийские данные не отражают территориальной специфики и не дают возможности проникнуть вглубь изучаемого феномена. В данном случае подтверждается тезис, выдвинутый Н.В. Зубаревич о необходимости дополнения общероссийских исследований региональными.

Таким образом, проделанный анализ данных, направленный на выявление региональных особенностей финансовой грамотности населения Волгоградской области, позволил сформулировать следующие выводы:

1) неблагоприятная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Волгоградской области и ее областном центре г.Волгограде, отражается на социальном самочувствии и ограничивает финансовую активность населения, проживающего на их территории;

2) сопоставление результатов всероссийского и регионального исследований продемонстрировало, что финансовая дисциплина населения Волгоградской области выше (они чаще ведут учет расходов и доходов, в большей степени ориентированы на сбережения), но из-за уровня доходов ниже среднего по РФ, да и по ЮФО, их финансовая активность ниже, чем по РФ в целом (жители Волгоградской области в меньшей степени одобряют сбережения и кредиты). Отдельно необходимо отметить, что наличие проблем с обслуживанием задолженности по кредитам в Волгоградской области встречается чаще, чем в среднем по Российской Федерации.

Для изучения данной проблемы требуются дальнейшие исследования, направленные на изучение факторов влияющих на формирование финансовой грамотности жителей отдельных регионов страны.

Список литературы:

1. Консорциум компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения» 2012 Результаты базового исследования уровня финансовой грамотности россиян : исследование, выполненное Консорциум компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения» – URL: http://www.opes.ru/data/2014/10/28/1233966216/ВГ-ОК-%2023_10_2014.pdf (дата обращения: 01.09.2015).

2. Кройтор С., Ображей О., Подвальская В. 2016 Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы – URL: <http://fingramota.by/files/2016/5/17/635991043252830344.pdf>

УДК 574.3 ББК 20.1

Мосин Василий Иванович –

канд. философ. наук, доцент,

Тульский социологический центр, г. Тула

e-mail: mosin55@bk.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ключевые слова: социокультурное развитие региона, экологическая политика

Социокультурное развитие любого общества во многом зависит от того, как его члены ценят природу и её ресурсы, свою жизнь и здоровье. Эти ценности должны всегда лежать в основе политики и идеологии страны для обеспечения социально-экономического и духовного развития российского общества. Экологическими вопросами в нашем регионе активно занимается Тульское региональное отделение «Центр экологической политики и культуры».

Ещё более 10 лет назад в тульском регионе фактически отсутствовало природоохранительное движение. Сохранялись лишь отдельные островки деятельности в области охраны окружающей среды в профильных государственных и образовательных учреждениях. Рейтинг престижности экологии, по отзывам ряда представителей законодательной и исполнительной власти, опустился ниже 20 места. Но важность темы «безопасности жизнедеятельности» человека меньше не стала, наоборот резко возросла.

Тульский край исторически – один из самых индустриально высокоразвитых регионов в стране. Мы уступаем в Центральной России лишь Москве и Московской области. У нас представлены все виды промышленности: топливно-энергетический комплекс, металлургия, большая химия, машиностроение, строительная отрасль, пищевая промышленность, сельскохозяйственная деятельность, другие производства и, как следствие, огромное антропогенное воздействие на природу и здоровье человека. Тула, Новомосковск и Щёкино – абсолютные лидеры в области рисков воздействия на окружающую среду и здоровье населения. И, тем не менее, из-за более развитой социальной сферы наше население, конечно же, предпочитает крупные города. Это один из вопросов нашей региональной специфики.

Есть и другой не менее важный аспект нашего менталитета. Тульский регион исторически развивался как индустриальный центр, кузница государства и крупный транспортный узел от Москвы на южное направление России. На протяжении веков сформировалось мировоззрение «продукция любой ценой». Всё остальное вторично. Эти два важных региональных фактора необходимо

учитывать при планировании любого вида деятельности. Вопросы охраны природы, рационального природопользования, минимизации воздействия на окружающую среду и здоровье, безопасного проживания жителей стали ещё более актуальными.

В 2005 году в регионе была создана Общественная палата. Появилась реальная площадка для решения самых острых региональных задач. Президиум Палаты и руководство (директор Музея-усадьбы «Ясная Поляна», потомок знаменитого русского писателя В.И. Толстой) сразу же поддержали инициативу группы экологов. Была создана комиссия по экологической безопасности Общественной палаты Тульской области. Тульские экологи стали активно взаимодействовать с Общественной палатой России и её профильной комиссией. Для начала начали с приёма граждан в рамках общественной приёмной, проанализировали успешный опыт работы других регионов и приняли решение, на тот момент очень непростое, провести в тульском регионе первый Яснополянский экологический форум. Он прошёл 18–20 сентября 2006 года. Руководитель комиссии Общественной палаты России по экологической безопасности и охране окружающей среды В.М. Захаров, Тульский государственный университет (президент – Э.М. Соколов, ректор – М.В. Грязев) и директор музея-усадьбы «Ясная Поляна», председатель Общественной палаты Тульской области В.И. Толстой первыми поддержали и помогли реализовать инициативу тульских экологов. Оказали поддержку Тульская Торгово-промышленная палата (президент Ю.М. Агафонов) и руководство ряда крупнейших предприятий региона – «Балтика», «КНАУФ-ГИПС-НОВОМОСКОВСК», «Щёкиноазот», «Косогорский металлургический комбинат», «Тулачермет» и ряд других, активно приняли участие в работе форума представители регионального и городского законодательного собрания, всех профильных государственных организаций нашего региона. Это стало знаковым событием. Впервые за последние десятилетия к нам приехали экологи со всей страны.

По отзывам участников, встреча была успешной. Одно из решений – о проведении ежегодного Международного Яснополянского форума «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья», уже с уверенностью можно сказать стало традицией и одним из брендов экологического сообщества не только тульского региона, но и регионов России и друзей-экологов из более чем 15 стран мира: США, Швейцария, Италия, Германия, Нидерланды, Израиль, Китай, Вьетнам, Болгария, Польша, Молдова, Украина, Белоруссия, Эстония и др. Многие участники за 11 лет стали настоящими друзьями и постоянными участниками.

В 2006 году по инициативе профильной комиссии Общественной палаты России для усиления природоохранительной деятельности в стране, по предложениям регионов и руководства комиссии было принято решение о создании общероссийской экологической организации. Учредительный

съезд состоялся в январе 2007 года. В Туле активно поддержали этот проект и первыми в стране после регистрации федеральной организации создали Тульское региональное отделение общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры».

У тульских экологов уже имелся определённый опыт и они понимали, что для успешной работы новой организации необходимо соблюдать ряд условий и учитывать в формировании планов работы следующие принципы. Во-первых, принцип взаимодействия гражданского общества, власти и бизнеса в решении природоохранных задач. Во-вторых, работа организации должна строиться в рамках государственной экологической политики.

Тульские экологи стремились показать в основном позитивный опыт деятельности, планировать и осуществлять безусловно полезные региональные проекты, учитывая специфику региональных задач. Рассматривали и предлагали проекты, которые применимы и в других регионах, и на международном уровне. И, конечно же, учитывали, что многие проекты имеют межведомственные аспекты.

Было совершенно понятно, что устойчивость и успешность работы организации, реализация природоохранных проектов зависит от нахождения баланса и соблюдения интересов общества, власти и бизнеса и, в большинстве своём, в добрых делах по улучшению экологической ситуации и сохранению здоровья населения нет противников. Специфика лишь в подходах. Что может общество? В чём интересы бизнеса? Какова позиция законодательной и исполнительной власти?

В этом году есть важный результат – Тульскому региональному отделению общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры» десять лет. Время мчится совершенно незаметно. Тем не менее удалось организовать, осуществить и продолжать вести ряд пилотных региональных, межрегиональных и международных проектов. Международному Яснополянскому форуму «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья» - 11 лет (последний 11-й состоялся 31 мая – 1 июня 2017 года).

Следующий проект – межрегиональная общественная экологическая газета «Экология и культура». Понимая, что сегодня – время электронных интернет-изданий, решиться на выпуск бумажного печатного СМИ было непросто. Тем не менее при поддержке российского «Центра экологической политики и культуры», лично В.М. Захарова в мае 2008 года вышел в свет первый номер этой газеты. Обсуждая концепцию издания, тульские экологи единодушно пришли к выводу, что газета должна быть позитивной, оптимистической, информационной и полезной для профессионального сообщества.

Сознательно отказались от развлекательных атрибутов – кроссвордов, гороскопов, исключили разнообразные объявления – куплю, продаю, ищу...

Старались привлечь серьёзных авторов, экспертов, показать лучший опыт в сфере экологии и культуры. Пробовали разные варианты периодичности и тиражности выпуска. Сегодня «Экология и культура» выходит уже девятый год. У газеты есть свои постоянные авторы. На её страницах публиковались известнейшие учёные, государственные и общественные деятели, представители бизнес-сообщества, деятели культуры, эксперты-экологи из разных стран, представители исполнительной и законодательной власти. Сегодня газету «Экология и культура» знают во многих регионах России.

Третий региональный проект тульских экологов – создание сети общественных экологических приёмных «Экология и здоровье», который был поддержан на федеральном уровне. Первая приёмная была открыта в г. Ефремове в апреле 2013 года, а с лета 2013 года появились приёмные в г. Москве и в ряде регионов России. Целью работы общественных приёмных тульские экологи видят в выявлении и обсуждении решения «больных» и, наоборот, «позитивных проектов», снижение нагрузки на исполнительные органы власти, оказание содействия в решении возникающих проблем. Сегодня инициативу тульских экологов поддерживают ряд партнёрских организаций.

В 2015 году, оценив современный опыт экологов в нашей стране, в Швейцарии и Германии, тульские экологи решили попробовать разработать и реализовать проект по отдельному сбору отходов. Сами разработали концепцию отдельного сбора мусора на территории тульского региона, конструкцию площадки и баков. Первые площадки были установлены в Щёкинском районе и в г. Советске. Вначале тульские экологи предполагали реализацию проекта в воспитательных целях, но оказалось, что экономика проекта позволяет получать самостоятельную прибыль. Сегодня установлены площадки для отдельного сбора отходов в Заокском районе и пгт. Новогурово, а также в Ефремовском районе. Планируется реализация этого проекта не менее чем в 10 самых крупных муниципальных образованиях Тульского края.

Проект тульских экологов о отдельном сборе отходов был одобрен экспертной группой Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации. В ближайшей перспективе тульские экологи рассматривают возможность оказания содействия в поиске партнёров в области обращения с отходами и внедрения современных технологий.

Четвёртый региональный проект – чистая вода. Проект «Великая река – Великая Россия», локальные системы очистки воды, акции «Вода России», родники и другие проводятся по инициативе Тульского регионального отделения общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры» (руководитель М.И. Буденков), заместителя председателя правительства Тульской области Ю.В. Вепренцевой, Министерства природных ресурсов, экологии и благоустройства Калужской области (министр В.А. Антохина) в Заокском районе стартует пилотный проект «Великая река – Великая Россия» по защите бассейна р. Оки. Проект предполагается

в дальнейшем продолжать с участием всех регионов бассейна р. Оки (Орловская, Тульская, Московская, Рязанская, Владимирская и Нижегородская область).

В рамках проекта предполагается проведение текущего мониторинга качества воды, оценка состояния прибрежной полосы и водоохраной зоны р. Оки и притоков, оценка и восстановление необходимого лесонасаждения, сокращение (прекращение) несанкционированной добычи песка и гравия, оценка состояния заливных лугов, гидротехнических сооружений Тульской и Калужской областей, уборка территории от мусора, обустройство родников, установка локальных систем очистки воды в социально значимых объектах, установка указателей, восстановление биоразнообразия флоры фауны реки.

В проекте используется международный и российский опыт, проводятся международные видео-конференции. Поскольку целями проведения телеконференции являлись обмен опытом работы, оценка возможных направлений сотрудничества и организации совместных проектов, разработка и обсуждение плана дальнейшей совместной деятельности, было решено провести ещё ряд аналогичных телеконференций, конкретизировав отдельные задачи и вопросы.

Одной из сфер деятельности государства, способной обеспечить безопасное развитие страны, является образование, воспитание и просвещение населения в русле экологического поведения и здорового образа жизни как одного из основных принципов устойчивого развития.

В современных условиях экологизация всей системы образования подрастающего поколения очень важна. Сложившаяся система экологического образования состоит из школьного и внешкольного компонента, который содержит большой объём экологических знаний, умений и навыков, реализующих требования в направлении роста и развития экологической культуры обучающихся. Проведённые уроки экологии способствуют углублению и расширению комплексных экологических знаний учащихся средних школ. Наряду с базовыми (школьными) важна и внешкольная (внеклассная) работа в детских эколого-оздоровительных лагерях, проведение экологических конкурсов, смотров, сборов, слётов, создание клубов. Связать воедино формальное и неформальное образование – цель тематических уроков по теме устойчивого развития, разработанных Центром экологической политики и культуры. Логическим продолжением уроков является конкурсное движение, сопровождение уроков практическими делами.

Для студентов и молодых специалистов сотрудники Центра экологической политики и культуры впервые подготовили и запустили международный проект с коллегами учёными из города-побратима Тулы – Олбани (США) – цикл онлайн-лекций по теме «Экология и здоровье», состоящий из пяти полуторачасовых лекций на русском и английском языках. Эта экспериментальная работа нашла поддержку и вызвала большой интерес

участников. Группа из 20 человек еженедельно в режиме видеоконференции имеет возможность не только прослушать тематические лекции, но и в режиме реального времени получить ответы на интересующие вопросы.

Совместно с профильными организациями тульские экологи регулярно участвуют в обсуждении новых нормативно-правовых региональных и федеральных законодательных инициатив.

Теснейшим образом на протяжении всех лет работы Центр экологической политики и культуры сотрудничает с главными музеями тульского региона «Ясная Поляна», «Поленово», «Куликово поле», «А.Т. Болотова». Необходимо отметить, что учреждения культуры являются главными союзниками тульских экологов. Выдающиеся мировые достижения наших земляков не просто бренды Тульского края, но и огромный положительный опыт бережного гармоничного взаимоотношения человека и природы. Л.Н. Толстого, А.Т. Болотова, Ф.Д. Поленова мы по праву считаем главными первыми экологами земли Тульской. Их уникальная жизнь и наследие на протяжении веков освящает путь гармоничного взаимоотношения человека и природы.

Сотрудники Центра экологической политики и культуры гордятся тем, что на протяжении десяти лет их организация неоднократно становилась победителем конкурса грантов Президента России для НКО по разным темам охраны окружающей среды.

Успешность и перспективы работы Центра экологической политики и культуры видятся в формировании и продвижении новых актуальных проектов природопользования с использованием наилучших доступных технологий, в том числе с использованием альтернативной энергетики, создании и поддержке молодёжного экологического движения, развитии экологического туризма, налаживании сотрудничества со всеми заинтересованными организациями региона, обмену опытом на международном уровне и, конечно же, в продолжении работы по тем направлениям, проектам и акциям, которые хорошо зарекомендовали себя, показали свою эффективность.

УДК 316.7(082) + 37.0(82)_ ББК 65.01

Мостовая Елена Борисовна –
д-р социол. наук, профессор,
Новосибирский национальный
исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск
e-mail: 3304146@mail.ru

Афанасьева Юлия Александровна –
бакалавр ЭФ,
Новосибирский национальный
исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск
e-mail: afanasye8a@mail.ru

Шумилова Светлана Игоревна –
бакалавр ЭФ,
Новосибирский национальный
исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск
e-mail: svetlana.shumilova1410@gmail.com

РОЛЬ КРЕАТИВНОГО КЛАССА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В статье рассматриваются понятия модернизации и её стадии, предложенные Центром исследования модернизации Китайской Академии наук под руководством профессора Хэ Чуаньци и впоследствии адаптированные к российским реалиям Институтом Философии РАН под руководством Н. И. Лапина, а также уровень и неоднородность модернизованности регионов России. Авторы объясняют наличие связи между уровнем развития вторичной модернизации и такой характеристикой человеческого капитала населения, как креативность, предлагают определение субъекта вторичной модернизации, представляющего собой креативный класс, и обоснование применимости индекса креативности для уточнения параметров вторичной модернизации. Отмечается важность регионального контекста исследования процесса модернизации в России, с учётом исторически

сложившейся асимметрии размещения на её пространстве природных, социально-экономических и культурных факторов.

Ключевые слова: Модернизация, креативный класс, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), индекс креативности.

Модернизация – это эволюционный процесс развития общества. [6] Однако, в первую очередь, её рассматривают с экономических позиций. На основе расчёта индексов модернизации специалисты ЦИМ КАН предложили различать четыре группы стран: развитые, среднеразвитые, предварительно развитые, отстающие. Россия в 2010 г. занимала 41е место и была в списке среднеразвитых стран. При этом внутрirosсийские различия регионов по уровню модернизированнойности оказались весьма существенными.

Расчёты, выполненные ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина [3], выявили многоуровневость первичной (ПМ) и вторичной (ВМ) модернизированнойности российских регионов или иерархию регионов, где только 6 регионов из 83 (7,2%) имели в 2012 году индекс ВМ = 80 и больше, т.е. были модернизационно развитыми, 77 регионов имели индексы ВМ в интервале 51–79, т.е. были среднеразвитыми, а 1 регион находится на уровне ниже среднеразвитых. [3] Была выявлена также несбалансированность модернизации российских регионов и её спонтанный характер.

Эти выводы наглядно иллюстрируются результатами кластерного анализа уровней экономического развития России. Методом к-средних для 80 регионов РФ (за исключением г. Севастополь, республики Крым и Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов). В данные за Тюменскую область входят показатели Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а показатели Архангельской области включают в себя данные Ненецкого АО. Были выявлены следующие кластеры (см. Таблицу 1).

К «звездам» были отнесены регионы, отличающиеся высокими темпами роста экономики и высоким уровнем номинального ВРП, «коровы» – это богатые регионы с низким темпом развития, «собаки» – это бедные и медленно растущие регионы, а «вопросы» – это те регионы, в которых темпы экономического роста высокие, но которые имеют низкий уровень ВРП. Размер инвестиций будет влиять на степень «зажиточности» региона, то есть на то, как финансируется регион.

Таблица 1

Кластеры экономического развития регионов России

	Кластеры				
	«Звёзды»	«Коровы»	«Звёзды-вопросы»	«Собаки»	«Вопросы»
Среднегодовой темп роста ВРП за период 2005-2015 гг.	103,8	102,4	102,9	102,3	104,9
Номинальный ВРП на душу населения 2005-2015 гг.	307,3	820,2	491,5	110,7	95,7
Номинальные инвестиции в ОК на душу населения 2005-2015 гг.	280,1	202,8	66,8	33,0	27,4
Население, %	0,4	2,3	8,0	37,6	51,7

Первый кластер – «звёзды» российской экономики. Сюда вошли два малонаселённых региона – Сахалинская область и Чукотский АО. Именно небольшое количество населения и огромный запас ресурсов выводят эти два региона в лидеры экономического развития. К тому же для кластера характерен темп роста ВРП выше среднего и большое количество привлекаемых инвестиций, что делает их ещё более перспективными для развития.

Второй кластер – «Коровы» – это Тюменская область. Регион, который обладает наибольшими запасами полезных ископаемых по России и традиционно лидирует в экономических рейтингах по стране. Регион щедро инвестируется, как и первый кластер, но, несмотря на эти преимущества, темпы экономического роста в регионе низкие, они ниже, чем средние по России. Это может быть свидетельством замедления отдачи от добычи и продажи нефти и газа за рубеж, об устаревании технологий и основных производственных фондов в регионе.

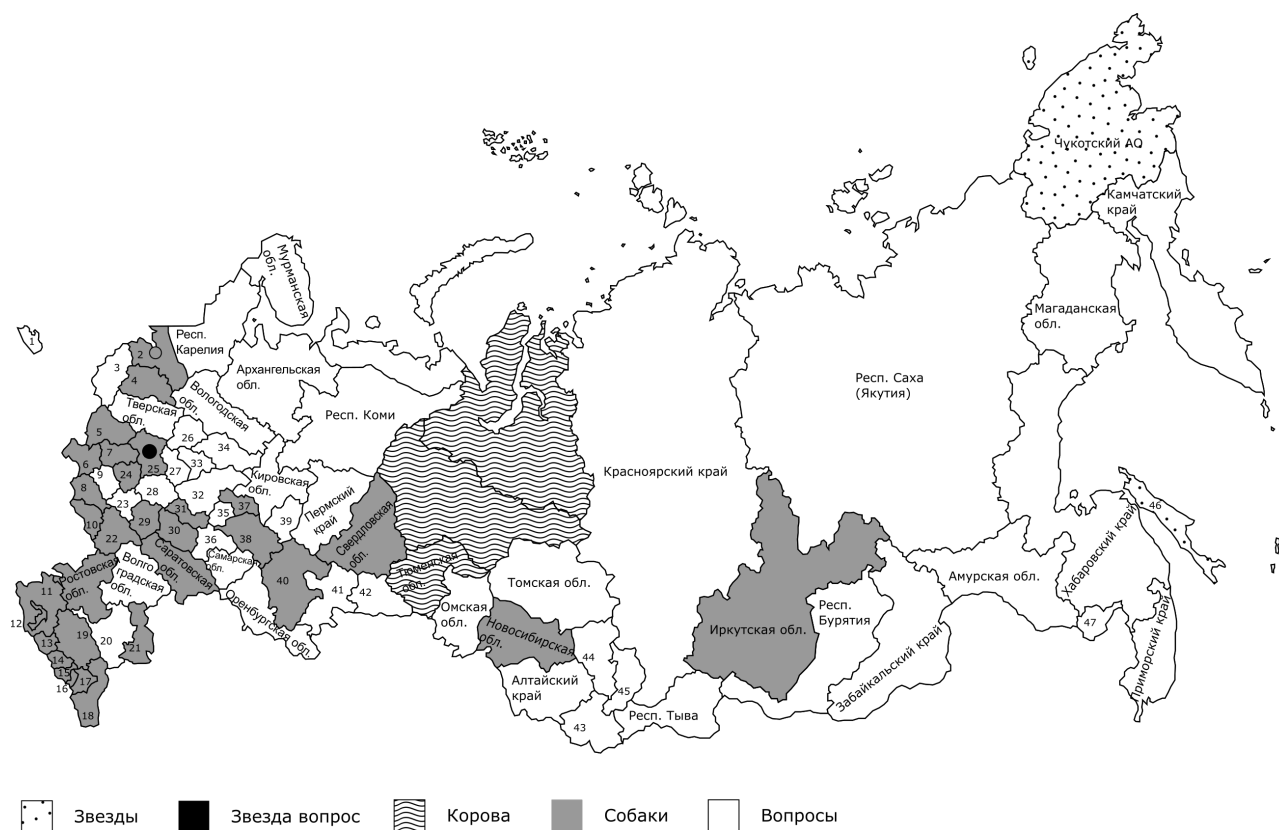

Рисунок-1-Кластеры экономического развития России.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Калининградская; 2 – Ленинградская; 3 – Псковская; 4 – Новгородская; 5 – Смоленская; 6 – Брянская; 7 – Калужская; 8 – Курская; 9 – Орловская; 10 – Белгородская; 11 – Краснодарский; 12 – Адыгея; 13 – Карачаево-Черкесия; 14 – Кабардино-Балкария; 15 – Северная Осетия-Алания; 16 – Ингушетия; 17 – Чеченская; 18 – Дагестан; 19 – Ставропольский; 20 – Калмыкия; 21 – Астраханская; 22 – Воронежская; 23 – Липецкая; 24 – Тульская; 25 – Московская; 26 – Ярославская; 27 – Владимирская; 28 – Рязанская; 29 – Тамбовская; 30 – Пензенская; 31 – Мордовия; 32 – Нижегородская; 33 – Ивановская; 34 – Костромская; 35 – Чувашия; 36 – Ульяновская; 37 – Марий Эл; 38 – Татарстан; 39 – Удмуртия; 40 – Башкортостан; 41 – Челябинская; 42 – Курганская; 43 – Алтай; 44 – Кемеровская; 45 – Хакасия; 46 – Сахалинская; 47 – Еврейская.

Третий кластер – это «Звезда-вопрос» – Москва. Регион куда со всей страны стекаются ресурсы, как финансовые, так и человеческие. Большой объем ВРП на душу населения сочетается, однако, с низкими темпами экономического роста и совсем низкими инвестициями в ОК по сравнению с лидерами экономического развития. Значит, капитал, который доходит до Москвы оседает там и не используется на дальнейшее развитие экономики.

Четвёртый кластер – «Собаки». Это бедные, неэффективные и слабо инвестируемые регионы. В данном кластере живёт 38% всего населения страны.

Пятый кластер – «Вопросы», отличается самым низким уровнем ВРП на душу населения и самыми высокими темпами экономического роста по стране. В кластер входит половина населения страны, и он объединяет в себе с первого взгляда непохожие территории южных регионов и крупные регионы по типу Новосибирской, Свердловской, Ленинградской областей. Но если южные регионы развиваются и имеют высокие темпы роста, благодаря субсидиям, выделяемым из центра Федерации, то региональные центры развиваются самостоятельно.

Эти результаты говорят о крайней неоднородности модернизационных процессов в России. Основная масса регионов, которые вошли в два последних кластера, имеют средние по стране темпы роста и уровень развития экономики. Все эти регионы отличаются друг от друга географическим положением, климатом, национальным составом, главенствующей религией. Существуют ли при этом межрегиональные особенности качества человеческого капитала?

«Звёзды» экономического развития России – это Сахалин и Чукотка – регионы с невысоким уровнем образования, низкой продолжительностью жизни. Высокие региональные доходы обеспечивают «звёздам» высокие доходы населения, но это не влияет на качество человеческого капитала. «Коровы» и «вопросы» имеют образование выше, чем «звёзды», что говорит о малой степени влияния высококачественного человеческого капитала на экономическое развитие. А кластер «вопросов», который имеет высокие показатели здоровья и образования имеет крайне низкие доходы, ВРП и инвестиции в ОК, что свидетельствует об экономической не востребовавности ЧК высокого качества в нём (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Качество ЧК в кластерах экономического развития

Показатель	«Звёзды»	«Коровы»	«Звёзды-вопросы»	«Собаки»	«Вопросы»
Продолжительность жизни, лет	62,8	69,1	74,5	67	69,5
Образование, %	21,1	24,1	42,1	20	21,5
Доход, тыс. руб.	28,5	25,8	43,3	11,2	9,7

Получается, что наиболее экономически развитыми регионами в России являются ресурсобеспеченные регионы, а экономическое развитие регионов России не имеет устойчивой зависимости от качества человеческого капитала. Эти выводы актуализируют задачу поиска оснований выявленной неоднородности.

Субъектный ракурс модернизации экономики России

Модернизация классовой структуры общества и появление новых социальных групп происходят в результате развития разделения труда. Промышленная революция способствовала росту пролетариата (рабочего класса) – наёмных работников, не владеющих средствами производства, и его концентрации в индустриальной сфере. Произошла первичная модернизация – переход от аграрного общества к индустриальному.

Сокращение удельного веса и численности промышленного рабочего класса в наше время знаменует другой переход – от индустриального общества к обществу информационному, но знаменует негативно. Использование же данных о росте обслуживающего класса в качестве позитивного знаменования представляется нам спорным. И вот почему.

Переход от индустриальной экономики к экономике знаний, выражающий суть вторичной модернизации – это не что иное, как переход к креативной экономике. По Хокинсу основа креативной экономики – 15 отраслей креативной индустрии. Эти отрасли производят интеллектуальный продукт в виде патентов, авторских прав, торговых марок и авторских разработок на фоне сдвига экономических приоритетов от финансов к идеям, способностям и обучаемости. Тезис Хокинса развил И. Н. Дубина [2].

Убедительное обоснование теории креативной экономики предложил Ричард Флорида, сформулировавший другое её определение, связанное со свойственными ей профессиями. Флорида описал выделившийся в результате вторичной модернизации «новый» класс – креативный. Это – мотивированная социальная группа, являющаяся источником и главным проводником инноваций. [9,10].

Применительно ко вторичной модернизации можно сделать предположение о том, что субъектом для неё выступает именно креативный класс, который способствует осуществлению перехода от индустриальной эры к эре знаний и креативности. [4, 5]

Для проверки обоснованности данной гипотезы в 2017 году мы сравнили индексы вторичной модернизации регионов России [1] с индексами креативности, рассчитав индексы креативности по методикам А. Пилясова, О. Колесниковой [7], И. Н. Шафранской [8].

В результате сравнения полученных рейтингов были выявлены точные и приблизительные соответствия некоторых регионов (около 10 соответствий) по уровню креативности. А при исключении из расчётов регионов с населением ниже 1 млн. человек, количество соответствий увеличивается и составляет примерно треть всех регионов. Однако однозначного вывода о верности предложенной гипотезы сделать было нельзя и потребовалось построение двух регрессионных моделей.

Для построения модели парной регрессии, где зависимая переменная – индекс вторичной модернизации, а фактор – индекс креативности, использована RStudio. Уравнение для парной регрессии, обуславливающее взаимосвязь между уровнем креативности и уровнем вторичной модернизации, выглядит следующим образом (1):

$$Y = 55,71 + 48,85X, \quad (1)$$

где Y – индекс вторичной модернизации (SecondModern),
 X – индекс креативности (IC).

Оценив значение коэффициента детерминации и результат статистики Фишера, можно сделать вывод о том, что модель в целом не значима ($P\text{-value} > 0,001$), так как индекс вторичной модернизации объясняет значения индекса креативности всего на 11,23%. Связь между индексами по результатам проверки модели на адекватности оказалась не линейной.

Следующим этапом было построение регрессии, в которой в качестве факторов – показатели, используемые для расчёта индекса креативности (доля занятых в предпринимательстве без образования ю/л в структуре занятых в экономике региона (WithoutEduc); доля работников с высшим образованием в структуре занятых в экономике региона (Educ); доля НИОКР В ВРП (ShareRandD); доля фундаментальных исследований в НИОКР (Fundament); число жителей, подавших патентные заявки, на 1000 жителей (Patents); доля работников с высшим образованием в структуре занятых в экономике региона (Educ); число выданных патентов на 1000 жителей (GetPatents); доля жителей, проживающих не с рождения (NotBirth)).

Анализ полученной регрессии показал, что показатели, используемые для расчёта индекса креативности, объясняют значение индекса вторичной модернизации на 88,13%. Было проверено выполнение основных предпосылок МНК и отсутствие мультиколлинеарности для анализа достоверности полученной множественной регрессии. Оказалось, что между факторами «число жителей, подавших патентные заявки, на 1000 жителей (Patents)» и «число выданных патентов на 1000 жителей (GetPatents)», существует линейная зависимость, что говорит об искажении полученных в результате анализа регрессии оценок и, возможно, завышении скорректированного коэффициента детерминации. А исключение факторов (Patents – не значим, для исключения мультиколлинеарности; Fundament – не значим) увеличивает значение коэффициента детерминации до 0,8801 (88,01%), повышая качество регрессии.

Полученная множественная регрессия, состоящая из значимых переменных, выглядит следующим образом (2):

$$Y = 45,7 - 77,2X_1 + 54,4X_2 + 461,3X_3 + 27,7X_4 + 7,6X_5, \quad (2)$$

где Y – индекс вторичной модернизации;

X_1 – доля занятых в предпринимательстве без образования ю/л в структуре занятых в экономике региона (WithoutEduc);

X_2 – доля работников с высшим образованием в структуре занятых в экономике региона (Educ);

X_3 – доля НИОКР В ВВП (ShareRandD);

X_4 – число выданных патентов на 1000 жителей (GetPatents);

X_5 – доля жителей, проживающих не с рождения (NotBirth).

Для анализа адекватности полученной множественной регрессии также было проверено наличие линейной зависимости между факторами и зависимой переменной, выполнение основных предпосылок МНК.

Таким образом, гипотеза о том, что креативный класс является субъектом вторичной модернизации, т.е. уровень территориальной концентрации креативного класса, определённый через индекс креативности, является фактором, который определяет уровень вторичной модернизации, подтвердилась.

Данный вывод указывает на возможность дальнейшего исследования параметров вторичной модернизации с учётом факторов территориальной концентрации креативного класса.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы // сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016. – 360 с.

2. Дубина И.Н. К вопросу о соотношении понятий «креативная экономика», «инновационная экономика» и «экономика знаний» // Креативная экономика. – 2009. – № 6. – С. 109–117.

3. Лапин Н.И. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. // М.: Весь мир. 2016. – 360 с.

4. Мостовая Е.Б. Креативный класс – субъект вторичной модернизации социума // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14, № 4. – С. 117–131.

5. Мостовая Е.Б. Модернизация региональной экономики: социокультурный ракурс // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 1. – 119 с.

6. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) [Текст] / пер. с англ. Под общей ред. Н.И. Лапина. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 253 с.

7. Пилясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики. – 2008. – № 9. – С. 50–69.

8. Шафранская И.Н. Конкурентоспособность российских регионов через призму креативности, или еще об одном рейтинге регионов // Конкурентоспособный регион: концепции и факторы: сб. статей. – Пермь, 2012. – С. 56–72.

9. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – пер. с англ. - М.: Классика-XXI, 2005. – 421 с.

10. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – пер. с англ. Н. Яцюк ; [науч. ред. Р. Хусаинов]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 420 с.

УДК 316

Петросян Дмитрий Ильич –

к.ф.н., доцент,

Владимирский филиал Академии
народного хозяйства и государственной
службы при президенте РФ,

г. Владимир

e-mail: ilyich87@yande[.ru]

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная защищенность, социальный оптимизм.

Зимой - весной 2017 г. сотрудниками кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВФ РАНХиГС было проведено исследование социального самочувствия и ценностных ориентаций жителей Владимирской области. Всего методом анкетирования по репрезентативной выборке были опрошены 800 респондентов, как в областном центре, так и в различных районах области.

В ходе данного исследования бы замерен индекс социального самочувствия населения. Сравнение с данными, полученными по той же методике в 2012 г., позволяет проследить динамику данного показателя. Расчет индекса социального самочувствия произведен по следующим параметрам:

- степень защищенности от 10 социальных опасностей (коэффициент защищенности),

- уровень удовлетворенности жизнью (коэффициент удовлетворенности жизнью),

- уровень социального оптимизма, складывающийся, в свою очередь, из сравнения уровня жизни с прошлым годом, из ожиданий на ближайший год, из уверенности в своем будущем (коэффициент оптимизма).

Как видно из таблицы 1, общий индекс социального самочувствия составил 0,65 балла. Это чуть более высокий показатель, чем в 2012 г. Такой уровень социального самочувствия можно считать вполне приемлемым, если исходить из предположения, что минимально достаточным для устойчивости сообщества, можно считать значения Исс в диапазоне от 0,51 и выше, а недостаточным – от 0,5 и ниже [1].

Таблица 1

Индекс социального самочувствия населения

Компоненты самочувствия. индексы	Владимирская область 2012 г.	Владимирская область 2012 г.
Защищенность от опасностей (Кз)	0,61	0,63
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,67	0,71
Социальный оптимизм (Ко)	0,64	0,63
Индекс социального самочувствия (Исс)	0,64	0,65

Проанализируем каждый из показателей социального самочувствия отдельно. Как видно из таблицы 2, наиболее защищенными жители Владимирской области чувствуют себя от ущемления из-за национальности (66.1%) и от притеснений за религиозные убеждения (63.3%). Это не удивительно, поскольку население области в целом является моноконфессиональным и мононациональным («православные» составили в выборке 94%, русские – 97%).

Еще в четырех случаях доля защищенных превышает долю не защищенных:

- притеснения из-за пола или возраста (54% против 15,9%);
- преследования за политические убеждения (39% против 19,4%);
- одиночество и заброшенность (39,3% против 31,7%);
- экологическая угроза (35,4 против 28,5).

Стоит обратить внимание на то, что в случае с одиночеством доля не защищенных уже достаточно велика и составляет почти треть опрошенных.

От всех остальных опасностей жители области чаще чувствуют себя не защищенными. В особенности это касается таких угроз, как бедность и преступность, защиты от которых не видят более половины респондентов (соответственно 55% и 52,7%).

Таблица 2

Жители Владимирской области о своей защищенности от опасностей
(% от числа опрошенных)

		Защищен, пожалуй защищен	Трудно сказать	Пожалуй не защищен, совсем не защищен
Ущемления из-за национальности	2012 г.	66,7	25,6	7,7
	2017 г.	66,1	26,8	7,3
Притеснения за религиозные убеждения	2012 г.	64,5	28,5	7,0
	2017 г.	63,3	28,6	8,2
Притеснения из-за пола или возраста	2012 г.	49,5	31,7	18,8
	2017 г.	54,0	30,1	15,9
Преследования за политические убеждения	2012 г.	40,9	41,9	17,2
	2017 г.	39,0	41,6	19,4
Одиночество и заброшенность	2012 г.	39,9	29,2	30,9
	2017 г.	39,3	29,0	31,7
Экологическая угроза	2012 г.	25,8	33,3	40,9
	2017 г.	35,4	36,1	28,5
Произвол правоохранительных органов	2012 г.	21,8	38,5	39,7
	2017 г.	29,6	40,3	30,3
Бедность	2012 г.	19,1	25,8	55,1
	2017 г.	22,2	29,6	48,2
Преступность	2012 г.	18,1	29,2	52,7
	2017 г.	23,7	34,8	41,7
Произвол чиновников	2012 г.	15,9	36,1	48,0
	2017 г.	16,0	39,3	44,8

Не многим лучше обстоит дело и с защитой от произвола чиновников, которой не чувствуют почти половина жителей области (44,8%).

Не удивительно, что в целом коэффициент защищенности от опасностей (Кз) оказался одним из самых низких, хотя и находится в приемлемой зоне (0.63).

Анализируя уровень удовлетворенности жизнью, следует отметить, что доля в той или иной мере удовлетворенных жителей области втрое превышает долю не удовлетворенных (таблица 3).

Отметим, что существенных различий между удовлетворенностью городских (0.71) и сельских жителей (0.70) не наблюдается.

В равной степени удовлетворены жизнью мужчины и женщины (0.71).

А вот возрастные различия довольно показательны. По сути дела, относительно высоким коэффициентом удовлетворенности характеризуется лишь молодежь (0,75). Респонденты среднего и старшего возраста удовлетворены жизнью заметно реже (0.69 и 0,66, соответственно). Тем не менее, несмотря на очевидное снижение уровня удовлетворенности жизнью по мере увеличения возраста респондентов, во всех возрастных группах суммарная доля в той или иной мере удовлетворенных жизнью все же несколько больше, чем доля неудовлетворенных.

Таблица 3

Насколько жители Владимирской области удовлетворены своей жизнью в зависимости от пола и возраста (в % от числа опрошенных)

	Всего	Пол		Возраст		
		Муж	Жен	18-34 лет	35-54 лет	55 и более лет
Полностью удовлетворены	15,8	16,3	15,3	21,8	12,3	9,8
Скорее удовлетворены	45,4	44,3	46,2	46,7	45,1	42,6
Затрудняетесь сказать точно	18,1	20,4	16,4	16,2	19,3	19,7
Не очень удовлетворены	16,1	15,2	16,8	10,6	18,2	24,6
Совсем не удовлетворены	3,4	2,6	3,9	3,1	3,6	3,3
Отказ от ответа	1,3	1,2	1,3	1,6	1,4	0,0
Куж	0,71	0,71	0,71	0,75	0,69	0,66

Что касается уровня социального оптимизма, выражаемого в уверенности или неуверенности в своем будущем, то здесь отмечаются те же тенденции (таблица 4). В той или иной степени уверенных респондентов в 2,5 раза больше, чем не уверенных (45,8% против 18,8%). Жители села проявляют чуть меньший социальный оптимизм в сравнении с горожанами (0,65 против 0,68).

Уверенность в своем будущем мужчин почти не отличается женской (0,68 и 0,66). Следует обратить внимание на то, что самым низким уровнем социального оптимизма отличается владимирцы среднего возраста – от 35 до 54 лет (0,50). Неуверенность наиболее экономически активной части населения не может не настораживать.

Таблица 4

Насколько жители Владимирской области удовлетворены своей жизнью в зависимости от пола и возраста (в % от числа опрошенных)

	Всего	Пол		Возраст		
		Муж	Жен	18-34 лет	35-54 лет	55 и более лет
Вполне уверены	15,3	15,2	15,3	15,3	17,1	9,8
Скорее уверен, чем нет	30,5	32,9	28,7	34,0	27,5	30,3
Не могу сказать точно	34,3	32,9	35,2	33,6	33,9	36,9
Скорее не уверен, чем уверен	13,8	13,4	14,0	11,2	16,0	13,9
Совершенно не уверен	5,0	4,1	5,7	5,0	4,5	6,6
Отказ от ответа	1,3	1,5	1,1	0,9	1,1	2,5
Коэффициент	0,67	0,68	0,66	0,69	0,50	0,64

Оптимизм жителей области подтверждается и оценкой того, как изменилась жизнь своей семьи за последний год, и ожиданиями, связанными с ближайшим будущим (таблицы 5 и 6). Интересно, что коэффициент ожиданий выше, чем коэффициент оценки последнего года (0,65 против 0,59).

При этом, суммарная доля считающих, что их семьи стали жить намного лучше или несколько лучше, практически равна доле уверенных, что будут жить значительно или немного лучше (соответственно 24,9% и 26,4%). А вот число считающих, что их жизнь изменится в худшую сторону, меньше, отметивших ухудшение за последний год (11,9% вместо 27,6%). Меньше и доля считающих, что ничего в ближайшем будущем не изменится 30,3% (против 40,6% отметивших, что ничего не изменилось за последний год). Вполне естественно, в обоих случаях уменьшение компенсируется значительным ростом числа затруднившихся с ответом по поводу будущего (с 7% до 29%). Таким образом, оптимизм следует считать довольно осторожным.

Таблица 5

Оценка изменений в жизни семьи за последний год в зависимости от пола и возраста (в % от числа опрошенных)

	Всего	Пол		Возраст		
		Муж	Жен	18-34 лет	35-54 лет	55 и более лет
Стали жить намного лучше	4,6	4,4	4,8	3,7	6,7	0,8
Стали жить несколько лучше	20,3	20,7	19,9	25,5	17,4	14,8
Ничего не изменилось	40,6	43,4	38,5	40,8	38,7	45,9
Стали жить несколько хуже	23,6	22,4	24,5	17,8	27,2	28,7
Стали жить намного хуже	4,0	3,8	4,2	2,8	5,6	2,5
Не знаю	6,9	5,2	8,1	9,3	4,5	7,4
Коэффициент	0,59	0,60	0,58	0,62	0,58	0,56

Таблица 6

Оценка того, как изменится жизнь семьи в ближайшем будущем в зависимости от пола и возраста (в % от числа опрошенных)

	Всего	Пол	Возраст	18-34 лет	35-54 лет	55 и более лет
		Муж	Жен			
Будем жить значительно лучше	8,9	9,0	8,8	10,6	9,0	4,1
Будем жить несколько лучше	17,5	19,0	16,4	22,4	17,9	3,3
Ничего не изменится	30,3	31,2	29,5	23,4	33,6	38,5
Будем жить несколько хуже	8,5	7,6	9,2	7,5	8,7	10,7
Будем жить значительно хуже	3,4	3,2	3,5	2,2	4,2	4,1
Не знаю	28,8	28,6	28,9	29,0	25,5	37,7
Отказ от ответа	2,8	1,5	3,7	5,0	1,1	1,6
Коэффициент	0,65	0,66	0,64	0,70	0,65	0,58

Как и в случае с предыдущими показателями, городские жители выглядят чуть более оптимистичными, чем сельские. Подтверждается и нарастание пессимизма по мере увеличения возраста.

Интегральный коэффициент социального оптимизма (K_o) оказался единственным среди факторов социального самочувствия показателем, несколько понизившимся по сравнению с 2012 г. (0.63 вместо 0.64). Снижение объясняется падением как коэффициента изменений последнего года (с 0.62 до 0.59), так и коэффициента ожиданий на ближайший год (с 0.67 до 0.65). Отметим, что при этом общая уверенность в будущем укрепилась (0.67 вместо 0.64 в 2012 г.).

Так или иначе, исследование показывает довольно высокий уровень стабильности социального самочувствия населения Владимирской области.

Список литературы:

1. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., МФРАН, 2010.
2. Калмыкова М.В., Петросян Д.И. Плеханов Е.А. Социокультурные ценности жителей Владимирской области//Монография. Владимир, 2013 г. 274 с.
3. Калмыкова М.В., Петросян Д.И. Плеханов Е.А. Социальная сфера Владимирской области//Монография. Владимир, 2012 г. 250 с.

УДК 316.4

Печеркина Ирина Федоровна –
кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
e-mail:pecherki@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ - УСЛОВИЕ ВОВЛЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Ключевые слова: институциональное доверие, факторы доверия, социальная активность.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500).

Доверие как определенная характеристика социального взаимодействия имеет ключевое значение для эффективного развития территории. Идентичность и компоненты доверия, встроенные в системы жизненных миров, помогают их обладателями реализовать себя в региональном социуме. Функционирующее доверие как один из компонентов жизненного мира может рассматриваться в качестве важного ресурса практической деятельности в регионе, и вместе с региональной идентичностью его можно охарактеризовать в известном смысле как специфический возобновляемый ресурс социальной региональной практики.

С 2006 года в мониторинговом исследовании социальных настроений жителей Тюменской области используется единый инструмент измерения институционального доверия населения. Респондентов просят оценить по 5-бальной шкале уровень своего доверия к региональным органам управления и отдельным социальным институтам¹ Материалы мониторинга показывают, что компоненты доверия жителей региона к власти существенно изменились за прошедшие десять лет. За весь период наблюдений доля «недоверяющих» снижалась, исключение составил 2013 год. В 2016 и 2017 гг. уровень доверия повысился практически ко всем структурам и институтам. Лидером в этом движении является полиция, уровень доверия к которой увеличился на

---

¹ С 2006 года в Тюменской области было проведено шесть социологических исследований в рамках проекта «Социокультурные портреты регионов России» [1]. Выборка в каждом из пяти исследований репрезентирует население Тюменской области по полу, возрасту и типу населенных пунктов. Ошибка выборки не превышает 3% по одному признаку.

18 пунктов, а уровень недоверия снизился на 24 пункта (табл. 1). На стабильно относительно высоком уровне остается уровень доверия суду, губернатору, с 2013 г. – прокуратуре. Почти не изменяются оценки доверия СМИ.

Таблица 1

Уровень доверия/недоверия населения Тюменской области к региональным институтам и структурам (% от числа опрошенных в 2006 – 2017 гг.)

		2006	2009	2011	2013	2016	2017
Суду	Доверяют	43	41	37	45	48	45
	Не доверяют	28	31	24	27	20	20
Губернатору	Доверяют	42	43	33	34	44	41
	Не доверяют	24	11	20	27	19	19
Профсоюзам	Доверяют	23	31	21	24	29	34
	Не доверяют	35	30	24	32	24	23
Прокуратуре	Доверяют	30	31	29	38	40	41
	Не доверяют	35	36	25	29	22	22
Полиции	Доверяют	18	24	23	28	36	36
	Не доверяют	53	46	34	41	29	27
Правительству Тюменской области	Доверяют	29	35	27	30	38	39
	Не доверяют	38	32	21	31	21	20
Полит. партиям	Доверяют	12	21	16	13	23	24
	Не доверяют	45	37	23	47	30	33
Тюменской областной Думе	Доверяют	19	26	26	22	31	33
	Не доверяют	39	23	19	34	23	22
СМИ	Доверяют	27	29	27	28	28	29
	Не доверяют	45	39	23	42	35	33
Муниципальным органам управления	Доверяют			25	27	31	31
	Не доверяют			24	32	25	24
Средний уровень доверия		27	31	26	29	35	35
Средний уровень недоверия		38	32	24	34	25	24

«Доверяю» = ответы «Полностью доверяю» + «Пожалуй, доверяю»

«Не доверяю» = ответы «Не очень доверяю» + «Совсем не доверяю»

В 2017 году в зоне превышения доли доверяющих над долей недоверяющих находятся 12 институтов и социальных структур из 15. У лидеров рейтинга доверия эта разница превышает 20%. Динамику указанных показателей можно интерпретировать с разных позиций: с одной стороны, рост доверия отражает действительное улучшение работы изучаемых институтов; с другой стороны – результат высокоэффективной работы средств массовой информации. Нельзя отрицать, что рост поддержки населением институтов власти стал следствием всплеска патриотизма, который наблюдался в 2015 году, что это определенный кредит населения власти в ситуации нестабильности и враждебного внешнего окружения. В любом случае, для адекватной оценки детерминант доверия – недоверия к институтам имеет смысл провести более глубокие исследования данного вопроса.

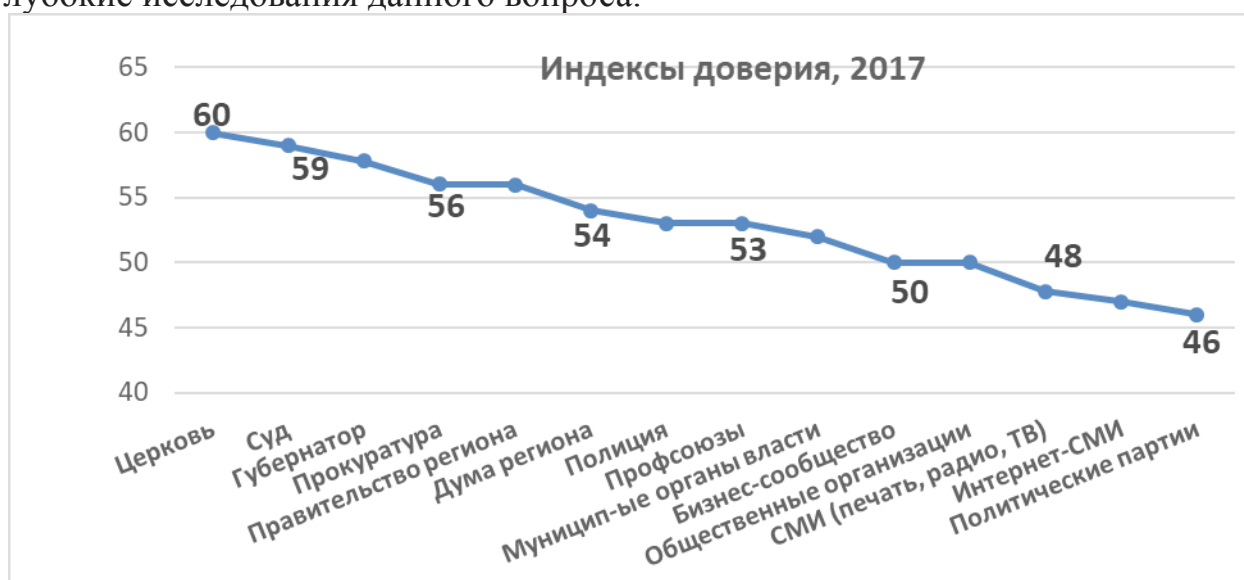

Рис. 1. Индексы доверия*, 2017.

* Индекс доверия вычисляется как средневзвешенное так, чтобы 100 соответствовало «все полностью доверяют», 0 соответствовало «все полностью не доверяют».

Вычисляется по формуле = $(4 * \text{Полностью доверяю} + 3 * \text{Пожалуй, доверяю} + 2 * \text{Трудно сказать точно} + \text{Не очень доверяю}) / ((100 - \text{Не знаю, отказ}) * 4 * 100)$

Индекс межличностного доверия вычисляется по формуле: = $(10 * \text{Большинству людей можно доверять} + \dots + 0 * \text{Даже излишняя осторожность не мешает}) / ((100 - \text{отказ от ответа}) * 10 * 100)$

С увеличением уровня институционального доверия растет позитивное отношение к своему региону (31% в 2006 г. и 49% в 2017 г. на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?» ответили «Рад, что живу здесь»), повышается уровень осознания включенности в социальное сообщество региона, «близости» с людьми, которые живут рядом, рис. 2.

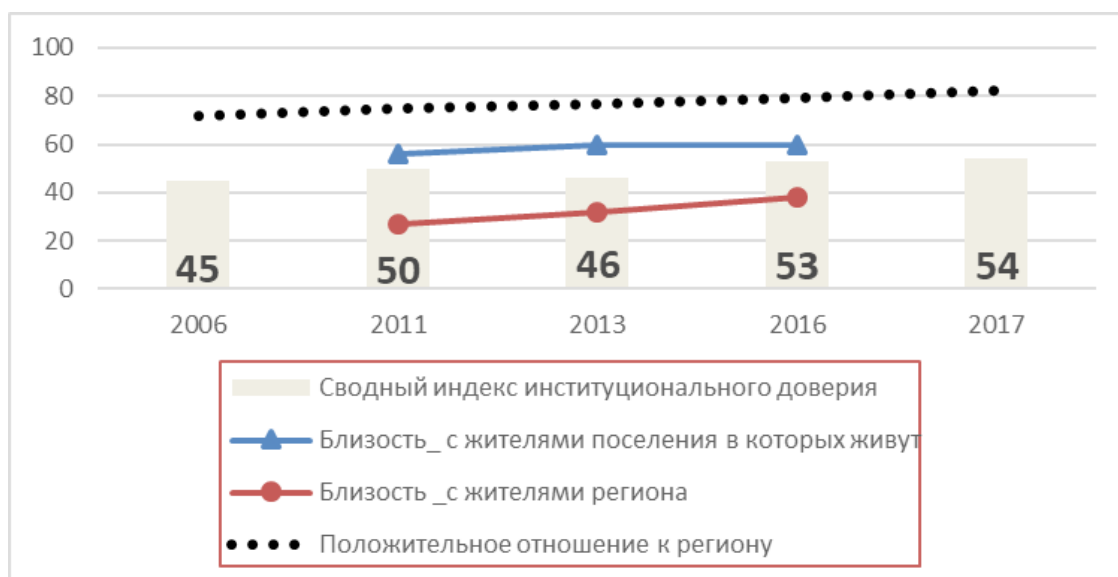

Рис. 2. Сводный индекс институционального доверия и отношение к своему региону (2006-2017 гг.)

*В 2006 г. близость с жителями различных территориальных общностей оценивалась по другой методике, в 2017 г. – такой вопрос не задавался.

**Сводный социальный индекс = сумма всех индексов доверия, деленная на их количество

Доверие к региональным институтам сопровождается ростом участия граждан в работе общественных организаций, в политической и социальной жизни региона. Так, корреляционный анализ показал связь между доверием к институтам власти и членством в политических партиях и профсоюзных организациях ($K_{\text{спирмена}} = 0,104$ при максимальной значимости). Чем выше уровень институционального доверия, тем ниже уровень политического абсентеизма - корреляционная зависимость наблюдается между доверием к институтам власти (губернатору $-0,85$, правительству региона $-0,79$, Думе региона $-0,76$) и активностью населения на выборах (планами участия в выборах)¹. Существует сильная связь индекса институционального доверия и оценкой эффективности деятельности властей по отдельным направлениям. Отмечается положительная корреляция между индексами доверия и составляющими социального самочувствия [3].

Доверие лежит в основе социальных взаимодействий, поэтому повышение уровня институционального доверия в обществе приводит к большей вовлеченности населения в социально политическое пространство региона.

¹ По результатам исследования в 2016 г., т.к. в 2017 г. вопрос о планах участия в выборах не задавался.

Список литературы:

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., МФРАН, 2010.
2. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: колл. монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2015. – 358 с.
3. Ромашкина Г.Ф., Печеркина И.Ф. Характеристики связности регионального социального пространства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 3. С. 39–54.

УДК 316.752 (316.334.52) ББК 60.59

Плеханов Евгений Александрович –
д-р пед. наук, профессор, Владимирский
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Владимир
e-mail: eaplekhanov@gmail.com

ДИНАМИКА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: ценности, население, Владимирская область, социальная динамика, мониторинговое исследование.

При определении возможностей региональной модернизации важно учитывать изменения не только объективных факторов – производственно-технического потенциала, качества трудовых ресурсов территории, состояния инфраструктуры, но и динамику социокультурных условий, от которых зависит отношение людей к инициативам, исходящим от органов власти всех уровней. Социальное самочувствие и ценностные ориентиры населения, с одной стороны отражают общую экономическую и социальную ситуацию в стране и регионе, а с другой, в существенной мере влияют на массовые поведенческие практики, поскольку реакция на социальные факторы определяется не столько самими этими факторами, сколько их субъективным восприятием людьми.

Социологическое обследование, проведенное в 2012 году по методике ЦИСИ «Социокультурный портрет региона» на территории Владимирской области, позволило выявить структуру ценностных предпочтений населения, обнаружить как общие, присущие подавляющему большинству россиян, характеристики ценностного сознания, так и особенные его параметры, связанные с положением региона на социокультурной карте страны [1].

За последние пять лет заметно изменились условия жизни регионального сообщества. Стагнация общественного производства, экономические санкции, обвал курса национальной валюты в 2014 году, неблагоприятная конъюнктура цен на энергетическом рынке – эти и другие макроэкономические факторы привели к уменьшению реальных доходов россиян, снижению уровня жизни, сокращению рынка труда, падению покупательной способности и удорожанию социальных услуг (образования, медицинского обеспечения, общественного транспорта и т.д.). Нельзя не

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-13-33009 «Социокультурный потенциал Владимирской области: динамика модернизационных процессов».

учитывать влияния крайне неблагоприятной международной ситуации, которая сложилась вокруг нашей страны в связи с украинскими событиями. Наконец, важную «фоновую» роль играет приостановка, а, точнее, «пробуксовка», экономических и социальных реформ федерального правительства, а также неопределенность «перспективы-2018». На региональном уровне последнее обстоятельство приводит к отсутствию ярко выраженной инициативы местных властей, к их ориентации на удержание достигнутых социально-экономических показателей, к застойности промышленном и сельскохозяйственном производстве.

Цель настоящего исследования – выяснить влияние отмеченных факторов на структуру ценностного сознания регионального сообщества, проанализировать характер изменений в ментальных установках людей и дать оценку выявленных трансформаций.

Динамика базовых ценностей населения Владимирской области

2012		2017	
Баллы	Ценности	Баллы	Ценности
Интегрирующее ядро (свыше 4,6)			
4,63	1. Жизнь человека		
Интегрирующий резерв (3,91-4,6)			
		4,38	1. Жизнь человека
4,49	2. Семья	4,23	2. Порядок
4,48	3. Порядок	4,13	3. Семья
4,41	4. Общительность	4,12	4. Общительность
4,22	5. Независимость	3,92	5. Независимость
4,16	6. Благополучие	3,91	6. Благополучие
4,13	7. Свобода	3,81	7. Свобода
4,05	8. Традиция	3,70	8. Работа
3,97	9. Работа	3,60	9. Традиция
Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей (в%)			
71%		70,4	
Оппонирующий дифференциал (2,81-3,9)			
3,89	10. Жертвенность	3,63	10. Инициативность
3,74	11. Инициативность	3,44	11. Жертвенность
3,31	12. Нравственность	3,12	12. Нравственность

Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)			
2,48	13. Своевольность	2,38	13. Своевольность
2,40	14. Властность	2,33	14. Властность
Доля дифференцирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей (в%)			
29%		30,6	
Плотность ценностного пространства			
2,23		2,05	
Средняя поддержка ценностных суждений			
3,88		2,55	

Как следует из приведенной таблицы, к 2017 году произошло снижение рейтинга всех без исключения базовых ценностей. Средняя поддержка ценностных суждений сократилась с 3,88 балла в 2012 году до 2,55 – в 2017 году. Это означает, что среди респондентов увеличилось количество тех, кто либо не разделяет сформулированные позиции, либо индифферентен к ним. Снижение среднего балла для базовых ценностей свидетельствует о девальвации аксиологических детерминант в поведении и деятельности представителей регионального сообщества. При этом важно, что значимость интегрирующих ценностей уменьшилась больше, чем ценностей, представляющих конфликтогенную периферию. Так, показатель ценности жизни человека снизился 0,25 балла (с 4,63 в 2012 г. до 4,38 в 2017 г.), в результате чего ценностная структура утратила ту единственную ценность, которая составляла ее интегрирующее ядро. Что же касается социально маргинальных ценностей, таких как своевольность и властность, то их поддержка снизилась, но незначительно (на 0,1 и 0,07 балла соответственно).

Другой особенностью, обнаруженной исследованием, является вытеснение со второго места ценностей семейной жизни ценностями порядка. При этом разрыв в их оценке достаточно велик – 0,1 балла, чтобы отнести его к статистической погрешности. Объяснение этого обстоятельства может состоять в том, что в условиях достаточно стабильной повседневной жизни людей начинает интересоваться состояние и работа социальных институтов. Тем более, что тестовое суждение («Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами») ассоциируется у респондентов с широко освещаемыми в СМИ опасностями терроризма, коррупции, организованной преступности

К числу позитивных сдвигов можно отнести рокировку таких пар ценностей как «традиция-работа» и «жертвенность-инициатива». Более высокая оценка жителями Владимирской области ценности свободы и инициативности говорит о том, работа перестает рассматривать только в качестве источника

доходов; трудовая деятельность постепенно начинает оцениваться с точки зрения профессионального призвания и личностной самореализации. В этом случае жизненное самоопределение становится невозможным без таких качеств как инициативность, целеустремленность, предприимчивость. Их ценность в глазах людей сегодня возрастает. Однако, это происходит не благодаря, а, вопреки социальным обстоятельствам, обусловленным отсутствием реальной поддержки предпринимательской активности, запредельной бюрократической регламентированностью трудовых функций, полной не заинтересованностью официальных структур в экономических и социальных инновациях.

По-прежнему для владимирцев наименее привлекательными являются своевольность и властность, которые ассоциируются с личностными чертами прежде всего представителей «высшего класса» (политиков, бизнесменов, общественных деятелей, представителей государственных и региональных органов власти) и в сознании наших соотечественников являются причиной коррупции, беззакония, посягательств на свободы и права. Что касается самих институтов государства, то к ним, несмотря на негативный информационный фон, сохраняется высокий уровень доверия. 75,7% опрошенных считают, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами. Отсюда повышенное значение, которое придается порядку. При этом порядок ассоциируется с состоянием защищенности, законности, стабильности, обеспечения государством каждому члену общества права на достойную жизнь.

Существенные особенности региональных показателей 2017 года обнаруживаются не в ранжировании базовых ценностей, а в их количественных оценках, которые заметно уступают показателям пятилетней давности. Как отмечалось, средняя поддержка ценностных суждений в регионе снизилась на 1,33 балла. Это говорит о том, что в поведении людей осознанные ценности и мотивы начинают играть все меньшую роль. О невысоком уровне морально-этической солидарности владимирцев свидетельствует отсутствие интегрирующих ценностей. Что касается ценностей интегрирующего резерва, то их значение заметно уменьшилось по сравнению с 2012 годом.

Вместе с тем, несмотря на социальную, имущественную, профессиональную и возрастную дифференциацию регионального сообщества, консолидирующие ценности пользуются поддержкой у значительной части населения. Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей в нашем регионе составляет 70,4%, что ненамного ниже аналогичного показателя 2012 года. Доля населения, поддерживающего центробежные тенденции осталась примерно на том же уровне (30,6%), что не так уж мало в условиях стабильной социально-экономической ситуации. Плотность ценностного пространства в 2017 году также оказался ниже предшествующего показателя. Дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями указывает не только на степень осознанности

в расстановке людьми жизненных приоритетов, но и на степень расхождения аксиологических предпочтений между членами социума. Население региона демонстрирует уменьшение поляризации ценностных позиций, что обусловлено, прежде всего, отсутствием интегрирующего ядра и весьма невысокими рейтингами ценностей интегрирующего резерва. Так, находясь на верхних этажах ценностной шкалы, жизнь человека, порядок и семья, поддерживаются все меньшим числом владимирцев. Не может не вызывать озабоченности и то, что такие важные для современного общества ценности как свобода и работа, не играют сколь-нибудь значительной роли в качестве основы для консолидации регионального сообщества.

Важной характеристикой массового сознания является ориентация людей на те, или иные типы ценностей. Как свидетельствуют результаты всероссийского мониторинга, под влиянием социально-экономических и политических процессов последних двух десятилетий в российском обществе сложилось противоречивое сочетание различных в культурном отношении ценностей [2]. Аксиологическая шкала позволяет дать обобщенную характеристику ценностного сознания, увидеть направленность ментальных ориентаций, вскрыть противоречивость ценностных установок в повседневной практике людей.

Сочетание культурных типов базовых ценностей населения
Владимирской области в 2017 году

Культурные типы ценностей	Терминальные (ценности-цели; 3,97)	Инструментальные (ценности-средства; 3,29)
Традиционные (3,39)	Традиция – <i>см.</i> (3,60) Семья – <i>вит.</i> , <i>см.</i> (4,13)	Жертвенность – <i>вит.</i> , <i>см.</i> (3,44) Своевольность – <i>см.</i> (2,38)
Средние значения	3,87	2,91
Общечеловеческие (3,57)	Порядок – <i>инт.</i> (4,23) Благополучие – <i>вит.</i> (3,91) Работа – <i>вит.</i> , <i>см.</i> (3,70)	Общительность – <i>инт.</i> (4,12) Нравственность – <i>инт.</i> , <i>соц.</i> , <i>см.</i> (3,12) Властность – <i>инт.</i> (2,33)
Средние значения	3,95	3,19
Современные (3,94)	Жизнь человека – <i>вит.</i> , <i>см.</i> (4,38) Свобода – <i>инт.</i> , <i>см.</i> (3,81)	Независимость – <i>соц.</i> (3,92) Инициативность – <i>соц.</i> (3,63)
Средние значения	4,10	3,78

Из таблицы видно, что во Владимирской области современные ценности (3,94) продолжают получать большую поддержку, чем общечеловеческие (3,57) и традиционные (3,39) что, вероятно, обусловлено значительной степенью урбанизации региона, его близость к мегаполису, высоким уровнем образования и культуры населения. При этом ценности-цели по-прежнему более значимы по сравнению со средствами. Среди терминальных ценностей, как и следовало ожидать, наиболее важными признаются жизнь человека и порядок, среди инструментальных – общительность и независимость. Среди высших терминальных ценностей современные значительно преобладают над традиционными и общечеловеческими, в сфере прагматических ценностей влияние на респондентов современных ценностей-средств также существенно выше влияния традиционных и общечеловеческих инструментальных ценностей. Важно отметить близость значений общечеловеческих целей-ценностей к традиционным и их значительных разрыв со значениями современных терминальных ценностей. Этот факт свидетельствует о том, что повседневным сознанием общечеловеческие ценности воспринимаются преимущественно в традиционном, а не современном, модернистском смысле.

Список литературы:

1. См.: Плеханов Е.А. Структура ценностей населения Владимирской области // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23 – 26 октября 2013 г.: в 3-х частях. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. II. С. 519-528.
2. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования, 1996. № 5. С.3–23.

УДК 316.014ББК 60.504/506

Плотникова Елена Борисовна –

к.ист.наук, доцент,

Пермский государственный

национальный

исследовательский университет, г. Пермь

e-mail: plotnikova1958@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «СМЕШАННОЙ» МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: социокультурный проект, модернизация, регион, качественная традиция

«Социокультурный портрет регионов России» (СКПР) стоит в ряду крупнейших социологических проектов, реализуемых в России. Цели, которые авторы и участники проекта поставили перед собой, амбициозны и отражают несомненную социальную значимость проекта. Тема проекта для такой огромной и разной России вечная, но в настоящее время совершенно не конъюнктурная и, можно сказать, не модная. Проект, безусловно, является профессиональным и гражданским поступком. Насколько это действие окажется оценено и использовано обществом и профессиональным сообществом, зависит, конечно, от качества исполнения и исследовательских находок. Задача дальнейшего усовершенствования методологии программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» может быть результатом сотрудничества всех участников проекта, необходим постоянный обмен опытом и предложениями. Собственно, направление совершенствования программы СКПР также сформулировано: «Для дальнейшего содержательного ее (программы – Е.П.) развития важно более реалистично определить те факторы, которые могут укрепить регионы как социокультурные сообщества в составе большого российского общества, в том числе в условиях финансово-экономического кризиса» [3:6].

Политически СКПР ориентирован на поиск путей и способов развития, а точнее, обновления. В теоретических предпосылках СКПР предусмотрены, как априорные определения исследуемой реальности, так и цели исследования: «необходимо исследовать и наметить способы преодоления своеобразной «застойности» инновационной, правоохранительной, управленческой и иных сфер жизнедеятельности регионов и всего российского общества; предстоит глубже и конкретнее вникнуть в проблему проблем – факторы депопуляции населения, способы противодействия им» [3].

Понятия «укрепления регионов», «преодоления ‘застойности’», «переход», «стратегия развития» и пр. явно указывают на динамическую концепцию объекта СКПР. Следовательно, в фокусе внимания находится не моментальный снимок ситуации в регионах (как, казалось бы, вытекает из самого понятия «портрет»), а процесс изменения ситуации. Всякое исследование, по крайней мере, в пределах эмпирической части, является актом наблюдения, для которого наблюдаемый феномен с необходимостью предстает как реальность, заключенная во временных рамках наблюдения. Динамическая сторона проекта означает выход за рамки наблюдаемого – прогнозирование перспектив развития регионов. В свою очередь прогностическая функция проекта предъявляет высокие требования к качеству описания наблюдаемого. Всякий исследовательский замысел или проект можно представить находящимся в одной из точек на континууме между желанием «описать всё важное» и желанием «описать хорошо». В данной статье внимание сконцентрировано на проблеме методической основы «консистентного», «плотного» описания характеристик объекта «регион», которые охватывали бы значимые черты феномена и поддавались бы классификации и типизации для выдвижения предположений о траектории изменений характеристик объекта. Обоснованием предложенных суждений стал анализ эмпирического инструмента, который используется «портретистами». Изначально проект основан на сборе данных в двух компонентах: статистической и социологической. Данные статистики участвуют в формировании СКПР в не меньшей, а возможно, и в большей степени, чем данные, собранные социологическими методами – по крайней мере, насколько можно судить по «Программе и типовому инструментарию» [3:13-20] и публикациям исследовательских результатов [1;5;6]. Социологическая компонента в течение 2005-2010 гг. была ориентирована на количественную традицию. Расширение предметной области СКПР, имеется ввиду исследование модернизационных процессов в регионах, выход за пределы региона – на уровень муниципальных образований, поставило задачу пересмотреть/дополнить портретную методiku качественной традицией. В «Программе и типовом инструменте» 2010 г. отражена идея о включении программы качественной компоненты СКПР: подпроектов, возможно case-study, посвященных проблемам регионов, требующим более пристального внимания. Поэтому в настоящее время является важным исследовать возможность сочетания преимуществ качественной и количественной методологий в рамках проекта СКПР. В соответствии с поставленной целью следует распределить исследовательские задачи между действующим инструментом СКПР (диагностическая функция) и дополнительными подпроектами СКПР, реализуемыми при заранее определенных условиях, в рамках качественной методологии, с задачами раскрытия каузальных отношений внутри процессов, диагностированных количественным вопросником (прогностическая функция СКПР).

Исследование модернизационных процессов на региональном уровне позволяют выделить сюжетные компоненты качественной традиции. Дополнительной характеристикой СКПР станет исследование жизненного мира населения, проведение компаративного анализа его особенностей у разных социальных групп региона, состояния взаимопонимания/ непонимания между индивидами, социальными и социокультурными стратами в регионах, прежде всего, относительно процессов модернизации. Для этого необходимо конкретизировать содержание «жизненных миров» населения муниципальных образований в контексте модернизации. Исходя из определения жизненного мира индивида как «отражения в его сознании и повседневных практиках освоенных им участков внешнего природного и социального мира» [2:181], следует выделить источники и зоны этого понятия в границах модернизационных процессов. Источниками могут быть: коммуникативная активность в различных сферах жизнедеятельности (от политической, производственной...до бытовой). Соответственно источником содержания жизненного мира становятся, с одной стороны, официальные документы, направленные на развитие инновационной активности населения, с другой стороны, непосредственное взаимодействие участников модернизационных проектов. Исходя из указанных источников, можно выявить отношение акторов к нормативным документам организаций, законам органов власти разного уровня, касающихся изменения повседневных практик населения, отвечающим задачам модернизационных проектов. Кроме того, исследование коммуникаций поможет извлечь сведения о практиках индивидов, включенных в модернизационные проекты. Зоны жизненного мира индивидов, участвующих в инновационных, модернизационных проектах будут ограничены их релевантными интересами, и практически позволят ответить на вопрос о том, что усвоено, освоено, принято ими в период участия в разработке, внедрения инновации (или какие знания, навыки и умения приобретены). В дополнение к сказанному, участники смогут пояснить об изменениях в их жизненном мире в результате использования новых практик поведения (деятельности), как работника организации, так и жителя определенной территории.

Для исследования жизненного мира и связи его индикаторов с уровнем модернизации регионов обоснованно использование микс-методологии. «В самом общем виде «смешанные» методы представляют собой «сбор, анализ и интерпретацию количественных и качественных данных в едином исследовании или в серии исследований, изучающих один и тот же феномен» [4]. Применение микс-методологии нацелено на глубокое и всестороннее изучение рассматриваемого явления или процесса. Использование различных видов триангуляции (методов, источников) обогащает результаты исследования возникновением эмерджентности, что дает возможность обнаружить парадоксы и противоречия, и ставят перед исследователем задачу уточнения исследовательских вопросов.

В соответствии с подходами к применению мих-методологии [7;8], дизайн исследования жизненного мира социальных групп в условиях модернизации регионов можно описать как: использующий полностью смешанную методологию, последовательно реализующий количественный и качественный этапы, ориентированный на равный акцент в использовании количественной и качественной компонент; предполагающий вариант «последовательных вкладов», когда данные, полученные одним методом, становятся основой для применения другого.

Эмпирической базой для классификации жизненных миров населения выступают данные формализованного опроса, проведенного среди населения выбранных территорий (регионов, муниципальных образований, поселений и т.д.). На основе анализа структуры жизненного мира населения определяются социальные группы, относящиеся к разным типам жизненного мира: (традиционному, адаптационному, модернизационному). Соответственно это позволит выделить социальные группы, обладающие разным уровнем модернизационного потенциала (включены в модернизационные проекты или ориентированы на модернизацию), а также группы, которые могут тормозить процесс модернизации (кто не ориентирован и не готов поддерживать/участвовать в модернизационных проектах).

В рамках смешанной методологии за методом формализованного интервью следует интервью в качественной традиции с представителями социальных групп, относящихся к различным типам жизненного мира. Применение качественных методов интервьюирования позволяет уточнить, выявить новое знание об изучаемом объекте, а именно: о мотивах, проблемах, барьерах участия/неучастия в модернизационных проектах.

Анализ «жизненных миров» населения муниципальных образований в контексте процессов модернизации целесообразно исследовать через сочетание глубинного и нарративного интервью. Глубинное интервью предполагает использование целенаправленных вопросов, которые транслируются в темах инструментария (путеводителя) беседы исследователя с информантом. Такой подход позволит получить рассказ о включенности информанта в модернизационные процессы: мотивы, риски, каналы, способы движения инновационных идей и разработок. Ключевой идеей станет: извлечь информацию о наиболее значимых узлах взаимопонимания/непонимания между участниками модернизационных проектов.

Нарративное интервью с акторами модернизационных проектов представляет собой свободное повествование о жизни информанта, посредством которого можно добыть сведения о биографии человека, добившегося значительных успехов в продвижении инновационных идей. В беседе следует нацелить информанта на описание стратегического сюжета от первоначального замысла (модернизационного проекта, инновационной идеи), до его пошаговой реализации. Кроме того, через нарратив можно отследить

изменение ценностей информанта в ходе реализации модернизационного проекта, сопряженного с сильными эмоциональными переживаниями. Нарратив позволяет выяснить мотивы (почему стал использовать, включился), сам процесс участия (в чем выражается, в каких действиях), что мешает ему участвовать или с какими трудностями сталкивается, и что бы хотел изменить?

В обоих видах качественного интервьюирования предполагается, что акцент рассказчика делается на рациональности и самостоятельности решений. В сюжете, кроме участника модернизационного проекта следует остановиться на выявлении «помощников», способствовавших достижению заданной цели, и «злодеях» (читай – риски, барьеры), всячески пытавшихся помешать его реализации.

При отборе/поиске информантов рационально опрашивать людей, которые не только включены в модернизационные проекты, но и способны описать, проанализировать изучаемое явление. В каждом муниципалитете определяются ключевые информанты, которые предложат в свою очередь участников проектов, владеющих соответствующей информацией. Для последующего поиска информантов можно применить метод «снежного кома». Одним из условий получения всесторонней комплексной информации, отобранные информанты, должны быть включены в те же модернизационные проекты, что и эксперты.

Внутри каждого региона в качестве объектов эмпирических исследований выбираются те локальные сообщества, в которых произошли (происходят) или не произошли изменения, значимые для их членов. Это могут быть такие сообщества, как муниципальные образования (местные сообщества, локальные общности, «малые родины»), поселения (деревня, село, поселок городского типа, малый город, моногород, квартал или район в городе и т.п.), в которых непосредственные и опосредованные коммуникации между жителями создают условия для их взаимопонимания и взаимодействия, т.е. их жизненные миры, которые мотивируют действия (содействие, бездействие, противодействие) индивидов по участию или неучастию в событиях и процессах модернизации. Кроме того, объекты исследования могут быть выделены исходя из эмпирической классификации регионов по уровню модернизованности, выполненной на основе индексов первичной (ПМ), вторичной (ВМ) и интегрированной модернизации (ИИ), предложенной участниками проекта ««Социокультурная эволюция России и ее регионов» [1].

Предложенные задачи и форма, в которой они могут быть реализованы, основываются на метафоре проекта СКПР как «конструктора» – составного инструмента мониторинга, развивающегося на основе обмена идей участников проекта. Замысел проекта СКПР является важным вкладом научно-исследовательского сообщества в знание общества о себе. То, в какой мере этот вклад будет применяться общественными силами (прежде всего, государственной службой) в общественных интересах, – отчасти определяется

не столько самим СКПР, а сколько природой, задачами и ценностями госслужбы. Применение результатов СКПР для принятия политических решений зависит от восприятия проекта представителями властей территорий.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы/ Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. Член корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.
2. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. – СПб: Интерсоцис, 2006. С.181
3. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. С. 6.
4. Полухина Е.В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму// Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». Москва, 12-13 декабря 2014 года / Под ред. д.с.н., проф. Н.Е. Покровского. М: РОО «Сообщество профессиональных социологов», ООО «Вариант», 2014. С. 137–142.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России/ Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
6. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.
7. Leech N. L., Onwuegbuzie A. J. A typology of mixed methods research designs. Qual Quant. 2009. № 43. P. 265–275.
8. Morgan D. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Sage Publications, 2014.

УДК 316 ББК 60.5

Прокончук Татьяна Леонидовна –
аспирант кафедры философии,
Курский государственный университет,
г. Курск
e-mail: prokopchuk.tatyana@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕЦЕССИЯ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Ключевые слова: социокультурная рецессия, ценности, архаизация, кризис, традиция.

Начиная с конца XX века, российское общество претерпевает глубокие структурные трансформации, соответственно одной из актуальных исследовательских проблем выступает изучение динамики социокультурного развития страны. В рамках этого, на наш взгляд, особое внимание следует обратить на вопросы, касающиеся специфики модернизационных и демодернизационных процессов в России. Как справедливо отмечает Н.И. Лапин, в нашей стране «... в последние годы наблюдается торможение процессов модернизации, а в ряде регионов и вовсе ее социокультурная дисфункциональность или псевдомодернизация». При этом он выделяет несколько групп факторов, способствующих торможению модернизации: структурно-социетальные, материальные, духовно-ценностные [6].

Рассмотрим последнюю группу – духовно-ценностные факторы. В России сегодня фиксируется переломный период в духовной жизни общества, обусловленный, в первую очередь, пережитыми событиями конца XX века, повлекшими за собой переосмысление прежней системы ценностей. Динамика развития ценностной структуры общества является значимым индикатором, который формирует необходимые условия для успешного протекания культурной модернизации. Сегодня же зачастую при отсутствии таких социокультурных условий процесс модернизации затормаживается или вовсе приобретает деструктивную форму. Отметим при этом, что проявление такого «попятного движения» не ограничивается сферой науки, искусства, образования, он непосредственно затрагивает также повседневную жизнь людей. В самом обществе все чаще находят проявление такие феномены, как «низкий уровень цивилизованности, упадок трудовой этики, растущая

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

агрессивность, рост преступности» [3], все это влечет за собой личностные деформации, ведет к тотальному «омассовлению» общества, о котором еще в начале XX столетия предупреждал Ортега-и-Гассет.

Аналитические репрезентации динамики системы ценностей россиян на рубеже XX–XXI столетий проявили неоднозначные тенденции перехода от традиционной системы к современной. При этом обнаружилось, что, несмотря на лидирующие позиции современных ценностей в интегрирующем ядре и резерве, во втором десятилетии нового века фиксируется снижение уровня поддержки современных ценностей.

Обратимся к результатам эмпирических материалов, полученных в ходе всероссийского опроса населения России «Ценности и интересы Россиян», проведенного Институтом социокультурных изменений ИФРАН в 2015 году (N=1031), а также к данным регионального социологического исследования, проведенного в Курской области в 2016 году (N=500). Отметим при этом, что региональное исследование осуществлено на основе типовой методики «Социокультурный портрет региона России» [5].

Обратимся к таблице 1, в которой представлена динамика структуры ценностей российского общества с 2006 по 2015 годы. Первым уровнем в ней является интегрирующее ядро – наиболее значимые ценности для населения. Как видно из таблицы, данный уровень представлен достаточно широким набором ценностей, среди которых, наиболее важными являются семья, порядок, жизнь человека и общительность. В принципе, начиная с 2006 по 2015 год, глобальных изменений в структуре ценностей не произошло, только в 2010 году ценности из интегрирующего резерва – инициативность, нравственность и жертвенность – поднялись в интегрирующее ядро. Можно сказать, что начиная с 2006 года, структура ценностей россиян не претерпевала коренных перестроек. Конфликтогенная периферия (отрицаемые ценности) вообще на протяжении 9 лет не менялись (властность, своеволие).

Таблица 1

Динамика изменения функциональной структуры ценностей населения России (5-балльная шкала, средние баллы)

2006		2010		2015	
R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы
Интегрирующее ядро (4,0–5,0)					
1-2	Порядок 4,69	1	Жизнь человека 4,80	1	Семья 4,61
1-2	Семья 4,69	2	Семья 4,79	2	Порядок 4,59
3	Общительность 4,51	3	Общительность 4,74	3-4	Жизнь человека 4,58

4 Жизнь человека 4,37	4 Порядок 4,73	3-4 Общительность 4,58
5 Традиция 4,34	5 Благополучие 4,60	5 Благополучие 4,36
6 Свобода 4,25	6 Независимость 4,48	6 Независимость 4,28
7 Независимость 4,14	7 Свобода 4,44	7 Традиция 4,19
8 Работа 4,08	8 Традиция 4,41	8 Свобода 4,11
	9 Работа 4,29	9 Работа 4,06
	10 Инициативность 4,14	
	11 Нравственность 4,11	
	12 Жертвенность 4,07	
Интегрирующий резерв (3,5 – 4,0)		
9 Инициативность 4,0		10 Жертвенность 3,92
10 Жертвенность 3,99		11 Инициативность 3,87
11 Благополучие 3,68		12 Нравственность 3,64
12 Нравственность 3,66		
Оппонирующий дифференциал (2,81 – 3,49)		
Конфликтогенная периферия (2,8 и менее)		
13 Властность 2,24	13 Властность 2,77	13 Властность 2,77
14 Своевольность 2,06	14 Своевольность 2,48	14 Своевольность 2,47

Единственное, на что следует обратить внимание, так это на то, что с 2006 года по 2010 наблюдался рост среднего балла поддержанных ценностей, а к 2015 отмечается его снижение, например, ценность семьи в 2006 году – 4,69, в 2010 году – 4,79, а в 2015 – 4,61, и это несмотря на то, что в 2015 году данная ценность заняла лидирующую позицию в интегрирующем ядре. Такая ситуация позволяет сделать предположение о начавшемся процессе социокультурной рецессии.

Мы поставили перед собой задачу выявления особенностей ценностного развития в отдельно взятом регионе (Курской области) и сравнения полученных результаты с общероссийскими. Как показало региональное исследование

2016 г., в интегрирующем ядре структуры ценностей всероссийского и регионального уровней кардинальных различий по составу ценностей нет. Различия проявляются только по занимаемой позиции отдельных ценностей во всей иерархии. Так, по данным общероссийского опроса, первое место в иерархии ценностей занимает семья, а по материалам регионального – это жизнь человека; данное различие является принципиальным, так как семья относится к традиционному типу ценностей, а жизнь человека – к современному. Кроме того, в состав интегрирующего ядра региональной системы ценностей, в отличие от российской, не вошли ценности традиции, свободы и работы, по региону они расположены уровнем ниже – в интегрирующем резерве, в общероссийской системе ценностей данный уровень представлен жертвенностью, инициативностью, нравственностью. Надо также отметить отсутствие уровня оппонирующего дифференциала в структуре ценностей россиян, в свою очередь, в регионе он представлен ценностями предыдущего уровня общероссийской системы. Конфликтогенная периферия представлена одинаковыми ценностями – власти и своеволия.

Возвращаясь к вопросу о социокультурной рецессии надо сказать, что в принципе, как в России в целом, так и в отдельно взятых регионах обнаруживается доминирование современного типа ценностей, а традиционный отходит на второй план, но при этом от года к году происходит снижение среднего балла поддержанных современных ценностей в целом, исходя из чего можно судить о постепенном спаде модернизационных преобразований.

Отметим, что изначально термин *рецессия* был обращен исключительно к экономической сфере и означал «спад производства, характеризующийся нулевым ростом внутреннего национального продукта (ВВП) или его падением на протяжении более полугода» [1]. Можно сделать предположение о том, что *культурная рецессия* представляет собой культурный спад, который проявляется в снижении традиционных форм культурной активности людей в сочетании с глубокими трансформациями в духовно-ценностной системе. То есть социокультурная рецессия не является синонимом кризиса, она скорее ему предшествует. При этом сложность модернизационных преобразований в России провоцирует актуализацию архаических культурных пластов.

В отечественной науке такое явление получило название архаизации, под которой следует понимать стихийный бессознательный процесс обращения общества к архаичному, укоренившемуся социокультурному опыту, возникающий как реакция на конкретные напряженные социальные трансформации общества, противоречащие устоявшимся социокультурным формам. При этом на Западе как таковое понятие «архаизация» отсутствует, но есть близкие по смысловому значению: традиционализм, неотрадиционализм. Большинство исследователей говорят об архаизации как негативном

явлении. Так, согласно А.С. Ахиезеру, «архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности» [2]. Но однозначно сказать, что архаизация влечет за собой только негативные последствия для общества, нельзя, ведь данный феномен многопланов в своем проявлении, он зачастую возникает как реакция общества на кризис, трансформации, нововведения и т.д. Учитывая данный момент, Д.В. Сергеев предлагает выделить три культурно-семантические стратегии – архаизацию современности, осовременивание архаики, изобретенную архаику [7].

Первый выделенный тип характеризуется негативным влиянием на развитие культуры, так как в рамках архаизации современности происходит попытка насаждения старых традиций в новых условиях. В отличие от этого, осовременивание архаики представляет собой позитивный феномен, так как здесь архаичная традиция не навязывается, а происходит попытка ее адаптации к новым условиям, что позволяет сохранить «социокультурную память» общества. При этом отметим, что изобретенная архаика – самая опасная среди выделенных, так как она является орудием конструирования и фальсификации культурно-исторической памяти народа.

За последние годы Россия претерпела большое количество трансформаций, которые оказали неоднозначное влияние на общество в целом. Несмотря на то, что исследование показало незначительные изменения, произошедшие в функциональной структуре ценностей, мы можем сказать, что та социокультурная рецессия, о которой так много говорят отечественные ученые, скорее обусловлена ожиданием появления нового типа культуры, в основе которого будет лежать иное представление о существующей системе ценностей, иное мировоззрение. Как говорил Ж. Бодрийяр о современном обществе: «Мы вступаем в мир псевдособытия, псевдоистории, псевдокультуры. Здесь события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а произведены как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума. Именно это и ничто другое делает всякую ценность, какой бы она ни была, «доступной потреблению». Именно это распространение замены системы координат на код определяет массовое информационное потребление» [4].

Список литературы:

1. Архипов А.И. Экономический словарь / А.И. Архипов и др.; отв. редактор А.И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2010. – 672 с.
2. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С.89 – 100.
3. Гудков Л. Д. Российская повседневность : доклад к X науч.-практ. конф. Гуманитарного университета «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках», 5-6 апреля 2007 г. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007. – С. – 38.
4. Жан Бодрийяр. Общество потребления. Его мифы и структуры. Перевод на русский язык: Е. А. Самарская. – М., 2006. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 26.10.2008. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>
5. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
6. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Касавина Н.А. Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. С. – 298.
7. Сергеев Д.В. Соотношение смысла и ценности в контексте исследований «Возрожденческих» процессов в истории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. № 14. 2010. С.260-265.

УДК 316.44 ББК 60.5

Прохоров Денис Викторович –
к-т социол. наук,
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, г. Самара
e-mail: devipr@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2000-2015 ГГ.

Ключевые слова: социальная стратификация, социокультурный портрет, регион, Самарская область

На протяжении последних без малого тридцати лет современной отечественной истории в России в целом и, соответственно, в Самарской области, формируется новая социальная структура. Утверждается преимущественно стратификационная (слоевая) парадигма. Исследование социального расслоения, идущих стратификационных процессов становится объективной потребностью региона, залогом его эффективного развития.

Знание о том, какие социальные процессы происходят в основных системах социальной стратификации – экономической, профессиональной и политической – позволяет говорить о направленности и эффективности государственной социальной политики, об уровне развития Самарской области, оптимальности принимаемых здесь управленческих решений, уровне социального самочувствия работников, степени их адаптации к идущим социокультурным преобразованиям.

Социостратификационные процессы в Самарском регионе представлены на основе типовой методики, разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, под руководством член-корреспондента РАН Лапина Н.И. [1]. На основании данной методики осуществляется общероссийская программа «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов». В 2016 г. вышла коллективная монография «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация (1989-2015)» [3]. Данная книга является логическим продолжением монографии: «Самарская область. Социокультурный портрет», которая вышла в 2012 г. [2]. Первая волна социологического опроса проведена научным коллективом с участием автора в июне-июле 2011 г., в ходе которого было получено 1015 анкет. Вторая волна проведена в августе-сентябре 2015 г., в ходе которого была получена 941 анкета.

По направленности изменений социальной структуры можно судить о состоянии социально-трудовых отношений, их сущности, полноте государственных гарантий социальной защищенности граждан в сфере труда. Состояние социальной структуры является важнейшим показателем развитости региона и в целом России.

Наиболее наглядно социальное неравенство проявляется в неравенстве материального благосостояния населения. Динамика распределения общего объема денежных средств населения по 20-ти процентным группам в Самарской области в период 2000–2015 гг., что дифференциация населения области по уровню денежных доходов и, соответственно, уровню жизни была и остается весьма существенной, со временем даже увеличиваясь. Как можно увидеть из таблицы 1, период первых пятнадцати лет XXI века в Самарской области представляет собой своеобразный цикл по распределению доходов по социальным квантилям: показатели 2000 года и 2015 года практически совпадают, «проседая» внутри интервала между этими крайними временными точками.

Таблица 1

Распределение общего объема денежных средств населения по 20-ти процентным группам в Самарской области [3, с. 204]

	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, процентов					Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)	
2000	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	-
2005	4,8	9,3	14,4	22,3	49,2	0,438
2010	4,5	9,0	14,1	22,2	50,2	0,450
2015	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	0,414

Увеличивается доля высокооплачиваемых работников, но значительной остается и доля имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. В результате коэффициент неравенства распределения доходов (коэффициент Джини) рос с 2000 года по 2010 г. и лишь к 2015 году «вернулся» к начальным для этого интервала значениям. Узкий социальный слой населения области владеет большей частью регионального богатства, большим доступом к социально-значимым благам, дефицитным ресурсам, ликвидным ценностям. Это способствует росту социальной напряженности в субъекте.

По распределению по 20-процентным группам населения Самарской области общего объема денежных доходов в 2015 г. на первую с наименьшими доходами группу приходилось 5,3%, а на пятую, с наибольшими доходами – 47,2%. Это один из самых больших разрывов в распределении доходов среди регионов ПФО: Самарская область вместе с республикой Башкортостан делит третье место по величине индекса Джини (0,414). Выше индекс Джини в ПФО только в Пермском крае (0,424) и в республике Татарстан (0,416). Надо отметить, однако, что в 2010 году Самарская область была абсолютным лидером ПФО по социальной неравномерности распределения доходов среди населения – тогда индекс Джини в регионе был равен 0,450. Разница в среднедушевых доходах 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения Самарской области в 2010 г. была выше, чем 20-кратной – 20,6 раз; коэффициент Джини в 2010 г. составил 0,450. В 2005 г. разница между доходами наиболее и наименее обеспеченных групп населения была чуть менее чем 18-кратной (в 18,8 раз) (коэффициент Джини – 0,438).

Различия номинальной среднемесячной заработной платы в регионе постепенно сокращаются. Следует отметить, что по итогам 2015 года в регионе не зафиксировано ни одного вида экономической деятельности, где уровень зарплаты в 2 и более раза превышал бы среднее по всему региону значение.

Наиболее высокий уровень зарплаты фиксируется в организациях, занятых производством кокса и нефтепродуктов (в 1,9 раза больше) и в добывающих топливно-энергетические продукты отраслях (в 1,8 раза больше), также высок уровень зарплат в финансовых организациях (в 1,66 раз выше среднеобластного). Заработная плата в сфере государственного управления и обеспечения военной безопасности, в обязательном социальном обеспечении превышает средний по региону уровень в 1,29 раза.

Отстает от среднеобластного уровень зарплат в образовательных учреждениях (коэффициент = 0,88), в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг (коэф. = 0,86), в организациях, занятых предоставлением прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (0,84). Целый ряд видов трудовой деятельности существенно (до более чем двухкратного размера) ниже среднерегионального уровня. В основном это производство кожи, изделий из кожи и производство обуви (0,40), обработка древесины и производство изделий из дерева (0,42), текстильное и швейное производство (0,51), а также работники отрасли рыболовства и охоты (0,58), сельского хозяйства (0,61).

Преодоление социального неравенства является одной из серьезных проблем современной России. Статистические данные и социологические опросы показывают, что разрывы между 20-процентными группами не преодолеваются, а сохраняются. Видимо, можно говорить об определенной стагнации социальной структуры населения с существенной поляризацией доходов между социальными группами. По мнению населения, государство ничего не делает по преодолению социального неравенства или его действия не эффективны (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, достаточно ли эффективны действия государства для сокращения больших разрывов между доходами различных групп населения?» [3, с. 208]

	Варианты ответов	%
1	Достаточно эффективны	5,1
2	Не достаточно эффективны	37,3
3	Совсем нет действий	39,7
4	Затрудняюсь ответить	16,3
5	Отказ от ответа	1,6

Кроме материальной дифференциации населения не менее значима и социальная самоидентификация – отношение личности к себе как феномену, включенному в различные социальные общности. Материальная дифференциация населения не идентична его социальной стратификации.

В ходе социологического исследования 2011 г. и 2015 г. респондентам было предложено самоидентифицировать свое социальное положение с одним из 5-ти иерархических слоев в своем населенном пункте, в своем регионе и в России в целом. В результате была получена следующая картина (см. таблицу 3).

Таблица 3

Социальная самоидентификация населения Самарской области, % [3, с. 210]

Самоидентификация	В пределах своего города/села		В пределах Самарской области		В пределах всей страны	
	2011	2015	2011	2015	2011	2015
Верхний слой	1,3	0,6	0,9	0,9	1,0	0,3
Слой выше среднего	7,1	9,9	5,7	8,9	4,6	8,7
Средний слой	48,7	54,2	43,0	49,5	40,4	54,1
Слой ниже среднего	16,1	22,6	22,0	25,4	23,2	24,9
Нижний слой	6,8	4,9	7,3	6,2	9,6	5,7
Затрудняюсь ответить	17,6	5,2	18,6	6,6	18,7	4,8
Нет ответа	2,5	2,6	2,5	2,6	2,5	1,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

По собственным представлениям респондентов, в социальной структуре Самарской области наблюдается преобладание среднего слоя и слоя ниже среднего. Самыми немногочисленными являются слои выше среднего и высший слой. Продолжается формирование среднего класса – части общества, которая располагается между элитой и основной массой работающего населения. Исследование также показало дифференциацию оценок респондентов в масштабе своей «малой родины», своего региона в целом и в масштабе всей страны. Если к среднему слою в своем населенном пункте и в масштабах всей страны себя относят примерно одинаковое число респондентов: более половины опрошенных (54,2% и 54,1%), то по отношению к региону таковых заметно меньше (49,5%). В то же время необходимо отметить изменения, наблюдаемые в динамике – при сравнении данных первой и второй волн опроса наглядно видны тенденции увеличения самоидентификации со «средним» слоем во всех территориальных единицах, существенное увеличение самоидентификации респондентов со слоем «выше среднего» (в пределах всей страны – почти в два раза: 4,6% в 2011 г. и 8,7% в 2015 г.) и одновременно повышение (особенно существенное – в пределах своего населенного пункта) самоидентификации со слоем «ниже среднего» (при том, что самоидентификация с «нижним» слоем сокращается). Также нетрудно заметить значительное (примерно в три раза) сокращение доли тех, кто затруднился ответить на вопрос о самоидентификации. По сравнению с результатами первой волны исследования (2010-2011 гг.), где существенная часть респондентов затруднялась или отказывалась причислять себя к какому-либо социальному слою, что говорило об отсутствии у этой группы социальной перцепции социостратификационных категорий, вторая волна показывает значительное сокращение доли «уклонистов». В 2010 г. количество респондентов, ушедших от ответа на вопрос о своей социальной самоидентификации было равно около 1/5 всех опрошенных (20,1% в пределах своего города/села; 21,1% в пределах региона; 21,2% в масштабе всей страны). В 2015 году, если сложить тех, кто затруднился ответить, с отказавшимися от ответа, то мы получаем всего 7,8% в пределах своего города/села; 9,2% в пределах региона; 6,3% в масштабе всей страны. Этот факт говорит о том, что людям с течением времени становится более понятна модель вертикальной стратификации окружающего социума и они в ней более свободно и точно ориентируются.

Список литературы:

1. Лапин Н.И., Л.А. Беляева. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: ИФРАН, 2010. – 135 с
2. Самарская область. Социокультурный портрет. / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, Д.М. Шабунин, В.М. Цлаф. Под ред. С.А. Мартышкина, Д.М. Шабунина. – Самара: Издательство «Глагол», 2012. – 320 с.
3. Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона (1989-2015) / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунин. Под ред. С.А. Мартышкина, Д.В. Прохорова, В.М. Цлафа, Д.М. Шабунина. – Самара: Издательство «Глагол», 2016. – 370 с.

УДК 316.422

Скворцова Оксана Васильевна –

к.п.н., доцент

Сибирский государственный университет
водного транспорта, г. Новосибирск

e-mail: skv-ok@yandex.ru

АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: самоуправление, модернизация, местные сообщества, социологические исследования

Изучение реалий процесса российской модернизации сегодня должно в первую очередь охватывать муниципальные образования и местные сообщества, как первичные социокультурные структуры. Уже зафиксированы такие качества модернизационных процессов в России как спонтанность, фрагментарность, что в итоге ведет к торможению модернизации, ее социокультурной дисфункциональности [1, с. 295]. Для детализации региональных причин торможения модернизации необходимы новые исследования проблем местных сообществ и процессов их модернизации.

Модернизационные события в местных сообществах связаны, прежде всего, с участием населения в этих событиях, в частности, с участием населения в местном самоуправлении. Активное включение граждан в решение вопросов местного значения способствует глубокой демократизации государственной и всей политической жизни общества, противодействию избыточности бюрократических процедур контроля, становлению правового государства, гражданского общества [1, с.26].

Местное самоуправление утверждено в Российской Федерации как один из основных конституционных принципов. «В конституции РФ определены правовые основания местного самоуправления: народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через законы государственной власти и органы местного самоуправления» [2, с.28].

В самом общем смысле самоуправление – это самостоятельность какой-либо организованной социальной общности в управлении собственными делами [3, с.88]. В двухтомной социологической энциклопедии самоуправление определяется как автономное функционирование какой-либо организационной системы (подсистемы) принятие ею самостоятельных решений по внутренним проблемам. Та или иная степень самоуправления свойственна отдельным предприятиям, учреждениям, поселениям. [4, с. 380]. Самоуправление

не упраздняет функционирование специального органа управления, как и профессиональной управленческой деятельности вообще, но вместе с тем технология современного самоуправления требует технического, правового, организационного обоснования решений, рациональных процедур согласования этих решений, контроля за исполнением. С социологической точки зрения самоуправление выступает как коллективное управление, предполагающее участие всех членов организации, или всего населения некоторой территории, в работе соответствующих органов управления, включения исполнителей в процессы выработки общих решений. Здесь же подчеркивается, что развитие самоуправления в обществе ведет к повышению самостоятельности трудовых организаций, или местных сообществ, муниципальных образований, расширению демократических основ управления, активизации инициативы граждан.

Как известно, процесс модернизации включает четыре главные компоненты, каждую из которых можно рассматривать как частичную, компонентную модернизацию. Одной из компонент модернизации является институционно-регулятивная [1, с. 25], включающая изменения совокупности регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Именно к этой компоненте модернизации следует отнести изменения в обществе связанные с вопросами местного самоуправления. Однако состав индикаторов инструментария ЦИМ АНК, с помощью которых измеряются процессы модернизации, свидетельствует о том, что этот инструментарий позволяет измерить, прежде всего, социоэкономическую компоненту процесса, т.е. социоэкономическую модернизацию. И лишь косвенно позволяет судить о технико-технологической и институционно-регулятивной компонентах. [1, С. 26]. Разработка индикаторов, с помощью которых можно исследовать степень участия населения в самоуправлении территорией проживания, а также выявлять факторы, влияющие на степень этого участия – одна из важнейших задач изучения процессов модернизации.

Насколько изучены проблемы местного самоуправления? Исследование публикационной активности по проблемам местного самоуправления в отечественных работах проведем с помощью электронной библиографии Elibrary (elibrary.ru). Всего на данный момент зарегистрировано 289382 работы, которые содержат термин «самоуправление» в названии или в любом другом поле записи. Из них 18783 содержат этот термин только в названии. Частота встречаемости словосочетания «местное самоуправление» составляет 86% от общего числа встречаемости термина «самоуправление», поэтому мы можем отождествить понятия «самоуправление» и «местное самоуправление».

Если сравнить частоту встречаемости термина «самоуправление» в названии публикаций с другими терминами (категориями), связанными с вопросами развития демократических и правовых процессов в государстве (а именно, «демократия», «народовластие», «гражданское общество», «власть», «местное сообщество», «муниципальное образование»), то «самоуправление» занимает второе место в этом списке после термина «власть». (см. рис.1)

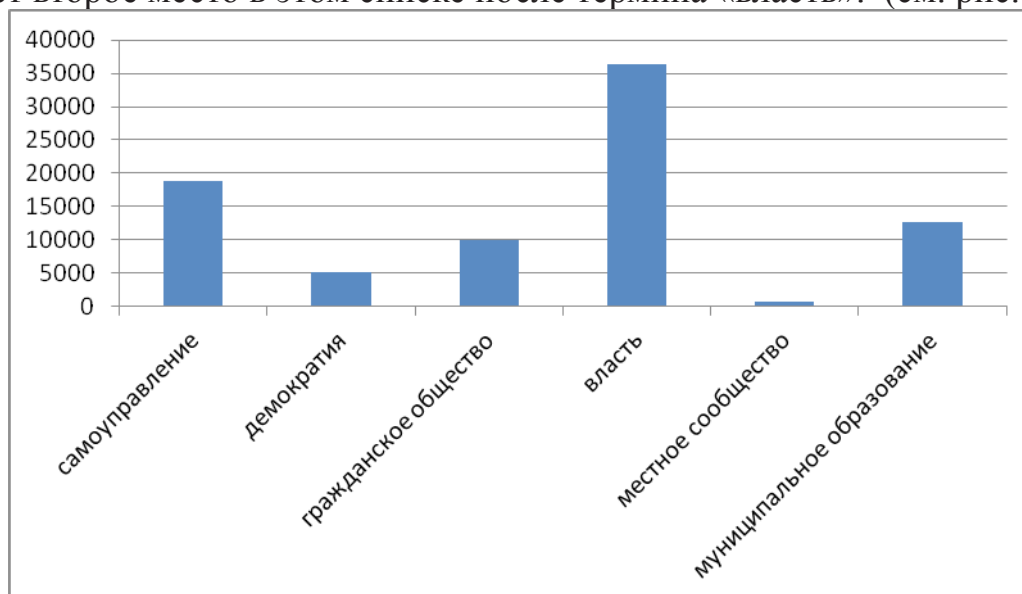

Рис. 1. Сравнение частот встречаемости терминов в названиях публикаций за период 1991-2017 (по данным библиографии Elibrary)

Наибольшее количество отечественных публикаций, в каком-либо поле записи которых встречается термин «самоуправление», относятся к рубрикатору (научной отрасли) «государство и право, юридические науки» –43%. Доли таких публикаций в других рубрикаторах примерно следующие: «экономика, экономические науки» – 36%, «политические науки» – 18%, «социологические науки» – 17%, «исторические науки» – 10%, «философские науки» – 6%, имеются работы которые относятся сразу к нескольким научным областям.

Далее подсчитаем число публикаций, содержащих в заглавии термин «самоуправление» в соответствии с пятью временными периодами, начиная с 1991 г.: 1991–1995 гг. – 154, 1996-2000 гг. – 486, 2001–2005 гг – 1726, 2006–2010 гг.. – 5053, 2011–2015 гг. – 8120 (см. рис.2, 3).

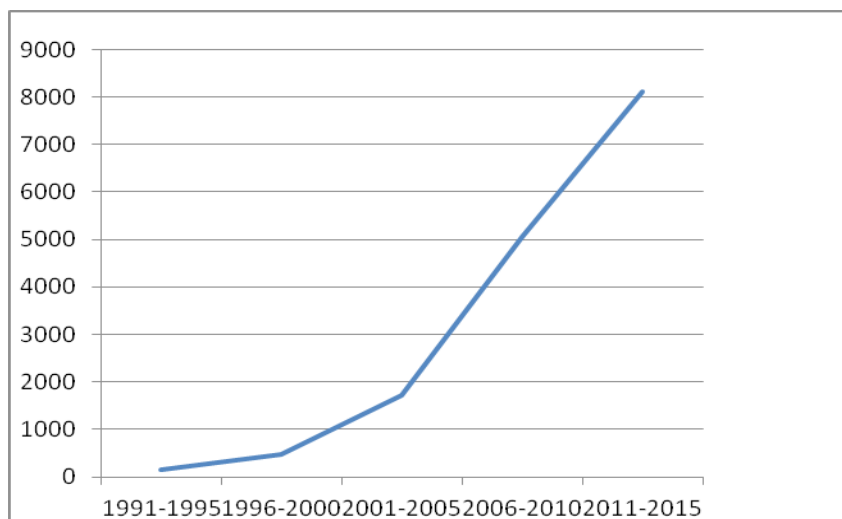

Рис. 2 Рост числа публикаций, содержащих в названии термин «самоуправление», за пять периодов с 1991 по 2015 гг. (по данным библиографии Elibrary)

Итак, заметен непрерывный рост численности публикаций как за пять рассматриваемых периодов, так и ежегодно начиная с 2011 г. Особенно резко растет количество публикаций после 2005 года, что можно объяснить закатом «Ельцинской» эпохи в России и становлением нового бюрократического устройства общества, как в верхних органах власти, так и в региональных, местных. На этом фоне интерес к самоуправлению резко повышается.

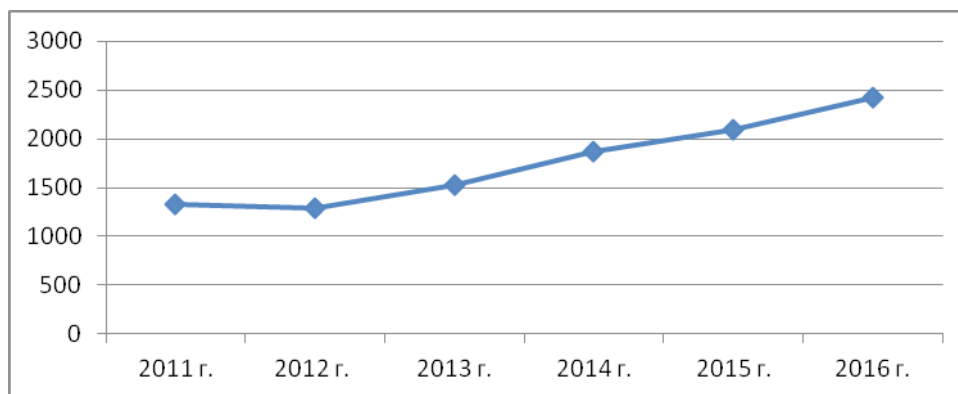

Рис. 3 Рост числа публикаций, содержащих в названии термин «самоуправление», с 2011 по 2017 гг. (по данным библиографии Elibrary)

Далее мы рассмотрели количество публикаций, в которых термин «самоуправление» сочетается с другими словами, или понятиями. Эти слова подобраны к термину «самоуправление» исходя из трактовки этого термина в различных источниках [3,4,5].

В нашем списке различных сочетаний наиболее часто (2430 раз) в названии публикаций термин «самоуправление» встречается в сочетании со словом «развитие».

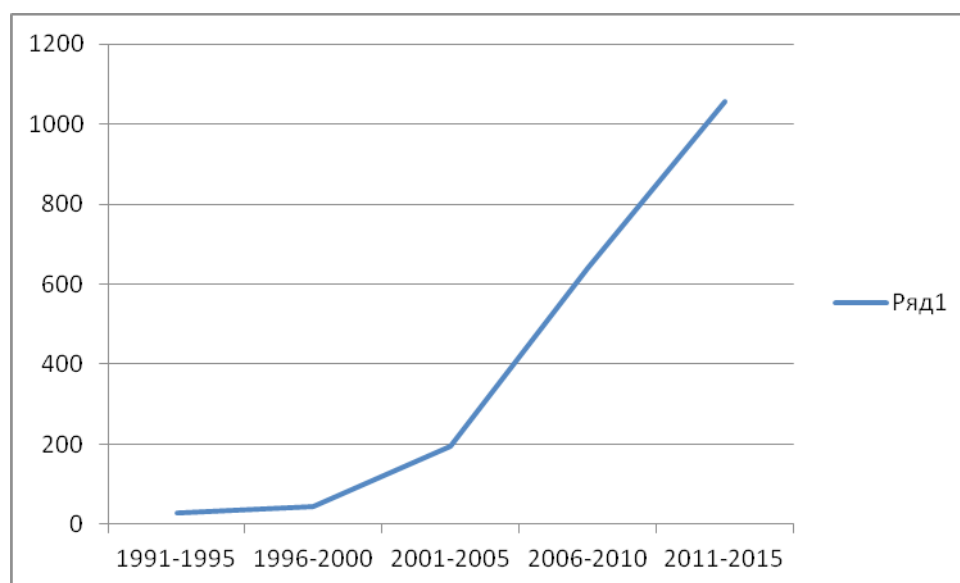

Рис. 4 Рост числа публикаций, в названии которых имеется сочетание терминов «самоуправление» и «развитие»

Можно заметить и рост публикаций, в заглавии которых встречаются оба эти термина: 1991–1995 гг. – 29, 1996–2000 гг. – 45, 2001–2005 гг. – 194, 2006–2010 – 640, 2011–2015 гг. – 1056. (см. рис.4). У исследователей вызывает интерес, и это проявляется чаще из года в год, к изучению самоуправления не только как устоявшегося института, формы или принципа демократии (народовластия), но и как к процессу развития, становления различных сторон общественной жизни. Контент-анализ заглавий публикаций показал, что развитие самоуправления (в т.ч. местного самоуправления) относится к малому и среднему предпринимательству, муниципальным образованиям, потребительским рынкам, городским и сельским территориям, дошкольному образованию, студенческим коллективам, различным отраслям народного хозяйства (туризм, животноводство, налоговые органы, физическая культура и спорт), к личности и ее лидерским качествам, к правам населения, гражданскому обществу, к российскому законодательству, местному самоуправлению в контексте политической модернизации, к кадровому потенциалу органов местного самоуправления. Вместе с тем развитие самоуправления рассматривается и как критерий государственности, системности, муниципальной демократии, института контроля, общекультурных компетенций, социально-экономического развития, института территориально-общественного развития, инновационного развития, социального, производственного потенциала, полномочий органов местного самоуправления, некоммерческих организаций.

Термин «самоуправление» в заглавии публикаций также часто (более 1000) встречается в сочетании с терминами «власть» (1750), «муниципальный» (1385), «общественный» (1094), реже (от 500 до 1000) –

с терминами «городской» – 810, «институт» – 623, «экономический» – 611, «принцип» – 578, «город» – 551, «форма» – 533, «муниципальное образование» – 515. В пределах от 100 до 500 «самоуправление» встречается совместно с понятиями «общество» 464, «политика» 306, «гражданское общество» 304, «политический» 300, «сельский» 277, «контроль» 267, «административный» 267, «демократия» 143, «активность» 129, «администрация» 108, «социологический» 107, «модернизация» 102; в пределах от 1 до 100 встречается с понятиями «местное сообщество», «опыт», «экономика», «село», «исполнение», «народовластие», «инициатива», «конституция», «социокультурный», «коллектив», «профессиональный», «инициативный», «бюрократия», «муниципалитет».

Очевидно, что богатство взаимодействия категории «самоуправления» с другими категориями, отражающими наиболее важные стороны общественной жизни и социально-экономические процессы, говорит о ключевой важности феномена самоуправления и его существенной роли в улучшении общего качества жизни населения.

Рассмотрим теперь среди всех публикаций в системе Elibrary те, в которых в каком-либо поле записи встречается словосочетание «участие населения в местном самоуправлении» (поиск в системе осуществлялся без учета предлога «в»). Всего найдена 6441 работа с указанным запросом поиска. С 1991 г. отмечается непрерывный рост публикаций с указанным словосочетанием: 1991–2000 гг. – 77, 2001–2005 гг. – 325, 2006–2010 гг. – 1923, 2011–2015 гг. – 3239. Однако только в 9 публикациях (из 6441) словосочетание «участие населения в местном самоуправлении» отражено в заглавии работы, и все они относятся к периоду 2010 г. – 2017 г.

Если расширить поиск, а именно, искать словосочетание «участие населения в местном самоуправлении» еще и среди ключевых слов и аннотаций к публикациям, тогда количество работ возрастает до 568, из них к социологическим исследованиям отнесено 39 (25 из них приходится на 2015–2017 гг., а публикации ранее 2010 г. отсутствуют вовсе). Социологические работы, связанные с тематикой участия населения в местном самоуправлении, посвящены исследованию отдельных факторов развития местного самоуправления, таких как социальная активность местных сообществ, политическая активность граждан, гражданское участие населения, информированность граждан о деятельности органов местного самоуправления, функционирование некоммерческих организаций. Наряду с этим оцениваются реальность и потенциал вовлеченности российских граждан в социальные практики местного самоуправления; рассматриваются современные управленческие технологии вовлечения населения в решение вопросов местного значения, формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, определяются место и роль органов местного самоуправления в системе социальных отношений; исследуются

вопросы доверия населения к органам местного самоуправления, проблемы повышения информированности граждан, предпосылки участия населения в территориальном общественном самоуправлении, мотивация участия граждан в практиках местного самоуправления, социальное благополучие жителей; предлагается социологическое сопровождение муниципальных реформ, формы и методы развития общественных пространств, а также модели избрания главы местного самоуправления и модели взаимодействия территориального общественного самоуправления и органов муниципальной власти.

Следует отметить, что очень мало работ по проблемам самоуправления в сельских территориальных поселениях. Мала доля социологических исследований в общем числе работ по проблемам самоуправления. Также в системе Elibrary очень мала доля работ или отсутствуют вовсе, в которых отражается **комплексное** исследование факторов повышения активности граждан в решении вопросов местного значения.

Между тем, по задумке руководителей программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» сельские и малые городские поселения наиболее четко соответствуют критериям муниципальных образований и местных сообществ как первичных структур социокультурного пространства и в первую очередь нуждаются в экспериментальном изучении. Ответа требуют следующие вопросы:

- если имеются современные технологии вовлечения населения, то как эти технологии работают? и работают ли они на местах?
- как связана активность населения с экономическим развитием территории проживания, с разнообразием и качеством муниципальных услуг?

В разработанной нашим коллективом исследователей анкете (в рамках гранта «Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный контекст» [АААА-А17-117042510365-1 от 25/04/2017]), на основе типового инструментария программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», учтены разнообразные аспекты жизнедеятельности местных сообществ. Предлагаемый нами инструментарий поможет не только зафиксировать проблемы жителей сельских поселений и малых городов, их оценки деятельности местной администрации, степень доверия к этим органам, оценки важных сторон жизнеобеспечения населения, но и провести **комплексное** исследование факторов повышения степени активности или вовлеченности граждан в местное самоуправление. В частности, мы полагаем, что движущей силой активизации участия населения в самоуправлении может быть:

- информированность населения о программах, проектах, отражающих социально-экономическую политику района;
- доступность руководства поселения района для граждан, отсутствие преград для реализации обращений граждан в органы местного самоуправления;

- профессионализм местных служащих;
- качество и своевременность решения вопросов, отсутствие волокиты;
- разнообразие способов и форм влияния населения на деятельность органов местного самоуправления, а также способов и форм непосредственного участия населения в самоуправлении.

Кроме прочего мы исходим из того, что уровень экономического развития региона так и местного сообщества может существенно влиять на самоуправленческую активность населения, поэтому проводить исследования изменений в муниципальных образованиях следует с учетом их экономических показателей.

Хотелось бы выразить надежду, что поднимаемая в этой статье проблематика найдет отклик у современных исследователей, а совместное обсуждение поднятых вопросов существенно улучшит качество возможных решений.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Колл. научный труд / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. Центр изучения социокультурных изменений. Институт философии РАН. М., 2016.

2. Лапин Н.И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования// Власть. 2017. №3, С. 25–33

3. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 16. Ро-Ск. – Большая Российская энциклопедия, 2004. – 256 с.: ил.

4. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно–научный фонд. – М.: Мысль, 2003 г. – 863 с.

5. Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.

УДК 316.444.5 ББК 60.59

Соколова Марина Владимировна –

к. ист. наук,

начальник научно-исследовательского
отдела,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при

Президенте РФ, г. Владимир

e-mail: rags33marina@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ключевые слова: трудовая мобильность, занятость, вторичная занятость.

Трудовая мобильность населения является одной из важнейших составляющих экономической реализации населения. От соотношения количества занятых и безработных, уровня удовлетворенности работников своей трудовой деятельностью и степенью профессиональной реализации во многом зависит стабильность социально-экономического развития общества. Длительный период реформ в российском обществе привел к трансформации системы занятости населения, перераспределению трудовых ресурсов между разными секторами экономики. По данным социологического опроса, проведенного на территории Владимирской области в 2017 году, самую значительную группу по-прежнему представляют работники государственных и муниципальных предприятий (таких 28 % от всех опрошенных), вторую по численности группу составляют занятые на частных предприятиях по найму (14,1 %). Акционерное предприятие с участием государства указало 6,5 % респондентов, акционерное общество без участия государства – 7,9 % респондентов. Значительно реже среди респондентов встречается индивидуальная трудовая деятельность или работа в собственной фирме или предприятии (4,5 % и 4,4 % соответственно), только 1,5 % опрошенных указали своим местом работы колхоз, совхоз или сельскохозяйственный кооператив. Не имеет постоянной работы 9,3 % опрошенных.

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-13-33009 «Социокультурный потенциал Владимирской области: динамика модернизационных процессов»

Существует определенная зависимость трудовой мобильности населения от типа поселения. В силу особенностей организации хозяйства среди сельских жителей чаще встречаются работники колхозов, совхозов и сельскохозяйственных кооперативов, более распространенной для них является и работа на частных предприятиях по найму. Значительно реже жители села бывают трудоустроены на акционерных предприятиях с участием или без участия государства. Не имеет значительного распространения в сельской местности и индивидуальная трудовая деятельность, но и количество безработных граждан значительно ниже, чем в других типах поселений. Самый высокий показатель жителей, не имеющих постоянного трудоустройства, отмечается в поселках городского типа. Для этой же местности характерен более низкий показатель занятости населения на государственных и муниципальных предприятиях, акционерных предприятиях с участием государства и по найму на частных предприятиях. Одновременно для поселков городского типа будет характерно более широкое распространение индивидуальной трудовой занятости и работа в собственной фирме или предприятии, находящемся в личной собственности. В малых городах встречается самое широкое представительство занятых в государственных и муниципальных предприятиях, достаточно распространенной, как и в поселках городского типа, является индивидуальная трудовая деятельность. Для городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек является характерным более широкое распространение занятых в акционерных предприятиях с участием государства, достаточно часто встречается работа по найму на частном предприятии, реже – индивидуальная трудовая деятельность.

Таблица 1

На предприятии какого типа Вы хотели бы работать
в качестве основной работы?

	Все население	Деревня, село	Поселок городского типа (рабочий поселок)	Малый город (до 100 тыс. жителей)	Средний город (100-500 тыс. жителей)
Государственное, муниципальное предприятие	28,0	28,3%	25,6%	29,9%	27,5%
Акционерное предприятие с участием государства	6,5	3,8%	1,3%	5,1%	8,4%
Акционерное предприятие без участия государства	7,9	5,7%	9,0%	7,9%	7,9%

Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	4,4	0,0%	6,4%	4,7%	4,4%
Частное предприятие (не Ваша собственность)	14,1	17,0%	10,3%	11,7%	15,6%
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	1,5	9,4%	3,8%	0,9%	0,4%
Крестьянское, фермерское хозяйство	,1	0,0%	1,3%	0,0%	0,0%
Личное подсобное хозяйство	,1	0,0%	0,0%	0,5%	0,0%
Индивидуальная трудовая деятельность	4,5	1,9%	6,4%	6,1%	3,7%
Другое	2,8	3,8%	1,3%	2,8%	2,9%
Не имею постоянной работы	9,3	5,7%	11,5%	9,3%	9,2%
Не знаю	1,4	0,0%	1,3%	1,4%	1,5%
Отказ от ответа	19,5	24,5%	21,8%	19,6%	18,5%
Итого	100,0	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Сложная социально-экономическая обстановка и достаточно низкий уровень оплаты труда приводят к широкому распространению в обществе занятости по совместительству (дополнительной работы). Наибольшее распространение среди вторичной занятости имеет индивидуальная трудовая деятельность, работа по найму на частном предприятии, либо работа на государственном, муниципальном предприятии. Отличительной особенностью от занятости на постоянном месте является то, что государственные и муниципальные предприятия не занимают в данном случае лидирующих позиций и значительно уступают по возможности трудовой реализации населения на дополнительной работе индивидуальной трудовой деятельности и работе по найму на частных предприятиях. Население Владимирской области реализует свою вторичную занятость и на предприятиях, которые находятся в личной собственности, в акционерных обществах, в личных подсобных хозяйствах. Самым нераспространенным типом вторичной занятости является работа в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных кооперативах, крестьянских и фермерских хозяйствах.

В сельской местности вторичная занятость представлена только работой в личном подсобном хозяйстве, в поселках городского типа встречается

еще работа в собственной фирме, но самым распространенным видом здесь окажется дополнительная работа на государственных и муниципальных предприятиях и организациях. Характерной особенностью является то, что именно для поселков городского типа государственные и муниципальные предприятия и организации в качестве основной работы встречаются реже, чем в других типах населенных пунктов, а вторичная занятость – наоборот значительно чаще. Для малых городов наибольшее распространение имеет работа на частных предприятиях по найму и индивидуальная трудовая деятельность, далее по мере убывания существует трудовая реализация в собственной фирме, работа на государственном либо муниципальном предприятии, ведение личного подсобного хозяйства, трудоустройство в акционерных обществах. В городах с численностью от 100 тысяч человек чаще всего встречается индивидуальная трудовая деятельность, на втором месте оказывается работа по найму в частном предприятии, одинаковое распространение имеет работа в акционерных обществах разного типа и на государственных и муниципальных предприятиях, менее распространенным оказывается работа в личном подсобном хозяйстве и в собственной фирме. Дополнительная работа в собственном бизнесе в городах с численностью населения свыше 100 тысяч человек встречается значительно реже, чем в поселках городского типа или в малых городах.

Несмотря на существующие отличия в трудовой занятости населения в зависимости от типа поселения, разница между сельской и городской местностью не выглядит столь существенно, абсолютно во всех населенных пунктах самую массовую группу составляют работники государственных и муниципальных предприятий, на втором месте оказываются работники по найму на частных предприятиях, затем следуют акционерные предприятия без участия государства. Безусловной особенностью сельской местности является более широкое представительство работников колхозов и совхозов. Значительно большую дифференциацию можно увидеть применительно к распространению вторичной занятости, самые незначительные возможности для дополнительной работы имеют жители сел и деревень, так как там она представлена только работой в личном подсобном хозяйстве.

Список литературы:

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., МФРАН, 2010. – 135 с.
2. Плеханов Е.А. Динамика региональной модернизации// Ученые записки. 2016. № 4 (20). – С. 134 – 137.
3. Плеханов Е.А., Калмыкова М.В., Петросян Д.И. Социокультурные ценности жителей Владимирской области. Владимир, 2016. – 276 с.

УДК 330.356 ББК 60.59

Тарасов Владимир Тимофеевич –
к-т эконом. наук, доцент,
Чебоксарский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Чебоксары
e-mail: tarvlad2015@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НА МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Ключевые слова: нормальное, избыточное неравенство, модернизация регионов

Имеются многочисленные исследования, в которых предпринимались попытки выявить закономерности формирования неравенства в условиях макроэкономического роста и модернизации экономики. Пионером этих исследований считается Саймон Кузнец (впоследствии нобелевский лауреат по экономике 1971года), опубликовавший в начале 1955 г. статью, в которой сформулировал и попытался обосновать гипотезу о характере влияния экономического роста на неравенство в распределении душевых денежных доходов [8].

Прямое влияние экономического роста на изменение неравенства, рассматриваемое в контексте общественных процессов и институционально-регулирующей организации общества, изучалось в многочисленных исследованиях. Однако обратная зависимость между анализируемыми признаками на *операциональном* уровне исследовалась недостаточно, оставаясь недооцененной. На это обратили внимание российские ученые А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута. Они разработали принципиально новый методологический подход к количественному измерению и анализу структуры экономического неравенства, значительно расширяющий операциональные возможности его изучения. В рамках данного подхода оказалось возможным обнаружить не только прямые, но и обратные взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом. В качестве базовой характеристики неравенства указанные авторы использовали стандартный индекс Джини в его ковариационной форме, которая позволяет его разложить на сумму компонент, соответствующих различным источникам доходов [9: 365].

---

¹ Проект № 16-03-00356 «Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования»

Свои выводы названные авторы наглядно подтвердили результатами эмпирических расчетов на основе статистики регионов России за 1998–1999 гг. [5] и 1990–2006 гг. [6]. Отойдя от устоявшегося положения об одностороннем влиянии экономического роста на неравенство, они предположили обоюдное взаимодействие данных факторов. Им удалось по пространственным данным регионов России получить статистически значимые выводы о существенном влиянии неравенства на экономический рост и уровень продуктивности экономики, разложив общее экономическое неравенство G (в терминах индекса Джини) на две его составные компоненты: 1) *нормальное неравенство* (GN) и 2) *избыточное неравенство* (GE). Предполагалось, что в условиях нормального неравенства исключается бедность путем повышения доходов у бедной части населения до уровня прожиточного минимума, а компонента, характеризующая избыточное неравенство, может быть определена вычитанием из общего неравенства его нормальной составляющей:

$$GE = G - GN.$$

Таким образом, авторы исследования обосновали *двойственный характер* влияния неравенства на экономический рост, разложив его на *стимулирующую и депривационную* составляющие.

В настоящей статье в рамках общей гипотезы о влиянии фактора неравенства на экономическое развитие экономики России в региональном разрезе исследуется количественное воздействие неравенства и его структурных компонент на комплексную характеристику вторичной и интегрированной модернизации регионов страны, в том числе в группировке ее этапов осуществления.

В качестве информационной базы использовалась официальная статистика по всем регионам России о душевых показателях валового регионального продукта (ВРП) за 2005–2015 гг. с пересчетом уровней в сопоставимые цены 2015 г. Также были использованы данные о региональных индексах Джини и показатели официальной статистики бедности [11]. Сводные данные параметров модернизации России и его регионов, рассчитанные на основе официальной статистики путем сравнения значений отечественных показателей со стандартными уровнями индикаторов, предоставленных Центром исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК), заимствованы нами из недавно опубликованного научного издания под названием «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» [2, Приложение 2].

Анализируемая совокупность регионов насчитывала 79 единиц и была представлена всеми субъектами Федерации, за исключением Чеченской Республики, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов, которые были учтены в составе Тюменской области.

В соответствии с методическими положениями, изложенными в [13: 161], были определены структурные составляющие стандартного индекса Джини (G), характеризующие «нормальное», т. е. социально оправданное неравенство (GN) и «избыточное» неравенство (GE) за 2005–2015 гг. Количественные оценки статистических связей между анализируемыми показателями оценивались методом панельной регрессии, который, несмотря на его распространение в зарубежных исследованиях, в отечественных используется недостаточно.

Влияние неравенства на вторичную фазу модернизации показано на рисунке. Практически идентичная картина связи наблюдается и для интегрированной модернизации.

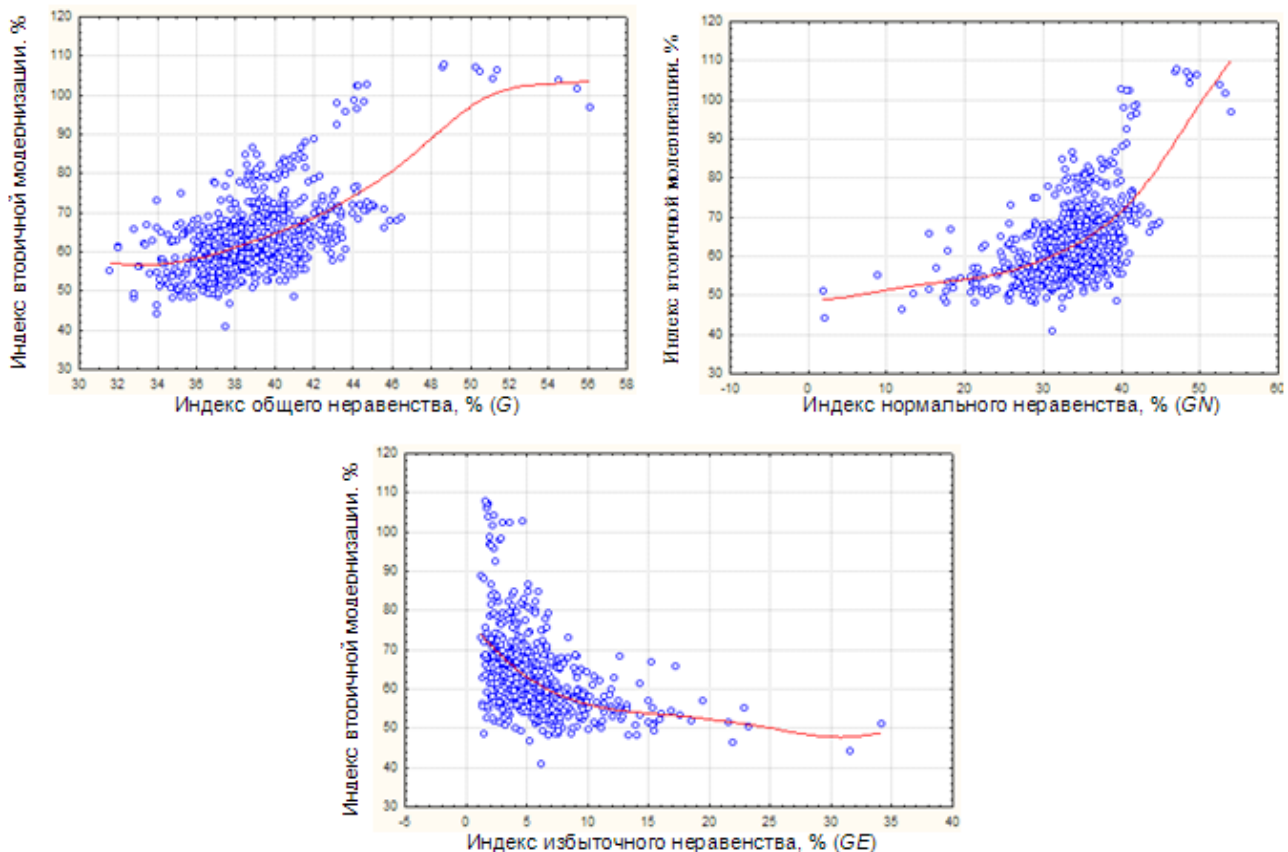

Рис. Поле рассеяния и сглаженные тренды зависимости регионального индекса вторичной модернизации от структурных параметров неравенства населения регионов России по уровню среднедушевых денежных доходов за 2005–2015 гг.

В соответствии с обозначенной целью исследования оценивалось влияние нормального и избыточного неравенства на комплексные характеристики уровней региональной модернизации в целом, а также в группировке регионов, учитывающей как их хронотипологию по состоянию

модернизированности, так и этапизацию процессов модернизации. Данная типология регионов предложенная и обоснованная Н.И. Лапиным., позволяет по определенным признакам выделить регионы, находящиеся на различных уровнях модернизации в разрезе двух ее фаз: первичной (типы 1–3) и вторичной (типы 4–6) [8: 22–24], а также сгруппировать их по трем этапам сбалансированного развития в рамках интегрированной модернизации, представляющей композитный процесс перехода от первичной ее фазы к вторичной [6].

Табл. 2 и 3 содержат результаты расчетов, из которых следует несколько обобщений. Во-первых, негативное влияние избыточного неравенства на процессы вторичной и интегрированной модернизации в регионах несколько усиливается на втором этапе, а на третьем оно снижается и достигает уровня, немногим меньшего, чем на первом этапе. Но в целом интервал разброса отрицательных значений эластичности модернизации относительно избыточного неравенства небольшой: от 0,08 до 0,12 – для вторичной модернизации и от 0,09 до 0,12 – для интегрированной модернизации.

Таблица 2

Коэффициенты эластичности индекса вторичной модернизации относительно нормального и избыточного неравенства по группам регионов, осуществляющих различные этапы модернизации в 2005–2013 гг.,

Этап модернизации ¹	Тип региона	Коэффициенты эластичности относительно		Вид модели панельной регрессии
		нормального неравенства ²	избыточного неравенства ²	
I (28)	1, 2	0,0715 (5,94)	-0,0923 (-12,39)	<i>fixed</i>
II (37)	3, 4	0.2824 (11,49)	-0.1218 (-13,90)	<i>fixed</i>
III (14)	5, 6	0.3548 (5.59)	-0.0863 (-6.11)	<i>random</i>

¹ В скобках – количество учтенных регионов.

² В скобках – (*t*-статистики)

Во-вторых, по мере качественного (на уровне этапов) углубления процессов модернизации монотонно и в значительной мере возрастает роль нормального неравенства: в условиях вторичной модернизации – от 0,07 на первом этапе до 0,28 на втором и до 0,35 на третьем этапах; в условиях интегрированной модернизации – от 0,12 на первом этапе, до 0,29 на втором и до 0,40 на третьем этапах.

Таблица 3

Коэффициенты эластичности индекса вторичной модернизации относительно нормального и избыточного неравенства по группам регионов, осуществляющих различные этапы модернизации в 2005–2013 гг.,

Этап модернизации ¹	Тип региона	Коэффициенты эластичности относительно		Вид модели панельной регрессии
		нормального неравенства ²	избыточного неравенства ²	
I	1, 2	0.1234 (11.18)	-0.1048 (-19.77)	<i>fixed</i>
II	3, 4	0.2902 (12.71)	-0,1175 (-13,99)	<i>fixed</i>
III	5, 6	0.3994 (5.71)	-0.0924 (-5.76)	<i>random</i>

¹ В скобках – количество учтенных регионов

² В скобках – (*t*-статистики)

В-третьих, обращает на себя внимание недостаточная стимулирующая роль нормального неравенства в регионах начального этапа модернизации, которая в подавляющей части нивелируется отрицательной ролью избыточного неравенства. По всей видимости, данные регионы с относительно невысоким уровнем душевых доходов находятся в «ловушке» избыточного неравенства, когда в них наблюдается значительное количество так называемых «работающих бедных», получающих минимальный размер заработной платы в условиях более высокого уровня прожиточного минимума, установленного в регионе.

Проведенное исследование показало, что экономическое неравенство с точки зрения его влияния на экономику имеет не только ресурсный, но в значительной мере и институциональный характер. Следует, по-видимому, признать, что экономический рост сам по себе не может решить автоматически проблему неравенства без институциональных изменений, как это принято считать. Недооценка двойственного характера неравенства в части его противоречивого обратного влияния на экономику, обуславливает замедление экономического роста, не позволяет в полной мере использовать потенциал человеческого развития.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016.– 360 с.
2. Лапин Н.А. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации / Эволюция регионов России и стратегии их

социокультурной модернизации: материалы IX Всеросс. Науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.: в 3-х частях. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. Ч. I. – С. 14–38.

3. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: *Н.И. Латин, Л.А. Беляева*. – М., Academia, 2013. – 416 с.

4. Центральная база статистических данных Росстата (ЦБСД). [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/>

5. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута – М.: «Лето», 2002.– 320 с.

6. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута; Учреждение Российской акад. наук Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М. :М-Студио, 2009. – 192 с.

7. Kuznets S. (1955). "Economic growth and Income inequality" // The American Economic Review, vol. XLV, no. 1, p. 1–28.

8. Lerman, R. I., Yitzhaki, S., A Note on the Calculation and Interpretation of the Gini Index. Economic Letters, 1984. 15. p. 363-368.

УДК 316.422 ББК 60.524

Тарасова Анна Николаевна –

канд. социол. наук, доцент,

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

a.n.tarasova@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: инновационная активность, уровни инновационной активности, модернизация, институциональная среда.

В последнее десятилетие отмечается значительный рост интереса исследователей к инновационной проблематике. В электронной библиотеке eLibrary на поисковый запрос «инновационная активность населения» представлено 368 публикаций, 280 из которых – это публикации последних 5 лет (с 2013 года). Исходя из этого, актуализируется задача систематизации факторов инновационной активности населения. Также важна проработка подходов к замеру эмпирических показателей, как составляющих инновационной активности, так и отражающих факторы, воздействующие на эту активность.

Представляется целесообразным рассматривать инновационную активность на трех основных уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном. Для каждого уровня характерен свой целевой результат, определяющий направленность усилий на этом уровне (рис. 1).

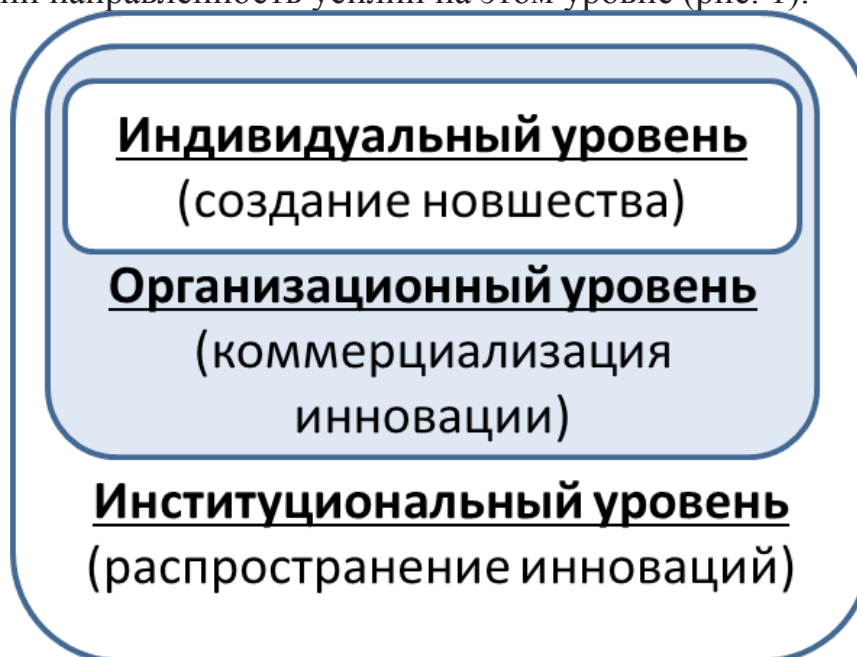

Рис. 1. Вложенность уровней проявления инновационной активности

Уровни при этом не противопоставляются, а складываются по принципу «матрешки». Индивидуальная инновационная активность реализуется в определенной организационной среде, которая может как стимулировать, так и тормозить ее. В свою очередь, институциональная среда, в которой действует организация, определяет ее готовность к внедрению инноваций. Столь часто обсуждаемая в прессе «проблема Кулибиных» [2], когда вроде и придумываются интересные инновации, но коммерциализации и дальнейшего распространения этих инноваций не происходит, по-сути есть проявление несогласованности уровней инновационной активности. Процесс согласования и установления равновесия затрудняется тем, что, с одной стороны, для достижения целевого результата уровня необходимо, чтобы на предыдущем уровне уже была проделана соответствующая работа, но, с другой стороны, пока не будут созданы необходимые условия (необходимая среда) на данном уровне, на предыдущем этот самый целевой результат не будет создаваться. Другими словами, если на индивидуальном уровне не создано новшеств (не предложено идей), то и на организационном и институциональном нечего внедрять и распространять. В то же время пока не будет создано необходимых условий на организационном и на институциональном уровнях, создание и внедрение инноваций затруднено. Соответственно существует некий лаг отсрочки результата.

Многими исследователями отмечалось, что качество институциональной среды – это важнейший фактор повышения инновационной активности субъектов (индивидов, организаций, регионов) [3, 5, 6]. Сейчас государство всячески пытается сформировать необходимую институциональную среду. Можно уже отметить определенные положительные изменения, проявляющиеся в переходе на следующую стадию модернизации. Детально тенденции и проблемы модернизации представлены в [1]. Однако получение целевого результата (широкое распространение инноваций), скорее всего, будет отложено, пока большинство организаций не сформируют у себя качественную среду для реализации инноваций. На сегодняшний день менее 10% предприятий включены в процесс внедрения инноваций (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций (в %)

	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015
РФ	9,9	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3
УрФО	11,2	11,5	11,5	10,6	9,6	8,9	7,9
Тюменская область	6,7	9,8	9,8	8,2	8,1	8,4	8
ХМАО	8,6	7,5	8,2	6,1	6,6	5,4	5

ЯНАО	6,5	10,9	10,1	7,6	5,1	7,8	7,4
Юг ТО	-	12,4	11,7	11,3	11,5	12,5	12,3

Источник данных: Таблица 21.16 в сборнике Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 // http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm

Рассмотрим инновационную активность населения и выделим основные ее детерминанты на каждом из отмеченных выше уровнях. В рамках базовой методологии «Социокультурный портрет региона России» [4] инновационная активность населения может быть операционализирована как участие в качестве организатора или исполнителя в создании новой фирмы, продукта, технологии или услуги.

Включенность человека в создание каких-либо новшеств обуславливается действием факторов разного уровня. Во-первых, это факторы индивидуального уровня. Согласно полученным результатам отмечается наличие устойчивой связи¹ инновационной активности с такими параметрами как пол (мужчины чаще отмечают свое участие в создании новшеств), возраст (наиболее высока доля новаторов среди лиц 25-44 лет), образование и материальное положение (чем выше образование и материальное положение, тем проявление инновационной активности выше). Предполагалось, что состояние здоровья также является важным фактором, определяющим участие в инновациях. Однако статистически значимых отличий уровня инновационной активности среди групп с разным состоянием здоровья не отмечено. Соответственно, не все составляющие человеческого капитала индивидуального уровня оказывают непосредственное воздействие на инновационную активность населения.

Следующий уровень – это организационный. Включенность в создание новшеств (фирмы, продукта, технологии, услуги) задается такими организационными параметрами как: отраслевая принадлежность и организационно-правовая форма организации, в которой работает человек. Наиболее высока доля новаторов в сфере услуг – 20%, в сельском хозяйстве она самая низкая (7%). Выше включенность в создание новшеств среди владельцев бизнеса (46%) и занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью (31%). Среди работников акционерных обществ без государственного участия и крестьянских-фермерских хозяйств доля участвующих в создании новшеств самая низкая (12-11%). К организационным факторам также можно отнести занимаемую респондентом должность (37% руководителей высшего звена и 23% специалистов с высшим образованием отметили свое участие в создании новшеств), наличие подчиненных (чем их больше, тем выше инновационная

¹ Устойчивость связи подтверждается сохранением отмеченных закономерностей во всех четырех волнах (2006, 2009, 2013 и 2016) социокультурного мониторинга в Тюменской области.

активность). Максимально значимым фактором данного уровня является сложившиеся в организации отношения, прежде всего уровень доверия к работодателю и наличие взаимопонимания на работе. Детальный анализ данного фактора представлен в работе [7].

И, наконец, третья группа факторов – факторы институционального уровня. Рост инновационной активности как отдельных индивидов, так и организаций и регионов не возможен без формирования качественной институциональной среды, что уже доказано в работах [3, 5, 6]. Одним из основных факторов является уровень институционального доверия, эмпирически оцениваемого через индекс обобщенного доверия ко всем региональным институтам власти (суду, губернатору, прокуратуре и др.). Но, как выяснилось, данный фактор значим лишь для хозяйствующих субъектов (организаций, предпринимателей), на участие в новшествах простых работников он не влияет (точнее влияет не напрямую, а опосредовано через организационный уровень). Также к институциональному уровню могут быть отнесены такие факторы как: качество инфраструктуры, нарушаемость основных прав (права на безопасность и защиту личности, равенства перед законом, права на труд и частную собственность), уровень коррупции.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500). Тюменский государственный университет.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. 360 с.
2. Вирабов И. Кулибинцы // Российская газета от 03.03.2016. [Эл. ресурс]. Код доступа: <https://rg.ru/2016/03/03/rodina-kulibincy.html>. Дата обращения: 10.04.2017.
3. Диденко Н.И., Ромашкина Г.Ф., Ромашкин Г.С. 2015. Доверие как социальный феномен и условие экономического роста арктического региона. – МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 6. № 4-1 (24). С. 29-34.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. 2010. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., МФРАН. 135 с.
5. Прокин В.В. Институциональная среда инновационной активности в регионе // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Том 1. 2016. С. 208-220.
6. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. 2014. Социокультурные основания институционального доверия. - Власть. № 12. С. 122-130.
7. Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Инновационная активность и внутриорганизационное доверие: проблема взаимосвязи // Власть. 2016. № 11. С. 130–137.

УДК [316.334.55;316.7](470.344) “21”

ББК 71.084.2

Харитонов Валентина Григорьевна –
к. ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, г. Чебоксары
e-mail: val1957@rambler.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Ключевые слова: Чувашская Республика, сельское население, демографические процессы, социальная идентичность.

История российского села как социально-территориальной общности в виде организации совместной жизни, вызывает несомненный междисциплинарный интерес. Наметились экономические, философские, исторические, социологические исследования [3; 4; 5; 6; 8; 9; 10]. Характер изменений образа жизни сельского населения, его социальное и экономическое положение вызывает определенную тревогу не только самого сельского населения, но и у руководителей разного уровня и ранга, разработчиков государственной аграрной политики, создания современной инфраструктуры села, соответствующей задачам экономического, социального, культурного развития нашего общества в целом, регионов в частности. Как отмечает И.Е.Кознова, «крестьянство и его культура являют собой универсальный объект изучения, поскольку на нем прослеживаются многие базовые формы социальности.» [7, с. 12]. Принципиальная роль аграрного наследия в истории модернизаций, в оценке социальной трансформации России и ее регионов отмечается в отечественной гуманитарной науке [17].

Относительно сельского сообщества Чувашии необходимо отметить, что аграрные реформы и изменения, происходившие во всех сторонах жизни населения, вызвали, прежде всего, необходимость выработки сельским населением механизмов адаптации к новым условиям. С другой стороны, можно говорить об актуализированных проблемах реализации государственной политики развития региона.

Тенденции развития Чувашии прослежены в рамках выполнения исследовательского проекта «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика» [15; 18; 19]. По итогам исследований было сделано заключение о существовании социокультурного дисбаланса, связанного с фактором относительно высокой доли сельского населения в республике

и вопросами урегулирования процессов внутри сельского сообщества [18, с. 233]. В связи с этим, изучение социокультурных аспектов развития сельского сообщества Чувашии в начале XXI века, их влияние на социальную модернизацию региона приобретает актуальность. В данной статье основное внимание уделено процессам демографического развития и аспектам формирования социально-территориальной идентичности сельского населения Чувашии.

Источниковую базу статьи составили материалы социологического изучения населения республики, проведенного в 2006 г. (N=998), 2012 г. (N=1002), в 2016 г. (N=996). Используются статистические источники, материалы СМИ, официальные документы, научная литература. При проведении социологических обследований применена методика портрета региона и общероссийского мониторинга по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», разработанная Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН (авторы – доктор философских наук, член-корреспондент РАН Н.И.Лапин, доктор социологических наук Л.А.Беляева) [13;14].

В отраслевой структуре экономики Чувашии сельское хозяйство (в том числе охота и рыболовство) несмотря на тенденцию сокращения его доли в региональном валовом продукте (ВРП), продолжает занимать определяющую позицию (11,5 % в 2006 г., 9,6 % в 2012 г., 5,3 % в 2015 г.). При этом самый высокий удельный вес республики в общероссийских основных экономических показателях приходится на продукцию сельского хозяйства [18, с. 20; 20, с. 39]. Производством продукции сельского хозяйства в республике занимаются сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения [11]. Одним из позитивных моментов стало возрождение относительной самостоятельности хозяйств населения. Однако тенденция сокращения доли занятых в сельском хозяйстве сохраняется: в 2000 г. в отрасли было занято 156,6 тыс. чел., в 2015 г. – 75 тыс. чел. [16, с. 138].

Доля населения, проживающего в сельской местности в Чувашии, остается высокой: 38,7 % на 1 января 2016 г. (в Российской Федерации – 25,9 %, в Приволжском федеральном округе – 28,4 %) [16, с. 41–42]. Кризисный характер последствий реформ экономики и общества оказал непосредственное негативное влияние на демографическое развитие сельского населения республики. В целом численность сельского населения продолжает сокращаться. Если в республике с 2012 г., впервые за много лет зафиксирован естественный прирост населения, то среди сельского населения происходит естественная убыль. Также для сельчан характерна миграционная убыль, имеющая тенденцию к росту. Миграционные процессы в основном происходят внутри республики. Однако миграции как внутри республики, так и между регионами приводят к убыли населения на селе. Подобные тенденции наблюдаются во многих регионах России. Исследователи связывают

данный процесс с «формированием автономных стратегий выживания» [1, с. 416-421; 2, с. 63-64]. По данным социологических опросов 2006, 2012 и 2016 гг. населения республики видим рост числа желающих уехать в другой регион России и из России. При этом среди городского населения по итогам трех волн исследования наблюдаем разнонаправленные процессы, резкое увеличение доли тех, кто желал уехать из Чувашии в 2012 г. по сравнению с 2006 г. и некоторое снижение показателей в 2016 г. (соответственно 5 %, 8,1 % и 6,1 %). Тенденция увеличения доли желающих уехать из Чувашии среди сельских жителей сохраняется: 1,9 % в 2006 г., 3,2 % в 2012 г., 3,3 % в 2016 г.

Демографическая ситуация на селе в республике в конце XX - начале XXI вв. характеризуется рядом негативных моментов и особенностей. Наблюдается старение сельского населения республики, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. средний возраст жителей сел составил 40,5 лет, в целом по республике – 38,7 лет, что приводит к увеличению численности населения старше трудоспособного возраста и неблагоприятно сказывается на демографической нагрузке. При этом во многих сельских районах Чувашии средний возраст жителей выше среднереспубликанского значения [12]. Социально-демографический аспект развития взаимоотношений «село-город» отразился на сельских семьях: это сокращение размеров семьи, переход к модели однодетной семьи, увеличение показателей разводимости, уровня внебрачной рождаемости. Если взять этнодемографическую ситуацию, то чувашаи как титульная нация преобладали и продолжают преобладать в общем составе населения (67,8 % по данным 2010 г.), причем как в сельской (84,8 %), так и городской (54,7 %) местности [12].

С точки зрения развития сельского сообщества и его вовлеченности в активную практику реализации программ социально-экономической модернизации республики значительное место занимает социально-территориальная идентичность населения [8, с. 185]. Анализ образа жизни сельского населения, механизмов и социальных практик реализации задач, стоящих перед данным социумом, показывают, что они оказывают непосредственное влияние на трудовую, бытовую, социально-политическую, культурную сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

По данным исследования 2006 г. важным фактором определяющим характер региональной идентичности являлось влияние поселенческих особенностей восприятия внешней среды. В селе почти три четверти опрошенных выделили в категорию «свое» жителей родного населенного пункта. Среди сельчан 93,8 % указали на поселенческую близость, тогда как в городах таковых оказалось 76,4 %. В последующих обследованиях в опросные анкеты были внесены изменения, в 2012 г. исключены вопросы о жителях Чебоксар и Москвы, но добавлен вопрос о жителях бывших республик СССР, в 2016 г. дополнительно внесен вопрос о жителях федерального округа. Кроме того, определение уровня близости велось по

более упрощенной схеме, но при некоторой условности сравнения общая тенденция с 2006 г. сохраняется. По данным опросов 2012 и 2016 гг. сельские жители сохраняют положительную поселенческую идентичность, хотя среди них стало больше тех, кто не чувствует близость к жителям своего поселения и затрудняется определить свое отношение (11,7 % в 2012 г. и 17,5 % в 2016 г.). Выявлено наличие положительной региональной идентичности: более половины сельских респондентов как в 2006 г., так и в 2012, и в 2016 гг. как близких отметили жителей Чувашии. По итогам трех опросов выявилась тенденция снижения как поселенческой, так и региональной идентичностей сельского населения. На уровень локальной и региональной идентичности влияет и длительность проживания в конкретном населенном пункте. По данным, полученным в ходе обследований, для первичной адаптации достаточно примерно пяти лет, а для того чтобы стать «своим» – от 10 до 15 лет. Среди сельских респондентов как всегда оказывался наибольший процент тех, кто с рождения проживал в родном поселении. При оценке уровня региональной идентичности обращаем внимание на необходимость учета следующего фактора, когда часть населения, более 20 % сельских жителей не смогли определить свое отношение к республиканской идентичности, в 2016 г. более 20 % из них отметили отсутствие близости к жителям своего региона. Если вести речь о жителях России, то наблюдаем рост показателей общероссийской идентичности с 30,7 % в 2006 г. до 40,2 % в 2016 г. В 2016 г. впервые определялось отношение к жителям федерального округа, в данном случае Приволжского. Среди сельских респондентов 24,2 % выразили положительное отношение к ним. Наиболее низкий и стабильный показатель близости наблюдается в отношении жителей бывших республик СССР и всей земли (13 - 14,5 % как в 2012, так и в 2016 г.).

Таким образом, по данным трех волн исследования, на первом плане для сельчан поселенческая идентичность, уровень интенсивности намного выше среднего показателя, на втором плане региональная идентичность, где интенсивность чуть выше среднего. На третьем плане общероссийская идентичность, интенсивность близости чуть ниже среднего. Несмотря на некоторое снижение интенсивности поселенческой и региональной близости сельского населения республики, данная ситуация вполне благополучна для развития сельского сообщества. Сохранение достаточно высоких показателей среди сельского населения оказывает непосредственное стабилизирующее влияние на ситуацию в республике в целом. Рост общероссийской идентичности является положительным процессом для стабилизации обстановки. Для ряда регионов России и в целом для России также характерно наличие более высокой интенсивности поселенческой близости.

При определении уровня идентичности населения с регионом важно выявление процессов внутрисемейного и межсемейного взаимодействия с различными категориями жителей, институтами общества. Согласно

данным опросов 2006, 2012 и 2016 гг. наибольшее взаимопонимание сельские жители, как и городские, находят в непосредственном окружении: в семье, среди друзей, на работе, среди соседей. Нормы внутрисемейного взаимодействия приобретают особое значение. Межсемейные связи социальной и экономической поддержки также становятся актуальными в условиях утраты доверия ко многим социальным институтам. На современном этапе существует проблема налаживания реального эффективного партнерства между всеми субъектами, институтами сельского сообщества, с учетом того, что наблюдается рост уровня традиционного крестьянского недоверия к представителям государственной власти. Отрадно, что понимание данной ситуации присутствует как среди руководителей муниципалитетов, так и среди самих сельчан. Полевые наблюдения автора, сделанные в отдельных сельских административных районах Чувашии, подтверждают это. Таким образом, материалы исследования процессов социокультурного развития Чувашской Республики показывают, что при всей противоречивости, при достаточно большой дифференциации параметров сельского и городского образа жизни, в чувашском селе складываются предпосылки для усиления его потенциала, в определенных случаях оказывающего стабилизирующее влияние на все общество. Но в целом проблема недостаточной востребованности социального, культурного, человеческого потенциала сельского населения в регионе сохраняется.

Список литературы:

1. Великий П.П. Социальные аспекты сельско-городской трудовой миграции // Региональные особенности аграрных отношений в России. – Чебоксары, 2010. – С. 416–421.
2. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // СоцИС, 2004. №12. – С. 63–64.
3. Ильин И.Е. Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (социологический анализ). – Чебоксары, 2005. – 228 с.
4. Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX-XXI вв. – Чебоксары, 2005. – 344 с.
5. Ильин И.Е. Современное российское село: реформы и повседневность: монография. – Чебоксары. 2014. – 270 с.
6. Каргаполова Е.В. Тридцатый регион: потенциал социального развития: монография / науч. ред. проф. Н.В. Дулина. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 375 с.
7. Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С.12.
8. Корепанов Г.С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: Монография. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010. – 568 с.

9. Мансуров П.М. Формирование устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий Ульяновской области. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 272 с.
10. Никитина Г.А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации: монография. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – 320 с.
11. Об итогах работы агропромышленного комплекса Чувашской Республики за 2016 год и задачах на 2017 год. URL:http://gov.cap.ru/UserFiles/orgs/GrvId_16/slajdi6.pdf (дата обращения 24.08.2017).
12. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. Сборник размещен в свободном доступе на портале «Всероссийская перепись населения 2010 года». URL: <http://chuvash.gks.ru>. (дата обращения 22.12.2016).
13. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013. – 416 с.
14. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
15. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая редакция : Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2009. – С.427–494.
16. Регионы России: социально-экономические показатели, 2016: статистический сборник / Росстат. – М., 2016. – С. 138.
17. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. – М., 2010.
18. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И.Бойко [и др.]; под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. – Чебоксары, 2015. – 244 с.
19. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / Под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – 192 с.
20. Чувашия в цифрах. 2017. Краткий статистический сборник / Чувашстат. – Чебоксары, 2017. – 214 с.

УДК 316.422:334.012.64 ББК 60.55

Хорошилова Анастасия Вячеславовна –
магистрант,
Курский государственный университет,
г. Курск
e-mail: nastyaa2195@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, инновационная деятельность, модернизация, Центральное Черноземье.

Практически во всех сферах общественной жизни сегодня возрастает роль инновационной деятельности. Но формирование национальной инновационной системы идет вяло, не налажены тесные постоянные контакты между бизнесом и наукой, в масштабах страны эффект от инновационной деятельности почти не заметен. Следует признать, что устранение проблем в развитии науки, образования, инноваций требует существенных ресурсных и временных затрат. Также, ведя речь о ключевых «игроках» инновационных преобразований, следует особое внимание уделить роли малого бизнеса, наиболее открытого к новаторству и гибко реагирующего на запросы крупных индустриальных производств, что делает его способным стать деятельным участником программы модернизации национальной экономики.

Развитие малого бизнеса сегодня является актуальным и перспективным источником повышения эффективности производства и уровня жизни, ведь малый бизнес способствует укреплению экономической базы регионов, увеличивает общие объемы производства и розничного товарооборота, создает благоприятную среду для развития конкуренции, стимулирует внедрение достижений научно-технического прогресса, обеспечивает занятость значительной части населения [4].

К сожалению, бизнес-культуры, подобной той, что десятилетиями складывалась в США, Канаде, Израиле и некоторых других странах, у нашего предпринимательского корпуса пока нет. Интересы получения прибыли при минимальных затратах пока превалируют над долгосрочными инновационными интересами. Поэтому на инновационное стратегическое мышление нашей бизнес-элиты рассчитывать пока не стоит. Компании участвуют в основном в конкретных проектах, способных принести быструю и очевидную выгоду [3].

В данной работе мы акцентируем внимание на модернизационном потенциале малого бизнеса в регионах Центрального Черноземья. Обратимся к результатам кластерного анализа С.П. Земцова, разделившего регионы

России на четыре группы по уровню, динамике и потенциалу развития малого предпринимательства (МП). В первую группу с высоким уровнем развития МП вошла *Белгородская область*, а в четвертую группу с низким уровнем развития МП, но наиболее высокими темпами и высоким потенциалом роста, – *Курская и Тамбовская области* [2]. По результатам другого рейтингового исследования условий осуществления малого и среднего предпринимательства в российских регионах, проведенного АО «МСП Банк» в 2013–2014 гг., в число регионов-лидеров (рейтинг «А» – «Очень высокое качество условий») вошли 13 субъектов РФ, в число которых попали *Курская, Воронежская и Липецкая области*. Это является свидетельством наличия хороших перспектив развития малого бизнеса в данных регионах. В рейтинге «А-» – Тамбовская область. В группу догоняющих регионов с рейтингом «В» попала Белгородская область. Орловская область расположилась в группе регионов-середняков с рейтингом «С-» [6].

Основываясь на анализе результатов вышеприведенных исследований, мы можем отметить тенденцию обозначения регионов Центрального Черноземья преимущественно как перспективных, обладающих высоким потенциалом роста. Зададимся вопросами: Способны ли малые предприятия ЦЧ принимать участие в модернизации страны? Какие проблемы препятствуют их инновационной деятельности?

Наша гипотеза состояла в предположении о том, что модернизационный потенциал субъектов малого и среднего бизнеса регионов Центрального Черноземья не находит должного применения, и это в первую очередь связано с нехваткой собственных денежных средств, наличием административных барьеров и высокой налоговой нагрузки, а также отсутствием системы стимулирования инновационной активности.

В 2016 году с целью изучения текущего состояния малых и средних предприятий Центрального Черноземья, а также выявления проблем, с которыми сталкивается малый бизнес в процессе своей деятельности, нами было проведено исследование методом анкетного опроса (N=200), участниками которого стали 100 представителей малого предпринимательства Курской области, и по 50 представителей Белгородской и Воронежской областей. Обратимся к результатам проведенного исследования.

Оценивая *положение своего предприятия* в настоящее время, 57,5% респондентов отметили ровную и стабильную работу, 27,5% признались в некотором спаде своей активности, и только 15% сочли, что их предприятие переживает подъем своей деятельности.

Респонденты отметили, что за последние два года на их предприятиях *происходили изменения*, по большей мере относящиеся к улучшению условий труда (53%), повышению прибыли (50%) и росту качества производимых товаров и услуг (47%). 8% предпринимателей, выбравших вариант «Другое»,

отметили, что на их предприятии не произошло никаких изменений, причем чаще этот вариант ответа выбирали представители курского региона (4%).

Мы обратились к предпринимателям Центрального Черноземья с просьбой оценить по 10-бальной шкале причины, мешающие им заниматься новыми видами деятельности на своих предприятиях. По результатам ответов предпринимателей, мы можем сказать, что в наибольшей степени нововведениям препятствуют такие *внутренние причины*, как недостаток собственных денежных средств (3,6), сложность разработки инновационного проекта (3), сложности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта (2,9). Стоит заметить, что если для Воронежской области наиболее значимой проблемой является сложность с разработкой инновационного проекта (4,2), то для Белгородских предпринимателей – это недостаток собственных идей (3,9). Предприниматели Курской области отметили практически все внутренние проблемы на уровне оценки 3, но самой значимой для них оказалась проблема недостатка денежных средств на новый вид деятельности (3,4).

Что касается внешних *факторов*, препятствующих занятиям новыми видами деятельности, руководители малых и средних предприятий отметили риск не окупить инновационные инвестиции (3,8), недостаточные льготные условия получения кредита на инновационные цели (3,2), недостаточную финансовую поддержку (2,9). Что касается представителей каждого региона отдельно, согласно их оценке, для каждого региона в равной степени самой явной внешней причиной является риск *не окупить инновационные инвестиции*.

Выиграть в конкурентной борьбе малому бизнесу возможно только за счет повышения производительности и интенсивности труда и эффективного управления, а для реализации этого условия необходимы грамотные, подготовленные кадры. По 10-бальной шкале предприниматели регионов оценили доступность кадровых ресурсов оценкой 7,2, что говорит о том, что сегодня предприниматели Центрального Черноземья не сталкиваются с серьезными трудностями при поиске новых специалистов. Что же касается оценки уровня подготовки специалистов вузами и учебными заведениями регионов, то 46,5% считают ее достаточной, 42% оценивают ее уровень как недостаточный. При этом сами опрошенные не принимают активного участия в программах обучения предпринимателей. Только 24% респондентов ответили, что участвовали в подобных программах, подавляющее большинство (76%) отметили, что участия в них не принимали.

Малый и средний бизнес сегодня страдает от высокой налоговой нагрузки. Оценивая справедливость налоговой нагрузки и взносов в фонд социального страхования по 10-бальной шкале, лишь 16,5% респондентов ответили, что все налоги справедливы. Согласно оценке остальных 83,5%, средняя оценка справедливости налогов составила 5,4, а взносов в фонд

социального страхования – 5,5. Как мы видим, обе оценки справедливости налоговой нагрузки находятся на уровне совсем немного выше среднего. Важно также отметить, что 13% предпринимателей честно признались, что уклоняются от уплаты налогов. Очевидно, что государству следует создавать более благоприятные условия для существования малых и средних предприятий, включая смягчение налоговой нагрузки.

В 2016 году Комитетом потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области было проведено полевое исследование по оценке мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории региона (N=480). Оно показало, что предприниматели Курской области нуждаются в создании дополнительных объектов инфраструктуры поддержки субъектов МП, особенно производственных и технологических парков (52%). Респонденты также отметили, что в регионе необходимо создавать офисы лицензирования (27%), центры трансфера технологий (12%) и инновационные центры (9%) [5].

В 2016 году, как и в 2015 году Общественной приемной Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Курской области, был проведен опрос, одной из целей которого было выявление факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие малого и среднего бизнеса в Курской области (N=218). По результатам данного исследования, к факторам, которые остались неизменны и в наибольшей степени сдерживали развитие бизнеса как в 2015, так и в 2016 году, можно отнести: высокий уровень налогообложения (67,9%), высокие цены на энергоресурсы (электроэнергия и газ) (66,4%), снижающийся спрос на внутреннем рынке (62%), высокий процент коммерческого кредита (60,6%), курс рубля (55,1%), высокие издержки на оплату труда и содержание персонала (54,6%), неопределенность экономической ситуации (50,5%) [1].

Таким образом, можно сказать, что субъекты малого бизнеса способны принимать участие в модернизации страны и могут сыграть в ней очень важную роль, но продолжает существовать ряд проблем, препятствующих развитию малого предпринимательства. При этом сам уровень стимулирования и поддержки малого бизнеса со стороны государства продолжает оставаться недостаточным. Несмотря на все меры, предусмотренные федеральными программами, механизм оказания финансовой поддержки малому бизнесу до сих пор не дает желаемых результатов. Для развития предпринимательской деятельности требуются определенные государственные преференции относительно малого бизнеса. Руководителям регионов следует более активно предпринимать меры, способствующие созданию благоприятного инвестиционного климата в регионе. Наибольших результатов можно добиться, оказывая малому бизнесу комплексные услуги, включающие также и консультативную поддержку. Необходима слаженная работа всевозможных структур – таких, как органы власти, органы местного самоуправления, банки

и фонды поддержки малого предпринимательства, – это позволит вывести малый бизнес на новый уровень, и, соответственно, повысить уровень развития нашей экономики.

Список литературы:

1. Доклад о результатах деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Курской области за 2016 год / Администрация Курской области. Курск, 2017. С. 66.
2. Земцов С. П. Типология регионов России для целей развития малого и среднего предпринимательства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С.120.
3. Каблов Е.Н. «Тенденции и ориентиры инновационного развития России: Сб. научно-информационных материалов». – 2-е изд., перераб. и доп.– М.: ВИАМ. 2013. С. 207.
4. Казыбайкызы А., Смагулова Ж.Б., Берикболова У., Муханова А.Е. Роль малого и среднего бизнеса в современной экономике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3–3. С. 424.
5. Курская торгово-промышленная палата [Электронный ресурс]. URL: https://kursk.tpprf.ru/ru/small_business/ (дата обращения 10.05.2017 г.).
6. Оценка доступности мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории Курской области / Комитет потребительского рынка. Курск, 2016. 4 с.

УДК 338.46

Юрина Владлена Сергеевна –

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО Поволжского

государственного университета сервиса,

г. Тольятти,

e-mail: vlada_tlt@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: развитие, модернизация, комплекс, отрасль, регион

Потребность социо-экономического усовершенствования – одна из основных задач XXI века, с которой столкнулись власть, бизнес и население большинства стран. Решение модернизационных задач для каждой страны уникально, обусловлено конкретной ситуацией. В регионах ПФО отмечается быстрый рост модернизационных процессов, который был прерван неблагоприятным воздействием мирового финансового кризиса. Усовершенствование экономики Приволжского федерального округа, стимулирующее рост производительности труда, может привести к возникновению пространственных несоответствий на рынке труда [2, С. 403–411]. На одних территориях будет ощутимая нехватка рабочей силы, на других – дефицит рабочих мест.

Социально-экономические изменения в обществе благополучны тогда, когда в них осознанно и ответственно участвуют наиболее значимые силы: власть, бизнес и общество [3, С. 17–19]. Благополучное положение для развития Приволжского Федерального округа имеет агропромышленный комплекс, высокотехнологичное и наукоемкое машиностроение, предприятия химико-лесного, топливно-энергетического комплексов.

Главным направлением развития и размещения отраслей промышленности в Приволжском регионе должно стать не создание новых производств, а модернизация и техническое перевооружение уже созданных, углубление переработки исходного сырья, ориентация на вывоз из региона конечной продукции, а не полуфабрикатов. Определены четыре наиважнейшие отрасли промышленности, требующие управленческого внимания и поддержки: автомобилестроение; нефтехимия; авиастроение; судостроение. Велика также роль округа в реализации национального проекта «Развитие АПК».

Самыми актуальными являются экологические проблемы. Приволжский федеральный округ в целом может быть охарактеризован как зона со сложной

экологической обстановкой [1]. Высокая степень индустриализации и развитое сельскохозяйственное производство привели к очень неблагоприятному состоянию окружающей природной среды, характеризующемуся чрезмерно высоким уровнем концентрации вредных веществ в воздухе и водных объектах, деградацией почв и лесных массивов. И как следствие этого в округе наблюдается высокий уровень заболеваемости и смертности населения. Созданный на Волге и ее притоках каскад гидравлических электростанций и водохранилищ привел к концентрации по берегам рек водоемких и энергоемких промышленных производств, прежде всего химических, нефте- и газоперерабатывающих и др.

Одна из главных задач экономического развития региона — активизация использования транспортного фактора. В перспективе регион будет входить в число лидеров по темпам экономического роста. Исключительно велика его роль в решении проблемы укрепления федеративных отношений с позиций как интеграции межрегиональных экономических связей, так и формирования устойчивых межэтнических отношений.

Основными проблемами развития сферы энергетики являются:

- высокая амортизация оборудования (как физической, так и моральной). На большинстве электростанций округа она составляет 70–90%, а по отдельным видам оборудования (генераторы, трансформаторы) превышает 100%;
- плохая пропускная способность и низкие темпы развития электросетей, создающие дефициты мощности в некоторых региональных энергосистемах;
- несоответствие многих региональных программ требованиям действующей нормативно-правовой базы;
- низкие темпы проведения непрерывных энергетических обследований;
- оформление энергетических паспортов по результатам энерго аудита ненадлежащим образом;
- отставание в переходе к современным технологиям.

Без принятия мер по энергосбережению и увеличению энергоэффективности будет нарастать энергодефицитность по обеспеченности собственными энергоресурсами.

В целом Приволжский федеральный округ является сбалансированным по электрической мощности. На долю округа приходится по 18% электропотребления и производства электроэнергии, а также около 19% установленной мощности электростанций в России. В данное время для Поволжья одной из наиважнейших задач является рост энергоэффективности и энергосбережения путем усовершенствование систем теплоснабжения, повышение доли составной выработки электрической и тепловой энергии, оптимизация экономических отношений в данной сфере. Необходим обдуманый, детальный план усовершенствования всей отрасли,

который наравне с мерами государственной поддержки и налоговым стимулированием предусматривал бы и федеральное целевое финансирование, а также изменение правил рынка электрической энергии и мощности.

Проблема инновационного формирования региона. Основа стратегии усовершенствования как страны, так и регионов – конкурентоспособность экономической деятельности.

Инновационная конкурентоспособность региона – это его способность к предоставлению высоких конкурентных мест за счет инновационного развития, направленного на достижение устойчивого экономического роста и повышение качества жизни населения региона [5, С. 46–51].

Таким образом, можно сделать вывод о довольно благополучных направлениях социально-экономического развития округа, однако для поддержания высоких и стабильных темпов роста необходимо предпринимать более активные действия. Социально-экономическое развитие зависит не только от экономических и социальных факторов, но и от политических факторов, в том числе от эффективности управленческого корпуса, от слаженности работы законодательной, исполнительной власти и органов местного самоуправления. Одной из стратегических целей также должно являться стабилизация уровня развития регионов с помощью выявления и поддержки перспективных производств в менее развитых областях.

Автор выражает благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований «Волжские земли в истории и культуре России» (грант № 16-16-63003) за частичную финансовую поддержку данной работы.

Список литературы:

1. Кутаев, Ш. К., Проблемы и перспективы социально-экономического развития региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. С. 25–31.
2. Модернизация регионов Приволжского федерального округа // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 403–411.
3. Социально-экономическое развитие и технологическая модернизации России – тенденции и перспективы развития / В. Г. Доронкин, Г. Э. Кудинова, В. С. Юрина и др. // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2013. – № 4. – С. 17–19.
4. Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р. – URL : <http://www.garant.ru/product/ipo/prime/doc/6648235/> (дата обращения: 04.10.2015).
5. Юрина, В. С., Кудинова, Г. Э. Анализ проблем устойчивого инновационного развития экономики регионов // [Текст] – Наука – промышленности и сервису. – 2013. – № 8–1. – С. 46–51.

УДК-316.33 ББК-60.5

Юсупов Муса Мовлиевич –

к.социол. наук, доцент, Чеченский
государственный университет, г. Грозный,
e-mail: musa_y17@hotmail.com

ТРУД КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: труд, ценности, модернизация, преемственность, нормы.

Ценности отражают социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отношение к ним человека. Они усваиваются в семье, на разных ступенях образования и в процессе социализации в различных сферах коммуникационного взаимодействия. Ценности играют определяющую роль в поведении человека, жизненном выборе, влияют на развитие социальных отношений. Труд является, как отмечается в энциклопедическом словаре, целесообразной деятельностью человека, направленной на сохранение, видоизменение, приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей, на производство товаров и услуг.

В докладе на материале социологических наблюдений рассматриваются трудовые ценности в период постконфликтного возрождения региона.

Предмет исследования: трудовые ценности в постконфликтной ситуации.

Методы: в исследовании применялся социокультурный подход, использовался метод анализа данных статистики и социологических опросов.

Социально-исторические факторы, общественное устройство, культура, оказывают влияние на изменение и специфику проявления трудовых ценностей. Социальная трансформация российского общества, утверждение многообразия собственности, становление рыночной экономики, вызвали изменение иерархии базовых ценностей, способствовали зарождению предпринимательской инициативы, свободной конкуренции, деловитости, расчетливости.

В постсоветском обществе на первый план выходят новые мотивы трудовой деятельности, прежде всего, выгода, польза, стремление достичь благополучия, нередко это протекает болезненно, с трудностями адаптации к новым условиям. Причем в регионах складывается разная практика, или вернее, специфика социальных трансформаций, культурных преобразований, создания рыночной экономики. На рубеже 90-х годов XX века в Чечне возникает социально-политическая напряженность, которая перерастает в конфликт. Общественная активность различных групп населения

проявлялась в их участии в различных протестных акциях. Это было сопряжено с нарушениями различных видов социальных норм. Результаты социологического исследования показывают, что с наступлением кризиса возрастает нарушение всех видов норм и протекает это как бы синхронно, но в разном соотношении частоты их несоблюдения. Так, по мнению респондентов, чаще нарушались этические нормы (67,8%), трудовые (29,6%), правовые (29,2%), религиозные (28,6%), политические (20%). В период вооруженного конфликта мало обращалось внимание на соблюдение трудовых норм, общественность и жителей беспокоили факты нарушения права на жизнь, передвижение и других, связанных с безопасностью. В ходе конфликта и в начальной фазе постконфликтной ситуации безработные составляли около 80%, средством существования многим служила гуманитарная помощь. С установлением в регионе мира и укреплением социального порядка, восстановлением социально-коммунальной инфраструктуры, возобновлении работы экономического сектора постепенно актуализируется проблема отношения к труду и укрепления трудовой дисциплины.

В послевоенной обстановке для большинства труд стал средством выживания. Многие не связывают с ним возможности достижения качественно нового уровня жизни, самореализации, для меньшинства, вписавшегося в рыночные условия, труд является средством преуспевания, увеличения доходов. В настоящем сознают свою незащищенность от бедности в сельской местности – 45,7%, в малых городах – 47,2%, в Грозном – 59,7% [Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона». Центр социально-стратегических исследований. Грозный. 2009. Объем выборки – 1000 чел.].

В индустриальных обществах, по мнению Р. Инглхарт, доминируют ценности материальные, коллективизма, выживания. В постиндустриальных – постматериальные, индивидуализма и самовыражения. В ЧР предстоит реиндустриализация, преодолеть низкий уровень первичной модернизации и подготовить предпосылки выхода на второй уровень модернизации[1].

По уровню экономической динамики Чеченская Республика занимает одну из лидирующих позиций, входит в ТОП-5 рейтинга эффективности управления, в индексе промышленного производства поднялась на 45 место. А в рейтинге инвестклимата – на 14-м месте. Представители крупных отечественных и зарубежных фирм и фондов выражают намерение вложить средства в разные отрасли республики. Стоимость сформированного инвестиционного портфеля превышает 261,1 млрд. рублей.[2,119]

Право на труд важно более пятой части опрошенных в возрасте 39–49 лет и десятой части среди пенсионеров. Право на труд совсем не важно для примерно трети респондентов среди молодежи(18-24лет). Среди опрошенных свыше двух трети не сталкивались с нарушениями права на труд. Несмотря на пережитые во время конфликта трудности, встречающиеся

факты коррупции в региональной общности сохранилось социально-нравственное отношение к труду. По результатам социологического опроса респонденты выразили желание формировать в своих детях, прежде всего, честность, справедливость, трудолюбие. [Социологическое исследование «Социокультурная ситуация в регионе». 2015. Грозный. Объем выборки – 750 чел.]

Характерно, что опрошенные грозненцы желали бы перенести из советской действительности в современность примерно равные доходы независимо от специальности и служебного положения (23,6%), но они не стали бы отказываться от частной собственности – 60%. [Социологическое исследование «Исторические ценности». Грозный. 2015 г., объем квотной выборки – 220чел.].

В последние годы произошла трансформация занятости, увеличивается число тех, кто трудится в частном секторе экономики либо относится к самозанятому населению. Число индивидуальных предпринимателей на 1 мая 2017 г. – 21963, из них 3639 – главы крестьянских (фермерских) хозяйств. В 2017 г. предусмотрены более 176,5 млн рублей на государственную поддержку малого и среднего бизнеса[3]. Стратегия социально-экономического развития СКФО и республики до 2025 г. предусматривает увеличение рабочих мест в разных секторах экономики.

Заключение. Структура и динамика трудовых ценностей зависит от типа общества, социокультурного опыта, характера общей иерархии ценностей. На их развитие и проявление оказывают влияние гендерный, половозрастной, образовательный и другие особенности индивидов и групп. В исследовании подтвердилась в основном гипотеза о зависимости трудовых ценностей от общего состояния социокультурных ценностей, уровня развития социальных связей, межпоколенческой преемственности в семьях, коллективах предприятий. Результаты исследования могут быть использованы в административно-территориальном управлении, деятельности общественных организаций, профориентационной и воспитательной работе.

Список литературы:

1. Проблемы социокультурной модернизации регионов России/Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. – М., Academia, 2013. – 416с.
2. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад. Ставрополь: СКФУ, 2017. – 163 с.
3. Социально-экономическое положение Чеченской Республики в январе–феврале 2017 года: Доклад Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике – Грозный, 2017 – 56 с.

Jerzy Kaźmierczyk –
PhD, Tyumen State University,
Tyumen, Russia
Poznan University of Economics and
Business, Poznan, Poland
e-mail: jerzy.kazmierczyk@ue.poznan.pl

THE WASHINGTON CONSENSUS AND THE BEIJING CONSENSUS. FIRST REMARKS

Keywords: the Washington Consensus, the Beijing Consensus, neoliberalism

Introduction

This article draws its inspiration from the Washington Consensus, which includes the basic principles recommended for the healthy functioning of the economy. In the course of writing the article, the author became also interested in the Beijing Consensus, which overall stands in contradiction to the neoliberal Washington Consensus and is based to a great extent on state interference in the economy, typical of the largest of Asian Tigers, namely China. This article takes into consideration the principles of the ‘healthy’ functioning of the economy as recommended by both the Washington Consensus and the Beijing Consensus. They were used to create a list of recommendations that should be implemented in the economy. Relevant statements have been included in the survey directed to all the researchers of the Poznań University of Economics and Business. Their responses were then used to determine the basic recommendations for economic policy. These were used to assess the degree of neoliberalism among Poznań researchers. Thanks to the possibility of conducting a comparative study of research results in time, the survey allows for a dynamic approach to the research in the economy and its principles.

The Neoliberal Doctrine of Economics

It is difficult to speak of one integrated neoliberal theory or doctrine of economics (Kaźmierczyk, 2011: 395-397). This popular trend consists of a number of schools and authors (Note 1). D. Harvey believes that ‘neoliberalism is in the first instance a theory of political economic practices that proposes that human well-being can best be advanced by liberating individual entrepreneurial freedoms and skills within an institutional framework characterized by strong private property rights, free markets, and free trade. [...] State interventions in markets (once created) must be kept to a bare minimum because, according to the theory, the state cannot possibly possess enough information to second-guess market signals (prices) and because powerful interest groups will inevitably distort and bias state interventions (particularly in democracies) for their own benefit’ (Harvey, 2007: 2).

A practical aftermath of neoliberalism was Thatcherism and Reaganomics (Note 2) during which time any evidence of statism (Note 3), was being eradicated, including ineffective state-owned coal mines, the significance of trades unions was limited, many spheres of economic life were deregulated and the welfare state was reduced. Some politicians and economists considered such measures necessary, a belief which found expression in the acronym TINA – ‘there is no alternative’ (Kołodko, 2008: 29). In D. W. Hursh and J. A. Henderson’s assessment, that was when the institutionalization of neoliberalism on a national level began (Hursh et al., 2011: 174). Undoubtedly, such harsh political measures made it possible to solve problems that other politicians could not overcome. The opponents of this economic policy point to the negative consequences of neoliberalism such as mass redundancies or mistreating people as economic tools. They also pose a question whether the market is at the service of people or perhaps the other way round – people are at the service of the market.

The Washington Consensus

The Washington Consensus originated at the end of 1980s as a response of an American researcher J. Williamson to the problems of Latin American countries. He analyzed the reform programmes recommended by the World Bank, the International Monetary Fund and the US Treasury Department to the countries in crisis. On that basis, he formulated ten principles to be implemented for the economy to achieve good results (Piątek et al., 2008: 112-113). The Consensus includes (Williamson, 2004: 3-4):

- fiscal discipline aimed at balancing the public finance budget,
- redirection of public spending with its major part directed towards health care, education and infrastructure,
- tax reform aimed at broadening the tax base,
- liberalization of interest rates to be determined mainly by the supply and demand for money,
- competitive exchange rates favouring the economic growth,
- trade liberalization,
- liberalization of inward foreign direct investment,
- privatization favouring competitiveness of the market,
- deregulation including the reduction of market entry and exit barriers.

The Beijing Consensus

To put it simply, the statist (Note 4) Beijing Consensus stands in opposition to the neoliberal Washington Consensus. In order to have a more complete picture of the differences, more specific questions must be posed, all the more so since the Beijing Consensus provides no clear list of principles.

Any economic turmoil at a crucial time is conducive to the formulation of significant concepts such as Keynesianism as a remedy for the Great Depression or monetarism as a response to the oil crises in the 1970s. The same was true about the Washington Consensus, which exerted influence on the emergence of a new,

post-socialist socio-economic order. The Beijing Consensus or at least some of its elements, in turn, could be a response to the global economic crisis (Note 5). The Beijing Consensus is a concept much younger than the Washington Consensus. The term itself was coined by A. Leonard at the beginning of the 1990s, but the whole concept was formulated by J. C. Ramo in 2004 (Gracia, 2010: 48). The principles of the Beijing Consensus include (Ramo, 2004: 11-12):

- innovation-based development,
- economic success measured by its sustainability and equitability,
- self-determination for China and for other countries.

The Chinese economic policy is also characterized by other practical principles and features. These include (Gracia, 2010: 49; Kanbur, 2009: 44):

financial support for the public sector,

- restrictions on private sector development,
- favouring state-owned enterprises,
- an undervalued exchange rate to support exports,
- preserving the labour-intensive industries,
- avoidance of dogmatism in economic decision-making,
- ignoring the differences between regions,
- development of special economic zones.

The most popular principles

The analysis of the collected responses allowed for the formulation of the principles which the vast majority of Poznan University of Economics and Business academics agree with. The recommended principles include (according to the degree of support) (Note 6):

1. People should have the freedom to invest their funds (232 people agreed (Note 7) – 97%, ‘I strongly agree’ – 54% of all responses).

2. Private property should be protected (229 people agreed – 95%, ‘I strongly agree’ – 52% of all responses).

3. The central bank should be independent of the government in the implementation of the monetary policy (220 people agreed – 92%, ‘I strongly agree’ – 52% of all responses).

4. The public debt should not be higher than 60% of GDP (214 people agreed – 89%, ‘I strongly agree’ – 50% of all responses).

5. The public finance deficit should not exceed 3% of GDP (205 people agreed – 85%, ‘I strongly agree’ – 43% of all responses).

6. Corruption cannot be beneficial for the economy (Note 8).

7. Taxes (175 responses – 73%) and social transfers (136 responses – 57%) should be moderately low.

8. The priority objective of the economic policy should be to ensure the economic development (146 responses – 61%).

9. The value added tax should be the most important source of budgetary revenue (141 responses – 59%).

10. The priority objective of the economic policy should be to ensure employment growth (136 responses – 57%).

11. State expenditure on research and development (134 responses – 56%) and education (130 responses – 54%) should be given priority.

The above principles received the highest average ratings and a vast majority of respondents agrees with them. Most of them are associated with the neoliberal principles. These are either the issues that were hard-won by the Polish in the process of the regime change or issues conforming to the rules of business practice or to the commonly respected principles. The three principles 3-5 find confirmation in legal regulations (Note 9) significant for economists and can be said to have been institutionalized; to the extent that they are frequently quoted in academic textbooks as the boundaries of economic rationality.

Conclusions

The basic assumptions of the neoliberal doctrine have been examined in this article. Neoliberalism does not have a uniform set of principles or economic recommendations, and its various representatives held slightly differing views on the question of liberties and the limiting of those by the state. However, they generally support the idea of reducing state interference. One example of the neoliberal approach to economy is the concept of the Washington Consensus. Despite the objections from the author of the Washington Consensus, J. Williamson himself, they have become the quintessence of neoliberalism.

The principles of the statist Beijing Consensus have also been examined. Both the Beijing and the Washington Consensus principles have formed the basis for the survey directed to academics. As the study results demonstrate, the academics subscribe to the neoliberal economic principles, which finds expression in the eleven principles resulting from the respondents' democratic (Note 10) choice.

The study was sponsored by RGNF (Russian Humanitarian Science Foundation). Project: "Capabilities and Restrictions New Industrialization and Contradictions Sociocultural Space: on Example Tyumen Region", No. 16-03-00500. Tyumen State University.

References:

1. Gracia A. The Beijing Consensus In The Shadow Of The Global Financial Crisis // UNISCI Discussion Papers, 2012. No. 24.
2. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. – New York: Oxford University Press, 2007. P. – 256.
3. Hursh D.W., Henderson J.A. Contesting global neoliberalism and creating alternative futures // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education, 2011. Vol. 32, No. 2.
4. Kanbur R. The Co-Evolution of the Washington Consensus and the Economic Development Discourse // *Macalester International*, 2009. Vol. 24, Article 8.

5. Kaźmierczyk J. Grzechy ekonomii, czyli trzynaście problemów w rozważaniach ekonomistów (esej) // Zeszyty Naukowe. Ostrołęckie Towarzystwo Naukowe im. Adama Chętnika, 2011. Vol. XXV.

6. Kołodko G.W. Wędrujący świat. – Warsaw: Pruszyński i S-ka, 2008. P. – 440.

7. Kowalik T. Systemy gospodarcze, Efekty i defekty reform i zmian ustrojowych. – Warsaw: Fundacja Innowacja, 2005. P. – 419.

8. Morawski W. Socjologia ekonomiczna. – Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. P. – 396.

9. Piątek D., Szarzec K. Cechy państwa sprzyjające rozwojowi gospodarstwu // Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny, 2008. Vol. 4.

10. Ramo J.C. The Beijing Consensus, The Foreign Policy Centre, 2004. [Online] Available: <http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (May 1, 2017).

11. Williamson J. A Short History of the Washington Consensus, Paper commissioned by Fundacion CIDOB for a conference 'From the Washington Consensus towards a new Global Governance', Barcelona, 2004. [Online] Available: <http://studentorgs.law.smu.edu/getattachment/International-Law-Review-Association/Resources/LBRA-Archive/15-1/SMB118.pdf.aspx> (May 20, 2013).

Notes

Note 1. This article is not concerned with the history of neoliberalism and a proper discussion of its premises would require a more extensive analysis. For the purposes of this article only the most characteristic aspects of neoliberalism were considered.

Note 2. Contrary to expectations, under R. Reagan government an increase in the public sector deficit was observed (T. Kowalik, 2005, p. 114).

Note 3. Statism is broadly understood as 'the expansion of the state' (W. Morawski, 2001, p. 127).

Note 4. Just as the neoliberalism of the Washington Consensus is conventional (even the author of the concept had doubts about it), so is the statism of the Beijing Consensus. If it is assumed that the Beijing Consensus is best expressed in the three basic principles mentioned here, the idea is far from statism. If however assumed that the Beijing Consensus constitutes a broader list of practical principles and characteristics governing the Chinese economy, it must be assessed as statist.

Note 5. One may conclude so by observing the increasing popularity of government interference in the economy, which is economists' response to the global economic crisis of the last few years.

Note 6. Regarding the principles 1-6, the respondents addressed the statements by assessing them on a scale from -3 (I strongly disagree) to +3 (I strongly agree). For points 7–10, the respondents selected their responses from among a number of options.

Note 7. This refers to people who responded ‘I strongly agree’, ‘I agree’ and ‘I rather agree’.

Note 8. The sixth principle requires further comment. The respondents were to address the statement ‘Corruption may be beneficial to economy’. A vast majority of them (209 people – 87%) disagreed with the statement and 60% of the surveyed disagreed strongly.

Note 9. i.a. the Public Finance Act and the Maastricht Treaty.

Note 10. In this survey each respondent’s opinion carried the same weight as opposed to the Washington Consensus and the Beijing Consensus, where a narrow group of people decided on the form of the ‘consensus’.

V Тюменский социологический форум

**Динамика социальной трансформации
российского общества: региональные аспекты**

Секция № 5

**Социальные трансформации
в экономической сфере
жизнедеятельности российских
регионов: тенденции,
детерминанты, факторы**

УДК 331 ББК 65.053

Баймурзина Гузель Римовна –
канд. экон. наук, учёный секретарь,
Башкирский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук, г. Уфа
e-mail: guzrim@mail.ru

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ КАК ИНДИКАТОР МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: качество занятости, социокультурная модернизация, регион

Современное и динамично развивающееся социально-экономическое пространство в настоящее время невозможно представить без эффективной социально-экономической политики, основу которой безусловно составляет обеспечение эффективной и достойной занятости населения. Об этом, к примеру, свидетельствует особое внимание качественным аспектам занятости в Европе, которое обусловлено стремлением к превращению Европейского союза к 2010 г. в самое динамичное в мире экономическое пространство, основанное на знаниях. И в настоящее время, несмотря на мировой финансовый кризис 2008-2010 гг., современное социально-политическое и экономическое состояние Европы, смену руководства Еврокомиссии и другие обстоятельства, обеспечение качества занятости остается ключевым направлением стратегии «Европа – 2020» [1].

При этом, если характеристика эффективности занятости относится к описанию институциональной среды, технологического уровня развития экономики, структуры экономики и соотношения рынка труда с рынком образования, уровень экономической активности населения и т.д., то характеристика достойности, на наш взгляд, в большей степени призвана отражать те качества занятости и рабочего места, которые обеспечивают удовлетворенность условиями труда (в том числе оплатой труда), трудовым процессом, социально-трудовыми отношениями, возможностями для профессиональной и личностной самореализации и т.д.

В этом смысле такая трактовка соотносится с двухполюсным антропосоциетальным подходом, применяемым Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой в программе и типовом инструментарии к исследованию социокультурной модернизации региона. В нем отмечается, что первый полюс «образуют типологические характеристики личности, которые позволяют акторам

действовать в этом регионе успешно или неуспешно – для себя и для региона; другим полюсом служит социокультурный статус/престиж, рейтинг данного региона о сравнении с соседними и иными регионами страны, функции/дисфункции этого региона по отношению к жителям этого региона и к российскому обществу» [2, с. 9].

Соответственно, анализ качества занятости и выявление векторов модернизации социально-трудовой сферы в регионах России, в рамках данного подхода, также должно подчиняться логике исследования социокультурной модернизации регионов и рассматривать две группы процессов: 1) антропосоциетальный процесс изменения характера соотношения личности и общества; 2) социетально-функциональный процесс – эволюция структуры и эффективности социальных функций регионов [2, с. 9].

Для интерпретации и оценки эмпирических данных, раскрывающих качественные характеристики занятости, важно иметь четкое представление о векторах социокультурной модернизации в целом, и социально-трудовой сферы в частности. С одной стороны, существуют идеальные модели (концепция достойного труда Международной организации труда), целевые показатели (рост производительности труда, социальной защищенности, уровня занятости и доходов, уровня удовлетворенности работой и т.д.), а также глобальные тенденции, связанные с технологическим развитием и цифровизацией экономики, которые вносят собственные поправки в представление о современности и модернизованности общества и его социально-трудовой среды. Таким образом, наряду с сбалансированным социально-экономическим развитием (когда экономические достижения сочетаются с социальной справедливостью и эффективностью), феномен модернизации в настоящее время все в большей мере ассоциируется с мобильностью и гибкостью, культурным и структурным плюрализмом, развитием социального партнерства и гражданской активности, повышением роли образовательных практик в течение всей жизни и т.д.

Очевидно, что эти процессы должны быть включены в исследовательскую программу. Однако, одни сложно поддаются считыванию, а другие – однозначной интерпретации. Например, классическим камнем преткновения для исследователей стал вопрос соотношения гибкости и уровня социальной защищенности населения. Так, в России повышение гибкости рынков труда и социально-трудовых отношений привели к росту социальной незащищенности, которая на фоне кризиса еще более обострилась (рис. 1).

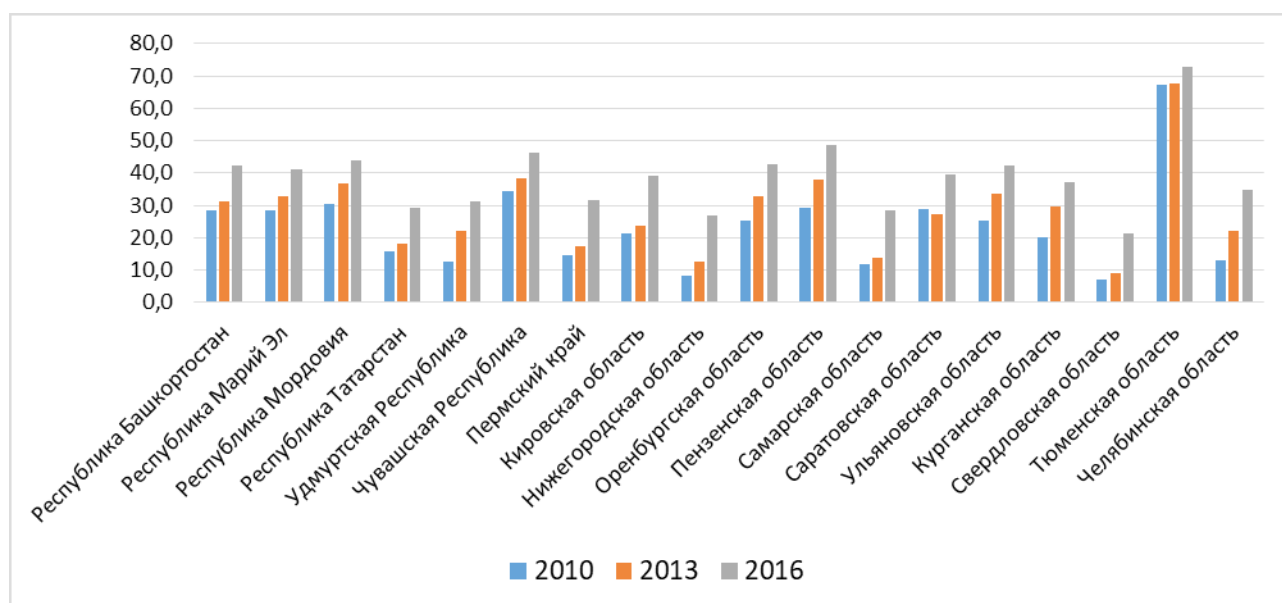

Рис. 1. Доля занятого населения Приволжского и Уральского федерального округов, находящегося вне системы социального страхования, %.

Источники: [3] - [6].

Затруднения в интерпретации появляются к примеру, при оценке нефтегазоносных регионов России. Противоречивой, на наш взгляд, является ситуация в Тюменской области, которая является лидером по производительности труда (ВРП в расчете на 1 занятого, руб.), уровню заработных плат, высокой миграционной привлекательности для работающего населения (2 место после г. Москвы)¹, но сохраняющим очень низкий уровень социальной защищенности работников. При этом, уровень неформальной занятости, по данным Росстата, в этом субъекте составил всего 12,1%.

Парадоксальным является и то, что общая численность занятых, по данным обследований рабочей силы Росстата за 2010–2016 гг. практически во всех регионах ПФО и УРФО выросла (на 5,2 млн человек в России в целом, на 139 тыс. – в Башкортостане, на 194 тыс. – в Тюменской области), а по данным Фонда социального страхования - сократилась (на 16,1 млн человек в РФ, на 127 тыс. в Башкортостане, на 44 тыс. в Тюменской области). Таким образом вне системы социальной защиты оказались около 42% занятого населения республики Башкортостан, 73% населения Тюменской области – критические, на наш взгляд, цифры. Безусловно, эти явления отражают трансформационные процессы на рынке труда и социально-трудовых отношений, однако отвечают ли они критериям модернизированности?

¹ По численности занятого населения, въезжающего в субъект на работу.

Еще один феномен, противоречащий требованиям социокультурной и экономической модернизации – отсутствие прямой и устойчивой связи между уровнем заработных плат и уровнем образования россиян. В данном контексте, интересны результаты экспертных опросов, проводимых Всемирным экономическим форумом (табл. 1.)

Таблица 1

Элементы индекса эффективности рынка труда Всемирного экономического форума (по данным опроса менеджеров, 2014–2015)

Индикатор	Вопрос	Шкала измерения	Значение для РФ (место РФ в рейтинге среди 142 стран)
1. Оплата труда и продуктивность	В какой мере оплата труда в Вашей стране связана с продуктивностью?	1=Совершенно не привязана к производительности работника; 7 = сильно зависит от продуктивности работника	РФ = 4.6 (25 место)
2. Состав управленческого звена	Кто в Вашей стране занимает высшие управленческие позиции?	1 = обычно родственники или друзья безотносительно к заслугам; 7 = наиболее профессиональные менеджеры в соответствии с заслугами и квалификацией	РФ = 4,0 (85 место)
3. Утечка мозгов	Ваша страна удерживает и привлекает талантливых людей?	1 = нет, лучшие и талантливейшие обычно уезжают, чтобы реализовать свои возможности в других странах; 7 = да, в нашей стране много возможностей для талантливых людей	РФ = 2,9 (99 место)

Источник: [7]

По индикатору «оплаты труда и продуктивности» Россия существенно продвинулась вперед: за 2010–2015 гг., она переместилась с 61 на 25 позицию; по «составу управленческого звена» – находится ниже середины рейтинга. С одной стороны, это свидетельствует о некотором движении в сторону модернизации сферы труда, но сохранение практически на том же уровне двух остальных показателей, отражает некоторые барьеры на этом пути. Это, в свою очередь, может сдерживать спрос на непрерывное образование. Как известно, обучение в течение жизни характерно относительно небольшой численности россиян, преимущественно жителям крупных городов (более 500 тыс. чел.) [8].

Особое внимание автора к этим индикаторам, все же обусловлено их простотой и адекватностью и однозначностью интерпретации (поскольку очевиден вектор модернизации), а также возможностью его сопоставления с данными других стран. На наш взгляд, эти вопросы могли бы занять место в бланках опросов как населения, так и экспертов в рамках формирования социокультурных портретов регионов России.

В целях дальнейшего совершенствования методики оценки социокультурных портретов региона, в частности разделов, посвященных социально-трудовой сфере региона, считаем целесообразным обратиться к опыту оценки качества занятости Европейской Комиссией [10], [11] и достойного труда Международной организацией труда [12] – [14]. Их отличают комплексный всесторонний подход, основанный на этических ценностях и фундаментальных правах человека, научно обоснованный и апробированный инструментарий. Особенно полезными для рассмотрения и адаптации, на наш взгляд, являются индикаторы развития непрерывного образования¹, трудовой мотивации, баланса между работой и частной жизнью, опыт исследований нестандартных форм занятости и т.д.

Список литературы:

1. EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. [electronic source]. European Commission, Brussels, 2010. URL: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf>

2. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. Наук, Ин-т философии. – М. ИФРАН, 2010. 111 с.

---

¹ В российской статистике, например, выпускается бюллетень «Дополнительное профессиональное образование работников в организациях» об обучении работников в коммерческих и некоммерческих организациях (кроме субъектов малого предпринимательства) всех форм собственности и видов экономической деятельности (кроме государственного управления и обеспечения военной безопасности; социального страхования; деятельности: религиозных организаций, домашних хозяйств, экстерриториальных организаций). Формируется по итогам федерального статистического наблюдения, проводимого 1 раз в 3-4 года. Имеется информация по субъектам Российской Федерации [9].

3. Обследование рабочей силы. 2016. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 10.06.2017).
4. Обследование населения по проблемам занятости населения. 2013. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm
5. Обследование населения по проблемам занятости населения. 2010. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm
6. Поисково-мониторинговая система Фонда социального страхования Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://fz122.fss.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).
7. Рейтинги конкурентоспособности Всемирного экономического форума. [Электронный ресурс] URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/> (дата обращения: 10.06.2017).
8. Н.Е. Тихонова. Человеческий потенциал и перспективы модернизации. TERRA ECONOMICUS. 2012. Т.10. №1. С. 135-146.
9. Статистический бюллетень «Дополнительное профессиональное образование работников в организациях» [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/bbd2da8043f81ba38a78cbd92111eac8 (дата обращения: 10.06.2017).
10. Davoine, L. Monitoring Employment Quality in Europe: European Employment Strategy Indicators and Beyond [electronic source] / L. Davoine, C. Ernel; Centre d'études de l'emploi. Paris: University Paris 1 et CNRS, 2006. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00272015/document>
11. Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework. [electronic source] / New York, Geneva: United Nations, 2015. DOI:10.18356/bc6e7bb7-en.
12. Bescond, D. Seven indicators to measure decent work: An international Comparison [text] / D. Bescond, A. Chataignier, F. Mehran // International Labour Review, Volume 142, Number 2, ILO, Geneva, 2003/2. – P. 179-211.
13. Bonnet, F. A family of decent work indexes [text] / F. Bonnet, J. Figueiredo, G. Standing // International Labour Review. Vol. 142. – 2003. – №2. – P. 213-218.
14. Ghai D. Decent work: Concept and indicators [text] // International Labor Review, Vol. 142. – 2003. – № 2. – P. 113–145.

УДК _33_ ББК _65

Брындин Евгений Григорьевич –
директор
Исследовательский центр
«ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА»,
г. Новосибирск
e-mail: bryndin15@yandex.ru

КРЕАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: диверсификация экономики, креативное управление.

Введение

При решении проблем экономического управления необходимо владеть:

- согласованием натурально – вещественных и денежно – стоимостных структур межотраслевого баланса;

- согласованием товарных и финансовых потоков в экономике.

В условиях инновационного развития большинства стран мира, целесообразно переходить к новым принципам построения единой технологии экономического управления. Дж. Мартино считает, что проектный менеджмент, в основе которого находится технологическое прогнозирование, является одним из наукоемких видов экономической деятельности, на что, к сожалению, экономическая наука уделяет мало внимание. Необходимо развитие маркетинговых услуг по прогнозированию структуры совокупного спроса на товары и услуги. Выбор же вариантов высокой технологии производства может выполняться и на уровне макроэкономики – экономическими службами государства, точно так же, как на уровне микроэкономики – менеджерами предприятия или предпринимателем. То есть принцип двойственности служит универсальным инструментом проектирования не только эффективной технологии производства товаров и услуг, но и является надежным инструментом поддержки рыночных механизмов экономического управления страны в целом.

Принцип двойственности решения двух сопряженных задач экономического управления обеспечивает соразмерность, сопряженность и согласованность финансовых и товарных потоков на уровне макроэкономики путем увеличения валовой добавочной стоимости в совокупном выпуске за счет выбора производств, основанных на непрерывном технологическом прогрессе и наукоемких вариантах инновационного развития. При этом изменения рыночных цен конечного продукта выполняют социальную функцию и служат индикаторами оценки принятых управленческих решений. Тем самым технологический прогресс займет свое достойное место в управляемой

экономике, а за рыночными ценами закрепляется лишь контрольная функция в процессе оперативного мониторинга обеспечением населения стартовой нормой продуктов, товаров и услуг здоровой жизнедеятельности.

Важность внедрения проектного менеджмента в технологию экономического управления состоит в том, что прорывные инновации становятся основными компонентами развития экономики. В целом, соразмерность, сопряженность и согласованность денежных и товарных потоков в процессе выбора инновационной технологии производства товаров и услуг позволяет добиться успеха в обеспечении ее устойчивого развития. Созидание такой системной технологии экономического управления – это одна из основных функций профессиональной власти и интеллектуальной нации.

Преимущество новой технологии управления экономикой предприятий состоит в гармонизации интересов всех участников производства на добавочную прибыль. Добавочная прибыль в этом случае определяется разницей сумм рыночных и индивидуальных цен производства. Стимулы на дальнейшие приращения зарплаты определяются в зависимости от объема общей добавочной рыночной прибыли. Индивидуальная ценность предприятия определяются экономическим содержанием затрат труда, капитала и других элементов его общих издержек. В конечном счете, финансовый капитал войдет в гармонию с человеческим капиталом перераспределением рыночных цен реализуемой продукции предприятиями. Это повысит социальную обоснованность внедряемых в экономику новых проектов развития. Ответственность государства ограничится созданием благоприятных условий и необходимых инфраструктур для нормальной их реализации и креативного управления диверсификацией экономики.

Креативное управление – это эффективное управление структурами, процессами и ресурсами для достижения заданных целей с использованием творческих подходов.

Целью в данном случае является диверсификация экономики.

Аспекты креативного управления диверсификацией экономики

Креативное управление рассматривается как целостная многоуровневая система, которая формирует цели инновационного развития общества и влияет на социально-экономические условия, позволяющие раскрыться креативному потенциалу и творческой энергии активных и образованных слоев общества. Это предполагает использование креативного управления для организационных, профессиональных и субъектных аспектов диверсификации экономики. Креативное управление связано с осуществлением социальной справедливости как равенства возможностей, благодаря чему оно становится открытой площадкой для самых активных, настроенных на общественное благо, слоев населения. Креативное управление оценивает человека как субъекта креативной деятельности, нацеленного на решение проблемных

ситуаций, связанных с развитием творческих способностей и углублением участия в экономических, социальных и культурных отношениях в обществе, направленное на актуализацию и развитие социального творчества больших социально-профессиональных и социально-территориальных групп, как акторов процесса модернизации и диверсификации экономики.

Аксиологический аспект креативного управления, связан с его влиянием на формирование социально-ценностного базиса российского общества. Культура креативности предлагает стимулирующее воздействие на повышение образовательно-квалификационного и культурного ресурсов управления. Креативная культура должна уменьшить бедность, ликвидировать безработицу, преодолевать колебания экономического цикла в целом и привести к здоровой жизнедеятельности и благополучию.

Развитие креативного управления связано с формированием новой генерации управленцев, способных осуществлять компетентную профессиональную инновационную духовно-нравственную диверсификацию инклюзивной, устойчивой и креативной экономики. Креативная экономика основывается на идеях, знаниях, навыках и способностях, позволяющих воспользоваться новыми возможностями. Речь идет о формировании нового облика страны под воздействием интенсивных процессов создания и распределения знаний и их проникновения во все сферы жизни общества.

Ключевыми факторами в данном случае являются усиление влияния научной и инновационной деятельности, образования, наукоемких и информационных технологий на экономику, государство и общество и обретение ими духовно-нравственных качественно новых характеристик и механизмов функционирования.

Креативное управление налаживает связи с университетами, местными и региональными исследовательскими институтами и фондами в целях обмена информацией, знаниями и опытом в области креативной экономики на местном, региональном и национальном уровнях.

Креативное управление открывает более устойчивые, духовно-нравственные инклюзивные и экологически оправданные пути для развития.

Диверсификация становится основой структурной модернизации экономики. Важным условием для диверсификации является рыночное и управленческое соответствие на микро и макро уровне. Использование фирмой стратегии диверсификации становится ее конкурентным преимуществом при условии высокого уровня взаимодействия руководящего состава компании, ее отделов и подразделений.

Для успешного развития диверсифицированной макроэкономики, основанной на знаниях, необходимо создание условий, обеспечивающих:

- высокий уровень духовности, культуры и образования в стране;
- динамичную инфраструктуру отрасли связи и распространения информации;

- эффективную инновационную систему, включающую исследовательские центры, университеты и малые фирмы;
- экономический и институциональный режимы, стимулирующие эффективное создание, распространение и использование знаний;
- высокотехнологичную стандартизацию шестого и седьмого уклада.

Для успешного перехода к устойчивому развитию, уменьшению зависимости от внешней конъюнктуры и для диверсификации Российской экономики необходимо формирование мощной производственной инфраструктуры, системы опережающего образования для подготовки профессиональных и квалифицированных специалистов шестого и седьмого технологического уклада, формирование высокотехнологичного спроса государства, общества и бизнеса, выработки высокотехнологичных предложений ВУЗами для участия в проектах развития бизнес компаний и госкорпораций. Также отменить налог на фонд заработной платы наукоёмких фирм и обеспечить справедливое распределение прибыли. Это усилит деловую активность и позволит участникам рынка повысить инвестиционную привлекательность вложений в Российскую экономику.

Инфраструктура Российской экономики может развиваться при минимальном участии государства, если оно создаст духовно-нравственные условия для быстрой и рентабельной реализации высокотехнологичных проектов развития, для проведения структурных реформ по трансформации экономики. Тогда креативное управление формированием диверсифицированной экономики России должно перевести промышленность на шестой технологический уклад, повысить, во-первых, производительность труда и качество продукции во всех отраслях, во-вторых, повысить конкурентную способность предприятий, обеспечив стабильность общеэкономических условий хозяйствования, на основе которых предприятия могут осуществлять планирование и инвестиции в проекты развития с различными сроками окупаемости [1-15].

С формированием системы креативного управления усиливается влияние креативности, как тенденции общественного развития, как инструмента достижения стратегических социальных целей и обретения российским обществом состояния уверенности в будущем.

Список литературы:

1. Брындин Е.Г. Оптимальная структура экономики. Межд. науч. жур. «Экономика и предпринимательство», №4. М. 2010. С. 19–26.
2. Брындин Е.Г. Инновационная здоровье сберегающая рыночная экономика. Сб. статей участников Междунар. науч. конф. «Горизонты цивилизации». Челябинск: ООО «Энциклопедия». 2010. С. 54–66.
3. Брындин Е.Г. Организация и управление инновационной экономикой. Межд. науч. жур. «Экономика и предпринимательство» №6. М. 2010. С. 18–23.

4. Брындин Е. Г. Регулирование инновационной экономики. Межд. науч. жур. «Репутациология», №4. М. 2011. С. 35–41.
5. E.G.Bryndin. Global economic stabilization. Journal «International scientific researches», Vol. 4, Nom. 1-2 (January-June 2012) P. 73–76.
6. Evgeny Bryndin. Global uniform innovative economy. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. 119 с.
7. E.G. Bryndin. Solution of problems of resources, ecology, health and poverty. Journal of international scientific researches, Vol. 5, Nom. 1–2. 2013 P. 86–89
8. E.G. Bryndin. Transition to health saving up innovative economy. Journal of international scientific researches, Vol. 5, Nom. 1-2. 2013. P. 65-67
9. E.G.Bryndin. OPTIMUM CONTROL OF THE INNOVATIVE AGRICULTURAL ECONOMY. Journal «International scientific researches», № 2. 2014. P. 13–15.
10. Bryndin E.G. Economic aspect of problems of health, wellbeing, ecology, resources. International Scientific Symposium «Lifelong wellbeing in the world». TPU. 2014. pp. 6–12.
11. Брындин Е. Г. Международный менеджмент БРИКС равномерного экономического порядка. V-Всероссийская научно-практическая конференция: «Актуальные вопросы экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения». ТГУ. 2014. С. 374–381.
12. Evgeny Bryndin. Uniform economy of global wellbeing. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2015. 111 с.
13. Брындин Е.Г. Экономический аспект глобального благосостояния. Международная конференция: «XXIII Кондратьевские чтения: Тупики глобальной экономики, поиск новой научной парадигмы». М., МООСИПНН Н.Д. Кондратьева.2016. С. 32–37.
14. Брындин Е.Г. Оптимальное управление инновационной сельскохозяйственной экономикой // Аэкономика, 2016. №4 (12). URL: <http://aeconomy.ru/science/economy/optimalnoe-upravlenie-innovatsionno/>
15. Evgeny Bryndin. Economic Aspect of Global Wellbeing. Journal “The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences”. Volume VII. 2016 . Pages 14–21.

УДК _33_ ББК _65

Брындин Евгений Григорьевич –
директор
Исследовательский центр
«ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА»,
г. Новосибирск
e-mail: bryndin15@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровой сектор экономики, электронные товары и услуги.

В 1995-ом году американский информатик Николас Негропonte (Массачусетский университет) ввел в употребление термин «цифровая экономика». Рассмотрим семь определений цифровой экономики:

1. Глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как интернет, а также мобильные и сенсорные сети (Правительство Австралии);

2. Система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий (Всемирный банк);

3. Экономика, которая главным образом функционирует за счет цифровых технологий, особенно электронных транзакций, осуществляемых с использованием интернета (Оксфордский словарь);

4. Ведение бизнеса на рынках, опирающихся на интернет и/или Всемирную паутину» (BCS, Великобритания);

5. Рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете (ОЭСР);

6. Экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства (Исследовательский центр журнала «Economist» и компания IBM);

7. Производство цифрового оборудования, издательская деятельность, медийное производство и программирование» (Правительство Великобритании).

Цифровая экономика — это экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях. Одним из направлений цифровой экономики является быстрое и легкое предоставление информационных услуг через Интернет. Она включает использование виртуальных процессов в рамках текущей деятельности крупных компаний и корпораций. Цифровая

экономика – это деятельность, непосредственно связанная с электронной коммерцией, в которую входят: сервисы по предоставлению он-лайн услуг, интернет магазины, информационные сайты, зарабатывающие на рекламе и прочие виды деятельности. Это коммерческие операции в он-лайн режиме. К цифровой экономике можно причислить практические способы заработка в сети Интернет. Услуги разного рода консультантов, оказываемые через сеть: юристы, бухгалтера, психологи. Все, что можно купить и продать, не отходя от компьютера, получить и использовать через компьютер (планшет, смартфон) — все это электронные продукты, составляющие электронную (цифровую) экономику. При этом интернет - магазины, которые торгуют реальными продуктами и услугами — находятся на стыке между электронной (цифровой) экономикой и реальным сектором экономики с его продуктами питания, одеждой, стройматериалами и так далее.

То есть сам сервис по выбору товаров в интернет - магазине, возможность оплатить его электронными деньгами или банковской картой, сервис по отслеживанию доставки — это цифровая экономика. А производство того товара, который вам доставляет интернет - магазин, а также транспорт, который его доставляет — это реальный сектор.

Цифровая экономика сама по себе, без реального и сырьевого секторов, без производства, которое превращает сырье в продукты, без сельского хозяйства и без транспорта, доставляющего сырье на завод, продукцию на склад и товары со склада в магазин или к вам на дом — существовать не может. То есть цифровая экономика — это не целостная экономика, а ее сектор, состоящий из электронных товаров и услуг (в том числе услуг по выбору и заказу реальных товаров). Поэтому правильнее говорить не «цифровая экономика», а цифровой сектор экономики. Полноценная цифровая экономика возникнет, когда появится виртуальная реальность и стоимость ее услуг по приобретению в этой реальности товаров превысит стоимость реальных товаров и услуг.

Но полноценной цифровой экономики, то есть экономики, в которой электронная коммерция с ее электронными продуктами и услугами была бы главной составляющей, нет, ни в одной стране мира, даже в США. Вклад цифровой экономики в ВВП США, оценивается в 7% ВВП. В Китае уровень развития цифровых операций выше, чем в других странах.

России нельзя прыгнуть с сырьевой экономики сразу в цифровую экономику. Нельзя перепрыгнуть через ступень промышленности, микроэлектроники, вычислительной техники и сразу создать виртуальную реальность или электронную экономику как развитый сектор, двигающий всю экономику страны.

Для этого нужно создавать цепочку товаров и услуг, которые оказываются с использованием цифровых технологий, в том числе такие

понятия как: интернет вещей, Индустрия 4.0, умная фабрика, сети связи пятого поколения, и что можно охватить все то, что поддается формализации.

Безусловным преимуществом цифровой экономики является то, что потребители могут получать продукты по более низким ценам. Например, электронная версия нового романа может быть на 25-50% дешевле, чем покупка печатной копии книги. Подобным образом, поклонники музыки могут приобрести последние релизы от своих любимых артистов гораздо дешевле, чем покупать их на стандартных носителях. По аналогии с сугубо цифровыми продуктами, можно привести примеры экономии при покупках в интернет магазинах, где цена практически всегда ниже, чем в оф-лайн магазинах.

Цифровая экономика предоставляет гораздо быстрее, качественнее и удобнее более разнообразный информационный, образовательный, научный, развлекательный перечень услуг.

В 2016 году один из главных докладов Всемирного банка содержал отчет о состоянии цифровой экономики в мире (доклад вышел под названием «Цифровые дивиденды»). В предисловии к докладу, написанном президентом группы Всемирного банка Джимом Ён Кимом, говорится: «Мы переживаем величайшую информационно-коммуникационную революцию в истории человечества. Более 40 процентов населения планеты имеет доступ к Интернету, и каждый день в сеть выходят новые пользователи. Среди беднейших 20 процентов домохозяйств мобильный телефон есть почти в каждом 7 из 10. В этом докладе прослеживаются три мысли. 1) широкое распространение Интернета, мобильной связи и информационно-компьютерных технологий (ИКТ) становится основой для создания цифровой экономики. 2) цифровая экономика многих стран мира находится в стадии бурного развития. 3) цифровая экономика приведёт к радикальному преобразованию мира.

За период 2005-2015 гг. количество пользователей Интернета выросло более чем втрое: с 1 миллиарда до 3,2 миллиарда. Авторы доклада ВБ называют данное явление «цифровой революцией»: «Это означает, что сегодня сети связи соединяют фирмы, граждан и правительства прочнее, чем когда бы то ни было прежде. Цифровая революция сразу же принесла выгоды частным лицам: стало проще и удобнее общаться и получать информацию, появились бесплатные цифровые продукты, возникли новые формы досуга. Кроме того, благодаря ей сложилось ощущение глубинной социальной взаимосвязи и глобальной общности». Авторы доклада настаивают, что польза от «цифровой революции» станет ещё ощутимее («цифровые дивиденды» - ещё больше), если распространение ИКТ будет стимулироваться и направляться государствами. Охват должен быть 100-процентным! Никаких «теневых зон» на планете остаться не должно! Реальные «цифровые дивиденды» появятся также при условии, что ИКТ будут более широко использоваться не только на бытовом

уровне (связь, общение между людьми), но и в экономике. Человечество должно перейти от традиционной экономики к «цифровой экономике».

Современные информационно-компьютерные технологии спрямляют связи между компаниями, банками, правительством и населением, убирая длинные цепочки посредников и ускоряя проведение разнообразных сделок и операций (купли-продажи, кредита, аренды, уплаты налогов, штрафов, взносов, других платежей и расчётов).

Авторы многих исследований по цифровой экономике, в том числе и доклада ВБ, делают вывод, что электронная модель экономики обеспечит «цифровые дивиденды» обществу в виде более высокой производительности труда, повышения конкурентоспособности компаний, снижения издержек производства, ослабления кризисов за счёт ускоренной реализации товаров и услуг, роста занятости и снижения безработицы, более полного удовлетворения потребностей человека, снижения бедности и даже ослабления или полного преодоления социальной поляризации общества [1-11].

Новый виток развития цифровой экономики основывается на ещё более массовом и качественном сборе и анализе данных и формализации для оцифровки. Тот, кто предлагает принципиально новые – «цифровые» – способы удовлетворения новых и старых потребностей, просто вынужден создавать и осваивать новые принципы общения с клиентами и работы на рынках. Он должен визуализировать потребности и продукты, показывать успешный потребительский опыт, разъяснять и обучать пользователей, оказывать постоянную и удобную поддержку. Ему нужна квалифицированная система управления взаимодействием, которая призвана в теории и на практике прогнозировать, планировать, организовывать, исполнять, контролировать и координировать всю масштабную деятельность по активному использованию данных в деле удовлетворения возрастающих потребностей человечества.

Список литературы:

1. Брындин Е.Г. Оптимальная структура экономики. Межд. науч. жур. «Экономика и предпринимательство», №4. М. 2010. С. 19–26.
2. E.G. Bryndin. Transition to health saving up innovative economy. Journal of international scientific researches, V. 5, N. 1. 2013. P. 65–67
3. Брындин Е.Г. Креативное управление диверсифицированной экономикой. Труды Восьмой межд. конф. «Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2015)». Т. 1. – М.: ИПУ РАН, 2015. С. 379–383.
4. Брындин Е.Г. Экономический аспект глобального благосостояния. Международная конференция: «XXIII Кондратьевские чтения: Тупики глобальной экономики, поиск новой научной парадигмы». М., МОСИПНН Н.Д. Кондратьева. 2016. С. 32-37.

5. Брындин Е.Г. Оптимальное управление инновационной сельскохозяйственной экономикой // Экономика, 2016. №4 (12). URL: <http://aeconomy.ru/science/economy/optimalnoe-upravlenie-innovatsionno/>

6. Evgeny Bryndin. Economic Aspect of Global Wellbeing. Journal “The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences”. Volume VII. 2016. Pages 14–21.

7. Брындин Е.Г. УПРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЬЮ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Сборник Международной научно-практической конференции «Современные тренды российской экономики: вызовы времени-2017», Т. 2. ТИУ. 2017. С. 289–292.

8. Брындин Е.Г. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ С ОПОРОЙ НА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития Российских регионов». ТИУ. 2017.

9. Evgeniy Bryndin. Cognitive Robots with Imitative Thinking for Digital Libraries, Banks, Universities and Smart Factories. American Journal of Library and Information Science. Vol. 1, No. 1, 2017, pp. 6–14.

10. Катасонов В. Цифровые финансы (Криптовалюты и электронная экономика). М: Книжный Мир. 2017.

11. Кешелава А.В., Буданов В.Г., Румянцев В.Ю. и др. На пороге «цифровой экономики»). ВНИИГеосистем, 2017.

УДК 31.314.9 ББК 60.54

Воронов Виктор Васильевич –
д-р социол. наук, профессор,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва;
Даугавпилсский Университет, Латвия
e-mail: viktor.voronov@du.lv

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И СЦЕНАРИЕВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИАСПОР И ЗЕМЛЯЧЕСТВ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В РЕГИОНАХ¹

Ключевые слова: диаспоры, землячества, регион, этноэкономические модели

Наиболее полно познавательные возможности социального моделирования проявляются при рассмотрении его как метода системного исследования. Если мы будем рассматривать межэтнические отношения в России или в других странах с системных позиций, то этнические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах имеют в своей основе экономические особенности той или иной хозяйственной практики региональных акторов. Например, наиболее известны в странах ЕС этномодель «мультикультурализма», а в США – «плавильного котла». Первая полностью провалилась в Европе, вторая проваливается в Америке [Фурсов, 2017].

В России за непростыми отношениями между новыми диаспорно/земляческими сообществами и местным населением в регионах стоит конфликт между отдельно сохраняющимися традиционными общинно-трудовыми отношениями и современным российским обществом в условиях рынка, находящимся в состоянии устойчивого распада прежних форм организации жизни. Рассматривая российскую социально-экономическую и социокультурную ситуации можно выделить основы этноэкономических нелинейных моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением, опираясь на следующие критерии: цели экономического участия в этом взаимодействии и форма такого участия (легитимное или девиантное экономическое поведение представителей диаспор и землячеств). На основании указанных критериев можно выделить модели: рационально и иррационально рыночные, а также нерыночную трудовую. Назовем их «умеренно-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

либеральная» и «монополизации шансов» модели, а также «консервативно-мобилизационная».

В структуру *умеренно-либеральной этноэкономической модели* входит: приоритет частного бизнеса в хозяйственной деятельности любого уровня, для которого государство лишь создает условия для работы; селективная минимизация затрат на наёмную рабочую силу; свободное перемещение наёмной рабочей силы с учетом общих правовых норм; представители этнических групп в своей социально-экономической деятельности индивидуально минимизируют издержки и максимизируют выгоды.

В структуру *этноэкономической модели монополизации шансов* входит: этнические группы с теневой кадровой иерархией, сетью региональных посредников; устойчивые практики взаимодействия работников как представителей разных этнических групп и их работодателей; наличие отработанного механизма получения и распределения доходов от монополистической деятельности определённой этнической группы в регионе; наличие структур силового прикрытия коммерческой деятельности представителей этнических групп и санкций к нарушителям; покровительство на возмездной основе представителей этнических групп в местных органах власти и деловых кругах региона [Дмитриев, Жуков, Пядухов, 2009: 234–235].

В структуру *консервативно-мобилизационной этноэкономической модели* входит: согласование интересов (от общих к частным) субъектов хозяйственной деятельности в стране и регионах; системное развитие всех секторов экономики; выравнивание социально-экономических условий развития регионов для роста качества жизни всех их жителей; реализация принципа социальной справедливости, обеспечение порядка и равенства всех перед законом; дифференцированная поддержка диаспор и землячеств в регионах в интересах устойчивого развития последних.

Теоретические и практические исследования, проведённые по проекту Российского научного фонда в Тюменской и Нижегородской областях, а также в Краснодарском крае показали, что устойчивое неконфликтное взаимодействие диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах происходит в условиях, когда большинство местного населения представлено славянским народом одной культуры и истории: русскими, украинцами, белорусами и комплиментарными к нему народами: адыгами, армянами, башкирами, казахами, татарами и другими. Такое взаимодействие предполагает два взаимосвязанных элемента: социокультурные отношения, характерные для традиционного трудового общества и социально-экономические отношения, характерные для рыночной многоукладной экономики.

В настоящее время заметное распространение в регионах, во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: социокультурном инструментализме (внимание к мобилизации этнических

и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономическом инструментализме (внимание к разным формам адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп). Этническая группа рассматривается здесь как группа людей общей идентичности, общей истории и культурной традиции, общего языка, и которая осознает этнокультурные различия между своим сообществом (диаспора или землячество) и местным сообществом.

Этнохозяйственный тип экономической деятельности различается у разных народов России и обусловлен как конфессиональным влиянием на социально-экономические и социокультурные установки, так и природно-климатическими условиями жизнедеятельности. В этой связи можно различать производственно-государственный тип этнохозяйственной деятельности русского народа как взаимосвязанную реализацию промышленного и сельского труда из-за минимального объема совокупного прибавочного продукта, обусловленного природно-климатическими условиями и значительными транспортными издержками при реализации товаров. Торгово-посреднический и земледельческий тип этнохозяйственной деятельности народов Средней Азии (казахов, киргизов, таджиков, узбеков). Торгово-посреднический и сельско-животноводческий тип этнохозяйственной деятельности народов Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, осетин, кабардинцев, чеченцев). Этноэлиты на постсоветском пространстве свои привилегии, престиж и власть реализуют, в основном, не в сфере производственных ресурсов, а в сфере перераспределительных ресурсов. Поэтому функционирование государственного управления (подбор и ротация кадров) в регионах, где сильны позиции этноэлит, осуществляется по этническому, а не по профессиональному основанию, что снижает квалификацию выполняемых ими функций и нейтрализует попытки модернизации госаппарата, органов правопорядка и социальной сферы в общегосударственных интересах.

Рыночные преобразования на постсоветском пространстве привели к обесцениванию деятельности в реальном (особенно индустриальном) секторе экономики и резко сузили структурные возможности рынка труда. Это наиболее негативно отразилось на русском народе. Индустриальный сектор на постсоветском пространстве сжимается за счет расширения сферы торговли и услуг. При этом, например, в отдельных регионах, где русские в меньшинстве, практически исчезла обрабатывающая промышленность, где были заняты квалифицированные рабочие и инженерные кадры, в основном, русские работники. Экономика там свелась к трём-четырёх составляющим: 1) сельское хозяйство с производством для переработки его продукции, 2) транспортный, 3) топливно-энергетический, 4) рекреационно-туристический комплексы [Денисова, Уланов, 2003:173-175; Петросянц, 2005:111].

Поэтому на первое место в условиях рынка выдвигаются, преимущественно, не социальные качества человека (трудовая активность, цели

жизни и т.д.), а этнические (конфигурация национального характера, обычаи, традиции и т.д.). С одной стороны, это можно приветствовать как возможность обращения того или иного народа к своим историческим корням, которые нивелируются в современных условиях глобализации. С другой стороны, этнические качества одним народам помогают выживать при рынке, а другие народы (особенно русских) обрекают на пассивную адаптацию или деградацию.

У российского государства исторически сформирована очень развитая хозяйственно-экономическая функция, ведь «государственная машина» была вынуждена форсировать объективный процесс углубления общественного разделения труда в крестьянской стране. Отсюда необычайная активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»: дороги, каналы, города-крепости обширного приграничья, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и обеспечение всего этого рабочей силой, профессиональными кадрами. В пространственных и природно-климатических условиях большинства регионов России функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории [Милов, 2008: 151].

Можно выделить четыре сценария на среднесрочный период (2015–2020 гг.) взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах и не только: позитивный, умеренно-позитивный, негативный, умеренно-негативный.

Позитивный сценарий интеграционной идентификационной стратегии региональных этнических групп по консолидации и пространственному развитию регионального социума включает такие характеристики: равные права и обязанности всех этнических групп региона; равный доступ к получению материальных и нематериальных благ; трудовая деятельность всех этнических групп в соответствии со способностями и квалификацией их представителей, исключая внеэкономические факторы. Такой сценарий имеет локальные случаи.

Умеренно-позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп присущи, в основном, старожильческим диаспорам и землячествам, а не представителям этнических групп внешней и внутренней миграции после 1991 года. Последние наиболее успешно интегрированы в экономическую сферу, но гораздо слабее включены в социокультурную сферу регионального и местного сообщества. По оценке экспертов, их интегрированность в региональную и местную экономическую среду составляет в среднем 3 балла из 5, а включенность в социокультурную среду регионального и местного сообщества составляет от 1,8 до 2,4 баллов из 5. Такой сценарий, по мнению экспертов, значимо представлен в обследуемых регионах.

Негативный сценарий выражается в том, что преобладающие обособленческие идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют повышению конфликтности в региональном социуме. Его характеристиками являются: отсутствие государственной политики и управления межнациональными отношения на основе стратегических геополитических интересов развития государства; нарастание отчуждения полиэтнического, но мононационального народа от власти и власти от народа; деиндустриализация экономики, ведущая к её архаизации и преобладанию сферы обращения над сферой производства, что сужает возможности трудоустройства на локальных рынках труда экономически активного населения в соответствии с квалификацией и способностями; воспроизводится в значительных масштабах теневая экономика и теневой рынок, где заметная её часть «окрашена» внеэкономическим фактором – клановой этничностью.

Умеренно-негативный сценарий выражается в том, что преобладающие (адаптационные и обособленческие) идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют затяжному кризису в межнациональных отношениях в региональном социуме. Здесь основными характеристиками выступают: продолжающийся процесс деградации реального сектора экономики (обрабатывающей промышленности и крупного коллективного с использованием современных производственных и перерабатывающих технологий сельского хозяйства); отток экономически активного населения из деревень, сёл, малых городов в мегаполисы и областные центры, ведущий к демографической катастрофе государствообразующего народа; деградация русского социокультурного типа в межэтнических отношениях в отдельных регионах посредством замещения общероссийских социокультурных маркеров на национальные: улиц, памятников, топографических названий, общих праздников.

В настоящее время, в обследуемых регионах, где преобладает русское этническое большинство, реализуется, в целом, умеренно-негативный сценарий взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением. Для устойчивого же развития нужна консервативно-мобилизационная этноэкономическая модель взаимоотношений диаспорных и земляческих групп с местным населением.

В заключение можно утверждать, что устойчивые межэтнические отношения при взаимодействии диаспор и землячеств с местным населением («позитивный сценарий»), способствующие интеграции полиэтнического населения возможны лишь при реализации консервативно-мобилизационной этноэкономической модели этих отношений. Существующая система способна воспроизводить лишь умеренно-либеральную и монополизацию шансов этноэкономические модели, которые дают простор умеренно-негативному и негативному сценариям развития межэтнических отношений диаспор и землячеств с местным населением. На это указывают разные неудачные

попытки в рыночных условиях решать этнические проблемы на теоретическом уровне (создавая социально-политическую «российскую нацию») и на практическом (разработка правительством федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации», согласно которой к 2020 году доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составит 65 процентов а уровень толерантного отношения к представителям другой национальности составит 85 процентов, что весьма далеко от нынешних конфликтогенных реалий). Вместе с тем, есть надежда на появление необходимых социально-экономических факторов и возможностей пространственной и межэтнической консолидации России, которая связана с понятийным аппаратом и причинно-следственными связями восьми направлений экономической безопасности страны, рассматриваемых в указе президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Такая стратегия нужна для перехода экономики к мобилизационной модели развития, в которой основным фактором выступает «общее дело», понимаемое в смысле социальных технологий продуктивной кооперативной деятельности, которые выработала российская цивилизация за века своей истории. Социально-экономические и социокультурные коды русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм, радушие, уживчивость, доброта) способны формировать и воспроизводить устойчивые межэтнические и межконфессиональные отношения на принципах социальной справедливости и обеспечения равенства всех перед законом. В основе гармоничных межэтнических отношений в стране и регионах может быть лишь формирование общей российской идентичности как единства многообразий этнических идентичностей народов России на цивилизационной базе русской нации: русского социокультурного типа.

Список литературы:

1. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003. – 352 с.
2. Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. – М.: Изд-во РГСУ, 2009. – 318 с.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 2008. – С.151.
4. Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона: проблемы формирования и реализации. – М.: Наука, 2005. – С.111.
5. Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе.// СоцИС, 2017. № 4. – С. 17–25.
6. Фурсов Андрей: Глупость или измена? [Электронный ресурс]. URL: newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571 (доступно: 10. 03. 2017).

УДК 316.342.2 ББК 60.54

Гаврилюк Вера Владимировна –
д-р социол. наук, профессор
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

НОВЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС В РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

Ключевые слова: рабочий класс, новый рабочий класс, социальная структура, постиндустриальное общество, социальное неравенство

Социальная структура современного российского общества претерпевает фундаментальные сдвиги в связи с изменениями в мировой экономике. Принципиально изменилось и положение рабочего класса, который в течении столетий рассматривался в качестве протагониста общественных перемен и центра притяжения сил социального обновления. Современная интеграция рабочих в капиталистическую систему, переход к экономике шестого уклада, поражение социализма, глобальный переход к постиндустриальному обществу требуют заново осмыслить «рабочий вопрос».

В современной социологии не решен вопрос о критериях, базовых признаках рабочего класса, поэтому трудно провести четкое различие между ним и другими социальными группами. Не каждый наемный работник является рабочим, с другой стороны, пересечение с социальными позициями других страт не является основанием включения в них рабочих. Именно поэтому особую актуальность в условиях высоко дифференцированных современных обществ, приобретает вопрос о критериях выделения этой базовой социальной группы. Новой исследовательской задачей сегодня становится проблема выявления содержания и структуры «нового рабочего класса», традиционные и актуальные способы его теоретической концептуализации, изучение социальных установок и жизненных планов представителей этой группы, выявление основных моделей трудового поведения, уровня гражданской компетентности, а также форм субъектности нового рабочего класса в сфере культурного производства и потребления. Особый исследовательский интерес представляют вопросы о включенности в этот социальный слой представителей различных сфер занятости, в том числе, сферы обслуживания и сельскохозяйственного производства [6]. Одной из важнейших проблем в заявленной теме является выявление моделей трудового поведения современной молодежи, оснований выбора этих моделей, формирование нового социального слоя – прекариата.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России»

Постиндустриальная революция, кардинально перестроив экономическую структуру общества, трудовые отношения, привела к существенным сдвигам в сфере социально-стратификационных отношений. Изменилось не только положение рабочего класса, но и само содержание отношений собственности, они связаны с переходом от материальных к нематериальным аспектам. Всё большее значение получают категории информации и знания, которые становятся неотчуждаемой формой собственности, в отличие, например, от производственных активов. Кардинальные изменения в организации труда вызваны перестройкой отраслевой структуры экономики, появлением новых форм распределения рабочей силы, углублением сегментации рынка труда, ростом разных форм внештатной работы, тенденцией индивидуализации труда, усилением роли сетевого наемного работника. Рост экономической автономии индивида определяет тенденцию возникновения класса, не нуждающегося в «эксплуатации» других социальных групп. Постиндустриальное общество не устраняет деление на управляющих и управляемых – это является неизбежным следствием разделения труда и фундаментальной характеристикой различных типов социальной организации. Новый тип общества лишь видоизменяет данное противоречие. Рабочий класс можно рассматривать как группу, члены которой занимают разные структурные позиции по дифференцированным шкалам социальных переменных. Кроме характера труда и положения субъекта на рынке труда, к данным критериям обычно выделяются степень участия в управлении производством (объем властных полномочий), престиж профессии, уровень образования, квалификации и доходов. Методологическая ориентация на принцип многомерной стратификации позволяет понимать под рабочим классом социальную группу наемных работников физического труда разного уровня квалификации, занятых в сфере материального производства, в том числе и производства сельскохозяйственного, и работников сферы услуг, отстраненных от контроля над производственным процессом.

Для современного российского общества социальным вызовом становится высочайшая степень социального неравенства. В мировой науке утверждение о значимости уровня неравенства связывается с процессами общественного развития - чем выше степень неравенства, тем сомнительнее достижение целей общественного прогресса. Высокий уровень неравенства ведет к застойным явлениям в экономике, социальной стагнации, развитию рентных форм потребления, формированию деклассированных социальных слоев, росту прекариата. Значительная часть населения современной России ориентирована на адаптационные стратегии и стратегии выживания, лишь небольшая группа крупных собственников использует большую часть ресурсов страны, включая ресурсы человеческого капитала. Современное российское общество сталкивается с угрозой распада социального порядка, утратой жизненных перспектив большими социальными группами, в особенности,

молодежью низших социальных слоев. Консервация переходных, транзитных форм общественной жизни приводит к дезадаптации новых поколений рабочей молодежи, нарушению их социальной идентификации, выражающейся в различных формах – от падения престижа профессионального мастерства до принципиального отрицания своей групповой принадлежности. Молодежь все чаще обращается к реконструкции прошлого как образа желаемого будущего. Установки и представления большей части населения страны вполне соответствуют проводимой политике. Как отмечал Б. Дубин, характеризуя динамику общественного мнения в 2000-е годы, «преобладающая часть населения страны год за годом усиливала ориентацию на символы национального целого, державного престижа, советского прошлого, окрашенного в ностальгически-радужные тона» [3]. Подобные выводы делают и ряд других исследователей в этой области [1, 2, 4], подтверждается и нашими исследованиями в регионе [5].

Исследовательские практики отечественной социологии сегодня помогают прогнозировать негативные сценарии самореализации новых поколений и предотвратить маргинализацию социальных групп, что, в свою очередь, позволит сохранить общественные ресурсы и выявить наиболее эффективные способы реализации социального потенциала российской молодежи нового рабочего класса. Неслучайно к числу наиболее актуальных проблем современной российской социологии относится поиск ответов на вызовы, связанные с социально-классовой структурой российского общества, выявление места и роли социально-профессиональных групп и сетевых сообществ в современном российском обществе. Особую остроту эти проблемы имеют в российских регионах, где проблемы социального неравенства усугубляются региональным неравенством и оказывают прямое влияние на социальную мобильность молодежи.

В отечественной социологии и смежных областях знания данная проблематика актуализирована недостаточно, как не обозначена и специфика нового российского рабочего класса. В условиях перехода России к постиндустриальному укладу рабочий класс значительно диверсифицируется, меняется его социально-экономический и социокультурный портрет. Заметим, что «субъективный» рабочий класс, то есть люди, идентифицирующие себя с данной группой, нередко не совпадает с «объективным» рабочим классом, устанавливаемым по экономическим критериям. Так, в начале XXI века США 41% респондентов, а в Великобритании 44% респондентов отнесли себя к рабочим. В Германии к рабочим отнесли себя всего 26% респондентов. В США и Великобритании численность «субъективного» рабочего класса превышает долю «объективного» рабочего класса. В Германии численное соотношение «субъективного» и «объективного» рабочего класса примерно одинаково.

Отдельного внимания требует реконцептуализация изменений социальной структуры постиндустриального общества в терминах «прекарности», популяризированной Г.Стэндингом. Прекариат, включающий в себя людей, лишенных трудовой стабильности, позиционируется как «опасный класс», способный породить новые формы активной социальной солидарности. Краткосрочные контракты, волна трудовой миграции, долги в оплате обучения и переход все большего числа работников к практике фриланса, по мысли автора, снижают жизненный уровень среднего класса и в конечном итоге размывают границы между средним и рабочим классом [7].

В информационном обществе, как и на предшествующих этапах социального развития, невозможно упразднить деление общества на управляющих и управляемых – неизбежное следствие разделения труда и фундаментальную характеристику различных типов социальной организации в истории человечества. Постиндустриальное общество лишь видоизменяет это противоречие. Основным фактором социальной дифференциации выступает теперь не отношение к собственности на вещные средства производства, а доступ к информации и информационным технологиям. Речь идет не просто о новой форме дифференциации совокупной рабочей силы, а по мнению Кастельса, о формировании «нового типа богатства и бедности» на основе отношения к обладанию информацией и информационными технологиями. Процессы социального расслоения общества более не рассматриваются социологами в классическом марксистском ключе через отношение к средствам производства: не менее важную роль на сегодняшний день играют такие критерии, как характер труда, уровень образования, квалификации, знаний, участие в принятии управленческих решений. Такие статусные характеристики, как стиль жизни и модель потребления, сближают часть «нового рабочего класса» и средние страты. Вышеизложенные теоретические аргументы и данные последних исследований позволяют сделать вывод, что классический принцип поляризации в исследовании социально-классовых отношений, который сводит их к дуальной оппозиции, построенной на идее борьбы противоположности интересов, более не соответствует реалиям современного мира. Кроме того, не совпадают и характеристики «традиционного» и «нового» рабочего класса.

Поиск критериев выделения, анализ структуры и образа жизни «нового рабочего класса» в его сравнении с другими стратами и рабочими, существующими в рамках индустриальной эпохи или наследующими её практики и уклад, остаются актуальными исследовательскими задачами в мировой социологии.

Список литературы:

1. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) / Л.Д. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. С. 84–102.
2. Дубин Б. В. Координата будущего в общественном мнении России / Б.В. Дубин // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII. – Москва: НЛЮ, 2011. С. 500–513.
3. Дубин Б.В. Символы возврата вместо символов перемен / Б.В. Дубин // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5. С. 6–22.
4. Верховский А.М. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» / А.М. Верховский, Э.А. Паин // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 4. С. 23–46
5. Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 3. С. 65–69.
6. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Марингем Пресс, 2014.

УДК 316.342.2 ББК 60.54

Гаврилюк Татьяна Владимировна –

канд. социол. наук, доцент

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «РАБОЧИЙ КЛАСС» В ЗАРУБЕЖНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Ключевые слова: рабочий класс, «новый рабочий класс», working class studies, постиндустриальное общество, социальное неравенство

К середине 1990-х гг., когда последствия деиндустриализации, глобализация экономики и технологические инновации изменили не только социальную структуру, но и образ жизни людей, в Америке начинается новый этап изучения рабочего класса, сопровождающийся пересмотром концептуальной матрицы и поиском новых языков описания и анализа. Современное междисциплинарное направление “working class studies” проблематизирует исходное марксистское определение класса как позиции социальной группы в структуре властных иерархий, определяемой экономическими отношениями [5]. Помимо анализа объективных экономических характеристик рабочего класса, в текущих условиях акцент смещается в направлении исследования субъектности данной группы в социокультурном и политическом пространстве в качестве агента культурного производства, гражданского участия, носителя определённых ценностных установок и поведенческих паттернов, инкорпорированных в доминирующую культуру.

Преобладающей в современном западноевропейском и американском социологическом дискурсе является теоретическая установка на интеграцию культурального и политического подхода в исследовании жизненного опыта, практик смыслопроизводства и коллективных действий людей, занимающих сходное положение во властных и экономических структурах. Среди ключевых исследований последних лет в рамках данной методологии следует отметить работы М.Цвейга «The Working-Class Majority» [28], Дж.Зэнди “What We Hold In Common: Exploring Women’s Lives & Working Class Studies» [27], сборник “New Working-Class Studies” под редакцией Дж.Руссо и С. Линкон [21] и Б. Дженсен «Reading Classes: on Culture and Classism in America» [8]. Ведущими исследовательскими проблемами являются миграция производственного индустриального труда в пространстве глобального

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России»

капитализма [17, 25], специфика труда и быта работников добывающей промышленности [15], включение сервисного труда в структуру нового рабочего класса.

Изменения в характере классовой идентификации населения западных стран в совокупности с существенными экономико-политическими переменами последних лет делают направление “working class studies” одним из наиболее востребованных и значимых в зарубежной социальной науке, как с позиции социального управления, так и в плане поддержания деятельности институтов гражданского общества. Об этом свидетельствует и бурный рост научных институций, деятельность которых сосредоточена исключительно на исследовании данного поля. Среди наиболее крупных центров, осуществляющих комплексную научно-исследовательскую и общественную деятельность, необходимо отметить “Center for Working-Class Studies” (Youngstown State University, USA; <http://cwcs.ysu.edu>), инициировавший изучение “нового рабочего класса” в середине 1990-х гг., а также организованную этим центром в 2003 г. междисциплинарную исследовательскую ассоциацию “Working class studies association”. Кроме того, деятельность таких научных коллективов, как “Texas Center for Working-Class Studies” (Collin College, USA; <http://iws.collin.edu/lkirby>), “CLASS – The Centre for Labour and Social Studies” (UK; <http://classonline.org.uk>), “The Center for the Study of Working Class Life” (State University of New York at Stony Brook, USA; <https://www.stonybrook.edu/workingclass/>) вносит существенный вклад в проработку интересующей нас проблематики и формирует пространство исследовательской коммуникации.

К началу 1990-х гг. «класс» как исследовательская категория утратила доминирующую позицию в объяснении социального поведения, расположившись в одном ряду с такими базовыми понятиями западной социологии, как гендер и раса. Работы авторов предшествующих поколений, не учитывавших сложный состав рабочего класса с позиции расы, этнической принадлежности, гендера и сексуальной ориентации, подверглись критике. Исследования в русле исторической социологии труда [1, 18, 19] можно привести в качестве примера анализа проблемы производства границ внутри американского рабочего класса на основании расовых различий. Особую ветвь составляют феминистские исследования рабочего класса [3, 10, 26].

Вместе с тем, постмодернистский призыв к отказу от использования классовых терминов в изучении жизненных стилей и практик конструирования идентичностей, сопровождаемый мультикультуралистской направленностью политики Западной Европы и США, актуализировал вопрос статуса традиционного белого рабочего класса. Подобный уклон академического дискурса, активность общественных организаций, отстаивающих права меньшинств, вкупе с нарастающей стереотипизацией и демонизацией в медиа белых мужчин рабочего класса привели к тому, что его представители

ощущали и декларировали свою маргинальность в культурном пространстве. Эту проблему впервые обозначили и комплексно исследовали эксперты Open Society Foundations (<https://www.opensocietyfoundations.org>), начиная с 2013 г. проводящие проводят качественные исследования локальных сообществ рабочего класса в шести европейских странах, публикуя аналитические отчёты в открытом доступе. В 2016 г. исследование так называемых «миллениалов» (поколения, родившегося после 1981 г.) Ipsos's Social Research Institute для Guardian продемонстрировало существенные изменения в идентификации молодого поколения, 56,5% которого относят себя к рабочему классу [13]. Схожие результаты снижения уровня жизни и изменения идентичности молодежи демонстрируют и опросы “General Social Survey” (GSS) Университета Чикаго [6]. Тем не менее, ассоциация рабочего класса с популистской, националистической риторикой и экстремизмом по-прежнему остаётся лейтмотивом освещения его гражданского участия в последних политических событиях в США и Западной Европе, что признают и сами ведущие мировые СМИ [4, 14].

Сегодня большинство исследователей рабочего класса по-прежнему занимают критическую левую позицию по отношению к существующему капиталистическому порядку, стараясь сгладить его противоречия путём интеграции коллективных усилий как представителей исследуемой группы, так и академического сообщества. Этнографические, партисипаторные и акционистские исследования, включающие активное участие в жизни и повседневных практиках сообществ, образовательную деятельность и гражданский активизм [2, 7, 11, 12, 23, 24] нацелены на минимизацию последствий социального неравенства и борьбу с социальной несправедливостью.

Список литературы:

1. Allen T. W. *Class Struggle and the Origin of Racial Slavery: The Invention of the White Race*, second edition, Centre for the Study of Working Class Life, Stony Brook University, 2006.
2. Barney D. and Law, C. L. (eds.) *This Fine Place So Far from Home: Voices of Academics from the Working Class*, Temple University Press, USA, 1995.
3. Bettie J. *Women Without Class: Girls, Race and Identity*, first and second editions University of California Press, Berkeley, 2014.
4. British working class feels left behind // Deutsche Welle. 08.02.2017. URL: <http://www.dw.com/en/british-working-class-feels-left-behind/av-36082116> (дата обращения: 7.09.2017).
5. Cohen V. *The Origins of Working Class Studies: An Interview with Sherry Linkon and John Russo*, *Journal of Working-Class Studies* Volume 1 Issue 1, December 2016, 2005.

6. General Society Survey. Key Trends. URL: <https://gssdataexplorer.norc.org/trends> (дата обращения: 7.09.2017).
7. Hurst A. L. and Kawecka N.S. Working in Class: Recognizing How Social Class Shapes Our Academic Work, Rowman and Littlefield, Maryland, 2016.
8. Jensen B. Reading Classes: On Culture and Classism in America, ILR/Cornell University Press, USA, 2012.
9. Kunsru H. Transmission, Plume/Penguin, New York, 2015.
10. Lauter P. Working-Class Women's Literature: An Introduction to Study' in Gushee O'Malley, S. (et al), Politics of Education: Essays from Radical Teacher, State University of New York Press, Albany, pp 110-139., 1990.
11. Leondar-Wright B. Missing Class: Strengthening Social Movement Groups by Seeing Class Cultures, IRL/Cornell University Press, USA, 2014.
12. Linkon S. L. Teaching Working Class in Linkon S. (ed) Teaching Working Class, University of Massachusetts Press, Amherst, pp 1-14., 1990.
13. Malik S., Barr C. and Holpuch A. US millennials feel more working class than any other generation, The Guardian (US), 16 March 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/15/us-millennials-feel-more-working-class-than-any-other-generation> (дата обращения: 7.09.2017).
14. Media 'sideline Europe's white working class', study finds // Helen Pidd for The Guardian. Monday 16 June 2014. URL: <https://www.theguardian.com/media/2014/jun/16/media-sideline-european-white-working-class-study-finds> (дата обращения: : 7.09.2017);
15. Metzgar J. Striking Steel: Solidarity Remembered, Temple University Press, USA 2000.
16. Olsen T. Yonnonidio: From the Thirties, University of Nebraska Press, USA, 2004.
17. Perera S. No Country: Working-Class Writing in the Age of Globalization, Columbia University Press, USA, 2014.
18. Roediger D. 'More than Two Things: The State of the Art of Labor History' in Russo J. and Linkon S. L. (eds) New Working-Class Studies, Cornell ILR Press, USA, pp 32-41, 2005.
19. The Wages of Whiteness: Race and the Making of the American Working Class, Verso, New York, 2007.
20. Rosenthal G. 'Hawaiians who Left Hawai'i: Work, Body, and Environment in the Pacific World, 1786-1876', PhD Dissertation in History for the State University of New York, Stony Brook, 2015.
21. Russo J. and Linkon S. L. New Working-Class Studies, Cornell ILR Press, USA, 2005.
22. Silva J. Coming up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty, Oxford University Press, New York, 2013.

23. Strangleman T. 'Working-Class Autobiography as Cultural Heritage' in Smith L., Shackel P. and Campbell G. (eds) *Heritage, Labour and the Working Classes*, Taylor & Francis Ltd, London, 2011.

24. Walley C. *Exit Zero: Family and Class in Postindustrial Chicago*, University of Chicago Press, USA, 2013.

25. Weise J. M. *Corazón de Dixie: Mexicans in the U.S. South Since 1910*, University of North Carolina Press, USA, 2015.

26. Zandy J. *Calling Home: Working-Class Women's Writings, an Anthology*, Rutgers University Press, New Jersey, 1993.

27. Zandy J. *What We Hold in Common: An Introduction to Working-Class Studies*, Feminist Press at the City University of New York, New York, 2001.

28. Zweig M. *The Working-Class Majority*, First and Second editions Cornell University Press, USA, 2000.

УДК 316.34 ББК 60.5

Голиусова Юлия Вячеславовна –
к. социол. наук, ведущий научный
сотрудник, ФНИСЦ РАН, г. Москва
e-mail: ygoliusova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПРЕКАРИЕВ В ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: прекариат (прекарии), социальная защищенность, социальные гарантии, пенсионное обеспечение, трудовая защищенность.

Особенно остро проблема повышения стабильности и безопасности стоит перед новыми социальными слоями, называемыми прекариатом или прекариями – неформально занятыми в формальном секторе экономики, не имеющими стабильного положения на рынке труда, не имеющими гарантий занятости [1; 47]. В российской практике данную группу можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий выделения не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению, т.к. официальная статистика фиксирует этот показатель.

По данным Росстата, в 2013 году численность нестабильно занятых составляла 5634 тыс. человек, что составляет 8,5 % всех наёмных работников России (Рассчитано по http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/2-20.doc). В их числе выделяются работающие по временному трудовому договору, по договору на выполнение определенного объема работ или оказание услуг, на основе устной договоренности. Все эти группы можно причислить к нестабильно занятым, т.к. в любой момент они могут пополнить ряды безработных. Если в первом и втором случае есть хоть какая-то минимальная гарантия занятости, то в последнем такой гарантии вовсе не существует, т.к. нет документа, подтверждающего взаимоотношения работодателя и работника. Мужчин в этой группе больше, чем женщин, что не является мировым трендом, где в «группу риска» попадают чаще всего незащищённые слои населения: молодёжь, женщины, люди предпенсионного возраста [2].

На основе данных 22 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)»¹ можно отследить, насколько прекарии озабочены своим положением в системе социально-

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

трудовых отношений. В поле зрения 22 волны опроса домохозяйств, проведённого в 2013 году, попали 410 респондентов, удовлетворяющих условию наличия официально неоформленной занятости по основному месту работы. Они были отфильтрованы в отдельную группу, которая подлежит анализу. В самом общем приближении мы можем обрисовать контуры этого социального слоя.

Среди прекариев преобладают имеющие семью (62 %), большинство из которых (42%) состоят в зарегистрированном браке, 20 % живут с партнером в незарегистрированном браке. По полу респонденты распределились следующим образом: 53% мужчин и 47% женщин. Большинство (57%) проживает в областном центре. Среди нестабильно занятых преобладает две модальные группы 30-39 и 40-49 лет. По уровню квалификации опрошенные распределились следующим образом (Таблица 1)

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню квалификации

	%	Ранг среди ответивших
Законодатели; крупные чиновники; руководители высш. и сред. звена	2,0	8
Специалисты высшего уровня квалификации	5,4	6,5
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	7,1	5
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	5,4	6,5
Работники сферы торговли и услуг	19,8	2
Квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва и рыбоводства	0,2	9
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	16,6	3
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	16,1	4
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	27,1	1
Неответившие	0,5	
Итого	100,0	

Источник: RLMS-HSE

Как видно из таблицы, больше всего неофициально занятых среди неквалифицированных рабочих, работников сферы услуг и торговли и разного рода квалифицированных рабочих. В целом можно сказать, что в группе неоформленных официально преобладают представители ручного труда и обслуживающий персонал, занятые в третичном секторе.

В своей массе респонденты имеют достаточно высокий уровень образования. Так, 44 % окончили среднюю школу (10–11 классов), 23 % – среднее специальное учебное заведение. Приходится констатировать, что достаточно образованные индивиды вынуждены заниматься неквалифицированным трудом.

Вопреки ожиданию, что прекаризации подвергаются в основном трудовые мигранты из стран Ближнего зарубежья, данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных в группе прекариев являются гражданами России по рождению, что идет вразрез с мировыми тенденциями, согласно которым чаще всего прекариат пополняется за счет внешних мигрантов.

Представители прекаризированной группы в целом высказывают удовлетворённость своей работой и условиями труда, однако высказывают неудовлетворённость оплатой труда, считая её недостаточно справедливой. Причём 36% опрошенных знают, что получают «серую» заработную плату, и, что работодатель не платит с неё налоги и страховые взносы. 56 % подтверждают, что не оформлены официально по инициативе работодателя, который не выражает желания произвести оформление в соответствии с Трудовым кодексом РФ. 88% подтверждают, что за последние 12 месяцев у них не было оплаченного отпуска, а те, у кого он был, говорят, что он составил 14 календарных дней.

Пассивное подчинение работодателю и принятие его норм ведет к полной социальной незащищенности работников. Соглашаясь на такой вид найма прекарии тем самым лишают себя социальных гарантий, таких как пенсионное обеспечение и социальное страхование.

Опрошенные оценивают свои шансы на продвижение по службе как не совсем удовлетворительные, т.е. констатируют тот факт, что карьера у них не складывается. Респонденты в целом не боятся безработицы и высоко оценивают свою возможность получить подобную работу в другой организации. В качестве ремарки можно отметить, что самый большой процент среди опрошенных составляют продавцы-консультанты в магазинах, на втором месте – телохранители, а на третьем – уборщики помещений.

Такое поведение вполне симптоматично, так как одной из важнейших черт прекариев является их полная отчужденность от организации, в которой они трудятся, и от профессиональной группы, к которой они принадлежат. Как следствие этого отсутствия идентификации с профессией, обесценивание принадлежности к какому-то трудовому коллективу.

Каналы трудоустройства вполне предсказуемы. Большинство устроилось на работу через друзей и знакомых, на втором месте – через родственников, на третьем – пришли непосредственно в отдел кадров организации.

Опрошенные прекарии в большинстве не имеют дополнительной занятости или подработки, не выращивают на продажу овощи и фрукты, не разводят живность, не собирают грибы и ягоды, не живут на ренту.

Неформально занятые не отягощают себя различными дипломами и сертификатами. Так, только около 12 % этой группы окончили дополнительно профессиональные курсы для того, чтобы повысить уровень своего базового образования, 4 % посещали курсы повышения квалификации, менее 2 % получают высшее, второе высшее образование, 0,2 % учатся в магистратуре. Немногие окончили водительские курсы. Большинство увеличивающих свой индивидуальный человеческий капитал изыскивают для этих целей личные средства, следовательно, организация, в которой они трудятся не заинтересована в повышении их уровня образования и квалификации. 72% опрошенных уверенно сказали, что не планируют повышать уровень своего образования в ближайшие 3 года. Уровень компьютерной грамотности в группе достаточно высок, но компьютер респондентами используется в личных целях для развлечений, поиска информации в интернете, для онлайн-покупок. На работе компьютером респонденты не пользуются.

В целом, все вышесказанное говорит о том, что прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал, они достаточно пассивны и инертны. По данным исследования, 14% заявляют, что стажа для получения трудовой пенсии у них нет, 63% не хотят менять работу.

Таким образом, в современном российском обществе выкристаллизовывается новый социальный слой, который не включен в систему социальной защиты и пенсионного обеспечения, не пользуется социальными гарантиями, которые предоставляет работодатель, ориентирующийся на статьи Трудового кодекса РФ. Они живут одним днем и не задумываются о своем будущем.

Список литературы:

1. Голенкова З.Т. Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наёмных работников // Уровень жизни населения регионов России. № 1. 2015. С.
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

УДК 338.242.2 ББК 60.5

Грошева Любовь Игоревна –

к-т социол. наук,

Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище имени маршала

инженерных войск А.И. Прошлякова,

г. Тюмень

e-mail: malivia@rambler.ru

БИЗНЕС-АКТИВНАЯ СРЕДА В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Ключевые слова: бизнес среда, бизнес-активность, молодёжь, молодёжная политика, государственная поддержка

Формирование активной бизнес среды представляется одной из наиболее значимых задач государства в сфере поддержки молодёжного предпринимательства. Внешняя нестабильность, возникающая вследствие реализации санкций со стороны европейских государств, и внутренние противоречия, вызванные высокой изменчивостью конъюнктуры локальных рынков, стимулируют бизнес к постоянному поиску новых инструментов выживания и рыночных ниш, имеющих значительный потенциал.

В современных условиях молодые предприниматели сталкиваются с экономическими рисками, обусловленными возникновением качественно новых соотношений производственных, технологических и конъюнктурных факторов, адаптация к которым осложнена ввиду отсутствия достаточного опыта в сферах ведения бизнеса и противодействия ситуативным и системным барьерам. Соотношение рисков при условии нахождения бизнес-единиц в одном и том же пространственном и проблемном поле может быть качественно различным, содержащим индивидуальный набор технологических и управленческих дефектов и внутренних субъективных барьеров, что усложняет выработку универсальных механизмов борьбы с негативными явлениями и формирует индивидуальный «рисковый кейс».

Дополнительные трудности в сохранении стабильного функционирования бизнес-единицы создают тенденции современного потребления. В условиях внешней среды следует отметить достаточно интенсивные изменения, связанные с потребительскими интересами граждан. Смена моды в образе жизни, предпочитаемой субкультуре, жанровых предпочтениях фанатов усугубляет дезадаптацию малых предприятий [4, с. 39].

Главенство рисков в современной жизни молодых предпринимателей, обусловлено тем фактом, что на результат влияет совокупность негативных

и положительных событий не только непосредственно в экономической сфере, но и в личностном поле, которое при наложении на объективные проблемы, может как компенсировать, так и усугубить создавшееся положение [1, с. 45]. Поэтому помимо чисто экономических факторов должны учитываться субъективные аспекты, связанные с трудовой функцией трудовых ресурсов и самого предпринимателя.

Управление рисками в случае идентификации рискового кейса, согласно исследованиям Губанова Р.С. [2, с. 58], может быть представлено посредством нескольких приоритетных инструментов: страхования, лимитирования, резервирования и диверсификации. Однако в условиях чрезвычайно интенсивной смены экономических условий функционирования бизнес-единицы данные инструменты проявляют ряд ограничений в их применении.

Использование большинства мероприятий требует чёткого заблаговременного определения проблемной ситуации и выявления её причин.

Искусственное управление объёмом готовой продукции может результировать более кардинальные сдвиги в структуре спроса на предлагаемый товар или услугу, особенно если речь идёт о своего рода уникальной продукции единичного или мелкосерийного производства.

Удержание части продукции с целью оптимизации ценовой политики при работе микро-бизнеса не представляется возможным, учитывая своеобразную монополию отдельных потребителей уникальных товаров.

Диверсификация малого бизнеса имеет достаточно узкий вариативный ряд. Расширение видовой номенклатуры товара не всегда может привести к увеличению спроса ввиду консервативных проявлений локального консьюмеризма. Формирование новой линейки продукции или сферы деятельности, в дополнение к существующей, помимо организационных вопросов несёт в себе риск морального выгорания предпринимателя, либо дальнейшее разделение линеек согласно личностному вкладу при коллективных формах предпринимательства. Данный факт в долгосрочной перспективе не может быть гарантом безопасности для предпринимателя.

Ввиду указанных противоречий в работах Л.А. Чалдаевой [5, с. 33] подчёркивается необходимость отработки навыков по оценки предпринимателями качества информационных потоков: их объективности, достоверности и репрезентативности. В значительной мере оценка информации производится и трансформируется в наиболее вероятный рисковый кейс посредством автоматизированных систем управления, однако согласно замечанию М.А. Одинцовой [3, с. 38] объём свободных финансовых ресурсов скорее является препятствием их использованию. Таким образом, оценка риска и управление им во много зависит от индивидуальных навыков и опыта молодого бизнесмена.

С целью определения специфики рисковой среды деятельности малого бизнеса, в рамках авторского лонгитюдного исследования, был проведён

опрос молодых предпринимателей в возрасте 18-30 лет, деятельность которых превышала трёхлетний период (по состоянию на июнь 2017 года). В опросе приняли участие 81 бизнес-единица (индивидуальные и семейные формы бизнеса), действующие на территории регионов Российской Федерации (за исключением городов Москва и Санкт-Петербург).

Оценивая данные за 2017 год, следует отметить, что наиболее значимыми рисками молодые предприниматели считают комплекс, связанный с поведением потребителя на рынке (72,8 %). При этом, если в 2010 году наиболее существенным признавалось отсутствие у потребителя достаточной платёжеспособности, то показатели 2017 года отражают возросшую избирательность и требовательность населения к потребляемым благам.

В качестве наиболее затруднительных аспектов были указаны: быстрая сменяемость потребительской моды, сложности в обосновании приоритетности продукции над дешёвыми импортными аналогами, отсутствие веры потребителя в отечественный продукт.

Если в 2010 году не более 10 % соотносили снижение прибыли с потребительской культурой, то к 2017 году этот показатель возрос в три раза. По мнению предпринимателей, значительные сложности в реализации бизнеса связаны с достаточно агрессивной информационной политикой зарубежных интернет-площадок. За период исследования негативное влияние данного фактора стало признаваться более значимым. По десятибалльной шкале угроз оценка данного фактора выросла с 3 до 8 баллов. Эксперты отмечают, что предлагаемое качество импортного товара в отдельных отраслях зачастую ниже отечественных аналогов, в то время как цены ввиду ослабления курса рубля сравнивались с предложениями от российского производителя при более высоких характеристиках и возможности непосредственно оценить товар перед покупкой. Позиция и имидж отечественного производителя, по оценкам молодых предпринимателей, трансформируется достаточно медленными темпами.

Возможности рекламы в интернет-сетях частично компенсировали указанные тенденции. Предприниматели отмечают (76,5 %), что в большинстве случаев, использование сообществ и рекламных сообщений в социальных сетях позволяет расширить клиентскую базу в интервале 15-40 %. Однако 18,6 % определили высокую двойственность виртуальных возможностей.

В качестве негативных факторов интенсивного информационного потока предприниматели отметили несколько наиболее часто встречающихся явлений.

Распространён чёрный пиар посредством сообществ категории «чёрный список», где не требуется предоставления доказательной базы в виде объективных фактов мошенничества.

Достаточно часто регистрируются случаи создания виртуальных предприятий-дублёров, которые не ведут фактической деятельности, однако от лица официальной компании осуществляют сбор средств от покупателей.

При этом обнаружить данные компании до нанесения значимого ущерба населению удавалось 45,7 % опрошенных при помощи оперативного обращения обманутого покупателя.

Нелегальное использование авторских материалов малых предприятий в большинстве случаев невозможно отследить, что позволяет развиваться недобросовестной конкуренции, в особенности со стороны неформального сектора. С подобными явлениями чаще одного раза за полгода сталкивались 53 % опрошенных.

Предприниматели отмечают, что бороться с данными явлениями чаще всего приходится собственными силами (58 %), в ряде случаев осуществлялись попытки урегулировать проблемы посредством обращения в правоохранительные органы (13,6 %), члены отраслевых союзов использовали возможности объединений (6,2 %). Показательным является тот факт, что 22,2 % предпринимателей оставили ситуацию без вмешательства ввиду предполагаемой сложности представления доказательной базы и отсутствия достаточного времени.

Отслеживание актуальной информации о процессе организации бизнеса, предоставлении отчётности и особенностях взаимодействия с органами власти в большинстве случаев производится посредством официальных порталов (госуслуги, порталы администраций регионов и бизнес-инкубаторов и пр.) – 38,3 %; рассылкой информации в рамках бизнес-сообществ и специализированных групп в сети интернет пользуются 35,8 %; самостоятельный поиск без приоритетного выделения информационных порталов (кроме налоговой службы) осуществляют 17,3 %. Таким образом, предприниматели в равной степени склонны доверять официальным ресурсам и проверенным порталам бизнес-сообщества. Однако, в вопросе качества информации бизнесмены достаточно критически настроены. Качество информации государственных ресурсов было оценено на 6 баллов из 10 – в качестве наиболее значимой претензии позиционировалась проблема с частотой их обновления. Ресурсы бизнес-сообществ получили оценку в 7 баллов, к недостаткам было отнесено обилие нецелевой, в отдельных случаях – недостоверной, рекламы. Самостоятельный поиск был оценён в 4 балла, ввиду значительного количества устаревшей информации и субъективного характера предоставляемых данных.

Следует отметить, что молодёжный бизнес максимально адаптируется к возрастающим возможностям современного информационного пространства. Изменчивость потребительских предпочтений во многом нивелируется возможностью управления ими посредством социальных сетей и интернет-сообществ. Однако с развитием технологий предприниматели столкнулись с проблемой нарушения авторских прав и совершения мошеннических действий, с механизмами противодействия которым, они, как правило не ознакомлены. Таким образом, информирование представителей малого

бизнеса о способах работы с потребителями и защиты собственных интересов в виртуальном пространстве являются одним из приоритетных направлений в совершенствовании государственной политики в сфере поддержки молодых бизнесменов.

Список литературы:

1. Грошева И.А., Грошев И.Л. Индексная оценка системы государственного и муниципального управления // Россия-Тюмень: векторы евразийского развития / Под редакцией В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2015. – С. 45–66.
2. Губанов Р.С. Изменения в бизнесе как идентификатор риска в экономике России // Российское предпринимательство, 2014. № 1 (247). – С. 58–63.
3. Одинцова М.А. Методика управления рисками для малого и среднего бизнеса // Экономический журнал, 2014. № 3 (35). – С. 38–47.
4. Симонов С.Г., Грошева Л.И. Молодёжное предпринимательство в России: проблемы и перспективы развития // Академический вестник, 2012. № 2 (20). – С. 39–44.
5. Чалдаева Л. А. Организация оценки рисков бизнес-процессов предприятий малого и среднего предпринимательства // Финансовая аналитика: проблемы и решения, 2013. № 34. – С. 33–38.

УДК 379.85 ББК 60.59

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна –

к. социол. наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы,
Уральский институт управления,
г. Екатеринбург
e-mail: Tatiana_Z@ui.ranepa.ru

Зерчанинова Вероника Владимировна –

студент,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: zerc.veronika@mail.ru

СОБЫТИЙНЫЙ ТУРИЗМ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: событие, туризм, событийный туризм, дестинация

Россия и ее регионы имеют высокий туристско-рекреационный потенциал. На территории нашей страны находятся уникальные природные богатства, расположены объекты культурного и исторического наследия, проводятся международные экономические, спортивные и культурные мероприятия. Однако потенциал событийного туризма используется далеко не в полной мере.

Столица Свердловской области – Екатеринбург – выигрывает среди российских мегаполисов право проведения уникальных и всё более масштабных мероприятий. Например, Екатеринбург – один из 11 российских городов, который примет Чемпионат мира по футболу 2018.

В рейтинге событийного потенциала регионов России 2016 «на первое место вышел Екатеринбург – столица активно развивающегося на рынке делового и событийного туризма региона Большой Урал» [3]. В рейтинге участвовали 50 городов за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. «В 2016 году, согласно предварительным данным MasterCard Global Destinations Cities Index, Екатеринбург посетили 203 тысячи иностранных туристов, что позволило мегаполису войти в пятерку наиболее популярных за рубежом российских дестинаций» [3].

Тем не менее, событийный туризм имеет ряд слабых сторон: низкий уровень информационной поддержки многих мероприятий, отсутствие событийных туров в города Свердловской области в программах региональных туроператоров и турагентств, плохая транспортная система и недостаток

вместительных конгресс-холлов. Указанные обстоятельства делают тему исследования актуальной.

Цель исследования – изучить опыт организации крупных событий в Свердловской области.

Событийный туризм – это вид туризма, который ориентирован на посещение дестинации туристами и экскурсантами в определённое время, связан с каким-либо событием в жизни сообщества или общества и соответствует срокам проведения этого события.

События можно классифицировать по масштабу (региональные, национальные, международные и всемирные), тематике (фестивали музыки и музыкальные конкурсы, фестивали кино и театра, аукционы и т.д.), целевой аудитории (публичные и корпоративные), общей концепции (связанные с брендом или важным событием) и типу (культурные торжества, спортивные соревнования, политические и государственные ивенты и т.д.) [1, с. 17-18; 4, с. 248; 6, р. 27].

Событийный туризм является относительно новым и перспективным направлением в туристической индустрии. В результате анализа научных трудов специалистов в области событийного туризма были выявлены специфические особенности событийного туризма: он обязательно связан с каким-то уникальным или аутентичным событием, обычно предполагают личное участие туристов в событии или сопереживание ему, имеет развлекательную, познавательную и рекреационную цель [2, с. 13–14]. Поездки в рамках событийного туризма чаще всего непродолжительны, рассчитаны на выходные или предвыходные дни.

Событийный туризм в России способствует популяризации страны, регионов, городов, привлекает значительные потоки туристов, создаёт новые рабочие места, борется с сезонностью, повышает имидж и престиж дестинаций, возрождает местные историко-культурные традиции, а также организует досуг населения.

Методом контент-анализ был проведен анализ информационных ресурсов в сети Интернет о крупных событиях в Свердловской области и Екатеринбурге, а также анализ каталога событий Свердловской области 2017 года, размещенного на сайте Центра развития туризма Свердловской области [5], по таким критериям, как время проведения, площадка, количество посетителей в 2016-2017 гг, стоимость входного билета в 2017 г. Крупными можно считать события, которые посетило не менее 1000 человек.

В результате анализа было выявлено, что фестивалей в календаре событий – 21, спортивных соревнований – 8, праздников – 5, выставок – 48, проектов и акций – 10. В основном, крупные события используют уже существующую инфраструктуру, являются периодически повторяющимися и становятся визитной карточкой.

Авторами было проведено исследование уровня информированности интернет-пользователей о событиях в Екатеринбурге. Сбор данных производился методом социологического опроса (интернет-анкетирование). Анкета была создана в Google Forms. Тип выборки – целевой отбор среди иногородних интернет-пользователей. Опрошено 184 респондента.

Анкетный опрос иногородних интернет-пользователей о крупных событиях в Екатеринбурге показал, что 27,7% респондентов принимало участие в событийных турах в Екатеринбург. Степень удовлетворённости респондентов событиями в Екатеринбурге выше среднего: 51,9% опрошенных очень понравились события, в которых они принимали участие; 37% – скорее понравились, чем нет. Оценка респондентами уровня качества событийных туров в Екатеринбург высокая: 40,4% опрошенных оценивают его выше среднего; 38,5% – высоко. Примерно треть респондентов (32,1%) информированы о событиях в Екатеринбурге в предстоящие 1-2 года. Основной сферой интересов респондентов являются культурные события (64,7%), развлекательные (52,7%) и образовательные (46,2%). Потребность в участии в событийных турах в Екатеринбург очень высока: её испытывают 84,8% респондентов. Большинство респондентов хотят посетить Ночь музеев (46,2%) и предпочитают самостоятельный способ организации событийных туров в Екатеринбург (89,7%). В целом исследование показало, что у Екатеринбурга есть потенциал развития событийного туризма.

Для дальнейшего развития событийного туризма в Свердловской области можно сделать следующие предложения:

1. Развитие стратегического управления в части формирования, продвижения и реализации турпродуктов на базе событийного туризма.
2. Поддержка малого и среднего предпринимательства в сфере событийного туризма.
3. Расширение спектра туристских услуг для различных групп туристов, включая маломобильных категорий населения и детей.
4. Внедрение лучших практик событийного туризма других регионов и городов.
5. Содействие реализации инвестиционных проектов в области событийного туризма, создание благоприятного климата для инвесторов.
6. Создание условий для разработки новых продуктов событийного туризма с учетом исторических и этнокультурных особенностей городов Свердловской области.
7. Развитие туристской инфраструктуры.
8. Содействие информационному обеспечению событийного туризма путем продвижения туристского продукта городов Свердловской области на внутреннем и мировом туристских рынках.
9. Развитие бренда Екатеринбурга как города на границе Европы и Азии.

10. Определение знаковых для городов Свердловской области событий, разработка приуроченных к ним мероприятий.

11. Проведение маркетинговых исследований с целью изучения потребностей туристов в событийных турах.

Список литературы:

1. Бабкин А.В. Специальные виды туризма. – Р.-на-Д.: Феникс, 2008. –256 с.

2. Донских С.В. Событийный туризм: учеб.-метод. пособие. – Мн: РИПО, 2014. – 112 с.

3. Екатеринбург возглавил рейтинг делового и событийного туризма регионов РФ [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/v-strane/3958263>

4. Никифорова А.А. Объекты культурного наследия как способ активизации событийного туризма // Вестник ТГАКИиСТ. 2014. № 2. – С. 247–250.

5. Центр развития туризма Свердловской области [Электронный ресурс] URL: <http://gotoural.com/>

6. Getz D. (2005). Event management and event tourism (2nd ed.). New York: Cognizant.

Игнатьева Мария Валерьевна –
студентка (магистр)
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: kravchenkom@inbox.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Ключевые слова: предпринимательство, малое предпринимательство, предпринимательская активность, предпринимательские намерения.

Малое предпринимательство является важнейшим звеном развивающегося государства. Оно выполняет важные экономические и социальные функции: способствует трудоустройству населения, росту уровня жизни и увеличению доли среднего класса, обеспечивает новые источники доходов населения и бюджетной системы, влияет на увеличение объемов производства и предоставления услуг, создает благоприятную среду для конкуренции и т.д.

Во всех странах мира оно играет ключевую роль в устойчивом росте национальной экономики и повышении благосостояния граждан. Потенциал малого предпринимательства дает возможность государству успешно решать задачи социально-экономического развития.

Социальная значимость малого предпринимательства проявляется в том, что оно обеспечивает потребность в необходимых для жизнедеятельности товарах и услугах и тем самым удовлетворяет потребности общества в целом и его отдельных граждан. А также по условиям жизни, социальному положению частные предприниматели составляют основу среднего класса [6, с. 95].

Сегодня малое предпринимательство в России, несмотря на курс правительства на рыночную экономику, развивается замедленно. В настоящее время на долю малого предпринимательства в общем ВВП нашей страны приходится около 21%, против 50% – 70% в развитых странах.

В российском законодательстве к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели [7]:

- суммарная доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью не превышает двадцать

пять процентов, а суммарная доля участия иностранных юридических лиц и (или) юридических лиц, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, не превышает сорок девять процентов [8];

- за предшествующий календарный год средняя численность работников не превышала ста человек для малых предприятий (также выделяются микропредприятия – до пятнадцати человек);

- за предшествующий календарный год доход от реализации товаров, работ и/или услуг без учета НДС не должен превышать предельных значений (микропредприятия – 120 млн. руб., малые предприятия – 800 млн. руб. [5]).

По итогам 2016 года в России функционирует 12 720 562 малых предприятий, при этом 87% из них – это микропредприятия [3]. При этом средняя численность данных предприятий составляет 11 040 050 человек.

Наиболее привлекательными для мелкого предпринимателя традиционно являются торговля, предоставление бытовых услуг населению (30,5% от общего числа микропредприятий предприятий), сфера недвижимости (21,8%), стройиндустрия (17,3%), транспорт и связь (10,5%) [3].

Широкое распространение получили парикмахерские услуги, ремонт бытовой техники, установка окон и ремонт автомобильного транспорта. Открываются пункты общественного питания, конкурирующие между собой по уровню сервиса и качества обслуживания. Расширение сети торговых компаний стимулирует местные торговые предприятия повышать уровень обслуживания населения и предоставлять более качественные товары на рынке.

То, что основная масса малых предпринимателей устремляется в сферы торговли и бытового обслуживания объясняется также тем, что здесь требуется сравнительно меньше средств, чтобы открыть и развивать свое дело, а также отсутствием предельно жесткой конкуренции, которая присутствует на более высоких этажах бизнеса [4, с. 45].

По данным Глобального мониторинга предпринимательства за 2016 год в целом наиболее активно в предпринимательскую деятельность вовлечены три возрастные группы: 25–34 года, 35–44 года и 45–54 года. Средний возраст российского предпринимателя составляет 39 лет. Наибольшую предпринимательскую активность демонстрируют респонденты с высшим образованием.

Исследователи обращают внимание как на позитивный факт на наличие высокой доли так называемых «добровольных» предпринимателей, нацеленных на самореализацию (до 69%), в противовес 31% «вынужденных», т.е. тем, кто остался без работы и от безысходности решил заняться малым бизнесом. Как показывает практика, «вынужденные» предприниматели гораздо реже добиваются успеха в бизнесе, чем те, кто решает заниматься этим делом более осознанно [4 с. 48; 1 с. 33].

По итогам 2016 года был зарегистрирован спад предпринимательских намерений – 5,0% населения заявило о том, что планирует открыть бизнес

в ближайшие 3 года, против 5,7% в 2014 году. Предпринимательские намерения представляют собой начальное звено предпринимательского процесса и позволяют предсказывать предпринимательское поведение индивида [1 с. 19].

По данным Фонда «Общественное мнение» условия для предпринимательства оцениваются респондентами как неблагоприятные 47% опрошенных, благоприятные 22%. При этом респонденты высказались, что в последние годы условия для ведения деятельности улучшаются 22%, ухудшаются 25%, ничего не меняется 26%.

Основными проблемами для развития предпринимательства в России считаются: 21% – высокие налоги, 9% – коррупция, взяточничество, 9% – бюрократия, административные проволочки, 6% – отсутствие первоначального капитала, возможности дальнейших финансовых вложений, 5% – плохая законодательная база, частые изменения в законодательстве.

Шире всего распространено мнение, что предпринимательство принесло стране больше пользы, чем вреда, – так думают 42% россиян, среди состоятельных и высокообразованных – больше половины [9]. Также в целом хорошее отношение к людям, которые занимаются предпринимательской деятельностью имеют 93% по данным ВЦИОМ-СПУТНИК [2].

Таким образом, малое предпринимательство сталкивается в своей повседневной деятельности с большими трудностями: несовершенство нормативно-правовой базы; отсутствие действенных финансово-кредитных механизмов и материально-ресурсного обеспечения; несовершенство системы налогообложения и государственной системы поддержки; административные барьеры и т.д. Все это отрицательно сказывается на уровне предпринимательской активности населения и вынуждает многих из них или выбирать те сферы деятельности, которые не предполагают серьезных затрат и обеспечивают быструю окупаемость вложений, или отказываться от занятия бизнесом, уходить в теневой сектор экономики.

Данные проблемы требуют к себе самого пристального внимания со стороны государства и обуславливают создание, адекватной современным условиям и потребностям системы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства.

Список литературы:

1. Верховская О.Р. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016» / О.Р. Верховская, Е. А. Александрова, К. А. Богатырева, М. В. Желепова, Э. В. Шмелева // ВШМ СПбГУ. – 2017. URL: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf (Дата обращения: 11.09.2017)
2. ВЦИОМ-СПУТНИК, база результатов опросов россиян, – 2017. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=18&q_id=879&date=26.02.2017 (Дата обращения: 09.09.2017)

3. ЕМИСС государственная статистика, – 2017 URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40652.do> (Дата обращения: 15.09.2017)

4. Козырева П.М., Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития / П.М. Козырева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. С. 43 – 58.

5. Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 N 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Ромашова Л.О., Тенденции развития малого предпринимательства в России Знание / Л.О. Ромашова // Понимание. Умение. – 2011. – №2. С. 94 – 99.

7. Статья 4 209-ФЗ – Категории субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 29.12.2015 N 408-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. ФОМ, Отношение к предпринимательству и предпринимателям. 2016. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12735>. (Дата обращения: 15.09.2017)

Карнов Виктор Петрович –
д-р ист. наук, профессор,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень
e-mail: 7654321.58@mail.ru

СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: РЕЦЕПТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ¹

Ключевые слова: Арктика, освоение, стратегия, программа.

Территориальное и демографическое преобладание России в Арктике требует развития советских успехов в освоении этого макрорегиона. Правительством РФ принимаются соответствующие концепции и стратегии регионального развития районов Севера и Арктики [1]. Но нужны не *концепции и стратегии, а программа*, подобная «Генеральной схеме развития и размещения производительных сил страны и ее районов». Такие программы разрабатывались в СССР с 1960 г. сроком на 15-20 лет ведущими учёными и специалистами-практиками [2]. Разумеется, сегодня «Генеральная схема» возможна уже не в рамках командно-административной системы, а на основе государственно-частного партнерства (ГЧП), учитывая реалии постсоветской экономики.

Нельзя сказать, что в СССР «Генеральные схемы» были реализованы «от и до», что перспектива всегда заступала впереди политических и сиюминутных интересов, но пока в современной РФ не появится долгосрочная программа развития страны и размещения ее производительных сил, решения правительства о выделении государственных средств будут диктоваться не столько экономическими соображениями, сколько политическими мотивами, силой того или иного губернатора в коридорах власти, близостью к ней той или иной промышленной компании. В результате, государство на чём-то не всегда оправданно экономит, а на другом – неоправданно теряет.

Примером нерационального расходования государственных средств на строительство портовой инфраструктуры может служить полуостров Ямал, на котором строится три порта, в то время, как, по мнению специалистов, хватило бы одного. В результате несогласованности действий «Газпром» решил построить порт Харасавэй, «Газпромнефть» – собственный терминал в районе мыса Каменный в Обской губе, а на восточном берегу этой же губы идёт сооружение порта Сабетта, в районе одноименного поселка. Вместе с тем, в проекте «Сабетта» не запланировали железную дорогу, которая связала бы порт

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00300.

с «большой землей». А в это время «Газпром» на бюджетные деньги (130 млрд руб.) построил 600-километровую магистраль Обская – Бованенково. Затем выяснилось, что дорога мало загружена, а от Сабетты до этой колеи 220 км стоимостью 40 млрд руб. [3]. Нестыковки можно объяснить тем, что сначала в рамках проекта «Ямал-СПГ» планировался профильный порт для освоения месторождений и строительства завода по сжижению газа, а позже решили, что порт будет многофункциональным. Но если смотреть шире, то такие нестыковки объясняются отсутствием «Генеральной схемы» и реального ГЧП.

ГЧП, которое в постсоветский период стало институциональной основой реализации северных проектов, нельзя назвать эффективным в силу следующих причин. Во-первых, в отличие от СССР, где вся собственность принадлежала государству, принимавшему единолично решения о распределении ресурсов, в современной РФ собственность принадлежит множеству субъектов. Как при этом сбалансировать долгосрочные планы частных компаний и государства правительство не знает. Во-вторых, отсутствует понимание того, что пока государство не начнет предоставлять гарантии по инвестициям частного сектора в объекты государственной собственности, эффективного партнерства не может быть по умолчанию [4]. Бизнес обоснованно не доверяет государству, решения которого не прозрачны, и привык вкладываться в понятные проекты с относительно быстрым сроком окупаемости.

В позднем СССР, при планировании индустриального освоения новых территорий, речь шла о создании территориально-производственных комплексов (ТПК) и входящих в них промышленных узлов. В постсоветский период возникло новое понятие – «кластер». Если интегратором ТПК выступала, в первую очередь, производственная инфраструктура, то в кластерах главным интегрирующим фактором должны выступать инновации, информационно-коммуникационные сети. Однако модное слово «кластер», заменившее привычное «комплекс», больше подходит для староосвоенных регионов, где уже действуют самостоятельные производственные единицы. Новосибирские учёные оперируют термином «акватерриториально-производственный комплекс (АТПК)», предложенным в 1979 г. П.Я. Баклановым в связи с исследованием возможности освоения шельфа о. Сахалин. Специфика АТПК заключается в том, что в структуре хозяйственной деятельности здесь присутствует как производственная деятельность на берегу, так и деятельность на акватории, которая обеспечивается морским и речным транспортом. Все объекты инфраструктуры на шельфе и суше обязательно должны взаимодействовать. В настоящее время в российском секторе Арктики формируются Архангельский, Кольский, Ненецкий, Норильско-Туруханский, Северо-Якутский, Таймырский, Чукотский и Ямальский АТПК.

Самым перспективным на сегодняшний день является Ямальский АТПК. Сначала Ямал рассматривался Москвой как трамплин для реализации проекта

«Урал Промышленный – Урал Полярный» («УП-УП»). Мегапроект признавался властью как самый привлекательный и многообещающий стратегический план России. Он, как известно, предусматривал интеграцию сырьевой базы Тюменского Севера и старопромышленных регионов Урала, освоение природных богатств Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов с дальнейшим продвижением в высокие широты. Между тем, первые попытки выхода на полуостров Ямал с целью разработки уникальных месторождений безуспешно предпринимались еще в 1980-е годы. В связи с этим учеными высказывалось опасение, что недостаточно проработанный проект «УП-УП» приведет к повторению ошибок советского периода: неудачу с выходом на п-ов Ямал учёные тогда объяснили отсутствием генеральной схемы освоения полуострова.

Сегодня угроза не комплексного освоения новых районов возросла в связи с кризисом, который переживает РФ. Дефицит бюджета ведёт к искушению сэкономить на производственной и социальной инфраструктуре, что видно по «заморозке» ряда объектов. Так, одним из приоритетных направлений в реализации проекта «УП-УП» с самого начала считалась железная дорога Полуночное – Обская – Салехард, однако сегодня руководство компании «Российские железные дороги (РЖД)» уже готово отказаться от строительства дороги. Такое решение в «РЖД» объясняют бюджетными ограничениями и «оптимизацией расходования средств федеральной казны». Но отказ от этого направления ставит под сомнение реализацию всего мегапроекта.

С 2012 г. правопреемницей проекта «УП-УП» стала компания «Корпорация развития» («КР»). Поменялись название и руководители, но в информации СМИ о развитии проекта продолжают появляться сюжеты о коррективах в планах корпорации и хищениях значительных финансовых средств. Доверие к проекту со стороны акционеров «КР» уже в значительной степени утрачено из-за шлейфа коррупционных скандалов, сопровождавших прежние проекты. В феврале 2017 г. президиум генерального совета партии «Единая Россия» принял решение о завершении федерального партийного проекта «УП-УП» «в связи с истечением срока реализации». Хотя по факту проект реализован не был [5].

Еще одна угроза для реализации современных северных проектов – серьезное отставание РФ в области научно-технического прогресса (НТП). Зависимость отечественной экономики от импортных технологий и оборудования родом из СССР, но в постсоветский период она не только не сократилась, но и заметно увеличилась. Успех в освоении природных ресурсов Арктической зоны зависит во многом от усилий компаний «Газпром» и «Роснефть», но они, как и отечественный нефтегазовый комплекс (НГК) в целом, находятся в большой зависимости от иностранных технологий. Сравнительно высокий вклад российских производителей в нефтегазовые

проекты достигается в основном за счет бетонных оснований и металлоемкого оборудования [6], а в высокотехнологичном сегменте доля импорта достигает 90–95% [7].

В создании отечественного сервиса необходима активизация обеих сторон – как государства, так и корпоративного бизнеса. Но государственные институты не эффективны, а компании не заинтересованы в НТП, так как отсутствует конкурентная среда. Принуждение к НТП, как показал опыт СССР, – неэффективный метод управления. Сегодня российские компании тратят на НТП лишь 2% средств в рамках своих инвестиционных программ. При этом, имея сильнейший административный ресурс, нефтегазовые компании блокируют любые попытки зародить в РФ конкуренцию в сфере нефтегазодобычи и топливообеспечения. Для нынешнего руководства ОАО «Газпром», являющегося крупнейшим монополистом в стране, приоритетом является не повышение эффективности работы компании, а максимизация прибыли многочисленных строительных подрядчиков при возведении не вполне оправданных газопроводов. Не удивительно, что капитализация «Газпрома» в 2008-2015 гг. упала в 12 (!) раз, с 360 до 44,3 млрд долларов [8]. Не намного лучше дела и у другого гиганта отечественного НГК – компании «Роснефть».

По своему историческому значению, масштабности и сложности задачи освоение ресурсов Арктики и, особенно, северных морей, может встать в один ряд с комплексными программами развития Сибири и Дальнего Востока в СССР, с таким знаковым для XX века событием, как создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Советский нефтегазовый мегапроект состоялся только благодаря концентрации всех ресурсов государства на решении этой задачи. Сегодня другие политические и экономические условия. Но без эффективного сотрудничества государства и субъектов промышленности в рамках научно обоснованной долгосрочной программы нельзя обеспечить «советский размах» в освоении российского сектора Арктики. При этом, разумеется, следует извлекать уроки как из положительного, так и из отрицательного опыта советской арктической политики.

Список литературы:

1. Концепция устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации. – М., 2004. – 89 с.; Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета, 2009. 30 марта. Ред. статья; Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв. Сб. документов и материалов. – Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2011. – С. 299–325; и др.

2. Карпов В.П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник, 2016. № 1 (50). – С. 91–98.

3. Рыльков А., Конюхов В. Великая ледяная магистраль // Тюменская правда, 2015. 11 марта.

4. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред. В. А. Ламин, В. Ю. Малов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. – С. 287.

5. Душин А.В., Юрак В.В. Проблемы разработки и реализации мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»: уроки для будущего // ЭКО, 2017. № 9. – С. 42.

6. Карпов В.П. Тюменский нефтегазовый Север: почему «подвела» автоматика? // ЭКО, 2017. № 9. – С. 64.

7. Шафраник Ю.К., Крюков В.В. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. – М., 2016. – С. 244.

8. Иноземцев В. Разрушители стоимости: история потери денег госкомпаниями // Тюменская Губерния, 2017. 11 августа.

УДК 314.728 ББК 65.240

Колесник Елена Андреевна –

к.э.н., доцент

Тюменского индустриального
университета, г. Тюмень

e-mail: eakolesnik-10@mail.ru

Павлова Лариса Леонидовна –

к.э.н., доцент

Тюменского индустриального
университета, г. Тюмень

e-mail: pavlova68@yandex.ru

Зотова Анастасия Николаевна –

студентка 4 курса

Тюменского индустриального
университета, г. Тюмень

e-mail: zotowa.anastasia4596@yandex.ru

ЗАВИСИМОСТЬ МИГРАЦИИ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: миграция, экономика, регион, ориентация, стратегия.

Согласно утверждения Всемирного Банка, в глобальном измерении выгоды от более свободного перемещения рабочей силы превышают выгоды от либерализации торговли. На основе теоретической модели равновесия мировой экономики, был сделан вывод об увеличении численности мигрантов в 2025 г. по сравнению с 2000 г. на 8 %, что обеспечивает рост глобального дохода, в т. ч. для развитых стран – на 0,4 %, а для развивающихся – на 1,8 %. Следовательно, миграция не только динамизирует развитие, но и способствует более справедливому распределению глобального богатства. Несмотря на это, на сегодня тема миграции населения набирает все больше поводов для беспокойства, так как является довольно противоречивым и сложным процессом. Напряженная внешняя политика, сложная экономическая и финансовая ситуация страны усугубляют ситуацию [3, с.254]. Ведь для использования положительного потенциала миграции необходима целенаправленная политическая воля и деятельность.

Таким образом, актуальность рассматриваемого вопроса заключается в том, что современная миграция – это социальное явление, которое возникает под влиянием множества факторов, существенно влияя на характер развития

как страны в целом, так и ее регионов. К числу этих факторов можно отнести социально-экономическое состояние страны и ее регионов, политические приоритеты развития, демографическое состояние, культура и др.

Территория Российской Федерации является самой большой страной в мире, чего нельзя сказать про население; в рейтинге стран мира она занимает 9 место[8]. Население страны распределено по территории не равномерно, что приводит к проблемам разного характера. Причиной распределения является миграция.

Миграционная политика является важной составляющей в политики государств. Если в России преобладающим видом миграции является внутренняя, то в Европе и странах Латинской Америки преобладает внешний вид миграции. Механизмы регулирования миграционных процессов предполагает использование различных методов регулирования. Трудности с разработкой законодательства о мигрантах в различных странах, Международная организация по миграции инициировала создание базы данных законодательства по проблемам миграции. База содержит правовые нормы и инструменты, которые используются для регулирования процессов миграции на мировом, региональном и национальном уровнях. Она постоянно обновляется и включает в себя соответствующие международные конвенции, региональные и двусторонние договоры и соглашения, международные и региональные резолюции и декларации, а также национальное законодательство.

На основании этого разрабатываются программы помощи странам, в которых проявляются стратегические, национальные и программные проблемы, связанные с миграцией. Например, программа «МиРПАЛ», призванная содействовать сбору, анализу, доработке, генерированию и распространению знаний по вопросам миграции, а также создать площадку для международного сотрудничества стран СНГ в данной области; и которая не в полной мере справляется с этой задачей. В России в 2016 году В.В. Путин поручил правительству разработать законопроект об адаптации мигрантов. До марта 2017 года должен быть готов законопроект, который установит «правовые, организационные и экономические основы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации».

В рамках 61 сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2006 г.) было определено, что мобильность международной миграции с каждым годом увеличивается и поэтому касается практически всех стран мира. Миграция населения может играть положительную роль в их развитии, если будет подкрепляться правильной миграционной и социальной политикой [7; 2, с. 1517]. Стоит также уделять особое внимание причинам миграции, поскольку часто они являются не результатом свободного выбора.

В научной практике большое развитие и проработанность получили семь подходов по изучению причин миграции: демографический, экономический,

юридический, социальный, исторический, психологический, историко-биологический подходы. На наш взгляд, в комплексе не хватает еще одного подхода – политического, так как, начиная с 2014 года, политический фактор в России занимает решающие и первостепенные позиции в стимулировании миграционных процессов.

Причины дифференцированного перемещения населения России можно рассматривать в соответствии с научными подходами, но оценивать ситуацию только по одному критерию было бы, по нашему мнению, неправильно. Это не будет способствовать рассмотрению причин миграции в полной мере. Именно поэтому в нашей работе мы использовали комплексный подход.

При изучении статистических данных федеральных округов Российской Федерации за 2015 год мы можем увидеть потоки перемещение населения по территории (рис. 1). Из данной схемы передвижения можно сделать вывод, что центр «притяжения» мигрантов находится в основном в Европейской части Российской Федерации. Переселение из западной части страны не выходит дальше Северо-Западного федерального округа. Это обусловлено климатическими условиями и отдаленностью от основанного производства.

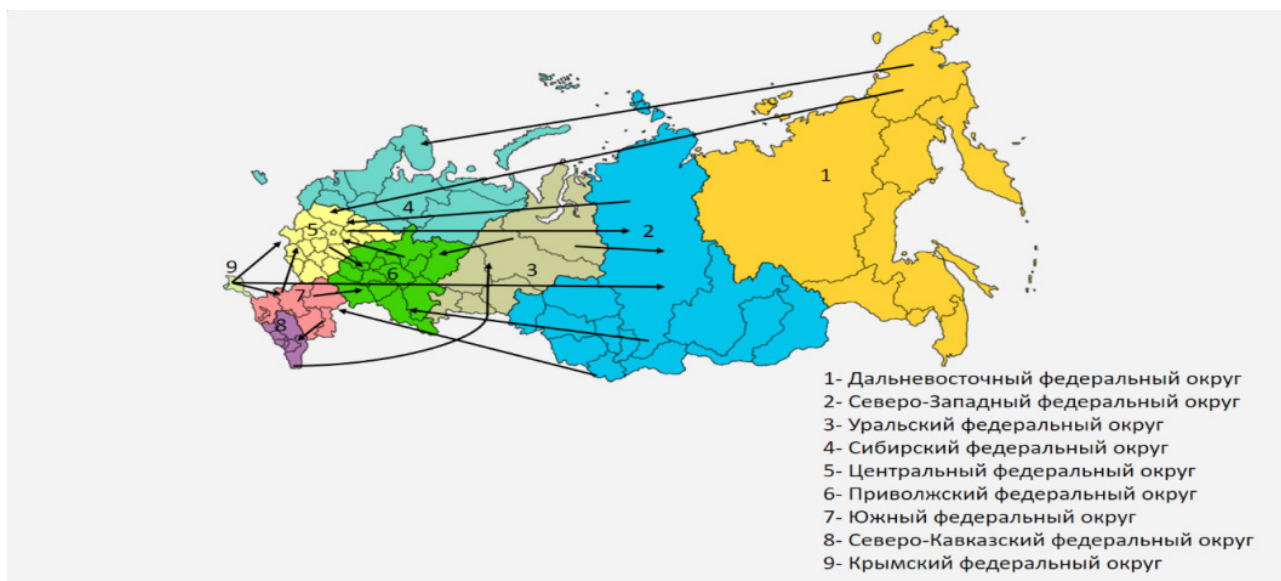

Рис. 1. Карта перемещения населения по территории
Российской Федерации, 2015 г.*

* выделено авторами самостоятельно

Таким образом, не смотря на всю привлекательность программ по переселению в мало заселенные районы, которые предполагают либо выделение земельного участка, либо материальную помощь, либо предоставление жилья, показатель оттока и разгрузки Центрального, Приволжского, Южного федерального округов не происходит.

Для того что бы понять причину привлекательности данных районов, были изучены показатели внутреннего валового продукта всех субъектов Российской Федерации. В результате мы получили обобщенную информацию об основной экономической ориентации федеральных округов России (рис. 2).

Если соотнести данные с рисунками 2 и 3, то можно заметить, что отток населения идет из мест добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства, в районы с перерабатывающим производством, которое в основном сосредоточено в Европейской части России. Таким образом, миграция населения является одним из важных факторов прогресса. Она несет значительный потенциал и является одним из самых эффективных и быстрых средств сокращения бедности.

Экономическая ориентация	Федеральный округ
Обрабатывающее производство	Центральный федеральный округ
	Северо-Западный федеральный округ
	Приволжский федеральный округ
Добыча полезных ископаемых	Уральский федеральный округ
	Сибирский федеральный округ
	Дальневосточный федеральный округ
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Крымский федеральный округ
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	Северо-Кавказский федеральный округ
Оптовая и розничная торговля	Южный федеральный округ

Рис. 2. Экономическая ориентация регионов Российской Федерации*

* выделено автором самостоятельно

По экономическим показателям миграции населения Российской Федерации активнее всего перемещения происходят внутри федеральных округов. Показатели внутренней миграции при обычных исторических, климатических, юридических условиях вырос.

Лапыгин Ю.Н. видит проблему увеличения показателей в постановке целей и выстраивании стратегии развития региона [5, с. 61]. Мы согласны с его утверждениями, ведь на сегодняшний день стратегии развития регионов и формулировка целей их функционирования и дальнейшего процветания не конкретны, и больше напоминают пожелания. Согласно нашему видению, главная ошибка органов власти при разработке стратегии развития регионов — это проведение анализ стратегии развития соседних регионов с привлекательным вектором развития, которые в последствии берутся за эталон. Причем собственная действующая стратегия игнорируется, со всеми ее уникальными особенностями и результатами.

Для усовершенствования разработки стратегии развития регионов нами были выделены основные значимые этапы (рис. 3).

Реализация данных этапов позволит скорректировать социально-экономическое развитие регионов [4, с. 48]. Это сделает возможным позитивно влиять на демографические процессы и миграцию населения. Тем самым, во-первых, снизится напряженность экономической и политической ситуации в стране, во-вторых, правильная постановка стратегии улучшит отраслевые показатели региона, в-третьих, повысит эффективность выработки плана по достижению цели, что приведет к увеличению поступления в бюджет, а соответственно к увеличению уровня жизни населения, что, соответственно, минимизирует последствия высокого уровня миграции.

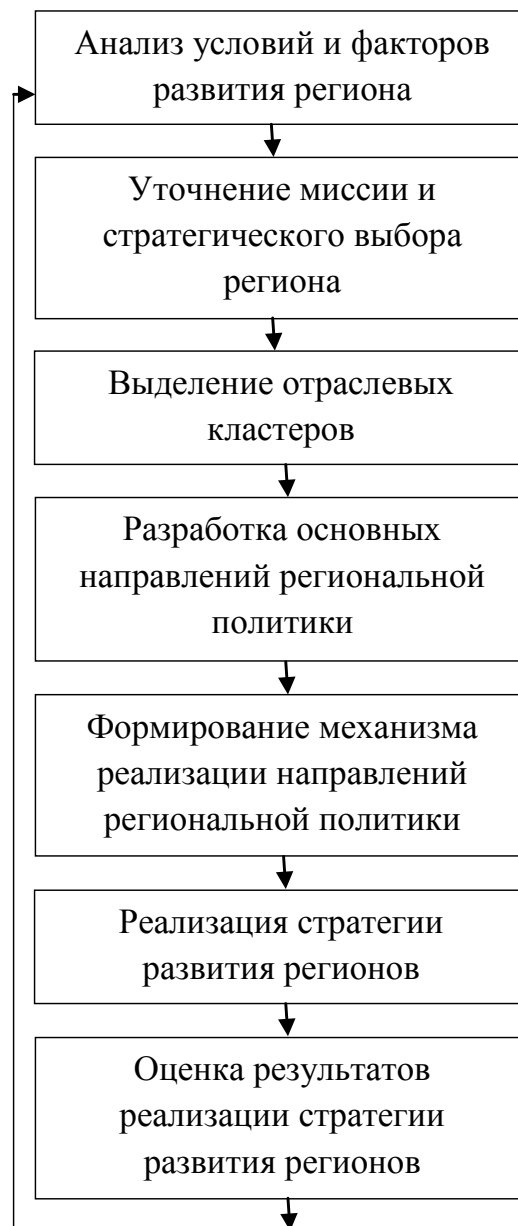

Рис. 3. Алгоритм разработки стратегии развития регионов*

* разработано авторами самостоятельно

Таким образом, выходом является только точный анализ и построение подходящей для каждого региона стратегии развития. Последствием этого будет стабилизация демографических, экономических показателей не только на уровне субъекта, но и на уровне федеральных округов.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]// режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/
2. Горева, О.М. Анализ миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе / О.М.Горева, Л.Б.Осипова // Современные проблемы науки и образования. 2015. – № 1–1. – С. 1517.
3. Колесник, Е.А. Социально-демографические аспекты функционирования и развития рынка труда России // Энергосбережение и инновационные технологии в топливно-энергетическом комплексе: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 252–256.
4. Колесник, Е.А. Тип рыночной структуры и его влияние на нефтяной рынок Российской Федерации /Е.А. Колесник, А.А. Заболотникова // Международный научно-исследовательский журнал. – № 11 (53). – Часть 1. – С. 46–48.
5. Лапыгин, Д.Ю. Стратегические цели развития региона: проблема системности // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-tseli-razvitiya-regiona-problema-sistemnosti>
6. Многоликая миграция / [под общ. ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина]. – М.: Экон-информ, 2014. – 261 с.
7. Павлов, Д.А. Проблема выбора альтернативного политического развития России/Павлов Д.А., Павлова Л.Л.//Международный журнал экспериментального образования, 2014. – № 6–2. – С. 94-95.
8. Рейтинг стран мира по численности населения [Электронный ресурс]// режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/world-population/info>

УДК 572.026/519.25 ББК 60.55.373.1

Костина Наталья Викторовна –
к-т биол.. наук

Кудинова Галина Эдуардовна –
к-т экон. наук, доцент

Розенберг Анастасия Геннадьевна –
к-т биол.. наук

Розенберг Геннадий Самуилович –
чл-корр РАН, д-р биол.. наук, профессор
Институт экологии Волжского бассейна
РАН, г. Тольятти
e-mail: GKudinova@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ «ЭКОЛОГО- ПРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА» ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ВОЛЖСКОГО БАССЕЙНА

Ключевые слова: устойчивое развитие, экспертная информационная система, экология «культуры».

Введение. С середины XX века человечество активно ищет пути выхода из кризисной ситуации, спровоцированной бурным ростом промышленности, сельского хозяйства и ростом народонаселения планеты. Научно-техническая революция дала возможность решать многие проблемы, стоящие перед обществом: производить товары массового потребления и продуктов питания по доступным для большинства потребителей ценам; строить недорогое жилье; массово развивать транспорт и его инфраструктуру и другие. Однако вслед за эйфорией массового потребления пришло осмысление ущерба, наносимого окружающей природной среде и условиям жизни нынешнего и будущих поколений. В 1978 г. на XIV Генеральной ассамблее Международного Союза охраны природы и природных ресурсов принята «Всемирная стратегия охраны природы», направленная на достижение стабильного экономического развития и сохранение природно-ресурсного потенциала. Материалами ассамблеи понятие «Устойчивое развитие» определяется как модификация биосферы, применение человеческих, финансовых, живых и неживых ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей и улучшения качества жизни. Термин «устойчивое развитие» («sustainable development») был сформулирован для широкого употребления мировой общественностью [5].

Много работ посвящены различным вопросам сохранения природы, животного и растительного мира, изменению отношения в энергоресурсам, проблеме «юг-север» и другим важным и значимым для развития цивилизации. Однако на наш взгляд не менее важной является и проблема «нравственного» характера, эколого-нравственно-этическое «обновление» человеческой популяции, позволяющее формировать грамотное отношение к природе, окружающей среде и предотвратить деградацию естественных ландшафтов для нынешних и будущих поколений. Этому аспекту устойчивого развития не уделяется достаточного внимания и он мало изучен.

Цель. Дать обобщенную характеристику «эколого-нравственного потенциала» территории (на примере Волжского бассейна).

Методология. В исследовании использован системный подход к анализу «эколого-нравственного потенциала» территории (на примере Волжского бассейна) с использованием экспертно информационной системы REGION (ЭИС REGION), позволяющей решать задачи комплексного анализа состояния крупной территории, оценивать характер антропогенной нагрузки, осуществлять прогноз развития экологической обстановки с помощью модельных «сценариев», и на этой основе давать рекомендации по достижению экологической безопасности, устойчивого развития и направлений социально-экологической реабилитации территорий.

Результаты. С помощью ЭИС REGION проведен анализ распределения по территории Волжского бассейна учреждений образования, здравоохранения, культуры (музеи, театры) и спорта. То есть, дана обобщенная картина «эколого-нравственного потенциала» территории [3, 4] в пространстве факторов [6, 7], которые с той или иной степенью условности можно отнести к характеристикам «экологии культуры».

Рассматривалось два варианта: распределение учреждений, отнесенных на 1000 человек населения (обобщенный индекс «культурности») и распределение учреждений, отнесенных на 1000 км² (обобщенный индекс плотности «культуры»). При построении интегральных индексов, выбранные показатели нормировались методом линейного масштабирования по отношению к заданным минимальным и максимальным значениям шкалы и суммировались. Полученный результат (рис. 1) по индексу «культурности» отражает негативную обстановку в Самарской, Астраханской областях и в Республике Марий Эл. Более хорошая обстановка наблюдается для Костромской, Тверской, Ярославской областей и Республики Мордовия.

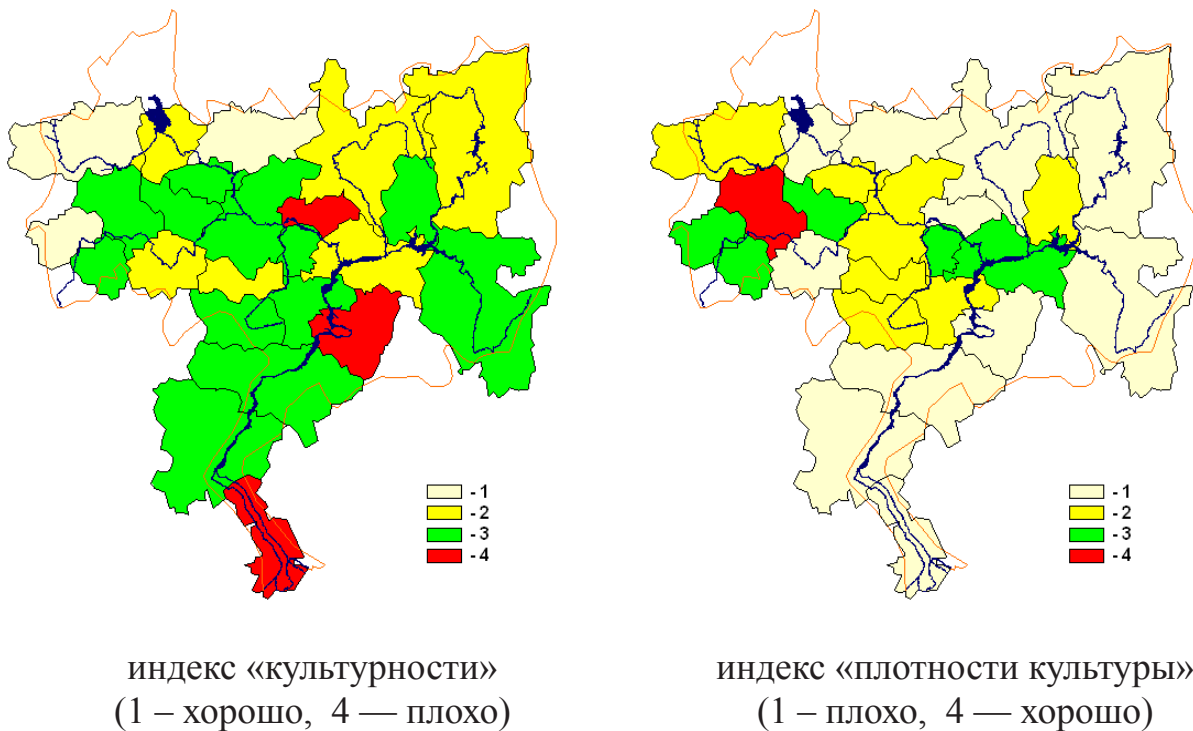
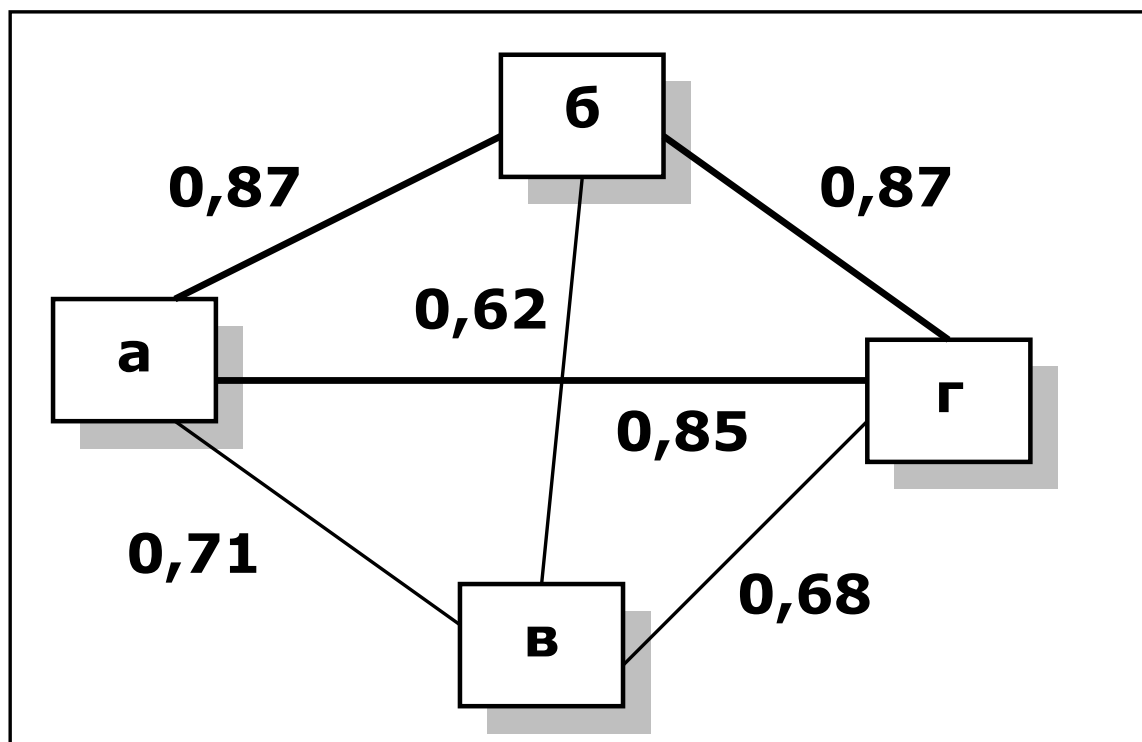

Рис. 1. Распределение значений индексов по территории
Волжского бассейна

Обобщенный индекс плотности «культуры» демонстрирует лидирующее положение Московской области. При этом из рассмотрения мы исключили г. Москву (отношение огромного числа учреждений культуры, спорта, образования и здравоохранения к очень маленькой площади этого субъекта РФ делает значения данного показателя неким «артефактом», а на взгляд обывателя – «из другой жизни»; но и в этом случае, Московская область резко выделяется в лучшую сторону).

Положение «аутсайдеров» занимают Кировская, Астраханская, Волгоградская, Саратовская области, Республика Башкортостан, что позволяет установить приоритеты в управлении достижения устойчивого развития территориями Волжского бассейна. Следует также отметить, что значения параметров этого индекса тесно связаны линейной зависимостью (рис. 2).

Обсуждения. Столь высокие коэффициенты линейной корреляции между анализируемыми параметрами (все больше 0,62) позволяют в дальнейшем использовать либо один из них (например, число учреждений культуры на тыс. км²), либо применять в анализе полученный обобщенный индекс «плотности культуры».

Учреждения:

а — здравоохранения, б — образования, в — культуры, г — спорта

Рис. 2. Значения коэффициентов линейной корреляции между числом учреждений на тыс. км² на территории Волжского бассейна

Зависимость обобщенных показателей (индексов «культурности» и «плотности культуры») от некоторых факторов, характеризующих устойчивое развитие территорий Волжского бассейна позволила определить ИЭС REGION. В качестве таковых были выбраны следующие:

1. биотическая продуктивность экосистем Волжского бассейна, т/га/год;
2. лесистость территории, %;
3. доля особо охраняемых природных территорий (ООПТ), %;
4. доля горожан, живущих в условиях высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха, %;
5. объем выбросов в атмосферу на одного жителя, т/чел.;
6. сброс загрязненных вод на одного жителя, м³/чел.;
7. доля религиозных людей, разделяющих и экологическое мировоззрение, %;
8. коэффициент экологической преступности (на население от 14 лет);
9. протяженность автодорог с твердым покрытием, км/1000 км² (составная часть обобщенной транспортной нагрузки);

10. инвестиции в объекты охраны окружающей среды, % к ВРП;

11. индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index – HDI [1, 2])

Удельный вес влияния факторов (x_i ; $i = 1-11$) в уравнениях линейной множественной регрессии для индексов «культурности» (Y_k) и «плотности культуры» (Y_{pk}) оказался следующим:

Y_k	x_1	x_2	x_4	x_6	x_9	x_{11}
%	8,42	10,41	38,06	3,84	2,59	6,27

Накопленная сумма удельного влияния факторов – 69,6%.

Коэффициент множественной регрессии – 0,838.

Y_{pk}	x_5	x_9	x_{10}	x_{11}
%	2,64	78,41	4,07	2,91

Накопленная сумма удельного влияния факторов – 89,8%.

Коэффициент множественной регрессии – 0,973.

Заключение. Самыми значимыми для индекса «культурности» оказались чисто экологические параметры (биопродуктивность экосистем и лесистость территории – почти 19%, прямая зависимость) и фактор антропогенного загрязнения (доля горожан, живущих в условиях высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха – чуть более 38%; обратная зависимость). Интерпретация этого результата затруднена, – скорее всего, мы имеем дело с комплексным влиянием факторов. Для индекса «плотности культуры» основными факторами стали доступность объектов культуры, спорта и пр. (прямой вклад этого фактора в общее влияние – более 78%) и инвестиции в объекты охраны окружающей среды (более 4%, также прямая зависимость); здесь результат более «понятен».

Полученные результаты могут служить для обсуждения и выработки управляющих воздействий, однако очевидным является необходимость изменения отношения общества к экологическим факторам, влияющим на индексы «культурности» и «плотности культуры» в частности, а в целом – на устойчивое развитие крупной территории.

Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований (грант № 16-16-63003 «Волжские земли в истории и культуре России», грант № 17-44-630113 p_поволжье_a) за частичную финансовую поддержку данной работы.

Список литературы:

1. Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Селюков Ю.Г. Человеческий капитал для социогуманитарного развития. М.: ИАЦ Энергия, 2008. 96 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2013 год. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/17/6014>
3. Костина Н.В., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С. Волжский бассейн: как пройти к устойчивому развитию? // На пути к устойчивому развитию России. 2011. № 58. С. 66–73.
4. Костина Н.В., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С. Волжский бассейн: как пройти к устойчивому развитию? // На пути к устойчивому развитию России. 2011. № 58. С. 66–73.
5. Кудинова Г.Э. Эволюция взглядов на устойчивое развитие. / Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 8 (130). С. 12–16
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Статистический сборник. М.: Росстат, 2010. 996 с.
7. Россия в цифрах. 2011: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2011. 581 с.

Kuzmenko O.A. –
associate professor of economics, Tyumen
State University

Dyachkova-Politi A.M. –
BBA in accounting CUNY Baruch College

SOCIAL ENGINEERING AS PART OF THE INTERNAL AUDIT PROGRAM

Introduction

In modern days protection of the financial and corporate information became an every day problem for a lot of companies. Very often loss of the information through leakage of the internal information happens through the employees of the company. In this case, every department becomes responsible for the part of the informational flow and reporting documentation it requires. Development of the documentation of this sort can become a problem due to the invisible at the first sight connections and informational flows between departments and employees of the various positions. Monitoring of the connections and informational flows are often guided by social engineering and managed by the security department or internal audit professionals. This work is considering the methodology and development of the documentation that is targeting developing the records showing accountability and assurance of the social engineering connections. It is meaningful to notice that lately the term social engineering have appeared in a few patents and became one of the discussed at various meetings.

MAIN CONTENT

Social engineering is a new definition widely used in audit and consulting. More often this term is used when we discuss the informational technology testing program for a newly developed software before it goes into production as a part of the quality and anti-hacking observation. We should emphasize that in consulting social engineering has a slightly different direction and includes in addition human resources, information, documentation, psychological maneuvers between humans and some retrospective fact. We can consider fact as an action in the past that has it result in the future. Social engineer usually perceived as a representative of the hackers, however, it could be an employee of the company's internal audit group. As opposite reflection just with the different task that could be described as the development of the internal control structure, forming protective sanctions over the access and spreading the valuable information.

Social environment of the organization has been put into the center of the internal audit group attention. There are various organizations which are ready to participate in formation of the methodology and to educate about the organization of the work with the social engineers. Some of them The Association of Certified Fraud Examiners, the Institute of Internal Auditors, The Association of Certified

Public Accountants are arrange some type of a framework. At the same time there are more and more written publications covering this question have been issued abroad. Most of these studies have been written by the representatives of academia in the areas of the sociology, psychology, and mostly are concentrated on forming a stable organizational structure based on the total or almost total control of the human behavior towards building highly secured informational environment. One of the biggest risk factors is human reaction. It is obvious that there is no way to completely escape the effect of the human activity, reactions, and actions however, it will help to mitigate to minimum, prevent and monitor this part of the organizational informational system. In practice it will bring to a strong control system and supporting procedures.

The international standards give us recommendations and some guidance over the development of the documentation. Some recently published articles have been covering records development and assurance of the effective interaction between the internal audit group and the management of the organization. The most important task for the company is to keep the informational flows, transactions between the subjects of the corporate structure with the lowest/minimal loses. The professionals of the internal audit group with the knowledge of the psychology have an important part in formation of the stable corporate system and conduct the compliance audit targeting to fight with the external representatives of the social engineering.

Forming and conducting the inspection at the organization often arranged by the representatives from the federal governmental representatives from the department of taxation or some consulting companies such as PriceWaterhouseCooper, Ernst and Young and so on. Inspections compare to the mare monitoring include interviewing of the employees, filling out the questionnaires, observation of the transactions performed, testing of the selected transactions, testing of the simulated transactions, description of the control and procedures based on findings.

The employees of the records management department can be helpful in developing the control function. The internal audit department developing detailed documentation beginning from the map of responsibilities to the employees instructions and finishing with the transactions established by the policy for records management. Here we can observe the difference among responsibilities of both departments: the internal audit department responsible for the effective implementation of the policies and the records department is responsible for the quality of the records supporting the corporate governance.

When we talk about social engineering from the practical stand point we have to remind that sometime it is used with the intentional distortion, concealment and omission of the facts with the intent to deceit or to manipulate. Some of such actions lead to damage of the person or a corporation in total. The result of the manipulation can bring to the situation when the crime could be committed in variation of the

degree from leak of the information to corporate espionage when information either sold to the competitors or destroyed completely. The plan of internal control can be developed to mitigate possible situation.

Considering the fact that social engineering is a type of the psychological hacking, we should pay attention to the methodology. One of the most important parts of this particular type of audit concentration of the attestation on minor evidence of the deviation from the corporate standards. This deviations could be summed further and initiate a trend which should be accounted for. When we use general methodology such as interviewing of the newly coming stuff and revealing of the intentions, interests and motivation of the employees. We also, conduct observations of the employees reactions when imitating the similar to reality situations that are either admissible in the corporate culture or could be simulated to defeat the threat. Methodology can vary depending on the technological aspect of the tested function and on non-technological complexity of the function belonging to the survey of the particular employee. At the basis for the testing we are developing maps of the directions and connections for each employee and according connections with the departments of the firm, connections with the other employees, revealing spots that are the most sensitive for the threats. After the connections and informational flows are established we can develop a plan of the functional audit. Quite often victims of the social engineering could be both: management from the employee and vice versa. Employees of the lower positions are susceptible to the social engineering from the management. It depends on the corporate structure and tone at the top. Tone at the top brings together both requirements to the audit and the corporate culture. Both of them define what psychological type of personality can become a perfect fit for current position. Psychology of the employment effects the social side based on the ability to carry the fiduciary duty to the company. In the basis of the tax law lays a doctrine of the burden of proof when tax payer is the one liable to proof his/her innocence. Here it is important to notice the fact of the witness position who see or experience the event, action, goes through some internal cycles. The auditor of the social business processes represents an expert witness and is in a position of trust and neutrality to the company in general and especially when it is a legal matter.

For example, standards of the Institute of the internal audit are naming a few stages for the company's security: management, risk management and system of internal audit. They are usually called three lines of defense. Each line of defense functioning represented and regulated internally by instructions, procedures and rules, which assure their effectiveness. Most part of the documentation is developed based on the amount of risk that company has. The riskiest attributes are tested for leakage and disbursement of the information among employees and departments of the company. The testing is conducted based on the currently enacted regulations. Crucial point at this stage is to involve representative of the participating in testing departments in to brainstorming. The result of such brainstorming could be a put into the base of the testing process together with the internal standards, policies and

the comments from the corporate attorney. After the risks have been identified and all preliminary work for gathering of the information was done, implementation of the first stage procedures can be prepared and executed. The Deming cycle suggests PDCA: plan, do, control/check, act.

After all the work have been accomplished and the procedures have been identified, we can start working with existing differences, intersections between procedures and organization of the procedures into the straight forward areas of managements responsibility and strengthening the controls over the procedures. According to the practice, when analysis of the tested material is finished we can identify new trends and newly formed traits of the risky situation. In this case the frequency of the monitoring and development of the new processes will be considered according necessity. There is a pivotal step in developing business processes to develop graphs, charts, diagrams, schedules and reports which will include dates, areas of testing, results inquired during the monitoring and recommendations how to improve them must be assumed by the management and the board of directors. The graph of the internal audit program standardized for each particular organization separately is forming the controlling environment. Such graph contain of the table with the name of the document, function, responsible for control group or department. Each control group is numerated and this numeration is progressing and graded to the more detailed function: for example 3rd is Human resources department; 3.1 - Hiring, 3.2 - Diagnostics of the newly hires employees, 3.3 Training etc. (see pic.1) . This document allows actively manage informational flow in the company. It can be as detailed as possible or can be presented in the short form. The details that can be added to the schedule is the name of the department, responsible person, date of the development and date or the period when it was renewed. The program of the internal audit should be developed individually for each organization and the alterations should be made according to the necessity of the changes in the function itself and in the level of risk.

Department	Function	Risk level	Responsible position	Type of the work paper
1	2	3	4	5
Human resources department	Hiring Diagnostics of the newly hires employees Training	H-high M-medium L - Low N/A- Not applicable	Name of the position of the internal audit group	Questionnaire identifying the current functions situation, lead testing schedule, schedule of the testing dates, table of the findings and recommendations

Pic. 1 Program of the internal audit, example.

The main target of the thorough documentation is to provide smooth transfer from one stage of management to the next one without severe damage of the documentation flow. At the same time we have to understand that there is a time-value and cost constrains for development of the records control system in the organization and beyond its boards.

We need to underline, how important it is to perform internal monitoring to collect data about employees, their behavior, their sustainability to various difficult decision driven situations. Planned internal audit can also be supplemented with sudden visits deployed to check separate transactions. This method aiming to identify financial shenanigans and other types of arrangements made within the organization that is draining its financial resources out. the quality of the records of transactions and procedures of the records handling can be create a shield for the company from litigation, threats of the potential charges and even criminal actions.

Internal audits usually conducted in two directions. First as part of the constant monitoring program, second are inspections that are conducted after the fact of financial theft, after the financial crime have been committed or as scheduled preventive sanctions.

Monitoring represents the biggest part of the internal audit that challenging all the aspects of the corporate management. It is important to notice that monitoring is a part of the COSO framework protecting management from the risk factors. There is a definition abbreviation widely used CRIME: C-Controlled activities, R risk assessment, I Information and communication, M – monitoring, E - Control environment. This framework is beneficial and used as recommendations and guidance to prevent fraud.

Records with all the necessary attributes to them are representing the quality of the information and shows the legal protection of the company from spreading it secret technologies and internal matters from inner and outer risks. Monitoring function is a constant process that starts with the planning development of the key points that require immediate attention, stages of the information gathering, handling, and writing of the final report. The information gathering stage is the most crucial and requires precise attention. The quality of monitoring function depends fully on the amount of the gathered information, its fullness and define the stability of the processes taken into action.

There was an emphasis in the most recent publications on internal auditors being responsible for the errors, omissions, minor mistakes in the documentation, use of the wrong information. The result of the limited and wrongful information can lead to the gaps in the corporate standards that could potentially bring the company into the situation of the deception. The internal auditors poses a set of tools and skills to conduct the audits and monitoring of the social security in the organization. These type of the audit is testing social side of the business and use wide variety of testing tool as duplicating of the realistic situations close to the real conditions. Security of the information and its parts also includes knowledge about those who

we trust. Such knowledge are forming during the sociological audit. We have to be ready to diagnose various stories about the same situation based on the sociological interview. It allows to estimate the current situation and the result it have entailed. There is a need for a widely arranged testing and constant monitoring when security and protection from the potential risks are the first questions on agenda of the Board meetings. The inspection quite often organized after some illegal acts or in a result of the upcoming legal battle. In this case, scenario documentation and records are two of the most intensive sources of the qualified information for resolution of the situation. When we are discussing a control function, we speak about the systematic process, not just a separate testing of the procedures. For this purpose, it will be beneficial to separate the difference between documented information and operational information. Documented information represents only a part of the informational based on testing of the effectiveness of management. As the result of the inspection, we have an oral story made out of the few stories from the employees and documentation supporting it. It will bring us to the final stage of the clearance of the given situation.

The first pointed task for the internal auditors is to train the employees on how the social engineering can be used to benefit the company, on the other side protect, and secure the company and its financial information. In this case, the employees of the internal audit group can call corporate psychologists. As widely known, people are socialize and trust others to build their relationship, sometimes creating some type of the hold on the future developments by not releasing enough trust. Professional who possess skill of social engineering can otherwise prevent wrongful or intentional situation of the informational leakage without any technical breaking in just based on their skills and knowledge. Organized corporate training and training can prepare employees how to respond to such attacks and stay on top of the human hacking. Such trainings are especially popular in the financial and governmental organizations.

Human is the weakest part of the informational security system because he can become a part of the communication process or a separate scenario. Testing of the behavioral aspect during the audit or lead to the recreation of the truthful story as to what happened. Social engineers or just regular manipulators create a conflict situation when someone is the victim and is madly overlooking the potential outcomes. Thus, some type of the chaos created and the potential victim is losing its trust to others. The manipulator is coming as a hero who helps to resolve the situation that tangled in a realm of problems at the first sight. This hero can even threaten the victim that in case of the violation of the typically oral agreement the fault will draw to the innocent professional. For example, there is a patented program developed by the professionals from the USA that creates some type of the simulations to test the potential outcomes for social engineering networks. As result of such simulations, data obtained may show connections between employees inside and outside the company. For example, based on the level of trust other than owner of the e-mail can have access the classified information or account of the social network. Group of internal auditors should carefully consider obtained this way during the planning

stage of the audit information and account the testing procedures accordingly to minimize this type of the opportunity.

As it was pointed out before, social engineer incorporates malicious information that can be so small lead to the success of the initial deceptive idea. Thus, when we plan and develop the organizational structure we have to consider how it can be protected from such malicious attacks. The more we know about the employee the more protected the firm is from each side. The human resources department can conduct the behavioral testing as one of the functions and use the outcome of the responses for the internal audit tastings. The leakage of the information resulted from the social engineering brings to the wanted outcomes when the employments instructions are either not followed or when the professional subordination is intersecting among the few professionals. Records can be falsified, altered, changed, through away, or even not used in a specific event. On the other hand human factor is considered even when KYC – “know your customer” concept integrated into the management system. Quite often words, format, and quantity of the documentation in transactions allow to establish control after the behavioral aspect as well. There are have been a few scandals in financial world Enron, WorldCom, Medoff that clearly have shown that social engineering sometimes result from network developed and based on the clients commonly known wish to be as much beneficial as possible from the investments made into the company. It have brought legislative bodies to enact the laws and regulations of various levels that have established more clear relationship between supervising employees, management and staff. At this point most of the responsibilities have been targeting the error and omissions that documentation may contain. Another note regarding the practice is that even American internal revenue services have legally require managers and supervisors to take responsibility for preparation quality and even inputting the data into the electronic tax preparation system. Another important for formation of the control environment regulation is the Sarbanes-Oxley Act which not only made management (CEO’s, CFO’s и COO’s) responsible for the effectiveness of the controls but made it also a part of the annual auditors report. Another foreign practice includes use of the general liability and directors and officers insurance policies covering decision making with a due care to the company. However, it is not always guarantee the full coverage of the litigated amount if the litigation was filed against the company.

As the CEO of the International association of the internal auditors has mentioned in his book “Trusted adviser” is not the one who flows the flow but the one who has the power to be ethical to follows the organizational rules. Our human nature sometimes lead us to conduct some actions that open the door to the thieves. There are a lot of the factors and feelings such as kindness that could lead to the ethical dilemma. Mr. Chambers in his book has given a definition to the solution of the such dilemma: “Courage: it is a type of the behavior when person is ready to speak up his opinion and give an advise even if the ideas look not as popular”.

References:

1. <http://www.intuit.ru/studies/courses/102/102/lecture/2975?page=12>
2. <https://habrahabr.ru/post/83415/>
3. Social engineering: the art of human hacking. Christopher Hadnagy –
4. Uncovering
1. Susan Burch. The three lines in harmony. – Internal auditor., April 2017, p. 51–55.
2. Richard F. Chambers. Trusted Advisors: Key attributes of outstanding internal auditors. – IIA Foundation, Fl., 2017.
3. Robert R. Moeller. Sarbanes-Oxley. Internal Controls. Effective Auditing with AS5, CobiT and ITIL. – Wiley, NY. – 2008.
4. Social engineering: The basics <http://www.csoonline.com/article/2124681/social-engineering/security-awareness-social-engineering-the-basics.html> George V. Hulme and Joan Goodchild
5. <https://www.webroot.com/ie/en/home/resources/tips/online-shopping-banking/secure-what-is-social-engineering>
6. Derek Kortepeter JUNE 21, . <http://techgenix.com/social-engineering-human-threat/>
7. Deception of Phishing: Studying the Techniques of Social Engineering by Analyzing Modern-day Phishing Attacks on Universitie Date 2016-05-05 Author Walker, Lauren Elizabeth

УДК 330.123.5(470.345)

Лимкина Надежда Александровна –
старший научный
сотрудник ГКУ РМ «Научный центр
социально-экономического мониторинга»,
г. Саранск, e-mail: limkinana@yandex.ru

ИНДИКАТОРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА ТОВАРЫ, ПРОИЗВЕДЕННЫЕ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: качество, покупательский спрос, товар, цена.

Изучение потребительских предпочтений населения относительно наиболее востребованных товаров региональных товаропроизводителей позволяет выявить преобладающие тенденции и их зависимость от социально-экономической конъюнктуры, оценить уровень и тип конкурентоспособности товарных групп, способы получения максимальной прибыли, риски при производстве указанных видов продукции.

В апреле 2016 г. ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» проведено социологическое исследование потребительского рынка Республики Мордовия методом очного формализованного интервьюирования ($n = 1\ 000$), в ходе которого опрашивались потребители товаров и услуг. Рассчитаны агрегированные количественные показатели, обобщающие первичную социологическую информацию.

В рамках исследования рассмотрен покупательский спрос населения Республики Мордовия на следующие критичные для региона товары: мясо птицы, масло растительное, молоко, яйца, хлеб и хлебобулочную продукцию, макаронные изделия, сахар, муку, свежие овощи, масло сливочное, сыры, консервированную плодоовощную продукцию, кондитерскую продукцию, говядину, свинину, алкогольную продукцию и пиво, колбасные изделия, гипсокартон, лампы, сухие строительные смеси, цемент.

Динамика покупательского спроса и потребления товаров. В 2016 г. уровень покупательского спроса населения по видам продукции местных товаропроизводителей дифференцируется незначительно. Все рассматриваемые продовольственные товары являются востребованными подавляющим большинством потребителей.

Зафиксирован максимальный (выше 90,0 %) уровень спроса на хлеб и хлебобулочную продукцию (99,7 %), сыры (97,7 %), сахар (97,5 %), масло сливочное (97,4 %), колбасные изделия (97,2 %), кондитерскую продукцию (97,1 %), мясо птицы (96,1 %), молоко (95,9 %), макаронные изделия (95,6

%), свежие овощи (95,2 %), яйца (95,0 %), масло растительное (92,5 %), муку (91,0 %).

Сравнительно меньше (ниже 90,0 %) спрос на консервированную и плодоовощную продукцию (89,2 %), свинину (87,1 %), алкогольную продукцию и пиво (86,8 %), говядину (86,4 %).

Из числа непродовольственных товаров, производимых на территории Республики Мордовия, опрошенные чаще приобретали лампы (73,7 %). Более половины респондентов покупали цемент (66,0 %), сухие строительные смеси (62,7 %), гипсокартон (59,6 %)

В динамике потребительского спроса на рынках как продовольственных, так и непродовольственных товаров, преобладает отсутствие изменений в уровне потребления (по каждой из анализируемых товарных групп показатель варьируется от 20,1 до 51,8 %). Из числа продовольственных товаров лидирующие позиции по отсутствию изменений востребованности занимают хлеб и хлебобулочная продукция (51,8 %), макаронные изделия (50,3 %), масло растительное (48,6 %), сахар (47,5 %), мука (47,2 %). Из непродовольственных товаров подобная ситуация наиболее характерна для ламп (33,5 %). Отсутствие изменений покупательского спроса также преобладает на рынках молока, яиц, масла сливочного, консервированной плодоовощной продукции, алкогольной продукции и пива, из непродовольственных товаров – на рынках цемента, сухих строительных смесей, гипсокартона.

Значительная часть опрошенных констатировала увеличение уровня своего потребления. Доля респондентов, указавших на возросший спрос, варьируется по каждому из рассматриваемых товаров в диапазоне от 18,8 до 45,4 %. Рост спроса наиболее характерен для мяса птицы (45,4 %), свежих овощей (39,7 %), молока (39,5 %), яиц (39,2 %), сыров (39,0 %), из непродовольственных товаров — ламп (23,7 %). В 2016 г. увеличение спроса на товары, произведенные в Республике Мордовия, также являлось ведущей тенденцией на товарных рынках говядины, свинины, колбасных изделий, кондитерской продукции.

Снижение спроса на товары наименее выражено. Вместе с тем практически каждый четвертый респондент отметил сокращение спроса на колбасные изделия (29,7 %), свинину (24,8 %), кондитерскую продукцию (24,5 %) и сыры (23,4 %).

Расчет агрегированного показателя (индекса динамики потребительского спроса) позволяет ранжировать рассматриваемые товары, а также дифференцировать их на группы товаров с тенденцией к увеличению потребительского спроса и со стабильным потреблением (табл. 1).

Таблица 1

Индексы потребительского спроса на продовольственные товары,
 произведенные в Республике Мордовия

Характеристика группы	Товар	Индекс
Увеличение потребления	Мясо птицы	65,34
	Масло растительное	64,37
	Молоко	64,05
	Яйца	63,18
	Хлеб и хлебобулочная продукция	63,06
	Макаронные изделия	62,44
	Сахар	61,80
	Мука	61,23
Стабильное потребление	Свежие овощи	59,98
	Масло сливочное	59,61
	Сыры	58,05
	Консервированная плодоовощная продукция	57,16
	Кондитерская продукция	56,48
	Говядина	55,83
	Свинина	54,50
	Алкогольная продукция и пиво	54,41
	Колбасные изделия	53,72

Большинство из анализируемых продовольственных товаров (свежие овощи, масло сливочное, сыры, консервированная плодоовощная продукция, кондитерская продукция, говядина, свинина, алкогольная продукция и пиво, колбасные изделия) пользуются стабильным спросом у потребителей.

Сравнительно более высокие значения индексов фиксируются на социально значимые группы товаров (мясо птицы, масло растительное, молоко, яйца, хлеб и хлебобулочную продукцию, макаронные изделия, сахар, муку), для которых характерна тенденция к увеличению потребления.

Значения индексов потребительского спроса на непродовольственные товары позволяют отнести все рассматриваемые товары к группе с тенденцией к увеличению спроса (табл. 2).

Таблица 2

Индексы потребительского спроса на непродовольственные товары,
 произведенные в Республике Мордовия

Характеристика группы	Товар	Индекс
Увеличение потребления	Гипсокартон	61,06
	Лампы	60,98
	Сухие строительные смеси	60,62
	Цемент	60,27

Товары с потенциальным риском сокращения потребительского спроса не установлены.

Удовлетворенность потребителей уровнем цен и качеством товаров. Самым популярным ответом на вопрос об удовлетворенности потребителей уровнем цен является «скорее удовлетворен». Среди продовольственных товаров максимальное количество подобных ответов касается макаронных изделий (39,7 %), мяса птицы (38,7 %), хлеба и хлебобулочной продукции (37,6 %), консервированной плодоовощной продукции (37,3 %), муки (37,1 %), молока (35,8 %), масла сливочного (33,3 %), кондитерской продукции (33,3 %), яиц (33,2 %), свежих овощей (32,2 %), сахара (31,4 %), масла растительного (29,7 %), алкогольной продукции и пива (28,7 %), среди непродовольственных товаров — ламп (30,7 %), цемента (27,3 %), сухих строительных смесей (25,4 %), гипсокартона (25,1 %).

Далее по распространенности следует альтернатива «не удовлетворен». Наибольшее количество респондентов, указавших ее, отметили такие позиции, как «говядина» (34,8 %), «свинина» (30,8 %) и «сыры» (30,8 %).

Преобладающее число ответивших на вопрос «скорее не удовлетворен» зафиксировано только относительно позиции «колбасные изделия» (30,7 %).

Доля респондентов, полностью удовлетворенных уровнем цен, сравнительно ниже и варьируется от 20,1 % (хлеб и хлебобулочная продукция) до 7,8 % (говядина), на непродовольственные товары — от 10,7 % (цемент, сухие строительные смеси, гипсокартон) до 10,3 % (лампы).

Наибольшая удовлетворенность уровнем цен зафиксирована на хлеб и хлебобулочную продукцию, макаронные изделия, консервированную плодоовощную продукцию, наименьшая — на говядину, колбасные изделия, свинину, сыры, масло растительное.

Расчет агрегированного показателя (индекса удовлетворенности потребителей уровнем цен) позволяет констатировать, что по большинству товаров, произведенных в Республике Мордовия, преобладают позитивные оценки (табл. 3, 4). Вместе с тем выделяются товары с доминированием отрицательных отзывов: среди них — сыры, свинина, колбасные изделия, говядина.

Таблица 3

Индексы удовлетворенности потребителей
 уровнем цен на продовольственные товары

Характеристика группы	Товар	Индекс
Средний уровень удовлетворенности	Хлеб и хлебобулочная продукция	54,27
	Макаронные изделия	53,29
	Консервированная плодоовощная продукция	52,57
	Мука	49,70
	Мясо птицы	48,29
	Молоко	48,04
	Свежие овощи	46,97
	Кондитерская продукция	46,35
	Яйца	45,96
	Сахар	45,71
	Алкогольная продукция и пиво	45,03
	Масло сливочное	44,53
	Масло растительное	44,07
Низкий уровень удовлетворенности	Сыры	39,93
	Свинина	38,73
	Колбасные изделия	38,63
	Говядина	34,62

Таблица 4

Индексы удовлетворенности потребителей
 уровнем цен на непродовольственные товары

Характеристика группы	Товар	Индекс
Средний уровень удовлетворенности	Цемент	45,68
	Гипсокартон	45,50
	Лампы	45,49
	Сухие строительные смеси	45,36

Удовлетворенность респондентов качеством товаров сравнительно выше, чем уровнем цен.

Наиболее распространенной альтернативой на вопрос об удовлетворенности потребителей качеством также является «скорее удовлетворен» по всем изучаемым товарным группам: доля респондентов,

отметивших ее, по всем исследуемым товарам сравнительно выше и колеблется в диапазоне от 48,1 % (макаронные изделия) до 35,4 % (колбасные изделия) по продовольственным товарам, от 38,6 % (цемент) до 32,0 % (гипсокартон) по непродовольственным.

В целом количество позитивных оценок товаров существенно превышает негативные. При этом выделяются отдельные позиции, которые существенно лидируют по удовлетворенности качеством, а именно: «сахар», «консервированная плодоовощная продукция», «мука», «макаронные изделия», «яйца», «хлеб и хлебобулочная продукция», и др.

Наименьшая доля потребителей (46,6 %), полностью удовлетворенных качеством, отметила позицию «колбасные изделия». По сравнению с другими анализируемыми товарами этот продукт характеризуется наибольшим количеством отрицательных оценок – 48,3 %.

Расчет агрегированного показателя (индекса удовлетворенности качеством товаров) свидетельствует о преимущественно высоком уровне удовлетворенности потребителей качеством продовольственных товаров, среднем уровне удовлетворенности – непродовольственных товаров (табл. 5, 6).

Таблица 5

Индексы удовлетворенности потребителей
 качеством продовольственных товаров

Характеристика группы	Товар	Индекс
Высокий уровень удовлетворенности	Сахар	68,90
	Мука	66,35
	Хлеб и хлебобулочная продукция	66,33
	Макаронные изделия	65,79
	Яйца	65,76
	Консервированная плодоовощная продукция	65,71
	Свежие овощи	64,18
	Масло растительное	64,05
	Кондитерская продукция	63,38
	Молоко	61,31
	Масло сливочное	61,01

Средний уровень удовлетворенности	Сыры	59,13
	Алкогольная продукция и пиво	58,84
	Мясо птицы	56,81
	Говядина	55,43
	Свинина	55,40
	Колбасные изделия	45,86

Таблица 6

Индексы удовлетворенности потребителей
 качеством непродовольственных товаров

Характеристика группы	Товар	Индекс
Средний уровень удовлетворенности	Гипсокартон	57,83
	Цемент	56,89
	Сухие строительные смеси	56,62
	Лампы	55,41

Сопоставление позиций, которые занимают товары при ранжировании в зависимости от значений индексов удовлетворенности потребителей уровнем цен и качества, позволяет дифференцировать их на группы по типу конкурентоспособности:

- товары с ценовой конкурентоспособностью, которые характеризуются более высокой удовлетворенностью уровнем цен, чем качеством (из числа продовольственных товаров – мясо птицы, молоко, консервированная плодоовощная продукция, алкогольная продукция и пиво, макаронные изделия, хлеб и хлебобулочная продукция, колбасные изделия, свинина, кондитерская продукция, свежие овощи; из числа непродовольственных товаров – цемент и лампы);

- товары с неценовой конкурентоспособностью, которые характеризуются более высокой удовлетворенностью качеством (из числа продовольственных товаров – масло сливочное, говядина, сыры, мука, яйца, масло растительное, сахар; из числа непродовольственных товаров – гипсокартон и сухие строительные смеси).

Таким образом, анализ покупательского спроса показал, что продовольственные и непродовольственные товары, произведенные в Республике Мордовия, востребованы подавляющим большинством населения региона. В 2016 г. динамика их потребления является положительной. Критичные товары, произведенные в Республике Мордовия, демонстрируют характеристики, свидетельствующие о наличии как ценовых, так и качественных конкурентных преимуществ. При этом следует обратить особое внимание на дальнейшее повышение качественных характеристик производимой продукции.

УДК 332.85 ББК 65.22

Мальцева Наталья Владимировна –

канд. социол. наук, доцент

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: n.v.malceva@utmn.ru

Корнилова Ирина Владимировна –

студент магистерской программы
«Социология управления»

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: irina94_16@mail.ru

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: жилая недвижимость, рынок недвижимости, ипотечное кредитование.

Решение социальных, экономических, демографических, научно-технических, экологических и ряда других проблем на уровне региона возможно только при наличии соответствующих материальных ресурсов. Ключевая роль в социально-экономическом благополучии территории принадлежит рынку недвижимости, состояние которого является одним из основных показателей регионального развития.

Важность отечественного рынка недвижимости как сектора экономики подтверждается его существенной долей в валовом национальном продукте, высоким уровнем доходов в бюджет от первичной продажи, сдачи в аренду недвижимого имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, значительным уровнем сборов в бюджет от налогов на недвижимость и сделок с ней. Доступность жилья выступает ключевым элементом государственных и региональных программ регулирования рынка жилой недвижимости.

Материальную основу современного жилищного рынка в регионах составляет существующий приватизированный жилой фонд. Причем обеспеченность жильем практически не зависит от уровня дохода. Данная связь прослеживается только в крайних группах – у самых бедных и самых богатых. Указанная ситуация предопределяет особенности формирования факторов предложения и спроса на рынке жилья.

Анализ сайтов и проектных деклараций застройщиков показал, что в настоящее время в Тюменской области строится 317 объектов жилой недвижимости. Основной объем текущего жилищного строительства приходится на многоквартирные дома, доля которых составляет 98,6 % строящихся жилых единиц. Застройщики жилья реализуют свои проекты в шести территориальных образованиях юга в Тюменской области, при этом большая их часть осуществляется в городе Тюмени (85,5% совокупной площади жилых единиц) [1].

В Тюменской области возводится 73 жилых комплекса и самый крупный из них находится на территории областного центра. Средняя площадь строящейся жилой единицы составляет 49,6 квадратных метров, что свидетельствует о преобладании на региональном рынке недвижимости малогабаритного жилья, которое сегодня особенно востребовано потребителями [2].

По данным Банка России за первые три месяца 2017 года количество ипотечных жилищных кредитов, выданных жителям Тюменской области, составило 2602 единиц, что на 2,4 % меньше уровня 2016 года, и на 30,4 % больше уровня, достигнутого в 2015 году. В первом квартале 2017 года также отмечается сокращение количества договоров долевого участия на 22,2 % в сравнении с 2016 годом. Средневзвешенная ставка ипотечных кредитов, выданных жителям Тюменской области, составила в 2017 году 11,64 %, что на 0,91 пунктов ниже аналогичного показателя 2016 года и на 3,2 % меньше, чем в 2015 году [3].

Данная тенденция объясняется тем, что банки и застройщики, оставшись без государственной поддержки, вынуждены снижать ставки для стимулирования ипотечного кредитования и поддержания уровня продаж. Кроме того, в настоящий момент население региона не способно пользоваться кредитными продуктами (в том числе ипотекой) на прежних условиях: согласно данным Росстата за два месяца 2017 года индекс реальных доходов жителей Тюменской области ни разу не находился в положительной зоне, падение реальных доходов населения составило 0,7 % [2].

С целью выявления проблем и перспектив развития регионального рынка жилой недвижимости нами был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие коммерческие директора крупных строительных компаний Тюмени, руководители и ведущие риелторы агентств недвижимости, а также специалисты ипотечных отделов крупных банков.

Состояние рынка недвижимости в регионе нельзя охарактеризовать однозначно. Половина экспертов обозначили его как стагнирующее, поскольку темпы продаж растут очень медленно, население отдает предпочтение малогабаритным квартирам или откладывает приобретение недвижимости на неопределенный срок. Другие считают, что рынок недвижимости можно назвать развивающимся. Свою позицию они обосновывают увеличением

покупок квартир от застройщиков, высокой конкуренцией и качеством предлагаемого продукта на рынке.

Перспективы развития рынка недвижимости в ближайшие 3–5 лет оцениваются всеми экспертами положительно. По их мнению, кризисный период постепенно уходит, и многие специалисты ожидают роста в ближайшие годы. Представители риелторского сообщества прогнозируют расширение малоэтажного строительства, набирающего популярность в регионе в последнее время. Во многом это связано с низкой жилищной обеспеченностью населения и необходимостью обновления имеющегося жилого фонда.

Среди отличительных особенностей рынка недвижимости региона все эксперты выделили высокий уровень развития партнёрских отношений между застройщиками, агентствами недвижимости и банками, поскольку по различным оценкам от 50 до 90 % сделок реализуется риелторским сообществом посредством ипотечного кредитования. Все эксперты оценивают рынок как открытый: «нет никаких проблем, чтобы позвонить другому застройщику, обсудить какие-то вопросы, планы или проблемы. Во всем приходим к соглашению, если о чем-то договариваемся, то выполняем». Подобная ситуация, по мнению специалистов, связана с тем, что большая часть игроков на рынке являются местными компаниями и хорошо знают друг друга.

Давая характеристику рынка жилой недвижимости, эксперты отметили возросшую требовательность покупателей, которые стали более внимательны не только к выбору квартиры, но и к качеству сервиса, предоставляемого агентством и застройщиком. Кроме того, покупатель стал более грамотным с юридической точки зрения: самостоятельно заключает договора, разбирается в их содержании, при обращении в банк зачастую осведомлен о необходимом наборе документов и условиях получения ипотечного кредитования.

Взаимоотношения государства и участников рынка недвижимости всеми экспертами оценивались как нейтральные. В качестве негативных проявлений подобного взаимодействия представители некоторых строительных компаний отметили несоблюдение государством временных рамок по развитию социальной и транспортной инфраструктуры новых районов, что сказывается на репутациях компаний. К положительным моментам вмешательства государства в сферу недвижимости эксперты отнесли отсутствие административных барьеров в отрасли и субсидирование ипотечных ставок, которое оказало существенную поддержку участникам рынка в кризисный период.

Среди проблем, которые могут оказать влияние на развитие рынка недвижимости в регионе, эксперты выделили:

- неготовность застройщиков переориентироваться на малоэтажное жильё. Покупатели «устают» от многоэтажек, но строить невысокие дома

застройщикам нерентабельно. По мнению экспертов, данную проблему можно решить только с помощью государственной поддержки;

- изношенность инженерных коммуникаций, их неспособность справляться с возросшей нагрузкой при вводе нового жилья;
- длительность оформления документов для строительства и ввода домов в эксплуатацию;
- низкая популярность ипотечного жилищного кредитования среди покупателей недвижимости.

Решение вышеозначенных проблем эксперты видят в осуществлении государством мероприятий, обеспечивающих надзор за реализацией жилья по различным сертификатам и контроль за архитектурным обликом новых проектов. Помимо этого, специалисты отметили необходимость исполнения обязательств по строительству транспортных развязок и объектов социальной инфраструктуры вблизи новостроек и разработки единых нормативных требований для застройщиков, которые позволят «выпускать» на рынок более качественный продукт.

Таким образом, региональный рынок недвижимости отличается не только высоким уровнем развития партнерских отношений между участниками, значительной открытостью и расположенностью к диалогу, но и широким профессиональным взглядом на существующую ситуацию, сформированным у участников рынка недвижимости.

По итогам экспертного опроса можно говорить о том, что развитие рынка жилой недвижимости не представляется возможным без участия государства, как на федеральном, так и на региональном уровне. В связи с этим повышается актуальность государственной региональной политики, которая должна формироваться с учетом ресурсного потенциала территории.

Список литературы:

1. Единый реестр застройщиков. – Режим доступа: <https://novostroykirf.ru/1/#!home> (дата обращения: 03.09.2017).
2. Жилищные условия и строительство. Тюменьстат: официальная статистика Тюменской области. – Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/> (дата обращения: 03.09.2017)
3. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования. Центральный банк Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ipoteka> (дата обращения: 03.09.2017).

УДК 339.37 ББК 65.422.5

Мальцева Наталья Владимировна –

канд. социол. наук, доцент

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: n.v.malceva@utmn.ru

Тимохина Мария Павловна –

студент магистерской программы

«Социология управления»

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: 0012m@list.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РИТЕЙЛА НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье рассматриваются основные тенденции развития розничной торговли на региональном рынке. Дается краткая характеристика основным форматам розничной торговли, описывается их состояние и перспективы дальнейшего развития. Проводится статистический анализ за четыре года.

Ключевые слова: розничная торговля, ритейл, товарооборот, потребительский рынок.

Степень развития регионального потребительского рынка в частности розничной торговли является важнейшим индикатором, отражающим социально-экономические процессы, происходящие в регионе, и динамику изменения уровня жизни населения. Развитие розничной торговли имеет весомую значимость для Тюменской области с точки зрения удовлетворения потребительского спроса населения, создания дополнительных рабочих мест, роста доли услуг в структуре валового регионального продукта, поступлений в бюджетную систему региона.

За последние четыре года розничная торговля Тюменской области характеризуется устойчивым ростом объемов продаж товаров населению, за 2013 год оборот розничной торговли составил 286,5 млрд. рублей. По итогам 2014 года на потребительском рынке наблюдался рост товарооборота, в сравнении с предыдущим годом он увеличился на 7,85 % и составил

309,0 млрд. рублей, в 2015 году оборот розничной торговли вырос до 326 млрд. рублей, в 2016 году по сравнению с 2015 годом спад объемов продажи товаров населению был менее значительным. Оборот розничной торговли в области на 2016 год составил 333,8 млрд. рублей [1].

Динамика товарооборота Тюменской области за 2015–2016 годы оказалась стабильнее, по сравнению с другими субъектами Российской Федерации, именно в 2015–2016 годах в крупных городах России наблюдался спад роста объема продажи товаров населению.

Основной причиной снижения покупательского спроса населения стало то, что семейные бюджеты сократились в связи с ипотечными и кредитными выплатами. Помимо этого к уменьшению спроса приводит рост конкуренции, увеличение цен и тарифов. Немаловажным фактором является также кризисное падение уровня жизни населения в крупных городах России. По данным Института социального анализа и прогнозирования уровень бедности в 2016 году составил 13,5%, это самый высокий показатель за последние девять лет [2].

Несмотря на незначительный рост объема продаж Тюменская область по состоянию на 2014 год по обороту розничной торговли на душу населения занимала четвертое место среди субъектов Уральского федерального округа, а в 2015–2016 годах переместилась на второе место, опередив Курганскую и Челябинскую область по объему оборота розничной торговли.

В этой связи для поддержки ежегодной стабильности товарооборота региональные органы власти разработали государственную программу «Развитие потребительского рынка и защита прав потребителей до 2020 года». Среди мероприятий программы, способствующих благоприятному развитию потребительского рынка, можно выделить наиболее приоритетные, а именно: проведение ярмарок, поддержка в строительстве и развитии современных форматов торговли, содействие развитию магазинов «шаговой доступности», создание условий для продвижения продукции тюменских товаропроизводителей на региональном и внерегиональном уровне, содействие в предоставлении торговых мест для местных товаропроизводителей и другое [2].

Основную часть роста ритейла на территории Тюменской области формируют торгующие организации. Доля торгующих организаций на потребительском рынке региона на 2016 год составила 94,7 %. Анализ временного периода с 2013 по 2015 годы, показывает тенденцию увеличения числа организаций ритейла [3]. Данные об изменении количества хозяйствующих объектов, занятых в сфере торговли Тюменской области, представлены в таблице.

Таблица

Количество объектов розничной торговли в Тюменской области в 2013–2015 гг.

Объекты розничной торговли	2013 год кол-во ед.	2014 год кол-во ед.	2015 год кол-во ед.
Гипермаркет	11	17	19
Магазины товаров повседневного спроса	7998	8245	8260
Магазины дискаунтеры	76	108	112
Павильоны	1073	1032	999
Палатки и киоски	445	445	392
Специализированный продовольственный рынок (рыба, мясо, колбасы, минеральные воды и т.п.)	2407	2603	2655
Специализированный непродовольственный рынок (мебель, хозяйственные товары, электротовары, одежда, ткани и т.п.)	308	413	447
Супермаркеты	59	162	196

По данным Федеральной службы государственной статистики можно сделать вывод, что на протяжении трёх лет неизменным и повышенным спросом у населения остаются товары повседневного спроса, приобретенные в магазинах «шаговой доступности», чего нельзя сказать о павильонах и киосках, число которых с каждым годом снижается.

Характерно, что в период экономического кризиса в сфере ритейла стали активно развиваться и пользоваться спросом у потребителей супермаркеты, гипермаркеты и магазины дискаунтеры, предлагающие широкий ассортимент товаров по низким ценам, а также с учетом скидок и промоакций. Такая тенденция привела к значительному снижению активности населения в приобретении товаров на специализированных непродовольственных рынках.

Таким образом, на основании проведенного анализа, можно сделать следующие выводы о тенденциях развития розничной торговли в Тюменской области:

- несмотря на ряд неблагоприятных факторов таких как падение цен, покупательского спроса, снижение платёжеспособности, розничная торговля в период с 2014 по 2016 годы демонстрирует стабильный рост;
- наблюдается увеличение оборота торговых сетей;
- увеличению объема товарооборота и усилению экономического и социального развития торговой отрасли в регионе способствует реализация соответствующих федеральных и региональных программ.

Список литературы:

1. Аналитические материалы [Электронный ресурс]: Департамент потребительского рынка и туризма Тюменской области. - Режим доступа: https://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/license_adm/analysis.htm (дата обращения: 01.09.2017 г.)

2. Развитие потребительского рынка и защита прав потребителей до 2020 года: Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2014 – 2016 годы и период до 2020 года. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/12154854/> (дата обращения: 03.09.2017).

3. Федеральная служба государственной статистики: количество объектов розничной торговли [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/40630> (дата обращения: 03.09.2017).

Намруева Людмила Васильевна –
к.с.н., доцент,
ведущий научный сотрудник,
Калмыцкий научный центр РАН

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)*

Сельское хозяйство дореволюционной России было недостаточно развитым по сравнению с европейскими странами, отставая от них на 100–200 лет. Большая часть земли принадлежала царскому двору и крупным землевладельцам. Крестьяне, 80 % населения, имея треть земли, не могли прокормить даже себя. Годовой доход жителя России был в 3–5 раз ниже, а национального богатства в 10–20 меньше, чем в Германии, Франции или Англии [Ковальчук 1997: 284].

Придя к власти в результате Октябрьской революции под лозунгом «Мир – народам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам» большевики разделили поровну между крестьянами землю и имущество. Приняв 26 октября 1917 г. «Декрет о земле», они реализовали мечту крестьян о социальной справедливости – передаче земли и средств производства в руки тех, кто на ней трудится. Путь преодоления вековой отсталости сельского хозяйства заключался в переходе от малопроизводительного индивидуального ручного труда к высокопроизводительному машинному на основе кооперации крестьян и обобществления средств производства. Он потребовал реализации двух глобальных проблем: коллективизации – для перехода коллективному труду, индустриализации – для оснащения села техникой. Это позволило аграрной сфере. В стране была ликвидирована угроза голода в деревне, была решена проблема устойчивого снабжения продовольствием городов и промышленных центров за счет общественного сельскохозяйственного производства. По зарубежным оценкам, аграрная Россия за десятилетие сделала то, на что у Англии ушло 200 лет. Она стала индустриально-аграрной державой [Ковальчук 1997: 286].

Модернизация, кардинально преобразуя аграрную сферу российского общества после революционных событий 1917 г., привела к глубоким качественным изменениям сложившейся социокультурной системы, изменила функции села, установки и образ жизни сельского населения. Исследователи

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта «Сельский образ жизни в Калмыкии: традиции и инновации (социокультурный анализ 2000-х - 2010-х годов)» (№ 16-13-08005а(р)).

отмечают, что XX век значительно изменил культурный облик современной цивилизации, и к началу нового тысячелетия оказались трансформированными культурная и экономическая системы даже тех этнических общностей, которые в течение относительно долгого времени сохраняли приверженность «традиционной» культуре [Татарко, Козлова, Лебедева 2007: 3]. Справедливо утверждение: «Глобальные трансформации воздействуют на село посредством экономических, социальных, политических механизмов, через изменение культурных норм, представлений и традиций, регулирующих социальные взаимодействия и стратегии жизнедеятельности на селе» [Шкерин 2012: 5208].

Российское село начала XXI столетия продолжает изменяться в условиях взаимного усиления процессов глобализации и перехода социальной системы российского общества на рыночные основания. Рассмотрим трансформации в современной Республике Калмыкия, которая, как и многие российские регионы, в 1960–1990-е гг. интенсивно урбанизировалась. [Намруева 2015b]. Вследствие этих преобразований изменяется социально-демографическая структура села, экономическая, политическая и культурная сфера, обновляются роли и функции сельских жителей. Одним из последствий всех этих процессов является неуклонное снижение абсолютной численности сельского населения. Статистические показатели свидетельствуют, что сельское население неуклонно уменьшается: если в 1995 г. насчитывалось 196,1 тыс. человек, то через 20 лет, в 2015 г. сельчан стало 154,0 тыс. человек [Калмыкия в цифрах 2015]. За два десятилетия численность сельского населения сократилась более чем на сорок тыс. человек, одна из причин этого явления - активная миграция.

Согласно разделяемому нами мнению Ч. Ильдархановой, «главная особенность современного села заключается в нарастании в нем элементов урбанизма, как в личностном, так и вещественно-предметном выражении. Оснащение домашней сферы источниками передачи культуры мало чем отличается от городского [Ильдарханова 2016]. Безусловно, обеспеченность предметами длительного пользования свидетельствует об улучшении жизни сельского населения. Относительно стабильная ценовая ситуация способствовала тому, что сельские жители стали активно приобретать дорогостоящую технику в долг, используя кредитные ресурсы. Обеспеченность домохозяйств республики традиционными товарами длительного пользования достаточно высокая: практически в каждой семье есть телевизор, холодильники, стиральные машины. Материалы выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств показывают, что количество таких товаров неуклонно увеличивается (см. табл.1).

Таблица 1

Наличие потребительских товаров длительного пользования в домашних хозяйствах (на 100 домохозяйств, штук)

Наименование	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2015 г.
Телевизоры	112	116	122	129	140
Холодильники	103	100	102	108	119
Стиральные машины	85	73	79	84	96
Легковой автомобиль	27	21	39	34	51

Источник: данные Калмыкиястата [Калмыкия, с. 37]

Среди всех предметов длительного пользования особое положение занимает легковой автомобиль как один из самых дорогостоящих. Статистические данные таблицы 1 свидетельствуют, что в 2000-е гг. парк легковых автомобилей домохозяйств значительно пополнился. Наблюдения позволяют нам утверждать, что, несмотря на сложное экономическое положение сельских жителей, у ворот почти каждого двора стоят разнообразные автомашины, правда, часть из них куплена в кредит. Жители сел в своем потребительском поведении ничем не отличаются от горожан, они раз в неделю совершают покупки в близлежащем городе, в том числе и тех товаров, которые в прошлые годы производили сами (молочные, мясные продукты) [Намруева 2016].

В рамках республиканской целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008-2013 годы», направленной на повышение уровня и качества жизни сельского населения региона, развитие социальной инфраструктуры и инженерного обустройства сельских территорий, создание условий для улучшения социально-демографической ситуации и повышения престижности проживания в сельской местности, реализованы многие поставленные задачи. Так, жилищные условия улучшила 551 сельская семья, в том числе 319 молодых семей. Площадь введенного и приобретенного жилья составила 44,6 тыс.кв.м., в том числе для молодых семей – 25,7 тыс. кв.м., что составило 125 % выполнения целевого индикатора. В 41 сельском населенном пункте введены в эксплуатацию внутрипоселковые газопроводные сети общей протяженностью 389,3 км при плане 358,7 км. В 19 селах введены водопроводные сети общей протяженностью 130,5 км при плане 126,5 км. Уровень газификации жилищного фонда сетевым газом в сельской местности вырос с 53 до 86 %, уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой увеличен с 43 до 57 %. Таким образом, самые важные задачи программы по газо- и водоснабжению населения государственным заказчиком (Минсельхоз РК) полностью выполнены.

Построено и реконструировано 49,78 км линий электропередач в двух сельских районах, введено в эксплуатацию шесть фельдшерско-акушерских пунктов в отдаленных поселках. Приобретено три противопожарных автомобиля для трех РМО. Введена в эксплуатацию сельская школа на 198 учащихся [Шакуев 2015]. В ходе реализации программы «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008-2013 годы» достигнуты основные целевые индикаторы, и по результатам экспертной проверки ее выполнение признано эффективным.

Результаты анкетного опроса, проведенного автором в 2016 г., позволили определить оценку селян реализуемых мер по улучшению их жизни. Используя полученные данные, рассмотрим, какими коммунальными удобствами, бытовой техникой пользуются в сельской местности. Объем выборочной совокупности составил 387 человек, жителей 12 районов республики. Из них 214 мужчин (55 %), 173 женщины (45 %).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
 «Какие коммунальные удобства имеются в вашем селе?»

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины
1	газ	93,9	95,3
2	канализация	8,9	13,9
3	водопровод	46,0	36,1
4	горячая вода	11,3	14,5
5	автономное отопление	37,1	36,1
6	печное отопление	11,3	5,2
7	ванна	9,8	10,4

Результаты опроса, приведенные в таблице 2, показывают, что почти стопроцентно села республики газифицированы. К сожалению, о других коммунальных удобствах большинству селян приходится мечтать. Лучше обстоит дело с водообеспечением. Так, 36 % женщин, 46 % мужчин отметили, что они пользуются водопроводом. Более трети (36 %) опрошенных имеют автономное отопление. Улучшение условий жизнедеятельности изменяет установки и образ жизни сельского населения. Исчезло печное отопление с использованием кизяка, дров, угля, постепенно уходит в прошлое доставка воды ведрами из бассейна. Так, после проведения газопровода, водопровода многие сельские жители республики благоустраивают жизнь, их квартиры порой ничем не отличаются от городской квартиры: установлены пластиковые окна, сплит-системы, спутниковые антенны, современные стиральные машины, унитазы, душевые кабины [Намруева 2016].

Министерство сельского хозяйства республики в отчете за 2016 г. о ходе реализации и оценке эффективности «Государственной программы

развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» указывает, что в республике планомерно и последовательно реализуются мероприятия, направленные на развитие социальной сферы и инженерной инфраструктуры села, создание сельскому населению нормальных условий жизнедеятельности, расширение рынка труда и его привлекательности для сельского населения. Так, по состоянию на 01.01.2017 г. профинансированы за счет средств республиканского бюджета мероприятия по развитию водоснабжения в сельской местности на сумму 20,88 млн. руб., по развитию газификации в сельской местности на сумму 1,41 млн. руб. Введены в эксплуатацию внутрипоселковые разводящие водопроводные сети протяженностью 29,09 км. [Отчет]. Как видим, в республике последовательно, постепенно развивается сельская инженерная инфраструктура, что в свою очередь ведет к улучшению социальной сферы, условий жизнеобеспечения для сельского населения.

Результаты анкетирования 2016 г., приведенные в таблице 3, свидетельствуют, что растет число владельцев бытовой техники нового поколения. Наиболее распространенными видами бытовой техники в сельской местности являются спутниковая антенна (72 %), микроволновая печь (72 %), стиральная машина (63 %).

Таблица 3

Наличие бытовой техники у сельских респондентов (Опрос 2016 г.)

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины
1	Стиральная машина	62,7	64,9
2	Автомобиль	42,4	42,1
3	Микроволновая печь	73,1	72,5
4	Спутниковая антенна	75,4	70,7
5	Сплит-система	48,1	56,7

В 2010-е гг. в регионе, как и в стране в целом, интенсивно осваиваются новые электронные технологии. Исследователи отмечают, что распространение информационных и коммуникационных технологий в России, как и в других странах с переходной экономикой, происходит в догоняющем алгоритме. По данным выборочного обследования в 2010 г. 63 % домохозяйств страны имели в наличии персональный компьютер. В России постепенно формируется модель пользования Интернетом, существующая в развитых странах, когда подавляющая часть пользователей выходит в сеть из дома (41,3 % в 2010 г. против 15,3 % в 2007 г.) [Социокультурный 2013: 45].

К началу 2015 г. практически каждая семья в Калмыкии имела минимум один стационарный компьютер или ноутбук. Наличие в домохозяйстве персонального компьютера во многом обуславливает привлечение

услуг сети Интернет. Одним из показателей развития информационно-телекоммуникационных систем является количество персональных компьютеров на 100 работников, в том числе с доступом к сети Интернет. Наблюдается тенденция роста числа компьютеров, подключенных к сети Интернет. Так, в 2005 г. всего 3 компьютера на 100 сотрудников имели доступ к Интернету, но уже в 2009 г. – 11 [Очирова 2014: 56].

На рынке предоставления услуг Интернета имеются три крупные компании: ОАО «Ростелеком», Интернет-провайдер «Интерлайн» и ООО «Престиж-Интернет» (торговая марка «Энфорта»). Серьезную конкуренцию составляют им компании, предоставляющие мобильную связь, развивая услуги Интернет-сервиса. Мобильный интернет востребован людьми, проживающими вне зоны покрытия телефонными и оптоволоконными линиями. Так называемый «телефонный» Интернет стал развиваться в Калмыкии в конце 1990-х гг.

Активно информационно-коммуникационные технологии внедряются в образовательное пространство республики. Так, реализация национальных проектов в Калмыкии позволила существенно изменить оснащение школ и создать базу для применения современных технологий. В учебных заведениях значительно увеличился парк компьютерной и мультимедийной техники, расширился перечень используемого высокотехнологического оборудования, развиваются локальные сети. Общеобразовательные учреждения имеют лицензионное программное обеспечение, в школах организованы опытные зоны по переходу на операционную систему Linux.

Информатизация образования сегодня – это не только наличие компьютеров, сканеров и интерактивных досок, но и глубокое проникновение информационных технологий в управленческую, учебно-воспитательную и внеурочную деятельность школы, в работу по повышению квалификации педагогов. Во всех учреждениях создана электронная база данных обучающихся, есть положительный опыт ведения школьного документооборота. В целях формирования устойчивых моделей для массового внедрения информационно-коммуникационных технологий во всех общеобразовательных учреждениях ведется работа по внедрению услуги «Информирование о текущей успеваемости учащегося, ведение электронного дневника и электронного журнала успеваемости» и др. [Постановление 2012].

Проведенный нами анализ показал, что в современной Калмыкии реализовывается основная цель модернизации – социальное благополучие населения. Модернизация необходима во всех сферах регионального сообщества – в экономической, политической, социальной – не только для осовременивания региона, включения его планы российского развития, но и для сохранения самого этноса.

Список литературы:

1. Ильдарханова Ч.И. Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика / Ч.И. Ильдарханова. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2016. 308 с.
2. Калмыкия в цифрах: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2016. 153 с.
3. Ковальчук Ю.К. Восстановление и развитие сельского хозяйства: ленинградская модель // Великий октябрь: прошлое, настоящее, будущее / В.А. Воротилов, В.Я. Ельмеев, И.И. Сигов, Д.З и др. СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. 328 с. С. 284–298.
4. Намруева Л. В. Социокультурная модернизация в аграрном регионе РФ (на примере Республики Калмыкия 2000-х гг.). (Электронный ресурс). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2015а. 149 с.
5. Намруева Л.В. Сельские поселения Республики Калмыкия в 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 192–197.
6. Намруева Л. В. Изменение идентичности современных калмыков: от кочевника до программиста // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. Мат-лы рос. науч. конф-ции с междунар. участием (Элиста, 17-18 марта 2016 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2016. С. 258–260.
7. Очирова Н.Г. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Южном федеральном округе в процессе модернизации российского общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 53–59.
8. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 31 января 2012 г. № 15 «О комплексе мер по модернизации в 2012 году общего образования Республики Калмыкия» [электронный ресурс] [http:// www.mon-rk.ru/index.php/educationmenu/moderobshobrazmenu.html](http://www.mon-rk.ru/index.php/educationmenu/moderobshobrazmenu.html) (дата обращения: 06.02.2015).
9. Социокультурный портрет Республики Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова. Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. 228 с.
10. Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации: Монография. М.: РУДН, 2007. 167 с.
11. Шакуев В. Радостно за село, за больницу - больно // Хальмг унн. 2015. 15 февраля
12. Шкерин А.В. Специфика современных социальных трансформаций в аграрной сфере России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Мат-лы IV Очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. – С. 5208–5214.

УДК316.334.2(470.57)

ББК60.803

Нуриджанов Арсен Эдвинович –

к. социол. н.,

Институт региональной экспертизы,

г. Москва

e-mail: anurid@mail.ru

О КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СКРЫТОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

Ключевые слова: Бизнес-организация, социальные технологии, социальная конфигурация, скрытое воздействие, социология управления

В структуре социологического знания управление чаще всего рассматривается как целерациональная деятельность, направленная на достижение тех или иных целей. Вместе с тем, в современной социологии широко используется понятие социального управления. В широком смысле оно объемлет все управление в обществе и его отдельных составляющих. В узком – имеются различные толкования. Для интегральной характеристики социального управления в организации используется понятие системы, которое означает взаимодействующую между собой, как правило, структурированную совокупность явлений и процессов, которая образует некий объект, позволяющий, в свою очередь, осуществлять властно-управленческую коммуникацию. Сама же управленческая коммуникация в таком случае означает процесс, направленный на упорядоченность и стабильное функционирования системы, а также ее количественный рост и качественное развитие.

Вместе с тем, в рамках системного подхода появилось сравнительно новое понятие «конфигурация», в котором акцентируется такая характеристика системы, как ее динамизм. Категория «конфигурация» нейтральна относительно характеристик функционирования объекта и может относиться как к конфликтным, так и, напротив, к гармоничным состояниям объекта [1]. Данная категория вполне применима и к социальным явлениям и процессам. Любая социальная конфигурация не является сугубо статичной, в ней отражается гибкость и изменчивость объекта, что предполагает возможность рассматривать посредством нее сложные, нелинейные и динамичные процессы социального развития.

При всей привлекательности данной позиции как субъектно-субъектной характеристики системы управления из нее выпадают объекты и предметы деятельности организации, по поводу которых принимаются решения. Не

менее важно за структурно-функциональными связями видеть механизмы и технологии «сбалансированности» конфигурации – властно-управленческие коммуникации, посредством которых происходит воздействие на субъект-субъектные отношения.

Социальная конфигурация должна пониматься как категория, выражающая структуру взаимоотношений и взаимодействий индивидов, и их групп. В социологии управления эта категория может быть представлена как социально-управленческая «конфигурация». Целесообразность использования ее определяется возможностью выявлять и фиксировать специфическое и динамичное взаимное расположение и отношения участвующих в управленческом процессе субъектов, объектов, предметов и/или их структурных элементов по поводу подготовки, принятия и реализации решений. При этом, социально-управленческая «конфигурация» должна включать механизмы и технологии воздействия на субъект-субъектные отношения как один из главных факторов изменений в ней. В контексте развития современных бизнес-организаций социально-управленческая конфигурация предполагает концентрацию внимания исследователей на таких их свойствах, как разнообразие, гибкость, подвижность, открытость.

Социально-управленческая конфигурация связана с организационным развитием предприятия, цель повышения эффективности функционирования организации. В этой связи важную роль играют социальные технологии управления как средства открытого и скрытого воздействия на субъект-субъективные отношения и через эти отношения и на социально-управленческую конфигурацию, а также организационное развитие.

Далее необходимо отметить, что социальные технологии как продукт научных разработок и средство практического освоения реальности опираются на достижения теоретической мысли и опыт практики, синтезируя их в праксеологическом плане. Сущность социальных технологий может быть выражена как набор способов выявления и использования скрытых потенциалов социальных систем, и получения общественно полезного результата при наименьших затратах.

Социальные технологии управления представляют собой структурировано-формализованную деятельность, направленную на достижение тех или иных целей, в том числе повышение управляемости социальными системами и организованности их. Технологичность управления является одной из важных составляющих его эффективности. Вместе с тем, изменение социальных технологий требует не только многосторонних знаний и умений в области властно-управленческих коммуникаций, но и соответствующих психологических качеств: интуиции, креативности, способности к суггестии и т.д. Тем не менее, субъекту управления важно ориентироваться в том множестве социальных технологий, которые так или иначе находятся в арсенале и обороте современного управления. Особенно

актуальным это представляется для предприятий малого и среднего бизнеса, поскольку в их аппаратах нет специальных советников и консультантов.

Социальные технологии скрытого воздействия, долгое время не изучавшийся в системе социологии управления, в настоящих условиях выступают одним из важных факторов, влияющим на параметры трансформации (профиль) социально-управленческих конфигураций бизнес-организаций. Специфика значения социальных технологий скрытого воздействия в системе знаний социологии управления предполагает их рассмотрение как особых форм властно-управленческих отношений, смежно использующих экономические, социокультурные, психологические и другие формы воздействия.

Скрытое воздействие рассматривается в дихотомии с открытым, указывая на обстоятельства мотивирующие субъекта управления к использованию того и другого. Так, в определенных случаях осуществлять открытое управление технологически непросто, поскольку необходимо детально прорабатывать все процедуры и официально их представлять, принимая во внимание еще и инерцию сопротивления. Открытое управление вызывает вопрос: есть ли у субъекта легитимное право управлять? Если такое право наличествует, как в случае, например, должностных инструкций организации, ситуация упрощается даже при сильном сопротивлении. В противном случае встает проблема убедительности аргументов. При этом «скрытыми» являются не сами действия манипулятора, они как раз осуществляются открыто, а сам факт того, что действия эти нацелены на возникновение определенных социально-психологических реакций у субъекта – адресата воздействия.

В процессе управления бизнес-организаций может использоваться самый разнообразный набор социальных технологий, основанных на скрытом воздействии, но не обязательно на манипуляции. Как в свое время показали исследователи школы человеческих отношений (Э. Мейо, М.П. Фоллет и др.), многие социальные технологии образованные в результате широкого ряда практик и норм профессиональной коммуникации в малых группах может возникать спонтанно и не иметь манипулятивной природы. Например, такие ставшие после знаменитых хоторнских экспериментов (1924–1932 гг.) классическими управленческие решения (введение дополнительного перерыва в рабочее время, регулирование освещения на рабочем месте, рассадка людей в соответствии с их симпатиями и антипатиями) могут рассматриваться как технологически скрытого воздействия, но не манипулятивными по своей природе.

Социальные технологии скрытого воздействия часто проявляются неосознанно теми, на кого они направлены и вне формата должностных инструкций. Однако социальная иерархия, существующая внутри бизнес-организации, выступает важным условием этой формы коммуникации,

обуславливающим ход и интенсивность процессов протекания скрытого воздействия. Исходя из этого, категория «скрытое воздействие», в отличие от категории «манипуляция», в системе управления представляется более адекватно характеризующей специфику именно такой управленческой коммуникации.

Ключевым для определения социальных технологий скрытого воздействия является отношение к процессу подготовки (выработки), принятия и реализации управленческого решения. В каждом конкретном случае, особенно когда затрагиваются интересы субъектов, происходят как бы параллельно, пересекаясь в определенных «точках бифуркации», два процесса: открытый, официальный, документируемый и скрытый, неофициальный, не документируемый. Именно в последнем случае и используются социальные технологии скрытого воздействия.

Социальные технологии скрытого воздействия в управлении бизнес-организацией далеко не всегда имеют негативную коннотацию. Часто такое воздействие выступает эффективной формой коммуникации, направленной на развитие социальной организации. Конструирование или применение готовых социальных технологий имеет потенциал получения заданных свойств и качеств ради которых сама технология применяется. В современной психологии и менеджменте существует целая индустрия по конструированию таких, в том числе манипулятивных, стандартов и практик. Таким образом, использование скрытого воздействия с помощью соответствующих социальных технологий может, как способствовать повышению качества отношений внутри бизнес-организаций, отношению с клиентами, партнерами, властями, общественностью, так и уменьшать человеческий и социальный капитал субъектов, применяющих такие социальные технологий без всестороннего анализа и предвидения их последствий.

Список литературы:

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением / Н. Элиас. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 368.

УДК 336.2 ББК 65.05

Огородникова Ирина Ивановна –

канд. соц. наук, доцент

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

e-mail: iogorodn@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ПРОГРЕССИВНОЙ ШКАЛЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НДФЛ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

На протяжении всего периода становления и развития налогообложения учёные умы и правительства разных стран занимала возможность и необходимость введения прогрессивного налогообложения. Одновременно в рамках развития финансовой науки зарождалась частная налоговая теория – соотношения пропорционального и прогрессивного налогообложения.

Налог на доходы физических лиц на современном этапе является бюджетообразующим налогом и занимает наибольший удельный вес в консолидированном бюджете РФ.

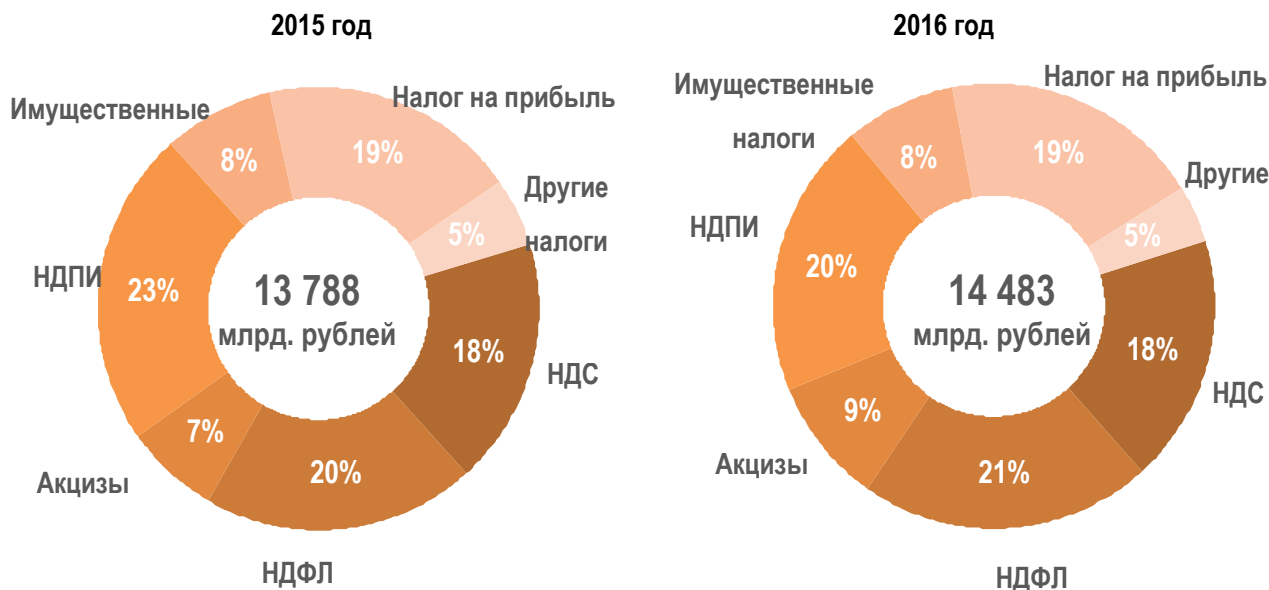

Рис.1. Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации в 2015-2016 гг.[8]

Поступления региональных налогов являются надежной основой исполнения субъектами Российской Федерации своих бюджетных обязательств. В 2016 году поступления в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации

Федерации, несмотря на слабые макроэкономические показатели, выросли на 9,4% и составили почти 7,6 трлн. рублей.

Основными налогами, формирующими доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, являются НДС, налог на прибыль, акцизы и имущественные налоги. Так, в 2016 году:

- НДС поступило 3 017,3 млрд. рублей с ростом на 7,5%;
- налога на прибыль организаций - 2 279,1 млрд. рублей с ростом на 8,1%;
- имущественных налогов - 1 116,9 млрд. рублей с ростом на 4,5%;
- акцизов - 661,7 млрд. рублей с ростом на 36,0% [8]

Для региональных бюджетов на первом месте по значимости является налог на доходы физических лиц. В 2016 году его доля составила 40%. Поступления НДС в консолидированные бюджеты субъектов РФ составили более 3 триллионов рублей, что на 7,5% больше, чем в 2015 году. Такой темп прироста налога соответствует росту номинальной заработной платы (+7,7% за 2016 год). Для Тюменской области характерно увеличение доли НДС в доходах бюджета с 13,6 % в 2015 году до 18,9 % в 2017 году (план).

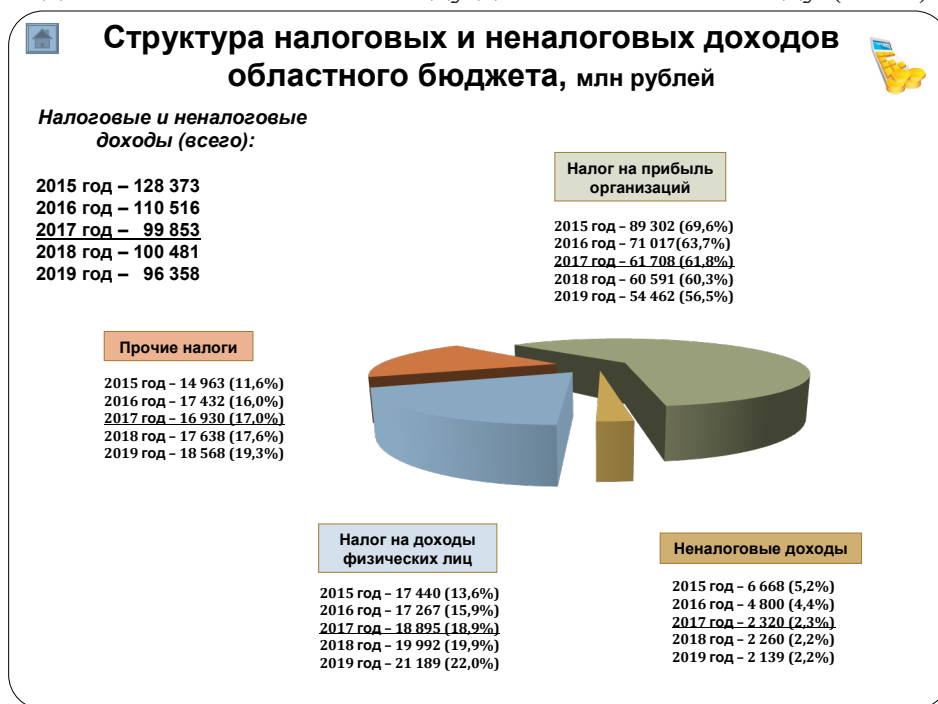

Рис. 2 Структура доходов бюджета Тюменской области за период 2015-2017 гг [1]

Совершенствование налогового администрирования позволит сократить уровень теневой экономики, а также платежей с фонда оплаты труда, что частично опровергает мнение ряда экспертов об уходе зарплат в тень. А это значит, что есть вероятность введения прогрессивной шкалы в исчислении налога на доходы физических лиц. Правительство обсуждает

темы прогрессивной шкалы НДФЛ и освобождения от налога тех, кто получает зарплату в размере МРОТ. По словам вице-премьера Ольги Голодец, зарплату ниже МРОТ получают 4,9 млн. россиян.[7] При этом конкретных сроков подготовки законопроекта не называется, но отмечается, что прогрессивное налогообложение сейчас обсуждается и оно просчитано. Между тем, недавно министр финансов Антон Силуанов сообщил, что возможность введения прогрессивной шкалы может быть рассмотрена лишь после 2018 года, когда стабилизируется ситуация в экономике. Но ранее Министерство финансов, являясь противником прогрессивной шкалы, выступало с предложением увеличения единой ставки НДФЛ с нынешних 13% до 15–16%. По оценкам ведомства, эта мера может принести в бюджет дополнительные 210 млрд. рублей. [7]

Интересным представляется изучение регионального аспекта введения прогрессивной шкалы налогообложения по налогу на доходы физических лиц. В рамках проведения Тюменским государственным университетом социологического исследования по государственному контракту № 3п/00230-17/74 от «17» мая 2017 года «Изучение социально-экономического самочувствия населения Тюменской области» был проведён опрос жителей юга Тюменской области в количестве 1640 человек. На рис. 3 представлена сфера занятости работающих.

Рис. 3. Сферы занятости работающих респондентов, % [3]

Базой для исчисления НДФЛ является фонд оплаты труда и первоочередной задачей является легализация заработной платы и увеличения самой зарплаты в ряде отраслей. Кроме того, даже при базовой ставке 13 % существует налоговая задолженность и если ставка будет увеличена, то велика вероятность в том, что и собираемость ухудшится. Так, совокупная

задолженность по налогам и сборам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации по состоянию на 01 января 2017 года составила 1,4 трилл. рублей и за период с начала 2016 года выросла на 246,9 млрд. рублей, или на 21,4 %. [2]

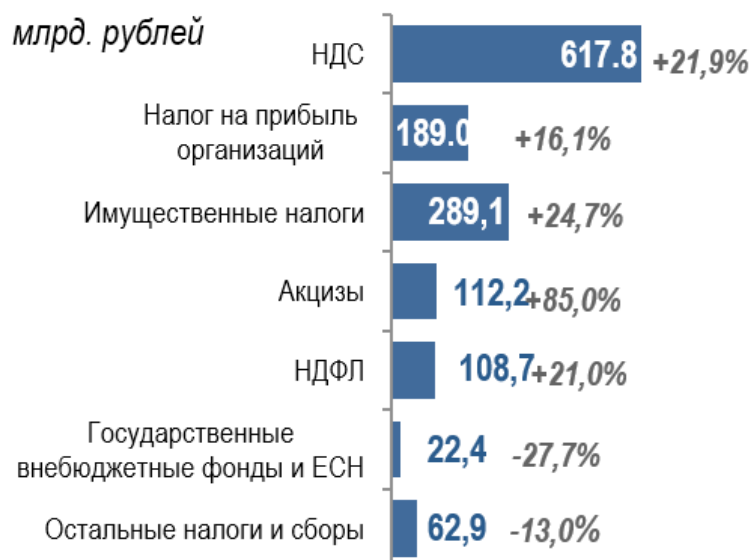

Рис.4. Совокупная задолженность по видам налогов за период 2015–2016 гг

Задолженность по налогу на доходы физических лиц за год увеличилась на 21 %. Данный факт может быть обусловлен тем, что организации начисляют зарплату, но не имеют возможность выплатить её и перечислить налог в бюджет. В основном это касается предприятия малого и среднего предпринимательства. Таким образом, экономические предпосылки складываются из нескольких составляющих:

- рост доходной базы консолидированного бюджета территории за счёт дополнительных поступлений;
- увеличения фонда оплаты труда и легализация выплат в пользу физических лиц;
- увеличение фонда оплаты труда повлечёт за собой рост себестоимости продукции, сумму страховых взносов и соответственно цену товара, работы, услуги;
- разработка дифференцированной шкалы для налоговой базы и налоговых ставок, учитывающих интересы работающих.

Не менее важной составляющей для введения прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц является восприятия населением и принятие нововведения. Увеличение налоговой нагрузки на протяжении последнего десятилетия в России наглядно продемонстрировало снижение налоговых поступлений и с этим также необходимо считаться. Безусловно, высокий

доход и достойное жизнеобеспечение при соответствующей аргументации позволит увеличить поступления в бюджет и не вызовет адекватной реакции на увеличения налогового бремени. По самооценке опрошенного населения в Тюменской области, большинство считает себя самодостаточными в плане дохода, но по сравнению с 2006 годом отмечаются тенденции к снижению.

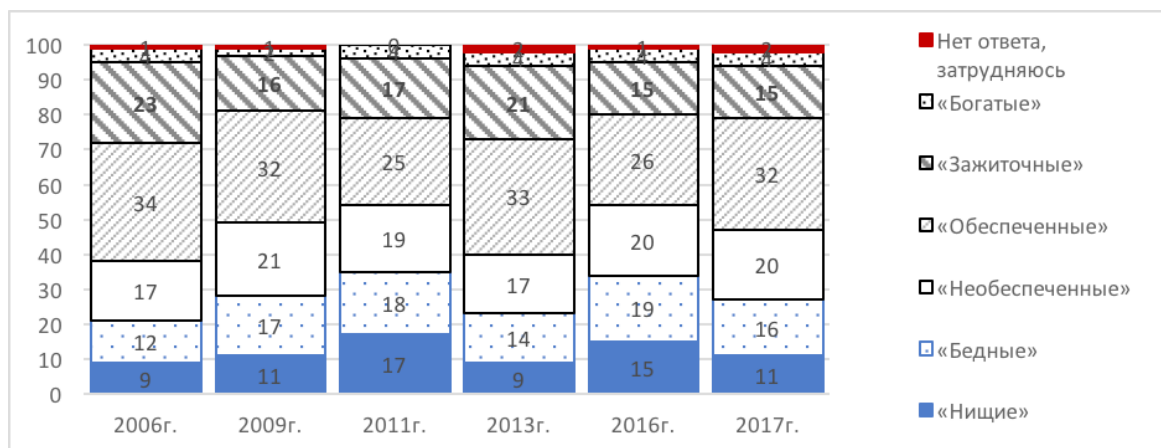

Рис. 5 Динамика ответов на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?», % от числа опрошенных [3]

В динамике за последний год самооценки материального положения немного выросли, в частности, выросла доля пятой группы (условно «зажиточные») с 26% до 32%, и снизилась доля двух первых, нижних слоев материально-имущественной пирамиды. В 2017 году структура практически повторяет состояние 2009 года. Наименее обеспеченными себя ощущают пожилые граждане, в совокупности группа двух нижних слоев – самых бедных, среди них составляет 32%, то есть каждый третий, сельские жители. [3]

В последние годы обществу предлагается большое количество прогнозов социально-экономического развития, которые с разной степенью пессимизма описывают ожидаемые в ближайшем будущем негативные проявления кризиса. Речь идет о снижении реальных доходов населения, снижении инвестиционной активности, уровня промышленного производства и розничного товарооборота. Увеличивать налоговое бремя на данном этапе будет являться крайне непопулярной мерой у населения. Более того, при неизменной заработной плате в распоряжении работника останется ещё меньше денежных средств для потребления, а этот факт незамедлительно скажется на валовом региональном производстве и ВВП в целом по стране.

Ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2014–2015 гг. на Вашу жизнь?» распределились следующим образом: половина респондентов ответили «ничего не изменилось» (51% опрошенных); «потерял в заработке, доходах» (22%); «пришлось взяться за дополнительную работу» (13%); «столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат» (11%), и «оказался без работы и заработка» (7%). Очевидно, что все указанные проблемы связаны, и потеря работы и заработка, и необходимость дополнительной работы, являются следствием первых двух основных проблем. Отметим, что за период после 2011 года стабильно возростала доля тех, кто берется за дополнительную работу (7%, 8% и 13% в 2011, 2016 и 2017 гг. соответственно). Одновременно возросла доля тех, кто отвечает «ничего не изменилось» (51%), что фактически есть признание стабильности своей жизни и в период кризиса. Тем не менее, кризис 2014-2016 гг. остается для жителей региона болезненным, и в первую очередь, в снижении уровня жизни для половины граждан.[3]

Невозможно не отметить рост доли адаптивных кризисных стратегий. Только за прошедший год их совокупная доля выросла на 14%: Работаю в нескольких местах (10% против 8%), Использую любую возможность приработков (24% против 19%), Вынужден занимать деньги и/или получать помощь от близких и друзей (10% против 8%), Занимаюсь подсобным хозяйством (17% против 13%). Одновременно снижается выбор активных стратегий: Стараюсь как можно более успешно работать на своей основной работе (32% против 41%), Получаю дополнительное образование, чтобы продвинуться по работе (8% против 10%), Переквалифицируюсь, чтобы сменить работу (2%). То есть люди приспосабливаются, выбирая путь более интенсивной работы, но мотивация на развитие снижается. [3]

Стремление зарабатывать сохраняется и это важно для планирования государственными структурами налогового потенциала и практически всё из перечисленного в таблицу подлежит налогообложению НДФЛ. Особое внимание уделяется аспектам сокращения разницы в доходах работающих. На вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли эффективны действия государства для сокращения больших разрывов между доходами различных групп населения?» эффективными действия государства считают 6% (6% в 2016 г.) опрошенных, недостаточно эффективными 33% (38% в 2016 г.) и совсем нет действий по мнению 33% (34% в 2016 г.) опрошенных. При этом восприятие неравенства в регионе существенно менялось, снижаясь в 2011 г. и 2016–2017 гг. В 2017 году восприятие материально-имущественного неравенства существенно ухудшилось по сравнению с 2013 годом, но уже поднялось до уровня 2009 года.[3] При этом по-прежнему сохраняются правовой нигилизм, правовая и финансовая неграмотность населения.

Таблица 1

Вопрос: «Знаете ли Вы куда расходуются собранные налоги?»,
 % от числа ответов по строке, 2017 г. [3]

Варианты ответов	%
Точно знаю	12
Знаю приблизительно	54
Совсем не знаю	29
нет ответа	5
Итого	100

Полностью согласны, что налоги необходимо платить, что это гражданский долг каждого 47%, скорее согласны 17%, отвечают «и да и нет» еще 23% опрошенных. То, что налогоплательщик должен соблюдать законы о налогах, даже если считает их несправедливыми согласны полностью 38% и скорее согласны 22%, отвечают «и да и нет» 26%. Допускают уклонение от налогов 16% и еще 14% отвечают «и да и нет». А считают, что нужно уклоняться от уплаты налогов, потому, что они разорительны 6% полностью и еще 7% скорее согласны, а 21% отвечают «и да и нет». [3]

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы предпочли сохранить:
 одинаковый для всех подоходный налог или ввести прогрессивный?»
 % от числа ответов по строке, 2017 г. [3]

Варианты ответов	%
Снизить налог для низкодоходных групп и повысить для высокодоходных	32
Сохранить одинаковый налог	25
Ввести небольшое повышение для высокодоходных групп	13
Ввести небольшое повышение, начиная со среднедоходных групп	3
Ввести небольшое повышение для среднедоходных групп и значительное для высокодоходных	5
Ввести значительное равномерное повышение, начиная со среднедоходных групп	3
Затрудняюсь ответить	18
отказ от ответа	2
Итого	100

Большинство опрошенных респондентов поддерживают идею прогрессивного налогообложения, но с одновременным снижением налога для получающих относительно низкие доходы. Таким образом, при учёте интересов разных социальных групп государство может получить необходимую поддержку введения законопроекта по прогрессивной шкале налогообложения. В частности, августе 2016 года в Госдуму депутатами от ЛДПР был внесен законопроект, который предусматривал освобождение от подоходного налога россиян с зарплатой менее 15 тыс. рублей в месяц или 180 тыс. рублей в год. При этом для людей с годовым доходом до 2,4 млн. рублей (200 тыс. рублей в месяц) законопроект предлагал сохранить ставку подоходного налога на уровне 13%. Для состоятельных россиян с доходом от 2,4 млн. рублей до 100 млн. рублей в год депутаты предлагали установить фиксированный налог в размере 289 тыс. рублей плюс 30% с суммы, превышающей 2,4 млн. рублей. Как отмечают эксперты, реалистичность цифр, предложенных ЛДПР, трудно оценить на данный момент, так как скорое введение прогрессивной шкалы НДФЛ маловероятно. «Я не исключаю, что к обсуждению этой идеи вернуться в 2019 году, когда кончится срок моратория на изменение нефтегазовой налоговой нагрузки и пройдут президентские выборы», - предполагает член Экономической экспертной группы Александра Суслина. По ее словам, прогрессивная шкала расчета подоходного налога в теории может помочь выровнять социальное неравенство и повысить доходы государственной казны, однако ее введение чревато понижением реальных распределяемых доходов населения. «У нас есть потенциал повышения доходов бюджета от введения прогрессии НДФЛ, но в полной мере его удастся реализовать за счет повышения налога для среднего класса. Это ударит по его уровню жизни, снизит потребление и опустит их за порог бедности, замедлив и без того низкий экономический рост», - утверждает эксперт. По ее мнению, облагая большими налогами только богатых, значительную прибыль собрать не получится. «Очень состоятельных людей в России не так много, и они имеют доступ к «оптимизационным схемам», то есть могут вывести свои деньги в офшоры. Поэтому очень важно просчитать оптимальный вариант, чтобы не было еще хуже», – рассуждает Суслина.[7]

В результате только посредством налогового администрирования, а, именно, за счёт последовательного изучения экономических и социальных аспектов налогообложения возможно кардинальное изменение налоговой нагрузки, особенно для физических лиц. Разумное налогообложение благоприятно отразится на формировании доходов бюджетов различных уровней и будет способствовать расширению бизнеса и росту благосостояния населения, что в целом, обеспечит налоговую безопасность страны на длительный период времени. При увеличении налогового бремени может возникать обратно пропорциональная зависимость: увеличение налоговых ставок может привести к снижению налоговых поступлений, а также к потере

платёжеспособности бизнеса и домашних хозяйств. Настрой государственной налоговой политики на сочетание снижение налоговой нагрузки для одних налогоплательщиков и увеличение для других, предоставление налоговых льгот и преференций постепенно приведут к отсутствию нелегального бизнеса, формированию налоговой культуры у налогоплательщика, что в целом увеличит собираемость налоговых платежей.

Список литературы:

1. Бюджет для граждан на основе закона Тюменской области «Об областном бюджете на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов»/ https://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet/more.htm?id=11399169@cmsArticle – дата обращения 07.09.2017.
2. Данные по формам статистической налоговой отчётности (официальный сайт Федеральной налоговой службы) [Электронный ресурс] https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ – дата обращения 01.09.2017.
3. Изучение социально-экономического самочувствия населения Тюменской области по государственному контракту № 3п/00230-17/74 от 17 мая 2017 года.
4. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и плановый период 2018-2019 годов [Электронный ресурс]. URL:// http://minfin.ru/ru/document/?id_4=116206 – дата обращения 09.09.2017
5. Справка по итогам деятельности ФНС за 2016 год. [Электронный ресурс] – https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t31 – дата обращения 31.05.2017.
6. Силуанов ожидает первые изменения налогов в 2017 г. [сайт] URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/82677>
7. Эксперты объясняли опасность введения прогрессивной шкалы НДФЛ для россиян/[Электронный ресурс]. URL:// <http://www.mk.ru/economics/2016/11/21/eksperty-obyasnili-opasnost-vvedeniya-progressivnoy-shkaly-ndfl-dlya-rossiyan.html> – дата обращения 09.09.2017.
8. Федеральная налоговая служба [сайт] URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Олейник Наталья Игоревна –
аспирант 1 года обучения
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень,
e-mail: Beauty_nata@mail.ru

КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ ЧИСЛА ЗАНЯТЫХ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ №17-02-00299.

Ключевые слова: рынок труда; занятость; заработная плата; отраслевой спрос на труд; эластичность спроса на труд.

Отличительной особенностью российского рынка труда является гибкая заработная плата, которая, как правило, оказывает наибольшее воздействие на уровень занятости, как в регионах, так и в отраслях. На сегодняшний день проблема разрывов заработных плат по регионам России затрагивается в работах Гильтман М.А., Вотяковой А.А., Ощепкова А.Ю., Лукьяновой А.Л. и т.д. В то же время, вопрос разрывов в заработной плате по отраслям экономики на российских данных практически не изучен.

Отраслевые разрывы в уровне оплаты труда последнее время имеют впечатляющие размеры. Так, в 2014 году среднемесячная начисленная заработная плата одного работника в наименее оплачиваемой отрасли – сельское хозяйство – составила 17 724 рублей. Этот показатель был в 3,9 раза ниже, чем в финансовой деятельности – самой высокооплачиваемой отрасли российской экономики. Следовательно, можно утверждать о наличии отраслевого спроса на рабочую силу на российском рынке труда.

Стоит отметить, что нормальное функционирование экономики страны, отдельных отраслей и, в частности, предприятий предполагает необходимость определения потенциального спроса на рабочую силу. Это предполагает разработку прогнозных моделей потребности (спроса) предприятий в дополнительных работниках в расчете на кратко-, средне- и долгосрочный периоды. Для того чтобы построить среднесрочный и долгосрочный прогнозы, необходима комплексная оценка всех факторов, которые, так или иначе, влияют на зависимую переменную (в данном случае – отраслевой спрос на труд).

С целью построения краткосрочного прогноза используется метод экстраполяции. Данный метод выступает одним из главных методов прогнозирования и учитывает показатели, которые имели место быть в прошлом.

Таким образом, целью исследования является прогнозирование количества занятых по видам экономической деятельности в России по итогам 2017 года.

Прогноз в работе проводился в два этапа. На первом этапе рассчитывался контрольный прогноз занятости на 2015 год по видам экономической деятельности, который впоследствии был сопоставлен с фактическим значением за 2015 год, а также эластичность спроса на труд по заработной плате и по выпуску продукции. Прогноз был составлен напрямую, исходя из динамики количества занятых за период 2005 – 2014 гг. Прогнозное значение на 2015 год помогло выявить более близкие к фактическому значению показатели и, соответственно, более точно построить прогноз изменения занятости на 2017 год по видам экономической деятельности, в зависимости от подходящего для каждой отрасли способа.

Для выполнения расчётов использовался Microsoft Excel. Для большинства секторов главным фактором, по которому в дальнейшем строился прогноз, выступила заработная плата. Стоит отметить, что прогноз, основанный только на динамике занятости в предшествующие периоды, оказался самым неточным для всех видов экономической деятельности.

Для того чтобы составить прогноз на 2017 год, при помощи функции «предсказ» были найдены прогнозные значения на 2017 год для каждого фактора. Функция вычисляет или предсказывает будущее значение по уже существующим значениям. Предсказываемое значение – это значение y , которое соответствует заданному значению x . Значения x и y известны, а новое значение предсказывается с использованием линейной регрессии. Далее, используя динамику прошлых лет и полученные прогнозные значения факторов на 2017 год, был составлен сам прогноз показателя занятости.

Прогнозные данные с уже отобранными способами для конкретного вида экономической деятельности приведены ниже в таблице 1

Таблица 1

Прогноз занятости на 2017 год по видам экономической деятельности

Сектор экономики	2015 год Факт	Прогноз на 2017 год	Отклонение, %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6297	6191,04	98,32
Рыболовство, рыбоводство	146	143,14	98,04
Добыча полезных ископаемых	1082	1075,47	99,39
Обрабатывающие производства	9840	9418,48	95,72
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1923	1921,82	99,94

Строительство	5652	5694,4	100,75
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12890	12527,96	97,19
Гостиницы и рестораны	1338	1312,73	98,11
Транспорт и связь	5501	5419,32	98,52
Финансовая деятельность	1278	1457,87	114,07
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6002	6413,13	106,85
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3730	3855,78	103,37
Образование	5541	5474,71	98,81
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4529	4586,95	101,28
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2560	2610,21	101,96

Источник: [собственные расчёты автора]

Таким образом, в 2017 году можно будет наблюдать рост занятости в следующих секторах экономики:

Строительство (на 0,75%);

Финансовая деятельность (14,07%);

Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (6,85%);

Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование (3,37%);

Здравоохранение и предоставление социальных услуг (1,28%);

Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (1,96%).

В остальных секторах экономики будет наблюдаться незначительный спад рабочей силы, на что в основном окажут влияние заработная плата, выпуск продукции и производительность капитала.

Список литературы:

1. Гильтман М.А., Эластичность занятости на региональных рынках труда в России // Вестник Пермского университета. Серия: экономика. Пермь : Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета. – 2015. – № 4. – С. 103 – 112.
2. Гильтман М.А., Влияние заработной платы на занятость в районах Крайнего Севера России // Пространственная экономика. Хабаровск : Изд-во Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. – 2016. – № 1. – С. 60 – 80.
3. Гимпельсон, В.Е., Движение рабочих мест: что говорит российская статистика [Электронный ресурс]: препринт WP3/2014/02 / В.Е. Гимпельсон, О.Б. Жихарева, Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики.– (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 2014, – 46 с.
4. Гимпельсон, В. Е., «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда [Электронный ресурс]: препринт WP3/2016/02 / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, А. В. Шарунина // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 48с.
5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом. М. : Журнал НЭА, №2(26), 2015, с.249–254
6. Лукьянова, А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения: препринт WP3/2010/10 [Текст] / А. Л. Лукьянова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 68 с.
7. Hamermesh, D. S. The Demand for Labor in the End. Handbook of Labor Economics. 1986. – Volume 1. – p. 3–785

УДК 316.35 ББК 71.41(2Рос)

Полтавская Мария Борисовна –

канд. социол. наук, доцент,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград
e-mail: poltavskayamb@yandex.ru

Абросимова Анастасия Сергеевна –

студент,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград
e-mail: nastya-abrosimova2013@yandex.ru

Резникова Екатерина Сергеевна –

студент,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград
e-mail: katena.reznikova.96@mail.ru

ТВОРЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ: УЧАСТИЕ КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ключевые слова: творческие индустрии, предпринимательство, креативность, коммерческие организации, некоммерческие организации

Работа выполнена в рамках научного проекта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области

В качестве факторов развития современной экономики на современном этапе активно рассматриваются культурные ресурсы, творчество. Наибольших успехов в данной области достигла Великобритания, где с конца 90-х гг. XX в. концепция «творческой индустрии» является одной из приоритетных. Именно Департамент культуры, медиа и спорта Правительства Великобритании дал основополагающее определение творческой индустрии: «Креативные индустрии – это деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [3]. Данная практика, имеющая отношение и к культуре, и к экономике, широко распространилась во всем мире.

В России подобные стратегии развития экономики начали работать относительно недавно – на рубеже XX и XXI вв. Творческие индустрии являются перспективным сектором современной экономики, во многих странах является предметом государственной поддержки. В России в «Основах государственной культурной политики» в 2014 г. было дано официальное определение: «Творческие индустрии – компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельность по капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке. К сфере творческих индустрий, согласно названному документу, относятся: промышленный дизайн и индустрия моды, музыкальная индустрия и индустрия кино, телевидение и производство компьютерных игр, галерейный бизнес, издательский бизнес и книготорговля, рекламное производство и средства массовой информации» (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»).

Некоторые исследователи рассматривают отечественные творческие индустрии в качестве важного фактора реиндустриализации современной российской экономики [5]. Творческая деятельность носит, по преимуществу, индивидуальный характер, она способна оказывать влияние на культурные формы с помощью творческих интерпретаций. В России опыт внедрения и развития творческих индустрий еще не накоплен. В 2000-2001 гг. проекты в области творческих индустрий появились в Санкт-Петербурге, позже в Екатеринбурге, Саратове, Краснодаре и других городах. В 2005 году в Москве, например, появился первый творческий кластер - Центр дизайна ARTPLAY, проект «Арт-Стрелка» и другие. На уровне региона творческие индустрии могут повышать его конкурентоспособность. В качестве примера можно назвать Пермь, Архангельск, Петрозаводск, Коломну.

Творческие индустрии – это среда, находящаяся на стыке двух видов деятельности - творческой, с одной стороны, и коммерческой, с другой [8]. Творческие индустрии достаточно разнообразны и включают в себя множество направлений: кино, музыку, литературу, изобразительные и исполнительские искусства, моду, ремесла, дизайн, архитектурное проектирование, интернет и мультимедиа и пр. Уже сегодня все эти направления становятся объектами внимания предпринимателей и некоторых руководителей некоммерческого сектора. Как правило, предприятия в области творческих индустрий относятся к сфере малого или среднего бизнеса, в нем активно работают фрилансеры (самозанятые).

Кроме того, творческие индустрии, как особый сектор экономики, производит культурные ценности, но все же остаются субъектами хозяйственной деятельности, функционирующими в коммерческом секторе [4].

Деятельность предпринимателей в сфере творческих индустрий способна не только поднять культурный уровень населения, но и создать уникальные мероприятия. Социолог Р. Флорида, занимающийся изучением креативного класса, считает, что «Креативность – это движущая сила экономического развития...» [9, с. 48], и поэтому есть необходимость в создании специальных, благоприятных условий – социокультурного климата, условий и возможностей для развития творческой индустрии.

Деятельность предпринимателей и руководителей некоммерческих организаций в рамках творческих индустрий сегодня прослеживается в различных городах. Ежегодные фестивали становятся «визитной карточкой», брендом современных городов, что, несомненно, благоприятно влияет на их экономическое развитие. Так, например, в Волгограде проходит ежегодный фестиваль «Загарушка» на пляже в пос. Спартановка. Организаторами Фестиваля выступают фонд «Живой город», администрация Тракторозаводского района, а также комитет молодёжной политики и туризма администрации Волгограда. Основная цель фестиваля - «возрождение, объединение и приобщение к российской культуре и русскому духу» [1]. Уже третий год летний праздник объединяет спортивное и культурное направление и выступает за активный, интересный и здоровый отдых для людей всех возрастов.

Кроме того, в Волгограде активно создаются различные креативные проекты, деятельность которых уже не ограничивается пределами города, области и даже страны. Это, например, известное креативное коммуникационное агентство России «TUTKOV BUDKOV» - коммерческая организация, которая имеет семилетний опыт на рынке, сотрудничает с известными отечественными и зарубежными компаниями [14]. В качестве примера можно привести мастерскую «MATO PAPER» [12], которая создает декорации из картона и бумаги, а также проводит детские и взрослые мастер-классы. Мастерская базируется в Волгограде в креативном пространстве «Икра». Еще один пример - анимационная студия «NEBO» [13], работающая в технике 3D анимации, целью организаторов студии является создание высококачественных, интересных, добрых мультипликационных проектов, которые с удовольствием будут смотреть зрители во всём мире. В пределах города широко известны команда профессионалов видеостудии «ASTRA», определяющих себя, как «энтузиастов, находящихся в состоянии непрерывного развития» [6], творческая мастерская «DREMLYUGA», разрабатывающая авторский декор интерьеров и дизайнерские украшения [10], а также веб-студия и творческий коллектив профессионалов в области разработки сайтов, дизайн концепций и брендов «MADE 7», основные принципы работы которой - креативный подход, ориентированность на клиента, отход от шаблонов, предпочтение оригинальных решений.

Новое креативное городское пространство в формате «лофт» было создано в Волгограде в 2016 г. в результате реставрации бывших царицынских Жигулёвских пивных складов 1890 года постройки и получило название «ЛОФТ 1890» [11]. *Здание было приспособлено под бизнес-пространство, арендаторами являются, в основном, предприниматели, связанные с творческими индустриями. В СМИ данный лофт позиционируется как «дом для молодых представителей новой экономики», а на сайте самого «ЛОФТ 1890» - как «креативное бизнес-пространство в центре Волгограда». Помимо коммерческой цели данный объект призван сохранить и популяризировать историю Царицына.*

Можно отметить, что творческие индустрии в России представлены, в основном, коммерческими организациями. Как отмечают исследователи, изучающие развитие творческих индустрий за рубежом, перспективы развития зависят, во многом, от государственной поддержки. Так, например, благодаря поддержке малого предпринимательства в сфере творческих индустрий в Великобритании практически все организации в этой сфере были коммерческими. Следовательно, поддержка государства может способствовать созданию таких организаций, например, в третьем секторе. «Если предположить, что завтра в России будет принята аналогичная программа, мы тоже станем регистрировать творческие предприятия как коммерческие. Но если будут созданы благоприятные условия и система поддержки для некоммерческих организаций, мы, вероятно, обнаружим, что творческие индустрии развиваются у нас в третьем секторе» [2].

Деятельность в сфере культуры может носить как коммерческий, так и некоммерческий характер. В сфере культуры в настоящее время функционируют государственные и негосударственные организации, среди которых выделяю государственные учреждения и организации, коммерческие предприятия, в том числе малые, некоммерческие негосударственные организации.

Исследователи отмечают, что отличительной чертой творческих индустрий выступает предпринимательский этос, который лежит в его основе. «Предприимчивость — это эквивалент творчества в сфере бизнеса. Она предполагает практичность, которой, в соответствии с расхожими представлениями, недостает художнику, «витающему в облаках». С другой стороны, развитие предпринимательства в форме творческих индустрий - это попытка вернуть творчество в сферу культуры»[2].

Создание и развитие проектов в сфере творческих индустрий свидетельствует о том, что в рамках проблем формирования современного городского пространства растёт интерес к культуре, культурному потенциалу. Творческие индустрии интересуют предпринимателей как новый и перспективный вид деятельности, основанный на творческом

начале своего создателя. Творческая индустрия – это сектор, который способен стать значимым производительным сектором экономики в случае эффективной работы по развитию креативного потенциала в городах России, и может выполнять функцию экономического резерва. Кроме того, творческие индустрии способны решать социокультурные проблемы, накапливать социальный капитал, модернизировать традиционные институты культуры, создавать социальные инновации.

Таким образом, творческие индустрии являются особым типом предпринимательства в сфере культуры. Для этой сферы практически всегда необходимо финансирование извне, так как вероятность того, что она может быть самокупаемой, крайне мала [7]. Проблема соотношения экономики и культуры, коммерческого и некоммерческого характера деятельности в секторе творческих индустрий продолжает оставаться дискуссионной.

Список литературы:

1. В Волгограде состоится фестиваль «Загарушка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgogradе-sostoitsya-festival-zagarushka-764070> (дата обращения: 09.06.17). – Заглавие с экрана.
2. Гнедовский М. Б. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. – 2005. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskiy-vyzov-dlya-rossii> (дата обращения: 07.09.17). – Заглавие с экрана.
3. Зеленцова Е.В. От творческих индустрий – к творческой экономике // Общество и реформы. 2009. - №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ot-tvorcheskih-industriy-k-tvorcheskoy-ekonomike> (дата обращения: 13.06.17). – Заглавие с экрана.
4. Лавриненко А.С. Актуальные вопросы государственного регулирования творческих индустрий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4. С. 135–159.
5. Морозов С.А. Культурные индустрии vs креативные индустрии // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 4 (63). С. 145–148.
6. Работа, на которую хочется смотреть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://astra-studio.ru/> (дата обращения: 09.09.17). – Заглавие с экрана.
7. Творческие индустрии в современном городе. Как развивать талант и предпринимательство в Санкт-Петербурге. СПб, 2002. [Электронный ресурс] http://www.creative.leontief.net/data/Creative_ru.pdf
8. Федотова Н.Г. Креативные индустрии: теория и практика // Культура в пространстве рынка. С. 51–72.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-21», 2011. – С.48.

10. DREMLYUGA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/dremlyugahandcraft> (дата доступа: 09.09.17).

11. Loft1890 – креативное бизнес-пространство в центре Волгограда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: loft1890.ru (дата доступа: 09.09.17).

12. MATO paper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://matoraper.com/> (дата обращения: 08.09.17). – Заглавие с экрана.

13. NEBO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nebo-studio.com (дата обращения: 08.09.17). – Заглавие с экрана.

14. «TUTKOV BUDKOV» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tutkovbudkov.ru/about/> (дата обращения: 09.09.17). – Заглавие с экрана.

УДК 316.44 ББК 60.54

Посухова Оксана Юрьевна –

к.с.н., доцент

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

belloks@yandex.ru

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГРУПП РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ

Ключевые слова: карьера, мегаполис, прекариат, идентичность

Современная ситуация в отношении и карьерных стратегий россиян, и коридор карьерных возможностей в целом может быть оценена как парадоксальная. Речь идет о том, что доминирование групп с достиженческой ориентацией сохраняется в карьерном пространстве, но нарастает разрыв между позициями декларирования карьерных перспектив и оценкой реальных карьерных шансов. Основываясь на результатах социологического исследования, проведенного в 2017 г. в российских мегаполисах (Москва, Казань, Ростов-на-Дону), у представителей массовых и социально-ориентированных групп (военные, учителя, врачи) новым индикатором становится не просто снижение карьерных ожиданий и перспектив, но и влияние рисков прекариатизации [1]. Посредством метода анкетирования было опрошено 948 учителей государственных общеобразовательных школ г. Москвы, 618 учителей школ г. Ростова-на-Дону, 744 учителей школ г. Казани; 468 врачей из г. Москвы и 402 врача из г.Казани; 256 военных в Ростове-на-Дону. Соглашаясь с предложенной английским ученым Г. Стендингом моделью прекариата [4] можно говорить о том, что в социально-профессиональных позициях данных групп возрастает уровень тревожности по поводу инкорпорированных ценностей – стабильной работы, стабильного заработка, уверенности в будущем и выстраивании профессиональной и жизненной карьеры.

Представители данных групп оценивают карьерные шансы и связанные с этим карьерные экспектации, сквозь призму карьерного предела (стеклянный потолок). Эту ситуацию можно объяснить тем, что сужается карьерное пространство, ослабевают механизмы вертикальной профессиональной карьеры. Связано это с тем, что, во-первых, поле профессиональной деятельности исследуемых групп содержит латентные и открытые карьерные барьеры. Для военнослужащих латентные карьерные барьеры состоят во влиянии неформальных процедур поддержки и исключения: карьерные

стратегии во многом определяются не только образовательным статусом и стажем военной службы, но и неформальными связями с землячеством, династийностью и корпоративными связями. К открытым барьерам можно отнести сужение каналов восходящей социальной мобильностью при движении по должностной иерархии. Если в основании пирамиды (средний офицерский состав) действует принцип равенства карьерных возможностей, то восхождение к вершине должностной иерархии характеризуется уже серьезным разрывом. И здесь можно говорить как о факторе стечения обстоятельств (случайность), так и о том, что устанавливается карьерный предел для подавляющего большинства. Это соответствует субординационной модели военной службы.

Во-вторых, оказывает влияние фактор региональной дифференциации регулярно воспроизводимый в военной среде [2]. Следует подчеркнуть, что военная служба в столице ассоциируется на стадии выбора профессии с высокой оценкой карьерных шансов по сравнению с гарнизонной повседневностью периферии. Это подтверждается результатами опроса, в котором при незначительном разрыве позиций по критерию удовлетворенности профессиональным выбором (47,2% и 59,1% в Ростове и Москве), обнаруживаются различия в желании сделать карьеру в армии (29,6% и 54,9% в Ростове и Москве) и приверженностью к военной дисциплине (25,9% и 63,8% соответственно). Можно сделать вывод о том, что столичные респонденты высоко ценят дисциплинирующий фактор в рамках транспарентности, рациональности карьерных ожиданий, в то время как не столичные респонденты скептически воспринимают дисциплинирующий фактор, т.к. исходят из того, что карьерные стратегии связаны не с поступательной карьерой, зависящей от стажа и профессиональных качеств, а с должностными вакансиями и неформальными карьерными механизмами. Речь идет не о том, что региональные респонденты отвергают факторы дисциплины и порядка, а о влиянии регионального контекста как приближающий карьерный предел. Очевидно, что региональная дифференциация проявляется в неравномерности распределения карьерных возможностей в зависимости от места прохождения в военной службе, но все же в целом своими карьерными перспективами довольны 53,2% военнослужащих Ростова и 91,5% военнослужащих Москвы.

Если говорить о профессиональных группах врачей и учителей, принимая во внимание различия в специфике профессиональной деятельности, наблюдается схожая тенденция в том, что происходит некоторый спад карьерных ожиданий. И это также проявляется в региональном контексте. В частности, столичные учителя оценивают выше карьерные шансы (30,9% москвичей, 12,6% ростовчан, 11,2% казанцев) и делают акцент на престижности профессии, возможностях интеллектуального развития и профессионального совершенствования как эффективных, разнообразных и повышающих возможность реализации карьерных ожиданий. Присутствует

также такой значимый фактор как уверенность в профессиональном будущем, долгосрочной выбранной профессии. В Казани же влияние прекариатизации сильнее, основываясь на незакрепленности социальных и трудовых прав и перспектив смены профессии. Прослеживается ситуация неопределенности карьерных стратегий, приоритетными становится не карьерный рост, связанный с профессиональной самореализацией, а стратегия сохранения достигнутого.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в исследуемых группах наблюдается анклавизация рисков прекариатизации в региональной среде. Отмечается неуверенность в стабильности социально-профессионального статуса, социальной защищенности.

В рамках нашего исследования это подтверждается тем, что наличие возможности у врачей сделать карьеру важны для 7,4% москвичей и 5,9% казанцев, но если брать показатели самостоятельности деятельности то они существенно дифференцированы в Москве 6,4% и 1,8% в Казани. При этом почти по 70 % опрошенных в этих городах удовлетворены своими карьерными перспективами. Можно сделать вывод о том, что у московских медиков, при казалось бы, равенстве в оценке карьерных шансов по сравнению с коллегами из Казани, присутствует оптимизм относительно карьерных перспектив, основанный на определенном фундаменте. Об этом же свидетельствуют и результаты глубинных интервью, в которых отмечается, что профессиональная самореализация как фактор профессиональных стратегий и социальная защищенность как фактор стабильности являются актуальными в реализации карьерных стратегий. Московские медики исходят из социальной защищенности как стартовой площадки для реализации карьеры, в то время как казанцы ощущают неуверенность и нестабильность в профессиональной деятельности и переключают внимание с карьеры на возможности дополнительных заработков или перемены профессии, уход в частную коммерческую медицину, в чем и видят свои карьерные перспективы.

Индикатором прекариатизации можно считать рост позиций безразличия или индифферентности профессиональной карьеры, что обусловлено восприятием профессиональной карьеры как инструментальной ценности, а именно как способ получения дохода, как модели «жизненной успешности». Речь идет о том, что снижение числа карьероориентированных в данных социетальных группах связано с эрозией профессионального статуса, замещением престижности профессии возможностями повышения дохода. Наблюдается ситуация достаточно точно описываемая Г. Стендингом. Исследуемые группы являются группами с гарантированным доходом и предсказуемо-стабильными карьерными ожиданиями, однако рост социальной неуверенности, фиксируемое снижение профессиональной самооценки, что связано с одной стороны с ухудшением условий профессиональной деятельности и с другой сужением коридора профессиональных возможностей, приводит к ослаблению профессиональной

идентичности, к исчезновению чувства профессиональной гордости и ослаблению связей с коллегами по профессии. Подтверждением этому является то, что самостоятельность, свобода деятельности может означать ставку на индивидуализацию, нейтрализацию влияния «правил игры» принятых в профессиональной среде, что особенно проявляется на уровне московских респондентов данных профессиональных групп.

При том, что возможность сделать карьеру высоко оценивается московскими респондентами, при этом же фиксируются низкие показатели в оценке престижа, признания и уважения в обществе на примере учителей и врачей. Альтруистическая мотивация свойственна только 12,7% московским учителям по сравнению с высокими показателями 35,8% ростовчан и 30,5% казанцев. Свои карьерные возможности положительно оценивают практически по 70% московских и казанских врачей. Что же касается показателей альтруизма то большая часть опрошенных и в Москве и Казани уверены в общественном призвании врача. Результаты же глубинных интервью позволяют сделать вывод о том, что у московских респондентов наблюдается переход к модели профессионализма не как к общественному призванию, а как схеме зарабатывания денег. Можно сделать вывод о том, что карьерные стратегии интерпретируются московскими респондентами как результат исключительно индивидуальных действий, в то время как казанские респонденты сохраняют приверженность «идеальной модели, имеющей отношение к общественным ценностям, общественному признанию» [3].

Итак, результаты социологического исследования фиксируют сдвиги в карьерных стратегиях социально-ориентированных профессиональных групп, включающие риски прекариатизации: снижение влияния фактора профессиональной самореализации, отмечающаяся готовность к перемене профессии, осознание слабых карьерных перспектив в силу особенностей карьерного пространства в данных профессиональных сегментах. Но можно предположить, что факторы способствующие рискам прекариатизации различны у московских и немосковских респондентов. Для москвичей тренд прекариатизации характеризуется индивидуализацией карьерных стратегий, опорой на собственные силы и ослаблением ориентации на «служение общественности». Тренд прекариатизации у нестоличных респондентов связан с сужением коридора карьерных возможностей, ослаблением механизмов вертикальной карьеры, низким уровнем социальной защищенности. В центре внимания оказываются симптомы прекариатизации, которые не приобрели характер тренда, но обнаруживаются в замещении «идеальной модели карьеры», связанной с использованием и актуализацией профессионального и символического капитала (приверженность к ценностям профессиональной культуры), протопрекариатной моделью, которая характеризуется эрозией профессиональной идентичности, прагматическими оценками и установками профессиональной деятельности, отказом от профессиональной карьеры

«на всю жизнь». Последствиями фиксируемого сдвига являются, во-первых, снижение стандартов профессионализма в построении карьерных стратегий, и во-вторых, ориентированность на быстрый успех по сравнению с отложенным будущим в карьерных ожиданиях при построении классической «достиженческой» карьерной модели.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

Список литературы:

1. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Социетальные аспекты профессиональной идентичности социальноориентированных групп в российском обществе // Общество и экономика, 2017. № 3–4. – С. 176–183.
2. Клименко Л.В., Заяц П.В., Хромушкина И.Ю. Профессиональные позиции военнослужащих южно-российских городов в условиях процессов прекариатизации // Гуманитарий Юга России, 2017. № 5.
3. Россия: трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 286.
4. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Пресс, 2014.

УДК 681.5.622.32 ББК 67

Силин Анатолий Николаевич –
д-р социол. наук, профессор
Тюменский индустриальный университет,
ФНИСЦ РАН г. Тюмень
e-mail: sm-2004@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАХТОВОГО ТРУДА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: вахтовый метод, нефтегазовый комплекс, Арктика.

Сегодня под вахтовым методом организации производства понимается особая форма осуществления трудовой деятельности, когда не может быть обеспечено ежедневное возвращение работников к месту их постоянного проживания. Существуют различные классификации этого метода, но наиболее значимы две. Во-первых, это подразделение на внутрирегиональную и межрегиональную вахту. Последняя технология получила также отдельное название вахтово-экспедиционного метода (ВЭМ) [5].

Во-вторых, обращается внимание на значимые отличия между, так называемыми, «организованной» и «дикой» вахтой. Последний термин означает практику трудоустройства работников, основанную на их инициативе и прямой договоренности с иногородним работодателем без официального закрепления особых условий жизнедеятельности, опирающихся на социальные обязательства компании. В этом случае полученная экономия на затратах работодателя может обернуться серьезными рисками, а «дикие» вахтовики, постепенно превращаясь в маргиналов, становятся в обществе взрывоопасным контингентом. Чаще всего именно эти люди являются причиной высокой текучести кадров, низкого уровня трудовой и производственной дисциплины, нарушения корпоративных регламентов, «экологической распущенности» и конфликтов с представителями аборигенных этносов, связанных с пренебрежением их обычаев и традиций.

Вахтовый труд значимо отличается от традиционного специфическими режимами труда и отдыха (РТО), влиянием на здоровье нагрузок, связанных с регулярным перемещением от мест проживания к месту работы и обратно, особенностями вахтового расселения и социального обслуживания и др. [6].

Несмотря на продолжающиеся долгие годы дискуссии об эффективности и целесообразности использования вахтовых форм организации труда, высказывания о необходимости не осваивать, а обживать Крайний Север России, реалии экономической жизни заставляют практически постоянно расширять масштабы применения вахты [7].

Эти процессы характерны не только для отечественной, но и для мировой хозяйственной практики. Значимость феноменов «удаленное рабочее место», «мультилокальный образ жизни» возрастает и стимулирует необходимость серьезного научного изучения, в котором, к сожалению, российская наука также близка к позиции аутсайдера. Здесь лидируют Австралия, Канада, Финляндия и другие государства вне зависимости от территориального расположения в отношении Арктики [8]. Так, научные конференции по вахтовому освоению нефтегазовых ресурсов Севера организует университет г.Вены [9].

Начиная с 60-х годов 20в. масштабы использования вахтового метода постоянно нарастали, особенно, в Ханты-Мансийском (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецком (ЯНАО) автономных округах (табл.1). Так, сегодня каждый четвертый, занятый в экономике и социальной сфере ЯНАО – вахтовик. В ХМАО доля мобильного персонала несколько ниже и составляет 10-12%. При этом в последние годы в ХМАО сложилась уникальная ситуация. Несмотря на то, что сюда продолжают летать на работу и из старых нефтегазодобывающих районов (Башкирия, Татария) и жители стагнирующей российской глубинки и стран СНГ, для которых это единственный способ выживания, в связи с начавшимся падением добычи нефти и значительным обводнением получаемого из недр продукта (97-99%), сформировавшиеся здесь коллективы нефтяников (ОАО Сургутнефтегаз и др.) стали осваивать вахтовым методом новые нефтегазовые провинции (Восточная Сибирь и др.). Учитывая намеченные объемы работ по индустриальному освоению Ямала и шельфа северных морей объемы межрегионального использования трудовых ресурсов в Российской Арктике и Субарктике в предстоящий период значительно возрастут [10].

Таблица 1

Численность работающих вахтовым методом
 на территории ХМАО-Югра и ЯНАО, тыс. чел.

Отрасль применения труда	ХМАО-Югра			ЯНАО		
	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
ВСЕГО в т.ч.	72,3	119,7	126,4	75,5	92,3	110,2
добыча топливно- энергетических ресурсов	48,9	82,3	86,3	27,6	40,0	43,6
строительство	11,1	11,6	11,9	18,1	22,1	29,1
транспорт и связь	6,2	7,4	7,9	14,1	13,5	14,9
электроэнергетика	1,7	4,0	3,6	3,6	3,2	4,5
социальная инфраструктура	3,2	2,5	3,2	2,2	2,4	2,5

Источники: стат. бюл. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ней местностей – М.: Росстат, 2012; Неполная занятость и движение работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в Тюменской области за 4 квартал 2016г. Стат/бюл/УФС Госстатистики по Тюменской обл. – Тюмень, 2017 – 148 с.

Ясно, что к этому нужно быть готовым и значительно активизировать как междисциплинарное исследование многообразных проблем, связанных с вахтой, так и социологическое обеспечение организации мобильного труда и мультилокального образа жизни. Сегодня этим проблемам уделяется явно недостаточное внимание [1,2].

Между тем, вахтовый метод как социальный феномен напоминает своеобразный айсберг лишь вершиной которого являются периодические перемещения человека от места постоянного проживания к месту работы, а на самом деле содержащего многообразные социальные явления и процессы, связанные с особенностями жизнедеятельности вахтовиков, реализации ими производственных задач, адаптации и социализации в нетрадиционных условиях, включая сюда и освоение новых северных территорий, формирование новых социальных территориальных общностей и др.

Межрегиональная форма вахты была впервые экспериментально опробована в России начиная с 1974 года, когда в составе Главтюменьгеологии была создана Карская нефтегазоразведочная экспедиция, работники которой, проживая в г.Тюмени, регулярно летали на работу в пос. Харасавэй на полуострове Ямал.

Автор, возглавляя в то время социологическую службу Главтюменьгеологии, регулярно опрашивал вахтовиков, членов их семей, экспертов, так или иначе связанных с этой формой организации труда, о различных аспектах мобильной жизнедеятельности. Выявлялись наиболее проблемные элементы вахты, возможности уменьшения ее негативных последствий. Одним из результатов этой работы стало отраслевое положение о вахтовой организации труда.

В ходе наших полевых исследований выяснилось, что, несмотря на недовольство некоторыми элементами вахтового труда большинство работающих в этом режиме (82-88%) в целом удовлетворены им и не собираются возвращаться к традиционному образу жизни. Примерно такое же отношение к вахте было зафиксировано мною позднее в вахтовых коллективах газовиков ООО Газпром добыча Ямбург и у нефтяников в ОАО Варьеганнефть.

Автором изучались социальные аспекты и последствия вахтового труда в нефтегазовом комплексе Тюменского Севера с 1974 года по настоящее время, анализировалась динамика уже выявившихся и еще латентных изменений, оценивались влияющие на нее факторы и возможности регулирования связанных с этим социальных процессов. При этом методический

инструментарий, конечно, корректировался, но в основе сохранялся, что позволило диагностировать как территориальные, так и временные изменения. Социальные последствия вахтового труда неоднозначны и требуют организации социологического сопровождения при его использовании.

Так, исследования, проведенные нами в буровых бригадах ОАО Варьеганнефть, показали, что подавляющее большинство опрошенных вахтовиков (89,2%) при опросе ответило, что обычно начинает вахту с хорошим оптимистическим настроем, отношения в коллективе оценивают достаточно высоко. Основные причины случающихся конфликтов: неудовлетворенность оплатой труда, бытовыми и производственными условиями, необходимость делать чужую работу, личностные качества отдельных работников. Ясно, что разные жизненные ценности и взгляды на жизнь разновозрастных представителей разных регионов, этносов и конфессий, поневоле оказавшихся на длительное время соседями в вахтовом общежитии, могут привести, и реально приводят к конфликтным ситуациям. На северной вахте нередко сталкиваются ценности разных субкультур, привезенных из разных регионов. При этом здесь отсутствует элемент социума, который невозможно создать при любых инвестициях. Речь идет о социально-духовном пространстве, включающем родителей и других родственников, бабушек и дедушек, родных и близких, лежащих на кладбище. Поэтому не только у вахтовиков, но и стационарных работников-северян, выявлены трудности с самоидентификацией [3].

После отдыха дома большинство (63,9%) опрошенных вахтовиков, судя по их оценкам, чувствуют себя хорошо, 34,9% - удовлетворительно и лишь 1,2% – плохо. Поэтому 60,2% респондентов положительно отнеслись к возможности дополнительной работы дома во время отгулов.

Опрошенные руководители также в целом позитивно отнеслись к этой идее, считая, что это личное дело каждого работника. Лишь 10,2% из них высказали негативное отношение к такой практике.

Это лишь некоторые аспекты из многообразных социальных проблем, связанных с необходимостью эффективной организации вахтового труда в нефтегазовом комплексе. Между тем, выявленные здесь социальные процессы весьма сложны и требуют тщательного изучения и разработки адекватных управленческих механизмов и технологий, направленных на повышение социального самочувствия и качества жизни, работающих в трудных условиях людей, сохранения их здоровья и профессионального долголетия [4].

Необходимо разработать и реализовать инновационные социальные технологии, способные нивелировать негативные последствия вахтового труда. В первую очередь, это технологии отбора людей, по своим психофизиологическим параметрам пригодных для условий мобильной жизнедеятельности, их достаточно быстрой адаптации, выбора РТО, схем и технологий транспортной доставки, мотивации эффективного труда,

социального обслуживания в вахтовых поселках и др. Лишь при этом условии станет возможной реализация намеченных программ развития нефтегазового комплекса России.

Список литературы:

1. Андреев О.П., Арабский А.К., Крамар В.С., Силин А.Н. Инновационные технологии менеджмента вахтового метода работы предприятия//Газовая промышленность, 2008. – №9. – С.25–28.
2. Ермаков С.А., Силин А.Н. Управление бизнес процессами нефтегазовой компании в условиях вахтовой организации труда // Нефть, газ и бизнес, 2012. – № 12. – С. 54–58.
3. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумпольярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2016. - № 6 (48). – С. 28–52.
4. Силин А.Н. Социальные проблемы арктического региона. – Тюмень: ТИУ, 2016. – 242 с.
5. Силин А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере // Социологические исследования, 1987. – № 4. – С.76–78.
6. Силин А.Н. Межрегиональное использование человеческих ресурсов на Крайнем Севере: опыт социологического исследования // СОЦИС, 2011. – № 9. – С. 41–47.
7. Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2015. - №4(40). – С.109–123.
8. Buschern Urry J. Mobil Methods and the Empirical // European Journal of Social Theory, 2009, № 12(1), pp 99–106.
9. Silin A.N. Experience of Sociological of shift-based method in the North of Tyumen region //contempolary issues long-distanse commute work in the extractive Industries and other sectors. Symposium 8–10 July 2013 – Wien, University of Vienna, 2013 p 65.
10. Silin A.N. Long distance Commuting in oil and Gas production Industry in the North-western Sibiria: Sociological Analysis of Change // Mediterranean Journal of Social Sciences Vol.6 No 3. S.5, 2015 pp 199–206.

УДК 338.2 ББК 65.263

Скифская Анна Леонидовна –

к социол. наук, доцент,

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень

e-mail: skifskaya@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА СУБФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, экономическое развитие, инвестиционные проекты, инвестиционная политика, финансирование инвестиций.

Тюменская область относится к числу динамично развивающихся территории Российской Федерации и обладает высоким социально-экономическим и научно-техническим потенциалом. В Тюменской области сформирован один из наиболее благоприятных инвестиционных климатов среди регионов России.

Можно отметить то, что сложившаяся российская практика и региональные подходы к инвестиционной деятельности, а так же реализация инвестиционных проектов для целей экономического и социального развития, имеют достоинства и недостатки [1].

Говоря о достоинствах, можно отметить следующие:

- в области сформирована и функционирует уникальная по уровню разработки система механизмов и инструментов государственной поддержки инвесторов и сопровождения инвестиционных проектов (похожая структура функционирует только в г. Москве) [2]. Уникальность ее заключается в том, что направления деятельности охватывают разноуровневые и разномасштабные инвестиционные проекты, от уровня малого предпринимательства до межгосударственных программ и проектов;

- целевая направленность на решение вопросов и задач Тюменского региона, на структурную модернизацию экономики, на приведение ее в соответствие с новыми рыночными требованиями и вызовами, в том числе, и за счет поиск «точек» роста отраслевых и территориальных, регионов, центров, отраслей, которые могут стать определяющими для регионального развития;

- направленность региональных инвестиционных программ на территорию Области и ее муниципальные образования с наиболее острыми

экономическими, социальными и экологическими проблемами и, тем самым, на решение проблем асимметричного развития экономики в Тюменской области;

- формирование нормативной и законодательной базы, которая обеспечивает механизм подготовки и принятия решений в сфере инвестиционной политики и порядок последующей работы с инвестиционными программами;

- масштабность в реализации региональных инвестиционных программ и проектов. Инвестиционная деятельность в Тюменском регионе «вышла» за административные границы области, в ряд проектов вовлечены другие регионы и ряд стран. Крупные инвестиционные проекты осуществляются совместно с такими странами (Китай, Германия, Великобритания) [3].

Представленные достоинства реализуемой инвестиционной политики в регионе не исключают недостатков в работе органов региональной власти, в частности:

- недостаточное и/или несвоевременное осуществление запланированных расходов из вышестоящего и областного бюджетов и, что особенно важно, из внебюджетных источников, так как, в инвестиционных проектах заложены расчеты на то, что именно внебюджетные источники финансирования являются основными в инвестициях. Ограниченное финансирование из федерального бюджета имеет отрицательные последствия, так как в региональных программах именно федеральные средства (даже в небольшой доле) выступают гарантом завершения проекта, привлекая иные источники в регионе;

- недостаточная реализация организационной функции региональных инвестиционных проектов, предполагается, что программы должны стать организаторами «собирания», «зарабатывания» денег, а не формой их выдачи, особенно из федерального бюджета; в Тюменском регионе нередко проявляется «иждивенческий подход» в финансировании крупных инвестиционных проектов;

- нарушение последовательности стадий реализации программ инвестиционных мероприятий; трудности в расчетах объемов региональной поддержки на инвестиционные мероприятия при формированием областного бюджета на следующий финансовый год. Несомненно, есть трудности в подходе к инвестиционной деятельности как к целостной, взаимоувязанной системе целей, инструментов, мероприятий. Поэтому, в связи с изменившейся экономической средой (падением стоимости нефти и сокращение бюджета) необходимы более четкие подходы и пересмотр перечень наиболее значимых инвестиционных проектов для области;

- недостаточно обеспечивается уровень координации всех реализуемых на территории области инвестиционных программ и проектов, так как в некоторых отраслевых программах задания и средства на их осуществление не распределены по муниципальным образованиям, не сформированы

механизмы взаимодействия заказчиков этих программ (государственных и региональных властей) с местными администрациями и производителями (подрядчиками) [4];

- при разработке и реализации инвестиционных программ и проектов неполно используются потенциалы, заключенные в органическом сочетании рыночных механизмов и методов государственного регулирования, частных и бюджетных форм финансирования.

Несмотря на всё вышесказанное, региональные инвестиционные программы и проекты остаются важными в социально-экономическом развитии; реализация программно-целевого подхода открывает возможности для отечественных и иностранных инвесторов к решению важных проблем экономики области.

Так, серьезные трудности для достижения целей регионального развития представляется проблема изыскания источников финансирования инвестиций, так как федеральный бюджет обеспечивает только часть потребностей региона в экономических ресурсах, необходимых для успешной реализации инвестиционных программ.

Естественно, что это становится заметным, в первую очередь, в ресурсозависимом регионе, таком как Тюменская область, при снижении стоимости нефти и газа, снижение темпов экономического роста и регионального валового продукта, актуальным становится формирование бюджета развития и изыскание источников финансовых ресурсов, расширение многоканальной системы финансирования инвестиционной деятельности территорий.

Региональная система финансирования инвестиционной и инновационной деятельности основана на сочетании использования государственных и негосударственных источников. При том то, что в сегодня доля государственных источников в общем сумме инвестиций по регионам России не превышает 15-20%, влияние их на развитие территорий остается определяющим [5]. Ведущая роль государственного бюджетного финансирования инвестиционной деятельности для экономического и социального развития региона определяется рядом факторов:

1) инвестиции можно концентрировано направлять на решения важных для региона задач экономического развития, вкладывать в реализацию наиболее экономичных и высокодоходных проектов;

2) большая доля средств расходуется на строительство и реконструкцию объектов непроеизводственной и социальной сфер, то есть в те отрасли, в которые инвестиции сегодня «вливаются» неохотно;

3) ресурсы становятся стимулом и своего рода катализатором для привлечения инвестиций из других источников российских и зарубежных;

4) они могут явиться реальным источником пополнения доходной части территориальных бюджетов при целенаправленном и эффективном своем использовании;

5) использование этих средств обеспечивает возможность экономического регулирования инвестиционной политики многих предприятий и организаций, а также территорий различного иерархического уровня без прямого административного вмешательства.

Вторая финансовая группа включает внебюджетные источники финансирования инвестиционной деятельности, которые формируются, в основном, за счет финансов юридических и физических лиц. Основой таких инвестиций являются собственные средства предприятий и организаций, доля которых сегодня составляет от 50 до 70% объём финансирования региональных инвестиций [6]. Формирование осуществляется, в первую очередь, за счет амортизационных отчислений, отчислений от прибыли хозяйствующих субъектов и ряда других их доходов от хозяйственных операций.

По мнению ряда аналитиков, лидирующая роль собственных источников финансирования инвестиционной деятельности в регионах будет усиливаться, в первую очередь, за счет роста влияния на инвестиционную деятельность амортизационных отчислений [1].

Третья финансовая группа источников финансирования инвестиционных программ – привлекаемые и заемные средства, они формируются за счет мобилизованного акционерного капитала, заемных операций, проводимых на рынке ценных бумаг, различных вариантов кредитования. В первую очередь, это касается коммерческого инвестиционного кредитования, которое в будущем должно стать одним из важных источников финансирования инвестиционной деятельности.

Увеличение темпов роста привлечение банковских кредитных ресурсов и конструктивных изменений в качестве и количестве привлекаемых средств, необходимо наличие объективных и субъективных предпосылок, среди которых можно выделить:

- накопление достаточной величины собственных и привлекаемых финансовых ресурсов кредитными организациями;
- формирование и адаптация экономических и страховых механизмов, гарантирующих сохранность и возвратность кредитных ресурсов;
- развитие в регионах территориальной инвестиционно-финансовой инфраструктуры, рынка ценных бумаг;
- разработка системы государственного и коммерческого страхования и системы гарантий инвестиционных кредитов;
- использование различных форм лизинговых операций в инвестиционного кредитования;
- экономическое, в том числе налоговое, стимулирование расширения коммерческого кредитования;
- создание в регионах банков инвестиционных проектов, отвечающих международным требованиям;

- формирование функциональных служб, обеспечивающих взаимодействие предприятий и организаций с зарубежными компаниями, государственными структурами, банками, страховыми компаниями для привлечения иностранных инвестиций на взаимовыгодных условиях;

- участие федеральных, региональных и муниципальных органов управления в качестве гарантов по иностранным кредитам, создание гарантийных фондов различного уровня и т.д [7].

В итоге, необходимо сказать, что Тюменский регион имеет серьезные потенциалы для реализации вышеназванных факторов роста в стимулировании инвестиционной деятельности, в привлечении инвестиционных ресурсов по всем трем группам финансирования и формировании бюджета развития области.

Список литературы:

1. Макроэкономические характеристики Тюменской области // Международная конференция «Даунстрим Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oilandgasrefining.ru/> (дата обращения 08.09.2017).

2. Олейникова, И.Н., Лисоченко Т.Ю. Управление инвестиционным развитием и организация сопровождения инвестиционных проектов на муниципальном уровне // Вестник Таганрогского института экономики и управления. – 2015. – № 3. Аллахярова, Э.С. Механизмы государственного регулирования инвестиционной деятельности // IX Международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум» – 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2017/> (дата обращения 08.09.2017).

4. Варламов В.С., Трейвиш А.И Место федеральных целевых программ социально-экономического развития регионов в решении задач региональной политики в России // Russian Chemical Community [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.metal-profi.ru/library/federalnie_tcel.htm

5. Инвестиции в регионах России // Официальный сайт Института комплексных стратегических исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icss.ru/ob-iksi/informacziya-ob-institute> (дата обращения 06.09.2017).

6. Семенов С.С., Роль собственных средств в инвестиционном проекте предприятия // Журнал Научных публикаций и аспирантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2010/ekon57.html> (дата обращения 06.09.2017).

7. Скифская, А.Л. Политические и экономические аспекты организации субфедеральной власти Социально-экономические и правовые основы развития экономики: коллективная монография (под ред. И.В. Тропченко). – Уфа: Аэтерна, 2016. – 257 с. – С. 104 – 126.

Скульмовская Любовь Григорьевна –
профессор кафедры СКД,
культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный институт культуры»,
д. социол. н. профессор

ТУРИЗМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ)

В последнее время все большую значимость приобретает необходимость исследования локальных сообществ. Пространственная форма организации социума выступает важным основанием структурирования общества, социальных процессов и связей. В понятийно-категориальном аппарате социологии в начале 1970-х гг. получила широкое распространение категория социального пространства, которая трактуется как социально освоенная часть природного пространства, выступающего в качестве среды обитания людей, а также как пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности общества с точки зрения расположения социальных групп и слоев, условий их развития.

В общественно-политической и духовной сферах общества социальное пространство раскрывается в виде разнообразных социальных и культурных связей субъекта, является мерой его вовлеченности в процесс социальной стратификации, приобщения к достижениям науки и ценностей культуры. Тем не менее, разделяя точку зрения Э.А. Орловой, необходимо подчеркнуть, что понятие «социальное пространство» остается, скорее, «плодотворной метафорой, чем социально-научной категорией» [1, с. 139]. Проблема с его определением заключается в том, что данное понятие невозможно представить без включения в его интерпретацию культурного измерения, а, во-вторых, необходимы определенные основания для его дифференциации. Пока же в рамках социологии культуры понятие социального пространства теоретически не структурировано, в связи с чем локализация социальных и культурных изменений путей их распространения не поддается четкому теоретическому осмыслению.

В конце 1980-х – 1990-х гг. регионализм стал одной из важных моделей социологического подхода к изучению социальных процессов в российском постсоветском обществе. В рамках западной социологической традиции еще в начале XX века работами М. Вебера и Г. Зиммеля были заложены традиции региональной социологии, а труды Р. Парка, Э. Берджеса, Л. Вирта, Д. Харви существенно расширили ее предмет и проблематику. Теоретические основы отечественной региональной социологии были созданы известными учеными,

такими, как Н.А. Аитов, О.И. Шкаратан, Т.И. Заславская, Ф.С. Файзуллин и др. В этот период в научных исследованиях стало активно применяться понятие «социокультурное пространство».

Э.А. Орлова представляет модель институционального социокультурного пространства, состоящую из теоретически упорядоченных областей социального взаимодействия и коммуникации, зафиксированных в дифференциальных кодах. По ее мнению, форма социального пространства обусловлена устойчиво организованными интеракциями людей, которые приводят к общезначимым результатам [1, с. 252]. При изучении социокультурного пространства Э.А. Орлова выделяет ключевые домены связей человека с окружением: домен социальной организации, домен социально-значимого знания, домен трансляции социокультурного опыта (наиболее устойчивая часть – образование). Все члены общества, в той или иной степени, соприкасаются с каждой из областей институционального пространства как обязательной компонентой жизненного мира современного человека.

К изучению социокультурного пространства региона все чаще стали обращаться местные научные сообщества. Данная проблема имеет междисциплинарный характер, поэтому ее исследование становится особенно актуальным в современных условиях. Суть регионального аспекта социокультурного пространства состоит в соотношении общего и особенного в культурной сфере, поскольку ряд культурных стилей, жизненных форм, культурных моделей имеет региональный характер. По этой причине современные исследователи видят необходимость в выявлении сущности и значения туризма в социальном пространстве и времени, основных векторов его развития [2].

В настоящее время сложилась ситуация отставания социальной теории от туристской практики, поэтому представляется актуальным социологическое обоснование концепта туризма как эффективного инструмента социально-экономического развития региона. Особый интерес к социальному и культурному феномену туризма со стороны западной и российской академической науки привел к интенсивному развитию обширной области междисциплинарного социального и гуманитарного знания - туристики.

Региональное социокультурное пространство как предмет исследовательского поиска привлекает внимание историков, социологов, культурологов, географов, экономистов, маркетологов и т. п. Специалисты в сфере индустрии туризма считают, что, независимо от количества располагаемых природных ресурсов, все территории могут обладать туристской ценностью, которая, в большей степени, детерминирована выбранной туристской специализацией. В рамках единых социально-экономических условий проживания у жителей конкретной территории формируются группообразующие социальные признаки, общие запросы и интересы, на основе которых можно определить социально-территориальные различия

регионов. Именно благодаря этому население конкретной территории превращается в социальную общность, а совокупность устойчивых социальных связей и отношений между людьми, возникающих в процессе совместного проживания на локальной территории, совместного использования ее природно-экономических, социальных условий и ресурсов, порождает особую социально-территориальную общность.

Региональная социология акцентирует внимание на исследовании пространственного аспекта человеческой деятельности и его значения для понимания общественного поведения и общественной формы. Как считает Ю.С. Колесников, она изучает «как бы территориальную проекцию социальных процессов и структурирования общества» [3, с. 42]. В контексте социологической отрасли научного знания актуальность темы состоит в исследовании социальных условий создания, трансляции и воспроизводства идей, представлений и образцов поведения, реализуемых туристами в своих социальных практиках.

Известно, что социальный интерес региона состоит в создании благоприятных условий для социального воспроизводства населения, которые включают активное использование территориальных природных ресурсов и обеспечение устойчивости экосистемы региона. Важным фактором также выступает создание условий для социокультурного развития проживающих на территории региона этносов. Не менее важную роль играют обеспечение занятости, роста доходов и уровня жизни населения; развитие социальной инфраструктуры региона; взаимодействие региона в системе межрегиональных экономических связей. Именно благодаря туризму как эффективному инструменту социально-экономического развития региона можно обеспечить все вышеуказанные условия.

Реализация региональных интересов предполагает наличие субъекта социально-экономических отношений, действующих на уровне региона, и соответствующей региональной политики. Исследования в области региональной социологии, социального программирования и прогнозирования региональных сообществ опираются на проектные социально-экономические разработки, выступающие эмпирическим основанием для социального анализа региональных процессов.

В этом отношении вызывает интерес статья тюменских социологов, в которой представлены результаты изучения социокультурной динамики Тюменской области [4, с. 411]. Методологическую основу исследования составил социокультурный подход, согласно которому регион рассматривается как территориальное сообщество, образующееся в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп и элит, - выполняющих по отношению к региону как локальной территориальной общности и к обществу в целом определенные функции, и которое служит социальной средой, мотивирующей акторов на определенные действия. В эмпирической части

исследования применялся инструментарий «Социокультурный портрет региона», разработанный институтом философии РАН под руководством Н.И. Лапина [5].

Исследование проводилось методом опроса населения по типовой методике, при этом выборка репрезентировала взрослое население старше 18 лет по полу и возрасту трех субъектов России (Тюменская область, ХМАО, ЯНАО). Исследование показало, что духовно-интегрирующая и статусно-дифференцированная социокультурные функции в Тюменском регионе по ряду параметров реализованы не в полной мере, как и социокультурная функция жизнеобеспечения. Опыт мониторингового комплексного исследования по данной методике позволяет рассматривать любой регион как специфическую часть социокультурного пространства России.

Одним из основных компонентов социальных интересов региона выступает развитие внутреннего туризма на его территории. Важнейшим инструментом решения региональных задач развития туристической индустрии является создание эффективной системы государственно-частного партнерства. Многосторонний характер внутреннего туризма, тесно взаимосвязанный со многими сферами общественной жизни, может служить действенным инструментом стимулирования социально-экономического развития региона. Внутренний организованный туризм оказывает влияние на все стороны регионального развития субъектов Российской Федерации, способствуя пополнению местных бюджетов, совершенствованию социальной и рыночной инфраструктуры, укреплению межрегиональных связей, решению проблемы занятости населения путем создания новых рабочих мест.

До последнего времени роль внутреннего туризма в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом оценивалась не в полной мере. Возрастание внимания к проблеме регионального социально-экономического развития привело к росту теоретических исследований в этой области. Анализ публикаций, посвященных внутреннему туризму в России, показывает, что к настоящему времени созданы определенные предпосылки, сформирован круг основных организационно-экономических идей, положений и подходов в рамках теории и социологии туризма.

Обширная терминологическая база внутреннего туризма, разнообразие его типов, форм, функций требует введения единых классификационных признаков, исключающих различное толкование тех или иных туристских явлений. Внутренний туризм занимает особое место в жизни любого общества, он представляет собой функциональную многоотраслевую систему, в которой происходит его взаимодействие с отраслями экономики, связанными с производством туристских продуктов, товаров и услуг и их реализацией. Внутренний туризм – всего лишь один сегмент экономического развития региона, но при определенных предпосылках и условиях он может стать достаточно эффективным направлением региональной экономики.

Для того, чтобы определить роль внутреннего туризма в том или ином регионе, необходимо провести анализ его туристско-рекреационных ресурсов, под которыми понимаются природно-климатические, социально-культурные, исторические, археологические, архитектурные, научно-познавательные, зрелищные, культовые, трудовые и иные объекты и явления, способные удовлетворить потребность человека в процессе и в целях туризма, и созидающие материальную и организационно-экономическую базу для развития туризма.

Давая оценку ресурсного потенциала туристской территории, необходимо, прежде всего, выявить факторы, определяющие степень привлекательности данного региона со стороны потенциальных туристов. Действительно, в регионах с высоким туристским потенциалом доходы от туризма могут стать одним из существенных источников жизнеобеспечения местного населения, сохранения природного и культурного наследия. Причем, экономическое значение имеет, прежде всего, развитие въездного туризма. Это своеобразный экспорт услуг, оказывающий влияние на развитие ряда отраслей местной экономики, поэтому региональное значение туризма состоит в способности приносить большие поступления в региональный бюджет через налоги.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (далее ХМАО – Югра) относится к типу территорий, которые длительный период не рассматривались как туристские регионы, но растущий туристский спрос и заинтересованность властных структур стали способствовать активному развитию в них сферы рекреации и туризма. Как известно, особую роль в формировании представлений о регионе играют географические особенности. В России практика создания бренда территорий не имеет длительной истории, но, тем не менее, можно утверждать, что автономный округ уже сегодня обладает полноценным имиджем и узнаваемым брендом, не уступающим по своему уровню западным аналогам. Так, у Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на гербе присутствует символический орнамент коренных малочисленных народов Севера, элементы которого встречаются на гербах городов региона. Подобная символика позволяет конструировать образ территории как «неведомой страны», «загадочного края», создавать определенные стереотипы и формировать у потребителей туристских услуг своеобразный потребительский спрос.

Первоначально автономный округ воспринимался как суровая незаселённая земля, на которой отсутствовали комфортные условия для жизни, но был высокий уровень заработной платы на нефтепромыслах. На сегодняшний день данные образы утратили свою актуальность. Современные рыночные условия начала XXI в. потребовали значительной работы над формированием «раскрученных» брендов данной территории. Среди новых брендов Югры в последнее время появились такие, как биатлон, вышедший

на мировой уровень, кинофестиваль «Дух Огня», мамонты Югры – символ местной хоккейной команды, и, одновременно, скульптурная группа на территории «Археопарка». Последний маркетинговый ход оказался, на наш взгляд, максимально удачным - гигантские бронзовые фигуры мамонтов и других доисторических животных изображаются на брелоках, футболках, магнитах, они легко узнаваемы и, следовательно, выгодны в коммерческом плане [6, с. 37 – 38].

Тем не менее, среднестатистического туриста можно привлечь в округ только наличием множества дополняющих друг друга брендов. Представляется, что брендовый потенциал Югры используется пока ещё не в полной мере. Некоторые легко узнаваемые образы недостаточно ангажированы в качестве брендов: это, в первую очередь, образ медведя, относимый к древнейшим символам, в котором присутствуют как агрессивные, так и положительные черты. Медведь в глазах западного обывателя является символом «дикой» России, а у обско-угорских народов с глубокой древности медведь означал сакральное животное. Вопрос заключается лишь в том, как усилить положительные и уменьшить негативные черты данного образа.

Миф о Лукоморье также имеет под собой исторические основания. На европейских картах XV в. так именовалось правобережье Оби напротив устья Иртыша. Образ Лукоморья является органическим компонентом русского национального сознания, и его превращение в товарный бренд не вызовет особых затруднений. По мнению М.Ф. Ершова, грамотная «раскрутка» бренда Лукоморья, даже и в форме игры, в большей мере способна содействовать установлению истины в массовом сознании, чем сухие научные доказательства недостоверности данной мифологемы [7, с. 162 - 165].

На территории округа в XVI-XIX вв. побывали многие знаменитые первопроходцы, путешественники, ученые с мировым именем, представители царствующей династии Романовых, участники дворцовых переворотов, известные революционеры. История географических открытий, путешествий, переселений, войн, трагическая история ссылки, история освоения нефтяных и газовых месторождений касаются жизни сотен тысяч людей. К сожалению, наше историческое прошлое пока еще недостаточно изучено и плохо запечатлено. При написании научно-популярных работ, создании специализированных музеев (например, музей ссылки), разработке туристских маршрутов это прошлое способно не только вернуть историческую память, но и быть выгодным в коммерческом отношении. Сравнительно недавно, благодаря Президенту России В.В. Путину, оказалось привлечено внимание к птицам, занесенным в Красную книгу, – стерхам (белым журавлям). Стоит напомнить, что на гербе г. Ханты-Мансийска присутствует стилизованное изображение стерха, а на гербе округа представлена «Кат ухун вой» (мифическая двухголовая птица). Переключка двух гербов – окружного и российского – также могла бы быть «обыграна» при брендинге Югры.

Можно и далее перечислять те образы, использование которых способно усилить имиджевый, брендинговый и коммерческий потенциал Югры. Задачи исследователей должны заключаться в создании, выявлении, систематизации и пропаганде брендов Югры: зоологических, мифических, этнографических исторических, туристических, спортивных, культурно-массовых, элитных. Основой развития регионального брендинга являются краеведческие информационные ресурсы, которые включают огромный потенциал для развития территории и представляют собой научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды. Научная работа на территории округа, исследования краеведов оказываются своеобразным «генетическим кодом» местной культуры Югры и способом сохранения ее идентичности.

Таким образом, продвигая туристскую территорию на рынке, необходимо учитывать, что в настоящее время важнейшей мотивацией при определении места отдыха является желание получить новые впечатления и положительные эмоции, и в этой связи даже название самого тура имеет значение. Например, название «Увидеть Югру - влюбиться в Россию» уже само по себе формирует образ предлагаемого для путешествия региона и активизирует у потребителей соответствующие ассоциативные представления. Законченный образ туристского региона является своеобразным маркетинговым продуктом, который представляет собой стилизованный символичный комплекс, передающий особенности региона через различные коммуникативные каналы.

Эффективная атрибутика в сочетании с продуманной маркетинговой программой региона дает возможность формировать положительный имидж отдельной территории. Фактически имидж выступает в качестве инструмента достижения стратегических целей, затрагивающих основные стороны деятельности территории. Туризм как драйвер культурного развития и инструмент формирования привлекательного имиджа региона меняет его образ не только внутри страны, но и за рубежом. В современных условиях развитие туризма является одним из общемировых социально-экономических приоритетов, однако, хотя он и обладает значительным потенциалом как инструмент экономического развития, но не решает все проблемы региона.

Список литературы:

1. Орлова, Э.А. Социология культуры [Текст] / Э.А. Орлова. – М.: Академический проект, 2012.
2. Лыскова, О.В. Российские туристы: типы идентичности и социальные практики <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/08/15/1265223412/Lysikova.pdf>

3. Прикладная социология [Текст] / под ред. проф. Ю.С. Колесникова. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. – 320 с.
4. Давыденко, В.А. Моделирование социокультурного пространства региона (на примере Тюменской области) [Текст] / В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина, И.Ф. Печеркина [Текст] // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый Хронограф, 2015. С. 411 – 441.
5. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева / Под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; Рос. Акад. Наук, Институт философии. М.: ИФРАН, 2010.
6. Ершов, М.Ф. Об имиджевой стратегии региона: от образа пространства к бренду Югры / М.Ф. Ершов, Л.Г. Скульмовская [Текст] // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2014. С. 36 – 40.
7. Ершов, М.Ф. Социокультурная эволюция образов о очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно исторические аспекты: монография [Текст] / М.Ф. Ершов. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир» г. Ханты-Мансийска, 2013. – 276 с.

УДК 369

Соловьев Аркадий Константинович –

доктор экономических наук, профессор
заслуженный экономист РФ

начальник Департамента актуарных

расчетов и стратегического планирования

г. Москва, sol26@100.pfr.ru

БЕДНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: прожиточный минимум пенсионера, относительная бедность, абсолютная бедность, уровень жизни.

Глобальный экономический кризис и последовавший за ним кризис российской бюджетно-финансовой системы закономерно привели к росту абсолютной бедности: в 2016 г. число людей с доходами ниже ПМ в Российской Федерации вернулось к уровню 2008 года, практически достигли 20 млн. чел. (более 13% от численности населения).

Одновременно с процессом обнищания населения все более острой становится проблем продолжающегося роста поляризация населения по уровню доходов, начавшаяся вследствие перехода к рыночной экономике.

Наглядным примером усиления расслоения является то, что 20% самых бедных располагают 5,3% денежных доходов, тогда как 20% самых богатых владеют почти половиной денежных доходов, т.е. разрыв составляет 9 раз (в 2000 г. – разрыв составлял 7,9 раз, в 1992 г. – 3,3 раза). По децильным группам богатых и бедных соотношение среднего уровня доходов (коэффициент фондов) вырос с 8 в 1992 г. до 14,0 - в 2002г., а в 2016 году составило 16 раз.

Уровень пенсионного обеспечения рыночной экономике России, даже после начала страховой пенсионной реформы, остается неприемлемо низким. Так в начале пенсионной реформы 2002 г. средний размер трудовой пенсии по старости лишь незначительно превышал величину прожиточного минимума пенсионера (ПМП) в РФ: их соотношение составляло 115,3%, а по инвалидности и по случаю потери кормильца равнялось 84% и 57% соответственно.

Только в 2010 году, после дополнительных (нестраховых) опций к страховым механизмам функционирования пенсионной системы (опережающего увеличения размера базовой части трудовой пенсии и реализации мер по валоризации советских пенсионных прав, приобретенных до пенсионной реформы, впервые в постсоветский период средние размеры

всех основных видов трудовой пенсии (по старости, инвалидности, потере кормильца) превысили черту абсолютной бедности, установленную в целом для Российской Федерации.

Максимальные значения соотношения средних размеров трудовых пенсий с ПМП были достигнуты в 2012 г. (по старости – 191%, по инвалидности – 118%, по случаю потери кормильца – 116%), но удержать достигнутый уровень не удалось, в чем в значительной мере виноват начавшийся экономический кризис. К 2016г. значение соотношения снизилось: у получателей пенсий по старости – до 161,1%, по инвалидности – до 100,0% и по случаю потери кормильца – до 99,4%.

С 2010 г. благодаря введению федеральной и региональной социальных доплат решена проблема абсолютной бедности для каждого пенсионера в отдельности. В 2010 г. и в 2016 г. в стране насчитывалось свыше 5 млн. абсолютно бедных пенсионеров. У этих людей общая сумма материального обеспечения, а, следовательно, и размер пенсии, были ниже ПМП в регионе проживания. Выплата им ФСД или РСД увеличивает их индивидуальный доход до уровня абсолютной бедности, но не выводит из нее.

В 2016 году 10,2% получателей страховой пенсии по старости (в 2013 г. – 5%) являлись абсолютно бедными, т.е. имели страховую пенсию, размер которой был ниже или равен ПМП в регионе проживания. Удельный вес абсолютно бедных (по уровню пенсий) составлял среди пенсионеров по инвалидности – 51,4%, по случаю потери кормильца – 47,6%.

Большая часть бедных пенсионеров по старости (83%) и по случаю потери кормильца (86%) и около 20% пенсионеров по инвалидности являлись получателями федеральных или региональных социальных доплат, у остальных общая сумма материального обеспечения за счет иных выплат (в том числе ЕДВ) превышала региональный ПМП.

Пенсию в размере 2,0 и более региональных ПМП получали не более 22,6% пенсионеров по старости и всего лишь 2,1% – по инвалидности и 2,4% – по случаю потери кормильца.

Оценка относительной бедности пенсионеров, исходя из соотношения средней пенсии со средней заработной платой, дает следующие результаты. Доход от пенсии у среднестатистического пенсионера по старости в 2015 г. был в 2,6 раза ниже, чем доход от номинально начисленной зарплаты у среднестатистического наемного работника, а у пенсионеров по инвалидности и по случаю потери кормильца – соответственно в 4,3 и 4,1 раза.

После 2010 г., когда в результате принятых мер по повышению уровня пенсионного обеспечения солидарный коэффициент замещения для всех видов трудовой пенсии достиг максимальных значений, тенденция его постепенного снижения возобновилась. Но к концу 2016 г. в связи с опережающим темпом роста средних размеров страховых пенсий относительно средней заработной платы (111,0% и 104,8% соответственно) вновь наблюдался рост значений

солидарного брутто- / нетто-коэффициентов по всем видам пенсий, которые составили:

-пенсии по старости – 37,8% и 43,4% (новые назначения – 30,2% и 34,7%) соответственно;

-пенсии по инвалидности – 23,4% и 26,9% (новые назначения – 23,4% и 26,9%);

-пенсии по случаю потери кормильца – 24,4% и 26,8% (новые назначения – 22,8% и 20,4%).

По итогам 2016 года большинство субъектов Российской Федерации (в 2010 году – 65 субъектов) имели солидарный коэффициент замещения среднего размера пенсии по старости выше 40%, в 13 регионах варьировался от 30,01% до 40%, в 4 – не достигал и 30%.

Однако для пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца солидарный коэффициент замещения превышал 40% только в 3 регионах, при том, что его значение ниже 30% имели 59 субъектов Федерации по пенсии по инвалидности и 48 – по потере кормильца.

Главной причиной бедности пенсионеров является продолжающееся обеднение работающего населения, для которого также характерно ускоряющееся в условиях финансового кризиса и роста безработицы расслоение по доходам.

Проблема дифференциации по доходам стоит в отношении наемных работников. Хотя разрыв в средней зарплате между 10% высокооплачиваемых и 10% самых бедных работников в целом по стране снизился с 30,5 раза в 2002 г. до 14,5 раза в 2015 году, но для трети видов экономической деятельности по-прежнему сохраняется запредельно высокая дифференциация. Наивысший ее уровень в рыболовстве, рыбководстве – 48 раз.

Низкая заработная плата является главным препятствием для формирования достойного уровня будущей пенсии. 29% работающих из-за низкого уровня зарплаты, ни при каком стаже не смогут заработать себе пенсию даже в размере ПМП, еще 39% работников, выработав предельно возможный стаж, сформируют пенсию в размере от 1 до 2 ПМП. Только 16% наиболее высокооплачиваемых работников могут рассчитывать на пенсию в размере 3 ПМП, даже если будут работать не весь трудоспособный возраст.

Низкие размеры страховой пенсии вынуждают большинство пенсионеров продолжать трудовую деятельность после назначения пенсии. В различные периоды трудовой деятельностью занимались треть получателей страховых пенсий: работающими оставались 8,7 млн. чел. (в т. ч. 8,1 млн. человек – пенсионеры по старости) при общей численности получателей страховой пенсии 39,1 млн. человек.

Для получателей досрочных пенсий, не достигших общеустановленного пенсионного возраста, уровень занятости существенно выше – 41,7% (из 2,76 млн. человек, получавших страховую пенсию по старости и не

достигших 55/60 лет, работающими являлись 1,15 млн. человек, т.е. почти каждый второй).

Как показывают обследования основными финансовыми причинами трудовой занятости пенсионеров (помимо социальных, таких как интерес к работе) являются низкий размер пенсии, вынуждающий человека искать дополнительные средства для существования, и необходимость сохранения достигнутого уровня материального обеспечения. Эти причины могут влиять на трудовое поведение пенсионеров, как по отдельности, так и комплексно.

Оценить их влияние позволяют статистические данные о размерах зарплаты и пенсий работающих пенсионеров. По данным СПУ ПФР, 81% работавших пенсионеров по старости получали пенсию в размере до 16 тыс. руб. в расчете на 2016 г. (среди работавших получателей досрочных пенсий в возрасте до 55 лет таких 85,2%), в том числе 54,8% (67,4%) – до 13 тыс. рублей.

Минимальный удельный вес пенсионеров по старости с высоким, 2 и более ПМП в регионе, уровнем пенсий был в г. Москве – 5,09% и Приморском крае – 6,5%, максимальный – в Мурманской области – 86,7% и в Ненецком а.о. – 91,8%. По введенной ранее градации уровня ПМП все названные регионы относились к группе дорогих для проживания пенсионеров регионов (причем Ненецкий а. о., является самым дорогим).

В федеральных округах удельный вес «обеспеченных» пенсионеров по старости (с пенсией 2,0 и более региональных ПМП) варьировался от 17,9% в Дальневосточном ФО до 41,4% - в Северо-Западном ФО. По состоянию на ту же отчетную дату средний размер страховой пенсии по инвалидности в целом по стране составил 7959 руб. или 62% среднего размера страховой пенсии по старости. Медианный размер пенсии по инвалидности – 7449 рубля – равнялся 93,6% среднего значения. Отношение среднего размера страховой пенсии по инвалидности к средней зарплате составило 23,5% (т.е. средняя пенсия по инвалидности ниже средней зарплаты в 4,2раза). Медианный размер пенсии по инвалидности равнялся 30% медианной зарплаты (22% средней зарплаты).

Список литературы:

1. Аналитический доклад «Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы РФ с учетом влияния мирового финансового кризиса». МЗСР – 2012.
2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция). Утверждены 14 мая 2015 года Правительством Российской Федерации.
3. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1;

под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2013. – 430 с.

4. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации», утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р.

5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 30.06.2014, № 26 (часть I), ст. 3378.

6. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса. Вопросы экономики, № 3, 2012.

7. А.К. Соловьев Коэффициент замещения: проблемы теории и практики//М. – ООО «Вариант», 2014. – 304 с.

8. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность (учебное пособие)// М.: «Проспект», 2015. – 300 с.

9. Н. Акиндинова, Я. Кузьминов, Е. Ясин. Экономика России: перед долгим переходом//Вопросы экономики, 2016, № 6. С.5–35.

10. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики//Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30.

Тумакова Симона Юрьевна –

аспирант

Уфимский государственный нефтяной
технический университет, г. Уфа

e-mail: tumakova.simona@gmail.com

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПЕНСИОНЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСТТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: социальная адаптация, выход на пенсию, идентификация, пожилые люди, посттрудовая адаптация

Тенденция старения населения актуализирует проявление научного интереса к проблемам жизнедеятельности лиц пожилого возраста, чья доля в общей численности населения постоянно увеличивается. Всё большее число людей в ближайшем будущем будет вынуждено столкнуться с проблемами, связанными с прекращением оплачиваемой профессиональной деятельности, выходом на пенсию и адаптацией к изменившимся условиям существования. Существенные изменения уход с работы влечёт для материального положения, бюджета времени, социального статуса индивида и отношения к нему со стороны ближнего и дальнего окружения. Выход на пенсию ставит перед индивидом проблему определения собственной идентичности.

Активность индивида, в прежние годы реализующаяся в трудовой сфере, с момента прекращения профессиональной деятельности зачастую перенаправляется в сферу семейных взаимоотношений. Происходят перемены и в идентичности человека, то есть в том, как он оценивает, воспринимает сам себя и кем его считают окружающие. Под идентичностью наиболее часто понимают «совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу» [5, с. 46]; под социальной идентификацией – «отождествление себя по общим проблемам, жизненным интересам и социальным симпатиям с определённой социальной группой» [3, с. 106]. Значение социальной и личностной идентичности определяется тем, что она является регулятором социального поведения, детерминантой социальных интеракций. От степени идентификации, сходства индивида с группой зависит успешность выполнения им своей роли. А корректное выполнение ролевых обязательств, соответствие ролевым ожиданиям окружающих – один из критериев благополучной адаптации (в том числе посттрудовой), вот почему велико значение идентификации в адаптационном процессе. Успешность адаптации прямо связана с полнотой, точностью усвоения социальных стереотипов новой группы (в данном случае социально-

демографической группы пенсионеров) субъектом адаптации [4, с. 187]. Идентификация индивида с группой обуславливает начало процесса усвоения групповых стереотипов пожилым индивидом.

Процесс адаптации можно рассматривать и как смену одного статуса на другой, и как смену социальной группы, к которой принадлежит индивид. Главный, ключевой статус индивида – тот, с которым он идентифицирует себя сам и с которым его опознают окружающие. Основным, главным статусом для индивида в современном обществе наиболее часто выступает профессиональный, поэтому профессиональная идентичность человека – одно из важнейших свойств его личности.

Социальная идентичность является результатом идентификации индивида с возрастом, социальным статусом, полом, профессией, группой; она изменяется по мере принятия и смены им различных социальных ролей, в то числе в процессе посттрудоустройственной адаптации. Понятие идентичности фиксирует единство внутриличностных и социально-культурных процессов [5, с. 47]. Определённый вклад в социальную идентичность вносят особенности экономической деятельности индивида. Особенностью современной российской социально-статусной системы является прочная взаимосвязь престижа определённого статуса с экономическим положением его носителя, поэтому социальный статус пенсионера в современном российском обществе относительно невелик. Ниже только статус безработного, вследствие чего выход на пенсию рассматривается как проявление нисходящей мобильности. Очень редко выход на пенсию может служить показателем восходящей мобильности – именно в том случае, когда он происходит как переход из статуса безработного в статус пенсионера, т.е. «человека, находящегося на заслуженном отдыхе». В таком случае при выходе на пенсию индивид испытывает чувство радости и облегчения. Но данная ситуация скорее исключение, чем правило. Обычно же выход на пенсию видится как снижение социального статуса и престижа, ухудшение материального положения и отношения к человеку пенсионного возраста со стороны окружающих. Всё это вызывает необходимость адаптации, важную роль в которой играет социальная идентификация индивида, то есть его соотношение себя с определённой социальной группой. Н.В. Варакина отмечает трёхэтапность процесса перехода из одного социального положения в другое: вначале происходит сегрегация (отделение человека от прежней социальной среды), следом за ней идет транзиция (промежуточное, маргинальное, бесстатусное состояние), и, наконец, заключительный этап – инкорпорация (включение индивида в новую социальную группу) [2, с. 214]. Таким образом, индивид, начав идентифицировать себя с определённой профессиональной группой, проходит через кризис идентичности и, принимая на себя статус пенсионера, в процессе посттрудоустройственной адаптации начинает идентифицировать себя со своим новым положением в обществе и обретает новую для него референтную группу людей пенсионного возраста. Для

индивида важно подтверждение своей идентичности со стороны окружающих, именно поэтому человек – «животное социальное» (Аристотель), и «сущностью человека являются ни его кровь, ни его борода, а его социальные качества» (К. Маркс, Ф. Энгельс). Чувство групповой идентичности выступает детерминантой социальных интеракций. Советский психолог В.В. Болтенко заметила некоторые особенности идентичности человека в посттрудоустрой период [1]: на первом этапе изменения деятельности лиц пожилого возраста сохраняются связи с ведущим видом деятельности индивида в допенсионный период его жизни – пожилой человек продолжает интересоваться вопросами, связанными со своей профессией, изучает новшества в данной области, читает и пишет статьи, может эпизодически участвовать в выполнении прежней работы, общаться с коллегами на профессиональные темы и т. п. Следовательно, сохраняется его профессиональная самоидентификация. На втором этапе профессиональные интересы исчезают из общего круга получаемой пенсионером информации, пожилой человек уже не идентифицирует себя как профессионала. Круг тем для общения сужается до семейных, бытовых проблем, достижений и неудач детей и внуков, обсуждения событий, информация о которых получена преимущественно из средств массовой коммуникации. Прежняя профессия уже трудноразличима в группах людей, находящихся на данной стадии психического развития. Преобладающей идентификацией является связанная с выполнением семейных ролей. Третий этап характеризует беспокойство о собственном здоровье, интерес к самолечению. Главная задача четвертого этапа – сохранение самой жизни, общение лишь с врачами, близкими родственниками, соцработниками, осуществляющими уход за престарелым человеком, ближайшими соседями, иногда телефонная связь с друзьями и знакомыми. На пятом этапе удовлетворяются биологические потребности, эмоциональное общение практически отсутствует. Но присутствие всех этих периодов в жизненном пути человека не является обязательным, несколько последних этапов могут «выпадать» и индивид продолжает оставаться полноценным членом общества, интересующимся всем происходящим.

Перенесение активности в новые сферы в связи с выходом на пенсию будет способствовать развитию новой идентичности у пожилого индивида. Таким образом, может усилиться значение его самоидентификации как члена семьи (родителя, бабушки / дедушки и т.д.), участника кружка самодеятельности (певица, баянист и т.п.). Если основой идентичности пожилого индивида всю жизнь являлась работа, и он никогда не рассматривал себя в качестве члена семьи (при её отсутствии) либо как специалиста в какой-либо области искусства и т.п. (например, в качестве художника), вероятно, ему будет непросто адаптироваться к новым условиям жизни на пенсии и к увеличившемуся объёму свободного времени.

В связи с необходимостью освоения новых социальных ролей (пенсионера, бабушки, дедушки) по причине выхода на пенсию индивид попадает в ситуацию, именуемую кризисом идентичности. Определение собственной идентичности, безусловно важно для процесса адаптации. Адаптация как специфический социальный процесс – это перевод системы (личности, группы, общности, организации и т.д.) из одного состояния в другое. Адаптант проходит несколько стадий, пока не достигнет состояния адаптированности. В этой точке он будет идентифицировать себя уже не с работником, а с пенсионером. Изменение собственной идентичности, представлений о себе как работнике на отождествление себя с пенсионером, по нашему мнению, может служить критерием успешного завершения посттрудовой адаптации.

Список литературы:

1. Болтенко, В.В. Изменение личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах: дисс. ... канд. психол. н.: 19.00.04 / Болтенко Валентина Валентиновна. М., 1980. 135 с.
2. Вараксина, Н.В. Социальная адаптация людей пожилого возраста в стареющем обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. с. 212 – 219.
3. Волков, Ю.Г. Социология / Под общ. ред. В.И. Добренькова. Изд. 4-е. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 571 с.
4. Краснова О.В., Марцинковская Т.Д. Особенности социально-психологической адаптации в позднем возрасте // Психология старости и старения: Хрестоматия / Сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. М.: Издательский центр «Академия», 2003. с. 183 – 198.
5. Симонова, О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. с. 45 – 61.

УДК: 314.02, ББК: 65.9(2Рос...)

Тухтарова Евгения Хасановна –
ведущий экономист,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: tyevgeniya@yandex.ru

Бедрина Елена Борисовна –
к.э.н., доцент
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: bedrina1967@mail.ru

ИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния макроэкономической среды на самочувствие трудоспособного населения России. Как показали результаты анализа, наиболее важным и чувствительным к воздействию самочувствия населения оказался макроэкономический индикатор – инвестиции.

Ключевые слова: инвестиции, трудоспособное население, экономически активный возраст, российские регионы, макроэкономическая среда.

Начиная с 90-х гг. XX века демографическая ситуация в России вызывает серьезные опасения: резко ухудшились показатели здоровья населения, выросла смертность, сократилась средняя продолжительность жизни, заметно сократилось трудоспособное население, особенно мужчины в трудоспособном возрасте. Кроме того, демографические волны, с определённой периодичностью привлекающие внимание к демографическим проблемам. В связи с чем, среди научного сообщества не утихают споры о том, каким образом и с помощью каких инструментов можно улучшить демографическую ситуацию в России. Между тем в научной литературе влияние социоэкономических факторов на демографические показатели изучено не достаточно полно. В связи с чем, мы попытались сосредоточиться на данном направлении исследования.

Как пишет Г.Н. Карелова на ухудшение демографических показателей в конце прошлого столетия не в последнюю очередь, оказала влияние неблагоприятная макроэкономическая среда [1]. В частности, вследствие ухудшения экономической ситуации в России возросли показатели

травматической смертности. В.В. Юмагузин и М.В. Винник, в своем исследовании пришли к выводу, что высокая смертность от внешних причин обусловлена как поведенческими, так и средовыми, и экономическими факторами риска [2]. Исследователь С.А. Сукнева, оценивая потери жизненного потенциала населения Республики Саха (Якутия), выявила, что от внешних (экзогенных, включая болезни органов дыхания) причин смертности в республике умирает почти 28 % населения [3]. А отсутствие мест занятости и недостаточная социальная поддержка ведут к оттоку населения из северных регионов России. Возросшая внутренняя миграция населения ведет к сокращению на карте количества небольших населенных пунктов и формированию крупных агломераций, стягивающих население из городов спутников и пригородов. В связи с вышесказанным, мы решили остановиться на социоэкономическом подходе при анализе демографической ситуации.

Для анализа демографической ситуации нами были выбраны такие важные индикаторы как вероятность дожития в трудоспособном возрасте и средняя продолжительность жизни (СПЖ). Анализ данных индикаторов позволил провести классификацию российских регионов, выделив регионы с наихудшими и наилучшими условиями для проживания (см. рис. 1).

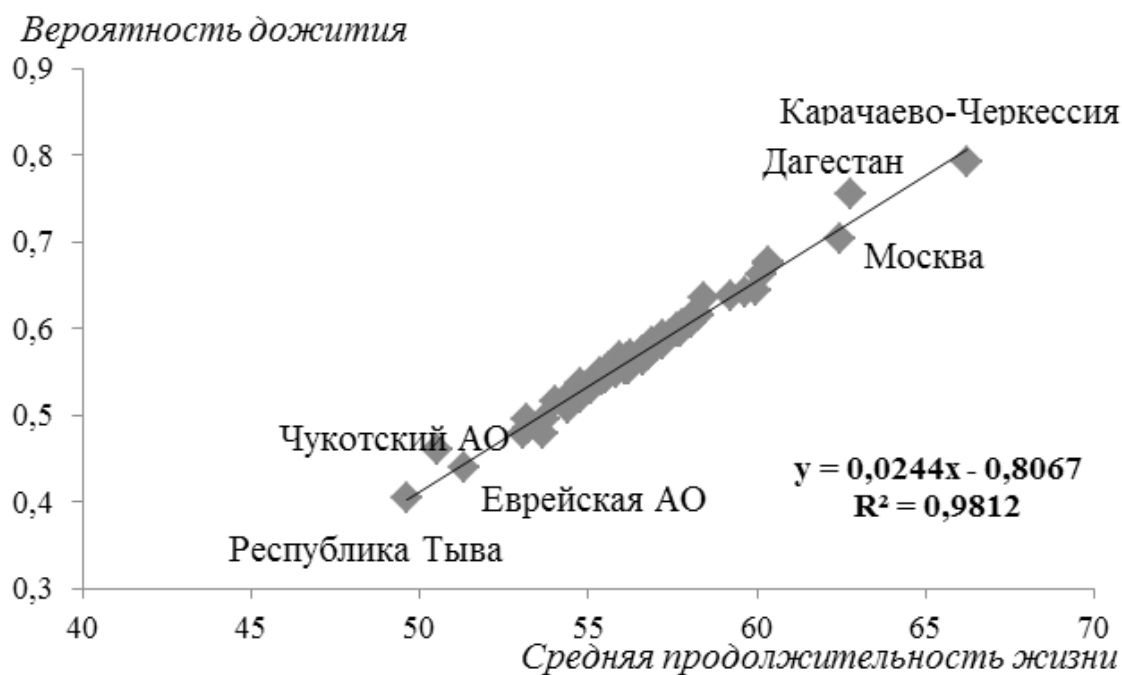

Рисунок 1. Вероятность дожития в трудоспособном возрасте и средняя продолжительность жизни в российских регионах

В частности, к российским регионам с наихудшими данными демографическими индикаторами относятся: Республика Тыва, Чукотский АО и Еврейская АО (см. табл.1). Данную группу регионов мы условно назвали «неблагоприятной зоной проживания». Вероятность дожития в трудоспособном возрасте в данных регионах не превышает 41÷46%, при этом средняя

продолжительность жизни в среднем по регионам не превышает 51 год. При этом разница в вероятности дожития между мужчинами и женщинами значительна и составляет для Республики Тыва составляет 2,2, Чукотского автономного округа – 1,5, Еврейского автономной области – 2,2.

Таблица 1

Неблагоприятная зона для проживания

Наименование региона	вероятность дожития, %				средняя продолжительность жизни (лет)			
	в среднем по региону	мужчины	женщины	разница	в среднем по региону	мужчины	женщины	разница
Республика Тыва	41	28,3	62,7	2,22	49,6	44,5	59,6	1,34
Чукотский автономный округ	46	38,6	57,6	1,49	50,52	46,7	55,4	1,19
Еврейская автономная область	43,9	27,9	61,2	2,21	51,3	45,7	57,5	1,26

К российским регионам с наилучшими демографическими показателями относятся: Карачаево-Черкессия, Дагестан и г. Москва. Данную группу регионов мы условно назвали «благоприятной зоной проживания». Остальные регионы России оказались между двумя этими зонами (см. табл. 2). Разница в вероятности дожития у мужчин и женщин в «благоприятной зоне для проживания» намного ниже, чем в «неблагоприятной зоне для проживания». Тюменская и Свердловская области по данным показателям относятся к группе регионов России со средними демографическими показателями.

Таблица 2

Благоприятная зона для проживания

Наименование региона	вероятность дожития, %				средняя продолжительность жизни (лет)			
	в среднем по региону	мужчины	женщины	разница	в среднем по региону	мужчины	женщины	разница
Карачаево-Черкессия	67,5	67,5	79,6	1,18	60,34	55,9	64,5	1,16

Республика Дагестан	75,4	66,5	83,4	1,26	62,3	59,7	65,8	1,10
г. Москва	70,2	59,2	80,2	1,35	62,5	58,7	66,0	1,12
Средние значения по России	56,7	41,4	72,0	1,74	56,4	50,9	61,9	1,22
Тюменская область с округами	59,2	44,6	73,8	1,65	57,4	52,1	62,7	1,20
Свердловская область	54,7	38,1	71,1	1,86	55,5	49,4	61,4	1,24

Вероятность дожития в трудоспособном возрасте до 72 лет в России находится в интервале от 0,45 до 0,68. Иначе говоря, в среднем по России в зависимости от региона из 100 человек до 72 лет доживут 45–68 человек.

Нами были выявлены основные макроэкономические факторы, оказывающие влияние на показатель вероятность дожития населения в регионах России. В частности, наиболее сильное положительное влияние на данный показатель оказывают: ВВП на душу населения, инвестиции, а также количество больничных коек в регионах России; отрицательное – уровень инфляции и бедность.

В данном исследовании мы решили выделить и проанализировать фактор инвестиций, который представляет для нас определенный интерес. Дело в том, что инвестиции не только положительным образом влияют на доходы того или иного региона, но и нивелируют негативные социальные явления в обществе, например, расслоение в обществе, а значит, благоприятно воздействуют и на психологическую атмосферу в обществе.

Как показало наше исследование, в случае неизменности экономической ситуации, в России неизбежно дальнейшее расслоение населения (уравнение 1), тогда как проведение эффективной инвестиционной политики в российских регионах будет противостоять данному процессу и позволит существенным образом снизить социальную напряженность в обществе (уравнение 2).

Это подтверждается полученными коэффициентами эластичности. Так, в первом случае увеличения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума на 10 %, ухудшится показатель вероятность дожития на 0,8 % (уравнение 1). Тогда как при проведении эффективной инвестиционной политики вероятность дожития улучшается на фоне снижения бедности в два раза по сравнению с ситуацией отсутствия инвестиций (уравнение 1 и уравнение 2).

$$p\_lab = -0,37 * const - 0,08 * poor \quad (1)$$

P – Value (0.01)   (0.01)

DW = 2.15   R2 = 42

$$p\_lab = -0,55 * const - 0,04 * poor + 0,02 * inv \quad (2)$$

const

где p_lab – вероятность дожития до 72 лет, $poor$ – численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, inv – инвестиции

Таким образом, можно отметить, что инвестиции являются мощнейшим регулятором демографических процессов в стране. Инвестиции способны не только улучшать внутриэкономическое пространство в стране/регионе или области, но и снизить диспропорции в обществе, создавая предпосылки для качественного скачка вперед.

Список литературы:

1. Karelova, G N (1999). The art of writing a scientific article. Journal of Integration (Japan), 60, 29.
2. Юмагузин В.В., Винник М.В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения» Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/> (дата обращения: 30.06.2017)
3. Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона /С.А. Сукнева – Новосибирск: Наука, 2010. — 168 с.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке Программы 15-4-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения»

УДК 338.2 ББК 65.304.13

Чеботарев Николай Федорович –
канд. пед. наук, доцент ФГБОУ
ВПО «Российский государственный
университет Нефти и газа имени
И.М. Губкина» г. Москва,
e-mail: chebot_@mail.ru

СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, клиентский капитал, интеллектуальный потенциал.

Структурирование категории человеческого капитала позволяет системно определить изменения, происходящие в трудовом ресурсе индивида, предприятия, города, региона, национальной экономике. К такой трансформации человеческого капитала относятся:

- рост доли человеческого капитала в составе совокупного капитала (национального богатства);
- творчество;
- интеллектуализация;
- разносторонность, владение целым набором знаний и умений в разнообразных технологиях;
- рост инвестиций в образование;
- постоянное образование;
- перераспределение доходов с ростом продуктивности труда в пользу работников и др.

Капитал выражает отношения собственности по поводу конкретной совокупности материально-вещественных, информационных, денежных, трудовых факторов, необходимых для формирования, использования и развития данной экономической системы. Объединение перечисленных элементов в систему преобразует природу каждого из них: они становятся органической частью капитала [2].

Совокупность факторов производства определяется многими условиями, среди которых: характер производства, его начальный уровень, территориальное расположение, характер транспортных связей и др.

Это может быть экономическая система, связанная с нефтегазодобычей, машиностроением, конкретным производством, в зависимости от транспортных магистралей, и т. п. Все это потребует разного количества, сочетания факторов производства.

Средствами производства на современном этапе развития экономики становятся интеллектуальные способности личности. А процесс творчества перерастает в креативную инновационную деятельность, нацеленную на расширенное воспроизводство интеллектуального капитала.

Таким образом, эволюция интеллектуальных способностей в ходе экономического развития привела к формированию и определяющей роли интеллектуального капитала.

Интеллектуальный капитал – это экономические отношения по поводу воспроизводства и отчуждения результатов интеллектуальной (креативной) деятельности между носителями интеллектуальных способностей, принимающих форму интеллектуальной собственности, и ее потенциальными потребителями.

Изменившийся статус работника интеллектуального труда является причиной трансформации современных отношений собственности. В эру интеллектуального капитала главным фактором выступает качественно новая личная (интеллектуальная) собственность, которая служит более мощным побудительным мотивом деятельности. В современном обществе тенденция отделения капитала от работника сменяется на их взаимодействие [1, 2, 4].

Составными частями интеллектуального капитала являются: человеческие активы, интеллектуальная собственность, инфраструктурные и рыночные активы. Под человеческими активами подразумевается совокупность коллективных знаний сотрудников предприятия, их творческих способностей, умения разрешать проблемы, лидерских качеств, предпринимательских и управленческих навыков.

Интеллектуальный капитал – это информация и знания, эти специфические по своей природе и формам участия в производственном процессе факторы, в рамках фирм принимают облик интеллектуального капитала.

На современном этапе экономического развития в большинстве лидирующих стран мира интеллектуальная собственность рассматривается как одна из главных составляющих инновационного человеческого капитала и национального богатства страны.

По мере продвижения экономики к более наукоемкой модели развития, интеллектуальная собственность становится одним из основных активов предприятия

Интеллектуальный капитал, развиваясь на основе предшествующих форм капитала, вбирает в себя их основные свойства и одновременно имеет собственное содержание, определяемое спецификой его функций:

- наличие и прогрессивное развитие интеллектуальной собственности; становление креативного типа мышления работников, предпринимателей научных деятелей, управляющего персонала, формирующего и реализующего

основные модели воспроизводства каждой конкретной экономической системы и их совокупности;

- преимущественное формирование в данной системе капитала интеллектуального центра, охватывающего постепенно всю совокупность факторов производства, распределения, обмена и потребления [3,4].

Современными формами материализации интеллектуального капитала стали материальные факторы производства, труда – патенты, лицензии, ноу-хау, модели, программы и т.п., находящие растущее применение во всех сферах жизнедеятельности общества и его субъектов.

Интеллектуальный капитал постепенно обретает собственную оригинальную форму движения, системообразующим элементом которого является наука. Интеллектуальный капитал имеет свои особенности движения и распространяет свое влияние на все составляющие корпоративной структуры.

Интеллектуальный капитал связан с качественными свойствами работника. Для развития интеллектуального капитала недостаточно одного творческого потенциала. Базой его формирования являются следующие характеристики работника:

- природные качества (здоровье, психофизиологическая устойчивость и др.);

- соответствующее воспитание, давшее индивиду возможность и желание упорно и дисциплинированно трудиться, систематически работая над своим развитием;

- профессиональная подготовка, квалификационный уровень, сочетающийся с неуклонной работой над его повышением, поиск новых решений производственных задач;

- инновационная активность;

- постоянное повышение культурного уровня и др.

В целом это формирует определенный творческий креативный менталитет, который является неотъемлемой движущей частью интеллектуального капитала.

Из вышеизложенного следует, что сущность понятия «интеллектуальный капитал» строится не только на применении и использовании интеллектуального потенциала, но обязательно на устойчивом прибавочном продукте владельца интеллектуального потенциала (rente), будь то человек, будь то компания или государство.

Другими словами, интеллектуальный капитал представляет собой отношения между предпринимателем и наемным работником, а также среди наемных работников по поводу рационального использования конкретной совокупности факторов производства.

Интеллектуальный потенциал работника – совокупность тех умственных функций, которые превращают восприятие в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания в целях создания

определенных товаров, услуг, обладающих полезностью и редкостью, а также создания их стоимости и дохода на основе обособленного, персонифицированного экономического интереса.

Клиентский капитал – это система надежных, долгосрочных доверительных и взаимовыгодных отношений предприятия со своими клиентами, покупателями. По сути, это комплексный сложный нематериальный актив. Сюда относятся брэнд, клиентура, фирменное наименование, каналы сбыта, лицензионные договоры и др.

Социальный капитал – это социальная организация общества, сформированная в результате специфических инвестиций, способствующая эффективному применению всех других видов капитала, вносящая вклад в экономический рост и включающая в систему экономических отношений социокультурные факторы.

Социальный капитал облегчает производственную деятельность. Например, группа, внутри которой существуют полная надежность и абсолютное доверие, способна работать эффективней по сравнению с группой, не обладающей такими качествами. Если физический капитал полностью осязаем, т.к. он воплощен в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов.

Возрастает роль морально-психологической стороны социального взаимодействия, этики социальных отношений, образующей ядро социального капитала. Как следствие этого, на первый план выдвигаются такие реалии жизни организации, как доверие, порядочность, лояльность и другие, еще менее осязаемые феномены. Их роль станет ключевой по мере смены:

- традиционно устойчивых во времени и пространстве взаимосвязей связями временными;
- жестко фиксированных вертикальных иерархических структур преимущественно горизонтальными сетями, создаваемыми для выполнения конкретных задач и проектов.

Средствами производства на современном этапе развития экономики становятся интеллектуальные способности личности. Процесс творчества перерастает в креативную деятельность, нацеленную на расширенное воспроизводство интеллектуального капитала и человеческого капитала в целом.

Сила человеческого капитала в единстве его различных форм, непрекращающемся развитии, эффективном воспроизводстве.

Список литературы:

Леонтьев Б.Б. Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в российском бизнесе.

УДК 316.3 ББК 60.55

Чернышев Александр Анатольевич –
кандидат исторических наук, доцент
Тюменский государственный
университет, г. Тюмень
e-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru

Комзолов Валерий Владимирович –
Государственное и муниципальное
управление (магистратура)
e-mail: valera-komzolov1990@mail.ru

МАЛОЕ ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ФОРМАТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: Общество, цифровая экономика, предпринимательство, инновации.

Мировое сообщество вступает в эпоху постиндустриальной цифровой экономики, которая существенно меняет ситуацию в различных сферах жизнедеятельности общества и стабилизации экономического развития в целом. Конфигурация глобальных рынков претерпевает значительные изменения под действием цифровизации. Многие традиционные индустрии теряют свою значимость в структуре мировой экономики на фоне быстрого роста новых секторов, генерирующих кардинально новые потребности.

Определяющее значение в происходящей трансформации приобретают исследования и разработки, что требует создания системы управления исследованиями и разработками в области цифровой экономики, обеспечивающей координацию усилий заинтересованных сторон – представителей федеральных органов исполнительной власти, компаний, высших учебных заведений и научных организаций.

Для малого инновационного предпринимательства открываются большие возможности в предпринимательской деятельности. В отличие от традиционного предпринимательства инновационное формирует новую инновационно-ориентированную форму отношений в обществе. Необходимо отметить, что становление малого инновационного предпринимательства позволяет ускорить инновационный процесс благодаря использованию его потенциала, формируя при этом конкурентно ориентированные условия как в бизнесе, так и в обществе.

Цифровая экономика может стать именно той платформой роста, на базе которой рождается очередная волна роста потребительской экономики. Ведущую роль в этом отводится малому инновационному

предпринимательству, который как субъект пространственного развития обладает следующим потенциалом. Во-первых, это социально-экономический потенциал, формируется в процессе реструктуризации общества и создания среднего класса. Во-вторых, потенциал регионального развития, вклад малого предпринимательства в реструктуризацию региональной экономики и выравнивание уровня социально-экономического развития территорий. В-третьих, инновационный потенциал, готовность к самостоятельному продуцированию и технологическому нововведению.

С использованием цифровых технологий изменяется не только повседневная жизнь человека, общества и структура экономики, но и сама предпринимательская среда. Как отметил Владимир Путин: «Стартапы являются носителями прорывных инноваций и способны стать партнёрами российского бизнеса. .... Нужно создать у себя подразделения, которые будут предметно работать со стартапами и малыми инновационными компаниями, а также венчурные фонды, чтобы финансировать такие проекты. .... У крупного бизнеса должен быть правовой механизм покупки и вхождения в капитал малых инновационных компаний.» [1]

Правительством РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой перечислены основные задачи по цифровизации государства, которые будут достигнуты в 2024 г. Цель программы — организовать системное развитие и внедрение цифровых технологий во всех областях жизни: и в экономике, и в предпринимательстве как социальной деятельности, и в госуправлении, и в социальной сфере, и в городском хозяйстве.

В программу заложены конкретные показатели, по которым можно будет судить об ее успешности. К 2024 г. в РФ должны работать не менее 10 компаний-лидеров (операторов экосистем), успешных на глобальном рынке.

Для основных областей экономики будут созданы также не менее 10 цифровых платформ. Помимо гигантов рынка, разработкой профильных технологий и оказанием цифровых услуг будут заниматься от 500 малых и средних предприятий. Государство ставит задачу реализовать не менее 30 проектов в области цифровой экономики, объем каждого из которых превысит отметку в 100 млн руб. [5]

Таким образом, должно происходить формирование новой регуляторной среды, которая обеспечивала бы благоприятный социально-экономический режим для возникновения и развития малых инновационных предприятий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики). В качестве приоритетных направлений можно выделить такие сферы как:

- промышленность (интернет вещей);
- сельское хозяйство (точное земледелие);
- ритейл (отслеживание качества изделий и их происхождения);
- транспорт (беспилотники и услуги на его основе);

- электроэнергетику («умные дома»).

Цифровой подход дает возможность по-новому описать традиционные формы. В научную среду вводится такое понятие как «цифрой актив», который подразумевает во-первых, систематизированный цифровой контент, доступный акторами и во-вторых, комплекс цифровых продуктов и инфраструктур.

Свойственные цифровой экономике технологические изменения могут создавать новые рыночные правила для ведения бизнеса производителей и покупателей. Инновационное предпринимательство должно искать новые конкурентные стратегии и увеличивать результативность конкурентной борьбы, не только чтобы выживать но и при этом развиваться в новых условиях, повышая собственную компетентность в сфере цифровых информационных технологий.

Развитие цифровой экономики коснется и сферы занятости населения, на рынке труда появятся новые профессии:

- персональный бренд-менеджер;
- виртуальный адвокат;
- модератор платформы общения с представителями государственных органов;
- инфостилист;
- цифровой лингвист;
- тайм-брокер;
- дизайнер интерфейсов.[2. С. 49]

Таким образом, цифровая представляет собой новую модель социально-экономического развития, самоорганизации общества, основным процессом в которой становится выработка информации и знаний.

Список литературы:

1. Владимир Путин Внедрить цифровые технологии во все сферы жизни // Российская газета // Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovye-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html> (дата обращения 31.08.2017).
2. Куприяновский В.П., Дунаев О.Н., Федорова Н.О. Интеллектуальная мобильность в цифровой экономике // International Journal of Open Information Technologies. 2017Т. 5, № 2. С. 46–62.
4. Ярцев Д. И. и др. Экономика стандартизации в цифровую эпоху и информационно-коммуникационные технологии на примере Британского института стандартов //International Journal of Open Information Technologies. – 2016. Т. 4. №. 6. С. 1–9.
5. Программа Цифровая экономика Российской Федерации Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 Г. № 1632-Р // Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/14091/ce-sistema-upravleniya-pdf.pdf> (дата обращения 30.08.2017).

УДК 316.4 ББК 60.54

Юдашкин Андрей Валентинович –
м.н.с. Западно-Сибирского филиала
Федерального социологического
центра РАН, аспирант, Тюменский
государственный университет, г. Тюмень
E-mail: ajeler@rambler.ru

ЭТНИЧЕСКОЕ МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-00093).

Ключевые слова: миграция, адаптация, этническое малое предпринимательство.

По данным ООН Россия находится на третьем месте в мире по количеству приезжающих мигрантов, после США и Германии [13]. Большое количество прибывающих в Россию мигрантов – тенденция, длящаяся уже не одно десятилетие; эта проблема стала одним из вызовов для страны, она требует обстоятельного научного анализа. Данный феномен способен привести к появлению социальных, экономических и политических проблем, таких как: соперничество мигрантов с коренным населением на рынке труда; рост преступности и коррупции; открытое поведение в рамках иной, не принятой местными жителями культуры; рост возмущения в обществе [10].

Государства (в том числе Российское государство) стремятся к урегулированию миграционных процессов, чтобы приток мигрантов был бы подконтрольным, целевым и имел положительный эффект для общества. С этой точки зрения деятельность мигрантов по созданию и развитию легального малого бизнеса полезна как с экономической, так и с социальной точки зрения, при условии, что она ведется не в форме вытеснения бизнеса местного населения, а в форме симбиоза и взаимодополнения.

Движение народов давно исследуется (Зомбарт В. [4], Rarton В. [15], Horowitz D. [14] и др.), также как и этническое предпринимательство (Лайша А.В. [5] указывает на таких исследователей этнического предпринимательства, как Г. Олдрич, Р. Уолдингер, Р. Уорд, Т. Шварц, П. Веллеман, И. Лайт). Хрусталеv И.М. отмечает, что «для западной социологической мысли тематика этнического предпринимательства и формирования этнических анклавов традиционна и довольно хорошо разработана. В российской же научно-исследовательской практике

экономическая сторона жизни иммигрантов («этническая экономика»), напротив, молода, но количество публикаций неизменно возрастает. В широком смысле под термином «этническое предпринимательство» понимается форма социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иную среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и, пытаясь выжить, открывают собственное дело» [11].

Находясь в стрессовой инородной среде, ощущая барьер между собой и местным населением, мигранты большую часть социального общения, взаимодействия стремятся осуществлять в среде своих соплеменников, тем самым создать субъективно безопасное и эмоционально привлекательное для себя пристанище, основанное на знакомых традициях и языке, совместном желании выжить и заработать, а, следовательно, на взаимопомощи. Деятельные мигранты, включающиеся в предпринимательство, преимущественно - в малое предпринимательство, получают возможность привлечь дешевый капитал и рабочую силу, а те, кто приехали работать по найму, – легче найти рабочее место. Немаловажным фактором этнического предпринимательства становится органично возникающий в процессе его функционирования феномен сетевого доверия в его этническом выражении: Барсукова С.Ю. считает этническое предпринимательство с его сложными цепями неформальных кредитов и услуг классическим проявлением сетевого доверия [2, с. 89]. Таким образом в пределах принимающей территории формируется совокупность субъектов малого предпринимательства, одним из важных признаков которых является этническая близость его участников и капиталов – этническое малое предпринимательство (далее – ЭМП).

Специализация этнических предпринимателей покрывает, по мнению С.В. Рязанцева [9, с. 78-79], пять рыночных ниш: поставка, производство и реализация этнических потребительских товаров для внутренних нужд общин этнических мигрантов; поставка этнических товаров для коренного населения - предложение «экзотики» на местном рынке; удовлетворение местных потребностей в разного рода услугах, необходимых потребителю в условиях переселения на постоянное место жительства; заполнение слабозащищенных и неустойчивых рынков, а также занятость в непрестижных сферах экономики, оставляемых коренными жителями; пятую нишу занимают нелегальные мигранты этнических меньшинств во многих регионах, это деятельность в сфере криминальной экономики с целью удовлетворения узких корпоративных интересов определенных групп, в основном теневых структур.

В связи со спецификой каждого конкретного сектора экономики, а также особенностей каждой диаспоры, отдельная этническая группа мигрантов обычно проникает и осваивает лишь некоторые наиболее близкие им рынки, профессии, те, в которых у них есть преимущества перед местными жителями и другими диаспоральными группами [12]. По мнению В.В. Радаева [8], в первую очередь к таким секторам относятся те, что обеспечивают

производство и торговлю продукцией и услугами, имеющими спрос внутри самой диаспоры. К ним можно отнести производство специфических продуктов питания, национальных предметов культуры, одежду, а также специальную литературу. Эти же экзотические товары продаются и вне диаспоры для местного населения. Мигранты занимаются обслуживанием бытовых потребностей местного населения: ремонт обуви, часов и прочих изделий, создание дубликатов ключей, клининговый бизнес. Значительное количество мигрантов можно встретить в малооплачиваемых по меркам местного населения секторах бизнеса - по очистке улиц или вывозу мусора, ремонтно-строительном бизнесе, в сезонных сельскохозяйственных работах и пр.

При этом в России давно произошла этническая специализация мелкого бизнеса, те или иные этнические группы «поделили» определенные сегменты экономики. К примеру, азербайджанская диаспора, пользуясь климатическими преимуществами своей родины, плотно закрепилась в оптовой и розничной торговле овощами и фруктами. Армяне заняли нишу ремонта и продажи обуви, а также овощей и фруктов. Таджики – строительство и ремонт индивидуальных жилых помещений. Китайская диаспора, используя ресурсы китайской промышленности и торговли, укрепились на оптовых вещевых рынках, на рынках электроники. Популярность азиатской культуры в России возростала одновременно с развитием сетей национальных точек питания, клиник традиционной китайской медицины, иглоукалывания, массажа и косметологии.

Специализация диаспоры в какой-либо отрасли экономики связана не только с потребностью в нахождении внутри знакомой и как-бы более «безопасной» среды, но и с традициями, привычками и национальным опытом представителей диаспоры [1]. Обладая специфическими качествами, знаниями и навыками, они с относительной легкостью добиваются успехов в знакомом им деле. То есть для большинства этнических диаспор характерна своя сфера экономической деятельности, которая сформировалась в связи с национальной спецификой, традиционной склонностью к тому или иному роду деятельности, а также и под влиянием социально-экономической ситуации в месте пребывания. Последнее важно подчеркнуть, поскольку легальная экономическая активность мигрантов в каких-то сферах региональной экономики в краткосрочной перспективе может привести (и порой приводит) к локальным конфликтам, связанным с усилением конкуренции на определенных рынках, в долгосрочной же перспективе – диверсифицирует и укрепит экономику страны.

С формально-логической точки зрения ЭМП – суть рациональная деятельность, имеющая определенную систему целеполагания и целереализации [3]. ЭМП может быть понято как предпринимательская деятельность, осуществляемая членами определенной этнической диаспоры в форме малого предпринимательства (критерии отнесения хозяйствующих

субъектов к субъектам малого предпринимательства установлены федеральным законодательством [6]):

- с целями а) производства и предоставления товаров и услуг членам данной этнической диаспоры, или б) производства и предоставления местному населению товаров и услуг (в том числе этнически маркированных), или в) создания (предоставления) рабочих мест представителям данной этнической диаспоры,

- с использованием г) товаропотоков между принимающей страной/регионом и страной/регионом исхода, д) кадровых возможностей данной этнической диаспоры, е) финансовых возможностей членов данной этнической диаспоры, ж) финансовых возможностей страны/региона исхода.

- с участием з) других представителей диаспоры в качестве наемных работников, или и) местных жителей, в качестве наемных работников.

В каждом конкретном случае набор и переплетение вышеназванных целей ЭМП и средств его осуществления может быть разным для разных регионов и разных этнических диаспор, поскольку детерминируется социальными и экономическими (рыночными) условиями принимающей страны/региона и страны/региона миграционного исхода, исторически сложившейся предрасположенностью различных национальностей к различным видам предпринимательской деятельности, уровнем самоорганизации этнических диаспор, их стратегиями интеграции. Особенности различных типов ЭМП, характерных для тех или иных диаспор в различных российских регионах, факторы, влияющие на их возникновение, становление и развитие, могут составить предмет специального социолого-экономического исследования.

Подытоживая сказанное, сформулируем некоторые оценки и выводы относительно особенностей ЭМП. Во-первых, этническое предпринимательство изучается социологами уже достаточно давно, как форма социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иноэтническую среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и, пытаясь выжить, получить доход, открывают собственное дело; это трактуется как результат сочетания предрасположенности отдельных этнических меньшинств к разнообразным видам деятельности и успешной адаптации мигрантов к условиям проживания в иной социокультурной среде (Рязанцев С.В., [9]).

Во-вторых, возникновение и развитие ЭМП можно связать и с тем, что ввиду отсутствия доверия, гражданства, а в ряде случаев ввиду плохого знания государственного языка, мигрантам в принимающей стране затруднен или вовсе закрыт путь в некоторые сферы трудовой занятости. Малый выбор возможных путей получения дохода побуждает представителей мигрантских диаспор к самонайму либо к устройству на работу в организации, владельцами которых являются выходцы из той же диаспоральной группы. Этническая принадлежность является для мигранта основным социальным ресурсом,

обеспечивает решение важных проблем – безопасность, трудовая занятость, улучшение бытовых условий и т.п.

В-третьих, последствия миграции затрагивают все сферы человеческой жизни: от состояния окружающей среды, до социально-экономического климата территорий. Миграционные потоки привели к росту этнического предпринимательства, которое постепенно заполняет целые ниши российской экономики, оказывает влияние на социально-экономический уклад жизни россиян. Одной из потенциально опасных особенностей развития ЭМП является его конкуренция с предпринимательством местного населения. Зачастую мигранты оказываются расторопнее, успешнее. Те из них, кто решается на открытие своего дела, как правило обладают выраженными предпринимательскими качествами: знаниями, смелостью, умением оценить риск и высокой мотивацией. Они способны за короткие сроки создавать эффективно действующие предприятия, активно эксплуатируют при этом внутренние ресурсы диаспор, недоступные коренному населению: финансовые потоки, рабочую силу, сетевое доверие, опирающееся на правила, права и обязанности внутри диаспоры.

Таким образом, этническое малое предпринимательство есть деятельность, обладающая и огромным положительным потенциалом, и определенными рисками для территории. Поэтому государственные органы должны находить механизмы влияния на ЭМП задавать вектор его развития, соответствующий интересам населения.

Список литературы:

1. Авксентьев В.А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынки труда России и Кавказского региона. М. – Ставрополь, 1998. С. 90.
2. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: структура и функциональная специфика сегментов. Дисс. ... докт. социол. наук. / М.: ГУ ВШЭ, 2004, с. 89. – 334 с.
3. Дмитриев А.В., Роговая А.В. Нормативно-правовой статус диаспоры и землячества (экспертное мнение). //В кн.: Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения. Сборник статей / колл. авт.; под ред. чл.-корр. РАН, проф. А.В.Дмитриева. – Москва, РУСАЙНС, 2016, с. 104–112. – 226 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного человека. М., 1924. С. 166–173.
5. Лайша А.В. Этническое предпринимательство в современной России: социально-философские аспекты. Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. Краснодар, 2013, с. 5.
6. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ [Электронный ресурс].

КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/
(дата обращения 08.09.2017).

7. Радаев В.В. Экономическая социология. Текст учеб. пособие для вузов / В.В.Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.

8. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис, 1993, №5, с. 79–87.

9. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов. Ж. Общественные науки и современность, 2000, № 5, с. 73–86.

10. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования. //Ж. Социологические исследования, 1996, № 12, с. 33–42.

11. Хрусталеv И.М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы [Электронный ресурс]. Вестник МГИМО-университета, 2011, № 2, с. 188-192 // <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2011-16-2.pdf> (дата обращения 20.08.2017).

12. Юдашкин В.А., Юдашкин А.В. Об особенностях некоторых диаспорных/земляческих групп в Ямало-Ненецком автономном округе. /В сб.: Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. статей / под ред. А.В. Дмитриева. – М.: Новый Хронограф, 2016, с 132–133. – 240 с.

13. Global migration flows [Электронный ресурс] <https://www.iom.int/world-migration> (дата обращения 08.09.2017).

14. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. University of California Press. 1985. P. 108.

15. Rarton B. Mauritius: the Problems of a Plural Society. London, 1965. P. 19, 20.

*Подготовлено в соответствии с планом
редакционно-издательской деятельности
Тюменской областной Думы на 2017 год,
утвержденным распоряжением председателя областной Думы
от 21.04.2016 № 55-рп*

Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты

Компьютерная верстка
и техническое редактирование: Елисеева Т.П.

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 02.10.2017.
Тираж. 250 экз.

Электронная версия
Тюменская областная Дума,
625018, г. Тюмень, ул. Республики, 52
тел. 46-32-82

